

Терри
БРУКС

*Эльфийские камни
Шаннары*

ВЪ
ВРУС

Дльшнйскне
Камнн
Штанарн

Терри
БРУКС

Терри
БРУКС

*Эльфийские
камни Шаннары*

•

Песнь Шаннары

ЭКМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

Терри
БРУКС

*Эльфийские
камни
Шаннары*

ЭКМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 89

Terry Brooks

THE ELFSTONES OF SHANNARA

Copyright © 1982 by Terry Brooks

THE WISHSONG OF SHANNARA

Copyright © 1985 by Terry Brooks

This translation published by arrangement with Ballantine Books,
an imprint of Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Брукс Т.

Б 89 Эльфийские камни Шаннары / Терри Брукс ; [пер. с англ. Т. Покидаевой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 960 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-44772-5

Давным-давно обрушилась на мир Четырех земель великая война между Добром и Злом, и эльфы одержали в этой войне победу. Тогда-то и появился Запрет — черная стена, за которую были заключены демоны. Для охраны Запрета древние маги создали волшебное дерево Элькрис, несущее в себе энергию самой земли. Легенда гласит: пока дерево живет, силы Тьмы не вырвутся на свободу, и все уверены, что так будет продолжаться вечно. Но проходят века, и чудесное дерево умирает... Вилу, внуку Ши Омсфорда, прославившего свой род тем, что он добыл меч Шаннары и избавил землю от повелителя колдунов, выпадает честь возродить волшебное дерево и избавить мир от нового нашествия демонов. Обо всем этом и повествуют «Эльфийские камни Шаннары».

В «Песни Шаннары», заключительной части знаменитой трилогии, уже дети Вила Омсфорда разыскивают Идальча, книгу черной магии, вступая при этом в смертельную схватку с хранителями древнего артефакта.

Трилогия Терри Брукса — одно из лучших произведений в жанре эпической фэнтези, начало которому положил великий Дж. Р. Р. Толкин.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-44772-5

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Морские горы

ВЕРХНИЙ АНАР

река Рабо

ТЕМНЫЙ
ПРЕДЕЛ

СТАРАЯ
ПУСТОШЬ

Старлок

Угрюмое озеро

Колодец небес

Нефритовый перевал

Грохочущий поток

Мельморд

Каменный очаг

Грань
мрака

Грачинный предел

Волшебная гора

Вороний слез

ВОСТОЧНЫЕ
ЗЕМЛИ

Острые
скалины

Дан-Фи-Аран

перевал Петли

Капааль

Ильдевалон

Кулдейвен

Серебристая река

КЛИН

НИЖНИЙ АНАР

Эльфийские камни
Шаннары

Глава 1

Ночное небо начало светлеть на востоке, когда избранники вошли в Сады Жизни. Жители Арборлона, главного города эльфов, еще спали в своих постелях, но для избранников день уже начался. Теплый летний ветерок развеивал их белые плащи. Избранники прошли мимо суровых и неприступных Черных стражей, которые застыли у кованых железных ворот, украшенных пластинами слоновой кости; на арке ворот были начертаны серебряные руны. Люди в белых плащах шли быстро, и только их приглушенные голоса да скрип сандалий по гравию нарушали утреннюю тишину.

Избранники были хранителями Элькрис — волшебного дерева, что стояло в самом центре Садов, дерева, которое, как говорили легенды, защищало эльфов от изначального зла, едва не погубившего мир много веков назад, зла, изгнанного за пределы земли незадолго перед появлением рода людей. С того самого времени избранники служили Элькрис. Эта традиция передавалась из поколения в поколение — традиция служения, к которой эльфы относились как к высокой чести и почетному долгу.

Но в процессии, что шла этим утром через Сады Жизни, благоговейный трепет перед обрядом почти не чувствовался. Прошло уже двести тридцать дней годового служения этих шести юношей, и первоначальная торжественность и восторженность уступили место добросовестному исполнению обязанности: приветствовать дерево при первых лучах восходящего солнца.

Только рыжеволосый Лорен, младший из них, хранил молчание. Он шел последним, не принимая участия в беседе, и на его хмуром лице отражалось напряженное раздумье. Он был так погружен в себя, что даже не заметил, как разговоры впереди внезапно оборвались, и очнулся, лишь когда кто-то тронул его за плечо. Лорен поднял озабоченное лицо и увидел Джейса.

— Что случилось, Лорен? Ты не заболел? — Джейс был на несколько месяцев старше остальных, и поэтому все признавали его главным.

Лорен покачал головой, но выражение озабоченности осталось на его лице.

— Я здоров.

— Но тебя что-то беспокоит. Ты все утро какой-то задумчивый. Точнее, ты такой с вечера. — Джейс посмотрел эльфу в глаза: — Ты можешь уйти. Никто не требует от тебя исполнения службы, если ты нездоров.

Лорен поколебался, затем со вздохом кивнул.

— Ну ладно. Это из-за Элькрис. Вчера, уже на закате, когда мы уходили, я видел какие-то пятна на листьях. Они как будто завяли.

— Завяли? Ничего подобного никогда не случалось с Элькрис, по крайней мере так нам всегда говорили, — с сомнением произнес Джейс.

— Я мог ошибиться, — согласился Лорен. — Уже темнело. Тогда я подумал, что, может быть, это тени. Но теперь мне кажется, что листья все-таки сохнут.

Среди избранников пронесся смущенный ропот, затем один из них сказал:

— Это все из-за Амбель. Я с самого начала говорил, обязательно что-нибудь случится, если женщина станет избранником.

— Были и другие избранники-женщины, и ничего плохого не происходило, — возразил Лорен. Ему всегда нравилась Амбель. С ней было так приятно и легко говорить, хотя она и была внучкой короля Эвентина Элесседила.

— Последний раз — пятьсот лет назад, Лорен.

— Ладно, хватит, — вмешался Джейс. — Мы же решили не говорить об Амбель. Все знают почему. — Он помолчал, обду-

мывая слова Лорена, затем продолжал: — Очень печально, если что-нибудь случится с Элькрис. Но в конце концов, ничто не вечно на земле.

У Лорена перехватило дыхание.

— Но, Джейс, ведь если дерево ослабеет, Запрет потеряет силу и демоны вырвутся...

— Ты что, и вправду веришь в эти сказки, Лорен? — засмеялся Джейс.

Лорен во все глаза уставился на старшего.

— Как ты можешь быть избранником и не верить?

— Когда меня избирали, меня не спрашивали, верю я или нет. А что, тебя спросили?

Лорен отрицательно покачал головой. Кандидатов в избранники не спрашивали ни о чем. Их, молодых эльфов, достигших совершеннолетия, просто приводили к дереву. На рассвете нового года они проходили под его ветвями, останавливаясь на секунду. Те, кого дерево касалось ветвями, становились избранниками на этот год. Лорен, как сейчас, помнил переполнившее его чувство гордости и восторга, когда тонкая ветвь Элькрис склонилась к нему, коснулась его плеча и он услышал, как дерево назвало его имя.

И еще он помнил всеобщее изумление, когда было названо имя Амбель.

— Это только сказка для пугливых детишек, — продолжал Джейс. — По-настоящему Элькрис служит всего лишь напоминанием, что мы, эльфы, как и она, пережили все, что было в истории Четырех земель. Элькрис — символ нашей силы, Лорен, и ничего больше.

Он отвернулся, давая знак остальным следовать за ним. Лорен снова задумался. Пренебрежение старшего к древней легенде расстроило и смутило его. Правда, Джейс был горожанином, а Лорен давно заметил, что жители Арборлона не слишком серьезно относятся к старинным преданиям в отличие от жителей маленькой северной деревушки, из которой он родом. Но предание об Элькрис и о Запрете не просто легенда — это поистине величайшее событие в истории эльфов, основа всей их жизни.

Это случилось очень давно, еще до рождения нового мира. Была великая война Света и Тьмы, добра и зла, война, в ко-

торой эльфы одержали трудную победу. И пока дерево стоит, демоны не смогут появиться снова.

Пока дерево стоит...

Лорен в сомнении покачал головой. Может быть, вянущие листья были просто игрой его воображения? Или игрой света и тени? А если нет, они должны найти лекарственное снадобье. Всегда есть что-то, что может помочь.

Мгновение спустя эльфы подошли к дереву. Лорен нерешительно поднял глаза и с облегчением вздохнул. С облегчением, потому что Элькрис не изменилась. Ее серебристо-белый ствол устремился в еще темное предрассветное небо, тонкие длинные ветви скрывались под шапкой пятиконечных кроваво-алых листьев. По корням дерева, как изумрудные потоки, стекающие с гор, разбегались полосы зеленого мха. Ни единой трешинки на стволе, ни одна ветка не повреждена.

«Как она прекрасна», — подумал Лорен и снова внимательно осмотрел дерево.

Ни единого намека на болезнь, которой он так боялся.

Все направились за инструментами, необходимыми для ухода за волшебным деревом. Лорен двинулся было следом, но Джейс удержал его:

— Хочешь, сегодня ты будешь приветствовать ее?

Лорен, заикаясь от изумления, поблагодарил. Видимо, желая как-то ободрить его, Джейс доверял младшему избраннику самую почетную и важную часть служения.

Лорен встал под распростертыми ветвями. Все остальные расположились чуть поодаль, готовые начать церемонию утреннего приветствия. Юный избранник положил руки на гладкий ствол и поднял голову, глядя в небо, в ожидании первого солнечного луча.

Но вдруг он резко отпрянул. Прямо над головой он заметил листья, потемневшие от пятен. Сердце Лорена упало. Явные следы увядания бросались в глаза, и игра света и тени была здесь ни при чем.

Он в ужасе бросился к Джейсу, делая знаки остальным подойти поближе. Обычай запрещал им разговаривать во время церемонии, но Джейс и без того не смог бы произнести ни слова от изумления, увидев, как сильно повреждено дерево. Вдвоем с Лореном они медленно обошли Элькрис, находя по-

всюду такие же пятна: некоторые еле заметные, другие настолько темные, что скрыли даже кроваво-красный цвет листьев.

Хотя Джейс и притворялся, что не верит легендам о дереве, он был потрясен и, когда отправился посоветоваться с товарищами, на лице его отразился страх. Лорен тоже хотел было присоединиться к ним, но Джейс решительно замотал головой, взглядом указывая на дерево, верхних ветвей которого уже почти коснулся свет нового дня.

Лорен вернулся к дереву. Что бы ни случилось, избранник должен приветствовать Элькрис при первых лучах солнца. За все время существования их ордена этот обычай ни разу не был нарушен.

Он медленно возложил руки на серебристый ствол. Слова старинного приветствия уже готовы были слететь с его губ, как вдруг тонкая ветвь волшебного дерева склонилась и коснулась его плеча.

— ЛОРЕН...

Юноша вздрогнул, услышав свое имя. Но все молчали. Звук рождался внутри его самого, чуть более яркий, чем обычная мысль.

Это Элькрис!

Он затаил дыхание и осторожно повернул голову к ветви. Смятение охватило его. Всего один раз она говорила с ним, в день избрания. Тогда она только назвала его имя; тогда она всех назвала по имени и больше с ними не говорила. Никогда. Только с Амбель, но Амбель уже не была в числе избранников.

Лорен быстро взглянул на своих товарищей. Они удивленно смотрели на него, недоумевая, отчего он медлит. Затем ветвь на его плече вздрогнула, скользнула ниже и как бы обняла его за плечи. Лорен произвольно вздрогнул от ее прикосновения.

— ЛОРЕН, ПОЗОВИ ВСЕХ КО МНЕ.

Слова-образы возникли и почти мгновенно пропали. Он нерешительно повернулся к избранникам. Они приблизились, вопросительно глядя на дерево. Ветви Элькрис склонились и обвили каждого, голос ее зазвучал в них тихим шепотом:

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ. ЗАПОМИНАЙТЕ МОИ СЛОВА. НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ...

Избранники похолодели. Сады Жизни внезапно погрузились в такую глубокую тишину, как будто все вокруг вымерло.

В сознании избранников, стремительно сменяя друг друга, пронеслись образы. Едва различимые, они были полны ужаса. Если бы это было возможно, избранники непременно бежали бы, но дерево крепко держало их; образы продолжали наплывать друг на друга, а ужас — нарастать.

Наконец Элькрис умолкла, отпустила их, ветви взметнулись вверх, к солнечному свету и теплу.

Лорен стоял в оцепенении, слезы текли по его щекам. Усталые, разбитые, избранники растерянно переглядывались.

Старинная легенда не была сказкой. Силы зла действительно находились под властью Запрета, и Элькрис хранила его. И тем самым хранила эльфов.

А теперь она умирала.

Глава 2

Далеко на востоке от Арборлона, за Разломом, неприступной горной грядой на северной границе Западных земель, в воздухе происходило странное движение. Нечто бесформенное, черное, чернее предрассветной тьмы, корчилося и содрогалось под гнетом собственной мощи, стремящейся найти выход. На мгновение масса черноты обретала очертания, затем вновь рассеивалась. Стоны и крики ликования раздавались над горами. Временами когтистые лапы разрывали тьму изнутри, царапали и хватали воздух, напрягаясь, тянулись к свету. Затем огонь охватил все пространство, и лапы отпрянули, скрылись в темноте, извиваясь в черном дыму.

Трясаясь и шипя от ярости, Дагдамор выступил из темноты. Посох Власти пылал алым светом в его руках, когда он пробирался к пролому, давя и отбрасывая более слабых сородичей. Вплотную к нему — два темных силуэта, Жнец и Маска. Прочие демоны, пронзительно визжа, ринулись было за ними, но края разрыва быстро сомкнулись, и странная троица осталась в одиночестве.

Дагдамор настороженно осмотрелся. Они стояли в густой тени Разлома, по ту сторону неприступных гор уже вовсю пылал рассвет. Остроконечные вершины отбрасывали длинные тени в туманную пустоту Седых низин — суровую, безжалостную пустыню, где жизнь измерялась лишь минутами, иногда — часами. Все замерло без звука и движения.

Дагдамор ухмыльнулся, сверкая кривыми острыми зубами. Ну что ж, хорошо, ему удалось прийти незамеченным. Он снова свободен! После стольких лет ему все же удалось вырваться.

Издали он вполне мог бы сойти за человека. В сущности, он и воплотился как человек: стоял на двух ногах, разве что руки чуть-чуть длиннее обычного. Он сильно сутулился, тяжелый горб затруднял его движения, но не из-за горба носил Дагдамор широкий черный плащ. Он прятал ключья зеленоватых волос, покрывающих его тело и похожих на пучки колючей травы. И чешую на руках и ногах. И звериные когти. И лицо, неуловимо напоминающее кошачью морду. И глаза, черные и блестящие, обманчиво спокойные: безмятежные озера, скрывающие в своей глубине нечто злобное и разрушительное — истинную сущность Дагдамора. Он не был человеком. Он был демоном.

И демон ненавидел. Ненависть его была сродни безумию. За сотни лет в кромешной тьме за стеной Запрета ненависть выросла и окрепла. И полностью поглотила его. Он жил только ею, только ею питался; она давала ему силу, и эту силу он собирался обрушить на ненавистных эльфов, причинивших ему столько страданий. Сокрушить, уничтожить всех до единого! Но теперь ему и этого было мало, теперь, когда он столько веков провел в бесчувственной тьме тягучей скуки и жалкого бездействия. Мало, чтобы искупить унижение. Теперь он уничтожит всех: людей, карликов, троллей, гномов — всех, кто живет в этом мире, который когда-то принадлежал ему.

Он ждал веками, заключенный за стеною Запрета, веря, что настанет день, когда Запрет утратит свою силу. И вот свершилось: Элькрис умирает. Какая радостная весть! Ему хотелось кричать на весь мир: она умирает! Умирает и больше не может хранить силу Запрета.

Ненависть вспыхнула в нем. Посох Власти в его руках накалился докрасна. Земля под ногами обуглилась, и лишь мучительным усилием Дагдамор сдержал себя. Посох снова остыл.

Конечно, необходимо время, чтобы полностью разрушить Запрет. Ведь даже этот крошечный пролом в стене тьмы потребовал чудовищного напряжения. Но Дагдамор обладал силой, и сила эта давала ему власть над другими, пока еще заключенными в черной пустоте. Он был их повелителем, он управ-

лял их полчищами одним своим словом. За века лишь немногие решались открыто противиться ему. Он их уничтожил, и это послужило отличным уроком для остальных. Теперь они подчинялись ему все. Все боялись его. И так же, как он, ненавидели эльфов. И так же, как он, жили единой мыслью о грядущем мщении. Ну что ж, скоро, очень скоро они получат эту возможность — отомстить.

Но пока надо подождать. Надо потерпеть. Запрет с каждым днем будет слабеть, и, когда погибнет дерево, стена рухнет. Только одно может помешать этому — возрождение Элькрис.

Дагдамор прекрасно знал историю Элькрис. Родившись и увидев мир, она прогнала Дагдамора с земли во тьму безвременья. Он на себе испытал силу ее волшебства — волшебства, которое могло преодолеть даже смерть, и опасался, что его свобода может быть недолгой. Если кому-нибудь из избранников удастся отнести семя Элькрис к древнему источнику ее силы, дерево возродится и Запрет вновь обретет свою силу. Дагдамор знал это, и именно поэтому он был здесь. Именно поэтому он решился сломать барьер хотя бы на мгновение, чтобы выйти в мир. Он может проиграть, но риск был оправдан. Эльфы еще не скоро осознают истинную опасность. Они и не подозревают, что силы тьмы, сдерживаемые Запретом, могут вырваться на свободу до того, как стена рухнет. Они обнаружат свою ошибку слишком поздно. А уж он тем временем сделает все, чтобы Элькрис никогда не возродилась и Запрет вновь не обрел силу.

Для этого он и взял с собой этих двоих.

Он оглянулся, ища их глазами. Маску нашел сразу. Его помощник обладал неоценимым даром: тело его могло изменять форму и цвет, он мог воплощаться в любое живое существо: в небесах — ворон или ястреб, на земле — мышь, змея, паук, что угодно. Там, за стеной Запрета, он был всего лишь сгустком темноты. Здесь же, на земле, возможности его были поистине безграничны. Он мог принять облик любого существа: человека, зверя, птицы, рыбы. Даже сам Дагдамор не мог с уверенностью сказать, каково истинное лицо Маски. Последний, в сущности, никогда и не являлся в своем подлинном обличье; постоянно копируя другие жизненные формы, он всегда был чем-то или кем-то, только не самим собой.

Эгоистичный и полный ненависти, Маска наслаждался собственной многоликостью, наслаждался возможностью причи-

нять зло. Он ненавидел эльфов за их бережное отношение ко всему живому. Маленькие существа, населявшие мир, ничего не значили для Великого Обманщика. Они были слабы и ни на что не годились, кроме как служить такому могущественному созданию, как он. Да и эльфы были ничуть не лучше этих мелких тварей. Они не умели, да никогда и не стали бы обманывать и лгать. Они не могли вырваться из своей оболочки, не могли быть чем-то еще. Он же мог быть всем, чем пожелает. Вот почему он всех презирал. Ему никто не был нужен. Никто, кроме Дагдамора, ведь тот обладал единственным, чему Маска безоговорочно поклонялся, — силой, и силой большей, чем его собственная. И поэтому Маска служил ему.

Дагдамор искал глазами Жнеца. И не сразу нашел его — тень в бледном свете нового дня, частицу уходящей ночи. Закутанный в пепельный плащ, Жнец был почти невидим, капюшон скрывал его лицо. Никому еще не удавалось взглянуть в это лицо дважды: все, кто видел его хоть раз, были теперь мертвы.

Если Маска внушал опасения, то Жнец был сам ужас. Ибо он — убийца. Убийство было смыслом и целью его существования. Тяжелое, громоздкое существо почти семи футов росту, на первый взгляд он казался неповоротливым. Но это впечатление было обманчивым. Когда он выходил на охоту, то двигался легко, проворно и совершенно бесшумно. Он никогда не отступал. От него нельзя было спастись, по крайней мере еще никто до сих пор не спасся. Даже сам Дагдамор слегка побаивался Жнеца, хотя и превосходил его в силе. Жнец служил ему из прихоти, а не из страха, как остальные. Жнец ничего не боялся, потому что в его крови жила древняя страсть к уничтожению. Ему нравилось убивать, но убивал он, в сущности, для того, чтобы поддерживать свои жизненные силы. Даже там, во тьме Запрета, его трудно, почти невозможно было остановить. Дагдамор был вынужден отдавать ему на растерзание младших демонов, чтобы хоть как-то обуздать эту стихию разрушения. Он обещал — придет время, и Жнец получит весь мир со всей его живностью: он сможет охотиться сколько душе угодно. В конце концов он может убить всех.

Маска и Жнец. Что ж, удачный выбор. Острые глаза и длинные руки, которые проникнут в самое сердце эльфийской страны. А там посмотрим, сможет ли Элькрис возродиться.

Дагдамор взглянул на восток: солнце быстро поднималось над гребнем Разлома. Время выходить. К вечеру им надо быть в Арборлоне. Он все тщательно продумал. Самое главное для него сейчас — время, он должен поторопиться, если хочет застать эльфов врасплох. Когда они узнают о его приходе, будет уже поздно.

Знаком он велел своим помощникам следовать за ним. Его глаза возбужденно светились в предвкушении нынешней ночи. Наутро эльфы увидят, что спасения нет. Утром им представится прекрасная возможность понаблюдать за гниением их прекрасной Элькрис. И что самое приятное — без малейшей надежды на возрождение.

Да-да. Потому что утром все избранники будут мертвы.

В глубокой тени горных вершин Дагдамор остановился. Склонив голову, он обеими руками оперся на Посох Власти и застыл. Позади него две темные фигуры сжались под своими плащами, глаза их сверкали странным желтым огнем.

И вдруг Посох Власти задрожал и накалился, через мгновение ровный красноватый свет вспыхнул пульсирующим огнем, огонь перекинулся на руки демона, окрашивая их в цвет крови. Дагдамор медленно поднял голову, и пламя от Посоха взметнулось ввысь тонкой сверкающей дугой, пугающе похожей на что-то живое. Затем, резко вспыхнув напоследок, огонь погас.

Дагдамор опустил Посох, отступая на шаг. Земля под ним почернела и обуглилась, в воздухе кружился пепел. Мертвая тишина окутала мир. Демон уселся на камень и сидел так неподвижно. Час, два. Он ждал.

Наконец из безбрежной пустыни Северных земель явилось крылатое чудовище. Оно отнесет их на восток, в Арборлон.

— Теперь посмотрим, — прошептал Дагдамор. — Посмотрим.

Глава 3

В час, когда первые солнечные лучи едва позолотили горизонт, Андер Элесседил вышел из дома и направился к королевскому дворцу. Конечно, как младший сын короля Эвентина, он мог бы жить во дворце, но еще несколько лет назад он

поселился в отдельном домике неподалеку, где, как ему казалось, он будет независим. Теперь он сомневался, правильно ли поступил: все внимание отца и без того было отдано старшему сыну — Ариону, и Андер мог не опасаться посягательств на свою свободу.

Он вдохнул свежесть утреннего воздуха и сдержанно улыбнулся. Подходящий денек для верховой прогулки — что ж, давно пора поразмяться.

Он уже не юноша, ему сорок: у глаз морщины и глубокая складка пролегла между бровями, но движения все еще легки и проворны, да и худое лицо становилось почти мальчишеским, когда он улыбался. Правда, теперь это случалось все реже.

В саду он увидел старого Вента, королевского садовника. Приветствуя Андера, старик медленно выпрямился, потирая уставшую спину.

— Доброе утро, принц. Славный денек.

— Просто прекрасный, Вент. Что, опять спина?

— Так, иногда ломит. — Старик осторожно потер поясницу. — Я думаю — возраст. Но я еще буду посильнее тех ребяташек, которых мне дали в помощники.

Это было истинной правдой. Вент мог бы уже давно уйти на покой, но он упорно продолжал работать.

Стражники у главных ворот кивнули принцу, и он кивнул в ответ, обходясь без особых формальностей. Отношение к Ариону, наследному принцу, конечно же, было особым, но Андер попроще, да и его положение при дворе было несколько ниже.

Он шел к конюшням, как вдруг грохот копыт и громкий крик нарушили утреннюю тишину. Андер отпрянул в сторону, и серый конь Ариона, едва не задев его, остановился на дорожке. Конь еще не успокоился от бешеной скачки, а Арион уже спрыгнул на землю. Два брата стояли лицом к лицу: темноволосяй, небольшого роста Андер и Арион, высокий блондин, поразительно похожий на отца. Он был гордостью и радостью Эвентина — великолепный атлет, в совершенстве владеющий любым эльфийским оружием, непревзойденный охотник и наездник. Плюс ко всему — неотразимое обаяние, недостаток которого Андер всегда ощущал в себе.

— Куда путь держишь, братец? — Как обычно, при разговоре с младшим братом в голосе Ариона звучали насмешка и

легкое презрение. — На твоём месте я бы не стал беспокоить отца. Мы вчера допоздна засиделись за делами, и он ещё спал, когда я заглянул к нему утром.

— Я иду на конюшню, — спокойно ответил Андер. — И не собираюсь никого беспокоить.

Арион усмехнулся, затем легко взлетел в седло и уже сверху сообщил:

— Ну ладно, мне нужно в Саранданон на несколько дней. Люди из дальних селений встревожены — ходят какие-то слухи о гибели, которая ожидает всех нас. Полный бред, конечно, но их надо успокоить. Только не обольщайся. Я успею вернуться до того, как отец отправится в Кершалът. — Он ухмыльнулся. — А пока, братишка, присмотри за делами.

Он дернул поводья и понёсся к воротам. Андер выругался про себя и отвернулся. Желание покататься на лошади пропало.

Лучше бы ему поехать с отцом одному, без Ариона. Укрепление дружеских отношений между троллями Кершалъта и эльфами было очень важным и деликатным делом. Вести переговоры надо осмотрительно и аккуратно. Арион был слишком нетерпелив и дерзок для этого; он ни во что не ставил чужое мнение и мог все испортить. Конечно, Андер был не столь умен и ловок, как брат, и ему недоставало стремления быть первым во всем, но он был благоразумен и терпелив и уже не раз успешно проводил дипломатические переговоры.

Андер пожал плечами. Какой смысл теперь думать об этом? Арион частенько ездил вместо него и раньше. Ведь когда-нибудь он станет королем, ему надо уже сейчас, пока жив Эвентин, учиться управлять государством. Что же, наверное, это правильно.

Когда-то они с Арионом были близки. Тогда ещё был жив Айне — младший из сыновей Эвентина. Одиннадцать лет назад Айне погиб на охоте, и после этого отношения Андера и Ариона как-то сами собой ухудшились. Амбель, младшая дочь Айне, обратилась за поддержкой к Андеру, а не к Ариону, и ревность старшего брата нашла выход в плохо скрываемом презрении. Затем, когда Амбель отказалась от чести избранничества, Арион усмотрел в этом влияние Андера, и его плохо скрываемое презрение перешло в хорошо скрываемую враж-

дебность. Андер подозревал, что и отца настраивают против него, но ничего не мог сделать.

В глубокой задумчивости он направился к своему дому, как вдруг негромкий оклик заставил его обернуться.

— Принц, постойте!

Андер с удивлением смотрел, как к нему со всех ног бежит юноша в белом плаще. Это был избранник, рыжеволосый Лорен — так, кажется, его зовут? Странно, что в это время он не в Садах, очень странно. Андер ждал, когда запыхавшийся эльф приблизится.

— Мой принц, я должен видеть короля, — задыхаясь, проговорил юноша, — но они не пустили меня, сказали: попозже. Вы не можете провести меня сейчас?

Андер замаялся:

— Король еще спит...

— Но мне надо сейчас. Пожалуйста! Это очень важно, — настаивал Лорен с отчаянием в дрожащем голосе.

Андер медлил: что же могло быть настолько важным?..

— Лорен, если с тобой что-то случилось, может быть, я...

— Не со мной, мой принц. С Элькрис!

Андер больше не колебался.

— Пошли.

Они повернули обратно ко дворцу. Стражники у ворот с удивлением смотрели им вслед.

Гаел, юный паж Эвентина Элесседила, отрицательно покачал головой — в темном плаще он выглядел каким-то бесформенным, — стараясь не встречаться глазами с принцем.

— Я не смею его будить, принц Андер. Король ясно сказал: не беспокоить его, что бы ни случилось.

— И кто бы ни пришел? — вкрадчиво спросил Андер. — Даже Арион?

— Арион уехал... — начал было Гаел, но тут же умолк. На его лице отразились растерянность и отчаяние.

— Вот именно. Но я пока здесь. Или ты всерьез собираешься не пустить меня к отцу?

Гаел молчал. Тогда Андер решительно шагнул вперед и распахнул дверь спальни. Юный паж бросился за ним:

— Я сам. Пожалуйста, подождите здесь.

Через минуту он вышел с озабоченным лицом.

— Король примет вас, принц Андер. Но пока только вас.

Когда Андер вошел, король еще лежал в постели. Он кивнул сыну, затем велел Гаелу принести одежду. Поеживаясь от утренней прохлады, он быстро оделся, плотно затянув широкий пояс.

Хотя Эвентину Элесседилу было уже восемьдесят два года, его здоровью мог позавидовать любой юноша. Тело его было крепким и гибким, а рука — достаточно твердой, чтобы меч в этой руке стал грозным оружием для любого врага. Он был решителен и непреклонен, если того требовали обстоятельства, а они того требовали. Ум его не утратил живости и остроты и того замечательного чувства гармонии, которое всегда было присуще Эвентину, — способности видеть дело со всех сторон, судить обо всем по существу и выбирать единственно правильный путь, который принесет наибольшую пользу ему самому и его народу. Поэтому он и был великим королем. Андер имел все основания думать, что и он унаследовал от отца этот дар, в котором, правда, при данных обстоятельствах пропадала всякая необходимость.

Король подошел к дальней стене комнаты, раздвинул занавески и открыл окна, из которых был виден лес. Мягкий свет и утренняя свежесть ворвались в комнату. В глубине спальни Гаел бесшумно зажигал масляные лампы, чтобы прогнать остатки темноты из дальних углов. Эвентин задержался у окна, пристально глядя на свое отражение в стекле: блестящие глаза поразительно голубого цвета были строгими и пронизательными — глаза человека, который пожил на свете и повидал немало горя. Он вздохнул и повернулся к сыну...

— Итак, Андер, что все это значит? Гаел что-то говорил об избраннике, о каком-то сообщении...

— Да, мой король. Избранник говорит, что принес весть от Элькрис.

— От Элькрис? — Эвентин нахмурился. — Когда это было последний раз — семьсот лет назад? Что за весть?

— Он мне не сказал. Он хочет говорить только с тобой.

Эвентин кивнул:

— Пусть говорит. Впусти его, Гаел.

Гаел поклонился и торопливо вышел, оставив дверь слегка приоткрытой. Через секунду огромный лохматый пес скольз-

нул внутрь и бесшумно подкрался к королю. Манкс, старый друг Эвентина. Они вместе вот уже десять лет, мало кто был так близок к королю и так же ему предан. Эвентин нежно потрепал пса по седой голове, провел рукой по спине, по бокам.

— Седой, как я, — печально пробормотал он.

Двери широко распахнулись. Вошел Гаел, за ним — Лорен. Избранник чуть помедлил в дверях, нерешительно глядя на молодого пажа. Король кивком отпустил юношу. Андер тоже собрался было выйти следом, но отец велел ему остаться. На этот раз Гаел плотно закрыл за собой дверь. Лорен выступил вперед.

— Мой король, пожалуйста, простите... они думали, что я... что мне... — Он буквально давился словами.

— Мне не за что прощать тебя, — успокоил юношу король. Он прошел через комнату и мягко положил руку на плечо юного избранника. — Я знаю, это очень важно, иначе бы ты не оставил Сады. Вот, садись сюда и расскажи все по порядку.

Он испытующе посмотрел на Андера, потом подвел юношу к письменному столу в глубине комнаты, усадил его и сам сел рядом. Андер последовал за ними, однако остался стоять.

— Твое имя Лорен? — спросил Эвентин.

— Да, мой король.

— Ну что же, Лорен. Теперь расскажи мне, что случилось.

Лорен выпрямился в кресле, его руки лежали на столе. Крепко сжатые пальцы побелели.

— Мой король, сегодня утром Элькрис говорила с избранниками, — начал он почти шепотом. — Она сказала... она сказала, что умирает.

Андер похолодел. Король же, казалось, никак не отреагировал на это сообщение, он неподвижно сидел на месте, и только его глаза впились в собеседника.

— Быть может, это ошибка, — произнес он наконец.

Лорен покачал головой.

— Это не ошибка, мой король. Она говорила со всеми. Мы... мы все это слышали. Она умирает. Запрет начал терять силу...

Король медленно поднялся и молча подошел к раскрытому окну. Манкс, свернувшийся на кровати, встал и подбежал к нему. Король машинально опустил руку и потрепал пса по седым ушам.

— Ты уверен в этом, Лорен? — спросил Эвентин, глядя в окно. — Совершенно уверен?

— Да... да.

Лорен плакал тихо, беззвучно, закрыв руками лицо. Эвентин не обернулся к нему; он пристально, не отрываясь, смотрел на лес. На свой дом. На их дом — лес.

Андер уставился в одну точку: ужас того, что он только что услышал, постепенно доходил до него. Элькрис умирает! Запрет теряет силу. Зло снова свободно. Хаос, безумие, война! И в итоге — уничтожение всего.

Когда-то он очень тщательно изучал историю.

Очень давно, еще до Великих войн, до расцвета древнего мира, до того как на земле появились люди, шла великая битва Света и Тьмы. Эльфы сражались на стороне Света. Война была долгой, опустошающей, ужасной. Добро тогда победило. Но природа поверженного зла такова, что его нельзя полностью уничтожить, его можно только изгнать за пределы мира. Тогда же эльфийские мудрецы, соединив всю силу своей магии с жизненной силой самой земли, создали Элькрис и дали ей власть над Запретом, который удерживал силы зла в заточении, не давая им снова выйти на землю. И пока Элькрис жива, зло не может возвратиться сюда. Но в летописях сказано, что это не будет длиться вечно, ибо нет в мире силы столь великой, что окончательно победит смерть. Поколения сменялись поколениями, и постепенно стало казаться, что Элькрис бессмертна — единственный островок надежности и спокойствия в бурной реке жизни. Казалось, так будет всегда.

Король резко обернулся, напряженно поглядел на сына, затем снова сел к столу, уверенно взяв Лорена за руку.

— Расскажи мне все, что она говорила тебе, Лорен. До мельчайших подробностей. До единого слова.

Избранник молча кивнул. Глаза его снова были сухи, лицо спокойно. Андер подсел к ним. Король в ожидании откинулся на спинку кресла.

— Мой король, вам известно, как она говорит с нами? — осторожно спросил Лорен.

— Я был избранником, Лорен.

Андер с удивлением поглядел на отца. Он не знал этого. Лорен же, наоборот, воспринял слова короля как должное. Он кивнул и повернулся к Андеру:

— Голос ее не звучит как наши голоса. В сознании словно возникают образы. Это не похоже на слова, скорее мы сами истолковываем привычными словами те мысли, что она стремится донести до нас. — Он помолчал, затем снова обратился к Эвентину: — Я... мой господин, до сегодняшнего утра Элькрис ни разу не говорила со мной. Она говорила со всеми нами только в день нашего избрания. Все, что мы знали об этом, основывалось лишь на летописях ордена и на том, чему нас учили старшие избранники. Поэтому сегодня я немного растерялся.

Эвентин ободряюще кивнул, и Лорен продолжал:

— Элькрис говорила с нами очень долго. Она призвала нас и открыла, что должно произойти. Не все образы были ясны, но то, что она умирает, поняли все. Ее время на исходе; мы думали, что это невозможно, но это так. Разрушение уже началось. Запрет теряет силу вместе с ней. Есть только одна возможность — возрождение.

Эвентин выпрямился и крепко сжал руку избранника. Потрясенный и обескураженный услышанным, Андер тоже совершенно забыл об этой возможности. Возрождение! Об этом говорится в древних летописях: Элькрис может возродиться и сохранить Запрет. Может.

— Значит, еще есть надежда, — прошептал принц.

Эвентин пристально смотрел на юношу.

— Что мы должны сделать?

Лорен покачал головой.

— Мой король, сегодня Элькрис вверила свою судьбу избранникам. Только мы можем помочь ей. Я не знаю почему, но это так. Образы истолковываются однозначно. Одному из нас она отдаст свое семя — кому, мы пока не знаем, она не показала. Он должен будет отнести ее семя к источнику жизненной силы земли — она назвала его: Источник Огненной крови. Семя нужно опустить в огонь, затем принести обратно и посадить на месте старого дерева. Тогда новая сила заменит старую и Элькрис возродится.

Подробности этой легенды вспомнились Андеру. Все — как сказано в древних летописях, написанных странным, символическим языком старинных легенд, уже забытых многими, а многим и вообще неизвестных.

— Источник Огненной крови — где он? — спросил принц. Лорен ответил печальным взглядом.

— Она указала место, мой принц, но... мы не смогли его узнать. Образы были какие-то смутные, неуловимые, как будто она сама не могла точно вспомнить. Нет, скорее не могла выразить более определенно.

Голос Эвентина был странно спокойным:

— Расскажи мне все, что она показала вам. Ничего не упусти.

Лорен кивнул.

— Какой-то дикий край, окруженный горами и топиями. Густой туман то появлялся, то исчезал. И в центре — одинокая вершина, а в ней — лабиринт туннелей, ведущий в глубь земли. Где-то внутри была дверь из стекла, которое нельзя разбить, за дверью — Источник Огненной крови.

— И ни одного названия? — настойчиво спросил король.

— Только одно. Но мы не знаем его. Оберег — так она назвала лабиринт в горе.

Оберег? Андер порывлся в памяти, но название ничего не говорило ему.

Эвентин взглянул на сына и тоже покачал головой. Затем поднялся, отошел было от стола, но вдруг резко остановился и вернулся к Лорену.

— Ты все сказал? Может быть, какая-нибудь мелочь, незначительная на первый взгляд?

— Нет. Это все.

— Хорошо, Лорен. Ты правильно сделал, что сразу же пришел ко мне. А теперь подожди немного за дверью.

Когда дверь за избранником закрылась, король медленно опустился в кресло. Его лицо как-то внезапно постарело — стало лицом старика, очень дряхлого и очень усталого. Манкс подошел к хозяину, сочувственно подняв лохматую морду. Эвентин тяжело вздохнул и погладил пса по голове.

— Я слишком долго живу, — пробормотал он. — Как мне защитить мой народ, если Элькрис умрет? Я король, я обязан спасти своих подданных. Что ж, с этим я согласен. Но впервые в жизни я хочу, чтобы было как-то иначе... — Он поднял голову и посмотрел в глаза сыну: — Мы сделаем все, что в наших силах. Поскольку Арион в отъезде, мне нужна твоя помощь. — (Андер вспыхнул от обиды, хотя и понимал, что отец вовсе не

хотел задеть его.) — Пойдешь с Лореном и подробно расспросишь избранников. Может быть, удастся узнать что-то еще. А я пока просмотрю летописи.

— Ты думаешь, там что-нибудь есть? Или на старых картах? — с сомнением спросил Андер.

— Нет. Ты же сам недавно перечитывал их. Но что мы еще можем сделать? Если мы хотим найти Источник Огненной крови, нам надо знать о нем побольше.

Он кивнул, отпуская сына. Андер вышел и вместе с Лореном направился в Сады, где их ждали остальные избранники. Принц подробно расспросил их, пытаясь узнать больше о таинственном Обереге. Узнать так ничего и не удалось. Но, как сказал отец, что еще они могли сделать?

Глава 4

День закончился сверкающим всплеском алого и лилового, небо на западе ярко пылало. Солнце, казалось, повисло на пиках Разлома, заливая светом лесные вершины, сплетая тени деревьев в мягкое покрывало сумрака и покоя. Потом солнце сорвалось с вершин, и ночь смыла краски с небосклона. Воздух медленно остывал, ночной ветерок разносил прохладу среди притихших деревьев. Эльфы разошлись по домам — спать.

В Садах Жизни Андер Элесседил задумчиво смотрел на волшебное дерево. Сейчас, в мягком сумраке, Элькрис выглядела вполне здоровой. Но еще за минуту до этого в лучах закатного солнца на ее листьях явственно проступали темные пятна.

Болезнь распространялась быстро. На нижних ветвях гниение уже тронуло серебристую кору, сухие листья свернулись, ломкие, черные. Весь день избранники осторожно натирали ствол травяным бальзамом, срывали увядшие листья, стараясь хоть как-то помочь, но все понимали, что это невозможно. Они не могли исцелить Элькрис. Этого не мог никто. Она умирала на их глазах, и ничего нельзя было сделать.

Андер вздохнул и опустил глаза. Он сам не знал, зачем он пришел сюда опять, ночью, один. Он без цели бродил по дорожкам Садов с отчаянной надеждой, что решение вот-вот найдется само собой. И конечно же, ничего стоящего он не придумал.

Выходя, он спиной почувствовал недоуменный взгляд воинов Черной стражи. Охрана еще не знала о болезни Элькрис, но догадалась: что-то случилось. Поведение избранников да и поздний визит принца сказали им достаточно. Что ж, такое не сохранишь в тайне. Скоро, очень скоро все узнают страшную правду.

Но сейчас, по крайней мере, все было спокойно. В некоторых окнах горел свет, другие были темны — там уже спали. Счастливы! Сегодня ночью Андер вряд ли сможет заснуть. Не ляжет спать и король.

Андер снова вздохнул. Как ему хотелось сделать хоть что-нибудь для отца! Эвентин был уверен в себе, в своих силах и поэтому всегда находил правильный путь и всегда побеждал. Но сегодня Андер почувствовал, как что-то надломилось в отце. Конечно, король держался твердо, но Андер видел отчаяние в его глазах: рушится все, что Эвентин создал с таким трудом. Он столкнулся с тем, что выше его сил. Но Андер знал: отец не отступит.

Андер размышлял: что он может сделать? Весь день он спрашивал избранников, сначала по отдельности, потом всех вместе, но не узнал ничего нового.

Ничуть не помогли и летописи ордена. Источник Огненной крови не раз упоминался на страницах древних рукописей. Священный огонь, дающий и хранящий жизнь на земле. Но об Обереге не было ни слова.

Не помогла и Элькрис. Андер попросил избранников еще раз обратиться к дереву. Они подходили к нему поодиночке, затем все вместе. Но оно молчало.

Проходя мимо дома избранников, Андер увидел, что окна его темны. Видимо, следуя заведенному порядку, избранники отправились спать. Что ж, может быть, хотя бы сон на время избавит их от тяжелых мыслей. Может быть. Иногда отчаяние и безнадежность изнуряют больше физического труда, а они пережили достаточно за этот день.

Андер поспешил во дворец к отцу, но вдруг темная тень отделилась от дерева у тропинки.

— Мой принц!

— Лорен? — нерешительно пробормотал Андер. Это действительно был он. — Почему ты не спишь?

— Я пытался, но не смог заснуть... Я... я видел вас в Садах и решил, что вы пойдете этой дорогой. Мне нужно поговорить с вами, принц Андер. Можно сейчас?

— Так мы уже говорим, Лорен.— Но попытка пошутить не удалась. Лицо молодого избранника оставалось серьезным.— Ты что-нибудь вспомнил?

— Да, возможно. Это не то, что говорила нам Элькрис, но я думаю, вы должны знать. Могу я пройти с вами?

Андер кивнул. Они свернули с тропинки и медленно пошли через лес.

— Мне кажется, я один могу разрешить эту загадку, — начал Лорен через минуту.— Может быть, потому, что Элькрис сначала говорила со мной, я чувствую: найти Оберег — мое дело, мой долг. Конечно, это звучит слишком самонадеянно, но таков мой путь. Во всяком случае, я не хочу ничего упустить.— Он взглянул на Андера: — Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Думаю, да. А мы что-то упустили?

— Ну, мне кое-что пришло в голову. Я должен кому-то рассказать об этом.

Андер внезапно остановился и в упор посмотрел на избранника. Тот смущенно продолжал:

— Я не хотел говорить об этом с королем. Или с кем-то еще. Я не знаю, что им известно... да мы и не говорили о ней...— Он зашнулся. Андер терпеливо ждал.— Об Амбель. Мой принц, она говорила с Элькрис много раз. Подолгу.— Он с трудом подбирая слова.— Она была ближе к Элькрис, чем все мы. Я не знаю, понимала ли она это сама. Мы ведь действительно никогда об этом не говорили...

Андер вдруг напрягся. Лорен заметил это и поспешил продолжить:

— Я просто подумал, может быть, Элькрис снова поговорит с ней и Амбель лучше поймет ее.

Они надолго замолчали, глядя друг другу в глаза. Андер медленно покачал головой:

— Но Амбель сейчас не может нам помочь, Лорен. Она далеко. Даже ее мать не знает, где ее искать. Мы не успеем связаться с ней вовремя.

Лорен медленно склонил голову, последний проблеск надежды погас в его глазах.

— Это было просто мое предположение, — наконец сказал он и повернулся, чтобы уйти. — Доброй ночи, принц.

— Доброй ночи, Лорен. Во всяком случае, спасибо, что сказал мне.

Юный избранник кивнул и растворился в сумраке ночи. Андер с беспокойством смотрел ему вслед. Отец говорил, что нужно использовать любую возможность, лишь бы отыскать Оберег. Но найти Амбель было действительно невозможно. Она могла быть где угодно, в любой из Четырех земель. Да и не время сейчас говорить о ней с Эвентином. Когда-то он был рад и горд, что его любимая внучка стала избранником. А ее отказ от этой чести потряс его, пожалуй, даже больше, чем смерть ее отца Айне.

Он медленно покачал головой и продолжил свой путь ко дворцу.

Гаел был на своем посту, выражение усталости и тревоги не сходило с его лица. Конечно, он уже все знал, но юный паж умел хранить тайны. При появлении Андера он попытался было встать, но принц знаком удержал его.

— Король ждет вас. Он весь день на ногах. Если бы вы убедили его поспать, хотя бы несколько часов...

— Я попробую, — пообещал Андер.

Эвентин Элесседил оторвался от книги и взглянул на сына. Он сразу же понял, что у Андера нет ничего нового, и снова опустил уставшие, покрасневшие глаза в книгу, над которой сидел уже несколько часов, но тут же отодвинул ее в сторону, встал и подошел к раскрытому окну. Свечи тускло горели, почти не освещая комнату. На столе и на полу лежали груды древних книг и свитков.

Поглядев в темноту ночи, король вернулся к письменному столу.

— Ничего? — как будто утверждая, спросил он у сына. Андер молча покачал головой. Эвентин поморщился. — И у меня ничего. — Он пожал плечами и указал на раскрытую книгу: — Вот. Последняя надежда. Там есть про семья Элькрис и про Источник Огненной крови. Прочти.

Древний том — один из сотен томов эльфийской истории — был в кожаном переплете с медными застежками, его страницы хранили предания о днях, уходящих в далекое прошлое. Ве-

ликие войны, гибель древнего мира. Первая война рас, за ней — Вторая; вся история эльфов хранилась в этих книгах.

Андер посмотрел на открытую страницу летописи: чернила выцвели от времени, бумага пожелтела. Слог писания был древний, но читалось легко:

«И тогда семя древа поручат избранному, и он отнесет его к Источнику Огненной крови и опустит в пламя. И когда семя вернется в землю, древо возродится и Запрет вновь обретет силу. Так говорил Великий волшебник народу эльфов, и Знание его будет жить, даже когда сам он обретет вечность».

Андер поднял глаза, и Эвентин продолжил:

— Я просмотрел все книги, изучил каждую строчку. Это, пожалуй, самое полное описание. — Король машинально перебирал страницы. — Этот том самый древний. В нем можно найти все о древней битве Света и Тьмы, имена всех героев, историю Запрета. Но ни единого слова об Обереге или о том, где находится Источник Огненной крови. Ничего. Ни единого слова о природе магии, дающей жизнь Элькрис и силу Запрету.

Что ж, последнее вполне понятно, подумал Андер. Мудрецы древности редко доверяли бумаге секреты своего волшебства. Бесценные знания передавались устно, из поколения в поколение, чтобы враги не завладели эльфийской магией. Иногда чары были настолько сильны, что их можно было использовать всего один раз, в определенное время и в определенном месте. Очень возможно, что волшебство, создавшее Элькрис, было именно таким.

Король снова сел за стол, с минуту полистал книгу, потом захлопнул.

— Придется довольствоваться тем, что мы узнали от Элькрис, — сказал он спокойно. — Этого, конечно, мало, но... Нам надо подумать о всех возможных местах, а потом обыскать их.

Андер кивнул, хотя это казалось безнадежным. Вряд ли им удастся найти Оберег по таким смутным, отрывочным указаниям.

— Если бы Арион был сейчас здесь... — вдруг пробормотал Эвентин.

Андер промолчал. Понятно, что сейчас королю нужен старший сын. Арион обладал всеми необходимыми качествами для быстрых и активных поисков, да и одно его присутствие успокоило бы отца. Теперь не время для обид.

— Тебе надо поспать, отец, — наконец сказал он. — Впереди много забот, отдохни.

— Хорошо, Андер. — Король попытался улыбнуться. — Пришли мне Гаела. Но и у тебя был тяжелый день. Иди домой и попробуй заснуть.

Дома, против всех ожиданий, Андер заснул. Усталость, физическая и душевная, взяла верх. Посреди ночи он очнулся, спасаясь от кошмара, который преследовал его во сне. Но ужас быстро забылся, и до утра принц спал спокойно.

Проснувшись на рассвете, Андер был полон решимости. Выход обязательно найдется, не может быть, чтобы все было так безнадежно. Элькрис должна помочь. Или избранники. Или что-то еще.

Андер вышел из дома. Сквозь сплетение листьев пробивался свет солнца: начинался день. Сначала он пойдет к избранникам, сейчас они должны быть в Садах Жизни. Может быть, за ночь они вспомнили какие-то подробности, о которых забыли вчера. Или Элькрис сказала что-нибудь еще.

По пути он хотел было заглянуть к отцу, но Гаел молча поднес палец к губам: король еще спал. Андер не стал его беспокоить. Отец так нуждался в отдыхе — пусть поспит подольше.

Проходя через королевский сад, Андер удивился, не увидев Вента. Он удивился еще больше, когда заметил, что садовые инструменты, с прилипшей на них грязью, в беспорядке разбросаны между клумбами. Это не похоже на Вента — бросать работу на середине. Если у него болит спина, надо освободить его от работы в саду. Но это может подождать. На сегодня есть более важные и неотложные дела.

Через несколько минут он уже стоял перед воротами Садов Жизни, на самой вершине Каролана — отвесного утеса прямо над восточным берегом Поющего родника. Отсюда Андер мог видеть все Западные земли: на северо-востоке — безбрежный лес; далеко на юге — туманно-серая стена Скалистого отрога и Пикона и голубая лента Мермидона, уходящая вниз к Каллахорну; на западе — долина Саранданон. Андер с гордостью оглядывал родину эльфов. Он непременно должен найти выход. Он, избранники и отец обязательно спасут все это.

Андер направился к Элькрис. Странно: дерево стояло в одиночестве. Избранников не было видно.

Андер огляделся, не веря своим глазам. Не может быть, чтобы избранники проспали. Конечно, они были потрясены вчерашним разговором с Элькрис. Но обряд есть обряд, и при первых лучах восходящего солнца они должны быть здесь, чтобы приветствовать дерево.

Андер почти бегом направился к дому избранников. Там было тихо и темно.

Андер остановился. Никаких признаков жизни — все будто вымерло. Неясное предчувствие охватило его. Принц осторожно двинулся вперед, не сводя глаз с распахнутой двери, и встал на пороге.

— Лорен? — тихо позвал он.

Ответа не было. Андер шагнул через порог в зловещий полумрак. Краем глаза он заметил какое-то непонятное движение за спиной. Мрачное предчувствие усилилось. Что это было?

Принц с сожалением подумал об оружии, которое оставил дома. Замерев, он ждал, что будет дальше. Но все было тихо. Андер решительно пошел вперед.

— Лорен?

И вдруг слова застряли у него в горле. Израненные, бездыханные избранники лежали на полу в главном зале. Как будто дикие звери растерзали их в клочья. Лорен, Джейс — все мертвы. И некому больше идти к Источнику Огненной крови. Спасения ждать неоткуда.

Андера мутило от зрелища кровавой бойни, но он не мог отвести глаз. Ужас и отвращение овладели им, и одно лишь слово вертелось у него в голове.

ДЕМОНЫ!

Через минуту Андер вышел на воздух, его била сильная дрожь. Сообщив о случившемся Черным стражам, Андер поспешил во дворец. Будет лучше, если он первым скажет об этом отцу.

Ясно, кто убил избранников. Только демоны способны на такое злодеяние. Видимо, сильнейшие из них уже выбрались из-за стены Запрета. Они сделают все, чтобы Элькрис не возродилась, и тут же убьют любого, кто захочет помочь этому возрождению.

Андер быстро бежал по дорожкам дворцового сада. Теперь старый Вент был на месте. Завидев принца, он поднял голову.

Андер очень спешил и совершенно не обратил внимания на садовника.

Вент удовлетворенно прикрыл глаза. Лениво перебирая сухими пальцами землю, Маска продолжал работу.

Глава 5

Вечером Андер Элесседил, выходя из дома избранников, остановился на пороге, вглядываясь в темноту. Он тщательно запер дверь, теперь надолго. Опустевший, мертвый дом: тела шестерых избранников давно убрали. Никого нет. Но Андер не уходил, он стоял на пороге, один на один со своими мыслями.

Днем он еще раз просмотрел летописи ордена, но опять не нашел ни единого упоминания об Обереге. Да и нужно ли это теперь? — подумал он в отчаянии. Избранники мертвы, некому идти к Источнику Огненной крови. Однако он был рад, что у него нашлось дело на целый день, — это хоть как-то отвлекло от воспоминаний о кровавом зрелище.

Постояв с минуту, Андер направился через Сады в город. По всему Каролану горели факелы, повсюду были солдаты: Черные стражи плотным кольцом окружили Сады, город патрулировала личная гвардия короля — военная элита Эльфийских охотников. Эльфы были напуганы случившимся, и Эвентин поспешил выставить патрули, чтобы успокоить их. Хотя сам он был уверен, что сейчас им ничто не угрожает. Демонам нужны были только избранники. Однако предосторожность не повредит.

Но худшее уже случилось: Элькрис умирает, и нет надежды на возрождение. Запрет не сегодня завтра потеряет силу. Зло вернется в мир, и тогда эльфам уже не спастись. Со смертью Элькрис у эльфов не останется ничего, что сможет их защитить.

Выйдя из Садов, Андер остановился. Со вчерашнего дня чувство полной безысходности охватило его, и теперь он изо всех сил боролся со своим отчаянием, как с изнуряющей, коварной болезнью.

Что делать? Все равно они не знали, где искать Источник Огненной крови. А теперь, когда избранники мертвы...

Амбель!

Внезапно его озарило. Амбель. Он вспомнил совет Лорена. Вчера эта мысль казалась ему невозможной. Теперь она дарила надежду. Но как убедить отца, что только Амбель может помочь им? Как вообще приступить к этому разговору? Он хорошо помнил разочарование и горечь старого короля, когда его внучка отказалась от чести избрания. Но и отчаяние на лице отца сегодня утром он тоже помнил. Принц взвесил все за и против и принял решение. Он должен помочь отцу. И единственное, что он может сейчас сделать, — это уговорить короля послать за Амбель.

— Эльфийский принц?

Голос прозвучал словно ниоткуда. От неожиданности Андер отпрянул. Густая тень, темнее окружающей ночи, бесшумно отделилась от древних сосен, растущих вдоль границы Садов Жизни. Андер застыл в нерешительности, переводя дыхание, рука сама потянулась к мечу на поясе. Но сильные пальцы сдавили его запястье, и рука разжалась, выпуская оружие.

— Мир тебе, Андер Элесседил. — Голос был мягким, но властным. — Я не враг тебе.

Теперь Андер разглядел незнакомца: огромный, около семи футов ростом, мужчина, закутанный в дорожный плащ. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо, только проницательные узкие глаза по-кошачьи сверкали в темноте.

— Кто ты? — с трудом выдавил Андер.

Незнакомец приподнял капюшон, открывая лицо. Словно высеченное из камня, оттененное короткой черной бородой, оно было сумрачным и строгим. Черные волосы до плеч, суровый рот и темные глаза, которые, казалось, смотрели прямо в душу Андера. Принц почувствовал, что не может отвести взгляд.

— Твой отец знает меня, — ответил незнакомец. — Я Алланон.

Андер недоверчиво прищурился:

— Алланон? Но... Алланон умер.

Кошачьи глаза вспыхнули, голос прозвучал насмешливо:

— Да, и теперь явился тебе в качестве призрака.

— Нет, конечно нет... я понимаю. — Андер запнулся. — Но пятьдесят лет назад...

Отец не однажды рассказывал ему эту историю: поиски меча Шаннары, побег короля Эвентина из вражеского плена, битва при Тирсисе, гибель Повелителя чародеев от руки юного жителя долин Ши Омсфорда. Мудрость и могущество Алланона спасли тогда народы Четырех земель от неминуемой гибели. Но когда Повелитель чародеев был уничтожен, Алланон исчез. Последним его видел Ши Омсфорд. Поговаривали, что настанет день, когда Алланон вернется. Но никто не знал, где и когда он появится. Никто не ожидал увидеть его снова. Хотя Эвентин всегда говорил, что друид непредсказуем и ничего нельзя знать о нем наперед — последний из древних друидов, скиталец и мудрец, маг и защитник всех народов всегда приходил неожиданно и исчезал бесследно.

Но этот незнакомец — действительно ли он тот, за кого выдает себя? Как спросить об этом?

Будто прочитав мысли Андера, человек в черном плаще подошел ближе.

— Посмотри на меня внимательнее, принц эльфов, и ты увидишь, что я говорю правду.

Андер заглянул в черные глаза собеседника, и все его сомнения неожиданно рассеялись. Да, это действительно Алланон.

— Отведи меня к отцу.— Голос его был тих и спокоен.— Только так, чтобы меня никто не увидел. Никто не должен знать о моем появлении. Пойдем быстрее, пока нет стражи.

Андер не стал спрашивать, зачем это нужно. Он повернулся и быстро пошел в город. Не отставая ни на шаг, бесшумно, как призрак, друид следовал за ним.

Скрытые густой тенью деревьев, они прокрались к маленькой калитке, ведущей в дворцовый сад. Андер достал из кармана ключ, вставил его в замок, повернул, и через мгновение они уже были по ту сторону ограды.

Обычно сад не охранялся, только у главных ворот стояли часовые. Но сегодня утром в саду нашли старого Вента со сломанной шеей. Никто не связывал это событие с гибелью избранников, однако убийство произошло рядом с дворцом, и это насторожило гвардию. Поэтому в саду и в самом дворце был поставлен дополнительный караул. Дардан и Рой, офицеры личной охраны, с утра стояли у дверей королевских покоев.

Андер никогда бы не подумал, что можно проникнуть во дворец незамеченным. И все же каким-то непонятным образом они миновали стражу. В саду друид пошел впереди, бесшумный, как ночная тень, и, как тень, неуловимый. Андер старался ни на шаг не отставать от него. Наконец они остановились перед окнами королевского кабинета. Алланон постоял, прислушиваясь, затем осторожно потянул за щеколду. Окно открылось, и друид с принцем проникли в комнату.

Из-за стола, все еще заваленного книгами и рукописями, поднялся Эвентин Элесседил. Не веря своим глазам, он посмотрел сначала на сына, потом на незнакомца, которого тот привел с собой.

— Алланон! — тихо воскликнул король.

Друид плотно закрыл окно и повернулся к свету.

— Сколько лет прошло... — Эвентин задумчиво покачал головой, затем отступил назад. Первоначальное недоверие сменилось радостным удивлением. — Алланон! Ты совсем не изменился. Спусти столько лет... — Он запнулся. — Как?..

— Я такой же, как всегда, — коротко прервал его друид. — И этого достаточно, король эльфов.

Эвентин кивнул, жестом приглашая гостя. Он все еще не оправился от волнения. Они сели к столу, Андер же остался стоять, не зная, сесть ли ему с ними или уйти.

— Садись, принц эльфов. — Алланон указал на третий стул.

Андер не заставил просить себя дважды. Ему очень хотелось остаться и послушать, что скажет легендарный друид.

— Тебе известно, что произошло? — обратился король к Алланону.

Друид кивнул:

— Поэтому я здесь. Я почувствовал брешь в стене Запрета. Что-то очень сильное вырвалось наружу. Эта тварь...

В коридоре за дверью послышались шаги. Алланон мгновенно вскочил, но лицо его оставалось спокойным.

— Никто не должен знать, что я здесь.

Король молча кивнул, затем встал, подошел к двери и слегка приоткрыл ее. На пороге сидел Манкс; приветливо помахивая хвостом, он старался поймать взгляд хозяина. Эвентин вышел в коридор: Гаел нес ему чай. Король улыбнулся и забрал у юноши поднос.

— Иди и поспи хоть немного, — приказал он.

Гаел попробовал было возразить, но король прервал его:

— Никаких возражений. Утром будет много работы. Иди. Не беспокойся, у меня все в порядке. Скажи Дардану и Рою, чтобы ко мне никого не пускали. Я никого не хочу видеть.

Он резко повернулся и скрылся за дверью, плотно закрыв ее за собой. Однако Манкс успел проскочить внутрь и теперь, предварительно обняв незнакомца, с явным удовольствием лег у камина, закрыв глаза. Эвентин снова сел.

— Итак, эта тварь и убила избранников? — продолжил он прерванный разговор.

Друид кивнул:

— Я в этом уверен. Я почувствовал, что им грозит опасность, и поспешил сюда. К сожалению, я опоздал.

— Боюсь, что это моя вина, — печально улыбнулся король. — Мне сказали, что Запрет разрушается, а я не приставил к ним охрану. Да что теперь! Даже если бы избранники были живы, они бы все равно не знали, где искать Источник Огненной крови. Элькрис, правда, назвала место — Оберег. Ты знаешь, где это?

Друид отрицательно покачал головой.

— В летописях ничего нет об Обереге — ни в королевской библиотеке, ни в библиотеке ордена избранников, — продолжал король. — Положение безвыходное. Элькрис умирает. Чтобы ее спасти, один из избранников должен опустить ее семя в Источник Огненной крови и посадить на месте старого дерева. Только так Элькрис возродится.

— Я хорошо знаю легенду, — заметил друид.

Король едва сдержал себя, чтобы раздражение не вырвалось наружу.

— Тогда смотри сам: мы не знаем, где искать источник. Мы ничего не знаем об Обереге. Избранники мертвы. И ясно, что будет дальше: Элькрис умрет. Запрет потеряет силу. Зло выйдет в мир. И что тогда? Война. Вряд ли эльфы да и все остальные народы переживут ее. — Он немного успокоился и продолжил: — Я — король, всего лишь король. А ты — друид, ты — маг. Если ты можешь помочь, помоги. Иного выхода нет.

Алланон склонил голову в глубокой задумчивости.

— До того как прийти к тебе, Эвентин, я был в Садах Жизни. Я говорил с Элькрис.

Король недоверчиво вскинул голову:

— Ты?..

— Вернее, это она говорила со мной. Если бы она не захотела, разговора бы не получилось.

— Но ведь она говорит только с избранниками... — начал было Андер, но замолчал, наткнувшись на раздраженный взгляд отца.

— Мой сын прав, Алланон. Элькрис говорит только с избранниками, и даже с ними — крайне редко.

— Она говорит со всеми, кто служит ей, — спокойно ответил друид. — У эльфов это избранники. Но мы, друиды, тоже служим ей, хотя и не так, как вы. Во всяком случае, сегодня она говорила со мной. И судя по тому, что она сказала, ты ошибаешься, король эльфов, по крайней мере, в одном.

Эвентин ждал, что друид продолжит свою мысль, но тот просто сидел и пристально смотрел на него.

— Хорошо. — Король едва сдерживался. — Так в чем же я ошибаюсь?

— Прежде чем я скажу тебе, я хочу, чтобы ты кое-что понял. Я пришел помочь. Я сделаю все, что в моих силах, иначе зло уничтожит все живое в Четырех землях. Повторяю: я сделаю все, что в моих силах, но я должен быть уверен в одном. Я буду действовать так, как сочту нужным. Даже если тебе это не понравится, Эвентин Элесседил. Даже тогда. Ты понял меня?

Король помедлил, он пристально вглядывался в лицо друида, стараясь прочесть на нем больше, чем сказано. Алланон смотрел на него без всякого выражения. Наконец эльф кивнул:

— Я понял тебя. Ты полностью свободен в своих действиях.

— Хорошо. — Лицо мага оставалось бесстрастным. — Я верю, что смогу помочь найти Оберег. Я не узнал место, которое показала мне Элькрис. Мир давно не такой, каким она помнит его. Многое, очень многое изменилось со времени ее появления на свет. Она же помнит мир прежним, каким он был еще до Великих войн, и поэтому здесь она мало поможет. Но нам известно название: Оберег. В эльфийских летописях его нет. Надо искать в других местах. В Параноре, в Башне друидов, хранятся книги о магии древнего мира. Там наверняка есть упо-

минания о рождении Элькрис и об Источнике Огненной крови. Многое, если не все, есть в этих книгах — их писали мудрецы первого Совета друидов, а они хорошо изучили древнее магическое искусство. Если ты помнишь, возглавлял этот совет Галафил, а он был эльфом. Он вполне мог позаботиться о том, чтобы история рождения Элькрис и тайное место Источника были описаны в бесценных свитках.

Немного помолчав, он продолжил:

— Сегодня ночью, не откладывая, я отправлюсь в Паранор. Эти книги, кроме друида, никто не сможет найти. Вот почему мне надо идти туда самому. Я уверен: там есть упоминание об Обереге, не может не быть. Мы найдем Источник Огненной крови. — Алланон, не отрываясь, смотрел в глаза королю. — Теперь об избранниках, Эвентин. Вот здесь ты и ошибаешься. Не все они мертвы, король.

Напряженная тишина повисла в комнате.

— Убили всех шестерых... — начал было король, но внезапно замолчал.

— Но их было семь, — спокойно ответил друид. — Семь.

Лицо короля стало суровым, глаза гневно сверкнули.

— Амбель. — Он произнес имя как проклятие.

Друид кивнул:

— Она — избранник.

— Нет! — выкрикнул король, вскочив на ноги. — Нет, друид!

В коридоре раздались торопливые шаги, затем кто-то настойчиво застучал в дверь. Андер быстро сообразил, что крик короля встревожил Дардана и Роя. Он бросился к двери и слегка приоткрыл ее. К его удивлению, он обнаружил там не только стражников, но и Гаела. Они попытались заглянуть в кабинет, но принц загородил дверной проем. Король подошел к дверям.

— Я же велел тебе идти домой, Гаел, — сурово произнес Эвентин. — Почему ты здесь?

Гаел молча поклонился и отошел — слова короля задели его. Эвентин уверил стражников, что все в порядке, и те, успокоенные, ушли. Король некоторое время постоял у дверей, затем вернулся в кабинет. Он сумрачно посмотрел на сына, потом перевел взгляд на друида:

— Откуда ты знаешь об Амбель?

— Элькрис сказала мне, что избранников было семь. Шестеро юношей и девушка. Амбель Элесседил.

Друид замолчал, глядя на короля. Тень страдания легла на лицо Эвентина.

— Конечно, девушка-избранник — это довольно необычно, — мягко продолжал Алланон. — Их вообще было мало, за последние пятьсот лет — ни одной.

Король гневно вскинул голову.

— Эта честь ничего для нее не значила. Она отказалась. Опозорила свой народ и свою семью. Она не избранник больше. Она ушла, выбрала добровольное изгнание.

Алланон поднялся, внезапно лицо его стало суровым.

— Она твоя внучка, эльф. И речь твоя глупа.

Эвентин хотел ответить, но сдержался. Друид вплотную подошел к нему.

— Слушай меня. Амбель — избранник. Да, она не служила Элькрис, как остальные. Да, она отказалась от этой чести. Да, она покинула Арборлон по причине, известной только ей. Да, может быть, она опозорила свою семью, особенно тебя, в глазах людей. Возможно, она больше не считает себя избранником. Все это так. Но пойми: ты не можешь отнять у нее то, что ей дала Элькрис. Даже сама Амбель не может этого сделать. Только Элькрис имеет на это право. И пока она не решила иначе, Амбель остается избранником. Поэтому она может отнести семя дерева к Источнику Огненной крови, может дать дереву новую жизнь. — Он помедлил. — Даже королю не дано понять все до конца, Эвентин Элесседил. Есть вещи, которые нужно просто принять.

Эвентин молча смотрел на друида, гнев в его глазах сменился смущением и болью.

— Когда-то мы были близки, — сказал он наконец. — После смерти Айне, моего младшего сына, я стал ей отцом. Ей тогда было семь, совсем малышка. По вечерам мы играли... — От волнения его голос прервался, королю пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы немного успокоиться. — Я больше не встречал таких — нежная, ласковая, преданная. И не думай, что я говорю так только потому, что она моя внучка. Я знал ее душу. Последняя женщина-избранник была еще во времена Джерла Шаннары. Потом пятьсот лет — ни одной. И вот Ам-

бель. Это огромная честь, другие бы многое отдали за нее.— Король покачал головой.— Но Амбель отказалась. Она никому ничего не сказала — ни мне, ни матери, никому. Ни единого слова. Она просто уехала.

Он беспомощно замолчал. Алланон снова сел напротив, напряженно глядя в лицо.

— Ее надо вернуть. Она — единственная надежда эльфов.

— Отец! — Андер, повинувшись порыву, бросился перед королем на колени.— Отец, в ночь перед убийством Лорен говорил со мной. Он сказал, что Элькрис много и подолгу разговаривала с Амбель. Такого никогда раньше не было. Может быть, это наша последняя надежда.

Король безучастно смотрел на сына, как будто не слыша его. Затем выпрямился и кивнул.

— Слабая надежда, Андер. Но народ примет Амбель, ибо она нужна нам. Хотя в этом я не вполне уверен: в глазах эльфов поступок ее непростителен. Возможно, и Элькрис примет ее как избранника и даст ей свое семя. Я не знаю, что будет. И мои чувства здесь ни при чем.— Он снова повернулся к Алланону: — Все дело в ней самой, друид, в Амбель. Когда она уходила, она уходила навсегда. Ты не знаешь ее так, как я. Она не вернется.

Выражение лица Алланона не изменилось.

— Посмотрим. Но, по крайней мере, позвать ее мы должны.

— Я не знаю, где она.— В голосе короля прозвучало смятение.— Думаю, никто этого не знает.

Друид неторопливо налил чай в чашку и протянул ее королю.

— Я знаю.

Эвентин ошеломленно взглянул на него. Противоречивые чувства отразились на лице короля, на глаза навернулись слезы, но он быстро справился с собою.

— Я мог бы догадаться,— наконец сказал он, поднялся и отошел от стола.— Делай как хочешь, Алланон. Я не вправе тебе указывать. Ты это знаешь.

Алланон тоже встал.

— Теперь, пока я не уехал, мне нужен твой сын,— сказал он, к изумлению Андера.

Эвентин даже не повернулся к нему.

— Делай как хочешь.

— Помни: никто не должен знать, что я был здесь.

Король кивнул:

— Никто не узнает.

Друид молча, не прощаясь, исчез за окном. Андер постоял на месте, нерешительно глядя на отца, затем вылез следом за Алланом.

Он знал: сейчас король думает об Амбель.

К северу от Каролана, в темном лесу Западных земель, спокойно сидел на камне Дагдамор. Казалось, он спал. Но вдруг глаза его открылись, удовлетворенно сверкнув. Маска хорошо поработала. Демон встал. Посох Власти в его руках вспыхнул ярким огнем.

— Друид, — почти нежно прошептал он. — Я все знаю.

Он жестом подозвал Жнеца — бесформенная тень выступила из тьмы и встала рядом с ним. Дагдамор смотрел на восток. Он подождет друида в Параноре. Но не один. Демон чувствовал силу Алланона и опасался ее. Жнец мог бы противостоять этой силе, но у него есть другие дела. Нет, Дагдамор поступит иначе: ему по силам вытащить из-за стены Запрета других помощников.

Они поймают друида в капкан. Уничтожат его.

Глава 6

Алланон ждал Андера под окном, вместе они зашагали к калитке в глубине сада. Алланон попросил отвести его на королевскую конюшню. Всю дорогу они молчали, а когда пришли на место, Андер отпустил старого конюха, после чего Алланон вошел.

Масляные светильники тускло освещали два ряда стойл. Почуввав чужака, кони тихо заржали. Алланон медленно двинулся вдоль первого ряда стойл, внимательно рассматривая лошадей, дошел до конца и вернулся, оглядывая второй ряд.

— Вот, — повернулся он к Андеру. — То, что мне нужно.

Андер подошел. Коня звали Артак. Это был крупный вороной жеребец, около восемнадцати ладоней ростом, крепкий и сильный, а главное — выносливый. Этого коня держали больше для охоты, где нужна не столько скорость, сколько выносливость, хотя, если расстояние было коротким, никто не мог

угнаться за ним. В широко расставленных лазурных, необычных для лошади глазах светился ум: Артак не тот конь, который подчинится любому. Конь своенравный и совершенно непредсказуемый. Он любил поиграть с седоком, и очень часто эти игры для всадников кончались увечьями. Артак всегда сбрасывал на землю слабого или неловкого наездника. Очень немногие решались садиться на него. Даже король ездил на нем очень редко.

— Есть еще...— начал было Андер, но Алланон решительно покачал головой:

— Этот. Как его звать?

— Артак.

Артак. Некоторое время друид молча изучал коня, затем зашел к нему в стойло. Андер подошел поближе: ему было интересно, как конь примет незнакомца. Друид спокойно стоял перед черным гигантом, затем поманил его рукой. К удивлению Андера, конь пошел на зов. Алланон медленно погладил блестящую шею, что-то ласково шепча коню на ухо. Потом неторопливо оседлал его и вывел из стойла. Со словами ободрения он похлопал коня по спине, затем легко вскочил в седло.

Андер ждал, затаив дыхание. Медленно, очень медленно друид провел коня вдоль ряда стойл и обратно. Артак был тих и послушен: он сразу же почувствовал, что с этим всадником шутить не стоит. Друид подъехал к Андеру и соскочил на землю.

— Пока меня не будет, принц,— он глядел прямо в глаза эльфю,— присматривай за отцом. Я полагаюсь на тебя. С ним ничего не должно случиться.— Он помолчал.— Я полагаюсь на тебя,— повторил он тихо.

Андер кивнул, он был рад, что друид доверяет ему. Маг еще секунду внимательно смотрел на принца, потом отвернулся. Вместе они вышли из конюшни.

— До свидания, эльфийский принц.— Алланон снова вскочил в седло. Андер смотрел ему вслед, пока друид не растворился в ночной тьме.

Всю эту ночь и три последующих дня Алланон скакал на восток, по густым лесам Западных земель, мимо легендарной долины Ренн, потом по безбрежным равнинам Стрелехейма — на восток. Он не гнал коня, но позволял себе лишь короткие

передышки, чтобы поесть или напоить Артака. Он тщательно избегал открытых мест, стараясь держаться подальше от караванных путей и главных дорог. Пока только король эльфов и его сын знают о том, что он вернулся. Только они трое знают о летописях друидов в Параноре и о семи избранниках. Если демоны проведуют об этом, то могут помешать ему.

Конечно, сила его велика, но не беспредельна, так что осторожность не помешает.

Алланон приехал в Паранор на закате. Его никто не преследовал, в этом друид был уверен. Он привязал Артака в роше неподалеку от древней крепости и оставшийся путь проделал пешком. Многое здесь изменилось со времен Повелителя чародеев. Не было волков, которые рыскали по окрестным лесам, не было и стены ядовитых колючек вокруг Башни. Спокойный и мирный лесной край ожидал наступления ночи.

Алланон остановился у подножия Башни. Древняя крепость друидов возвышалась над окрестными лесами; вырубленная из камня на вершине почти отвесного утеса, она напоминала картинку из детской книги волшебных сказок. Нагромождение стен и башен, шпилей и переходов — крепость казалась творением не рук человека, а какой-то неведомой могучей силы, некогда вытолкнувшей ее из недр земли вместе со скалой.

Побелевшие от времени камни крепости четко выделялись на фоне синего ночного неба.

Алланон не сразу направился в Башню. История Паранора — это история друидов, история его предков. Корни этой истории терялись в веках, она началась через тысячу лет после Великих войн, которые уничтожили человеческий род и полностью изменили облик мира. Это было опасное, дикое, страшное время: выжившие после Великих войн начали новую войну. Единый род людей разделился на четыре новых: люди, карлики, гномы и тролли, которые вместе с оставшимися эльфами заселили Четыре земли. Тогда же в Параноре собрался первый Совет друидов; их созвал Галафил — самый мудрый из них — в отчаянной попытке спасти новый мир от всеобщего безумия и хаоса. Здесь они записали легенды и предания древнего мира, чтобы сохранить их для тех, кто придет следом. Были тщательно изучены все чудеса древней магии, отрывки собраны воедино, некоторые тайны раскрыты. Сотни лет друиды, муд-

рецы нового мира, трудились в Параноре, чтобы возродить, хотя бы частично, то, что было утеряно во время Великих войн.

Но их усилия в конечном итоге не принесли плодов. Один из них пал жертвой непомерного честолюбия и жадности власти, столь великой и неодолимой, что в конце концов она поглотила его целиком. Его звали Брона. В Первой войне рас он сам повел армию людей против других народов, стремясь стать повластным хозяином Четырех земель. Тогда друидам удалось захватить его и заточить в тюрьму, где он и умер. Но через пятьсот лет он вернулся в мир под именем Повелителя чародеев. Он заманил друидов в ловушку в их же собственной Башне и уничтожил одного за другим, как ему казалось — всех. Но одному удалось спастись. Это был Бремени, отец Алланона. Бремени выковал волшебный меч, которому Повелитель чародеев не мог противостоять, и отдал его эльфийскому королю Джерлу Шаннаре. С его помощью эльфы одержали победу во Второй войне рас, и снова Повелитель чародеев был изгнан с земли.

После смерти Бремени Алланон остался последним из друидов. Он запечатал Башню — Паранор стал историей, памятником минувшей эпохи, эпохи великих героев и великих деяний.

Алланон покачал головой: все это в прошлом, а он должен сейчас думать о настоящем.

Он медленно пошел вдоль подножия крепости, тщательно приглядываясь к каждой трещинке, к каждому выступу в камне. Наконец он остановился и прикоснулся рукой к скале. Каменная глыба повернулась, открывая тщательно скрытый коридор. Друид проскользнул в узкое отверстие, и камень за его спиной встал на место.

Внутри было совершенно темно. Друид пошарил рукой по стене у входа, пока не наткнулся на факел. С помощью кремня, который всегда был у него с собой, он высек огонь. Высоко подняв над головой горящий факел, Алланон некоторое время постоял на месте, давая глазам привыкнуть к полумраку коридора. Едва видимый ряд грубо отесанных каменных ступеней уходил вверх, в темноту. Друид начал подниматься. В тяжелом, спертом воздухе пахло пылью. Холод, хранимый неизмеримой массой камня, охватил его, пробрал до костей. Друид плотнее завернулся в плащ и продолжил путь по лестнице.

Наконец Алланон остановился у массивной железной двери. Поднеся факел поближе, он внимательно рассмотрел узор на ее поверхности, затем легко коснулся пальцами сплетения странных знаков, и дверь открылась.

Алланон вошел в отопительную шахту Башни. Абсолютно круглая, похожая на пещеру, с узенькой галереей вокруг глубокой черной ямы, огражденной только низкими железными перилами. Вдоль галереи тянулся ряд дверей, все они были заперты.

Алланон подошел к перилам и, держа перед собой факел, заглянул в яму. Слабые отблески пламени заглясали на почерневших стенах, покрытых слоем золы и ржавчины. Очаг, некогда согревавший крепость, теперь был холоден и мертв. Но глубоко внизу, под массивными железными заслонами, все еще горел огонь земли. Даже сейчас друид ощутил его.

Алланон вспомнил другие времена. Пятьдесят лет назад он с друзьями пришел сюда, в Паранор, из Кулхейвена: Омсфорды — Ши и Флик, Балинор Буханн, принц Каллахорна, Менион, принц Лиха, Дьюрин и Дазль Элесседила и доблестный карлик Хендель. Они искали легендарный меч Шаннары: в то время Повелитель чародеев вновь вернулся на землю, и только сила меча могла противостоять ему. Они пришли тогда в Башню и едва не остались там навсегда. В этом самом зале Алланон насмерть сражался с одним из посланников Черепа, воином Повелителя чародеев, который знал об их приходе и поджидал здесь.

Глаза Алланона блеснули, он внимательно прислушался к тишине. Что-то насторожило его, вызвало неясное чувство опасности. Что-то было не так. Что-то...

Он постоял в нерешительности, затем покачал головой. Нет, это просто воспоминания. Ничего больше.

Он обогнул яму и подошел к узкой винтовой лестнице, круто уходящей вверх. Не оглядываясь, быстро поднялся в верхний зал Башни друидов. Здесь все было так же, как пятьдесят лет назад. Тонкими серебряными лентами звездный свет проникал сквозь высокие пыльные окна, мягко касаясь полированного дерева стен и перекрытий. На стенах висели картины и гобелены; ночь стерла краски, оставив лишь серый и синий цвета. Огромные металлические и каменные статуи воинов

стояли у входа. Все покрывал толстый, мягкий слой пыли, лаутина свисала с потолка до самого пола.

Алланон медленно обошел зал. Его факел едва светил в затхлом воздухе, который десятилетиями не обновлялся в Башне. Шаги мага отдавались в глубокой тишине гулким эхом, пыль, поднятая ногами, неторопливо оседала за спиной. Верхний зал был, в сущности, широким длинным коридором с рядами дверей по обеим сторонам; их металлическая обшивка ослепительно вспыхивала в отблесках пламени. Главный коридор пересекался вторым, поменьше; друид свернул направо. Дойдя почти до конца, он остановился перед небольшой дверью из белого дуба. Она была заперта. Алланон достал из сумки на поясе большой резной ключ. Ржавый замок сначала не поддавался, но наконец дверь открылась. Маг вошел внутрь, плотно закрыв ее за собой.

Маленькая комната без единого окна. Когда-то здесь был рабочий кабинет: по всем четырем стенам тянулись длинные полки с книгами; переплеты их давно выщвели, страницы почти истлели. В глубине комнаты у дальней стены до сих пор стояли два стола и плетеные стулья, одинокие, как забытые стражники на ненужном уже посту. Ближе к двери были придвинуты кресла, обитые кожей. Старинный, ручной работы ковер, затканый переплетением древних гербов и гроздьями золотых листьев, покрывал пол кабинета.

Друид сразу же направился к стене слева от входа. Почти не глядя, он прикоснулся к гвоздю на краю третьей снизу полки. Открылась потайная дверь, ему пришлось чуть-чуть подтолкнуть ее, чтобы протиснуться в следующую комнату. Друид отдернул портьеру.

Он стоял в древнем хранилище, выложенном плотно подогнанными друг к другу гранитными плитами. Длинный деревянный стол посредине, полдюжины стульев. Если не считать этого, комната была совершенно пуста. Ни окна, ни двери, кроме той, в которую он вошел. Дышалось легко, хотя воздух был застоявшийся. Странно, что в комнате почти совсем не было пыли.

От принесенного факела Алланон зажег светильники у входа и две свечи на столе. Он подошел к совершенно гладкой стене. С минуту шарил руками по камню, потом остановился, плотно прижал кончики пальцев к гранитной плите и опустил голову,

как бы сосредоточиваясь. Сначала ничего не происходило, затем ярко-синее свечение начало растекаться из его рук по стене, как кровь по сосудам в живом теле. На мгновение вся стена как будто беззвучно взорвалась синим огнем; затем и стена, и огонь исчезли.

Алланон отступил на шаг. Там, где секунду назад была сплошная каменная стена, теперь тянулись ряды огромных переплетенных в кожу книг, изысканно отделанных золотом. За этим Алланон и пришел в Паранор — летописи друидов, все магические знания древнего и нового миров, спасенные после Великих войн, были собраны здесь.

Алланон бережно вынул один из тяжелых томов. Книга хорошо сохранилась — время почти не оставило на ней следа; Алланон позаботился об этом. Пятьсот лет назад, после смерти Бремена, когда он осознал, что остался последним, он построил это хранилище, чтобы защитить книги от всепожирающего времени, сохранить знания, содержащиеся в них, для тех, кто придет в мир и будет нуждаться в их мудрости. Время от времени друид возвращался сюда, в Башню, и аккуратно записывал все новое, что ему удавалось узнать во время скитаний по Четырем землям. Многие в этих записях было связано с секретами магии, с силами, которых никто, даже друиды, не может постичь до конца и тем более использовать для своих целей. Друиды позаботились о том, чтобы надежно уберечь эти тайны от тех, кто мог бы обратить их во зло. Но теперь друидов нет, и придет день, когда его, последнего из них, тоже не станет. Кто же тогда унаследует тайну могущества? Алланон уже давно задавал себе этот вопрос, но до сих пор не нашел на него ответа.

Он быстро пролистал книгу, поставил на место, взял другую. Заглянув в эту, отнес ее к столу и сел. Не торопясь, начал читать.

Он не следил за временем. Часа три просидел он, не отрывая глаз от мелко исписанных страниц. Уже к концу первого часа Алланон нашел запись об Обереге, но продолжал читать дальше.

Наконец он поднял глаза и устало откинулся на спинку стула. Некоторое время друид просто сидел, невидящими глазами скользя по рядам книг, хранящих древнее знание. Он нашел то, что искал. И пожалел, что нашел. Лучше бы ему не знать об этом.

Он думал о разговоре с Эвентином Элесседилом. Тогда он сказал королю, что Элькрис говорила с ним в Садах Жизни. Но не все из того, что она показала ему, он открыл эльфу. Отчасти потому, что многое в ее образах было сбивчиво и неясно, отчасти потому, что он просто не мог поверить услышанному, не проверив сперва по летописям друидов, — настолько это казалось невероятным. Что ж, он проверил. Теперь он знает, что это правда. И эту правду он должен скрыть — от Эвентина, ото всех. Безысходное отчаяние охватило Алланона. Так уже было пятьдесят лет назад, тогда он тоже не сказал юному Ши Омсфорду всей правды — она должна была выявиться в неумолимом течении событий. Выявиться сама, ибо друид не имел права решать, когда и где она должна быть открыта. Он не имел права вмешиваться в естественный ход событий.

Но теперь, наедине с тенью своих предков, последний из их рода, он сомневался в правильности тогдашнего решения. Он много думал и пришел к выводу, что оказался не прав. Может быть, и теперь лучше было бы с самого начала сказать всю правду? Не ошибается ли он и на этот раз?

Поглощенный противоречивыми мыслями, Алланон встал и отнес книгу на место, затем провел рукой по воздуху — опять появилась гранитная стена. Он рассеянно оглядел ее, потом резко отвернулся и погасил в зале свет, оставив лишь факел, с которым пришел. Не оглядываясь, друид вышел через потайную дверь.

В кабинете он долго провозился с заржавленным механизмом замка. Наконец секция с книгами встала на место. Алланон печально оглядел комнату. Древняя крепость превратилась в могилу. Запах и привкус смерти — вот все, что осталось от бывшего величия. Когда-то это был храм познания, храм мудрости. Но не теперь. Теперь внутри этих стен больше нет места для жизни.

Он нахмурился. Здесь так неуютно. Ему хотелось поскорее выбраться из Паранора. Это несчастливое место, и он должен принести это несчастье другим.

Он бесшумно подошел к двери, открыл ее и шагнул в коридор.

Не далее чем в двадцати футах от двери, сгорбившись, стоял Дагдамор.

Алланон похолодел. Демон ждал его один; не своя с врага тяжелого взгляда, он лениво перебирал пальцами по Посоху Власти. Хриплые звуки его дыхания, как нож, разрезали глубокую тишину. Дагдамор молчал, он просто стоял и внимательно рассматривал человека, которого пришел уничтожить.

Алланон осторожно двинулся к центру коридора, впиваясь глазами в мутную черноту впереди. Почти сразу же он увидел остальных — неуловимые, похожие на смутные видения фигуры выползали из сумрака, глаза их горели зеленым огнем. Их было много, медленно, но неотвратно приближаясь, они смыкали круг, как волки вокруг загнанной жертвы. Они завывали, предвкушая убийство. В гляшущем свете факела Алланону никак не удавалось разглядеть их лица. Он заметил лишь колышущуюся массу серой шерсти и лапы, неуловимо напоминающие человеческие руки, вывернутые и искореженные, с длинными когтями. Наконец маг увидел их лица — искаженные яростью и злобой женские лица, рты — как пасти свирепых кошек.

Теперь он узнал их, хотя уже тысячи лет они не появлялись на земле. Вместе с другими демонами их оградили стеной Запрета; порождения зла и безумства древнего мира, они питались человеческим мясом, неутолимо жаждали свежей крови.

Фурии!

Алланон наблюдал, как они извиваются, полные решимости изорвать его в клочья. Похоже, на этот раз смерти не избежать. Даже для друида их было слишком много — он понял это сразу. Его силы не хватит, чтобы остановить их всех. Они бросятся на него одновременно, со всех сторон, терзая своими когтями.

Он быстро взглянул на Дагдамора. Демон стоял на том же месте, не своя с друида темных глаз. Он не счел нужным вмешиваться — фурий вполне достаточно. Это ловушка. Конечно, Алланон будет бороться до конца, но все же он погибнет.

Пронзительные кошачьи вопли фурий отдавались эхом по всей Башне. Когти с отвратительным скрежетом царапали мраморный пол.

А потом Алланон исчез.

Это произошло столь внезапно, что сбитые с толку фурии на мгновение застыли, с изумлением уставившись на то место,

где только что стоял друид; они даже перестали вопить. Факел его так и висел в воздухе — маяк света в черной дымке, зачаровавший их. Затем он обрушился на пол ливнем искр — пламя погасло, и Башня погрузилась во тьму.

Иллюзия длилась всего несколько секунд, но и этого было достаточно — Алланон вырвался из кольца смерти. Он бросился к двустворчатой дубовой двери в ближайшем конце коридора. Дагдамор взвыл от ярости и поднял над головой Посох Власти. Красное пламя метнулось по коридору, разбрасывая и опалая фурий, вслед за друидом. Но Алланон не медлил, он отскочил, уклоняясь от огненного потока. А пламя ударилось в двери, разнося их на куски, железная обшивка оплавилась, дерево задымилось. В то же мгновение Алланон рванулся в пролом и скрылся в темноте.

Фурии уже неслись за ним, как стая голодных зверей, захлебываясь воем. Самые проворные догнали друида, когда он замешкался, стараясь отпереть окно. Алланон резко обернулся, схватил обеими руками двух ближайших к нему тварей, тянувших когтистые лапы к его горлу, и с силой швырнул их в гущу остальных. Потом поднял руки, и синий огонь вырвался из его пальцев — на миг между Алланоном и чудовищами выросла стена бушующего пламени. Опыяненные близостью жертвы, самые кровожадные из фурий бросились в огонь и погибли, прочие выжидали. Когда пламя исчезло, окно было распахнуто, друид скрылся.

Прижавшись спиной к каменной стене Башни, на высоте почти в тысячу футов, он шел по узенькому уступу, обрывающемуся в темноту. Порывистый ветер угрожал сбросить его вниз. Алланон пробирался к узкому каменному навесному мостику между двумя башнями, шириной не более трех футов. Это единственная возможность спастись. Оторвавшись от стены, он ступил на мостик.

Фурии, визжа от ярости и разочарования, устремились в погоню. На гладком, скользком камне они чувствовали себя более уверенно, чем Алланон. Появившись в окне, через которое выбрался друид, Дагдамор снова поднял Посох Власти, и снова смертоносный огонь метнулся за жертвой. Алланон упорно шел вперед, однако теперь он видел, что не успеет перейти на другую сторону и фурии настигнут его. Опустившись

на одно колено, он повернулся к преследователям и широко взмахнул руками — стена из синего огня встала между ними, как щит. Красное пламя Посоха ударилось в нее и разбилось, не причинив вреда. Однако друида отбросило назад, он едва не упал вниз, споткнувшись на узком мосту. А фурии снова были рядом.

На этот раз они настигли Алланона: когти продрали ткань плаща. Острая, жгущая боль пронзила плечо и грудь; собрав все силы, он оттолкнул впившихся в него тварей, и те рухнули с моста, истошно вопя от ужаса. Друид продолжал свой путь. Опять фурии приближались к нему, давя и сбрасывая друг друга вниз в пылу погони, их странные полуженские-полукошачьи лица были искажены от ненависти. И опять друид отбросил их, но силы уже покидали его, израненное тело болело, одежда пропиталась кровью и стесняла движения.

Наконец он добрался до соседней башни. Устало прислонившись к каменной стене, Алланон обернулся и поднял руки. Синий огонь обрушился на мостик, который, задрожав, обвалился. Фурии вместе с ним упали в ночь.

Огонь Посоха Власти зажег воздух вокруг друида, но Алланон успел ускользнуть, обогнув круглую стену башни. Там он нащупал в стене маленькую железную запертую на замок дверцу и, вышибив ее плечом, пропал.

Глава 7

В Сторлоке, маленькой деревушке гномов-целителей, гроза начала утихать только поздним утром. Это была потрясающая картина: вспышки свирепых молний под оглушительные раскаты грома разрывали горы черных клубящихся туч, ливень колотил по земле как крупный град, ветер вырывал с корнем целые деревья и сносил крыши с низких домиков. Буря пришла с равнин Рабб на рассвете и теперь продвигалась на восток, к темному гребню Вольфсктаага, заливая весь средний Анар мутными потоками воды и размокшей грязи.

Вил Омсфорд стоял на крыльце и рассеянно наблюдал за струйками дождя. Плотные тучи все еще закрывали солнце, легкий туман поднимался с теплой земли, смешиваясь с прохладой грозового воздуха. Все вокруг казалось серым и сумрач-

ным, и только капельки дождя на листьях винограда искрились зеленой свежестью.

Долинец (так называли жителей Тенистого Дола) зевнул и устало потянулся. Всю ночь он не спал, ухаживая за детьми, больными лихорадкой. Конечно, его могли бы отпустить пораньше, но было неудобно просить об этом. Пока что он был всего лишь учеником у сторов, а тому, кто собирается стать целителем, не пристало избегать трудностей.

Он был слишком возбужден, чтобы заснуть сейчас. Кроме того, обязательно нужно навестить Флика. Он усмехнулся: старый дядюшка Флик непременно вытащит его из постели, если Вил не пойдет к нему хотя бы на несколько минут.

Он сошел с крыльца, внимательно глядя под ноги, но сапоги тут же увязли в размокшей земле. Вил не отличался большим ростом, он был, может быть, лишь на дюйм-два выше Флика и более хрупкого, чем дядя, сложения. Черты лица он унаследовал от деда, полуэльфа: тонкий нос, узкие губы, слегка заостренные уши, светлые брови, расходящиеся от переносицы резким углом, и светлые выющиеся волосы. Черты отнюдь не характерные для людей из Дола отличали Ши Омсфорда, а теперь — его внука.

Вил обернулся на звук торопливых шагов. Один из гномов-служителей, помощников сторов, плотно закутанный в непромокаемый плащ, запыхавшись, приблизился к Вилу. Желтое морщинистое лицо блестело от капель дождя.

— Вил Омсфорд, дядя спрашивал о тебе всю ночь, — торопливо заговорил он. — Он хотел, чтобы я узнал...

Вил понимающе кивнул, подошел поближе и сжал плечо гнома:

— Спасибо. Я как раз иду к нему.

Служитель молча повернулся и заспешил домой. Вил смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за пеленой дождя, затем пошел дальше.

По дороге Вил улыбался своим мыслям. Бедный дядя Флик! Он бы вообще никогда не приехал сюда, если бы Ши не заболел. Флик не особенно жаловал Восточные земли, без которых, как он был глубоко убежден, мог бы прекрасно обойтись, чего желал и своему племяннику. А уж гномов Флик на дух не выносил, хотя сторы были добрым, славным народом.

За долгую жизнь Флика слишком много гномов пытались прикончить его, особенно во времена поисков меча Шаннары. Такое нелегко забывается; и эти воспоминания определили его отношение ко всем гномам вообще. Действительно, дядя никогда бы сюда не явился, если бы Ши смог сам навестить внука, как когда-то обещал; но Флик почему-то решил, что, раз Ши болен, он обязан сделать это за него. И вот он здесь. Так что во всем виноват был Ши, что дядя Флик и поспешил высказать Вилу через десять секунд после своего прибытия. Ведь если бы Ши не дал своего опрометчивого обещания, Флик сейчас был бы дома, а не торчал в Сторлоке, там, где ему меньше всего хотелось находиться. Но дело в том, что он был братом Ши, то есть дядей Вила — считать себя двоюродным дедом он решительно отказывался, — и если его брат по какой-то причине не может выполнить своего обещания, то кто-то должен сделать это вместо него. И этим кем-то был Флик.

Невдалеке показался домик для приезжающих, и Вил неохотно направился туда. Он очень устал и был совершенно не расположен к продолжительной беседе, которая, вероятнее всего, сейчас и начнется, ведь за те несколько дней, что Флик пробыл в деревне, Вил провел с дядей очень мало времени и совсем не видел его последние тридцать шесть часов. Конечно, у него было много работы, но он знал, что дяде эта причина вряд ли покажется убедительной.

Вил все еще был занят своими мыслями, когда на крыльцо вышел сам Флик. Едва он завидел племянника, его седобородое лицо застыло в мрачном неодобрении. Смирившись с неизбежным, Вил поднялся по ступенькам и стряхнул воду с плаща.

Некоторое время Флик молча изучал его, затем покачал головой.

— Ты выглядишь очень усталым, — резко сказал он без всякого приветствия. — Почему ты не пошел спать?

Вил уставился на него:

— Потому что мне сказали, что ты хотел меня видеть.

— Неправда, я никого не посылал!

— Ну ладно. — Вил беспомощно пожал плечами. — Я подумал, что надо бы зайти к тебе, ведь за все это время мы с тобой так мало виделись.

— Да, действительно, — проворчал Флик, он был явно доволен этим признанием. — И все же ты выбрал не совсем удач-

ное время, чтобы исправить эту ошибку. Я же знаю: ты не спал всю ночь. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— У меня все отлично.— Вил слегка улыбнулся.

— А выглядишь ты совсем не отлично. А тут еще эта погода.— Флик поежился, глядя на струи дождя.— Этот проклятый дождь льет без остановки. Я старик, мне все равно, ты знаешь. Но это может надоесть любому, даже будущему целителю.— Он покачал головой.— Тебе бы лучше вернуться в Дол.

Вил рассеянно кивнул.

Два года назад он ушел из Тенистого Дола. Два года он живет в деревне сторов, изучая врачебное искусство у всеми признанных мастеров, чтобы когда-нибудь вернуться в Южные земли целителем и там спасти людей своими знаниями. К сожалению, именно стремление стать целителем и вызывало постоянное раздражение Флика, хотя Ши воспринял все это спокойно. Когда родители Вила умерли от лихорадки, он, тогда еще совсем мальчишка, решил окончательно и бесповоротно, что, когда вырастет, будет целителем. Тогда же он объявил деду и дяде о своем решении. Они согласились, посчитав это за очередное ребячество. Но Вил не изменил своего решения. Достигнув совершеннолетия, он поставил их в известность, что намерен серьезно учиться, но не в Южных землях, а у лучших лекарей Четырех земель — у сторов. Вот тогда они и переменили свое отношение к его планам на будущее. Добрый дядюшка Флик уже давно составил мнение о гномах и о Восточных землях. Да и дед уперся: не было такого, чтобы южанин учился у сторов. Вил даже не знает их языка: почему он думает, что целители примут его?

Но Вил ушел, несмотря на все доводы, только для того, чтобы, представ перед Советом целителей выслушать вежливый, но твердый отказ: никогда сторы не учили чужеземцев и учить не будут. Он может оставаться в Сторлоке сколько захочет, но никогда он не станет одним из них.

Но Вил не отступил. Он решил для начала выучить язык. На это ушло два месяца. Затем он снова предстал перед Советом и снова попытался уговорить гномов, теперь уже на их родном языке. Но и на этот раз ему отказали. Он стал ходить в Совет чуть ли не каждую неделю, он рассказал им все про себя и про свою семью, все, что повлияло на его намерение стать целителем, все, что, как он думал, могло бы изменить

их решение. Наконец что-то сработало, потому что однажды, без лишних объяснений, ему объявили, что они научат его всему, что знают сами. Если у него есть способности и он подкрепит их усердием, то со временем станет настоящим целителем.

Вил улыбнулся этим воспоминаниям. Как он был счастлив тогда! Его дед и Флик тоже были довольны, когда узнали, что его приняли, хотя и потом не упускали случая высказать свое неодобрение по поводу упрямства Вила. Что больше всего беспокоило Флика, так это разлука с племянником. Он скучал по их совместным забавам — по охоте, рыбалке, веселым чудачествам. Он скучал по тем временам, когда Вил жил с ними в Тенистом Доле. Жена Флика умерла очень давно, и у них никогда не было детей. Так что Вил был ему сыном. Флику хотелось, чтобы Вил навсегда остался в Доле и помогал управляться с постоялым двором. Они бы славно зажили втроем — Флик, Ши и Вил Омсфорды. Но Вил ушел, поселился в Сторлоке, далеко от Дола и от своей прежней жизни. Флик так никогда и не смирился с этим.

— Ты меня слушаешь? — резко спросил дядя, насупив брови.

— Слушаю, — уверил его Вил и ласково положил руку ему на плечо. — Успокойся, дядя Флик. Я обязательно вернусь. Но мне еще многому надо научиться.

— Ладно, я о тебе беспокоюсь, а не о себе, — быстро проговорил Флик, выпрямляясь. — Мы с твоим дедом прекрасно управляемся и без тебя, вот только не знаю, обойдешься ли ты без нас. Посмотри на себя. Это занятие слишком тяжело для тебя, Вил. Твое упрямство, похоже, мешает тебе понять: мы не можем делать все, что хотим. Мы просто физически не можем всего охватить. Ты обычный человек, такой же, как все мы. Что мне нужно сделать, чтобы ты наконец понял это? — Похоже, дядя собирался сказать больше, но с усилием сдержался. — Ладно, сейчас не время. — Он тяжело вздохнул и похлопал Вила по плечу: — Идешь спать? Мы поговорим потом, когда ты...

Вдруг выражение его глаз изменилось, голос оборвался на середине фразы. Вил проследил за его взглядом. Какое-то движение в тумане — тень, темная и одинокая. Они с любопытством наблюдали за тем, как она медленно выступает из дымки: конь и всадник, один чернее другого. Всадник низко наклонил-

ся к шее коня, как бы утомленный долгой ездой, его черный плащ промок и плотно облепил тело.

Внезапно мрачное предчувствие овладело Вилом. Это не стор, и всадник не был похож ни на одного человека, которого он когда-либо видел.

— Не может быть...— услышал он бормотание Флика.

Однако дядя не закончил свою мысль — он бросился вперед к краю крыльца, едва не поскользнувшись на мокрых ступенях. Вил подошел и встал рядом. Всадник направился прямо к ним. Мрачное предчувствие все нарастало, какое-то мгновение Вилу даже хотелось убежать, но теперь бежать было поздно. Они могли только ждать.

Подъехав почти вплотную, всадник остановился. Голова его была низко опущена, широкий капюшон скрывал лицо.

— Здорóво, Флик.

Всадник говорил почти шепотом. Вил увидел, как дядя вздрогнул:

— Алланон!

Всадник соскочил на землю, но одной рукой крепко вцепился в гриву коня, как будто не мог держаться на ногах. Вил сделал шаг вперед и остановился. Во всем этом было что-то странное.

Алланон заглянул ему в глаза:

— Вил Омсфорд? — (Долинец удивленно кивнул.) — Быстро зови сторов...— начал было он, но внезапно замолчал, едва не потеряв сознание.

Вил бросился вниз с крыльца на помощь друиду, но остановился, когда тот предостерегающе взмахнул рукой:

— Делай, как я сказал, долинец,— иди!

Теперь Вил разглядел: плащ Алланона был пропитан кровью. Без лишних слов он побежал за целителями, слабость и усталость как рукой сняло.

Глава 8

Хотя оба, Флик и Вил, рвались сопровождать раненого друида, сторы вежливо, но твердо дали понять, что их помощь не требуется. Молчаливые и загадочные, они вместе с Алланонном скрылись за дверями, оставив долинцев стоять под дож-

дем. Когда стало ясно, что сейчас все равно ничего не узнать, Вил попрощался с дядей и отправился спать.

Вечером того же дня Алланон позвал к себе обоих Омсфордов. Вил принял приглашение со смешанным чувством. С одной стороны, ему было любопытно. Дед и Флик часто рассказывали ему о друиде, но ни в одном рассказе не упоминалось о чем-то подобном тому, что он видел сегодня утром. Даже посланник Черепа, с которым друид сражался в Параноре, не причинил ему такого вреда. Вилу было интересно услышать об этом человеке, обитающем в Четырех землях, который был сильнее крылатых слуг Повелителя чародеев. С другой стороны, его встревожило появление друида в Сторлоке. Возможно, это случайное совпадение, что Алланон появился здесь именно тогда, когда оба Омсфорда оказались в деревне. Ведь могло быть и так, что друид приехал за помощью к сторам и случайно натолкнулся на них. Но Вилу не верилось: неспроста это все, здесь что-то кроется. Но что? И почему он позвал их к себе? Вил мог бы понять желание Алланона побеседовать с Фликом: как-никак они встречались и раньше и однажды даже совершили вместе опасное путешествие. Но зачем ему Вил? Ведь они совсем незнакомы. Что может понадобиться друиду от младшего Омсфорда?

Тем не менее он покорно вышел из дома и поплелся к дяде. Чем больше Вил думал о предстоящей встрече, тем больше ему хотелось куда-нибудь скрыться. Однако он был не из тех, кто избегает опасностей, к тому же он мог и ошибиться. Может быть, друид просто хочет поблагодарить его за помощь.

Флик уже ждал на крыльце, плотно закутавшись в дорожный плащ, и бормотал что-то о проклятой погоде. Он был явно взволнован. Молча они направились к домику, где лечили больных.

— Как ты думаешь, что ему от нас нужно, дядя Флик? — чуть погодя спросил Вил, поплотнее запахивая свой плащ.

— Поди знай, — проворчал Флик. — Скажу одно: каждый раз, когда он появляется, беда идет за ним по пятам.

— Нам что-то угрожает? — решил спросить Вил, заглядывая в лицо дяде.

Флик неопределенно покачал головой:

— Он появился здесь с какой-то целью и, уж конечно, позвал нас не затем, чтобы сказать «Привет!» или «Как дела?».

Во всяком случае, что бы он ни сказал, это будет не то, что нам хотелось бы услышать. Я-то хорошо его знаю. Так было раньше, и я не думаю, что он изменился. — Флик резко остановился и поглядел племяннику в лицо: — Следи за собой, Вил. С ним надо держать ухо востро: это ненадежный человек. Я хотел сказать — подозрительный.

— Конечно, дядя Флик, я буду осторожен, но мне кажется, что не стоит особо переживать. Мы ведь оба знаем кое-что об Алланоне. Да и ты будешь там, чтобы помочь мне.

— Что ж, и буду. Именно это я и намерен делать. — Флик отвернулся и пошел дальше. — И все-таки помни, что я тебе сказал.

Через несколько минут они подошли к домику и вошли внутрь. Едва они вошли, как одетый в белое стор-целитель подошел к ним, приветливо кивнул и, не произнося ни слова, повел их по длинному коридору. Он был совершенно пуст: ни дверей, ни окон — голые каменные стены и чистый пол. И только в самом его конце была единственная дверь, плотно закрытая и, видимо, запертая изнутри. Стор тихонько постучал, затем повернулся и ушел. Вил недоуменно, почти встревоженно посмотрел на дядю, но тот не сводил глаз с закрытой двери. Они ждали.

Наконец дверь распахнулась, и Алланон вышел к ним. Он выглядел так, будто не истекал кровью несколько часов назад. От ужасных ран не осталось и следа, черный плащ тщательно очищен от крови. Лицо друида было напряженным, но не от боли. Секунду он внимательно смотрел на них, после чего жестом попросил войти.

— Присаживайтесь, разговор будет долгим. — Приглашение было больше похоже на приказ.

Они уселись за маленький стол. Кроме стола, четырех стульев и огромной кровати, в комнате не было никакой мебели. И окон не было, как в коридоре, по которому они пришли сюда. Вил быстро огляделся, затем все его внимание обратилось на друида. Дед и Флик часто описывали Алланона, и сейчас он выглядел точно так же, как в их рассказах, хотя последний раз они видели друида задолго до рождения самого Вила.

— Ну вот и мы, — сказал Флик после долгого молчания, когда обнаружилось, что никто не решается начать разговор.

Алланон улыбнулся:

— Похоже на то.

— Ты неплохо выглядишь для человека, который еще не-
сколько часов назад почти умирал.

— Сторы — искусные лекари, и ты сам это знаешь, — пожа-
луй, слишком любезно ответил друид. — Однако боюсь, что мое
замочувствие и вполовину не так хорошо, как мне нужно. А как
ты, Флик?

— Я постарел и, надеюсь, поумнел, — многозначительно от-
ветил долинец.

Алланон на это ничего не сказал. Он пронзительно взгля-
нул на Вила и некоторое время с непроницаемым лицом мол-
ча изучал младшего Омсфорда. Вил смотрел прямо в глаза дру-
ида, хотя чувствовал себя очень неловко под внимательным
изглядом мага. Затем друид медленно наклонился вперед, по-
ложил обе руки на стол и крепко сцепил их.

— Мне нужна твоя помощь, Вил Омсфорд, — начал он спо-
койным голосом. Оба долинца во все глаза уставились на не-
го. — Нужно, чтобы ты поехал со мной в Западные земли.

— Я так и думал, — пробормотал Флик, сокрушенно качая
головой.

Алланон печально улыбнулся:

— Приятно, Флик, что хоть что-то в этой жизни остается
неизменным. Тебя-то, конечно, не убедишь. Но может быть, это
что-то изменит, если я скажу, что помощь Вила нужна не мне
лично, а эльфам и особенно — одной эльфийке, молодой де-
вушке, очень нужна!

— Ничего это не изменит, — ответил Флик, ни секунды не
колеблясь. — Он никуда не пойдет, и покончим с этим.

— Подожди, дядя Флик, — быстро прервал его Вил. — Ско-
рее всего, именно так и будет: я никуда не пойду, но мне бы
хотелось решать самому. В конце концов, могу я узнать, что
от меня требуется?

Флик не желал его слушать.

— Можешь мне поверить, тебе совершенно незачем это
знать. Именно так и начинаются всякие неприятности. Именно
так все начиналось для твоего деда пятьдесят лет тому назад. —
Он повернулся к Алланону: — Я прав? Помнишь, когда ты при-
шел в Тенистый Дол и сказал нам о мече?

Во всяком случае, что бы он ни сказал, это будет не то, что нам хотелось бы услышать. Я-то хорошо его знаю. Так было раньше, и я не думаю, что он изменился. — Флик резко остановился и поглядел племяннику в лицо: — Следи за собой, Вил. С ним надо держать ухо востро: это ненадежный человек. Я хотел сказать — подозрительный.

— Конечно, дядя Флик, я буду осторожен, но мне кажется, что не стоит особо переживать. Мы ведь оба знаем кое-что об Алланоне. Да и ты будешь там, чтобы помочь мне.

— Что ж, и буду. Именно это я и намерен делать. — Флик отвернулся и пошел дальше. — И все-таки помни, что я тебе сказал.

Через несколько минут они подошли к домику и вошли внутрь. Едва они вошли, как одетый в белое стор-целитель подошел к ним, приветливо кивнул и, не произнося ни слова, повел их по длинному коридору. Он был совершенно пуст: ни дверей, ни окон — голые каменные стены и чистый пол. И только в самом его конце была единственная дверь, плотно закрытая и, видимо, запертая изнутри. Стор тихонько постучал, затем повернулся и ушел. Вил недоуменно, почти встревоженно посмотрел на дядю, но тот не сводил глаз с закрытой двери. Они ждали.

Наконец дверь распахнулась, и Алланон вышел к ним. Он выглядел так, будто не истекал кровью несколько часов назад. От ужасных ран не осталось и следа, черный плащ тщательно очищен от крови. Лицо друида было напряженным, но не от боли. Секунду он внимательно смотрел на них, после чего жестом попросил войти.

— Присаживайтесь, разговор будет долгим. — Приглашение было больше похоже на приказ.

Они уселись за маленький стол. Кроме стола, четырех стульев и огромной кровати, в комнате не было никакой мебели. И окон не было, как в коридоре, по которому они пришли сюда. Вил быстро огляделся, затем все его внимание обратилось на друида. Дед и Флик часто описывали Алланона, и сейчас он выглядел точно так же, как в их рассказах, хотя последний раз они видели друида задолго до рождения самого Вила.

— Ну вот и мы, — сказал Флик после долгого молчания, когда обнаружилось, что никто не решается начать разговор.

Алланон улыбнулся:

— Похоже на то.

— Ты неплохо выглядишь для человека, который еще несколько часов назад почти умирал.

— Сторы — искусные лекари, и ты сам это знаешь, — пожалуй, слишком любезно ответил друид. — Однако боюсь, что мое самочувствие и вполнину не так хорошо, как мне нужно. А как ты, Флик?

— Я постарел и, надеюсь, поумнел, — многозначительно ответил долинеп.

Алланон на это ничего не сказал. Он пронзительно взглянул на Вила и некоторое время с непроницаемым лицом молча изучал младшего Омсфорда. Вил смотрел прямо в глаза друида, хотя чувствовал себя очень неловко под внимательным взглядом мага. Затем друид медленно наклонился вперед, положил обе руки на стол и крепко сцепил их.

— Мне нужна твоя помощь, Вил Омсфорд, — начал он спокойным голосом. Оба долинца во все глаза уставились на него. — Нужно, чтобы ты поехал со мной в Западные земли.

— Я так и думал, — пробормотал Флик, сокрушенно качая головой.

Алланон печально улыбнулся:

— Приятно, Флик, что хоть что-то в этой жизни остается неизменным. Тебя-то, конечно, не убедишь. Но может быть, это что-то изменит, если я скажу, что помощь Вила нужна не мне лично, а эльфам и особенно — одной эльфийке, молодой девушке, очень нужна!

— Ничего это не изменит, — ответил Флик, ни секунды не колеблясь. — Он никуда не пойдет, и покончим с этим.

— Подожди, дядя Флик, — быстро прервал его Вил. — Скорее всего, именно так и будет: я никуда не пойду, но мне бы хотелось решать самому. В конце концов, могу я узнать, что от меня требуется?

Флик не желал его слушать.

— Можешь мне поверить, тебе совершенно незачем это знать. Именно так и начинаются всякие неприятности. Именно так все начиналось для твоего деда пятьдесят лет тому назад. — Он повернулся к Алланону: — Я прав? Помнишь, когда ты пришел в Тенистый Дол и сказал нам о мече?

Алланон кивнул:

— Да.

— Ну вот видишь! — торжествуяще провозгласил Флик. — Могу поклясться, что этот новый поход такой же опасный!

Друид снова кивнул.

— Отлично. — Флик, вскочивший было на ноги, сел на место, его лицо выражало полное удовлетворение. — Я думаю, вопрос исчерпан. Ты хочешь слишком многого. Он не пойдет.

Темные глаза Алланона сверкнули.

— Он пойдет. Должен пойти.

Флик вздрогнул:

— Должен?

Друид кивнул.

— Сейчас ты сам все поймешь. Последние несколько дней я только и делаю, что объясняю, что произошло в Четырех землях. Слушай внимательно, долинец. — Он пододвинул стул поближе к ним и начал: — Очень давно, задолго до Великих войн, до разделения человечества, до расцвета рода людского, шла война — ужасная, жестокая; существа, каких теперь нет на земле или почти нет, воевали между собой. Одни из них были добры и прекрасны: они почитали землю и поклонялись ей, жизнь в любых ее проявлениях была священна для них, и они заботились о ее сохранении и приумножении. Но были и другие, злые и жестокие: разрушать и губить — вот их цель. Они разоряли землю и уничтожали все живое без нужды и причины. Их облик сильно отличался от нашего, даже друиды точно не знали, в каком воплощении явятся они в мир. И у них была сила, какой больше нет ни у кого на этой земле. Их возможности были почти безграничны, ведь они владели магией — по крайней мере, мы называем это магией, волшебством, чародейством. В то время магия была обычным явлением, ею владели все, но и у Света, и у Тьмы были свои сильнейшие. Так продолжалось веками: добро и зло жили в мире, но их совместное существование отнюдь не было спокойным, хотя поначалу не было открытой борьбы. Скорее это было скрытое противостояние, ибо цели их были совершенно различны — одни хранили, другие разрушали. Время от времени равновесие сил нарушалось, сначала добро, затем зло властвовало на земле.

Но настал час, когда началась война. Мы даже не можем себе представить, как все это было. Но одно мы знаем: эта война отличалась от Великих войн, в ней побеждали не сильнейшие, а наиболее мудрые или хитрые. Здесь была важна не сама сила, а искусство владения ею. Это было чем-то похоже на Войны рас, но там Повелитель чародеев, умело сражив своих сторонников друг с другом, поработил их, подчинил себе, а затем попытался установить власть над всем миром. Войны рас — это воплощенные вероломство и ложь. А тут добро и зло с самого начала стояли на разных полюсах. Это была война не за единовластие, не за пространство — в ней решалось, будет ли земля сохранена живой или обратится в холодную, мертвую пустыню. Это была война за само существование мира.

Незачем описывать все ее ужасы, надо знать только одно: зло потерпело поражение. Силы Света лишили зло возможности использовать его магическую мощь и создали Запрет — стену черной пустоты, за которую и были заключены создания зла. Эта стена не в нашем мире, это вообще вне миров, — черная дыра холода и мрака, в которой ничто, кроме зла, не может существовать. Там оно и пребывало многие годы, да что годы — века.

Власть Запрета сохраняет волшебное дерево, называемое Элькрис. Древние создали ее, соединив свои силы с энергией жизненного огня самой земли, и назвали огонь Источником Огненной крови. Даже им было неизвестно, сколько будет жить Элькрис, но одно они знали твердо: пока волшебное дерево живет, Запрет не исчезнет, а пока он не исчезнет, зло не выйдет в мир.

Создатели Элькрис сознавали, что жизнь ее не будет вечной, они понимали, что все когда-то проходит. Но впоследствии это забылось. Много веков дерево было хранителем и защитой и в конце концов стало символом незыблемости и неизменности. Элькрис пережила разрушение древнего мира после Великих войн, она пережила Войны рас и власть Повелителя чародеев, она пережила все, что когда-то было на земле, — все, кроме самой земли. И даже земля изменяла свой облик, а Элькрис оставалась такой же, как всегда, со времени своего рождения. Мы говорим «рождения», а не «создания», потому что она живая. — Друид помедлил. — Так возникла легенда: Элькрис

будет жить вечно, она бессмертна. Вера была неколебима. — Друид поднял голову. — До сих пор. А теперь Элькрис умирает. Запрет начал терять силу, зло рвется в мир, и некоторым тварям уже удалось выбраться.

— Это они тебя ранили? — догадался Вил.

Алланон кивнул.

— Твари уже расхаживают по Четырем землям. Они нашли меня, хотя я думал, что никто не знает о моем возвращении. Они подстерegli меня в Башне друидов в Параноре и едва не прикончили.

Флик встревожился:

— А что, они все еще ищут тебя?

— Они-то ищут, но у меня есть причины надеяться, что в ближайшее время им вряд ли удастся меня найти.

— Меня это что-то мало успокаивает, — пробурчал Флик, со страхом косясь на дверь.

Алланон оставил его слова без внимания.

— Ты должен помнить, Флик: когда-то я рассказал вам с Ши историю Четырех земель. Я говорил, что после Великих войн род людей распался и от него произошли новые народы. Кроме одного — эльфов. Помнишь, я говорил, что эльфы были здесь всегда?

— Я-то помню, — хмыкнул Флик. — Ты тогда не объяснил нам это, как, впрочем, и многое другое.

— Тогда я говорил, что эта история — для другого раза. Теперь для нее самое время. Я не собираюсь долго говорить, но кое-что об эльфах вам надо знать.

Новые роды, произошедшие от первых людей, были названы по именам наиболее славных и доблестных существ из легенд — карлики, гномы, тролли и эльфы. Конечно, это были уже не совсем те эльфы, которые населяли древний мир, но их чудесное возрождение и само существование овеяны легендой: эльфы нового мира все-таки прямые потомки тех волшебных существ, которые жили здесь раньше...

— Подожди, — перебил его Флик, — ты хочешь сказать, что эльфы Западных земель — это те же самые эльфы, о которых говорят легенды?

— Разумеется. Эльфы, тролли и гномы — это существа, о которых складывались легенды. Разница только в том, что дру-

гие покинули мир на века, а эльфы остались здесь. Да, они менялись вместе с миром, и у них были на это силы.

Флик смотрел на него так, будто не понял ни единого слова.

— В древнем мире жили эльфы? — переспросил он недоверчиво. — Этого не может быть.

— Очень даже может, — терпеливо ответил друид.

— Хорошо, а как они пережили Великие войны?

— А как люди пережили Великие войны?

— Летописи говорят нам о людях, но там нет ни единого слова об эльфах, — настаивал Флик. — Только в сказках. Если они действительно были в древнем мире, то где они сейчас?

— Там же, где всегда, просто человек не может их видеть.

— Теперь ты утверждаешь, что эльфы невидимы. — Флик поднял руки. — Не верю я этому.

— Ты не верил, если память не изменяет мне, и когда я рассказал вам с Ши о мече Шаннары, — заметил Алланон, усмехнувшись.

— Но что я могу сделать? И зачем им нужна моя помощь? — вставил Вил, прервав очередную вспышку Флика.

Друид кивнул.

— Я все объясню, если только Флик потерпит еще несколько минут. История эльфов важна для нас лишь по одной причине. Именно эльфы задумали Элькрис и воплотили ее. Именно эльфы дали ей жизнь и потом на протяжении веков заботились о ней. Забота эта поручена ордену юных эльфов, их называют избранниками. Ровно год они служат дереву, потом меняются. Так было со времени рождения Элькрис. Эльфы уважают и почитают избранников, ибо быть избранным — большая ответственность и большая честь.

Но главное я уже говорил — Элькрис умирает. Несколько дней назад она сообщила об этом избранникам. Сказала потому, что, повторяю, она живая, у нее есть душа и она может общаться со всем живым на земле. Она открыла им, что ее смерть близка и неизбежна. Но она может возродиться. Это возрождение зависит от избранников. Один из них должен отнести семя дерева к Источнику Огненной крови — источнику жизненной силы земли. Она указала, где можно найти источник, и приказала отправиться на поиски. — Он помедлил. — Это может сделать только избранник. Но несколько демонов вы-

рвались из-за стены Запрета, пробрались в Арборлон и перебили всех избранников. Я пришел слишком поздно и не смог это предотвратить. Поговорив с Элькрис, я узнал, что один из избранников жив, вернее — жива. Это девушка. Ее не было в городе, когда убили остальных. Ее имя — Амбель. И я сразу отправился искать ее. — Алланон наклонился вперед. — Но и демоны каким-то образом узнали про нее. Один раз они уже попробовали остановить меня. Как только представится случай, они попытаются снова. Но демоны не знают, где она. И по крайней мере сейчас не знают, где я. Мне нужно торопиться, чтобы найти ее и невредимой доставить в Арборлон, прежде чем они снова нападут на мой след.

— Тогда ты теряешь драгоценное время, сидя здесь с нами, — отрезал Флик. — Тебе надо ехать за ней.

Друид ничего не ответил, хотя лицо его потемнело.

— Надо не просто привезти Амбель в Арборлон. Есть еще некоторые сложности. Как последняя из избранников, она понесет семя Элькрис к Источнику Огненной крови. Никто точно не знает, где он находится, даже я. Это знает только Элькрис. Но мир давно не такой, каким она его помнит. Правда, она сказала одно название — Оберег, но это название из древнего мира, теперь оно ничего не значит. Поэтому я снова поехал в Паранор. Там, в летописях друидов, говорится о том, где находится Оберег.

И вдруг Вил Омсфорд понял, почему Алланон пришел за ним. Он понял, но не смог в это поверить.

— Амбель не может идти одна, — продолжал Алланон. — Там, куда она отправится, слишком опасно. Дорога трудна, и те, кто вырвался из-за стены Запрета, будут искать ее, а если найдут, она не сумеет защитить себя. С девушкой ничего не должно случиться: она последняя надежда эльфов. Если Элькрис не возродится, Запрет разрушится окончательно и зло снова выйдет в мир. Оно пойдет войной на эльфов и, скорее всего, победит. Потом зло двинется в другие земли. Природа зла такова, что сила его растет с каждой новой победой. В конце концов оно уничтожит всех.

— Но ты ведь сможешь ей... — начал было Вил, отчаянно ища выход из западни, из которой, как он чувствовал, ему уже не выбраться.

— Я не могу пойти с ней, — отрезал Алланон.

Настала долгая, напряженная тишина.

— Этому есть причина, Вил Омсфорд. Я же сказал, что зло уже выходит в мир. Элькрис слабеет с каждым днем; и чем слабее она, тем наглее и самоувереннее эти твари. Они продолжают разрушать стену, они продолжают рваться наружу. В конце концов Запрет падет. Тогда демоны нападут на эльфов.

Вполне возможно, это случится раньше, чем мы успеем найти Источник Огненной крови. Может статься, мы вообще не найдем его. Или найдем слишком поздно. В любом случае эльфам надо быть готовыми к сражению. А некоторые демоны очень сильны; по крайней мере, магическая сила одного из них не уступит моей. Эльфы не смогут противиться такой силе. Их собственная магия давно утрачена. Когда-то им помогали друиды, но теперь их нет. Остался лишь я. Если я брошу эльфов и пойду с Амбель, они останутся без защиты. Я не имею права так поступить. Я должен помогать им, как только могу.

Но Амбель тоже нельзя отпускать одну. Кто-то должен пойти с ней — кто-то, кто может сразиться со злом, которое будет идти за ней по пятам. И в ком я могу быть уверен, что он сделает все, чтобы защитить и спасти ее. И этот «кто-то» — ты, Вил Омсфорд.

— Что ты говоришь? — взвился Флик. — Что он может сделать против чудовищ, которые чуть не прикончили тебя? Тебя, Алланон! Или ты дашь ему меч Шаннары?

Алланон покачал головой:

— Меч нужен в борьбе с призраками. Зло, с которым нам предстоит сражаться сейчас, реально, оно материально и осязаемо. Меч бессилен против него.

Флик вскочил на ноги.

— Тогда что?

Алланон даже не посмотрел в его сторону, он не сводил с Вила испытующего взгляда. Юный Омсфорд почувствовал, как сердце его упало.

— Эльфийские камни.

— Эльфиниты?! — изумился Флик. — Но они у Ши!

Вил схватил дядю за руку:

— Нет, дядя Флик, они у меня. — Он вытащил из-под рубашки небольшой кожаный кошель. — Дед отдал их мне, когда

я уходил из Тенистого Дола. Он сказал, что они ему больше не нужны, и передал их мне.— Голос Вила дрожал.— Странно, я взял их тогда, чтобы доставить ему удовольствие, мне и в голову не приходило, что когда-нибудь они мне пригодятся. Я даже не знаю, что с ними делать.

— Они не помогут тебе ничем, Вил.— Флик обернулся к Алланону: — Он знает. Никто, кроме Ши, не может воспользоваться их силой. Для всех, кроме него, они бесполезны.

Лицо Алланона оставалось бесстрастным.

— Это не совсем так, Флик. Ими может воспользоваться всякий, кому они переданы по доброй воле. Когда-то я сам дал их Ши, чтобы он смог уйти в Кулхейвен. Потом он отдал их Вилу. И теперь во власти Вила вызвать их силу, как раньше это было во власти Ши.

Флик с отчаянием смотрел на друида.

— Ты можешь вернуть их обратно,— настойчиво обратился он к смущенному Вилу.— Или отдать кому-нибудь другому. Ты вовсе не обязан хранить их. И ты вовсе не обязан участвовать в этом безумии.

Алланон покачал головой:

— Флик, но он уже участвует.

— Но я ведь собираюсь стать целителем,— заметил Вил.— Как быть с этим? Мне жаль времени и трудов, затраченных на учение. Стать целителем — моя единственная мечта, и теперь я почти добился этого. Ты хочешь, чтобы я от всего отказался?

— Но если ты откажешься помочь мне, как ты сможешь стать целителем, долинец? — Голос друида стал жестким.— Целитель должен помогать людям, где может, когда может и как может. Если ты откажешься и все, что я предсказал, случится — как ты будешь жить, зная, что даже не попытался это предотвратить?

Вил покраснел.

— А когда я вернусь?

— Не знаю. Может быть, очень не скоро.

— А если я соглашусь, ты уверен, что силы камней хватит, чтобы защитить ту девушку?

Алланон помрачнел.

— Нет. Мошь эльфинитов зависит от силы хранителя. Шипи разу не использовал ее до конца, но ты можешь попробовать.

— Значит, точно ничего не известно? — Голос Вила упал до шепота.

— Да. — Друид не сводил с него глаз. — И все-таки ты должен идти.

Вил, смирившись, откинулся на спинку кресла.

— Похоже, у меня нет выбора.

— Конечно, выбор есть, — сердито выступил Флик. — Ты что, бросишь все только потому, что Алланон говорит, будто ты должен это делать? И отправишься с ним?

Глаза Вила блеснули.

— А разве ты, дядя Флик, не пошел тогда, вместе с дедом, за мечом Шаннары?

Флик некоторое время смущенно смотрел на него, затем взял руку племянника и крепко ее сжал.

— Ты слишком торопишься, Вил. Я предупреждал тебя. Послушай меня еще раз. Я понимаю в этом больше, чем ты. Друид что-то недоговаривает, я это чувствую. — Голос его окреп, морщины резче выступили на лице. — Я боюсь за тебя. Ты мне как сын, я не хочу тебя потерять.

— Я знаю, — прошептал Вил. — Знаю.

Флик выпрямился:

— Тогда не ходи. Пусть Алланон найдет другого.

Друид покачал головой:

— Других нет, Флик. Только Вил. — Он опять повернулся к юному долинцу: — Ты должен идти.

— Я пойду вместо него. Пожалуйста, Алланон, — вдруг взмолился Флик. — Пусть Вил даст мне камни, и я присмотрю за эльфийской девушкой. Алланон, мы и раньше ходили вместе...

Друид опять покачал головой.

— Нет, Флик, теперь тебе нельзя идти со мной, — сказал он как можно мягче. — Твоя отвага больше, чем твоя сила, долинца. Предстоит долгая, трудная дорога, она под силу лишь молодому. — Он помедлил. — Закончились наши походы, Флик.

Они надолго замолчали. Алланон выжидающе глядел на младшего Омсфорда. Вил взглянул на дядю. Теперь они смотрели прямо в глаза друг другу: Флик — неуверенно, Вил — пря-

мо и твердо. Флик видел, что племянник уже принял решение. Он едва заметно кивнул.

— Всегда делай то, что считаешь правильным, — пробормотал он неохотно.

Вил повернулся к Алланону:

— Я иду с тобой.

Глава 9

На следующий день рано утром Алланон пришел к Вилу и объявил, что они немедленно уезжают. Мрачный и непреклонный, появился он в дверях дома Омсфорда; что-то в его голосе и выражении лица подсказало Вилу, что возражать не стоит. Вчера вечером, во время беседы, друид ни разу не обмолвился о срочности выезда, теперь же он явно торопился. Что бы ни заставило его принять это решение, спорить было бесполезно. Без единого слова долинец собрался и вышел вслед за Алланоном.

Опять шел дождь; новая гроза надвигалась с севера, рассветное небо было тяжелым, свинцово-серым. Алланон поплотнее закутался в дорожный плащ, защищаясь от пронизывающего ветра. На крыльце их ждали одетые в белое сторы с дорожным мешком Вила и провизией на дорогу. Артак стоял уже под седлом и мотал головой в нетерпении. Друид сразу же вскочил на коня; осторожность его движений показывала, что раны все еще беспокоят его. Вилу дали крепкого серого жеребца по кличке Спиттер. Он уже поставил ногу в стремя, как вдруг прибежал Флик. Лицо дяди было мокрым и красным. Он торопливо отвел Вила на крыльцо.

— Я только что узнал, — задыхаясь, проговорил он, вытирая с глаз капли дождя. — Почему такая спешка?

Вил кивнул.

— Не знаю, наверное, так нужно.

Флик сильно огорчился.

— Может быть, ты передумаешь? Еще не поздно. — Он сказал бы больше, но Вил упрямо покачал головой. — Ладно. Я расскажу обо всем Ши, хотя не думаю, что ему это очень понравится. Помни, что я говорил тебе: наши силы не беспредельны.

Вил кивнул. Они торопливо и неловко попрощались, словно боясь показать свои подлинные чувства; лица их посуровели, они обменялись смущенными взглядами и обнялись.

Алланон и Вил пришпорили коней. Постепенно Флик, сторы, сама деревня превратились в смутную тень, которая все больше сливалась с туманом и сумраком лесов и наконец пропала из виду.

Сначала они скакали на запад по краю равнин Рабб, затем повернули на юг. Когда они остановились передохнуть и напоить коней, Алланон сказал Вилу, куда сейчас лежит их путь: вниз по Серебристой реке к маленькой деревушке со странным названием Надежный Приют, на западной окраине Нижнего Анара. Там они найдут Амбель. Больше Алланон ничего не сказал, и Вил не стал спрашивать. Дождь лил не переставая, грозе не было видно конца. Всадники низко пригнулись к шеям коней и ехали молча.

Вил возвращался в мыслях к событиям предыдущего вечера. Даже теперь он не мог с уверенностью сказать, что заставило его ехать с друидом. Эта неопределенность угнетала его. Он пытался понять, почему согласился на это странное, рискованное предприятие. Но это было не так-то просто. За все время пути Вил только об этом и думал. Он старался припомнить каждую деталь их вчерашнего разговора в надежде найти ответ, но запутался еще больше: все противоречивые объяснения, все смутно уловимые эмоции переплелись в его сознании. Он никак не мог разобраться в них, они не хотели выстраиваться в ряд. Они бродили туда-сюда, как заблудившиеся овцы, и он безнадежно гонялся за ними.

Наконец он пришел к выводу — он отправился, так как нужна была его помощь. Если все, что говорил Алланон, правда — а Вил уверен в этом, несмотря на сомнения Флика, — тогда он окажет великую услугу эльфам, и особенно этой девушке, Амбель. Но не слишком ли он самонадеян? Вил не имел ни малейшего представления, сумеет ли он воспользоваться эльфийскими камнями. А если это выше его сил? Вдруг Алланон ошибся, полагая, что их можно передавать другим? Откуда ему знать? Но решение уже принято. Вилу осталось лишь подчиниться ходу событий. С другой стороны, опрометчивое решение — не всегда плохое решение. Если он действительно об-

ладает силой, чтобы помочь альфам, он должен помочь им. По крайней мере, он должен хотя бы попытаться помочь. К тому же Вил знал: будь дед на его месте, он бы тоже пошел. Ши Омсфорд пошел бы с друидом, как он пошел с ним на поиски волшебного меча пятьдесят лет назад. Что ж, Вил постарается быть достойным своего деда.

Вил глубоко вздохнул. Да, он принял правильное решение и верил, что причины, побудившие его к этому, были достаточно вескими. Но вдруг он понял, что его беспокоит не само решение и даже не его причины. Его беспокоит Алланон. Вилу хотелось верить, что решение идти с друидом принял он сам. Но чем больше он думал об этом, тем яснее становилось, что это не совсем так. Вернее, совсем не так. Это было решение Алланона. Ши Омсфорд однажды сказал внуку, что Алланон умеет читать мысли. Теперь Вил понял, о чем говорил дед.

Но так или иначе, он уже связал себя обязательством. Это не тот случай, когда можно отказаться от своего слова; даже если бы Вил захотел это сделать, он бы не смог. Но отныне он будет поосторожнее с друидом. Он был осторожным и раньше и собирается быть осторожным впредь, особенно теперь. Он доверится друиду, но не слепо; прежде он попытается разобраться во всем сам.

Вил поднял голову, приглядываясь к темной фигуре впереди, — Алланон, последний друид, человек из другой эпохи, чье могущество не имеет равных в этом мире. А Вилу приходится одновременно доверять и не доверять ему. На мгновение настоящий ужас охватил долинца: во что он ввязался? Может быть, Флик был прав? Может быть, следовало получше обдумать это решение? Вил покачал головой: теперь поздно мучиться над этим вопросом.

Весь день он безуспешно пытался переключиться на что-нибудь другое.

Между тем дождь, обратившийся в морось, окончательно растворился в холодной вечерней мгле. Грозовые тучи продолжали затягивать небо, ночь быстро из серой превратилась в черную, в воздухе повис густой туман.

Алланон свернул в лес. Там, на небольшой полянке, в нескольких сотнях ярдов от края равнины Рабб, они остановились на привал. Друид не стал углубляться в лес. За их спиной

над лесом возвышалась гряда Вольфсктаагских гор. Им удалось развести небольшой костер и согреться. Промокшие плащи сушились на ветвях ближайшего дерева.

Они неторопливо поужинали, обменявшись за едой лишь несколькими незначительными фразами. Друид сидел молча, погруженный в свои мысли, — впрочем, всю дорогу от Сторлока он был задумчив и, похоже, не расположен вести беседу. Но Вилу не терпелось побольше узнать о том, что ждет его впереди, он едва сдерживался. После ужина он подвинулся поближе к огню и стал ждать удобного момента.

— Я могу спросить тебя? — осторожно начал он, помня многочисленные рассказы Ши о непредсказуемом нраве друида.

Тот некоторое время смотрел на него без всякого выражения, затем кивнул.

— Ты не расскажешь мне побольше об эльфах? — Вил счел, что разумнее начать именно так.

Алланон слегка улыбнулся.

— Хорошо. Что ты хочешь узнать, Вил Омсфорд?

Долинец колебался.

— Вчера ты сказал, что в летописях нет упоминаний об эльфах, только в сказках, и тем не менее они существовали в мире подобно людям. Ты сказал, что они и сейчас здесь, но мы не можем их видеть. Я этого не понял.

— Не понял? — Друид как будто удивился. — Ладно, я объясню тебе. Эльфы всегда жили в лесах. Когда-то, как я уже говорил, они владели магией. И еще: они умеют полностью сливаться с природой, ну вот как куст или цветок, ты можешь пройти мимо них сотни раз и не заметить. Люди не могут их видеть, потому что не знают, как нужно смотреть.

— А почему мы не видим их сейчас?

Алланон выпрямился, в голосе друида прозвучала досада:

— Ты не слушаешь. В древнем мире эльфы, как и все существа, населявшие его, владели волшебством. Теперь — не так. Теперь они люди, такие же, как ты. Их магия давно утрачена.

— А как такое могло случиться? — Вил положил руки на колени и оперся о них подбородком, как делают дети, когда им рассказывают что-нибудь интересное.

— Это не так просто объяснить. Но я вижу, ты не успокоишься, пока не узнаешь. После рождения Элькрис, когда зло

было изгнано с земли, эльфы и их союзники разделились и разошлись по домам. Это было естественно, они объединились, чтобы уничтожить общего врага, но, когда дело было сделано, ничто больше не связывало их. У них не было ничего общего — только земля, их дом и обязанность защищать его. У каждого была своя жизнь, свои обычаи и интересы. Эльфы, карлики, феи, гномы, тролли, ведьмы — все они отличались друг от друга, как, к примеру, лесной зверь отличается от морской рыбы.

На людей тогда они не обращали внимания, да иначе и быть не могло. Ведь в то время люди были всего лишь высшей формой животной жизни, просто звери с чуть более развитым сознанием. Никто не предвидел, какое влияние окажут они однажды на развитие мира. — Алланон помедлил. — Количество людей быстро росло. У эльфов же, равно как и у других существ, редко появлялись дети.

Помимо того, люди умели приспособливаться. Они могли жить везде. Эльфы же испокон веков жили в лесах и противились всякому изменению. — Алланон улыбнулся. — В те времена, Вил Омсфорд, жизнь была разнообразнее, чем теперь. И ярче. Теперь этого нет. Тебя это не удивляет?

Вил кивнул.

— Да, немного.

— То была великая эпоха. Вот тогда-то эльфам и надо было выйти из лесов и присоединиться к людям, чтобы вместе создавать общий мир. Но они не сделали этого — ни эльфы, ни другие древние народы. Они пожелали остаться в стороне и наблюдать, надеясь, что жизнь человечества не повлияет на их существование. Они не видели в этом никакой угрозы: люди не владели волшебством, и путь их не был путем разрушения, тогда еще не был. Эльфы полагали, что так будет всегда. И ошиблись. Это стало причиной их гибели. Люди продолжали плодиться и заселять землю. Пришло время — они узнали об эльфах и других существах. И те вызвали своей загадочностью недоверие и страх у людей. Люди отнеслись к ним как к существам, приносящим несчастье, злым и коварным, чьим главным занятием было строить людям козни. Что ж, в какой-то степени люди были правы: кое-кто действительно досаждал им мелким колдовством, но в целом такое обвинение было неза-

служенным. Во всяком случае, эльфы вообще никогда не вмешивались в людские дела. Единственное, о чем они тревожились,— это сохранение и защита земли и всего живого на ней. Они занимались своим делом, не обращая внимания на человеческий род.

Но постепенно все менялось. С невероятной быстротой люди продолжали осваивать мир: они строили города и крепости, плавали по морям в поисках новых земель, орошали и отгесняли пустыни. Они стали серьезно влиять на мир, изменяя его облик. Этому никто не ожидал. Эльфам пришлось отступать в леса все глубже и глубже, так как люди рубили деревья и кустарники, да и все остальные страдали от деятельности людей...

— Но разве они не сопротивлялись? — перебил его Вил.

— Было уже поздно. К тому времени многие из них исчезли с земли: кто-то не смог продолжить свой род, кто-то не сумел приспособиться. А оставшиеся не могли объединить свои силы: они разбрелись по земле и потеряли друг друга. И хуже того — утратили свое волшебство. Когда злые силы пытались завладеть миром, они действовали при помощи магии, и надо было сражаться с ними тем же оружием. Но когда зло было изгнано с земли, пропала необходимость и в добром чародействе. Люди не знали магии, поэтому эльфы и их собратья не думали, что им еще пригодится колдовство. А когда необходимость в нем возникла, вдруг обнаружилось, что многое позабылось. Так получилось, что могучие прежде чародеи не смогли противиться вторжению людей. Конечно, поначалу они собрали всю силу, которой еще владели, и пытались бороться. Но тщетно. Людей было слишком много. Силы волшебников не хватало, она приносила им лишь малые победы, краткие передышки — и ничего больше. В конце концов им пришлось покинуть свой дом, и, не найдя нового, они погибли.

— А эльфы — что стало с ними? — спросил Вил.

— Эльфы выжили. Их стало гораздо меньше, но они не погибли, как прочие. Они отступили в глубь лесов, прячась от людей, которые пришли захватить мир. Они с ужасом смотрели, как рушится то, что было их домом. Они видели, как истощается их земля и жизнь на ней постепенно угасает. Они наблюдали за непрерывными войнами. Наблюдали, ждали и готовились: они предвидели, чем все это кончится.

— Великие войны? — догадался Вил.

— Великие войны, — кивнул Алланон. — Эльфы предвидели этот ужас. Они использовали всю магию, которой еще владели, чтобы спасти свой род и некоторые сокровища древней эпохи — среди них и Элькрис — от уничтожения. Остались и люди. Но эти выжили не потому, что были сильны или предусмотрительны, а просто их было слишком много, они расселились по всей земле, и катастрофа не затронула всех. Но то, что люди построили и создали, было уничтожено. Древний мир превратился в бесплодную, необитаемую пустыню.

Не одну сотню лет после Великих войн продолжалась борьба за существование на обезображенной, опустевшей земле. Привычная природа изменилась до неузнаваемости, и тем, кто выжил, тоже приходилось меняться. Изменилось и человечество. Из рода перворожденных людей возникло четыре новых и отдельных друг от друга народа: люди, карлики, гномы и тролли. Большинство до сих пор верит, что эльфы были пятым родом, порожденным катастрофой. Но для новых народов жизнь только начиналась; предания древней эпохи быстро забылись, исчезли старинные обычаи, вера, культура.

Эльфы же сохранили очень многое. Они утратили лишь свое волшебство, но в то время это было и к лучшему. В жизни эльфийского народа произошли перемены, которых не случилось бы, будь у эльфов их магическая сила, но эти перемены помогли им сблизиться с другими народами. Возрожденные люди и эльфы приспособились друг к другу в их новом мире и наконец стали очень похожи.

И когда, почти через тысячу лет после Великих войн, новые народы начали развиваться, эльфы были с ними. Они больше не прятались в лесах как сторонние наблюдатели, теперь они трудились бок о бок с остальными над возрождением мира, заботясь о том, чтобы люди вновь не пошли по пути, который чуть было не привел к уничтожению всего живого. Именно эльф Галафил созвал в Параноре первый Совет друидов, направив усилия людей на более безобидное познание тайн жизни. Так эльфам удалось вернуть часть своего прежнего волшебства в надежде, что это искусство поможет сохранить новый мир и его жизнь...

— Но ведь теперь у эльфов нет магии, — перебил Вил. — Только у друидов.

— Не только у них,— поправил Алланон. Похоже, на какое-то мгновение он растерялся. Когда он снова заговорил, голос его был холоден и сух.— Друиды рано поняли опасность возвращения утраченной магии... Один друид по имени Брона дал остальным хороший урок. Он попытался исследовать пределы магической силы, и она уничтожила его, создав в его физическом теле существо, известное под именем Повелителя чародеев. После этого друиды прекратили все магические опыты. Потом Брона захватил в плен и перебил всех друидов, развязав тем самым новую войну — Вторую войну рас. По счастливой случайности мой отец, Бремен, спасся, он научил меня магии. Когда он умер, я остался один.— Алланон замолчал и долго глядел на огонь, сощурив глаза. Потом взглянул на Вила: — Что еще ты хочешь узнать, долинец?

Голос его звучал раздраженно, почти зло. Это удивило Вила; он пристально смотрел на друида, стараясь заглянуть ему в глаза.

— А что мне еще надо узнать? — спокойно спросил он.

Алланон ничего не ответил, ожидая, что Вил продолжит. Они смотрели друг на друга в напряженной, неуютной тишине. Долинец отвел глаза первый и принялся лениво ворошить тлеющие угли носком сапога.

— Эти существа за стеной Запрета — какие они? — наконец спросил он.— Почему они не умерли за столько лет?

Мрачное выражение лица Алланона не изменилось.

— Называй их демонами, ими они и стали. Они пребывают вне пространства, в черной пустоте, по ту сторону мира живых. Там нет времени, которое уносит годы и приносит смерть. Может быть, эльфы не понимали этого или просто не придали значения, ведь тогда их единственной заботой было изгнать зло за пределы мира. Во всяком случае, демоны не погибли там, скорее наоборот — их стало больше. Зло питалось самим собой и стало гораздо сильнее; оно породило новую жизнь, а та в свою очередь новое зло. Знай, долинец: зло побежденное не есть зло уничтоженное. Не находя другой пищи, зло питается собой, растет его мощь, растет его ярость, пока оно стремится к свободе, а потом... потом оно вырывается, и тогда ничто не может остановить его.

— А его волшебство? Оно тоже растет? — выдохнул Вил.

Друид кивнул.

— Да, растет и совершенствуется. Ведь демоны постоянно воюют между собой, обезумев от ненависти, ищущей выхода.

Теперь долинец притих, он низко опустил голову, стараясь держать лицо в тени. Далеко на востоке были слышны глухие раскаты грома: гроза уходила за Вольфсктааг.

Друид наклонился вперед.

— Больше нет вопросов, долинец?

Вил быстро поднял голову.

— Есть еще один.

Алланон нахмурился.

— Что ж, я слушаю.

Друид был явно недоволен. Вил колебался, взвешивая про себя, стоит ли продолжать этот разговор. И решил, что стоит. Он тщательно подбирал слова.

— Я так понял, что демоны гораздо сильнее эльфов. Похоже, они достойные противники даже для тебя.— Увидев гнев на лице друида, Вил поспешил продолжить: — Когда я буду сопровождать эльфийку к Источнику Огненной крови, они ведь будут охотиться за нами? Допустим, они нас нашли. Что я могу им противопоставить, Алланон? Даже имея эльфийские камни, что я могу? Ты не сказал мне раньше. Скажи теперь.

— Хорошо.— Друид откинулся назад, его лицо, бесстрастное и холодное, скрылось в тени.— Я ждал, что ты спросишь. Весь разговор к этому и шел.

— Пожалуйста, ответь мне,— спокойно повторил Вил.

Алланон поднял голову.

— Я не могу тебе ответить. Я не знаю.

— Не знаешь? Ты? — недоверчиво пробормотал долинец.

Алланон прищурился.

— Конечно, я постараюсь помешать им вас найти. А если они вас не найдут, то и бояться нечего. Сейчас они вообще ничего о тебе не знают. И об Амбель. Я постараюсь, чтобы так было и дальше.

— Но если они все-таки найдут нас, что тогда?

— Тогда у тебя есть эльфийские камни.— Он помолчал.— Пойми это, Вил: это волшебные камни из древнего мира, они существовали уже тогда, когда эльфы нанесли демонам первое

поражение. Сила эльфинитов соединяется с силой того, кто ими владеет. Их три — для разума, сердца и тела хранителя. И они действуют только вместе. — Друид испытующе посмотрел на Вила: — Теперь ты понял, почему я не могу ответить на твой вопрос? От тебя самого зависит, сможешь ли ты защититься; сила должна идти от тебя, а не от камней. Они лишь помогут тебе собрать и направить ее. Но я не могу оценить твою силу — только ты сам. Я могу сказать лишь одно: я считаю тебя достойным внуком твоего деда, а я еще не встречал человека лучше, чем Ши Омсфорд.

Вил молча смотрел на друида, потом перевел взгляд на огонь.

— Я тоже, — прошептал он.

Губы Алланона тронула улыбка.

— Когда мы отправились на поиски меча Шаннары, у твоего деда почти не было возможности вернуться живым. Он знал об этом, но пошел. И с самого начала Повелитель чародеев знал о нем: посланники Черепа даже пришли за ним в Дол. Его подстерегали на каждом шагу. И все же он уцелел, хотя сам всегда сомневался в себе.

Он подошел поближе и положил руку на плечо Вила. В глазах друида отражалось пламя костра.

— Ты можешь помочь эльфам. Я верю в твои силы. Я верю в тебя. И ты должен верить в себя. — Он убрал руку и отошел. — На сегодня достаточно. Тебе надо поспать. Впереди у нас долгий путь. — Он плотнее закутался в черный плащ. — Я посторожу.

— Я могу посторожить, — быстро вставил Вил, помня о ранах друида.

— Ты можешь поспать, — недовольно откликнулся Алланон и отошел от костра. Сумрак ночи поглотил его.

Вил какое-то время смотрел ему вслед, затем покачал головой. Он подтащил свой плед поближе к огню и устало растянулся на нем.

«Я не засну, — подумал про себя Вил. — Или, по крайней мере, не сразу. Пока не обдумаю как следует все услышанное, пока не решу, чему здесь можно верить и как мне действовать дальше, я не засну».

Долинец закрыл глаза. И тут же провалился в сон.

Глава 10

Они продолжили путь на рассвете. Хотя в лесу еще было мокро от вчерашнего дождя, безоблачное небо сияло ослепительной синевой, залитое светом солнца. Всадники скакали на юг вдоль края Анара, однообразие пустынных равнин Рабб сменилось густыми лугами, ветер доносил пьянящий запах фруктовых деревьев.

После полудня они подъехали к Серебристой реке. Несколько карликов-землекопов строили мост. Друид оставил Вида с лошадьми в еловом лесочке, а сам спустился к берегу и о чем-то переговорил с ними. Когда Алланон вернулся, он, казалось, был чем-то озабочен. Они поехали вдоль реки, и выражение тревоги всю дорогу не сходило у него с лица. Он сказал Вилу, что предупредил карликов об опасности и попросил их послать эльфам помощь как можно скорее. Один из землекопов узнал друида и пообещал, что помощь будет. Однако переход большого войска займет много времени... Они могут не успеть.

Алланон не стал продолжать. Вскоре они перешли реку по каменистой отмели, которая сдерживала бурные воды. Затем они поскакали на юг, наблюдая, как удлиняются тени с приближением вечерних сумерек. Почти на закате Алланон остановился на вершине небольшого, заросшего лесом холма. Они привязали коней в зарослях орешника и вместе пошли вперед, туда, где гладкая скала высилась среди деревьев. Пробравшись по каменистой тропе, они остановились на краю крутого обрыва.

Под ногами широко раскинулась долина, ее очертания напоминали по форме подкову; склоны и дно густо заросли лесом, и только на западе виднелось открытое пространство — возделанные и засеянные луга. На стыке леса и полей расположилась деревня. Из леса вытекала речушка и огибала деревню с севера, сеть узеньких каналов тянулась от нее к полям. Люди, мужчины и женщины, деловито сновали по селению: с такой высоты они казались крохотными, будто игрушечными. Далеко на юге луга переходили в каменистую низину, которая тянулась до горизонта и пропадала за ним.

— Надежный Приют, — объявил Алланон, глядя на деревню. Он указал пальцем куда-то вниз: — А вон Курган Битвы.

Вил кивнул.

— Что будем делать?

Друид поудобнее уселся на землю.

— Ждать, пока стемнеет. Чем меньше народу нас увидит, тем лучше. Сторы никогда не болтают лишнего, а здесь люди не прочь почесать языком. Скрытность пока что главный наш союзник, и мне бы не хотелось терять его. Мы войдем туда быстро и тихо и так же выйдем. — Он взглянул на солнце, которое уже начало скрываться за горизонтом. — У нас есть еще час.

Они сидели молча, пока солнце почти не скрылось за линией деревьев и сумерки не растянулись по долине серой тенью. Наконец Алланон поднялся. Так же без единого слова, они направились к лошадям и медленно поехали на восток вдоль края долины, пока не добрались до склона, заросшего дремучим лесом. Здесь они начали спускаться в долину. Они продирались сквозь сплетение ветвей, позволяя коням самим выбрать дорогу во тьме.

Когда они закончили спуск, ехать стало значительно легче. Чистое, залитое светом луны небо сияло в просветах листвы, ночные птицы пронзительно вскрикивали, потревоженные их приближением. Воздух был тяжел и сладок от лесных запахов, и Вил задремал в седле.

Наконец раскиданные точки желтого света начали проглядывать сквозь стену деревьев, слабые звуки голосов долетали до них в тишине. Алланон спешил, знаком указывая Вилу сделать то же, и дальше они пошли пешком, держа коней под уздцы. Лес заметно поредел, густого кустарника и сухостоя больше не было, впереди вырисовывалась низкая каменная стена с деревянными воротами. Высокие деревья окружали стену, скрывая все, что было за нею, однако Вил понял, что они находятся на восточной окраине деревни и желтые огоньки в просветах деревьев были пламенем масляных светильников в домах.

Они привязали коней к железному столбу у ворот. Алланон поднес палец к губам. Они тихо проскользнули в ворота.

То, что Вил увидел потом, несколько приободрило и обрадовало его. Перед ними простиралась терраса садов, множество цветов поражало разнообразием и буйством красок даже при бледном свете луны. Каменная дорожка, поблескивающая

вкраплениями металла, скорее всего серебра, вела вниз по ступенчатым террасам к лужайке с деревянными скамьями и оттуда — к маленькому домику с мансардой и открытой верандой, выходящей в сад. Цветочные клумбы раскинулись под зарешеченными окнами, темно-малиновые тисы и синие ели росли прямо у входа. Вторая дорожка вела от крыльца мимо раскидистых старых берез к дороге, проходящей позади дома. Чуть поодаль светились окна других домов.

Вил с изумлением взирал на все это. Жизнь чувствовалась везде — яркая, буйная, неуправляемая. Все напоминало картинку из хорошей книги сказок.

Он вопросительно взглянул на Алланона. Маг чуть насмешливо улыбнулся и жестом велел Вилу следовать за ним. Они прошли по искрящейся тропинке через сад к лужайке, затем свернули к дому. Из занавешенных окон лился свет, изнутри доносились приглушенные звуки голосов. Детских голосов, отметил Вил про себя. Он был так удивлен этим открытием, что не заметил толстого полосатого кота, развалившегося на нижней ступеньке крыльца. Он очнулся как раз вовремя, чтобы не наступить на спящее животное. Кот поднял усатую морду и нагло уставился на Вила. Другой кот, угольно-черный, торпливо соскочил с крыльца и без единого звука метнулся в кусты. Друид и долинец поднялись по ступенькам и остановились у двери. Из дома раздался веселый, залиvistый смех.

Алланон настойчиво постучал, и голоса стихли. Кто-то подошел и остановился у двери.

— Кто там? — спросили приятным, нежным голосом, и занавеска, закрывающая дверное стекло, слегка отодвинулась.

Друид вышел вперед, так чтобы свет падал на его смуглое лицо.

— Я, Алланон, — ответил он.

Настала долгая тишина, затем они услышали звук отодвигаемого засова. Дверь открылась, и к ним вышла эльфийская девушка. Она была небольшого роста, маленькая даже для эльфов, хрупкая, тоненькая, с золотистой от загара кожей. Каштановые волосы свободно ниспадали до пояса, оттеняя детское личико, наивное и мудрое одновременно. Она быстро скользнула взглядом зеленых живых глаз по Вилу, затем внимательно посмотрела на друида:

— Алланон ушел из Четырех земель более пятидесяти лет назад. — Голос ее был спокоен и тверд, но в глазах затаился страх. — Кто ты?

— Я — Алланон, — повторил друид. Он выждал. — Кто еще смог бы найти тебя здесь, Амбель? Кто еще может знать, что ты одна из избранников?

Эльфийка молча смотрела на него. Когда она попыталась заговорить, слова не приходили. Девушка крепко сжала руки; спокойствие она сохраняла с большим усилием.

— Дети боятся остаться одни. Надо уложить их спать. Подождите, пожалуйста, здесь.

Амбель повернулась и скрылась в глубине дома, откуда слышались звуки беготни и встревоженный шепот. Затем раздался мягкий, успокаивающий голос Амбель. Алланон направился к широкой скамье неподалеку от крыльца. Вил остался на месте, прямо у двери, прислушиваясь к голосам.

«Боже мой, она сама еще ребенок», — подумал он.

Она вернулась буквально через минуту, вышла на крыльцо, плотно закрыв за собой дверь, с недоумением посмотрела на Вила, который смущенно улыбался ей.

— Это Вил Омсфорд, — донесся из темноты голос Алланона. — Он учится у сторов, он — целитель.

— Здравствуйте... — неловко начал Вил, но она уже шла мимо него к скамье, на которой сидел друид.

— Зачем ты пришел, друид, если только ты и в самом деле друид? — спросила Амбель; неуверенность и гнев смешались в ее голосе. — Это дедушка послал тебя?

Алланон поднялся:

— Нам надо поговорить. Может, пойдем в сад?

Девушка замялась на мгновение, потом кивнула. Они прошли по серебристой дорожке к скамьям на лужайке. Здесь Амбель села. Друид уселся напротив нее, Вил — чуть поодаль. Долинец понял, что сейчас он будет только зрителем.

— Зачем ты пришел? — повторила Амбель. Теперь ее голос был более решительным.

Алланон плотнее завернулся в плащ.

— Меня никто к вам не посылал. Я пришел сам. Я пришел просить тебя вернуться в Арборлон вместе со мной. — Он помедлил. — Я буду краток. Элькрис умирает, Амбель. Запрет те-

рвет силу, некоторые демоны уже на свободе. Очень скоро они вырвутся все и захватят Западные земли. Только ты можешь этому помешать. Ты — последняя из избранников.

— Последняя...— прошептала она, слова застряли у нее в горле.

— Избранники мертвы. Все. Демоны убили их. Теперь они ищут тебя.

Ее лицо застыло от ужаса.

— Нет! О чем ты говоришь, друид? О чем?..— Слезы текли по детскому лицу. Она быстро смахнула их.— Они действительно умерли? Все?

Друид кивнул.

— Ты должна вернуться со мной в Арборлон.

Амбель мотнула головой:

— Нет. Я больше не избранник. И ты это знаешь.

— Я знаю: тебе хочется, чтобы было так.

Зеленые глаза гневно сверкнули.

— То, что мне хочется, сейчас не имеет значения. Я больше не служу, для меня все прошло. Я не избранник.

— Тебя избрала Элькрис, — спокойно продолжал Алланон.— И только она может решать, избранник ты или нет. Только она может решать, доверить ли тебе семья, чтобы ты отнесла его к Источнику Огненной крови. Только она — ни ты, ни я, никто, кроме нее.

— Я не пойду с тобой...— быстро начала Амбель.

— Ты должна.

— Я не пойду. Я никогда не вернусь. Теперь мой дом здесь, здесь мой народ. Я сделала выбор.

Друид медленно покачал головой:

— Наш дом везде, где мы строим его. Наш народ — тот, который мы выбираем. Но некоторые наши обязанности даны нам без выбора, без нашего согласия. Это именно такой случай, эльфийка. Ты последняя из избранников, последняя надежда эльфов. Ты не можешь уйти от этого. И изменить ничего не можешь.

Амбель встала, отошла на шаг, затем обернулась:

— Ты не понимаешь.

Алланон смотрел на нее.

— Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь.

— Тогда ты не должен просить меня вернуться. Когда я уезжала из Арборлона, я знала: обратной дороги не будет. В их глазах я опозорила себя — в глазах мамы, бабушки, всех. Я сделала то, чему нет прощения, — отказалась от чести избранничества. Даже если бы я хотела вернуться, это было бы невозможно. Они не примут меня обратно. Ты знаешь эльфов: мы глубоко чтим традиции и долг. Даже если они будут понимать, что им грозит гибель и я — их единственное спасение, они все равно не примут меня. Теперь я отверженная, и этого не изменить.

Глядя ей в лицо, друид поднялся, огромный и темный рядом с ее хрупкой фигуркой. Когда она встретилась с ним взглядом, то просто испугалась выражения его глаз.

— Ты говоришь глупости, эльфийка. Все твои доводы несерьезны, и ты сама не веришь тому, что говоришь. Это не твои слова. Я знаю: ты сильнее, чем хочешь казаться.

Амбель напряглась, уязвленная словами друида.

— Что ты знаешь обо мне, друид? Ничего! — Она подошла к нему вплотную, зеленые глаза потемнели от гнева. — Я учу детей. Сегодня ты слышал это. В каждой группе шесть — восемь человек, они остаются со мною на несколько недель. Родители поручили их мне. Они мне верят. Я передаю детям мои знания о живом. Я учу их уважать и любить мир, в котором они родились, — землю, море, небо и все живое. Я учу их понимать этот мир. Я учу их ухаживать за землей и приумножать богатство жизни. Мы начинаем просто, вот с этого сада. Заканчиваем же всем миром, природой, что окружает человека. Я обыкновенная эльфийка с обыкновенными способностями и знаниями, но ими я могу поделиться с кем-то другим. Избраннику же нечем делиться. Я никогда не была избранником, никогда! Да, Элькрис избрала меня, но я сама никогда не хотела этого и никогда не годилась на это. Теперь все позади. Здесь, в этой деревне, среди этих людей, — моя жизнь.

— Возможно. — Голос друида был спокоен и тверд, он сразу же охладил гнев Амбель. — И только по этой причине ты не хочешь вернуться к эльфам? Они погибнут без тебя. Они будут сражаться, как это было тогда, в древнем мире, но теперь у них нет магии, дающей им силу. Их уничтожат.

— Мне доверили этих детей... — торопливо начала Амбель, но Алланон резко поднял руку.

— А когда эльфов уничтожат, что произойдет дальше? Может, ты думаешь, зло останется в границах Западных земель? Что тогда будет с твоими детьми, эльфийка?

Амбель молча смотрела на друида, затем медленно опустилась на скамью. Слезы текли у нее из глаз, и она зажмурилась.

— Зачем меня избрали? — тихо, почти шепотом, спросила она. — Я не знаю. Я не стремилась к этому, там было много других, кто хотел. — Она сжала руками колени. — Это какая-то насмешка, друид, какая-то глупая шутка. Разве ты сам не видишь? Более пятисот лет ни одна женщина не была избранником. Только мужчины. И вдруг избрали меня — ужасная, жестокая ошибка. Это ошибка, друид.

Алланон смотрел на сад, его лицо было непроницаемым.

— Нет, не ошибка, — ответил он, однако Вил почему-то подумал, что он сказал это скорее себе. Друид успокоился и посмотрел на Амбель: — Что тебя пугает, эльфийка? Ты чего-то боишься?

Она не смотрела на него, даже не открыла глаза. Она только медленно кивнула.

Алланон сел на место. Теперь его голос был мягок, почти нежен.

— Страх — это часть нашей жизни, но его надо встречать открыто, не прячась. Так что же тебя пугает?

Настала долгая тишина. Вил тихонько подвинулся ближе.

Наконец Амбель тихо проговорила:

— Она.

Алланон нахмурился.

— Элькрис?

Но на этот раз Амбель ничего не ответила, она вытерла слезы, потом открыла глаза и поднялась.

— А если я соглашусь пойти с тобой, если снова предстану перед дедушкой и перед эльфами, если пойду к Элькрис еще раз, а она не примет меня? Что тогда?

Алланон выпрямился.

— Тогда ты вернешься в Надежный Приют, и я больше не буду тебя беспокоить.

Девушка помедлила.

— Что ж, я подумаю.

— Нет времени думать, — настаивал Алланон. — Ты должна решить сейчас, сегодня ночью. Демоны ищут тебя.

— Я подумую,— повторила она. Ее задумчивый взгляд остановился на Виле.— Ну а ты, целитель, при чем здесь ты? — Вил собрался было ответить, но она с улыбкой остановила его: — Нет, не надо. Я чувствую, что в этом мы равны, ты знаешь не больше, чем я.

Даже меньше, хотел было сказать он, но Амбель уже отвернулась.

— В доме мало места,— обратилась она к Алланону.— Если хотите, можете спать здесь. Мы поговорим обо всем завтра.

Она пошла к дому; ветер играл ее каштановыми волосами.

— Амбель! — окликнул друид.

— Завтра,— отозвалась она, не оборачиваясь.

Друид и долинец молча смотрели ей вслед, пока она не скрылась за дверью.

Глава 11

Оно пришло за Вилом из тягучей мглы его сна — бесформенное видение, явившееся из глубин подсознания, из самых темных его уголков, где он прятал свои сокровенные страхи. Создание ужаса и коварства, оно медленно подкрадывалось к нему, легко круша все барьеры, которые Вил воздвигал на его пути. Вил ощущал, как нечто неодолимое охватывает его тело. У видения не было материальной формы и облика, у него не было сознания. Вил бежал — бежал по смутным полям своего воображения — вперед и вперед, и каждый раз казалось: еще чуть-чуть — и он спасен. Но спасения не было. Оно шло за ним по пятам, неуклонно, страшно. В отчаянии Вил беззвучно кричал о помощи. Но никто не пришел. Вил был один на один со своим страхом, с этой невидимой жуткой тварью, которая преследовала его. И убежать невозможно. Но он должен убежать, потому что Вил знал: если она прикоснется к нему, он умрет сразу же, на месте. И он бежал — слепо, отчаянно, чувствуя у себя на затылке горячее дыхание...

Вздрыгнув, Вил проснулся: он сидел на земле около деревянной скамейки. Ночной воздух охладил его лицо и покрытое испариной тело, в висках отдавались бешеные удары сердца.

Темная фигура Алланона склонилась над ним, сильная рука больно сжала плечо. Друид сурово прошептал:

— Быстро, долинец. Они нашли нас.

Вилу не нужно было спрашивать, кто это «они». Сон стал явью. Он вскочил на ноги, сгреб плед и поспешил за друидом, который со всех ног бежал к дому Амбель. Как будто тоже что-то почувствовав, Амбель вышла на крыльцо; ее белая ночная рубашка выделялась на фоне ночной тьмы, эльфийка была похожа на призрак. Алланон сразу подошел к ней.

— Ты еще не готова,— прошептал он сердито.

Она с сомнением смотрела на него.

— Ты не обманываешь меня, друид? Может быть, ты сам затеял эту игру, чтобы заставить меня вернуться в Арборлон?

Лицо Алланона потемнело.

— Если мы простоим здесь еще несколько минут, ты получишь точный ответ. Одевайся немедленно.

Она стояла на месте.

— Да, но я не могу бросить детей. Их надо отвести в безопасное место.

— У нас нет времени,— подгонял ее друид.— К тому же оставаться здесь им безопаснее, чем куда-то тащиться в темноте.

— Но они не поймут, если я их так просто брошу.

— Тогда оставайся здесь, и они разделят твою судьбу.— Алланон потерял терпение.— Разбуди старшего. Скажи, что тебе надо уйти на какое-то время и что ты не можешь поступить иначе. Скажи ему, пусть он, когда станет светло, отведет остальных в соседний дом. Делай, как я сказал, и, пожалуйста, поторопись!

На этот раз она не стала спорить, просто повернулась и скрылась в глубине дома. Вил расправил на себе одежду и плотно скатал плед. Затем они с друидом вернулись к воротам, оседлали коней и подвели их к крыльцу. Почти немедленно к ним присоединилась Амбель. На ней были дорожные башмаки, длинное свободное платье с поясом и голубой плащ до пят.

Алланон подвел Ви́ла и Амбель к Артаку, погладил гигантского коня по шее, что-то нежно шепча ему на ухо. Затем протянул поводья Вилу:

— Садись.

Вил вспрыгнул на черного гиганта. Артак мотнул головой и заржал. Алланон продолжал шептать коню в ухо, затем поднял Амбель и посадил позади долинца. Сам он сел на Спиттера.

— Теперь тихо, — предупредил он. — Ни слова.

Они поскакали по дороге, что шла позади дома и поворачивала на восток через спящую деревню. Только слабый цокот копыт нарушал глубокую тишину ночи. Они проехали деревню и оказались у края леса. Теперь они скакали по полям; вода в каналах блестела серебром в лунном свете. Впереди с обеих сторон заросшие лесом склоны спускались к лугам.

Внезапно Алланон остановил коня и спешился. Он стоял неподвижно, встревоженно прислушиваясь к ночной тишине. Потом вплотную подошел к Артаку, жестом приказывая Вилу и Амбель нагнуться к нему.

— Они окружили нас, — выдохнул он. Вил похолодел. Друид смотрел на него, словно оценивая. — Ты когда-нибудь охотился верхом? — (Вил кивнул.) — Хорошо. Вы остаетесь с Артаком, на него можно положиться. Если возникнут трудности, доверься ему. Он выручит вас. Мы поедем на север по краю деревни, к лугам. Там мы прорвем их кольцо. Ни в коем случае не останавливайся, понял? Что бы ни случилось. Если мы вдруг разделимся, не возвращайся. Поедешь на север до Серебристой реки. Если я не приду сразу же, переходи реку и скачи на запад до Арборлона...

— А ты?.. — начал было Вил.

— Обо мне не беспокойся, — резко оборвал его друид. — Делай так, как я сказал.

Вил неохотно кивнул. Все это не нравилось ему. Когда Алланон отошел, он оглянулся на Амбель.

— Держись крепче, — прошептал он, обернувшись, и попытался выдавить улыбку. Она не улыбнулась в ответ. Неприкрытый страх застыл в ее глазах.

Медленно и осторожно они поехали вдоль опушки леса. Гнетущая тишина стояла над долиной. Как тени, скользили они сквозь сумрак деревьев. Впереди, сквозь просветы леса, начал неясно вырисовываться северный склон долины.

Алланон резко натянул поводья, знаком приказав им замедлить. Он молча указал рукой на поле слева. Вил и Амбель проследили глазами за направлением его руки. Сначала они не видели ничего, только ряд высоких стеблей, серых при свете луны. Но потом уловили быстрое движение чего-то смутного, темного. Что-то похожее на зверя выползло из канавы и скрылось в густых зарослях.

Они подождали, застыв под сенью деревьев, затем двинулись вперед. Но успели сделать лишь несколько шагов, как вдруг из леса впереди послышался низкий ожесточенный вой. Амбель крепко обхватила Вила за пояс, вжавшись лицом ему в спину.

— Вервульфы, — определил Алланон. — Демоны-волки. Они вышли на наш след.

Он пришпорил Спиттера, направляя его вперед медленной рысью. Артак встревоженно захрапел и ринулся вслед. Вой нарастал, стало слышно, как кто-то крадется среди деревьев.

— Вперед! — закричал Алланон.

Кони рванулись, круто забирая влево от края леса. Они мчались галопом по кромке поля, вдоль канав, туда, где склоны долины открывали проход к лугам. А вокруг раздавался вой — голодный и свирепый. Громадные тени выныривали из гуши колосьев слева от них и с бешеным воем неслись прямо к своим жертвам. Низко пригнувшись к шее Артака, Вил подгонял черного гиганта. Быстрее! Впереди показалась дорога, ведущая из долины.

Полдюжины темных теней вынырнули из леса впереди. Они напоминали волков, огромных волков, но, когда они подняли вверх свои лязгающие пасти, в лунном свете Вил увидел, что их морды неуловимо похожи на человеческие лица. Это было самое жуткое. Алланон направил Спиттера прямо на них, синее пламя вырвалось из пальцев его поднятой вверх руки. Пламя ударилось в стаю, разбросав ее в разные стороны. Спиттер бросился прямо на извивающихся тварей, жалобно заржав от ужаса.

Артак несся вперед, он уже миновал друида и вервульфов; его мощное гладкое тело равномерно вздымалось в неистовой скачке. Несколько темных теней выскочили из зарослей травы, челюсти лязгали у самых ног черного гиганта. Но Артак даже не приостановился, плечом он отбросил ближайшего зверя и на ходу лягнул его. Остальные отстали. Вил лишь слегка придерживал поводья, предоставляя коню самому выбирать дорогу. Из-за деревьев справа сверкали глаза демонов-волков; их вой, казалось, до краев заполнил пространство. Позади взрывались сполохи синего огня, устрашающий вой постепенно переходил в визги боли. Артак летел вперед.

Затем они увидели на краю леса огромного лохматого вервульфа: стараясь перехватить их, он несясь вдоль лесного ручья, бесшумно из-за плеска воды. Вил почувствовал пронизывающий холод, сжавший сердце. Зверь бежал быстро, разрыв между ними с каждой секундой неумолимо сокращался — им не уйти. Единственное, что Вил мог сделать, — это просто довериться Артаку. Вил крикнул. И черный гигант отозвался, словно новые силы влились в него. Но вервульф уже почти настиг их — огромный, темный ужас, который, казалось, материализовался из ночной тьмы у них за спиной. Вил закрыл глаза и еще раз пронзительно крикнул. Артак заржал в ответ. Перепрыгнув через лесной ручей, пересекавший их путь, конь устремился к открытому полю.

Некоторое время Вил не открывал глаз; прижавшись к шее Артака, он чувствовал под собой напряженное тело коня, летящего сквозь ночь. Когда наконец он отважился открыть глаза и оглянуться, то обнаружил, что они с Амбель остались одни. Дым и огонь поднимались из темной долины, воздух взрывался бешеным воем. Ни вервульфов, ни Алланона — никого не было видно.

Не раздумывая, Вил схватил поводья и резко развернул коня. Потом он вспомнил настойчивые указания Алланона: ни при каких обстоятельствах не возвращаться. Только вперед. Амбель — вот его единственная забота. Ее надо спасти любой ценой. Вил быстро взглянул на детское лицо, маячившее в темноте за его спиной: в зеленых глазах — страх и растерянность. Он знал, что должен делать. Но еще он знал, что там, позади, — Алланон, и наверняка в беде. Как можно оставить его?!

Вил колебался всего лишь мгновение. Прямо на них из долины летел насмерть перепуганный Спиттер. Конь возник на фоне польхающего пламенем горизонта; друид низко пригнулся к его шее, черный плащ развевался, как парус. Прямо за ним неслись демоны, воя от ненависти к уходящим жертвам.

Вил повернул Артака на север. Черный гигант захрипел и рванулся вперед. На этот раз Вил не позволил коню мчаться изо всех сил, он крепко сжал поводья, сдерживая Артака на среднем галопе. Погоня может быть долгой, а силы вороного не безграничны. Артак был послушен малейшему движению Вила. Долинец опять наклонился вперед, чувствуя, как Амбель снова обняла его и уткнулась лицом в его спину.

Еще одна миля — и Спиттер появился рядом с ними, его крепкое тело было покрыто грязью, ноздри широко раздувались. Конь уже начал уставать. Вил с тревогой взглянул на Алланона, но друид даже не повернул головы в их сторону, он не отрываясь смотрел вперед.

Погоня продолжалась с неумолимой настойчивостью. Бешеный вой вервульфов сменился звуком их свирепого лххания, перемежающегося рыками ярости и разочарования. Через низины, прорезающие пологие склоны холмов, через широкие пустынные возвышенности летели они — охотники и жертвы — мимо роши фруктовых деревьев, мимо одиноких дубов, мимо ив у ручья, сквозь тишину и тьму. Время как будто остановилось. Они проехали почти дюжину миль, но расстояние между ними и волками оставалось неизменным.

Наконец показалась Серебристая река — широкая полоса воды лунного цвета поблескивала меж холмами. Вил первым увидел реку и закричал. От звука его голоса Артак рванулся вперед, обогнав Спиттера. Вил с опозданием попытался сдержать его, но на этот раз конь не послушался. Он летел вперед все так же легко и плавно и вскоре оставил утомленного Спиттера далеко позади.

Расстояние между Артаком и теми, за спиной, увеличивалось с каждой минутой. Вил все еще безуспешно пытался сдержать рвущегося вперед коня, как вдруг краем глаза заметил темные, стелющиеся по земле тени, которые внезапно выступили из мрака впереди, — они извивались, кривлялись, казалось, их шетинистые тела сплелись в один шевелящийся клубок. Демоны! У Вила сжалось сердце. Это ловушка! Они ждали здесь, ждали на тот случай, если беглецам удастся спастись от вервульфов. Демоны смыкались плотными рядами на берегу, поджидая всадников, что летели прямо на них.

Артак тоже увидел их и повернул налево, к небольшому холму. Спиттер рванулся следом. Позади, все еще достаточно далеко, свирепо завывая, неслись вервульфы. Артак поднялся на холм и, не медля ни секунды, бросился вниз к Серебристой реке. Демоны преградили ему путь. Теперь Вил разглядел их: женоликие кошки, они вопили и извивались, бросаясь к черному гиганту. Острые зубы сверкали в разинутых пастьях, отовсюду неслись леденящие кровь мяуканье и клацанье клыков.

В самое последнее мгновение Артак резко развернулся и помчался обратно на холм. В этот момент на вершине холма показался Слиттер, он оступился и повалился на бок. Алланон упал вместе с ним, запутавшись в широком плаще, несколько раз перевернулся и вскочил на ноги. Вербульфы обступили его со всех сторон, но синий огонь, рвущийся из пальцев друида широким потоком, разбрасывал их, как ветер сухие листья. Артак снова свернул налево; Вил и Амбель отчаянно вцепились в спину коня, чтобы не упасть. Вскрипев от ненависти к тварям, которые пытались заманить его в ловушку, Артак несся прямо на них. Конь с такой быстротой взвился на дыбы, что демоны даже не успели понять, что он собирается сделать. Несколько зверюг все же дотянулись до него, царапая когтями, но Артак отбросил их ударом копыт и унесся прочь, в темноту. Позади полосы синего огня захлестнули ближайших преследователей и сожгли их. Вил оглянулся: Алланон так и стоял на вершине холма, вербульфы и эти похожие на кошек твари приближались к нему со всех сторон.

«Их слишком много! — пронеслось в сознании Вила. — Слишком много!»

Пламя вырвалось из пальцев друида, и он пропал за стеной дыма и темных скачущих теней.

Затем какое-то шестое чувство предупредило Вила о новой опасности. Внезапно появились еще полдюжины вербульфов — мягкими, беззвучными прыжками они неслись прямо на Артака. На секунду Вил растерялся: с одной стороны демоны-волки, с другой — река. Впереди дорогу перекрывал густой лес, сзади — демоны, от которых они едва спаслись. Что делать?

Артак не колебался. Он понесся прямо к Серебристой реке. Вербульфы за ним — беззвучный текучий черный ужас. Вил был уверен, что на этот раз им не спастись. Алланон далеко, он не может помочь им. Они остались одни. Совершенно одни.

Река приближалась: ни единой отмели — широкий водный поток, слишком быстрый и слишком глубокий. Если они попытаются переправиться здесь, течение неизбежно сметет их. Но Артак не медлил. Черный гигант решил.

Амбель закричала. Вил нашарил рукой кожаный кошель с эльфийскими камнями, даже не зная, сможет ли он воспользоваться их силой, — он знал только, что должен что-то сделать.

Но он опоздал. Когда Вил нащупал камни, конь уже был у самого края воды. Артак собрал все свои силы и прыгнул, Вил и Амбель вжались в спину гиганта. В тот же самый момент ослепительный свет вспыхнул вокруг, сковав их движения. Все замерло. Вербульфы исчезли. Пропала и Серебристая река. Пропало все. Они были одни; медленно, плавно они поднимались в потоках света. Вверх.

Глава 12

Он был здесь до начала исчисления времен. До мужчин и женщин, правителей и народов, до появления человечества он был здесь. Даже раньше, чем мир раскололся в борьбе сил Тьмы и Света, он был здесь. Он был здесь тогда, когда земля еще была подобна райскому саду, где все живое пребывало в мире и гармонии. Он жил в садах, охраняя и обновляя их. Тогда природа обладала сознанием, она понимала его, и он понимал ее. У него не было имени, потому что оно ему не было нужно. Он был тем, кто он есть, и его жизнь только начиналась.

Он не знал, чем он станет потом. Его будущее было смутным, неуловимым обещанием, промелькнувшим где-то в лабиринте снов. Он не знал, что жизнь его не кончится, как кончается она у всех остальных в этом мире, а продлится в веках — веках жизни, празднующей рождение и забывшей о смерти, — и растворится в вечности, где смерти нет. Тогда он не знал, что все, кто родился вместе с ним, и все, кто родится потом, исчезнут, потерявшись в столетиях, а один он будет жить. Тогда он был еще молод и уверен, что мир всегда будет таким, какой он есть. Наверное, если бы тогда он знал, как изменится такой родной и знакомый ему мир, он бы не захотел жить. Не захотел этого видеть. Он пожелал бы умереть, чтобы снова слиться с землей, которая породила его.

Но мир менялся. И он остался последним из Начала времен, из мира гармонии и красоты. Так было предопределено в сумерках Начала, и это навсегда изменило ход его жизни, саму ее цель. Для этого нового мира, выпавшего за пределы гармонии, он стал последним напоминанием об утраченном. Но он стал и обещанием, что все когда-то бывшее на земле однажды может вернуться.

Вначале он не понимал этого. Вначале было лишь потрясение и страх оттого, что мир меняется бесповоротно, его красота постепенно блекнет, свет умирает, проходит все, что было исполнено яркой жизни и силы, что было ему так дорого. Потом остались лишь его сады. Все, кто пришел в мир вместе с ним, давно исчезли. Он остался один. На какое-то время он впал в отчаяние, охваченный глубокой печалью и жалостью к себе. Но потом перемены, коснувшиеся земель вокруг, начали вторгаться в его собственный маленький мир, угрожая переделать и его. Тогда он вспомнил про свою силу и начал борьбу за сады, которые были его домом, твердо решив, что пусть все остальное исчезнет, но он сохранит этот маленький кусочек перворожденного мира. Шли годы, он продолжал свою битву. Он заметил, что лишь немного постарел — даже не постарел, просто стал больше видеть и понимать. Он обнаружил в себе силу, о которой и не подозревал. Прошло время, он понял цель своего одинокого существования, понял свой долг. Потом пришло и согласие с собой. Теперь он знал, что ему делать.

В безвестности, не открываясь, трудился он век за веком. Его жизнь стала мифом, волшебной сказкой для людей, которые теперь заселили землю, сказкой, рассказываемой с насмешливыми улыбками и пренебрежительным высокомерием. Так было до катастрофы, окончательно разрушившей древний мир, — люди называли ее Великими войнами. Новые народы отнеслись к мифу как к правде. Тогда же он впервые решил выйти из садов на землю. Причины были ясны: в мире снова появилась магия, а его волшебство было сильнейшим и величайшим — волшебством самой жизни. Земля опять стала свежей и цветущей, и он увидел в этом возможность вернуть обратно все то, что было в мире когда-то. Он может соединить прошлое и будущее. Не легко и не быстро, но может. И поэтому ему нельзя больше оставаться в своем уединении — надо выйти в мир. В его маленьком убежище есть семя жизни, которое надо вернуть миру; это долг, изначально возложенный на него. Время хранить миновало. Теперь надо творить, более того — сделать свое творение видимым и осязательным. Он отвечает за это.

Так он вышел из садов, которые столько лет были его единственным домом, в страну, что лежала вокруг, — страну сочных

лугов и прохладных лесов, зеленых холмов и тенистых долин, страну серебристой реки, несущей земле жизнь. Он не уходил далеко от садов: они продолжали оставаться его главной заботой, и он не мог оставить их надолго. Страна, которую он увидел, неожиданно понравилась ему. Здесь он посадил семя первожденной жизни из своих садов, тем самым взяв этот край под свое покровительство, давая его жителям и странникам свое благословение и защиту от зла. Со временем люди поняли, как много он сделал для них; они заговорили о нем с уважением и благоговейным трепетом. О нем заговорили во всех Четырех землях. Наконец рассказы сложились в легенду.

Люди назвали его по имени края, который он сделал своим вторым домом, — король Серебристой реки.

Он явился Вилу и Амбель в облике старика, возникшего из света, — высохшего, согнутого годами, с белыми волосами до плеч, с морщинистым, коричневым от загара лицом; пронзительные голубые глаза смотрели на них ласково и мудро. Он приветливо улыбнулся им. Вил и Амбель улыбнулись в ответ, чувствуя, что в этом человеке нет зла. Они все еще крепко держались за спину Артака, который как бы застыл в прыжке: свет заставил все замереть. Ни Вил, ни Амбель не поняли, что произошло, но страха не было — только глубокий покой, полусон, сковавший их, как железная цепь.

Старик остановился перед ними — смутная, неясная фигура в сияющей дымке. Он прикоснулся рукой к морде Артака, и тот радостно заржал. Затем старик посмотрел на Амбель, в его глазах стояли слезы.

— Дитя мое, — прошептал он, взяв ее руку в свою, — в этой земле ничто не причинит тебе вреда. Мир тебе. Мы соединимся в общей цели и станем заодно с землей.

Вил попытался заговорить, но не смог. Старик отошел, подняв в прощании руку.

— Теперь отдыхайте. Спите. — Он исчезал, растворялся в свете. — Спите, дети жизни.

Веки Вила отяжелели. Это было приятное, желанное ощущение, и он не пытался его отогнать. Он чувствовал, как Амбель сонно припала к нему, ее руки ослабли. Свет уходил, он закрыл глаза и провалился в сон.

Ему снилось: он стоял в саду, неправдоподобно прекрасном и безмятежном, поражающем разнообразием красок и ароматов, настолько прекрасном, что все, что Вил когда-то видел в жизни или представлял в мечтах, казалось уродливым. Родники, сверкающие серебром, струились из-под земли и тихо впадали в спокойное озеро. Там были деревья, устремленные ввысь, солнечный свет лежал на земле пятнами золотого тепла. Там были мягкие, душистые травы, устилающие землю изумрудным ковром. Звери резвились в саду, птицы летали, рыбы плавали в воде. Все было мир, гармония и нега. Вида переполнило спокойствие и счастье, такое огромное и всепоглощающее, что, не в силах выдержать, он закричал.

Когда он обернулся, чтобы рассказать обо всем Амбель, ее не было.

Глава 13

На рассвете Вил Омсфорд проснулся. Он лежал на траве, под сенью кленов, солнечный свет проникал сквозь листву блестящими нитями, и Вил прищурил глаза. Неподалеку слышался неясный шепот воды, бьющейся о берег. Ему все еще казалось, что он находится в волшебных садах своего сна. Они были настолько осязаемыми, что Вил невольно приподнялся на локте, стараясь разглядеть их получше. Но сады пропали.

Рядом с ним лежала Амбель, она еще спала. Он помедлил, затем подошел ближе и легонько потряс ее за плечо. Амбель вздрогнула и открыла глаза, с удивлением уставившись на Вила.

— Ну как? — спросил он.

— Хорошо. — Она потерла глаза, прогоняя сон. — Где мы? Вил покачал головой.

— Не знаю.

Эльфийка медленно села и оглядела долину.

— А где Алланон?

— И этого я не знаю. — Вил вытянул ноги, удивляясь, что они не болят. — Он пропал. Они все исчезли: Алланон, те твари...

Он замолчал, прислушиваясь к движению в кустарнике на дальней стороне лощины. Знакомая черная морда просунулась сквозь листья, ласково заржав. Вил улыбнулся:

— Отлично, по крайней мере Артак с нами.

Будто почувствовав, что о нем говорят, черный гигант пошел к Вилу. Долинец погладил коня, почесал за ухом. Амбель смотрела на них. Артак отошел и принялся щипать траву.

— Ты видела старика? — спросил Вил.

Она серьезно, почти торжественно кивнула.

— Это король Серебристой реки.

Он внимательно посмотрел на нее:

— Я тоже так думаю. Мой дед однажды видел его, много лет назад. Я не знаю, наяву или во сне. Но теперь... Странно. — Вил покачал головой. — Он спас нам жизнь. Вербульфы почти настигли нас... — Он поймал взгляд Амбель и остановился. — Во всяком случае, теперь, я думаю, мы в безопасности.

— Это было как сон, — мягко сказала она. — Мы плыли по свету, под Артаком ничего, кроме света. Потом он вышел к нам ниоткуда и говорил что-то. — Она отвернулась, как будто эти воспоминания смущали ее. — Ты видел?

Долинец кивнул.

— А потом он исчез, — продолжала она, обращаясь скорее к себе, чем к Вилу, как бы пытаясь припомнить все, что произошло. — Он исчез, и свет исчез, и... — Амбель вопросительно взглянула на него.

— Сады? — предположил он. — Ты видела сады?

— Нет, — нерешительно ответила она. — Не сады, просто темнота и... такое чувство... я не знаю. Какое-то притяжение... Не знаю. — Она посмотрела на Вила, как бы прося о помощи, но он только смотрел на нее в замешательстве. — Ты был там со мной, — продолжала она. — Ты был там, но почему-то не видел меня. Я звала тебя, но ты не слышал. Это было так странно...

Вил подался вперед.

— Я помню старика и свет — все, как ты описала. Это я помню. Потом они пропали, я заснул или, по крайней мере, было ощущение сна. Но ты была со мной на Артаке, я чувствовал твои руки. Потом я был в садах; я никогда не видел ничего подобного — такие прекрасные, такие спокойные. Но когда я оглянулся, тебя не было. Ты исчезла. — Он замолчал. — Но лучше выяснить, где мы сейчас, — наконец сказал Вил.

Он встал и огляделся. С запозданием подумал, что надо бы помочь Амбель подняться, но та уже стояла рядом с ним, стряхивая с волос траву и листья. Мгновение он колебался, затем направился через кустарник на звук журчащей воды.

Они вышли к озеру, такому огромному, что линия берега с обеих сторон уходила к горизонту и пропадала за ним, дальнего берега вообще не было видно. Волны поднимались в курчавых барашках серебряной пены, при ярком утреннем солнце вода была кристально прозрачной и отливала голубизной. На берегу росли деревья: ивы, ясени, вязы; их листья нежно шуршали на ветру, доносящем запах жимолости и шиповника. Как будто поднимаясь с одного конца горизонта и пропадая на другом, над водой стояла разноцветная мерцающая арка; сияние, исходившее от нее, было ярким и прозрачным.

Вил поглядел наверх, определяя положение солнца, и глазам своим не поверил. В изумлении он повернулся к Амбель:

— Ты знаешь, где мы? Где-то на северном берегу Радужного озера. Старик перенес нас вниз по реке и через озеро сюда. Вот это да! Теперь мы далеко от твоей долины.

Амбель рассеянно кивнула.

— Думаю, ты прав.

— Я уверен, что прав. — Вил прошел вперед и остановился у самой воды. — Вот только не знаю, как ему это удалось.

Амбель села на траву, не отрывая взгляда от озера.

— Легенда говорит, что он помогает всем, кто, проходя через его владения, нуждается в помощи. Он хранит от зла. — Она остановилась, ее мысли были где-то далеко. — Он что-то сказал мне. Я пытаюсь вспомнить...

Вил не слушал.

— Пора ехать. До Арборлона долгий путь. Двигаясь на северо-запад, мы доберемся до Мермидона, потом по этой реке попадем в Западные земли. — Занятый мыслями о предстоящей дороге, он не обратил внимания на выражение досады на лице Амбель. — На это уйдет дня четыре или пять, ведь у нас один конь на двоих. Неплохо было бы раздобыть и оружие, ведь у нас нет даже охотничьего лука. А это значит, что есть мы будем дикие плоды и корни. Конечно, мы можем...

Он остановился, увидев, что Амбель отрицательно качает головой.

— Что-нибудь не так? — спросил Вил, наклонившись к ней.

— Во-первых, ты.

— Что — я?

— Похоже, ты все рассчитал, все, что мы должны делать теперь. А ты не думаешь, что следует выслушать и меня?

Вил уставился на нее.

— Да, конечно... я... — Он был смущен.

— Мне бы не хотелось делать тебе замечания, — продолжала она, не обращая внимания на его замешательство. — Но ты сам до этого не додумался.

Долинец покраснел.

— Прости меня. Я просто...

— Ты просто принимаешь решения, хотя не имеешь на это права. — Амбель помедлила, холодно глядя на него. — Я даже не знаю, при чем здесь ты. Я поехала с тобой только потому, что у меня действительно не было выбора. Теперь самое время кое-что выяснить. Например, почему Алланон привел тебя, Вил Омсфорд? Кто ты?

Вил рассказал ей все, начиная с истории Ши Омсфорда и поисков меча Шаннары и кончая визитом друида в Сторлок, где тот попросил его о помощи. Он рассказал ей все, решив, что бессмысленно что-то скрывать, и полагая, что, если он не будет до конца честен с ней, Амбель просто не захочет иметь с ним дела.

Когда он закончил, эльфийка некоторое время молча смотрела на него, затем медленно покачала головой:

— Похоже, ты говоришь правду. Да у меня и нет никаких причин не доверять тебе. Но произошло столько всего, что сейчас я вообще не знаю, чему можно верить, а чему нет. — Она колебалась. — Я слышала легенду об эльфийских камнях. Теперь ты говоришь, что Алланон дал их твоему деду, а тот — тебе. Если это так... Если все, что ты говорил мне, правда... — Она замолчала, внимательно глядя на него. — Покажи мне их, — попросила она.

Долинец поколебался, затем полез за пазуху. Он понял, что Амбель проверяет его, но у нее есть на это право. Ведь она знала только то, что он сам рассказал ей, и вынуждена была требовать доказательств его искренности. К тому же Амбель поручена его заботам, а значит, он должен обеспечить ей не только безопасность, но и душевный покой. Он вытащил кошель и высыпал камни на ладонь. Совершенной огранки, чистейшего сияюще-голубого цвета, они сверкали на утреннем солнце.

Амбель пододвинулась поближе, серьезно и сосредоточенно рассмотрела камни, затем снова подняла глаза на Вила:

— Откуда ты знаешь, что это именно они?

— Дед говорил. И Алланон.

Похоже, это не слишком убедило ее.

— Ты знаешь, как с ними обращаться?

Вил покачал головой.

— Я никогда не пробовал.

— Значит, ты не знаешь точно, сумеешь ли ими воспользоваться? — Она горько усмехнулась. — И не узнаешь, пока они не понадобятся. Это не очень-то утешает.

— Да, не очень, — согласился Вил.

— Ну вот видишь?..

Он пожал плечами.

— И все же они, по-моему, настоящие. — Он ссыпал камни обратно в кошель и спрятал его за пазуху. — Во всяком случае, нужно подождать до тех пор, пока нам не придется их использовать: Тогда увидим, ошибаюсь я или нет.

Девушка молча разглядывала его. Он ждал.

— У нас много общего, Вил Омсфорд, — наконец сказала она. — Теперь, когда я знаю, кто ты, ты вправе узнать все обо мне. Мое родовое имя — Элесседил. Эвентин Элесседил — мой дедушка. В известном смысле мы оба вовлечены в эту историю из-за наших делов.

Вил кивнул.

— Да, наверное.

Ветер растрепал каштановые волосы Амбель, закрыв ей лицо. Она раздраженно убрала их назад и снова посмотрела на озеро.

— Ты знаешь, что я не хочу возвращаться в Арборлон? — спросила она.

— Знаю.

— Но ты все равно считаешь, что я должна это сделать?

Вил откинулся назад и, подняв лицо, смотрел на радугу в небе.

— Да, я считаю, что ты должна идти, — сказал он. — Тебе нельзя возвращаться в Надежный Приют: демоны будут искать тебя там. А скоро они будут искать тебя и здесь. Тебе нельзя сидеть на месте. Надо ехать. Если Алланон спасся... — Он помедлил, смущенный своими словами. — Если Алланон спасся,

он будет ждать нас в Арборлоне. Поэтому мы должны ехать туда, и как можно скорее. — Долинец оглядел девушку с головы до ног: — Если ты можешь предложить что-то другое, я готов тебя выслушать.

Амбель долго молчала. Казалось, она вообще не собиралась отвечать, а просто смотрела на Радужное озеро, подставив лицо прохладному ветру. Когда она наконец заговорила, ее голос был едва слышен:

— Я боюсь.

Она посмотрела на него, как бы собираясь добавить что-то и раздумывая, надо ли это делать. И улыбнулась — первая искренняя улыбка, которую она обратила к Вилу.

— Ладно, мы с тобой лишь парочка дураков: ты со своими эльфинитами, которые могут оказаться волшебными, а могут и не оказаться, и я — делаю то, что поклялась никогда в жизни не делать. — Она поднялась, прошла несколько шагов и оглянулась, Вил тоже встал и пошел за ней. — Я хочу, чтобы ты знал. На мой взгляд, бессмысленно ехать в Арборлон. Думаю, Алланон ошибся. Ни Элькрис, ни эльфы не примут меня обратно, что бы там ни говорил друид. — Амбель помедлила. — Но другого выхода нет.

— По-моему, тоже, — согласился Вил.

Она кивнула.

— Ну что ж, решено. — Эльфийка спокойно смотрела на него. — Я очень надеюсь, что это не очередная ошибка.

Вил вздохнул.

— Скоро мы это узнаем. — Он выдал улыбку.

Этот день и весь следующий они ехали на северо-запад по лугам Каллахорна. Было тепло и сухо, и время летело быстро. В первый день около полудня грозовые тучи угрожающе нависли на севере, над темным хребтом Драконьих Зубов, но на закате ветер отогнал их на восток к равнинам Рабб, и они исчезли из виду. Путешественники то ехали верхом, то шли пешком — по очереди или оба сразу, давая коню отдохнуть. Артак выглядел свежим даже после нескольких часов езды, но Вил не хотел рисковать, переутомляя его. Демоны остались у Серебристой реки, но вряд ли они задержатся там надолго. Скорее всего, они давно уже ищут беглецов.

У них не было никакого оружия, кроме маленького охотничьего ножа за поясом у Вила, поэтому им приходилось питаться только тем, что росло на лугах. Впрочем, Вил без труда обходился и этим, а Амбель, похоже, еда вообще не очень-то заботила. Скорее ей даже нравилась такая пища. Она находила ее там, где, по мнению Вила, вообще не может быть ничего съедобного; Амбель извлекала какие-то стебли и корешки из невероятных мест, отыскивала их без труда, при этом все подробно описывая Вилу. Он слушал внимательно и время от времени задавал вопросы, обнаружив, что это единственное, о чем эльфийка говорит охотно и много. Других тем она, похоже, вообще не хотела касаться. Поначалу долинец еще пытался перевести разговор на другие предметы, но безуспешно. Так и получилось, что они говорили только о травах и корешках, а остальное время ехали молча.

Первую ночь они спали в березовой роще у маленького ручейка с холодной и свежей водой. К полудню второго дня добрались до Мермидона и направились на север вдоль реки. В Каллахорне Вил и Амбель не встретили ни единого человека, теперь же — обогнали нескольких странников. Все приветствовали их и желали счастливой дороги.

На закате они остановились у Мермидона, юго-западнее Тирсиса, в роще белых елей и ив. Из ивовых прутьев, куска веревки и крючка от своего плаща Вил соорудил подобие удочки и поймал в реке пару окуней. Он еще чистил рыбу, когда увидел на том берегу караван, тянущийся с юга вниз к реке. Весело раскрашенные домики на колесах, остроконечные крыши, резные двери, окна, обитые медью, — все ослепительно блестело в лучах заходящего солнца. Упряжки холеных лошадей везли повозки, в подковы животных были вставлены кусочки серебра. Рядом ехали всадники, яркие шелка и развевающиеся ленты скрывали их грациозные, подтянутые фигуры. Вил с некоторым раздражением оставил свое занятие и наблюдал за странной процессией на том берегу. Почти напротив того места, где сидел Вил, табор развернулся широким кругом, останавливаясь на привал. Мужчины, женщины и дети высыпали из повозок и принялись распрягать лошадей и разводить костры.

Амбель вышла из-за деревьев за спиной Вила и встала рядом с ним. Долинец посмотрел на нее, затем проследил за ее взглядом, устремленным на сборище на том берегу.

— Скитальцы,— произнес он задумчиво.

Амбель кивнула.

— Я видела их и раньше. Эльфы их не особенно жалуют.

— А кто, интересно, их жалует? — Вил вернулся к своим окуням.— Они воруют все, что не прибито гвоздями, а если прибито, уговорят тебя, что это тебе не нужно. У них свои собственные законы, и они мало считаются с другими.

Амбель коснулась его руки. Вил поднял глаза и увидел на той стороне высокого мужчину, одетого во все черное, только пояс и плащ были ярко-зеленого цвета. Он спускался к воде в сопровождении двух женщин постарше, одетых в рубахи и цветастые длинные юбки. Женщины остановились зачерпнуть ведрами воды, а высокий мужчина, сняв черную широкополую шляпу, низко, церемонно поклонился Вилу и Амбель, ослепительно блеснув зубами в улыбке. Вил поднял руку и радушно помахал в ответ.

— Хорошо, что они на том берегу,— пробормотал он, когда они с Амбель возвратились в свой маленький лагерь.

С удовольствием поужинав рыбой, попив родниковой воды, они уселись у костра и стали смотреть сквозь просветы деревьев на мерцающие огни в лагере скитальцев. Сначала они молчали, погруженные в свои мысли, потом Вил поднял глаза на Амбель:

— Откуда ты знаешь так много о всяких растениях? Кто-то учил тебя?

Она как будто удивилась.

— В тебе есть кровь эльфов, а ты так мало знаешь о нас. Вил пожал плечами.

— Да, действительно. Я унаследовал эльфийскую кровь от отца, а он умер, когда я был совсем маленьким. Не думаю, чтобы мой дед когда-то бывал в Западных землях,— по крайней мере, он никогда об этом не рассказывал. А я никогда не думал о себе как об эльфе.

— Как раз об этом и стоило подумать,— быстро сказала Амбель, глядя ему прямо в глаза.— Прежде чем понять, кто мы есть, надо понять, кем мы были.

Эти слова не были упреком долиincu, скорее упреком себе самой. Вил вдруг осознал, что ему очень хочется побольше узнать об этой девушке, сделать так, чтобы она поверила ему и открыла свою душу.

— Может быть, ты сможешь мне это понять, хотя бы немного? — попросил он после минутного размышления.

Сомнение промелькнуло в ее глазах: не шутит ли он с ней? Она долго колебалась, прежде чем ответить.

— Хорошо, я попробую. — Амбель повернулась, чтобы видеть его лицо. — Эльфы считают своей первой обязанностью хранить землю и все, что растет и живет на ней. Это их убеждение, их способ существования. В прежние времена они посвящали свою жизнь сохранению леса, который был их домом, следили за растениями, заботились о зверюшках и птицах. И мало интересовались всем остальным — они были замкнутым народом. Теперь все изменилось, но они только еще добросовестнее стали выполнять свои обязанности по отношению к этому миру. Каждый эльф проводит часть своей жизни, возвращая земле то, что когда-то взял у нее. Я имею в виду, что каждый эльф какую-то часть своего времени посвящает работе на земле, чтобы восстановить ущерб, который нанесен ей неправильным обращением или небрежностью. Когда нужно, он заботится о животных, ухаживает за деревьями...

— И все это ты делала в Надежном Приюте? — понимающе вставил Вил.

Она кивнула.

— Да, пожалуй. В некотором смысле. Избранники освобождены от этого. Когда я отказалась от избранничества и ушла из Арборлона, я решила, что буду служить земле. Эльфы большей частью трудятся в Западных землях, потому что это их дом. Но мы уверены, что забота о земле — обязанность всех народов, не только эльфов. В какой-то степени карлики разделяют наши убеждения, но остальные народы мало задумываются над этим. Поэтому некоторые эльфы ушли из Западных земель в другие края, чтобы научить тех, кто там живет, как нужно беречь землю. Это я и старалась сделать в Надежном Приюте.

— И поэтому ты работала с детьми, — догадался Вил.

— Прежде всего, потому, что дети более восприимчивы и у них есть время учиться. Когда я была мала, я училась у земли сама — это путь эльфов. Я старательно училась, достигла успехов, можно даже сказать, что в чем-то превзошла многих. Наверное, это явилось причиной, по крайней мере одной из причин, того, что я была избрана на служение Элькрис. Избранники тоже по-своему заботятся о земле и обо всем живом на ней. Пожалуй, их дело самое ответственное, ведь они берегут Элькрис. А она сама хранит...— Амбель остановилась на половине фразы, словно не желая продолжать дальше. Она пожала плечами: — Во всяком случае, я учила детей в Надежном Приюте, и люди в деревне были добры ко мне. Надежный Приют стал моим домом, и мне не хотелось его покидать.

Она устремила взгляд на огонь. Вил молча наклонился вперед, чтобы подбросить дров в костер. Через некоторое время Амбель снова посмотрела на Вила.

— Вот, теперь ты кое-что знаешь об отношении эльфов к земле. Это часть твоего наследия тоже, так что попытайся это понять.

— Мне кажется, я понимаю,— задумчиво ответил долинец.— Кое-что, по крайней мере, я понимаю. Меня не воспитывали в эльфийском духе, но я учился у сторов, у знаменитых целителей. Они так же заботятся о человеческой жизни, как эльфы — о земле. Целитель должен делать все, что в его силах, чтобы сохранить жизнь и здоровье людей, которых он лечит. Я принял на себя эту обязанность, когда решил стать целителем.

Амбель с удивлением смотрела на него.

— Как странно, что Алланон уговорил тебя сопровождать меня. Ты — целитель, твой долг — сохранять жизнь. Что ты будешь делать, если ради моего спасения тебе придется нанести вред кому-нибудь или даже убить?

Вил растерялся. Такая мысль не приходила ему в голову. Сейчас, обдумывая ее слова, он засомневался в себе.

— Не знаю,— смущенно сказал он.

Они молча смотрели друг на друга сквозь огонь костра, не в силах преодолеть неловкость. Потом Амбель резко встала, подошла к Вилу и взяла его руку в свою, улыбаясь ему. Ее лицо скрывали распущенные волосы.

— Это был плохой вопрос, Вил Омсфорд. Прости меня. Ты поехал, чтобы помочь мне. Я не права, сомневаясь в том, сумеешь ли ты сделать это.

— Нет, это хороший вопрос,— возразил Вил.— Просто я не знаю, как на него ответить.

— И не надо,— проговорила она.— Я должна была знать: есть решения, которые нельзя принимать заранее. Мы не можем предвидеть, что с нами случится, и потому не можем предвидеть, как мы будем действовать и на что решимся. И решимся ли вообще. С этим надо смириться. Еще раз прости меня. Ведь и ты мог бы спросить меня, что я буду делать, если Элькрис решит, что я все еще избранник.

Вил улыбнулся.

— Берегись! Я собирался спросить именно это.

Она резко отпустила его руку и поднялась.

— Не надо. Тебе не понравится мой ответ.— Она печально покачала головой.— Ты думаешь, что передо мной лишь один путь, тот, по которому пошел бы ты сам. Ты ошибаешься.

Амбель обошла костер и снова села на плащ, расстеленный на земле. Она закуталась в него, собираясь уснуть, но потом повернулась к Вилу.

— Поверь мне, долинец, когда нам придется принять решение, тебе будет легче, чем мне.

Она с головой укрылась плащом и сразу же заснула. Вил Омсфорд задумчиво смотрел на огонь. Непонятно почему, но он поверил ей.

Глава 14

Проснувшись на следующее утро, они обнаружили, что Артака нет. Сначала они подумали, что он просто забрел подальше, пока они спали, и обыскали все окрестности. Коня нигде не было. У Вила начало появляться неприятное подозрение. Он торопливо осмотрел место, где до этого пасся конь, потом обошел поляну, время от времени опускаясь на колени, чтобы понюхать землю или потрогать ее руками. Амбель с недоумением следила за ним. Через несколько минут Вил, похоже, что-

то нашел. Сосредоточенно глядя в землю перед собой, он двинулся к югу через бурелом, потом по лугам — сто футов, двести. Свернул к реке. Эльфийка молча шла за ним. Они остановились на берегу Мермидона, глядя на отмель вниз по течению, в нескольких сотнях ярдов от их лагеря.

— Скитальцы.— Вил выплюнул слово, как горькую пилюлю.— Ночью они переправились здесь и увели коня.

Амбель удивилась.

— Ты уверен?

— Уверен.— Вил кивнул.— Я нашел следы. К тому же больше никто не способен на это. Украсть такого коня, как Артак, непросто. Это под силу только искусному конокраду. А уж скитальцы славятся этим. Смотри, их уже нет.

Он указал на круг вытоптанной травы за рекой, где вчера располагался табор. Некоторое время они молча смотрели туда.

— И что нам теперь делать? — наконец спросила Амбель.

Вил был так взбешен, что едва мог говорить.

— Сначала вернемся и соберем вещи. Потом переправимся на тот берег и взглянем на их стоянку.

Они отправились в лагерь, поспешно собрали немногочисленные пожитки и вернулись к реке. Без труда они перебрались по отмели через реку. Вил принялся рассматривать землю на месте бывшей стоянки скитальцев; затем он обошел лагерь из конца в конец и вернулся к Амбель.

— Мой дядя Флик научил меня разбирать следы, когда мы ходили с ним на охоту в Тенистом Доле, — сообщил он доверительно; его настроение явно улучшилось.— Мы уходили на недели в Дульнские леса, ловили рыбу, ставили капканы. Тогда я был совсем маленьким. Я всегда был уверен, что когда-нибудь это мне пригодится.

Она нетерпеливо спросила:

— Так что ты нашел?

— Они ушли на запад, скорее всего перед самым рассветом.

— И это все? А ты уверен, что Артак с ними?

— Да, он с ними, не беспокойся. Там, на отмели, были следы коня, ведущие сюда. Одного коня и нескольких человек. Это точно: они забрали его. Но мы вернем коня.

Амбель с сомнением посмотрела на Вила:

— Ты что, хочешь их догнать?

— Ясное дело! — Долинец снова обозлился на всех и вся. —

Мы пойдем вместе.

— Вместе — это ты и я? — Она покачала головой. — Пешком?

— К вечеру мы догоним их. Они двигаются очень медленно.

— Значит, ты думаешь, что мы их найдем?

— Это совсем несложно! Я ходил по следу оленя в диком лесу. Думаю, что смогу идти и по следу целого каравана тяжелых повозок.

— Мне это не нравится, — твердо сказала Амбель. — Даже если мы их найдем и Артак будет там, что мы станем делать?

— Мы решим это, когда догоним скитальцев, — спокойно произнес Вил.

Но Амбель настаивала:

— Мне кажется, что решать надо сейчас. Их слишком много, и они вооружены. Мне так же, как и тебе, не нравится то, что произошло. Но это еще не повод терять голову.

Вил с усилием сохранял самообладание.

— Но я не собираюсь терять коня. Во-первых, если бы не Артак, демоны прикончили бы нас еще там, у Надежного Приюта. Он достоин большего, чем провести остаток дней на службе у этих ворюг. Во-вторых, Артак — единственный конь, которого мы можем достать. Без него нам придется тащиться до Арборлона пешком, что займет больше недели, и в основном придется идти по открытым лугам. По-моему, это на руку демонам, которые нас ищут. У них появится прекрасная возможность схватить нас, а мне этого вовсе не хочется. Нам нужен Артак.

— Похоже, ты уже все решил, — сказала она без всякого выражения.

Он кивнул.

— Да, я решил. К тому же скитальцы идут на запад, как раз в том направлении, куда нужно и нам.

Она смотрела на него так, будто собиралась сказать все, что о нем думает. Но в конце концов просто кивнула.

— Хорошо, мы идем за ними. Я тоже хочу вернуть Артака. Только давай чуть-чуть поразмыслим, долинец. Прежде чем мы их догоним, нам нужно иметь хоть какой-то план.

Вил миролюбиво улыбнулся.

— Ладно, подумаем по дороге.

Весь день они шли по следу каравана по открытым лугам. Солнце нещадно палило, было жарко и сухо. По пути почти не попадалось тени. Вил и Амбель совершенно измучились от зноя. Вода, которая была у них с собой, быстро кончилась, но не встретилось ни одного ручейка, чтобы наполнить фляги. К полудню они изнывали от жажды; рты были забиты дорожной пылью и пылью растений, что делало путешествие просто невыносимым. Ноги болели, ступни стерлись до волдырей и распухли. Они почти не разговаривали, сберегая силы для того, чтобы идти вперед. Солнце медленно опускалось за горизонт, все ниже и ниже, пока от него не остался тусклый оранжевый отблеск у самой кромки земли.

Сразу же стало темнеть, день плавно переходил в сумерки, сумерки — в ночь. Они уже не видели следов колес на земле и шли, полагаясь больше на свою интуицию. На черном небе появились луна и звезды, их тусклый свет едва освещал дорогу. Путешественники старались держать направление на запад. Они не останавливались даже затем, чтобы передохнуть. Остановиться сейчас значило согласиться с тем, что сегодня ночью они не нагонят караван и им придется идти весь следующий день. Они шли вперед молча, решительно, Амбель не отставала, что немало удивляло Вила и вызвало в нем чувство неподдельного восхищения силой ее духа.

И вот наконец они увидели впереди свет — огонь прорывался сквозь темноту, как сигнальный маяк, — и поняли, что все-таки настигли скитальцев. Они осторожно подошли поближе, наблюдая, как с каждым шагом из ночи все отчетливее вырисовываются остrokонечные крыши повозок, пока наконец не показался весь табор. Повозки стояли широким кругом, так же как на берегу Мермидона.

Вил схватил Амбель за руку и мягко притянул эльфийку к земле.

— Сейчас мы пойдем туда, — прошептал он, не сводя глаз с лагеря скитальцев.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Ты что-то придумал?

— Я кое-что знаю об этих людях. Просто делай то, что я скажу, и все будет хорошо.

Не дождавшись ее ответа, он поднялся и пошел к лагерю. Амбель некоторое время смотрела ему вслед, затем тоже поднялась и направилась за ним. Уже стали видны лица скитальцев, сидящих у костра, отчетливо доносились смех и обрывки разговоров. Скитальцы как раз закончили ужин и теперь сидели у огня, лениво перекидываясь фразами. Из глубины лагеря доносились приятные звуки какого-то струнного инструмента.

Примерно за двадцать ярдов от ближайшей повозки Вил внезапно крикнул. Амбель даже подпрыгнула от изумления. Скитальцы на миг прервали свои занятия, все головы как по команде повернулись в их сторону. Несколько мужчин торопливо встали и вышли навстречу приближающейся паре. Они безмолвно вглядывались в ночь, смутные и безликие, — свет костра был теперь у них за спиной. Не замедляя шага, Вил продолжал идти прямо на них. Амбель шла на шаг-два позади. Скитальцы в лагере притихли.

— Вечер добрый, — бодро сказал Вил, когда они подошли вплотную к мужчинам, преградившим дорогу.

Те ничего не ответили. При тусклом свете костра Вил заметил блеск клинков.

— Мы шли мимо и увидели огонь. Подумали, может, вы дадите нам попить, — продолжал Вил, не прекращая улыбаться. — С самого рассвета мы шли без воды, едва передвигаем ноги.

Теперь из группы молчащих людей вышел высокий мужчина в зеленом плаще и широкополой шляпе. Это его они видели у реки.

— А-а, наши юные друзья... — сказал он сухо и неприветливо.

— Здравствуйте еще раз, — любезно проговорил Вил. — Боюсь, у нас большая неприятность. Ночью мы потеряли коня, наверное, он ушел, пока мы спали. Целый день мы шли пешком, без воды, и нам бы хотелось попить.

— Да, действительно. — Мужчина холодно улыбнулся.

Он был высокий, более шести футов ростом, костлявый; черные усы и борода на жестком смуглом лице делали его улыбку неживой, почти механической. Глаза, еще темнее, чем ночь вокруг, хмуро смотрели из-под резко очерченных, насупленных бровей, сросшихся на переносице. Он протянул руку за факелом — на каждом пальце блеснуло по перстню.

— Принесите воды,— приказал он, не сводя глаз с долинца. Выражение его лица нисколько не изменилось.— Кто ты, кто она и куда вы идете?

— Меня зовут Вил Омсфорд, это — моя сестра Амбель. Мы идем в Арборлон.

— В Арборлон,— задумчиво повторил высокий мужчина.— Да, правильно, вы — эльфы, по крайней мере частично. Это и дураку ясно. Значит, вы потеряли своего коня. А не умнее было бы идти вдоль Мермидона, а не топтать прямо на запад?

Вил улыбнулся еще шире.

— Да, мы думали об этом, но, видите ли, нам надо прийти в Арборлон как можно скорее, а идти пешком — это слишком долго. Мы видели ваш лагерь на том берегу и заметили, что у вас есть несколько довольно неплохих лошадей. Мы подумали, что, если нам удастся догнать вас, мы, может быть, сумеем обменять у вас лошадь на что-нибудь ценное.

— Что-нибудь ценное? — Мужчина пожал плечами.— Очень возможно. Мы, конечно, увидим, что вы собираетесь нам предложить?

Вил кивнул.

— Ну конечно же.

Подошла старуха с ковшом воды и деревянной чашкой. Она молча протянула их Вилу. Под пристальным взглядом скитальцев он налил воду в чашку и, не предложив ее Амбель, выпил воду сам. Эльфийка удивленно посмотрела на Вила, но он, казалось, вообще не обращал на нее внимания. Затем он снова налил воду и снова выпил ее сам. После этого без единого слова он протянул Амбель пустую чашку и ковш с водой.

— Ты кое-что знаешь про Путь,— заметил высокий мужчина; теперь в его глазах появился некоторый интерес.— И ты знаешь, что мы — скитальцы.

— Я когда-то лечил скитальцев,— ответил Вил.— Я — целитель.

В толпе стоящих рядом скитальцев послышалось быстрое бормотание, которое немедленно охватило весь лагерь.

— Вот как? Целитель? Вот уж не ждали...

Мужчина в зеленом плаще вышел вперед, снял шляпу и церемонно поклонился. Выпрямившись, он протянул Вилу руку:

— Мое имя Кефело. Я — старейшина этого рода.

Вил крепко пожал его руку. Кефело улыбнулся:

— Ладно, нечего стоять здесь на холоде. Идите за мной. Твоя сестра тоже желанный гость. Насколько я вижу, поесть и помыться вам совсем не помешает.

Он пошел впереди, указывая дорогу. Они прошли сквозь кольцо повозок к самому центру круглого лагеря; там пылал огромный костер, в котелках над ним что-то булькало и шипело. Радуга ярких красок на расписных повозках смешивалась с ночными тенями в отблесках огня. У повозок стояли деревянные скамьи с причудливо вырезанными узорами, длинные подушки лежали на полированных сиденьях. У одной из повозок стоял длинный стол, на котором в строгом порядке были разложены мечи, ножи и копья. Два маленьких мальчика усердно чистили оружие.

Они подошли к костру, и Кефело резко обернулся.

— Что сначала — ужинать или мыться?

Вил даже не взглянул на Амбель.

— Мыться. Думаю, сестра согласна со мной. Если только вам не жаль воды.

— Нам не жаль, — кивнул Кефело и крикнул в темноту: — Эретрия!

Раздалось слабое шуршание шелка, и Вил оказался лицом к лицу с самой прекрасной девушкой, какую он когда-либо видел. Она тоже была маленькой и хрупкой, как Амбель, но без детского простодушия и наивности на лице. Густые черные волосы кольцами падали ей на плечи, оттеняя глаза, темные и таинственные. Всякий, кто хоть раз взглянул на ее лицо, уже никогда не смог бы забыть его. Она была в высоких кожаных сапогах, штанах и длинной рубаше из алого шелка. Серебряные обручи поблескивали на шее и на запястьях.

Вил смотрел на нее во все глаза, не в силах оторвать взгляда.

— Моя дочь, — растягивая слова, произнес Кефело. Он указал на Амбель: — Возьми эльфийку и помоги ей помыться.

Эретрия озорно улыбнулась, прищурив глаза.

— Гораздо интереснее помыть его, — кивнула она в сторону Вила.

— Делай что сказано, — коротко бросил ей отец.

Эретрия задержала взгляд на долинце.

— Пойдем, девочка. — Не глядя на Амбель, дочь Кефело повернулась и пошла. Эльфийка пошлепала за ней. Похоже, она была не очень довольна.

Кефело повел Вила в дальний конец лагеря, где между двумя повозками стояли ведра и кадка с водой. Вил снял одежду и сложил ее на землю неподалеку. Он хорошо знал скитальцев — они только и смотрят, где бы что стянуть, — и поэтому тщательно проследил, чтобы кошель с эльфинитами не выпал из внутреннего кармана рубашки. Вил с наслаждением зачерпнул воду ковшом и вылил на себя.

— Нечасто встретишь целителя, который лечит скитальцев, — сказал Кефело чуть погодя. — Обычно мы сами заботимся о себе.

— Я учился у сторов, — ответил Вил. — Они помогают всем.

— У сторов? — удивился Кефело. — Насколько я знаю, все они — гномы.

Вил кивнул:

— Но я — исключение.

— Ты исключение во многом, — проговорил старейшина. Он уселся на ближайшую скамью и смотрел, как Вил вытирается и подбирает свою одежду. — У нас есть для тебя работа, целитель. Так ты заплатишь за ужин и приют. Многие у нас нуждаются в твоём искусстве.

— Я сделаю все, что в моих силах, — ответил Вил.

— Хорошо. — Кефело удовлетворенно кивнул. — Я принесу тебе чистую одежду.

Он поднялся и ушел. Вил мгновенно переложил кошелек с эльфийскими камнями в сапог. Он не медлил ни секунды, и правильно сделал. Кефело вернулся почти тут же, неся Вилу шелковое одеяние скитальцев. Вил быстро оделся. Несмотря на причиненное эльфинитами неудобство, он туго натянул правый сапог, затем левый. Кефело позвал старуху, которая раньше приносила воду, и она забрала грязную одежду долинца. Конечно, скитальцы тщательно осмотрят ее, но уже ничего не найдут.

Они вернулись к костру, где к ним присоединилась Амбель, чисто умытая и одетая почти так же, как Вил. Им дали по тарелке дымящейся еды и по стакану вина. Они молча ели, пока скитальцы, придвинувшись поближе, с любопытством изучали их. Кефело уселся напротив, его смутное лицо ничего не выражало. Эретрии не было видно.

Когда ужин закончился, старейшина собрал всех, кто нуждался во врачебной помощи. Без лишних слов долинец осмот-

рел их одного за другим, стараясь по мере возможности помочь больным. Почти за час Вил закончил работу. Кефело подошел к нему.

— Ты хорошо потрудился, целитель, — улыбнулся он чуть более лобезно. — Теперь посмотрим, что мы можем сделать для вас. Иди со мной. Здесь недалеко.

Он положил руку на плечо долиincu и повел его прочь от костра, оставив Амбель прибирать после работы. Они направились в дальний конец лагеря.

— Так ты говоришь, прошлой ночью вы потеряли коня, — задумчиво начал Кефело. — Что за конь?

Лицо Вила оставалось доверчивым и простодушным, он знал, какую игру ведет скиталец.

— Жеребец, весь черный.

— Так... — Кефело изобразил еще большую задумчивость. — Сегодня рано утром мы нашли коня, как раз такого, как ты описал. Славное животное! Он забрел к нам в лагерь, когда мы уже собирались уезжать. Может быть, это твой конь, целитель?

— Может быть, — согласился Вил.

— Но мы-то не знали, чей это конь, — улыбнулся Кефело. — И взяли его с собой. А почему бы и нет? Такой славный конь...

Они прошли сквозь кольцо повозок и вышли на равнину за лагерем. Там были привязаны кони скитальцев. Из темноты им навстречу выступили две тени — мужчины, вооруженные луками и копьями. Одно слово Кефело — и они так же молча скрылись. Старейшина повел Вила к самому дальнему концу коновязи. Там стоял Артак.

Вил кивнул.

— Это наш.

— А у него есть твое клеймо, целитель? — Кефело задал вопрос так, словно он очень смушал его. Вил покачал головой. — Это плохо: как мы теперь узнаем, точно ли это твой конь? В конце концов, в Четырех землях полно черных жеребцов, и как их различить, если хозяева не ставят клейма? Может быть, я и хочу отдать его тебе, но это очень рискованно. Допустим, я отдаю его тебе — я правда хочу это сделать, — а потом приходит еще кто-нибудь и говорит, что тоже потерял черного жеребца... тут я вижу свою ошибку. И как мне отвечать перед этим человеком?

— Да уж,— кивнул Вил с изрядной долей сомнения, однако тщательно избегая всяких споров по этому нелепому вопросу: это тоже было частью игры.

— Конечно, я тебе верю.— Кефело стал серьезным.— Если кому-то и можно верить в этом мире, так это целителю.— Он сам ухмыльнулся своей шутке.— И все же, если я отдам тебе этого коня, риск остается, и я, будучи практичным человеком, вынужден с этим согласиться. И потом, мы ведь кормили его и ухаживали... Это тоже нельзя сбросить со счетов. Мы ухаживали за ним, как за своими, кормили наравне с нашими. Ты ведь не будешь возражать, если я скажу, что нам за это кое-что причитается?

— Не буду,— кивнул Вил.

— Вот и отлично.— Кефело с удовлетворением потер руки.— Вот мы и пришли к соглашению. Осталось лишь установить цену. Ты говорил, что готов обменять нашего коня на что-то ценное. Это будет честный обмен: ты даешь нам то, что у тебя есть, в уплату за присмотр за твоим конем. А я в свою очередь ничего не скажу, если еще кто-нибудь спросит у нас о потерянном черном жеребце.

Он хитро подмигнул. Вил подошел к Артаку, погладил коня по морде, давая ему обнюхать себя.

— Боюсь, у меня с собой нет ничего ценного,— сказал он, чуть помедлив.— Я не взял с собой ничего, что могло бы достойно вознаградить тебя за твои старания.

Кефело буквально взвыл:

— Ничего?!

— Совсем ничего.

— Но ты говорил, что у тебя есть что-то ценное...

— О да.— Вил быстро кивнул.— Я имел в виду, что могу предложить свою помощь как целитель. Я думал, это может иметь некоторую ценность.

— Но мы же договорились, что это будет уплатой за ужин и ночлег для тебя и твоей сестры.

— Да, верно.— Долинец как будто забыл об этом и теперь, припомнив, выглядел очень несчастным и растерянным. Он глубоко вздохнул: — Но может быть, я все-таки смогу кое-что предложить.

На лице Кефело снова появилось выражение живейшего интереса.

— Похоже, мы оба направляемся на запад. Может быть, у меня еще будет возможность оплатить тебе, если ты позволишь нам пойти с вами. Может быть, вам еще понадобится мое искусство.

— Это вряд ли.— Кефело обдумывал предложение, качая головой.— У тебя точно ничего нет, совсем ничего?

— Ничего.

— Нет, так не пойдет,— пробормотал скиталец, пощипывая бороду. Вил молчал, ожидая решения.— Ладно, в конце концов, ничего не случится, если вы проедете с нами до лесов Западных земель. Всего несколько дней пути. Но если ты ничего не сделаешь для нас за это время, мы оставим коня себе. Ты меня понял?

Вил молча кивнул.

— И еще.— Кефело подошел ближе, теперь его лицо уже не было радушным.— Не думаю, что ты настолько глуп, чтобы попытаться украсть коня, целитель. Ты хорошо нас знаешь и, надеюсь, понимаешь, что с тобой будет тогда.

Долинец тяжело вздохнул и снова кивнул. Он знал.

— Вот и славно.— Кефело отступил.— Смотри не забывай об этом.— Он был явно недоволен таким поворотом событий, но старался казаться равнодушным.— Хватит о деле. Иди в мой дом и пей со мной.

Они вернулись в лагерь. Кефело созвал всех скитальцев к костру, чтобы музыкой и вином отметить удачный день и поприветствовать молодого целителя, который был столь добр к ним. Старейшина усадил Вила на скамью рядом с собой, остальные в нетерпении столпились вокруг. К костру выкатили огромную бочку с вином, кубки вмиг наполнились, Кефело поднялся и произнес пространный, витиеватый тост за здоровье и процветание его рода. В ответ скитальцы высоко подняли кубки и быстро их осушили. Вил выпил вместе со всеми. Он поискал глазами Амбель: она сидела неподалеку от него, среди разряженных скитальцев, по выражению ее лица было ясно, что все это ей не нравится. Надо бы объяснить ей, что происходит, но это можно будет сделать только тогда, когда они останутся одни. А сейчас они могли лишь переглядываться.

Кубки снова были наполнены, тост произнесен, вино выпито. Музыканты заиграли на принесенных цимбалах и каких-то необычных струнных инструментах. Музыка звучала исступленно, дико и вольно в темноте ночи. К ней примешивался

смех скитальцев, беззаботный и радостный. Потом принесли еще вина, и оно было выпито, при этом все криками подбадривали музыкантов. Вил почувствовал необычайную легкость в голове. Вино было крепкое, слишком крепкое для непривычного человека. Вил подумал, что ему следует быть осторожнее; он поднял свой кубок в очередной раз при новом тосте, но не осушил его целиком, а отпил лишь маленький глоток. В правом сапоге кошель с эльфийскими камнями вдавился в ногу Вила. Это его успокоило.

Музыканты заиграли быстрее, некоторые скитальцы вскочили на ноги и, взявшись за руки, закружились вокруг костра в безумном хороводе. Через минуту танцевали почти все, остальные неистово хлопали в ладоши. Вил присоединился к этим последним, поставив свой кубок на скамью рядом. Через мгновение кубок вновь был полон. Захваченный яростным вихрем музыки Вил, не раздумывая, выпил его до дна. Теперь скитальцы разбили круг и танцевали парами, смеясь и кружась в отсветах пламени. Кто-то запел, тоскливая мелодия жутковато слилась со смехом и музыкой.

Потом рядом с Вилом появилась Эретрия — загадочная и прекрасная, закутанная с головы до ног в алые сверкающие шелка. Она ослепительно улыбнулась и взяла его за обе руки, заставив подняться. Девушка втощила его в самую середину танцующих, на миг оторвалась от него, кружась в сверкании ярких лент. И вот она снова рядом, тонкие руки крепко держали его. Аромат ее волос и тела смешался с жаром вина в его крови. Вил почувствовал, как она тесно прижалась к нему в танце, нежная и легкая, как перышко, шепча слова, которые он не мог разобрать. Танец закружил ему голову, все вокруг смешалось в вихре цвета, теней и отблесков пламени. Музыка, хлопки, смех и крики скитальцев стали громче и слились в единый гул. Вил почувствовал, что отделяется от земли, продолжая прижимать к себе Эретрию.

Потом она исчезла, и он начал падать.

Глава 15

Вил проснулся со страшной головной болью. Такого, пожалуй, с ним еще не бывало. Его трясло, как тонкую ветку при сильном ветре, и только через несколько минут он сообразил,

что лежит в одной из повозок скитальцев, на набитом соломой тюфяке в самом дальнем углу дома на колесах. Причудливые ковры, шелка и кружева были развешаны по стенам, на полках стояла деревянная и медная утварь. Все это мерно покачивалось в такт движению повозки. Яркий солнечный свет проникал сквозь треснувшее стекло, и Вил понял, что уже день. Значит, он проспал всю ночь. Правда, больше он ничего не помнил.

К нему приблизилась Амбель, в ее зеленых глазах явственно читался укор, если не больше.

— Не стоит спрашивать, как ты себя чувствуешь, правда? — сказала она. Ее слова были едва слышны из-за грохота колес. — Что ж, ты это заслужил, долинец.

— Ты не права. — Он медленно сел, ощущая пульсирующую боль в голове. — Где мы?

— В повозке Кефело. Мы здесь всю ночь, если, конечно, ты помнишь. Я сказала ему, что ты болел лихорадкой и еще не совсем выздоровел, то есть что ты ослаб не от вина, а от болезни. Поэтому он разрешил мне ухаживать за тобой, пока тебе не полегчает. Вот, выпей это.

Она протянула ему кубок с какой-то темной жидкостью. Вил подозрительно смотрел на странное варево. Выглядело не очень-то аппетитно.

— Выпей, — повторила Амбель настойчиво. — Это приготовлено из трав. От чрезмерных возлияний. Вовсе не нужно быть целителем, чтобы знать некоторые вещи.

Без лишних споров он выпил. И тут Вил заметил, что он босиком.

— Мои сапоги! Где?..

— Тише. — Она быстро указала на закрытую дверь на том конце повозки, подошла поближе и, предупреждая дальнейшие вопросы, достала из сумки на поясе кошель с эльфийскими камнями.

Вил с облегчением откинулся назад.

— Похоже, вчера ты несколько переоценил свои силы, — сказала Амбель не без сарказма. — Когда ты отключился, Кефело перетащил тебя сюда. Он уже собирался приказать той старухе раздеть тебя, но я его убедила, что, если это возобновилась лихорадка, она может быть заразной. И уж ты наверняка обидишься, если забрать одежду без твоего ведома. По-види-

мому, ему было все равно, и он приказал старухе уйти. А когда он тоже ушел, я, снимая с тебя сапоги, нашла камни.

Долинец одобрительно кивнул.

— Ты молодец.

— По крайней мере один из нас должен думать, — отмахнулась она от его комплимента, потом опять оглянулась на дверь. — В соседней комнате Кефело оставил эту старуху, чтобы присматривать за нами. Думаю, ему хочется узнать о тебе побольше. Он подозревает, что от него что-то скрывают.

Вил подался вперед.

— Меня это не удивляет.

— Тогда почему мы все еще здесь? Конечно, если не считать того, что прошлой ночью ты слегка перепил. Итак, почему мы вообще здесь?

Вил забрал у Амбель эльфиниты, положил кошель обратно в правый сапог. Затем он знаком попросил Амбель придвинуться ближе.

— Потому что нам надо вернуть Артака, и мы можем сделать это, только оставаясь с ними, — сказал он шепотом. — Есть еще одна причина. Демоны ищут двух человек, а не целый караван. Может быть, мы собьем их со следа, если поедем со скитальцами. И потом, мы же все равно едем на запад, как раз туда, куда нам надо, а ехать в повозке — это удобнее, чем идти пешком.

— Хорошо, долинец, но это тоже опасно, — сказала она. — А что ты будешь делать, когда мы доберемся до лесов Западных земель, а Кефело опять откажется отдать Артака?

Он пожал плечами:

— Я еще не думал об этом. Давай сначала доберемся до Западных земель, а там я обязательно что-нибудь придумаю.

— Вчера ты говорил точно так же. — Ей явно не нравилась его беспечность. — И что получилось? В конце концов, ты мог бы рассказать мне побольше о своих планах. Все-таки мало приятного полагаться на них, не зная, в чем они состоят.

— Да, ты права, — согласился Вил. — Прости меня за вчерашнее. Мне следовало бы заранее предупредить тебя, прежде чем мы вошли в лагерь. Но, если честно, до самого последнего момента я и сам толком не знал, что мы будем делать.

— Я так и думала, — нахмурилась Амбель.

— Ну ладно, попытаюсь объяснить хотя бы теперь, — заискивающе проговорил он. — Ты уже знаешь, что скитальцы живут и путешествуют семьями, или родами. Слово «семья» не совсем точное, так как ее члены не родственники по крови. Скитальцы часто меняют или просто покупают жен и детей у других семей. Они что-то вроде общинной собственности. Каждый род имеет старейшину — это как бы отец, глава семьи, который принимает все решения. Женщины полностью подчинены мужчинам; они называют это Путь. Для них это естественно. Они считают, что женщина должна служить и повиноваться мужчине, который ее защищает и обеспечивает всем необходимым. У них также принято, что каждый чужак, который приходит в их лагерь, должен соблюдать этот обычай, если он хочет, чтобы его хорошо приняли. Вот почему я первым выпил воду. Вот почему я оставил тебя убирать за больными. Я хотел убедить их, что знаю и чту их законы. Если они этому поверили, то у нас есть вероятность получить Артака обратно.

— Не похоже, что это получится, — заметила Амбель.

— Да, пока еще нет, — согласился Вил. — Но они позволили нам ехать с ними. Обычно они не позволяют даже этого. Скитальцы не привечают чужаков.

— Они позволили нам ехать с ними, потому что Кефело заинтересовался и хочет побольше разузнать о тебе. — Она помедлила. — Эретрия тоже явно заинтересовалась тобой, правда с иной целью. Это сразу видно.

Вил усмехнулся, злясь на себя.

— И ты думаешь, что мне безумно понравилось пить и плясать?

— Если хочешь знать правду — да, именно так я и думаю.

Она явно не шутила. Вил опять откинулся назад; голова еще болела.

— Хорошо, я согласен, вчера я немного перестарался. Но что бы ты там ни думала, у меня есть оправдание. Необходимо, чтобы они поверили: я не такой хитрый, как они. Если бы они мне не поверили, мы оба были бы уже мертвы. Поэтому я и позволил себе пить, танцевать и вообще вести себя так, как повел бы себя любой чужак на моем месте, чтобы не вызвать у них подозрений. — Он пожал плечами. — А что касается Эретрии, то я-то здесь при чем? Что я могу сделать?

— Я не прошу тебя ничего делать, — рассердилась Амбель. — Мне все равно, какие у нее виды на тебя. Меня заботит одно: чтобы ты не подвел нас обоих.

Она увидела изумление у него в глазах и внезапно густо покраснела.

— Просто будь осторожен, ладно? — быстро добавила она, забрала у него пустую чашку, повернулась и направилась к дальнему концу повозки. Вил с любопытством смотрел ей вслед.

Через минуту она вернулась, уже спокойная.

— И еще одно. Сегодня рано утром каравану повстречался старый охотник, который шел на восток, навстречу нам. Он как раз миновал Тирфинг — озерный край на границе с Западными землями, в низовьях Мермидона. Он посоветовал Кефело не ходить туда. Сказал, что там появился бес.

Вил нахмурился.

— Бес?

— Скитальцы называют его бесом — что-то злое, нечеловеческое, страшное. — Она многозначительно замолчала. — Может быть, этот бес — один из демонов, вырвавшихся из-за стены Запрета?

— А что говорит об этом Кефело?

Амбель улыбнулась.

— Он не боится каких-то там бесов. Во всяком случае, он все равно намеревается идти в Тирфинг. Думаю, у него там какие-то дела. Остальные, однако, не слишком довольны.

Вил кивнул.

— Я бы пошел с ним.

— А я бы на твоём месте не пошла ни с кем из этого табора. И в следующий раз, когда тебе снова предложат вина, будь осторожнее.

Амбель опять отвернулась и ушла в дальний конец повозки. Вил с раздражением смотрел ей вслед, но боль в голове быстро заставила его убедиться в правильности ее слов. Он медленно сел, стараясь как-то облегчить боль. Одно несомненно, хмуро подумал Вил, больше он не выпьет ни капли. Так что она может не волноваться.

До полудня караван шел на запад, потом скитальцы остановились на привал. К этому времени Вил немного оправился и смог поесть. Кефело заглянул к нему, вежливо осведомился

о здоровье, затем ушел. У него было много других дел. Скитальцы перекидывались хмурыми замечаниями по поводу слухов о бесе, они были явно встревожены рассказом старого охотника. Скитальцы всегда были очень суеверны, и решение Кефело во что бы то ни стало идти в Тирфинг пришлось им не по душе.

День прошел быстро. Вил сменил старуху на козлах и теперь правил повозкой. Амбель сидела рядом с ним, напевая что-то себе под нос и изредка удостаивая Вила разговором. Долинец оставил ее в покое и занялся лошадьми, время от времени задумчиво оглядывая безбрежные луга. Они ехали впереди каравана, несколько раз Кефело подъезжал к ним на огромной гнедой лошади, его лицо блестело от пота. Когда скитальцы повели коней на водопой, Вил увидел Артака. Конь был без всадника, значит, Кефело еще не решил, как он распорядится черным гигантом. Вилу это показалось обнадеживающим.

Примерно за час до заката они въехали в Тирфинг — озерный край в низине у кромки лесов. Далеко на западе, под красным кругом заходящего солнца, виднелась темная стена лесов Западных земель. Повозки скитальцев свернули с равнины вниз, в леса Тирфинга, направляясь по следу бесчисленных странников, прошедших здесь раньше. Караван вошел под сень деревьев; их тени сплетались со сгущающимся сумраком, в лесу было темно и мрачно. В просветах меж деревьев показалась вода.

Уже совсем стемнело, и Кефело наконец объявил привал на окруженной дубами поляне у маленького озерца. Скитальцы, как всегда, развернули повозки крутом. Грохот и скрип колес наполнили тишину. От долгого сидения на козлах все мышцы Вила затекли и болели, так что он едва мог пошевелиться. Пока все были заняты — мужчины распрягали коней, женщины готовили ужин, а дети резвились, — Вил осторожно слез с козел и решил пройтись. Амбель куда-то делась, но он не стал ее искать. Вил отошел к краю поляны и до боли в суставах потянулся.

Буквально через минуту он услышал звук шагов и обернулся. К нему приближалась Эретрия — еще одна тень в вечерних сумерках, такая же смутная и изменчивая. Она была в сапогах и кожаной куртке для верховой езды, вся в черном, только на

поясе и на шею — алые пятна шелковых шарфов. Черные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Она улыбалась ему, черные глаза сверкали озорством.

— Не ходи далеко, а то заблудишься, Вил Омсфорд, — сказала она. — Что ты будешь делать, если наткнешься на беса?

— Подумаешь, бес. — Вил поморщился, потирая поясницу. — В любом случае я не собираюсь заблудиться до того, как мне дадут поесть.

Он опустился на густую траву и прислонился спиной к дубу. Эретрия молча смотрела на него, потом села рядом.

— Где ты была весь день? — спросил Вил, желая вызвать ее на разговор.

— Следила за тобой, — ответила она и лукаво улыбнулась, увидев выражение, появившееся на его лице. — Поэтому ты меня и не видел. Ты не знал об этом.

Он смутился.

— А зачем?

— Кефело хочет, чтобы тебя не оставляли без присмотра. — Она подняла брови. — Он не доверяет тебе и этой эльфийке, которую ты называешь сестрой.

Теперь она смотрела на него пристально и дерзко, как будто ожидая, что он на это скажет. Вил опять смутился, но быстро овладел собой.

— Амбель — моя сестра, — сказал он так твердо, как только мог.

Эретрия, надув губки, покачала головой.

— Она тебе такая же сестра, как я — дочь Кефело. Сестра не может смотреть на брата так, как она смотрит на тебя. Глаза выдают ее. Она не сестра тебе, нет. Впрочем, мне-то какая разница... Если ты утверждаешь, что она твоя сестра, хорошо, пусть будет так. Только смотри, чтобы Кефело не раскусил твою маленькую ложь. Он не любит, когда с ним играют. Очень не любит.

Теперь уже Вил вытарашил глаза.

— Подожди, — сказал он после непродолжительного молчания. — Что ты имеешь в виду: «такая же сестра, как я — дочь Кефело»? Он же сказал, что ты — его дочь.

— То, что говорит Кефело, и то, что есть на самом деле, редко совпадает, если вообще когда-нибудь совпадает. — Она

наклонилась вперед. — У Кефело нет своих детей. Он купил меня у моего отца, когда мне было пять лет. Мой отец был беден, ничего хорошего не ожидало меня в будущем. И потом, у него есть еще дочки, так что для него это не было большой потерей. Теперь я принадлежу Кефело. Но я ему не дочь.

Эретрия сказала это так откровенно, что Вил некоторое время молчал, не зная, что ответить. Она увидела его замешательство и весело рассмеялась.

— Мы — скитальцы, Вил, и ты знаешь наши законы. Кроме того, все могло быть гораздо хуже. Кефело — старейшина, его уважают и боятся. И у меня совсем неплохая жизнь, ведь я вроде как его дочь. Я пользуюсь большей свободой, чем остальные женщины. И я многому научилась, целитель. Поэтому я не такая, как все.

— Ну, с этим я не могу спорить, — согласился Вил. — Но почему ты мне все это рассказываешь?

Она сжала губы и вызывающе посмотрела на него, как бы поддразнивая.

— Потому что ты мне понравился, почему же еще?

Вил старался не смотреть ей в глаза.

— Этого я и боялся.

Эретрия резко выпрямилась. Теперь ее лицо было дерзким и надменным.

— Она что, твоя жена? Или вы собираетесь пожениться?

Вил удивился.

— Нет.

— Хорошо. А то я подумала, что... — Эретрия снова улыбнулась своей озорной улыбкой. — Кефело не собирается отдавать тебе коня.

Вил обдумал это заявление, потом спросил:

— Это точно?

— Я знаю, что он за человек. Он не отдаст тебе коня. Он разрешит тебе ехать с нами, если ты не будешь причинять ему беспокойства, например пытаться украсть коня. Но он никогда не вернет его по доброй воле.

Лицо долинца ничего не выражало.

— Я еще раз спрашиваю: почему ты говоришь мне все это?

— Потому что я могла бы тебе помочь.

— А почему ты хочешь мне помочь?

— Потому что и ты можешь помочь мне.

Вил нахмурился.

— Как?

Эретрия откинулась назад, усаживаясь поудобнее. В ее глазах заплескали веселые огоньки.

— Я полагаю, Вил Омсфорд, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Ты не простой целитель, путешествующий по лугам Каллахорна вместе со своей сестрой. Мне кажется, ты сопровождаешь ее как покровитель, защитник.— Она подняла руку, предупреждая его возражения.— Не торопись отрицать это. Ты не сможешь меня обмануть: я все же дочь самого главного обманщика в мире, ты не забыл? Я изучила это искусство гораздо лучше, чем ты.— Она улыbnулась и положила ладонь на его руку.— Ты мне нравишься, Вил, правда нравишься. Я хочу, чтобы ты получил своего коня обратно. Очевидно, это для тебя очень важно, иначе бы ты не пошел за нами. Но один ты ничего не добьешься. А я могу помочь тебе.

Вил с сомнением смотрел на нее.

— Но зачем тебе это надо? — наконец спросил он.

— Когда я помогу тебе вернуть коня, я хочу, чтобы ты взял меня с собой.

— Что?! — вырвалось у Вила.

— Чтобы ты взял меня с собой, — твердо повторила девушка.

— Но я не могу!

— Можешь, если ты хочешь вернуть коня.

Он беспомощно покачал головой.

— Но почему ты хочешь уйти? Ты же сама только что говорила...

Эретрия резко прервала его:

— Все это в прошлом. Теперь Кефело решил, что мне пора замуж. По обычаю скитальцев, он сам выберет мне мужа и за определенную плату отдаст меня ему. Да, у меня была неплохая жизнь, но я не желаю, чтобы меня продали во второй раз.

— А разве ты не можешь уйти сама? Ты вполне на это способна.

— Если на то пошло, я способна на гораздо большее, целитель. Вот почему я нужна тебе. Если тебе удастся увести коня — хотя вряд ли тебе это удастся без моей помощи, — скитальцы погонятся за тобой. А раз это произойдет, тебе ничего не остается, как взять и меня вместе с конем. Ведь я достаточ-

но знаю о скитальцах, чтобы помочь тебе уйти от погони. — Она пожала плечами. — Я думала о том, чтобы уйти самой. Если не будет выбора, лучше уйти, чем снова быть проданной, да еще неизвестно кому. Только куда мне идти? Скитальцам нигде не рады, а я, нравится мне это или нет, — одна из них. Если я уйду одна, я везде буду отверженной. Безрадостное существование, правда? Но с тобой мне будет легче: ты — целитель, тебя уважают. Я не прошу большего: просто путешествовать вместе с тобой. Я могла бы помогать тебе в твоём деле. Я способная. Ты увидишь, что я...

— Эретрия, — мягко прервал ее Вил, — нет смысла говорить об этом. Я не могу взять тебя с собой. Я не могу взять с собой никого, кроме Амбель.

Ее лицо потемнело.

— Не спеши отталкивать меня.

— Ничего не поделаешь. — Он пытался решить, что можно ей сказать. Немного, понял он. — Послушай. Сейчас тебе очень опасно ехать со мной куда бы то ни было. Когда я уеду, не только Кефело будет искать меня. Они куда страшнее его. Они и теперь меня ищут. Если я возьму тебя с собой, ты будешь в большой опасности. Я не могу этого допустить.

— Но ведь эльфийка идет с тобой, — настаивала Эретрия.

— Амбель идет со мной, потому что она должна идти.

— Это лишь слова. Я не верю тебе. Ты возьмешь меня с собой, Вил Омсфорд. Ты возьмешь меня с собой, потому что ничего другого тебе не остается. Ты должен взять меня!

Он покачал головой.

— Я не могу.

Она резко поднялась, на ее лице застыло выражение обиды и гнева.

— Ты еще передумашь, целитель. Придет время, и у тебя не будет другого выхода.

Эретрия повернулась и пошла прочь, потом внезапно остановилась, помедлила и резко обернулась к нему. Она буквально впилась в него глазами, постояла так и вдруг ослепительно улыбнулась.

— Я предназначена для тебя, Вил Омсфорд, — сказала девушка.

Когда она ушла, долинец долго смотрел ей вслед. Его охватило странное, похожее на изумление чувство.

Скитальцы закончили ужинать. Вдруг низкий прерывистый звук, похожий на кашель, прорезал мирную тишину ночи, заставив всех в лагере замереть. Он доносился откуда-то с южного конца озера, рядом с которым остановились скитальцы. Раздавшись один-два раза, он замолк. Все как один повернулись в ту сторону и, испуганные, ждали, что будет дальше. Через некоторое время кашель повторился, гроыхая из темноты, как яростный рев какого-то чудовищного быка, бросающего вызов всему свету. Мужчины немедленно схватились за оружие и, взглядываясь в ночь, бросились туда, откуда доносился звук. Но звук замер и больше не повторился. Кефело и его люди выжидали, чувствуя, что этим дело не кончится. Но все было тихо, и Кефело хриплым голосом приказал всем вернуться к костру. Нарочито громко отпуская шуточки по поводу бесов, крадущихся в ночи, он похвалялся, что ни один из них не осмелится пробраться в их лагерь, не спросив на то разрешения у него, Кефело. Снова кубки были наполнены вином, и каждый охотно выпил. Однако время от времени они посматривали в сторону озера.

Примерно через полчаса страшный звук раздался снова, на этот раз гораздо ближе; внезапный и ужасный, он тяжело повис в ночной тишине. Испуганные скитальцы снова схватились за оружие и бросились к дальней стороне лагеря. Теперь Вил побежал с ними, Амбель тоже не отставала. Они остановились между двумя повозками, настороженно взглядываясь в стену деревьев. Но ничего не было видно. Кефело нерешительно прокрался к самому краю поляны, к огромным деревьям, крепко сжимая обеими руками рукоять тяжелого широкого меча. Но лес был спокоен и тих. Кефело развернулся и пошел обратно, его лицо застыло в напряжении. Теперь ему было уже не до шуток. Он распорядился подвести поближе к лагерю коней, которые были привязаны на берегу озера, потом расставил часовых и приказал им следить за лесом. Все остальные укрылись в круге повозок, ближе к свету костра. Скитальцы потеряли интерес к вину, хотя кое-кто пил и сейчас. Разговоры продолжались, но тихие и настороженные, часто мелькало слово «бес». Мужчины держали своих женщин и детей поближе к себе. Все были явно встревожены.

Вил отвел Амбель на несколько шагов и заговорщически наклонился к ней.

— Держись рядом,— тихо сказал он.— Ни в коем случае не отходи далеко.

— Да,— пообещала Амбель. Она напряженно смотрела на него, потом быстро огляделась вокруг.— Ты думаешь?..

Неожиданно ее перебил Кефело — он громко потребовал музыки и хлопал в ладоши, побуждая остальных делать то же. Долинец и эльфийка послушно присоединились ко всем, подойдя поближе к костру. Вил осмотрелся — у него появился план.

— Там действительно кто-то есть, и, если он нападет на лагерь, мы убежим. Мы попробуем добраться до Артака и ускорим на нем. Ты согласна рискнуть?

Она кивнула.

— Да.

Струны затрепетали серебряным плачем, скитальцы начали хлопать в ладоши, сначала как-то вяло, потом все тверже и увереннее.

Вдруг откуда-то сверху снова донесся кашель; грозный, жуткий, он прогремел из темноты с пугающей неожиданностью. Со стороны часовых послышались даже не крики — исполненные ужаса рыдания: «Бес! Бес!» Сборище у костра быстро рассеялось, мужчины схватились за оружие, женщины и дети бежали в замешательстве куда глаза глядят. Кашель поднялся до пронзительного визга и затих. Что-то громадное и темное двинулось из ночного мрака прямо на лагерь.

— Демон,— упавшим голосом произнес Вил.

Существо появилось между двумя повозками, круша их, как картонные домики. Да, это был демон, но гораздо больше тех, с которыми Вил и Амбель столкнулись у Надежного Приюта. Ростом более пятнадцати футов, он стоял на двух ногах, его массивное тело, уродливая гора железных мускулов, было обтянуто серо-коричневой гладкой шкурой, собирающейся в складки. Чешуйчатый гребень шел от шеи вниз по спине и, раздваиваясь, спускался по обеим ногам. Казалось, морды у него не было, лишь одна огромная разинутая пасть со множеством острых зубов. В когтистых лапах болталось искалеченное тело часового.

Отбросив труп в сторону, тварь устремилась вперед. Кефело и еще около дюжины скитальцев встретили ее мечами и копьями, но те лишь скользнули по толстой шкуре. Чудище было медлительным и громоздким, но удивительно сильным. Оно легко проломилось сквозь ряд защитников, раскидав их по сторонам. Кефело бросился наперерез, высоко подпрыгнув, чтобы всадить свой широкий меч прямо в разинутую пасть чудовища. Оно приостановилось, захлопнуло пасть. Меч разлетелся на куски. Когтистые лапы потянулись к старейшине, тот успел увернуться, но другой скиталец в спешке споткнулся и упал на землю. Нога чудовища, похожая на скалу, опустилась на него.

Вил уже тащил Амбель к дальнему концу лагеря, туда, где были привязаны кони, как вдруг увидел, что Кефело тоже упал. Остальные пытались задержать чудовище, но оно в мгновение ока схватило упавшего и подняло его над головой. Вил видел, как скитальцы бросились защищать Кефело, стараясь отвлечь внимание чудища на себя. Двое пытались вырвать обмякшее тело из цепких лап. И это им удалось. Отбиваясь от мечей и копий, которые вонзались в него, демон направился к ближайшей повозке. Подняв тяжелую повозку, он с силой швырнул ее на землю, и та разлетелась вдребезги. Медная утварь и яркий шелк сверкнули в отблесках пламени. Скитальцы закричали и возобновили безнадежную атаку.

Амбель настойчиво тянула Вила за руку, но он все еще медлил. Ему не верилось, что эта гигантская и неповоротливая тварь могла преследовать их всю дорогу от Надежного Приюта. Нет, она вырвалась из-за стены Запрета сама по себе и бродила здесь, по Тирфингу, пока случайно не наткнулась на их караван. Слепая и бестолковая, она пришла сюда одна, но обладала такой разрушительной силой, что было ясно: скитальцы не могут противостоять ей. Несмотря на все их сопротивление, демон уничтожит весь караван. В этом Вил не сомневался.

Но он знал и то, что скитальцы не побегут. Яркие повозки, громоздкие жилища на колесах, — это их дом. Здесь все, что у них есть. Нет, они не побегут, они будут сражаться до последнего и в конце концов все погибнут. Демон — существо из другой эпохи; он сильнее их всех, вместе взятых, людей из плоти и крови. Лишь сила, равная ему, может его остановить. И здесь только он, Вил Омсфорд, обладает такой мощью. Но ведь это не его

битва. Эти люди обокрали его; он им ничем не обязан, скорее наоборот. Его первая и единственная забота — Амбель. Надо забирать ее и уходить как можно быстрее. Но что тогда будет со скитальцами, их женщинами и детьми? Разве они сделали ему что-нибудь плохое? Без его помощи им не спастись.

Вил уже совсем было решился и вдруг вспомнил слова своего деда. Ши рассказывал ему, как однажды воспользовался эльфийскими камнями и тем самым выдал себя врагу. Сейчас может произойти то же самое. Алланон предупреждал его, что некоторые из демонов знают старинную магию. Если сейчас он достанет эльфийские камни, то рискует привести демонов прямо к себе.

Он быстро оглянулся на Амбель. Едва увидев его глаза, она сразу же поняла, что он собирается сделать, и отпустила его руку. Вил стянул правый сапог и достал кошель с эльфийскими камнями. По крайней мере, он должен попробовать. Он должен сделать это. Он не может дать людям погибнуть. Он высыпал камни на раскрытую ладонь. Они переливались мягким голубым блеском. Вил сжал их в кулаке и рванулся к лагерю.

— Оставайся здесь! — бросил он Амбель.

— Нет, подожди!.. — крикнула она ему вслед, но он уже был далеко.

Демон оставил кибитки в покое и теперь теснил скитальцев к центру лагеря. Кефело снова стоял на ногах, правда нетвердо; он прислонился спиной к одной из повозок и что-то кричал своим людям. Вил несся вперед; он остановился в двадцати ярдах от чудища, поднял кулак с эльфинитами над головой и повелел чудодейственной силе камней выйти наружу.

Но ничего не произошло.

Внутри у Вила все сжалось. Стучилось то, чего он боялся больше всего, — он не может управлять силой эльфийских камней. Алланон ошибся. Только Ши, его дед, мог вызвать их силу. Они не слушаются Вила! Они неподвластны ему!

Но они должны! Он попробовал снова. Где-то в камнях таится волшебная сила. Она должна выйти наружу! Опять ничего. Но на этот раз Вил ощутил то, чего не заметил раньше, — какой-то барьер, о который разбивались все усилия, барьер внутри себя. Он был слишком слаб для камней, он сам себе мешал...

В его мысли ворвались резкие крики скитальцев, и тут Вил увидел, что демон движется прямо к нему. Теперь между ними не было никого, скитальцы оказались за спиной чудовища. Они изо всех сил пытались отвлечь демона от Вила, но демон с жутким ревом поднял лапу, сбив наземь двух человек и раскидав остальных. Кефело, прихрамывая, начал пробираться к ним на помощь, опираясь на обломок копья; его зеленый плащ почернел от грязи и крови. Казалось, на мгновение все застыло без движения, как будто само время остановилось. Вил отчаянно взывал к силе эльфийских камней. Ему не пришло в голову бежать, он стоял в центре лагеря — маленькая, одинокая фигурка с рукой, поднятой к ночному небу.

Потом, непонятно откуда, появилась Эретрия, легкой тенью она промелькнула мимо Вила, сунув демону в морду пылающий факел. Чудище обхватило кусок горящего дерева и стало медленно пережевывать его. Похоже, дым и огонь не пришлись ему по вкусу. Воспользовавшись этим мгновенным замешательством, Эретрия схватила Вила и потянула его назад. Потом они оба, потеряв равновесие, упали. Скитальцы уже пришли в себя, они хватали из костра горящие поленья и тыкали ими в демона. Но тот рвался вперед. Вил торопливо вскочил на ноги, помогая подняться Эретрии. В ту же секунду появилась Амбель; она твердо держала своими хрупкими руками тяжелое копьё. Долинец молча схватил ее за руку, оттолкнул обеих девушек назад и повернулся навстречу приближающемуся демону.

Чудовище нависло над ним. Вил Омсфорд протянул вперед руку, крепко сжимая эльфийские камни. Теперь он не колебался. Больше не было никаких сомнений, никакой неуверенности. Он как будто проник в себя и смел барьер, стоящий между ним и силой камней, смел его силой воли, рожденной отчаянием и необходимостью. Он сам не понимал, как это получилось. Когда это произошло, Вил почувствовал — что-то в нем изменилось; он не мог понять что, но был уверен, что эта перемена не к добру. Что-то было не так. Но времени на раздумья не оставалось. Он проник в самое сердце камней и наконец вызвал их волшебную силу. Ослепительный синий свет вырвался из его сжатой руки, рассеянное сияние в какую-то долю секунды собралось воедино и острым лучом устремилось прямо на демона. Чудище взревело — сила камней прожгла его

насквозь. В последней отчаянной попытке демон потянулся за Вилом. Но долинец не отступил ни на шаг. Все вокруг подернулось синей дымкой, луч снова вонзился в чудовище. На этот раз демон не смог устоять против древней магии. Пламя охватило его, он превратился в столб сплошного огня. Только мгновение синее пламя пылало в ночи, затем рассыпалось искрами и исчезло.

Вил Омсфорд медленно опустил руку. Там, где еще секунду назад стоял демон, теперь была лишь выжженная земля, и тонкая струйка дыма поднималась вверх. Лес словно замер, мертвая тишина нарушалась только треском костра скитальцев. Вил нерешительно огляделся. Мужчины с оружием, все еще поднятым для битвы, женщины, прижимающие к себе детей, стояли и смотрели на него с недоверием и даже страхом. На мгновение Вил растерялся. Что, если они набросятся на него, ведь теперь они знали, что он обманул их? Он оглянулся на Амбель — она тоже застыла в изумлении.

Потом прямо к нему направился Кефело, встал напротив и с досадой отбросил в сторону обломок копья, на который опирался. Его и без того смуглое лицо было черно от крови и сажи.

— Кто ты? — тихо спросил он. — Скажи мне, кто ты?

Долинец колебался.

— Я уже говорил тебе, кто я, — ответил он наконец.

— Нет. — Кефело покачал головой. — Ты не простой целитель, это ясно. Вот только кто? — Голос стал настойчивым и тяжелым. — Ты — что-то большее. Я чувствовал это.

Вил не знал, что ответить.

— Скажи мне, кто ты? — повторил Кефело, теперь в его голосе таилась угроза.

— Я уже говорил тебе. Я — тот, кто я есть, и не больше.

— Ты ничего мне не говори! — Лицо старейшины вспыхнуло гневом. — Я думаю, ты знал об этом чудовище. Я думаю, оно пришло сюда из-за тебя. Все это — из-за тебя!

Вил покачал головой.

— Оно натолкнулось на нас случайно; так получилось, что в этот момент мы были здесь.

— Ты лжешь мне, целитель!

Вил постепенно закипал.

— Кто кому лжет, Кефело? Мы играли в твою игру, ты сам установил правила.

Скиталец угрожающе шагнул вперед.

— Я смотрю, ты хорошо выучился этим правилам.

— Вряд ли,— спокойно ответил долинец.

Он слегка приподнял руку, сжимающую эльфийские камни. Движение это не укрылось от Кефело; скрипнув зубами, он отошел, потом с вымученной улыбкой заметил:

— Ты говорил, что у тебя нет с собой ничего ценного, целитель. А об этом ты забыл?

Вил покачал головой.

— Камни подчиняются только мне. Они были бы бесполезны для тебя.

— Неужели? — Скиталец даже не потрудился скрыть насмешку в своем голосе. — Так ты что, волшебник? Или, может быть, ты сам бес? Почему ты не скажешь, кто ты?

Вил колебался. Отступать было некуда. Он должен прекратить этот бесполезный разговор. Амбель подошла к нему сзади и осторожно взяла его за руку. Ее присутствие успокоило Вила.

— Кефело,— сказал он твердо,— ты вернешь моего коня. Мы с Амбель должны ехать немедленно. Я уничтожил одного беса, но их еще много — я знаю это. Они гонятся за нами. А теперь, когда я использовал эльфийские камни, они знают, где нас можно найти. Нам надо ехать, и вам тоже нужно уходить отсюда как можно скорее.

Лицо скитальца потемнело. Кефело молча смотрел на них, явно раздумывая, что из того, что он услышал, было правдой. В конце концов осторожность победила подозрения. Он отрывисто кивнул.

— Берите коня и уходите. Вы мне больше не нужны, и видеть вас не хочу.

Он повернулся и пошел прочь, приказывая собираться в дорогу. Он явно намеревался немедленно покинуть Тирфинг. Вил некоторое время наблюдал за ним, потом ссыпал камни обратно в кошель и положил его на место, во внутренний карман рубашки. Он взял Амбель за руку, и они направились к лошадям. Но вдруг Вил вспомнил об Эретрии; он поискал ее глазами: она смотрела на него из тени повозок.

— До свидания, Вил Омсфорд,— спокойно сказала она.

Вил улыбнулся. Она знала, что упустила возможность уехать с ним. На мгновение Вил засомневался. Она спасла ему жизнь,

он должен как-то отблагодарить ее. Разве не будет справедливо, если теперь он поможет ей? Но он знал, что это невозможно. Амбель — вот его единственная забота. Он отдаст свой долг, но не теперь. Когда-нибудь потом, в другой раз.

— До свидания, Эретрия,— ответил он.

Ее лицо осветила ослепительная улыбка.

— Мы еще встретимся! — крикнула она, повернулась и исчезла.

Через пять минут Вил и Амбель верхом на Артаке уже ехали на север, прочь от лагеря скитальцев, медленно растворяясь в ночи, пока совершенно не пропали из виду.

Глава 17

До рассвета оставался примерно час, когда они выехали к южному берегу Мермидона, в нескольких милях от того места, где река выбирается из лесов Западных земель на земли Каллахорна. Они гнали Артака всю ночь, прямо на север по открытым лугам, стараясь как можно дальше отъехать от Тирфинга, и остановились только раз, чтобы попить воды и размять затекшие мышцы. Поэтому, когда наконец они добрались до реки, и конь, и всадники едва держались на ногах. Там, где они выехали к реке, не было ни единого пригодного для переправы места: по обе стороны от них, насколько хватало глаз, лишь широкий поток быстрой, пенистой воды. Путешественники сразу поняли, что придется либо перебираться вплавь, либо ехать вдоль берега, пока не встретится отмель. Однако Вил не хотел ничего предпринимать, пока темно, поэтому он решил, что до первых лучей солнца лучше всего отдохнуть. Он отвел Артака в небольшую рощицу на берегу. Потом расстелил пледы для себя и для Амбель, и они быстро заснули.

Вил проснулся от солнечного света, струившегося сквозь листву деревьев с безоблачного, ясного неба. Был уже почти полдень. Он потряс Амбель за плечо, и она тоже проснулась. Умывшись речной водой, путешественники быстро позавтракали и снова отправились в путь.

Они проехали несколько миль вверх по течению, почти до самых западных лесов, но не нашли ни единой отмели, по ко-

торой могли бы переправиться через реку. Чтобы не терять времени в поисках подходящей переправы, они решили перебраться вплавь. Вил привязал их нехитрые пожитки к шее Артака и подтолкнул черного гиганта к воде. Вода оказалась неожиданно холодной, а течение сильным, и, хотя их отнесло почти на полмили вниз, они все-таки благополучно выбрались на другой берег.

Дальше путники направились прямо на север. Теперь они ехали медленно и часто шли пешком, чтобы дать коню как следует отдохнуть. Вил был уверен, что они отъехали достаточно далеко от Тирфинга, чтобы сбить со следа возможную погоню, и не хотел зря утомлять черного гиганта. До Арборлона еще далеко, и Вил рассудил, что конь может понадобиться до того, как они доберутся до эльфийского города. К тому же к утру они выйдут к долине Ренн, где будут в относительной безопасности.

Возможно, у Амбель было свое мнение на этот счет, но она держала его при себе. После того как они ушли от скитальцев, настроение эльфийки заметно улучшилось. Она снова смеялась и напевала, часто останавливалась рассмотреть цветок или крошечную травинку — малюсенькие кусочки жизни, которые наверняка остались бы для Вила незамеченными в безбрежном просторе лугов, если бы не Амбель. Они мало разговаривали, хотя эльфийка, улыбаясь, с удовольствием отвечала на вопросы Вила о различных растениях. Но все же большей частью она держалась с Вилом замкнуто и отчужденно, отказываясь поддерживать разговор на другие темы. В общем, все было точно так же, как во время пути на север от берегов Радужного озера.

В течение дня Вил не раз возвращался мыслями к Эретрии: ему было интересно, действительно ли она покинет Кефело и скитальцев, как грозились, и увидит ли он ее снова, как она обещала. В ней было что-то, что волновало его, какое-то пленительное очарование. С самого первого взгляда она напомнила ему сирен, которые, как говорят, живут на Кургане Битвы, — завораживающие и соблазнительные создания, они наполняют разум дикими, неистовыми, но сладостными мыслями. Вил улыбнулся такому сравнению. Действительно, глупо. Эретрия не видение, не греза, она — девушка из плоти и крови. Но было

что-то, что роднило ее с сиренами: она тоже была созданием лжи и обмана. Вил чувствовал, что здесь он прав, и это почему-то беспокоило его. Но он не забыл и то, как она рисковала жизнью, чтобы спасти его. Вилу очень не хотелось, чтобы за этим стояла какая-нибудь хитрость.

Еще до темноты они свернули на запад и поехали вдоль кромки леса, который тянулся на север к равнинам Стрелехейма. Когда темнота сгустилась, Вил повернул Артака и углубился в лес, следуя тоненькой ленточке ручья. Там, где ручей впадал в реку, они сделали привал. Здесь было вдоволь питьевой воды и сочной травы для Артака. Сначала Вил и Амбель напоили и накормили коня и только после этого поужинали сами. Костер мог бы выдать их, поэтому путники ограничились фруктами и овощами, предусмотрительно запасенными Амбель. Они были незнакомы долину, но ел он с большим удовольствием. Он даже решил, что со временем мог бы привыкнуть к столь странной пище, как, например, этот удлинённый оранжевый овощ — или фрукт? Не успел Вил закончить ужин, как Амбель повернулась к нему с лукавым выражением лица:

— Ты не будешь возражать, если я спрошу тебя кое о чем? Он усмехнулся.

— Откуда я знаю, буду я возражать или нет, если даже не знаю, о чем ты собираешься спросить?

— Хорошо, ты не отвечай, если не захочешь, но это беспокоит меня с того самого момента, как мы покинули скитальцев.

— Если так, спрашивай.

Бледный свет звезд и луны едва пробивался сквозь густое сплетение ветвей над их головами, и Амбель придвинулась поближе к Вилу, чтобы лучше видеть его лицо.

— А ты скажешь мне правду? — Она смотрела ему прямо в глаза.

— Да.

— Там, в Тирфинге, когда ты использовал камни, ты... — Она колебалась, как будто не могла подобрать нужные слова. — С тобой ничего не случилось? Я имею в виду... что-нибудь нехорошее?

Он во все глаза уставился на нее. Какое-то смутное предчувствие поднималось из глубин его сознания, пока неуловимое, но тем не менее Вил ощущал его.

— Странный вопрос.

— Я понимаю.— На лице Амбель промелькнула улыбка, затем оно снова стало серьезным.— Я не могу описать его, правда,— это чувство, которое я испытала, когда наблюдала за тобой. Сначала ты, похоже, не смог совладать с камнями. Ты поднял их вверх, но ничего не произошло, хотя было видно, что ты мучительно пытаешься вызвать их силу, чтобы остановить демона. Потом, когда они наконец ожили, с тобой что-то случилось... какая-то явная перемена — она отразилась у тебя на лице, как... как боль.

Долинец медленно кивал. Теперь он вспомнил. Когда все закончилось, он словно забыл об этом — просто не думал. Это произошло произвольно, само по себе. Но теперь Амбель напомнила ему, и его прежние ощущения ожили в памяти. Он взглянул на эльфийку, та поняла его состояние. Забота и участие светились в ее глазах.

— Если тебе не хочется...— быстро начала она.

— Нет.— Голос Вила был тверд и спокоен. Он медленно покачал головой.— Я сам не знаю, что это было; вдруг наш разговор поможет мне понять...— Он глубоко вздохнул и продолжал, тщательно подбирая слова: — Внутри у меня был барьер, какая-то преграда, и этот барьер мешал мне пробиться к силе эльфийских камней. Я никак не мог ни обойти его, ни прорваться через него.— Он опять покачал головой.— Но когда демон навис надо мной, а вы обе, ты и Эретрия, были рядом и все мы готовились к смерти, я как-то сломал этот барьер. Он просто рассыпался в прах, и я проник в глубь камней...— Он с минуту помедлил.— Это была не боль, но какое-то странное ощущение, неприятное, как будто со мной что-то случилось, что-то... Даже не знаю, как это назвать. Я чувствовал — случилось что-то плохое, что-то неправильное, хотя я делал все правильно.

— Что-то плохое случилось с тобой,— прошептала она, немного подумав.— Может быть, эльфийская магия вредна для тебя?

— Может быть,— согласился Вил.— Но мой дед никогда не говорил ни о чем подобном. Разве может быть так, что магия совершенно не затронула его и так повлияла на меня? Почему она воздействует на нас по-разному?

Амбель с сомнением покачала головой.

— Магия эльфов по-разному действует на различных людей. Так было всегда. Эта магия рождается из души, а разве души людей могут быть одинаковыми?

— Но мы очень похожи с моим дедом, у нас так много общего, даже больше, чем с отцом.— Вил как бы размышлял вслух.— Безусловно, дед должен был чувствовать то же самое, но тогда бы он мне сказал.

Амбель крепко сжала его руку:

— Знаешь, тебе не надо больше пользоваться ими.

Он улыбнулся:

— Даже чтобы защитить тебя?..

Он сказал это легко, будто в шутку, но Амбель оставалась серьезной, ей было явно не до шуток.

— Я не хочу, чтобы из-за меня тебе был причинен вред,— сказала она спокойно.— Не я позвала тебя в это путешествие, мне вообще не нравится, что ты здесь. Но раз уж ты здесь, я буду говорить откровенно. Магия эльфов — это не то, с чем можно забавляться; она может оказаться гораздо опаснее того зла, против которого создавалась. Наши летописи предупреждают об этом. Эта магия может разрушить и тело, и душу. Раны тела можно исцелить. А раны души? Как ты вылечишь их, целитель? — Она пододвинулась ближе.— Никто не стоит того, чтобы так рисковать, никто. И особенно я.

Вил некоторое время молча смотрел на нее. В глазах Амбель стояли слезы. Он взял ее руки в свои.

— Мы побережем друг друга, правда? — Он попытался улыбнуться.— Может быть, нам и не придется использовать камни еще раз.

Она ничего не сказала в ответ, но по ее лицу ясно читалось, что она не верит ни единому его слову.

В полночь знакомый вой демонов-волков разорвал тишину ночи — пронзительный, голодный, полный ненависти. Вил и Амбель мгновенно проснулись, грезы сна переплелись с ужасом реальности. Вой замер, отдавшись эхом в наступившей гулкой тишине, затем поднялся снова — пронзительный и высокий. Долинец и эльфийка не колебались ни секунды — они вскочили на ноги, натянули сапоги, накинули на плечи плащи. Оседлав Артака, они снова направились на север.

Они ехали рысью, стараясь держаться открытых мест, но и не удаляясь от края леса. Холодный воздух, влажный от росы, был наполнен запахами ночи. Вой вервильфов доносился пока издали, откуда-то выше по течению Мермидона. Демоны-волки искали их.

Артак бежал ровно, без усилий летел сквозь высокую густую траву, — еще одна сумрачная тень, скользкая в летней ночи. Вил внимательно следил за тем, чтобы конь не ускорял шаг: надо было распределить его силы разумно. Еще рано, погоня только началась. Вервильфы скоро поймут, что беглецы совсем рядом, вот тогда-то он и прищипит Артака. Вил сердился на себя; он не мог предположить, что их обнаружат так быстро. Эльфийские камни открыли врагу, где их можно найти. Но это было в Тирфинге. Демоны-волки оказались проворнее, чем он думал: они немедленно направились по следу и достигли их здесь, уже в лесах Западных земель. Очень скоро они найдут место последней стоянки — вот когда начнется настоящая погоня! Вервильфы помчатся за ними.

Они ехали уже час не разбирая дороги, жуткий вой преследовал их. Но теперь ему вторили крики откуда-то из лугов под хребтом Драконьих Зубов и с равнин на севере. Сердце у Вила упало: вервильфы окружали их. Только Западные земли еще оставались открытыми.

«А что будет, когда перекроют и этот путь?» — вдруг подумал Вил.

Он вспомнил, как это было у Серебристой реки. В долине Ренн вполне может быть ловушка. Может, их специально гонят в долину, где уже поджидают демоны? Однако разве у них есть выбор?

Позади раздался бешеный вой и визг: демоны-волки нашли их стоянку.

Вил пустил Артака галопом. Теперь волки знают, что их добыча поблизости. С севера и востока послышался такой же пронзительный и свирепый крик — охота началась. Артак несся вперед — весь в пене, уши прижаты. Луга постепенно переходили в бесплодную пустошь; они приближались к Стрелехейму. Долина Ренн была где-то рядом. Низко пригнувшись к шее коня, Вил подгонял Артака.

Шел уже третий час погони, луга Каллахорна давно остались позади, земля под копытами Артака стала жесткой и растрес-

кавшейся, вой вервильфов раздавался так близко, что казалось, еще секунда — и они возникнут из темноты за спиной. Ветер и пыль слепили беглецов, тела их покрылись испариной от страха и напряжения, как вдруг впереди наконец показалась неровная гряда гор — ворота в долину Ренн. Горный кряж возвышался над лесами Западных земель — жесткий и щетинисто-черный на фоне ночного неба. Беглецы немедля свернули прямо к проходу. Артак рвался вперед, несясь сквозь темноту; две спорбленные фигуры отчаянно вцепились в седло.

Вот и проход — отвесные скалы смутно вырисовывались с обеих сторон. Слезаящимися от пыли и ветра глазами Вил напряженно вглядывался в темноту впереди, искал демонов, которые, как он предполагал, могли ждать их здесь. Он даже удивился, когда никого не увидел. Радостное возбуждение охватило его. Похоже, они спасены! Волки остались позади; они не успеют настигнуть беглецов до того, как те скроются в лесах Западных земель, в стране эльфов. А там им помогут...

Но кто? Пугающий вопрос вертелся у него в мозгу, повторяясь снова и снова в ритме широкого шага черного гиганта, исчезая и возвращаясь опять.

Вил похолодел. О чем он думает? Кто им поможет? Никто даже не знает, что они должны приехать, — никто, кроме Алланона, но его нет. Помогут? На какую помощь он рассчитывает? Один раз демоны уже пробрались в самое сердце Арборлона, чтобы уничтожить избранных. Так что же, по его мнению, должно помешать им поймать одного невероятно глупого долинца и слабую, даже невооруженную девушку? Тем более в глухих лесах? Свернув в долину Ренн, они углубятся в лес, где Артак не сможет быстро бежать. Здесь волкам будет еще удобнее преследовать их — эти твари невероятно проворны и легко пробираются меж деревьев и сквозь заросли кустарника. Дурак! Тупица! Он сам, своей недальновидностью, зачеркнул их единственный, слабенький шанс на спасение. Он был так занят мыслями о том, откуда они убегают, что совершенно забыл подумать, куда им надо бежать. Теперь они вряд ли спасутся. Демоны-волки настигнут их и убьют. И это его вина.

Надо что-то делать. Он лихорадочно думал. Должен же быть какой-то выход! Оставалось только одно оружие — эльфийские камни.

Потом Амбель закричала, указывая рукой куда-то в небо. Вил поднял голову.

Прямо на них летело черное чудовище, перепончатые крылья, казалось, закрывали горный хребет, на извивающейся шее болталась маленькая голова с каким-то не то крюком, не то клювом. Скорее всего, оно явилось из Стрелсхейма и теперь, пронзительно визжа, несло прямо на них. Вил никогда не видел ничего подобного. Он неистово закричал, подгоняя Артака, но черный гигант несся уже на пределе сил. Впереди неясно вырисовывался пролом в скалах. По ту сторону лежали леса, которые могли бы спасти их от этого кошмара, леса, где такая огромная тварь просто не смогла бы двигаться.

Нужно всего лишь несколько секунд...

Чудовище летело на них. Оно, казалось, опускалось, как скала, грузно оседая вниз из темноты ночи. Вил Омсфорд наблюдал за его приближением: вот промелькнула морда, чем-то неуловимо похожая на лицо человека, но искаженное, как-то странно сморщенное и абсолютно черное; красные глаза горели слепой яростью, они будто пронизывали насквозь, пригвозждая к месту. Вил почувствовал, как его мужество тает под этим взглядом.

Он уже подумал, что все кончено. Но Артак все-таки достиг прохода и, сделав последний рывок, нырнул в темноту деревьев по ту сторону.

Они неслись по узкой тропинке, Артак почти не замедлял бега, умудряясь увертываться от сплетения стволов и зарослей густого кустарника. Вил и Амбель отчаянно вцепились в него, ветви хлестали со всех сторон, ежесекундно угрожая сбросить на землю. Вил попытался как-то замедлить бег коня, но ему это не удалось. Артак понес. С ним уже нельзя было сладить.

Сбитые густой темнотой леса и извилистой дорогой, они почти сразу потеряли всякую способность ориентироваться. Больше не было слышно ни воя демонов-волков, ни визга крылатого чудовища; страх не оставлял Вила: он боялся, что в такой неразберихе они могут случайно повернуть обратно и выехать прямо к тем, от кого убежали. Он гневно дергал за поводья, но Артак не обращал на это никакого внимания.

Долинец уже было махнул на все рукой и потерял надежду остановить вороного, как вдруг огромный конь сам резко сбавил

вил шаг и замер как вкопанный. Он стоял прямо посредине лесной дороги, тяжело дыша. Потом Артак наклонил голову и ласково заржал. Последовала долгая тишина. Вил и Амбель вопросительно смотрели друг на друга.

Вдруг прямо перед ними выросла высокая темная фигура, беззвучно выскользнувшая из ночного леса. Это случилось так быстро, что Вил не успел даже подумать об эльфийских камнях. Темная тень вышла вперед — это был человек в черном плаще, он нежно прикоснулся к потной шее Артака, медленно провел рукой по влажной атласной коже. Лицо человека поднялось к свету — это был Алланон.

— С тобой все в порядке? — мягко спросил он у Амбель, снимая ее с седла и осторожно опуская на землю.

Она молча кивнула, в ее зеленых, как море, глазах отразилось изумление, отчасти гнев. Друид нахмурился, затем повернулся, чтобы помочь Вилу, но тот уже стоял на земле.

— А мы думали, тебя уже нет, — смущенно пробормотал долинец, не веря своим глазам.

— Похоже, кто-то заранее объявил меня мертвым, — заметил маг с некоторым раздражением. — Как видишь, я вполне...

— Алланон, нам надо уходить отсюда. — Вил тревожно оглянулся назад. Он очень торопился, слова наскакивали друг на друга. — Демоны-волки гнались за нами до самого Мермидона. Вся дорога. А там еще это черное, летающее, оно...

— Вил, не торопись.

— ...едва не схватило нас в долине... такое громадное... я никогда не видел ничего...

— Вил!

Долинец умолк. Алланон покачал головой, почти осуждающе:

— Не позволишь ли и мне вставить слово? — (Вил покраснел и кивнул.) — Спасибо. Прежде всего, теперь вы в относительной безопасности. Демоны больше не преследуют вас. Тот, кто ведет их, чувствует мое присутствие. Он боится меня и поэтому повернул обратно.

Вил как будто сомневался.

— Ты уверен?

— Уверен. Никто не преследует вас. Теперь идите сюда, оба, и садитесь.

Он подвел их к упавшему дереву на краю дороги. Долинец и эльфийка устало сели. Алланон остался на ногах.

— Нам надо идти в Арборлон, прямо сейчас, — сообщил он. — Но у нас есть несколько минут, чтобы отдохнуть перед дорогой.

— Как ты оказался здесь? — спросил Вил.

— Я мог бы задать тебе тот же вопрос. — Друид поплотнее закутался в плащ. — Вы поняли, что случилось с вами там, у реки?

Вил кивнул.

— Думаю, да.

— Это был король Серебристой реки, — мягко прервала Амбель. — Мы видели его, он говорил с нами.

— Он говорил с Амбель, — поправил Вил. — А ты? Он и тебе помог?

Алланон покачал головой.

— Я даже не видел его — только свет, который окутал вас и унес. Он — отшельник, и очень таинственный, он мало кому показывается. Очень-очень немногим. Но вам он явился. Думаю, на то были причины, которые известны только ему. Во всяком случае, его появление вызвало немалое замешательство среди демонов, и я воспользовался этим, чтобы спастись самому. — Он помолчал. — Амбель, ты сказала, он говорил с тобой. Ты не вспомнишь, что он сказал?

Эльфийка смутилась:

— Нет. Не точно... Все было как сон. Он говорил что-то о... единении... соединении...

Тень понимания промелькнула в темных глазах друида. Но она тут же исчезла; ни Вил, ни Амбель ничего не заметили.

— Ладно. — Мага как будто перестало это интересовать. — Он помог вам, когда нужна была помощь, и за это мы в долгу перед ним.

— Перед ним — да, безусловно, но уж никак не перед тобой. — Амбель и не пыталась скрыть свое раздражение. — Где ты был, друид?

Алланон как будто удивился:

— Я искал вас. К несчастью, король Серебристой реки разлучил нас. Я знал, что вы в безопасности, но не знал, куда он перенес вас и где вас искать. Я мог бы воспользоваться волшебством, но это был бы неоправданный риск. Тот, кто ведет де-

монов, кто прорвался сквозь стену Запрета, владеет не меньшей силой, чем я, а может быть, даже большей, и он узнал бы, где мы находимся. Поэтому я просто продолжил свой путь в Арборлон, надеясь найти вас по дороге. Я исходил из того, что вы точно следуете моим указаниям. Я был вынужден идти пешком — твоего серого, Вил, я потерял в битве — и поэтому был уверен, что вы где-то впереди. Но я ошибся. Когда ты использовал эльфийские камни, я это понял. — Он пожал плечами. — Я уже почти дошел до Арборлона, но сразу повернул обратно и пошел на юг по лесному краю, полагая, что вы будете искать убежища в лесах. Но я снова ошибся. Потом я услышал вой вервульфов и понял, что вы пытаетесь скрыться в долине Ренн. Вот почему я здесь.

— Складывается впечатление, что ты только и делаешь, что ошибаешься. Не слишком ли много ошибок, друид? — резко прервала его Амбель.

Алланон ничего не ответил, он смотрел ей прямо в глаза.

— Начнем с того, что ты серьезно ошибся, когда пришел за мной, — продолжала эльфийка, теперь ее слова звучали как обвинение.

— Так было нужно.

— Это как посмотреть. Сейчас меня волнует то, что демоны постоянно на шаг опережают тебя. Сколько раз они едва не схватили меня?

Алланон выпрямился.

— Много, слишком много. Больше это не повторится.

Амбель поднялась, ее лицо потемнело.

— Я больше не верю твоим обещаниям. По-моему, пора закончить это путешествие. Я хочу домой — в Надежный Приют, а не в Арборлон.

Лицо друида ничего не выражало.

— Пойми, я делаю для вас все, что могу.

— Может быть. А может быть, ты делаешь только то, что нужно тебе самому.

Друид напрягся.

— Это несправедливо, эльфийка. Ты ничего не знаешь.

— Я знаю одно. Я знаю, что ты и мой защитник, которого ты мне выбрал, пока мало мне помогли. Я была бы гораздо счастливее, если бы никогда не встретила вас обоих.

Амбель была так рассержена, что едва не расплакалась. Она с яростью смотрела на Алланона и Вила, как бы ожидая, что они возразят ей на это. Но они молчали. Тогда она резко развернулась и направилась по дороге в темноту.

— Ты говорил, что мы должны идти в Арборлон сейчас, друид? Ну так пошли. Я хочу, чтобы все это побыстрее закончилось, — потребовала она.

Вил Омсфорд смотрел ей вслед с возмущением и обидой. В какое-то мгновение он даже подумал, а не остаться ли ему здесь, на этом бревне, и пусть эльфийка идет своей дорогой. Действительно, от него мало проку. Вдруг он почувствовал руку Алланона у себя на плече.

— Не торопись осуждать ее, Вил Омсфорд, — мягко сказал друид.

Алланон убрал руку и направился к Артаку. Взяв поводья, он вопросительно оглянулся на Вила. Тот тряхнул головой и поднялся. В конце концов, ничего не остается, как идти дальше.

Друид уже направил коня вслед за Амбель, которая скрылась в сумраке леса. Вил неохотно поплелся за ним.

Глава 18

Настал вечер следующего дня. Длинные тени протянулись по лесному городу Арборлону, серые сумерки сгустились в ночь. Эвентин Элесседил сидел один у себя в кабинете и механически просматривал список дел на следующее утро. На его лице лежала печать усталости, король щурил покрасневшие глаза. Масляная лампа едва освещала его письменный стол. Комната была окутана полумраком и тишиной; Эвентин напряженно думал.

Потом он быстро взглянул на Манкса: старый пес растянулся в дальнем углу комнаты у книжного шкафа и звучно храпел во сне. Лохматые бока ритмично подымались и опускались, воздух выходил из носа с забавным гнусавым сипением. Король улыбнулся и покачал головой — он многое бы отдал за одну ночь спокойного сна. Но ему не было покоя. Кошмары теснились в его снах — искаженное отражение тревожной реальности, проникающее в его сновидения. Они мучили и раздражали. Зло кралось сквозь его сны — безжалостное, разрушитель-

ное, полное ненависти. Кошмары неизменно возвращались каждую ночь, пронзали его разум, прерывали сон, пока наконец рассвет не прекращал эту бесполезную борьбу.

Он потер ладонями лицо, потом глаза, закрывая их от света. Ему надо поспать, обязательно надо поспать. Но король знал, что и во сне ему не будет покоя.

Когда он убрал руки, оказалось, что он смотрит прямо на Алланона. Сначала он подумал, что это ему мерещится из-за усталости и недосыпания. Эвентин резко сощурился, но друид не пропал. Король вскочил на ноги, не сводя глаз с неожиданного гостя:

— Алланон! Я думал, у меня галлюцинации!

Друид шагнул вперед, и они обменялись крепким рукопожатием. Король нерешительно смотрел на Алланона, даже не пытаясь скрыть свое волнение.

— Ты отыскал ее?

Маг кивнул.

— Она здесь.

Эвентин не сразу нашелся что сказать. Двое мужчин молча смотрели друг на друга. Манкс поднял голову и зевнул.

— Не думал я, что она когда-нибудь вернется,— проговорил наконец король и, поколебавшись, спросил: — Где она?

— Она в безопасности,— ответил Алланон и отпустил руку эльфа.— У нас мало времени, Эвентин Элесседил. Я хочу, чтобы ты немедленно собрал Совет — твоих сыновей и самых доверенных людей, кому мы можем открыть правду. Выбирай тщательно. Через час пусть все соберутся в зале Большого совета эльфов. Скажи им, что я буду говорить. Больше не говори ничего. Проследи, чтобы стража несла караул снаружи. Об этом не должен знать никто. Все. Встретимся через час.

Он повернулся и направился к окну.

— Амбель?..— крикнул было король ему вслед.

— Через час,— повторил друид, затем скользнул за занавеску и пропал.

Час прошел, и все, кого позвал Эвентин, собрались в зале Большого совета. Старинный шестиугольный зал был похож на глубокую пещеру: стены из камня и тяжелого дуба сходились сверху, образуя остrokонечный свод, по форме напоминаю-

ший звезду. В комнате горели масляные светильники, низко подвешенные на длинных черных цепях. У стены напротив дверей находилось небольшое возвышение для королевского трона, низкие ступени вели к массивному, ручной работы креслу, за ним висели знамена с гербами королевских домов. По остальным стенам располагались места для членов Совета — по двенадцать рядов вдоль каждой стены, все они возвышались над отполированным каменным полом, огороженным низким барьером. В самом центре зала стоял широкий овальный стол, двадцать кресел за ним предназначались для членов Большого совета.

Сейчас из них были заняты только шесть. В одном сидел Андер Элесседил. Он мало разговаривал с остальными, неотрывно глядя на огромные двойные двери в дальнем конце зала. Он был занят мыслями об Амбель. Хотя отец, придя к нему с известием о возвращении Алланона, ничего не сказал о ней, Андер был уверен, что друиду удалось найти Амбель и привести ее в Арборлон, в противном случае их не стали бы собирать с такой поспешностью. И еще он был уверен, что Алланон намерен просить Совет доверить ей поиски Источника Огненной крови. Андер не знал, что ответит на это Совет. Если король станет говорить первым и поддержит друида, тогда, возможно, и остальные уступят его желанию. Скорее всего, Эвентин сначала послушает, что скажут другие, и только потом будет решать. Но нельзя ничего сказать наверняка, надо учитывать и те чувства, которые эльфы теперь питают к Амбель.

Андер быстро взглянул на отца и тут же отвел взгляд.

«А что скажет он сам?» Мысль пришла внезапно.

Ему тоже предложат говорить, а он не может быть беспристрастным, когда речь идет об Амбель. Он напряженно думал, противоречивые чувства боролись в нем. Любовь к племяннице, обманутые надежды, досада — все перемешалось в его мыслях. Андер крепко сжал руки перед собой. Может, будет лучше, если он вообще промолчит и подчинится решению большинства.

Взгляд Андера скользил по лицам собравшихся. Вот, все они здесь, все, кого король удостаивал особым доверием. И Дардан, и Рой, но те стоят на страже у входа. Конечно, были еще люди, которых отец мог бы позвать сюда, — все очень хорошие люди. Но король выбрал именно этих.

«Что ж, это разумный и взвешенный выбор», — думал про себя Андер, пытаясь определить, какое суждение выскажет каждый из них, когда король спросит их совета.

И понял, что не может точно ответить на этот вопрос.

Справа от отца сидит Арион Элесседил. Это место наследного принца. Именно к Ариону сначала обратится король, как он делал всегда, когда надо было принять важное решение. Арион был гордостью и силой отца, старик без памяти любил его. Одно присутствие старшего сына вселяло в короля уверенность и спокойствие; Андер знал, что сам он при всем своим старанием не мог вызвать у отца подобные чувства. Но в Арионе не было сострадания, и иногда он выказывал такое чудовищное упрямство, которое сразу сводило на нет все его хорошие качества. Трудно предугадать, что он станет говорить, когда речь коснется Амбель. Когда-то он очень любил девочку, единственную дочь своего обожаемого брата Айне. Но теперь все это в прошлом. Со смертью брата его чувства к Амбель почему-то изменились, и изменились еще сильнее, когда она отказалась от служения Элькрис, от долга избранника. Арион очень разгневался на нее, и большей частью — за ту боль, которую она доставила Эвентину. Невозможно определить, насколько глубок его гнев.

«Но глубок», — подумал Андер, и это его сильно встревожило.

Рядом с Арионом сидел первый королевский министр Эмер Чиос. В силу своей должности он председательствовал в Совете, если король по каким-либо причинам отсутствовал. Чиос всегда прямо и искренне выражал свои взгляды, он мудр и уравновешен, на него можно положиться. Эвентин и его первый министр не всегда сходились во мнении, часто на Совете возникали споры по определенным вопросам, но тем не менее каждый глубоко уважал мнение другого. Андер знал точно: Эвентин прислушается к тому, что скажет Чиос.

Следующий — Каел Пинданон, командующий эльфийской армией, старейший и ближайший друг короля. Хотя он был моложе Эвентина на десять лет, выглядел он гораздо старше: его загубевшее, с жесткими чертами лицо походило на сухое дерево, растрескавшееся от времени и непогоды; его покрывали многочисленные шрамы и рубцы — отметины минувших

сражений; седые волосы спускались ниже плеч, в усах прятался тонкий упрямый рот. Волевой и твердый как сталь, Пинданон был самым дальновидным из советников короля. Беззаветно преданный Эвентину, он всегда исходил из интересов короля. Так будет и сейчас.

Последний из сидящих у стола, стройный темноволосый эльф с настороженным выражением лица и пронизательными карими глазами, не был членом Большого совета. Он сидел рядом с Пинданоном, слегка отодвинув свой стул от стола. Он, как и Андер, ни с кем не разговаривал, а просто молча смотрел на остальных. За поясом у него были два больших боевых кинжала, на спинке стула висел в ножнах широкий меч. Кроме маленького медальона на серебряной цепочке с гербом Элесседиллов, на нем не было никаких знаков отличия. Криспин, начальник личной гвардии короля, военной элиты Эльфийских охотников, следившей за личной безопасностью Эвентина Элесседила. Его присутствие на Совете казалось Андеру странным; вряд ли король стал бы спрашивать у него совета. Однако отец далеко не всегда делал то, чего ожидал от него Андер.

Разные судьбы, разные характеры у этих людей, и только в одном они схожи — все они абсолютно преданы старому королю. Вполне возможно, что именно их беззаветная верность и повлияла на решение короля собрать их здесь. Сейчас им предстояло принять важное решение. Король чувствовал: им он может доверить такую ответственность. Возможно, они здесь еще и потому, что именно их совета будет искать король, когда придет время защищать эльфийские земли.

А время это наступит скоро. Теперь уже вряд ли удастся избежать смертельной схватки между демонами и эльфами. С каждым днем опасность все ближе. С каждым днем Элькрис все слабее, гниение неумолимо распространяется по ее ветвям, жизнь покидает ее. Скоро, очень скоро у нее уже не будет сил, чтобы поддерживать Запрет. Каждый день приходили новые донесения о каких-то странных и пугающих тварях, рыскающих на границах Западных земель (эльфы охраняли границы от долины Ренн до Саранданона, от Заплетенной пуши до Кершалльта), число которых постоянно росло. И их будет все больше и больше. Вырвавшись из-за стены Запрета, они объединят свои силы и ударят по эльфам.

Андер поднял руки, загораживая глаза от света. Его тревожило одно: Элькрис погибала слишком быстро. Даже если Алланон привез Амбель, им может просто не хватить времени, чтобы добраться до Источника Огненной крови. Время! Оно решает все.

Тяжелые двери в дальнем конце зала распахнулись, все шесть голов повернулись как одна. Вошел Алланон, неприступный и грозный в своем неизменном черном плаще, с ним — еще двое, они были плотно закутаны в дорожные плащи, низко надвинутые капюшоны скрывали лица.

«Амбель! — сразу же подумал Андер. — Одна из них безусловно Амбель! Но кто второй?»

Все трое молча подошли к столу. Друид усадил своих спутников, затем повернулся к королю.

— Мой господин. — Он слегка поклонился.

— Алланон, — ответил король, — приветствую тебя.

— Все собрались?

— Все. — Одного за другим Эвентин представил собравшихся. — Говори, друид, все, что ты собирался сказать.

Алланон сделал несколько шагов вперед и встал точно посередине между эльфами и двумя таинственными фигурами.

— Да. Я ничего не буду повторять, поэтому очень прошу слушать меня внимательно. Это очень серьезно. Эльфам грозит опасность. Элькрис умирает. Она умирает быстро, и с каждым днем все быстрее. Она гибнет, вместе с ней слабеет стена Запрета. Демоны начали вырываться в наш мир. Некоторые уже на свободе. Скоро освободятся все, и тогда они постараются вас уничтожить. — Друид сделал еще шаг вперед. — Не сомневайтесь в этом, высокочтимые эльфы. Вы еще не ощутили ту степень ярости, которая движет ими. Но я видел некоторых из них и даже по этим немногим понял, какая ненависть снедает их всех. Она страшна, она не знает границ. Но самое главное — она дает им силу, и эта сила гораздо больше той, которая была у них раньше, до изгнания с земли. Не думаю, что вы сможете устоять против нее.

— Ты не знаешь армию эльфов... — Лицо Пинданона потемнело.

— Командир, — произнес Эвентин с мягким укором; старый солдат немедленно повернулся к королю, — дай нам послушать его.

Пинданон скривил губы и сел на место.

— Элькрис — единственное, что может спасти вас, — продолжал Алланон, не обратив внимания на выпад Пинданона. — Когда она умрет, Запрет потеряет силу, потому что умрет волшебство, которое создало его. Но это можно предотвратить. Эльфийские легенды говорят, что Элькрис может возродиться. Для этого один из избранников должен отнести семя дерева к Источнику Огненной крови, опустить его в огонь, а потом принести обратно туда, где старшее дерево держалось корнями за жизнь. Тогда восстановится стена Запрета, и демоны снова будут изгнаны с земли.

Эльфы Арборлона! Две недели назад, когда я узнал, что Элькрис умирает, я пришел к Эвентину Элесседилу и предложил свою помощь. Но я пришел слишком поздно. Запрет уже слабеет, несколько демонов вырвались в мир. Я не успел предотвратить это, и они убили избранников, пока те спали, убили всех, кого им удалось найти.

Но я сказал королю, что попытаюсь помочь эльфам. Помнится, я обещал отправиться в Паранор, в Башню друидов, и там, в старинных летописях моих предков, поискать что-нибудь о месте, называемом Оберег. Я сделал это. Я знаю, где надо искать Источник Огненной крови. — Он помедлил, внимательно изучая лица собравшихся эльфов. — И еще я говорил королю, что найду того, кто мог бы отнести семя Элькрис к источнику. Я знал, что такой человек есть. Я нашел его и привел сюда, в Арборлон.

Андер напрягся в ожидании. Недоверчивый ропот прошел по залу. Алланон повернулся и сделал знак одной из таинственных фигур:

— Выйди сюда.

Как бы в нерешительности неизвестный поднялся, подошел и встал позади друида.

— Сними капюшон.

Фигура не двинулась. Эльфы нетерпеливо подались вперед — все, кроме Эвентина. Он сидел, выпрямившись в своем кресле, руки его крепко сжимали резные подлокотники.

— Сними капюшон, — мягко, но настойчиво повторил Алланон.

На этот раз закутанная фигура повиновалась. Тонкая загорелая рука выскользнула из-под складок плаща и откинула ка-

пюшон. Зеленые глаза Амбель, застывшей от смущения, встретились с глазами деда. На мгновение тишина стала просто оглушительной.

Потом вскочил на ноги Арион, вне себя от гнева. Он даже побледнел.

— Нет! Нет, друид! Уведи ее отсюда! Пусть идет туда, откуда пришла! Отвези ее обратно!

Андер приподнялся, слова брата потрясли его, но отец взял его за руку и мягко усадил на место. Члены Совета обменивались быстрыми замечаниями, но в беспорядочном шуме голосов нельзя было разобрать ни единого слова.

Эвентин резко поднял руку, и все замолчали.

— Мы дослушаем Алланона, — твердо произнес он, и Арион сел на место.

Друид кивнул.

— Я очень прошу всех вас помнить об этом: только избранник может отнести семя Элькрис к Источнику Огненной крови. В начале года избранников было семь. Теперь шестеро мертвы. Амбель Элесседил — ваша последняя надежда.

Арион снова вскочил.

— Какая она надежда?! Она больше не избранник!

В голосе принца прорвалось ожесточение. Каел Пинданон кивнул, соглашаясь, неприязнь отразилась на его морщинистом, изборожденном шрамами лице.

Алланон сделал еще шаг вперед.

— Вы спрашиваете, избранник она или нет? — Горькая насмешливая улыбка быстро промелькнула на его губах. — Тогда вам надо бы знать, что она тоже спрашивала об этом. И я сказал ей, я сказал это и ее деду, а теперь говорю вам: никто, кроме Элькрис, не может ответить на этот вопрос; ничьи чувства, ни ваши, ни ее, не имеют никакого значения. Внучка короля или изгнанница — какая разница, эльфийский принц? Ты должен заботиться о сохранении своего народа и всех остальных народов, так как эта опасность угрожает и им тоже. Если Амбель может спасти вас всех, надо забыть прошлые обиды.

Но Арион стоял на своем.

— Я не забуду. Я никогда не забуду.

— Чего же ты просишь от нас? — быстро вставил Эмер Чисос, и Арион снова сел на место.

Друид повернулся к первому министру.

— Только одно. Никто — ни вы, ни я, ни сама Амбель — не вправе решать, избранник она все еще или нет. Это право есть только у Элькрис, потому что именно Элькрис избрала ее. Значит, прежде всего мы должны спросить у дерева. Позвольте Амбель пойти в Сады Жизни, позвольте самой Элькрис решить, принять ее или отвергнуть. Если Элькрис примет ее как избранника, она отдаст ей семя и Амбель отправится на поиски Источника Огненной крови.

— А если Элькрис откажется от нее?

— Тогда останется надеяться, что вера командующего Пинданона в эльфийскую армию вполне обоснованна.

Арион снова поднялся, не обращая внимания на предупреждающий взгляд отца.

— Ты просишь от нас слишком многого, друид. Ты просишь, чтобы мы вновь доверились той, которая когда-то не оправдала нашего доверия.

— Я прошу, чтобы вы доверились Элькрис.— Голос Алланона был тверд.— Это все, что вы можете сделать для грядущих веков. Пусть решение будет за ней.

Арион покачал головой.

— Нет, я чувствую, здесь что-то не так, друид. Это какая-то игра. Элькрис не говорит ни с кем; она не станет говорить с этой девчонкой.— Его сердитый взгляд скользнул по Амбель.— Если она просит нашего доверия, пусть скажет, почему она опозорила себя и всю свою семью?

Алланон, обдумав, справедливо ли данное требование, посмотрел на эльфийку. Лицо Амбель было белым как полотно.

— Я никого не хотела опозорить,— спокойно ответила она.— Я просто сделала то, что, как мне казалось, должна была сделать.

— Нет, ты опозорила нас! — взорвался Арион.— Ты, дочь моего брата, я так любил его. Я честно пытался понять тебя, но не смог. То, что ты сделала, опозорило всю семью — всех нас. Опозорило память о твоём отце. Никогда ни один избранник не отказывался от служения. Ни один! А ты... ты отвергла такую честь, будто она ничего не значит!

Амбель напряглась.

— Я не хотела быть избранником, Арион. Я старалась служить как остальные, но не смогла. Я знала, чего от меня ждут, но я... я правда не смогла.

— Не смогла? — Арион угрожающе выступил вперед. — Почему? Я хочу знать почему? Тогда ты не сказала ни слова, теперь у тебя есть возможность объяснить — так сделай это!

— Я не могу! — ответила она уверенно и очень тихо. — Я не могу. Вы все равно не поймете, даже если бы я и хотела все объяснить, даже если бы я... — Она умоляюще посмотрела на Алланона: — Зачем ты привез меня сюда, друид? Это бессмысленно. Ты же видишь, они не хотят. И я не хочу быть здесь. Я боюсь, разве ты не понимаешь? Позволь мне вернуться домой.

— Ты дома, — мягко ответил Алланон, в голосе его появилась печаль, которой не было раньше. Он смотрел на Ариона: — Зачем ты задаешь эти вопросы, эльфийский принц? Подумай. Обида вызывает горечь, горечь — гнев. Если слишком далеко уйти по этой дороге, можно сбиться с пути. — Он помолчал, сосредоточенно разглядывая эльфов. — Я не знаю, что заставило эту девушку оставить ее народ. Я не знаю, что заставило ее выбрать себе другую жизнь, отличную от той, которую ей предлагали здесь, в Арборлоне. Я не берусь судить ее, у меня нет на это права. И у вас тоже. Что сделано, то сделано. На пути в Арборлон она проявила мужество и решимость. Демоны всю дорогу гнались за ней, они охотились на нее. Они до сих пор ее ищут. Возвращаясь, она немало вынесла и не раз рисковала своей жизнью. И что же, все это напрасно?

При упоминании об опасностях, которым подвергалась Амбель, в глазах Эвентина промелькнула тревога. Но Андер успел это заметить.

— Ты мог бы отвести ее к Элькрис и не спрашивая нас, — заметил вдруг Эмер Чиос. — Почему же ты все-таки спросил?

— Амбель не хотела возвращаться сюда, — ответил друид. — Она пришла в Арборлон только потому, что я убедил ее помочь своему народу. Но она должна сделать это открыто, не тайно и не втихомолку. Она предстанет перед Элькрис только после вашего одобрения.

Он обнял девушку за плечи. Амбель удивленно взглянула на него снизу вверх.

— Вы должны сделать свой выбор. — Лицо друида оставалось бесстрастным. — Кто из вас поддержит ее, высокочтимые эльфы?

Все мгновенно притихли, напряженная тишина наполнила комнату. Эльфы и друид смотрели друг на друга. На дальнем конце стола нервно заерзал второй таинственный человек, пришедший с Алланом. Все почти забыли о нем. Время шло. Никто не произнес ни слова.

Потом Андер Элесседил увидел, что друид смотрит прямо на него, что-то странное было в его взгляде. Андер почувствовал, что какая-то мысль, как мгновенная вспышка света, прошла между ними, невысказанная, почти неосознанная. Но в этот момент принц понял, что ему надо делать.

Он медленно встал.

— Андер! — услышал он протестующий возглас брата.

Он быстро взглянул на Ариона, увидел грозное предупреждение в его глазах и тут же отвел взгляд. Молча он прошел вдоль стола и остановился перед Амбель. Она смотрела на него испуганно, как дикий зверек, в любую секунду готовый сорваться и убежать. Андер нежно сжал ее плечи и, наклонившись, поцеловал в лоб. Девушка крепко обняла его в ответ, в ее глазах блеснули слезы.

Потом поднялся Эмер Чиос.

— По-моему, здесь не должно быть сомнений, высокочтимые эльфы, — обратился он к остальным. — Каково бы ни было наше личное мнение, прежде всего мы должны думать о спасении эльфов.

Он прошел вперед и присоединился к Андеру.

Криспин быстро взглянул на Эвентина. Король сидел выпрямившись в своем кресле; когда он встретился глазами с капитаном, его лицо не выражало ничего. Криспин поднялся и тоже присоединился к Андеру.

Совет разделился поровну. Трое стояли рядом с Амбель, трое оставались за столом. Эвентин смотрел на Ариона. Наследный принц твердо встретил взгляд своего отца, потом с ожесточением посмотрел на Андера.

— Я не так глуп, как мой братец. Я говорю: нет.

Теперь король смотрел на Пинданона. Взгляд командующего был тяжел и прям.

— Я верю в эльфийскую армию, а не в это дитя. — Старик как будто засомневался. — Но это — твоя плоть и кровь. Я присоединюсь к тебе, мой король. Решать здесь тебе. Подумай как следует.

Все взгляды сосредоточились на Эвентине. Король словно не замечал этого: сидел, глядя прямо перед собой, на лице его появилось выражение смирения и печали. Он медленно водил руками по столу, потом крепко сжал их и поднялся.

— Решено. Амбель предстанет перед Элькрис. Совет закрыт. Все свободны.

Арион поднялся, бросил на брата уничтожающий взгляд и без единого слова вышел из зала Большого совета.

Вил Омсфорд видел боль и отчаяние, отразившиеся в глазах Андера Элесседила, когда он смотрел вслед удаляющемуся брату. Между ними легла глубокая трещина, и вряд ли она когда-нибудь закроется. Потом Вил неожиданно встретился глазами с эльфийским принцем и застенчиво отвернулся.

Алланон заговорил опять, он сообщил оставшимся, что Амбель отдохнет день-два, прежде чем идти к Элькрис, потом надо будет собраться опять. Вил поднялся, поплотнее запахивая плащ. Алланон предупредил его о том, чтобы он никому не показывался. Совет начал расходиться, и долинец подошел поближе к Амбель. Он видел, как Андер Элесседил оглянулся на них, как бы в замешательстве, но ничего не сказал и вышел из зала. Алланон отвел Эвентина в сторону и что-то говорил ему, тихо и таинственно. Они будто о чем-то спорили. Потом, неохотно кивнув друиду, король тоже вышел вслед за остальными. Вил и Амбель остались наедине с Алланоном.

Друид сделал им знак:

— Следуйте за мной.

Он быстро вывел их из зала Совета по наружной галерее на улицу. Они стояли в прохладной темноте, друид медлил, прислушиваясь, затем повернулся к ним.

— Амбель, — он помолчал, стараясь поймать ее взгляд, — я хочу, чтобы ты пошла к Элькрис сейчас.

Удивление и замешательство отразились на лице эльфийки.

— Но почему? — спросила она, не веря тому, что услышала. Затем покачала головой: — Нет. Я не готова. Мне нужно время! Ведь ты только что сам сказал дедушке и всем остальным, что я пойду к Элькрис через день или два.

Алланон терпеливо кивнул.

— Это была маленькая, но необходимая хитрость. И потом, какая тебе нужна подготовка? Ведь это не проверка твоего ма-

стерства или способностей, здесь не нужно специально готовиться. Ты либо избранник, либо нет. Вот и все.

— Я устала, друид.— Теперь ее голос звучал раздраженно.— Я очень устала, и мне надо поспать. Я не могу идти сейчас!

— Но ты должна! — Он помедлил.— Я знаю, ты устала, я знаю, тебе надо поспать. Но придется чуть-чуть подождать. Сначала ты должна пойти к дереву.

Она напряглась, затравленное выражение мелькнуло в ее глазах. Потом она расплакалась. Все, что произошло: неожиданное появление друида в Надежном Приюте, известие о смерти избранников и гибели Элькрис, необходимость возвращения в Арборлон, жуткое бегство на север, противоборство с Советом и теперь еще это,— все разом навалилось на Амбель и сокрушило ее волю. Все ее защитные силы рухнули. Она стояла перед ними, маленькая и несчастная, и горько плакала, с трудом сдерживая злые, несправедливые слова, готовые сорваться с ее губ. Когда Алланон сделал шаг к ней, Амбель испуганно отшатнулась. Вил Омсфорд беспомощно смотрел на нее.

Наконец она перестала плакать и заговорила, почти шепотом:

— Это действительно необходимо, друид, чтобы я пошла к ней сейчас?

Алланон кивнул.

— Да, Амбель.

Повисла долгая тишина.

— Ну что ж, тогда я иду.

Спокойная и сдержанная, она снова присоединилась к ним. Алланон молча повел их по улицам города.

Глава 19

Бледно-серебристый свет луны струился с небес и омывал летнюю ночь. Медленными, головокружительными волнами поднимались сладкие ароматы, они танцевали в теплых потоках ветра, наполняя собой Сады Жизни. Пятнистые тени ложились на яркие цветы, соединяясь в причудливые узоры белого и черного. Маленькие насекомые мелькали в воздухе внезапными вспышками, не оставляющими следа.

А на вершине небольшого холма одинокое и отчужденное волшебное дерево, называемое эльфами Элькрис, продолжало свой медленный, но неотвратимый путь к смерти. Долгий путь близился к концу. Совершенная красота Элькрис почти исчезла, соразмерность ее очертаний была нарушена. Серебристая кора шелушилась и клочьями слезала со ствола и ветвей, гнилая и почерневшая. Когда-то кроваво-красные листья свернулись, высыхая, многие уже опали; они усеивали землю внизу — сухая, поблекшая шелуха, шуршащая на ветру. Как побитое непогодой пугало, Элькрис стояла на фоне ночного неба — высыхающий остов.

Застыв у подножия холма, Амбель со спутниками молча глядела на нее. Скрытые капюшонами лица поднялись к лунному свету. Когда Амбель наконец заговорила, ее шепот, как крик, прорезал глубокую тишину:

— Алланон, она такая печальная...

Друид не ответил, но было видно, как он напрягся. Запах сирени пронесся над ними, на мгновение задержался в воздухе и пропал. Амбель смотрела на мага, крепко сжав руки.

— Ей больно?

Друид едва заметно качнул головой.

— Немного.

— Она умирает?

— Да. Жизнь ее заканчивается. Ее время почти прошло. Настала долгая тишина.

— И ты ничего не можешь для нее сделать?

— Все, что можно для нее сделать, будет сделано тобой, — мягко ответил друид.

Амбель вздохнула, дрожь прошла по ее телу. Она приняла свою судьбу. Время шло. Вил устало переступил с ноги на ногу, ожидая, когда эльфийка соберется с духом. Но для нее это было непросто. Ведь она не предполагала, что придет сюда уже сегодня; никто из них не предполагал. Они надеялись выспаться и отдохнуть. Они не спали с той самой ночи, когда им пришлось бежать в долину Ренн, силы их были на исходе.

— Она спит, — вдруг прошептала Амбель.

— Для тебя она проснется, — ответил друид.

«Но Амбель не хочет этого, — подумал Вил. — Она никогда этого не хотела. И не просто не хотела — она боялась. Она го-

ворила об этом там, в Надежном Приюте. Однако не говорила почему».

Вил взглянул вверх. Что может быть пугающего в Элькрис?

— Я готова.— Амбель сказала это спокойно и просто.

Алланон помолчал, затем кивнул.

— Тогда иди. Мы подождем тебя здесь.

Некоторое время Амбель стояла, как бы ожидая, что друид скажет что-то еще. Но он молчал. Амбель плотнее закуталась в плащ и пошла по пологому склону, подняв лицо к тихому изможденному дереву, которое ждало ее на вершине.

Она не оглянулась на них.

Амбель быстро поднялась и остановилась перед Элькрис. Она не решалась подойти ближе к дереву и стояла чуть в стороне, крепко стиснув руки под плащом. Внизу раскинулись Западные земли, до самого горизонта, куда ни бросишь взор, и Амбель почувствовала себя маленькой и незащищенной. Ночной ветерок обдувал ее лицо, донося запахи цветов. Амбель глубоко вдыхала их, стараясь успокоиться.

«Еще минуточку,— говорила она себе.— Еще одну минуточку...»

Как она боялась!

Даже теперь она не могла понять почему. А понять было нужно, хотя бы для того, чтобы справиться с этим страхом. Но она не могла. И от этого было еще хуже. Страх, нелепый, слепой, беспричинный, был с ней всегда, он таился в глубинах ее сознания, как хищный зверь выбираясь наружу, когда Амбель думала об Элькрис. Она боролась со своим страхом, боролась решительно, но он все равно возвращался, неукротимый, темный. Она еще могла справляться с ним в Надежном Приюте, но здесь, в Арборлоне, в Садах Жизни, в дюжине футов от Элькрис, вспоминая ее прикосновения...

Амбель вздрогнула от воспоминаний. Именно этого касания она и боялась, действительно боялась. Но почему? Ведь оно было совершенно безопасным. «Элькрис прикасается к тебе только затем, чтобы передать свои мысли». Но с самого первого раза у Амбель было ощущение чего-то большего. Чего-то...

Крик совы прервал ее мысли. Она очнулась и поняла, что стоит здесь уже несколько минут, а те двое внизу, должно быть, видят ее. Она не хотела, чтобы они на нее смотрели.

Друид и долинец молча наблюдали, как Амбель зашла за Элькрис и скрылась из виду. Они постояли еще немного, но эльфийка не появилась; тогда Алланон без слов уселся на траву. Вил помедлил и сел рядом.

— Что ты будешь делать, если Элькрис не примет ее?

Друид даже не повернул головы.

— Этого не случится.

Долинец минуту колебался, прежде чем заговорил снова:

— Ты что-то знаешь о ней? Что-то, о чем не сказал нам.

— Нет.— Голос Алланона был холоден.— Я сказал все, что вам нужно знать.

— Значит, я прав.

— Твое дело, долинец, следить за тем, чтобы с ней ничего не случилось, когда вы покинете Арборлон.

Тон, которым это было сказано, ясно указывал на то, что вопрос исчерпан. Вил почувствовал себя как-то неудобно.

— Тогда, может быть, ты мне ответишь на другой вопрос? — спросил он через некоторое время.— Ты можешь сказать, почему она так боится Элькрис?

— Нет.

Вила трясло от возбуждения.

— Почему нет?

— Потому что я сам не до конца это понимаю. Думаю, она и сама не знает почему. Во всяком случае, если она сочтет нужным, она скажет тебе сама.

— Что-то я сомневаюсь.— Вил подался вперед.— Она не хочет говорить об этом.

Алланон не ответил. Они сидели молча, время от времени поглядывая на вершину холма, где стояла Элькрис. Амбель не было видно. Вил посмотрел на друида:

— Ей там ничто не грозит? Ведь она одна.

Маг ответил ему успокаивающим взглядом: нет, ничего. Вил ждал, что друид объяснит ему это, но Алланон упорно молчал. Долинец пожал плечами. По крайней мере, они поблизости и в случае чего защитят ее.

Но он надеялся, что им не придется этого делать.

Амбель долго стояла без движения. Она просто не могла заставить себя шевельнуться. Страх парализовал ее. Она застыла, напряженная и похолодевшая, в каких-то пяти шагах от ближайшей ветки и как зачарованная смотрела на Элькрис. Страх,

обжигающе холодный как жидкий лед, сковал ее, лишив даже способности размышлять. Она потеряла всякое ощущение времени и пространства.

Наконец она двинулась вперед; это было так, словно вместо нее шел кто-то другой. Позже, думая об этом, Амбель могла только припомнить, что расстояние между ней и Элькрис сокращалось, а потом и вообще исчезло. Она стояла прямо под навесом ветвей, затерянная в сумраке. Ветер стих, холод внутри Амбель сменился жаром.

Она молча опустила на колени посреди мертвых листьев и сломанных веток и сложила руки. Она ждала.

Тонкая ветка опустилась вниз и нежно обвила ее плечи.

— АМБЕЛЬ...

Эльфийка заплакала.

Они долго молчали, как вдруг Вил припомнил странные слова, сказанные недавно друидом. Вил решил было для себя, что больше ни о чем не спросит Алланона, но не мог преодолеть своего любопытства.

— Алланон?

Друид хмуро поглядел на него.

— Меня беспокоит одна вещь.— Вил помолчал, приводя в порядок свои мысли.— Когда Амбель напомнила тебе о том, что ты говорил Совету о днях отдыха перед тем, как ей идти к Элькрис, ты сказал, что это необходимая хитрость. Что ты имел в виду?

Лунный свет упал на лицо Алланона, высветив знакомую насмешливую улыбку.

— Я все думал, когда же ты спросишь об этом, Вил Омсфорд.— Он засмеялся.— Ты поистине неисправим, твое любопытство безгранично.

Вил уныло сморщился.

— Так ты ответишь мне или нет?

Алланон кивнул.

— Но мой ответ вряд ли тебе понравится. Эта хитрость была необходима, потому что среди эльфов есть шпион.

Долинец похолодел.

— Как ты узнал об этом?

— Я его вычислил. Элементарная логика. Демоны ждали меня в Параноре. Они ждали меня, долинец,— не преследова-

ли. Значит, они знали заранее, что я приеду туда. Дальше: как они вообще узнали обо мне? Только Эвентин знал, что я вернулся в Четыре земли. Только Эвентин знал, что я собираюсь в Паранор; я сказал ему, что посмотрю там летописи друидов, где должно было быть что-нибудь об Обереге. Я предупредил Эвентина о том, чтобы он никому не говорил о моем появлении; и я уверен, что он сделал именно так, как я просил. — Он помолчал. — Поэтому остается предположить только одно. Кто-то подслушал наш разговор и потом передал его демонам.

Вил смотрел на него с сомнением.

— Но как такое могло случиться? Ты же сам сказал, что до твоего разговора с Эвентином никто не знал, что ты вернулся в Четыре земли.

— Я тоже не могу понять этого, — заметил друид. — Шпионом должен быть тот, у кого есть свободный доступ к королю, кто знает обо всем, что тот собирается делать. Может быть, кто-то из личной гвардии. — Он пожал плечами. — К счастью, я не говорил королю, где можно найти Амбель, иначе демоны добрались бы до нее гораздо раньше, чем мы. Думаю, они могли бы добраться и до тебя тоже.

Вил почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Даже теперь это предположение смутило его. Впервые он был благодарен друиду за его сдержанность и молчаливость.

— Но если все это так, почему ты сказал так много на Большом совете? — спросил он. — Для шпиона это прекрасная возможность узнать побольше.

Друид подался вперед.

— Да, неплохая возможность. На самом деле это входило в мои планы: я должен убедиться, что он действительно есть. По этой причине я и пошел на хитрость. Видишь ли, демоны уже знают, что мы здесь, и знают, зачем мы здесь. Они знают, кто я и кто Амбель. Правда, пока не знают, кто ты. То, что им известно, они узнали из моего разговора с Эвентином и во время погони за нами от Надежного Приюта. На Большом совете я не сказал ничего нового, кроме одного маленького пункта. Я сказал, что, прежде чем идти к Элькрис, Амбель несколько дней отдохнет. Поэтому, по крайней мере сегодня, они не будут ждать от нас никаких действий. Надеюсь, это даст нам не-большое, но очень полезное преимущество.

— Что за преимущество? — нахмурился Вил. — Что ты задумал, Алланон?

Друид поджал губы.

— Боюсь, тебе придется потерпеть еще немного. Но я обещаю, ты получишь ответ до того, как наступит рассвет. Это справедливо?

«Абсолютно несправедливо», — мрачно подумал Вил.

Однако настаивать было бессмысленно, он уже знал, что друид никогда не меняет своих решений.

— И еще одно. — Алланон предостерегающе положил руку ему на плечо. — Не говори об этом Амбель. Она и без того напугана, не надо пугать ее еще больше. Пусть все это останется между нами.

Вил кивнул. С этим он был полностью согласен.

Через несколько минут из-за дерева неожиданно появилась Амбель. Она постояла в нерешительности, четко вырисовываясь на фоне ночного неба, затем направилась к ним. Шла она очень медленно, осторожно, как будто была не уверена в своих движениях, крепко прижав к груди руки. Капюшон был опущен, длинные каштановые волосы развевались у нее за спиной. Когда она приблизилась, Вил с Алланоном разглядели ее пораженное, взволнованное лицо. Оно было бледным, слезы текли по щекам, неприкрытый страх стоял в глазах.

Она подошла к ним и остановилась. Ее била дрожь.

— Алланон?.. — Амбель плакала, не в силах произнести больше ни слова.

Друид увидел, что девушка на грани обморока, быстро подошел к ней и крепко прижал к себе. Она не сопротивлялась, только плакала, тихо, беззвучно. Он держал ее долго, и за это время никто не произнес ни слова. Вил стоял в замешательстве, чувствуя свою полную бесполезность.

Наконец Амбель перестала плакать. Друид отпустил ее и отступил на шаг. Она постояла, опустив голову, потом взглянула прямо на Алланона.

— Ты был прав, — прошептала она.

Эльфийка протянула вперед сложенные руки и медленно открыла ладони. Там, подобное серебристо-белому камешку безупречной формы, лежало семя Элькрис.

Алланон сразу же увел их из Садов. Низко опустив капюшоны и плотно закутавшись в плащи, они проскользнули через ворота мимо Черных стражей и направились обратно в город. Друид не сказал, куда ведет их, и они не спрашивали. Всю дорогу никто не проронил ни слова. Все очень устали, Вил и Амбель едва держались на ногах. Время от времени долинец с тревогой поглядывал на эльфийку: он переживал за нее больше, чем за себя. Но она шла с непроницаемым лицом, ничем не выдавая того, что творится у нее в душе, и Вилу оставалось только догадываться об этом.

Они уже шли по городу, и Вил понял, что они направляются к королевскому дворцу. По-прежнему не говоря ни слова, Алланон провел их через королевский парк к южному крылу темного дворца, мимо высоких сосен, мимо разросшихся кустов к маленькой нише в стене, где высокие окна скрывались в густой тени. Друид слегка постучал по стеклу. Они подождали минуту — занавески в окне чуть отодвинулись. Кто-то открыл задвижку, и окно распахнулось. Алланон быстро втолкнул своих спутников внутрь, украдкой огляделся, потом влез сам, закрыв за собой окно.

Несколько секунд они стояли в полной темноте, прислушиваясь к слабому звуку шагов: кто-то медленно двигался по комнате. Затем зажглась свеча. Теперь Вил видел, что они находятся в небольшом кабинете; по стенам, обитым дубом, шли длинные ряды книжных полок. В дальнем конце комнаты зашевелился старый пес, поднял свою лохматую голову и приветливо замахал хвостом.

Эвентин Элесседил поставил свечу на стол и повернулся к ним.

— Все готово? Все меры приняты? — Глубокий голос Алланона нарушил тишину.

Старый король кивнул.

— А личная гвардия? — Друид уже направлялся к единственной двери, ведущей в коридор. Он открыл ее, быстро взглянул и снова закрыл.

— Все спят, кроме Роя и Дардана, но они стоят на часах у дверей моей спальни и уверены, что я тоже сплю. Здесь нет никого, кроме старого Манкса.

Пес поднял голову при упоминании своего имени, потом снова опустил ее и закрыл глаза.

Алланон вернулся на место.

— Тогда начнем.

Жестом он велел Вилу и Амбель сесть у стола, затем принес себе третий стул. Вил устало подошел и сел, Амбель направилась было за ним, но остановилась, глядя на деда. Эвентин тоже взглянул на нее, секунду поколебался, потом быстро шагнул вперед и обнял внучку. Амбель как будто застыла в напряжении, затем крепко обвила его руками.

— Я люблю тебя, дедушка, — прошептала она. — Я скучала по тебе.

Старый король молчал; он склонился к ее плечу, одной рукой глядя Амбель по волосам, потом нежно взял обеими руками ее лицо и повернул к себе.

— То, что случилось, Амбель, забыто. Больше не будет никаких горьких слов. Это твой дом. Остайся здесь, со своей семьей. Я очень хочу, чтобы ты осталась.

Девушка печально покачала головой.

— Дедушка, я говорила с Элькрис. Она сказала, что я — избранник. Она дала мне семя.

Лицо старика побледнело, слезы навернулись на глаза.

— Прости, Амбель. Я знаю, ты хочешь, чтобы все было иначе. Я тоже этого хочу, поверь мне.

— Я верю, — ответила она, в ее глазах застыло отчаяние.

Она отпустила Эвентина и села за стол вместе с Вилом и Алланом. Некоторое время король стоял, не сводя изучающего взгляда с внучки, которая выглядела потерянной и испуганной, как заблудившийся ребенок, но потом овладел собой и сел напротив них.

Алланон подался вперед и положил руки на стол.

— После Большого совета мы договорились, что ночью соберемся здесь, одни и втайне. То, что будет сказано сейчас, останется только между нами четверьмя. Больше никто не будет знать об этом. Время идет, нам надо действовать быстро, если мы собираемся спасти эльфов. Элькрис теряет силу. Очень скоро демоны ворвутся в Четыре земли. Эвентин и я будем здесь, чтобы встретить их, когда это случится. А ты, Амбель, и ты, Вил, — вы пойдете на поиски Источника Огненной крови. —

Он повернулся к эльфийке: — Если бы я мог, я бы сам пошел с тобой. Я бы пошел с тобой, будь у меня хоть малейшая возможность, но ее нет. Один из демонов, вырвавшихся из-за стены Запрета, обладает такой же силой, что и я. А есть еще и другие. Эльфы не справятся с ними без моей помощи. Только волшебство может противостоять волшебству. Так было всегда.

Но вместо себя я посылаю Вила Омсфорда. Поверь мне, Амбель, это не случайный выбор. Его дед ходил со мной на поиски меча Шаннары, это он нашел меч, а потом бился один на один с Повелителем чародеев и уничтожил его. Его дядя Флик однажды спас жизнь твоему деду. У Вила есть сила духа, которая отличала тех двоих, и у него есть чувство долга. Ты знаешь, что он — хранитель эльфийских камней. Когда-то я сам дал их его деду. Вил защитит тебя. Он будет с тобой, Амбель, он не оставит тебя.

Настала долгая тишина. Вил чувствовал смущение от слов друида, смущение и неловкость. Он быстро взглянул на Амбель: она внимательно смотрела на него.

— Ты — избранник на службе у Элькрис, — продолжал Алланон, стараясь снова поймать взгляд эльфийки. — Мы все хотели, чтобы было иначе, но все есть как есть, и мы должны принять это. Ты — последняя из избранников, последняя надежда своего народа. Ты одна можешь возобновить и укрепить Запрет. Это тяжелая обязанность, Амбель, но, если ты не сделаешь этого, эльфы и демоны будут долго сражаться, пока кто-нибудь или и те и другие вместе не будут уничтожены. Элькрис доверила тебе свое семя, и поэтому ты должна найти Источник Огненной крови. Это непросто. Источник Огненной крови находится в месте, называемом Оберег, а Оберег — часть древнего мира. Этого мира больше нет, он полностью изменился. Постепенно это название забылось. Даже Элькрис больше не знает дорогу туда. И мы бы утратили все безвозвратно, если бы не летописи друидов. Только эти писания — связующее звено между прошлым и настоящим. Я читал их и знаю теперь, где искать Оберег. — Он помедлил. — В Диких дебрях.

Никто не произнес ни слова. В этом не было необходимости. Даже Вил Омсфорд, долинец, житель Южных земель, который до этого никогда не бывал на Западе, и тот слышал о Диких дебрях. Дикий край, коварный и грозный, лежал к югу от

родины эльфов, со всех сторон окруженный неприступными горами и топиями. Там было едва ли полдюжины деревушек, населенных исключительно ворами, разбойниками и головорезами всех мастей. К счастью, они редко покидали свои поселения, так как, по слухам, окрестные леса кишели тварями, с которыми даже такие забубенные головы не горели желанием встретиться.

Вил глубоко вздохнул.

— А где именно в Диких дебрях находится Источник Огненной крови?

Алланон покачал головой.

— Я не могу сказать точно. Летописи друидов редко ссылаются на географию древнего мира, а те указатели, которые существовали тогда, давно исчезли. Тебе придется положиться на эльфийские камни.

— Но это будет слишком опасно. — Долинец откинулся на спинку стула. — Если я воспользуюсь камнями, это укажет демонам, где нас искать.

— К несчастью, это так. Надо быть очень осторожным. Я расскажу тебе все, что сказала Элькрис об Обереге избранникам до того, как они были убиты. Это поможет вам. Оберег находится в глухом месте, окруженном со всех сторон болотами и горами. Еще она говорила о плотном тумане, который накапывает и исчезает; посередине тумана стоит одинокая гора, в ней много туннелей — целый лабиринт уводит глубоко под землю. Где-то внутри есть дверь из стекла, которое нельзя разбить. За этой дверью — Источник Огненной крови. — Друид поднял голову. — Как видишь, общее описание Диких дебрей остается довольно точным даже теперь, когда прошло столько лет и земля неузнаваемо изменилась. Может быть, и все прочее осталось точно таким же, как описала Элькрис. Может быть, Источник Огненной крови все еще где-то в лабиринте туннелей, в одинокой горе. — Он пожал плечами. — Увы, это все, что я знаю.

Вил выжал из себя улыбку, которая должна была, видимо, означать бодрую готовность. Он не мог смотреть в сторону Амбель.

— Как мы попадем в Дикие дебри? — спросил он.

Друид вопросительно посмотрел на Эвентина, но король эльфов был поглощен своими мыслями и не сразу заметил это. Наконец он взглянул на друида и отсутствующе кивнул.

— Все готово.

Алланон как будто колебался, потом повернулся к Амбель.

— Твой дед решил, что капитан Криспин, командир личной гвардии, будет вашим проводником и защитником. Криспин — находчивый и отважный солдат, он сослужит вам хорошую службу. Он отобрал по поручению короля шестерых Эльфийских охотников вам в сопровождение. Конечно, шесть мало, но в данном случае чем меньше, тем лучше: это привлечет меньше внимания и позволит передвигаться быстрее.

Мы с королем все обдумали. Вы выйдете из города тайно — об этом позаботится капитан Криспин. Только он знает о вашей миссии. Он со своим отрядом пройдет с вами столько, сколько будет нужно. Они знают, что с вами ничего не должно случиться, и сделают все, чтобы защитить вас.

— Алланон! — Это внезапно заговорил Эвентин; тревога отразилась на его лице, пронизательные глаза нашли глаза друида. — Я не все сказал тебе, осталось еще одно. Я просто не успел, у нас было так мало времени после Большого совета. Скажу теперь. Это очень важно, особенно для них, ведь демоны, которые гнались за ними так долго, будут выслеживать их и дальше. — Он подался вперед, опершись руками на стол. В тусклом свете свечи его лицо казалось очень старым. — Ты знаешь, как погибли избранники, но Вил и Амбель, возможно, не знают. — Его глаза сверкнули. — Они были разорваны на куски, изуродованы почти до неузнаваемости.

На лицах эльфийки и долинца отразился ужас. Король нежно положил руку на плечо внучки.

— Я сказал это не для того, чтобы напугать тебя, Амбель, и тебя, Вил. — Он поглядел на Алланона. — После того как вы ушли из Арборлона, здесь были еще смерти, очень похожие на эту. Много смертей. Что бы это ни было, оно бродило по округе и систематически уничтожало всех, на кого наткнулось, будь то человек или зверь, молодой или старый, — всех. Погибло более пятидесяти эльфов, и все одинаково — все разорваны на куски. Три дня назад эта тварь подстерегла и уничтожила целый эльфийский патруль — шестерых вооруженных мужчин. Неделю назад она напала на казармы в северной части города. Убито двадцать эльфов, во сне. Демоны рыскают по Западным землям, было уже много таких чудовищных нападений, и все какие-то непоследовательные, хаотичные, явно не обдуманые

заранее. Тварь, убившая избранников, знала, что делает, она убивала целенаправленно. Эти же убивают всех, кто попадет им под руку. Мы пытались выследить их, но безуспешно. Так никого и не нашли. Мы их даже не видели. Ни одного. Но они здесь, они охотятся за нами. — Король помедлил. — Они уже посылали кого-то убить избранников. И он сделал это. Убил всех, кроме одного. Они могут послать кого-нибудь снова.

Амбель побелела. Алланон задумчиво терял бороду.

— Очень похоже на демона древнего мира, — размышлял он вслух. — Демон, который убивает в силу инстинкта. Они называли его Жнец.

— Это не важно, как его называли, — вдруг заговорил Вил. — Важно только одно: как избежать встречи с ним.

— Секретность, — коротко ответил Алланон. — Он злобен, коварен и очень хитер, но пока у него нет причины думать, что вы покинули Арборлон. Если он поверит, что вы все еще здесь, если они все поверят этому, то не будут искать вас в других местах. Может быть, нам удастся перехитрить их. — Он повернулся к Эвентину: — Очень скоро настанет час, когда Элькрис больше не сможет поддерживать стену Запрета. Демоны, заключенные внутри, сконцентрируют всю свою мощь и вырвутся на свободу. Мы не можем ждать. Нам надо определить то место, где они попытаются вырваться, и сделать все, что в наших силах, чтобы предотвратить это. Если у нас ничего не получится, мы будем сражаться, чтобы задержать их продвижение к Арборлону. А они будут рваться именно сюда, для того чтобы уничтожить Элькрис. Ведь они не выносят ее, не просто ненавидят, а именно не выносят физически. Они помнят, что она была их проклятием, пока была сильна. Мы должны дать Амбель время дойти до Источника Огненной крови и вернуться обратно. Мы не можем пустить демонов в Арборлон. Короче, — слово на мгновение повисло в тишине, — мы перехитрим демонов, будем вести себя так, будто вы еще не ушли. Демоны знают, что именно я привел Амбель сюда, они ожидают, что я буду с ней, когда она покинет город. Этим мы и воспользуемся. Отвлечем их внимание. Когда они поймут, что к чему, вы уже будете далеко.

«Если их шпион не более сообразительный, чем ты думаешь», — хотел было сказать Вил, но удержался.

Алланон откинулся назад.

— Вы выйдете на рассвете.

Вил уставился на него, не веря своим ушам.

— На рассвете? Сегодня?

Амбель вскочила на ноги.

— Это невозможно, друид! Мы оба устали! Мы не спали почти двое суток! Нам надо хорошо отдохнуть, уж конечно не несколько часов, прежде чем мы снова пустимся в путь!

Алланон поднял обе руки.

— Тише, эльфийка! Ты думаешь, я не понимаю? Но смотри сама: демоны знают, зачем ты пришла сюда, — взять семя Элькрис и отнести его к Источнику Огненной крови. Значит, они будут внимательно следить за выходами из города. Но сейчас они будут это делать не так тщательно, как через день или два. И знаешь почему? Они ждут, что сначала ты отдохнешь. Именно поэтому ты должна уйти немедленно. У тебя есть прекрасная возможность ускользнуть от них.

Теперь Вил понял: это было то преимущество, которое давала им ложь друида на Большом совете.

— Вы отдохнете после того, как уйдете из города, — пообещал Алланон. — Два дня пути — и вы на эльфийской заставе в Беличем лесу; там вы прекрасно выспитесь. А задерживаться в Арборлоне очень опасно. Чем быстрее вы уйдете отсюда, тем лучше для вас.

Вил никак не хотел примириться с этим, но слова Алланона звучали убедительно. Он быстро взглянул на Амбель. Несколько секунд она молча смотрела на него, разочарованная и сердитая, потом повернулась к Алланону:

— Прежде чем я уйду, я хочу увидеть маму.

Друид покачал головой.

— Это не слишком удачная идея, Амбель.

Она сжала губы.

— Похоже, ты думаешь, что за тобой всегда последнее слово, друид, что бы я ни собиралась сделать. Но это не так. Я хочу видеть маму.

— Демоны знают, кто ты. Наверняка они знают и твою маму. Они прежде всего пойдут к ней и будут ждать тебя именно там. Это опасно.

— Мне вообще опасно находиться в Арборлоне. Но я знаю, ты поможешь мне повидать маму. — Она опустила глаза. — Или ты действительно полагаешь, что я увижу ее, когда вернусь?

Повисла гнетущая тишина. Смуглое лицо Алланона мгновенно утратило всякое выражение, как будто он боялся выказать что-то, что должно было оставаться сокрытым. Вил заметил эту перемену, и она его озадачила.

— Как хочешь,— согласился друид. Он поднялся.— Теперь вам надо поспать, хотя бы немного. Мы должны разойтись.

Эвентин поднялся вместе с ним и повернулся к внучке.

— Я хочу извиниться за Ариона, за его грубость на Совете,— произнес он с таким видом, будто собирался сказать что-то большее, но не мог. Король покачал головой: — Думаю, со временем он поймет, так же как я...

Он неуклюже повернулся, взял Амбель за плечи и поцеловал в обе щеки.

— Если бы я не был так стар...— начал он с чувством, но Амбель приложила палец к его губам, заставив его замолчать.

— Ты не настолько стар, чтобы не видеть, что здесь ты нужнее. Здесь, а не там, куда ты пошел бы со мной.— Она улыбнулась, но в глазах стояли слезы, когда она целовала деда.

Почти не осознавая, что он делает, Вил отошел от стола и направился к спящему Манксу. Старый пес услышал его шаги, один глаз вопросительно уставился на долинца. Вил нагнулся, чтобы погладить пса, но тот низко, едва слышно, угрожающе зарычал. Вил отпрянул.

«Какой недружелюбный»,— подумал про себя долинец.

Он повернулся и пошел назад к столу. Эльфийский король пожал ему руку и пожелал удачи. Потом вместе с Амбель Вил последовал за Алланоном обратно, через высокое окно, в ночь.

Глава 21

Алланон повел их к маленькому домику, где-то на лесистом склоне на северной окраине города. Ничто не выделяло его из многочисленных подобных ему строений, и Вил подумал, что, наверное, именно поэтому друид и выбрал его. Когда они вошли, дом был пуст, но было видно, что совсем недавно здесь жили. Алланон не стал объяснять, куда делись хозяева. Он вошел в дом, словно это его собственное жилище, свободно ориентируясь в темноте, зажег в гостиной несколько масляных ламп, плотно задернул шторы на окнах и быстро проверил осталь-

ные комнаты. Вил и Амбель ждали его в гостиной, у маленького столика с вышитыми салфетками, на котором стояли свежесрезанные цветы. Друид почти мгновенно вернулся, неся с собой хлеб, сыр, фрукты и кувшин с водой. Они молча поели.

После ужина Алланон отвел Амбель в маленькую комнатку в глубине дома. Единственное окно спальни было заперто на задвижку и закрыто тяжелыми шторами. Друид тщательно осмотрел замки, потом кивнул. Амбель без слов направилась к кровати. Она так устала, что не смогла даже раздеться, только скинула башмаки и устало повалилась на покрывало. Заснула она почти мгновенно. Алланон накрыл ее легким пледом и вышел из комнаты, беззвучно закрыв за собой дверь.

Оставленный в одиночестве, Вил вглядывался в темноту за окном, огни ночного города подмигивали ему, как светлячки в сумраке леса. Он тревожно оглянулся, услышав шаги друида.

— Нам надо поговорить, Алланон.

Похоже, маг ждал этого.

— Опять вопросы, Вил Омсфорд? Много?

— Не то чтобы очень.— Вил выглядел смущенным.

— Я вижу. Тогда почему бы нам не сесть?

Вил кивнул, и они уселись за маленький столик друг против друга. Казалось, долинец не знает, как ему приступить к разговору. Алланон спокойно смотрел на него и ждал.

— Что-то случилось со мной тогда, в Тирфинге, когда я пытался вызвать силу эльфийских камней, что-то, чего я не понимаю,— начал наконец Вил, стараясь не смотреть в глаза мага.— Я не хотел говорить об этом, боялся, ты подумаешь, будто я ищу отговорку, чтобы не ехать в Дикие дебри.

— Глупо,— спокойно ответил Алланон.— Расскажи мне, что произошло.

Долинец будто не слышал его.

— Но ведь мне надо охранять Амбель, поэтому все-таки я решил рассказать. Мое дело — защищать ее, а не носиться со своим самолюбием.

— Расскажи, что произошло,— повторил друид.

Вил поднял глаза.

— Я попытаюсь объяснить, если смогу. Я уже говорил, что, когда демон приблизился ко мне и я решил использовать силу

камней, что-то внутри меня сопротивлялось этому. Какой-то барьер встал между мной и эльфинитами. Я поднял камни перед собой и попытался проникнуть в глубь их, чтобы высвободить их силу, но ничего не получилось. В тот момент я был уверен, что ты ошибся и я не могу использовать эльфийские камни, как это делал мой дед. Я думал тогда, что умру. Но потом, буквально за мгновение до того, как демон обрушился бы на меня, барьер сломался, сила камней вырвалась наружу и уничтожила чудище. — Вил остановился перевести дыхание. — Я потом много размышлял над этим. Поначалу я решил, что просто не понимаю, как надо пользоваться эльфинитами, и моя неопытность или замешательство вызвали их сопротивление. Но теперь думаю иначе. Там было что-то другое. Оно было во мне и шло от меня.

Друид молча смотрел на Вила; некоторое время он теребил бороду и, казалось, был полностью поглощен этим занятием. Наконец он опустил руку.

— Вспомни, что я говорил тебе: магия эльфийских камней — это очень старая магия, она принадлежит к древней эпохе, когда сказочные народы управляли землей и само волшебство было вполне обычным, даже заурядным явлением. Тогда было много различных эльфинитов, и все они служили определенным целям. На это указывали цвета камней. Голубые, такие как у тебя, служили для поисков. Их хранитель мог найти то, что скрыто, и сделать это одним лишь усилием воли, например найти Источник Огненной крови. Но все эльфиниты обладали одним общим свойством: они защищали владельца от враждебной ему магической силы и различных вещей, созданных магией и волшебством. Степень этой защиты — то есть сила камней — полностью зависела от силы духа хранителя. Эльфинитов всегда было по три, и этому есть причина. Каждый камень связан с определенной областью: один — с телом, другой — с сердцем и третий — с разумом. Чтобы вызвать магию к жизни, все три камня надо использовать вместе — соединить три разные силы в одну.

У эльфийских камней есть еще одно свойство, Вил. Самое главное. Эльфийские камни — магия эльфов, они создавались эльфийскими мудрецами только для своего народа. Они передавались из рук в руки, из поколения в поколение, но всегда —

от эльфа к эльфу, потому что никто другой просто не смог бы ими воспользоваться.

На лице долинца появилось выражение недоверия.

— Ты хочешь сказать, что я не могу использовать эльфиниты, потому что я не эльф?! — воскликнул он.

Алланон покачал головой.

— Не все так просто. — Казалось, он с особой тщательностью подбирает слова. — Ведь частично ты эльф, Вил. Так же, как твой дед. Но он эльф наполовину, потому что был рожден от эльфа и человека. Конечно, ты отличаешься от него. Ни твоя мать, ни бабушка не были эльфами: они обе были из рода людей. Все, что есть в тебе от эльфа, ты унаследовал от своего дедка через отца.

— Я не понимаю, какая разница, — упорствовал Вил. — Почему дед не испытывал никаких трудностей в использовании камней, а я едва справился с ними? Ведь и во мне есть часть эльфийской крови?

— Не эльфийская кровь вызывает здесь трудность, — быстро ответил друид. — Все дело в твоей человеческой крови. Внешне ты очень похож на Ши, это безошибочно указывает на то, что ты имеешь отношение к эльфам. Но это малая часть целого; в основном же ты человек. От эльфа в тебе осталось совсем немного. — Он помедлил. — Скорее всего, именно это ты испытал там, в Тирфинге: то, что есть в тебе от человека — а это почти все, — не принимает магию эльфов.

— А мой дед? Он тоже испытывал это?

— Да, наверное, — согласился Алланон. — Но Ши — эльф наполовину, и эльфийская половина в данном случае пересилила и дала ему власть над камнями. Сопротивление, которое он испытал, было едва заметно. У тебя все по-другому. Твоя связь с силами эльфинитов более слабая.

Вил во все глаза уставился на друида:

— Алланон, ты знал это, когда пришел за мной в Сторлок. Не мог не знать. Но ты ничего не сказал мне. Ни одного слова. Ни единого.

Выражение лица друида не изменилось.

— А что я должен был сказать, долинца? Я не мог определить степень твоего сопротивления магии эльфов. Я верил, что ты достаточно силен, чтобы преодолеть любое сопротивление

у себя внутри. Я и теперь верю в это. А расскажи я тебе о возможных трудностях, это вызвало бы у тебя сомнения. Сомнения, которые могли бы закончиться твоей смертью в Тирфинге.

Долинец, ошеломленный, молча поднялся. Он отошел от стола, потом снова вернулся.

— И это может случиться опять? — спокойно произнес он. — Да? Каждый раз, когда мне придется использовать эльфиниты?

Друид кивнул. Вил молча изучал непроницаемое лицо мага, смысл этого признания проносился в сознании, как сухие листья, гонимые ветром.

— Каждый раз, — повторил он. — И может настать момент, когда сопротивление во мне окажется слишком большим. Может настать момент, когда я позову их силу, а они не ответят.

Алланон долго молчал.

— Да, такое возможно.

Вил снова сел, теперь недоверие на его лице сменилось страхом.

— Как же ты поручил мне защищать Амбель, зная об этом?

Руки друида опустились на стол, как молот.

— Потому что нет никого другого! — Черные глаза пылали гневом, но голос оставался спокойным. — Я уже говорил раньше, что тебе надо начать верить в себя. Я повторяю тебе это еще раз. Мы не всегда подготовлены к тому, чтобы достойно встретить трудности, которые жизнь ставит на нашем пути. Это именно тот случай. Мне бы очень хотелось обладать такой силой, чтобы твоя помощь вообще не потребовалась. Мне бы очень хотелось дать тебе что-то большее, чтобы ты мог защитить и себя, и эльфийку. Я привел тебя в Арборлон, потому что я знаю: мне одному не спасти эльфов от грозящей им страшной опасности. Даже вдвоем нам не справиться с этим, Вил Омсфорд. Но мы должны сделать все, что в наших силах. Друидов больше нет, древняя магия эльфов утеряна. Есть только я и ты. Есть только те камни, которые у тебя, и только та магия, которой владею я. Ты понял меня, долинец?

Вил уверенно выдержал взгляд мага.

— За себя я не боюсь, я боюсь за Амбель. Вдруг у меня ничего не получится?

— Должно получиться. — Голос друида был суров и настойчив. — Должно. Ты — это все, что у нее есть.

Вил выпрямился.

— Но ведь может так случиться, что я не справлюсь.

— Не справишься? — не без сарказма переспросил Алланон, потом покачал головой.— Когда-то, не так уж много лет назад, твой дед думал точно так же. Он не мог понять, почему я уверен, что он сможет уничтожить существо столь могущественное и устрашающее — самого Повелителя чародеев. В конце концов, он был всего лишь маленьким долинцем, совершенно ничтожным по сравнению со своим врагом.

Они долго молчали, глядя друг на друга, отсветы огня плясали на лицах. Затем Алланон медленно поднялся.

— Поверь в себя. Один раз ты уже использовал эльфиниты, испытал и преодолел сопротивление и в конце концов вызвал их магическую силу. Ты сделаешь это опять. Ты можешь это, и, повторяю, ты это сделаешь. Ты из рода Шаннара; ты унаследовал силу и мужество эльфов, и это больше, чем сомнения и страх, угнетающие тебя.— Он вышел вперед.— Дай мне руку.

Долинец повиновался. Алланон крепко сжал ее.

— Вот моя рука, и вот мое пророчество. Вот моя клятва тебе. Ты доберешься до цели, твои поиски увенчаются успехом, Вил Омсфорд. Ты найдешь Источник Огненной крови и приведешь обратно, сюда, последнюю из избранников, целую и невредимую. Ту, которая возродит Элькрис.— Голос друида был низок, в нем слышались повелительные ноты.— Я в это верю, и ты тоже должен поверить.

Тяжелый взгляд как будто пронзил Ви́ла, и тот почувствовал себя беззащитным. Но он не отвел глаза. Он сказал почти шепотом:

— Я постараюсь.

Друид кивнул. Он был достаточно мудр, чтобы довольствоваться таким ответом.

После того как те трое ушли, Эвентин Элесседил еще долго оставался в своем кабинете. Он сидел в тишине, в круге тусклого света единственной свечи,— комок смятого плаща и тени. Глубоко вжавшись в свое старое, потертое кожаное кресло, король эльфов невидящими глазами смотрел на знакомые книги и узорчатые гобелены на стене напротив. Он думал о том, что уже было, и о том, что еще будет.

Прошла полночь.

Наконец король с трудом привел в порядок свои рассеянные мысли, поднялся, устало задул свечу и вышел в коридор. Этой ночью больше ничего не произойдет, на сегодня он закончил свои дела. На рассвете Амбель отправится в Дикие дебри. Больше он не должен думать о ней, он должен думать о своем народе.

Старый король шел по темному коридору, желая лишь одного — временного покоя, который даст ему сон.

Все это время Маска не сводил с него глаз.

Посреди глубокой тьмы леса, к югу от Арборлона, на камне сидел Дагдамор. В безжалостных красных глазах отразилось чувство приятного возбуждения. Демон был явно доволен.

«На этот раз не может быть никакой ошибки», — думал он.

Теперь он лично проверит, чтобы все они были уничтожены.

Он поднялся и, сторбившись, неуклюже двинулся вперед. В первую очередь он позаботится об эльфийке.

Когтистая рука поднялась, и из сумрака выступил Жнец.

Глава 22

Рассвет прорвался сквозь свинцово-серый туман над Арборлоном, но светлее не стало — все небо было затянуто тяжелыми грозowymi тучами. Когда Вил и Амбель позавтракали и собрались, начался дождь; разрозненные капли быстро превратились в ливень, барабнящий по крышам и окнам домов. Где-то вдалеке грохотал гром — долгие грозвые раскаты сотрясли лесной край.

— Да, сейчас вас нелегко будет найти, — удовлетворенно заметил Алланон и вывел их в бурю.

Закутавшись в дорожные плащи с капюшонами, они последовали за друидом сквозь пелену дождя, обогнули город с запада, вдоль отвесного обрыва Каролана. Едва разбирая дорогу в рассветной мгле, долинец и эльфийка старались не отставать от Алланона. Нечеткие силуэты домов, садов и деревьев, как миражи, проявлялись сквозь сумрак бури и снова растворялись в ней, смытые дождем. Резкий, холодный ветер дул прямо в

лицо, и приходилось идти, низко пригнув головы. Сапоги вязли в размокшей грязи; вода, казалось, прибывала прямо на глазах; лесная тропа становилась похожей на мутный ручей.

Почти уже выйдя из города, Алланон свернул с дорожки и направился к одинокой заброшенной конюшне на склоне холма. Покосившиеся двери были слегка приоткрыты, все трое молча проскользнули внутрь. Мутный серый свет проникал сквозь трещины в ставнях и через проломы стен. Пустые стойла и лестница на чердак были едва различимы в сумраке. В воздухе стоял тяжелый, едкий запах. Они с минуту помедлили у входа, стряхивая воду с плащей, затем направились к единственной двери в глубине конюшни. Из сумрака беззвучно вышли два Эльфийских охотника в полном вооружении и встали рядом с ними. Алланон не обратил на них никакого внимания, он шел прямо к двери. Тихо постучавшись, он положил руку на железную ручку и оглянулся на Амбель:

— У тебя есть пять минут, не больше.

Он открыл дверь. Вил и Амбель заглянули внутрь. В маленькой комнате стоял Криспин и с ним эльфийская женщина, закутанная в плащ с капюшоном. Она опустила капюшон на плечи, и Вил увидел ее лицо — почти зеркальное отражение лица Амбель, только постарше. Алланон выполнил свое обещание: это была мать Амбель. Та уже подошла к женщине, обняла ее и поцеловала. Криспин вышел, оставив их вдвоем, и мягко прикрыл за собой дверь.

— Вас никто не видел, — не вопросительно, а как бы утвердительно произнес Алланон.

Капитан личной гвардии кивнул головой. Он был одет в форму Эльфийских охотников, коричневую с зеленым, — свободная и удобная, она позволяла эльфийским воинам сливаться с окружающим лесом, становясь почти невидимыми. Под плащом на поясе угадывалась пара длинных боевых кинжалов в ножнах. На перевязи за спиной Криспин носил лук и короткий меч. Мокрые от дождя волосы придавали капитану почти мальчишеский вид, и только суровый, настороженный взгляд говорил о том, что он давно уже не мальчик. Он быстро кивнул Вилу, отошел к охотникам и что-то тихо сказал им. Один тут же молча вышел и скрылся в дожде, остальные поднялись на чердак. Они двигались мягко, бесшумно, как кошки.

Шли минуты. Вил молча стоял позади Алланона, прислушиваясь к стуку дождя по крыше; сырость, казалось, пропитала его насквозь. Наконец друид снова подошел к маленькой двери и тихо, но настойчиво постучал. Почти мгновенно дверь открылась, и появилась Амбель вместе с матерью. Обе женщины плакали. Алланон взял руку эльфийки и задержал ее в своей.

— Пора идти. Криспин будет с вами, он позаботится о тебе. Твоя мама останется здесь, со мной, пока вы не уйдете из города. — Он помедлил. — Верь в себя, Амбель. Будь мужественной.

Девушка молча кивнула. Потом повернулась к матери и крепко обняла ее. Друид отвел Вила в сторону.

— Удачи тебе, Вил Омсфорд. — Голос Алланона был едва слышен. — Помни, что больше всего я рассчитываю на тебя.

Он пожал руку Вила и быстро отошел. Вил смотрел на него не отрываясь, потом почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, и повернулся. Это был Криспин.

— Держись поближе, — сказал тот и направился к выходу.

Вил и Амбель молча двинулись за ним. В дверях они остановились; Криспин резко, коротко свистнул. Эльфийские охотники немедленно явились на зов. Выйдя под дождь, Вил и Амбель зябко закутались в плащи. Они спустились с холма, прошли около пятидесяти футов по той же дороге, по которой пришли сюда, потом свернули на новую, что вела по Каролану на восток. Сзади к ним присоединились еще трое Эльфийских охотников, выскользнув из сумрака как тени. Вил один раз оглянулся на заброшенную конюшню, но она уже скрылась в дожде и тумане.

Теперь дорога резко сузилась, лес подступил к ней вплотную с обеих сторон. Они шли по тропинке, пробираясь меж мокрых стволов и отяжелевших, нависших ветвей. Постепенно начался спуск. Тропинка привела к длинной, с беспорядочно раскиданными площадками лестнице, которая уходила вниз по Каролану сквозь сплетение леса. Далеко внизу, едва различимая сквозь тонкие ключья тумана, мутно поблескивала серая лента Поющего родника. На востоке лес перемежался лугами; сверху это смотрелось как огромное лоскутное одеяло, покрывавшее землю до самого горизонта.

Криспин молча указал вперед. Это был долгий и трудный путь: узкие ступени стали скользкими от воды. Маленький от-

ряд неуверенно спускался. Обтрепанная и грубая веревка, протянутая на невысоких столбах вдоль ступеней, заменяла перила. Вил и Амбель шли, не выпуская ее из рук. Через сотни и сотни ступенек лестница наконец кончилась; теперь они снова оказались на ровной тропинке, уходящей в сосновый бор. Впереди слышалось медленное течение реки, набухшей от дождя и какой-то вялой; шум воды сливался с протяжным воем ветра наверху.

Когда деревья расступились, отряд оказался у небольшой заводи. Здесь, у полусгнившего причала, стояла на якоре небольшая ладья, заставленная завернутыми в плотную парусину ящиками.

Криспин остановился и объявил привал. Эльфийские охотники, как лесные духи, слились с деревьями на берегу. Криспин огляделся и пронзительно свистнул. С борта ладьи немедленно прозвучал ответ, потом еще один откуда-то сверху. Дав знак Вилу и Амбелю следовать за ним, капитан личной гвардии выступил из-под лесного свода. Низко пригнувшись от ветра, дувшего прямо в лицо, они быстро пересекли причал и ступили на лодку. Эльфийский охотник появился из-за парусиновой занавеса, открывая проход в некое подобие комнаты, сооруженной из ящиков и накрытой сверху все той же парусиной. Криспин провел долинка и эльфийку внутрь. Парусиновая занавеска тихо опустилась за ними.

Внутри было довольно уютно, а главное — сухо. Поначалу их смутила темнота — они неуверенно остановились у входа, чувствуя под ногами качание лодки. Постепенно глаза привыкли к полумраку. Да, действительно ящики образовывали маленькую комнатку, у дальней стены лежали одеяла и мешки с провизией, в ближайшем от входа углу — оружие в кожаных чехлах. Вил и Амбель сняли плащи и разложили их на ящиках сохнуть, а сами уселись ждать дальнейшего развития событий.

Через несколько минут они почувствовали, как ладья отчалила и медленно поплыла вниз по течению. Путь в Дикие дебри начался.

Криспин запретил им выходить наружу, поэтому Вил и Амбель безвылазно просидели в комнате два дня — этот и весь следующий. Дождь не прекращался ни на минуту, то хлестал, то моросил, земля и небо оставались такими же сумрачными и

серыми. Время от времени Вил и Амбель выглядывали из-за парусиновой занавески, им было любопытно посмотреть на берега, мимо которых они проплывают: залитый дождем край, большей частью леса и поросшие травой холмы, хотя однажды — долго, несколько часов — по берегам реки тянулись унылые отвесные скалы. Они медленно продвигались на юг, вниз по течению Поющего родника. Матово-серый туман покрывал все вокруг, создавая впечатление зыбкого, неуловимого сна. Мутные воды разбухшей от дождя реки глухо бились о борта ладьи.

Спать было почти невозможно. Они старались заснуть, погружались в тяжелый, отрывочный сон, после которого оставались такими же разбитыми и усталыми. Мышцы болели и ныли, а качание ладьи отбивало всякий аппетит. Все эти два дня они почти ничего не ели.

Часы тянулись бесконечно. Вил и Амбель проводили время вдвоем, за исключением редких случаев, когда Криспин или кто-то другой из Эльфийских охотников заходили внутрь погреться. Оставалось только догадываться, когда воины ели или спали. Все время хотя бы один из них дежурил у входа снаружи. Постепенно Вил и Амбель узнали, как зовут каждого: с кем-то они познакомились сами, имена остальных услышали из разговоров воинов между собой. Они уже знали в лицо Дильфа, маленького смуглого эльфа с дружелюбным взглядом и крепким рукопожатием, и Катсина, высокого, очень худого, молчаливого охотника. Кайян, Рин, Кормак и Пэд оставались бесплотными голосами, хотя Вил и Амбель уже начали узнавать на слух по коротким глухим ругательствам Кайяна, который, видимо, находился в постоянном раздражении, и Пэда по бодрому, веселому насвистыванию. Чаще всего они видели Криспина: капитан регулярно навещал их, спрашивал, не нужно ли чего, и сообщал о продвижении ладьи. Но и он никогда не оставался больше чем на несколько минут, всегда вежливо, но твердо извинялся и уходил к своему отряду.

Только разговоры друг с другом кое-как скрашивали скуку и одиночество путешествия. И он и она чувствовали необходимость этих бесед, но поначалу разговоры были какие-то неловкие и робкие, оба они все еще относились друг к другу настороженно. Вил так и не понял, почему вдруг Амбель потяну-

лась к нему; они путешествовали вместе уже не первый день, но до сих пор эльфийка всегда держалась отчужденно, погруженная в себя, и мало обращала на него внимания. Теперь же, похоже, ее отношение изменилось. Раньше Амбель всегда очень неохотно вступала в разговоры. Теперь она упорно стремилась к общению с Вилом — своими вопросами она заставила долинца рассказать о годах его детства в Тенистом Доле, о его родителях, о дедушке Ши и Флике. Она живо интересовалась его жизнью у сторов и тем, что он собирается делать, когда вернется в Южные земли, уже став целителем. Вил видел: интерес этот был искренним. Они говорили не только о нем, но и о ней. О ее детстве во дворце Эвентина, о ее семье. Амбель много рассказала Вилу о жизни эльфов, об их отношении к земле, которая кормит и дает приют, об их убеждении, что надо отдать ей что-то от себя, что-то от своей жизни в благодарность за жизнь, которую дает им земля. Она поделилась с Вилом своими мыслями о том, как народы должны заботиться друг о друге и о самой земле, чтобы все были счастливы или по крайней мере довольны. Постепенно между ними возникли понимание и симпатия. Вил и Амбель обнаружили, к некоторому даже удивлению, что у них очень много общего, что их убеждения и взгляды во многом совпадают, что они любят и не принимают порой одно и то же.

Не торопясь, осторожно долинец и эльфийка открывались друг другу. Сейчас они нарочно избегали говорить о путешествии, об опасности, грозящей эльфам, об их собственном долге и о волшебном дереве Элькрис. Позже для этого будет достаточно времени; сейчас лучше поговорить о другом. Согласие приходило не только с высказанными словами, но и с жестами, взглядами, даже с молчанием. Они быстро научились понимать друг друга. Вил и Амбель много и искренне говорили о прошлом и будущем, но о настоящем не сказали ни слова.

Разговоры поддерживали и утешали их, заглушая тревогу. Снаружи лил дождь, серый сумрак окутывал землю, волны Поющего родника сердито бились о борта ладьи. Сидя безвылазно в темной каюте, прислушиваясь к вою ветра и шуму воды, без сна и аппетита, путешественники наверняка поддались бы сомнениям, а вслед за тем и отчаянию, если бы не эти беседы. Но самое главное, они сблизили Вила и Амбель, помог-

ли узнать и понять друг друга. Теперь у них появилось чувство уверенности, которое наконец заглушило ощущение, что весь мир рушится. А это дало им надежду. Теперь, что бы ни случилось завтра, они встретят это вместе. Им больше не надо бороться в одиночку.

К вечеру второго дня пути они добрались до Беличьего леса. Ливень опять обратился в тягучую морось, с приближением ночи резко похолодало. Серый сумрак окутывал лес. Новая вереница угрожающе-черных туч надвигалась с запада.

Беличий лес раскинулся густым сплетением деревьев по невысоким холмам на левом берегу Поющего родника и уходил на восток, к отвесной горной гряде. Вязы и ели, черные дубы и орешник стеной возвышались над зарослями кустарника, в лесу пахло гнилью. Уже в дюжине ярдов от берега не было ничего, кроме тьмы, глубокой и непроницаемой. Ровный стук дождя о листья деревьев был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Эльфийские охотники направили ладью в мелкую заводь, к деревянному причалу; вода с шумом накатывала на него, омывая доски. На берегу, прямо на краю леса, стояла покосившаяся хижина, дверь и окна были плотно закрыты. Эльфы привязали ладью у причала и сошли на берег.

Криспин вывел Вила и Амбель из каюты, еще раз напомнил, чтобы они поплотнее завернулись в плащи и не снимали капюшонов. Выйдя на причал, они с удовольствием потянулись, разминая затекшие без движения тела. Поющий родник обдал их фонтаном брызг, и они поспешили на берег.

Дильф направился к хижине, открыл дверь и быстро заглянул внутрь. Потом он подал какой-то знак Криспину, тот нахмурился и настороженно огляделся.

— Что-то не так? — спросил Вил.

Криспин смотрел по сторонам.

— Обычная предосторожность. Главный пост — в полумиле от берега, в лесу, на вершине холма. Оттуда видно далеко. Я думаю, что охотники на посту заметили наш приход. Конечно, непогода могла помешать.

— А это что за хижина? — опять поинтересовался Вил.

— Один из сторожевых постов, в лесу их несколько. Обычно здесь кто-то есть. — Криспин пожал плечами. — Но в такую

ужасную погоду командир поста имеет право снять всех до одного. Наверное, ему не сказали, что мы приедем, поэтому он нас и не ждет. — Он оглянулся на лес. — Извини, я сейчас.

Криспин жестом позвал остальных охотников к себе. Эльфы собрались в кружок и стали о чем-то тихо шептаться.

Амбель подошла поближе к Вилу.

— И ты поверил ему? — прошептала она.

— Нет, конечно.

— И я. Кажется, что-то здесь не так.

Долинец не успел ответить, воины уже закончили совещаться. Катсин вернулся к причалу и встал поблизости от ладьи. Кормак и Пэд заняли позицию у края леса. Теперь Криспин что-то быстро говорил Дильфу, и Вил подошел поближе, чтобы послушать.

— Бери Рина и Кайяна — и на разведку на главный пост. — Капитан через плечо взглянул на Вила. — Если там все в порядке, возвращайтесь за нами.

Вил мгновенно принял решение и выступил вперед.

— Я иду с ними.

Криспин нахмурился.

— Это совершенно ни к чему.

Но Вил стоял на своем.

— И все-таки я иду. Думаю, что смогу быть полезным. Защища Амбель — это моя обязанность, так же как и ваша; поэтому Алланон и послал меня с ней. Это самое главное, Криспин, вот почему мне следует пойти вперед вместе с Дильфом.

Криспин обдумал его слова, потом кивнул.

— Но делай только то, что скажет Дильф.

Вил повернулся к Амбель:

— С тобой будет все в порядке?

Она молча кивнула. И так же молча смотрела им вслед, пока они не вошли в темноту деревьев и не скрылись из виду.

Как бесплотные духи леса, все четверо беззвучно скользили сквозь сырую стену деревьев. Вокруг клубился туман, мягко падал дождь. Лес круто поднимался на холм, ряды темных стволов, заросли и кусты сливались в единую плотную массу. Время шло, тревога Вила росла с каждой минутой.

Потом вдруг Кайян и Рин соскользнули с тропинки в лес, по обе стороны, и скрылись за деревьями. Вил остался с Диль-

фом. Лес поредел внезапно, и Дильф припал к земле, знаком приказывая Вилу сделать то же. Эльф указал наверх, куда-то в деревья.

— Здесь,— прошептал он.

Высоко от земли, в переплетении ветвей двух гигантских дубов, расположился эльфийский пост. Дождь и туман почти скрывали сооружение на широкой деревянной платформе наверху. Не было ни единого огонька, ни пламени факела, ни лампы. Ни движения. Ни звука. Казалось, пост давно заброшен.

Но этого не могло быть.

Дильф слегка подался вперед, напряженно всматриваясь во мрак слева от себя. Наконец он заметил Рина. Потом, справа, обнаружил Кайяна. Оба стояли на коленях прямо на размокшей земле в тридцати ярдах от тропинки и наблюдали за притихшим постом. Дильф тихонечко свистнул, привлекая их внимание. Он махнул Кайяну, чтобы тот подошел поближе к посту, Рина же послал осмотреть внешнюю границу расчищенного участка леса.

Вил наблюдал, как Кайян приблизился к дубам, поддерживающим эльфийский пост, нашел потайные ступени в одном из стволов и начал осторожно подниматься наверх. Потом Дильф велел Вилу следовать за ним, они прошли вперед и остановились как раз на краю расчищенной от деревьев площадки, ожидая какого-либо знака от одного из охотников. Лес был мокрый и мрачный, и ничего невозможно было разглядеть сквозь заросли кустарника.

Вил не сводил взгляда с поста. Кайян уже почти добрался до нижнего строения — маленького домика для командира, расположенного прямо под главным жилым помещением. Рина не было видно совсем; Вил огляделся, ища глазами эльфа, произвольно сделал шаг вперед, споткнулся и упал лицом на изуродованное безжизненное тело Эльфийского охотника. Вил в ужасе вскочил на ноги, стараясь разглядеть что-нибудь сквозь окружающий мрак. Слева от себя он обнаружил еще два раздавленных тела с выкрученными конечностями.

— Дильф! — прошептал он.

Эльф быстро подошел. Помедлив лишь мгновение, чтобы охватить взглядом ужасную сцену, он торопливо направился

к краю поляны и резко свистнул. Тут же из леса появился Рин, на лице его застыл испуг. Кайян перетнулся через перила. Дильф неистово замахал руками, приказывая им вернуться.

И вдруг Кайян пропал. Это произошло так внезапно, что изумленному Вилу показалось, что эльф просто испарился. Но нет, похоже, что-то темное как бы стерло, вырвало его из пространства. И только потом раздался крик Кайяна, придушенный и короткий. Его тело вылетело из-за деревьев, как оторванная бурей ветка, и тяжело ударилось о землю.

— Бежим! — крикнул Дильф Вилу и бросился под деревья.

На одно-единственное ужасное мгновение долинец буквально оцепенел. Без сомнения, эльфы с поста в Беличем лесу мертвы. Все мысли покинули Вила, кроме одной, — если он сейчас же, сию секунду, не доберется до Амбель, она тоже умрет.

Потом он бежал, как затравленный олень, сквозь чащу леса не разбирая дороги, едва успевая увертываться от тяжелых нависающих веток, колючих кустов и сухостоя, уже отчаявшись добраться до ладьи и до ничего не подозревающей Амбель, которую он должен спасти во что бы то ни стало. Где-то справа от себя он слышал, как бежит, задыхаясь, Дильф, а чуть позади — Рин. Вил чувствовал всем своим существом: нечто преследует их. Он не видел его, не слышал, только чувствовал — ужасное, черное, безжалостное. Дождь хлестал по лицу, застилал глаза; Вил не видел, куда бежит, и только чудом миновал поваленные стволы и уклонялся от длинных колючек. Один раз он упал, но тут же вскочил. Он стремился лишь к одному: как можно больше увеличить расстояние между собой и этим невидимым преследователем. Вил тяжело дышал, от напряжения болела грудь, болели ноги. За всю свою жизнь он лишь несколько раз испытывал настоящий страх, и сейчас это был именно он, страх. Вил боялся.

Резкий крик Рина вспорол тишину. Ужасная тварь настигла его. Вил скрежетал зубами от бессильной ярости. Но может быть, эльфы на ладье услышат крик и поймут, что это значит? Может быть, они немедленно снимутся с якоря и тогда, даже если погибнет он, Амбель будет спасена.

Промокшие ветви тянулись к нему, как когтистые лапы. Вил оглянулся на Дильфа, но того не было видно. Он бежал один.

Темень быстро сгущалась над Беличьим лесом, погружая серый день в ночь. Морось, что изнуряюще тянулась весь день, вдруг, без всякого перехода, обратилась в тяжелый ливень; резкими порывами дул ветер, черные грозовые тучи вновь обложили небо. Где-то вдали гремел гром, глухой и зловещий. На берегу Поющего родника эльфы кутались в промокшие от дождя плащи.

Где-то в глубине леса раздался крик, пронзительный и короткий, заглушенный порывом ветра. Мгновение все оставались без движения, сосредоточив взгляды на темной стене деревьев. Криспин приказал Амбель укрыться на ладье, затем подозвал к себе Кормака и Пэда. С мечами наголо трое охотников вернулись к краю причала, не сводя пристального взгляда с мглистого леса. Катсин освободил канат — ладья была готова отплыть в любую секунду.

Амбель сжалась в темноте каюты, вслушиваясь в звуки ветра и дождя снаружи. Потом она резко поднялась, откинула парусиновую занавеску и вышла. Может быть, это опасно, но она должна узнать, что происходит. Пробравшись через гору яшиков, она вышла на причал. Катсин держал канат, готовый по первому же приказу отпустить его. Он хмуро взглянул на Амбель, но она не обратила на него никакого внимания. На берегу, у самой воды, лицом к лесу стояли Эльфийские охотники, клинки тускло сверкали сквозь пелену дождя.

Темная взъерошенная фигура вылетела из леса, примерно в двадцати ярдах вниз по реке, споткнулась и бросилась к причалу. Снова упала почти у их ног, теперь эльфы увидели, что это Дильф.

— Уходим! — прокричал он задыхаясь. — Быстро, прочь отсюда!

Он сделал еще шаг вперед, но у него опять подкосились ноги, и он упал.

Криспин ни секунды не медлил. Он коротко приказал Пэду и Кормаку возвращаться на ладью, а сам бросился к упавшему Дильфу. Не задумываясь, капитан поднял товарища на руки и понес.

Амбель напряженно всматривалась сквозь дождь и туман. Где же Вил Омсфорд?

— Отдать концы! — скомандовал Криспин.

Катсин немедленно выполнил приказ, затем торопливо толкнул Амбель на борт, где уже ждали Кормак и Пэд. В ту же секунду Криспин втащил на борт Дильфа, и ладья начала медленно отчаливать.

В этот миг появился Вил, он продирался сквозь чашу к причалу. Завидев его, Амбель собралась было крикнуть, но вдруг похолодела, не в состоянии вымолвить ни слова. Позади Вила в сумраке деревьев возникло что-то огромное и темное. Оно преследовало долинца.

— Берегись! — закричала она.

Подстегнутый ее криком, Вил одним прыжком достиг причала, пронесся по скользким доскам и перескочил на отходящее судно, едва не свалившись в воду. Он бы непременно упал, но Эльфийские охотники бросились вперед, подхватили его и втащили на борт. Ладья выплыла из заводи в главное русло Поющего родника и стала быстро набирать скорость.

Вил споткнулся о ящик и в изнеможении упал на палубу. Амбель сняла свой плащ и заботливо укрыла долинца. Рядом с ним Криспин нагнулся над Дильфом. Ветер и шум реки уносили и без того беспорядочные слова эльфа.

— Мертвые, все мертвые... раздавленные, изломанные, как прутья... как патруль в Арборлоне... Избра... Избранники... — Дильф задохнулся. — Кайян тоже... и Рин, оба мертвы... Демон настиг их... он нас ждал...

Амбель не слышала остального. Она смотрела в глаза Вилу. Оба догадались, сомнений быть не могло.

Он ждал их. Демон.

Алланон дал ему имя. Он назвал его — Жнец.

Глава 23

Криспин снова пристал к берегу уже в полночь. Ниже Беличьего леса Поющий родник круто поворачивал на запад на своем извилистом пути к Иннисбору. Эльфы завели ладью в узкий проток, густо заросший лесом, к югу от основного русла. Им пришлось высадиться здесь, у северного края Заплетенной пуши, за много миль от того места, где они собирались сойти на берег. Ливень снова перешел в морось, что тонким туманом висела в студеном воздухе. Тяжелые тучи затянули ночное не-

бо, скрывая луну и звезды; было так темно, что даже острые глаза эльфов не различали ничего дальше чем за дюжину шагов. Ветер стих, глубокая мгла окутала землю.

Эльфийские охотники оставили ладью на песчаной отмели у входа в проток, поближе к реке. Двигаясь тихо и осторожно, они обследовали окрестности на несколько сот ярдов по всем направлениям и доложили Криспину, что здесь им ничто не угрожает. Капитан решил, что не имеет смысла двигаться куда-либо раньше утра. Вилу и Амбель было строго наказано оставаться на борту. Завернувшись в теплые одеяла, чтобы согреться, они мгновенно заснули, успокоенные отсутствием качки. Эльфы посменно несли караул у ладьи. Криспин встал у входа в каюту и всю ночь не смыкал глаз.

На рассвете они собрались, упаковали провизию, сколько могли унести с собой, отвязали ладью и отпустили ее. Она быстро скрылась из виду, подхваченная течением. А маленький отряд не мешкая двинулся в Заплетенную пущу.

Это была низина, поросшая кустарником, густыми зарослями ежевики и колючек и изрытая озерами — ямами с застоявшейся водой. Она разделяла безбрежные леса Западных земель от берегов Поющего родника до Скалистого отрога — пустынное пространство, куда не отваживались забираться даже самые смелые путешественники. Тот же, кто все-таки рискнул бы пройти здесь, мог безнадежно затеряться в сплетении зарослей и топях болот, окутанных мглой и туманом. Но и это было не самое страшное: они подвергались опасности наткнуться на омерзительных обитателей пущи — тварей диких, злобных и неразборчивых в выборе жертвы.

— Мы бы ни за что не пошли здесь, если бы у нас была другая возможность, — сказал Криспин Вилу. — Если бы все шло так, как было задумано, мы бы взяли лошадей на южном посту, оттуда поехали бы вдоль западной окраины пущи до Мермидона, потом на запад, к Скалистому отрогу. Но то, что случилось в Беличьем лесу, нарушило все наши планы. К тому же у низины есть одно большое достоинство: она скроет наши следы.

Вил с сомнением покачал головой.

— Не думаю, что эта тварь, Жнец, уступит так просто.

— Конечно, он будет охотиться за нами, — согласился Криспин. — Но теперь он уже не застанет нас врасплох. Он ждал нас

там, в Беличьем лесу, он был уверен, что мы придем. Я понятия не имею, как он узнал об этом, но факт остается фактом. — Он испытующе посмотрел на долинца, но тот ничего не сказал. — Во всяком случае, он не догадывается, где мы сейчас. Ему еще надо выследить нас, а здесь, в пуше, это не так-то просто. Сначала ему надо определить то место, где мы сошли на берег, и это может занять у него несколько дней. Затем ему придется идти за нами по Заплетенной пуше. Но пуща заглатывает все без следа, эти болота скрывают любую отметину за десять секунд. И еще у нас есть Катсин; он родился в этом краю и исходил пушу из конца в конец. А демон, каким бы он ни был сильным и могущественным, находится все-таки в незнакомых землях. Он может охотиться здесь, полагаясь лишь на чутье. Все это дает нам определенные преимущества.

Но это не убедило Вила Омсфорда. Алланон тоже думал, что демоны не узнают о том, что он едет в Паранор, но они узнали. Сам Вил думал, что демоны потеряли след, когда король Серебристой реки перенес их к дальнему берегу Радужного озера. Но они нашли их снова. И очень быстро. Почему на этот раз должно быть иначе? Демоны — существа другой эпохи, и сила их — сила другой эпохи; Алланон говорил об этом. Он говорил, что их предводитель — могучий чародей. Неужели им так трудно выследить горстку Эльфийских охотников, хрупкую девушку и долинца?

Однако Вил знал: ничего не поделаешь. Если Жнец выследит их в пуше, значит, он выследит их везде. Но в пуше это действительно будет сложнее. Криспин принял правильное решение. К тому же Эльфийские охотники искусны во всем, что касается слежки и маскировки; возможно, этого будет достаточно, чтобы благополучно миновать Заплетенную пушу?

Гораздо больше Вила тревожило другое, после столкновения со Жнецом в Беличьем лесу он не мог думать ни о чем ином: демон знал, что они придут на эльфийский пост. Знал, потому и поджидал их там. В этом Криспин был прав. И у него был единственный способ узнать об этом — от шпиона, прячущегося среди эльфов, шпиона, которого Алланон столь тщательно пытался перехитрить. Но если демонам было известно о том, что они собирались идти на южный пост в Беличьем лесу, то что они вообще знают об их путешествии? Наверное, вдруг понял Вил, они знают все.

От этой мысли у него мороз прошел по коже. И чем больше он размышлял, тем все вероятнее казалась ему такая возможность. Алланон был уверен, что среди эльфов есть шпион. Каким-то образом, совершенно непонятным, шпиону удалось подслушать их разговор в кабинете Эвентина. Вил действительно не мог представить, как такое могло случиться, но он был уверен, что это так. В разговоре упоминался и Беличий лес; это объясняет появление там Жнеца. Но ведь упоминались и Дикие дебри. А это значит, что демоны знают, куда они направляются после Беличьего леса; то есть, скорее всего, когда отряд войдет в Дикие дебри, демоны уже будут ждать их там.

Подобные мысли преследовали Вила Омсфорда весь день, пока их небольшой отряд пробирался сквозь болотистые заросли пуши. Колючки и острая трава царапали руки и лица, мокрая одежда не защищала от холода, липкая грязь и вонючая жижа просачивались в сапоги и буквально душили своим зловонием. Они шли друг за другом, почти не разговаривая, и настороженно оглядывались по сторонам, всматриваясь в дождь и клубы тумана. Пространство вокруг было неизменно серым. К закату они совершенно выбились из сил. Криспин выбрал место для привала в редких зарослях кустарника у подножия низкого холма. Зажигать огонь было слишком опасно — им пришлось удовольствоваться холодной пищей и сырыми пледками.

Эльфийские охотники быстро закончили свой нехитрый ужин и приготовились нести караул. Вил еще жевал вяленое мясо, запивая его водой, когда Амбель подошла и села рядом, глядя на него из-под пледа, который она набросила на плечи. Сбившиеся локоны падали ей на глаза.

— Ты как, держишься? — спросил он нарочито бодрым голосом.

— Да, я стараюсь. — Она выглядела как потерявшийся ребенок. — Нам надо поговорить.

— Я слушаю.

— Я весь день думала...

Вил молча кивнул.

— Жнец ждал нас в Беличьем лесу, — продолжала она ровным, спокойным голосом. Потом помолчала. — Ты понимаешь, что это значит?

Он ничего не сказал. Она словно читала его мысли.

— Он знал о том, что мы придем. — Она произнесла слова, которые звучали у него в мыслях. — Как это могло произойти?

Вил покачал головой.

— Так получилось. — Он понимал, что это не ответ.

Амбель вспыхнула.

— А как получилось, что демоны нашли нас в Надежном Приюте? И Алланона — в Параноре? Почему они находят нас везде, куда бы мы ни пошли? — Голос ее оставался очень тихим, но теперь в нем звучал гнев. — Ты, видно, считаешь меня дурой, Вил?

В первый раз она назвала его просто по имени: это так его поразило, что некоторое время он не мог произнести ни слова. Вил с удивлением уставился на Амбель и увидел в ее глазах обиду и подозрение. У него был выбор: или сказать ей то, что Алланон строго наказал хранить в тайне, или солгать. Вил легко принял решение. Он рассказал Амбель о шпионе. Когда он закончил, она осуждающе покачала головой:

— Зря ты не сказал мне этого раньше.

— Но Алланон попросил меня ничего не говорить тебе, — попытался объяснить Вил. — Он думал, что у тебя и так достаточно тревог.

— Друид знает меня хуже, чем ему кажется. В любом случае ты должен был сказать мне.

Вилу не хотелось обсуждать это. Он согласно кивнул.

— Я понимаю. Но я не мог.

С минуту они помолчали. Один из Эльфийских охотников как призрак появился из тумана, затем снова пропал. Амбель задумчиво смотрела ему вслед, потом опять перевела взгляд на Вила. Ее голос был едва слышен:

— Я не сержусь на тебя. Правда не сержусь.

Он улыбнулся.

— Ладно, ничего. Это болото — довольно унылое место.

— Но я бы сердилась, если бы и теперь ты не сказал мне правду.

— Поэтому я и сказал.

Она продолжала, будто не слыша его:

— Если этот шпион подслушал все, что говорилось в кабинете дедушки в ту ночь, перед выездом из Арборлона, тогда получается, что демоны знают, куда мы идем.

— Да, думаю, так,— ответил Вил.

— Получается, что они знают об Обереге; они знают все, что Элькрис говорила избранникам, ведь Алланон повторил это нам. Значит, они тоже могут найти Источник Огненной крови. Возможности наши равны.

— Думаю, что нет.

— Нет?

— У нас есть эльфийские камни,— заметил он и тут же подумал: имеет ли это какое-нибудь значение? Ведь он даже не знал, сможет ли снова использовать их. От этой мысли он впал в отчаяние.

— Но кто мог бы пробраться так близко, чтобы слышать все, о чем мы говорили? — нахмурилась Амбель. Она смотрела на него в упор.

Вил молча покачал головой. Он думал о том же — кто?

— Надеюсь, что с дедушкой все хорошо,— пробормотала она после минутного молчания.

— Думаю, ему немного лучше, чем нам.— Вил вздохнул.— По крайней мере, он может поспать в тепле.

Он подтянул колени к груди, пытаясь хоть чуточку согреться. Амбель тоже дрожала от холода — она пододвинулась поближе к Вилу, съезжившись под своим пледом.

— Скорее бы все кончилось,— прошептала она будто издалека. Она говорила это себе самой, не ему.

Долинец сморщился.

— Лучше бы никогда не начиналось.

Она повернула голову и внимательно посмотрела на него.

— А тебе лучше быть честным со мной, хотя бы с этой минуты. Больше никаких секретов.

— Никаких секретов,— пообещал он.

Они замолчали. Через несколько минут голова Амбель склонилась к нему на плечо — она заснула. Вил не стал ее беспокоить. Он сидел не шевелясь и глядел в темноту.

Еще два дня их отряд продирался сквозь мрак Заплетенной пуши. Все время лил дождь, изморось сменялась ливнем, который пропитывал насквозь и без того размокшую землю, оставляя путешественникам лишь холод и уныние. Повсюду был туман: над головой, под ногами, он клубился над далекими вершинами гор и застывал над болотами. Тучи скрывали солнце,

и только слабое свечение неба, несколько часов где-то около полудня, давало возможность разглядеть дорогу. Ночью же была непроницаемая тьма.

Они медленно, с трудом шли друг за другом, пробираясь сквозь сплетение колючих растений и заросли ежевики — мечи едва могли прорубить в них проход, — мимо болот, которые пузырились и засасывали все, что попадало в их объятия, мимо озер, покрытых зеленой слизью, источающей мерзкое зловоние. Гниющая листва застилала землю, смешиваясь с грязными лужами и выющимися корнями. На всех растениях лежал какой-то серый налет; край выглядел неприветливо и болезненно. Обитателей пуши видно не было, хотя откуда-то издалека доносились слабые звуки и дрожали в тишине, и тени скользили, как миражи, сквозь дождь и мрак.

Около полудня третьего дня пути они подошли к широкому разливу стоячей воды, забитому какими-то корнями и сухостоем, что торчали, как переломанные кости земли, меж зеленоватых лилий. Насколько хватало глаз — густые заросли ежевики и колючего кустарника. Туман клубился над водой, собираясь в плотную мглу; дальнего берега не было видно.

Сразу же стало ясно: если они попытаются обойти озеро, то потеряют несколько часов. У них была только одна дорога, и они пошли по ней. Катсин повел их — здесь, в пуше, он всегда шел впереди. Эльфийские охотники разбились на пары: двое пошли впереди Вила и Амбель, двое — сзади. Пробравшись сквозь кусты, которые преграждали дорогу к озеру, они ступили на узкий мостик из земли и корней.

Осторожно ступая по неровной тропинке, проверяя каждый шаг, они двинулись вперед; по обе стороны тянулась трясины. Туман мгновенно уплотнился, земля растворилась в нем. Шли минуты. Дождь хлестнул по лицу, подхваченный внезапным порывом ветра. Потом туман неожиданно рассеялся, и они увидели, что тропинка обрывается в озеро, в какой-то дюжине ярдов впереди. Там высился непонятный земляной холм, поблескивающий камнями и покрытый растительностью. Однако дальнего берега по-прежнему не было видно. Они оказались в тупике.

Криспин направился было вперед, чтобы получше рассмотреть, что там, за холмом, но Катсин предостерегающе поднял

руку. Он быстро обернулся к остальным, приложив палец к губам. Потом указал на холм, провел в воздухе линию, как бы вдоль каменистой гряды, которая пересекала холм и спускалась вниз, в озеро. На краю холма из двух небольших ям поднимались струйки пара.

Дышащие дыры!

Криспин дал знак отойти назад. Что бы это ни было, не стоило беспокоить его.

Но было уже поздно. Болотная тварь почувяла их и внезапно поднялась над озером, обдав их фонтаном холодной воды. Она шумно выказывала свое раздражение, мутно-желтые глаза с треском раскрылись, разрывая ряску и побеги лилий. Из заросшего тиной туловища выдвинулись извивающиеся щупальца, широкая плоская морда протянулась прямо к ним, раскрыв голодную пасть. На мгновение чудовище как бы зависло над озером, затем погрузилось в воду и пропало.

Вил Омсфорд успел увидеть его только мельком. Потом он бежал сквозь туман, вслед за Пэдом и Кормаком, таща за собой Амбель, думая только об одном: как бы не сойти с тропы. Он слышал звук бегущих позади ног — Катсин, Дильф и Криспин летели следом. Вил быстро оглянулся — не преследует ли их чудовище, но тут же споткнулся и упал, увлекая за собой Амбель.

Падение спасло их. Сбоку из тумана поднялось чудовище, огромная голова со свистом пронеслась прямо над ними. Крики ужаса раздались впереди — страшилище схватило Пэда и Кормака и утащило их в озеро. Огромная туша исчезла под водой.

Вил похолодел, не в силах отвести взгляд от тумана, в котором скрылось чудовище. Затем Криспин резко бросился вперед, подхватил Амбель и понесся к спасительному берегу. Катсин схватил Вила, прежде чем тот сообразил подняться на ноги, и бегом последовал за капитаном. Дильф бежал последним, держа наготове короткий меч. Они буквально вломились в зеленую стену из кустарника и ежевики. Отбежав как можно дальше от берега, они свалились прямо на грязную землю, стараясь сдерживать прерывистое дыхание, и прислушивались, нет ли за ними погони. Все тихо. Похоже, тварь исчезла, на этот раз окончательно.

Теперь их осталось лишь пятеро.

На закате Западные земли затянулись тонкой пленкой серых сумерек, вечерний холод поселился в лесу. Тучи, закрывавшие небо уже семь дней, рвались в клочья, тонкие полоски синевы проступили в слабом свете солнца. Горизонт на западе стал алым; бледно-оранжевые отблески упали на лес.

Из дымки тумана вышли четверо эльфов и долинец — все, что осталось от небольшого отряда, покинувшего Арборлон; как заплутавшие, потерянные на границе миров, не принадлежащие ни к одному из них, они брели вперед. Путешественники походили на оборванных нищих, много дней странствовавших по пустыне: измученные, усталые, руки и лица покрыли ссадины и рубцы, грязная, рваная одежда липла к телу. И только оружие в руках говорило о том, что это не просто сборище грязных бродяг. Пробравшись через последние заросли ежевики, они вышли на открытый каменистый холм перед вершинами Пикона.

Зрелище было ужасающим и захватывающим одновременно. Две остроконечные вершины поднимались по обе стороны Мермидона, широкой, полноводной реки, образуя естественные ворота в растянутом горном кряже, который эльфы называли Скалистым отрогом. Надменно и равнодушно две скалы врезались в небо, как молчаливые стражи, поставленные охранять землю. Шрамы раселин и трещин, каменистые складки горных пород густо покрыли утесы, как морщины лицо старика. У северного подножия пиков рос сосновый лес, постепенно переходящий в редкий кустарник — легкие мазки зеленого цвета на мрачно-сером камне. Еще выше, почти у самого неба, ослепительно сверкали лед и снег.

Криспин быстро переговорил с остальными. Блуждая по зарослям пуши, они продвинулись на восток гораздо дальше, чем это было нужно, и вышли здесь, а не у края Скалистого отрога, как было намечено с самого начала. Теперь надо было обогнуть Пикон и пройти вверх по Мермидону до того места, где кончатся горы. Весь путь придется проделать пешком, а это займет по крайней мере еще дня два. Но у Криспина в запасе было кое-что получше. Там, в глубине Пикона, стояла древняя эльфийская крепость, заброшенная со времен Второй войны рас;

она соединяла обе вершины узким мостом. Сам Криспин был там однажды, много лет назад, и наверняка сможет найти ее снова. Потайные тропы вели от древней твердыни вниз, через горы к Мермидону, туда, где широкий поток разбивал скалу надвое. Там должна быть пристань и, может быть, лодка; если же нет, то там достаточно дерева, чтобы соорудить плот. Оттуда Мермидон несколько миль течет на восток, потом круто сворачивает обратно к западу, туда, где Скалистый отрог граничит с непроходимыми болотами Склизкой Топи. Это займет меньше времени — всего день, а если повезет, то и полдня. Путешествие по воде имеет еще одно преимущество: река скроет все следы.

Последний довод оказался решающим. Все очень хорошо помнили столкновение со Жнецом в Беличьем лесу. Демон ищет их, и надо как-то помешать его охоте. Все без возражений согласилось с Криспином.

Не теряя времени, отряд начал подниматься на Пикон. Они уже прошли сосновый лес и выбрались на низкий, пологий склон, когда солнце опустилось за горизонт и настала ночь. Молодая луна и звезды проступили на густой синеве неба, освещая им путь. Тихая, мирная ночь наполнилась сладкими запахами леса, которые доносил легкий ветерок. Отряд поднимался легко и быстро по широкой, хорошо утоптанной тропе, петляющей между россыпями валунов, мимо отвесных выступов и скалистых седловин. Лес отступал вниз, открывая вид на темную пушу и тонкую ленту Поющего родника.

Наконец, ближе к полуночи, стала видна эльфийская крепость. Расположенное в глубокой расщелине на первый взгляд беспорядочное скопление башен, стен и переходов выступало темным пятном на фоне освещенных луной скал. Длинная, круто уходящая вверх лестница вела к темному пролому во внешней стене — входу в древнюю цитадель. Обитые проржавевшим железом деревянные двери, истерзанные ветрами и источенные временем, были распахнуты в ночь. Сторожевые башни, как звери, поджидающие добычу, вжались в массивную каменную стену, темные узкие окна создавали впечатление безжизненности и пустоты. Выше внешней стены располагались башни; железные цепи — когда-то знамена эльфийских королей гордо развевались на них — неприветливо лязгали и скрипели.

Откуда-то сверху, из скал, доносился пронзительный плач ночной птицы.

Путешественники поднялись по ступеням и осторожно шагнули внутрь. Мощеная дорожка вела ко второй стене, трава и далее кустарник проросли сквозь ее каменную кладку. Шаги отдавались в тишине гулким эхом. Летучие мыши вылетали из щелей и трещин, их крылья неистово били по воздуху. Маленькие зверьки металась по изломам камней — всплески внезапного движения. Плотной стеной висела паутина, цепляясь за одежду.

Дорожка привела в огромный внутренний двор, заваленный мусором и наполненный жалобным воем ветра. Широкие лестницы поднимались по обеим сторонам круглой зубчатой башни на огороженный балкон нижнего этажа. Это была главная башня крепости, серый камень сливался с тенью гор. Окна башни выходили на Заплетенную пушу. В самом центре балкона глубокая ниша скрывала дверь. Еще ниже, под балконом, была вторая дверь, прямо из внутреннего двора — в башню. Обе были закрыты.

Вил с тревогой оглядел зубчатые стены, окружавшие его: темные и зловещие, они уже начали крошиться от времени. Вокруг выл ветер, бросая пыль в глаза; Вил пониже надвинул капюшон. Ему очень не нравилось это место. Да что там — оно пугало его. Это был приют мертвых душ и ночных призраков, куда живые вторглись без приглашения. Он взглянул на Амбель и прочитал на ее лице ту же тревогу и страх.

Криспин отправил Дильфа на балкон. Сам он вместе с Катсином направился ко входу в башню. Капитан безуспешно пытался отодвинуть щеколду, потом всем весом навалился на дверь. Она не поддавалась. Попытки Катсина тоже не увенчались успехом. Опасения Вила росли. Казалось, крепость заперла их в себе, а ему очень хотелось вырваться.

Дильф спустился с балкона, его слова едва не потерялись в порыве ветра: верхняя дверь открыта. Криспин кивнул. Он собрал несколько деревяшек, которые могли бы послужить им факелами, и повел всех вверх, на балкон. Дверь в нише стояла полуоткрытой. Зайдя внутрь, почти на пороге, эльфийский капитан высек огонь и зажег два факела. Один оставил себе, второй протянул Дильфу, после чего знаком пригласил всех войти и плотно закрыл дверь.

Они оказались в маленьком зале, из которого выходили несколько темных коридоров. В дальней стене была прорублена лестница, уводящая вверх, в темноту. В воздухе стояла плотная пелена пыли, пахло плесенью и сыростью. Высоко подняв факел над головой, Криспин обошел зал, вернулся ко входу, тщательно осмотрел засов в двери и повернулся к остальным. Они останутся здесь до рассвета. Катсин и Дильф встанут на страже во внутреннем дворе, а Вил и Амбель будут спать. Сам же Криспин пойдет искать проход, который должен вывести их через горы к берегам Мермидона.

Дильф отдал Вилу свой факел, и они с Катсином безмолвно выскользнули в ночь. Криспин запер дверь на засов, строго наказав Вилу смотреть за тем, чтобы дверь оставалась закрытой, после чего растворился в темноте одного из коридоров. Вил и Амбель смотрели ему вслед до тех пор, пока свет его факела не пропал во мраке. Вил укрепил факел на железной подставке в стене у входа и сел, прислонившись спиной к двери. Амбель завернулась в плед и легла прямо на пол, рядом с ним. Сквозь щели дверных петель до них доносился вой ветра, словно жуткий призыв чего-то, сокрытого в темных коридорах башни.

Вил скорее дремал, чем спал, — странный тягучий покой, как будто Вил на ощупь шел где-то между сном и явью. Почти сразу же погрузившись в дрему, неуверенно пробираясь сквозь липкий туман, он начал грезить. Он брел не разбирая дороги, потерявшись в мгlistых, сумрачных лесах, по неверным тропам своего воображения. Ему казалось, что когда-то раньше он уже был здесь, в этом туманном лесу. Все было знакомо: мутная темнота, неверная дымка, беспорядочная смена пейзажей. Все это было когда-то.

Потом Вил ощутил присутствие ужасной твари, которая готовилась напасть откуда-то из окружающей темноты. Внезапно он вспомнил: Надежный Приют — он видел тот же сон в Надежном Приюте. Тварь приходила за ним, он убегал, но убегал напрасно, потому что от нее не было спасения. Тогда он проснулся. А теперь? Паника охватила его. Оно было здесь, это чудовище. Оно снова пришло за ним. Он не мог убежать, не мог спастись, пока не проснется. Но ему никак не найти дорогу обратно, из тумана и темноты.

Вил услышал свой крик. Чудовище настигло его.

И тут он проснулся. В кармане рубашки эльфийские камни как огонь жгли его тело. Вил бестолково уставился сквозь тусклый свет факела на красные отблески на стене. Рядом приподнялась Амбель, ее глаза еще были затуманены сном, лицо побледнело от испуга. Вил неуверенно дотронулся до кошель с эльфинитами. Теперь он не был уверен в том, что это он разбудил их. Амбель не сводила глаз с двери.

— Там, — прошептала она.

Долинец мгновенно вскочил на ноги, увлекая девушку за собой. Он напряженно прислушивался, но все было тихо.

— Может быть, это ветер, — сказал он наконец с сомнением и взял Амбель за руку. — Пойду-ка посмотрю. Запри за мной дверь. Откроешь только тогда, когда услышишь мой голос.

Вил вышел в ночь. Ветер со свистом ворвался в открытую дверь, но она тут же захлопнулась. Амбель плотно задвинула засов и села у входа — ждать.

На секунду Вил сжался в тени ниши, всматриваясь в темноту. Лунный свет озарял пустой балкон и высокие стены вокруг. Вил осторожно подошел к перилам и взглянул вниз, на внутренний двор. Там никого не было; долинец не увидел ни Дильфа, ни Катсина. Он колебался, не зная, что делать дальше. Он обошел балкон, остановился на лестнице, снова попытался разглядеть, что там во дворе. Там было по-прежнему пусто. Вил начал спускаться.

Внизу ветер разносил по камням клубки засохших растений и пыли. Вил беззвучно соскользнул с лестницы и тут увидел Катсина. Вернее, то, что от него осталось, — тело эльфа было как-то неестественно скручено, как будто упало на камни с большой высоты. Рядом лежал Дильф. Вил едва разглядел его под обломками тяжелой двери, ведущей со двора в башню. Раньше эта дверь была наглухо закрыта.

Вил похолодел. Жнец! Он настиг их. Он — в башне.

В секунду Вил взлетел по лестнице наверх, желая лишь одного — чтобы не было слишком поздно.

Амбель подумала, что ей просто послышалось: странный шум, который шел откуда-то из глубины башни. Эльфийка тревожно огляделась по сторонам, потом снова прислушалась. Вне-

запный сильный удар в дверь испугал ее так, что она с криком вскочила на ноги.

— Амбель! Открывай!

Это был голос Вила, ветер почти совсем заглушил его. Она торопливо отодвинула тяжелый засов. Вил буквально влетел внутрь, захлопнув за собой дверь. Лицо его побелело от страха.

— Мертвы, оба! — Ему с трудом удавалось говорить тихо. — Это Жнец! Он здесь, в башне!

Амбель хотела было что-то сказать, но Вил закрыл ей рот ладонью. Шум — он услышал какой-то шум там, на лестнице. Жнец. Вил знал, что это он. Он пришел за ними. На мгновение долином овладела паника. Как это могло случиться? Как он нашел их так быстро? Что им делать теперь?

Держа перед собой факел, как щит, он бросился прочь от двери, прочь от лестницы. Амбель будто застыла, потом с каким-то странным безразличием двинулась за Вилом. Здесь нельзя оставаться, решил он, оглядывая коридоры впереди. Куда же пошел Криспин? Вил не знал. Он выбрал туннель, ведущий вниз, и понесся в темноту, крепко держа Амбель за руку.

Пробежав несколько сот футов, он остановился. Туннель разветвлялся на три коридора. Паника снова охватила Вила, Куда? Он поднес факел поближе к полу. В пыли, накопившейся за многие годы, тянулся четкий след — Криспин прошел здесь. Теперь они могли безошибочно идти за Криспином. А Жнец — за ними. Вил подавил свой страх и бросился вперед.

Они бежали по коридорам башни, по огромным залам, забитым плесенью и паутиной, через комнаты со сгнившими гобеленами и обломками мебели, вдоль балконов и перекрытий, обрывающихся в ямы мрака. Тишина заполняла древнюю крепость, глубокая и всеобъемлющая, даже звук ветра растворялся в ее недрах, и только сапоги беглецов глухо стучали по каменному полу. Дважды они сбивались с дороги, сворачивая не в те коридоры, в спешке потеряв след. Несколько раз они наткнулись на двойной ряд следов — Криспин возвращался назад в поисках правильного пути. И каждый раз они теряли драгоценное время. Их не оставляло тревожное, напряженное чувство, что в любой момент Жнец может возникнуть из тьмы прямо за спиной и тогда им уже не спастись.

Вдруг далеко впереди в глубине коридора показался свет. Они, спотыкаясь, бросились туда, с облегчением видя, как фи-

гура Криспина выступает из черноты. Эльфийский капитан возвращался. Он кинулся им навстречу; обнаженный меч тускло мерцал в слабом отсвете пламени.

— Что? — спросил он, мгновенно заметив страх, застывший на их лицах.

Вил быстро рассказал ему все, что произошло. Лицо капитана стало мертвенно-бледным.

— Дильф и Катсин тоже! Что же может остановить эту тварь? — Он задумчиво поглядел на свой меч, затем сделал знак следовать за ним. — Сюда! Может быть, получится...

Все трое побежали по коридору, откуда пришел Криспин, свернули налево, пересекли огромный зал — когда-то здесь был арсенал, — спустились по длинной лестнице в пустую гостиную, потом снова по коридору. В конце этого коридора прямо в скале была железная дверь. Криспин потянул засовы и открыл дверь: ветер ударил в лицо, ворвался в раскрытый проем и грубо втолкнул их назад. Знаком приказывая Вилу и Амбель следовать за ним, Криспин отбросил свой факел и шагнул наружу, в темноту.

Они стояли над глубоким ущельем, которое рассекало скалу пополам, от вершины до подножия. Две половины соединялись лишь узеньким, шатким мостом-переходом, выходящим из скалистой ниши, где они стояли, и протянувшимся над бездонной пропастью к одинокой башне на той стороне разлома. Ветер выл в бездне и, казалось, визжал от ярости, ударяясь об узкий железный мостик. Единственный луч лунного света пересекал расщелину, белая сияющая полоска проходила через мост.

Криспин подтянул долинца и эльфийку поближе к себе.

— Мы должны перебраться туда! — закричал он, стараясь перекрыть рев ветра. — Держитесь за перила! Не смотрите вниз!

— Я не знаю, смогу ли я! Нет! — прокричала Амбель, тревожно глядя на мостик. Вил почувствовал, как ее маленькая рука крепко вцепилась в его плечо.

— Придется! — ответил ей Криспин голосом, не терпящим возражений. — Это единственный путь!

В ушах выл ветер. Амбель бросила быстрый взгляд на закрытую дверь позади, потом посмотрела на капитана и молча кивнула.

— Не отставайте! — предупредил эльф.

Друг за другом они ступили на узкий мостик: первым шел Криспин, за ним — Амбель и Вил — последним. Они шли очень медленно и осторожно, вцепившись руками в перила, низко пригнув головы. Ветер свирепо крутился вокруг, развеивал одежду, раскачивал мост, который, казалось, вот-вот обрушится в пропасть. Они вышли из-под прикрытия скалы в ледяной воздушной массе, ветром упавший с вершин; руки и ноги онемели — железо моста было холодно как лед. Шаг за шагом они продвигались вперед, вот уже вышли из тени скалы к полоске лунного света — это последняя часть перехода, — выбрались на площадку у подножия одинокой башни на той стороне. Она возвышалась на фоне мрачной скалы, узкие окна выделялись темными пятнами, стены были покрыты тонким слоем льда. В башню вела единственная дверь, сейчас плотно закрытая.

Эльф подошел к деревянному домику, прилепившемуся к стене башни, и взял там пару тяжелых деревянных молотов. Один из них дал долинецу, что-то объясняя ему и указывая головой в сторону моста. Порывы ветра почти заглушали голос.

— Там шесть болтов, они держат мост, по три с каждой стороны. Если их выбить, мост обвалится! Так сделано, чтобы спастись от врагов, если крепость будет захвачена. Три справа — твои!

Вил не терял ни секунды. По три болта, закрепленных в петлях с обеих сторон, держали мост, соединяя его с площадкой. Крепко сжимая молот в руках, Вил начал бить по первому. Болт поддавался очень медленно: ржавчина и грязь примерзли к нему. Когда Вил наконец выбил его, болт беззвучно упал в пропасть. Долинец сразу же перешел к следующему; ветер оглушал его жутким свистом, руки ооченели. Второй болт сдвинулся с места и упал вниз.

Что-то массивное и тяжелое раскачивало мост. Криспин и Вил подняли головы, держа молоты наготове. На дальнем конце моста, в глубоком сумраке, что-то двигалось.

— Быстрее! — прокричал Вилу эльф.

Вил неистово колотил по последнему болту, обрушивая отчаянные удары на его круглую шляпку. Болт основательно проржавел. Вил собрал все свои силы — болт чуть подвинулся и снова застрял.

Темная тень, чернее ночи, появилась на мосту, как раз за полоской лунного света. Криспин поднял голову. Два болта с его стороны были выбиты полностью, третий — наполовину.

Но времени оставалось все меньше и меньше. Жнец уже вступил в полоску света — огромная безликая тень, завернутая в плащ. Криспин натянул лук — стрела полетела так быстро, что Вил едва успел проследить за ее движением. Однако все было напрасно. Душа долинца ушла в пятки, сердце сжалось. Он отчаянно ударил по болту, тот продвинулся на несколько дюймов и снова застрял.

И тут Вил вспомнил об эльфийских камнях. Это как раз то, что нужно! Решимость охватила его. Теперь он использует их! Вил вскочил на ноги и вытащил кожаный кошель. Он высыпал камни в ладонь и сжал кулак, крепко, до боли. Жнец надвигался на них. Лишь двадцать футов разделяло их. Долинец поднял руку, сжимающую камни, и собрал всю свою силу воли, стараясь высвободить скрытый огонь, который уничтожит чудовище.

Эльфийские камни вспыхнули резким светом, синий огонь вырвался вверх. Но вдруг словно что-то закрылось у Вила внутри. В тот же миг огонь иссяк.

Ужас охватил Вила Омсфорда. Он снова попытался напрячь всю свою волю. Но ничего не произошло. Амбель кинулась к нему, она что-то отчаянно кричала, но голос ее терялся в завывании ветра. Вил отшатнулся назад, растерянный и оглушенный. Все напрасно! Он больше не властен над силой камней!

В ту же секунду Криспин ступил на мост. Отбросив в сторону бесполезный лук, капитан достал меч и устремился навстречу демону. Тот как будто засомневался. Он не ждал открытого сопротивления. Ветер с силой ударил в мост, неустойчивые теперь опоры жалобно закрипели, как бы протестуя.

— Болты! — коротко крикнул капитан.

Все еще находясь в каком-то тумане, Вил положил камни обратно в карман, взял молот и принялся бить по неподдающемуся болту. Тщетно, тот даже не двинулся с места. Амбель бросилась вперед, подняла молот, брошенный Криспином, и стала помогать.

На мосту Криспин пытался остановить Жнеца. Эльф делал ложные выпады коротким мечом, надеясь, что демон потеряет равновесие, поскользнется и свалится в бездну. Но Жнец сто-

ял твердо: он низко пригнулся и отражал выпады эльфа одним движением руки, терпеливо выжидая подходящего момента. Криспин был искусным фехтовальщиком, однако даже он ничего не мог сделать. Жнец продвинулся вперед, эльф был вынужден отступить.

Гнев и отчаяние охватили Вила. Сжав молот обеими руками, он колотил по ржавому креплению со всей силы, и наконец болт вылетел из петли и упал вниз. В этот момент мост слегка прогнулся, Криспин потерял равновесие. И Жнец нанес удар. Железные когти ухватили эльфа за куртку. Вил и Амбель, окаменев от ужаса, наблюдали, как демон поднял капитана вверх. Меч Криспина потянулся к горлу чудовища — клинок переломился от удара. Жнец не обратил на это ни малейшего внимания. Он поднял эльфа над перилами и сбросил с моста в пустоту.

Жнец снова пошел вперед.

И вдруг сильный порыв ветра качнул уже ослабевший мост, и последний болт выпал. Отделившись от площадки, увлекая демона за собой, мост обрушился вниз. Он падал медленно, как во сне, металл трещал, изгибаясь, и ломался на части. Мост мелькнул в полоске лунного света и с грохотом обрушился на скалы. Но не упал совсем, а продолжал болтаться на ослабевших креплениях на той стороне, раскачиваясь под порывами ветра, едва различимый на фоне темной скалы. Жнец исчез.

Голос Амбель перекрыл истошный вой ветра — пронзительный, испуганный вопль, она звала Вила. Холодный ветер бешено выл, до костей пробирая долинка, забывая уши жалобным визгом. Вил не понимал, что говорит ему Амбель. Да он и не старался понять. Он все еще сжимал руками молот и никак не мог сосредоточиться. Его мысли и чувства были в полном смятении. Криспин и все Эльфийские охотники погибли. Сила волшебных камней иссякла. Они с Амбель остались одни.

Она кричала у него за спиной, умоляя поскорее уйти отсюда. Вил повернулся к девушке и притянул ее поближе к себе. На какое-то мгновение ему показалось, что он слышит голос Алланона: друид говорил, что он рассчитывает на него, Вила, больше, чем на кого бы то ни было. Еще несколько секунд Вил стоял на краю пропасти, крепко прижимая к себе Амбель, потом отвернулся, и они вошли в темную башню.

Глава 25

Всю ночь Вил и Амбель искали выход. Единственный факел — Криспин оставил его на площадке у входа в башню — освещал им путь по бесконечному, непрерывному ряду коридоров и лестниц, уводящих куда-то вниз. Измученные событиями последних двух дней, почти без сил, путешественники шли не разбирая дороги вперед по коридорам древней башни. Они шли, крепко держась за руки, вглядываясь в черноту перед собой.

Оба молчали. Они пребывали в полном оцепенении и хотели только одного: как можно скорее выбраться отсюда.

Очень скоро долинец и эльфийка потеряли всякое ощущение времени. Сколько они уже заперты в этой горе? Минуты, часы, может быть, дни? Они не знали. Они не знали, куда приведут их эти коридоры, и полностью положились на удачу и на интуицию; шли вперед с каким-то отчаянным упорством, надеясь на то, что в конце концов выберутся отсюда. У них все болело, глаза ничего не различали во тьме и слипались от усталости. Факел догорел, осталась лишь головешка, едва тлеющая и не дающая никакого света. А им еще идти и идти. Впереди — еще долгий путь.

Но и он закончился, Теперь перед ними была массивная железная дверь, закрытая на две щеколды. Вил уже потянулся к запору, но Амбель схватила его за руку, голос ее звучал устало и напряженно:

— Вил, а что, если демоны ждут нас там? Что, если Жнец был не один?

Долинец молча смотрел на нее. До этого момента он даже не думал о такой возможности. Он не разрешал себе думать об этом. Он думал совсем о другом — обо всем, что свалилось на них после встречи с демоном в Беличьем лесу. Похоже, им не удастся скрыться от этих тварей, они находят их всегда и везде. Постоянно и неизбежно. Даже если Жнец погиб, есть много других демонов. А шпион в Арборлоне слышал все.

— Вил? — Амбель с тревогой ждала ответа.

Он принял решение.

— Мы должны попытаться. Иного пути нет.

Он нежно взял ее за руку и подтолкнул назад, к себе за спину. Потом осторожно распахнул дверь. Туманный свет ворвался в проем. Снаружи темные воды Мермидона тихо плескались у стен глубокого грота, там находилась потайная пристань эльфов. Все было спокойно. Вил и Амбель быстро переглянулись. Долинец молча бросил догорающий факел на пол туннеля — огонь погас.

Лодки у пристани прогнили. Вил и Амбель прошли по узкому выступу над водой и вышли к заросшему лесом берегу Мермидона у подножия Пикона. Опять никого. Они были совершенно одни.

Рассвет еще только пробивался сквозь сумрак, в холодном утреннем свете путники увидели замерзшую росу на кустах и деревьях, убелившую землю обманчивым снегом. Река беззвучно пенилась, тяжелый туман затянул всю поверхность воды. Пикон возвышался над этим туманом — гигантские темные вершины отбрасывали на землю голубую тень.

Вил неуверенно оглянулся на грот и вдруг заметил на берегу, неподалеку, маленький ялик, скрытый в кустах. Не отпуская руки Амбель, он двинулся туда. Лодка была в хорошем состоянии — видимо, кто-то иногда занимался рыбалкой в глубоких водах грота. Вил отвязал ялик, подтолкнул его к воде, помог Амбель забраться в него и отчалил от берега. Он не сомневался ни секунды: лодка была им нужнее, чем неведомому рыболову.

Они плыли по течению на восток; с рассветом воздух начал теплеть. Амбель почти мгновенно заснула. Вил тоже с удовольствием поспал бы, но сон не шел к нему — слишком велико было напряжение. Вил стал думать обо всем, что с ними случилось. На дне ялика он нашел небольшое весло и, приладив его к кормовой уключине, потихоньку правил по течению, наблюдая, как поднимается солнце и утренний туман постепенно рассеивается. Иней на прибрежных деревьях быстро растаял. Река относила их вниз, вершины Пикона скрылись из виду, сменившись влажной зеленью леса. Небо освободилось от грозных туч и темноты и сияло теперь ослепительной синевой; легкие белые облака лениво проплывали в солнечном свете.

К полудню Мермидон начал медленно сворачивать к югу и обратно на запад, к Скалистому отрогу. Теплый дневной воз-

дух постепенно высушил тела и одежду. Над рекой пролетали птицы — яркие вспышки цвета и звука. В воздухе носился аромат диких цветов.

Амбель проснулась, сладко потянувшись, ее сонные глаза нашли Вила.

— Ты что, не спал? — спросила она.

Он покачал головой.

— Я не смог заснуть.

— Тогда поспи сейчас, а я буду править. Тебе надо отдохнуть, поспи.

— Нет, все в порядке. Я не устал.

— Вил, но ты так измучен, — заботливо проговорила она. — Тебе надо поспать.

Некоторое время Вил молча смотрел на нее.

— Ты поняла, что случилось со мной там? — наконец спросил он.

Амбель медленно покачала головой.

— Нет. Мне кажется, ты и сам не понял.

— Я-то как раз понял. И точно знаю, что это было. Я попытался использовать эльфийские камни, но... Я больше не властен над их силой.

— Ты не можешь этого знать. Там, в Тирфинге, у тебя тоже получилось не сразу. Вероятно, на этот раз ты переусердствовал и напряжение было слишком сильным или, наоборот, использовал не все свои возможности.

— Я использовал все возможности, — ответил он мягко, но его тон отметал всякие возражения. — Алланон говорил, что такое может случиться. Только эльфийская кровь управляет камнями, и, похоже, во мне ее маловато. Во мне есть какой-то барьер, Амбель, однажды я преодолел его, но больше не могу.

Она придвинулась поближе к нему, рука мягко опустилась на его руку.

— Значит, мы обойдемся без них.

Вил горько улыбнулся.

— Эльфийские камни — это единственное оружие, которое у нас есть. Если демоны опять найдут нас, нам конец. Нам нечем защититься от них. Больше у нас ничего нет.

— Значит, демоны не должны нас найти.

— Но они все время находят нас, Амбель, несмотря на все наши предосторожности. Везде, куда бы мы ни пошли. Они и на этот раз нас найдут. И ты сама это знаешь.

— Я знаю, что именно ты настоял на том, чтобы мы не повернули назад там, у Надежного Приюта, — ответила Амбель. — И мне известно, что ты никогда не произнес ни единого слова об отступлении. Еще я знаю, что именно тебя Алланон выбрал моим защитником. Ты ведь не бросишь меня?

Вил вспыхнул.

— Нет! Никогда.

— И я тоже тебя не брошу. Мы вместе начали это дело и вместе его закончим. Я и ты, мы нужны друг другу. — Она помолчала, улыбаясь чему-то своему. — Ты ведь понимаешь: все, что я сейчас сказала, должен был бы сказать мне ты. Ведь это я не верила в свое предназначение, не верила словам друида. А ты верил всегда, с самого начала.

— Если бы камни меня слушались... — упрямо начал долинец.

Рука Амбель быстро коснулась его губ, заставив его замолчать.

— Почему ты так уверен в этом? Вспомни, как ты собирался использовать их? Как оружие уничтожения. Но ведь ты — целитель. Твое дело — сохранение жизни, а не уничтожение. Эльфийская магия — это не что иное, как развитие всех скрытых возможностей того, кто владеет ею. Наверное, именно это тебе помешало там, на мосту. Ты просто не успел перестроить их силу на разрушение.

Вил обдумал ее слова. Алланон говорил ему, что сила камней вызывается к жизни соединением трех сил человека — разума, сердца и тела — в одну. Эта сила и вызывает магию. Если хоть одного не хватает...

— Нет! — Он решительно потрянул головой. — Не это. Мой дед тоже исповедовал принцип сохранения жизни, однако без труда использовал эльфийские камни.

— Ну ладно, есть и другая причина, — продолжала Амбель. — Алланон предупреждал тебя, что смешение эльфийской и человеческой крови может вызвать сопротивление. Однажды ты уже испытал это. А теперь ты сам создал барьер — в своем сознании. Ты, пусть невольно, убедил себя в том, что сила камней утрачена, хотя на самом деле это не так.

Вил посмотрел на эльфийку и покачал головой.

— Я не знаю. Я уже ни в чем не уверен. Это случилось так быстро...

— Тогда слушай меня. — Она пододвинулась совсем близко. — Не торопись: все это лишь догадка, предположение. Ведь ты уже использовал эльфиниты однажды, ты уже вызвал их силу и сделал ее своей силой. Думаю, такое не может исчезнуть бесследно. Вероятно, ты просто немножко не рассчитал или где-то ошибся, что-то сделал не так. Нужно время, чтобы убедиться.

Вил с изумлением смотрел на нее.

— У тебя больше веры в меня, чем у меня самого. Странно... А когда мы ехали из Надежного Приюта, ты думала, что я ни на что не гожусь. Ты помнишь?

Амбель слегка отодвинулась от него.

— Я была не права. Я сказала многое, чего говорить не стоило. Я боялась...

Похоже, она собиралась сказать что-то еще; она словно была готова объяснить ему свои непонятные страхи, но вдруг замолчала. Вил не стал спрашивать.

— Хорошо, в одном ты права. — Долинец старался перейти на шутливый тон. — Все это должен был сказать тебе я.

Она задумчиво оглядела его.

— Я думаю, тебе еще представится такая возможность. И вообще, ты будешь спать или нет?

Вил кивнул.

— Я попробую. Хотя бы чуть-чуть.

Он пробрался вперед, освободив Амбель место на корме, опустился на дно лодки, соорудил из плаща подушку и устало уронил на нее голову. Мысли об эльфийских камнях не оставляли его. Долинец закрыл глаза, чтобы мысли эти запутались в темноте. «Поверь в себя!» — так говорил ему Алланон. Но верил ли он? И было ли достаточно одной веры?

Мысли разбрелись, рассыпались. Вил уснул.

Ближе к вечеру Вил проснулся. Разминая затекшие суставы, он потянулся и перешел на корму взять у Амбель весло. Вил изнывал от жажды и голода, но они все потеряли во время бегства через Пикон.

Река становилась все уже и уже, ветви деревьев с обеих сторон нависли над путешественниками, сиреневые тени протянулись через Мермидон. На западе солнце спустилось к Скалистому отрогу, превратившись в наступающих сумерках в оранжево-алый шар. Маленькая лодка едва преодолевала пороги и окруженные пенящейся водой камни, но Вил был ловок, и они, благополучно миновав препятствия, выбрались на открытую воду. На долгом пути к лугам Каллахорна река делала не один поворот, вот она снова свернула на юг. Здесь Вил причалил к берегу.

Путешественники устроились на ночь под раскидистой старой ивой, в нескольких сотнях ярдов от берега, собрали на ужин дикие фрукты, быстро поели и тут же заснули.

Их разбудил яркий солнечный свет; не мешкая, они двинулись на запад, к Скалистому отрогу. Шли бодро, наслаждаясь теплом раннего утра. Время проходило незаметно; Вил и Амбель почти не разговаривали. Днем они набрали на небольшой ручеек, где вода оказалась пригодной для питья, и вдоволь напились.

День подходил к концу, уже стена Скалистого отрога нависла над лесом рваной линией пиков, растянувшейся по всему западному горизонту. Гор не было лишь далеко на юге, где раскинулись непроходимые болота Склизкой Топи; там все пространство было заполнено клубящимся серым туманом. В первый раз после того, как они выбрались из Пикона, Вил забеспокоился, правильный ли они выбрали путь. Их решение идти по берегу Мермидона к лесам, граничащим с горами, было как бы само собой разумеющимся. Но сейчас, когда они уже почти дошли, Вил задумался о том, как же они переберутся на ту сторону, через эти устрашающие вершины. Никогда прежде они здесь не бывали. Эльфийские охотники, безусловно, знали все об этих горах, но теперь их нет. А без них Вил и Амбель наверняка заблудятся.

На закате они вышли к подножию Скалистого отрога и остановились, глядя наверх: остроконечные пики беспорядочно громоздились один над другим, не было видно ни единой тропинки, ни расщелины, ни пролома в сплошной стене камня. Вил и Амбель выбрались из леса на пологий склон ближайшей горы. Высокие сочные травы пестрели синими колоколь-

чиками и алыми маками — это было очень красиво, но измученным путешественникам было не до того. Солнце почти опустилось за горизонт, пора было выбрать место для ночлега. В сосновой роще у края лугов они нашли родник с чистой водой, там и остановились. Они опять поужинали дикими фруктами, но Вил истосковался по мясу и хлебу и ел без особого удовольствия. Молодая луна и звезды проступили на черном небе. Пожелав друг другу спокойной ночи, Вил и Амбель поплотнее завернулись в плащи и закрыли глаза.

Когда Вил проснулся, он увидел, что рядом с ним сидит мальчик и внимательно смотрит на него. Далеко на востоке над лесом в золотистой дымке света поднималось солнце, ночь отступила. На склонах гор начали раскрываться дикие цветы, роса влажно блестела на траве.

Вил удивленно моргнул. Поначалу он думал, что это всего лишь игра его воображения, и терпеливо ждал, что мальчик растворится вместе с остатками сна. Но мальчик остался на месте: он сидел на траве, скрестив ноги, и молча созерцал Вила. Нет, это не сон, решил долинец и приподнялся на локте.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе утро, — серьезно ответил мальчик.

Теперь пришла очередь Вила разглядывать это странное явление; он протер глаза и с минуту молча смотрел на мальчишку. Несомненно, это был эльф, очень маленького роста; растрепанные, песочного цвета, волосы обрамляли веснушчатое лицо. Кожаные штаны и куртка плотно облегли его маленькую, ладную фигуру, на шее, за спиной и на поясе висели разнообразные котомки и мешочки. Он был очень юн, без сомнения гораздо моложе, чем Вил или Амбель.

— Я вовсе не хотел тебя будить, — сказал он.

Вил кивнул.

— Ты сидел очень тихо.

— Да, я знаю. Я могу пройти через заросли сухих елей без единого звука.

— Правда?

— Да. И еще я могу найти нору лисицы, не трогаясь с места. Как-то я попробовал, и у меня получилось.

— Здорово!

Мальчик с любопытством поглядел на Вила.

— А ты что тут делаешь?

В ответ Вил усмехнулся.

— Я как раз собирался спросить тебя о том же. Ты здесь живешь?

— Нет. — Мальчик покачал головой. — Нет, я живу на юге, под Иррайбисом. Во Взмахе Крыла.

Вил не имел ни малейшего представления о том, где это может находиться и что это вообще такое. Сзали, проснувшись, зашевелилась Амбель.

— Она очень красивая, — отважился мальчик. — Это твоя жена?

— О нет, мы просто путешествуем вместе, — нашелся Вил, слегка отодвигаясь от эльфийки. — А как ты попал сюда?

— Прилетел, — просто ответил мальчик. — Я — крылатый всадник.

Вил молча уставился на него, но мальчик смотрел мимо долинца, на Амбель. Она уже окончательно проснулась и теперь сидела, плотно закутавшись в плащ.

— Доброе утро, госпожа, — поздоровался юный эльф.

— Доброе утро, — ответила Амбель. В ее зеленых глазах смешались удивление и смущение. — Как тебя зовут?

— Пек.

— А меня — Амбель. — Эльфийка улыбнулась. — А это — Вил.

Мальчик поднялся и подошел к долинцу пожать ему руку. Вил почувствовал загрубевшую, мозолистую ладонь и удивился. Пек как будто прочитал его мысли и быстро убрал руку — он не стал протягивать ее Амбель, а просто кивнул ей.

— Может быть, вы хотите позавтракать? — спросил он.

Вил пожал плечами.

— Чем позавтракать?

— Молоко, орехи, сыр и хлеб. Это все, что у меня есть.

— Было бы очень неплохо, — зажмурился Вил, бросая быстрый взгляд на Амбель. Конечно, лучше бы им не связываться с незнакомцем, но приглашение звучало так заманчиво. — Мы будем просто счастливы разделить с тобой завтрак.

Они уселись в кружок. Из одной котомки юный эльф извлек обещанные орехи, сыр, хлеб и три чашки. Кувшин с мо-

локом был у него в другой котомке, он разлил молоко по чашкам — долинец и эльфийка с жадностью набросились на незатейливый завтрак.

— А где ты взял молоко? — спросила Амбель через минуту.

— Козы, — пробурчал мальчик с набитым ртом. — Там небольшое стадо, в нескольких милях к северу. Сегодня рано утром я как раз подоил одну.

Амбель вопросительно посмотрела на Вила, но тот лишь пожал плечами.

— Он говорит, что он — крылатый всадник. Он летает.

— Я еще не совсем крылатый всадник, — вставил мальчик. — Я пока слишком молод. Но придет время, и я им стану — настоящим крылатым всадником.

Нависло неловкое молчание, все трое смотрели друг на друга.

— Ты так и не сказал мне, что вы здесь делаете? — наконец обратился эльф к Вилу. — Вы убегаете от кого-то?

— Почему ты спросил об этом, Пек? — встрепенулась Амбель.

— Потому что, как только на вас помотришь, сразу ясно, что вы от кого-то убегаете. У вас порванные и грязные плащи. У вас нет ни оружия, ни еды, ни пледов. Вы не развели костер. И у вас такой вид, будто вас что-то очень сильно напугало.

— А ты смысленный парень, Пек, — быстро отозвался Вил. Он уже сообразил, какую пользу можно извлечь из этого. — Ты обещаешь сохранить в секрете все, что я сейчас скажу?

Мальчик кивнул, предчувствие чего-то захватывающего и необычного отразилось на его лице.

— Обещаю.

— Вот и отлично. — Вил доверительно подался вперед. — Эта госпожа Амбель, она не простая девушка. Она — принцесса, внучка Эвентина Элесседила, короля эльфов.

— Короля земных эльфов, — поправил Пек. И пока Вил соображал, в чем тут разница, мальчик беспокойно заерзал. — Вы ищете сокровища? А может быть, она заколдованная принцесса? Ее заколдовали?

— Нет. — Долинец остановился. Надо подумать, стоит ли связываться с мальчишкой. — Мы ищем... один талисман, Пек. Только госпожа может владеть им. Великое зло угрожает эль-

фам. Но этот талисман может защитить их, и мы должны найти его. Как можно быстрее. Хочешь помочь нам?

Глаза Пека широко раскрылись от возбуждения.

— Приключение? Настоящее приключение?

— Вил, я не думаю...— начала было Амбель, нахмурившись.

— Доверься мне, пожалуйста.— Вил умоляюще поднял руки, потом снова обратился к Пеку: — Это очень опасное дело. Чудовище, что охотится за нами, уже убило немало эльфов, Пек. Это совсем не игра. Ты будешь делать только то, что я скажу. И когда я скажу, что тебе пора нас оставить, ты уйдешь немедленно. Согласен?

Мальчик быстро кивнул.

— Что мне надо делать?

Вил показал на Скалистый отрог.

— Показать нам путь через эти горы. Ты знаешь, где здесь можно перебраться?

— Ну конечно,— почти негодуя ответил Пек.— А куда вы идете, в какое место?

Вил колебался: он никак не мог решить, надо ли мальчику знать об этом.

— А это важно? — наконец спросил он.

— Конечно, важно. Как же я поведу вас, если я даже не знаю, куда вам нужно прийти?

— Что ж, это вполне разумно,— вдруг вступила в разговор Амбель, посылая Вилу многозначительный взгляд: тебе, мол, следовало все это предвидеть.— Наверное, лучше сказать ему, Вил.

Долинец кивнул.

— Ну хорошо. Мы идем в Дикие дебри.

— В Дикие дебри? — Пек серьезно покачал головой, похоже, воодушевления у него сильно поубавилось.— Мне нельзя в Дикие дебри: это очень опасно.

— Да, мы знаем,— согласилась Амбель.— Но у нас нет выбора. Нам нужно именно туда. Сможешь ты нам помочь?

— Смогу,— твердо ответил мальчик.— Но лучше вам не идти через горы — это займет много дней.

— Но как же мы туда попадем? — поинтересовался Вил.— Разве есть другой путь?

Пек усмехнулся.

— Конечно есть. Мы можем перелететь через горы.

Вил беспомощно взглянул на Амбель.

— Пек, но мы... мы не можем летать,— мягко сказала она.

— Нет, можем,— возразил юный эльф.— Я же говорил вам, что я — крылатый всадник или почти крылатый всадник.

«Веселый малый,— подумал Вил,— и с богатым воображением».

— Но, Пек, чтобы летать, нужны крылья, а у нас их нет.

— Крылья? — Пек смутился, затем понимающе улыбнулся: — А-а! Ты думал... Да, я понимаю. Нет-нет, не у нас. У Генвен. У нас есть Генвен. Идите за мной.

Он быстро поднялся и пошел к краю рощи. Озадаченные, Вил и Амбель последовали за ним. Когда они вышли на открытый склон, Пек достал маленький серебряный свисток из кошелька, висевшего у него на шее, приложил свисток к губам и тихо подул в него. Звука не было. Вил взглянул на Амбель и покачал головой. Тем временем Пек положил свисток обратно и поднял голову к небу. Вил и Амбель тоже машинально посмотрели наверх.

Внезапно золотистая тень поднялась над Скалистым отрогом, ярко сверкая в лучах солнца. Никогда в жизни они не видели такой огромной птицы — гигантское существо, с размахом крыльев в полных тридцать футов, гладкая голова с высоким огненно-алым гребнем пестрела черными точками, огромный загнутый клюв и тяжелые когти. Вил и Амбель сразу же вспомнили крылатое черное чудовище, которое чуть было не схватило их в долине Ренн. Птица тяжело опустилась на луг, примерно в дюжине футов перед ними, запрокинув хохлатую голову, как гигантская курица, устраивающаяся на насесте. Пронзительный крик всколыхнул утреннюю тишину, птица резко наклонила голову к Пеку. Мальчик ответил ей странным гортанным криком, затем повернулся к своим изумленным спутникам.

— Это Генвен,— весело сказал он и широко улыбнулся.— Ну что? Я же говорил, что мы можем летать.

За этим последовал короткий рассказ; непосредственное присутствие Генвен помогло Вилу и Амбель лучше понять его.

Еще до правления Джерла Шаннары, до Второй войны рас, небольшая община эльфов перебралась с их исконных земель на юг — причины этого переселения давно были забыты — и обосновалась под Иррайбисом, в гористом лесном крае, не отмеченном на картах, на границе с безбрежным разливом вод, известным народам под названием Синий Раздел. Эти эльфы были предками Пека. Они жили охотой и рыболовством, строя свои поселения вдоль прибрежных утесов у Синего Раздела, к западу от озера Мериан.

Очень скоро эльфы обнаружили, что они не единственные, кто населяет эти утесы: огромные птицы гнездились наверху, в пещерах над водами Синего Раздела. Эльфы назвали их роками, по имени легендарной птицы древнего мира. Поначалу эльфы и птицы держались на почтительном расстоянии друг от друга, но потом эльфы пришли к выводу, что роки могут переносить их с места на место. Эльфы были не только смысленными, но и решительными, и они довели дело до конца. Не сразу, после многочисленных неудач, им все же удалось найти способ общения с гигантскими птицами, потом эльфы приручили несколько молодых роков и со временем — всю стаю. Теперь птицы стали переносить на себе эльфов, которые желали поохотиться в других местах. Вдобавок ко всему птицы, выгученные сражаться против врагов общины, стали еще и их защитниками. Эльфы в свою очередь охраняли роков от всяких враждебных им тварей, которые посягали на их территорию, стали заботиться о гигантских птицах, лечить их болезни и исцелять раны. С годами эта связь окрепла.

Эльфы и птицы делили Взмах Крыла — маленькую территорию, тихую и уединенную, расположенную в дикой местности, редко посещаемой чужеземцами. Все контакты с большими эльфийскими поселениями к северу от Диких дебрей давно прекратились. Эльфы во Взмахе Крыла создали свое правительство и, хотя признавали верховную власть королей Арборлона над землями Запада, себя считали отдельным народом. Они называли себя небесными эльфами, а всех остальных эльфов — земными.

Пек был сыном и внуком крылатых всадников. В их обязанности входило обучать роков, заботиться о пропитании и защите жителей Взмаха Крыла. У мужчин и женщин общины

были и другие обязанности, но должность крылатого всадника была самой почетной. Только они могли управлять роками. Только им позволялось летать по небу из края в край. Небесные эльфы оказывали крылатым всадникам уважение и доверие, а те преданно служили своему народу.

Пек уже второй год обучался искусству крылатых всадников. Учение начиналось очень рано и продолжалось до тех пор, пока юные эльфы не достигали зрелости. Часто выбор тех, кто однажды станет крылатым всадником, был фактически предопределен, так было и с Пеком: его отец и дед были всадниками, и оба ждали от мальчика, что он пойдет по их стопам. Генвен — рок его деда, дед уже слишком стар, чтобы часто летать; когда Пек станет крылатым всадником, он заберет Генвен к себе. Роки живут очень долго, за их жизнь успевают смениться четыре поколения эльфов, а то и все пять. Таким образом, получается, что рок последовательно служит нескольким хозяевам. Сначала Генвен служила деду Пека и, если будет здорова, еще послужит сыну юного эльфа, а может быть, и его внуку.

Но сейчас она принадлежит Пеку, который учился под руководством своего деда. Этот тренировочный полет и привел мальчика на Скалистый отрог, где он встретил Вила и Амбель. С каждым разом Пек должен улетать все дальше и дальше от Взмаха Крыла, ему обязательно дается задание, которое он должен выполнить, и правила, которым ему надо следовать. На этот раз ему предстояло оставаться семь дней в диких, малообитаемых местах; у него с собой было лишь немного хлеба, сыра и воды: дополнительную пищу и воду он добывал себе сам. Пеку нужно тщательно изучить и по возвращении как можно точнее описать участок горного края на границе с Дикими дебрями. Но, как и всем, кто еще только учится, ему ни в коем случае нельзя залетать в сами Дикие дебри. Он может приземляться в любом месте на границе с ними, но никак не в них самих. Он также должен опасаться встреч с их обитателями.

Инструкции были предельно ясны, и Пек никогда еще не нарушал их. Но сегодня утром, на второй день своей тренировки, пролетая на юг вдоль восточного края Скалистого отрога, он заметил две фигурки в сосновой роще внизу. Пек снизился, чтобы получше разглядеть их, и тут впервые заколебался. Кто эти странники — эльфы, как он сам, явно пришедшие издале-

ка, может быть из самой отдаленной части Западных земель: Что они делают здесь, в этой горной стране, так плохо снаряженные? Пек подумал и принял решение. Ему строго запрещалось общаться с жителями Диких дебрей, но относительно всех остальных никаких указаний не было — вероятно, это всего лишь оплошность деда, но факт оставался фактом. Несмотря на серьезность и осторожность, внушенные Пеку жесткими требованиями, он был всего лишь мальчишкой и в нем жил мятежный мальчишеский дух, жаждущий необыкновенных приключений. Дед оставил дверь запретов приоткрытой, и Пек не преминул этим воспользоваться. Что ж, вполне естественно. К тому же, хотя Пек и был очень послушным мальчиком, он был еще и очень любопытным. И последнее иногда побеждало первое.

К счастью для Вила и Амбель, на этот раз именно так и случилось.

Пек закончил рассказ, потом еще пару минут отвечал на вопросы. Жажда приключений полностью завладела им. Со сладким предвкушением чего-то необычного он спросил своих новых друзей, готовы ли они немедленно отправиться в путь. Генвен, правда, еще никогда не носила нескольких седоков, но она без труда может сделать это. Они еще не успеют испугаться, а она уже перенесет их через горы.

Вил и Амбель с сомнением смотрели на огромную птицу. Если бы у них был другой выход, они бы не задумываясь отказались от полета. Одна мысль о нем уже вызывала тошноту и головокружение. Но выбора не было, а мальчик ожидал только сигнала подняться. Вил пожал плечами и объявил, что они готовы. В конце концов, если этот мальчишка мог спокойно летать, то почему бы и им не сделать то же самое.

С Пеком во главе они двинулись к Генвен. Кожаная упряжь, наподобие конской, плотно обвивала огромное тело птицы. Пек указал на подставки для ног, которые позволяли взобраться по кожаной сбруе на птичью спину. Пока они поднимались, он крепко держал рока, потом вставил их ноги в кожаные петли внизу, показал, как надо держаться, и для большей безопасности привязал их к седлу. Затем Пек вручил им по маленькому кусочку темно-коричневого корня — его надо тщательно раз-

жевать и проглотить. Этот корень, как объяснил мальчик, должен облегчить неудобство полета, предохраняя от укачивания. Вил и Амбель послушно выполнили его указания.

Когда они оба немного успокоились, Пек достал откуда-то из-под седла длинный кожаный кнут и резко стегнул им Генвен. С пронзительным криком птица развернула свои огромные крылья и взмыла в утреннее небо. Ошеломленные, Вил и Амбель с каким-то оцепенением наблюдали, как земля быстро падает вниз. Сосновая роща сдвинулась в сторону; Генвен сделала широкий круг над лугами и устремилась на запад, к горному кряжу, подхваченная воздушным течением. Долинец и эльфийка испытывали странное, неопишное чувство. Поначалу они ощущали нечто среднее между слабостью и неудержимой веселостью, их тут же начало тошнить, но помог сок неизвестного корня. Потом слабость прошла, а веселость стала расти, полностью захватив их, когда они смотрели на землю внизу — на леса и болота, реки и горы. Это было потрясающее зрелище, они не могли и представить, как все это красиво сверху. Впереди, как острые зубы, поднимались из земли черные пики Скалистого отрога, ярко-синяя лента Мермидона выбивалась из скал; на севере грязным пятном раскинулась Заплетенная пуша, обрамленная яркой зеленью лесов Западных земель; на востоке, теперь очень далеко, высились башни Пикона; на юге густой туман Склизкой Топи тянулся к подножию Иррайбиса.

Генвен уже поднялась на высоту в несколько сот футов и летела прямо на Скалистый отрог — врезалась в скопление вершин, ловко скользила по расщелинам и проломам в скалах, то опускаясь в долины, то поднимаясь ввысь, над новой линией гор. Вил и Амбель железной хваткой вцепились в упряжь. Однако полет был гладким и ровным, огромная птица слушалась малейшего движения Пека, а тот уверенной рукой направлял ее вперед. Им повезло: ветра почти не было, только теплые мягкие дуновения, которые совсем не путали непривычных к полету путешественников. Пек быстро оглянулся через плечо на своих новых друзей и весело, диковато улыбнулся — мальчик был захвачен полетом. Амбель и Вил улыбнулись ему в ответ.

Они летели уже около часа, забираясь все глубже в горы, пока лес окончательно не пропал из виду. Иногда в просветах между скалами, далеко на юге, появлялась туманная дымка Склизкой Топи, утрюмой и коварной, потом исчезла и она. Горы сомкнулись вокруг, огромные башни скал закрыли солнце, все погрузилось в глубокий сумрак. Вил думал о том, что было бы с ним и с Амбель, попытайся они перебраться через эти неприступные горы пешком. У них бы вряд ли что-нибудь получилось, и особенно теперь, без помощи Эльфийских охотников. Тревога снедала долинца: преследует их демон или нет? Но вдруг он улыбнулся с некоторой долей удовлетворения: на этот раз даже Жнец, если он спасся в Пиконе, не отыщет их следов.

Потом Пек направил Генвен вниз, к высокому утесу, заросшему густой травой и дикими цветами, возле небольшого горного озера. Рок плавно опустился на землю, и наездники слезли: Пек легко и проворно спрыгнул со спины гигантской птицы, Вил и Амбель — довольно неуклюже, но на их лицах читалось явное облегчение.

Передохнув, они снова взобрались на Генвен, продолжая свой путь на запад, сквозь темные пики гор. Еще два раза они спускались на землю, давали себе и Генвен краткий отдых, после чего вновь поднимались в воздух. Каждый раз Пек предлагал Вилу и Амбель чего-нибудь поесть, и каждый раз они вежливо, но торопливо отказывались. Единственное, что они согласились съесть, — это еще по кусочку странного незнакомого корня.

Ближе к полудню они выбрались к восточной оконечности Диких дебрей. С высоты путешественники могли оглядеть всю долину целиком: глухие чашобы, окруженные горами Скалисто-го отрога и Иррайбиса и туманными болотами Склизкой Топи. Это было угрожающее, неприступное место, заросшее густыми лесами; там беспорядочно перемежались горные кряжи и низины, болота и одинокие вершины, раскиданные по лесам, вырывающиеся ввысь из деревьев, похожих на тянущиеся, цепляющиеся руки, скрюченные и безобразные. Не было ни домов, ни обработанных полей, ни пасущихся стад. Долина производила впечатление дикой, пустынной и неприветливой.

Вил и Амбель смотрели вниз с каким-то мрачным предчувствием.

Потом Пек направил Генвен обратно, в тень гор, и Дикие лебри скрылись за вершинами. Они без остановок летели вперед; полдень уже миновал, наконец Пек снова повернул на юг. Медленно и осторожно Генвен скользила по узкому пролому между скалами. Впереди снова появились Дикие лебри. Они летели прямо туда, вниз, вдоль неровного, ступенчатого оползня, который спускался в долину. У самого его края Генвен свернула направо, к широкому склону, где и опустилась на землю. Горный склон зарос мелким лесом, и Пек направил птицу под прикрытые раскидистой пихты.

Вил и Амбель осторожно сползли со спины рока, потирая ноющие, онемевшие мышцы. Пек что-то быстро сказал Генвен и повернулся к ним, его лицо пылало от возбуждения.

— Ну что? Видите? Мы сделали это! — Он широко улыбался.

— Да, действительно, — уныло ответил Вил.

— А что дальше? Что будем делать теперь? — Мальчику не терпелось ринуться на поиски приключений.

Вил, сморщившись, потянулся.

— Ты — ничего, Пек. Ты дальше не пойдешь.

— Но я хочу вам помочь, — настаивал юный эльф.

Вперед вышла Амбель, протягивая руку мальчику.

— Ты уже очень помог нам, Пек. Без тебя мы бы ни за что сюда не добрались.

— Но я хочу пойти...

— Нет, Пек, — быстро прервала его Амбель. — То, что нам надо делать теперь, очень опасно, мы не имеем права взять тебя с собой. Теперь нам нужно попасть в самую глубь Диких дебрей. Ты же сам говорил, что тебе туда нельзя. Ты должен оставить нас здесь. Вспомни, ведь ты обещал Вилу, что, как только мы скажем, ты уйдешь без всяких возражений.

Мальчик угрюмо кивнул.

— Я совсем не боюсь, — пробормотал он.

— Я знаю, — улыбнулась эльфийка. — По-моему, мало что может тебя испугать.

Пек порозовел от удовольствия, быстрая улыбка озарила его лицо.

— Ты можешь сделать для нас еще кое-что.— Вил положил руку ему на плечо.— Мы очень мало знаем о Диких дебрях. Расскажи немного, что нас там ждет?

— Чудовища,— без колебаний ответил мальчик.

— Чудовища?

— Разные чудовища. И ведьмы. Так говорит мой дед.

Вил не знал, что и думать. В конце концов, ведь дед Пека пытался удержать мальчика подальше от Диких дебрей и, вполне понятно, постарался напугать его. Например, всякими чудовищами.

— Ты когда-нибудь слышал о месте под названием Оберег? — быстро спросил Вил.

Пек отрицательно покачал головой.

— Я так и думал.— Вил вздохнул.— Значит, ведьмы и чудовища? Ну а дороги здесь есть?

Мальчик кивнул.

— Я покажу.

Он вывел их из пихтовой роши на маленький холм, откуда они стали смотреть вниз, на долину.

— Видите, вон там? — Он указал на кучу поваленных деревьев у подножия склона. Вил и Амбель долго вглядывались вниз, пока не увидели.— Там дорога, она ведет в Угрюмый Угол — это такая деревня. Все дороги в Диких дебрях ведут в Угрюмый Угол. Его не видно отсюда, но он там, внизу; нужно пройти по лесу несколько миль. Мой дед говорит, что это нехорошее место и люди там — разбойники и воры. Но, наверное, вам удастся найти там кого-нибудь, кто согласится стать проводником.

— Наверное, удастся,— благодарно улыбнулся Вил. В конце концов, разбойники и воры — это все же лучше ведьм и чудовищ. И вовсе не этого надо им опасаться. Есть еще демоны, самые что ни на есть реальные, и демоны ищут их, а может быть, уже поджидают там, в Диких дебрях.

Пек стоял, погруженный в глубокую задумчивость, потом поднял глаза.

— А что вы будете делать, когда найдете этот Оберег? — спросил он.

Вил колебался.

— Ладно, Пек. В Обереге мы отыщем тот талисман, о котором я говорил тебе. Потом мы возвратимся в Арборлон.

Лицо мальчика осветилось.

— Тогда я могу еще кое-что сделать для вас, — возбужденно проговорил он, вытащил из кошелька на шею серебряный свисток и протянул его Вилу.

— Пек, но... — начал было долинец.

— У меня есть еще пять дней, потом я должен вернуться во Взмах Крыла, — быстро прервал его мальчик. — Каждый день, ровно в полдень, нет — весь день, я буду летать над долиной. Если я буду нужен, подуйте в этот свисток. Человек не может слышать его звук — только рок. Если за эти пять дней вы найдете талисман, мы с Генвен отвезем вас на север, домой.

— Пек, я не думаю, что... — начала было Амбель, медленно качая головой.

— Подожди, — оборвал ее Вил. — Если Генвен сможет отвезти нас на север, мы сэкономим время, и нам не придется идти обратно по всем этим страшным землям. Амбель, мы должны вернуться как можно скорее, и ты это знаешь. — Он быстро повернулся к Пеку: — А Генвен сможет проделать такой путь? А ты?

Мальчик уверенно кивнул.

— Но он же сам говорил, что ему нельзя в Дикие дебри, — заметила Амбель. — Как же он там приземлится?

Но Пек уже обдумал и это.

— Мы приземлимся только для того, чтобы вы сели, а это займет полминуты, ну минуту.

— Не очень-то это хорошо, — возразила Амбель, укоризненно глядя на Вила. — Слишком опасно для Пека. И потом, ему доверяют, а он обманет своего учителя.

— Но я хочу помочь, — не отступал юный эльф. — Ведь вы сами сказали, что это очень важно.

Он говорил так убежденно и так настойчиво, что Амбель сразу не нашла что возразить. Вил воспользовался этой заминкой и снова вступил в разговор:

— А может быть, мы поступим так. Я обещаю: если Пеку будет грозить хоть малейшая опасность, я ни в коем случае не позову его.

— Но, Вил... — начал было мальчик.

— А Пек пообещает, что по истечении пяти дней он вернется во Взмах Крыла, как ему велел дед. Если через пять дней сигнала не будет, ты вернешься домой,— закончил Вил, резко прервав робкое возражение Пека.

Амбель некоторое время думала, потом неохотно кивнула.

— Хорошо. Но я прослежу, чтобы ты сдержал свое обещание, Вил.

Долинец встретился глазами с эльфийкой.

— Что ж, решено.— Он опять повернулся к юному эльфу: — А теперь нам надо идти, Пек. Спасибо тебе.

Он взял загрубевшую, мозолистую руку мальчика в свою и крепко пожал.

— До свидания,— проговорила Амбель и поцеловала Пека в щеку.

Тот опустил глаза и покраснел.

— До свидания, Амбель. Удачи вам.

Последний раз махнув рукой на прощание, Вил и Амбель повернулись и зашагали вниз по пологому склону. Пек стоял и смотрел им вслед, пока они не пропали из виду.

Глава 26

Прошло уже два дня после того, как Вил и Амбель в сопровождении Эльфийских охотников покинули Арборлон. Под вечер Эвентин Элесседил сидел в одиночестве в своем кабинете, низко склонившись над картами и стараясь сосредоточиться. Снаружи лил дождь, серый и бесконечный; эльфийские леса насквозь пропитались влагой. Сумерки начали сгущаться, длинные тени уже проникали сквозь огромные окна в дальнем конце кабинета.

Манкс лежал, свернувшись, у ног хозяина, удобно пристроив лохматую морду между передними лапами, дыхание его было глубоким и ровным.

Старый король поднял голову и потер покрасневшие глаза. Он обвел комнату отсутствующим взглядом и отодвинулся от стола.

«Алланон уже должен быть здесь,— тревожно подумал он.— Еще так много надо сделать, и все это требует помощи друида».

Эвентин не имел ни малейшего представления о том, где сейчас находится маг и что он делает, он куда-то уехал рано утром, и с тех пор его никто не видел.

Король эльфов смотрел на дождь. Уже три дня вместе с друидом и членами Большого совета он готовился к обороне эльфийского края. Время шло, Элькрис умирала, и Запрет слабел. Каждую минуту король ожидал известий о том, что заключенные во тьме демоны вырвались на свободу и нашествие на Западные земли началось. Армия эльфов находилась в полной боевой готовности: копьё и луки, сабли и мечи; пехота и кавалерия; личная гвардия и Черные стражи; действующие войска и резерв; эльфийские воины со всех концов края. Пришли все, кто мог, оставив дома и семьи; они собрались в столице, где их снарядили для войны. Но король хорошо знал, что даже железной воли армии эльфов, армии прекрасно обученных и преданных солдат, будет недостаточно, чтобы противостоять полчищам рассвирепевших демонов. Об этом сказал ему Алланон, а Эвентин всегда верил друиду. Демоны физически сильнее эльфов, да и число их гораздо больше, этих беспощадных, доведенных до бешенства и без того свирепых тварей, ведомых ненавистью, которая родилась в день их изгнания с земли и распространялась на всех, кто был причастен к этому изгнанию. Веками у демонов не было ничего, кроме этой ненависти, и теперь она найдет выход. Эвентин не обманывал себя: одним эльфам не выстоять, и, если они не получают никакой помощи, демоны уничтожат их всех до одного.

Нечего надеяться только на Амбель и семья Элькрис. Как это ни больно, но Эвентин знал: он должен смириться с тем, что, может быть, никогда больше не увидит свою внучку. Еще до ее возвращения в Арборлон король отправил гонцов к другим народам, предлагая им встать вместе с эльфами против первородного зла, которое опять угрожает его земле, против зла, которое в конце концов может поглотить их всех. Король отправил гонцов неделю назад, но ни один пока не вернулся. Конечно, еще слишком рано, ведь даже до Каллахорна — несколько дней езды верхом. Но и здесь король не обманывался: очень немногие откликнутся на его призыв.

Придут карлики, обязательно, — они всегда приходили на помощь эльфам. Карлики и эльфы спокон веку противостояли

любому врагу, который угрожал свободным людям Четырех земель, еще со времен первого Совета друидов. Но путь карликов к Западным землям из диких лесов Анара долог. И скорее всего они пойдут пешком — карлики не ездят на лошадях. Эвентин покачал головой. Они придут так быстро, как только смогут, но, возможно, все же недостаточно быстро для того, чтобы спасти эльфов.

Есть еще Каллахорн, но это уже не былой Каллахорн, не Каллахорн Балинора. Если бы Балинор был жив, если бы Букханны еще были у власти — Пограничный легион пришел бы немедленно. Но Балинор, последний из Букханнов, умер, а нынешний правитель Каллахорна, дальний родственник легендарного короля, занял трон скорее случайно, по стечению обстоятельств, и вряд ли при бурном одобрении своего народа. Это был нерешительный и слишком осторожный правитель, и он вполне мог счесть для себя удобным забыть, что эльфы всегда приходили на помощь Каллахорну. Правда, Объединенный совет Тирсиса, Варфлита и Керна сейчас обладал большей властью, чем король. Но они слишком медлительны; даже если эльфийский посланник сумеет убедить Объединенный совет в том, что дело не терпит отлагательства, они все равно будут слишком долго спорить и препираться, а Пограничный легион — бездействовать.

По иронии судьбы именно недоверие людей Каллахорна к их соседям, жителям Южных земель — и особенно к Федерации, — вероятнее всего, и задержит какие бы то ни было решительные действия. Только после уничтожения Повелителя чародеев и его воинства жители больших городов дальнего Юга осознали истинную степень угрозы, которую представлял Властелин Тьмы; с необыкновенной поспешностью и даже опрометчивостью, порожденной страхом, они заключили союз, который начинался как свободное объединение независимых земель с общими границами и общими опасениями и быстро перерос в хорошо организованную Федерацию. За последнюю тысячу лет Федерация стала первой формой управления, стремящегося окончательно сплотить людей Южных земель, а потом и весь людской род единой властью. Конечно же, эта власть будет сосредоточена в руках Федерации, о чем и было открыто заявлено. Теперь Федерация предпринимала попытку объеди-

нить оставшиеся южные города и провинции. За сорок лет своего существования Федерация стала господствовать почти над всеми Южными землями, лишь три больших города в Каллахорне еще сопротивлялись этому. Постоянные разногласия между Объединенным советом и Федерацией увеличивались, по мере того как Федерация все ближе подбиралась к границам Каллахорна.

Эвентин нахмурился. Он отправил посланника и к Федерации, однако мало надежды на то, что они откликнутся. Федерация никогда не обращала внимания на дела других народов. Да и вряд ли они поверят в нашествие демонов на Четыре земли. Люди дальнего Юга мало знают о волшебстве, которое тревожило другие земли еще со времен первого Совета друидов; южане жили довольно обособленно и до сих пор не сталкивались с ужасными тварями, они даже не подозревали об их существовании.

И снова король покачал головой. Нет, от Федерации не будет никакой помощи. Когда-то их точно так же предупреждали о нашествии Повелителя чародеев, и они не поверили. Нет, оттуда никто не придет.

К гномам вообще не посылали гонцов: все равно это бесполезно. Замкнутый и суровый род — гномы живут кланами, разрозненными племенами; все племя подчиняется своему вождю или предсказателю. При этом племена постоянно враждуют между собой. Обозлившиеся и ожесточенные после поражения под Тирсисом, гномы уже пятьдесят лет не вмешивались в дела других народов. Вряд ли сейчас они поступят иначе.

Оставались тролли. Тролли тоже жили отдельными племенами, но после непродолжительной Третьей войны рас они начали объединяться на безбрежных просторах Северных земель — несколько племен на определенной территории под управлением Совета. Одна из самых больших и ближайших общин располагалась на территории Кершальта, у северной границы эльфийских земель. Исторически сложилось так, что эльфы и тролли были врагами; во Второй и Третьей войнах рас они ожесточенно сражались друг с другом. Но когда пал Повелитель чародеев, вражда между ними заметно поутихла, и последние пятьдесят лет они жили сравнительно мирно. А между Арборлоном и Кершальтом вообще установились дружественные

отношения: была налажена торговля, и обе стороны намеревались вскоре обменяться посольствами. Вполне возможно, что тролли Кершалъта придут на помощь эльфам.

Старый король горько улыбнулся. Он знал, что должен использовать любую возможность. Эльфам нужны все, кого только можно найти и собрать. Иначе не выжить.

Эвентин встал со стула, потянулся и вновь взглянул на карты, в беспорядке разбросанные по столу: там были все части Западных земель, все известные эльфийские земли и окружающие их территории. Эвентин уже мог воспроизвести эти карты, каждую из них, по памяти. Вот только куда именно нужно направить эльфийскую армию? Где стена Запрета ослабеет в первую очередь? Откуда начнется вторжение?

Король медленно переводил взгляд с одной карты на другую. Алланон обещал точно сказать, где будет пролом, этого известия и ждало эльфийское войско.

Эвентин всматривался в сгущающиеся сумерки и вдруг заметил Андера — он шел по тропинке, низко склонив голову, пытаясь защитить лицо от дождя. Принц едва удерживал в руках огромную кипу записей различных слухов и донесений, которые Эвентин поручил ему собрать. Хмурое лицо старого короля смягчилось. В эти последние несколько дней Андер был просто незаменим. Король поручил ему скучную, но необходимую работу по сбору сведений — и к тому же работу неблагодарную, которую Арион наверняка посчитал бы ниже своего достоинства. Андер же взялся за нее без возражения. Король покачал головой. Странно: Арион — наследный принц, он всегда был ближе к Эвентину, чем младший сын, но за последние несколько дней король уже не раз чувствовал, что Андер гораздо больше похож на него. Именно Андер, а не Арион.

Эвентин перевел взгляд на тяжелое вечернее небо и вдруг подумал: а чувствует ли это Андер?

Когда Андер Элесседил вошел во дворец, скинул промокший плащ и свернул в темный коридор, ведущий в кабинет отца, на его лице отражалась только усталость. В руках он бережно нес большую стопку учетных журналов всех войсковых подразделений и целую кипу бумаг. У него был очень тяжелый день: никто ему не помогал, а родной брат отказывался даже разго-

варивать с ним. Брат вообще не обращал на него внимания с того самого момента, когда Андер принял сторону Амбель на Большом совете. Между ними давно прошла трещина, но теперь она превратилась в пропасть, и Андер не знал, как ее преодолеть. Сегодняшняя встреча с братом показала, насколько широка она стала. Утром отец поручил ему собрать сведения о подготовке к обороне эльфийского края, и Андер первым делом направился к Ариону, так как именно он занимался вопросами армии. Но брат даже не вышел к нему, послав вместо себя какого-то молодого офицера снабжения. Это расстроило Андера, и он чуть было не устроил ссору, но сдержался, потому что это неминуемо отразилось бы на отце. Старому королю и без того хватало забот и волнений. Сейчас, когда демоны угрожают родному краю, все личные обиды должны быть забыты.

Андер покачал головой. Это здравое рассуждение, однако, не принесло ему облегчения — отношения с братом сильно мучили его.

Андер подошел к двери отцовского кабинета, открыв ее ногой, вошел внутрь и осторожно, также ногой, прикрыл дверь. Он вымученно улыбнулся отцу и сел на свободный стул.

— Здесь все, — сказал он. — Записано и разложено по порядку.

Эвентин положил бумаги, принесенные Андером, на стол рядом с картами и повернулся к сыну:

— Я вижу, ты так устал...

Андер вскочил на ноги.

— Я...

Под напором дождя и ветра створки окна распахнулись. Застыв на месте, отец и сын наблюдали, как ворвавшийся ветер раскидал по полу карты и качнул лампы. В проеме окна стоял Алланон, его черный плащ влажно поблескивал в сумерках, потоки воды стекали на пол. Лицо друида было напряжено, губы плотно сжаты. Обеими руками он сжимал тонкий деревянный посох цвета чистого серебра.

На какое-то мгновение Андер встретился глазами с друидом — принц почувствовал, как кровь стынет в жилах. Что-то в выражении лица мага внушало ему страх — ответ решимости, силы и смерти.

Друид отвернулся и, шелкнув шпингалетом, плотно закрыл за собой окно, которое он каким-то образом умудрился открыть снаружи. Когда маг опять повернулся к ним, Андер рассмотрел серебряный посох получше и вдруг мертвенно побледнел.

— Что ты наделал, Алланон! — Слова вырвались у принца прежде, чем он успел как следует подумать.

Эвентин тоже разглядел посох и ошеломленно вскрикнул:

— Элькрис! Друид, неужели ты срезал ветку с живого дерева?!

— Нет, Эвентин, — мятко ответил маг. — Я не срезал. Как я мог повредить ее — жизнь этого края? Никогда.

— Но посох... — пробормотал король, пряча руки за спину, словно боялся ненароком прикоснуться к нему и обжечься.

— Я не срезал. Посмотри поближе.

Друид протянул посох вперед и медленно повернул его. Андер и Эвентин опасливо подошли поближе. Концы посоха были гладкими и закругленными. Не было и следов порезов или зазубрин. Этот посох не творение рук человеческих.

Эвентин смутился.

— Но как?..

— Она сама дала его мне, король эльфов, дала как оружие против врагов, которые угрожают ее земле и ее народу. — Голос Алланона был холоден. Казалось, он замораживает воздух в маленьком кабинете. — В нем — волшебство, что даст эльфам силу противостоять полчищам зла. Этот посох будет нашим боевым талисманом, он поведет нас, когда эльфам придется принять бой.

Друид выступил вперед, по-прежнему крепко сжимая посох обеими руками, его и без того тяжелый взгляд будто налился свинцом.

— Сегодня рано утром я ходил к ней в надежде найти оружие, с которым мы могли бы противостоять врагу. Она заговорила со мной и спросила, зачем я пришел. Я рассказал ей, что у эльфов больше нет магической силы, а моей может не хватить, чтобы выстоять против силы демонов. Я сказал, что мне нужна какая-то часть ее самой, потому что она — проклятие для демонов и только она может достойно противостоять им.

И тогда она протянула мне этот посох. Она дала мне его сама. Почувствуй его, король эльфов, — дотронься!

Он вложил посох прямо в руки Эвентина, и тот крепко сжал его. Глаза короля расширились от потрясения. Друид забрал посох и без слов передал его Андеру. Принц вздрогнул. Дерево было теплое, как будто внутри его текла кровь.

— Он живой! — благоговейно выдохнул друид. — Отделенный от нее, он наполнен ее жизнью! Этот талисман защитит эльфов от черной магии демонов. Пока у эльфов есть этот посох, сила Элькрис будет с ними. Она будет хранить их.

Он потянулся забрать посох у Андера, и их глаза снова встретились. Что-то невысказанное, но осязаемое прошло между ними — то самое понимание, которое Андер уже почувствовал однажды, в ту ночь на Большом совете, когда он принял сторону Амбеля.

Друид снова обратился к королю:

— Теперь слушай. — Он говорил быстро и очень тихо. — Сегодня ночью дождь кончится. Армия готова?

Эвентин кивнул.

— Значит, выходим на рассвете. Теперь надо действовать быстро.

— Но куда? — спросил король. — Ты знаешь, где будет пролом?

Темные глаза мага сверкнули.

— Да. Мне сказала Элькрис. Она чувствует скопление демонов в одном месте, чувствует, что именно там стена Запрета слабее всего. Там она и обрушится в первую очередь. Однажды там уже был разрыв, именно оттуда вышел тот, кто убил избранников. Тогда брешь закрылась, но рана не затянулась. Именно там будет сломан Запрет. Он уже ослабел, пробитый силой, что прорвалась сквозь него. Демоны собираются к этому месту, их ведет тот, чья мощь равна моей. Его зовут Дагдамор. Он делает так, что брешь откроется снова и на этот раз уже не затянется. Но мы будем ждать их. — Рука мага сжала посох. — Будем ждать. Мы встретим их там, у самого выхода, еще не сплоченных и не организованных, и преградим им путь к Арборлону. Мы будем держать их так долго, как только сможем, и дадим Амбелю время найти Источник Огненной крови и вернуться обратно.

Он замолчал и указал Эвентину и Андеру куда-то вперед. Затем он нагнулся, вытянул из кипы упавших карт одну и расправил ее на столе.

— Пролом будет здесь, — тихо сказал он.
Его палец впечатался в Седые низины.

Глава 27

Этим же вечером, когда дождь уже почти кончился, в Арборлон въехал Вольный корпус. Все, кто видел это, отрывались от дел и переглядывались со сдержанным шепотом.

Андер Элесседил все еще находился в кабинете отца. Как ни странно, это Алланон настоял на том, чтобы он остался и познакомился с картами Западного Саранданона и предполагаемыми планами обороны, — они втроем совещались, когда в кабинет ворвался Гаел.

— Мой король, кавалерия Пограничного легиона выехала из Каллахорна, — с ходу выпалил молодой паж, едва появившись в дверях кабинета. — Час назад наш патруль встретил их к востоку от города и теперь сопровождает сюда. Через несколько минут они будут здесь.

— Легион! — Улыбка пробежала по усталому лицу старого короля. — Я даже не смел надеяться. Кто командующий? Сколько их, Гаел?

— Не знаю, мой господин. Гонец сообщил только об их прибытии, но не уточнял...

— Не важно. — Эвентин уже был на ногах и направлялся к дверям. — Нам желанна любая помощь, кто бы ни...

— Король эльфов! — Резкий голос Алланона заставил Эвентина обернуться. — У нас здесь важная работа, которую нельзя прерывать. Может быть, твой сын сходит вместо тебя, хотя бы просто поприветствует людей Каллахорна?

Андер с удивлением посмотрел на друида, затем порывисто обернулся к отцу. Король колебался, но, увидев взгляд сына, кивнул:

— Хорошо, Андер. Передай мои приветствия командиру Легиона и скажи, что я встречу с ним лично попозже. Сегодня. Проследи, чтобы о них позаботились.

Довольный таким ответственным поручением, Андер поспешил из дворца. Его сопровождал отряд Эльфийских охотников. Удивление от неожиданного предложения Алланона сменилось мыслью о том, что все это как-то странно. Андер вдруг осознал, что друид постоянно вовлекает его в какие-то важные дела, когда в этом нет явной необходимости. Так было при встрече, когда маг рассказывал Эвентину об Амбель и об Источнике Огненной крови. Так было и перед отъездом друида в Паранор, когда тот поручил Андеру позаботиться о безопасности короля. Так было и на Большом совете, когда Андер испытал странное чувство общности с друидом, которое заставило его первым принять сторону Амбель. Так было и сегодня, когда Алланон рассказывал им про посох Элькрис. Не Андер — Арион должен был быть там. Почему же его не было?

Все еще занятый своими мыслями, принц вышел на улицу из главных дворцовых ворот; на дороге показались первые ряды кавалерии Каллахорна. Андер резко замедлил шаг и нахмурился. Он узнал этих всадников. Длинные серые плащи с ярко-красной каймой, широкополые шляпы с красным пером, лихо заломленные набекрень. Длинные луки и широкие мечи, притороченные к седлам, короткие мечи за спиной. Каждый всадник держал копьё с маленькими серо-красными флажками у самых наконечников; сбруя коней была легкой, кожаной, с железным креплением. В сопровождении Эльфийских охотников они ехали по размокшим улицам Арборлона ровными, аккуратными рядами, не глядя по сторонам на толпу, что собралась поглазеть на них.

— Вольный корпус, — пробормотал Андер себе под нос. — Они послали нам Вольный корпус.

Мало кто не слышал об этом отряде, самом знаменитом и вызывающем самые жаркие споры подразделении, когда-либо входившем в Пограничный легион Каллахорна. Свое название Вольный корпус получил от клятвы первых его солдат, которую они дали тому, кто собрал их, — они примут без страха и без лишних вопросов все, что ждет их впереди. Они пришли из разных краев, у них были разные судьбы, но собрались они по одним и тем же причинам. Среди них были воры, убийцы, мошенники, дезертиры других армий; аристократы и простолюдины; люди чести и те, кто не имел ее; чего-то ищущие, от

чего-то спасающиеся и просто неприкаянные души, плывущие по течению жизни,— но все они пытались как-то убежать от того, кто они есть, забыть, кем они были, и стать чем-то новым, абсолютно другим. Вольный корпус давал им такую возможность. Ни одного солдата ни разу не спросили о его прошлом, его жизнь начиналась со дня вступления в корпус.

Вольный корпус был ударным подразделением Легиона — его всегда посылали на самые рискованные и отчаянные операции. Его солдаты первыми шли в бой и первыми умирали. Корпус был образован тридцать лет назад, и с тех пор в каждом бою его потери были самыми многочисленными. У солдат Вольного корпуса не было прошлого, но и будущее было столь же неопределенно. Но в конце концов, за все надо платить. Это стало уже традицией корпуса: его солдаты погибали в бою. И самое удивительное, им было действительно не важно то, что они умрут; смерть стала реальностью их существования, они привыкли смотреть на нее как на старого знакомого, которого они не раз задевали плечами. Не важно, что они умрут; важно одно: умрут они достойно.

Они не раз подтверждали это, Андер прекрасно знал. Теперь их послали в Арборлон, чтобы они подтвердили это снова.

Войско остановилось у главных ворот, и высокий, одетый в серое всадник спешился. Он быстро взглянул на Андера, передал одному из солдат поводья и направился вперед. Подойдя к эльфийскому принцу, он снял широкополую шляпу и слегка склонил голову:

— Я — Сти Джанс, командир Вольного корпуса.

Андер не сразу ответил, он ошеломленно разглядывал воина. Сти Джанс был крупным мужчиной очень высокого роста. Обветренное и загрубевшее в боях, но все еще очень молодое лицо было покрыто сетью рубцов и шрамов, некоторые из них пересекали рыжеватую бороду, оставляя белые полосы на щеках и подбородке. Спутанные, цвета ржавчины, волосы были собраны в хвост и перехвачены кожаным шнурком. Мочка на одном ухе отсутствовала, в другой висело золотое кольцо. Командир внимательно смотрел на принца, взгляд его карих глаз был тяжелым, будто у статуи. Он поразил Андера.

Принц вдруг поймал себя на том, что ошарашенно пялится на Сти Джанса, и быстро отвел взгляд.

— Я — Андер Элесседил, король Эвентин — мой отец.

Он приветливо протянул руку. Пожатие человека из Каллахорна было железным. Андер обратил внимание на его руки, загорелые, мозолистые и обветренные. Принц быстро отпустил руку воина и оглядел длинный ряд серых всадников, безуспешно стараясь найти другие соединения Легиона.

— Король просил меня передать вам его приветствия и проследить за размещением солдат. Как скоро нам ждать остальных?

Слабая улыбка мелькнула на искромсанном лице воина.

— Больше никого не будет, мой господин. Только Вольный корпус.

— Только?.. — Андер запнулся в смятении. — Сколько у тебя солдат, командир?

— Шесть сотен.

— Шесть сотен! — Андеру не удалось скрыть своего разочарования. — А Пограничный легион? Когда его отправят?

Сти Джанс помедлил.

— Мой господин, думаю, что могу быть с вами откровенным. Скорее всего, они вообще не пошлют Легион. Совет городов еще не принял решения. Все Советы одинаковы: им легче обсуждать принятие решения, чем просто принять его. Ваш посланец говорил очень убедительно, но в Совете многие выступают за осторожность, они против. Король уступит Совету, Совет же смотрит на юг. Там Федерация — реальная угроза. А ваши демоны — просто миф.

— Миф?! — Андер был потрясен.

— Вам повезло, что они послали нас, — спокойно продолжал Сти Джанс. — Ведь и этого не было бы, если бы Совет не чувствовал необходимости успокоить свою совесть. Они все-таки согласились послать вооруженный отряд на помощь своим эльфийским союзникам. Что ж, Вольный корпус — это разумный выход. Впрочем, так всегда и бывает, когда возникает необходимость принести очередную жертву.

Он сказал это просто, без злобы и горечи. Взгляд воина оставался спокойным. Андер вспыхнул.

— Вот уж не думал, что жители Каллахорна настолько глупы! — Принц не смог сдерживать закипавший в нем гнев.

Сти Джанс молча рассматривал Андера, как бы оценивая, на что он способен.

— Я знаю: когда армии Повелителя чародеев напали на Каллахорн, пограничные земли просили помощи у эльфов. И эльфы дали им эту помощь. Но когда Эвентин попал в плен к Властелину Тьмы, в его отсутствие Большой совет эльфов оказался беспомощным.— Воин помедлил.— Сейчас в Каллахорне то же самое. В пограничных землях больше нет правителя, после Балинора у них нет короля.

Андер пристально смотрел на Сти Джанса, гнев принца постепенно утих.

— Ты искренний и прямой человек, командир.

— Я честный человек, мой принц. Это помогает мне лучше разглядеть кое-что.

— Некоторые в Каллахорне были бы не слишком довольны, услышав твои слова.

Воин пожал плечами.

— Вероятно, потому я и здесь.

Андер улыбнулся: Сти Джанс ему нравился. Конечно, он знал о нем очень мало, почти ничего, но ему вполне хватило того, что он узнал сейчас.

— Я погорячился, командир. Я не хотел обидеть тебя. Мои слова вырвались в гневе, они не имеют к тебе ни малейшего отношения. Пожалуйста, пойми это. И мы очень рады Вольному корпусу. Теперь я должен проследить за размещением твоих солдат.

Сти Джанс покачал головой:

— Нам не нужно никаких помещений. И мне не нужно — я всегда сплю с солдатами. Мой принц, мне сказали, что эльфийская армия выступает утром. Вольный корпус выйдет с нею. За ночь мы отдохнем. Пожалуйста, скажите это королю.

— Я скажу,— пообещал Андер.

Командир корпуса быстро отдал честь, повернулся и пошел к коню. Уже сидя в седле, он кивнул всадникам эльфийского патруля, которые сопровождали его отряд, и длинная серая колонна направилась по размокшей дороге налево от ворот.

Андер смотрел им вслед со смешанным чувством сомнения и восхищения. Шесть сотен людей... Он думал о многотысячных полчищах демонов и размышлял, что смогут сделать шесть сотен южан.

На рассвете под барабанный бой и завывание труб эльфы вышли из Арборлона: голоса поднимались в песне, знамена плескались ярким, живым цветом на фоне все еще серого, затянутого облаками неба. Впереди ехал Эвентин Элесседил — седые волосы ниспадали на кольчугу, правой рукой он твердо сжимал посох Элькрис. Рядом с ним был Алланон, высокий и черный, верхом на гигантском и еще более черном Артаке: как будто сама Смерть вышла из глубин земли, чтобы охранять эльфов. Чуть позади — сыновья короля: Арион, в белом плаще, нес боевое знамя эльфов — гордый орел на алом поле; одетый во все зеленое Андер держал в руках знамя дома Элесседилов — корона над сплетением дубовых ветвей. Дардан, Рой и еще три дожины Эльфийских охотников, личная охрана Эвентина, шли за ними; потом — серо-красный отряд Вольного корпуса, шесть сотен солдат. Пинданон ехал верхом во главе своей армии: покрытые царапинами от вражеских мечей латы лязгали на крепком, сухопаром теле, как бы передавая его напряженное состояние. За ним следовала эльфийская армия, огромная и грозная, — шесть колонн, тысячи солдат. Там было три полка кавалерии — боевые копыта поднимались густым лесом остроконечных стволов, — шесть полков пехоты с копьями и щитами и два полка лучников со знаменитыми длинными эльфийскими луками. Все были одеты по старинной традиции эльфийских воинов: легкие доспехи, кольчуги из тонких цепей и кожи, не стесняющие движений и не давящие на тело.

Это было грозное шествие: оружие и сбруя коней поскрипывали и звенели в тишине раннего утра, тускло мерцая в рассеянном свете нового дня; воины казались полупризрачными тенями, нашептывающими о смерти; сапоги и железные подковы глухо впечатывались в размокшую землю. Колонны шли прямо на север от города к отвесному склону Каролана и там сворачивали на Эльфитч — изогнутую дорогу-лестницу, что вела с высот Арборлона к лесам внизу. Горожане вышли на улицу. Встав вдоль дороги, эльфы прощались с уходящей армией — кто криками поддержки, ободрения и надежды, а кто и просто взглядом. У ворот Садов Жизни стояли Черные стражи, все как один подняв копыта в знак приветствия. На самом краю уте-

са собрались Эльфийские охотники. С ними был тот, кто в отсутствие короля принял бразды правления, — Эмер Чиос, первый министр Большого совета, теперь — Верховный защитник Арборлона.

Армия свернула с Каролана вниз по каменной дороге, закручивающейся спиралью по утесу, — семь пролетов, семь уровней, отмеченных семью стенами с железными воротами в каждой. Спустившись, армия повернула на юг, к теснинам. Мост над Поющим родником — единственный путь на запад от города, его железные сваи почти скрывали поднявшиеся воды реки. Как змея с металлической спиной, эльфийская армия проползла по мосту и направилась к тихим лесам по ту сторону реки. Оружие и доспехи мерцали в еще не рассеявшемся полумраке, знамен уже не было видно, бой барабанов, раскаты труб и песни отдавались слабым эхом и скоро совсем затерялись в листве деревьев. Огромная армия скрылась из виду.

Пять дней эльфийская армия шла на запад, пробираясь сквозь густые леса в сторону Саранданона. Тучи ушли на восток, к Каллахорну, и солнце светило с безоблачного неба. Кавалерия замедляла шаг, подстраиваясь под пехоту. Чем дальше на запад они продвигались, тем сильнее чувствовали нарастающую тревогу — опасность и угроза ощущались все отчетливее. Жители западных провинций, встревоженные смутными слухами, целыми семьями уходили на восток, поближе к Арборлону, забрав с собой лишь самое необходимое и дорогое. Дома и целые деревни стояли пустые и заброшенные. Беженцы испуганно шептали что-то об ужасных тварях, что стали бродить по Западным землям: жестокие, омерзительного вида чудовища, они убивали без причины и без разбора и исчезали так же внезапно, как появлялись. На пути армии встречались разграбленные, а то и полностью разрушенные дома, а иногда изломанные и растерзанные тела эльфов — доказательство того, что к западу от Арборлона больше нет ни одного безопасного места. Жители провинций бурно приветствовали проходящую армию, но сомневались в ее возможностях противостоять неведомому.

Вечером пятого дня пути армия вышла в долину Саранданон. На востоке и юге долину окружали леса, на севере к ней

прилегал горный массив Кенсроу, на западе — широкие воды Иннисбора. Сам Саранданон представлял собой огромное пространство плодородной земли, с редкими рощами и множеством родников,— поля и луга долины кормили все Западные земли. Семьи, живущие здесь, сеяли и убирали хлеб, а потом обменивали его или продавали в другие провинции.

Армия устроилась на ночлег на восточном краю долины, а на рассвете следующего дня двинулась дальше. Широкая земляная дорога пересекала всю долину от края до края, с востока на запад. На полях по обе стороны дороги жители Саранданона трудились с какой-то отчаянной решимостью. Здесь жил крепкий народ: почти никто не ушел отсюда на восток. Здесь, на этой земле, были корни всего, что имело значение в их жизни, и этих людей нелегко было запугать.

Уже ближе к вечеру армия вышла к западному краю долины. Далеко за Иннисбором темнела горбатая гряда Разлома. Она закрывала весь западный горизонт и уходила на север, огибая Кенсроу, к диким просторам Кершальта. Солнце как бы лежало на вершинах гор, ослепительный золотой свет скользил по скалам. А из стущавшейся темноты восточного неба бледно мерцала луна.

Армия повернула на север. Между Кенсроу и Иннисбором существовал проход из Саранданона в суровый холмистый край у подножия Разлома — Вход Баена. Здесь эльфы разбили лагерь.

В сумерках из Кенсроу так же внезапно и тихо, как и ушел туда несколькими часами раньше, вернулся Алланон. Он пробирался по лагерю, словно ночная тень, темная и одинокая, прямо к палатке короля эльфов, не обращая внимания на солдат, которые смотрели ему вслед: друид прятал лицо в тени капюшона. Эльфийские охотники, что стояли на страже у входа в палатку, молча расступились перед ним. Маг вошел без доклада.

Король сидел за маленьким, наскоро сооруженным столом — доски, положенные крест-накрест на двух колодах,— перед ним стоял почти нетронутый ужин. Дардан и Рой молча застыли в дальнем конце палатки. Друид подал королю знак глазами, и Эвентин отпустил стражу. Когда они вышли, Алланон сел за стол.

— Все готово? — тихо спросил он.

Король кивнул.

— А план обороны?

В дрожащем свете масляных ламп Эвентин увидел, что лицо друида покрыто потом. Он неуверенно поглядел на мага, потом отодвинул в сторону ужин и разложил на столе карту.

— На рассвете мы выходим к Разлому. — Король водил пальцем по карте. — Мы укрепимся в двух проходах, в Клине Хельса и Желобе Ворла, и будем держать демонов так долго, как только сможем. Если придется отходить, мы отступим обратно в Саранданон. Вход Баена — наша вторая линия обороны. У демонов есть три пути через Разлом. Они могут пройти с юга от проходов, через леса под Иннисбором, но потом они все равно свернут на север. Если же они пойдут на север сразу, им придется идти по скалистому краю выше Кенсроу, а потом — на юг. Вот сюда. Но в обоих случаях они потеряют время, может быть, несколько дней. Значит, они пойдут через Вход Баена. И через армию эльфов.

Темный взгляд Алланона был сосредоточен на лице короля.

— Да, они пойдут через Вход.

— Я думаю, мы сможем удерживать их несколько дней, — продолжал Эвентин. — Может быть, больше. Если они не додумаются обойти нас с флангов.

— Два дня, не больше. — Голос друида был ровным, без всяких эмоций.

Король напрягся.

— Хорошо, пусть два дня. Но если они возьмут Вход Баена, Саранданон будет потерян. Тогда у нас остается одно: Арборлон.

— Да, именно так. — Алланон подался вперед, крепко сжимая руки перед собой. — Теперь мы будем говорить о другом. Я кое-что скрывал от тебя. — Маг говорил тихо, почти шепотом. — Ты знаешь, что некоторые демоны уже вырвались на землю — Дагдамор и его помощники; но почему-то они не следят за нами и не преследуют нас. Я бы почувствовал их присутствие. Но я ничего не чувствовал с того самого времени, как мы вышли из Арборлона.

Король эльфов молча смотрел на мага.

— Я подумал: как-то странно, что они так мало интересуются нами.— Друид горько улыбнулся.— Сегодня днем я ходил в горы, чтобы там, в одиночестве, попытаться выяснить, где же они. Я могу найти тех, кто спрятан от моих глаз, но редко пользуюсь этим. Здесь надо действовать очень осторожно. Так как, обнаруживая сокрытое, я тем самым невольно открываю тем, чья магическая сила равна моей,— например, Дагдамору,— где я и где те, кого я ищу. Поэтому я не стал следить за продвижением Вила Омсфорда и твоей внучки: сделай я это, демоны бы узнали, где их искать. Но поискать самого Дагдамора было можно. Я искал его по всем окрестным землям, я искал, где он прячется. А он, оказывается, и не скрывался. Я нашел его с той стороны Разлома, в Седых низинах, его и всех, кто идет с ним. Но мысли их были закрыты для меня, и я не могу точно сказать, что именно они собираются делать. Я только чувствовал их присутствие. Зло, переполняющее их, так сильно, что даже мгновенное прикосновение к его потокам причинило мне сильную боль и я был вынужден уйти.— Друид выпрямился.— Без всякого сомнения, демоны собрались в Седых низинах, предчувствуя падение Запрета, которое они, конечно, постараются ускорить. При этом они действуют открыто, совершенно не беспокоясь о планах эльфов. А это означает, что они знают все наши планы.

Эвентин побледнел.

— Что?! Шпион в моем доме, тот самый, кто предупредил демонов, что ты будешь в Параноре?

— Да. Вот почему демоны так мало интересовались нашим продвижением,— согласился Алланон.— Если они уже знают о наших намерениях остановить их у Разлома, им не было нужды идти за нами, чтобы выяснить, что мы собираемся делать. Они ждали нас на месте.

Король понял смысл слов друида.

— Значит, Разлом может быть ловушкой.

Друид кивнул.

— Вопрос лишь в том, какой именно. Что они еще придумали? Пока у них недостаточно сил, чтобы выстоять против нас. Им нужны те, кто еще заключен внутри Запрета. Если действовать быстро...— Маг не закончил своей мысли и поднял-

ся. — И еще одно, Эвентин. Будь осторожен. Шпион все еще рядом. Он может быть очень близок к тебе, среди тех, кому ты доверяешь. Если представится удобный случай, он может тебя убить.

Он повернулся и быстро пошел к выходу, его темная тень метнулась по стене гигантским росчерком. Король молча смотрел ему вслед, затем резко поднялся.

— Алланон!

Друид оглянулся.

— Если демоны знают, зачем мы идем к Разлому, тогда они должны знать и то, что Амбель несет семя Элькрис в Дикие дебри.

Нависла гнетущая тишина. Двое молча смотрели в лицо друг другу. Потом, не ответив, друид повернулся, вышел наружу и скрылся в ночи.

В то же самое время Андер пробирался через переполненный лагерь в поисках Вольного корпуса и Сти Джанса. Предлогом была необходимость осведомиться о нуждах солдат, но на самом деле принцу просто захотелось увидеть командира корпуса. Андер не разговаривал с Джансом с того дня, когда Вольный корпус пришел в Арборлон, и ему очень хотелось узнать о загадочном южанине побольше. Сейчас у Андера не было никаких срочных дел, и он решил разыскать командира корпуса и поговорить с ним.

Он нашел Вольный корпус у южного склона Кеңсроу; караул был уже выставлен, кони расседланы и накормлены. Никто не остановил, не окликнул его. Андер никак не мог отыскать палатку командира и подошел к группе солдат, чтобы расспросить, где можно найти Сти Джанса. В конце концов его направили к капитану корпуса.

— Его-то? — Капитан был плотным, крепким парнем с густой бородой и раскатистым, гулким смехом. — Кто знает? Могут только сказать, что здесь его нет. Он ушел, как только мы разбили лагерь. Пошел в горы.

— На разведку? — недоверчиво спросил Андер.

Капитан пожал плечами.

— Что-то вроде этого. Побольше узнать о том месте, где он может умереть. — Он рассмеялся. — Никогда не доверяет другим — ему нравится делать это самому.

Андер смущенно кивнул.

— Наверное, поэтому он до сих пор и жив.

— До сих пор жив? Ха! Этот никогда не умрет. Знаешь, как его называют? Железный человек.

— Да, он выглядит здоровым и крепким, — согласился Андер; его любопытство достигло предела.

Капитан знаком подозвал его поближе, и на мгновение каждый из них забыл, с кем разговаривает.

— Знаешь о Райбеке? — спросил южанин.

Когда Андер отрицательно покачал головой, глаза капитана удовлетворенно засветились.

— Тогда слушай. Лет десять назад шайка гномов грабила и убивала людей на восточном крае пограничных земель. Грязные, злобные крысы — целая команда. Легион делал все, чтобы поймать их, но не тут-то было. И наконец король послал против них Вольный корпус, приказав во что бы то ни стало выследить их и уничтожить. Я помню эту охоту: тогда я уже был в корпусе.

Он присел на корточки поближе к костру, на котором готовилась еда, Андер сел рядом. Еще несколько солдат тоже подошли послушать.

— Пять недель шла охота, да. И всю дорогу корпус шел по следам этих гномов на восток, в Верхний Анар. Как-то наш патруль — всего-то двадцать три человека — натолкнулся на несколько сотен разбойников. Конечно, патруль мог бы уйти незамеченным, но не сделал этого. Это были солдаты Вольного корпуса, и они выбрали битву. Одного послали за подмогой, а остальные укрепились в Райбеке, маленькой деревушке, — так, горстка хибарок. Три часа эти двадцать два солдата держались против нескольких сотен гномов, отражая все их атаки. Лейтенант, три молодых офицера и восемнадцать солдат, да. Один из этих трех офицеров был совсем мальчишкой. Всего лишь семь месяцев в корпусе, однако уже капрал. О нем никто ничего не знал. Как и большинство из нас, он не особенно распространялся о своем прошлом. Через два часа этот мальчишка был единственным оставшимся в живых офицером. Солдат же было еще с полдюжины. Он перевел их в маленький каменный домишко. Он отказался слаться, отказался уступить. Когда подкрепление наконец прибыло, везде валялись мертвые

гномы. — Рука капитана сжалась в кулак перед лицом Андера. — Больше сотни. Все наши люди погибли. Все, кроме двоих, да и то один умер в тот же день. Остался только мальчишка-капрал. — Он помедлил и ухмыльнулся. — Это и был Сти Джанс. Вот почему его называют Железным человеком. А Райбек? — Капитан серьезно покачал головой. — Райбек показал, как могут сражаться и умирать солдаты Вольного корпуса.

Воины, собравшиеся у костра, согласно забормотали. Андер помедлил с минуту, затем поднялся на ноги. Капитан поднялся вместе с ним, вытягиваясь в струнку, как будто вспомнив, с кем он разговаривает.

— В любом случае, мой господин, командира сейчас нет. — Он помедлил. — Я могу что-нибудь сделать для вас?

Андер покачал головой.

— Я пришел спросить, может быть, вам что-нибудь нужно?

— Выпить бы немного! — крикнул кто-то из солдат, но капитан оборвал его.

— Все в порядке, мой принц, — ответил он. — У нас есть все, что нужно.

Андер кивнул. Крепкие люди, эти солдаты Вольного корпуса. Они проделали долгий путь к Арборлону и, едва отдохнув за ночь, выступили в Саранданон. А ведь никто не знает, что будет завтра. Действительно ли им ничего не нужно?

— Тогда спокойной ночи, капитан, — сказал он.

Андер повернулся и зашагал обратно, в эльфийский лагерь; из его головы не выходил только что услышанный рассказ о командире корпуса, которого прозвали Железным человеком.

Глава 29

Следующим утром эльфы и их союзники из Каллахорна свернули от Саранданона на север. Над восточными лесами уже забрезжил серебристый свет, когда армия прошла через Вход Баена. Кольчуги и сбруя коней позвякивали и скрипели, сапоги и подковы глухо стучали о землю, белый пар от дыхания висел в холодном утреннем воздухе. Никто не разговаривал, не насвистывал, не пел. Настороженность и ожидание охватили воинов. Эльфы и люди знали: теперь они идут на битву.

Они шли по пустынным холмам, склоны которых заросли колючей травой и редким кустарником; ветер и дождь прорезали в земле глубокие борозды и каналы. Впереди, все еще далеко, высилось темное месиво скал Разлома — черный силуэт на фоне умирающей ночи. Медленно, по мере того как солнце поднималось по небосклону, из темноты выступали горы — нагромождение вершин и утесов, впадин и оползней. Воздух начал теплеть. Солнечный свет озарил небо. Армия свернула на запад; длинная колонна всадников и пехоты пробиралась по глубоким оврагам, через гребни высоких холмов. На юге синими вспышками мерцали воды Иннисбора, над рябой поверхностью озера носились стаи белых кричащих чаек.

К полудню армия вышла к границе Разлома, и Эвентин объявил привал. Горы закрыли весь горизонт — гигантская темная стена камня. Отвесные скалы и острые вершины на тысячи футов впивались в небо, плотно вдавившись друг в друга, словно какой-то великан мял их в руках, пока камень не сплюснулся и не растрескался. Тихие и спокойные, бесплодные и холодные, горы были наполнены пустотой, темнотой и смертью.

Два прохода прорезали Разлом — тонкие нити, связующие землю эльфов с Седыми низинами. На юге — Клин Хельса, на севере — Желоб Ворла. Если демоны вырвутся из-за стены Запрета в Низинах, как предсказал Алланон, им нужно будет пробраться на восток, к Арборлону. Скорее всего, они пойдут через какой-то из этих проходов или же через оба сразу. Именно там эльфийская армия и попытается их остановить.

— Здесь мы разойдемся, — объявил король своим офицерам. Андер подъехал поближе, чтобы яснее слышать то, что скажет отец. — Половина пойдет на север, с принцем Арионом и командующим Пинданом, к Желобу Ворла. Другая половина — со мной на юг, к Клину Хельса. Командир Джанс? — (Бронзовое лицо южанина появилось перед королем.) — Вольный корпус пойдет на юг. Пинданон, командуй.

Кольцо всадников вокруг короля распалось. Андер быстро взглянул на Ариона, но тот холодно встретил его взгляд и отвернулся.

— Андер, ты поедешь со мной, — услышал он голос отца.

Отдав приказ, Каел Пинданон вернулся к королю. Два старых товарища, прощаясь, крепко пожали друг другу руки. Ан-

дер еще раз взглянул на брата, но тот уже направлялся к своей колонне.

Рядом с Андером возник Алланон, смуглое лицо мага было совершенно бесстрастно.

— Гнев недостойн принца, — спокойно сказал он и прищипорил Артака.

Раздался голос Пинданона. Армия разошлась, знамена и копья поднялись в прощальном салюте. Ободряющие крики всколыхнули утреннюю тишину, отдавшись эхом в утесах и расщелинах гор. Армия Пинданона направилась на север, скрываясь в облаке пыли, пока окончательно не пропала из виду.

Армия короля повернула на юг. Несколько часов они шли вдоль границы Разлома. Солнце, постепенно двигаясь на запад, перевалило через горный хребет, тени начали удлиняться. Спокойный и душный день сменился прохладой ранних сумерек. Холмы постепенно переходили в луга; у самого края низины, окруженный острыми, зубчатыми горами, открывался вход в Клин Хельса.

Эвентин объявил привал и собрал офицеров. На этом конце прохода на несколько миль раскинулась открытая равнина, она уходила на юг, к лесу. Если демонам как-то удастся перейти через Разлом южнее Клина Хельса, они могут пробраться на север через леса и запретить эльфийскую армию в горном проходе. Чтобы этого не случилось, эльфам надо выставить кордон у входа. Лучше всего оставить здесь кавалерию: от нее все равно будет мало пользы в узком проходе.

Андер заметил, что при этом отец взглянул на Сти Джанса и быстро отвел глаза. Эльфийская кавалерия останется здесь, объявил король.

Приказ был незамедлительно отдан. Кавалерия выехала вперед и развернулась на лугу. По сигналу Эвентина оставшаяся армия свернула в Клин Хельса — широкую, сумрачную щель в скалах; с обеих сторон возвышались неровные утесы. Дно прохода, прорезанное трещинами и щелями, круто поднималось вверх. Быстро похолодало, стук сапог и подков о камень отдавался каким-то жутким эхом. Люди и кони скользили и спотыкались на каждом шагу, движение замедлялось.

Потом они резко остановились. Перед ними открылась глубокая трещина: она уходила в темную пустоту, перекрывая путь

на сотни ярдов. Слева, вдоль скал, вниз бежала тропа, ровная и широкая, войско могло пройти по ней узкой колонной к дальнему краю трещины. Справа трещину огибал узкий выступ — неверная, осыпающаяся в пропасть дорожка, по которой едва мог проехать один всадник. По обеим сторонам отвесные стены как бы сходились друг с другом сверху, оставляя от неба лишь изломанную голубую линию.

Армия свернула налево, к более широкой дороге, солдаты шли очень медленно, стараясь не смотреть в темный зев пропасти. Они миновали расщелину и оказались у входа в каньон, заросший кустами и осокой. Дно каньона было усыпано галькой, узкие ручейки пробивались сквозь скалы, вода собиралась в небольших, поросших кустами ямах. При приближении армии зайцы шмыгнули в кусты и птицы резко поднялись в воздух.

Эльфы прошли каньон. Эвентин вскинул руку, давая сигнал к привалу. Король оглядел ущелье: нагромождение беспорядочно перемешанных скал и впадин, длинные шероховатые оползни. Он молча кивнул: именно здесь встанет армия.

Наступали сумерки. Мутно-серый вечерний свет гнался за алым закатом, который заполнил небо над Седыми низинами сполохами красного и золотого. За стеной гор серебряный диск луны поднимался над лесом, звезды одна за другой зажигались на фиолетовом небе.

Андер Элесседил стоял на небольшом бугре, примерно на полпути вниз по ущелью, что вело к Низинам, сжимая в руках серебристо-белый посох Элькрис. Он рассматривал линии Эльфийских охотников и солдат Вольного корпуса, в который раз обдумывая планы обороны прохода. Широкий холм перекрывал ущелье в нескольких сотнях ярдов от входа — низкий выступ скалы, усыпанный шатким камнем и заросший редким кустарником, он возвышался неровным наклоном. Первоначально армия расположится здесь. Лучники встанут в линию перед холмом и сдержат первый натиск демонов, когда те войдут из Низин в Клин Хельса и начнут подниматься на выступ. Когда же демоны подойдут слишком близко, лучников заменит пехота, вооруженная копьями, — она и примет на себя главный удар. Вторая фаланга пехоты останется в резерве, чтобы

при надобности подкрепить первую. Эльфы будут держать холм столько возможно, потом отойдут в глубь ущелья на такую же позицию. Если демоны возьмут ущелье, эльфы отступят ко входу в каньон. Если отобьют и его, они будут оборонять сам каньон — и так до тех пор, пока армия не будет окончательно вытеснена из Клина Хельса. Это хороший план. Чем больше Андер думал об этом, тем больше убеждался в том, что не так-то просто будет взять проход.

Андер поднял голову и стал смотреть на Низины. Никакого движения. Пространство тихо и пустынно. Демонов не было и в помине. Пока.

Но они придут. Руки принца медленно скользили по гладкой поверхности посоха Элькрис. Отец оставил ему посох, пока сам обходил линии обороны. Андер глубоко вдыхал ночной воздух. Действительно ли посох защитит эльфов? Поможет ли он тем, кто теперь обратился в обычных смертных, забыв магию своих предков? Андер смотрел на посох, крепко сжимая его в руках, пытаясь почерпнуть в нем силу. Алланон говорил, что в посохе заключена власть Элькрис над демонами, которая ослабит их и сделает уязвимыми для эльфийского оружия. Но Андер не мог избавиться от сомнений. Демоны — непостижимое зло, рожденное в мире, которого давно уже нет, в мире, которого никто, кроме них, никогда не видел и не может даже представить.

Он поправил себя: никто, кроме Алланона. Друид, быть может, и сам часть этого темного, забытого мира.

Внезапно из темноты появился отец; выскользнув из ночных теней, он встал позади Андера. Принц молча протянул ему посох. Усталость и забота отражались в глазах старика, и Андер заставил себя отвести взгляд.

— Все в порядке? — спросил он немного погодя.

Король сдержанно кивнул.

— Все посты на местах.

Они опять замолчали. Андер не знал, что еще сказать, и лихорадочно думал. Он испытывал какую-то странную стесненность, и она беспокоила его — неосознанная тревога и неопределенность; он хотел быть ближе к отцу. И хотел, чтобы Эвентин понял это. Но ему было сложно говорить с отцом о таких вещах. Они оба не привыкли открыто выражать свои чувства.

Настроение Андера резко упало. Так же было и с Арионом — особенно с Арионом. Между ними стоял барьер, который он всегда ощущал, но который можно было бы преодолеть, если бы они оба смогли поговорить об этом. Но они даже не попытались. Теперь же барьер стал еще выше. Арион рассердился на него за то, что на Большом совете Андер принял сторону Амбеля, и теперь вообще не разговаривает с ним. Откуда в нем, в Арионе, столько ожесточения? Но Андер мог понять и это. Когда Амбель много месяцев назад покинула Арборлон, без всяких объяснений отказавшись от чести избранничества, оба брата испытали настоящую горечь и боль — и он не меньше, чем Арион, потому что тоже любил девочку. Он даже позволил этой горечи ослепить себя, на какое-то время забыв, что она, Амбель, значила для него. Но во время их последней встречи бывшая любовь к племяннице проснулась в его душе с прежней силой. Андеру очень хотелось объяснить все это брату, ему было нужно поговорить с ним. Но почему-то он никак не мог решиться.

Андер встрепенулся, вдруг осознав, что позади него стоит Алланон. Друид возник буквально ниоткуда, без единого звука, даже его черный широкий плащ ни разу не зашуршал. Лицо мага было закрыто капюшоном, но Андер почувствовал, как Алланон пристально смотрит на него, а потом — мимо него, на отца.

— Ты разве не спишь?

Эвентин как будто смутился:

— Нет... Еще нет.

— Тебе надо отдохнуть, король эльфов.

— Да, сейчас. Алланон, как ты думаешь, Амбель жива?

Андер задержал дыхание и бросил взгляд на друида. Тот ответил не сразу:

— Она жива.

Король ждал продолжения, но Алланон молчал. Тогда Эвентин снова спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, просто я так думаю.

— Тогда почему ты думаешь, что она жива?

Друид поднял голову, изучая глазами небо.

— Потому что Вил Омсфорд еще не использовал эльфийские камни. Если бы Амбель что-нибудь угрожало, долинец обратился бы к их силе.

Андер нахмурился. Эльфийские камни? Вил Омсфорд? О чем это он? Потом вспомнил вторую закутанную в плащ фигуру на Большом совете. Они вошли втроем: друид, Амбель и этот таинственный незнакомец, который себя не назвал. Вероятно, это и был Вил Омсфорд.

Андер быстро повернулся к друиду, собираясь задать вопрос, но сдержал себя и отвернулся. Если бы Алланон хотел, чтобы Андер знал больше, он бы сам рассказал ему. Но тогда почему он упомянул об этом?

Смушенный, он принялся следить глазами за солнцем, скользящим за горизонт; цвета заката медленно растворялись в ночи.

— Там, у входа, сторожевые костры, — пробормотал Эвентин, прерывая неловкое молчание. — Надо распорядиться, чтобы их зажгли.

Король спустился в ущелье, и Андер остался наедине с Алланоном. Они стояли молча — неподвижные статуи в сгушающейся темноте, — глядя вслед ссутулившейся фигуре старого Эвентина, пока тот пробирался сквозь изломанные скалы. Шли минуты, Андер подумал было, что друид забыл о нем, но вдруг голос мага прорезал тишину:

— Ты хочешь узнать о Виле Омсфорде, принц эльфов?

Андер посмотрел на него с изумлением, потом слабо кивнул.

— Ну что ж. — Алланон даже не взглянул на него. — Слушай.

Он рассказал принцу о том, кто такой Вил Омсфорд и что он может сделать для эльфов. Андер припомнил, что его отец неоднократно говорил о долинцах, Ши и Флике Омсфордах, и об их поисках легендарного меча Шаннары. И вот оказывается, внук Ши — наследник магической силы, которой со времен разрушения древнего мира не было больше ни у одного эльфа, — стал защитником Амбель.

Друид закончил рассказ; некоторое время Андер молчал. Задумавшись, он смотрел в ночь, где скрылся его отец. Потом снова взглянул на друида.

— Почему ты рассказал мне все это, Алланон?

— Потому что тебе нужно это знать.

Андер медленно покачал головой.

— Я имел в виду: почему — мне?

Теперь друид наконец-то взглянул на него; лицо мага было скрыто в густой тени капюшона.

— Есть много причин, Андер, — сказал он мягко, потом помедлил. — Может быть, потому, что той ночью на Большом совете ты первым вышел поддержать Амбель, когда все колебались. — Он еще мгновение смотрел в глаза Андеру, потом отвернулся. — Теперь тебе надо отдохнуть. Иди спать.

Андер кивнул, его мысли были далеко отсюда. Истинную ли причину назвал друид? Через мгновение, когда он поднял глаза на друида, тот уже исчез.

Глава 30

Рассвет не прорвался сквозь глубокий серый туман, покрывающий Седые низины. Густой, непроницаемый, он окутал землю, как саван смерти. Ночь растворялась в тумане, пока бледный серебристый свет восходящего солнца стекал вниз с Разлома. Вздываясь и опускаясь, туман вспенивался у стены гор, как ядовитое варево в огромном котле, взбудораженный и шевелящийся. Он заполнял все пространство, поднимаясь над утесами; казалось, еще немного — и горы будут поглощены им.

Вместе с отцом и Алланоном, в кольце Эльфийских охотников, стоя на высоком холме в глубоком сумраке Клина Хельса, Андер Элесседил смотрел вниз. Там эльфийская армия готовилась к бою. Лучники, пехота с копьями и мечами ряд за рядом перекрывали ущелье, которое выходило в Седые низины, держа наготове оружие, не отрывая глаз от тумана, кипящего у входа Клин Хельса. Оттуда, из тумана, должны прийти демоны, но пока их еще не было. Время шло, и солдаты начали беспокоиться. Как свою собственную, Андер чувствовал их тревогу, постепенно переходящую в неудержимый страх.

— Крепитесь! Не надо бояться! — Голос друида раздался внезапно, и все головы как одна повернулись к закутанной в черное фигуре. — Туман. Это демоны наслали туман. Теперь смелее! Запрет вот-вот рухнет — сейчас демоны будут здесь!

Туман пенился у входа в Клин Хельса, как бы перед невидимым барьером, который не позволял ему проникнуть дальше. Тишина нависла над землей, глубокая и всеобъемлющая. Руки Андера, сжимающие знамя дома Элесседилов, произвольно дрожали, он безуспешно пытался унять дрожь.

Вопли раздалась внезапно, частые и далекие, как бы рвущиеся из недр земли. Где-то внутри тумана всполохи красного огня врезались в еще темное утреннее небо, и клубящаяся дымка как будто слегка приподнялась. Вой стал громче, внезапно обратившись в разрозненные крики, пронзительные и свирепые, исполненные безудержной ярости. Они сложились в единый нескончаемый визг, который ворвался в узкий туннель Клина Хельса.

— Вот оно! — сурово прошептал Алланон.

Солдаты опустили на колени. Лучники натянули тетиву, пехота опустила копья. У самого прохода туман изверг красный огонь, окрасивший небо и землю в алый цвет. Вопли поднялись до оглушительной высоты, казалось, раздался мощный взрыв, который, вырвавшись из Низин, врезался в скалы Разлома и потряс их до основания. Сила звука была такой, что опрокинула эльфов на землю; Андер вскрикнул от ужаса. Все быстро вскочили на ноги, не сводя глаз с тумана. Все стихло. Туман снова висел, спокойный и серый.

— Алланон? — едва слышно проговорил принц.

— Запрет разрушен, — выдохнул друид.

В следующее мгновение крики снова хлынули из пустоты Низин — неистовый рев ликования и торжества, — и полчища демонов, наконец-то свободных от своего многовекового плена, ринулись в Клин Хельса. Они неслись по ущелью — волна напряженных, корчащихся темных тел различных размеров и очертаний; они шли, извиваясь в черноте, которая окружала их. Зубы и когти, острые иглы шипов и колючие гребни, волосы, чешуя и щетина; они неуклонно приближались — топтались и ползли, ввинчивались под землю и летели, прыгали и скользили, — твари из древних легенд и полуночных кошмаров. Здесь были все существа из старинных страшных преданий: полузвери-полулюди, бегущие серые тени, едва уловимые взглядом; неуклюжие огры — людоеды-великаны с отвратительно искаженными лицами; гремлины — они неслись в воз-

духе, увлекаемые ветром; черти-импы и гоблины, черные от грязи и слизи; змееподобные существа ядовито шипели и бешено извивались; фурии и вервильфы; упыри, вурдалаки и прочие твари, что пожирают человеческое мясо и пьют кровь; гарпии и гигантские летучие мыши закрыли небо черной пеленой. Продираясь сквозь клубы тумана, они рвали и царапали друг друга в своем стремлении поскорее вырваться на свободу.

Эльфы натянули длинные луки, и черные стрелы вонзились в ближайших демонов. Но остальные ломались прямо по телам упавших собратьев, лишь немного замедлив ход. Снова и снова летели стрелы, но демоны шли вперед, крича от боли и ярости. Уже меньше пятидесяти ярдов разделяло две армии, и лучники отступили; с обоих флангов на вершину холма двинулась пехота, держа наготове копья. Демоны рванулись вперед — волна извивающихся тел неслась к разломанной стене ущелья, туда, где их ждали эльфы.

С глухим треском волна демонов накатилась на стену фаланги, прокладывая себе путь когтями и зубами. Первые ряды эльфов дрогнули, но устояли. Демоны накололись на пики, их жалобные вопли заполнили все пространство ущелья. Эльфы с ужасом наблюдали, как безжизненные тела поглощались живой массой, которая шла следом за ними. Демоны снова набросились на фалангу, на этот раз некоторые прорвались сквозь линию, но лишь затем, чтобы тут же погибнуть, — воины задних рядов быстро двинулись вперед и заткнули бреши в передних. Но теперь погибали и эльфы, погребенные под темной волной атакующих. А демоны все валили из тумана; тысячи, они плотно забили вход в Клин Хельса, стелились по дну, висели на стенах ущелья. Черные стрелы неизменно поражали их, но там, где упал один, трое занимали его место.

Эвентин отдал приказ отступить. Эльфы поспешно вышли из боя и отошли ко второй линии обороны — на изломанный выступ скалы как раз под дорогой, что вела обратно в каньон. Снова эльфы натянули луки, и град стрел полетел во вздымающуюся внизу массу. Пехота приготовилась встретить атаку. И она последовала незамедлительно: волна беснующихся демонов, пробираясь сквозь кустарник и камни, рвалась на эльфийские копья. Сотни и сотни погибли в этом бою, пронзенные стрелами и копьями, задавленные своими же собратьями.

Но твари все прибывали, просачиваясь из тумана в глубокую воронку ущелья. Эльфы отбрасывали их назад — один раз, второй, третий. Темные тела забили Клин Хельса; раздавленные и истекающие кровью, демоны вопили от боли и ненависти.

Андер стоял у самого входа в каньон и молча наблюдал за ходом боя. Как и обещал Алланон, посох Элькрис ослабил демонов — они стали уязвимы для эльфийского оружия. Но, похоже, одного этого, несмотря на доблесть солдат, удачный выбор линий обороны и все тщательно разработанные планы, было недостаточно, чтобы остановить рвущиеся вперед толпы. Демонов было слишком много.

Андер быстро взглянул на отца, но король не видел его: он был полностью поглощен битвой. Эвентин крепко сжимал в руках посох Элькрис. А там, внизу, линия эльфийской обороны начала прогибаться. Используя оружие убитых эльфов, палки и камни, зубы, когти и просто физическую силу, демоны старались разорвать редеющую линию пехоты, которая все еще преграждала им путь. Вольный корпус, до нынешнего момента бывший в резерве, бросился к самому центру эльфийских рядов. Боевой клич взмыл в небо. Но демоны все наступали.

— Мы больше не можем держаться,— пробормотал Эвентин и приготовился дать сигнал к отступлению.

— Будь рядом,— вдруг прошептал Андеру Алланон.

В тот же самый момент демоны прорвались на левом фланге и устремились вверх по ущелью к группе людей, стоящих у входа в каньон. Солдаты личной гвардии выступили вперед, защищая короля и Андера, Дардан и Рой стояли в двух шагах от Эвентина с обеих сторон. Короткие мечи были наготове, металл сверкал. Андер торопливо воткнул древко знамени в каменистую почву и схватился за оружие. Тело покрылось потом, во рту пересохло от страха.

И тогда вперед выступил, подняв руки, Алланон, черный плащ развевался по ветру. Синее пламя, вырвавшееся из его пальцев, затмило свет солнца, земля вокруг демонов взорвалась. Дым повалил из камней и рассеялся над безжизненными темными телами. Но погибли не все. На мгновение оставшиеся, казалось, засомневались, но на место убитых встали другие, теперь уже было невозможно повернуть назад. Визжа от ярости, демоны устремились вперед и врезались в ряды личной

гвардии. Бой был ужасен. Демоны падали под мечами Эльфийских охотников, лишь малая горстка прорвалась сквозь заслон и бросилась к королю. Тоший черный гоблин прыгнул прямо на Андера, норовя вцепиться когтями ему в горло. Принц поднял короткий меч, отражая нападение. Тварь снова рванулась к нему, но один из солдат личной гвардии встал между ними и одним ударом поверг демона наземь.

Андер в ужасе замер, наблюдая приближающуюся битву. Демоны разметали весь левый фланг, и Алланон опять выступил вперед, чтобы встретить натиск. Синее пламя вонзилось в нападающих, воздух наполнился криками. Часть демонов прорвалась и на правом фланге и, в неистовом возбуждении битвы, устремилась по склону в отчаянной попытке помочь своим братьям, которые оказались запертыми между эльфийскими линиями обороны. Андер похолодел: личная гвардия не сможет остановить их всех.

Вдруг Эвентин, содрогнувшись, опустился на землю: удар дубины пришелся прямо в висок. Посох выскользнул из его рук. Демоны взревели и с удвоенной яростью бросились вперед. Кольцо черных тел смыкалось вокруг упавшего короля.

Но Андер, забыв свой страх, уже бежал к отцу, лицо его искажилось от ненависти. Со свирепым криком он ворвался в ряды ближайших демонов, черных гоблинов, точно таких же, как тот, что минутой раньше едва не прикончил самого Андера; два гоблина упали замертво еще до того, как остальные успели осознать, что же произошло. Как безумный, Андер раскидал их, отталкивая от упавшего отца.

На мгновение все смешалось в диком хаосе. Эльфийская линия обороны была отброшена назад, почти к самому входу в каньон. Демоны толпами напирали, разрывая отставших эльфов и ликующе вопя при виде упавшего Эвентина. Андер бешено отбивался от демонов, пытающихся приблизиться к его отцу. В пылу боя он споткнулся о чье-то тело и упал. Демоны тут же навалились на него. Когти впились в тело, тянули кольчугу, и Андер понял, что сейчас он погибнет, но Дардан и Рой, прорубив дорогу сквозь толпу демонов, раскидали напавших на принца и вытащили его из-под груды черных тел. Ошеломленный, он бросился к тому месту, где лежал отец, опустился перед ним на колени и стал лихорадочно нащупывать пульс. Пульс был, но медленный и слабый.

Подошел Алланон. Схватив упавший посох Элькрис, он рывком поднял Андера на ноги и вложил талисман ему в руки.

— Горевать будем потом, принц эльфов.— Темное лицо придвинулось к лицу Андера.— Теперь ты должен командовать. Быстро уводи эльфов в каньон.

Андер приготовился было возразить, но остановился. Что-то во взгляде друида сказало ему, что теперь не время и не место для споров. Он молча повиновался. Прежде всего он приказал унести отца с поля боя. Потом, собрав вокруг себя остатки личной гвардии, послал гонцов в центр и на оба фланга эльфийской обороны с приказом немедленно отступать. Стоя рядом с Алланоном, он выпрямился, расправил плечи — солдаты внизу видят его — и наблюдал за битвой, которая стремительно надвигалась.

Эльфийская пехота и солдаты Вольного корпуса сбились в кучу у входа в каньон. Откуда-то появился Сти Джанс: рыжие волосы развевались на ветру, огромный меч сверкал. Потом Алланон высоко поднял руку над головой, черный плащ разлетелся, синее пламя вырвалось из пальцев мага.

— Скорее! — приказал он Андеру.— Обратно в каньон!

Андер поднял посох Элькрис и громко повторил приказ. Последние солдаты вышли из боя и устремились в узкий проход. С криками ярости демоны бросились за ними.

Алланон остался один. Демоны рвались к нему, пробираясь вверх по ущелью, — напиральная волна черных тел. Друид напрягся, поднял руки, и из его пальцев опять вырвался синий огонь. Казалось, сам воздух вдруг загорелся, поднявшись, как стена, перед взбешенными демонами, преграждая им путь в каньон. С воем и криками они отпрянули.

Уже в каньоне Алланон повернулся к Андеру:

— Пламя продержится несколько минут.— Лицо друида было покрыто потом и грязью.— Потом они снова ринутся на нас.

— Алланон, неужели нельзя как-то остановить их?..— безнадежно начал Андер.

— Нет, мы не можем... Не здесь, не сейчас.— Друид сжал руки.— Проходы в Разломе потеряны. Нам надо уходить как можно быстрее.

Андер уже отдавал приказы. Армия устремилась назад по каньону, всадники ехали впереди вместе с ранеными, которые

могли сидеть на конях; за ними — пехота и лучники, они несли тех, кто не мог идти. Солдаты личной гвардии несли потерявшего сознание короля. Андер и Алланон замыкали шествие. Они уже добрались до середины каньона, когда пламя, преграждавшее демонам путь, ярко вспыхнуло и пропало.

Какой-то миг вход пустовал, потом демоны вломились в каньон, давя друг друга и забывая узкий проход, — вслед уходящей армии. Но они опоздали. Армия эльфов уже достигла теснины, которая вела к расщелине. Отряд Вольного корпуса во главе со Сти Джансом встал на страже у входа. Эльфам осталось преодолеть лишь последние несколько сотен ярдов по дну каньона. У самого входа в теснину Андер и Алланон оглянулись.

Зрелище было поистине ужасающим: растянувшись от стены до стены, демоны переполняли каньон, черные тела металась, как крысы, гонимые водами какого-то чудовищного наводнения. Земля потемнела, покрытая скачущими, извивающимися, корчащимися телами, летучие твари закрыли небо.

Вдруг показалось огромное чешуйчатое чудовище. Темно-зеленое, покрытое слизью, оно возвышалось над своими собратьями, так что даже самые громадные из них выглядели в сравнении с ним карликами, — тварь пробивала себе дорогу, раскидывая всех, кто попадался ей на пути... Это был дракон. Шесть кривых когтистых лап, заросших жесткой щетиной, поддерживали прогибающееся под собственной тяжестью туловище с острым гребнем. Голова раскачивалась, будто выскивая жертву, — рогатая, покрытая коркой искореженная глыба, из которой светился единственный, без века, зеленый глаз. Почуввав запах эльфийской крови, дракон широко раскрыл пасть с неровными рядами острых зубов, тяжелый хвост забился, раскидывая и увеча демонов. Те, кто был впереди, поспешно давали ему дорогу; чудовище упорно двигалось вперед, сотрясая скалы своей тяжелой поступью.

Алланон наблюдал за приближением дракона, потом повернулся к Андеру:

— Переходи расщелину. Быстро!

— Но дракон...

— ...слишком велик для тебя.— Голос друида был холоден.— Делай, как я сказал. А дракона оставь мне.

Андер отошел отдать приказ; армия эльфов отступила на дальний конец расщелины, Андер и Сти Джанс обернулись посмотреть, что будет дальше.

Алланон стоял, не сводя глаз с каньона. Дракон уже пробирался наверх, к теснине. Чудище приметило друида — эту черную одинокую фигуру, которая не бежала, как остальные, — и жаждало лишь одного: схватить и раздавить его. Массивные лапы взрывали землю и раскалывали на части камни.

Алланона отделяло от дракона менее сотни ярдов, когда руки поднялись, ладони обратились прямо к чудовищу. Из пальцев вырвался синий огонь, вонзился в голову и шею дракона, запах горелой плоти наполнил воздух. Но чудовище не обратило на это ни малейшего внимания, оно даже не замедлило шаг. Снова метнулся огонь, опаливая передние лапы и грудь, клубы дыма окутали тварь, но дракон не отступил.

Алланон скользнул в теснину, быстро продвигаясь в дальний конец. Там он повернулся: снова вспыхнуло синее пламя. Чудище злобно зашипело, царапая воздух от гнева и разочарования.

Алланон медленно отступал. Воздух наполнился дымом и пылью, дракона окутала мутная дымка. Но вот из нее высунулась жадно раскрытая пасть. Сложив руки перед собой, Алланон послал огненный удар прямо в глаз чудовищу. Синее пламя охватило голову дракона. На этот раз ужасающей вой был исполнен боли и ярости. Его тело забило о стены теснины, скалы содрогались от ударов. Валуны обрушивались вниз, на чудовище, которое металось и визжало от боли.

Внезапно широкая трещина прошла по южной скале, и утес начал медленно оседать в теснину. Почуввав опасность, дракон отчаянно рванулся вперед. Полуослепший от боли и дыма, он выбрался из теснины в тот самый момент, когда тонны камня обрушились позади него, погребая демонов, следовавших за чудовищем. Теперь дракон был наготове: шипя от ярости и лязгая зубами, чудовище бросилось на врага. Алланон быстро развернулся и помчался к расщелине, но не к широкой тропе справа, а налево — к узкому выступу. Рассвирепевший до крайности дракон ринулся за ним. Он напирал на узкий уступ, пасть тянулась к друиду.

Внезапно скала осела под весом чудовищного создания. Дракон сделал отчаянный бросок, но Алланон отскочил от разинутой пасти, пронесшейся едва ли не в футах от его головы. Соскользя с крошащегося уступа в черную яму пропасти, дракон скрылся в лавине земли и камней.

Андер Элесседил стоял на дальнем конце расщелины и наблюдал, как Алланон возвращается по обломкам уступа. Потом перевел взгляд на теснину, засыпанную камнями. Горькая улыбка исказила окровавленное лицо принца. Демоны больше не будут преследовать их по Клину Хельса. Теперь у эльфов есть короткая передышка, возможность собраться с силами.

Он повернулся. Там, позади него, в сумраке прохода эльфийские солдаты стояли в полной тишине, усталость и неуверенность застыли на лицах. Много, слишком много демонов вышло из-за стены Запрета — никто не мог даже представить, что такое возможно. Им не удалось остановить демонов здесь. Как же они остановят их в Саранданоне?

Андер молча отвел взгляд. Он не знал, что ответить. Интересно, знает ли это хоть кто-нибудь...

Глава 31

Из Клина Хельса вышла совершенно растерзанная армия. Не было никакой возможности предать тела павших земле, которая дала им жизнь. Для раненых же не было облегчения от яда, который источали когти и зубы демонов; крики и стоны тягуче разносились в полуденной тишине. Солнце нещадно палило, рты пересохли от жажды.

Впереди, сжимая в руках посох Элькрис, ехал Андер Элесседил. Он ощущал себя самозванцем и хотел побыстрее добраться до Входа Баена. Там все это кончится. Он передаст командование Ариону.

Он взглянул на Алланона: друид молча ехал позади, темный и загадочный. Андер не знал, о чем думает маг. Только один раз за всю дорогу он заговорил.

— Теперь я понял, почему они позволили нам зайти так далеко, — внезапно начал Алланон, голос его был спокоен. — Они хотели, чтобы мы поглубже продвинулись в горы.

— Они этого хотели? — переспросил Андер.

— Хотели, принц эльфов, — холодно ответил друид. — Их слишком много, и они знали, что мы не сможем остановить их. Они позволили нам самим забраться в ловушку.

На горизонте появился одинокий всадник: он летел через луга бешеным галопом прямо к приближающейся армии, конь его был весь в мыле. Андер поднял посох Элькрис и дал сигнал к привалу. Вместе с Алланом он поскакал навстречу всаднику. Растрепанный, весь в пыли, всадник резко осадил коня, останавливаясь перед ними. Конь взвился на дыбы. Теперь Андер разглядел гонца: он знал этого эльфа — посыльного на службе у Ариона.

— Флин, — приветливо произнес он имя эльфа.

Гонец как будто колебался, бросая быстрые взгляды мимо принца на колонну солдат.

— У меня донесение королю... — начал он.

— Передай его принцу, — резко вступил Алланон.

— Мой господин! — Флин отдал честь. Внезапно на его глаза навернулись слезы. — Мой господин... — начал он снова, но голос оборвался, и он не смог продолжить.

Андер спешил и знаком показал Флину сделать то же. Он молча положил руку на плечо обезумевшего от горя гонца и провел его на несколько шагов вперед, туда, где они могли бы поговорить наедине. Он прямо смотрел в лицо эльфу.

— Не торопись, говори.

Флин кивнул, стараясь успокоиться.

— Мой господин, я должен передать королю, что принц Арион пал в битве. Мой господин... он мертв.

Андер медленно покачал головой.

— Мертв? — Будто кто-то другой произнес это страшное слово. — Нет, этого не может быть, не может быть...

— Они напали на рассвете, мой господин. — Флин плакал, не стесняясь. — Демоны... их было так много. Они вытеснили нас из ущелья. Мы разбиты, полностью разбиты. Знамя упало... и, когда принц Арион попытался его поднять, демоны схватили его...

Андер быстро вскинул руку, чтобы прервать слова эльфа. Он не хотел слушать дальше. Этот кошмар не должен был произойти. Взгляд принца метнулся к Алланону — темное лицо друида было обращено к нему. Алланон знал.

— Тело брата у нас? — Андер пересилил себя и задал вопрос.

— Да, мой господин.

— Я хочу видеть его.

Флин тихо кивнул.

— Мой господин, это еще не все. — (Андер замер в ожидании.) — Желоб Ворла потерян, но командующий Пинданон уверен, что его можно отбить. Он просит кавалерию — она расположится на лугу у прохода, и тогда...

— Нет! — Андер коротко прервал его. С невероятным усилием он взял себя в руки и продолжал уже не так резко: — Нет, Флин. Передай командующему Пинданону мой приказ: немедленно отступить. Он должен вернуться в Саранданон.

Гонец тяжело сглотнул, бросая быстрый взгляд на Аллана.

— Прости меня, мой господин, но я уполномочен говорить об этом с королем. Командующий просит...

Андер понял.

— Скажи ему, что мой отец тяжело ранен. — Андер глубоко вздохнул. — Скажи Каелу Пинданону, что сейчас я командую армией и я приказываю немедленно отступить. Возьми свежую лошадь, Флин, и скачи. Быстро. Доброго пути!

Флин отдал честь и поспешил выполнять указания принца. Андер остался один, он стоял и смотрел на пустынные луга. Странное оцепенение охватило его, когда он понял, что теперь уже никогда не преодолеть пропасть непонимания между ним и Арионом. Теперь Арион навсегда потерян для него.

Принц стоял спиной к Алланону и поэтому дал волю слезам.

Сумерки тихо скользили по долине. В королевской палатке лежал Эвентин Элесседил, все еще без сознания, дыхание его было прерывистым и неглубоким. Андер сидел у постели отца, не сводя с него глаз и желая лишь одного: чтобы король поскорее пришел в сознание. Пока Эвентин не очнется, никто не сможет определить, насколько опасна его рана. Ведь он уже старик, и Андер опасался за его жизнь.

Повинуясь порыву, он нежно взял руку отца и пожал ее. Рука была мягкая и безвольная. Старик не шевелился. Андер отпустил руку и устало откинулся назад.

— Отец, — прошептал он чуть слышно.

Опечаленный, Андер встал и отошел от постели. Как такое могло случиться — отец его ранен, и, может быть, очень серьезно, брат убит, а сам он стал во главе эльфов, — как могло это произойти? Какое-то безумие, кошмар, к которому он никак не может привыкнуть.

Конечно, вероятность того, что его отец и брат умрут, а он окажется единственным из Элесседилов, существовала, но никто до конца не верил в такое, и меньше всех — сам Андер. Чем он всегда был для отца и для брата? Всего лишь пара рук, действующая в их интересах. Это их судьба — править эльфийским народом, их желание, их стремление, — не его. До нынешнего дня...

Андер устало покачал головой. Теперь править должен он, по крайней мере какое-то время. И он должен вести армию, как раньше ее вел отец. Он должен оборонять Саранданон и найти способ остановить нашествие демонов. Клин Хельса показал, что это очень трудно. Если бы оползень не перекрыл проход, демоны могли бы настигнуть их и уничтожить. Поэтому прежде всего он должен как-то заставить эльфов поверить, что этого не случится с ними здесь, у Входа Баена, он должен дать эльфам надежду.

Андер снова сел рядом с отцом. Каел Пинданон мог бы помочь ему: опытный и отважный солдат, он прошел многие войны. Но станет ли он помогать? Андер хорошо понимал, что Пинданон рассержен на него из-за этого приказа — отступить от прохода в Разломе. Сам командующий еще не вернулся, он едет в арьергарде эльфийской кавалерии, чтобы в случае чего задержать проникновение демонов в Саранданон. Но по тем критическим замечаниям, которые отпускали уже прибывшие офицеры, Андер представлял себе настроение командующего. Он может открыто стать противником Андера. Тогда дела действительно будут плохи. Андер знал и то, что Пинданон станет настаивать на передаче ему командования армией. Принц опять покачал головой. Что ж, это самое простое: передать командование Пинданону и сложить с себя всякую ответственность за защиту эльфийской земли. Может быть, он так и сделает. Но что-то внутри его сопротивлялось этому слишком простому решению. Есть ли у него право отказаться от ответственности, от своего долга?

— А что бы сделал ты? — тихо спросил он у отца, зная, что ответа не будет.

Время шло, сумерки все сгущались.

Потом у входа в палатку возник Дардан.

— Командующий Пинданон вернулся, — объявил он. — Он просит вас говорить с ним.

Андер кивнул и тут же подумал, куда же делся Алланон. Он не видел друида с самого их возвращения в долину. Но встреча с Пинданоном — это его дело. Андер задумчиво смотрел себе под ноги, потом вспомнил о посохе Элькрис. Он лежал на полу рядом с кроватью короля. Андер поднял его и на какое-то мгновение заколебался, глядя на старика.

— Отдыхай, — прошептал он наконец, повернулся и вышел за занавес.

Пинданон уже ожидал его. Пыль и кровь покрывали кольчугу командира, белобородое лицо пылало гневом, когда он двинулся на принца.

— Почему ты приказал отступить, Андер? — с негодованием набросился он.

Андер оставался спокойным.

— Тише, командующий, умерь свой пыл. Там лежит король.

На мгновение наступила тишина, Пинданон свирепо глядел на принца, потом спросил спокойнее:

— Как он?

— Спит, — холодно ответил Андер. — Итак, изложи свое дело.

Пинданон выпрямился.

— Почему ты приказал мне отступить? Я мог бы отбить Желоб Ворла. Мы должны были удержать Разлом, как хотел твой отец.

— Мой отец имел в виду, что мы будем держать Разлом, сколько это возможно. — Андер смотрел прямо в глаза Пинданона. — Теперь это невозможно: отец ранен, брат погиб, и Клин Хельса потерян. Нас выбили из Клина Хельса, как вас — из Желоба Ворла.

Командующий рассвирепел, кровь прилила к его лицу, но Андер, казалось, этого не заметил.

— Чтобы отбить Желоб Ворла, я должен был бы идти на север с армией, которая только что побывала в сражении, в тя-

желом сражении, и немедленно бросить их в новую битву. А если бы мы опять потерпели поражение? Оставшимся — измученным, израненным — пришлось бы идти обратно в Саранданон, где едва ли у них была бы возможность собраться с силами перед обороной долины. К тому же в проходах Разлома мы не можем использовать кавалерию. Нам же потребуются все наши силы, если мы собираемся противостоять натиску демонов. Вот почему, командующий, я приказал тебе отступить.

Пинданон медленно покачал головой.

— Ты не профессиональный солдат, мой принц. У тебя нет права принимать столь ответственное решение, не посоветовавшись прежде с командующим армией. Если бы не моя преданность твоему отцу...

Андер резко вскинул голову.

— Не продолжай, командир.

Он бросил взгляд на вход: полог раздвинулся, Алланон и Сти Джанс вошли внутрь. Андер ждал Алланона, но приход командира Вольного корпуса удивил его. Южанин учтиво кивнул, однако не произнес ни слова.

Андер снова повернулся к Пинданону:

— В любом случае дело сделано. Нам лучше подумать о завтрашнем дне. Сколько у нас времени на сборы?

— День, может быть, два, — ответил командующий. — Демоны тоже должны передохнуть.

Алланон поднял глаза:

— До рассвета.

Настала глубокая тишина.

— Ты уверен? — быстро спросил Андер.

— Им не нужен отдых. Завтра на рассвете.

Пинданон плюнул на земляной пол.

— Значит, нам надо решить сейчас, как мы их остановим, — сказал Андер, сжимая в руках посох Элькрис.

— Очень просто, — тут же огрызнулся Пинданон. — Мы будем защищать Вход Баена. Мы перекроем его. Надо остановить их в теснинах до того, как они выберутся в долину.

Андер вздохнул.

— В Клине Хельса и в Желобе Ворла мы пробовали то же самое. У нас ничего не вышло. Демоны смели эльфийское вой-

ско одним лишь численным преимуществом. Почему на этот раз должно быть по-другому?

— На этот раз будет по-другому, — настаивал Пинданон. — Мы обрели все наши силы. Демоны же устанут, коль скоро они идут от самих Низин. Здесь мы используем кавалерию, чего нельзя было сделать в Клине Хельса. Я обещаю тебе, что на этот раз все будет по-другому. Мы добьемся успеха!

В это мгновение Андер взглянул на Алланона, но тот ничего не сказал. Пинданон придвинулся на шаг ближе.

— Андер, я заменяю твоего отца, передай мне командование. Дай мне построить оборону так, как, я знаю, сделал бы он. Эльфы могут удержать Вход от этих тварей, сколько бы их там ни было. Твой отец и я знаем...

— Командир, — принц говорил спокойно, но твердо, — в Клине Хельса я видел, на что они способны. Я видел, что сделали демоны с нашей линией обороны, а мой отец полагал, что она непременно их удержит. Это особый враг. Мы даже не можем представить, как они ненавидят нас; ими движет ненависть столь огромная, что даже смерть не имеет для них никакого значения. А можем ли мы сказать то же о себе, мы, ценящие жизнь, которая столь коротка? Думаю, нет. Нужна особая тактика, если мы хотим выиграть время.

Краем глаза он заметил, что Алланон коротко кивнул.

Пинданон рассвирепел:

— Ты утратил веру, мой принц. Твой отец не стал бы спешить...

Андер резко прервал его:

— Сейчас отца здесь нет. Но я знаю: он говорил бы то же, что говорю я. Я жду от тебя совета, Пинданон, — не спора.

Пинданон густо покраснел, затем внезапно повернулся к Алланону:

— О чем он говорит? Он что, не знает, как остановить этих демонов? У него нет никакого плана?

Лицо друида ничего не выражало.

— Их нельзя остановить, командир. Мы можем лишь задержать их.

— Задержать?

— Только задержать. Чтобы у избранника было время найти Источник Огненной крови и вернуться обратно.

— А, опять! — фыркнул Пинданон. — Наша судьба в руках этой девчонки! Друид, я не верю в легенды древнего мира. Если Западные земли будут спасены, они будут спасены отвагой наших солдат, их опытом и мастерством. Демоны смертны, как и все существа из плоти и крови.

— Как и эльфы, — мрачно ответил друид.

Настала долгая тишина. Пинданон сложил руки за спиной и сердито отвернулся от остальных. Потом резко спросил:

— Так мы будем стоять во Входе Баена или нет, принц Андер? Я пока не слышал никаких предложений, кроме моего собственного.

Андер колебался — ему хотелось, чтобы Алланон хоть что-то сказал. Но вперед выступил Сти Джанс, его грубый голос нарушил тишину:

— Мой господин, я могу говорить?

Андер почти забыл, что командир Вольного корпуса тоже здесь. Он посмотрел на южанина и кивнул.

— Мой господин, Вольный корпус уже не раз встречался с превосходящим по силе врагом. Мы можем гордиться: часто враг был сильнее нас, однако выжили мы, не он. Нам преподали тяжелые уроки, мой господин. Вот один из них: никогда не ставь закрепленную линию обороны там, где силы врага значительно превосходят твои. Мы не сразу этому научились, но теперь мы строим нашу оборону несколькими подвижными линиями, которые перемещаются в течение боя. Эти линии последовательно атакуют и отступают, прорывая вражеские ряды то здесь, то там, всегда ударяя по флангам, так что врагу приходится вертеться, чтобы отразить каждый новый натиск. Мы растягиваемся по краям вражеской армии, с обеих сторон. Потом — последний, решающий удар.

Пинданон фыркнул:

— Так ты не удержишь ни одной позиции, командир.

Сти Джанс повернулся к нему.

— Враг зайдет достаточно глубоко в попытке достать тебя, его линия сузится и расколется. Тогда ты просто смыкаешь ряды с обеих сторон и обрушиваешься на него. Вот так.

Он сложил ладони, разведя сжатые пальцы в стороны, и с резким хлопком соединил их вместе. Все удивленно молчали.

— Даже не знаю,— с сомнением пробормотал Пинданон.
— А как бы ты защищал Вход Баена? — настаивал Андер.
— Я бы использовал вариант маневра, который только что описал,— ответил Сти Джанс.— Длинные луки — на склоне Кенсроу, по краям Входа. Они изматывают наступающих. В начале прохода — пехоту. Когда демоны атакуют — сопротивляться какое-то время, потом дать им дорогу. Пусть они прорвутся. Мы дадим им кролика для охоты — кавалерию. Она вытянет их вперед. Когда линия демонов растянется, их фланги будут открыты и мы сомкнемся с обеих сторон, внезапно, до того как они успеют отойти или получить подкрепление. Копья не дадут демонам подойти близко — их надо держать на расстоянии. У демонов мало оружия. Если они не могут схватить противника, они не причинят большого зла. Когда уничтожишь их первые ряды, дай кролика для охоты вторым. Выбей врага из равновесия — действуй каждый раз иначе. Все внимание — на их фланги.

Он закончил; все не отрываясь смотрели на него. Пинданон нахмурился.

— И кто же будет кроликом?

Сти Джанс криво усмехнулся.

— Кто же еще, командир?

Пинданон пожал плечами. Андер вопросительно смотрел на него.

— Это должно сработать,— неохотно заметил старый воин.— То есть если кролик хорош.

— Кролик знает кое-какие хитрости,— ответил Сти Джанс.— Вот почему он еще жив после стольких охот.

Теперь Андер смотрел на Алланона. Друид кивнул.

— Итак, у нас есть план,— объявил эльфийский принц. Он крепко сжал руку Пинданона, потом Сти Джанса — Железного человека.— И мы сделаем все, чтобы он удался.

В эту ночь Андер думал о том, какое все-таки счастье, что Сти Джанс был при его встрече с Пинданоном. И только потом ему пришло в голову, что это отнюдь не просто удачное стечение обстоятельств, но необычайная предусмотрительность этого загадочного темного странника, которого эльфы знали под именем Алланона.

На рассвете, при первых лучах солнца, они хоронили Ариона Элесседила. Андер, Пинданон и воины личной гвардии предали тело земле по старинному обычаю эльфов: при рождении нового дня. В полном молчании они перенесли его на поросший дубами утес у Входа Баена; внизу, на западе, сияли синие воды Иннисбора, на востоке раскинулась зеленая долина — Саранданон. Тело старшего сына Эвентина Элесседила вернулось в землю, которая дала ему жизнь, его душа снова стала свободной.

Ничто не говорило о том, что здесь покоится тело эльфийского принца: они не оставили ни единого знака. Алланон предупредил, что среди демонов есть и такие, кто может разрыть могилу и надругаться над мертвым. От старшего сына короля не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Не прошло и часа, как демоны атаковали эльфов во Входе Баена. Они устремились вниз с северных холмов, крики и вой разорвали рассветную тишину. Демоны шли так же, как в Клине Хельса, — масса корчащихся темных тел катила вперед, как необузданные воды прилива.

У нижнего края Входа уже ждала эльфийская фаланга: солдаты стояли плечом к плечу с копьями наготове. Длинные луки зазвенели вдоль склонов Кенсроу, и воздух наполнился черными стрелами. Передние ряды демонов дрогнули и упали, погребенные под волною идущих следом. Снова и снова летели черные стрелы, сотни демонов погибли при первой атаке.

Но вот демоны добрались до первого ряда фаланги эльфов и бросились прямо на копыта, визжа от боли, — железо пронзало их тела и оставалось в них. Атакующие вновь отступили. И тут же ринулись вперед — внезапный наплыв бесформенных тел, когти и зубы, — и снова эльфы отбросили их назад. Земля перед эльфийской фалангой покрылась мертвыми и умирающими. Но полчища демонов продирались вперед, бесконечная черная масса, и наконец эльфийская линия дрогнула и разорвалась в центре. Демоны устремились в пролом и тут же налетели на конницу — всадников в серых с красным плащах; их вел огромный, со шрамами на лице воин. Всадники неслись

наперерез атакующим, с пиками наготове, но потом внезапно повернули обратно в долину — серые плащи развевались на ветру, люди низко пригнулись к шеям коней. Взбешенные демоны бросились в погоню. Через несколько минут серые всадники вновь поменяли направление: теперь они врезались в самую гущу преследователей, один удар — и конница снова повернула. Демоны взвыли от разочарования и рванулись за ними.

Внезапно серые всадники развернулись в одну линию, перекрывая демонам путь вперед, человек со шрамами на лице поднял руку. Разбросанные на сотни ярдов по луку, демоны больше не представляли собой единое, сплоченное войско; они затравленно озирались кругом, поняв теперь, что задумали эльфы. С двух сторон появилась эльфийская кавалерия, окружая демонов, как стадо. В брешу позади появилась высокая фигура в черном плаще — темный воин одиноко стоял на вершине нижнего склона Кенсроу, синий огонь рвался из его протянутых рук, раскидывая демонов, мечущихся внутри Входа Баена. Запертые в ловушке, они безнадежно пытались прорвать линии эльфийской конницы. Но ряды эльфов неумолимо сходились, мечи и копыя тянулись к черным телам, пронзая и кромсая их на части. В считанные секунды натиск демонов был остановлен. Вход Баена наполнился победными криками эльфов.

Но это был далеко не конец. Битва бушевала весь день. Снова и снова демоны собирались и бросались на эльфийскую фалангу, перекрывающую им путь. Снова и снова они пробирались мимо эльфийских лучников и огня друида, сквозь мечи и копыя пехоты только для того, чтобы вновь оказаться перед солдатами Вольного корпуса. Раздраженные, доведенные до бешенства, они давали втянуть себя в погоню. Иногда их выманивали к берегам Иннисбора, иногда — на склоны Кенсроу или в Саранданон. И когда демонам казалось, что вот-вот они настигнут неуловимую конницу, вдруг обнаруживалось, что азарт погони увел их слишком далеко от собратьев и они окружены эльфийской кавалерией. Демоны в ярости бросались на врага, но спасения не было. Разделавшись с частью войска демонов, эльфы уносились обратно, и снова их ряды смыкались поперек Входа Баена.

Время от времени демоны пытались занять склоны Кенс-роу в надежде избавиться от ненавистных им длинных луков. Но эльфийские лучники очень удачно расположились между скал и, скрытые валунами и выступами, метко пронзали стрелами тех, кто пытался добраться до них. Среди лучников стоял гигант в черном плаще, волшебный огонь бил из его рук, его ужасающая мощь прикрывала эльфов, которые сражались внизу. Демоны всеми способами старались подобраться к нему: рыли ходы в земле, летели по воздуху, как мухи, карабкались по отвесным скалам. Но все их попытки были тщетны.

В одной из атак демонам удалось сокрушить эльфийскую фалангу у самого берега Иннисбора — сотни атакующих карабкались по влажным песчаным холмам, оттесняя защитников к открытой долине. На какое-то мгновение даже казалось, что эльфийская линия обороны прорвана окончательно. Но героическим усилием кавалерии удалось стянуть свои силы и решительным ударом сбросить демонов в воды Иннисбора. Конница буквально врезалась в ряды наступающих, когда те тонкой линией растянулись вдоль берега спиной к воде. Атакующие дрогнули и рассыпались, сметенные подоспевшей эльфийской пехотой. Брешь снова закрылась.

Тысячи демонов погибли в тот день в бессмысленных, глупых и беспощадно-жестоких бросках на Вход Баена. Их атаки не прекращались, они стремились вперед, на скалы, с какой-то слепой решимостью, навстречу очевидной гибели. Они умирали сотнями в своем стремлении прорваться к Саранданону, эльфы и люди с границы умирали вместе с ними. Но поражение, которое постигло эльфов в проходах Разлома, в этот день не повторилось: снова и снова защитники отбрасывали нападающих назад, передние линии демонов были полностью уничтожены еще до того, как оставшиеся дождались подкрепления.

В полдень демоны предприняли последнюю атаку. Собравшись внутри Входа Баена, они ринулись на эльфийскую фалангу и смели ее, разбросали одним только численным превосходством. Они со звериной яростью ломались сквозь образовавшиеся бреши — без каких-либо тактических планов и хитростей. Эльфы нанесли ответный удар — конница бросилась в самую гущу демонских полчищ. Мечи и копья глубоко вонзились в сплетение корчащихся темных тел. Воины в от-

чаянии бросались вперед и вновь отступали. И в конце концов демоны сдались — они отступили во Вход Баена, скалы звенели от криков ярости. Демоны уходили, затапывая своих раненых, пробирались к холмам по ту сторону, пока Вход Баена не опустел окончательно.

Эльфы смотрели им вслед с усталым недоверием, пока последние из уходящих не скрылись за гребнем холмов и топот их не растворился в тишине. Оглядевшись вокруг, эльфы лишь теперь поняли, насколько чудовишной была битва. Тысячи скрюченных темных тел закрыли собой зелень луга, окровавленные, искалеченные, они забили проход. Может быть, в первый раз эльфы утрашились по-настоящему. Жизнь как будто вообще ничего не значила для демонов; они, казалось, предпочитают смерть, и это ужасало больше всего. Потом эльфы стали искать друзей и соратников. Множество рук потянулось друг к другу, крепко сжимаясь, — оставшихся переполняло облегчение и радость, что они уцелели в этой ужасной бойне.

У края Входа Баена Андер Элесседил нашел Каела Пиндана и, повинувшись порыву, крепко обнял старого воина. Эльфы наконец поняли, что это их день, и крики восторга поднялись в небо. Сти Джанс въехал во Вход во главе Вольного корпуса, и люди присоединились к эльфам, пики поднялись в приветствии. Победные крики отдавались эхом по всему Саранданону.

И лишь Алланон стоял отдельно от всех. Со склона Кенсроу он смотрел на север, туда, где только что скрылись демоны, и размышлял над тем, почему они так бездумно идут на верную смерть и, что самое важное, почему среди них не было того, кого называют Дагдамором.

День растворился в сумерках, ночь тихо опустилась на землю. У края Входа Баена армия Западных земель готовилась к новой атаке демонов. Но демоны не пришли. Не пришли они и на рассвете, хотя эльфы и люди с границы ждали их. Проходило утро, и растущее беспокойство охватило ряды защитников.

В полдень Андер пошел искать Алланона, надеясь, что друид сможет как-то объяснить это. Он поднялся по склону Кенсроу туда, где друид одиноко нес дежурство под прикрытием ска-

листого выступа; маг пристально смотрел вдаль через Саранданон. Андер не разговаривал с Алланом со вчерашнего дня, когда друид забрался в эти горы. Охваченный ликованием по поводу победы над демонами, принц мало думал об уходе друида. В конце концов, он всегда исчезает и появляется без всяких объяснений. Однако сейчас Андер поймал себя на мысли, что ему действительно интересно, почему на этот раз Алланон предпочел одиночество.

Друид повернулся к нему, и Андер сразу же понял почему. Лицо Алланона, всегда смуглое, теперь было мертвенно-бледным, усталым и словно увядшим, резкие морщины прорезали его, в пронизательных черных глазах застыла какая-то мрачная дума. Андер слегка отстранился, разглядывая друида.

Вид Андера вызвал слабую улыбку на губах Алланона.

— Тебя что-то беспокоит, принц эльфов?

— Нет, я... — начал было Андер. — Просто... Алланон, ты неважно выглядишь...

Друид пожал плечами.

— Это всего лишь плата за то, как мы распоряжаемся собой. Закон природы, хотя мы часто не придаем ему значения или просто забываем. Даже друид подчинен ему. — Он помедлил. — Ты понимаешь, о чем я?

Андер неуверенно смотрел на него.

— Это сделало с тобой волшебство?

Алланон кивнул.

— Магия забирает жизнь у того, кто ею пользуется, — она истощает силы и опустошает душу. Ты что-то берешь и должен отдать что-то взамен, и отдать немедленно. Конечно, потерянное можно вернуть, но не сразу...

Друид не закончил. Андер похолодел.

— Алланон, ты утратил свое волшебство?

Голова под капюшоном поднялась.

— Магия никуда не уходит, пока жив владеющий ею. Но есть пределы, которые нельзя переступать, и с каждым годом эти пределы все жестче. Все мы стареем, принц.

— Даже ты? — тихо спросил Андер.

Друид прикрыл глаза, затем резко изменил тему разговора:

— Что привело тебя ко мне?

Андер с минуту собирался с мыслями.

— Я пришел спросить, почему демоны не атакуют.

Друид смотрел в сторону.

— Потому что они еще не готовы.— Он помолчал, потом перевел взгляд на Андера.— Не обольщайся — они придут. Просто они выжидают, и этому есть какие-то причины; тот, кто ведет их, Дагдамор, ничего не делает просто так.— Маг слегка подался вперед.— Подумай об этом. Дагдамора не было среди тех, кто атаковал нас вчера.

Андер обеспокоенно нахмурился.

— И где же он был?

Алланон покачал головой.

— Надо бы спросить: где он сейчас? — Мгновение он пристально смотрел на Андера, потом поплотнее завернулся в плащ.— Думаю, надо послать разведку на север, за Кенсроу, и на юг, за Иннисбор. Надо убедиться, что демоны не собираются напасть на нас с флангов.

Настала долгая тишина.

— А их хватит для этого? — наконец спросил Андер, думая о тех тысячах, которые уже лежали у Входа Баена.

Раздался короткий смешок Алланона.

— Более чем.— Друид отвернулся.— А теперь оставь меня одного, принц эльфов.

Терзаемый сомнениями, Андер спустился с Кенсроу. Он сразу же послал разведчиков; мучительное ожидание продолжилось. Утро перешло в день, день — в вечер. Тяжелые тучи клубились в темнеющем небе, сумерки быстро сгустились в ночь.

Около полуночи началась атака. Она началась столь внезапно, что стражники в карауле едва успели дать сигнал тревоги. Мощным потоком демоны устремились через Вход Баена — сплетенные тела валились с темнеющих северных холмов на свет сторожевых костров. Костры гасли один за другим, разделенные черной волной демонов, пока те ломились через Вход на склоны Кенсроу. Из-за Разлома неслись облака, затягивая ночное небо, погасли костры — весь Вход Баена погрузился в непроницаемую тьму. Демоны хорошо знали эту темноту, за века заточения они свыклись с ней, и теперь она была им на руку. Неистово вопя в предвкушении битвы, они начали штурм.

Сплотившись вокруг Андера Элесседила, при слабом мерцании посоха Элькрис, эльфийская фаланга встретила натиск черного войска у края Входа Баена. Удар отбросил защитников назад, но все-таки они удержали позиции. Сотни темных тел давили на них, когти и зубы рвали на части. Эльфы нерешительно попятнулись, пехота вслепую воткнула копья в массу демонов, которые напирала вперед, и крики боли пронзили ночь. Но демоны продолжали идти, вламываясь в эльфийскую фалангу, стараясь разметать ее ряды. Несколько отчаянных минут эльфы противились жестокому натиску, сдерживая черную массу, но защитникам мешала темнота. В конце концов демоны сокрушили эльфийские ряды, и те в беспорядке отступили.

Все было бы кончено, если бы не Алланон. Обосновавшись на склоне Кенсроу, там, где эльфийские лучники безуспешно пытались сдержать прорвавшихся демонов, друид достал из кошелька, привязанного к поясу, горсть блестящей серебристой пыли и подбросил ее высоко в воздух. Мгновенно ее разнесло по ночному небу над полем битвы, и темнота наполнилась белым свечением, по яркости не уступающим лунному свету.

Теперь демоны потеряли преимущество — темнота ушла. Раздался боевой клич. В главную брешь, туда, куда рвалась основная масса демонов, въехал Сти Джанс во главе Вольного корпуса. Подобно железному клину, они расщепили переднюю линию нападавших. Теперь южан осталось менее сотни, но они вломились в полчища демонов и оттеснили их назад, к краю Входа Баена. Эльфийская кавалерия галопом неслась им на помощь, впереди — Каел Пинданон; его седые волосы бешено трепал ветер. Пики всадников вонзались в оправившихся было демонов, и те вновь отступили.

В то же время демоны прорвались сквозь ряды лучников на склонах Кенсроу и устремились в Саранданон. Алланон один стоял у них на пути, синий огонь пронзающими лучами бил из его рук. Демоны надвигались на него со всех сторон, воя от бессильной ярости, когда волшебный огонь сжигал их. Когда демонов скопилось слишком много, маг обратил луг, на сотни футов по всем направлениям, в настоящий ад — в стену сплошного огня, которая заставила демонов отпрянуть и уничтожала всякого, кто пытался прорваться.

У края Входа Баена эльфы и люди отчаянно сражались, чтобы не дать демонам прорваться в Саранданон. Это была жестокая битва, летняя ночь пропиталась запахом крови. В самых горячих точках неизменно был Каел Пинданон, его конь уже едва держался на ногах. И вот конь упал, увлекая за собой всадника. Старый воин поднялся на ноги и нетвердо пошел вперед, рука искала короткий меч. Воя и шипя, демоны мгновенно окружили его. Эльфийские охотники пытались пробиться к своему командиру, прорубая дорогу в стене черных тел. Но на этот раз демоны были слишком проворны. Когтистые лапы дотянулись до Пинданона, который яростно отбивался мечом, и старый солдат встретил свою смерть.

В тот же миг другой отряд демонов прорвался сквозь ряды эльфийских воинов и устремился к Андеру Элесседилу. Даже личная гвардия не могла сдержать могучего натиска. Не зная, что делать, принц в отчаянии поднял посох Элькрис, как щит, и демоны отпрянули назад, воя от бессильной ярости. Но теперь Андер остался совсем один, черные извивающиеся тела окружили его со всех сторон и тянули к нему когтистые лапы, ожидая удобного момента, чтобы прорваться сквозь защиту его талисмана. Эльфийские охотники безуспешно пытались добраться до принца. Демоны обезумели: они делали все, чтобы раздавить, разорвать владельца ненавистного им талисмана. Когтистые лапы тянулись к нему, кольцо сжималось.

И тут из хаоса возник гигантского роста воин со шрамами на лице; его серый плащ почернел от грязи и крови. Он шел прямо на демонов, прорубая дорогу сквозь сплетенные черные тела широкими взмахами огромного меча, и наконец встал рядом с Андером. Демоны яростно завизжали и бросились на него. Но Сти Джанс стоял как утес, отражая нападения. Солдаты Вольного корпуса сразу же пришли на помощь, сомкнувшись вокруг командира железным кольцом. Вскоре он снова сидел в седле, возвышаясь над остальными, широкий меч не останавливался ни на мгновение. Серые всадники бросились в атаку, их боевой клич далеко разнесся в ночи.

Поначалу Андер даже не понял, что происходит. Потом в сумеречном свечении он разглядел боевое знамя корпуса. Без всякой поддержки — жалкая горстка против сотен и сотен — Вольный корпус шел в атаку! Принц схватил поводья первой

попавшейся лошади, взлетел в седло и пришпорил коня. Эльфы неслись к нему со всех сторон, а он уже ворвался в ряды демонов, вперед, к солдатам Вольного корпуса. Стремительная волна эльфов и людей накатилась на Вход Баена, оттесняя темную массу назад. Демоны дрогнули.

Они держались еще мгновение, пронзительно визжа от ненависти, разрывая на части безумцев, которые безрассудно проникали в их ряды. Но гигант с широким мечом и боевое знамя Вольного корпуса придали эльфам мужества. Оно вело их вперед, навстречу смерти, и заставляло забыть все, кроме решимости смести, уничтожить эти черные корчащиеся фигуры. Демоны отступали, поначалу медленно, затем все быстрее. Они снова бежали к северным холмам, скатывались вниз со склонов Кенс-роу через камни и скалы Входа Баена, скрываясь в спасительном сумраке ночи.

В считанные минуты Вход был очищен, Саранданон был снова в руках эльфов.

Андер Элесседил сидел у себя в палатке, раздетый до пояса; Эльфийские охотники перевязывали его многочисленные раны, полученные в битве. Он сидел молча, тело ныло от усталости и боли. То и дело в палатку входили гонцы с докладами о подготовке войск и о новых укреплениях у Входа Баена. Личная гвардия окружала палатку, сталь обнаженных мечей тускло поблескивала в неверном свете сторожевых огней.

Перевязка закончилась, и принц уже натягивал кольчугу, когда полог внезапно раздвинулся и вошел Сти Джанс. Все, кто находился в палатке, мгновенно притихли. Андер коротко приказал оставить их одних, потом подошел к южанину и молча пожал руку гиганта.

— Сегодня ты спас всех нас, командир, — тихо сказал он. — Мы в неоплатном долгу перед тобой.

Сти Джанс мгновение изучал лицо принца, потом медленно покачал головой.

— Мой господин, никто мне ничего не должен. Я — солдат. Сегодня я сделал лишь то, что должен. Не больше.

Андер устало улыбнулся.

— Ты никогда не убедишь меня в этом. Но я слишком уважаю тебя и восхищаюсь тобой, чтобы спорить. Я просто хочу

поблагодарить тебя. — Он отпустил руку воина и шагнул назад. — Каел Пинданон погиб, мне нужен новый командующий. Я бы хотел, чтобы им стал ты.

Южанин мгновение помолчал.

— Мой господин, я не эльф, я даже не из этой страны.

— Ни один эльф не сможет командовать армией лучше тебя, — ответил Андер. — Именно твой план позволил нам удержать Вход Баена.

Сти Джанс смотрел ему прямо в глаза.

— Кое-кто будет оспаривать это решение.

— Кое-кто будет оспаривать любое мое решение. — Андер покачал головой. — Я не тот предводитель, которого бы хотели, я не такой, как отец или брат. Но пока что решения принимаю я, и я уже принял одно. Я хочу, чтобы командующим был ты. Понимаешь?

Южанин долго думал, прежде чем заговорил снова:

— Я понимаю.

Андер почувствовал облегчение, часть усталости как будто рукой сняло.

— Тогда давай посмотрим...

Внезапное движение в сумраке у входа в палатку заставило обоих насторожиться, они резко обернулись, пристально глядя туда. У входа стоял Алланон с сумрачным, почти зловещим выражением лица.

— Разведчики, посланные на юг и на север, вернулись. — Он говорил очень тихо, звуки, срывающиеся с его губ, больше напоминали шипение. — На юге все тихо, но на севере наш разведчик наткнулся на целую армию демонов, такую огромную, что по сравнению с ней та, с которой мы сражались у Входа Баена, — просто жалкая горстка. Она идет на юг, вдоль восточной стены Кенсроу, и вот-вот выйдет в Саранданон.

Андер Элесседил молча смотрел на друида, надежда в его глазах погасла.

— Они с самого начала так и задумали: вовлечь эльфийскую армию в бой здесь, у Входа Баена, и, пока мы воюем с их малыми силами, собрать большие на севере Кенсроу, а потом войти в Саранданон и запереть эльфов в ловушке между двумя своими армиями. Если бы ты не послал разведчиков...

Он многозначительно замолчал. Андер собрался было ответить, но остановился. Внезапные слезы навернулись ему на глаза, слезы ярости и разочарования.

— Все, кто умер здесь — здесь и в проходах Разлома... мой брат, Пинданон,— умерли, чтобы удержать Саранданон. И мы ничего не можем сделать?

— Сила армии, идущей с севера, намного превосходит все, с чем мы до сих пор сталкивались. — Алланон медленно покачал головой. — Боюсь, эта сила слишком велика для нас — слишком велика. Если вы попытаетесь остановить ее здесь, во Входе Баена, или где-нибудь дальше, в долине, вас, скорее всего, уничтожат.

Лицо Андера помрачнело.

— Значит, Саранданон потерян.

Алланон медленно кивнул. Андер колебался, бросив быстрый взгляд в дальний конец палатки. Там лежал король, все еще без сознания, ни о чем не ведая, затерянный в сне без сновидений, далекий от боли и ужаса реальности, которые захлестнули его измученного сына. Все потеряно! Разлом, Саранданон, его семья, его армия — все! Сердце Андера сжалось от безысходной тоски и муки. Алланон положил руку ему на плечо. Не поворачиваясь, принц кивнул:

— Мы уходим немедленно.

Опустив голову, он вышел отдать приказ.

Глава 33

Дикие дебри в действительности оказались даже более мрачными и зловещими, нежели в рассказах и легендах. Пока Вил и Амбель спускались со склона Скалистого отрога, небо было залито солнечным светом, но долина оставалась сплетением теней и угрюмого сумрака. Непостижимым образом спутанные кусты и деревья скрывали Дикие дебри от окружающего мира, и очень скоро начинало казаться, что у них нет ни начала, ни конца. Чудовищные наросты искривляли стволы деревьев, ветви были похожи на паучьи лапы и провисали под тяжестью листьев, покрытых шипами, поблескивающими, как расплавленное серебро. Низкий кустарник затянул землю, и путникам казалось, что они ступают по мягкому, топкому ковру. Отсыревшие от гнили и плесени, Дикие дебри выглядели уродливо

и нелепо. Казалось, природа остановила здесь рост всего живого, пригнула растения к земле, заставила вдыхать исходящее от них самих зловоние.

Амбель и Вил шли по извилистой лесной тропинке, бросая настороженные, беспокойные взгляды в темноту вокруг, прислушиваясь к отдаленным звукам дикой жизни, что кралась и охотилась в чаще. Дорога шла как туннель в стене леса, освещенная лишь тоненькими полосками солнечного света, которые с трудом проскальзывали сквозь сплетение веток и едва касались земли. В этом лесу не было птиц. Не было и обычных для любого леса маленьких зверюшек и ярких бабочек. То, что жило здесь, больше подходило для тьмы, сумрака и ночи: тошнотворно пахнувшие летучие мыши, змеи, какие-то скользкие чешуйчатые твари и дикие кошки, крадущиеся между деревьев на бесшумных, мягких лапах. Они исчезали так же быстро, как появлялись, теряясь в темноте.

Однажды Вил и Амбель услышали, как прямо на них движется что-то огромное и тяжелое — оно ломилось сквозь деревья, как через тонкие прутья, свистящее дыхание разносилось в тишине, нависшей над лесом, замершим и насторожившимся. Оглушительно топоча во мраке, медлительная тень прошла мимо путников, то ли не заметив их, то ли просто не желая отвлекаться на двух маленьких существ, застывших на дороге. Когда топот стих, долинец и эльфийка бросились прочь.

В лесу они несколько раз столкнулись с жителями Диких дебрей: все были пешие, и лишь один ехал верхом на коне, таком тощем и измученном, что он скорее походил на призрак, чем на существо из плоти и крови. Закутанные в плащи с низко надвинутыми капюшонами, они проходили мимо, поодиночке и парами, не говоря ни слова, но головы в тени капюшонов поворачивались в сторону Вила и Амбель, а глаза сверкали холодным любопытством сытой кошки — изучали незваных гостей. Жители дебрей словно бы прикидывали, зачем к ним пожаловали юные незнакомцы. Долинец и эльфийка холодели под этими взглядами и еще долго оборачивались, даже после того, как закутанные фигуры пропадали из виду.

Они вышли из мрака леса к Угрюмому Углу почти на закате. Трудно было представить более непривлекательное место: ветхие деревянные постройки — домишки и лавки, постоянные

дворы и харчевни — лепились друг к другу, было невозможно различить, где кончается одна и начинается другая. Когда-то яркие краски их стен поблекли и облупились. Многие дома были заперты на замки и засовы. Кое-как намалеванные вывески болтались на покосившихся столбах и над входными дверями: под именами владельцев заведений — перечень услуг и цен. Через окна и щели дверей, прорезая сумрак, на улицу проникал слабый свет масляных ламп.

В это время жители Угрюмого Угла собирались в харчевнях и на постоянных дворах, за грубо сколоченными столами и у стоек, уставленных кружками эля и вина; отовсюду неслись хриплые голоса и резкий смех. Всю ночь они болтались из одного заведения в другое: мужчины с тяжелым взглядом и потрепанные женщины всех возрастов. Одни были одеты по-праздничному, другие — в лохмотья. Многие шли пошатываясь, спотыкались и падали; в воздухе висел устойчивый запах винных паров. Монеты переходили из рук в руки, и не все добровольно расставались с ними. Хлопали двери, то и дело какая-то неуклюжая фигура вылетала из кабака и валилась на землю, застыв в пьяном оцепенении, почти мгновенно ее лишали кошелька, а то и одежды. Какой-то оборванец, нещадно избитый, корчился в темном переулке; из перерезанной глотки хлестала кровь. Собаки, ободранные и голодные, шныряли в сумраке, как привидения.

Головорезы и воры, шлюхи и мошенники всех сортов, торговцы жизнью, смертью и фальшивыми драгоценностями, — Вил почувствовал, как волосы на голове встают дыбом. Дед Пека был прав.

Крепко держа Амбель за руку, он пошел по дороге сквозь лабиринт домов. Что им теперь делать? Обратного в лес — нельзя, по крайней мере сейчас, ночью, но и оставаться в Угрюмом Углу не хотелось. Выбора не было. Оба они устали и проголодались. Вил уже не помнил, когда он в последний раз спал в постели и ел горячую пищу. Нужно достать еды и устроиться на ночлег. Поначалу Вил думал найти кого-нибудь, кто мог бы дать ему работу, и оплатить ее едой и ночлегом; но все, что он видел вокруг, убеждало Вила в том, что у него ничего не выйдет.

Прямо на Вила нетвердой походкой шел пьяный гном, что-то нащупывая под плащом. Долинец не стал дожидаться, что будет дальше, и оттолкнул его в сторону. Гном упал на мостовую и перевалился на спину, уставившись в небо и глупо смеясь. Мгновение Вил глядел на него, потом схватил Амбель за руку и поторопился уйти подальше от этого места.

Сомнения одолевали Вила. Конечно, лучше всего поскорее убраться отсюда, но как найти дорогу? Как не заблудиться в зарослях дремучего леса там, за деревней? Им нужен проводник, но к кому здесь, в Угрюмом Углу, могут они обратиться? Кому можно здесь довериться? Оставались, правда, эльфийские камни, но тогда демоны тотчас обнаружат их, и опять придется бежать не разбирая дороги.

Вил в растерянности остановился. Положение более чем затруднительное, и у долинца не было ни малейшего представления о том, как из него выбраться.

— Вил, — Амбель тревожно дергала его за руку, — уйдем с этой улишы.

Долинец кивнул. Сначала — самое необходимое. Им надо найти место, где можно переночевать и достать хоть что-то поесть. Остальное пока подождет.

Держа Амбель за руку, он направился обратно к главной дороге, внимательно изучая харчевни и постоянные дворы по обеим сторонам улицы. Наконец он заприметил маленький двухэтажный дом, отделенный от других построек жидким пролеском из низких сосен. В окнах первого этажа горел свет, на втором было темно. Здесь хриплый смех и голоса раздавались не так громко, как в других харчевнях: компания ночных гуляк, собравшаяся здесь, была небольшой.

Вил вошел во двор и приник к заляпанному оконному стеклу. Внутри было относительно спокойно. Долинец поглядел вверх — вывеска над входом гласила, что это не что иное, как постоянный двор «Огонь свечи». Вил колебался еще мгновение, потом решил. Ободряюще кивнув Амбель — она глядела на него с сомнением, — он провел ее через ворота по тропинке между соснами. Двери были распахнуты в летнюю ночь.

— Надень калюшон, — внезапно прошептал он, и, пока эльфийка беспомощно смотрела на него, Вил сам надвинул ей калюшон пониже. Он улыбнулся Амбель, но улыбка лишь изоб-

личила его собственную неуверенность, потом твердо взял девушку за руку и ступил за порог.

Тесную комнату заполнял дым от масляных ламп и курительных трубок. Несколько грубого вида мужчин и женщин толпились у стойки, лениво перекидываясь словами и потягивая эль. За стойкой, в дальнем конце комнаты, стояли столы со стульями и табуретами; там сидели, склонившись над кружками, закутанные фигуры и, понизив голос, таинственно переговаривались. Несколько дверей вели из комнаты в другие части дома, лестница слева от входа уходила вверх и терялась в темноте. Грязный пол был весь в каких-то выщербинах и занозах, по углам с потолка свисала паутина. Неподалеку от двери старая собака грызла кость.

Вил провел Амбель в дальнюю часть комнаты, к маленькому пустому столику; на нем не было ничего, кроме толстой оплывшей свечи. Там они сели. Пока они проходили, несколько голов повернулись к ним и тут же опустились.

— Что мы здесь делаем? — тревожно спросила Амбель, стараясь говорить тихо, чтобы их не могли подслушать.

Вил покачал головой:

— Потерпи.

Через несколько минут к ним подошла неприветливая, неуклюжая, неопределенного возраста женщина с грязным полотенцем, перекинутым через руку. Вил отметил про себя, что женщина сильно хромот. Кажется, он понял, в чем причина хромоты, и в его голове зародился план.

— Что-нибудь выпить? — спросила хозяйка.

Вил улыбнулся как можно любезнее.

— Два эля.

Не сказав больше ни слова, женщина отошла. Вил задумчиво проводил ее взглядом.

— Я не люблю эль, — запротестовала Амбель. — Что ты делаешь?

— Знакомлюсь. Ты заметила, что она хромот?

Эльфийка удивленно уставилась на него.

— Это имеет какое-то значение?

— Очень большое. — Вил улыбнулся. — Сейчас увидишь.

Минуту они сидели в молчании, потом хозяйка вернулась, поставила на стол кружки, но не ушла. Она стояла рядом со

столиком, перебирая мясистыми руками пряди спутанных седеющих волос.

— Это все?

— На ужин что-нибудь есть? — спросил Вил и отпил глоток эля.

Амбель даже не притронулась к своей кружке.

— Тушеное мясо, хлеб, сыр, кексы — сегодня как раз пекли.

— Мм, жаркий денек для готовки.

— Действительно жаркий. И убыточный. Никто не ест.

Вил сочувственно покачал головой: мол, как же так?

— Охотнее пьют, — фыркнула хозяйка. — Я бы тоже пила, было бы время.

Вил усмехнулся.

— И что же, ты держишь гостиницу одна?

— Я и мои мальчики. — Голос хозяйки потеплел. — Муж удрал. Мальчики вообще-то помогают мне. Когда не пьют и не играют. Только редко это бывает. Я бы справлялась сама, если бы не нога. Все время эти спазмы. И боль не стихает.

— Ты пробовала теплый компресс?

— А как же. Не помогает.

— А травы?

Женщина плюнула.

— Без толку.

— Да, нехорошо. И давно это у тебя?

— А-а, много лет. Я не считаю — лучше вообще не думать об этом.

— Ну ладно. — Вил смотрел на нее задумчиво. — Вообще-то ужин как будто неплох. Пожалуй, надо попробовать.

Хозяйка кивнула и вновь отошла. Амбель быстро наклонилась вперед.

— И как ты собираешься платить за все это? У нас нет денег.

— Знаю, — ответил долинец. — Но думаю, они нам и не понадобятся.

Амбель гневно смотрела на него.

— Ты обещал, что больше не будешь так делать. Ты обещал, что, прежде чем что-то предпринять, сначала посоветуешься со мной, — помнишь? Тогда, со скитальцами, ты тоже все решал сам, и это едва не стоило нам жизни.

— Знаю, знаю, но нам надо поесть и где-то переночевать, и, похоже, у нас появилась прекрасная возможность.

Лицо эльфийки в тени капюшона напряженно застыло.

— Мне все это не нравится, Вил Омсфорд: мне не нравится эта гостиница, эта деревня, эти люди — все. Можно было бы обойтись без ужина и ночлега.

Вил покачал головой.

— Можно, но не нужно. Тсс, она возвращается.

Хозяйка принесла ужин. Она поставила на стол дымящиеся тарелки и уже собиралась отойти, как вдруг Вил заговорил.

— Минутку, — сказал он. Хозяйка повернулась к долиincu. — Я тут думал о твоей ноге. Я, вероятно, мог бы помочь.

Женщина с недоверием оглядела его.

— О чем это ты толкуешь?

Вил пожал плечами.

— Ну, думаю, что смогу снять боль.

Выражение недоверия на лице хозяйки перешло в подозрительность.

— И ты сделаешь это для меня? Но зачем тебе? — нахмурилась она.

Вил улыбнулся.

— Я этим живу. Деньги.

— У меня не так много денег.

— А как насчет обмена? В уплату за эль, еду и ночлег я сниму боль. По-моему, это будет справедливо.

— Справедливо, — согласилась хозяйка и тяжело опустилась на свободный стул. — А ты точно сможешь?

— Принеси чашку горячего чая и чистое полотенце. И посмотрим.

Женщина немедленно поднялась и заковыляла на кухню. Вил смотрел ей вслед, улыбаясь. Амбель же только качала головой.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже на это надеюсь. На всякий случай ешь быстрее, а то вдруг наши надежды не оправдаются.

Они почти все доели, когда вернулась хозяйка с чаем и полотенцем. Вил смотрел мимо нее на посетителей, собравшихся у стойки. Некоторые уже глядели в их сторону с выражением крайней заинтересованности. Вилу вовсе не хотелось привлекать к себе внимание, он поднял глаза на хозяйку и улыбнулся.

— Лучше, чтобы они не видели. Куда мы можем пойти?

Женщина пожалала плечами и провела их в маленькую комнату; там стоял стол со свечой и шесть табуретов. Женщина зажгла свечу и закрыла дверь.

— И что теперь? — спросила хозяйка.

Вил достал из кошелька, висящего у него на поясе, какой-то сухой лист, растер его пальцем в мелкую пыль и высыпал в чай. Тщательно перемешав, он протянул чашку женщине.

— Вот, выпей. Это сон-трава. Ничего страшного.

Женщина на секунду задумалась, но потом выпила. Когда чашка опустела, Вил положил в нее другой лист и залил его элем из кружки, которую принес с собой. Он растирал лист ложкой, пока тот окончательно не растворился. Сидя на другом конце стола, Амбель качала головой.

— Ногу — сюда. — Вил придвинул женщине свободный табурет, она послушно поставила на него ногу. — Теперь приподними юбку.

Хозяйка вопросительно поглядела на него, как бы стараясь разгадать его намерения, потом подняла юбку до бедра. Вся нога была покрыта какими-то узлами, набухшими венами и темными пятнами. Вил смочил полотенце зельем и принялся медленно втирать его в ногу.

— Чего-то шиплет, — хихикнула женщина.

Вил ободряюще улыбнулся. Когда чашка опустела, долинец снова полез в кошелек и на этот раз достал длинную серебряную иглу с крючком на конце. Женщина рывком подалась вперед.

— Ты ведь не собираешься втыкать в меня эту штуковину, правда?

Вил мягко кивнул.

— Ты даже не почувствуешь, я просто прикоснусь. — Он подержал иглу над пламенем свечи. — Только не дергайся.

Медленно, осторожно он ввел иглу в ногу женщины, как раз над коленным суставом; осталась видна лишь загнутая головка. Через секунду Вил вынул иглу. Женщина слегка поморщилась, закрыв глаза, но тут же их открыла. Вил сел на место.

— Вот и все, — объявил он, надеясь, что это действительно так. — Теперь встань и пройдишь.

Мгновение женщина с недоумением глядела на него, потом возмущенно одернула юбку и встала на ноги. Она робко отошла от стола и вдруг резко обернулась — широкая улыбка разгладила ее грубые черты.

— Надо же! Боль прошла! В первый раз за столько месяцев! — Она возбужденно смеялась. — Я просто не верю. Как тебе удалось?

— Да так, волшебство, — удовлетворенно усмехнулся Вил и тут же пожалел о своих словах. Амбель бросила на него сердитый взгляд.

— Волшебство? Хм! — Женщина сделала еще несколько шагов и покачала головой. — Как скажешь. И в самом деле волшебство — совсем не болит.

— Ну это, конечно, не настоящее волшебство... — начал было Вил, но женщина уже направлялась к дверям.

— Мне так хорошо, так хорошо, что я, пожалуй, даже поднесу кому-нибудь стаканчик бесплатно. — Она открыла дверь и приостановилась на пороге. — Просто не могу утерпеть. Какие у них будут рожи, когда я расскажу...

— Нет, погоди!.. — крикнул Вил, но женщины уже не было. — Черт возьми, — пробормотал он, сожалея, что не взял с нее обещания не болтать об этом.

Амбель смотрела на него во все глаза.

— Как тебе это удалось?

Вил пожал плечами.

— Я ведь целитель, ты что, забыла? Сторы научили меня кое-чему, в том числе и снимать боль в ноге. — Он доверительно наклонился вперед. — Плохо лишь то, что я не могу вылечить ее совсем.

— Не можешь?! — ужаснулась Амбель.

Вил поднес палец к губам.

— Это временное облегчение. К утру боль вернется, к этому моменту нам лучше исчезнуть.

— Вил, ты обманул эту женщину! — Амбель почти кричала. — Ты же сказал ей, что вылечишь ногу.

— Нет, я сказал не так. Я сказал лишь, что могу снять боль. Но ей — облегчение на ночь, а нам — ужин и крыша над головой, это справедливый обмен.

Амбель укоряюще смотрела на него и молчала.

Вил вздохнул.

— Если тебя это действительно беспокоит, то знай: боль будет уже не такой сильной, как прежде. Но ее болезнь не сможет вылечить никакой целитель: многое зависит от ее образа жизни, от возраста и даже от веса. Я сделал для нее все, что мог. Пожалуйста, не будь несправедлива ко мне.

— Но ведь ты же можешь оставить ей что-нибудь на тот случай, если боль вернется?

Вил подошел к Амбель и сжал ее руки.

— Ты очень добрая, ты знаешь об этом? Да, я могу дать ей кое-что против боли. Но если ты не возражаешь, мы оставим ей это, когда будем уходить.

Внезапный шум в соседней комнате насторожил его. Вил встал, подошел к двери и приоткрыл ее. Раньше комната была почти пуста, теперь же — забита до отказа: люди буквально ломились в гостиницу, привлеченные обещанием дармовой выпивки и шуточками хозяйки, которая радостно демонстрировала гостям вылеченную ногу.

— Пора уходить, — пробормотал Вил и торопливо повел Амбель из комнаты.

Они не сделали и дюжины шагов, как хозяйка пронзительно вскрикнула и бросилась им наперерез. Головы собравшихся повернулись, пальцы указывали на Вила. Это было уже слишком.

— Эй вы, по стаканчику эля? — предложила хозяйка. Ее рука дружески опустилась на плечо Вила — тот едва устоял на ногах.

Долинец выдавил слабую усмешку.

— Нам надо немного поспать: путь был долг, и мы очень устали.

Женщина фыркнула:

— Оставайтесь с нами и веселитесь. Платить не надо. пейте все, что душе угодно.

Вил покачал головой.

— И все же нам лучше поспать.

— Спать? В таком шуме? — Женщина пожала плечами. — Комната номер десять, по лестнице и прямо по коридору. Это в задней части дома. Может быть, там немного потише. — Она помедлила. — Теперь мы в расчете? Я тебе больше ничего не должна?

— Ничего,— уверил ее Вил, желая лишь одного: поскорее убраться отсюда.

Хозяйка широко улыбнулась.

— Вот и славно, но ты продешевил, знаешь? Если бы ты сказал сразу, я бы заплатила в десять раз больше за то, что ты сделал. Надо же, такое облегчение в обмен на эль, ужин и ночлег! Тебе следует быть поумнее, если ты собираешься жить в этом краю. Запомни мой совет, малютка эльфа. Он бесплатный.

Она грубо рассмеялась и вернулась обратно к стойке. Бесплатная выпивка кончилась. Когда такая толпа хочет выпить, сам бог велит делать деньги. Женщина носилась вдоль стойки, энергично сшибая монеты с разгоряченных гостей.

Вил схватил Амбель за руку и повел ее по ступенькам лестницы наверх. Взгляды посетителей устремились им вслед.

— А ты еще переживала за нее...— пробормотал долинец уже наверху.

Амбель улыбнулась и ничего не сказала.

Глава 34

Они спали лишь несколько часов, потом их разбудил странный шум у дверей. Вил проснулся первым; он приподнялся на кровати, напряженно вглядываясь в темноту. Долинец слышал шарканье ног, перешептывающиеся голоса, тяжелое дыхание. Это не демоны, быстро понял он, но холод внутри не проходил. Дверная щеколда слегка покачивалась, кто-то пытался отодвинуть ее.

Амбель тоже проснулась и села, лицо ее в тени длинных волос казалось совершенно белым. Вил поднес палец к губам:

— Подожди.

Он бесшумно соскользнул с кровати и направился к двери. Щеколда сдвигалась, но долинец поставил ее на место, так что пока в комнате было относительно безопасно. Вил склонился к двери и слушал. До него донеслись низкие приглушенные голоса:

— ...Осторожнее, болван... просто приподними ее...

— Я поднимаю! Отойди от света!

— ...Теряем время; надо ломать... давай...

— ...Нет, если он владеет волшебством...

— Золото стоит риска... ломай!

Снаружи зашпорили, слова мешались с сопением и хриплым дыханием, теперь уже нельзя было ничего разобрать — языки заплетались от вылитого эля. Примерно с полдюжины мужчин, определил долинец, головорезы и воры, скорее всего, поверившие пустой болтовне кого-то, кто слышал историю чудесного исцеления хозяйки и наверняка приукрасил этот рассказ яркими подробностями. Вил торопливо отошел от двери и принялся на ощупь искать кровать. Рука Амбель сжала его руку.

— Надо уходить,— прошептал он.

Без лишних слов Амбель слезла с кровати. Они спали не раздеваясь, поэтому сборы заняли несколько секунд — им осталось лишь надеть плащи и обуться. Вил распахнул окно в дальнем конце комнаты. Сразу же под окном от стены опускалась вниз пологая крыша веранды.

«И на том спасибо»,— подумал долинец, отыскал в темноте Амбель и подвел ее к раскрытому окну.

— Нам сюда,— прошептал он и взял ее за руку.

В тот же самый момент из коридора донеслось громкое ругательство, и тяжелое тело с грохотом навалилось на дверь — воры потеряли терпение. Вил вытолкал Амбель на крышу веранды, а сам обернулся проверить, не ворвались ли уже в комнату. Нет. Дверь пока держалась. Воры вновь ударили, на этот раз щекотка не выдержала. В комнату ввалились закутанные в плащи фигуры; громко вопя и изрыгая проклятия, они ломались вперед, спотыкаясь друг о друга,— в дверях произошло некоторое замешательство.

Вил не стал ждать, что будет дальше. Выбравшись через окно, он торопливо спрыгнул на крышу веранды.

— Прыгай! — закричал он Амбель, которая застыла в страхе на самом краю.

Девушка соскочила на землю, Вил за ней. Наверху, свесившись из окна, что-то яростно орала преследователи. Долинец торопливо огляделся.

— И куда? — пробормотал он, внезапно растерявшись.

Амбель молча схватила его за руку и понеслась к дальнему концу стены, потом — к соседнему дому. Сзади раздался крики, тяжелые сапоги грохотали по крыше веранды. Долинец с эльфийкой беспшумно бежали в тени домов, по скользким тро-

пинкам, по переулкам, вдоль стен и наконец выбрались к главной дороге.

Но крики сзади не смолкали — погоня продолжалась. Казалось, весь Угрюмый Угол внезапно проснулся: повсюду в темных домах вспыхнул свет, гневные голоса раздавались со всех сторон. Амбель рванулась было к дороге, но Вил поспешно оттащил ее назад. Не далее чем в ста футах впереди по дороге двигалось несколько темных фигур — преследователи искали их в окружающем сумраке.

— Придется обратно, — прошептал Вил.

Они развернулись и пошли вдоль стены до конца ближайшего дома. Какие-то сараи лепились друг к другу на фоне темного леса. Вил колебался. Если они попытаются скрыться от преследователей в лесу, им грозит другая опасность, может быть, еще большая: безнадежно заблудиться. Надо как-то пробраться туда, где главная дорога сворачивает на юг от Угрюмого Угла. Может быть, грабители не выйдут из деревни, и тогда они с Амбель избавятся от погони.

Вил и Амбель осторожно крались задними дворами. Заборы и глухие стены окружали их со всех сторон, мусорные баки загораживали дорогу, но крики преследователей стихли. Еще несколько минут, и они будут в безопасности.

Беглецы свернули в узкий проход между конюшнями и амбарами. Кони тихо заржали, почувствовав запах чужаков, и нетерпеливо переступали в своих стойлах. Впереди дорогу преграждал загон, обнесенный невысоким забором.

Вил и Амбель пошли вдоль забора. Но не успели они сделать и дюжины шагов, как сзади раздался резкий крик. Из тени амбара выступила темная фигура — парень размахивал руками и звал остальных. Ответные крики донеслись с другой стороны. Долинец и эльфийка бросились бежать, но в спешке споткнулись и упали.

Преследователь был уже рядом, он слепо молотил огромными кулачищами. Защищая Амбель, Вил сцепился с бандитом — жилистым, крепким парнем, от которого разило элем. Долинец схватился за его куртку и с невесть откуда взявшейся силой резко оттолкнул парня в сторону, тот ударился головой о забор и, оглушенный, свалился на землю.

Вил вскочил на ноги. В окнах ближайших домов уже загорался свет. Позади огонь факелов дрожал в ночи, отовсюду раз-

давались крики преследователей. Вил схватил Амбель за руку, и они помчались вдоль забора к дальним сараям. Там свернули к главной дороге. Теперь они бежали по узкой улице, по обеим ее сторонам стояли темные, наглухо запертые дома. В непроницаемом мраке приходилось бежать вслепую, Вил чуть впереди. Вот уже показалась дорога.

— Вил! — предостерегающе закричала Амбель.

Слишком поздно. Глаза долинца были не столь остры, как у эльфийки, и он споткнулся о кучу досок, наваленных посреди дороги. Вил упал, ударившись головой о стену дома. Боль захлестнула его, на какое-то мгновение он потерял сознание, потом с трудом поднялся на ноги. Голос Амбель отдавался слабым гулом в ушах. Вил потрогал голову — рука стала мокрой от крови.

Амбель бросилась к нему. Вил оперся о ее плечо, пытаясь заставить себя идти вперед, к далекому свету главной улицы, но вскоре почувствовал, что снова теряет сознание. Он изо всех сил боролся со слабостью. Надо идти вперед, он должен дойти! Амбель что-то говорила ему, но он не разбирал слов. Вил чувствовал себя отвратительно. Как он мог совершить такую оплошность?

Они шли по пустынной улице, потом свернули и встали под длинным балконом. Амбель поддерживала Вила, не давая ему упасть. Кровь текла по лицу долинца, застилала глаза; он что-то сердито бормотал себе под нос.

Вдруг он услышал изумленный возглас Амбель и словно сквозь туман увидел, как из темноты возникает сплетение черных теней. Низкие, хриплые голоса о чем-то предупреждали. Потом Амбель пропала, и Вил почувствовал, как сильные руки поднимают его. В глазах стоял разноцветный туман. Вила куда-то внесли. Масляная лампа тускло мерцала позади него, слышался предостерегающий шепот — как будто знакомые голоса; кто-то вытирал лицо Вила мокрым полотенцем. Чьи-то руки завернули его в плед и заботливо подсунули под голову подушку.

Вил медленно открыл глаза. Он находился внутри ярко раскрашенной повозки, стены пестрели вытертыми коврами, бусами и блестящим шелком. Долинец вздрогнул — он узнал эту повозку.

Красивое смуглое лицо, обрамленное кольцами черных волос, низко склонилось к нему, улыбка ослепила.

— Я же говорила тебе, что мы встретимся снова, Вил Омсфорд.

Это была Эретрия.

Глава 35

Пять дней эльфийская армия и Вольный корпус пробирались по Западным землям к Арборлону. Медленно шли они на восток, по долине Саранданон, сквозь густые, непроходимые леса, по широким дорогам и неприметным тропам, а где-то позади за ними шли демоны — бесчисленные полчища. Эльфы и люди брели при свете дня и в темноте ночи, без отдыха, часто без пищи, так как тем, что преследовали их, не надо было ни есть, ни спать. Как стая охотничьих псов, демоны гнали перед собой отступающую армию, время от времени покусывая ее фланги, а то и вгрызаясь в центр, пытались сбить эльфов с пути, измотать постоянным напряжением. Атаки следовали одна за другой, и у эльфийской армии, и без того измученной сражением у Входа Баена, сил оставалось все меньше и меньше. Вместе с усталостью пришло отчаяние, а за ним — страх.

Этот страх завладел и Андером Элесседилом. Его преследовали мысли о погибших, о постоянных поражениях эльфийской армии, обо всем, что он хотел сделать и не сделал. Но это было еще не самое худшее. Андер не мог избавиться от мысли: никто из них не вынесет этого долгого пути. Принц видел: смерть идет по пятам его разбитой армии, каждый новый день приносит новые потери. Эти мысли постепенно перешли в уверенность, из которой родился страх, ставший проклятием Андера, — неотвязный, безликий, коварный, он таился где-то в глубине и сплетался, как это ни странно, с решимостью принца, с его твердым намерением спасти оставшихся и довести их до Арборлона.

«Ты ведешь их, — говорил он себе, — но знаешь ли ты, как спасти их? Неужели ты столь беспомощен? Да, потеряно многое — а что, если ты потеряешь и все остальное?»

Вопросы эти мучили и изводили его, отчаяние грозило сломить и без того ослабевшую волю. Не помогало даже присут-

ствии Алланона — маг ехал рядом, молча, погруженный в мир темных тайн. Андер боролся со своим страхом.

Всех спас Сти Джанс: в это черное время, когда, казалось, не осталось ничего, кроме отчаяния, он опять проявил настойчивость и решительность, твердость духа и мужество — чтобы потом родилась еще одна легенда о Железном человеке.

Сти Джанс собрал небольшой отряд из Эльфийских охотников и солдат Вольного корпуса и занялся обороной главной колонны: серией ложных выпадов и разнообразных маневров отряд отбивался от преследователей, уводя их за собой сначала в одном направлении, потом в другом, — тактика, столь успешно примененная у Входа Баена, не подвела и на этот раз. Демоны снова и снова бросались в погоню за неуловимым отрядом: сперва в долине, затем в дебрях лесов. Снова и снова пытались они поймать в ловушку всадников в серых плащах, но всякий раз находили только пустой луг, тупик, черную яму или непроходимую, заросшую кустами тропу и в ярости поворачивали обратно. С какой-то необъяснимой ловкостью, которая бесила и сбивала демонов с толку, Сти Джанс и его отряд вели смертельную игру в кошки-мышки, увлекая демонов подальше от главной колонны эльфийской армии.

Ненависть и раздражение демонов росли с каждым часом; ночь сменялась днем, день — ночью, погоня становилась все яростнее. Эти демоны отличались от тех тощих черных тварей, что лезли сквозь Вход Баена в долину Саранданон. Эти были гораздо опаснее и гораздо сильнее: чудовища колоссальных размеров, с железными мускулами, покрытые чешуей, крепкой как броня, созданные для слепого, бессмысленного разрушения, и другие — маленькие, почти бесплотные, они убивали одним лишь прикосновением. Некоторые продвигались медленно и неуклюже, некоторые — быстро, как скользящие сквозь лесной сумрак привидения. У одних было по десятку конечностей, у других — ни одной. Здесь были те, кто изрыгал огонь, как драконы древнего мира, и те, кто питался человеческой плотью. После них земля оставалась черной, опустошенной и безжизненной.

Преследование уходящей армии продолжалось. В отряде Сти Джанса Эльфийские охотники и солдаты Вольного корпуса сражались бок о бок в отчаянной попытке хоть как-то задержать

демонов. Тактика корпуса оставалась все той же. Единственное, что можно было сделать сейчас, — это ударить и ускользнуть, потом вернуться для очередного удара, снова скрыться и снова вернуться.

В полдень пятого дня перехода оборванная и измученная армия вышла наконец на берег Поющего родника. Переправившись через реку, армия упрямо вступила в Арборлон. Здесь они осознали истинную цену своего поражения. Почти треть эльфов, которые уходили на запад в Саранданон, не вернулась обратно. Из оставшихся каждый третий был ранен. Из шести сотен солдат Вольного корпуса едва ли один из трех остался в живых. А демоны все наступали...

Сумерки сгустились над Арборлоном. Вечером стало прохладно; тяжелые грозовые тучи наполнили от низин, постепенно скрывая луну и звезды, в воздухе пахло дождем. В домах уже начали зажигать огни, жители города собирались ужинать. На улицы вышел патруль — воины личной гвардии, они проходили в тревожной тишине сгущающегося сумрака. На вершине Каролана, по всей длине Эльфитча и вдоль восточного берега Поющего родника вооруженные солдаты стояли наготове; пламя горящей смолы освещало укрепления. Все взоры были обращены в сторону леса на том берегу реки. Пока там все было тихо.

Андер Элесседил спешил в зал Большого совета, где его ждали первый министр Эмер Чиос, командиры армии и несколько чужестранцев, которые привели своих людей на помощь эльфам. Принц вошел через тяжелую деревянную дверь в дальнем конце зала, в правой руке он крепко сжимал серебристый посох Элькрис. Пыль, пот и кровь покрывали одежду и лицо эльфийского принца: вернувшись, он позволил себе только несколько часов сна, но у него не осталось времени даже помыться. Время дорого, и он предпочел прийти в Совет как можно быстрее. Рядом с ним шел Алланон, черный, таинственный, неприступный; тень его метнулась по стенам зала. Третьим вошел Сти Джанс, смерть застыла в его темных глазах.

Собравшиеся немедленно встали, гул волной пронесся по залу — каждый задавал свой вопрос, каждый стремился быть услышанным. Эмер Чиос тяжело опустил ладонь на поверхность стола — в зале Совета вновь стало тихо.

— Прошу всех сесть, — распорядился первый министр.

С глухим ропотом и ворчанием все расселись по местам. Андер немного подождал и сделал шаг вперед. Он знал законы Большого совета. Если король по каким-то причинам не может присутствовать, его замещает первый министр. Эмер Чиос всегда был влиятельным и уважаемым человеком, теперь же в особенности. Андер пришел на Совет, преследуя определенную цель, и ему была нужна поддержка Чиоса. Андер очень устал, и не только физически: постоянная тревога и бремя ответственности давали о себе знать, но необходимо следовать традиции.

— Господин первый министр, — обратился он к Чиосу, — мне надо говорить с Советом.

Эмер Чиос кивнул:

— Говорите, мой принц.

Андер не был, подобно отцу или брату, блистательным оратором — медленно, запинаясь, он рассказал все, что произошло с эльфийской армией с самого ее вступления в Саранданон. Он рассказал о ранении короля и о смерти Ариона, о боях и поражениях в Разломе, об отступлении и тяжелом противостоянии во Входе Баена, об отступлении через Саранданон и леса Западных земель в Арборлон. Он рассказал о непревзойденной отваге солдат Вольного корпуса и о назначении Сти Джанса командующим армией после гибели Пинданона. Очень подробно и ярко он описал демонов — врага, с которым они столкнулись, — их облик и величину, их неистовство и силу. Андер предупредил, что в данный момент демоны приближаются к Арборлону и полны решимости уничтожить эльфов, всех до одного, разорить город и отобрать земли, которые они потеряли много веков назад. Что ждет впереди? Страшная битва, в которой либо эльфы, либо демоны непременно будут уничтожены.

Рассказывая, Андер внимательно изучал собравшихся, стараясь понять по выражению их лиц, как они оценивают его действия с того момента, когда эльфы потеряли своего короля и престолонаследника. Сам Андер уже смирился с мыслью, что отец может умереть и ему придется стать королем, но он знал, что Большой совет и эльфийский народ тоже должны принять это.

— Высокочитимые эльфы, — закончил он свою речь, — я сын моего отца, и я знаю, чего вы ждете от принца эльфов. Армия оставила Саранданон — теперь мы будем сражаться здесь. Я буду с моей армией. Я поведу ее. Если бы только у нас был иной выход, если бы все то, что случилось за последние дни, можно было вычеркнуть из летописи нашей жизни! Но это невозможно, и другого выхода нет. Будь здесь отец, вы бы пошли за ним все до одного — я это знаю. Но теперь на его месте стою я, и я прошу вас идти за мной, последним из рода Элесседиллов. Эти люди, что пришли со мной, поддерживают меня. Того же я прошу и у вас. Высокочитимые эльфы, я прошу поддержать меня.

Теперь он молча ждал. Андер знал, что мог бы и не просить поддержки, он имел право взять власть в свои руки. В нем текла кровь эльфийских королей, и мало кто решился бы оспаривать это право. Он мог бы попросить Алланона выступить вместо него — один голос друида заставил бы замолчать любую оппозицию. Но Андер не хотел, чтобы кто-то ходатайствовал за него в этом деле. Поддержка Большого совета и тех чужестранцев, что пришли помочь эльфам, должна быть получена не запугиванием и не предъявлением каких-то прав. Принцу хотелось, чтобы ему доверяли, чтобы положились на ту силу духа, которую он показал при командовании эльфийской армией, после того как был ранен его отец. И только так будет справедливо.

Эмер Чиос встал. Взгляд его быстро скользнул по лицам собравшихся. Потом он повернулся к Андеру.

— Мой принц, — его низкий голос гремел в тишине, — все, кто собрался в этом зале, знают, что я ни за кем не слеую слепо, даже за тем, в чьих жилах течет королевская кровь. Я всегда говорил, и это все слышали, что я доверяюсь только суждениям моего народа, а не суждениям отдельного человека, будь он даже королем всего мира. — Чиос смотрел Андеру прямо в глаза. — Я верный слуга Эвентина Элесседила, и я глубоко уважаю его. Он король, высокочитимые эльфы, король, каким он и должен быть. В это опасное время мне бы хотелось, чтобы он был здесь, с нами, и вел нас за собой. Но это пока невозможно. Сын Эвентина предлагает себя на его место. Я знаю Андера Элесседила — думаю, как и все здесь собравшиеся. Я слушал его; я оценивал его по словам и поступкам и еще по тому, как он проявил себя в эти трудные дни. Я слушал его и теперь

скажу: с нами нет короля, и я не знаю другого эльфа, кому бы я мог без сомнений доверить спасение моей родины и мою собственную жизнь. Я не знаю никого другого, кроме Андера Элесседила.

Мгновение он помедлил, потом торжественно поднял правую руку и положил ее на сердце — эльфийская клятва верности. На миг зал погрузился в тишину. Потом из-за стола встали остальные, сначала несколько эльфов, потом все. Руки легли на сердце, взоры обратились к принцу. Командиры эльфийской армии тоже вышли вперед: Эльрон Тэй, грубовато-добродушный эльф с суровым лицом, правая рука Пинданона; Кобольд, высокий, всегда безукоризненно одетый капитан Черных стражей; и Керрин, командир личной гвардии. Через несколько секунд все эльфы, собравшиеся в зале Большого совета, стояли, повернув лица к своему принцу, руки лежали на сердце.

Темная фигура подвинулась ближе к Андеру.

— Они идут за тобой, принц эльфов, — тихо сказал Алланон. Андер кивнул. Он едва ли не сожалел, что это так.

Затем они заговорили о защите Арборлона.

Первые приготовления начались сразу же после отбытия армии в Саранданон две недели назад. Эмер Чиос как временный правитель города немедленно созвал Большой совет и вместе с командирами армии, оставшимися в городе, выяснил, что необходимо предпринять для защиты Арборлона в том случае, если демоны прорвутся через Саранданон. К делу приступили немедленно, и теперь первый министр докладывал Андеру о том, что сделано.

К городу можно подойти лишь с двух сторон: через долину Ренн и прилегающий к ней лес на востоке и через Саранданон на западе. На севере и юге доступ к городу перекрывали неприступные горы, высокие пики, которые окружали Каролан сплошной стеной. Алланон предупредил эльфов, что демоны вырвутся из-за стены Запрета в Седых низинах. Это означало, что они пойдут через Саранданон и, если не обогнут горы с севера или юга — а на это потребуется несколько дней, — нападения следует ждать с запада.

Именно здесь и следовало выставить основные линии обороны. Потому что демоны сразу же наткнутся на два естест-

венных препятствия: сначала — Поющий родник, конечно, не слишком широкий у Каролана, но все же глубокий и трудный для переправы даже при хорошей погоде; потом — сам утес, отвесная скала, высотой превышающая четыре сотни футов, прорезанная сетью глубоких трещин и заросшая густым кустарником. Единственный мост через Поющий родник находился у самого подножия Каролана, на многие мили вверх и вниз по течению не было ни единой отмели. Главный путь на Каролан лежал по Эльфитчу, хотя дальше к югу было еще несколько лестниц поменьше.

Итак, прежде всего — река и утес. Мост через Поющий родник предполагалось разрушить сразу же, как только вернется эльфийская армия. Что и было сделано. На восточном берегу реки, почти у самой воды, эльфы соорудили каменные и земляные укрепления — широкий полукруг, начинающийся у подножия утеса и проходящий по берегу до самого Эльфитча. На тот случай, если демоны попытаются переправиться через реку ночью, на берегу были поставлены огромные чаны со смолой, пламя которой даст достаточно света. Вся земля от утеса до реки — примерно две сотни футов — густо заросла деревьями и кустарником; здесь эльфы вырыли ямы и расставили хитрые ловушки, так что, даже если демоны обойдут укрепления, им будет непросто пробраться через этот новый заслон. Это во-первых.

Во-вторых, основной линией обороны был, конечно, Эльфитч. Все остальные лестницы, ведущие на Каролан, уже уничтожены, остался лишь он — семь уровней, семь пролетов гигантской, созданной природой лестницы, выложенной каменными блоками; семь толстых стен с железными воротами отделяли один уровень от другого. В мирные времена все семь ворот стояли гостеприимно распахнутыми, стража на стенах приветствовала входящих в город, древние камни укреплений густо заросли цветущей лозой. Теперь же грозные воины охраняли наглухо запертые ворота.

На вершине Каролана не было никаких укреплений. Она представляла собой обширное плоскогорье, которое напоминало скорее равнину, окруженную лесом, чем вершину горы: светлые рощи, яркие домики, цветущие Сады Жизни и на востоке, у самого леса, — город, столица эльфийского края, Ар-

борлон. Если демонам удастся прорваться на Каролан, у эльфов не останется шансов на спасение. Если у них еще хватит сил, они укрепятся на равнине и попытаются оттеснить захватчиков к краю утеса. Другого выхода нет: если они не удержатся здесь, им придется отойти к долине Ренн — там эльфы примут последний бой. Дальше отступить некуда — здесь кончаются Западные земли.

Эмер Чиос остановился.

— Но если они обогнут горы и придут с востока... — снова начал было он.

— Нет, — коротко оборвал его Алланон. — Теперь для них главное — время. Демоны придут с запада.

Андер вопросительно взглянул на Сти Джанса, но тот лишь пожал плечами. Принц опять повернулся к Эмеру Чиосу:

— Что еще, первый министр?

— Не знаю даже, хорошие это новости или не очень. Это относительно нашей просьбы о помощи. Каллахорн послал нам еще двести пятьдесят всадников — Старую гвардию — плюс какие-то неопределенные обещания, что это еще не все. Но они не сказали, когда именно придут остальные. Наш посланец докладывал, что Совет городов никак не может прийти к согласованному решению, какова должна быть степень участия Каллахорна в этой «эльфийской войне»; король же предпочел вообще не вмешиваться в эти споры. Пока они послали лишь Старую гвардию, но вопрос все еще обсуждается, и этому не видно конца.

«Сти Джанс был прав», — мрачно подумал Андер.

— Мы получили послание и от Федерации, — горько улыбнулся Эмер Чиос. — Послание короткое и, надо сказать, предельно ясное. Федерация всегда предпочитала не вмешиваться в дела других земель и тем более — других народов. Если она столкнется с прямой угрозой себе, вот тогда она будет действовать, а пока это ее не касается. Она не пошлет помощи, пока ей ничто не угрожает. — Чиос пожал плечами. — Оттуда нам ждать нечего.

— А Кершалът? — быстро спросил Андер. — Что тролли? Чиос покачал головой.

— Ничего. Я даже отправил второго гонца.

Андер кивнул.

— Карлики?

— Мы здесь,— раздался хриплый, грубоватый голос.— По крайней мере, кое-кто здесь.

Коренастый бородатый карлик пробрался вперед, к столу Совета. На обветренном, коричневом от загара лице сверкали умные, живые голубые глаза, потрескавшиеся узловатые руки оперлись о край стола.

— Друид,— карлик кивнул Алланону, потом повернулся к Андеру,— я — Бровок, старейшина и гражданин Кулхейвена. Я привел сотню землекопов. Благодарите друида: несколько недель назад он нашел нас на мосту, у Серебристой реки, и предупредил об опасности. Мы, карлики, знаем Алланона, поэтому вышли сразу. Мы отправили посланца в Кулхейвен, а сами пошли вперед — шли десять дней, и, надо сказать, поход этот был не из легких. И вот мы здесь.

Он протянул руку, и Андер тепло пожал ее.

— А что остальные, Бровок? — спросил Алланон.

Карлик нетерпеливо кивнул.

— Они сейчас идут сюда. К концу недели у вас будет армия в несколько тысяч.— Он обиженно нахмурился.— А пока есть мы, друид, и тебе, может быть, очень повезло, что мы уже здесь. Никто, кроме карликов, не смог бы так отделать эту лесенку.

— Эльфитч,— пояснил Чиос озадаченному Андеру.— Бровок и его землекопы очень нам помогли. Они прекрасно потрудились над пятым пролетом.

— Так, игрушки,— отмахнулся довольный Бровок.— Мы просто вынули каменный блок, чуть-чуть передвинули опоры, а потом вогнали в камень железные клинья и укрепили их цепями. Цепи спрятаны в кустах под пролетом, мы протянули их наверх по системе блоков. Если демоны доберутся до пятого уровня, надо просто освободить цепи, и весь пролет рухнет вниз. Проще простого.

— Конечно просто! Если ты искусный карлик-землекоп,— улыбнулся Андер.— Отлично сработано, Бровок! Не знаю, что бы мы делали без вас. Вы просто незаменимы.

— Здесь есть и другие, столь же незаменимые.— Алланон положил руку на плечо Андера и указал на дальний конец стола.

Принц обернулся. Высокий эльф, одетый в кожаный костюм, выступил вперед и положил руку на сердце, давая обет верности.

— Даен, мой принц, — тихо сказал он. — Я — крылатый всадник.

— Крылатый всадник? — Андер с интересом посмотрел на него. Отец рассказывал ему об этом народе — они называют себя «небесные эльфы». Мало кто помнил о них, ведь за последние сто лет ни один крылатый всадник не появлялся в Арборлоне. — Сколько же вас?

— Пять, — спокойно ответил Даен. — Могло быть и больше, но демоны могут напасть на Взмах Крыла, на наш город. Мой отец послал нас сюда, и вот мы здесь. Мы все одного рода. Моего отца зовут Херрол. — Он помедлил, глядя на Алланона. — Когда-то они с друидом были друзьями.

— Мы и сейчас друзья, крылатый всадник, — спокойно сказал Алланон.

Даен кивнул и вновь обратил взор к Андеру:

— Сходство отца с земными эльфами гораздо сильнее, чем у большинства моих соотечественников, мой принц, — многие из нас давно забыли древние обычаи. К тому же отец узнал, что Алланон с Элесседилами, и это решило дело. Вот почему он послал нас. Он бы и сам прилетел сюда, но сейчас на его роке учится летать мой племянник — в свое время он тоже станет крылатым всадником. Нас мало, но это не значит, что мы не сможем помочь. Если нужно, мы можем облететь все небо над Западными землями. Мы можем отслеживать демонов и предупреждать об их продвижении, разведывать сильные и слабые места черного войска в бою.

— И мы принимаем вашу помощь с благодарностью, Даен. Мы рады вам.

Даен поклонился и отступил. Андер поглядел на Чиоса:

— Придет ли еще кто-нибудь, первый министр?

Чиос медленно покачал головой:

— Нет, мой принц. Это все.

Андер кивнул:

— Что ж, хорошо.

Он сел за стол Совета, знаком показав собравшимся присоединиться к нему, — теперь они обсуждали детали обороны: как

разместить солдат и распределить оружие, как вести бой и какие следует принять дополнительные меры защиты. Эльрон Тэй доложил о готовности Эльфийских охотников, ядра действующей армии, Керрин — о личной гвардии, а Кобольд — о Черных стражах. Бровок высказал свое мнение о состоянии оборонных укреплений, а Сти Джанс объяснил командирам тактику и стратегию боя. Даен коротко рассказал о возможностях роков и об их использовании в воздушном бою.

Время шло быстро, ночь подходила к концу. Голова Андера отяжелела от усталости, мысли начали разбредаться. Как раз на середине одной такой бродячей мысли сильный удар в дверь заставил Андера вздрогнуть; двери распахнулись, и в зал влетел взъерошенный Гаел. Задыхаясь, маленький эльф бросился вперед и упал на колено перед Андером.

— Мой господин! — выдохнул он, лицо его пылало от возбуждения. — Мой господин, король очнулся!

— Очнулся?! — Андер ошеломленно уставился на пажа. Потом он вскочил на ноги и вылетел из зала.

Эвентин Элесседил спал. Сон походил на полет сквозь черноту. Чернота расслаивалась тонкими нитями, наподобие паутины, и липла к телу. Черные нити охватывали его все теснее, проникали в него, соединялись с ним. Не было ни времени, ни пространства — была лишь чернота и сплетение нитей. Сначала король ощущал теплоту и уют — так чувствует себя ребенок в нежных объятиях матери, наполненных покоем и любовью. Но потом объятие стало сжиматься — Эвентин задыхался. Он пытался вырваться, но понял, что не может, и начал медленно погружаться куда-то вниз, в пустоту. Нити сплетались все теснее; он больше не принадлежал к миру живых. Он был мертв. Охваченный ужасом, король из последних сил рвал черную паутину, и вот наконец она разлетелась в клочья и пропала.

Эвентин открыл глаза. Резкий дрожащий свет на мгновение ослепил его. Король прищурился, потерянный и ошеломленный, пытаясь осознать, где он находится и что с ним случилось. Потом неясные очертания стали обретать форму, он узнал запах масляных ламп. Все, что случилось до того, как он заснул, нахлынуло волной воспоминаний — отрывочные, беспорядочные образы стремительно проносились в его сознании: Раз-

лом, Клин Хельса, густой туман и демоны; ряды эльфийских лучников, пехота с копьями где-то внизу; крики боли и смерти; темные тела, рвущиеся к нему сквозь стену синего огня; Алланон, Андер, блеск оружия, потом внезапный удар...

Король вздрогнул, тело покрылось холодным потом. Теперь он узнал комнату — это была его спальня в главном дворце в Арборлоне. Темная фигура придвинулась к нему.

— Мой господин? — Испуганный голос Гаела прозвучал над самым ухом, юное лицо склонилось к нему. — Мой господин, вы очнулись?

— Что случилось? — пробормотал король хрипло, голос его изменился почти до неузнаваемости.

— Вас ранили, мой господин, в Клине Хельса. Сюда. — Гаел указал на левый висок. — Все время вы были без сознания. Мой господин, мы так волновались, так беспокоились...

— И сколько... я спал? — прервал пажа Эвентин. Он коснулся рукой головы, резкая боль пронзила висок и прошла вниз, по шее.

— Семь дней, мой господин!

— Семь дней!

Гаел направился к выходу.

— Я приведу вашего сына.

У Эвентина закружилась голова.

— Моего сына?

— Принца Андера, мой господин. — Паж уже стоял в дверях. — Он на Большом совете. Лежите, я приведу его немедленно.

Эвентин видел, как Гаел открыл дверь, слышал, как он быстро переговорил с кем-то в коридоре; потом дверь снова закрылась, король остался один. Он попробовал было слегка приподняться, но напряжение было слишком велико — он упал на подушки. Андер? Гаел сказал, что Андер на Большом совете? А где же Арион? Вопросы громоздились один на другой, смятение охватило Эвентина. Что он делает здесь, в Арборлоне? Что случилось с эльфийской армией? Что стало с Саранданом?

Он опять попытался приподняться и снова упал. Тошнота подступила к горлу. Внезапно он почувствовал себя старым, очень старым, словно годы его были медленной болезнью, которая изнурила и опустошила его. Король сжал губы. Если бы

можно было вернуть хотя бы пять минут своей юности, пять минут — не больше, чтобы только хватило сил подняться с этой кровати! Гнев и решимость подстегивали его — Эвентин приподнялся и оперся на подушки, прерывисто дыша.

В дальнем конце комнаты Манкс поднял лохматую голову. Король уже открыл рот, чтобы позвать к себе старого друга, но вдруг встретился с собакой глазами, и слова буквально застряли у него в горле. В глазах пса была ненависть, люта́я ненависть, она обожгла Эвентина, как зимняя стужа. Король моргну́л, не веря своим глазам, изо всех сил борясь с чувством отвращения, которое внезапно нахлынуло на него. Манкс? Да разве он мог подумать?!

Не без усилия Эвентин отвел глаза, медленно оглядел спальню — драпировки на стенах, знакомую мебель, плотно задернутые портьеры. Он пытался успокоиться, но не мог.

«Я здесь совсем один, — внезапно подумал король, и беспричинный неудержимый страх охватил его. — Один!»

Он снова взглянул на Манкса. Пес спокойно смотрел на него, в глазах не было и следа той ненависти, столь очевидной еще секунду назад. Или ему просто почудилось? Старый пес приподнялся, потянулся и снова лег.

«Почему он не идет ко мне? — думал король. — Почему он не подошел?»

Эвентин откинулся на подушки.

«Что это вдруг на меня нашло? — говорил он себе. — Уж не схожу ли я с ума?»

Ненависть в глазах пса, который был ему предан столько лет?! Манкс — враг? Манкс угрожает ему?! Нет, это просто игра его больного сознания.

Наконец из коридора послышались голоса. Потом дверь открылась, Андер прошел через комнату и склонился к отцу. Король обнял сына, потом слегка отодвинулся, пристально изучая сумрачное лицо Андера. Тот присел на край кровати.

— Расскажи мне все, — попросил Эвентин, голос его звучал глухо, но настойчиво.

Какое-то странное выражение промелькнуло в глазах Андера, король похолодел, но все-таки заставил себя задать вопрос:

— Где Арион?

Андер молча смотрел на отца. Лицо Эвентина застыло.

— Он погиб?

— В Желобе Ворла, — едва слышно ответил Андер.

Он хотел было что-то добавить, но остановился и медленно покачал головой. Глаза Эвентина наполнились слезами; руки его дрожали, когда он сжимал руки сына.

— Арион мертв? — повторил он. Нет, неправда! — кричали его глаза.

Андер кивнул и отвел взгляд.

— И Каел Пинданон.

Тишина, последовавшая за этим, буквально оглушила. Руки короля бессильно упали.

— Саранданон?

— Потерян.

Теперь они молча смотрели друг на друга, отец и сын, как будто лишь они двое знали какую-то тайну, столь ужасную, что даже между собой не могли обсуждать ее. Потом Андер крепко обнял отца. В полной тишине сын и отец держались друг за друга. Когда наконец король заговорил, голос его был спокойным и каким-то далеким:

— Расскажи мне об Арионе. Все. Не пропускай ничего.

Андер рассказал, как погиб брат, как они перенесли его тело из Разлома в Саранданон и как похоронили у Входа Баена. Потом он рассказал все, что произошло с первого дня битвы в Клине Хельса до возвращения армии в Арборлон. Эвентин молча слушал. Андер закончил; король еще какое-то время безучастно смотрел на отблески света масляных ламп, потом перевел взгляд на сына.

— Возвращайся на Большой совет, Андер. Делай, что должен. — Голос надломился, король помедлил. — Иди. Со мной все в порядке.

Андер неуверенно смотрел на отца.

— Я пошлю сюда Гаела...

Король покачал головой.

— Нет. Не сейчас. Я просто... — Он остановился и крепко сжал руку сына. — Я... горжусь тобой, Андер. Я знаю, как тяжело...

Андер кивнул, едва сдерживая волнение. Он взял руки отца в свои.

— Гаел в коридоре, позовешь его, если захочешь.

Он поднялся и направился к двери, но Эвентин окликнул его. Голос отца был как-то странно тревожен.

— Забери Манкса.

Андер подозвал собаку и вывел ее из комнаты, дверь мягко закрылась.

Снова один, на этот раз действительно один. Эвентин откинулся на подушки, закрыл глаза и погрузился в мысли о том ужасе, который случился с ними. Менее чем за семь дней лучшая армия Четырех земель была изгнана из своей собственной страны, бежала, как стадо овец от волков, из Разлома, потом из Саранданона, потом из лесов, у них остался лишь Арборлон, и здесь эльфам предстоит либо выстоять, либо погибнуть. Где-то внутри зашевелилось холодное, скользкое чувство — чувство собственного бессилия. Он, король, не предотвратил этого. И только он отвечает за все.

— Арион,— внезапно прошептал он и заплакал.

Глава 36

— Эретрия! — изумленно воскликнул Вил. С трудом преодолевая боль, он приподнялся на локте, чтобы получше разглядеть ее лицо. — Что ты здесь делаешь?

— Спасая тебя,— засмеялась она, озорные искорки заглянули в темных глазах.

Внезапно в полумраке за его спиной раздался какой-то шорох.

Вил тут же обернулся. Две женщины возились у шкафа в дальнем конце повозки, теперь Вил разглядел, что они полощут в калке с водой какие-то тряпки. Долинец безотчетно поднес руку к голове — она была уже перевязана. Вил сморщился от боли.

— Не трогай.— Эретрия мягко отвела его руку.— Грязь упадет.

Вил торопливо огляделся.

— А где Амбель? Что вы с ней сделали?

— Твоя сестра? — Эретрия усмехнулась.— С ней все в порядке.

— Надеюсь, ты простишь меня, что я не слишком вам доверяю? — Он попробовал было подняться.

— Лежи, целитель! — Девушка толкнула его на подушки. Теперь она говорила почти шепотом, чтобы женщины не могли их услышать. — Ты что, боишься, что я хочу отомстить тебе за то, что ты оставил меня там, в Тирфинге? Ты так плохо думаешь обо мне? — Она засмеялась и вскинула голову. — Конечно, это было довольно глупо с твоей стороны — оставить меня там, но, может быть, теперь, если у тебя будет такая возможность, ты поступишь иначе? А?

— Ни в коем случае. Но где же Амбель?

— Если бы я хотела тебе зла, Вил Омсфорд, тебе или ей, я бы просто оставила вас обоих этим головорезам в Угрюмом Углу. С ней все в порядке. — Она повернулась к женщинам: — Ну-ка уйдите. Оставьте нас.

Женщины бросили свое занятие и скрылись за парусиновым пологом. Когда они вышли, Эретрия склонилась поближе к Вилу, настороженно глядя на него как-то сбоку.

— Ну и что мне теперь с тобой делать, Вил Омсфорд?

Он глубоко вздохнул.

— Как ты нашла меня, Эретрия?

Она усмехнулась.

— Очень просто. Слава о твоём великом искусстве распространилась по Угрюмому Углу за десять минут. Наверное, тебе понадобилось больше времени, чтобы вылечить эту толстую тетку, хозяйку гостиницы. А ты надеялся, что такое шумное представление пройдет незамеченным? Почему, ты думаешь, эти молодчики так заинтересовались тобой?

— Ты и об этом знаешь?

— Целитель, ты просто болван. — Она произнесла это почти что нежно и прикоснулась рукой к его щеке. — Мы, скитальцы, первыми узнаем обо всем, что происходит там, куда мы направляемся. Иначе мы бы просто не выжили — это ты, надеюсь, уже понял. Прослышав о твоём чудесном искусстве, любой, у кого есть хотя бы половина мозгов, сразу решит, что ты должен быть очень богатым человеком. И надо быть совсем уже круглым дураком, чтобы думать, что кто-то в этом значном месте не позарится на чужие денежки. Жадность и вино — опасная смесь, целитель. Тебе очень повезло, что ты остался жив.

— Вероятно, — с досадой согласился Вил. — Мне следовало быть осторожнее.

— Да, совсем чуть-чуть. Но, к счастью, я сразу поняла, что это ты, и уговорила Кефело помочь мне разыскать тебя. А потом этот вопль из гостиницы... Да, ты бы мог покормить собой местных собачек.

— Очень приятно.— Вил поморщился.— Так Кефело знает, что я здесь?

— Знает.— Озорной огонек снова зажегся в ее глазах.— И это тебя пугает?

— Немного беспокоит, надо сказать,— согласился Вил.— Но почему он еще что-то делает для меня после всего случившегося в Тирфинге?

Эретрия склонилась еще ближе и обвила руками шею долинца.

— Потому что его дочь все-таки имеет кое-какое влияние на него.— Она пожала плечами.— К тому же у него было время поразмыслить обо всем и изменить свое мнение о тебе. Думаю, мне удалось убедить его: все, что случилось в Тирфинге, касалось не только тебя. Ты, в сущности, спасал жизнь рода.

Вил с сомнением покачал головой.

— Я не очень-то ему доверяю.

— И не надо,— согласилась она.— Сегодня, по крайней мере, он не будет тебя беспокоить. Но утром придет. А этим головорезам очень скоро надоест погоня за теньями, и они вернутся в кабак к свежему элю и к более доступному источнику доходов.

Потом она поднялась, мелькнула вспышкой синего шелка, а через минуту вернулась с влажным полотенцем и тазом чистой воды.

— Сейчас мы будем тебя мыть, целитель. Ты весь грязный, одежда у тебя рваная, и от тебя воняет потом.— Она помедлила.— Раздевайся, я помою тебя.

Вил покачал головой.

— Я помоюсь сам. Ты мне дашь что-нибудь надеть?

Она кивнула, но не двинулась с места. Долинец покраснел.

— Если ты не против, я бы все-таки вымылся сам.

Ослепительная улыбка озарила смуглое лицо.

— О конечно, я против.

Вил покачал головой.

— Ты неисправима.

— Ты — мой, Вил Омсфорд. Я ведь уже говорила тебе.

Улыбка исчезла, сменившись каким-то странным выражением, волнующим и манящим, и Вил моментально забыл обо всем. Эретрия склонялась к нему, медленно, неотвратно, но он заставил себя отвернуться и быстро сел на кровати, изо всех сил борясь с головокружением.

— Так ты принесешь мне одежду?

На мгновение ее глаза потемнели от гнева. Потом она молча поднялась, достала из шкафа одежду и вернулась к нему.

— Можешь взять это.— Эретрия бросила цветные шелка на постель. Она смотрела куда-то мимо Вила, затем внезапно наклонилась и поцеловала его в губы.— Что ж, мойся и одевайся сам, если хочешь,— уходя, пробормотала она.

Эретрия вышла из повозки и пропала в ночи, не забыв, однако, запереть за собой дверь на защелку. Что бы там ни случилось потом, теперь она не могла позволить ему бежать. Вил быстро скинул старую одежду, наскоро обмылся и надел то, что дала ему Эретрия. Что ж, сидит вовсе не плохо, но это все-таки была одежда скитальцев, и долинец чувствовал себя в ней довольно неловко.

Едва он закончил одеваться, как дверь снова открылась — на пороге стояли Амбель и Эретрия. Эльфийка тоже была одета как все скитальцы: шелковые штаны и рубаха, широкий пояс с бахромой, волосы собраны в хвост высоко на затылке и завязаны яркой лентой. Испуганное выражение застыло у нее на лице. Первым делом она поглядела на голову Вила — в зеленых глазах промелькнула тревога.

— С тобой все в порядке? — быстро спросила она.

— Все в порядке. Я проследила,— холодно ответила Эретрия, потом показала на пустую кровать напротив кровати Вила: — Можешь спать здесь. Только не пытайтесь сбежать, все равно ничего не выйдет.

Она многозначительно улыбнулась Вилу, повернулась и пошла к двери, но все же не удержалась и оглянулась.

— Спокойной ночи, братец Вил. Спокойной ночи, сестрица Амбель. Добрых вам снов.

Усмехнувшись, она выскользнула из повозки; защелка задвинулась с яростным скрежетом.

Эту ночь долинец и эльфийка провели в повозке скитальцев. Они проснулись с первыми лучами солнца; свет нового дня проникал сквозь щели ставен, рассеивая сумрак внутри. Некоторое время Вил молча лежал, собираясь с мыслями и борясь с остатками сна. Потом он достал кошель с эльфинитами, проверил, на месте ли камни, и положил его обратно.

«Лишняя предосторожность совсем не повредит», — подумал он.

Потом он попытался было встать с кровати, но Амбель приказала ему немедленно лечь обратно. Она осторожно осмотрела рану и привела бинты в порядок. Вдруг случилось уж совсем неожиданное: Вил рванулся к Амбель и быстро поцеловал ее в щеку. Эльфийка покраснела и улыбнулась, ее детское лицо просияло.

Она не успела еще ничего сказать — внезапно дверь распахнулась, и вошла Эретрия: она несла поднос с хлебом, медом, фруктами и молоком. Сегодня на ней было прозрачное белое платье, оно окутывало загорелое тело, как дым. Эретрия ослепительно улыбнулась Вилу.

— Ты хорошо отдохнул, Вил Омсфорд? — Она поставила поднос ему на колени и хитро подмигнула. — Кефело сейчас придет говорить с тобой.

Девушка ушла, не сказав ни слова Амбель. Когда она вышла, Вил взглянул на эльфийку и беспомощно пожал плечами. Амбель через силу улыбнулась.

Через несколько минут появился Кефело. Он вошел без стука, слегка пригнувшись в дверях. Как обычно, старейшина был одет во все черное, только длинный плащ был ярко-зеленого цвета. В дверях скиталец снял с головы широкополую шляпу, радушная улыбка светилась на смуглом лице.

— А-а, эльфины. Целитель и его сестрица. Какая приятная встреча! Вы снова с нами. — Он поклонился. — До сих пор ищите свою лошадь?

Вил улыбнулся:

— Нет, уже не ищем.

Кефело задумчиво повернул свой длинный крючковатый нос к долиnce.

— Нет? Значит, вы заблудились? Я, конечно, не могу ручаться, но, по-моему, Арборлон должен быть где-то севернее.

— Мы уже были в Арборлоне и снова ушли,— ответил долинец, отодвигая в сторону поднос с завтраком.

— И пришли в Угрюмый Угол?

— Похоже, не мы одни.

— Да, похоже на то.— Скиталец уселся напротив них.— Ну я — ладно: иногда дела заводят меня в такие места, куда бы я поостерегся соваться просто так. Но ты, целитель? Что привело тебя в Угрюмый Угол? Вряд ли ты решил открыть дело и блеснуть своим врачебным искусством в такой убогой деревушке.

Вил колебался, прежде чем ответить. С Кефело надо держать ухо востро. Он уже достаточно хорошо знал скитальца: если тот обнаружит хоть что-то, из чего можно извлечь выгоду, он не преминет этим воспользоваться.

— Есть у нас одно дело,— небрежно произнес долинец.

Кефело поджал губы.

— И похоже, что ты ведешь его не особо умело, целитель. Если бы не я, ты бы сейчас валялся в какой-нибудь канаве с перерезанной глоткой.

Вил изо всех сил сдерживался, чтобы не рассмеяться. Старый лис! Он даже не упомянул о том, что спасла-то их Эретрия.

— Что ж, значит, мы опять у тебя в долгу.

Кефело пожал плечами.

— Тогда, в Тирфинге, я не мог оценить тебя по достоинству: тревога за моих людей взяла верх над моим личным расположением к тебе. Тогда я считал тебя виноватым во всем, что случилось, хотя должен был поблагодарить за помощь. И это меня беспокоило. Теперь я тоже спас тебя, и чувство вины не будет больше мучить меня.

— Я рад, что ты так думаешь.— Вил не поверил ни единому слову.— Здесь нам с сестрой пришлось очень тяжело.

— Тяжело? — Кефело изобразил на лице живейшее участие.— Может быть, я смогу как-то помочь? Если бы ты рассказал мне, что привело вас в этот опасный край...

«Ага», — подумал Вил.

Краем глаза он заметил, что Амбель предостерегающе нахмурилась.

— Я, конечно, предпочел бы управиться сам.— Вил делал все возможное для того, чтобы слова его звучали искренне.— Но боюсь, так у меня ничего не получится. Больше всего мне

сейчас нужен проводник, знакомый с историей этой земли, с ее легендами и, естественно, чтобы он знал все здешние дороги.

Кефело потер руки.

— Отлично. Я мог бы посодействовать, да. В конце концов, я бывал в Диких дебрях уже не однажды, — он поднес длинный палец к виску, — и кое-что здесь знаю.

«Может быть, — подумал Вил. — А может быть, нет. Прежде всего Кефело хочет выведать, что мы здесь делаем».

Долинец пожал плечами.

— Мы и так постоянно злоупотребляем твоим гостеприимством, а теперь еще будем навязывать тебе наши дела. Мы с сестрой справимся сами.

— Но почему бы тебе все-таки не сказать мне, что привело вас сюда. — Лицо скитальца ничего не выражало. — Ты не хочешь меня утруждать, но дай мне самому решить, так ли велик этот труд.

Амбель сжала ему руку, но Вил словно не заметил этого. Он поглядел прямо в глаза Кефело и понял, что должен сказать хоть что-то.

— В доме Элесседила, правителя эльфов, приключилась большая беда. — Вил понизил голос. — Внучка короля серьезно больна. Ей нужно лекарство из сока одного корня. Он растет только здесь, в Диких дебрях. Я один знаю этот корень — я и еще сестра. Вот мы и пришли за ним, король обещал дать большую награду. Нам надо лишь найти корень и принести его в Арборлон.

Амбель выпустила его руку; Вил не смел поднять на нее глаза.

Кефело ответил не сразу.

— И ты знаешь, где именно в Диких дебрях растет этот корень?

Долинец кивнул.

— Я прочел об этом в древних книгах по медицине, о корне и о том, где именно его искать. Но это очень древние книги: там есть названия, но теперь они забыты, их нет ни на одной карте. Я не думаю, что они тебе что-то скажут.

Скиталец подался вперед.

— Но все равно скажи.

— Оберег,— произнес Вил, глядя скитальцу прямо в глаза.— Там написано: «Оберег».

Кефело на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Да, ты прав, это мне ни о чем не говорит. Но... подождика...— Он намеренно замолчал и даже прикрыл глаза, как бы погруженный в раздумья.— Я, кажется, знаю, кто может помнить это слово. Один старик. Ему знакомы все древние названия в этой долине. Пожалуй, я смогу отвести вас к нему. Но, целитель, Дикие дебри — очень опасный край, и ты сам убедился в этом, едва попав сюда. Если я буду вам помогать в поисках, то риск для меня и моих людей будет слишком велик.— Он, как бы извиняясь, пожал плечами.— К тому же у нас есть и другие дела, нам еще нужно побывать во многих местах. Время очень ценно для нас. Ты, безусловно, примешь все это во внимание...

— Что ты имеешь в виду? — спокойно спросил Вил.

— Только то, что без меня у тебя вряд ли что-то получится. Я тебе нужен, и я собираюсь предложить тебе свою помощь. Но это очень рискованно, и поэтому я жду от тебя... гм... небольшой компенсации. Небольшое вознаграждение...

Вил нетерпеливо кивнул.

— Какое вознаграждение, Кефело?

Глаза скитальца заблестели.

— Камни. В которых сила.

Долинец покачал головой.

— Они не послушаются тебя.

— Неужели? Разве их секрет настолько сложен? — Глаза Кефело подозрительно сузились.— Хватит считать меня дураком. Ты не простой целитель. Я это понял сразу, еще тогда. Но меня не интересует, кто ты, меня интересуют эти камни. В них есть сила, и я хочу получить ее.

— Это эльфийская магия.— Вил пытался сохранить спокойствие.— Сила камней подчиняется только тем, в ком есть эльфийская кровь.

— Ты лжешь, целитель.— Теперь в голосе Кефело звучала угроза.

— Он говорит правду,— вставила Амбель, она была по-настоящему напугана.— Если бы не камни, мы бы даже и не пы-

тались искать этот корень. Ты не имеешь права требовать, чтобы он отдал их тебе.

— Я имею право требовать все, что мне нужно! — рявкнул Кефело.— И я не верю вам.

— Это твое право.— Голос Вила был тверд.— Но я не отдам тебе камни.

Они молча смотрели в глаза друг другу, лицо скитальца было мрачным и угрожающим. Но был в нем и страх — Кефело прекрасно помнил ту силу, что заключена в камнях, а хозяином этой силы был Вил. Огромным усилием Кефело заставил себя улыбнуться.

— Но что же ты дашь мне, целитель? Или ты думаешь, что я возьмусь за это задаром? И буду рисковать жизнью моих людей и их имуществом просто так, бесплатно? Ты должен дать мне что-нибудь, что имеет цену, равную этим камням, которые ты так упорно отказываешься мне уступить. Так что?

Вил отчаянно пытался что-то придумать, но у него не было с собой ничего, что стоило бы больше нескольких монет.

«Ситуация безнадежна»,— решил он про себя, но тут Кефело громко щелкнул пальцами.

— Мне кажется, мы договоримся, целитель. Ты говорил, что эльфийский король щедро вознаградит тебя, если ты принесешь это лекарство для его внучки. Вот и отлично. Я помогу тебе узнать, где это место, которое ты именуешь Оберегом. Я отведу тебя к человеку, который может знать это. А ты потом дашь мне ну, скажем, половину того вознаграждения, которое получишь от эльфийского короля. Да, половину. По рукам?

Вил как будто обдумывал предложение.

«Любопытная сделка,— решил он,— очень любопытная. Скитальцы никогда ничего не дают раньше, чем получают что-либо взамен. Кефело явно что-то задумал. Но что?»

— Так ты говоришь, что сможешь мне узнать, где найти Оберег...

— Если смогу.

— ...но не пойдешь со мной дальше?

Кефело пожал плечами.

— Я не хочу без толку рисковать своей жизнью. Найти корень и доставить его внучке эльфийского короля — это твое де-

ло. — Он помедлил. — Но не думай, что тебе удастся смыться. Меня не обманешь. А любая попытка сделать это закончится очень плохо для тебя.

Долинец нахмурился.

— Но если ты не пойдешь со мной, то как ты узнаешь, удалось мне что-нибудь или нет?

Кефело громко рассмеялся.

— Целитель, я — скиталец, я узнаю. Я буду знать все, что случится с тобой, можешь мне поверить!

Усмешка его была такой свирепой, что Вил не на шутку встревожился. Но им во что бы то ни стало надо найти Оберег, и нужно сделать это, не пользуясь эльфийскими камнями. Любая помощь была желанна, даже если она исходила от такого пройдохи, как Кефело. По крайней мере, теперь у них была реальная возможность отыскать Источник Огненной крови до того, как демоны найдут их.

— Ну так как, решено? — снова спросил Кефело.

Вил покачал головой. Он хотел проверить скитальца.

— Половина — это слишком. Я отдам тебе треть.

— Треть? — Лицо Кефело потемнело, но тут же смягчилось. — Ну что ж. Я человек разумный: пусть будет треть.

«Что-то он уж больно легко согласился», — подумал Вил.

Такое же недоверие промелькнуло и в глазах Амбель. Однако эльфийка ничего не сказала. Решать должен он.

— Давай-давай, эльфин, решайся, — настаивал Кефело. — Не будем тратить драгоценное время на такие пустяки.

Долинец кивнул.

— Ладно. По рукам.

— Вот и славно. — Скиталец немедленно встал. — Как только я закончу здесь свои дела, мы сразу же возьмемся за ваши. Но пока оставайтесь в повозке. Не надо, чтобы вас видели в Угрюмом Углу. В лесу вы сможете выйти.

Он широко улыбнулся, махнул на прощание шляпой и вышел. Дверь мягко закрылась за ним, послышался звук задвигаемой защелки. Вил и Амбель смотрели друг на друга.

— Я ему не доверяю, — прошептала Амбель.

Вил кивнул.

— Я тоже.

Через мгновение повозка дернулась и начала разворачиваться: путешествие по Диким дебрям продолжалось.

Старик сидел в плетеном кресле-качалке, смотрел на темнеющий лес и что-то тихо бормотал себе под нос. Он разговаривал сам с собой. Далеко на западе, за плотной стеной деревьев, что окружали поляну, за Дикими дебрями, за горами, красное солнце медленно опускалось за горизонт, и свет дня растворялся в сумеречной мгле. Старик особенно любил это время: дневная жара сменялась прохладой вечерних сумерек, воздух звенел, закат окрашивал небо в алый и малиновый цвета, которые постепенно стирались синевой ночи. На сине-черном небе проступали луна и звезды, белое сияние проникало сквозь сплетение древесных ветвей, воздух, обычно тягучий и влажный днем, благоухал свежестью, листья деревьев шептались о чем-то с неторопливым ночным ветерком. В эти часы Дикие дебри как будто становились другими, и человек видел в них старого, близкого друга.

Старик часто смотрел на долину, и всегда с чувством глубокой и прочной привязанности, даже преданности. Немногие так относились к Диким дебрям, но ведь и немногие знали долину так, как узнал ее он. Да, это было ненадежное и коварное место: казалось, сама природа здесь только и ждет удобного случая, чтобы заманить человека в ловушку и погубить. В этом краю жили странные, злобные существа, о которых рассказывают у ночных костров, рассказывают тихим шепотом, с опаской оглядываясь по сторонам. Здесь жила смерть, и с каждым днем она подходила все ближе, жестокая, неумолимая, неизбежная. Дикие дебри — край охотников и добычи. Старик многое повидал за те годы, которые он провел здесь.

Старик погрузился в воспоминания. Шестьдесят лет назад он впервые пришел сюда — давно, очень давно. За эти годы долина стала его домом — не тем шумным домом, полным людей, надежным, почти безопасным и бессмысленно-скучным, но истинным домом — местом уединения и покоя, размышления и силы, вызова и отваги, местом, куда мало кто отваживается приходить и еще меньше — оставаться. Лишь немногие, похожие на него, и теперь он остался последним. Последним из тех, что когда-то пришли в долину, чтобы сделать ее своим домом. Остальных поглотил дикий край, затянул, свел с ума, похоронил в темной глуши. Дикие дебри! Конечно, были еще эти убо-

гие дураки, что жались, подобно побитым псам, к своим ободранным лачугам в Угрюмом Углу, постоянно обманывая и грабя друг друга. Но эта долина не для них, и никогда им не стать здесь хозяевами: ведь они даже не знают, что такое Дикие дебри, а главное — и не желают узнавать. С тем же успехом они могли бы сидеть в чулане какого-нибудь замка и при этом считать себя его хозяевами.

Сумасшедший — они называют его сумасшедшим, эти болваны из Угрюмого Угла. Старик живет один в какой-то дикой глуши, — конечно же, безумец. Он криво усмехнулся. Хорошо, пусть так. Но он сам выбрал себе жизнь и никогда бы не согласился променять ее на их жалкое прозябание.

— Шлынд, — хрипло позвал он.

Огромный черный пес, спящий у его ног, потянулся и поднялся. Шерсть стояла торчком во все стороны, гигантский зверь был больше похож не на собаку, а на помесь волка с медведем; он широко зевнул и внимательно посмотрел на хозяина.

— Эй, ты! — снова позвал старик, и пес положил лохматую голову ему на колени, ожидая, когда же хозяин потреплет его по ушам.

Откуда-то из темноты раздался пронзительный крик, повис в тишине слабеющим эхом, потом затих. Шлынд резко повернул голову. Старик кивнул. Болотная кошка. Кто-то попался ей на пути и поплатится за это.

Взгляд старика лениво блуждал, выхватывая из полумрака давно знакомые очертания. Вот его дом, небольшой, но прочный — он строил его из тяжелых бревен и даже проконопатил дранку на крыше раствором извести. Сразу же за домом сарай и колодец, потом — загон, где старик держал своего единственного мула; маленькая мастерская под навесом, а дальше уже всякий хлам и мусор. Старик любил возиться в мастерской: целыми днями он вырезал из дерева фигурки людей и зверюшек, но виделся с людьми редко — сам не искал встреч и старался не давать повода наведываться к нему.

Старик потянулся и встал. Солнце зашло, ночное небо украсил бисер звезд и сияние лунного света. Самое время собрать что-нибудь поесть. Старик обернулся к маленькому треножнику с котелком на костерке — кухне на краю поляны, покачал головой и направился к костру. Небольшого роста, тощий, сторб-

ленный старик в изодранной рубахе и коротких штанах. Он был почти лыс — тонкие пряди седых волос вокруг обширной плечи, зато белая как снег длинная и густая борода смотрелась роскошно. Задубевшая коричневая кожа морщилась на его сухошавом теле, под набрякшими полуопущенными веками прятались ясные, пронизательные глаза. Он шел согнувшись, с трудом переставляя как будто затекшие после долгого сна ноги.

Вдруг издалека раздался шум движущейся повозки и скачущих всадников. Шлынд зарычал, и старик предостерегающе шлепнул его. Проходили минуты, шум становился все слышнее. Наконец на вершине ближайшего холма из темноты появились какие-то тени, они спускались вниз, на поляну, — повозка и полдюжины всадников. Когда старик внимательно вгляделся, настроение его сразу испортилось. Он узнал повозку скитальцев, мало того — она явно принадлежала этому негодяю Кефело. Старик с отвращением плюнул и задумался: а не спустить ли на них Шлында?

Всадники и повозка остановились у самой поляны. Кефело темной тенью соскользнул с коня и направился вперед. Он подошел к старику и снял свою широкополую шляпу.

— Приятная встреча, Хебел. Добрый вечер.

Старик фыркнул:

— Кефело, что тебе нужно?

Кефело изобразил на лице крайнюю степень потрясения.

— Хебел, Хебел, — укоризненно пробормотал он, — разве так подобает встречать старого приятеля? Ведь мы столько сделали друг для друга, делили и трудности, и несчастья. Так здравствуй!

Скиталец схватил руку старика и неистово затряс ее. Хебел не сопротивлялся, но на пожатие не ответил.

— А ты здорово выглядишь, — обезоруживающе улыбнулся Кефело. — Я всегда говорил, что жизнь на холме — лучшее средство от болезней старости.

— Болезни старости? — Хебел сплюнул и сморщил нос. — Ты что, Кефело, теперь занялся продажей лекарств от старческих немощей?

Кефело оглянулся на тех, кто пришел с ним, и, как бы извиняясь, пожал плечами.

— Какой-то ты злой, Хебел, очень злой...

Старик проследил за взглядом Скитальца.

— А где остальная шайка? Они что, теперь с другим мошенником?

На этот раз лицо Кефело заметно потемнело.

— Я послал их вперед. Они идут на восток, по главной дороге, и будут ждать меня в Тирфинге, а я здесь по весьма важному делу. Мы можем поговорить?

— Но ведь ты уже здесь,— отметил Хебел.— Можешь говорить сколько влезет.

— И присесть к твоему костру?

Хебел пожал плечами.

— Мне нечем накормить вас всех, даже если бы я и хотел. Может быть, у вас есть что-нибудь с собой?

Кефело подчеркнул вздохнул.

— У нас есть. Сегодня ты разделишь с нами ужин.

Он громко позвал остальных. Всадники спешили и принялись расседлывать лошадей. Старуха, управлявшая повозкой вместе с двумя молодыми людьми, плотно закутанными в плащи, спустилась с козел, вытащила из повозки провизию и посуду и молча направилась к костру. Те двое как будто колебались, потом, после второго настойчивого приглашения Кефело, все же спустились и прошли вперед. К ним присоединилась худенькая черноволосая девушка, приехавшая верхом.

Хебел без слов развернулся и снова уселся в кресло. Что-то странное было в поведении тех двоих, что спустились с повозки, но старик никак не мог понять, что именно. Они были одеты как скитальцы, но явно не принадлежали к этому «славному» роду. Теперь старик увидел, что это юноша и девушка; они уселись на траву рядом с его креслом, Кефело и черноволосая всадница присоединились к ним. Хебел отметил, что черноволосая подогнулась к юноше вызывающе близко и при этом бесстыдно подмигнула ему.

— Моя дочь Эретрия.— Кефело сердито взглянул на нее.— А эти двое — эльфы.

— Я не слепой,— огрызнулся Хебел. Теперь он понял, почему они показались ему не такими, как все скитальцы.— Но что они делают в такой компании? И при чем здесь ты?

— Мы кое-что ищем,— ответил скиталец.

Хебел наклонился вперед.

— То есть, наверное, это они ищут. Но — с тобой? — Он поглядел на юношу, лицо его сморщилось. — Ты как будто смысленный парень и не похож на мошенника. Зачем ты связался с ним?

— Ему нужен проводник через этот унылый край, — ответил за него Кефело. — И что тебя привлекает на этой заброшенной, дикой земле, Хебел? Когда-нибудь, проходя мимо, я наткнусь на твои кости, старик, и все потому, что ты так упорно не хочешь перетащить свою никчемную шкуру в какое-нибудь безопасное место.

— Ты что-то чересчур заботлив, — проворчал Хебел. — Для меня этот край так же безопасен, как и все остальные. Я хорошо изучил его и знаю, кто за кем здесь охотится, знаю, когда следует остаться в тени и когда показать зубы. Я еще переживу тебя, скиталец, запомни мои слова. — Он откинулся в кресле и принялся перебирать пальцами лохматую шерсть Шлында. — Что тебе от меня надо?

Кефело пожал плечами.

— Я уже сказал — поговорить.

Хебел хрипло засмеялся.

— Поговорить? Давай, Кефело, что тебе нужно? Не трать время попусту, у меня его и так не слишком много осталось.

— Что мне нужно? Мне — ничего. Но этим юным эльфам действительно нужно — кое-что из того, что хранится в твоей плешивой старой башке. Я потерял много времени, чтобы добраться сюда, но на то есть причина, и она вполне заслуживает...

Хебелу уже надоело все это.

— Что у вас там такое? — Запах варева, кипящего в котле, отвлек старика.

— Не знаю! — огрызнулся Кефело: его злило, что старик совершенно не слушает.

— По-моему, говядина. Да, говядина с овощами. — Хебел потянул носом и зажмурился в предвкушении сытного ужина. — Думаю, сначала надо поесть: какой разговор на пустой желудок? А тот знаменитый эль скитальцев, ты ведь взял немного с собой, правда?

Конечно же, эль нашелся, и закуска была на славу: тушеное мясо, хлеб, орехи и фрукты. Ели молча; гости, однако, обмени-

вались многозначительными взглядами, и эти взгляды сказали Хебелу гораздо больше, чем могут сказать слова.

«Эти эльфы, — решил он, — здесь потому, что у них просто нет выбора. К Кефело они относятся не с большей симпатией, чем я. И Кефело привел их не просто так: если старый мошенник берется кому-то помочь, значит, это выгодно прежде всего ему. Интересно, что на этот раз надеется получить старый прохода?»

Хебел знал, что скиталец и словом не обмолвится о своем интересе в этом деле, — хитрый старый лис! Но больше всего его озадачила темноволосая девушка, дочь Кефело. У нее тоже что-то на уме, хотя она упорно старается скрыть это. В чем же тут дело? Любопытство старика все возрастало.

Наконец с ужином было покончено. Хебел достал длинную трубку и принялся пускать кольца дыма. Кефело возобновил разговор:

— Этим эльфам нужна твоя помощь. Они прошли долгий путь, но без твоей помощи они не могут идти дальше. Я подумал, что ты, конечно же, сделаешь им это маленькое одолжение, тебе ведь ничего не стоит.

Старик фыркнул: знакомо, знакомо.

— Не люблю эльфов. Они, наверное, считают, что слишком хороши для этого края. По крайней мере, они не общаются с такими, как я. — Он поднял одну бровь. — И не люблю скитальцев — еще больше, чем эльфов.

Эретрия ухмыльнулась.

— Похоже, ты вообще никого не любишь.

— Заткнись! — рассвирепел Кефело, лицо его потемнело.

Эретрия притихла, но в ее глазах Хебел увидел тщательно скрываемый гнев.

Он мягко рассмеялся.

— Я не в обиде на тебя, девочка. — Он повернулся к Кефело: — А что ты дашь мне, если я помогу этим эльфинам, скиталец? Давай решим.

Кефело вспылил:

— Не испытывай мое терпение, Хебел!

— Ха! А то что? Перережешь мне глотку? Посмотрим, что ты там найдешь. Итак, что ты мне дашь?

— Одежду, полотно, кожу, шелк, ну там посмотрим, — небрежно отмахнулся Кефело.

Хебел сплюнул.

— У меня это есть.

Невероятным усилием Кефело сдержал себя.

— А что тебе нужно? Говори, старик.

Шлынд предостерегающе зарычал, Хебел нагнулся и слегка шлепнул пса.

— Ножи, — ответил он. — Полдюжины добрых лезвий. Топор. Две дюжины стрел. И точильный камень.

Скиталец кивнул, явно недовольный запросами старика.

— По рукам. И кто из нас вор? Теперь — дело за тобой.

Хебел пожал плечами.

— Так что ты хочешь узнать?

Кефело кивнул в сторону юноши.

— Этот эльф — целитель. Он ищет корень для какого-то редкого лекарства. Как говорят его книги, этот корень растет только здесь, в Диких дебрях. Место называется Оберэг.

Настала напряженная тишина, скиталец и Хебел смотрели в лицо друг другу, остальные молча ждали.

— Ну? — Кефело заговорил первым.

— Что «ну?» — огрызнулся старик.

— Оберэг! Где он?

Хебел скривился:

— Думаю, там же, где был всегда. Куда же он денется?

На лицах гостей старик увидел удивление.

— Это очень древнее название, наверное, я один и помню его. Это лабиринт внутри горы.

— Оно! — Юноша вскочил на ноги. Остальные с изумлением уставились на него, и он поспешно сел на место. — Там было описано именно так, — неубедительно добавил он.

— В твоих книгах? Даже теперь? — Хебел откинулся назад, попыхивая трубкой. — А там есть о Лощинах?

Юноша покачал головой и взглянул на свою спутницу, но та лишь пожала плечами. Кефело же резко подался вперед, глаза его сузились.

— Ты хочешь сказать, что Оберэг — это где-то в Лощинах?

Голос скитальца дрожал, это не ускользнуло от Хебела. Кефело был явно напуган.

Хебел хмыкнул:

— Именно в Лощинах. Ты все еще рвешься в Оберэг, Кефело?

Юноша подался вперед.

— И где эти Лощины?

— На юге. День ходьбы, — коротко ответил старик. Самое время прекратить этот дурацкий разговор. — Они темные и глубокие, эльфин. Просто черная яма: все, что туда попадает, терется навсегда. Это смерть, эльфин. Еще никто не вернулся оттуда. Живущие там следят за этим.

Юноша покачал головой:

— Я не понимаю тебя.

Эретрия что-то пробормотала себе под нос и быстро взглянула на юношу. Она поняла. Хебел понизил голос до шепота:

— Сестры-ведьмы, эльфин. Мораг и Малленрох. Они живут там со своими слугами — существами, созданными их колдовской силой. Лощины принадлежат им, и никому больше.

— А Оберег? — настаивал юноша. — Ты говорил о какой-то горе...

— Острые Земли — одинокая вершина. Она поднимается над Лощинами, как рука, тянущаяся из могилы. Там, в этой горе, — Оберег. — Старик помедлил, пожимая плечами. — По крайней мере, когда-то был там. Сам я не был в Лощинах уже много лет. — Он покачал головой. — Теперь туда никто не ходит.

Юноша медленно кивнул.

— Расскажи мне об этих ведьмах.

Хебел прищурился.

— Мораг и Малленрох — последние. Когда-то их было много, ведьм, но теперь остались только они. Одни говорят, что их создал Повелитель чародеев. Другие — что они жили здесь задолго до его прихода, их сила равна силе друидов. — Он развел руками. — Правду знают только они сами — можете спросить у них, если хотите. Мне совершенно все равно, если еще один эльф сгинет в этом гиблом месте. Да. — Он резко рассмеялся и даже закашлялся. Отхлебнув глоток другой эля, Хебел наклонился вперед, стараясь заглянуть в глаза юноше. — Они сестры — Мораг и Малленрох. Сестры по крови. Но между ними великая ненависть. Давным-давно эта ненависть родилась из-за обиды, действительной или воображаемой — не мне это знать. Никто не знает. Там, в Лощинах, они и воюют между собой. Мораг хозяйничает на востоке, Малленрох — на западе, каждая

стремится уничтожить другую, каждая стремится заполучить себе землю и силу своей сестры. Острие Земли стоит в самом центре Лошин, как раз на границе владений сестер, там — Оберег.

— А ты сам его видел?

— Я? Нет, только не я. Лошины принадлежат сестрам, мне же вполне достаточно долины.— Хебел прикрыл глаза, вспоминая.— Однажды я охотился у края Лошин. Очень давно, я даже точно не помню когда. Тогда я еще хотел облазить весь этот край, ведь он стал моим домом. Рассказы других — это только рассказы, мне же надо было увидеть все своими глазами. Целыми днями я бродил в сумраке Лошин. Как-то ночью, когда я спал, в тусклом свете тлеющих угольков костра она подошла ко мне, Малленрох. Высокая, выше меня. Лиловый паслен был вплетен в ее длинные седые волосы. А лицо! Лицо самой Владычицы Смерти. Она подошла ко мне и сказала, что ей надо поговорить со мной. Она рассказала мне о себе и о Мораг, об их вражде. Она говорила всю ночь.— Старик погрузился в воспоминания, теперь его голос звучал глухо.— Утром она ушла, будто ее и не было вовсе. Больше я ее никогда не видел. Я даже думал, что все это мне приснилось. Но нет. Она была и, уходя, забрала с собой частичку моей жизни.— Хебел медленно покачал головой.— Я помню ее слова об Обереге, эльфин. «Лабиринт туннелей внутри Острия Земли»,— сказала она. Место из другой эпохи, сотворенное колдовской силой. Очень давно. Даже она не знает сущности этого колдовства.

Хебел замолчал, он бродил по неверным тропам своей памяти. Многое забылось, но странно: даже теперь, после стольких лет, он помнил ее так же отчетливо, как видел лица сидящих рядом. Малленрох!

«Очень, очень странно»,— думал Хебел.

Юноша робко коснулся края кресла.

— Этого вполне достаточно, Хебел.

Старик с удивлением поглядел на эльфа, не понимая, о чем это он. И тут он увидел глаза юноши и сразу же понял: он собирается пойти туда. В Лошины! Хебел порывисто подался вперед.

— Не ходи! — прошептал он.— Не ходи!

— Я должен идти.— Юноша улыбнулся.— Если Кефело намерен получить свою долю...

Скиталец ничего не ответил, его смуглое лицо оставалось непроницаемым. Эретрия повернулась к эльфу.

— Целитель, не делай этого, — умоляюще проговорила она. — Послушай старого человека. Лошины — не для тебя. Поищи свое лекарство в другом месте.

Эльф покачал головой:

— Больше нигде.

На мгновение тело девушки напряглось, на лице отразились невысказанные чувства, которые так и рвались наружу. Но ей удалось справиться с собой, она встала и холодно посмотрела на юношу сверху вниз.

— Ты дурак, — сказала она и направилась прочь, в темноту.

Хебел наблюдал за юношей и видел, как тот провожал глазами уходящую Эретрию. Эльфийка вообще никуда не смотрела; казалось, взгляд ее зеленых глаз обращен внутрь.

— Это действительно важно? — спросил старик, обращаясь не только к юноше, но и к его спутнице. — Неужели тот корень больше нигде не растет?

— Оставь их, Хебел, — внезапно проговорил Кефело, его сумрачный взгляд скользил от одного лица к другому. — Это их дело, и, в конце концов, им решать.

Хебел нахмурился.

— Что-то ты слишком торопишься послать их на смерть, скиталец. Что это за «твоя доля», о которой говорил эльфийн? Ты хочешь нагреть на этом руки?

Кефело рассмеялся.

— Фортуна капризна, старик, — она дает, она и отбирает. Кто знает, где найдешь, где потеряешь. Найдешь одно — потеряешь другое. Очень, очень капризна. А это дело эльфина, никто его не гнал, он сам решил, он и его сестра. И мы с тобой не можем обсуждать это.

— Нам надо идти, — заговорила эльфийка, глядя старику в глаза.

— Ладно. — Кефело поднялся. — Все обсудили. Вечер еще не прошел, эля много. Пейте со мною, друзья. Мы поговорим о былых временах — это лучше, чем гадать о будущем. Хебел, я расскажу тебе об этих болванах из Угрюмого Угла, они в последнее время просто безумствуют. Но мы-то с тобой знаем, кто на что способен. Мы славно посмеемся.

Он позвал старуху, и она тут же прибежала с бутылкой. Несколько скитальцев подошли и присоединились к ним. Кефело щедро разлил эль по кружкам. С шутками и прибаутками, посмеиваясь своим же словам, Кефело принялся сыпать рассказами о местах, где он, возможно, никогда и не бывал, и о людях, которых, безусловно, никогда не встречал. Скитальцы шумно приветствовали каждую новую байку и с громким смехом опрокидывали кружку за кружкой за здоровье своего вожака. Хебел с недоверием слушал самоуверенную болтовню Кефело и размышлял. Как-то слишком поспешно он отмахнулся от предупреждения Хебела. Подозрительно и то, что он с таким пренебрежением говорил о своей предполагаемой доле в этом деле.

«Он слишком торопится, — решил Хебел, — ведь скиталец знает не хуже меня, что еще никто не возвращался из Лошин».

Старик покачивался в своем плетеном кресле и машинально трепал Шлында по лохматой голове.

«Что же еще сказать этому эльфу? Что бы такое придумать, чтобы все-таки отбить у него охоту к подобному безрассудству? Скорее всего, ничего не получится: парень, похоже, решился. Он пойдет».

«А вдруг этот эльф тоже встретит Малленрох? Очень может быть», — решил старик и позавидовал ему.

Вил оставил сидящих у костра и направился к колодцу позади дома. Утомленная событиями последних дней, Амбель уже спала, завернувшись в плед и придвинувшись поближе к костру. Он тоже пребывал в каком-то полусонном состоянии, хотя выпил совсем мало эля. Сейчас — холодной воды, а потом — немедленно спать. Вил зачерпнул воды из колодца и жадно приник губами к ковшу, как вдруг из сумрака выступила Эретрия и встала рядом с ним.

— Я не понимаю тебя, целитель, — резко начала она.

Он положил ковш обратно в ведро и уселся на край колодца. Вил не видел ее с того момента, как она гордо удалилась, во всеуслышание обзвав его дураком.

— Я волнуюсь, переживаю, спасаю твою драгоценную жизнь в Угрюмом Углу... — продолжала Эретрия. — Если ты думаешь, что было просто уговорить Кефело помочь тебе, то ты ошиба-

ешься — очень непросто. Похоже, все мои усилия пропали даром. Все впустую. Надо было оставить тебя этим головорезам, тебя и эту эльфийку, которую ты называешь своей сестрой. Ты рвешься в Лощины, хотя старик и предупредил тебя об опасности. Я хочу знать почему. И при чем здесь Кефело? Я не знаю, о чем вы там договорились, но ничего из того, что он обещал — если он вообще намерен сдержать свое слово, — не стоит такого риска.

— Кефело здесь ни при чем, — тихо ответил Вил.

— Если он чем-то угрожает тебе, то знай: я буду на твоей стороне, — твердо сказала Эретрия. — Я помогу тебе.

— Я знаю. Но дело не в нем.

— Тогда почему? Почему ты должен идти туда?

Долинец опустил глаза.

— Это лекарство...

— Только не лги мне! — Эретрия села рядом, ее лицо пылало от гнева. — Кефело еще может поверить в эту басню о корешках и лекарствах — он слушает твои слова, целитель. А я смотрю в твои глаза. Мало ли что можно сказать, но лишь глаза не солгут. Эта девушка не сестра тебе — ты ее охраняешь. Я не знаю, в чем здесь секрет, но вижу, что ее безопасность очень важна. И тебе нравится о ней заботиться. Ты ищешь не корешки и лекарства, а что-то другое. Но что? Что там такое, в этих Лощинах?

Вил медленно поднял глаза и поймал взгляд Эретрии. Минуту-две он молча смотрел на нее. Эретрия порывисто схватила его руку и крепко сжала.

— Я никогда не предаю тебя. Никогда.

Вил грустно улыбнулся.

— Я не сомневаюсь в этом, Эретрия. Ладно, я тебе скажу. Этому краю грозит опасность. И не только этому. В Обереге есть то, что может спасти всех нас. Меня и Амбель послали найти...

Глаза девушки возбужденно сверкали.

— Тогда позволь мне идти с тобой. Возьми меня с собой, целитель, хотя ты мог бы сделать это и раньше.

Вил вздохнул:

— Но как? Ты же сама назвала меня дураком из-за того, что я собираюсь идти в Лощины. А теперь ты хочешь пойти со

мной, значит, ты такая же дура. Твое место здесь, с твоим народом, по крайней мере пока. Вам лучше отправиться на восток, подальше от Западных земель и от всего, что здесь может случиться.

— Целитель, но в первом же большом городе Южных земель этот дьявол, который выдает себя за моего отца, продаст меня какому-нибудь проходимцу. Замечательно! — Ее голос дрожал. — Ты говоришь об опасностях, но что может быть хуже столь жалкой участи? Возьми меня с собой!

— Эретрия...

— Нет, послушай меня! Я кое-что знаю об этой стране. Вдруг что-то из того, что я знаю, тебе пригодится? Я не буду тебе обузой и ничего не попрошу у тебя, целитель. Может быть, наши отношения изменятся когда-нибудь. Но я не прошу этого. Я ни слова тебе не скажу. Просто возьми меня с собой. Ты не можешь меня так оставить!

— Но, Эретрия, даже если я соглашусь, Кефело ни за что тебя не отпустит.

— Кефело ничего не будет знать. А когда узнает, будет уже поздно, — взволнованно проговорила она. — Возьми меня с собой, целитель. Скажи мне «да».

Вил уже был готов согласиться. Она была столь прекрасна, столь чарующа, что в любом другом случае он не смог бы ни в чем отказать ей.

Но Лоцины — это смерть, так сказал старик. Никто не ходит туда. А ему еще надо присматривать за Амбель; и хотя Эретрия говорила, что сама позаботится о себе, все же долинец знал: если она пойдет с ними, он будет переживать за нее так же, как за эльфийку.

Он медленно покачал головой.

— Я не могу, Эретрия, не могу.

Настала долгая, напряженная тишина. Девушка смотрела на него — мука и гнев смешались в ее глазах, восторг ожидания сразу пропал. Медленно, очень медленно она поднялась.

— Я спасла твою жизнь, но ты не хочешь спасти мою. Что ж! — Она отошла от Вила и остановилась. Слезы текли по ее лицу. — Дважды ты оттолкнул меня, Вил Омсфорд. Третьего раза не будет.

Она развернулась и быстро пошла прочь, но снова остановилась.

— Придет время, целитель, и ты пожалеешь об этом. Я обещаю тебе. — И она растворилась в сумраке ночи.

Долинец смотрел ей вслед.

«Почему все сложилось именно так?» — с отчаянием думал он.

Почему не иначе? Ей так нужна помощь, и, если бы он мог что-то сделать для нее, он бы с радостью сделал. Но сейчас...

Вил не закончил, глаза стали закрываться, и он упал на землю — сон одолел его.

Глава 38

Рассвет прорвался сквозь синеву ночи, зловещий и серый, окутав леса Запада угрюмым сумраком, и растекаясь по темной земле. Тяжелые низкие тучи затянули небо, в воздухе стояла напряженная тишина, предупреждая о приближении грозы. Скитальцы ушли из дома Хебела так же, как и пришли — как бродячие тени, — лишь быстро вскинув руки в жесте прощания. Старик молча стоял на пороге, провожая их взглядом. Вот они вошли в сумрак леса; деревья тут же сомкнулись над ними.

Через несколько часов они добрались до главной дороги и свернули на восток. На дне долины собрался туман, скапливаясь между стволами деревьев; ночная прохлада уходила вместе с тенями, от нагревающейся земли поднимался пар. Вил и Амбель сидели на козлах повозки и молчали, мрачно размышляя о том, что ждет их впереди. Утром они так и не поговорили с Хебелом, об этом позаботился Кефело. Интересно, что бы еще сказал старик, а у него наверняка было что сказать. Несколько раз к ним подъезжал Кефело, однако улыбка скитальца была неискренней, а разговор — пустым и никчемным. Он словно что-то вынюхивал, однако ни долинец, ни эльфийка не имели ни малейшего представления о том, что ему надо на этот раз. Эрстрия держалась поодаль, не обращая на них никакого внимания.

К полудню они выбрались на какую-то узкую развилку в глубине леса, здесь Кефело дал сигнал к привалу. Где-то вдали угрожающе грохотал гром, холодный ветер резкими порывами

налетал на деревья, раскачивая их из стороны в сторону и взметая опавшие листья и пыль. Кефело снова подъехал к повозке и остановился.

— Здесь мы разойдемся, целитель, — объявил он, указывая рукой на распустье. — Вам надо на юг, по маленькой тропинке. Только не сбейтесь с дороги. Вы будете у Лошин еще до ночи.

Вил собрался было заговорить, но скиталец быстро поднял руку.

— И не пытайся убедить меня пойти с тобой. Об этом мы не договаривались. Я и так потерял много времени.

— Я хотел попросить тебя дать нам с собой немного еды, — холодно сказал Вил.

Скиталец пожал плечами.

— На день-два, не больше.

Он кивнул старухе, и та скрылась в повозке. Вил видел, как Кефело беспокойно ерзает в седле.

«Что-то он сильно тревожится», — подумал юноша.

— Как мне найти тебя, чтобы отдать твою долю? — внезапно спросил долинец.

— Мою долю? Да-да... — Кефело, казалось, уже забыл об этом. — Я же сказал, что узнаю, когда ты получишь эти деньги. Я найду тебя сам, целитель.

Долинец кивнул, встал и прыгнул с козел, потом повернулся помочь Амбель. Он быстро взглянул ей в лицо: ее тоже беспокоило странное поведение Кефело. Вил опять повернулся к скитальцу:

— Ты не дашь нам коня? Одного...

— У меня нет лишних лошадей, — прервал его Кефело. — И не пора ли вам отправляться в путь? Надвигается гроза.

Старуха вернулась и протянула Вилу небольшую котомку. Долинец поблагодарил старую женщину и закинул котомку на плечо.

— Добрый путь, Кефело. — Он повернулся к скитальцу. Тот кивнул.

— И скорый — тебе, целитель. Прощай.

Вил взял Амбель за руку, и они направились к развилке. Эретрия сидела верхом на своем гнедом, ветер развеивал ей волосы. На мгновение Вил остановился и протянул руку.

— До свидания, Эретрия.

Она кивнула, ее смуглое лицо, холодное и прекрасное, осталось спокойным; она молча отъехала в сторону и присоединилась к Кефело. Долинец секунду смотрел ей вслед, но она даже не обернулась. Вил ступил на тропинку. Пора.

Все утро Хебел провел в мастерской, он с увлечением вырезал из деревянного бруска фигурку болотной кошки. За работой он обдумывал события предыдущей ночи. Ему не давали покоя эти эльфины, и их странные поиски, и то, что они не вняли его предупреждению. Он ничего не понимал. Почему они не прислушались к его совету? Ведь он ясно сказал им: Лощины — это смерть. Так что же заставляет их идти туда за каким-то непонятым целебным корнем?

Потом ему внезапно пришло на ум, что, возможно, за всем этим кроется нечто более серьезное. И чем больше он думал об этом, тем больше убеждался в справедливости своей догадки. В конце концов, они ведь тоже не такие дураки, чтобы открыть всю правду этому жулику Кефело; да, безусловно, корень — это выдумка. Оберег лежит глубоко внутри Острия Земли. Какой такой корень может расти внутри горы, куда никогда не проникало ни единого луча света? Когда-то там, в Обереге, колдовали древние маги. Ведьма говорила ему: волшебство другой эпохи, давно забытое и потерянное. Уж не надеется ли этот юный эльфийн возродить его снова?

А небо все темнело, ветер завывал в ветвях деревьев. Старик оторвался от работы и поднял глаза.

«Да, будет изрядная гроза, — лениво подумал он. — Несладко придется эльфинам: если они не успеют добраться до Лощин, буря захватит их в дороге».

Хебел покачал головой. Он бы пошел за ними прямо сейчас, но это, пожалуй, ничего не изменит — слишком они упрямы, эти эльфины. Что бы они там ни искали, в Обереге, целебный корень или волшебный — лучше бы им вообще забыть об этом. Что они точно найдут там — так это смерть, и никакой волшебный корень им не поможет.

Шлынд, лежащий у ног Хебела, поднял голову и втянул носом ветер. Потом пес внезапно завыл, хрипло и тревожно. Старик с удивлением посмотрел на него и огляделся.

Шлынд снова завыл, шерсть на загривке встала дыбом. Там, во мраке, что-то было. Старик схватил широкий топор и осторожно пошел к деревьям. Не прекращая выть, Шлынд пополз за ним.

Хебел внезапно остановился. Он не понял почему, только почувствовал, как что-то холодное скользнуло по телу — обжигающий лед, который сковал все движения. Шлынд припал к земле, дрожа от страха, и скулил так, словно его били. Что-то мелькнуло в сумраке деревьев — тень, огромная, мгlistая. Секунда — и все исчезло. Страх охватил старика, и не было сил перебороть его. Хебел беспомощно вглядывался в темноту. Ему хотелось одного — повернуться и бежать отсюда прочь, но силы оставили его, топор выпал из рук.

Внезапно холод исчез, капли дождя стекали по лицу старика. Он глубоко вздохнул, поднял топор и медленно побрел обратно — Шлынд испуганно жался к нему. Хебел понял, что никогда раньше, за все эти шестьдесят лет, он еще не был здесь так близко от смерти.

Буря захватила Вила и Амбель в пути; не прошло и часа, как они расстались со скитальцами. Ливень заслони́л дорогу, гром отдавался зловещим эхом в промокшем лесу, пропитанные водой ветви деревьев пригнулись низко к земле. Впереди был лишь мрак.

Дождь лил не переставая несколько часов. Долинец и эльфийка с трудом тащились вперед, не сводя глаз с размытой тропинки; они вымокли до нитки, грязь липла к сапогам. Наконец гроза унеслась на восток, дождь уже не хлестал, а тихо шуршал по листьям деревьев; из леса просочился туман. Стволы и ветви влажно блестели в тумане, во внезапно наступившей тишине шорох дождя казался каким-то жутким грохотом. Небо клубилось чернотой туч — они не ушли, где-то на востоке гремел гром, теперь глухой и далекий. Туман начал сгущаться, и путешественники замедлили шаг.

Потом тропинка пошла под уклон, поначалу — едва заметно, дальше — все круче и круче. Путники скользили по размокшей грязи вниз, с надеждой вглядываясь в темноту впереди. Но там не было ничего, кроме все того же лесного коридора, — дорога и по обеим ее сторонам стена смыкающихся вверх

ху деревьев. Тишина нарастала с каждой минутой, слабое жужжание насекомых бесследно растворялось в ней.

Внезапно деревья впереди расступились, тропинка упала вниз, в черную яму. Путешественники резко остановились, с опаской заглядывая туда, в волнующее, пугающее пространство. Да, это — Лощины, чем иным может быть эта огромная яма черного леса? Им казалось, что они набрали на какое-то мертвое озеро, спокойное и безжизненное; его поверхность как будто заросла темной густой ряской; о том, что лежало в глубине его черных вод, оставалось только догадываться. А в самом центре возвышалось Острие Земли — одинокая вершина вспарывала окружающий мрак. Запретное, неприступное место. Страшное. Сами Лощины были мрачны и суровы, как раскрытая могила, тихо шепчущая о смерти.

Вил и Амбель молча стояли у края, не в силах отвести взгляд от этого заброшенного и жуткого места, стараясь побороть чувство отвращения, нарастающее с каждым мгновением.

— Нам надо спускаться, — решил наконец Вил.

Тропинка, по которой они пришли, расходилась на две, поменьше, и обе вели вниз, в непроглядную тьму. Долинец долго колебался, пытаясь определить, по которой из них будет легче спускаться, и наконец выбрал левую. Он протянул руку Амбель; они заскользили по мокрой земле. Медленно, осторожно они продвигались вперед.

Вдруг Вил споткнулся и упал. Амбель, запнувшись за его ногу, полетела вниз и с коротким криком исчезла в темноте леса. Вил бросился за ней, наугад пробираясь сквозь кусты и какие-то бревна; колючки и острые ветви рвали его рубашку и до крови царапали лицо. Если бы не яркий шелк скитальческой одежды — алая вспышка во тьме, — он мог бы вообще не найти эльфийку. Она лежала на земле, тяжело дыша, лицо перепачкано грязью. Вил осторожно дотронулся до нее, и Амбель неуверенно подняла голову.

— Вил?

Он помог ей сесть.

— С тобой все нормально? Ты не ушиблась?

— Нет, наверное, нет, — улыбнулась она. — Ты неуклюжий, но милый, знаешь?

Он кивнул, с облегчением улыбнувшись:

— Попробуй встать.

Он обнял ее за талию и поднял — девушка была легче перышка, — потом поставил на ноги. Амбель вскрикнула и опустилась обратно на землю, обеими руками держась за лодыжку.

— По-моему, я вывихнула ногу.

Вил осторожно прощупал лодыжку, проверяя, целы ли кости.

— Главное, нет перелома. Просто сильное растяжение. — Он сел рядом с Амбель. — Сейчас мы отдохнем пару минут, потом пойдем. Я помогу тебе спуститься. Если будет нужно, я понесу тебя.

Она покачала головой:

— Вил, прости меня, я такая неосторожная.

— Ты?! Но упал-то я... — Он улыбнулся, стараясь подбодрить девушку. — А вдруг нам поможет одна из этих сестер. Все-таки ведьма...

— Не смешно, — нахмурилась Амбель, тревожно оглядываясь по сторонам. — Думаю, нам лучше подождать до утра. А потом спускаться. Может, нога к этому времени пройдет. К тому же мне что-то не хочется ночевать там. А ведь придется...

Вил кивнул:

— Мне тоже не хочется. Ночью мы все равно не найдем дороги. Да, надо подождать утра.

— Тогда, может, пока поднимемся обратно? — Амбель с надеждой смотрела на него.

Долинец улыбнулся:

— Так ты действительно поверила рассказу того старика? Ты думаешь, там внизу живут ведьмы?

— А ты? Не веришь?

— Не знаю. Возможно, конечно... Нет, все-таки нет. Я вообще немногому верю. — Он чуть склонился к Амбель. — Но если здесь действительно живут ведьмы, будем надеяться, что они боятся эльфийских камней. Потому что это единственная защита, которая у нас осталась. Хотя, если мне придется пугать их камнями, мы можем оказаться в большой беде.

— Не обязательно, — тихо ответила Амбель.

— Ты все еще думаешь, что я смогу их использовать? Даже после всего, что случилось в Пиконе?

— Да, сможешь. Но ты не будешь этого делать.

— Ты уже однажды говорила что-то подобное, помнишь? — Он внимательно смотрел на нее. — После Тирфинга, там, на берегу Мермидона. Ты очень беспокоилась обо мне. Ты сказала, чтобы я больше никогда не использовал эльфиниты, даже для того, чтобы спасти тебя.

— Я помню.

— А потом, когда мы блуждали по Пикону, я сказал тебе, что больше не могу их использовать, что их сила больше не подвластна мне. А ты ответила, что веришь в меня и чтобы я не торопился с выводами.

— И это я помню.

— А теперь посмотри, что выходит. Я думаю, еще придется воспользоваться эльфийскими камнями, но сомневаюсь, что у меня что-то получится. А ты уверена, что я смогу справиться с ними, но настаиваешь, чтобы я их больше не трогал. Смешно! — Вил покачал головой. — Но самое смешное то, что мы так и не знаем, кто же из нас прав. Мы уже почти дошли до Оберега, а я до сих пор не разобрался... Ладно, это не важно.

Они замолчали. Вил машинально вытащил кошель и подбросил в руке. Он уже собирался положить эльфиниты на место, но вдруг заметил: что-то не так. Нахмурившись, Вил развязал кошель и высыпал на ладонь содержимое. Какое-то время он непонимающе разглядывал три небольших черных камушка.

— Вил! — в ужасе вскричала Амбель.

Вил молчал, мысли суматошно проносились в его голове, наскакивая друг на друга, язык отнялся.

— Кефело, — наконец прошептал он. — Кефело. Он как-то достал эльфиниты и положил вместо них вот это. Наверное, ночью, пока мы спали. Должно быть, он что-то подмешал мне в эль, чтобы я не проснулся. Неудивительно, что он так торопился от нас избавиться. Помнишь, как он отмахнулся от старика, когда тот пытался предостеречь нас? Теперь понятно. Он будет просто счастлив, если мы никогда не вернемся. Вот почему он легко согласился на треть! Он не думал о деньгах. Ему нужны были эльфийские камни!

Вил бросился вверх по тропе, но тут вспомнил об Амбель. Он повернул назад и поднял эльфийку на руки; крепко прижи-

мая ее к себе, долинец медленно пошел обратно, к краю Лошин. Оглядевшись, Вил заметил в нескольких ярдах от тропинки заросли высокого кустарника и решительно направился туда.

— Я должен вернуться за эльфинитами, — тихо сказал он, сажая Амбель на землю. — А ты побудь здесь. С тобой все будет в порядке, правда?

— Нам не нужны эльфиниты, Вил.

Вил покачал головой.

— Если нам придется это проверить, я бы хотел, чтобы они все-таки были у меня. Ты ведь слышала, что старик говорил о Лошинах. Эльфийские камни — это все, что у меня есть для того, чтобы защитить тебя.

Амбель побледнела.

— Кефело убьет тебя.

— Возможно. Скорее всего, он уже ушел слишком далеко, и я не смогу догнать его. Но, Амбель, я должен хотя бы попытаться. Если я не найду его до рассвета, я вернусь. Обещаю тебе.

Амбель хотела что-то сказать, но сдержалась. Слезы текли по ее щекам.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Правда.

— Амбель! — Вил с изумлением смотрел на нее.

— Иди. Ночью Кефело должен сделать привал. Ты нагонишь его, если поспешишь. Только будь осторожен, Вил Омсфорд, не делай глупостей. — Она пододвинулась ближе и поцеловала его. — Иди. Скорее.

Вил поднялся и, не оглядываясь, полез наверх. Через несколько секунд он уже скрылся во мраке леса.

Глава 39

В тот же день произошло другое событие: на рассвете демоны атаковали Арборлон. Пронзительные крики разметали утреннюю тишину. С какой-то слепой яростью и решимостью демоны выступали из мрака еще дремлющего леса и бросались в воды Поющего родника. Большие и маленькие, проворные и медлительные, твердые как камень и текучие как дым — течение кружило и швыряло их друг на друга. Огромные черные твари шли по дну, высоко подняв кверху тупые рыла. Кто-то

плыл, отчаянно брыкаясь и расталкивая остальных. Кто-то несся по головам своих собратьев, кто-то легко и проворно скользил по поверхности воды. Иные плыли на самодельных неповоротливых плотках и лодках, бессмысленно тыча в воду веслами и шестами. Они хватали своих захлебывающихся собратьев и затаскивали их на борт, многие ушли на дно, так и не дождавшись помощи. Безумие охватило их: там, на другом берегу, всего в нескольких сотнях ярдов впереди, ждал враг, ненавистный враг. И уж на этот раз они непременно его уничтожат. Казалось, сам воздух пропитался этой жгучей ненавистью.

Эльфы ждали на берегу, следя за приближением демонов. Это будет последняя битва, и эльфы были полны решимости. Здесь их дом, самое сердце земли, которая принадлежала им с незапамятных времен. Здесь все, что у них осталось. Они сражаются и умрут на родной земле — это лучше, чем бежать в чужие края, как звери от безжалостного охотника, который немолимо идет по пятам.

Андер с Алланоном стояли на стене первого уровня Эльфитча и молча наблюдали за тем, как черный поток несется вперед. Андер поднял глаза: на чистом рассветном небе появилась маленькая черная точка, она постепенно увеличивалась, спускаясь все ниже, и наконец обрела форму. Это был Даен. На своем роке, Плясуне, он летел вниз, плавно скользя вдоль утеса. Приземлившись на открытом склоне, Даен торопливо поднялся на стену.

— Сколько? — немедленно спросил принц.

Даен покачал головой.

— Даже лес и туман не могут спрятать их всех. Тех, кого мы видели раньше, можно назвать жалкой горсткой.

«Слишком много», — мрачно подумал Андер.

— Не собираются ли они обойти нас с флангов, Даен?

Крылатый всадник опять покачал головой.

— Они идут прямо на Каролан — все. Плясун отдохнет, и мы слетаем еще. Удачи, мой принц.

Вряд ли Андер слышал его.

— Мы должны выдержать, — пробормотал он — скорее самому себе.

А внизу уже шла битва. На берегу, у самого края воды, эльфийские лучники натянули тетивы, и черные стрелы увязли в

массе надвигающихся тел. Крики боли заглушили вопли атаки. Горящие стрелы вонзились в борта лодок и бревна плотов. Снова и снова звенели эльфийские стрелы, но демоны все прибывали, как воды ужасного черного наводнения, — они стекали из леса в реку пенящимся потоком и неслись к восточному берегу.

Откуда-то с вершины Каролана раздался громкий клич, и из предрассветной мглы вылетел высокий седой всадник. Эльфы как один на миг подняли головы, изумление и радость отразились на их лицах. Крики приветствия спускались по Эльфитчу, гремели по берегу Поющего родника, перекатывались по стенам и укреплениям и наконец слились в оглушительный рев:

— Эвентин! Эвентин снова с нами!

Эльфы преобразились, исполнившись новой надеждой, новой верой, новой жизнью. Король, который правил ими вот уже шестьдесят лет — а большинство из них и не знало другого правителя, — снова с ними! Король, который когда-то победил Повелителя чародеев. Король, который вместе со своим народом испытал все беды и потрясения. Он здесь! Теперь никому злу не одержать победу над эльфами.

Эвентин!

Но это был уже не тот, прежний, Эвентин, в которого так верили эльфы. Андер понял это в тот самый момент, когда отец, спешившись, повернулся к нему лицом. Андер увидел в глазах отца какую-то отстраненность, отчуждение от всего, что происходит вокруг. Он выглядел таким же сильным и крепким, на лице отражались решимость и железная воля, и голос звучал так же твердо. Только глаза выдавали горечь утраты и глубину отчаяния, которое больше не отпускало его. Король был здесь, он выехал к своему войску, чтобы поддержать его боевой дух, и только двое — его сын и друид — понимали, что это всего лишь тень прежнего Эвентина. Может быть, смерть Ариона и Пинданона сделала его таким, может быть рана, поражение в Саранданоне и это ужасное разорение его земли, а скорее всего, все вместе. Но еще было опустошающее чувство безысходности, груз тягчайшей ответственности: ведь если эльфы не оставят зло здесь, оно растечется по всем Четырем землям и поглотит всех, уже ничто не удержит его. Вина за это ляжет на

эльфов, и прежде всего — на Эвентина, потому что он их король.

Андер крепко обнял отца и протянул королю посох Элькрис.

— Это принадлежит тебе, мой король.

Мгновение Эвентин колебался, потом медленно покачал головой.

— Нет, Андер. Теперь он твой.

Андер сжал посох. Он понял, почему отец поступил так.

— Я прошу тебя быть со мной, мой господин, — тихо сказал он.

Король кивнул, и вместе они поднялись на стену укрепления.

А демоны уже выбирались на восточный берег. С дикими, звериными криками они бросались прямо на эльфийские пики. В считанные секунды демоны растянулись по всей длине береговых укреплений; беспорядочная мешанина разинутых пастей и когтистых лап, они прорывали ряды защитников, которые преграждали им путь. Остатки Вольного корпуса, как могли, скрепляли рассыпающиеся ряды, появляясь то здесь, то там, но каждый раз — в самом напряженном месте боя. И неизменно Сти Джанс был впереди, его широкий меч со свистом вспарывал воздух. На флангах Эльрон Тэй и Керрин взывали к солдатам: «Держаться! Не отходить!»

И все же они не смогли устоять. Линия обороны начала распадаться. Демонов было слишком много: гигантские твари напирали, пробивая бреши в рядах защитников, чтобы освободить проход для тех, кто шел следом. Воды Поющего родника потемнели от крови и корчащихся черных тел; но там, где падал один, на его место вставали трое. Никакая сила не могла остановить жестокий натиск ненависти и злобы. Андер уже успел перебраться на второй уровень Эльфитча и теперь отдал войску приказ отходить. Эльфы быстро оставили разрушенные укрепления на берегу и скрылись в лесу, по тщательно изученным заранее тропинкам они пробирались к пока безопасному Эльфитчу. Демоны не успели осознать, что происходит, а эльфы уже были за стенами первого уровня, ворота закрылись за ними.

Демоны устремились в погоню. В лесу у подножия утеса их ждали ловушки и ямы, которые на время задержали рвущих-

ся вперед чудовищ. Но из реки выбирались все новые твари. Пройдя по телам тех, кто попал в западню, демоны вышли на первый пролет Эльфитча, перебрались через низкую стену и набросились на защитников. Эльфы были сметены черным потоком; первый уровень пал, защитники едва успели закрыть ворота второго. Демоны ломились вперед, карабкаясь по крутому склону к воротам. Черной массой они вздымались у стен, некоторые ринулись напрямую — по трещинам скалы вверх. Камни звенели от их голодного воя.

Демоны глухо бились в ворота. Железные створы гнулись под мощью натиска, но ливень копий и стрел сдерживал атакующих, а временами отбрасывал их назад. Вдруг вперед вырвались фурии — гибкие серые тени легко взметнулись на стену, леденящая ненависть искажала их полуженские-полукошачьи лица. Эльфы в ужасе отшатнулись. Вперед вышел Алланон. Синее пламя ударило в чудовищ, разбрасывая их в стороны. Оправившиеся от испуга защитники принялись скидывать со стены обезумевших от боли тварей, и вот наконец последняя пропала в темной массе внизу. Атака была отбита.

Друид и Элесседилы отошли наверх, к третьим воротам. Оттуда они наблюдали за новой волной атаки. Лучники, как могли, поддерживали пехоту, карлики-землекопы сбрасывали камни. Демоны облепили весь утес: стараясь миновать Эльфитч, они лезли наверх прямо по скале.

Внезапно из черной массы у ворот второго уровня поднялось чешуйчатое чудовище на двух ногах и с головой ящерицы. Шипя от ярости, оно навалилось на ворота, ломая перекрытия и расшатывая запоры. Эльфы мужественно пытались отогнать его от ворот, но чудовище не обращало внимания на удары защитников, железные клинки ломались о его бронированное тело. Чудище снова бросилось на ворота, и на этот раз они поддались. Гигантская ящерица, а за нею и остальные демоны устремились в пролом. Эльфы немедленно отступили к третьему уровню.

На какое-то мгновение защитникам показалось, что они не успеют закрыть ворота. И снова положение спас Сти Джанс. Прикрываемый ветеранами Вольного корпуса и остатками личной гвардии во главе с Керрином, он выступил навстречу напирającym демонам. Припав к земле, демон-ящер метнулся к

Джансу. Но южанин был начеку: увернувшись, он вонзил толстое копьё прямо в глотку чудовища. Ошеломленный ящер снова поднялся на задние лапы. Копьё прошло через голову и вышло из затылка, но когти еще тянулись к командиру. Эльфы и солдаты Вольного корпуса обступили Сти Джанса и отражали удары. Через мгновение они уже были за надежной стеной, ворота закрылись за ними. Демон-ящер еще какой-то миг стоял на вершине уклона, пытаясь вытащить из глотки копьё, а затем рухнул на своих собратьев, сметая их через нижнюю стену в лес под скалой.

Со свирепым рычанием демоны возобновили атаку, но как-то неуверенно и даже робко. Они беспорядочно растянулись по всей длине Эльфитча и, похоже, уже не могли собраться вместе для решающего удара. Эльфы, воодушевленные мужеством солдат Вольного корпуса и личной гвардии, отбросили демонов назад. Стрелы и копьё сыпались непрерывным дождем, сотни черных тел упали на камни.

Андер поспешил этим воспользоваться. Он дал сигнал к контратаке. По приказу Керрина ворота третьего уровня широко распахнулись, и эльфы ринулись вперед. Они погрузились в черную колышущуюся массу и стали теснить демонов. Защитникам удалось расчистить лестницу почти до нижних ворот, но тут демоны оправившись от неожиданности и повернули обратно. Снизу подоспело подкрепление. Эльфы отступили к воротам второго уровня, укрепили их, как могли, обломками железа и бревнами и там остановились.

Так продолжалось до вечера: то вверх, то вниз по Эльфитчу гремела битва — от подножия утеса до ворот третьего уровня. Эльфы и демоны рубили и рвали друг друга на части: никто не ждал пощады и никто не щадил врага. Дважды демоны отбивали вторые ворота и прорывались до третьих. Дважды эльфы отбрасывали их назад, один раз — до самого подножия утеса. Демоны гибли тысячами, с какой-то слепой решимостью они бросались на копьё и мечи эльфов и умирали. Но и эльфы умирали вместе с ними, защитников Арборлона становилось все меньше, тогда как демонов, похоже, не убывало.

И вдруг демоны без всяких видимых причин прекратили атаку. Они отходили назад по Эльфитчу, медленно, неохотно, и вскоре растворились в сумраке леса внизу. Черные тела съежи-

лись, слились с ночными тенями, припав к земле без движения и звука, они как будто ждали чего-то, что вот-вот должно произойти. Измученные битвой защитники настороженно вглядывались в темноту, весь Каролан словно замер в каком-то непонятном напряжении. Эльфы не стали гадать, что именно произошло, почему демоны отступили — какая разница? Главное, это случилось. Они отстояли Арборлон, по крайней мере еще на один день.

В ту же ночь, примерно через два часа после неожиданного отступления демонов, когда Эвентин и Андер собрали Большой совет, в зал ворвался гонец. Срывающимся от возбуждения голосом он сообщил, что из Кершалта в Арборлон пришли горные тролли. Король немедленно прервал заседание, и все поспешили из зала. Картина, представшая перед их глазами, была более чем внушительной: весь внутренний двор был заполнен приземистыми, похожими на стволы старых деревьев фигурами, закованными в тяжелую броню из железа и кожи. В дымном свете факелов тускло поблескивали обнаженные мечи и копья, сотни глубоко посаженных глаз обратились к изумленным эльфам.

Их командир выступил вперед — огромный суровый тролль с большим двуострым топором за спиной. Он быстро оглядел эльфов и остановился прямо перед королем.

— Я — Амантар, вождь троллей. Нас пятнадцать сотен, король Эвентин. Мы будем с эльфами.

Эвентин лишился дара речи. Он рассчитывал на что угодно, но давно отказался даже от самой мысли, что тролли пошлют какую-то помощь. Он думал, что жители Севера предпочтут вообще не вмешиваться в эту войну. И вот теперь они здесь, теперь, когда больше неоткуда ждать помощи, когда больше никто не придет.

Амантар заметил изумление старого короля.

— Король Эвентин, ты должен знать, что это — ответ на твою просьбу о помощи, — мягко пророкотал он. — Раньше эльфы и тролли воевали друг с другом — мы были врагами. Такое забывается не сразу. Но проходит время, и все меняется. Мы узнали о демонах. Мы даже столкнулись с ними. Были раненые, были и мертвые. Горные тролли понимают, какую опасность представляют демоны для Четырех земель. Демоны —

столь же великое зло, каким были Повелитель чародеев и посланники Черепа. Это зло угрожает всем. А значит, эльфы и тролли должны забыть о старых обидах и вместе сражаться с общим врагом.

Это было очень сильно сказано. Амантар закончил и тщательно рассчитанным движением опустился перед Эвентином на одно колено — так горные тролли дают клятву верности. Его люди последовали примеру своего командира — они молча преклонили колена перед королем эльфов.

В глазах отца Андер увидел внезапные слезы. На какое-то мгновение отец стал прежним Эвентином, надежда и гордость отразились на его помолодевшем лице. Медленно он поднес правую руку к груди и положил ее на сердце, возвращая троллям обет верности по обычаю эльфов. Амантар поднялся, и они крепко пожали друг другу руки.

Андеру хотелось громко кричать от радости.

Алланон шел по узким тропинкам Садов Жизни; наверху луна и звезды испуганно, как затравленные звери, скользили по ночному небу. Он шел сквозь холодящую ароматную темноту, одинокий, бесшумный как тень, сжимая руки под плащом. Капюшон скрывал лицо, прорезанное тонкими морщинами беспокойства и горькой решимости. Сегодня ночью он шел на встречу со смертью.

Он вышел к подножию холма, окруженного солдатами Черной стражи, поднял руку и скользнул мимо них с быстротой промелькнувшей мысли, стражники даже не увидели его. Маг медленно поднимался на вершину холма, он не хотел смотреть на то, что пришел увидеть. Друид опустил глаза и глядел на поросший травой склон.

Лишь на самой вершине холма он поднял взгляд. Прямо перед ним стояла Элькрис. Когда-то изяшные, тонкие ветви теперь склонились вниз, к земле, похожие на иссохшие кости. Больше не было ни аромата, ни цвета — осталась лишь бледная тень того, что когда-то было столь невообразимо прекрасным. Некогда кроваво-красные листья лежали теперь на земле, как обрывки пожелтевшей, смятой бумаги. Кора почернела и свисала лохмотьями, ветви сплелись, будто скорчившись от боли, — хрупкое дерево стояло теперь обнаженное, пригвожденное к ночному небу.

Друид застыл. Даже он не был готов к этому: ни к тому, что увидел, ни к тому, что при этом почувствовал. Отчаяние захлестнуло его, когда он ощутил всю неизбежность происходящего. Здесь он бессилён: даже друиды не знают секрета вечной жизни. Все когда-то исчезает с земли. И вот теперь — она. Время настало.

Алланон уже поднял руку, чтобы коснуться ее иссохших ветвей, но опустил. Он не хотел ощутить ее боль. Но маг знал, что не может так просто уйти, — медленно, нежно он провел рукой по стволу. Собрав всю свою силу, он передал ей импульс надежды и покоя — мгновение, и друид убрал руку. Еще день-два. Может быть, три. Не больше. Потом — смерть.

Он выпрямился, руки бессильно упали, взгляд остановился на умирающем дереве. Как мало времени осталось.

Друид шел обратно и думал лишь об одном: успеет ли Амбель за это время — столь короткое — вернуться?

Глава 40

Вил Омсфорд несся сквозь туман и мрак Диких дебрей по узенькой, едва различимой тропинке. Отяжелевшие от влаги ветви деревьев преграждали дорогу, хлестали по лицу, размокшая грязь хлопала под ногами, затрудняя бег, — ноги то скользили, то увязали. Долинец ни на что не обращал внимания; он несся вперед, в груди его теснились чувства, они наплывали, цеплялись друг за друга, соединялись и распались: отчаяние от глупой потери эльфийских камней, гнев на Кефело, страх за Амбель и изумление, вызванное словами, которые она сказала ему, — все это полностью поглотило его. Но главное — те слова.

«Я люблю тебя», — сказала ему Амбель, и сказала всерьез. «Я тебя люблю». Как странно слышать это от нее. Совсем недавно он не решился бы даже поверить, что такое возможно. Она негодовала по поводу его присутствия, сомневалась в нем, не доверяла ему и не упускала случая показать это. Да и она ему, по правде говоря, не очень нравилась. Но это долгое путешествие научило их многому, они лучше узнали друг друга, а трудности и опасности, пережитые ими вместе, сблизили их. На какое-то время их жизни оказались неразрывно связанными.

Слова стучали в его сознании, повторялись снова и снова. Тут внезапная мысль поразила его: он тоже любит ее.

Вил потерял равновесие и упал. Поднявшись, он с раздражением стряхнул воду и грязь и побежал дальше. День убывал слишком быстро; повезет, если до наступления ночи он выберется хотя бы на главную дорогу. В противном случае ему придется искать путь в кромешной тьме, одному, безоружному, в незнакомом краю. Дурак! Позволить старому мошеннику так облапошить его! Да и как он вообще мог рассчитывать на то, что Кефело станет помогать ему за какое-то туманное вознаграждение?!

«Умница, Вил Омсфорд, проникательный парень, — бранил он себя, гнев буквально душил его. — А Алланон еще думал, что может доверить тебе Амбель!»

Сколько раз он говорил себе: надо быть осторожнее. Отчаяние охватило Вила. Семь Эльфийских охотников отдали жизнь только для того, чтобы он и Амбель смогли добраться до Диких дебрей. А сколько еще погибло, сражаясь с демонами, которые уже, наверное, вырвались из-за стены Запрета? И что же, все напрасно? Стыд, а за ним и решимость овладели Вилом, унося прочь отчаяние. Он не отступит — ни за что! Он получит назад эльфиниты, вернется к Амбель и приведет ее, невредимую, к Острию Земли, к Источнику Огненной крови, и обратно, в Арборлон. Он сделает это, потому что он должен, потому что сделать что-то меньшее — значит обмануть всех, и не только эльфов и Алланона, но и себя тоже.

Впереди на дороге показалась какая-то тень, возникнув из мрака, как блуждающий призрак ночного леса. Тихая и неподвижная, она ждала долинца. Вил резко остановился. Он так сильно испугался, что едва не свернул с дороги в чашу леса. Прерывисто дыша, он глядел на зловещую тень и наконец рассматривал всадника на взмыленном коне. Конь переступал с места на место и нетерпеливо бил копытом. Вил осторожно двинулся вперед, опасение сменилось сомнением, сомнение — изумлением.

Это была Эретрия!

— Ну что, удивлен? — Голос ее звучал спокойно и неторопливо.

— Еще как! — ответил Вил.

— Я здесь, чтобы спасти тебя в последний раз, Вил Омсфорд. Надеюсь, что теперь ты все же меня слушаешь.

Вил подошел к ней вплотную и остановился.

— У Кефело — мои камни.

— Знаю. Прошлой ночью он подмешал тебе что-то в эль, а когда ты заснул, спокойно забрал их себе.

— И ты ничего не сказала мне? Не предупредила?

— Предупредить тебя? — Она медленно покачала головой. — Я бы все сказала тебе, целитель. Но ведь и ты не помог мне тогда — помнишь? А ведь я просила тебя, чтобы ты только взял меня с собой, когда будешь уходить. Не больше. Сделай ты это, я бы сказала тебе о планах Кефело насчет камней. Я бы даже присмотрела за ними. Но ты сам оттолкнул меня, целитель. Ты бросил меня. Ты думал, что прекрасно обойдешься и без моей помощи. Ладно, решила я, посмотрим, как это у него получится. — Она наклонилась к нему, темные глаза впелись в лицо Вила, как бы оценивая. — И оказалось, что ты не слишком хорошо справляешься без меня.

Вил медленно кивнул; он совсем запутался и теперь лихорадочно подбирал слова — не время сейчас ляпнуть что-нибудь.

— Амбель ушиблась. Она упала, подвернула ногу и не может идти сама. Пришлось оставить ее у края Лошин.

— И ты со спокойной душой оставил девушку одну, — издевалась Эретрия, — в беде.

Вил сдержался.

— Да, наверное, со стороны это выглядит именно так. Но когда мы помогаем другим, мы не всегда делаем то, что хочется нам.

— Как ты сказал? Ну что ж, полагаю, ты сам в это веришь. Так что, ты оставил эльфийку?

— Только пока не верну камни.

— Которые ты не достанешь без меня.

— Я достану их, а с тобой или без тебя — все равно.

— И в это ты тоже веришь?

Вил положил руку на бок коня.

— Ты здесь для того, чтобы помочь мне, Эретрия?

Она молча изучала его лицо, потом кивнула.

— Если ты тоже сможешь мне. Теперь ты просто обязан сделать это. Соглашайся, Вил Омсфорд. Я помогу тебе вернуть

камни, а ты, когда получишь их обратно, возьмешь меня с собой.

— И как ты заберешь камни? — осторожно спросил Вил.

Эретрия в первый раз улыбнулась, и от ее ослепительной улыбки у Вила перехватило дыхание.

— Как?! Целитель, я — из рода скитальцев и к тому же дочь вора. Кефело украл камни у тебя, я украду их у него. У меня это получится лучше, чем у тебя. Нам остается только найти его.

— А он что же, не беспокоится, что тебя нет?

— Когда вы ушли, я сказала, что хочу поехать вперед, к каравану. Он согласился: дороги дебрей хорошо известны скитальцам, я бы выбралась из долины еще до ночи. Ты ведь знаешь, ему надо беречь меня. Испорченный товар немного стоит. Ну вот: я проехала где-то мило, за Свистящий кряж, — там есть вторая дорога на юг. Я свернула на нее и поехала обратно. Я думала, что найду тебя до заката либо в Лощинах, либо на этой дороге, потому что, обнаружив пропажу камней, ты должен был повернуть назад. Кефело не сообразит, что я сделала, пока не нагонит караван. С повозкой он едет медленно. Значит, до завтра ничего не узнает. А сегодня ночью он обязательно остановится где-нибудь на дороге.

— И у нас есть ночь на то, чтобы забрать у него камни, — закончил Вил.

— У нас достаточно времени, — продолжала она. — Если мы только не будем стоять здесь и рассуждать об этом. К тому же ты ведь не хочешь, чтобы эльфийка оставалась одна у Лощин слишком долго?

Упоминание об Амбелъ подстегнуло долинца.

— Нет, конечно. Поехали.

— Подожди. — Она отвела коня чуть назад. — Сначала — слово. Раз уж я помогу тебе, то и ты мне поможешь. Когда мы вернем камни, ты возьмешь меня с собой. Я буду оставаться с тобой столько, сколько сочту нужным. Обещаешь мне, целитель?

Что ему еще оставалось делать? Разве что отобрать у нее коня, но Вил не был уверен, что у него это получится.

— Ладно. Обещаю.

— Вот и славно. Когда мы заберем камни, они временно побудут у меня: я должна быть уверена, что ты сдержишь свое обещание. Садись сзади.

Без лишних слов Вил взобрался на коня. Он совсем не собирался отдавать ей эльфиниты, но было бессмысленно спорить об этом здесь. Эретрия повернулась к нему.

— Ты не заслуживаешь и десятой доли того, что я делаю для тебя, и ты сам это знаешь. Но тебе везет, и ты мне нравишься; мне нравится, как ты рискуешь. А теперь обними меня, да покрепче. Положи руки сюда. — Она показала на свою талию.

Вил заколебался, но решил не спорить. Эретрия откинулась назад, прижимаясь к нему.

— Ну вот, так гораздо лучше, — удовлетворенно промурлыкала она. — Теперь держись!

С резким криком она всадила каблуки сапог в бока коня, тот взвился на дыбы и полетел по темной дороге. Всадники низко пригнулись к шее коня, мокрые ветки хлестали их, обдавая фонтаном брызг. У Эретрии глаза были как у кошки: она уверенно вела коня через завалы бурелома и сухостой, благополучно минуя овраги и ямы, размытые внезапным ливнем, то вверх, то вниз — по размокшим и скользким склонам. Вил вцепился в Эретрию и всерьез думал, уж не сошла ли она с ума. Если они будут так нестись, то где-нибудь обязательно упадут.

Как ни странно, этого не случилось. Эретрия резко свернула с дорожки в узкий просвет между деревьями, почти сплошь заросший густым кустарником. Вил зажмурился, но конь благополучно перепрыгнул кусты. Темнота все сгущалась — всадники летели вперед, почти не разбирая дороги, — последние отблески света растворялись в надвигающихся сумерках. Солнце садилось за лес, тени сгущались, повеяло ночной прохладой. Эретрия пришпорила коня.

Наконец они остановились. Эретрия похлопала коня по потным бокам и с озорной усмешкой повернулась к Вилу.

— Это чтобы ты видел: я сама могу постоять за себя. Тебе вовсе не надо заботиться обо мне.

Долинец медленно приходил в себя.

— И ты это доказала, Эретрия. А почему мы здесь встали?

— Чтобы проверить.

Она спрыгнула с коня и тщательно осмотрела дорогу. Потом нахмурилась:

— Странно! Нет следов повозки.

Вил тоже спешил к ней и подошел к ней.

— Ты уверена? — Он наклонился к земле, но не нашел ни одного отпечатка колес. — Может быть, дождь смыл следы?

— Повозка слишком тяжелая. — Эретрия медленно покачала головой. — К тому же дождь уже должен был кончиться, когда они проходили здесь. Я ничего не понимаю.

С каждой минутой темнело все больше. Вил опасливо огляделся.

— Может быть, Кефело остановился раньше — переждать бурю.

— Может быть, — согласилась Эретрия, но в голосе ее звучало сомнение. — Надо немного вернуться. Садись.

Они поехали обратно, на запад, время от времени поглядывая на грязную землю, пытаясь отыскать следы повозки. Но их не было. Теперь всадники ехали медленной рысью. Из леса на дорогу пробивался туман, мутные струи извивались во мраке, как щупальца. Откуда-то издалека доносились ночные крики — обитатели долины проснулись и вышли на охоту.

Потом впереди возник какой-то новый звук, поначалу слабый, тягучий, как эхо среди резких, мелькающих звуков, но с каждой секундой он нарастал, становился сильнее и настойчивее. И вот наконец обратился в вой, пронзительный и жуткий, как будто во мраке от боли кричала одинокая душа, перешедшая все мыслимые пределы и цепляющаяся за единственное, что у нее еще осталось перед смертью, — этот последний трепещущий крик.

Вил в страхе больно сжал плечо Эретрии.

— Что это?

— Свистящий кряж, как раз впереди. — Она нервно усмехнулась. — Там иногда гуляет очень странный ветер.

А крик все вздымался, теперь он стал жестче и горше. Конь нервно вздрагивал и переминался с ноги на ногу. Эретрия, как могла, пыталась его успокоить. Они ехали совсем медленно и добрались до нижнего перевала. Там дорога уходила вниз, теряясь во мраке.

И вдруг Вил заметил какую-то тень — как будто возникшая из воя ветра и сумрака ночи, она двигалась прямо на них. Эретрия тоже ее заметила и резко натянула поводья. Тень приблизилась: конь, огромный гнедой конь, без всадника, но оседланный, поводья тянулись за ним по земле. Он медленно подошел

к коню Эретрии и ткнулся носом ему в морду. И Вил, и Эретрия сразу узнали его: это был конь Кефело.

Девушка немедленно спешила, передав поводья Вилу. Она молча осмотрела гнедого — он весь дрожал, — хлопнула по бокам и по шее, чтобы он немного успокоился. Конь был потный, он, видимо, долго бежал.

— Что-то случилось. Этот конь не мог заблудиться. — Эретрия неуверенно взглянула на Вила.

Долинец кивнул, в нем зародилось какое-то смутное, нехорошее предчувствие.

Эретрия села на коня Кефело и подобрала поводья.

— Проедем дальше. — Она старалась говорить твердо, но в ее голосе звучала тревога.

Они поехали вдоль линии кряжа; ветер высвистывал жуткий плач, ему вторили скалы и деревья. Высоко в небе зажглись первые звезды — белесый свет стекал вниз, в черноту Диких дебрей.

Вдруг впереди появилась еще одна тень, черная и неподвижная. Вил и Эретрия придержали коней, тревога возрастала. Тень впереди постепенно обретала форму. Это была повозка Кефело. Всадники подъехали ближе, и тревога сменилась ужасом. Кони, которые обычно тянули повозку, валялись искалеченные. То, что они все еще были запряжены, почему-то вызывало особенный страх. Рядом, разодранные и скорчившиеся, как выпотрошенные чучела, лежали другие кони и всадники, кровь пропитала яркие шелка их одежды, сочилась через ткань и смешивалась с грязной землей.

Вил огляделся. Эретрия сидела в седле — бледная как смерть — и не отрываясь смотрела на разбросанные тела. Она медленно опустила руки, поводья упали на землю. Вил спешился, подобрал поводья и подал их Эретрии, но она даже не шелохнулась. Тогда он положил ей на ладонь поводья обоих коней и крепко сжал руку в кулак. Эретрия молча смотрела на него.

— Жди здесь, — приказал Вил.

Он направился к повозке, по пути останавливаясь и внимательно вглядываясь в искалеченные тела. Все были мертвы, даже та безобидная старуха, которая правила лошадьми. Мурашки пробежали у него по коже. Он знал, кто сделал это. Вил

проверял тела, одно за другим, и наконец нашел Кефело. Он тоже был мертв; тело изуродовано, зеленый плащ разодран в клочья, на лице застыло выражение ужаса.

Вил наклонился. Медленно, очень медленно он ощупал одежду скитальца, но ничего не нашел. Страх молотом стучал в висках. Он должен найти эльфиниты! Взгляд долинца упал на руки Кефело. Правая рука вцепилась в мокрую землю — жест говорил о невыносимой боли. Левая была вытянута вперед и сжата в кулак. Долинец глубоко вдохнул и потянулся к ней. Один за другим он отгибал заострившие пальцы. Синий свет мерцал на холодной ладони, и Вил облегченно закрыл глаза. Очевидно, скиталец пытался использовать их как защиту — ведь он видел их сокрушающую силу, — но камни не ответили ему, и он умер, продолжая сжимать их в кулаке.

Долинец взял камни, зачем-то вытер их о рубашку и положил обратно в кожаный кошель. Поднявшись, он прислушивался к пронзительному крику ветра. Только теперь Вил ощутил головокружение от запаха смерти. Он вспомнил мертвых эльфов в Беличьем лесу; потом — крепость в Пиконе. Он опять огляделся: лишь одно существо способно на это. Жнец. Но как он нашел их? Как ему удалось выследить их от Пикона до Диких дебрей?

Вил овладел собой и поспешил обратно, к Эретрии. Она все так же неподвижно сидела в седле, темные глаза испуганно блестели.

— Ты нашел его? — шепотом спросила она. — Кефело?

Вил кивнул.

— Он мертв. Они все. — Он помедлил. — Я забрал камни.

Эретрия как будто не слышала его.

— Кто же мог сделать это, целитель? Какой-нибудь зверь? А может быть, эти сестры-ведьмы? Или?..

— Нет, Эретрия. Я знаю кто. Он преследует нас с Амбель от самого Арборлона. Я-то думал, что мы избавились от него у Скалистого отрога, но он снова нашел нас. Только как?

— Это — бес? — Голос Эретрии дрожал.

— Это не простой бес. — Вил оглянулся на тела на дороге. — Его имя — Жнец. — Он секунду подумал. — Наверное, он решил, что мы идем с Кефело. Может быть, дождь сбил его со следа. Во всяком случае, он шел за ними и здесь напал...

— Бедный Кефело, — пробормотала Эретрия. — Он слишком много раз играл в одну и ту же игру. — Она помедлила, потом резко обернулась к долине: — Целитель, теперь он знает, что ты не пошел на восток. И куда, ты думаешь, он направился теперь?

Вил и Эретрия молча смотрели друг на друга. Они оба знали ответ.

У самого края Лошин Амбель сжалась в тени кустарника, где Вил спрятал ее, и прислушивалась к звукам ночи. Темнота окутала Дикие дебри черным покровом, непроницаемым и густым; девушка была как будто заперта в ней. Амбель могла только слышать, как невидимые существа крадутся во мраке. Она знала, что Вил вернется не раньше чем на рассвете, и, чтобы время прошло быстрее, попыталась заснуть. Но сон не шел: лодыжка болела, и мысли теснились в голове — о Виле, о девушке, об опасностях. Наконец Амбель поняла, что заснуть ей так и не удастся. Она теснее прижалась к земле: надо слиться с ночным лесом — неподвижным, невидимым и спокойным.

Никто из лесных тварей не приблизился к ней — они бродили где-то в глубине леса, подальше от края Лошин. Пару раз что-то пролетало у нее над головой: хлопанье крыльев на мгновение разрывало тишину, а затем исчезало во тьме. Время шло, глаза Амбель слипались.

Потом внезапный холод охватил ее. Амбель проснулась и зябко потерла руки. Холод растаял, вернулось тепло летней ночи. Амбель неуверенно огляделась: все было по-прежнему — тихо и неподвижно. Эльфийка глубоко вздохнула и снова закрыла глаза. Холод тут же вернулся. На этот раз Амбель не торопилась открывать глаза, она ждала, не шевелясь, стараясь определить источник этого странного холода. Он шел изнутри. Амбель ничего не могла понять. Холод, мучительный, леденящий, где-то внутри, он рвался наружу, подчинял себе, заволаживал, как прикосновение... смерти.

Амбель открыла глаза. Она поняла. Это было предупреждение — она почувствовала: что-то идет сюда, чтобы убить ее. Кто-то другой, возможно, не придавал бы значения столь смутному ощущению, сочтя его за игру воображения, — кто-то другой, но не Амбель. Подобное происходило с ней и раньше, и

она уже знала, что просто так ничего не случается, поэтому лучше доверять своим предчувствиям.

В полном смятении Амбель рванулась вперед. Что-то идет за ней, что-то жестокое и неумолимое. Она не может спрятаться, не может сопротивляться. Она может только бежать. Стараясь не обращать внимания на боль в ноге, Амбель выскользнула из своего укрытия и, пригнувшись к земле, бросилась во мрак леса. То, что пришло за ней, теперь было близко — Амбель ясно ощущала его присутствие; что-то огромное, черное бесшумно кралось в ночи. Внезапно она подумала о Виле. Если бы только он был здесь, он бы спас ее! Но его не было. Ей надо спастись самой и делать это как можно быстрее.

Но куда бежать? Здесь было только одно место, куда эта тварь, может быть, не решится сунуться, — Лощины. Страх захлестнул ее: она боялась Лощин не меньше, чем того, позади. Она взглянула на черную вершину Острия Земли, и это немного ее ободрило. Вот куда ей надо идти. Именно там Вил будет искать ее.

Амбель пробиралась вперед, почти на ощупь. Она старалась ступать как можно тише, чтобы не выдать себя, только башмаки слегка поскрипывали.

Амбель остановилась и присела на ствол упавшего дерева, потирая ногу. После ходьбы лодыжка распухла и болела. Амбель вглядывалась в темноту, напряженно прислушиваясь. Ничего. То, что пришло за ней, было еще наверху.

«Все равно, — подумала Амбель, — надо пробраться поглубже в Лощины».

Глаза эльфийки постепенно привыкли к темноте, теперь она могла различить смутные силуэты деревьев и кустов вокруг. Пора уходить.

Она заставила себя подняться и, прихрамывая, пошла вперед, стараясь как можно меньше опираться на больную ногу. Она шла очень медленно, от одного дерева к другому, с каждым шагом боль в ноге нарастала. Здоровая нога тоже болела от постоянного напряжения; Амбель начала уставать.

Наконец пришлось остановиться. Тяжело дыша, девушка опустилась на прохладную землю. Она попыталась успокоиться и прислушаться к своим ощущениям. Какое-то мгновение она ничего не чувствовала, потом холод вновь овладел ею, про-

низывающий, жгучий. Амбель задержала дыхание. Тот, кто гнался за ней, был уже здесь, в Лощинах.

Она опять заставила себя встать и пошла вперед, слепо пробираясь сквозь мрак. Ей вдруг пришло в голову, что она просто кружит на одном месте, но девушка поспешила отбросить эту мысль. Теперь она все время спотыкалась и падала. Проходили минуты, но Амбель давно потеряла счет времени. Вокруг гушчалась тьма. И тишина.

Кровь бешено стучала в висках. Плача от бессилия, она поползла вперед. Камни и сухие ветки царапали ее ладони, нога нестерпимо болела. Нет, она не уступит. Эта тварь ее не достанет. Потом Амбель стала думать о Виле. Она вспомнила выражение, которое появилось на его лице, когда она сказала, что любит его. Не надо было говорить этого. Но в тот момент она не могла промолчать. Теперь она сама удивлялась себе. И еще это изумление в его глазах... Но ей так нужно было сказать!

Вил! Она повторяла его имя как заклинание, способное отвести зло, которое преследует ее. Мысли ее блуждали. Вдруг девушка почувствовала присутствие других существ, быстрых, бесшумных, вместе с ней они пробирались сквозь ночь.

«Маленькие человечки», — подумала Амбель.

Но где тот, что ищет ее? Далеко? А может быть, совсем рядом?

Эльфийка ползла вперед, пока силы окончательно не оставили ее; потом она просто легла на землю.

«Конец», — подумала Амбель.

Она закрыла глаза и приготовилась к смерти. Через секунду она заснула. И не почувствовала, как узловатые деревянные руки подняли ее и понесли.

Глава 41

Вил и Эретрия скакали по каменистой дороге прочь от Свистящего кряжа. С каким-то дерзким спокойствием, низко пригнувшись к шеям коней, всадники летели вперед, полагаясь лишь на удачу и на чутье лошадей.

Только теперь Вил осознал, что Жнец обязательно повернет назад и в конце концов отыщет дорогу, по которой они с

Амбель дошли до Лошин; а там, в конце этой дороги, — Амбель, одна, беспомощная и беззащитная. Долинец не мог больше думать ни о чем другом. Если он не успеет раньше демона, Амбель умрет, и только он, Вил, будет виноват в этом. Перед глазами встала картина смерти скитальцев. Прильнув к седлу, он пришпорил коня.

Эретрия, не мешкая ни секунды, рванулась за ним. Конечно, теперь это было уже не обязательно — Кефело мертв, и она больше не нуждается в покровительстве долинца. Она больше никому не принадлежит, только сама себе. Через какую-нибудь пару часов она могла бы благополучно выбраться из долины, умчаться подальше от этой ужасной твари, которая убила Кефело и всех остальных. Да, могла бы, но Эретрии и в голову не пришла такая мысль. Она думала только о Виле: вот он опять уезжает без нее, опять бросает ее одну. Уязвленная гордость, упрямство и то влечение, которое она испытывала к долинцу, — все чувства вспыхнули и перемешались. На этот раз она не позволит так поступить с ней.

Они неслись на помощь Амбель. Вил Омсфорд летел как одержимый и очень скоро потерял всякое представление о том, где он находится и куда надо ехать. Он спустился с кряжа, в лесу его тут же окутали мрак и туман — Вил едва различал темные силуэты деревьев вокруг. Услышав позади стук копыт, он понял, что Эретрия едет за ним. Вил тихо выругался про себя, но тут же забыл о девушке. Надо как-то найти обходную дорогу на юг. Вил сосредоточился на этом и, конечно же, проехал мимо. Если бы Эретрия не окликнула его, он так бы и ускакал на восток, к горной стране. Услышав крик Эретрии, он все-таки обернулся и поехал обратно. Теперь уже Эретрия летела впереди долинца.

Это была безумная скачка. Даже острые глаза Эретрии с трудом различали дорогу, выходящую по ночному лесу. Несколько раз их кони едва не упали, перепрыгивая через овраги и бревна, преграждавшие дорогу. Но это были кони скитальцев, выученные лучшими во всех Четырех землях всадниками, и они чутко откликались не только на неистовые крики Эретрии, но и на почти полную неподвижность Вила.

Наконец они выехали на дорогу, по которой долинец с эльфийкой пришли к Лошинам; ветви деревьев хлестали всадни-

ков по щекам, из-под копыт тяжелыми брызгами разлеталась грязная жижа из луж на дороге. Не замедляя хода, Вил и Эретрия свернули на юг. Время шло.

Вот и Лощины — бездонная черная яма. Всадники резко натянули поводья и спрыгнули на землю, вглядываясь в лесной мрак. Тишина нависла над Лощинами, глубокая, всепроникающая, густая. Вил принялся искать кусты, где он оставил Амбель, но в кустах никого не было. На мгновение его охватила паника. Он пошарил глазами вокруг: может быть, Амбель оставила ему какой-нибудь знак? Тревога возрастала. Где же Амбель?

«Наверное, это просто не те кусты», — внезапно подумал он и с надеждой оглянулся вокруг.

Других таких, даже похожих, поблизости не было. Все правильно, именно здесь он и оставил Амбель.

Эретрия бросилась к нему.

— Где она?

— Не знаю, — прошептал Вил; пот стекал по его лицу. — Я никак не найду ее.

Ему стоило огромных усилий держать себя в руках.

«Спокойно, — сказал он себе, — подумай. Одно из двух: либо она убежала, либо Жнец уже настиг ее. А если она убежала, то куда?»

Вил поглядел на Лощины.

«Только туда, — решил он, — к Острию Земли».

А если Жнец добрался до нее, что тогда? Нет, тут же понял долинец, он не заметил никаких следов борьбы. Ведь должна же была она хоть как-то сопротивляться или оставить ему какой-нибудь знак!

Если же она убежала, ей, конечно, следовало быть очень осторожной и не оставлять за собой следов, чтобы Жнец не понял, что она вообще была здесь.

Вил глубоко вздохнул. Да, скорее всего, она убежала. Но затем еще одна внезапная мысль пронзила долинца. Он строит все свои догадки на том, что Амбель убежала именно от Жнеца. А если это был не он, а что-то другое, что вышло, например, из Лощин? Вил закусил губу. Положение безвыходное. В такой темноте невозможно отыскать дорогу и уж тем более — чьи-то следы. Но, с другой стороны, нельзя и ждать до утра: возможно, тогда уже будет поздно... или...

Или ему придется использовать эльфийские камни.

Вдруг Эретрия резко схватила его за руку, он даже вздрогнул от неожиданности.

— Целитель, — прошептала Эретрия, — кто-то идет!

Вил почувствовал холод в груди и проследил за взглядом девушки; она не отрываясь смотрела на дорогу, по которой они только что пришли. В сумраке что-то двигалось. Страх охватил долинца: рука сама нащупала и вытащила кошель с эльфийскими камнями. Эретрия тоже напряглась и быстрым движением выхватила из сапога длинный кинжал. Они вместе наблюдали за приближающейся тенью.

— Ну хоть теперь-то остановитесь! — услышали они знакомый голос.

Долинец медленно опустил руку, сжимающую эльфийские камни, девушка убрала кинжал. Это был голос Хебела. Эретрия пробормотала что-то себе под нос и отправилась за лошадьми, которые забрели в лесные заросли.

По дороге устало тащился Хебел, Шльнд не отставал ни на шаг. Старик был одет в кожаный костюм лесоруба, за спиной он нес набитую котомку, на плече — длинный лук и колчан, полный стрел, на поясе висел охотничий нож. Он шел согорбившись, тяжело ступая и опираясь на грубо выструганный дорожный посох. Когда старик подошел, Вил и Эретрия увидели, что он с головы до ног заляпан грязью.

— Вы чуть было не раздавили меня! — недовольно заворчал он. — Вот, посмотрите! Но если бы я имел глупость остаться на дороге подольше, я бы сейчас был не только весь в грязи, но и в отпечатках копыт ваших лошадок... Да. Откуда вы взяли, что именно так ездят по лесу? Черно, как под землей, а вы летите, словно теперь ясный день. И чего вы не остановились, когда я вас окликнул, тысяча драных кошек?

— Ну... мы просто не слышали, — в замешательстве ответил Вил.

— Это потому, что вы не тем местом слушаете! — Хебел не принял его извинений, он наклонился поближе к долинцу. — Мне потребовался целый день, чтобы добраться сюда, — целый день! И без коня, смею заметить. Вы-то чего так застряли? Судя по тому, как вы летели минуту назад, вам впору было бы прийти сюда и уйти этак с полдюжины раз. — Старик поймал на себе

взгляд Эретрии, которая привела коней.— Ну а ты что тут делаешь? И где эльфийка? Надеюсь, ее не схватила та мерзость?

Вил вздрогнул.

— Так ты знаешь о нем? О Жнеце?

— Жнец? Если это так называется, то да, знаю. Он сегодня приходил ко мне — сразу же после того, как вы ушли. Тебя искал, как теперь оказалось, хотя тогда я еще не был уверен. По-настоящему я эту штуку не видел — просто за деревьями кто-то возился. Думаю, если бы я увидел его поближе, меня бы теперь здесь не было.

— Я тоже так думаю, — согласился долинец. — Кефело уже нет — и остальных. Мы их нашли у Свистящего кряжа.

Хебел спокойно кивнул.

— Я всегда думал, что рано или поздно Кефело именно так и кончит.— Он взглянул на Эретрию.— Прости, девочка, но это правда.— Старик снова повернулся к долинцу.— Итак, где же маленькая эльфийка?

— Этого я не знаю, — ответил Вил.— Мне пришлось вернуться...— Он колебался.— Вернуться за одной вещью, которую я случайно оставил у Кефело. Амбель подвернула ногу и не могла идти — она спряталась здесь, в кустах. Я вернулся по другой дороге, не по той, по которой пришел, иначе я бы тоже был уже мертв. Там я нашел Эретрию, или, вернее, это она меня нашла; а потом, когда мы увидели, что случилось с Кефело, мы поспешили обратно. Но теперь пропала Амбель, и я даже не знаю, что здесь произошло: был ли тут Жнец, или он все еще у кряжа.

— Он пришел ко мне, но сразу ушел, — сказал Хебел.— Мы со Шлындом выслеживали его, а он, значит, выслеживал вас. Жнец сбился с пути на развилке: он пошел на восток, к Свистящему кряжу, а мы со Шлындом — за вами, на юг. Но та дорога тоже сворачивает к югу. Эта мерзость наверняка рыщет где-то здесь. Это опасно, эльфин!

— Спроси у Кефело, насколько опасно, — пробормотала Эретрия, оглядывая лесной сумрак.— Целитель, можем мы наконец убратся отсюда?

— Не раньше чем узнаем, что случилось с Амбель, — твердо ответил Вил.

Хебел хлопнул рукой об руку.

— Ну-ка покажи мне, где ты ее оставил?

Вил направился к зарослям кустарника — Эретрия, Хебел и пес шли следом — и молча указал на просвет, ведущий внутрь. Старик так же молча заглянул туда, потом свистнул, подзывая Шлында. Он что-то тихо сказал псу, тот обнюхал землю и направился к краю Лошин. Остальные стояли на месте и наблюдали.

— Шлынд взял след, — с удовлетворением пробормотал Хебел. Пес остановился и тихо зарычал. — Она внизу, в Лошинах, эльфин. И Жнец тоже там. Может быть, еще идет за ней. Больше я ничего сказать не могу.

— Значит, нам немедленно надо ее отыскать. — Вил решительно шагнул вперед.

Хебел схватил его за руку.

— Не стоит бросаться туда сломя голову, эльфин. Помни, что это Лошины. Там никто не живет, только сестры-ведьмы и их прислужники. А остальные... Стоит только ступить туда — один шаг, и они засосут тебя целиком. Лошины. Я знаю. Так говорила мне Малленрох, шестьдесят лет назад. — Старик покачал головой. — Ничего не ускользнет от сестер. Теперь эльфийка либо с одной из них, либо мертва. И эта дрянь тоже.

Вил побелел.

— Ведьмы их убьют, Хебел?

Старик подумал, прежде чем ответить:

— О, только не девушку. По крайней мере не сразу. А эту мерзость — да, убьют. И не думай, что они не смогут, эльфин.

— Я вообще не знаю, что и думать, — медленно проговорил Вил. Он смотрел вниз, в бездонный мрак Лошин. — Я знаю только одно: надо спуститься туда и найти Амбель. Прямо сейчас.

Он собрался было сказать что-то Эретрии, но девушка опередила его.

— Не трать слова понапрасну, целитель. Я иду с тобой.

Она сказала это так, что Вил понял: спорить бесполезно. Он неуверенно взглянул на Хебела.

— Я тоже иду, эльфин, — отрезал старик.

— Но ведь ты сам говорил, что никто — никто! — не ходит в Лошины, — напомнил ему Вил. — Не понимаю, зачем ты вообще пришел сюда?

Хебел пожал плечами.

— Потому что теперь не имеет никакого значения, где я — там или здесь. Уже давно. Мне все равно. Я старик: в этой жизни я делал только то, что хотел, был там, куда мне хотелось пойти, и видел все, что хотел повидать. Теперь у меня ничего не осталось, ничего. Может быть, только это. Я хочу посмотреть, что там внизу, в Лощинах. Мне терять нечего. — Он печально покачал головой. — Я думал об этом все шестьдесят лет. Так, иногда. И всегда говорил себе: когда-нибудь я это сделаю, я посмотрю, что там. Это как глубокий омут — всегда интересно, что же там, на дне. — Он теребил бороду. — Нормальный человек не стал бы тратить время на подобные дела, а я был нормальным человеком, когда был помоложе, хотя, подозреваю, кое-кто думал и по-другому. А теперь я устал быть нормальным, я устал сидеть и думать: «А что там?» и «Как бы спуститься вниз?» — вместо того чтобы просто взять да и спуститься. Ты помог мне решиться. Когда я узнал, что ты туда собираешься, я стал тебя отговаривать, точно так же, как когда-то отговаривал себя. Я был уверен, что ты быстро откажешься от своих намерений, когда услышишь все, что я скажу тебе. Но я ошибся. Я вдруг понял: то, что ты ищешь — что бы там ни было, — это настолько важно, что даже страх не может тебя остановить. Почему же он останавливает меня? — подумал я. А потом, когда этот Жнец прошел так близко и я почувствовал рядом смерть, я понял, что страх больше не имеет для меня никакого значения. Единственное, что имеет значение, — это Лощины. Я должен наконец посмотреть, что там. Поэтому я и пошел за вами. Что бы ты ни искал, мы вполне бы могли поискать это вместе.

Вил все понял.

— Что ж, надеюсь, мы оба найдем то, что ищем.

— И потом, может ведь так получиться, что я тебе помогу, — пожал плечами старик. — Здесь владения Малленрох. Возможно, она еще помнит меня... — На какое-то мгновение мысли старика унеслись далеко, затем он опять обратился к Вилу: — Шлынд может идти по следу сколько нужно. — Он тихо присвистнул. — Ну-ка веди нас вниз, приятель. Вперед!

Шлынд скрылся за деревьями. Эретрия расседлала коней и шлепнула обоих по бокам — они галопом унеслись в лес. Потом она присоединилась к Вилу и Хебелу. Друг за другом они молча ступили в Лощины.

— Шлынд проведет нас недолго, — твердо заявил Хебел. — Малленрох сама нас найдет. И очень скоро.

«Если это действительно так, — с надеждой думал Вил, — значит, она уже нашла и Амбель».

Эльфийка проснулась в полной темноте. Ее разбудило слабое покачивание — те, кто нес ее на руках, беспорядочно теснились и толкали друг друга. На мгновение Амбель охватил настоящий ужас. Длинные узловатые пальцы крепко держали ее за ноги, за руки, за шею. Эльфийка подавила в себе желание немедленно вырваться, отчаянным усилием заставив себя успокоиться. Они еще не знали, что она проснулась. В этом было пусть небольшое, но преимущество. По крайней мере, пока она не разобралась, что к чему, ей надо притвориться спящей.

Амбель даже не знала, сколько времени она спала. Может быть, несколько минут, а может, и часов. Потом она поняла, что странные существа, которые куда-то несут ее и которых она даже не видит, — это совсем не то, от чего она убегала. Если бы та тварь нашла ее, она бы просто-напросто убила Амбель. Нет, здесь что-то другое. Старик Хебел говорил, что в Лощинах живут ведьмы. Может быть, одна из них и схватила ее?

Амбель попыталась осмотреться и запомнить как можно больше, но это было непросто. Если бы не знакомые запахи леса, Амбель, наверно, так и не поняла бы, где она находится.

Время шло. Амбель стала думать о Виле. А что бы он сделал на ее месте? Она улыбнулась своим мыслям. Он бы уж точно что-нибудь придумал. Амбель тревожилась лишь об одном: увидит ли она его снова?

Мышцы заныли, и эльфийка решила как-то переменить положение, при этом не выдав себя. Будто зашевелившись во сне, она вытянула ноги.

Откуда-то послышался звук бегущей воды, с каждой секундой становившийся все громче, Амбель даже почувствовала ее свежий, смешанный с ароматом диких цветов запах. Ручей, а может и маленькая речка, тревожил тишину ночного леса. Потом раздался легкий топот по деревянному настилу — Амбель поняла, что ее несут по мосту. Лязгнули и гроыхнули цепи, раздался какой-то мягкий, тупой стук. Позади что-то за-

крылось — дверь, очень тяжелая дверь. К запаху леса примешался запах камня и извести. И снова страх охватил Амбель. Она оказалась внутри какого-то огороженного каменной стеной пространства и поняла, что если не попытается выбраться теперь, то рискует остаться здесь навсегда. Деревянные руки крепко держали ее и, похоже, не собирались отпускать. Амбель знала, что у нее не хватит сил, чтобы вырваться. Но если даже она вырвется, куда бежать?

Впереди открыли еще одну дверь, она слегка скрипнула. Но и теперь эльфийка не увидела ни малейшего проблеска света: вокруг не было ничего, кроме черноты.

— Хорошенькая штучка! — Голос раздался внезапно, и Амбель вздрогнула от неожиданности.

Ее пронесли вперед. Двери позади закрылись, и запахи леса исчезли. Теперь эльфийка была внутри, только внутри чего? Похитители тащили ее по длинному извилистому коридору, пахло сыростью и плесенью, но был и другой запах — странный, ароматный дым. Амбель глубоко вдохнула его, сразу же закружилась голова.

И вот наконец неожиданно появился свет. Амбель зажмурилась: глаза уже привыкли к темноте. Ее несли по винтовой лестнице вниз. Свет мерцал повсюду, на мгновение гас за спиной и несся следом, качаясь во тьме причудливыми бликами.

Потом все остановилось. Амбель почувствовала, что ее опустили на толстую циновку, деревянные пальцы разжались. Она тут же приподнялась на локтях и стала осматриваться, шурясь от яркого света. На мгновение он как будто навис над ней, потом медленно отступил, дверь с шумом захлопнулась, свет исчез.

Но все же Амбель удалось мельком увидеть своих похитителей, на миг их хрупкие фигурки ясно выступили на белом светящемся фоне. Человечки. Сплетенные из прутьев.

Уже на дне Лощин Вил объявил привал. Стояла крошечная тьма: ни он не видел своих спутников, ни они — его. Если так пойдет дальше, они очень скоро потеряют друг друга.

Выход из положения нашел Хебел. Он достал из сумки длинную веревку, привязал один ее конец к ошейнику Шлында, обмотал себя вокруг талии, потом — Вила и Эретрию. Теперь

они могли следовать друг за другом, не рискуя потеряться. Старик еще раз проверил веревку, потом что-то шепнул Шлынду. Пес направился вперед.

Вилу казалось, что они идут по Лощинам уже много часов, вслепую пробираясь сквозь дремучие заросли, положившись лишь на чутье пса. Они не разговаривали, даже ступать старались как можно тише: где-то здесь, в этом лесу, бродит Жнец. Никогда раньше Вил Омсфорд не чувствовал себя таким беспомощным, как теперь. Он постоянно думал об Амбель. Если уж он напуган до полусмерти, то как же она? Ему было стыдно за свой страх. Он не имеет права бояться.

Но страх не уходил. Чтобы хоть как-то справиться с ним, Вил крепко сжимал в руке кошель с эльфинитами — это его единственная защита.

Вдруг он заметил, что веревка впереди ослабла. Долинец едва не налетел на Хебела, который остановился как вкопанный. Эретрия натолкнулась на Вила, и все трое встали, сбившись в кучу, напряженно глядя в мрак.

— Шлынд что-то нашел, — прошептал Вилу старик.

Пригнувшись пониже, он пробрался вперед, туда, где пес тревожно обнюхивал землю. Вил и Эретрия не отставали ни на шаг.

— Малленрох, — мечтательно прошептал Хебел. — Она забрала эльфийку.

— Ты уверен? — Вил тоже говорил тихо.

Старик кивнул.

— Так и есть. А эта тварь, Жнец, — его здесь не было. Шлынд больше не чует его.

— И что же нам делать теперь? — тревожно спросил Вил.

— Идти дальше, — хмыкнул Хебел. — Шлынд, вперед, малыш.

Они продолжили путь: пес — впереди, трое людей — следом. Время шло, начало светать. Поначалу Вил думал, что это ему только кажется, но в конце концов понял, что ночь действительно уходит и начинается новый день. Кусты и деревья вокруг обретали форму, бледный свет солнца пробивался сквозь густую листву.

Внезапно Шлынд поднял голову и остановился. Люди тоже застыли, пораженные. Впереди на дороге стояло какое-то стран-

ное существо — никто из них никогда не видел ничего подобного. Это был человек, сплетенный из тоненьких прутьев, — туловище, две ноги, две руки; на концах рук и ног шевелились, как длинные пальцы, скрюченные корни. И у него совсем не было головы. Однако он явно стоял к ним лицом — они так решили потому, что пальцы-корни указывали прямо на них. Хрупкое тельце слегка покачивалось, как молодое деревце под внезапным порывом ветра. Потом человек развернулся и направился обратно в лес.

Хебел быстро взглянул на своих спутников.

— Я же вам говорил. Это — работа Малленрох.

Делая им торопливые знаки, старик двинулся за человеком. Вил и Эретрия в сомнении переглянулись, но все же пошли следом. Вскоре другой деревянный человек, точно такой же, как первый, возник рядом с ними — безголовое корявое существо, слегка потрескивающее при ходьбе. Люди едва успели заметить его, как еще дюжина человек окружила их со всех сторон — как призраки леса, они появились из-за деревьев.

— Я говорил вам, — не унимался Хебел, его морщинистое лицо выражало крайнее волнение.

Потом лес поредел. Путешественники вышли к одинокой каменной башне — она стояла на вершине небольшого бугра, поднимаясь высоко над деревьями. Древний камень истерся и густо зарос плющом и мохом. Бугор был, как остров, окружен водой: неширокая, но быстрая речушка вытекала из леса откуда-то позади башни, спускалась вниз невысокими порогами и, извиваясь, скрывалась в чаще. Низкая стена окружала башню, подступая почти к самой воде; деревянный подъемный мост — единственный проход к башне — соединял берега речушки. Сейчас мост был пуст. Повсюду вокруг росли огромные древние дубы — их сучья переплелись, закрывая утреннее небо.

Деревянный человек, который привел их сюда, остановился и обернулся, будто, несмотря на отсутствие головы, все же хотел увидеть, здесь они или нет. Потом направился прямо к мосту. Хебел без колебаний пошел за ним. Шлынд не отставал от хозяина. Вил и Эретрия чуть задержались. В отличие от старика они были совсем не уверены, что следует идти дальше.

Чем-то зловещим веяло от одинокой башни: не надо бы заходить туда. Им бы вообще не следовало подходить к ней так близко. Но Вил чувствовал: именно там он найдет Амбель. Он поглядел на Эретрию, и они молча направились за Хебелом.

Деревянный человечек ступил на мост, прошел по нему и скрылся в тени ворот. Люди последовали за ним. Едва они вошли во внутренний двор, как сзади заскрипели железные цепи. Мост поднялся, плотно закрыв выход.

Теперь пути назад не было. Держась ближе друг к другу, путешественники шли к башне. Деревянный человечек ждал, стоя в высокой нише у обитых железом дубовых дверей. Одна створка была открыта. Человечек ступил туда и исчез. Вил долго смотрел вверх, на черный камень башни, потом вытащил из-под рубашки кошель с эльфинитами и вместе со своими спутниками вошел внутрь.

Какое-то время они стояли, слепо вглядываясь во мрак. Потом дверь захлопнулась, кто-то закрыл замок. Из стеклянного шара, подвешенного к потолку, заструился сияющий белый свет, мягкий и ровный, совсем не похожий на желтый дрожащий свет горящего пламени. Повсюду стояли деревянные человечки, их корявые тени лежали на стенах, тихо покачиваясь.

Вдруг откуда-то появилась женщина, одетая в черное, побеги лилового паслена сплетались с одеждой и волосами.

— Малленрох! — прошептал Хебел, и Вил Омсфорд почувствовал, как на него повеяло холодом смерти.

Глава 42

Второй день битвы за Арборлон — день крови и боли, смерти и великого мужества — был днем Андера Элесседила. Всю ночь демоны переправлялись через Поющий родник, группами и по одному, и вот вся черная армия собралась у подножия Каролана, растянувшись по берегу насколько хватало глаз и наводя ужас. На рассвете демоны атаковали город. Они с воплями бросались на Эльфитч, свирепые, обезумевшие от ненависти. Они заполнили весь склон, карабкались вверх по отвесным стенам утеса, пробираясь сквозь град эльфийских стрел. Демоны шли вперед черной волной, казалось, она вот-вот сметет защитников и погребет их под собой.

И именно Андер Элесседил остановил ее. Не было больше усталости, не было разочарования и безысходности, не было сомнений, которые преследовали его после поражения в Клине Хельса. Андер снова поверил в себя и в нестигаемую решимость тех, кто сражался бок о бок с ним. Это был великий день в истории эльфийского королевства, и принц Андер был главным героем этого дня. Он сплотил вокруг себя армии четырех народов. Боевые знамена реяли на утреннем ветру: серебряные орлы и сплетенные ветви дуба — эмблемы эльфийского войска; серо-красные ленты Вольного корпуса и черные кони на знамени Старой гвардии; изгиб Серебряной реки на зеленом поле — у карликов; молот и синие горы на стяге горных троллей Кершалъта. Никогда раньше не развевались эти знамена вместе. Никогда раньше, за всю историю Четырех земель, эти армии не объединялись, чтобы вместе сражаться с общим врагом. Тролли и карлики, эльфы и люди — народы нового мира вместе противостояли злу мира древнего, и в этот единственный, великий день Андер Элесседил вел их, вдохновляя своей отвагой и решимостью.

Казалось, что он одновременно был везде: на вершине утеса и у нижних ворот Эльфитча, когда на коне, когда пешком, но всегда — в самом горячем месте боя. И всегда — впереди: кольчуга ярко сверкала на солнце, посох Элькрис высоко поднят. Демоны рвались к нему. Там, где появлялся Андер, раздавались приветственные крики, силы защитников словно удваивались — и они оттесняли назад напирющую черную массу.

Это был день героев, мужество принца Андера воодушевило защитников Арборлона. Эвентин Элесседил сражался бок о бок со своими солдатами, и уже одно его присутствие здесь, на поле боя, окрыляло эльфов. Алланон, закутанный в свой неизменный плащ, синим огнем сдерживал взбешенных демонов. Дважды демоны прорывались через ворота третьего уровня, и дважды тролли во главе с Амантаром отбрасывали их назад. Сти Джанс и солдаты Вольного корпуса бросились в контратаку и смели демонов с пролета до ворот второго уровня, почти отбив и сами ворота. Эльфийская кавалерия и карлики-землекопы укрепились по краю Каролана и скидывали вниз тех демонов, которым удалось взобраться по скале, минуя Эльфитч.

Временами казалось, что защитники больше не могут удерживать оборону, что им не устоять под натиском черной волны, но войско вел Андер Элесседил, и эльфы выстояли. День прошел, темнота опустилась на Каролан, демоны вновь были вынуждены отступить в лес у подножия утеса, исходя криками бессильной ярости. Защитники Арборлона продержались еще один день. Это был звездный час Андера Элесседила!

Но вдруг все изменилось. С наступлением ночи демоны снова атаковали. Они рвались к воротам третьего уровня, по пути гася факелы, которые зажгли эльфы. Эльфы мужественно сопротивлялись, горные тролли держали ворота, все остальные сражались на стенах. Но на этот раз натиск был слишком силен: в конце концов ворота треснули и разломались на части. Демоны бросились в образовавшийся пролом, сметая все на своем пути.

Демонам, которые, минуя Эльфитч, карабкались прямо по скале, тоже удалось прорваться. Они проскользнули между рядами эльфийской кавалерии, охраняющей утес, и понеслись к городу. Более сотни ринулись к Садам Жизни, к той, что столько веков своей силой держала их в тюрьме пустоты. Но там их встретили воины Черной стражи, которые с начала боя стояли наготове у ворот Садов, полные решимости выполнить свой долг и пусть погибнуть, но защитить древнее дерево — их надежду и силу.

Другому отряду демонов удалось обойти ловушки карликов у разобранной лестницы на южном склоне Каролана: демоны пробили туннель прямо под укреплениями и вышли к вершине утеса. Они двинулись к восточному краю, обогнув Черных стражей и Сады Жизни, пробрались в сумраке за линию сторожевых огней и бросились к городу. Демоны убивали встречающихся им на пути раненых эльфов, которые шли в город с поля боя. И неизвестно, сколько бы эльфов погибло, если бы не патруль карликов-землекопов, которые помогали эльфам охранять подступы к городу. Заслышав крики, они тут же поняли, что демоны пробрались на утес, и поспешили на помощь. Когда закончился бой, лишь трое карликов остались в живых. Из демонов не осталось ни одного.

К рассвету вершина была полностью очищена, но третий пролет Эльфитча остался в руках демонов, и теперь они угро-

жали четвертому. Темные полчища вновь собрались у подножия утеса. Сплошной стеной двинулись они, вопли разорвали утреннюю тишину, идущие впереди тащили тяжелый деревянный таран. Они ударили по воротам — преграда разлетелась на куски, демоны рванулись в пролом. Тролли и эльфы быстро выстроились плотной фалангой — демоны налетели на стену копий и пик, железо глубоко вонзилось в корчащиеся черные тела, но демоны напирали, и эльфам пришлось отступить за укрепления пятого уровня.

Положение было отчаянным. Уже потеряны четыре из семи пролетов Эльфитча. Демоны — на полпути к вершине утеса. Андер возглавил центр обороны, фланги держали Амантар и Керрин с остатками личной гвардии. Казалось, еще чуть-чуть, и демоны прорвутся, но тут на стене появился Алланон. Друид высоко поднял руки, и синий огонь полетел вниз, по всей длине пролета, разметавседающих демонов и обратив ужасный таран в горстку золы. Оглушенные болью и страхом, демоны бросились назад.

Все утро демоны пытались прорвать оборону пятого уровня. Вперед вышли два огра, два великана-людоеда, и навалились на ворота — раз, другой. Дерево трещало, железо стонало — ворота поддались, огры вломились на пятый пролет, раскидав в стороны защитников. Горные тролли пытались остановить их, но великаны быстро разделались с ними. И снова Андер сплотил своих обезумевших от ужаса воинов и повел их вперед.

Конь Эвентина был убит прямо под ним, и старый король упал на дорогу, не доехав до безопасных ворот шестого уровня. Демоны видели это. С жутким воем они рванулись вперед. И настигли бы короля, если бы не Сти Джанс. Вольный корпус преградил демонам путь — мечи кромсали черную массу. Эвентин поднялся на колени, весь в крови, оглушенный, но живой. Керрин поспешил ему на помощь, и солдаты вынесли короля с поля битвы.

Андер Элесседил вышел навстречу чудовищам и высоко поднял посох Элькрис, призывая своих солдат встать рядом с ним. Амантар и Сти Джанс сражались не на жизнь, а на смерть на стенах, но никак не могли добраться до эльфийского принца, и Андер оказался один против целого полчища демонов.

Тогда Алланон свистом позвал к себе Даена, без слов схватил поводья Плясуна из рук удивленного крылатого всадника и вскочил на гигантского рока. В следующую секунду он уже летел вниз, черный плащ развевался как парус. Пронзительно вскрикнув, Плясун опустил в самую гущу демонов и принялся рвать их когтями и клювом. Черная масса рассыпалась. Синее пламя объяло весь пролет. Маг тут же схватил оглушенного Андера, что-то крикнул Плясуну, и рок поднялся в воздух; внизу защитники отступали, прорываясь к спасительным шестым воротам.

Огонь друида полыхал еще несколько секунд, потом затрещал и погас. Взбешенные демоны бросились вслед отступающим эльфам, но карлики-землекопы были уже наготове: со скрипом завертелись железные блоки, цепи, держащие уклон, натянулись в струну, ослабевшие подпорки пролета сдвинулись, вытягиваемые лязгающими цепями. Содрогнувшись, весь пятый пролет обрушился вниз. Демоны скрылись в облаке пыли. Крик и визг заполнили воздух.

Когда пыль осела, защитники увидели, что весь Эльфитч, от шестого пролета до четвертого, представляет собой груды камней и раскрошенных деревянных балок. Придавленные камнями, изуродованные и неподвижные, черные тела демонов покрывали утес. Те, кому удалось выжить, отступали обратно, к подножию скалы, увертываясь от все еще падающих камней и обломков. Наконец все демоны скрылись в лесу.

В тот день наступления больше не было.

Эвентина, страдающего от многочисленных ран, принесли в его спальню. Верный Гаел был уже там, он промыл и перебинтовал раны короля и помог ему лечь в постель. Дардан и Рой встали на страже у дверей спальни.

Но Эвентин не мог спать. Король лежал на кровати, печально уставившись в темный угол комнаты, отчаяние охватило его. Несмотря на помощь, они, похоже, проигрывают битву. Через день или два Эльфитч падет, и демоны выберутся к вершине Каролана. И тогда все будет кончено. Эльфы навсегда потеряют Западные земли.

Эти мысли мучили короля, он понимал: если демоны победят, это будет значить, что Эвентин Элесседил обманул все

ожидания — и не только эльфов, но и всех народов Четырех земель. Теперь, когда демоны вырвались из-под власти Запрета, они не остановятся на Западных землях. А как же его предки — древние эльфы? Получается, что он обманет и их ожидания. Они создали Запрет, но в дальнейшем положились на тех, кто придет следом; они верили, что их потомки сохранят мощь Запрета. И что же? Древний мир изменился необратимо, новые народы забыли об оберегающей их силе. Даже избранники воспринимают Запрет только как часть эльфийской истории, легенду другой эпохи, повествующую о прошлом, быть может — о будущем, но не имеющую отношения к настоящему.

У короля перехватило дыхание. Если город падет, если Западные земли будут потеряны — это его вина. Его! Проницательные синие глаза Эвентина потемнели от бессильного гнева. Восемьдесят два года он живет на этой земле, и пятьдесят из них он — король. Он многого достиг за это время — и теперь может все потерять. Эвентин думал об Арионе, своем сыне, о Каеле Пинданоне, своем верном друге, старом товарище по оружию, думал об эльфах, погибших, защищая Саранданон и Арборлон. Что же, все они умерли напрасно?

Эвентин взял себя в руки. Теперь он размышлял о том, что еще могут сделать эльфы, чтобы сдержать стихию зла. Король тщательно рассчитывал планы будущих сражений, но где-то глубоко внутри все же притаилось гнетущее чувство безнадежности. У них мало сил, слишком мало.

Пытаясь найти ответы на вопросы, загоняющие его в тупик безысходности, король вдруг вспомнил об Амбель. Мысль возникла так внезапно, что даже испугала его. Эвентин сел в кровати. В кошмаре этих последних дней он совершенно забыл о своей внучке, о последней из избранников, о единственной, по словам Алланона, надежде эльфов.

«Что с ней теперь? — печально думал король. — Где она?»

Алланон сказал, что она жива, что теперь она где-то на юге эльфийских земель, очень далеко отсюда. И все же... Не то чтобы Эвентин не верил друиду, но ведь даже маг может ошибаться. И эта мысль угнетала короля. Если Амбель мертва, он не хотел бы узнать об этом. Так будет лучше — не знать. Но он обманывал себя. Ему надо знать точно. Отчаяние нахлынуло на него. Он все теряет: свою семью, свой народ, свою землю —

все, что он любил, что наполнял смыслом его жизнь. В этом была какая-то несправедливость, которую он не мог понять. И с которой не мог примириться, потому что знал: если он примирится, это убьет его.

Свет масляных ламп раздражал короля — он прикрыл глаза. Где же Амбель? Он должен знать. Он должен найти ее и, если понадобится, помочь. Он должен вернуть ее обратно, к себе. Если бы только знать, как это сделать. Эвентин глубоко вздохнул и с мыслями об Амбель погрузился в тяжелый сон.

Когда он проснулся, было темно. Поначалу он даже не понял, что именно разбудило его, сон притупил остроту чувств, рассеял мысли. Какой-то звук, подумал король, крик. Эвентин приподнялся на постели, вглядываясь в непроницаемую тьму. Бледный свет луны пробивался сквозь плотные шторы, чуть освещая пол спальни. Эвентин ждал.

И вдруг он услышал приглушенное рычание, почти мгновенно растворившееся в тишине. Звук шел снаружи, из коридора, где Дардан и Рой стояли на страже. Король медленно сел, изо всех сил напрягая слух. Но опять наступила тишина, настороженная и зловещая. Эвентин передвинулся к краю кровати и осторожно поставил ноги на пол.

Дверь спальни начала медленно приоткрываться, свет из коридора проник в комнату. Эвентин похолодел: в щель протиснулся Манкс, он крался, прикикая к полу, подбираясь к хозяину, сидящему на кровати. Глаза пса мерцали в лунном свете, словно кошачьи, морда была окровавлена. Но больше всего короля испугали передние лапы: они извивались, как руки демона, царапая когтями по полу.

Манкс выполз из полосы света в тень; Эвентин моргнул. В эту минуту он был уверен: то, что ему привиделось, — это всего лишь сон; наверное, ему снится, что Манкс — это не Манкс, а что-то другое, страшное и незнакомое. Пес медленно приближался к нему, теперь король ясно видел, что тот дружелюбно помахивает хвостом. Эвентин выдохнул с облегчением.

«Это Манкс, просто Манкс», — сказал он себе.

— Манкс, хороший мальчик, — начал было король, но внезапно остановился, заметив кровавый след, который пес оставлял за собой на полу.

Потом Манкс прыгнул, целясь прямо в горло хозяину, бесшумно и резко, клыки сверкнули в раскрытой пасти, когтистые лапы вытянулись вперед. Но Эвентин оказался проворнее. Сорвав тяжелый бархатный полог, что висел над кроватью, король швырнул его на пол, несколько раз обернул его вокруг бешено отбивающегося волкодава и кинулся к раскрытой двери. Быстро захлопнув за собой дверь, он задвинул щеколду.

Липкий пот покрыл его тело. Что же это такое? Еще не придя в себя, король побежал прочь от двери и тут же едва не споткнулся о тело Роя: верный стражник лежал в шести футах от двери с перегрызенным горлом, безжизненный и холодный. Мысли Эвентина суматошно мелькали, даже голова закружилась. Манкс? Но почему же Манкс?.. В смятении король бросился дальше по коридору, теперь он искал Дардана. Он нашел его у самого выхода: копье пронзило ему сердце.

Потом дверь королевской спальни с шумом распахнулась, и тварь, притворяющаяся Манксом, возникла на пороге. Окончательно растерявшись, король рванулся к входным дверям и принялся неистово дергать за ручки. Двери заклинило, замки почему-то не поддавались. Старый король повернулся и наблюдал, как зверь крадется к нему, ощерив окровавленную пасть, — все ближе и ближе. Страх захлестнул Эвентина: его поймали в ловушку в собственном доме, некого звать на помощь — во дворце никого нет. Он здесь один.

Чудовище приближалось — его дыхание тягучим скрежетом раздавалось в тишине.

«Демон, — с ужасом понял Эвентин, — демон, притворившийся Манксом — старым, верным псом».

Он вспомнил свое пробуждение после ранения в Саранданоне: уже тогда ему показалось, что с Манксом что-то не так. Он подумал тогда, что пес нездоров. И был не прав. Манкса нет. Он давно уже мертв, много дней или даже недель.

И вдруг он осознал истинную опасность происшедшего. Его встречи с Алланом, их разговоры, которые они так старались сохранить в тайне, все предосторожности, принятые для защиты Амбель, — Манкс был при этом. Или демон, похожий на Манкса. Король вспомнил, как он гладил лохматую голову пса, и мурашки пробежали по его телу.

Демон был уже в дюжине футов, когти скребли по полу, клыки сверкали, и в этот момент что-то взорвалось в Эвентине, что-то вспыхнуло, и эльфийский король забыл свой страх. Ярость переполняла его, клокочущая ярость, — он отомстит за обман, за все смерти, которым виной этот обман, но главное — за беспомощность, которую он испытал сейчас, запертый в ловушке в собственном доме.

Он напрягся. Рядом с убитым Дарданом лежал короткий меч — оружие Эльфийских охотников. Если ему удастся добраться до меча...

Демон бросился на него внезапно, как будто перелетев пространство, которое еще разделяло их, нацелившись прямо в голову короля. Эвентин выставил руки вперед, чтобы защитить лицо, и упал на спину, отчаянно отбиваясь. Когти и зубы вознзились в его руки, но Эвентин собрался с силами и оттолкнул зверя в темную нишу у входа, ударив его ногами в живот. Потом он вскочил, перешагнув через тело Дардана и схватил короткий меч. Выставив меч вперед, Эвентин повернулся лицом к своему врагу.

Первое чувство, которое он испытал при этом, было изумление. Из темной ниши, куда он отбросил Манкса, на короля надвигался демон, теперь совсем не похожий на пса. Он пробирался вперед, меняя на ходу свою форму, — теперь это была мускулистая гибкая тварь, черная и безволосая. Она кралась на четырех лапах, как зверь, но передние лапы заканчивались человеческими кистями, длинные когти царапали пол, зубы ужасающе лязгали. Чудовище подходило кругами; временами вставая на задние лапы, оно передними молотило воздух, шипя от ненависти.

«Маска, — подумал Эвентин и поборол в себе новый приступ страха. — Этот демон может быть всем, чем захочет».

Маска рванулся к нему, когти впились в бок и плечо — одежда Эвентина мгновенно пропиталась кровью. Он поднял меч — слишком поздно. Маска уже отпрыгнул назад. И снова пошел кругами, медленно, как кошка, играющая с полузадушенной мышью. Надо быстрее уворачиваться, решил Эвентин. Демон прыгнул опять, на этот раз целясь когтями в грудь королю, но Эвентин закрылся мечом; развернувшись в прыжке, Маска полоснул когтями по ноге короля. Острая боль пронзила все те-

ло, Эвентин упал на колени, стараясь все же держаться прямо. На миг его взгляд затуманился. Но старый король заставил себя подняться.

Маска выжидал, прижавшись к полу. Когда король встал, демон вновь начал свои круги. Кровь струилась по телу Эвентина, он чувствовал, что слабеет. Пока он проигрывает и эту битву, с горечью подумал король, и единственная возможность выжить — нападать самому. Демон приближался, вертясь и подпрыгивая. Король попытался оттеснить его в угол, но тот проворно отскочил в сторону — слишком быстро для раненого старика. Эвентин остановился: все равно это ничего не даст. Он наблюдал, как демон, шипя, продолжает кружить.

Эвентин решил рискнуть: он притворился, что споткнулся, и тяжело упал на колени. Боль тут же обожгла его, но обман удался. Думая, что силы старика на исходе, Маска ринулся прямо к нему. Но на этот раз Эвентин ждал. Короткий эльфийский меч вонзился прямо в грудь чудовищу. Демон взревел от боли и рванулся назад. Из раны хлестала кровь — зеленовато-бордовая жидкость стекала по гладкому черному телу.

Теперь они стояли лицом к лицу, эльф и демон, оба раненые, оба невероятно напряженные — каждый ждал, что другой на миг ослабит внимание. Снова демон начал кружиться, оставляя на полу кровавый след. Эвентин Элесседил взял себя в руки, он следил за малейшим движением врага. Король тоже был весь в крови, силы покидали его. Боль терзала изодранное тело.

Внезапно Маска прыгнул. Слишком быстро — король ничего не успел сделать, он только отпрянул назад, закрывая лицо и выставив меч вперед. Демон впился в него когтями и упал, увлекая короля за собой. Когти вонзились в грудь Эвентина, зубы плотно сомкнулись вокруг руки — король вскрикнул от боли.

Потом кто-то ударил снаружи в двери, петли вылетели из креплений. Вооруженные воины с криками ворвались в коридор. Пробившись сквозь мрак невыносимой боли, Эвентин закричал. Кто-то услышал его! Кто-то пришел!

Маска встал над поверженным королем, дико воя. Эвентин из последних сил взмахнул мечом. Демон отлетел назад, голова почти отделилась от тела, крик захлебнулся в булькающем хрипении. Когда он упал, десятки мечей вонзились в него.

Маска вздрогнул под ударами. Все было кончено.

Эвентин Элесседил поднялся, все еще сжимая рукою меч, остановившийся взгляд был пуст и тяжел. Король повернулся и увидел Андера — сын шел к нему. И вдруг король упал, ночь сомкнулась вокруг него.

Глава 43

Как сама Владычица Смерть, подошла она к людям: длинные седые волосы густо переплетены лиловым пасленом, черные шелковые одежды мягкой волной ниспадают на каменный пол и шелестят в пронзительной тишине. Она была очень красива: нежное лицо с правильными чертами, кожа — такая бледная, что казалась прозрачной. Время не состарило ее — она существовала вне времени, словно была всегда и будет вечно. Деревянные человечки отступили при ее приближении, слышалось только потрескивание прутьев — тихое шуршание во мраке. Она прошла мимо, не взглянув на своих слуг, ее странные фиолетовые глаза не отрывались от тех троих, что стояли будто прикованные. Она протянула вперед руки, маленькие и хрупкие, ладонями вверх, слегка согнув пальцы, как бы притягивая незнакомцев поближе.

— Малленрох, — снова прошептал Хебел ее имя, в его голосе слышалось ожидание.

Она остановилась и бесстрастно посмотрела на старика сверху вниз. Потом повернулась к Эретрии и, наконец, к Вилу. Под ее взглядом долинец похолодел, его неудержимо трясло.

— Я Малленрох. — Голос ее был далеким и нежным. — Зачем вы пришли сюда?

Никто не ответил. Малленрох мгновение подождала, потом провела бледной рукой в воздухе перед их лицами.

— Лощины запретны для человека. Человеку нельзя приходить сюда. Лощины — мой дом, жизнь и смерть здесь подвластны мне. Тому, кто мне нравится, я дарю жизнь. Но и другие не уходят без подарка. Им я дарю смерть. Так было. И так будет.

Она по очереди посмотрела на каждого, — фиолетовые глаза впивались и не отпускали. Потом они остановились на Хебеле.

— Кто ты, старик? Зачем ты пришел в Лощины?

Хебел судорожно сглотнул.

— Я искал... тебя. Да, тебя.— Слова его спотыкались друг о друга.— Я принес тебе кое-что, Малленрох.

Она протянула руку.

— Так что ты принес мне?

Хебел пошарил в сумке и через мгновение достал отполированную деревянную фигурку, статуэтку, вырезанную из дуба. Это была Малленрох — столь совершенная, точная копия, что, казалось, настоящая Малленрох была лишь бледным отпечатком деревянного оригинала. Ведьма взяла статуэтку из рук старика и оглядела ее со всех сторон, тонкие пальцы медленно скользнули по отполированной поверхности.

— Красивая вещь,— наконец произнесла она.

— Это ты,— зачем-то сказал Хебел.

Она опять посмотрела на него. Вилу не понравился этот взгляд. Улыбка, которой она одарила старика, была бледной и слишком холодной.

— Я знаю тебя,— проговорила она, задумчиво изучая морщинистое лицо Хебела.— Очень давно, у края Лощин. Ты тогда был молод. Я подарила тебе одну ночь...

— Я помню...— взволнованно прошептал Хебел, указывая глазами на деревянную статуэтку.— Я помню... какой ты была.

У ног старика Шлынд прижался к полу и жалобно заскулил. Но Хебел не слышал его. Он потерялся в фиолетовом взгляде. Ведьма медленно покачала головой.

— Это был просто каприз, глупый каприз,— прошептала она.

Держа статуэтку в руках, она отвернулась от старика и подошла к Эретрии. Девушка широко раскрыла испуганные глаза.

— А что ты принесла мне? — Голос ведьмы всколыхнул тишину.

Эретрия молчала. Она с отчаянием посмотрела на Вила, потом — снова на Малленрох. Рука ведьмы прошла перед глазами девушки, жест был одновременно успокаивающим и повелительным.

— Милая вещичка,— улыбнулась Малленрох.— Так ты принесла мне себя?

Эретрию била дрожь.

— Ты любишь этого. — Малленрох внезапно указала на Вила. Теперь она повернулась к нему. — А он, думаю, любит кого-то другого. Может быть, ту эльфийку?

Вил медленно кивнул. Ее странные глаза не отпускали его, слова сковывали, внятные и настойчивые.

— А ты тот, у кого волшебство.

— Волшебство? — пробормотал, заикаясь, долинец.

Она спрятала руки под черным плащом.

— Покажи его мне.

Голос ее околдовывал, и Вил, не сознавая, что делает, протянул кошель с эльфинитами. Ведьма ободряюще кивнула.

— Покажи, — повторила она.

Как зачарованный, не в силах противиться, Вил высыпал камни на раскрытую ладонь. Малленрох глубоко вздохнула.

— Эльфийские камни, — очень тихо сказала она. — Голубые. Для поиска. — Она смотрела Вилу прямо в глаза. — Ведь ты мне подаришь их, правда?

Вил попытался ответить, но холод сковал его, и долинец не смог произнести ни слова. Глаза Малленрох глубоко проникли в него, и Вил ужаснулся. Он понял. Ведьма сама показала ему, что она может с ним сделать.

Но Малленрох отступила.

— Висп! — громко позвала она.

Из мрака выступило маленькое пушистое существо, напоминающее гнома, с морщинистым и иссохшим личиком глубокого старца.

— Да, госпожа. Висп служит госпоже. Только ей.

— Там дары... — Ведьма слабо улыбнулась, голос замер в тишине.

Она сунула ему деревянную статуэтку, потом опять повернулась к Вилу и двинулась вперед. Висп засеменил за ней, путаясь в складках ее плаща. Вил напрягся, но Малленрох прошла мимо.

— Старик, — обратилась она к Хебелу, низко опустив к нему свое бледное лицо, — как ты думаешь, что мне с тобой сделать?

Хебел, похоже, уже пришел в себя — взгляд его больше не был отсутствующим.

— Со мной? Я не знаю.

Улыбка ее стала зловещей.

— Может, ты хочешь остаться здесь, в Лощинах?

— Разве это имеет значение? — Он как будто чувствовал, что она все равно сделает с ним только то, что захочет сама. — Мне все равно. Но эльфины, Малленрох, помогите им. Ты ведь можешь...

— Помочь? Им? — коротко оборвала его Малленрох.

Старик кивнул.

— Если ты хочешь, чтоб я остался, я останусь. Честно говоря, мне и не нужно ничего другого. Но дай им уйти. И помоги.

Она рассмеялась:

— А почему бы тебе самому не помочь им, старик?

— Я уже сделал все, что мог...

— Быть может, не все. Возможно, надо сделать кое-что еще. Ты ведь сделаешь это для них?

Малленрох не сводила с Хебела глаз. Вил понял, что она играет со стариком. Тот заколебался:

— Ну... я не знаю...

— Нет, знаешь, — мягко сказала она. — Посмотри на меня. — (Хебел послушно поднял голову.) — Они твои друзья. И ты хочешь помочь им.

Вил нервничал. Определенно, что-то было не так, но он даже не мог двинуться, не мог крикнуть, чтобы предупредить Хебела. Мельком долинец увидел испуганное лицо Эретрии. Она тоже почувствовала опасность.

И Хебел почувствовал. Но тут же понял, что это уже неизбежно, здесь он бессилен.

— Да, я хочу им помочь.

Малленрох кивнула.

— Ну что ж, помоги.

Она протянула руку, и Хебел прочел в фиолетовых глазах свою судьбу. Шлынд внезапно поднялся, оскалил зубы, но старик опустил руку и удержал пса: теперь уже поздно сопротивляться. Малленрох нежно провела рукой по лицу Хебела, и его тело заостенело.

«Нет!» — попытался крикнуть Вил, но не смог. Да и что бы это изменило? Черный плащ Малленрох взметнулся, накрыв Хебела и Шлында. Мгновение он закрывал их, потом опустил-

ся. Теперь Вил увидел, что Малленрох стояла одна. В руке у нее была деревянная фигурка: старик и собака.

— Теперь ты уж точно им поможешь. — Ведьма холодно улынулась.

Она отдала фигурку Виспу и повернулась к Эретрии.

— А что мне делать с тобой, красотка?

Она подняла руку, и Эретрия упала на колени, низко склонив голову. Малленрох согнула палец, и руки девушки покорно протянулись к ведьме. Слезы текли по ее лицу. Малленрох молча наблюдала за ней, потом повернулась к Вилу.

— Ты ведь не хочешь, чтобы она тоже обратилась в деревяшку? Или эльфийка? Ты уже, конечно, понял, что она у меня. — Резкий голос полоснул долинца как нож.

Ведьма не стала дожидаться ответа, она знала, что он все равно не может ответить. Она низко склонилась к нему — теперь ее холодное лицо было совсем близко.

— Я хочу получить эльфийские камни, и ты мне их отдашь. Ты отдашь их мне сам, эльфин, потому что я знаю: их нельзя отнять силой — тогда они бесполезны. — Фиолетовые глаза прожигали его насквозь. — Я знаю им цену, и, поверь, знаю лучше тебя. Я намного старше этого мира и всех его народов, я старше друидов, которые там, в Параноре, забавлялись с магией. Хотя во мне нет крови эльфов, но во мне — кровь древних родов, вот почему я могу повелевать ими. — Тонкая рука скользнула перед лицом долинца, едва не задев его. — У меня есть сестра, эльфин. Мораг, так она назвала себя. Много веков мы живем здесь, в Лощинах; нас называют «сестры-ведьмы». Мы последние из нашего рода. Так вот, когда-то, очень давно, Мораг навредила мне. Она перешла мне дорогу, и я никогда не прошу ее. Я хочу ее уничтожить, и, когда у меня будут эльфиниты, я сразу покончу с Мораг. Я заставлю ее служить мне, как служат эти деревянные человечки, — прекрасная мысль! Я наконец-то заткну ее ненавистную глотку! Я долго ждала, эльфин. Очень долго!

Голос ее нарастал и звенел, отражаясь от каменных стен, отдаваясь пронзительным эхом в гулкой тишине. Красивое холодное лицо отодвинулось от долинца, тонкие руки сжались под черным плащом. Вил почувствовал, как струйки пота бегут по спине.

— Ты подаришь их мне, — прошептала она. — Эльфийские камни. А я подарю жизнь тебе и твоим женщинам. Двум! Это очень щедрый дар, эльфин. Прими его от меня. Вспомни старика. Подумай о нем, прежде чем примешь решение.

Она выжидающе замолчала. Вдруг дверь в башню открылась, и несколько деревянных человечков робко протиснулись внутрь. Они поспешили к своей госпоже, торопливо перебирая тонкими ножками, и сгрудились вокруг нее. Она на мгновение нагнулась к ним, потом выпрямилась, гневно глядя на Вила.

— Ты привел в Лощины демона! — в ярости закричала она. — Демона! После стольких лет! Надо найти его и уничтожить. Висп, возьми его дар.

Пушистое существо бросилось вперед и ухватило кошель с камнями с беспомощной ладони Вила. Сморщенное личико на мгновение поднялось к долину, потом скрылось в складках плаща Малленрох. Ведьма подняла руку, и Вил почувствовал, что слабеет.

— Итак, помни то, что ты видел, эльфин. — Теперь ее голос был глухим и далеким. — Здесь я владею и жизнью, и смертью. Выбирай сам. Но не ошибись.

Она прошла мимо и пропала за дверью. Силы начали оставлять его, перед глазами поплыл туман.

Последнее, что он запомнил, — пальцы, неживые, деревянные, крепко вцепившиеся в него.

Глава 44

— Вил.

Звук его имени повис, как эхо, заблудившееся во мгле. Мгла же была повсюду. Голос словно доносился издалека, спускался вниз сквозь темноту, прикасаясь к нему во сне. Вил пошевелился, ему казалось, будто он связан и чем-то придавлен. С усилием он открыл глаза и рванулся.

— Вил, с тобой все в порядке?

Это был голос Амбель. Долинец моргнул, заставляя себя проснуться.

— Вил?

Она держала его голову на коленях, низко склонившись к нему, ее длинные волосы лежали на его лице каштановой паутиной.

— Амбель? — сонно произнес долинец и сел. — А я думал, что уже потерял тебя, — выдавил он.

— А я — тебя. — Она мягко засмеялась, тонкие руки обвили его шею. — Ты так долго спал, много часов, с тех самых пор, как они принесли тебя сюда.

Долинец уткнулся в ее плечо. В воздухе носился какой-то дурманящий запах — где-то тлела ароматная трава. Вил понял, что именно от этого запаха у него такая слабость. Он мягко высвободился из объятий эльфийки и огляделся. Они были заперты в камерке без окон, от стеклянного шара, подвешенного к потолку, исходило белое свечение — это был странный ровный свет, совсем не похожий на свет горящего масла или свечи. Теперь Вил разглядел, что одна стена камерки представляла собой толстую железную решетку с дверью, закрытой на несколько задвижек и массивный замок. В камерке не было ничего, кроме кувшина с водой, железного таза, нескольких одеял и трех соломенных тюфяков у дальней стены. Сейчас на одном из них лежала Эретрия, дыхание ее было глубоким и ровным. Прямо за решеткой тянулся коридор, он вел к темной лестнице и пропадал во мраке.

Амбель наблюдала за Вилом, смотревшим на Эретрию.

— С ней все в порядке — она просто спит. Я никак не могла вас разбудить.

— Малленрох, — прошептал Вил, внезапно вспомнив. — Она не сделала тебе ничего плохого?

Амбель покачала головой.

— Она почти не говорила со мной. Поначалу я даже не знала, где я и что случилось. Пока я спала, деревянные человечки принесли меня сюда. Потом пришла она. Сказала, что кто-то ищет меня. И сразу ушла. — Амбель, не отрываясь, смотрела ему в глаза. — Я боюсь ее, Вил. Она красивая, но такая холодная.

— Она просто чудовище. Но как же она нашла тебя?

Амбель побледнела.

— Что-то гналось за мной. Пришлось спуститься в Лощины. Я не видела что, но чувствовала — что-то злое. Оно искало меня. — Эльфийка помедлила. — Я бежала, потом ползла, а дальше ничего не помню. Наверное, тогда деревянные человечки и нашли меня. Вил, это была Малленрох? То, что я чувствовала?

— Нет. Это Жнец.

— И он теперь здесь, в Лощинах?

Вил кивнул.

— Но теперь ведьма знает о нем. Она хочет найти его.— Он мрачно усмехнулся.— Что ж, может, они уничтожат друг друга...

Амбель ничего на это не ответила.

— А как ты нашел меня?

Вил рассказал обо всем, что случилось после того, как он оставил ее у края Лощин: встреча с Эретрией, смерть Кефело, бешеная скачка через Дикие дебри, встреча с Хебелом и Шлындом, путь по Лощинам, деревянные человечки и Малленрох. Потом он сказал Амбель о Хебеле.

— Бедный старик,— прошептала эльфийка, слезы стояли в ее глазах.— Он не сделал ей ничего плохого. Почему она с ним так поступила?

— Мы ее не интересуем,— ответил долинец.— Ей важно одно — эльфийские камни. Она хочет завладеть ими, Амбель. А Хебел... Она использовала его как пример для всех нас, особенно для меня.

— Но ведь ты не отдашь ей камни, правда?

Вил неуверенно посмотрел на нее.

— Отдам, если речь пойдет о спасении нашей жизни. Нам надо отсюда выбраться.

Эльфийка медленно покачала головой.

— Она не даст нам уйти, Вил,— даже если получит эльфийниты. После того что она сделала с Хебелом — нет.

Он мгновение помолчал.

— Знаю. Но может быть, нам удастся как-то договориться. Она согласится на все, чтобы заполучить камни...— Он резко остановился, прислушиваясь.— Ш-ш-ш, кто-то идет.

С лестницы доносилось какое-то пошаркивание. Затем в полосе света возникла маленькая фигурка. Висп.

— Немного поесть,— бодро объявил он, протянув вперед поднос с хлебом и фруктами. Он наклонился и просунул поднос в щель под дверь.— Приятного аппетита! — Он повернулся, чтобы уйти.

— Висп! — позвал его Вил. Пушистое существо обернулось, живые глазки лукаво покосились на долинца.— Давай немного поговорим.

Сморщенное личико растянулось в широкой улыбке.

— Висп может поговорить.

Вил оглянулся на Амбель.

— Как нога? Ты уже можешь ходить?

— Все в порядке, — кивнула эльфийка.

Вил взял ее за руку и подвел к двери. Они молча уселись на пол у подноса с едой. Долинец отломил большой кусок хлеба, медленно прожевал и кивнул с благодарностью.

— Замечательно, Висп.

Пушистое существо улыбнулось.

— Замечательно.

Вил улыбнулся в ответ.

— И долго ты здесь, Висп?

— Долго. Висп служит госпоже.

— А что, госпожа сама тебя сделала, как тех деревянных людей?

Человечек вдруг рассмеялся.

— Деревянные люди, эти, из прутьев, — го-го! Висп служит госпоже, но Висп не из дерева. — Его глазки зазорно блестяли. — Эльф, как ты.

Вил удивился.

— Но ты такой маленький. И шерсть... — Он показал на свои руки, потом на руки Виспа. — Это она?

Висп счастливо кивнул.

— Миленький, говорит она, такой славный. Сделаем Виспа красивым. Будет прыгать, кружиться, играть с деревянными человечками. Лапонька. — Он замолчал, глядя мимо них на спящую Эретрию. — Хорошенькая, — показал он пальцем. — Самая хорошенькая из всех вас.

— А что ты знаешь о Мораг? — Вил как будто и не заметил очевидного интереса Виспа к девушке.

Тот сморщился.

— Злая Мораг. Плохая. Она долго живет в Лощинах. Госпожа и она. Сестры. Мораг — на востоке, на западе — госпожа. Человечки из дерева — у обеих. Висп — только у госпожи.

— А они выходят из Лошин, Мораг и госпожа?

Висп серьезно покачал головой.

— Никогда.

— Почему?

— За Лощинами нет волшебства.— Висп хитро прищурился. Об этом Вил даже не подозревал. Значит, власть сестер не безгранична: они бессильны за пределами Лощин. Теперь понятно, почему никто никогда не сталкивался с ними в Западных землях. Появился хоть проблеск надежды. Если им удастся выбраться из Лощин...

— А почему госпожа так ненавидит Мораг? — спросила Амбель.

Висп минуту подумал.

— Очень давно здесь был человек. Очень красивый, так говорит госпожа. Госпожа хотела его. Мораг хотела его. Обе пытались взять его себе. А человек... — Висп соединил ладони перед собой, потом медленно развел их в стороны. — Его больше нет. Умер.— Он покачал головой.— Мораг убила его. Злая Мораг.

«Злая Малленрох,— подумал Вил.— Но во всяком случае, тут все понятно. Сейчас главное — выяснить, что еще Висп знает о Лощинах».

— А ты сам выходишь из башни, Висп?

Тот гордо задрал подбородок.

— Висп служит госпоже.

Долинец понял это как «да».

— А ты ходил к Острию Земли? — снова спросил он.

— В Оберег,— тут же отозвался Висп.

В наступившей тишине Амбель схватила Вила за руку и ошеломленно глядела на него. На мгновение долинец утратил дар речи, потом кое-как справился с собой и подался вперед, делая Виспу какие-то странные знаки. Настороженно повертев головой, маленький эльф подошел к самой решетке.

— Туннели, много туннелей, они извиваются и уводят вглубь,— сказал Вил.— В этих туннелях легко потеряться, Висп.

Тот помотал пушистой головой.

— Только не Виспу.

— Нет? — Вил изобразил сомнение.— А дверь из стекла, которое нельзя разбить?

Висп секунду подумал, потом возбужденно хлопнул в ладоши.

— Нет-нет, она притворилась стеклом. Просто притворилась. Висп знает. Висп служит госпоже.

Вил пытался понять, что значат эти загадочные слова, как вдруг Висп затыкал пальцем, указывая куда-то позади них.

— Смотрите. Там эта красуня. Такая хорошенькая. Привет-привет.

Вил и Амбель обернулись. Эретрия наконец-то проснулась; она сидела на соломенном тюфяке и потирала затекшую шею, черные волосы падали ей на лицо. Она взглянула на них и хотела было заговорить, но тут увидела, как Вил предупреждающе поднес палец к губам. Теперь она заметила съезжившегося на полу и широко улыбающегося Виспа.

— Красуня, привет,— повторил он, робко подняв руку.

— Привет,— неуверенно ответила она и, увидев отчаянные знаки Вила, изобразила свою самую ослепительную улыбку.— Привет, Висп.

— Поговорим с тобой, красуня.— Висп совершенно забыл о Виле и Амбель.

Эретрия встала на ноги, щурясь со сна, подошла к двери и села рядом с Вилом. Она быстро оглядела лестницу и коридор.

— Так во что мы играем теперь, целитель? — прошептала она; голос ее оставался спокойным и ровным, но в глазах стоял неприкрытый страх.

Долинец не спускал с Виспа глаз.

— Просто пытаемся выяснить, как можно смыться отсюда.

Эретрия одобрительно кивнула, потом сморщила нос.

— А это еще что за запах?

— Какая-то трава. Я не уверен, но, по-моему, она действует одурманивающе. Скорее всего, наша слабость именно от нее.

Эретрия повернулась к Виспу.

— Что за травка, Висп?

Пушистый эльф секунду подумал, потом пожал плечами.

— Славный запах. Никаких забот.

— Да, действительно,— пробормотала Эретрия, глядя на Вила. Потом подарила Виспу еще одну ослепительную улыбку.— Ты можешь открыть эту дверь? — спросила она, указывая на решетку.

Висп широко улыбнулся в ответ.

— Висп служит госпоже, красуня. Оставайся там.

Эретрия не изменила дружелюбного выражения лица.

— А госпожа сейчас здесь, в башне?

— Она ищет демона,— ответил маленький эльф.— Демон очень плохой. Он ломает на части всех ее человечков.— Висп сморщился.— Она покажет ему! — Он потер руки.— Прогонит его.— Теперь он просиял.— Я покажу тебе деревянные фигурки. Старичок и собака. Там, в коробке, много хорошеньких штук вроде тебя.— Он простодушно показал на Эретрию.

Она побледнела и быстро покачала головой.

— Не надо, Висп. Давай просто поговорим.

Висп согласно кивнул.

— Просто поговорим.

Вил прислушивался к их разговору, и вдруг у него возникла одна мысль. Он подался вперед, сжимая руками решетку.

— Висп, а что госпожа сделала с эльфинитами?

Пушистый эльф взглянул на него.

— С камушками? Они в коробке, в такой надежной коробке.

— В какой коробке, Висп? Где госпожа хранит ее?

Висп равнодушно указал куда-то в темноту коридора, он, не отрываясь, смотрел на Эретрию.

— Ну говори, красуня,— попросил он, сморщив нос.

Вил взглянул на Амбель и пожал плечами. Вряд ли от Виспа сейчас добьешься чего-то еще — маленький эльф был занят только Эретрией.

— А ты мне не покажешь эти славные камушки? — вкрадчиво спросила она.— Мне так хочется посмотреть.

Висп хитро прищурился.

— Висп служит госпоже. Верный, хороший Висп.— Он помедлил, как будто обдумывая ее слова.— Я покажу тебе деревянные фигурки, красуня.

Эретрия покачала головой.

— Поговорим еще, Висп. Почему ты остался в Лощинах? Почему не ушел?

— Висп служит госпоже.— Пушистый эльф уже с беспокойством повторил свою любимую фразу.— Никогда не выхожу из Лошин. Нельзя.

Где-то вверху глухо прозвонил колокол. Всего один раз и затих. Висп торопливо поднялся.

— Зовет госпожа,— сказал он, направившись вверх по лестнице.

— Висп! — окликнул его долинец. Пушистый эльф остановился. — А госпожа нам позволит уйти, если я дам ей камни?

Тот как будто не понял.

— Уйти?!

— Покинуть Лощины?

Висп покачал головой.

— Никогда не уйти. Никогда. Деревянные фигурки. Такие хорошие. — Он повернулся к Эретрии: — Красуня для Виспа. Висп будет за ней смотреть, за такой славной. Поговорим еще. Попозже.

Он повернулся и стремительно умчался вверх, в темноту. Узники молча смотрели ему вслед. Вверху опять прозвонил колокол, дрожащее эхо отдалось в тишине.

Первым заговорил Вил:

— Висп мог ошибиться. Ей очень нужно заполучить эльфийские камни. Думаю, она все же позволит нам уйти из Лощин, если я соглашусь отдать их.

Ему никто не ответил. Амбель и Эретрия сидели, съезжившись, на полу, скользя тревожными взглядами по темной лестнице.

— Висп не ошибся, — наконец проговорила Амбель, медленно покачав головой. — Хебел говорил, что никто не ходит в Лощины. И никто не возвращается отсюда.

— Эльфийка права, — согласилась Эретрия, — ведьма ни за что нас не отпустит. Она просто-напросто превратит всех нас в деревьяшки.

— Значит, нам надо что-то придумать. — Вил подергал решетку, проверяя ее крепость.

Эретрия поднялась на ноги, не сводя настороженных глаз с темной лестницы.

— У меня кое-что есть, целитель, — тихо сказала она.

Девушка достала из сапога тонкий железный прутик с загнутым концом. Из другого сапога она вытащила тот самый кинжал, которым грозила Хебелу, когда он неожиданно застал их у края Лощин. С легкой усмешкой Эретрия повертела кинжал в руках, потом сунула его обратно в сапог.

— Как Малленрох не заметила? — с удивлением произнес Вил.

Девушка пожала плечами.

— Наверное, просто забыла приказать этим обрубкам обыскать нас. Она ведь решила, что мы такие беспомощные. Правда, она хорошо для этого потрудилась.

Эретрия склонилась к двери, внимательно изучая замок.

— Что ты делаешь? — Вил подошел поближе.

— Пытаюсь открыть дверь.— Эретрия заглянула в замочную скважину, потом повернулась к долинецу и показала железный прутик.— Отмычка. Без отмычки нет скитальца. Слишком многие неразумные люди пытаются удержать нас под замком. Мне кажется, они нам не доверяют.— Она подмигнула Амбель, та нахмурилась.

— Возможно, у них есть на это причины,— заметила эльфийка.

— Очень может быть.— Эретрия сдула пыль с замка.— Все мы обманываем друг друга. Так, иногда. Разве нет, сестрица Амбель?

— Подожди минутку.— Вил опустился рядом с ней, не обращая никакого внимания на этот обмен любезностями.— Когда ты откроешь замок, Эретрия, что мы будем делать потом?

Девушка посмотрела на него, будто на законченного дурака.

— Потом мы убежим, целитель,— как можно быстрее и как можно дальше от этого мрачного места.

Долинец покачал головой.

— Нет, так нельзя. Нам надо остаться.

— Остаться? — повторила она, не веря своим ушам.

— Ну ненадолго...— Вил быстро взглянул на Амбель и принял решение.— Эретрия, по-моему, самое время объяснить все хитрости и обманы, на которые ты намекала. Послушай меня.

Он кивнул Амбель, она присоединилась к ним, и все трое низко склонились друг к другу во мраке. Долинец быстро рассказал Эретрии, не скрывая теперь ничего, кто такая Амбель, кто он сам, почему они пришли в Дикие дебри и что они ищут на самом деле. Он рассказал ей всю правду, чтобы Эретрия поняла, как важно им найти Источник Огненной крови. Да, здесь, в этой башне, они в большой опасности, но опасность не станет меньше, даже когда они выберутся отсюда. И он бы хотел быть уверен, что, если с ним что-нибудь случится, Эретрия поможет Амбель благополучно выбраться из Лошин.

Он закончил. Какое-то время Эретрия молча смотрела на него, потом повернулась к Амбель.

— Это правда, эльфийка? Тебе я доверяю больше.

Амбель кивнула.

— Правда.

— И ты останешься здесь, пока не найдешь этот источник? Ты твердо решила?

Амбель снова кивнула.

Эретрия с сомнением покачала головой.

— А я могу посмотреть на это семя, которое у тебя?

Эльфийка достала из-под рубашки маленький сверток и бережно развернула белоснежную ткань. Эретрия молча уставилась на серебристо-белую каплю. Постепенно сомнение исчезло из ее глаз, и она опять повернулась к Вилу.

— Я иду с тобой, Вил Омсфорд. Куда ты — туда и я. Если ты говоришь, что вам надо остаться, значит, вопрос решен. Но давай выберемся хотя бы из этой клетки.

— Неплохая мысль,— согласился Вил.— А потом найдем Виспа.

— Виспа?

— Он нам нужен. Во-первых, он знает, куда Малленрох спрятала камни, и, во-вторых, он знает Оберег, его туннели, его секреты. Он знает Лошины. С его помощью мы сделаем то, зачем пришли.

Эретрия кивнула.

— Но сначала мы выберемся отсюда. Я быстро управлюсь с этим замком. А вы сидите тихо и следите за лестницей.

Она осторожно вставила железный прут в замочную скважину и медленно повернула его.

Время шло, Эретрия что-то ворчала себе под нос; с легким скрипом отмычка вертелась в замке, но каждый раз механизм задвиги соскальзывал. Эретрия ругалась. Амбель прижалась к Вилу, ее рука безвольно легла на его колено.

— А если она не откроет? Что тогда? — тревожно прошептала эльфийка.

— Откроет.— Вил не сводил глаз с коридора.

Амбель кивнула.

— А если нет? Что ты будешь делать? — настаивала она.— Ты не должен отдавать ей камни. Я не хочу,— твердо проговорила Амбель.

— Мы это уже обсудили. Я должен вытащить тебя отсюда любой ценой.

— Она уничтожит нас, как только получит камни.

— Вовсе не обязательно. Надо лишь правильно торговаться.

— Слушай меня! — Амбель, похоже, не на шутку рассердилась. — Малленрох не считается с человеческой жизнью. Мы для нее — ничто, кроме, конечно, случаев, когда она использует нас для каких-то своих целей. Хебел почему-то не понял это, когда встретил ее тогда, шестьдесят лет назад. Он видел только ее красоту и очарование — мираж, сплетенный нежным голосом и словами, смутные впечатления, — но все это фальшь, все обман. Он не увидел зла — ее истинной сущности. А потом уже было поздно.

— Я не Хебел.

Она глубоко вздохнула.

— Нет. Я только боюсь, что, тревожась за меня, ты совершишь какой-нибудь необдуманный поступок. Я хочу, чтобы ты не торопился. Поверь мне, я восхищаюсь твоей решимостью, Вил. Ты думаешь, что можешь преодолеть любое препятствие, и непреодолимое в том числе. Я завидую твоей решимости; правда, у меня ее, к сожалению, нет. — Она нежно взяла его за руку. — Я хочу, чтобы ты знал: я во всем полагаюсь на тебя. Назови это как хочешь, но мне нужны твоя сила, твоя уверенность, твоя решимость. Я знаю о твоих чувствах ко мне. Но ты не должен терять голову. Если это случится, тогда нам конец. Обоим.

— Именно на решимость я и рассчитываю. — Вил смотрел ей прямо в глаза. — И я не согласен, что у тебя ее нет. Есть.

— Но ее правда нет, Вил. И Алланон знал об этом. Поэтому он и выбрал тебя. Он знал, как важна нам будет твоя решимость. Если бы не она, мы бы уже давно были мертвы. — Она замолчала, потом добавила едва слышно: — А у меня ее нет. И никогда не было.

— Этому я не верю.

Амбель опустила глаза.

— Ты ведь совсем не знаешь меня, Вил. По крайней мере, не так хорошо, как тебе кажется.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что я совсем не такая... — Она помедлила. — Не такая сильная, какой хотела бы быть, не такая смелая. И еще

я не такая преданная, как ты. Вспомни, Вил, в самом начале, там, у Надежного Приюта. Ты тогда ничего не знал обо мне. Так вот, я тогда сама многого о себе не знала.

— Амбель, ты просто испугалась. Это еще не...

— Да, я очень сильно испугалась, — быстро прервала она. — И боюсь до сих пор. Только мой страх — причина всего, что случилось.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, Амбель? — спокойно спросил Вил.

— Я пытаюсь набраться смелости и сказать тебе одну вещь. Я до сих пор никак не могла заставить себя сказать это. Но сейчас я скажу, потому что потом, скорее всего, уже не будет возможности.

— Тогда скажи. — Вил старался ободрить ее.

— Никто не знает, почему я покинула Арборлон, почему отказалась от службы избранника. Причина в том, что я стала бояться Элькрис. Я не могла даже быть рядом с ней, так я боялась. Это звучит глупо, я знаю, но, пожалуйста, выслушай меня. Я никому не говорила об этом. Думаю, мама тогда поняла, но больше никто. Я не могу упрекать их за это. Мне надо было бы все объяснить, но я не стала этого делать. — Она помедлила. — Когда она избрала меня, мне было трудно. Я хорошо понимала, насколько необычно мое избрание. За пятьсот лет я была первой женщиной, избранной Элькрис, первой женщиной со времен Второй войны рас. Я приняла это, хотя кое-кто был откровенно против. Но я думала, что в этом нет ничего странного, ведь я — единственная внучка Эвентина Элесседила. К тому же моя семья — и особенно бабушка — так этим гордилась.

Да, то, что я — женщина, одно это уже необычно для избранника, но было еще и другое. С первого дня избрания Элькрис почему-то выделяла меня среди прочих. И служение мое было другое, не такое, как у всех. Все знают, что Элькрис вообще редко разговаривает с кем бы то ни было. Она говорит с избранниками в первый день, но потом молчит целый год до следующей церемонии. Со мной же она говорила не раз и не два, а целыми днями. Подолгу и словно с какой-то целью. Я всегда была одна, остальных избранников не было, когда мы беседовали. Она говорила, когда мне приходило, и, конечно, я так и дела-

ла. В это невозможно было поверить: она выделяла меня из всех, она относилась ко мне как-то особенно, и я очень этим гордилась.

Поначалу все было просто чудесно. Она говорила мне о том, о чем никто больше не знал. Она говорила о тайнах земли и жизни на ней — все это было давно потеряно в веках, потеряно или забыто. Она рассказала мне о Великих войнах, о битвах между народами, о рождении новых родов в Четырех землях — обо всем, что стало с землей с начала нового мира. Она рассказывала мне кое-что и о мире древнем, хотя память ее слабела, обращаясь к прошлому. Я поняла не все, немного. Например, о растениях: как их сажать, как выращивать. Да и сами беседы были чудесны.

Но вскоре все изменилось, началось что-то странное, угрожающее. Вил, я стала растворяться в ней. Иногда я теряла ощущение того, кто я. Я уже не была собой, я была продолжением Элькрис. Ее частью. Я до сих пор не знаю, то ли это происходило само собой, оттого что наши беседы были такими частыми и долгими, то ли она специально затягивала меня в себя. Я испугалась, потом рассердилась. Значит, думала я, она хочет, чтобы я в угоду ей отказалась от самой себя. Она играет со мной. Да что там! Она меня просто использует! Теперь-то я знаю, как я ошибалась.

Потом остальные избранники начали замечать эту переменную во мне, в моих отношениях с Элькрис. Я обнаружила, что они сторонятся меня, чувствовала, что за мной наблюдают. И все это время я терялась в ней, в Элькрис, — каждый день какая-то часть меня уходила в нее. Тогда я решила это прекратить. Я начала избегать ее, как избранники избегали меня. Она звала, но я отказывалась идти, я посылала кого-нибудь вместо себя. Она спросила меня, что случилось, но я ничего не сказала. Я боялась ее, и мне было стыдно за себя. — Амбель сжала губы. — И вот наконец мне показалось, я поняла: все это из-за того, что я никогда по-настоящему не хотела быть избранником. Наверное, подумала я, мое избрание было ошибкой.

Я сказала маме и дедушке, что не могу больше продолжать служение, но ничего не объяснила им. Я не могла заставить себя сделать это. Отказ от избранничества — это само по себе ужасно, но отказываться лишь потому, что она доверялась мне

больше, чем всем остальным... По-моему, мама тогда поняла. Дедушка — нет. Мы говорили резко — слова оставили горький осадок в нас обоих. Я покинула Арборлон, опозоренная и в своих собственных глазах, и в глазах моей семьи. И моего народа. Я решила, что никогда не вернусь обратно, что буду жить на чужой земле и учить людей тому, что знаю сама, — как заботиться о земле и сохранять жизнь на ней. Я долго скиталась, пока не нашла Надежный Приют. Он стал моим домом. — Слезы стояли в глазах Амбель. — Я ошиблась. Теперь я могу сказать это, я должна сказать. Я хотела уйти от обязанности, которая была только моей. Я сбежала от собственных страхов и разочарований. Я обманула все ожидания и в конце концов обрекла своих товарищей, избранников, на смерть.

— Ты судишь себя слишком строго, — возразил ей Вил.

— Разве? — Губы ее скривились. — Боюсь, что я сужу себя недостаточно строго. Возможно, если бы я осталась, Элькрис рассказала бы мне о том, что она умирает, и у нас было бы больше времени, чтобы найти Источник Отменной крови и принести семя обратно. Может быть, мы бы успели еще до того, как Запрет стал разрушаться. Неужели ты не понимаешь, Вил? Если все это так, значит, все погибшие эльфы — только на моей совести.

— Ну хорошо, — спокойно заметил Вил. — Ты бы осталась в Арборлоне, а Элькрис заговорила бы не раньше, чем это произошло. И что тогда? Ты была бы сейчас мертва, как остальные избранники, и не смогла бы помочь ей.

— Ты просто хочешь меня оправдать. — Эльфийка печально покачала головой.

— Нет, я хочу, чтоб ты не мучилась и не гадала, что было бы. Мало ли что могло быть. А теперь послушай меня. Допустим, Элькрис тогда выбрала бы вместо тебя кого-то другого. Ты думаешь, он повел бы себя как-то иначе? Думаешь, он не испытывал бы тех же чувств? Вряд ли, Амбель. Он сделал бы то же, что и ты. У тебя есть сила, Амбель, и уверенность. И несмотря на все, что ты там говорила, у тебя есть решимость. Перестань сомневаться. И прекрати гадать. Просто поверь в себя. Хотя бы немножко. Амбель, ты заслуживаешь этой веры.

Она плакала не таясь, беззвучно.

— Я люблю тебя.

— А я — тебя. — Он поцеловал ее в лоб. — Очень.

Амбель склонила голову ему на плечо, и Вил крепко обнял эльфийку. Когда она снова подняла глаза, слез уже не было.

— Пообещай мне кое-что, — попросила она. — Пообещай мне, что я обязательно закончу эти поиски, что я не дрогну и не собьюсь с пути, что я сделаю то, зачем пришла сюда. А ты будешь моей силой и моей совестью. Обещаешь?

Он нежно улыбнулся.

— Обещаю.

— Я до сих пор боюсь, — тихо призналась Амбель.

У дверей Эретрия поднялась на ноги.

— Целитель!

Вил торопливо вскочил, едва не споткнувшись. В черных глазах Эретрии плясали лукавые чертики. Она молча вытащила прутик из замка и засунула его обратно в сапог. Потом, подмигнув долинку, она потянула решетку. Дверь беззвучно открылась.

Вил благодарно улыбнулся. Теперь бы только найти Виспа!

Глава 45

Они нашли его почти сразу. Едва пленники добрались до лестницы, вглядываясь во мрак наверху, тут же послышался звук шагов. Вил указал Эретрии глазами на темную нишу в стене коридора, а сам потащил Амбель в такую же, по другую сторону лестницы. Вжавшись в камень, они ждали. Шаги приближались; Вил сразу узнал знакомое пошаркивание.

Сморщенное личико Виспа возникло из темноты.

— Красуня? Привет-привет. Поговоришь с Виспом еще?..

Руки Вила крепко сомкнулись на пушистой шее. Висп рванулся было бежать, бешено отбрыкиваясь, но долинец уже приподнял его над полом.

— Тихо! — предупреждаяше прошипел Вил, рывком повернув маленького человечка лицом к себе, чтобы тот видел, кто схватил его.

Висп широко раскрыл глаза.

— Нет-нет, нельзя уходить! Нельзя!

— А ну успокойся! — Вил тряс пушистого мальпша, пока тот не замолк окончательно. — Еще одно слово, и я сломаю тебе шею.

Висп замотал головой, извиваясь в жестких объятиях долинца. Вил, не разжимая рук, опустил на одно колено, чтобы малыш смог встать на пол. Глаза Виспа стали как два блюдца.

— А теперь слушай внимательно, Висп. Мне нужно вернуть свои камни, и ты мне покажешь, куда ведьма запрятала их. Ты все понял?

— Висп служит госпоже, — пролепетал малыш, не переставая мотать головой. — Нельзя уходить!

— Ты говорил, в какой-то коробке, — настаивал Вил. — Сейчас мы пойдем туда, где она прячет эту коробку.

— Висп служит госпоже! Висп служит госпоже! — отчаянно повторял пушистый человечек. — А вам надо оставаться там! Идите обратно!

Вил на мгновение растерялся. Но Эретрия уже вышла вперед, она склонилась к эльфу, глядя ему прямо в глаза. Кинжал сверкнул и остановился примерно в дюйме от горла Виспа.

— Слушай, ты, шерстяной колобок! — сказала она. — Если ты немедленно не отведешь нас туда, куда тебя просят, я перережу твою глотку от уха до уха. Тогда ты вряд ли кому-то послужишь.

Висп в ужасе сморщился еще больше.

— Не убивай Виспа, красуня. Ты Виспу нравишься. Совсем влюбился. Пожалуйста, не убивай Виспа!

— Где камни? — строго спросила Эретрия.

Внезапно сверху ударил колокол — один раз, два, три, потом еще раз. Висп испуганно застонал и яростно рванулся из объятий долинца.

Вил сердито встряхнул его.

— Что происходит, Висп? Что это?

Висп беспомощно обмяк.

— Мораг идет, — захныкал он.

— Мораг? — Отчаяние охватило долинца. Что привело сюда Мораг? Он быстро взглянул на своих спутниц: в их глазах читалось то же смятение.

— Висп служит госпоже, — пробормотал маленький эльф и внезапно расплакался.

Вил торопливо огляделся по сторонам.

— Нужно чем-то связать его.

Эретрия тут же сняла свой шелковый пояс и крепко связала руки Виспа у него за спиной. Свободный конец пояса Вил обмотал вокруг своей руки.

— Слушай меня, Висп.— Он резко подтянул эльфа к себе.— Слушай меня! — (Висп покорно слушал.) — Отведи нас туда, где госпожа хранит коробку, в которой лежат эльфиниты. Если ты попытаешься убежать или как-то предупредить ее, ты ведь знаешь, что тогда будет?

Он терпеливо ждал. Висп кивнул и принялся было бормотать что-то нечленораздельное, но Эретрия немедленно подняла кинжал. Пушистый эльф кротко кивнул и замолчал.

— Вот и молодец, Висп,— уже мягче проговорил долинец.— Теперь идем.

Они шли, слепо вглядываясь в кромешный мрак, нащупывая руками стену, чтобы не споткнуться и не упасть. Потом впереди замерцал слабый свет белого шара, и из темноты выступили смутные очертания лестницы.

Отсюда лестница спиралью убегала вверх. Они проходили мимо длинных пустынных коридоров, тянущихся сквозь камень, как туннели в скале, мимо закрытых дверей, загадочных и зловещих, но Висп нигде даже не приостановился. Колокол молчал; тишина окутала башню. Чем выше они поднимались, тем сильнее становился удушающий запах горящей травы. Почувствовав внезапную слабость, долинец и девушки старались не вдыхать его. Может быть, Висп не такой уж простодушный, как им показалось?

Наконец на верхней площадке Висп остановился. Он молча указал куда-то в тускло освещенный коридор, что уходил в глубь башни и упирался в массивную, обитую железом дверь. Из-за двери доносились приглушенные голоса.

Вил машинально пригнулся.

— Что там, Висп?

Тот сморщился еще больше, пот стекал по ссохшемуся личику.

— Мораг,— прошептал он и быстро замотал головой.— Плохая. Очень плохая.

Вил выпрямился.

— Это нас не касается. Где эльфиниты?

Висп опять показал на дверь. Вил колебался, неуверенно глядя на пушистого человечка. Правду ли он говорит? Эретрия опустила на колени рядом с маленьким эльфом. Теперь ее голос был нежен.

— Висп, ты уверен?

Он кивнул.

— Я не вру, красуня. Не убивай Виспа.

— Я вовсе не хочу тебя убивать, — успокоила малыша Эретрия, стараясь смотреть ему прямо в глаза. — Но ты служишь своей госпоже, не нам. Можем мы верить тебе?

— Висп служит госпоже, — неуверенно согласился он, потом покачал головой: — Но Висп не врет. Славные камушки там. Через зал, вверх по лестнице, в маленькой комнате. В красивой коробке с цветами. Красными и золотыми.

Эретрия еще мгновение внимательно смотрела на него, потом перевела взгляд на Вила и кивнула. Долинец кивнул в ответ.

— А есть какой-нибудь другой путь? — теребил он маленького человечка.

Висп покачал головой.

— Только туда. — Он указал на дверь.

Вил тихо прокрался по коридору и остановился у двери. Сердитые голоса стали громче. Что бы там ни было, думал Вил, ему не очень бы хотелось в этом участвовать. Он глубоко вздохнул и осторожно взялся за задвижку. С легким шелчком дверь отворилась. Вил заглянул внутрь.

Это был тот самый зал, где они впервые увидели Малленрох, — сумрачное, гнетущее пространство, слабо освещенное странным белым светом, струящимся из стеклянных шаров, свисающих, как пауки, с невидимого высокого потолка. Несколько широких полукруглых ступеней вели от двери вниз. Деревянные человечки сбились вокруг двух гибких черных фигур — сестры стояли лицом к лицу и пронзительно визжали, как путающие друг друга кошки.

Вил Омсфорд смотрел. Сестры-ведьмы, Мораг и Малленрох, жестокие, непримиримые враги — причина этой вражды давно затерялась в веках, забытая всеми, кроме них двоих, — стояли друг против друга, настолько похожие, словно одна из них была просто отражением в зеркале: черные одинаковые

плащи, лиловый паслен во вьющихся седых волосах, безупречно белая кожа. Обе гибкие и изящные, обе красивые и злоеющие. Но сейчас их таинственная красота была искажена ненавистью, которая коверкала черты, наполняла тяжелой чернотой их фиолетовые глаза. Пронзительные крики сменились холодным и ядовитым шипением.

— Моя сила не меньше твоей, сестра, и, что бы ты там ни сделала, я тебя не боюсь. Ты даже не можешь задержать меня в этой унылой башне. А теперь ты пытаешься запугать меня... ты хочешь владеть магической силой, которая не принадлежит тебе, и думаешь, что все Лощины будут твои. Глупо. Ты ведь даже не можешь скрыть от меня свои тайны. Ты еще только собираешься что-то сделать, а я уже знаю об этом. — Она помедлила. — Я знаю про эльфийские камни.

— Ничего ты не знаешь! — закричала другая. — Уходи отсюда, сестра. Уходи из моего дома. Уходи сама, пока можешь, иначе я найду способ заставить тебя.

Мораг презрительно рассмеялась.

— Успокойся. Ты не можешь меня испугать. Я уйду, как только возьму то, зачем пришла.

— Эльфиниты мои! — огрызнулась Малленрох. — Они у меня, и у меня же останутся. Это — дар мне.

— Сестра, ни один дар не будет твоим, пока я этого не захочу. Эта сила должна быть у той, которая более достойна владеть ею.

— Ты никогда ни на что не годилась, сестра. — Малленрох плюнула на пол. — Я позволила тебе разделить со мной эту долину только потому, что ты ведь, в конце концов, моя родная сестра. И потом, мне всегда было немножечко жалко таких вздорных и беспомощных, как ты. Подумай об этом, Мораг. Я всегда любила красивые вещицы, а ты — что у тебя есть, кроме твоих безмозглых деревяшек? — Голос ее снова перешел в шипение. — Помнишь того человека, красавца, которого ты пыталась отобрать у меня? Он был моим, но ты слишком сильно захотела его. Помнишь, сестра? Ты ничего не получила. Ты тогда даже не смогла сдержать себя. И ты его уничтожила.

Мораг выпрямилась.

— Это ты уничтожила его, сестра.

— Я? — Малленрох рассмеялась. — Ты едва прикоснулась к нему — и он тут же свалился от ужаса. Или от омерзения?

Лицо Мораг застыло в гневе.

— Отдай мне эльфийские камни!

— Ты ничего от меня не получишь!

Вил Омсфорд притаился за железной дверью и слушал. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо, и чуть не подпрыгнул от испуга. Эретрия смотрела мимо него в полуоткрытую дверь.

— Что здесь такое?

— Подожди,— прошептал Вил и снова устался в щель.

Мораг выступила вперед и теперь стояла почти вплотную к сестре.

— Отдай мне эльфийские камни!

— Отправляйся назад, в свою яму, откуда ты выбралась, ящерица.— Малленрох презрительно усмехнулась.— Возвращайся в свою пустую берлогу.

— Змея! Когда-нибудь ты сама сожрешь себя.

— Уродина! — вне себя от ярости заорала Малленрох.— Сейчас же убирайся!

Мораг со всего маху ударила Малленрох по лицу. Звук пощечины эхом раскатился по залу. Малленрох изумленно отпрянула. Деревянные человечки, треща, бросились прочь, подальше от двух взбешенных сестер. Повисла напряженная тишина.

Неожиданно резко раздался смех Малленрох.

— Ты такая жалкая, сестра. Ты даже не можешь сделать мне больно. Иди домой. И жди, пока я сама не приду к тебе. Жди — я принесу тебе смерть, которую ты вполне заслужила. Ты даже не стоишь того, чтобы взять тебя как рабыню.

Мораг снова ударила сестру.

— Дай мне камни! — истошно визжала она.— Я получу их!

Она подошла совсем близко — тонкие руки сомкнулись на горле Малленрох. Та отшатнулась, красивое лицо исказилось от гнева. Сестры упали на пол, царапая и кусая друг друга, как взбесившиеся кошки. Потом Малленрох вырвалась и вскочила на ноги. Одна рука протянулась вперед. Огромный извивающийся корень пробился из камня у ее ног и обернулся несколько раз вокруг корчащейся Мораг. Он устремился вверх, в темноту, увлекая за собой отбивающуюся ведьму; он поднимался все выше, выше стеклянных шаров, наполненных белым свечением, и там наконец остановился. Мораг кричала. Потом

ослепительное сияние вспороло темноту, зеленый огонь пробежал по гигантскому корню, обращая его в пепел. Корень сморщился и рухнул вниз, густой дым наполнил зал. Мораг медленно опустилась, как некий бесплотный дух, и встала на пол.

Малленрох разочарованно взвыла; теперь из ее пальцев метнулся зеленый огонь и поглотил сестру. Мораг ответила тем же. На мгновение обе скрылись в огне, а когда он погас, сестры опять стояли друг против друга.

— Все! На этот раз я покончу с тобой, — с холодной яростью прошептала Малленрох и бросилась вперед.

Мораг ждала этого выпада и спокойно отшвырнула сестру. Зеленый огонь снова метнулся из ее тонких пальцев. Раздался крик Малленрох, пронзительный и ужасный, — она пропала за стеной дыма, но потом вдруг появилась справа от Мораг. Сестры метались по залу в бешеном вихре, набрасываясь друг на друга. Черные плащи широко развевались, крики бились о камни, руки тянулись друг к другу, тела корчились в неистовстве схватки. Пламя, как вода, разлилось по всему залу, захлестывая и сжигая деревянных человечков, которые в ужасе катались по полу. Жар пламени рванулся в приоткрытую дверь и опалил лицо Вила.

Потом и сама башня затряслась, камень раскалывался, осколки летели вниз сквозь дым и мрак. Столб огня взметнулся вверх, к потолку, с голодным шипением облизывая деревянные балки, служившие опорой камню башни. Горящие человечки факелами носились по залу.

Вил решил, что больше здесь нельзя оставаться — еще немного, и пламя захватит их. Надо забрать эльфиниты и как можно быстрее вырваться наружу. Это опасно, но оставаться здесь и ждать, когда башня обрушится им на голову, еще опаснее.

Вил подтащил Виспа к двери.

— Где эта комната, в которой коробка, Висп?

Но маленький эльф только всхлипывал и стонал. Вил сердито потряс его.

— Покажи мне, где комната!

Дрожащим пальчиком Висп показал через дверь. В дальнем конце зала Вил увидел узкую винтовую лестницу — она вела на площадку с единственной дверью.

Вил с тревогой поглядел на Амбель, потом на Эретрию.

— Идем!

Крепко держа отбивающегося Виспа, долинец открыл дверь пошире и вошел внутрь. Жар пламени подступил вплотную, опалил лицо, ожег горло. Вил пригнул голову и, пробираясь по стене вправо, быстро соскользнул вниз с полукруглых ступеней. Деревянные человечки в смятении мельтешили у него под ногами. Вил раскидывал их в стороны, расчищая дорогу своим спутникам. Увертываясь от зеленого огня, они прорвались в глубь зала, к лестнице.

Вдруг столб пламени устремился вверх, заставив их всех испуганно броситься на пол. Ошеломленные, они поднялись на колени, наблюдая за схваткой двух сестер. Постепенно пламя из волшебного зеленого обратилось в трескучее желтое, стекая по их черным тонким фигурам, по спутанным волосам. Сестры закричали. Оно сжигало их.

— Сестра! — вскричала одна из них. Предчувствие смерти и страх слышались в этом крике.

Его заглушил треск горячей плоти. Охваченные жальшей пляской огня, они постояли еще минуту, потом обе исчезли. Столкнувшись, силы сестер объединились в одну и уничтожили обеих ведьм. Все, что осталось от них, — хлопья пепла и обугленные кости.

Амбель задохнулась от ужаса. Кругом, как безжизненные куклы, сыпались на пол деревянные человечки, на глазах распадаясь на части, и вскоре весь пол был завален грудями тлеющих прутьев. Волшебство, что сотворило и сохраняло их, умерло вместе с сестрами. В горящем зале не осталось ничего живого, кроме трех чужестранцев и дрожащего Виспа.

Задыхаясь от дыма, Вил вскочил на ноги. Не отпуская Виспа, он рванулся вперед сквозь пламя и дым, расшвыривая по пути сухие сучья. Висп плакал и причитал, но долинец не обращал на него внимания: главное — добраться до лестницы. В секунду он взлетел наверх, моля лишь об одном: только бы дверь открылась! Она открылась. Долинец ринулся внутрь — глаза слезились, в горле жгло, рев огня летел по пятам.

Комната была больше похожа на лабиринт из темных шелков и паслена, которые оплетали стены и железные решетчатые перегородки. Вил напряженно вглядывался в темноту и наконец увидел то, что искал. В дальнем конце комнаты на низком столе, среди горшков и склянок, стояла большая, затейливо вырезанная деревянная коробка с разрисованной

крышкой — цветы, алые и золотые. Эльфийские камни! Вил испытал облегчение и радость. Висп что-то орал как безумный, но долинец не слушал его, одержимый одним стремлением — немедленно забрать эльфиниты. Голова кружилась от жара и дыма. Вил рассеянно отметил, что Амбель и Эретрия тоже зашли в комнату и встали где-то там, позади него. Словно в тумане, он пробирался к шкатулке. Он уже взялся было за крышку, как вдруг Эретрия закричала и быстро оттащила его назад.

— Ну и сколько еще раз мне спасать тебя, целитель? — воскликнула она.

Пламя ревело, заглушая ее слова. Эретрия сорвала с крюка на стене какой-то железный прут и, встав подальше от коробки, осторожно приподняла им крышку. Распылчатый проблеск чего-то зеленого метнулся из-под крышки наружу, плотно обвившись вокруг прута. Эретрия неистово заколотила прутом по каменному полу — шипя и извиваясь, зеленая тварь соскользнула вниз и затихла.

С нескрываемым ужасом Вил смотрел на змею.

— Он пытался предупредить тебя! — Эретрия указала на Виспа. Того трясло от рыданий.

Мгновение Вил не мог ни двигаться, ни говорить. Один укус этой гадины... Теперь Эретрия кинжалом подтолкнула коробку к краю стола, и та упала — драгоценные камни и украшения рассыпались по полу. Эретрия быстро схватила кожаный кошель, подбросила в руке, как бы решая, что делать с ним дальше, потом без слов протянула Вилу. Долинец молча открыл его и заглянул внутрь.

Подобие улыбки пробежало по бледным губам Вила. Эльфийские камни опять у него.

В этот момент башня содрогнулась: главная балка, подпирающая потолок зала, сдвинулась и с грохотом обрушилась вниз, в море пламени. Вил быстро сунул кошель под рубашку и направился к двери, таща за собой Эретрию и Виспа.

Внезапный стук из огромного шкафа в дальнем конце комнаты заставил его остановиться — стук, за которым последовали приглушенные крики и сердитое рычание какого-то зверя. В шкафу кто-то заперт. Долинец колебался лишь мгновение. Кто бы там ни был, его надо вытащить из этой башни. Вил поспешил к шкафу и отодвинул массивную задвижку. Двери распахнулись, что-то черное бросилось на Вила и опрокинуло его

на пол. Он отчаянно пытался защититься; дым висел в комнате густой пеленой, заглушая крики. Потом непонятное существо отлетело в сторону — к Вилу склонилось знакомое лицо.

— Хебел! — с изумлением воскликнул долинец.

— Шлынд, назад! — Старик резко шлепнул пса по спине. — Что здесь вообще происходит, хотел бы я знать? И что я делаю в этом шкафу, тысяча драных кошек?!

Вил нетвердо встал на ноги.

— Хебел! Ведьма Малленрох превратила тебя в деревянную фигурку. Ты разве не помнишь? — Он с облегчением улыбнулся. — Мы уже думали, что потеряли тебя! Не понимаю, как ты...

Амбель схватила его за руку.

— Колдовство, Вил. Когда Малленрох умерла, чары ее рассеялись. Вот почему развалились те деревянные человечки — волшебство исчезло. И с Хебелом то же самое. Вот только странно, почему Висп не стал прежним?

Новая волна дыма ворвалась в раскрытую дверь. Эретрия вскрикнула.

— Пора выбираться отсюда! — Вил снова бросился к двери, все еще сжимая испуганного Виспа. — Возьми Амбель! — крикнул он Хебелу.

На площадке они в ужасе остановились. Зал был охвачен пламенем. Балки, поддерживающие потолок, обуглились и прогнулись, камень стен раскалился и теперь мерцал мутно-красным. Вил стал осторожно спускаться по лестнице.

Внезапно двери с треском распахнулись — кто-то вломился в башню. Вил Омсфорд и его спутники удивленно остановились у подножия узкой лестницы, настороженно вглядываясь в стену огня. Дневной свет лился в пролом, и Вилу вдруг показалось, как что-то сумрачное, неуловимое проникло в зал. Он неуверенно смотрел на ревущее пламя, пытаясь понять, что же это было.

Сзади Шлынд вжался в пол, рыча и жалобно завывая.

Внезапно Вил понял: Жнец! Он совсем забыл о демоне!

— Висп! — отчаянно закричал долинец, трясая маленького эльфа так, что его пушистая голова моталась из стороны в сторону. — Как нам отсюда выбраться? Да слушай же! Покажи нам другой путь!

— Висп... наружу... туда... — Маленькая рука бессильно тыкала в воздух.

Теперь Вил увидел: слева от них была дверь. Он не стал колебаться. Громко крикнув своим спутникам, чтобы не отставали, он через пламя и дым бросился к двери. Откуда-то из глубины зала приближался демон, Вил почувствовал его дыхание прямо у себя за плечами. Наконец они добрались до двери. Давясь дымом и задыхаясь, долинец на ощупь нашел ручку и повернул ее. Он протолкнул остальных вперед, выбежал из зала и, захлопнув за собой тяжелую дверь, плотно задвинул засов.

Потом они неслись по винтовой лестнице вниз, в заплесневелой сырости, которая охлаждала их разгоряченные тела. Шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, они бежали вперед — звук шагов гулким эхом висел в тишине.

Спустившись, они оказались в самом начале длинного извилистого коридора, тускло освещенного редкими лампами. Вил нес на руках съжившегося Виспа, который не переставал причитать и плакать; Хебел и Эретрия поддерживали Амбель; Шлынд жался поближе к хозяину. Пыль поднималась от их шагов, какие-то насекомые мелькали в воздухе. Коридор изгибался бесчисленными поворотами.

Вил часто оглядывался: не движется ли что-нибудь там, во мраке? Слезы то и дело наворачивались ему на глаза, и он сердито смахивал их. Где же Жнец? Он шел за ними от самого Арборлона. И теперь пришел сюда. Он здесь, где-то рядом: Вил чувствовал его невидимое присутствие. Жнец идет за ними.

Коридор закончился у подножия лестницы — она вела наверх, темная и пустая. Здесь долинец остановился, поджидая остальных, потом быстро повел их по лестнице. Ступени закручивались дразнящей спиралью — все выше и выше. Они поднимались очень долго, прислушиваясь, нет ли погони. Но беглецы не слышали ничего, кроме собственного прерывистого дыхания и сбивающегося шага.

Лестница уперлась в плотно закрытый люк. Вил с трудом вытянул задвижку, поставил плечи и попытался поднять его. Крышка люка откинулась с глухим стуком.

Снова они вышли в Лощины — туманные, серые, тихие. Башня Малленрох была окутана дымом — он высоко поднимался вверх, выше деревьев, клубился у рва и стен, которые медленно рушились.

Лес вокруг стоял пустой и спокойный.

Глава 46

Вил неуверенно огляделся. Все скрывалось в тумане и мраке, только огонь, еще горящий в башне Малленрох, озарял серый сумрак яркими вспышками. Вил не имел ни малейшего представления о том, куда им идти.

— Хебел, где Острие Земли? — наконец спросил он.

Старик покачал головой.

— Не могу тебе точно сказать, эльфин. Я ничего не вижу.

Вил опустился на колени и положил на землю скрючившегося Виспа. Тот сразу зарылся лицом в ладони, пушистое тельце свернулось в клубок.

— Висп, слушай меня. Висп, давай поговори со мной. Да посмотри же ты на меня, Висп!

Пушистый человечек неохотно взглянул на Вила сквозь растопыренные пальцы. Его без удержу трясло.

— Висп, где Острие Земли? — быстро спросил Вил. — Отведи нас к Острию Земли.

Висп молчал; еще мгновение он смотрел на долинца, потом опять плотно уткнулся в ладони, как испуганный ребенок.

— Висп! — затряс его Вил. — Висп, немедленно отвечай мне!

— Висп служит госпоже! — внезапно закричал мальш. — Служит госпоже! Служит госпоже! Висп служит....

Вил потрянул его так, что у маленького эльфа щелкнули зубы.

— Прекрати! Ее больше нет, Висп! Она умерла! Госпожа умерла! Ты ей больше не служишь!

Висп затих, его руки бессильно упали. Теперь он расплакался — рыдания сотрясали маленькое тельце.

— Только не убивай Виспа, — умолял он. — Висп хороший. Не убивай.

Потом он снова свернулся в клубок и с криком принялся кататься по земле, как раненая зверюшка. Долинец беспомощно смотрел на него.

— Отлично сработано, целитель, — выдохнула Эретрия и пробралась вперед. — Ты же его напугал до полусмерти. Теперь он нам много чего расскажет. И покажет. — Она сердито сжала руку долинца и оттолкнула его. — Придется мне улаживать и это. Пусти-ка...

Вил отошел к Амбель. Они наблюдали, как Эретрия опустилась на колени рядом с Виспом, взяла его на руки и принялась

укачивать рыдающего малыша. Она крепко прижала его к себе и, что-то тихо шепча, гладила по пушистой голове. Она сидела так очень долго, и наконец Висп перестал рыдать. Он даже слегка приподнял голову.

— Красуня?

— Все хорошо, Висп!

— Красуня жалеет Виспа? Она о нем позаботится?

— Конечно же я о тебе позабочусь.— Она строго взглянула на Ви́ла.— Никто не обидит тебя.

— Никто-никто не обидит Виспа? — Он потянулся к ней сморщенным личиком.— Ты обещаешь?

Эретрия мягко улыбнулась ему.

— Обещаю. Но ты должен помочь нам, Висп. Да? Ты ведь поможешь нам?

Маленький эльф горячо закивал.

— Помогу тебе, красуня. Висп хороший. Хороший!

— Да, Висп очень хороший,— согласилась Эретрия. Она наклонилась поближе к нему.— Но нам надо поторопиться. Демон еще охотится за нами. Если он нас найдет, он убьет нас, Висп.

Висп покачал головой.

— Красуня не даст ему убить Виспа. Не разрешай ему.

— Конечно же он не убьет тебя. Если мы поспешим.— Она погладила его по щеке.— Нам надо найти эту гору. Целитель, как она называется?

— Острие Земли.

Эретрия кивнула.

— Острие Земли. Покажешь, где это, Висп? Отведешь нас туда?

Висп неуверенно поглядел на долинца, потом мимо него, на горящую башню.

— Я отведу тебя, красуня,— наконец повернулся он к Эретрии.

Девушка поднялась и взяла маленького человечка за руку.

— И ничего не бойся, Висп. Я позабочусь о тебе.

Проходя мимо долинца, Эретрия подмигнула.

— Ну что, целитель? Я же говорила, что еще пригожусь.

Путешественники растворились во мраке леса. Висп вел их вперед, скользя, как угорь, сквозь туман и заросли деревьев. Эретрия крепко держала его за руку. Шлынд ни на шаг не от-

ставал от Хебела; Вил поддерживал прихрамывающую Амбель — он почти тащил ее на себе, чтобы не отстать от остальных. Тем не менее они сразу же отстали. Пытаясь догнать своих спутников, ушедших далеко вперед, Амбель рванулась, но тут же споткнулась и упала. Вил взял ее на руки, как ребенка, и устремился следом за остальными. К его удивлению, Амбель не протестовала. Долинец ждал, что она примется убеждать его, что все хорошо, что она прекрасно может идти сама и не надо с ней так возиться, — все это время Амбель была так уверена в своих силах. Однако на этот раз эльфийка вела себя тихо, голова ее опустилась на плечо Вила, руки обвились его шею.

Вил не раздумывал над ее странным поведением — сейчас ему было не до этого. Прежде всего надо спастись — уйти живыми не только из этих мрачных Лошин, но и от Жнеца — демона-убийцы, которого, похоже, вообще ничто не способно остановить.

Уже пятый день бродят они по Диким лебрям; сегодня последний раз Пек пролетит через долину, а потом возвратится домой. Долинец машинально припронудся к серебряному свистку, который висел у него на шее. Он берег его: это было единственное связующее звено между ними и Пеком. Вил помнил свое обещание, данное Амбель, но понимал, что, если они пойдут обратно пешком, Жнец найдет их и убьет. Единственное, что мог придумать долинец, — это лететь на Генвен.

Правда, им еще нужно добраться до Оберега, отыскать Источник Огненной крови, опустить туда семя Элькрис, выбраться на склон Острия Земли и только потом дать сигнал Пеку. Притом Вил не представлял, сможет ли огромная птица поднять их всех, и чувствовал, что просит от судьбы слишком многого.

Он мысленно перенесся в Арборлон. Скорее всего, демоны уже прорвались сквозь Запрет и захватили Западные земли. Ужасное сражение, которое так страшило Эвентина, теперь, должно быть, в самом разгаре. А Элькрис? Смог ли Алланон защитить умирающее дерево? Хватило ли мощи друида, чтобы противостоять натиску демонов? Сколько у них осталось времени? Не поздно ли? Впрочем, что толку думать об этом сейчас? Он все равно не ответит на эти вопросы, пока не выберется из Лошин. Сейчас он не может ничего сказать наверняка. И все-таки если бы Алланон был здесь! Он бы тогда рассказал

Вилу, что происходит на земле эльфов, просто дал бы ему знать, что время еще есть. Если бы только выбраться отсюда! Вернуться назад. Домой.

Отчаяние нахлынуло на него — внезапное, пугающе-безысходное: ему вдруг почудилось, что, если даже он сможет сделать все, что от него сейчас требуется, все равно для тех, кто ждет его возвращения, будет уже слишком поздно. А если так...

Вил не позволил себе закончить эту предательскую мысль. Нельзя думать об этом.

Постепенно тропа начала подниматься, сначала едва заметно, потом все круче и круче. Они вышли на склон Острия Земли. Голый камень скалы и огромные валуны уже проступали сквозь заросли леса. Туман постепенно редел, тяжелое серое небо показалось в просветах деревьев, и мрак начал рассеиваться, прорезанный тонкими лучиками солнечного света. Медленно, осторожно путешественники карабкались вверх по склону, жадно ловя глазами быстрые проблески солнца сквозь отступающее море переплетенных деревьев.

Внезапно деревья расступились — путешественники вышли к скале. Тропа вела к огромной пещере, напоминающей разинутую голодную пасть.

Висп остановился у самого входа в пещеру и повернулся к Эретрии:

— Вот Оберег, красуня. Туннели, много туннелей, вертятся и извиваются. Оберег. Хороший Висп.

Девушка улыбнулась ему и повернулась к Вилу.

— Что теперь?

Вил поставил Амбель на ноги и обратился к Виспу. Пушистый эльф тут же скрылся за спиной Эретрии, пряча лицо в складках ее плаща.

— Висп, — мягко позвал его долинец, но тот только трясся. Вил вздохнул. У них нет времени на все эти глупости. — Эретрия, спроси его про дверь из стекла, которое нельзя разбить.

Девушка наклонилась, чтобы смотреть прямо в лицо малышу.

— Висп, все хорошо. Тебя никто не обидит. Посмотри на меня, Висп.

Маленький человечек нехотя поднял голову, Эретрия погладила его по щеке.

— Висп, ты покажешь нам дверь из стекла, которое нельзя разбить? Ты ведь знаешь, где она?

Висп лукаво посмотрел на нее.

— Мы будем играть, красуня? Ты поиграешь с Виспом?

Эретрия неуверенно оглянулась на Вила. Тот пожал плечами и кивнул.

— Конечно, мы с тобой поиграем, Висп. Ты покажешь мне эту дверь?

Личико Виспа сморщилось от лукавой улыбки.

— Висп покажет.

Он подпрыгнул и кинулся в пещеру, потом вернулся, схватил Эретрию за руку и потащил ее за собой. Вил безнадежно качал головой. По его мнению, Висп немного свихнулся после всего, что случилось — ведь он потерял свою обожаемую госпожу, — и они, похоже, очень рискуют, доверяя ему вести их к Источнику Огненной крови. Однако выбора нет. Вил попытался разглядеть что-нибудь в темноте пещеры.

— Мне вовсе не хочется там потеряться, — пробурчал Хебел у него над ухом.

Эретрия, кажется, тоже сомневалась.

— Висп, я ничего не вижу. — Она тянула маленького эльфа назад. — Надо взять факелы. Да стой же ты!

Висп застыл.

— Не надо факелов, красуня. Не надо огня. Огонь горит — разрушает. Он убьет Виспа. Огонь сжег башню, где госпожа... Висп служит...

Внезапно он бросился на землю, глаза наполнились слезами, маленькие ручки плотно обвили ноги Эретрии.

— Не убивай Виспа, красуня!

— Нет-нет, Висп. — Девушка подняла его и крепко прижала к себе. — Никто не убьет тебя. Но нам нужен свет, Висп. Без него мы ничего не увидим в этой пещере.

Маленький эльф поднял залитое слезами лицо.

— Свет, красуня? Свет вот здесь. Идем. Здесь есть свет. Много света.

Что-то бормоча себе под нос, он снова повел их в пещеру. У самого входа он приподнялся на цыпочки и вытащил из маленькой ниши в скале две странные, причудливые лампы. В темноте они засияли тем же белесым светом, что освещал башню Малленрох.

— Свет,— улыбнулся Висп, протягивая лампы Эретрии. Она оставила одну себе, вторую вручила долиincu. Вил повернулся к Хебелу.

— Если не хочешь идти дальше, ты можешь остаться здесь,— сказал он.

— Не говори глупости, эльфин,— фыркнул старик.— А если вы там потеряетесь? Как тогда выберетесь обратно без Шлында? Без нас вам не справиться. Точно. И потом, мне тоже интересно взглянуть на этот Оберег.

Вил не стал спорить со стариком и кивнул Эретрии. Взяв Виспа за руку и высоко подняв перед собой лампу, она без слов направилась в пещеру. Вил поднял Амбель на руки и пошел следом. Хебел со Шлындом замыкали шествие.

Они осторожно пробирались вперед по огромному мрачному туннелю, ведущему, наверное, к самому центру Острия Земли. Пол пещеры был какой-то неровный, выщербленный, но, несмотря на это, идти было легко. Наконец Висп привел их к стене, прорезанной узкими, похожими одна на другую трещинами наподобие ущелий в горах. Все они, разламывая стену пещеры, вели в черноту.

Висп ни секунды не колебался. Он сразу нашел нужный проход и устремился туда. Он завел своих спутников в настоящий лабиринт поворотов и трещин; они петляли в темноте и неуклонно спускались куда-то вниз. Да, думал Вил, без Виспа они бы здесь потерялись. Неминуемо и безнадежно.

Они вышли к лестнице, которая, как и прилегающие к ней проходы, была составлена из массивных, грубо обтесанных каменных блоков. Сразу видно, что это творение рук человека.

«Или эльфа»,— поправил себя Вил.

Пятна сырости блестели на стенах и потолке, тонкие струйки воды стекали вниз по ступеням. Откуда-то снизу, из темноты, доносились странные звуки. Маленькие серые тени бросились врассыпную, топоча крошечными лапами и сердито пища. Крысы.

Висп направился вниз по лестнице. Она тоже петляла и изворачивалась какими-то немыслимыми изгибами, уводя путешественников все дальше в глубь горы. Воздух наполнился едким запахом гнили и плесени. А путешественники все спускались, не сводя глаз со ступеней.

И вот наконец ступени закончились. Висп привел их в большой зал. Огромные тяжелые колонны поддерживали высокий куполообразный потолок. Здесь все было из камня, потрескавшегося от времени: круглое возвышение в центре, расходящиеся амфитеатром ряды массивных скамей вокруг. На колоннах и стенах проступали какие-то странные знаки. Наверное, когда-то эта комната была залом Совета или местом для свершения незнакомых, странных обрядов, может даже жертвенных. Здесь собирались эльфы. Великие маги. Вил удивленно вертел головой. Висп, не задерживаясь, провел их мимо рядов скамей и возвышения к массивной полуоткрытой каменной двери в дальнем конце зала. За ней была еще одна лестница.

Вил нервничал. Они спустились уже глубоко внутрь горы, и только Висп, единственный среди них, знал, где именно они находятся. Если Жнец достигнет их здесь...

Ступени кончились. Впереди опять лежал коридор. Вдруг Вилу показалось, что откуда-то спереди слышится звук падающей воды, как будто ручей пробивался сквозь камень и стекал вниз с небольшой высоты. Висп нетерпеливо рванулся вперед, таща за собой Эретрию. Он то и дело озабоченно оглядывался, словно желая убедиться, что она идет следом.

Коридор вывел их в большую пещеру. Стены из каменных блоков вновь уступили место природному камню, шероховатому, в выбоинах и трещинах. С потолка пещеры свисали острые, словно зазубренные, сталактиты, пол был изрыт и усеян обломками камня. В темноте, куда не достигал свет ламп, шумела вода.

Висп вел их через пещеру, проворно пробираясь между обломками камней, что-то бормоча себе под нос.

Наконец он остановился у груды больших валунов, похожей на оползень горного склона. Маленький водопад шумел по камням; у их подножия он собирался в небольшое озеро, потом разделялся на несколько весело пузырящихся ручейков и пропал во мраке внизу.

— Здесь,— радостно объявил Висп, указывая пальчиком на водопад.

Вил опустил Амбель и тупо уставился на пушистого человека.

— Здесь,— повторил Висп.— Дверь из стекла, которое нельзя разбить. Такая веселая игра для хорошего Виспа. Висп хороший. Веселый. Он так играет.

— Вил, он имеет в виду водопад,— внезапно заговорила Амбель.— Посмотри повнимательнее — видишь?

Теперь Вил увидел. Вода падала вниз тонкой гладкой завесой между двумя каменными колоннами — очень похоже на дверь, сделанную из стекла. Он прошел вперед, наблюдая, как свет лампы яркими бликами отражается от поверхности воды.

— Но это же не стекло,— рассеянно пробормотала Эретрия.— Это просто вода!

— Но помнит ли это Элькрис?! — обратился Амбель к долиincu.— Ведь прошло столько времени. Может быть, она помнит только, как это выглядит: дверь из стекла, которое нельзя разбить. Наверное, она забыла, что это вода?

Эретрия поглядела на Виспа.

— Это та самая дверь, Висп? Ты уверен?

Малыш энергично закивал.

— Веселая игра, красуня. Виспу понравилось. Поиграй еще с Виспом.

— Если это та самая дверь, то за нею должна быть пещера...— Вил решительно направился вперед.

— Висп покажет! — Маленький эльф обогнал долинца, потянув за собою Эретрию.— Смотри, смотри, красуня! Идем!

Он упорно тащил ее за собой, пока не встал справа от водопада. Там он хитровато оглянулся и отпустил ее руку.

— Смотри, красуня.

Он вступил в водопад и пропал. Эретрия растерянно смотрела ему вслед. Через мгновение он вернулся — пушистый мех гладко прилип к телу, лицо сияло.

— Смотри.— Он опять схватил руку девушки и потащил ее за собой.

Прикрыв глаза, путешественники ступили в водопад. За ним была ниша, переходящая в узкий коридор. Насквозь промокшие, они пошли вперед — Висп нетерпеливо тянул Эретрию — и оказались в пещере, маленькой и сухой. Здесь не было плесени, как во всех остальных пещерах горы. Пол ее поднимался во мрак пологими уступами. Вил сделал глубокий вдох. Если тот водопад и вправду был дверью из небьющегося стекла, о которой говорила Элькрис, значит, именно здесь, в этой пе-

щере, они должны найти Источник Огненной крови. Долинец молча обошел пещеру до дальней стены и обратно. Сплошной камень стен, пола и свода бледно мерцал в свете лампы. Вил поднял ее повыше и еще раз внимательно огляделся вокруг.

Пещера была абсолютно пуста.

Из густых зарослей на склоне Острия Земли к пещере вышла черная тень и тихо скользнула в Оберэг. Разбуженный было лес снова затих.

Вил Омсфорд стоял посреди пещеры и беспомощно озирался по сторонам, обуреваемый мрачными мыслями и догадками. Источника Огненной крови здесь нет. Его нет! И это после всего, что они пережили, пока добирались сюда. Может быть, за века он давно исчез с лица земли, канул вместе с древним миром, бесследно и безвозвратно. Магия просто пропала, когда из мира ушло волшебство. Может быть, это был отчаянный вымысел, безумная надежда, за которую ухватилась умирающая Элькрис. А может, Источник Огненной крови где-то совсем в другом месте...

— Вил!

Зов Амбель прорвал тишину, внезапный и резкий. Он обернулся и увидел, что она стоит, протянув руку вперед. Как слепая, но жаждущая видеть.

— Он здесь, Вил! Источник Огненной крови здесь! Я его чувствую.

Голос ее дрожал от волнения. Все остальные с изумлением смотрели на эльфийку, пока она, спотыкаясь, шла вперед сквозь мрак пещеры, смотрели на завораживающую игру ее пальцев, словно ощупывающих темноту.

Эретрия подошла поближе к Вилу. Она все еще крепко сжимала ладошку Виспа, маленький эльф испуганно жался к ней.

— Целитель, что это с ней?..

Вил нетерпеливо поднял руку, прося ее замолчать. Он не сводил глаз с Амбель. Она поднималась по уступам к небольшому возвышению в самом центре пещеры. Потом осторожно взошла на него. Там лежал огромный валун. Эльфийка остановилась у камня, медленно глядя обеими руками его поверхность.

— Здесь, — выдохнула она.

Вил рванулся вперед и взобрался на выступ.

— Нет, Вил! Не подходи!

Что-то в голосе Амбель заставило его остановиться. Упершись плечом в валун, Амбель подтолкнула его. Как будто комок бумаги, огромный камень легко откатился в сторону. Из-под земли к своду пещеры рванулся белый огонь. Потом он начал медленно окрашиваться в цвет крови.

Потрясенный, Вил Омсфорд отпрянул назад.

— Горит! Висп сгорит! Он убьет Виспа! — Голос Виспа сорвался, сморщенное личико исказилось от страха, когда огонь наполнил пещеру красным светом. — Госпожа, госпожа, госпожа... горит, она горит! Висп... служит... горит!

Похоже, разум его помутился. Вырвавшись от Эретрии, он побежал прочь из пещеры с долгим, тягучим криком муки и боли. Хебел попытался было схватить маленького человечка, но не успел.

— Висп, вернись! — закричала Эретрия. — Висп!

Но эльф даже не оглянулся.

Глава 47

Внезапно Вил понял, что больше не видит Амбель. Он направился было к Источнику Огненной крови, как вдруг раздался крик, громкий и отчаянный, и завис в сумрачной тишине.

— Висп! — в ужасе прошептала Эретрия.

Она рванулась из пещеры, но Вил схватил ее за руку и быстро оттащил назад. Хебел тоже отступил поближе к огню, одной рукой крепко держа Шлында за загривок, — пес предупредительно подвывал.

Потом они услышали, как кто-то прошел сквозь водопад. Не Висп, понял Вил Омсфорд; этот был гораздо массивнее и тяжелее маленького эльфа. И если это не Висп, тогда...

От страха шерсть на спине Шлында встала дыбом; с глухим рычанием огромный пес жался к земле.

— Назад, — прошептал Вил.

Хебел и Эретрия встали позади долидца.

Вил схватился за кошель с эльфийскими камнями и стал лихорадочно распутывать кожаные ремешки.

В проеме показалась тень, бесшумная, как движение луны. Жнец шел как человек, на двух ногах, только ростом был го-

раздо выше обычного человека. Когда демон вышел из коридора, алый свет пламени растекся вокруг него, как густая кровь.

Испуганный вскрик Эретрии прорезал тишину. В скрюченных лапах Жнеца висело изломанное тельце Виспа.

Девушка тут же схватилась за кинжал. Из глубокой тени своего капюшона Жнец смотрел прямо на нее, безликий, немолчимый. Вил почувствовал, как его сковал холод, еще более леденящий и неодолимый, чем тот, который долинец ощутил при появлении Малленрох. Абсолютное, всепроникающее зло исходило от демона. Внезапно Вил вспомнил обо всех жертвах Жнеца: эльфы на посту в Беличьем лесу, Криспин, Дильф и Катсин в Пиконе, Кефело и его люди у Свистящего кряжа. Всех их уничтожило это чудовище. И теперь пришло за ними.

Движения демона были мягкими и бесшумными, но, похоже, огонь беспокоил его. Он в молчании изучал кроваво-красное пламя, что вырывалось из гладкой поверхности камня, потом двинулся вперед.

В тот же миг к Вилу Омсфорду вернулись видения, что терзали его в снах сначала у Надежного Приюта, а потом в крепости Пикона, — темная тварь охотится за ним, тварь, от которой нет спасения. Все чувства, которые он испытал тогда во сне, охватили его вновь. Только теперь они были сильнее и безысходнее — демон шагнул из кошмара в реальность. И на этот раз нельзя проснуться, бежать, некуда спрятаться.

«Алланон! Помоги мне!»

И тут же из моря безмерного страха, затерянные в нем, почти неслышные, выплыли слова друида: «Верь в себя. Верь. На тебя я рассчитываю больше всего. Я рассчитываю на тебя».

Вил жадно впитал в себя эти слова. С отчаянной решимостью он взывал к силе эльфийских камней. Он погружался в глубь эльфинитов — чувство было такое, словно он падает вниз, сквозь пласты густого синего света. Взгляд Вила затуманился, алое сияние Источника Огненной крови стерлось и потускнело. Теперь он был близко. Он уже чувствовал в себе огонь эльфийской магии.

Но ничего не произошло.

Внутри его по-прежнему был барьер. Он всего лишь глупый долинец, который, похоже, переоценил собственные возможности.

— Целитель! — отчаянно закричала Эретрия.

Вил снова попытался обратиться к силе эльфинитов, и снова у него ничего не получилось. Все напрасно. Ему не вызвать силу камней. Он не может добраться до нее, не может ею поведовать. Холодный пот стекал по лицу. Вил сжал кулак так, что камни впились ему в ладонь. Но почему у него ничего не выходит?

Потом Эретрия отскочила в сторону, сделав внезапный выпад кинжалом, чтобы отвлечь демона на себя. Жнец повернулся. Девушка медленно пробиралась вдоль каменного выступа, будто хотела проскользнуть к выходу. Вил тут же понял, зачем она делает это: она дает ему время — еще несколько бесценных секунд, — чтобы он все же успел вызвать силу эльфийских камней. Вил хотел было заставить Эретрию вернуться, как-то предупредить, что магия камней ему больше не подвластна. Но почему-то не мог говорить. От напряжения на глазах выступили слезы: он пытался сломать барьер. Эретрия хочет умереть за него, вдруг подумал Вил. Пока он стоит и смотрит, Жнец убьет ее.

Демон небрежно отшвырнул в сторону пушистый трупик Виспа. Сквозь алый свет Источника Огненной крови железные когти протянулись к девушке.

Эретрия!

То, что случилось потом, навсегда осталось в памяти Вила, словно вырезанное в камне. На какое-то мгновение время остановилось, прошлое и настоящее слились воедино — однажды такое случилось с его дедом, — и Вил вдруг оказался лицом к лицу с самим собой.

Ему послышалось, что Амбель говорит с ним, голос ее поднимался из красного сияния, охватившего пещеру, — спокойный, уверенный и полный надежды. Она говорила ему, что, несмотря на все случившееся, власть над силой камней не потеряна и Вил может ею управлять.

Но на самом деле он больше не может. Амбель должна понять, что его власть над камнями утрачена.

Шепот эльфийки снова ворвался в сознание Вила. Нет, она не утрачена. Может быть, он просто слишком напряжен, и это не дает ему пробиться к силе эльфинитов. Может быть, ему никак не понять сущность силы, которой он пытается поведовать.

Он всегда должен помнить, что эльфийская магия сама по себе ничто, она лишь увеличивает и направляет силу ее владельца.

Голос Амбель затих, и зазвучал голос друида. По камню для тела, сердца и разума. Соединение трех сил дает жизнь камням. Соединить же их может только сам Вил. Очевидно, ему придется приложить больше усилий, чем когда-то пришлось его деду, ведь в нем меньше эльфийской крови, чем в Ши Омсфорде.

Да-да! — закричал Вил. Это сопротивляется человеческая кровь. Только она не дает ему добраться до силы камней. Это она отказывается принять волшебство.

Алланон лишь рассмеялся на это. Если это действительно так, то как же он раньше смог вызвать их силу? Ведь один раз у него получилось...

И тут Вил наконец понял: он сам себя обманывал. Он обманывал себя с того самого момента в Тирфинге, когда вызвал магическую силу камней и почувствовал, как подобная жидкому огню волна устрашающей мощи охватила его и загля все внутри.

Амбель дважды приближалась к разгадке, когда говорила, что он, Вил, соприкоснувшись с эльфийской магией, как будто бы что-то сделал с собой. Она предположила, что эльфийская магия влияет на душу владельца, но Вил не захотел этому верить.

Теперь он признался себе: он утратил власть над камнями исключительно из-за страха. И не перед той темной тварью, что приходила за ним в снах, и даже не перед демоном, который охотился за ними от самого Арборлона. Это был страх перед тем, на что Вил полагался как на единственное их спасение, — перед эльфийскими камнями и перед их ужасающей, непредсказуемой силой.

Понимание внезапно обрушилось на него — он собственными руками воздвиг этот барьер. До тех пор пока страх неосознанно таился в нем, не могло быть единства сердца, разума и тела с силой камней. Сейчас Вил должен преодолеть его.

Долинец сосредоточился, решительно и настойчиво проникая все глубже в себя, собирая энергию сердца, разума и тела — волю, мысль и силу воедино. Но страх все еще жил в нем. Он поднимался перед долинцем подобно стене, отбрасывая

назад, отталкивая, и был настолько силен, что на какое-то мгновение Вилу показалось, что он не сможет его преодолеть.

В эльфийских камнях таилась опасность. Ее нельзя было ни увидеть, ни потрогать, ни понять, ни определить, но она была. Реальная и осязаемая, она угрожала непоправимо искалечить и душу, и тело. Она могла уничтожить его.

Вил боролся изо всех сил. Он думал о своем деде. Когда Ши Омсфорд взял в руки меч Шаннары, он тоже чувствовал опасность и не мог ни понять, ни объяснить ее. Он сам говорил об этом Вилу. Но тогда было необходимо использовать силу меча, и Ши сделал выбор. Теперь в таком же положении находился Вил — магическая сила камней была необходима. Сейчас он отвечал за жизнь людей, и защитить их мог только он.

Вил погрузился в синий свет эльфийских камней, и страх рассыпался. Эльфийская кровь взяла верх над человеческой; сила камней влилась в долинца.

Прошлое и настоящее, слитые воедино, раскололись. Время вновь начало свой отсчет.

Эретрия!

В алом отблеске Источника Огненной крови Жнец беззвучно подкрадывался к девушке. Вил поднял руку, и синий огонь эльфинитов ударил в демона, отбросив его к стене пещеры.

Но звука удара не было — лишь ужасающая тишина и шуршание плаща о камень. В следующее мгновение демон уже вскочил на ноги и устремился прямо к долинцу. Вил никогда бы не поверил, что столь огромная тварь может быть такой проворной. Долинец еще ничего не успел предпринять, а демон уже навис над ним, когтистые лапы тянулись к Вилу. Синий огонь снова вырвался из эльфинитов и ударил в демона, отбросив его назад, как тряпичную куклу. На этот раз Вил Омсфорд почувствовал: огонь эльфинитов течет в его теле, как кровь, — то же самое он испытал и в Тирфинте. С ним что-то случилось, что-то странное и пугающее.

Но не было времени думать об этом — серая фигура Жнеца надвигалась на него бесплотной тенью. Огонь метнулся из вытянутой руки долинца, но на этот раз Жнец был настороже и увернулся. Вил снова попытался остановить его — и снова ничего не получилось. Жнец крался сквозь мутный свет — все ближе, ближе, но в последний момент Вилу удалось собрать

магический огонь прямо перед собой. Синее пламя встало перед долиномцем подобно щиту. Демон в ярости отскочил назад. Пламя отбросило и самого Вила — он упал, ударившись головой о каменный пол. На какой-то миг ему показалось, что он теряет сознание. Когти демона резали синий огонь, пытаясь добраться до долинца. Справившись с болью и головокружением, Вил поднялся на ноги. Жнец разочарованно отступил, бесшумно отпрянув в сторону.

Вил с трудом удержался, чтобы вновь не упасть. Все тело ломило, перед глазами плясали неясные пятна. Он не был готов к такому повороту событий и думал, что, каким бы сильным и опасным ни был этот демон, он не сможет противостоять эльфийским камням. Теперь его уверенности поубавилось.

Потом Вил вспомнил про Эретрию. Где она? Эльфийский огонь бился в его теле, как живое существо, попавшее в плен. На миг Вил испугался, что вот-вот потеряет над ним власть. В это мгновение Жнец снова атаковал его. Синее пламя полыхнуло между противниками ослепительной вспышкой, сбросив обоих с узкого выступа. Вил ударился о каменную стену пещеры, бедро и локоть свободной руки затрещали, как высохшее дерево. Жгучая боль пронзила все тело, рука онемела.

Вил заставил себя подняться, бессильно прислонившись к стене, и позвал Эретрию. Девушка вылетела из сумрака, опередив Жнеца буквально на шаг. Жнец неминуемо схватил бы их, если бы не Шлынд. Всеми забытый, пес вырвался от Хебела и с угрожающим рычанием бросился на демона. Острые зубы вонзились в пепельно-серый плащ. От неожиданности чудовище упало, но уже через мгновение рывком поднялось, оторвало от себя пса и откинуло его в сторону. Шлынд с испуганным поскуливанием пролетел по воздуху и, со всего маху ударившись о стену пещеры, упал и затих.

За эти секунды Вилу удалось прийти в себя. Он поднял руку — метнулся синий огонь. Но пламя едва задело Жнеца: он опять увернулся; пылающий столб пламени Источника Огненной крови скрыл его из виду.

Долинец ждал, лихорадочно взглядываясь в полумрак, зная, что тварь придет снова. Эретрия, рыдая, прижалась к стене позади Вила, она судорожно вцепилась в кинжал, грязь и пот были размазаны по ее лицу. Хебел в углу склонился над Шлындом, что-то настойчиво шепча. Секунды шли. Жнец не появлялся.

Вил взглянул наверх. Высоко у свода пещеры он увидел демона. Увидел в тот самый миг, когда Жнец начал спускаться. Мягко, как кошка, демон спрыгнул и приземлился рядом с долиномцем. Эретрия закричала и в ужасе отшатнулась. Медленно, очень медленно черная дыра капюшона приближалась, завораживая Вила Омсфорда пристальным взглядом пустоты. Долинец не мог даже пошевелиться. Тьма держала его, безликая и глубокая.

Жнец бросился на него — на какой-то миг Вил почувствовал, как тварь его поглощает. Спасла только сила эльфийских камней. «Голубые камни для поиска» — так говорил Алланон; слова друида вспыхнули в сознании Вила Омсфорда: «Ищи лицо! Лицо Жнеца!» Мысль еще не успела оформиться, а магия уже действовала, отрывая долинца от ужасного чудовища, что неслось на него, от его собственных страха и боли — от всего, кроме желания выжить. Вил услышал свой крик, и синий огонь вырвался из его руки. Пламя врезалось в безликий капюшон, сжало, как тиски, невидимую голову Жнеца и больше не отпускало. Напрасно демон корчился, извивался, пытаясь вырваться. В считанные секунды пламя пробралось под серый плащ и взорвалось вспышкой ослепительного света.

Когда огонь погас, от Жнеца осталась лишь горстка пепла.

Глава 48

Пламя Источника Огненной крови прикоснулось к Амбель Элесседил с нежностью материнских рук. Огонь поднимался повсюду — алая стена закрыла собою весь мир, — однако он не причинял изумленной эльфийке никакого вреда.

«Как странно, — подумала она, — огонь не обжигает».

Не было ни жара, ни дыма, ни даже запаха горящего пламени. Был только цвет, густой, алый, и чувство, что ее обнимает что-то знакомое и успокаивающее.

Дрема охватила ее, медленно вытесняя боль и страх последних дней. Пещеру, спутников Амбель — все скрыла стена огня. Амбель хотела уже выйти из этого алого тумана, однако какое-то смутное чувство удержало ее. Эльфийка поняла: ей надо остаться здесь. Надо сделать то, зачем она пришла сюда.

То, зачем она пришла сюда, повторила себе Амбель и вздохнула. Какое длинное было у нее путешествие, какое суровое

испытание. И вот теперь все подходит к концу. Она нашла Источник Огненной крови. Интересно все-таки, как это у нее получилось, внезапно подумала эльфийка. Она стояла там, в темной пустоте пещеры, вместе с остальными, уже отчаявшись, с единственной мыслью: за дверью из стекла, которое нельзя разбить, нет никакого источника и все их усилия были напрасны, как вдруг... Чувство шло откуда-то из глубины ее существа и говорило, что Источник Огненной крови здесь, в этой пещере, нужно только найти его. И только она сделает это. Тогда Амбель на ощупь пошла вперед, не понимая, что именно направляет ее.

Это беспокоило Амбель. Она закрыла глаза и прислушалась к себе, пытаясь разобраться.

Понимание приходило медленно.

Сначала эльфийка подумала, что это сам источник притянул ее к себе. Но у огня нет чувств; огонь — бездушная сила, древняя, исполненная жизни и жизнь дающая, но слепая. А раз не огонь, значит, семя Элькрис, этот крохотный росточек жизни, который ей поручило волшебное дерево. Элькрис живет и чувствует, и семя ее должно быть таким же. Нет, не то. Пока пламя живительного огня не коснулось семени, в нем еще не было жизни, оно дремало. Это огонь пробудил ее.

Не Источник Огненной крови. Не семя Элькрис. Что же тогда?

Вдруг Амбель поняла. Это она сама. Что-то внутри, идущее только от нее самой, предупредило о демоне. Это предупредило ее и об источнике. Это рождалось в ней и исходило только от нее. Она вспомнила о странном влиянии Элькрис на нее, об ощущении, что дерево поглощает ее, растворяет в себе и что она сама — уже не она, а какая-то часть, продолжение Элькрис. Может быть, это дерево так изменило ее? Может быть, это воздействие было гораздо сильнее, чем думала Амбель?

На мгновение Амбель испугалась: она всегда пугалась при мысли, что Элькрис овладевает ею, ее существом, ее волей. Невозможным усилием эльфийке удалось отогнать этот страх. Сейчас у нее нет причины бояться. Путешествие подходит к концу, они нашли Источник Огненной крови. Амбель сдержала свое обещание. Осталось только вернуть к жизни Элькрис.

Амбель опустила руку под рубашку и коснулась семени — источника этой жизни. Рука ощутила тепло и слабый ток энер-

гии — семя дерева словно предчувствовало свое пробуждение. Амбель уже собралась было вытащить руку, но снова вернулся страх, внезапный, всепоглощающий. Эльфийка колебалась, чувствуя, что с каждым мгновением воля ее слабеет все больше и больше. Где же Вил? Он обещал быть рядом и позаботиться о ней. Он обещал проследить за тем, чтобы она, Амбель, не дрогнула и дошла до конца. Где же он? Ведь он так ей необходим; так нужно, чтобы он пришел. Именно теперь.

Но он не придет. Он там, за стеной огня; Амбель знала, что Вил не может добраться до нее. Все, что ей надо сделать, она должна сделать сама — опустить семя Элькрис в огонь. Ведь только для этого она проделала такой долгий путь; теперь осталось лишь совершить то, зачем она пришла. Но страх не ушел. Как изнуряющая, неизлечимая болезнь, он охватил Амбель. Она ненавидела свой страх, потому что не понимала, откуда он.

Семя начало слегка пульсировать в ее руке.

Амбель опустила глаза. Даже семя пугало ее, даже такая малая часть Элькрис. Нахлынули воспоминания. Даже теперь Элькрис преследовала ее. Какое она имеет право так поступать с Амбель? Какое она имеет право так ее использовать? Какое право?..

Стыд охватил Амбель. Все эти вопросы бессмысленны теперь. Элькрис умирает, ей нужна помощь, а не обвинения. Амбель открыла глаза — алое сияние Источника Огненной крови ослепило ее. Сейчас нельзя давать волю своим сомнениям и разбираться в своих страхах, времени остается все меньше.

Амбель вздрогнула. Огонь! Почему жизненная сила огня еще не пробудила семя? Неужели пламя не может до него добраться?

Амбель снова хотела достать семя, и снова страх удержал ее. Слезы стояли в глазах эльфийки. Почему она? Это должен был сделать кто-то другой! Она не избранник! Она не подходит для этого! Она не... она не...

Заливаясь слезами, она вытащила семя из-под рубашки и протянула вперед, в алое пламя Источника Огненной крови. Семя вспыхнуло у нее в руке — прикосновение огня оживило его. Снова Амбель охватило странное чувство — то самое, что предупредило ее о приближении Жнеца, позвало к Источнику Огненной крови.

Она медленно поднесла семя Элькрис к груди, ощущая, как внутри его пульсирует жизнь. Слезы текли по щекам эльфийки.

Она. Это — она.

Теперь Амбель поняла. Она прижала семя к груди и вышла из пламени Источника Огненной крови.

Глава 49

Прислонившись к стене пещеры, Вил и Эретрия наблюдали за мерцанием алого света Источника Огненной крови. Яркий всплеск пламени — и огонь исчез.

Вил и Эретрия прищурились, стараясь разглядеть что-нибудь во внезапно наступившей темноте. Они с трудом различили какое-то движение на вершине каменного выступа, там, где только что пылало пламя. Вил медленно поднял руку, сжимающую эльфиниты, — эльфийская магия ответила мерцанием синего огня.

— Вил...

Это была Амбель! Как потерявшийся ребенок, она выбиралась из мрака. Не обращая внимания на боль, что мучила его избитое тело, долинец рванулся к ней. Эретрия — следом за ним. Они подбежали к Амбель, когда та, спотыкаясь, спустилась с выступа и упала на их протянутые руки.

— Вил... — рыдая, пробормотала она.

Амбель подняла голову, волосы откинулись назад, открывая лицо. Глаза эльфийки горели алым пламенем Источника Огненной крови.

— Глаза! — задохнулась Эретрия и поспешно отступила назад.

Вил поднял эльфийку на руки. Она была очень легкая, легче перышка, словно ее кости иссохли и осталась лишь тонкая оболочка плоти. Амбель плакала, уткнувшись лицом в плечо долинца.

— Вил, я ошибалась. Как я ошибалась! Это была не она. Это я. Это была я сама. Всегда.

Слова лились непрерывно и стремительно, как будто Амбель не могла совладать с их потоком. Вил гладил ее бледную щеку.

— Все хорошо, Амбель, — шептал он в ответ. — Все прошло.

Она подняла на него глаза, кроваво-красные, остановившиеся, ужасные.

— Я не понимала. Она знала... все это время. Она знала и пыталась... Она пыталась сказать мне, как-то дать мне понять... Но я ничего не понимала, я была так напугана...

— Не говори ничего.— Вил крепко обнял ее.

Внезапный беспричинный страх охватил долинца. Пора уходить отсюда. Надо выбираться на свет. Он повернулся к Эретрии.

— Возьми лампы.

— Вот. Они у меня, целитель.

— Хорошо. Теперь скорее отсюда...— начал было он, но тут же оборвал себя — Элькрис. Семя. Смогла ли Амбель?..— Амбель,— нежно прошептал он,— ты опустила семя в огонь? Амбель?

— Да...— Она сказала это так тихо, что Вил едва расслышал ее.

«Но чего это ей стоило? — с горечью подумал долинец.— Что было с ней там, в огне?.. Но нам надо спешить. Надо выбраться из этого лабиринта на склон Острия Земли, а потом еще вернуться в Арборлон. Там Амбель поправится. Там все будет хорошо. Обязательно будет».

— Хебел! — позвал долинец.

— Здесь, эльфийн.— Голос старика был суровым и резким. Он появился из сумрака, неся Шлында на руках.— Лапа сломана. Может быть, что-то еще.— Слезы стояли в глазах старика.— Я не могу его бросить.

— Целитель! — Лицо Эретрии вплотную приблизилось к нему.— Как мы найдем дорогу обратно? Теперь, без собаки...

Долинец в оцепенении уставился на нее, будто напрочь забыл о ее существовании и теперь не мог понять, кто она вообще такая. Девушка вспыхнула от стыда: она подумала, что Вил сердится на нее за то, что она отшатнулась тогда от эльфийки.

— Эльфийские камни,— наконец пробормотал он.— Они укажут нам путь.

Он прижал Амбель крепче к себе и тут же скривился от боли, прошедшей волной по его избитому телу.

Эретрия схватила его за руку.

— Ты не сможешь нести эльфийку и одновременно искать дорогу. Дай ее сюда. Мне.

Вил покачал головой.

— Я смогу,— возразил он. Он хотел, чтобы Амбель оставалась поближе к нему.

— Ну не надо упрямяться,— мягко убеждала Эретрия.— Я знаю, что она для тебя значит, целитель. Знаю. Но пожалуйста, позволь мне помочь. Дай мне понести ее.

На мгновение глаза их встретились в полумраке, и Вил увидел слезы, сверкающие на щеках девушки.

— Ты права. Одному мне не справиться.

Он передал Амбель Эретрии. Девушка крепко прижала к себе эльфийку, словно младенца, бережно и осторожно. Голова Амбель опустилась на плечо Эретрии — она заснула.

Они прошли назад, сквозь водопад, и дальше, тщательно выбирая дорогу по усыпанному камнями дну пещеры. Пот и кровь покрывали тело Вила, боль становилась сильнее. Когда они добрались до коридора, что вел из скалы наружу, Вил едва держался на ногах. Но времени на отдых не было. Они должны торопиться, если хотят еще застать Пека, ведь сегодня его последний день здесь, в Диких дебрях. Им надо выйти из Оберега в Лощины, на склон Острия Земли, и сделать это до захода солнца, иначе маленький крылатый всадник улетит. А без Пека и Генвен им не добраться до Арборлона.

Все же Вил устроил короткий привал у самого входа в туннель. Он пошарил в небольшом мешочке с целебными травами и корнями, что висел у него на поясе, и извлек темно-малиновый корешок весом примерно в шесть унций, похожий на плотно свитую спираль. Вил колебался. Сок корня избавит от боли, однако у него есть еще одно свойство: он вызывает сонливость, более того — Вил вообще может потерять сознание. И если это случится до того, как они успеют найти выход из этого лабиринта...

Эретрия молча наблюдала за ним. Он поглядел на нее, на хрупкую фигуру Амбель, которую девушка прижимала к себе, потом откусил кусок корня и начал жевать.

Они вновь побрели вперед, в темноту. Когда туннель, по которому они шли, раздвоился, Вил поднял руку с камнями, призывая на помощь эльфийскую магию. Она потекла сквозь него, как прилив внезапного жара, закружилась в теле долинца и выплеснулась наружу. Как синий маяк, она вилась впереди, указывая дорогу сквозь лабиринт туннелей. Путешественники

шли следом — неясными тенями они устало влеклись сквозь мрак. Сначала долинец, Эретрия — сразу за ним, нежно прижимая к себе спящую эльфийку, Хебел со Шлындом на руках шел последним. Время тянулось медленно.

Сок корня уже начал действовать. Вил слабел с каждой минутой, ему казалось, что его тело слеplено из сырой глины; сознание тускнело — он помнил только одно: во что бы то ни стало надо идти. И все это время в его крови бушевала эльфийская магия: долинец чувствовал, как что-то неувлимо меняется в нем. Он уже не тот, кем был раньше. Магия прожгла его, оставив в душе невидимый, но ощутимый шрам, который уже никогда не исчезнет. Но сейчас только одно имеет значение: Амбель должна вернуться в Арборлон.

Они шли вслед за ярко-синим огнем, коридоры, туннели и лестницы пропадали во тьме у них за спиной.

Обессиленные и измученные, они наконец выбрались из Оберега на свет и воздух. Далеко на западе солнце медленно опускалось за лес, сверкая вспышками золотистого огня.

Вил задохнулся от отчаяния.

— Солнце... Эретрия!

Девушка подошла к нему, они вместе положили Амбель на землю и, усталые, опустились на колени рядом с ней. Эльфийка спокойно спала, за все время пути из Оберега она даже не пошевелилась.

— Эретрия... вот... — Вил шарил рукой под рубашкой. Глаза долинца слипались, язык во рту разбух, слова были невнятными. Из всех сил стараясь не упасть, он достал серебряный свисток и протянул его девушке. — Вот... давай, дуй в него... быстрее...

— Целитель, я?... — начала было она, но Вил поспешно схватил ее за руку.

— Дуй в него! — и, ослабевший, упал навзничь.

«Слишком поздно, — подумал он. — Слишком поздно. День кончается. Пек уже улетел».

Вил засыпал, но рука все еще крепко сжимала эльфиниты, и он чувствовал, как острые грани камней врезаются ему в ладонь.

Эретрия поднялась на ноги, поднесла свисток к губам, потом недоуменно обернулась к Вилу:

— Звука нет!

Он кивнул.

— Дуй... еще...

Она подула и снова вопросительно уставилась на долинца.

— Смотри...— Вил показал на небо.

Хебел уложил Шлында на траву; огромный пес лизал его руки. Вил глубоко вздохнул и поглядел на Амбель. Жизнь как будто покинула ее — эльфийка лежала бледная, почти белая. Отчаяние охватило долинца. Он должен как-то помочь ей. Ему очень нужен Пек! Им всем нужен Пек! Если бы они шли чуть-чуть быстрее! Если бы боль не мешала ему! А теперь день кончается.

Сумерки опускались на землю.

«Пек, не улетай! — беззвучно кричал долинец.— Помоги нам!»

— Вил...

Он резко повернул голову. Странными, кроваво-красными глазами Амбель смотрела прямо на него. Ее рука нашла руку Вила.

— Все хорошо... Амбель,— выдавил он, глотая слюну, чтобы смочить пересохшее горло.— Мы... выбрались оттуда.

— Вил, послушай меня,— прошептала Амбель. Теперь ее слова были четкими, неторопливыми.

Вил попытался было ответить, но пальцы эльфийки легли на его губы, она медленно покачала головой.

— Нет, послушай меня. Не говори ничего. Просто слушай. Я была не права. Я ошибалась в Элькрис. Она вовсе не пыталась меня использовать, она не обманывала меня. А страх... он пришел сам собой. Потому что я не могла понять, что она делает. Она пыталась объяснить мне, Вил, почему она избрала меня и почему так выделяла из всех. Видишь ли, она знала, что это именно я. Она знала. Ее время прошло, и она понимала...— Амбель остановилась, кусая губы, чтобы справиться с обуревавшими ее чувствами. Слезы потекли по ее щекам.

— Амбель...— начал было Вил, но она снова покачала головой.

— Слушай меня. Там я сделала свой выбор. Он только мой, и никто, кроме меня, за него не в ответе. Ты понимаешь? Никто. Я выбрала то, что должна была выбрать. Я сделала это по многим причинам, которые я не могу...— Она запнулась.— Из-

за избранников, Вил. Из-за Криспина, Дильфа и других Эльфийских охотников. Из-за солдат в Беличьем лесу. Из-за бедного малыша Виспа. Они все погибли, Вил, они мертвы, и я не могу позволить, чтобы все это было напрасно. И теперь ты и я должны... забыть, что мы... — Она не нашла нужных слов и разрыдалась. — Вил, ты мне нужен, как ты мне нужен...

Страх охватил долинца. Он теряет ее. Вил чувствовал, что теряет. Изю всех сил он пытался сбросить с себя оцепенение, сковывающее его.

Потом Эретрия окликнула их, голос ее звенел от волнения. Девушка указывала рукой куда-то в небо. Вил и Амбель повернулись туда. Далеко на западе сквозь дымку рассеянного, тускнеющего солнечного света огромная золотая птица неслась вниз, к склону горы.

— Пек! — тихо вскрикнул Вил. — Пек!

Амбель обняла его и крепко прижала к себе.

Потом его куда-то несли, сквозь туман полусна Вил слышал голос Пека:

— Именно дым из этой горящей башни, Вил. Мы с Генвен весь день кружили над лебрями. Я знал, что вы где-то там, внизу. Я это знал. День почти прошел, я должен был возвращаться во Взмах Крыла, но я не мог улететь. Я знал, что еще понадобится принцессе. Вил, она такая бледная.

Потом Вил почувствовал, что его посадили на Генвен, тонкие руки Эретрии привязали его ремнями к птичьей спине.

— Амбель... — прошептал он.

— Она здесь, целитель, — тихо ответила Эретрия. — Теперь мы все спасены.

Услышав это, Вил позволил себе расслабиться — он медленно уносился в беспамятство, сгущающееся вокруг, как ночь.

— Эльфин? — позвал его тихий голос.

Вил открыл глаза — внизу стоял Хебел и смотрел на него.

— До свидания, эльфин. Дальше я не пойду с тобой. Этот дикий край — мой дом. Теперь я обошел его целиком. Все, как я хотел. И Шлынд. Он, похоже, поправится. Эта черненькая помогла мне закрепить лапу, и он как пить дать скоро выздоровеет. Он крепкий пес — мой Шлынд. — Старик придвинулся ближе. — Ты и эльфийка — я желаю вам счастья.

Вил тяжело слотнул.

— Мы... тебе очень обязаны, Хебел.

— Мне? — Старик добродушно рассмеялся. — Не мне. И никому. А теперь — удачи тебе.

Он отошел в сторону и пропал. Потом появилась Амбель — она съежилась впереди на спине у Генвен; сам Пек сел сзади, быстро проверив поводья и упряжь. Потом мальчик издал какой-то странный клич — Генвен медленно взлетела, ее золотистые гигантские крылья распростерлись над черной ямой Лощин. Она поднималась все выше в небо, темные леса Диких дубрей падали вниз. Далеко впереди показалась стена Скалистого отрога.

Вил крепко прижался к Амбель. Через мгновение он заснул.

Глава 50

Ночь окутала Арборлон. Пройдя по пустынным, спящим Садам Жизни, Алланон с серебристым посохом в руках поднялся на вершину холма, где стояла Элькрис; маг плотнее запахнул черный плащ, спасаясь от ночного холода. Он пришел, чтобы побыть с ней, пришел успокоить ее. Это последние ее часы: очень скоро она освободится от бремени, которое несла столько лет.

Маг на мгновение остановился, глядя на дерево. Странное ощущение испытал бы тот, кто увидел их сейчас, внезапно подумал Алланон: друид и Элькрис, застывшие черные силуэты на фоне освещенного луной летнего неба; человек, стоящий в молчании перед засохшим, бесплодным деревом; лицо человека — бесстрастная маска, скрывающая обуревавшие его чувства. Но сейчас их никто не увидит, никто не придет сюда. Так решил Алланон: эту ночь они с Элькрис проведут вдвоем, никто, кроме него, не будет свидетелем ее смерти.

Маг ступил вперед, ее имя шелестело в его сознании: «Элькрис». Ветви дерева, испуганные и настойчивые, медленно опустились на плечи друиду, он тут же ответил ей — хотел успокоить.

«Не надо отчаиваться, — повторял Алланон. — В тот самый памятный день, когда эльфы сражались за Арборлон, когда битва была наиболее яростной, в полдень случилось что-то, дающее нам надежду. Далеко на юге, в темных лесах дикого края, куда ушла последняя из избранников, ее хранитель вызвал к жизни

магическую силу эльфинитов. И я добрался до него и прикоснулся к его мыслям — быстро, лишь на мгновение, чтобы Дагдамор не успел его выследить. Но и мгновения было достаточно. Высокочтимая госпожа, они нашли Источник Огненной крови! Возрождение вот-вот наступит!»

Друид ждал. Но Элькрис ничего не отвечала. Ослабевшее дерево или не слышало мага, или уже не понимало. И все же чувства еще не умерли в ней, она сознавала его присутствие, понял друид, но сознавала лишь то, что в свои последние минуты она не осталась одна.

На него нахлынула печаль. Он пришел слишком поздно.

Маг затих, ничего сделать он не мог — только остаться с ней до конца. Время тянулось мучительно медленно. Иногда ее беспорядочные мысли добирались до сознания Алланона, сверкая, как мимолетные цветные вспышки, — образы того, что было, и грезы о том, что будет. Друид терпеливо принимал эти образы-мысли и отвечал: он здесь, он ее слушает, он ее слышит. Вместе с ней он примерял покровы смерти, что тщетно пыталась сбросить с себя Элькрис. Они касались друида, и он чувствовал холод этих прикосновений — слишком выразительно говорили они, что и сам он смертен.

«Все пройдет дорогой, которой сейчас идет Элькрис, — так шептали они. — Всё и все. Даже друид».

На мгновение мысли Алланона обратились к его собственной смерти. Он смог продлить свою жизнь — она во много раз уже превышала пределы жизни обычного человека, — но ведь и он когда-то умрет. Как и Элькрис, он последний в своем роду. Друидов больше нет, никто не придет за ним следом. Когда он умрет, кто станет хранить тайное знание, передаваемое из поколения в поколение еще со времен первого Совета друидов в Параноре? Кто тогда будет владеть магией, которой теперь повелевает только он? Кто станет хранителем родов?

«Может быть, — внезапно подумал он, — еще удастся найти такого хранителя?»

Ночь подходила к концу, бледный проблеск рассвета прорвался сквозь тьму восточного неба. Жизнь зашевелилась в безбрежных лесах Западных земель. Внезапно Алланон почувствовал, что в прикосновении Элькрис что-то изменилось. Он терял ее. Маг не отрываясь, напряженно смотрел на дерево, руки его сжимали серебряный посох, словно это могло удержать

жизнь, которая неумолимо покидала ее. Образы стали реже, сияние разлилось по утреннему небу. Боль, что все время держала его в напряжении, слегка поутихла; ее сменила какая-то странная отрешенность. Над восточным горизонтом показался краешек солнца, ночные звезды поблекли и растворились.

Вдруг образы исчезли. Друид напрягся. Посох в руках стал холодным. Все кончено.

Он осторожно положил посох под дерево. Потом повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь из Садов.

Андер Элесседил молча стоял у постели отца. Бинты и одеяла скрывали худое тело; грудь короля медленно поднималась и опускалась — только это говорило о том, что он еще жив. Король спал беспокойным, прерывистым сном, блуждая в сером тумане между жизнью и смертью.

Чувства и воспоминания нахлынули на Андера и закружились в его сознании, как листья, гонимые порывом ветра. Его разбудил Гаел, встревоженный и испуганный. Юный паж не мог уснуть. Он беспокоился о своем короле и вернулся во дворец, надеясь занять себя приготовлениями к наступающему дню. Но двери были закрыты, а стражи почему-то не было. Об этом он тотчас сообщил Андеру, который мгновенно поднялся и, позвав гвардейцев, бросился во дворец. Услышав отчаянные крики Эвентина, они взломали дверь и ворвались во дворец, где стали свидетелями окончания смертельной схватки: король дрался с демоном — с чудовищем, принявшим облик Манкса. Некоторое время Эвентин еще оставался в сознании: пока они несли его, израненного, окровавленного, в спальню, он что-то в ужасе шептал о поединке и предательстве, потом впал в забытие.

Как ему удалось выжить? Откуда взялось столько сил? Андер покачал головой. Только те, кто видел, могли по-настоящему оценить эту схватку.

По Арборлону поползли слухи. Уже говорили, что король мертв, что город потерян. Андер сжал губы. Что ж, он быстро заставит их замолчать.

Внезапно он опустился перед отцом на колени и дотронулся до ослабевшей, безвольной руки. Он бы заплакал, если бы еще оставались слезы. Какая ужасная судьба была уготована старому королю! Два его сына и ближайший друг погибли. Его

любимая внучка пропала бесследно — скорее всего, уже навсегда. Его страна захвачена врагом, которого он одолеть не может. Эвентин лишился всего — у него все отняли. Что же дает ему силы жить? Ведь смерть, безусловно, была бы для него желанным облегчением.

Андер нежно сжал руку отца. Эвентин Элесседил, король эльфов; у них больше не будет другого такого короля. Он — последний. И что же останется в память о нем: разоренная земля и изгнанный с нее народ? Андеру было горько не за себя — о себе он вообще не думал. Ему было горько за отца, который всю жизнь провел в трудах и заботах о благе этой земли и своего народа. Не о себе горевал он — эльфы ничем не обязаны Андеру Элесседилу. Но этот старик отдал им свое сердце. И что же? Край его будет опустошен, а народ уничтожен? Здесь все обязаны только ему, королю Эвентину. Он любил эту землю и эльфов, и он отдал за них жизнь, и если ему придется увидеть, как все гибнет... Это слишком несправедливо!

Андер наклонился и поцеловал отца. Потом резко выпрямился и отвернулся.

«Надо найти Алланона, — подумал он. — Друид еще ничего не знает. А потом надо вернуться на Каролан и стоять до конца вместе со своим народом, так, как стоял бы отец, если бы только мог. Теперь бессмысленно горевать. Бессмысленно сожалеть. Сейчас нужны только отвага и сила — такие, какие явил отец в своей последней битве, — только отвага и сила».

Что бы ни случилось сегодня, он будет достойным сыном своего отца.

На ходу натягивая кольчугу, Андер Элесседил быстро вышел из темной спальни.

На пороге дворца он мгновение помедлил, вглядываясь в сияющее на востоке небо. Темные крути плясали перед глазами принца, лицо осунулось. В окнах дворца за спиной Андера вспыхнул свет — Эльфийские охотники, как сторожевые псы, обходили коридоры.

— Теперь уже незачем, — пробормотал Андер себе под нос; глаза слипались, мысли расплывались — ему надо было поспать.

Андер вышел на улицу, не заметив гигантской темной фигуры, что возникла из сумрака, откуда-то с той стороны, где были привязаны лошади.

— Принц Андер?

Он обернулся на звук своего имени и выжидающе остановился. Темная фигура тихо приблизилась, отблески солнечного света горели огнем на кольчуге. Это был Сти Джанс, командир Вольного корпуса.

— Командир.— Принц устало кивнул.

Тот тоже кивнул в ответ, покрытое шрамами лицо было бесстрастно.

— Нехорошая ночь, я бы сказал.

— Значит, ты уже знаешь?

Сти Джанс поглядел на дворец.

— Демон пробрался в дом короля. Он перерезал охрану и едва не убил короля. Король победил чудовище, но сам едва жив. Говорят, он упал и уже не поднялся. И ты ожидал, что все это сохранится в тайне, мой господин?

— Нет, конечно. Мы и не пытались,— вздохнул Андер.— Маска — вот что это был за демон. Он принял облик собаки отца. Пес был с ним много лет. Никто из нас не знает, как долго все это продолжалось, как долго он играл эту роль, но сегодня ночью демон решил, что пора закончить игру. Убил охранников, запер входные двери и напал на короля. Я видел то, что от него осталось. Я даже не знаю, как удалось отцу...

Он остановился и безнадежно покачал головой. Сти Джанс смотрел ему прямо в глаза.

— Значит, король еще жив.

Андер медленно кивнул.

— Но я никак не пойму, что поддерживает его жизнь.

Они замолчали, глядя на освещенные окна дворца,— вооруженные воины бродили по коридорам.

— Может, он просто ждет остальных, мой господин,— тихо сказал Сти Джанс.

Глаза их встретились.

— Что ты имеешь в виду? — так же тихо спросил его Андер.

— То, что всем нам осталось немного.

Андер глубоко вздохнул.

— И сколько у нас еще времени?

— Только нынешний день.— Смуглое лицо командира по-прежнему было бесстрастно.

Андер расправил плечи.

— Ты как будто уже смирился с этим, командир.

— Я — честный человек, мой господин. Как только мы встретились, я сразу сказал тебе это. Или ты хочешь, чтобы я говорил неправду? Ты хочешь услышать от меня ложь?

— Нет. — Андер твердо покачал головой. — И никакой надежды продержаться дольше?

Сти Джанс пожал плечами.

— Надежда есть всегда.

Андер протянул руку.

— Нам повезло, что у нас есть ты и Вольный корпус. Я очень хочу достойно отблагодарить тебя.

— А я хочу, чтобы мы были достойны твоей благодарности. Счастливо, принц Андер. — Железный человек сжал его руку.

Он отдал честь и быстро ушел. Андер мгновение смотрел ему вслед, потом отвернулся и направился дальше по улице.

Алланон нашел принца, когда тот уже собирался ехать на Каролан. Верхом на Артаке друид вылетел из предрассветной мглы. Андер молча ждал. Маг остановил коня и взглянул на него.

— Я знаю все, что случилось, — глухо заговорил друид. — Мне очень жаль, Андер Элесседил.

Тот кивнул.

— Алланон, а где посох?!

— Его больше нет. — Маг смотрел мимо него на королевский дворец. — Элькрис умерла.

Андер почувствовал, что силы вот-вот оставят его.

— Это конец. Теперь все погибло.

— Возможно, нет. — Взгляд Алланона был тверд и тяжел.

Андер с недоумением уставился на него, но друид уже поворачивал Артака.

— Я буду ждать тебя у ворот Садов Жизни, принц эльфов! — прокричал он через плечо. — Приходи побыстрее. У нас еще есть надежда.

С этими словами он пришпорил коня и скрылся в тумане.

Глава 51

С рассветом демоны начали штурм. Они лезли на Каролан и, пробравшись через раскиданные камни рухнувшего Эльфитча, собрались у стен шестого уровня. Теперь сила Элькрис

не сдерживала их, и демоны ломились вперед, уже неуязвимые для эльфийских копий и стрел. Волна черных тел накатила из леса. В считанные секунды она покрыла скалу. Из захваченного в предыдущей битве оружия демоны соорудили тяжелые, грубые крючья и теперь закидывали их на стену, стараясь выломать каменные блоки. Легко и быстро они поднимались все выше.

Защитники были наготове: Керрин с личной гвардией — прямо над воротами, Сти Джанс с Вольным корпусом — на левой стороне, Амантар и горные тролли — на правой. Однако они мало что могли сделать — только перерубить канаты, не дать демонам обрушить стену и взобраться наверх. Эльфийские стрелы врезались в напирющую волну тьмы, но демоны все подходили. Они закидывали новые крючья, взбирались наверх по бревнам, вытесанным из стволов, швыряли в защитников дубины и камни. Те отчаянно противостояли натиску, снова и снова отбрасывая демонов назад. Но в конце концов демоны захватили стену — защитники были вынуждены вступить в рукопашный бой.

По обеим сторонам разрушенного Эльфитча демоны решительно карабкались прямо по скале, стремясь на вершину Каролана. Там, на краю утеса, их ждали эльфийская кавалерия, легион Старой гвардии, карлики-землекопы и еще несколько разрозненных подразделений объединенной армии. Ими командовал Эльрон Тэй. В этот раз защитникам удалось смести демонов с Каролана, но обороняющихся было слишком мало для того, чтобы охранять весь утес.

На Эльфитче демонам удалось пробить ворота шестого уровня. Они разломали замки и повалили в пролом. Амантар еще держал правую стену, но Сти Джанса и его изрядно поредевший отряд атакующие неуклонно теснили назад. Керрин предпринял отчаянную попытку контратаки — Эльфийские охотники буквально погрузились в воющую черную массу и ненадолго сдержали натиск демонов. На мгновение показалось, что личная гвардия вот-вот отобьет ворота. Но тут несколько фурий бросились вниз со стены в атакующих эльфов, впиваясь в них когтями и зубами. Смертельно раненный, Керрин упал, эльфы отступили.

Они поднялись по Эльфитчу на последний, седьмой, уровень, ворота за ними с лязгом захлопнулись.

С восточного края вершины Андер Элесседил наблюдал за сражением; надежда меркла с каждой секундой. У него за спиной воины Черной стражи плотным кольцом окружили Сады Жизни. Андер быстро взглянул на Кобольда, их командира, потом — на Алланона, внимательно следящего за сражением.

— Алланон, надо что-то делать, — прошептал Андер.

Друид даже не повернулся к нему.

— Не сейчас. Подожди еще.

Демоны продолжали лезть на Каролан по скалам, минуя Эльфитч. С южной стороны они уже выбрались на вершину и теперь выстраивались там. Кавалерия эльфов пыталась выбить их с позиций. Карлики пока удерживали северный край утеса, отважный и изобретательный Бровок поднимал дух конницы и пехоты — демонам никак не удавалось прорваться сквозь хитро организованную оборону. Эльрон Тэй лично привел резерв кавалерии на южную сторону — с копьями наперевес они врезались в черную массу демонов, тесня их вниз. Это было жестокое сражение. Воздух звенел от криков и лязганья металла. Левый фланг эльфов был сметен, им пришлось отступить — демоны устремились вперед с ликующим воем.

Теперь и на северной стороне Каролана демоны оттеснили карликов; фланги обороны начали постепенно сходиться к центру. Сердцем битвы стали Сады Жизни — демоны упорно рвались туда. Эльрона Тэя сбросили с коня, и солдаты, тут же подхватив своего командира, вынесли его из боя. Израненный Бровок был со всех сторон окружен демонами. Старая гвардия потеряла уже треть своих сил. Двое крылатых всадников были убиты, трое оставшихся отлетели к Садам Жизни.

И на Эльфитче дела обстояли не лучше. Черное войско прорвалось через седьмые ворота, защитники беспорядочно отступали; казалось, еще немного — и демоны полностью разобьют их. Тролли пошли в беспощадную контратаку и на мгновение оттеснили врагов, но только на мгновение. Столь яростного натиска не смогли сдержать даже горные тролли. Унося с собой раненых, защитники оставили ворота. Еще какое-то время они сражались на самой вершине последнего уровня. Сти Джанс со своим отрядом удерживал центр, эльфы и тролли отбивались на флангах. Однако им самим было ясно, что долго они не выстоят. Сти Джанс мгновенно оценил опасность их положения. Внизу демоны собирались для новой атаки. Еще

несколько секунд — и уже никто не спасется. Надо немедленно уходить к Садам Жизни: там, быть может, удастся укрепиться, к тому же там их поддержат воины Черной стражи. Но на все нужно время, а где его взять? Кто им даст это время?

Тряхнув рыжими волосами, командир Вольного корпуса выхватил у знаменосца серо-алое боевое знамя и воткнул его между камнями. Здесь Вольный корпус будет стоять до конца. Из остатков своего отряда Джанс сформировал узкую фалангу в самом центре вершины уклона. Потом приказал эльфам и троллям немедленно отходить. Никто не оспорил его приказ: Сти Джанс был командующим армией. Вольный корпус остался один.

— Что он делает?! — в ужасе закричал Андер, но ему никто не ответил.

Демоны атаковали. Воя от ярости, они рвались вверх по уклону. Вольный корпус устоял перед натиском демонов и даже отбросил их назад. Демонам никак не удавалось добраться до отходящих защитников, а ведь казалось, они вот-вот разобьют ненавистных эльфов. Демоны снова двинулись на Эльфитч — и снова Вольный корпус отбросил их. Теперь в отряде Сти Джанса осталось не больше двух дюжин солдат. Их командир неизменно стоял впереди. Защитники, отступившие с Эльфитча, уже успели перегруппироваться у Садов Жизни и теперь с восхищением наблюдали за тем, как крошечная горстка людей сдерживает натиск черной волны. Напряженная тишина окутала их ряды. Все знали, чем это кончится.

Теперь весь Каролан был открыт. Сти Джанс вытащил знамя и поднял его высоко над головой. Раздался боевой клич воинов Вольного корпуса. Медленно, очень медленно — никто не дрогнул, никто не побежал — маленький отряд начал отходить к Садам Жизни.

Андер тяжело дышал, воздух из легких вырывался с резким хрипом. Безнадежное отступление. У локтя принца показалось лицо раненого Бровока.

— Слишком далеко, командир! — прошептал он скорее себе.

Волна демонов хлынула на вершину, они начали собираться на юге и севере Каролана.

— Беги! — отчаянно прошептал Андер. — Да беги же, Сти Джанс!

Но и на это уже не осталось времени. Крики пронзили утренний воздух, расколов тишину, — армия демонов рванулась вперед.

Алланон шевельнулся. Он что-то быстро сказал Даену, и вот поводья Плясуна уже у него в руках. Через мгновение он поднял гигантского рока в небо. Андер Элесседил с изумлением смотрел вслед друиду, все остальные тоже недоуменно повернули головы. Алланон пролетел высоко над Садами — черный плащ развевался по ветру, руки воздеты к небу. Демоны резко остановились и подняли головы. Под зловещим ударом грома пригнулась трава, зашатались деревья, как будто сама земля в гневе раскололась на части, — огонь метнулся из пальцев друида. Синей молнией пламя простерлось над войском демонов — из конца в конец, — огонь охватил первые их ряды и сжег дотла.

Эльфы возбужденно кричали. В стене огня открылся узкий коридор — он вел прямо к Садам Жизни. Через этот коридор и прошли солдаты Вольного корпуса, теперь очень быстро, так как пламя в любой момент могло сомкнуться или вообще исчезнуть. Вокруг бесновались демоны, но огонь сдерживал их, не давая добраться до отважных воинов.

«Беги!» — беззвучно кричал Андер.

В погоню устремились фурии. Они с визгом бросались в синее пламя, потеряв от бешенства рассудок. Новый поток огня вонзился в корчащихся тварей — и они пропали в ослепительном взрыве. Плясун издал пронзительный боевой клич.

Сти Джане и его люди остановились у Садов Жизни. Их приветствовали радостными криками; взвились боевые знамена Четырех земель.

Огонь поутих, а демоны все еще топтались на месте. После мгновенной гибели фурий никому не хотелось выходить на единоборство с Алланоном. Сбившись в кучу за стеной пламени, они в бессильной злобе рычали на черную фигуру, парящую высоко в небе. Демоны выжидали.

Друид уже не раз облетел их ряды, выискивая кого-то глазами. Он бросил вызов — и Дагдамор обязательно на него ответит, у демона просто нет выбора. Дагдамор должен был знать, что Вил Омсфорд вызвал к жизни силу камней, что Источник Огненной крови найден и то, чего больше всего опасался де-

мон, вероятно, уже начало свершаться: возрождение Элькрис и возобновление Запрета. Настал решающий миг: Маска мертв, Жнец, возможно, тоже. Армия демонов застряла за стеной огня. И хотя Дагдамор захватил почти всю Западные земли, он может их потерять. Элькрис была ключом к существованию демонов в этом мире. Дерево-мать должно быть уничтожено, а земля, куда Элькрис пускала корни, стерта в порошок, развеяна по ветру, чтобы уже ничто не смогло вырасти на том месте снова. А потом уже не спеша можно будет поохотиться за семенем дерева и за последней из избранников. Демоны успокоятся, только когда уже ничто не сможет изгнать их с земли, но для этого надо сначала уничтожить друида.

Из гуши демонов вырвался пронзительный крик, и в чистое утреннее небо поднялась черная тень. Это была та самая крылатая тварь, что едва не схватила Вила и Амбель в долине Ренн, когда они бежали из Надежного Приюта. Теперь друид ясно видел чудовище, похожее на огромную летучую мышь, с разинутой пастью, в которой сверкали острые клыки; кривые лапы заканчивались загнутыми когтями. Маг слышал предания об этих летучих мышах, живущих в недоступных горах далеких Северных земель, но до сегодняшнего дня ни одной не видел.

Алланон напрягся. На горбатой спине твари сидел Дагдамор, сжимая в руках Посох Власти. Он принял вызов.

Друид резко развернул Плясуна, стараясь держать его точно под летучим чудовищем, уже визжавшим в предвкушении боя. Из Посоха Власти вырвался красный огонь. Плясун, послушный малейшему движению друида, резко подался влево, сделав крутой поворот. Крылатое чудовище ринулось вниз, хватая когтями воздух, красный огонь обрушился на Каролан. Друид на роке подлетел снизу и ударил — тварь была слишком тяжелой и оттого медлительной; синий огонь прожег крылья и тело летучей мыши, опалил грубую кожу.

Чудовище пронзительно взвизгнуло, но ему все же удалось выбраться из синего потока, и Дагдамор вновь опустил Посох Власти. Красный огонь, вспоров утреннее небо, пронесся прямо перед друидом, стена пламени повисла в воздухе. Рок не колебался: он с криком резко подался вниз, сделав петлю в воздухе. Казалось, он несет друида прямо в огонь, но в самый последний миг уклонился и устремился вниз, к Каролану. Эльфы ликовали.

Демон снова атаковал, и снова Плясун увернулся. Гигантский рок отпрянул назад за утес. Красный огонь рвался из Посоха Власти, сжигая дотла траву на утесе. Плясун метался то вправо, то влево так быстро, что Дагдамору никак не удавалось попасть в него. Алланон отвечал вспышками синего огня.

Страшная дуэль продолжалась: друид и демон носились друг за другом над израненным Кароланом, каждый пытался перехитрить другого. Некоторое время они сражались на равных, никому не удавалось получить ни малейшего преимущества. Летучая мышь была неуклюжа и легко досягаема для огня друида, но в то же время очень сильна, и раны, похоже, совсем не беспокоили ее. Плясун же был на редкость проворен: огонь демона ни разу еще не коснулся его. Но время шло, и рок начал уставать. Каждый раз огонь демона вспыхивал чуть ближе. Защитники застыли в напряженном молчании. Все думали об одном: рано или поздно рок не сможет увернуться или друид рассчитает неверно, и тогда повелитель демонов достигнет их.

Опасения оправдались. Красный огонь встал на пути Плясуна; тот резко свернул, но пламя все-таки раскромсало ему крыло. На мгновение рок завис в воздухе, потом начал медленно опускаться к Каролану. Эльфы в ужасе закричали. Посох Власти опять налился огнем, крылатая тварь устремилась вниз, протягивая когтистые лапы. Алланон резко повернулся, выбросив обе руки вперед, тупая морда чудовища как будто взорвалась и пропала в синем пламени. Убитая тварь начала падать прямо на израненного Плясуна. В тридцати футах от земли летучая мышь и рок столкнулись друг с другом и, сцепившись, со страшным треском ударились о землю.

На мгновение защитникам показалось, что битва проиграна. Рок и летучая мышь были мертвы. Обожженный Алланон без движения лежал на земле. Дагдамору придавило ногу, но он сумел вытащить ее из-под летучей твари и стал подбираться к друиду. Алланон зашевелился и приподнял голову. Демон медленно подкрадывался, собираясь с силами перед последним ударом; ненависть исказила его лицо. Посох Власти загорался красным огнем.

— Алланон! — услышал Андер свой крик.

Быть может, друид и услышал. Он быстро вскочил на ноги, увернувшись от языка алого пламени. Руки мага сомкнулись на шершавой поверхности Посоха. Дерево вспыхнуло демони-

ческим огнем, и острая боль пронзила друида. Но древняя магия друидов встала на его защиту — синий огонь перемешался с красным.

Охватив Посох Власти, синее пламя заглушило красный огонь и стало проникать в тело Дагдамора. Демон широко распахнул наполненные ужасом глаза и, опустившись на колени, закричал: жгучая ненависть рвалась наружу. Из всех сил он боролся с огнем, поглощавшим его тело, пытаясь сломить силу друида. Но руки мага сомкнулись на его руках железным захватом, удерживая их на теряющем силу Посохе. Дагдамор бешено трясся и наконец ослаб, его крик обратился в шепот, глаза стали пустыми.

Теперь синий огонь охватил демона, скрыв его в пелене глубокого света. Дагдамор, содрогнувшись в последний раз, рассыпался пеплом и пропал.

Тишина опустилась на Каролан. Алланон стоял, все еще сжимая в руках Посох Власти. Он молча глядел на обожженный кусок дерева, почерневший и дымящийся, потом переломил его и бросил обломки на землю.

Обратившись лицом к Садам Жизни, друид свистом подзвал к себе Артака. Черный гигант вылетел из рядов эльфов. Алланон понимал: у него осталось лишь несколько секунд. Силы покинули его, и только благодаря своей воле он еще держался на ногах. Стена синего огня за его спиной становилась все рассеянее и прозрачнее. Теперь демонов сдерживал только страх перед друидом. Когда страх пройдет, они нападут.

Артак уткнулся головой в плечо Алланона и тихо заржал. Не сводя с демонов глаз, друид осторожно отошел назад, нащупывая рукой поводья. Потом, преодолевая боль, сел в седло и, словно не спеша, направился к Садам Жизни.

Краем глаза Алланон уловил движение в рядах демонов. Некоторые уже пытались пробиться сквозь умирающее пламя, однако оно еще жгло. Друид сжал поводья.

«Теперь скоро, — думал он, — скоро».

Внезапно черная масса прорвалась. Со всех сторон, вопя и воя, демоны приближались к друиду. Сады еще были далеко. Алланон прищипорил Артака, и черный гигант рванулся вперед. Голова у друида кружилась, руки, сжимающие поводья, ослабли. Еще немного — и он упадет. И все-таки он удержался в седле.

Огромный конь несся по Каролану, гладкое черное тело напряглось — быстрее, быстрее. Ряды эльфов приближались. Эльфы, тролли и карлики тянули к нему руки, но Артак пронесся мимо и остановился у ворот Садов Жизни.

Пот стекал по лицу Алланона, застилал глаза. Друид оглянулся — демоны упрямо приближались к Садам...

Вдруг раздался крики, сотни рук указывали в небо. Даен подбежал к Алланону, удивление и радость слышались в его голосе:

— Генвен! Это же Генвен!

Друид поднял глаза. Далеко на юге, едва заметная в сиянии полуденного солнца, сверкала золотистая точка. Она росла с каждой секундой — огромная птица неслась вниз, к Арборлону.

Глава 52

Вил Омсфорд в ужасе смотрел вниз, щурясь от ослепительно белого света солнца. Лихорадка не проходила: он чувствовал ужасную слабость, по лицу стекал пот. Генвен летела уже над лесами Западных земель, плавно скользя по воздушным течениям. Вил был надежно привязан ремнями к кожаному седлу, разбитую руку кто-то перебинтовал, но она все равно нестерпимо болела. Впереди него сидел Пек, короткими возгласами и легким движением рук управляя гигантской птицей. Амбель крепко прижалась к маленькому крылатому всаднику; Вил едва различал ее под темным плащом. Долинец почувствовал чьи-то руки у себя на поясе. Это была Эретрия. Он повернулся назад; темные глаза девушки встретились с его глазами — она упивалась полетом.

И вот внизу показался Арборлон. Темные тела покрывали утес, повсюду горел огонь, Эльфитч лежал в руинах. Вооруженные воины плотным кольцом окружили стены Садов Жизни. Их заливала волна извивающихся черных тварей.

«Демоны, — беззвучно шептал Вил, — демоны!»

Потом он заметил, что Амбель зашевелилась — она потянулась, склонилась к уху Пека и что-то зашептала ему. Тонкая рука напряженно сжимала плечо крылатого всадника. Он только кивал в ответ. Генвен начала опускаться на Каролан к Садам Жизни. Сады были как тихий остров — безмолвные и безмя-

тежные, а вокруг в солнечном свете сверкало оружие: эльфы отчаянно отбивались от полчищ демонов. Темные твари рвались к Садам. Некоторые уже перебрались через стены.

В самом центре Садов Жизни стояла всеми забытая и одинокая безжизненная тень той, что когда-то была Элькрис.

Внезапно Генвен вскрикнула — пронзительный крик врезался в шум битвы внизу. На мгновение глаза воинов обратились к гигантской птице. Она падала вниз осколком солнечного света. Радостный крик рванулся в небо — кто-то узнал Генвен. Крылатый всадник! Но только один! Защитники тщетно искали глазами остальных.

Генвен опустилась к подножию холма в Садах Жизни, туда, где стоял черный остов Элькрис, сложила огромные крылья и застыла, склонив голову к земле. Пек спрыгнул вниз и быстро развязал ремни. Прежде всего он освободил Амбель — она безвольно скользнула вниз со спины рока, упав на колени, когда ноги ее коснулись земли. Вил попытался дотянуться до нее, но его крепко держали ремни.

Звуки битвы приблизились.

— Амбель! — тихо позвал Вил.

Она встала на ноги — не более дюжины шагов разделяло их — и подняла к долиnce свое детское лицо. На мгновение ее ужасные кроваво-красные глаза остановились на нем; она, похоже, собиралась что-то сказать, однако потом молча развернулась и направилась вверх по холму.

— Амбель! — снова позвал Вил и рванулся.

Генвен резко отшатнулась и вскрикнула.

— Успокойся, целитель! — Эретрия пыталась образумить его, но Вил ничего не слышал. Он видел лишь Амбель, и она уходила от него. Он терял ее. Он чувствовал, что теряет.

Генвен рванулась вверх, испуганная резкими движениями долинца. Пек едва успел вскочить ей на спину. Эретрия быстро вытащила кинжал и одним ударом перерезала ремни, державшие ее и Вила. Они упали вниз, прямо в густые заросли кустов. Боль пронзила израненное тело долинца, но он все же поднялся на ноги. Эретрия звала его, но он не слышал: Вил, спотыкаясь, бежал за уходящей эльфийкой.

Почти над ухом Вила раздался вой. С подножины демонов прорвались в Сады. Пеку удалось посадить Генвен, он быстро

слез на землю и теперь спешил на помощь Вилу. Демоны приближались к долину. Вил поднял руку — синий огонь эльфинитов вонзился в демонов, и они пропали.

— Уходи! — закричал он Пеку. — Улетай, крылатый всадник!

Эретрия была уже рядом с Вилом. Демоны с воплями протискивались в брешь в стене. Черные стражи ринулись им наперерез, но демоны пробили себе дорогу сквозь ряды эльфов и неумолимо приближались. Долинец стал к ним лицом — эльфиниты вспыхнули синим огнем. Пек снова взобрался на Генвен, но вместо того, чтобы лететь, развернул рока, тесня демонов назад.

Внезапно пронзительный крик вырвался из рядов демонов и словно повис в полуденном зное. Вил обернулся. На вершине холма, обняв ствол Элькрис, стояла Амбель. От прикосновения эльфийки дерево засияло, как воды ручья, тронутые лучом солнечного света. С него ливнем осыпалась серебряная пыль, которая опустилась вокруг Амбель, подобно блистающему снегу. Эльфийка подняла руки к небу; хрупкое тело выпрямилось и напряглось.

И она начала меняться.

— Амбель! — вскрикнул Вил последний раз и, пораженный, упал на колени.

Очертания человеческой фигуры таяли и растворялись; одежды рассыпались и упали с нее; ноги Амбель срослись, уходя в землю; простертые к небу руки расщепились на сотни побегов, тянувшихся вверх.

— О, Вил! — прошептала Эретрия, опустившись на землю рядом с ним.

Амбель исчезла. Там, где минуту назад стояла девушка, теперь трепетала на ветру возрожденная Элькрис, серебряный ствол и алые листья сияли в солнечном свете.

Вопль боли пронесся над рядами демонов. Запрет восстановлен. Демоны уносились прочь, цепляясь друг за друга, пытаясь спастись от черной пустоты, что неумолимо смыкалась вокруг. Но спасения не было. Один за другим демоны исчезали с земли, черные тела извивались и корчились, и вот наконец последний из них пропал, растворившись во тьме.

Тишина опустилась на Арборлон.

В Садах Жизни тихо плакал Вил Омсфорд, там и нашли его эльфы. По приказу Андера Элесседила они отнесли долинца в Арборлон. Он разглядывал тихие, сумрачные залы и коридоры королевского дворца и все время молчал. Потом его уложили в постель, осторожно промыли и перевязали его раны и дали выпить какую-то горькую жидкость, от которой его тут же потянуло в сон. Вил еще чувствовал, как его бережно накрыли одеялом, и видел, как эльфы вышли, тихо прикрыв за собой дверь. Через секунду он спал.

Ему снилось, что он бредет сквозь густую, непроницаемую темноту, безнадежно потерявшись в ней. Амбель была где-то рядом, в этой мгле, но Вил никак не мог отыскать ее. Страх нарастал: что-то холодное, злое и странно знакомое появилось поблизости — Вил уже сталкивался с этой тварью раньше. Испуганный, он побежал, пробираясь сквозь паутину черной тишины. Но тварь не отставала; Вил чувствовал ее присутствие. Вот черная лапа коснулась его — долинец в ужасе закричал. Потом тьма внезапно рассеялась, тварь куда-то исчезла. Вил оказался в саду, необыкновенно красивом, здесь росли деревья и цветы яркой, невиданной окраски. Он с облегчением вздохнул. Но тут же земля ушла у него из-под ног — долинец поднялся в воздух. Оттуда он видел, как в сад хлынула черная волна пустоты; казалось, еще чуть-чуть — и она поглотит долинца. Он с отчаянием искал глазами Амбель. Теперь он увидел ее: эльфийка металась в центре сада каким-то смутным, безгласным видением — мгновенно промелькнувшая перед глазами картинка. Потом Амбель пропала. Снова и снова он звал ее, но ответа не было. Черная волна подхватила долинца — он начал тонуть...

Амбель!

Вздвигнув, весь в испарине, Вил проснулся. На столике у дальней стены горела единственная свеча. Сумрак окутывал комнату, над городом гас закат.

— Вил Омсфорд.

Он резко повернулся на звук своего имени. На кровати сидел кто-то высокий, плотно закутанный в плащ, черный и безликий в тусклом мерцании свечи.

Пришурившись, долинец узнал Алланона.

И Вил вспомнил все. Горечь переполнила его, горечь столь ощутимая, что он почти чувствовал ее вкус. Когда Вил наконец заговорил, голос его звучал глухо:

— Ты знал, Алланон. Все это время ты знал.

Друид не ответил. Слезы жгли глаза Вилу. Он подумал о той ночи в Сторлоке, когда впервые встретил друида. Флик тогда предупредил его, что нельзя слепо доверять Алланону. Друид — хранитель темных тайн и хорошо умеет скрывать их.

Но это! Как он мог скрыть это!

— Почему ты не сказал мне? — хрипло прошептал долинец.

В тени капюшона что-то зашевелилось.

— Это не помогло бы тебе, долинец.

— Вернее, не помогло бы тебе?! Ты меня просто использовал! Ты дал мне надежду, что, если я смогу защитить Амбель от демонов, если она вернется в Арборлон, все будет хорошо. Но ты знал, что этого никогда не будет!

Друид молчал. Вил потерянно покачал головой.

— Но разве ты не мог сказать ей?

— Нет, долинец, не мог. Она бы мне не поверила. И потом, для нее это было бы слишком тяжело. Вспомни, что было, когда я впервые заговорил с ней в Надежном Приюте. Она даже не верила, что она избранник. Она настаивала на том, что ее избрание было ошибкой. Нет, она бы мне не поверила. Тогда ей надо было самой узнать о себе правду и понять ее. А на это нужно время.

— Слова, Алланон.— Голос долинца дрожал.— Слова. Ты искусно владеешь ими. Ты всегда говоришь так убедительно. Однажды тебе удалось уговорить меня. Но сейчас у тебя ничего не получится, после всего, что ты сделал.

— Она приняла окончательное решение, она — не я,— спокойно ответил друид. Он подался вперед.— Я никогда бы не стал решать за нее, я мог только проследить за тем, чтобы у Амбель была возможность выбора, и ничего больше.

— Ничего больше? Но разве не ты подвел ее к необходимости принять то решение, которое было нужно тебе? И это ты называешь «ничего»?

— Я просто дал ей понять, каковы будут последствия ее решения. Каким бы оно ни было.

— Последствия? — Вил иронически засмеялся, приподнявшись на постели. — Что ты можешь знать о последствиях, Алланон? — Голос его внезапно сорвался. — Ты знаешь, что она значила для меня? Ты знаешь?

Слезы текли по лицу долинца. Он медленно опустился на подушки — странный стыд охватил его. Горечь ушла, осталась лишь мучительная пустота.

Прошло много времени, прежде чем Вил снова решился взглянуть на Алланона.

— Ладно, теперь все кончено. Ее нет. — Он с трудом сглотнул. — Может быть, ты хотя бы объяснишь почему?

Друид ответил не сразу.

— Что ж, слушай, долинец. Элькрис — удивительное творение, это дерево — живая магия, соединение человеческой жизни с огнем земли. Ее создали перед Великими войнами. Демоны были повержены, и эльфийским мудрецам надо было что-то придумать, чтобы предотвратить их возвращение на землю. Ты знаешь, эльфы совсем не воинственны. Их цель — сохранение жизни. Они не стали уничтожать даже таких злых и жестоких тварей, как демоны. Они просто изгнали их с земли. Но нужно было сделать так, чтобы и через тысячи лет зло не могло бы вернуться. Для этого требовались самое сильное волшебство и самая огромная жертва — добровольный дар жизни. Соединение энергии жизни с силой земли и создало Элькрис, а с нею — Запрет. — На мгновение он замолчал. — Тебе надо знать, по каким законам живут эльфы, саму сущность их жизни, для того чтобы понять, что такое Элькрис и почему Амбель сделала такой выбор. Эльфы считают, что они в неоплатном долгу перед землей, потому что она создает и кормит все живое. Они верят в то, что, если берешь у земли, надо обязательно дать что-то взамен. Это обычай, своего рода религия. Амбель поняла, что единственный путь к спасению всех лежит через жертву, что семя наполнится жизнью только тогда, когда она примет решение отказаться от себя и стать Элькрис. — Друид замолчал и медленно склонился к Вилу. Темная тень упала на долинца. — Ты уже понял, что первая Элькрис тоже была женщиной. Не случайно мы обращаемся к дереву «она». Элькрис всегда должна быть женщиной, потому что лишь женщина способна дарить жизнь. Мудрецы выбрали юную девушку, которая,

как мне представляется, была очень похожа на Амбель, и превратили ее в дерево — в Элькрис.

Потом они основали орден избранников, чтобы было кому заботиться о ней и... чтобы, когда придет время, она могла выбрать ту, которая заменит ее. Однако она избирала мужчин, а не женщин — за тысячи лет лишь несколько женщин были избранниками, — летописи не говорят почему. Это стало традицией: избирать на служение мужчин. Может, она сама просила об этом. Может, эльфам так было удобнее. Я не знаю.

Когда Элькрис выбрала Амбель, она, наверное, уже тогда подозревала, что может умереть. Наверное, и раньше были такие минуты, когда она думала, что смерть уже близко, тогда-то она и избирала девушку, которая, как она полагала, станет ее преемницей.

Эльфы были очень удивлены, когда Элькрис избрала Амбель — первую женщину за последние пятьсот лет. Но тогда еще никто не понимал, какое значение имело избрание Амбель: никто не мог догадаться, что Элькрис смотрела на девушку как на возможную замену себе. Когда я, узнав страшную весть о разрушении Запрета, впервые пришел в Арборлон, я пошел в Сады Жизни и говорил с Элькрис. Она мне сказала, что после избрания Амбель она пыталась укрепить связующие их нити. Потому что чувствовала, как ее разрушает болезнь. Она понимала, что жизнь ее близится к концу; потом в ней завязалось семя — она должна была передать его Амбель. Она умирала. И относилась к Амбель как к своему ребенку, в котором продолжится ее жизнь. Элькрис хотела подготовить к этому Амбель, показать ей хоть часть той красоты и покоя, которыми она наслаждалась за свою долгую жизнь. Элькрис хотела, чтобы Амбель поняла, что это значит — слиться с землей, стать с ней одним целым, веками следить за развитием жизни и самой испытать все ее изменения. То есть, как я понимаю, она хотела научить Амбель тому, что знает мать, но еще не знает дитя.

Вил кивнул. Он думал о том видении, что явилось им с Амбель на берегу, когда король Серебристой реки спас их от демонов. Там, в этом сне, они искали друг друга: он — в прекрасном саду, столь необыкновенном в своей красоте, что Вилу хотелось плакать; она — в темноте. Там она звала его, но он не ответил. Тогда они оба не поняли, что предвещал этот сон.

Они не поняли, что король Серебристой реки дал им возможность ненадолго заглянуть в будущее.

— Замыслы Элькрис были прекрасны, — продолжал друид, — и все же она несколько поторопилась. Она испугала Амбель своим проникновением в ее душу, материнской заботой, слиянием с личностью девушки. Эльфийка была еще не готова к тем изменениям, которых ждала от нее Элькрис. Амбель испугалась, потом рассердилась и покинула Арборлон. Элькрис все ждала, что Амбель вернется. Когда же болезнь стала явной и семя созрело, Элькрис позвала к себе избранников.

— Но не Амбель? — Теперь уже Вил слушал внимательно.

— Нет, не Амбель. Понимаешь, Элькрис думала, что, когда Амбель узнает о ее болезни, она придет сама. К несчастью, у нее оставалось мало времени — меньше, чем она думала. Запрет уже стал разрушаться, и она больше не могла поддерживать его. Несколько демонов уже выбрались в мир; они убили избранников — всех, кроме Амбель. Когда я пришел, Элькрис была в отчаянии. Она сказала мне, что надо найти Амбель. И я отправился на поиски.

Тень безысходного горя легла на лицо долинца.

— И тогда, в Надежном Приюте, ты уже знал, что Элькрис все еще считает Амбель избранником?

— Знал.

— И ты знал, что она даст Амбель свое семя?

— Я знал все. Летописи в Параноре открыли мне правду о том, как родилась Элькрис, и о том, как она может возродиться. Я хочу, чтобы ты понял, долинец. Мне тоже не безразлична эта девушка. Я не хотел ее обмануть, если ты называешь мое молчание обманом. Но так было нужно: чтобы Амбель узнала всю правду о себе сама, а не от меня или кого-то другого. Я просто показал ей направление, в котором надо идти, но не дал ей карту, где указаны все дороги и повороты. Она сама должна была сделать выбор. Ни я, ни кто-то другой не имели права решать за нее.

— Но может быть, было бы лучше, если бы она с самого начала знала, чем закончится этот путь, который ты ей указал? — Он медленно покачал головой. — Странно. Я думал, что мне как-то поможет, если я буду знать правду обо всем, что случилось. Но нет. Мне это не помогло. В любом случае я

не могу обвинять тебя в том, что произошло. Ты поступал лишь так, как должен был поступать, — я знаю. Я знаю, что Амбель сама сделала этот выбор. Я все знаю. Но потерять ее так — слишком тяжело... — Запнувшись, он замолчал.

Друид кивнул.

— Мне очень жаль, долинец.

Он собрался подняться, но Вил внезапно заговорил:

— Для чего ты разбудил меня, друид? Чтобы сказать мне это?

Маг выпрямился; черный капюшон скрывал его лицо.

— Сказать тебе это и попрощаться, Вил Омсфорд.

Долинец уставился на него.

— Прощаться?!

— До новых времен, долинец.

— Но... куда ты уходишь?

Алланон ничего не ответил. Вдруг Вила охватила сонливость: маг возвращал его в сон, от которого пробудил. Вил упрямо боролся с дремотой. Ему еще многое надо было сказать. Алланон не может просто так оставить его, пропасть в ночи столь же внезапно, как и появился, закуганный в темный плащ с надвинутым капюшоном, как вор, который боится показать свое лицо...

Внезапная мысль пронзила сознание Вила, он протянул руки и схватился за край плаща друида.

— Алланон!

Комната погрузилась в тишину.

Он подумал, что друид не слышит его. Маг стоял неподвижно, глядя на него из тени капюшона. Вил ждал. Потом друид поднял руки и медленно откинул капюшон.

— Алланон! — только и смог выдохнуть долинец.

Волосы и борода друида, прежде угольно-черные, были теперь прорезаны прядями седины.

— Если используешь волшебство, за это надо платить, — с горькой насмешкой улыбнулся маг. — Цена велика. Магия вытянула из меня больше сил, чем я хотел бы отдать. — Он пожал плечами. — Каждый живет ровно столько, сколько ему положено. Не больше.

— Алланон, — отчаянно шептал Вил, — Алланон, прости меня. Не уходи, не надо.

Алланон вновь опустил капюшон на лицо, слегка наклонился и сжал руку долинца.

— Мне пора. Нам обоим нужно отдохнуть. Спи спокойно, Вил Омсфорд. И постарайся не думать обо мне плохо; я верю, что и Амбель не станет. У тебя есть одно утешение: ты — целитель, а целитель обязан сохранять жизнь. И ты сделал это для эльфов, для Западных земель. И хотя тебе кажется, что Амбель потеряна для тебя, на самом деле это не так. Ее можно найти повсюду, во всем живом на земле. Только притронься к земле — и Амбель будет с тобой.

Маг отступил во мрак и задул свечу.

— Не уходи,— сонно позвал его Вил.

— Прощай, Вил Омсфорд.— Голос доносился будто сквозь туман.— Скажи Флику, что он был прав в своих суждениях обо мне. Ему это понравится.

— Алланон...— тихо пробормотал долинец. Потом он уснул.

Друид скользил по тускло освещенным коридорам дворца Элесседилов бесшумно, как тень в ночи. Эльфийские охотники охраняли коридоры — воины личной гвардии, что сражались и выжили там, на Каролане, суровые, крепкие люди, повидавшие многое и хорошо знающие себе цену. Но под тяжелым взглядом друида даже они расступались в стороны, пропуская его.

Маг вошел в спальню Эвентина, тихо закрыв за собой дверь. Окна были закрыты и плотно занавешены. Свет свечей мягко разливался по комнате, едва освещая дальние темные углы спальни, с трудом просачиваясь сквозь мрак. Король эльфов лежал на широкой кровати, перебинтованный и завернутый в одеяла. Рядом с постелью отца на стуле дремал Андер.

Друид молча прошел вперед и остановился у самой кровати. Старый король спал, неровно дыша; кожа лица пожелтела, как старый пергамент. Жизнь его близилась к концу.

«Годы идут,— подумал друид.— Скоро уйдут все, кто когда-то сражался с Повелителем чародеев, кто участвовал в поисках легендарного меча Шаннары».

Судорожная улыбка прошла по его губам. И он тоже.

Но пока он еще здесь. Пока еще здесь.

Эвентин пошевелился.

«Сейчас, это случится сейчас»,— сказал себе Алланон.

В первый раз за всю эту ночь мука и боль проступили на суровом лице.

Друид тихо отошел в дальний сумрачный угол и там остановился — ждать.

Вздрогнув, Андер Элесседил проснулся. Еще не видящими со сна глазами он обвел комнату. Пугающее чувство одиночества охватило его. Здесь не было тех, кто должен был прийти — Арион, Пинданон, Кристин, Эльрон Тэй, Керрин. Теперь все мертвы.

Андер откинулся на спинку стула — усталость сковала его, он ничего не чувствовал, кроме боли. Сколько он спал? Андер не знал. Скоро вернется Гаел, принесет поесть, и они вместе будут дежурить у постели отца. И ждть.

Воспоминания нахлынули на него. Призрачные образы прошлого — люди, времена, места и события — сменяли друг друга. Мучительно-сладкие воспоминания о прошедшем счастье и безысходное отчаяние настоящего. Андеру было тяжело, он не хотел ни о чем думать сейчас, не хотел ничего вспоминать.

Но тут же снова задумался об отце и об Амбель, о чувствах, которые они питали друг к другу, о понимании, которое потеряли и обрели вновь. Теперь уже ничего не будет. Даже сейчас было трудно постичь перевоплощение Амбель и смириться с ним. Андеру приходилось опять и опять напоминать себе, что все это было на самом деле, что ему не привиделось, не приснилось. Перед глазами стоял маленький крылатый всадник, Пек, сбивчиво рассказывающий принцу о том, что случилось и чему он сам был свидетелем; на детском лице отражались благоговение и ужас, удивление и тревога — Андер не мог ему не поверить.

Немногие знают правду. И он еще не решил, надо ли открывать ее остальным.

— Андер.

Он резко выпрямился — отец смотрел на него. Андер был так изумлен, что сразу не смог говорить.

— Андер, как там сейчас?

Шепот короля отчетливо раздавался в тишине. Андер опустился на колени рядом с кроватью отца.

— Все кончилось, — тихо ответил он. — Мы победили. Запрет восстановлен. Демонов больше нет. Элькрис...

Закончить он не смог. Слов не было. Рука отца выскользнула из-под покрывала и нашла руку сына.

— Амбель?

Андер вздохнул, слезы навернулись ему на глаза. Но он заставил себя прямо встретить взгляд отца.

— Она в безопасности, — прошептал он. — Сейчас отдыхает.

Потом настала долгая пауза. Подобие улыбки пробежало по лицу Эвентина. Король закрыл глаза. Он умер.

Еще несколько минут Алланон постоял в тени, потом вышел на свет.

— Андер, — тихо позвал он.

Опустив руку отца, принц поднялся.

— Он умер, Алланон.

— И теперь ты — король. Будь таким королем, каким он хотел бы тебя видеть.

— Ты ведь знал, Алланон? Я давно подозревал это, с самой битвы у Входа Баена. Ты знал, что все так случится и я стану королем?

Лицо друида как будто замкнулось, мгновенно утратив всякое выражение.

— Я не мог предотвратить того, что случилось, принц эльфов. Я мог только подготовить тебя. К тому, что должно быть.

— Значит, ты знал?

Маг кивнул.

— Знал. Я — друид.

Андер глубоко вздохнул.

— Я сделаю все, что в моих силах, Алланон.

— Значит, ты поступишь правильно, Андер Элесседил.

Друид молча наблюдал за тем, как новый король эльфов подошел к постели отца, поправил чуть сбившееся одеяло — тихо и осторожно, как будто укрыл спящего ребенка, — и опустился на колени перед кроватью.

Алланон повернулся и бесшумно исчез из спальни, из дворца Элесседелов, из города и с земли. Никто не видел, как он ушел.

На рассвете кто-то тихонько потряс Вила Омсфорда за плечо. Он открыл глаза. Серебристо-серый свет сочился сквозь занавески на окнах, рассеивая темноту. Над кроватью низко склонился Пек.

— Вил? — Лицо маленького крылатого всадника было торжественным и серьезным.

— Привет, Пек.

— Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше, спасибо.

— Хорошо.— Пек слегка улыбнулся.— Я очень волновался, правда.

Вил улыбнулся в ответ.

— Я тоже.

Мальчик присел на край кровати.

— Прости, что я тебя разбудил, но я не хотел уходить не попрощавшись.

— Ты уже улетаешь?

Пек кивнул.

— Мне следовало отправиться еще прошлой ночью, но Генвен очень устала. Ведь я должен был вернуться во Взмах Крыла еще два дня назад. Они, наверное, уже ищут меня.— Он помедлил.— Но я думаю, они поймут, когда я объясню им, что произошло. И не будут сердиться.

— Надеюсь, что нет. Я бы не хотел этого.

— Дядя Даен сказал, что он тоже им все объяснит. Ты знал, что мой дядя здесь? Дед послал его сюда. Дядя Даен сказал, что я вел себя как настоящий крылатый всадник. Он сказал еще, что Генвен и я очень всем помогли. Что это было очень важно.

Вил приподнялся.

— Это действительно так, Пек. Очень важно.

— Не мог же я оставить вас. Я знал, что еще пригожусь.

— Ты был нам очень нужен.

— И я думаю, что дед не рассердится на меня за то, что я его не послушался. Один только раз.

— Я тоже так думаю.

Пек смотрел куда-то вниз, на свои руки.

— Вил, мне так жалко принцессу Амбель. Что все так получилось. Правда.

Вил медленно кивнул.

— Я знаю, Пек.

— Значит, она взаправду была заколдована? Волшебные чары превратили ее в дерево.— Мальчик поднял глаза.— Но она же сама этого хотела? Она хотела превратиться в дерево, чтобы демоны пропали? Так было нужно?

Вил тяжело слотнул.

— Да.

— Я очень испугался,— тихо сказал Пек.— Это случилось слишком неожиданно. Она никогда не говорила мне, что так будет.

— Она не хотела тебя напугать.

— Да, конечно же не хотела.

— И у нее не было времени, чтобы все объяснить.

Пек пожал плечами.

— Да, я понимаю.

С минуту они молчали, потом маленький крылатый всадник поднялся.

— До свидания, Вил. Ты ведь будешь меня навещать? Или я сам прилечу навесить тебя — только когда стану постарше. Пока мне еще не разрешают вылетать из Западных земель.

— Я обязательно приду к тебе в гости,— пообещал долинец.— Скоро.

Пек махнул рукой и направился к двери. Он уже собирался открыть ее, но вдруг остановился и оглянулся на Вила:

— Я полюбил ее, правда, очень-очень.

— Я тоже, Пек.

Маленький крылатый всадник улыбнулся и скрылся за дверью.

Глава 54

Все отправились домой, все, кто пришел в Арборлон на помощь эльфам. Все, кроме двоих.

Крылатые всадники отбыли первыми уже на рассвете того дня, когда новый король эльфов Андер Элесседил вступил на престол,— трое оставшихся из пяти, что прилетели сюда сражаться, и мальчик по имени Пек. Они ушли тихо, не сказав никому ни слова, лишь попрощавшись с молодым королем. Золотистые роки растворились в уходящей ночи, как первые лучи солнца.

В полдень отправились горные тролли. Эльфы собрались на улицах города поприветствовать их — оружие поднялось в прощальном салюте. В первый раз за тысячу лет эльфы и тролли расставались не как враги, а как союзники и друзья.

Карлики остались еще на несколько дней. Искусные инженеры, они помогли эльфам разработать план восстановления Эльфитча. Самое трудное в этой работе было еще впереди, ведь надо не только воссоздать разрушенный пятый пролет, но и как следует укрепить остальные. Это было непросто, но доблестный Бровок вызвался восстановить лестницу. Он сделал для эльфов чертежи, по которым те сумели бы закончить работу. Уходя, Бровок пообещал Андеру, что, как только прибывает домой, немедленно вышлет в Арборлон землекопов, чтобы они помогли отстроить Эльфитч.

— Мы знаем, что можем всегда опереться на твой народ, — сказал Андер при прощании, крепко пожимая загрубевшую руку Бровока.

— Всегда, — согласился суровый карлик. — Смотри, король Андер, помни об этом, если нам понадобится ваша помощь.

Последними уходили люди из Каллахорна — остатки Вольного корпуса и Старой гвардии, те, кто остался жив после жестоких битв в проходах Разлома и на Каролане. В Вольном корпусе не осталось и дюжины воинов, но южанин с лицом, изрезанным шрамами, воин по имени Сти Джанс, опять выжил там, где полегли многие его товарищи по оружию.

Он пришел к Андеру Элесседилу рано утром на шестой день после победы над демонами. Король эльфов был в то время на Каролане, просматривал планы восстановления Эльфитча, составленные карликами. Сти Джанс проехал прямо к нему верхом на своем гигантском чалом коне. Поспешно извинившись перед инженерами, Андер бросился навстречу командиру; тот спешил и выжидающе остановился. Не обращая внимания на почтительный поклон южанина, Андер горячо схватил его руку и крепко пожал.

— Ты снова цел, командир? — Андер радостно улыбнулся. — Все хорошо?

— Неплохо, мой господин. — Сти Джанс улыбнулся в ответ. — Я пришел поблагодарить тебя и попрощаться. Мы отправляемся в Каллахорн.

Андер медленно покачал головой.

— Не ты должен благодарить меня. Все эльфы должны благодарить тебя. Никто не сделал для нас столько, сколько сделали солдаты Вольного корпуса. И ты, Сти Джанс.

— Мой господин, эльфы и эта земля стоят того, чтобы за них сражаться. Все, что мы сделали, мы сделали по доброй воле. Вы победили в этой войне — вот что имеет значение. Только это.

— Как мы могли не победить, ведь вы были с нами?! — Андер снова сжал руку командира. — Чем ты думаешь заняться теперь?

Сти Джанс только пожал плечами.

— Вольного корпуса больше нет. Быть может, его восстановят. А может, не станут. Если нет, я буду командовать каким-нибудь другим отрядом. Во всяком случае, я буду просить об этом.

Андер медленно кивнул.

— Попроси меня, Сти Джанс. Попроси меня — и ты будешь командовать армией. Это большая честь для меня. И для всех эльфов. Может, подумаешь?

Южанин лишь улыбнулся в ответ, повернулся и взлетел в седло.

— Я уже думаю об этом, Андер Элесседил. — Он четко отдал честь. — Может, мы встретимся снова. А пока — да будет с тобой сила, мой господин, с тобой и с эльфийским народом.

Он развернул коня и поскакал к восточному краю Каролана. Андер долго смотрел ему вслед.

«Мы встретимся снова, Железный человек», — про себя повторил он.

Итак, все разъехались по домам, все, кто пришел в Арборлон на помощь эльфам. Все, кроме двоих.

Одним из них был долинец Вил Омсфорд.

Полуденное солнце окутало Каролан пеленой тепла и рассеянного сияния. Вил Омсфорд медленно подходил к воротам Садов Жизни. Шаг его был ровным, твердым, движения полны решимости. Однако когда долинец остановился перед воротами, он еще не был уверен, сможет ли идти дальше.

Ведь только для того, чтобы дойти до ворот, ему понадобилась целая неделя. Первые три дня после потрясения, которое он испытал в Садах, Вил провел, не выходя из комнаты. Почти все это время он спал. Еще два дня он бродил по саду

королевского дворца в полном одиночестве, стараясь справиться с беспорядочно нахлынувшими чувствами. Ему не давали покоя воспоминания об Амбель. Два последних дня долинец выискивал всяческие предлоги для того, чтобы не идти сюда, в Сады. И все же он должен был это сделать.

Вил долго стоял перед воротами, разглядывая серебряные руны и причудливые узоры на арке, заросшие плющом стены, сосны и ряды цветущих кустов. Жители города входили в Сады и выходили обратно, вопросительно глядя на Вила, молчаливо стоящего у ворот. Они все пришли сюда по той же причине, но трепет и благоговение долинца — не эльфа — удивляли их. Их поражала его торжественность и серьезность. Воины Черной стражи, стоящие у ворот, неизменно суровые и как будто равнодушные, лишь на мгновение обратили взор на неподвижную фигуру долинца и снова уставились в пространство перед собой.

Вил Омсфорд никак не мог заставить себя войти.

Но он знал, что должен. Вил долго думал об этом. Он должен еще раз увидеть ее. Последний раз. В душе его не будет покоя, пока он не сделает этого.

Вил ступил за ворота и направился прямо к холму, на котором стояло дерево.

Внезапно Вил почувствовал странное облегчение, словно, приняв решение идти к ней, он сделал что-то не только необходимое, но и правильное. Его решимость, которая всегда помогала ему и которая куда-то пропала за эту последнюю неделю, теперь вернулась. Потеряв Амбель, Вил почему-то уверился, что это он во всем виноват. Горькое чувство собственного бессилия тогда едва не сломило его. Вил вспомнил слова дяди. «Ты просто не можешь сделать все, что тебе хочется сделать», — говорил ему Флик. Возможности человека действительно ограничены. Вил смог спасти Амбель от демонов, но спасти ее от превращения в Элькрис не мог. Это было не в его власти. Амбель сама сделала выбор — так она говорила ему. И то же самое говорил Алланон. Ни гнев, ни горечь, ни самообвинения ничего не изменят и не принесут покоя, который ему так нужен. Он просто должен принять все, что случилось, и отнестись к этому иначе. Теперь долинец знал, как именно. И встреча с Амбель, последняя встреча, поможет ему в этом.

Вил не заметил, как вышел к подножию холма. Элькрис поднималась в голубую чистоту полуденного неба, прямо к солнцу; серебряный ствол и алые листья сияли в золотом свете. Она была такая красивая, такая изящная, такая живая — слезы выступили на глазах долинца. Вил чувствовал, как они жгут его.

— Амбель... — прошептал он.

У подножия холма стояли эльфы, семьями и поодиночке, они не сводили глаз с волшебного дерева и что-то тихо говорили друг другу. Вил Омсфорд прошел вперед и присоединился к ним.

— Видишь, болезнь прошла, — говорила мама маленькой девочке. — Она выздоровела. Все хорошо.

«И земля ее, и люди ее спасены, — мысленно добавил долинец. — Только благодаря Амбель, благодаря тому, что она принесла себя в жертву ради этих людей и этой земли».

Он глубоко вздохнул и поднял глаза на дерево. Она сама этого хотела, она должна была это сделать. И не только потому, что так было нужно, но еще и потому, что Амбель до конца поверила: именно в этом цель ее жизни. В Надежном Приюте она учила детей любить и хранить землю и жизнь на ней. И потом, когда ей открылась правда о ее судьбе, Амбель приняла ее.

Что-то от себя надо отдать земле.

В конце концов она отдала все.

Долинец печально улыбнулся. Отдала — да, но не потеряла. Став Элькрис, эльфийка приобрела весь мир.

— И она больше не пустит демонов к нам, мама? — спрашивала малышка. — Демоны далеко?

— Очень далеко. Конечно не пустит, — улыбнулась в ответ мать.

— И будет защищать нас, всегда-всегда?

— Да, и защитит нас. Всегда.

Девочка перевела взгляд с лица матери на дерево.

— Она такая красивая... — восхищенно пролепетала малышка.

Амбель...

Еще мгновение Вил смотрел на нее, потом развернулся и медленно пошел прочь из Садов.

Выйдя из ворот, Вил заметил Эретрию. Она стояла чуть в стороне от дороги и как будто ждала его. Девушка давно оставила

яркие шелка скитальцев, переодевшись в обычное эльфийское платье. Но и в нем она была все так же ошеломляюще красива. Длинные черные волосы искрились в солнечном свете, и ярче солнца засияла ее улыбка, когда девушка увидела Вила.

Он молча подошел к ней, улыбнувшись в ответ.

— Теперь ты снова выглядишь по-человечески, — небрежно сказала Эретрия.

Он кивнул.

— И за это ты можешь просить все, что хочешь. Ведь это ты поставила меня на ноги.

От этих слов улыбка девушки стала еще ослепительнее. Всю прошедшую неделю она приходила к нему каждый день — кормила, перевязывала раны, говорила с ним, когда чувствовала, что Вилу нужно общение, и сразу же уходила, как только он давал понять, что хочет побыть один. Своим выздоровлением он обязан ее усилиям и заботе.

— Мне сказали, что ты ушел. Было нетрудно понять куда. — Она указала глазами на ворота Садов. — Я подумала, что могу подождать тебя здесь. Ну как, все привидения наконец успокоились, целитель? Они больше не тревожат тебя?

Вил видел: она искренне переживает за него. Эретрия лучше всех понимала, как его сломила потеря Амбель. Они постоянно говорили об этом, только об этом — всю неделю. Привидения — так она называла его мучительные сомнения и мысли о собственной вине.

— Надеюсь, теперь они успокоятся, — ответил он. — Мне очень помогло то, что я пришел сюда. Еще немного — и, может быть... — Он оборвал себя, пожал плечами и улыбнулся. — Амбель верила в то, что она должна что-то отдать земле за жизнь, которую та подарила ей. Однажды она мне сказала, что это вера всех эльфов. Наверное, она намекала на то, что это и моя вера тоже. Понимаешь, Амбель прежде всего видела во мне целителя и только потом — защитника. Я буду целителем, а целитель тоже многое отдает земле, помогая людям, которые потом станут заботиться о земле. Это будет мой дар ей, Эретрия.

Девушка серьезно кивнула.

— Значит, теперь ты вернешься в Сторлок?

— Сначала домой, в Тенистый Дол, потом в Сторлок.

— И скоро?

— Да. Мне надо идти прямо сейчас. — Он как-то неловко кашлянул, прочищая горло. — Ты знаешь, Алланон оставил мне вороного — Артака. В подарок. Наверное, он хотел как-то возместить потерю Амбель...

Эретрия потупилась.

— Наверное. Ну что, может быть, пойдём?

Не дождавшись ответа, она повернулась и пошла к городу. Вил поспешил за ней. Они молча шли рядом.

— Так ты решил отдать эльфиниты? — спросила Эретрия через несколько минут.

Как-то, когда ему было очень плохо, Вил сказал ей, что собирается передать кому-нибудь эльфийские камни. Древняя магия что-то сделала с ним. Вил до сих пор не понял, что именно. Сила камней пугала его. Но он пока отвечал за эту силу и не мог переложить ответственность на кого-то другого.

— Я оставлю их у себя, — твердо ответил долинец. — Но больше никогда не воспользуюсь их волшебством. Никогда.

— Да, — сказала Эретрия ровным голосом. — Целителю не нужны камни.

Они свернули на дорогу, ведущую к Арборлону. Вил почти физически чувствовал, как из-за страха, что он снова бросит ее, как сделал это однажды, между ними растёт трещина — пропасть отчуждения. Эретрия, безусловно, хотела поехать с ним. Она всегда хотела, чтобы он взял ее с собой. Но больше она не попросит об этом никогда. Она слишком горда, чтобы просить еще раз.

— Ну а ты? Куда ты теперь пойдешь? — наконец спросил он.

Эретрия небрежно пожала плечами.

— Пока не знаю. Может быть, в Каллахорн. Я — из скитальцев. Могу идти куда захочется. И быть кем захочется. — Она помолчала. — Может быть, приду навестить тебя. Похоже, за тобой еще надо присматривать.

Эретрия сказала это легко, почти в шутку, но явно не просто так. «Я — твоя, а ты — мой, Вил Омсфорд» — так она говорила ему той ночью в Тирфинге. И теперь повторила это, пусть совсем другими словами. И если теперь он бросит ее, у нее не останется никого. У Эретрии нет больше ни дома, ни семьи — ничего. Раньше, когда она просила взять ее с собой,

он действительно не мог, не имел права сделать это. А теперь? Какие причины для отказа могут быть у него теперь?

— Просто пришла такая вот мысль, — поспешно добавила Эретрия, будто это ничего для нее не значило.

— Отличная мысль, — спокойно ответил Вил. — Но я подумал, что, может быть, тебе захочется пойти со мной прямо сейчас?

Вил сказал это еще до того, как сам понял смысл своих слов. Повисла долгая, очень долгая тишина — они шли молча, не глядя друг на друга, словно ничего не было сказано.

— Может быть, и захочется, — наконец проговорила Эретрия и внимательно посмотрела в глаза долиинцу. — Если ты сам этого хочешь.

— Хочу.

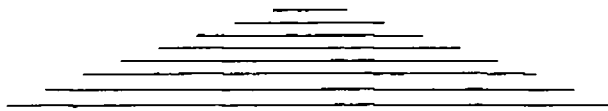
Тогда он увидел ее улыбку — такую чудесную и ослепительную.

— Это подтверждает, Вил Омсфорд, что ты наконец-то пришел в себя. И наконец-то все понял.

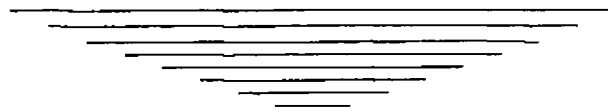
Она взяла его руку в свою и крепко сжала.

Возвращаясь со склона Каролана, все еще занятый мыслями о восстановлении Эльфитча, Андер Элесседил видел, как долинец и девушка вышли из-за стены Садов Жизни. Приостановив на мгновение коня, он наблюдал за ними — за этими двумя, что еще не ушли домой из Арборлона. Принц видел, как они остановились и девушка взяла долинца за руку.

Улыбка тронула его губы. Андер развернул коня и поскакал прочь. Похоже, теперь уходит и Вил Омсфорд. Но не один.

Песнь Шаннары

Лестеру дель Рею, единомышленнику

Глава 1

Лето в Четырех землях близилось к концу. Медленно подступала осень. Уже прошли долгие тихие деньки, когда жизнь будто замирает в душном зное и возникает ощущение, что еще на все хватит времени. Дни становились короче, и, хотя летнее тепло еще не ушло, влажный воздух становился сух, и острее чувствовалась скоротечность жизни. Признаки перемен были заметны повсюду. Вот и в лесах Тенистого Дола уже появились первые желтые листья.

Брин Омсфорд на мгновение приостановилась под алым навесом кленовой листвы. Старый огромный клен раскинул тень почти на полдвора, над цветочными клумбами у садовой дорожки. Брин улыбнулась. Сколько детских воспоминаний связано у нее с этим древним деревом! Поддавшись невольному порыву, девушка сошла с тропинки и направилась к искривленному годами стволу.

Брин была очень высокой — выше отца, матери и брата Джайра, почти одного роста с Роном Лихом — и все-таки выглядела хрупкой. Но это только на первый взгляд: на самом деле она была не слабее любого из них. Конечно, Джайр ни за что бы с этим не согласился, ведь это значило бы для него смириться со своим положением младшего. Поэтому он считал: девчонка, в конце концов, и есть всего лишь девчонка.

Она нежно коснулась шершавого ствола клена, ласково погладила пальцами кору и подняла голову к сплетению ветвей. Длинные черные волосы упали на спину, открывая лицо. Без сомнения, Брин была «мамина дочка». Лет двадцать назад

Эретрия выглядела точно так же, как сейчас Брин: та же смуглая кожа, те же черные глаза и мягкие черты лица. Единственное, чего Брин не взяла у матери, так это ее огненного темперамента. Он достался Джайру. Брин же унаследовала характер отца: его спокойствие, даже некоторую холодность, уверенность в себе и осмотрительность. Однажды, сравнивая своих детей (дело было после очередной проделки Джайра), Вил Омсфорд решил для себя так: оба они изрядные сорванцы, только Брин сначала подумает, прежде чем что-то сделать, ну а Джайр даже и думать не станет. Брин так до сих пор и не поняла, в чью же пользу было это сравнение.

Она убрала руку со ствола. Брин помнила, как она наложила заклятие на древнее дерево. Она была тогда совсем маленькой, и ей нравилось забавляться с эльфийской магией. Тогда она спела заклятие, и летняя зелень листвы клена сменилась осенним багрянцем: маленькой девочке это казалось правильным и красивым, ведь красный цвет намного лучше зеленого. Отец был просто вне себя. Почти три года дерево оправлялось от потрясения. После этого случая ни она, ни Джайр больше не обращались к магии, когда родители были поблизости.

— Брин, помоги мне собрать вещи, пожалуйста, — послышался голос Эретрии.

Брин в последний раз похлопала клен по стволу и направилась к дому.

Отец никогда по-настоящему не доверял магии эльфов. Лет двадцать назад он сам вызывал силу эльфийских камней, которые дал ему друид Алланон, для защиты избранника Амбель Элесседил в ее поисках Источника Огненной крови. И эта сила как-то его изменила; он понял это еще тогда. И только когда родилась Брин, а потом и Джайр, стало ясно, что сделала с Вилом Омсфордом эльфийская магия. Ее воздействие проявилось не в нем, а в его детях. И проявилось в полную силу. Быть может, и на их детях тоже отразится магическая сила заклятия, или песни желаний. Брин называла это песнью желаний. Пожелай что-нибудь, спой об этом — и оно твое. Именно так Брин впервые открыла в себе волшебную силу. Она очень рано поняла, что своей песнью может влиять на природу. Изменить цвет листвы клена. Успокоить сердитого пса. Заставить лесную птицу сесть себе на руку. Стать частью любого живого существ-

ва или вместить его в себя. Брин и сама не знала, как это делается. Она просто пела, и все, что желала, происходило. Слова и мелодия рождались сами собой, всегда неожиданно, будто нет на свете ничего проще и естественнее. Брин всегда сознавала, о чем именно она поет, и в то же время песнь завораживала ее, наполняя странными, неописуемыми ощущениями. Они захлестывали ее, как волна, уносили с собой, и она выходила из этой волны обновленная, а желание исполнялось.

Это был дар магии эльфов или ее проклятие. Именно так Вил Омсфорд относился к магической силе, проявившейся в его дочери. Брин знала, что в глубине души отец боится эльфийских камней и того, что они сделали с ним. Однажды Брин своей песнью заставила их собаку гоняться за собственным хвостом, пока та не свалилась в изнеможении, успев до этого вытоптать пол-огорода. После этого случая Вил еще раз поклялся себе, что ни один человек никогда больше не вызовет силу камней. Тогда же он спрятал их и никому не сказал где. С тех пор они и лежали где-то в тайнике. По крайней мере так думал Вил. Брин же не была уверена в этом — пару месяцев назад в семье зашел разговор об эльфинитах, и Брин заметила, как самодовольно при этом улыбается Джайр. Конечно, он ни о чем таком не говорил, но Брин-то знала, что от брата трудно что-либо скрыть. Наверняка он нашел тайник.

У входа в дом ее встретил Рон Лих, стройный мускулистый юноша, с рассыпанными по плечам и перехваченными поперек лба широкой лентой волосами. Он лукаво прищурил озорные серые глаза.

— Ты не хочешь нам помочь? Я тут тружусь как пчелка, а ведь я гость, черт возьми!

— И вовсе ты не гость. Ты у нас вроде как член семьи,— проворчала Брин.— Ну, что надо делать?

— Только вынести эти сумки, а так мы все уже сделали.

Сумки и кожаные кофры громоздились у выхода. Рон подхватил самый большой.

— По-моему, мама ждет тебя в спальне.

Он зашагал по тропинке к воротам, а Брин поспешила в дом. Как обычно, ее родители отправлялись в осеннюю поездку по дальним поселениям к югу от Тенистого Дола. Недели на две. На пять сотен миль от Дола не нашлось бы другого такого це-

лителя, как Вил Омсфорд, да и во всех Южных землях немного набралось бы столь искусных лекарей. Вот почему дважды в год, весной и осенью, родители Брин разъезжали по дальним деревням и оказывали помощь захворавшим людям. Эретрия всегда сопровождала мужа, за эти годы она не хуже его выучилась ухаживать за больными и ранеными. Конечно, эти поездки были вовсе не обязательны. Другие на их месте ни за что не потащились бы в такую глушь, но родители Брин были людьми щепетильными в вопросах долга и добросовестными: оба они посвятили жизнь исцелению больных и очень ответственно подходили к своим обязанностям.

На время их отсутствия Брин вменялось в обязанность присматривать за Джайром, а Рона Лиха пригласили присматривать за обоими.

Когда Брин вошла в спальню, ее мать возилась с последней сумкой. Она подняла голову и, откинув с лица черные длинные волосы, улыбнулась дочери. Эретрия выглядела едва ли старше Брин.

— Ты не знаешь, где Джайр? Мы уже почти собрались.

Брин покачала головой.

— Я думала, он с папой. Тебе помочь?

Эретрия кивнула, обняла дочь за плечи и усадила ее рядом с собой на постель.

— Пообещай мне, Брин, что ты не будешь петь свою песнь желаний, пока мы с папой в отъезде,— ни ты, ни Джайр.

Брин улыбнулась.

— Да я давно уже этим не занимаюсь.— Она испытующе посмотрела в лицо матери.

— Ты — да. Но вот Джайр... хотя он, конечно, думает, что я ничего не знаю. Но как бы там ни было, пока нас с папой не будет, вы оба не станете забавляться с заклятием, хорошо? Ни одного раза. Ты поняла?

Брин смутилась. Отцу пришлось смириться с тем, что в его детях гайтся древняя магическая сила эльфов, но он не видел в этом ничего хорошего. С самого рождения магический дар был частью их сущности.

«Но вы же умные, способные люди без всякого колдовства,— часто повторял им Вил.— Чтобы добиться чего-то в жизни, вам нет нужды прибегать к этим фокусам. Будьте самими собой. Без обмана и волшебных песен».

Эретрия была полностью согласна с мужем, хотя и не разделяла его уверенности, что отеческие наставления возымеют должное действие. Дети наверняка продолжат забавляться с заклятием. Хорошо еще, если в разумных пределах.

Но Джайр, похоже, не знал вообще никаких пределов. Порывистый и своевольный, он никого не слушал, особенно когда дело касалось волшебной песни. Если он был уверен, что все сойдет с рук, его ничто не могло остановить.

И все-таки в нем эльфийская магия проявляла себя по-другому...

— Брин?

Она очнулась от задумчивости.

— Да ладно, мама, ничего страшного, если Джайр поиграет с песнью желаний. Это же все так, несерьезно.

Эретрия покачала головой.

— Даже игрушка может стать опасной, если бездумно с ней обращаться. И ты должна уже знать, что эльфийская магия не безвредна, так или иначе, но она влияет на человека. А теперь послушай меня. И ты, и твой брат уже давно вышли из того возраста, когда папа с мамой должны думать за вас. Но добрый совет никогда не помешает. Нам бы очень хотелось, чтобы вы не пользовались вашей силой, пока нас с папой не будет. Все это привлекает излишнее внимание. А это нам совершенно незачем. Пообещай мне, что вы не будете обращаться к заклятию — ни ты, ни Джайр.

Брин медленно опустила голову.

— Это все из-за тех слухов? О черных странниках? — Она сама слышала эти странные рассказы. В последние дни на постоялом дворе только об этом и говорили. Черные странники — безголосые, безликие порождения темного колдовства, беззвучно крадущиеся в ночи, возникающие ниоткуда. Говорили даже, что это Повелитель чародеев и его приспешники снова вернулись в мир. — Из-за этого?

— Да. — Мать улыбнулась ее понятливости. — А теперь пообещай.

Брин улыбнулась в ответ.

— Я обещаю.

А про себя подумала, что все это совершенная ерунда.

Еще через полчаса родители собрались и были готовы к выходу. Наконец появился Джайр. Оказалось, он бегал на постоя-

лый двор за конфетами маме в дорогу. Оставалось только попрощаться.

— Помни о своем обещании, Брин, — шепнула ей на ухо мать, целуя и обнимая детей на прощание.

Старшие Омсфорды забрались в фургон, и он медленно покатился по пыльной дороге.

Брин смотрела им вслед, пока фургон не пропал из виду.

Весь этот день Брин, Джайр и Рон Лих бродили по лесам Дола и только ближе к вечеру засобирались домой. Солнце уже садилось на краю долины, тени стали длиннее. Час ходьбы оставался до деревни, но и Омсфорды, и горец знали эти леса как свои пять пальцев и нашли бы тропу сквозь заросли даже самой темной ночью. Они шли неторопливо, наслаждаясь красой осеннего вечера.

— Пошли завтра на рыбалку, — предложил Рон и улыбнулся Брин. — Уж больно хороша погода. Даже если ничего не выудим, так хоть погуляем.

Он шел впереди как самый старший. За спиной, под широким охотничьим плащом, в потертых ножнах висел меч Лиха. Когда-то этот меч передавался от короля принцу — наследнику трона Лиха. Но даже металл стареет, и прежний меч заменили новым. Рон же всегда восхищался старым клинком, ведь именно его брал с собой его прадед Менион Лих, когда ходил на поиски легендарного меча Шаннары. Поэтому отец Рона, видя, как горят глаза у юноши, отдал ему меч прадеда — меч наследного принца Лиха, — хотя Рон был младшим из детей.

Брин нахмурилась.

— По-моему, ты кое-что забыл. Мы ведь обещали папе кое-что сделать по дому и завтра как раз собирались заняться ремонтом. Разве нет?

Рон беспечно пожал плечами.

— Почему обязательно завтра? Это может подождать, сделаем в другой раз.

— А я предлагаю обследовать границы Дола. Поискать этих духов, мордов, — вступил в разговор Джайр Омсфорд. Худощавый, но крепкий юноша, он унаследовал от отца его эльфийские черты: узкие глаза, брови, расходящиеся под острым углом, слегка заостренные уши под шапкой непослушных пшеничных волос.

Рон рассмеялся.

— А ты много знаешь об этих странниках, Тигра? — Это было прозвище Джайра.

— Не больше, чем ты. Мы здесь, в Доле, слушаем те же истории, что и вы у себя на плоскогорье, — ответил долинец. — Черные странники, призраки-морды, что крадутся во тьме и из тьмы возникают. В гостинице только об этом и говорят.

Брин укоризненно посмотрела на брата.

— Но это же просто глупые выдумки.

— А ты как думаешь? — спросил Джайр у Рона.

К изумлению Брин, горец пожал плечами.

— Может быть. А быть может, и нет.

Брин вдруг рассердилась.

— Но, Рон, так же было всегда. После гибели Повелителя чародеев постоянно о чем-нибудь таком болтают. Но только болтают. Почему же на этот раз должно быть по-другому?

— Я не знаю, что там должно быть. Я просто думаю, осторожность нам не помешает. Помнишь, Ши Омсфорд тоже сначала не верил рассказам о посланниках Черепа и едва за это не поплатился?

— Вот поэтому я и считаю, что нам надо облазить окрестности, — настойчиво повторил Джайр.

— Но зачем? — горячилась Брин. — Искать приключения на свою голову? А вдруг они действительно так опасны? Что ты будешь делать, если и в самом деле встретишь их? Споешь свою песенку?

Джайр вспыхнул.

— И спою, если понадобится. Я обращусь к магии...

— Магия — это не игрушка, Джайр, — резко оборвала его Брин. — Сколько раз мне тебе повторять?

— Я просто хотел сказать...

— Знаю я, что ты скажешь. Ты думаешь, что песнь желаний делает тебя всемогущим. Но ты глубоко ошибаешься. Послушал бы лучше папу, что он говорит о магии. Однажды у тебя будут крупные неприятности. Из-за нее, между прочим.

Джайр в недоумении глядел на сестру.

— А что ты так сердишься?

А действительно, что она так распалилась? Все равно ничего это не даст.

— Прости, пожалуйста. Я просто пообещала маме, что, пока их нет в Доле, мы с тобой забудем о песни желаний. Наверное, поэтому меня вывело из себя, когда ты заговорил о том, что хочешь пойти искать этих мордов.

Теперь уже рассердился Джайр, его голубые глаза потемнели.

— А почему ты даешь за меня обещания, Брин? Кто дал тебе право...

— Никто, конечно, но мама...

— Мама ничего не понимает...

— Вот черт, да перестаньте вы! — Рон Лих умоляюще вскинул руки. — Когда вы ссоритесь, я каждый раз думаю: как хорошо, что я поселился в гостинице, а не под одной крышей с вами. Ладно, оставим все это. Мы говорили о чем? О рыбалке. Так идем завтра или нет?

— Идем, — поддержал его Джайр.

— Идем, — согласилась Брин. — Как только закончим дела по дому.

Дальше они шли уже молча. Все это время Брин думала об одержимости Джайра песнью желаний. Мама права: как только представляется случай, Джайр применяет заклятие. Нужно это или не нужно, он не может устоять перед искушением воспользоваться магической силой. Он не видит в этом никакой опасности, потому что в нем эльфийское колдовство проявилось, не так, как в Брин. Совсем не так. Брин действительно может изменять облик и поведение живых существ по своему желанию. Изменять по-настоящему. Джайр создает лишь иллюзии. Видимость изменений. Все, что он делает с помощью магии, только кажется. Естественно, это дает ему большую свободу в экспериментах с заклятием. Он делает все это втайне, но все-таки делает. Даже Брин не знала, как далеко он продвинулся и чему научился.

День уже отступил, и на землю спустился вечер. Как белесый маяк, полная луна светила над восточным горизонтом, и звезды зажглись в темном небе. Быстро похолодало, в ночном воздухе разлился густой аромат прелых листьев. Лес наполнился писком насекомых и щебетом ночных птиц.

— Пойдем рыбачить на Рапахалладран, — внезапно заговорил Джайр.

Мгновение все молчали.

— Даже не знаю,— наконец откликнулся Рон.— В прудах Дола такая же рыба.

Брин насмешливо поглядела на горца. Странно, похоже, он чем-то встревожен.

— Но там нет форели,— настаивал Джайр.— И мы можем остаться в Дульне на пару дней. Поживем в лесу, чем плохо?

— В Доле такой же лес.

— Дол — это почти как задний двор.— Джайр едва не рычал от досады.— А в Дульне еще есть пара неизведанных уголков. Ты что, чего-то боишься?

— Ничего я не боюсь,— ответил горец, словно бы защищаясь.— Я просто подумал... Ладно, об этом потом. А сейчас я тебе расскажу, что со мной случилось, когда я шел сюда к вам. Я едва не погиб. Этот волчище...

Брин задумалась и поотстала. Непонятно, что это вдруг Рон так воспротивился предложению Джайра,— да они уже не одну дюжину раз ходили в Дульн все вместе, и ничего. Чего же им теперь бояться? Она нахмурилась, припомнив встревоженный голос матери. И Рон туда же. Он, похоже, серьезно относится к этим рассказам о мордах, черных призраках. Действительно, он как-то непривычно сдержан. Раньше Рон всегда первым смеялся над подобными выдумками. Почему же на этот раз он ведет себя иначе? Быть может, внезапно подумала Брин, ему лично пришлось убедиться, что здесь уже не до смеха?

Прошло около получаса, в просветах между стволами замерцали огни деревни. Стало совсем темно, и только луна освещала тропинку, которая спускалась к ложбине и вблизи деревни превращалась в утоптанную дорогу. Вскоре показались дома, изнутри долетали приглушенные звуки людских голосов. Брин начала уставать. Как хорошо сейчас забраться в постель и заснуть!

Они миновали старый постоялый двор, владельцами которого перебивалось несколько поколений Омсфордов. Он и сейчас считался их собственностью, однако с тех пор, как умерли Ши и Флик, Омсфорды жили в отдельном доме, а постоялый двор передали в пользование своим друзьям и лишь получали определенный доход. Отца вообще никогда не тянуло к подобной деятельности, с раннего детства он мечтал жить своей жизнью, стать целителем, а не владельцем трактира или постояло-

го двора. Только Джайр проявлял какой-то интерес к фамильной собственности, да и то потому, что на постоялом дворе вечно толклись чужеземцы и развлекали жителей тихого Дола рассказами о своих приключениях. Да таких приключениях, что даже непоседливый Джайр замирал на одном месте.

По вечерам на постоялом дворе было шумно и многолюдно. Вот и теперь сквозь распахнутые двери на улицу лился свет, жители Дола и чужестранцы сидели в зале за столами, у длинной стойки, шутили и смеялись, попивая местный эль. Рон через плечо улыбнулся Брин и помотал головой. Он не хотел подниматься к себе. Такой славный был день, жалко, если он так быстро закончится.

Через пару минут они подошли к новому жилищу Омсфордов. Каменный дом, побеленный известью, стоял на пригорке среди деревьев. Осталось только подняться по мошенной дорожке, вдоль живой изгороди и сливовых деревьев, к входу, но Брин вдруг застыла на месте.

В окне гостиной горел свет.

— Когда мы выходили утром, никто из вас не оставил зажженную лампу? — тихо спросила она, хотя уже знала ответ.

Джайр и Рон лишь покачали головами.

— Может быть, кто-то решил навестить вас? — предположил Рон.

Брин странно посмотрела на него.

— Но мы же заперли дверь.

Они молча переглянулись, уже начиная тревожиться. Только Джайру, похоже, все было нипочем.

— Ладно, сейчас посмотрим, кто там пришел, — объявил он и направился к дверям.

Но Рон остановил его, положив руку ему на плечо.

— Подожди, Тигра. Не торопись.

Джайр раздраженно стряхнул его руку, поглядел на свет в окне, потом на Рона.

— А кто, ты думаешь, там сидит — один из этих странников?

— Что ты несешь! — одернула его Брин. — Прекрати!

Джайр ухмыльнулся.

— Но ведь и ты подумала об этом, правда? Черный странник пришел нас похитить!

— И очень любезно с его стороны, что он не забыл зажечь свет,— сухо ответил Рон.

Они вновь нерешительно поглядели на свет в окне.

— Ладно, не торчать же нам здесь всю ночь,— наконец проговорил Рон и вытащил из ножен меч Лиха.— Пойдем посмотрим. Вы оба держитесь за мной. Если что-то не так, бегите на постоянный двор и приведите людей.— Он нерешительно замолчал.— Впрочем, вряд ли что-то случится.

Они подошли к самой двери и остановились, прислушиваясь. В доме все было тихо. Брин протянула Рону ключ, и через мгновение они вошли. Тонкий лучик желтого света змеился по полу темной прихожей, ведя в коридор. Поколебавшись, все трое направились в гостиную.

Там никого не было.

— Ну вот, никаких тебе мордов,— бодро заговорил Джайр.— Вообще никого, кроме...

Он так и не смог закончить. Вторая дверь из гостиной вела в темную сейчас столовую, и из этой двери на свет выступила огромная тень. Мужчина, семи футов росту, закутанный в черный плащ. Широкий капюшон был откинут за плечи, так чтобы ясно было видно лицо. Худое лицо в сетке тонких морщин, обветренное и суровое. В черной бороде и длинных волосах резко выделялись седые пряди. Глаза... они как будто притягивали к себе; глубоко посаженные, пронизательные глаза, казалось, видели все, даже то, что скрыто от взора.

Рон Лих угрожающе обнажил свой меч, незнакомец в ответ поднял руку.

— Он тебе не понадобится.

Горец заколебался, испытующе глядя в черные глаза загадочного гостя, потом медленно опустил клинок. Брин и Джайр застыли как вкопанные, не в силах не то что бежать, но даже заговорить.

— Вам не надо меня бояться.— Низкий голос, казалось, прогремел по всему дому.

Не то чтобы эти слова придали им уверенности, но незнакомец стоял на месте, не делая никаких попыток приблизиться, и напряжение постепенно спало. Брин быстро взглянула на брата и обнаружила, что тот пристально смотрит на незна-

комца, как будто пытаюсь что-то вспомнить. Таинственный гость поглядел на него, затем на Рона, потом на Брина.

— Неужели никто из вас не знает меня? — тихо проговорил он.

Воцарилась странная тишина, и вдруг Джайр кивнул.

— Алланон! — возбужденно воскликнул он. — Ты — Алланон.

Глава 2

Они уселись за стол в столовой: Брин, Джайр, Рон Лих и незнакомец. Нет, какой незнакомец — Алланон. Целых двадцать лет его не было в Четырех землях. Никто не видел его, никто не слышал о нем. Вил Омсфорд, наверное, был последним, кто говорил с Алланоном. Но рассказы о нем остались. Их знали все. Рассказы о загадочном суровом скитальце, обошедшем все Четыре земли, о философе, хранителе древнего знания и наставнике народов, о последнем из друидов — древних мудрецов, спасших мир от хаоса и разрушения после Великих войн. Именно Алланон семьдесят лет назад повел Ши и Флика Омсфордов и Мениона Лиха на поиски легендарного меча Шаннары, и Ши тогда уничтожил самого Повелителя чародеев. Именно Алланон пришел за Вилом Омсфордом в Сторлок и убедил его сопровождать эльфийскую девушку Амбель Элесседил в ее походе к источнику силы волшебного дерева Элькрис, и тогда демоны, вырвавшиеся из тьмы Запрета в Западные земли, вновь были вынуждены вернуться в свою тюрьму. Все они, и Брин, и Джайр, и Рон Лих, знали рассказы об Алланоне, ставшие уже легендами. И еще они знали, что, когда появляется друид, тут-то и начинаются неприятности и беспокойства.

— Я прошел долгий путь, чтобы найти тебя, Брин Омсфорд, — заговорил Алланон тихим усталым голосом. — Не думал я, что мне придется идти за тобой.

— И зачем ты меня искал? — спросила Брин.

— Потому что мне нужна твоя песнь.

В полной тишине друид и девушка долго смотрели друг на друга.

— Странно, — вздохнул Алланон. — Я раньше не понимал. Проявление эльфийской магии в детях Вила Омсфорда... Ока-

залось, что в этом сокрыт глубокий смысл. Поначалу я думал, что это всего лишь неизбежное следствие действия эльфийских камней...

— Так что тебе нужно от Брин? — нахмурившись, перебил его Рон. Все это начинало ему не нравиться.

— И от песни желаний? — добавил Джайр.

Алланон не сводил с Брин пристального взгляда.

— Твоих родителей ведь сейчас нет?

— Нет. И не будет недели две. Они на юге, лечат больных в деревнях.

— Я не могу ждать две недели, даже два дня, — прошептал друид. — Нам надо поговорить немедленно, и ты должна сама решить, что тебе делать дальше. Решить сейчас. Только боюсь: если ты решишь правильно, на этот раз твой отец меня не простит.

И тут Брин поняла, о чем говорит Алланон.

— Мне нужно пойти с тобой? — очень медленно спросила она.

Но он не ответил на этот вопрос.

— Сначала я расскажу тебе кое-что. Четырем землям снова грозит опасность. Зло возвращается в мир. Ши Омсфорд и твой отец уже сталкивались с ним. И теперь все повторяется. — Алланон оперся руками о стол и наклонился к Брин. — Еще до того как человек появился здесь, на земле, древний мир населяли сказочные существа. И у них была магия, черная и белая. Я думаю, отец тебе говорил об этом. А потом пришел человек, и мир волшебства отступил перед ним. Злых созданий заперли за стеной Запрета, а добрые... они исчезли сами собой, смешались с людьми — все, кроме эльфов. И еще с тех времен сохранилась книга. Книга черной магии, столь могущественная, что даже эльфийские чародеи боялись ее. Ее называли Идальч. Никто не знал, откуда она взялась и кто ее создал. Говорят, она появилась в мире в те времена, когда сама жизнь только лишь зарождалась. Зло не раз обращалось к ее темным тайнам, но в конце концов эльфам удалось завладеть книгой. Слишком велик был соблазн. И все равно лишь немногие маги решились прикоснуться к силе Идальч. И она погубила их. Тогда решено было сжечь книгу. Однако эльфы не успели: Идальч пропала. Потом временами возникали слухи, что кто-то пользуется ее

секретами. — Он внезапно нахмурился. — Ну а затем Великие войны окончательно разрушили древний мир. Почти две тысячи лет после этого человек пребывал в полудиком состоянии, как в самом начале своей истории. Так было, пока друиды не создали первый Совет в Параноре и не попытались собрать воедино остатки древних учений, чтобы мудрость древнего мира помогла возродиться миру новому. Они отыскивали все магические книги, изучили все предания, сохранившиеся с давних времен, и постепенно проникли в некоторые тайны колдовского знания. К несчастью, не все, что осталось, служило добру. Среди магических книг оказалась и Идальч. Ее отыскал Брона, очень умный и честолюбивый друид.

— Повелитель чародеев, — тихо выдохнула Брин.

Алланон кивнул.

— Он стал Повелителем чародеев, когда сила Идальч одолела его и разрушила его дух. Он и еще кое-кто из друидов заблудились в дебрях черной магии. И потеряли себя. Почти тысячу лет они угрожали самому существованию людей на этой земле. И только Ши Омсфорд, поднявший волшебный меч, его силой уничтожил Брону и его слуг. — На мгновение он замолчал. — Но Идальч вновь пропала. Я сам искал ее среди развалин горы Черепа, уже после того как пало королевство Повелителя чародеев, и не нашел. Я подумал, что это и к лучшему, что она навечно погребена под руинами. Но я ошибся. Оказывается, и среди людей были последователи Повелителя чародеев. Целая секта. Сила меча Шаннары уничтожает лишь призраков, вот почему эти колдуны выжили после гибели своего хозяина и господина. Я не знаю, как это им удалось, но они нашли тайник, где хранилась Идальч, и вновь извлекли ее на свет. Они спрятали ее в Восточных землях, подальше от всех, и вновь принялись копать в тайнах черной магии. Все это случилось шестьдесят лет назад. Нетрудно догадаться, что с ними стало теперь.

Брин побледнела и подалась вперед.

— Ты хочешь сказать, что все повторяется? Что опять появился Повелитель чародеев и посланники Черепа?

Алланон покачал головой.

— Они все-таки не друиды, не такие, как Брона и те, кто пошел за ним. Да и времени у них было поменьше. Но магия ме-

няет всякого, кто решится прикоснуться к ее секретам. Разница только в сущности изменений. На этот раз все происходит по-другому.

Теперь уже Брин мотнула головой.

— Ничего не понимаю.

— По-другому, — повторил Алланон. — Любая магия, черная ли, белая, как бы подстраивается под того, кто владеет ею, и изменяет его соответственно. В прошлый раз существа, порожденные магической силой, летали...

Он не закончил. Слушатели быстро переглянулись.

— А теперь? — спросил Рон.

Друид прищурил черные глаза.

— Теперь зло просто ходит.

— Призраки-морды! — выдохнул Джайр.

Алланон кивнул.

— Морды, «черные странники» на языке гномов. Просто иное обличье того же самого зла. Идальч переделала их по своему, так же как Брону и его приспешников. Жертвы магии, рабы черной силы, они покинули мир людей и отдались тьме.

— Значит, то, что болтают, не просто слухи, — пробормотал Рон Лих. Он попытался поймать взгляд Брин. — Я не говорил тебе раньше, чтобы не волновать понапрасну. Но еще в Лихе я встретил одного путешественника, и он сказал, что черных странников видели к западу от Серебристой реки. Вот почему, когда Джайр сказал, что хочет выбраться из Дола...

— Морды зашли уже так далеко? — поспешно оборвал его Алланон. Его явно встревожило это известие. — И когда это было, принц Лиха?

Рон с сомнением покачал головой.

— Да пару дней назад, точно не помню. Как раз перед тем, как я отправился в Дол.

— Значит, у нас даже меньше времени, чем я думал. — Морщины на лбу друида, казалось, стали глубже.

— А что им тут надо? — полюбопытствовал Джайр.

Алланон поднял суровое лицо.

— Скорее всего, они ищут меня.

Тишина, словно эхо, отдалась в темном доме. Все молчали, не отрываясь глядя в глаза друиду.

— Слушайте внимательно. Крепость мордов находится далеко, в Восточных землях. Высоко в горах. Они называют эти горы Вороний срез. Саму крепость строили тролли, еще во времена Второй войны рас. Ей дали имя Грань мрака. Горы кольцом окружают долину. В этой долине морды и прячут Идальч. — Он глубоко вздохнул. — Десять дней назад я был там, у самого края долины. Я хотел спуститься, забрать книгу магии из тайника и уничтожить Идальч, источник темной силы мордов. Если не будет книги, иссякнет их сила и угроза жизни народов Четырех земель исчезнет. А угроза... она существует. И сейчас я вам расскажу, что это такое.

После гибели их господина морды не сидели сложа руки. Полгода назад возобновились пограничные войны между карликами и гномами. Они и раньше воевали за леса Анара, поэтому новым стычкам никто поначалу не придавал значения. Но теперь в этой войне появилось что-то новое. Морды явно направляют гномов. После гибели Повелителя чародеев гномы слегка притихли, но черная магия вновь поработила их. На этот раз они покорились мордам. И призраки дали им силу, которую гномам иначе негде было бы взять. Карликов теснят на юг. Но это еще не все. Морды отравили Серебристую реку. Яд уже начал проникать и в землю, которую питают ее воды. Если так пойдет дальше, карликам не выжить, и мы потеряем все Восточные земли. Эльфы и воины Каллахорна уже вышли на помощь карликам, но этого недостаточно, чтобы противостоять магической силе мордов. Только уничтожение Идальч остановит вторжение зла. — Он резко повернулся к Брин. — Вспомни, отец наверняка рассказывал вам то, что он слышал от Ши Омсфорда о походе Повелителя чародеев в Южные земли. Когда зло идет на мир, тьма покрывает все. Черная тень простирается над землей, и там, где она упала, все высыхает и умирает. Ничто не может жить в этой тьме, только злоба. И теперь все начинается снова, Брин, — на этот раз в Анаре.

Алланон отвел взгляд.

— Десять дней назад я стоял у стен Грани мрака, полный решимости отыскать и уничтожить Идальч. Но я ничего не смог сделать. Морды своей черной магией взрастили в долине лес, что стоит на болоте. Мельморд, на древнем магическом языке. Барьер зла. Он поглотит любого, кто решится войти туда, не будучи частью его темной силы.

Понимаете, этот лес живет, он дышит, он мыслит. Ничто не может пройти сквозь него. Ничто и никто. Я пытался, но даже моей силы оказалось недостаточно. Мельморд оттолкнул меня, и морды узнали, что я приходил. Они погнались за мной, но мне удалось ускользнуть. И вот теперь они ищут меня, уже зная...

Внезапно друид замолчал. Брин взглянула на Рона. Тот с каждой секундой выглядел все несчастнее.

— Раз они ищут тебя, они могут прийти и сюда. — Горец тут же воспользовался этой паузой в монологе друида.

— Могут и прийти. Впрочем, они все равно рано или поздно сюда заявятся — не важно, здесь я или нет. Они будут охотиться за каждым, кто угрожает их могуществу. А уж семья Омсфорд им угрожает точно. Вы и сами должны это понимать.

— Из-за Ши Омсфорда и меча Шаннары? — спросила Брин.

— Не только. Но морды не порождения воображения, как Повелитель чародеев, поэтому меч их ничуть не страшит. Эльфийские камни их пугают больше. Это сильная магия, и с ней им придется считаться, а морды наверняка знают, как Вил Омсфорд ходил на поиски Источника Огненной крови. — Он снова замолчал на мгновение. — Но все же самое страшное для них — заклятие.

— Заклятие? — искренне изумилась Брин. — Но это же просто забава! В нем даже нет силы эльфинитов! Чем оно может грозить этим чудовищам? Что им бояться какой-то безвредной песни?

— Безвредной? — Глаза Алланона блеснули, и он поспешил опустить веки, будто что-то скрывая. Его суровое лицо оставалось бесстрастным, но Брин почему-то не на шутку перепугалась.

— Алланон, зачем ты пришел? — снова спросила она, стараясь унять дрожь в руках.

Друид поднял глаза. На столе перед ним затрещало пламя масляной лампы.

— Чтобы ты пошла со мной в Восточные земли, к крепости мордов. Чтобы ты спела заклятие и прошла через Мельморд. Чтобы ты отыскала Идальч и принесла книгу мне и я уничтожил бы ее.

Все молча уставились на него.

— Но как? — наконец выдавил Джайр.

— Заклятие может разрушить даже черную магию, — ответил ему Алланон. — Оно изменяет природу и действия живых существ. Брин может заставить Мельморд принять ее. Она сможет пройти сквозь лес, словно она и он — одно целое.

Джайр смотрел на Алланона во все глаза.

— И заклятие все это может?

Но Брин лишь покачала головой.

— Песнь желаний — всего лишь игрушка, — упрямо повторила она.

— Правда? Или ты просто не умеешь использовать ее по-другому? — Друид медленно склонил голову. — Нет, Брин Омсфорд, заклятие — это эльфийская магия, и в нем сила эльфийской магии. Ты еще и сама этого не осознаешь, но это так, поверь мне.

— Какая нам разница, так или нет, Брин все равно никуда не пойдет! — Рон рассердился уже по-настоящему. — Это же очень опасно, ты не можешь требовать, чтобы она пошла!

Алланон оставался невозмутимым.

— У меня нет выбора, принц Лиха. И когда я просил Ши Омсфорда пойти со мной на поиски меча Шаннары, а Вила — к Источнику Огненной крови, у меня тоже не было выбора. Только в Омсфордах течет кровь Джерла Шаннары. Только у них сохранилась эльфийская магия. Я, как и ты, предпочел бы, чтоб все было иначе. Но ночь остается ночью, как бы нам ни хотелось, чтобы она стала днем. Заклятием владеет только Брин, и пришло время применить его всерьез.

— Брин, послушай меня. — Рон повернулся к девушке. — Я не хотел тебе рассказывать. Знаешь, что говорят об этих мордах, что они делают с людьми? Вырванные языки и глаза, какая-то странная сила, которая опустошает сознание, высасывает жизнь, волшебный огонь, сжигающий до самых костей. Я и сам раньше думал, что все это полный бред, страшилки для детей, но теперь... после разговора с друидом... Тебе нельзя идти с ним. Нельзя.

— Да, это не просто слухи, — тихо проговорил Алланон. — И все это действительно очень опасно. Ты даже можешь погибнуть. — Он помедлил. — Но что нас ждет, если ты не пойдешь? А ты сама? Будешь прятаться здесь и надеяться, что морды про тебя забудут? Или ты думаешь, карлики вас защитят? А что потом, когда их всех уничтожат? Морды не останутся в

Восточных землях. Как и Повелитель чародеев, они пойдут дальше. Сюда. Зло затопит всю землю, и вскоре уже не останется никого, кто смог бы его остановить.

Джайр схватил сестру за руку.

— Брин, если ты решишься идти, мы пойдем вместе...

— Ну уж нет! — раздраженно оборвала его Брин. — В любом случае ты остаешься здесь!

— Мы все остаемся здесь. — Рон решительно смотрел в лицо друида. — Никто никуда не пойдет — никто. Придется тебе поискать другой способ добраться до Идальч.

Алланон покачал головой.

— Я не могу, принц Лиха. Нет другого способа. Только этот.

Все долго молчали. Брин сжалась на своем стуле, смущенная и испуганная. Она чувствовала себя так, словно попала в ловушку. После слов друида она должна была принять решение, чего бы это ни стоило. И она почему-то уже не могла вырваться из этих сетей. Его слова боролись в сознании Брин с ее собственными мыслями, и одна мысль приходила чаще других. Брин повторяла про себя снова и снова: песнь желаний — всего лишь забава. Магия, да, — но все-таки это просто забава! Совершенно безобидная! И уж никак не оружие против злой силы, перед которой отступил сам Алланон! Отец всегда опасался магии. Да что там — боялся ее. И детям своим говорил, что не стоит играть с волшебством. Да и сама Брин давно собиралась серьезно поговорить с Джайром и постараться убедить брата перестать развлекаться с песнью желаний...

— Алланон, — напряженно проговорила она, — я ведь никогда всерьез не использовала заклятие, разве лишь для того, чтобы изменить цвет листьев или заставить распуснуться цветы. Это же такая малость. И даже этого я не делала уже много месяцев. А ты хочешь, чтобы я заколдовала чудовищный лес, охраняющий Идальч. Да я не сумею.

Алланон на мгновение заколебался.

— Я научу тебя.

Она медленно кивнула.

— Папе не нравится, когда мы прибегаем к магии. Он нам всегда советовал не доверяться ей, потому что однажды он вызвал магическую силу и она изменила всю его жизнь. Если бы он был сейчас здесь, то дал бы мне совет никуда не ходить с

тобой, Алланон. Совершенно как Рон. Да какой там совет, он бы просто запретил мне идти, вот и все.

На суровом лице друида появилось какое-то усталое выражение.

— Я знаю, девочка.

— Когда папа вернулся из Западных земель, он спрятал эльфийские камни подальше и поклялся никогда больше не прикасаться к ним, — продолжала Брин, стараясь преодолеть смущение и не сбиться с мысли. — Он говорил, что еще тогда понял: эльфийская магия что-то в нем изменила, хотя он и не знал в точности что и как.

— И это я тоже знаю.

— И все-таки просишь меня пойти с тобой?

— Да.

— Даже не посоветовавшись с папой? Не дождавшись его? Ничего не объяснив?

Ей показалось, что друид рассердился.

— Сейчас тебе все станет ясно, Брин Омсфорд. Твой отец никогда не одобрит того, что я прошу тебя сделать. Это вообще выходит за рамки допустимого, ведь я прошу тебя, чтобы ты пошла со мной, рискуя всем. Даже жизнью. И лишь потому, что я сказал: так нужно. Я прошу тебя доверять мне. Я прошу тебя сделать все это и ничего не обещаю взамен. Ничего. — Алланон приподнялся со стула и наклонился вперед, его лицо стало вдруг мрачным и даже злоещим. — Но я скажу тебе одну вещь: если ты подумавешь обо всем как следует, ты и сама увидишь, что тебе нужно отправиться со мной!

Даже Рон на этот раз не решился возразить ему. На мгновение друид застыл, опираясь на стол, — черный плащ распахнулся подобно черному крылу, — потом медленно сел на место. Он снова выглядел усталым, невыразимое отчаяние появилось во взгляде. Это было так не похоже на Алланона, не таким описывал его Вил Омсфорд. Брин даже слегка испугалась.

— Хорошо, я подумаю, — почти шепотом проговорила она. — Но дай мне хотя бы одну ночь. Я должна разобраться... в своих чувствах.

Алланон как будто заколебался, но потом кивнул.

— Утром мы снова поговорим об этом. Подумай как следует, Брин Омсфорд.

Он собрался было встать, но Джайр вдруг подлетел к нему. Лицо юноши просто пылало от возмущения.

— А как же я? О моих чувствах хоть кто-нибудь подумал? Если Брин пойдет, то и я пойду тоже! Я не намерен сидеть здесь...

— Джайр, ты что!.. — попыталась протестовать Брин, но, заметив взгляд Алланона, тут же умолкла.

Друид встал и, обойдя стол, приблизился к юноше.

— А ты смелый, — сказал он и положил широкую ладонь на плечо долинца. — Но на этот раз твоя магия мне не нужна. Твоя магия — лишь иллюзия. Мы должны пройти через Мельморд, а там иллюзия бесполезна.

— Но может быть, ты ошибаешься, — стоял на своем Джайр. — Мне бы так хотелось помочь тебе.

Алланон кивнул.

— Что ж, и поможешь. Пока нас с Брин не будет, ты должен позаботиться о безопасности ваших родителей. Ты должен сделать все, чтобы морды не нашли их раньше, чем я уничтожу Идальч. И если темные твари заявятся в Дол, ты применишь заклятие против них. Сделаешь?

Брин даже не обратила внимания на то, что Алланон говорит так, будто бы все уже решено: они с друидом идут в Восточные земли, а Джайр остается здесь да еще в случае чего должен использовать свою магию как оружие. А если и обратила, то спорить не стала.

— Если нужно, то сделаю, — с некоторой неохотой ответил Джайр. — Но лучше бы мне пойти с вами.

Алланон убрал руку с его плеча.

— Как-нибудь в другой раз, Джайр.

— Тогда, может быть, и мне как-нибудь в другой раз? — многозначительно заметила Брин, — Я еще ничего не решила, друид.

— Для тебя, Брин, другого раза уже не будет. Твое время — сейчас. Тебе нужно пойти со мной. И к утру ты сама все поймаешь.

Кивнув всем на прощание, Алланон направился к выходу, по пути поплотнее запахивая свой черный плащ.

— Ты куда, Алланон? — окликнула его Брин.

— Я буду здесь рядом, — ответил он, не останавливаясь. Через мгновение его уже не было. Брин, Джайр и Рон Лих еще долго смотрели на закрывшуюся дверь.

Первым заговорил Рон:

— Ну и что теперь?

Брин как-то странно посмотрела на него.

— А теперь все пойдем спать.— Она поднялась из-за стола.

— Спать?! — ошарашенно переспросил горец.— И после всего этого ты еще сможешь спать? — Он указал рукой на дверь, за которой скрылся друид.

Брин откинула за спину длинные волосы и грустно улыбнулась.

— А что мне еще остается делать, Рон? Я устала. Я ничего не понимаю. И мне страшно. Я хочу отдохнуть.

Она подошла к горцу и ласково чмокнула его в лоб.

— Оставайся сегодня у нас.— Потом она обняла Джайра и тоже поцеловала его.— Живо спать, оба!

Брин быстро прошла в спальню и плотно закрыла за собой дверь.

Она спала беспокойно и видела тревожные сны: подсознательные страхи приняли форму и облик и явились ей как призраки из тьмы. Они гнались за нею, пытаясь схватить... Вздвигнув, Брин проснулась. Подушка намочила от пота. Дрожа, Брин встала с постели, наспех оделась и бесшумно прокралась по темному дому в столовую. Там она зажгла лампу — фитилек затеплился еле-еле, — уселась за стол и молча уставилась в полумрак.

Чувство беспомощности захлестнуло Брин. Что же делать? Она помнила все, что рассказывали ей отец и прадедушка Ши Омсфорд, когда она была совсем маленькой, — о том, как Повелитель чародеев вышел из Северных земель, как его войско едва не захватило Каллахорн, как тьма покрыла землю... Там, где прошел Повелитель чародеев, свет умирал. И вот теперь все начинается снова: пограничные войны гномов и карликов возобновились. Серебристая река отравлена, над Восточными землями сгущается тьма. Все так же, как семьдесят лет назад. Но и теперь, как тогда, существует способ остановить зло, не дать мраку поглотить мир. И, как тогда, это должен сделать один из Омсфордов.

Брин знобило. Она плотнее закуталась в плащ. «Кажется» — вот верное слово, ключ ко всему, что касается Алланона. Интересно, так ли все это на самом деле, как кажется? Что правда,

а что полуправда? Так всегда с Алланом. У него есть могучая сила и знание, но он никогда не открывает всего до конца. Он говорит только то, что, как он считает, должен сказать, и ни слова больше. Он просто использует людей в своих целях, и цели эти часто тщательно скрываются. Если идешь с Алланом, готовься к тому, что пойдешь в темноте. Пути друида скрыты во мраке.

Но пути мордов еще темнее, если они действительно иной облик зла, разрушенного некогда мечом Шаннары. Что ж, тьма против тьмы. Брин должна об этом подумать. Да, Алланон частенько бывал неискренним с Омсфордами, но он все-таки друг, не враг. Все, что он делал, он делал, чтобы защитить Четыре земли. Он никому не хотел вреда. Сколько раз он предупреждал об опасности — и всегда был прав. Значит, и на этот раз опасность существует.

Но хватит ли магической силы песни желаний, чтобы пройти сквозь барьер темных чар? Брин не верила в это. Что такое заклятие, как не следствие — непредвиденное и неизбежное — действия магии эльфов на человека? В нем нет силы эльфийских камней. Оно не может быть ни оружием, ни защитой. И все-таки Алланон утверждает, что только песнь желаний проведет их через магический барьер зла, перед которым оказалось бессильно даже могущество друида.

Брин вздрогнула, звук шагов у двери столовой испугал ее. Из полумрака выступил Рон Лих, обошел стол и уселся напротив Брин.

— Мне тоже не спится, — пробормотал он, щурясь от света масляной лампы. — Ну, так что ты решила?

Девушка покачала головой.

— Пока ничего. Я правда не знаю. Я все спрашиваю себя: а что бы стал делать папа?

— Это и так ясно. Он бы тебе сказал: даже не думай об этом. Это слишком опасно. И еще он сказал бы, как говорил не раз, что Алланону нельзя доверять.

Брин откинула волосы за спину и печально улыбнулась.

— Ты меня не слушаешь, Рон. Я сказала: мне интересно, что бы стал делать папа, а не то, что он посоветовал бы делать мне. Это не одно и то же. Если бы пойти попросили его, что он стал бы делать? Пошел бы, как тогда, из Сторлока, только зная уже, что Алланону нельзя до конца доверять, зная, что

друид от него многое скрывает, но зная и то, что, кроме него, никто больше не сможет помочь?

Горец беспокойно заерзал на стуле.

— Но, Брин, ведь заклятие... ну, это не то что эльфийские камни. Ты же сама сказала, что это всего лишь баловство.

— Да, я понимаю. Вот почему все так сложно. И еще одно: ты представляешь, что будет с папой при одной только мысли, что я воспользуюсь своим даром как оружием? — На мгновение она замолчала. — Странная штука эта эльфийская магия. Иногда ее силу сразу не различишь. До поры ее сила скрыта. Так было с мечом Шаннары. Ши Омсфорд тоже не понимал, что может меч против мощи Повелителя чародеев. До самого конца он не знал. И только потом, когда ничего другого не осталось... он поверил...

Рон резко выпрямился.

— Я уже говорил, но повторю: все это слишком опасно. Даже Алланон не смог одолеть мордов, он же сам признался. Другое дело, если воспользоваться элфинитами. По крайней мере, мы знаем, что в них достаточно силы, чтобы уничтожить этих чудовищ. А заклятие... Предположим, перед тобой морд, ну и что? Ты станешь петь ему, как пела старому клену?

— Только не смейся надо мной, Рон. — Брин сузила глаза.

Рон быстро мотнул головой.

— И вовсе я над тобой не смеюсь. Наоборот, я за тебя переживаю. Может быть, даже слишком. Но я действительно думаю, что песнь желаний вряд ли сможет служить защитой против этих мордов.

Брин глядела в сторону, в ночь за окном, на колышущиеся тени, на деревья, дрожащие под ветром.

— И я тоже так думаю, — прошептала она.

Они еще долго сидели молча, каждый думал о чем-то своем. Перед мысленным взором Брин стояло суровое усталое лицо Алланона как неотступный призрак, голос совести. «Ты должна пойти. К утру ты поймешь все сама». Слова слышались ясно, как наяву. Друид повторял их снова и снова. Но почему? Что ей поможет понять? Размышления породили лишь еще большую нерешительность. Брин честно пыталась взвесить все за и против, но никак не могла решиться, идти все-таки или нет.

— А ты бы пошел? — внезапно спросила она Рона. — Если бы ты владел заклятием?

— Ни в коем случае, — быстро ответил он. Может быть, слишком быстро и слишком резко.

«Ты сказал мне неправду, Рон, — подумала Брин. — Это из-за меня. Ты не хочешь, чтобы я пошла, и поэтому солгал. Но если бы ты был сейчас на моем месте, ты бы тоже терзался сомнениями. Как я».

— Что здесь такое? — донесся из темноты сонный голос.

Они разом повернулись: щурясь на свет, в дверях стоял Джайр. Он подошел поближе и встал у стола, тревожно вглядываясь в лица сидящих.

— Просто сидим и говорим, — сказала ему Брин.

— О чем? Идти ли за волшебной книгой?

— Да. Иди спать.

— А ты идешь? То есть за книгой?

— Еще не знаю.

— Никуда она не пойдет. Если у нее есть хоть пара извилин, то она не пойдет. — Похоже, Рон уже рассердился. — Это слишком опасное путешествие. Скажи ей, Тигра. У тебя только одна сестра, и тебе ведь не хочется, чтобы она попала в лапы черных странников.

Брин с яростью поглядела на горца.

— Джайра это совсем не касается, и перестань его пугать.

— Его? Да кто его пугает? — Рон даже покраснел. — Это тебя я пытаюсь сейчас напугать, черт тебя побери!

— А я все равно не боюсь этих черных странников, — уверенно заявил Джайр.

— Еще заботишься! — рассердилась Брин.

Джайр пожал плечами и зевнул.

— Может, все-таки дождемся папу? Или как-нибудь свяжемся с ним? Пошлем записку или еще что-нибудь придумаем.

— А что, неплохая мысль, — поддержал его Рон. — Сначала нужно поговорить с Вилом и Эретрией.

Брин вздохнула.

— Но вы же слышали, что сказал Алланон. На это нет времени.

Горец скрестил руки на груди.

— Найдет время, если ему нужно. Брин, у твоего отца может быть свое мнение на этот счет. И у него есть опыт: он уже имел дело с эльфийской магией.

— И еще, Брин, у него же есть эльфиниты! — Джайр широко раскрыл глаза. — Он же может пойти с тобой. И защищать тебя силой эльфийских камней, как тогда Амбель!

Вот оно. Эти несколько слов все прояснили для Брин. Она поняла. Алланон был прав. Она должна пойти с ним. И теперь уже стало ясно почему. Отец действительно отправился бы с ней. Достал бы из тайника эльфийские камни и пошел, чтобы защитить свою дочь. Но как раз этого она не могла допустить. Папе пришлось бы нарушить клятву и вновь обратиться к силе камней. А вдруг он вообще запретил бы ей идти и отправился с Алланоном вместо нее? Нет.

— Иди спать, Джайр, — вдруг резко сказала Брин.

— Но я как раз...

— Иди. Пожалуйста. Утром мы обо всем поговорим.

Джайр колебался.

— А ты?

— Я сейчас тоже лягу, правда. Я просто хочу посидеть здесь немножко. Одна.

Джайр с подозрением поглядел на нее, но все же кивнул:

— Хорошо. Спокойной ночи. — Он повернулся и шагнул в темноту. — Только ты тоже поспи.

Брин поймала взгляд Рона. Они знали друг друга давно, с самого раннего детства, и были такие мгновения, когда понимали друг друга без слов. И вот сейчас тоже.

Горец медленно поднялся, его лицо оставалось на удивление спокойным.

— Ну что ж, Брин. Я понимаю, да. Но я иду с тобой. И буду с тобой до самого конца. Понимаешь?

Она только кивнула. Рон молча вышел, оставив ее одну.

Время шло. Брин сидела в полутемной столовой и в который раз передумывала все заново, тщательно взвешивая все за и против. Нет, нельзя, чтобы из-за нее отец нарушил клятву. Ведь он дал зарок никогда больше не обращаться к эльфийской магии. Никогда.

Брин встала, задула пламя в лампе и тихонько скользнула в прихожую. Стараясь не шуметь, она отперла замок, открыла

входную дверь и вышла в ночь. Ветерок, напоенный осенними ароматами, приятно охлаждал лицо. Брин постояла мгновение на крыльце, глядя в сумрак, потом обошла дом и направилась в сад. Ночь была полна звуков сумеречной невидимой жизни. В дальнем конце сада рос древний дуб. Брин остановилась под его ветвями и выжидающе огляделась.

Буквально через мгновение из сумрака возник Алланон. Брин почему-то знала, что он должен прийти сюда. Черный, как ночь вокруг, друид бесшумно вышел из тени деревьев и встал рядом с ней.

— Я все решила, — прошептала Брин чуть слышно, но голос ее был тверд. — Я иду с тобой.

Глава 3

Утро наступило быстро. Бледно-серебряный свет просочился сквозь туман предрассветного леса и отогнал тени на запад. В доме Омсфордов проснулись рано, с первыми лучами солнца. А еще через час все в доме стояло вверх дном: Брин собиралась в путь. Рон поспешил в гостиницу оседлать лошадей, собрать провизию и оружие. Брин и Джайр упаковывали теплую одежду и необходимые вещи. В суете сборов они почти не разговаривали. Да и говорить особенно было не о чем. И не хотелось к тому же.

Особенно упорно молчал Джайр. Он был явно не в настроении. Еще бы, Брин и Рон отправляются с Алланоном, а он, как маленький мальчик, остается дома. Сегодня утром, когда все собрались в столовой, Джайр был неприятно удивлен. Похоже, он один не знал о решении Брин идти с Алланоном. Джайр попытался было убедить сестру и Рона взять его с собой, но услышал лишь твердое «нет». Еще раньше, когда горец заявил Алланону, что он тоже идет — ведь Брин нужен кто-то, на кого она может положиться, кому может довериться, — друид явно этому не обрадовался. И согласился лишь после того, как Брин сказала, что ей будет спокойнее, если Рон пойдет с ней. Тут-то Джайр и высказался, что, пойдя он с ними, Брин будет в два раза спокойнее. И получил однозначный ответ. Слишком опасно, сказала Брин. Слишком долгий поход и рискованный, добавил Рон. К тому же ты нужен здесь, напомнил ему Алланон.

Ты позаботишься о родителях. И в случае чего воспользуешься своей песнью желаний, чтобы защитить их.

После этого Алланон куда-то ушел, и у Джайра больше не было возможности постараться переубедить его. Рона же уговаривать бесполезно, он не станет перечить Брин — для него на ней свет клином сошелся. Да и сама Брин все уже решила. А уж если она решила, будет стоять на своем. Так что ничего не поделаешь. Сестра никогда его не понимала. Джайру даже не раз казалось, что и себя она не всегда понимает. И вот теперь в гордом молчании он помогал Брин складывать вещи. Они остались одни: Алланон куда-то запропастился, Рон ушел в гостиницу. В конце концов Джайр заговорил:

— Брин! — Они оба сидели на полу в гостиной и запикивали одеяла в клеенчатый мешок. — Брин, я знаю, где папа прячет эльфийские камни.

Она подняла глаза.

— Я так и думала.

— Ну, он сделал из этого секрет...

— А ты не любишь секреты? Ты их брал?

— Только чтоб посмотреть, — признался он и подался вперед. — Брин, наверное, тебе стоит взять их с собой.

— Зачем? — В голосе девушки появились сердитые нотки.

— Для защиты.

— Для защиты? Ты же прекрасно знаешь, что они подчиняются только папе.

— Ну, быть может...

— И ты знаешь его отношение к эльфинитам. Он и так не обрадуется, когда узнает, зачем я ушла, а уж если я прихвачу с собой эльфийские камни... По-моему, ты не подумал как следует, Джайр.

И тут Джайр по-настоящему рассердился.

— А по-моему, это ты как следует не подумала. Мы ведь оба знаем, как это опасно. Тебе понадобится помощь. Любая помощь. А эльфиниты обладают чудовищной силой. Тебе надо лишь разобраться, как они действуют. У тебя получится, я уверен.

— Только законный хранитель, и больше никто...

— ...может вызвать силу камней? — Джайр вплотную приблизился к сестре. — А вдруг для нас с тобой все по-другому,

Брин? Ведь в нас уже есть эльфийская магическая сила. У нас есть заклятие. Быть может, и камни нам подчинятся!

Напряженная тишина длилась почти минуту.

— Нет, — наконец заговорила Брин. — Нет, мы обещали папе не трогать камни...

— Да? Но мы еще обещали не обращаться к эльфийской магии вообще. А мы все равно это делаем, Брин, даже ты, пусть изредка. И потом, ведь Алланон пришел за тобой именно из-за твоего дара. Там, у крепости мордов, тебе придется им воспользоваться. Разве нет? Так какая же разница между заклятием и эльфинитами? Магия эльфов и есть магия эльфов!

Брин молча смотрела на брата, как-то отрешенно, будто издалека. Потом опустила голову и занялась одеялами.

— Это не важно. Я все равно не возьму эльфиниты. Давай помоги мне: завяжи вот здесь.

Вот так, и бесполезно что-либо доказывать. Брин убедить невозможно: если она решила, то все. Джайр остается дома. Она не берет эльфийские камни. Джайр просто не мог понять, как так можно. Будь он на ее месте, он бы первым делом забрал эльфиниты. Он бы сумел разобраться в том, как они действуют. Ведь это — единственное оружие против темной силы. Но Брин... Она согласилась использовать магическую силу песни желаний и отказалась от силы эльфинитов. Она даже не видела в этом никакого противоречия.

Все утро Джайр напряженно обдумывал непонятное поведение сестры, стараясь найти в нем хоть какой-то смысл. Смысла не было. Зато время шло очень быстро. Рон вернулся с конями. Припасы он упаковал в седельные сумки. Все трое наспех позавтракали на открытом воздухе, расположившись в прохладной тени деревьев. Потом появился Алланон. С терпением Владычицы Смерти он ждал, пока они закончат есть, такой же темный и мрачный в полуденном свете, как и в сумраке ночи. И вдруг оказалось, что времени уже не осталось. Рон крепко пожал руку Джайра, грубовато похлопал его по спине и вытянул твердое обещание, что тот позаботится о родителях, когда они вернутся. Брин в свою очередь обняла брата и крепко прижала его к себе.

— До свидания, Джайр, — прошептала она. — И помни, я люблю тебя.

— И я тебя, — выдавил он и обнял сестру.

Через мгновение маленький отряд уже был в седлах и заворачивал коней на дорогу. Последний раз Рон и Брин вскинули руки в жесте прощания, и Джайр помахал в ответ. Он смотрел им вслед, пока они не пропали из виду, и только тогда смахнул с ресниц непрошенные слезы.

А днем он перебрался на постоянный двор. Если морды или их союзники-гномы уже ищут Алланона в краях западнее Серебристой реки, очень скоро они могут прийти и в Тенистый Дол. И куда они направятся первым делом? Конечно, в дом Омсфордов. Но не только поэтому Джайр решил пока пожить на постоялом дворе. Ведь там гораздо интереснее, чем дома: именно там останавливались путешественники из далеких краев, и у каждого было что рассказать жителям тихого Дола. Гораздо лучше, потягивая эль, слушать чудные рассказы странников, чем умирать от скуки в пустом доме.

Итак, Джайр собрал кое-какие вещи и зашагал к постоялому двору. Он все еще сердился, что его не взяли в поход в Восточные земли, но теплые лучи солнца слегка растопили его досаду. И в самом деле, кому-то ведь надо остаться хотя бы для того, чтобы объяснить родителям, куда делась Брин. А это будет нелегко. Джайр представил себе лицо отца, когда тот обо всем узнает, и уныло покачал головой. Отец так просто не успокоится. Скорее всего, он отправится следом за Брин и, может быть, даже возьмет с собой эльфийские камни.

Выражение непреклонной решимости появилось на лице юноши. Если все так и случится, он тоже пойдет. На этот раз его ничто не удержит.

Джайр шел, пиная на ходу опавшие листья, они разлетались разноцветным дождем. Конечно, отец будет против. И мама. Но у него еще есть две недели. За это время Джайр обязательно придумает, как их убедить.

Он пошел медленнее, всесторонне обдумывая эту соблазнительную идею. Но вскоре выбросил ее из головы. Нет, он не опустит отца. Он расскажет родителям обо всем, что случилось, а потом они все вместе отправятся в Лих, где Джайр оставит их под защитой отца Рона, а уж там видно будет. Да, именно так он и сделает. Конечно, Вил Омсфорд может и не одобрить этот план. Джайр был настоящим сыном своего отца и хорошо понимал, что у того на любой случай есть собственное мнение.

Юноша улыбнулся и зашагал быстрее. Что ж, над этим стоит подумать.

Близился вечер. Джайр Омсфорд поужинал в кухне вместе с семьей, которая распорядилась теперь на постоялом дворе вместо его родителей, и пообещал помочь им завтра по хозяйству, после чего направился в обеденный зал послушать рассказы путников, забредших в Дол. Сегодня особенно часто упоминали черных странников, призраков-мордов, которых никто не видел, но все знали об их существовании, — злобные твари выжигали жизнь одним только взглядом.

«Из темных глубин земли пришли они, прямо из ада, — хриплым шепотом повторяли собравшиеся и согласно кивали. — Лучше их обходить стороной. Да хранит нас судьба от подобных тварей».

От всех этих разговоров Джайру даже стало слегка не по себе.

Он засиделся за полночь, а потом пошел в свою комнату. Спал Джайр крепко, без сновидений, и, проснувшись утром, занялся делами. Он уже почти успокоился и больше не переживал, что ему пришлось остаться здесь. В конце концов, ему тоже поручено важное дело. Если мордам действительно известно о силе эльфийских камней, рано или поздно призраки придут за хранителем, и Вилу Омсфорду будет грозить опасность, возможно не меньшая, чем Брин. И именно Джайру поручено проследить, чтобы с отцом не случилось ничего плохого.

К полудню он уже покончил со всеми делами, управляющий поблагодарил юношу и настоял, чтобы тот отдохнул. Джайр забрался подальше в лес и принялся испытывать возможности песни желаний, наслаждаясь своей властью над заклятием. При этом он снова и снова думал, почему же отец так противится тому, чтобы Джайр пользовался эльфийской магией. Папа просто ничего не понимает. Ведь магия — это часть его, Джайра, как руки, например, или ноги. Вполне естественно, что человек пользуется руками и ногами, а для него было так же естественно пользоваться волшебной песнью. Как он мог делать вид, что ее нет, когда вот она, здесь, в нем?! Оба, и папа и мама, твердили, что магия очень опасная вещь. Да и Брин — тоже, хотя и не так убежденно, ведь она тоже частенько обращалась к заклятию. Джайру казалось, что родители так наседают на него лишь потому, что он моложе, чем Брин, а о младших все-

гда беспокоятся больше. Лично ему еще не пришлось убедить-ся, что в его магическом даре есть что-то опасное; и пока этого не случится, он не намерен отказываться от песни желаний.

Вот уже потускнел солнечный свет, первые вечерние тени прокрались в лес. Джайр решил, что пора возвращаться. Он направился на постоянный двор, но по пути ему пришло в голову, что стоит, пожалуй, посмотреть, как там дома, все ли спокойно. Просто так, на всякий случай. Конечно, Джайр запер дверь, но лишний раз проверить не помешает. Его ведь оставили охранять и дом тоже.

Однако, подумав еще пару минут, Джайр решил, что это не к спеху. Сначала он пообедает. Он зверски проголодался. Как всегда после игры с магией.

Юноша шагал по лесной тропе, вдыхая запахи осеннего дня, и думал о следопытах. Он всегда восхищался ими. Следопыты не просто опытные охотники, а особая порода людей. Еще бы! Достаточно следопыту просто поглядеть по сторонам, и он уже знает, что и как в этом краю, и никому от него не скрыться, ни единому существу. Дикие дебри лесов и просторы степей — вот их истинный дом. Их не удержишь на одном месте. Как правило, они замкнуты, неразговорчивы и предпочитают компанию таких же следопытов. Несколько лет назад (Джайр хорошо это помнил) какой-то путешественник привел одного следопыта к ним на постоянный двор. Старик повернул ногу и не мог идти сам. Он оставался у них почти неделю, ждал, пока ноге не станет лучше. Джайр и так и эдак подбирался к нему, но старый следопыт поначалу не желал иметь с ним никакого дела — как, впрочем, и со всеми остальными, — но потом мальчик показал ему кое-что из своей магии, так, самую малость. Старик заинтересовался и понемногу разговорился. А уж ему было о чем рассказать...

Джайр улыбнулся, припомнив рассказы старого следопыта, и сам не заметил, как свернул на дорожку, которая вела к боковой двери постоянного двора. И тут он увидел гнома.

Поначалу Джайр решил, что ему показалось. Юноша застыл как вкопанный, держась за ручку двери, и ошеломленно уставился на приземистую фигурку, скрючившуюся у забора конюшни. Гном повернул к нему сморщенное желтое личико, и на мгновение взгляды их встретились. Джайр едва не вздрогнул. Нет, не почудилось: самый что ни на есть настоящий гном.

Долинец поспешно рванул на себя дверь и влетел внутрь. Прислонившись спиной к закрытой двери, долинец попытался успокоиться. Гном! Что делать гному в Тенистом Доле? Быть может, он обычный путник, забрел мимоходом? Но обычно гномы не ходят через Дол — если уж на то пошло, они вообще крайне редко покидают знакомые леса Восточных земель. Уже много лет в Тенистом Доле не было ни единого. И вот пожалуйста: гном. И может быть, не один.

Джайр оторвался от двери и пробрался по длинному коридору к окну, выходящему как раз на дорогу. Очень осторожно, едва приподнявшись над подоконником, он выглянул на улицу и осмотрелся. Гном стоял на том же месте и по-прежнему смотрел на дом. Похоже, он был один. По крайней мере, Джайр никого больше не заметил.

Долинец вновь прислонился к стене. Что же ему теперь делать? Алланон ведь предупреждал, что призраки-морды ищут его. Может, и гном здесь не случайно? Или все же случайно? Что, если это просто совпадение? Джайр с трудом перевел дыхание. Да только как узнать? Он должен знать наверняка.

Юноша глубоко вздохнул. Главное — спокойствие. Без паники. Один гном серьезной опасности не представляет. Из кухни донесся запах жарящегося мяса, и Джайр вспомнил, что он чертовски проголодался. Еще мгновение он колебался, потом направился на кухню. Подумать можно и за едой. Хорошие мысли приходят за добрым обедом. Да, кивнул себе Джайр. Вот Рон знал бы, что делать. Ну что ж, подумаем, как поступил бы Рон, и поступим так же.

Жаркое удалось на славу, да и Джайр буквально умирал от голода, однако никак не мог сосредоточиться на еде. Ведь гном все стоит там, на улице, наблюдает и явно чего-то ждет. И только тут Джайр вспомнил: эльфийские камни! В пустом, неохраняемом доме! Если гнома послали черные странники, он мог прийти не только за Алланоном или Омсфордами, но и за эльфинитами. А вдруг он все-таки не один и другие уже рыщут в доме?..

Джайр отодвинул тарелку, залпом допил эль и бросился в коридор к окну. С теми же предосторожностями он выглянул наружу. Гнома не было.

Сердце бешено застучало. И что теперь? Джайр рванулся к входной двери. Нужно как можно скорее попасть домой. Убе-

даться, что эльфиниты на месте, и потом... На мгновение юноша даже приостановился. Он не знал, что потом. Там видно будет. Сейчас самое важное — проверить, не пытался ли кто-нибудь пробраться к ним в дом.

На этот раз Джайр решил выйти через черный ход, а не так, как входил, — через боковую дверь. Это на случай, если гном действительно искал его. Но даже если и нет, он мог что-то заподозрить, ведь долинец явно выказал свой интерес к его персоне. Джайр ругал себя, не надо было останавливаться и глазеть. Но теперь уже ничего не исправить.

На мгновение юноша застыл перед выходом, прислушиваясь и упрекая себя за глупость, потом тихонько открыл дверь и вышел наружу. Здесь сразу же начинался лес. Вечерние тени, протянувшиеся от деревьев, прохладными пятнами лежали на земле, на стенах и крыше гостиницы. Небо над головой уже темнело. Джайр быстро огляделся и шагнул под деревья. Сейчас лучше идти через лес и не показываться на улице, пока все не выяснится...

— Решил прогуляться, а, мальчик?

Джайр застыл на месте. Из тени деревьев ему навстречу выступил гном. Его губы кривились в злобещей ухмылке. Он явно поджидал долинца.

— Да, я тебя знаю, мальчик. Сразу тебя узнал. С первого взгляда. Серединка на половинку: эльф и человек — таких немного. — Он остановился в полдюжине шагов от Джайра, упершись руками в бока. Улыбка как будто застыла на грубом лице. Коренастый гном в кожаном костюме охотника; носки ботинок обиты железом, железные браслеты на запястьях, ножи и короткий меч на широком поясе. — Маленький Омсфорд? Малыш Джайр?

Долинца обидело слово «малыш».

— Держись-ка подальше, — предупредил Джайр. Теперь он испугался по-настоящему и изо всех сил старался, чтобы голос его звучал твердо.

— Подальше? От тебя? — Гном хохотнул. — А иначе — что? Ты меня собьешь с ног? Или, может, отнимешь оружие? Ты у нас смелый.

Он снова расхохотался, гортанно и хрипло. Только сейчас долинец сообразил, что гном говорит с ним на языке южан, а не на своем корявом наречии. Вообще гномы редко говорят

на чужом языке; это угрюмый, замкнутый народ, которому всегда было мало дела до других земель. Этот же гном довольно неплохо знал язык Юга. Чтобы так хорошо говорить, нужно прожить в чужом краю достаточно долго.

— Так, мальчик, — прервал гном размышления долинца, — не будем ссориться, ладно? Я ищу друида. Ты мне только скажи, где он — здесь или где-то еще, и я с миром уйду.

Джайр смутился.

— Друида? Не знаю я никаких друидов. Не понимаю, о чем ты...

Гном вздохнул и покачал головой.

— Вздумал меня обхитрить? Тебе же хуже, приятель. Раз по-хорошему ты не хочешь, придется заставить.

Он пошел на Джайра, выставил руки вперед. Юноша инстинктивно подался в сторону, уворачиваясь, а потом запел песнь желаний. Только мгновение он колебался — ведь ему раньше не приходилось использовать магию против другого человека или вот, например, гнома, — но неуверенность тут же прошла, и Джайр запел. Это было скорее какое-то приглушенное шипение, и тут же клубок змей обвился вокруг протянутых рук гнома. Тот взвыл и с омерзением затряс руками, пытаясь смахнуть извивающихся змей. Джайр быстро огляделся, подхватил с земли внушительных размеров корягу и со всей силы ударил гнома по голове. Гном тихо хрюкнул и повалился на землю, где и остался лежать совершенно неподвижно.

Джайр отшвырнул корягу. Руки тряслись. Неужели он убил его? Долинец опустил на колени и схватил бездыханного гнома за запястье. Пульс был. Значит, он просто его оглушил. Джайр быстро поднялся. Ну и что теперь делать? Гном искал Алланона и пришел за ним сюда, в Тенистый Дол, к Омсфордам. Выходит, он знал, что друид будет здесь. Интересно, а что гном вообще знает? Наверное, немало. Нет, больше нельзя оставаться в Доле, особенно теперь, когда он использовал магию. Джайр сердито мотнул головой. Не стоило этого делать; лучше было бы сохранить заклятие в тайне. Но сделанного не воротишь, чего уж теперь жалеть?! И ведь гном наверняка не один. Вдруг остальные уже шарят в доме? А ему, Джайру, надо идти туда. За эльфийскими камнями.

Он растерянно огляделся и тут же придумал, что делать. Буквально в нескольких футах от него находился погреб. Джайр

подтащил гнома за ноги, впихнул его внутрь и, захлопнув люк, плотно задвинул железный засов. Юноша невольно улыбнулся. Хороший, надежный погреб, гном не скоро отсюда выбежится.

Джайр на минуту забежал обратно на постоянный двор. Как бы он ни спешил, нужно предупредить управляющего о своем отъезде, иначе вся деревня отправится его искать. Нельзя уйти просто так, не сказав никому ни слова. Другое дело, когда уходили Брин и Рон. Джайр просто сказал всем, что они поехали в Лих, а сам он решил остаться дома. А что, прекрасная отговорка. Приняв как можно более беспечный вид и безмятежно улыбаясь, он объявил хозяину гостиницы, что передумал и завтра утром тоже отправляется на плоскогорье. А сейчас идет домой — собираться и ночевать будет там. Когда же его спросили, почему он передумал так внезапно, Джайр сообщил, что Брин прислала письмо, после чего, не дожидаясь дальнейших расспросов, выскользнул за дверь.

Со всех ног он помчался по темному уже лесу домой. Даже вспотел — не столько от бега, сколько от возбуждения. Странно, он не боялся — по крайней мере, пока не боялся, — может быть, потому, что у него просто не было времени подумать, что он делает. К тому же, подбадривал себя Джайр, он же справился с этим гномом. Ведь справился?!

Ветви деревьев хлестали по лицу. Долинец бежал, не обращая на них внимания, вглядываясь в темноту впереди. Он хорошо знал этот участок леса и даже в густеющем сумраке без труда выбирал нужный путь.

До дома осталось не более пятидесяти ярдов. Джайр стал бесшумно пробираться между сосновыми стволами. Сквозь сплетение колочих ветвей уже показалось темное здание. Дом. Пригнувшись, юноша вгляделся в ночь. Ни движения, ни звука, ни единого признака жизни. Вроде бы все как обычно. Джайр откинул прядь волос, упавшую на лицо. Кажется, будет несложно. Надо только проникнуть в дом, забрать камни и выбраться наружу. Нет ничего проще. Если только за домом действительно не следят...

И вдруг что-то шевельнулось среди дубов за домом — промельк тени, и вновь ничего. Джайр глубоко вздохнул и стал ждать. Прошла пара минут. Комары пищали вокруг, но долинец не обращал на них внимания. Он напряженно всматри-

вался в ночные тени и вновь заметил какое-то движение. На этот раз сомнений быть не могло: человек. Нет, поправился Джайр, не человек — гном.

Юноша сел на землю. Гном не гном, но ему надо попасть домой. Но его там поджидают. Наверняка их там несколько. Правда, им неизвестно, когда он должен прийти и придет ли вообще. Пот стекал по спине долинца, во рту пересохло. Времени больше нет. Пора уходить из Дола. Но как уйти без эльфийских камней? Он не мог их оставить.

Песнь желаний. Ничего другого не остается.

Он набрал в легкие побольше воздуха. На этот раз звук вышел очень высокий и слился с писком комаров, так и липнувших к Джайру. Удерживая эту ноту, долинец вышел из-под сосен и зашагал к дому. Он и раньше уже пару раз использовал этот трюк, но тогда обстановка была совершенно другая, далеко не столь напряженная. Джайр шел, ступая неслышно; растворившись в собственном голосе, он стал невидимкой, частью ночного леса. Джайр знал: если он все сделал правильно, его никто не увидит. Дом был уже совсем близко. Теперь юноша хорошо видел гнома, затаившегося у темного здания. И тут он разглядел еще одного — справа, в кустах перед домом, потом еще, через дорогу, под пихтой. Никто не смотрел в его сторону. Джайру хотелось бежать, пронестись подобно ночному ветру, ворваться в дом как можно быстрее, но он даже не ускорил шаг. Только бы все обошлось, молил он про себя. Только бы они не заметили. И голос его оставался ровным, еле слышным писком.

Джайр миновал лужайку, перебираясь от куста к дереву, от дерева к кусту, напряженно вглядываясь в темноту, не покажутся ли еще гномы. Он пройдет через заднюю дверь — это самое безопасное. Ее скрывает высокий кустарник, на ветках еще остались листья...

Внезапно кто-то крикнул во тьме за домом. Перепугавшись, Джайр резко остановился. Из сумрака выступил гном, тот самый, что дежурил под дубами, лунный свет блеснул на лезвии длинного ножа. Снова послышался крик, потом смех. Клинок опустился. Это его напарники там, на дороге, болтают и хохочут, закончив поспешный ужин. Джайр даже вспотел. В первый раз за все это время он испугался. Буквально в дюжине ярдов от него гном, вышедший из-под дубов, развернулся и

снова растворился среди темных стволов. На мгновение голос долинца дрогнул, но потом вновь набрал силу, сохраняя своего хозяина невидимым. Джайр поспешил дальше.

Только у двери он остановился, собираясь с духом. Песнь желаний оборвалась. Джайр нашарил в кармане ключ, непослушными пальцами вставил его в замок и осторожно повернул. Дверь бесшумно открылась. Через секунду он был внутри.

И тут же застыл в темноте. Что-то не так. Джайр это чувствовал: ничего определенного, просто какой-то холод, пробирающий до костей. Что-то было неладно. Дом... он какой-то другой, не такой, как прежде... Долинец стоял, затаив дыхание, и пытался понять, что же именно его так тревожит. И постепенно осознал: в доме еще кто-то есть. Кто-то, может быть, что-то. Такое ужасное, такое злобное, что само его присутствие пропитало воздух страхом. Казалось, оно пребывало везде — чудовищная черная пелена, опустившаяся на дом Омсфордов, словно саван смерти. Это... это...

Черный призрак. Морд.

У Джайра перехватило дыхание. Странник здесь — в его доме! Вот теперь он по-настоящему испугался, бывшее мужество вмиг покинуло его. Всем своим существом Джайр ощущал: морд поджидает его там, в соседней комнате, затаившись во мраке. Да, он знал, что долинец вернется домой, и пришел за ним. И Джайр ничего не сможет сделать! Ничего!

Юноша едва не поддался панике и не сорвался с места, чтобы бежать, пока не поздно. Но тут он подумал, что будет с его родителями... Если сейчас у него ничего не получится, их даже некому будет предупредить. И как же эльфийские камни? Единственное, чего боятся эти черные твари. Камни, что спрятаны буквально в дюжине шагов отсюда.

Джайр больше не думал — он действовал. Бесшумной тенью скользнул он к камину, туда, где кирпичная кладка соединялась со стеной, и принялся лихорадочно шарить пальцами по выщербленному камню, уложенному как бы полочками. Вот, третья полка. Рука сама сжала кожаный кошель с эльфинитами.

В соседней комнате что-то зашевелилось.

Потом внезапно входная дверь распахнулась, и в проеме возникла коренастая фигурка. Джайр вжался в стену, борясь с собой, чтобы не побежать. Но вошедший напрямик напра-

вился в ту комнату, где затаилась темная тварь, и оттуда послышался низкий, гортанный шепот.

Джайр тут же сорвался с места — назад, через распахнутую дверь, в тень кустарника. Там он на мгновение приостановился: под дубами уже никого не было. Тот гном как раз и прошел в дом. Долинец рванулся под прикрытие деревьев. Быстрее, да быстрее же! — беззвучно кричал он себе.

И, не оглядываясь, Джайр Омсфорд помчался в ночь.

Глава 4

Омсфордам уже как-то раз приходилось бежать из Дола под покровом ночи, и черные твари гнались за ними — отсюда и по всем Четырем землям. Семьдесят лет назад Ши и Флик точно так же бежали из Тенистого Дола, едва не попавшись в лапы посланника Черепа — крылатого чудовища, слуги Повелителя чародеев, явившегося, чтобы убить их. Джайр хорошо знал эту историю; им тогда было чуть больше лет, чем теперь ему, и бежали они в Кулхейвен, к карликам. И ничего, добежали. Значит, и он, Джайр Омсфорд, тоже на это способен. Он тоже рос в Доле и кое-что знает о том, как выжить в незнакомых краях.

Джайр был уверен, что доберется туда, куда ему нужно, хотя не успел даже как следует собраться в дорогу. Всего-то у него и было: одежда, что на нем, охотничий нож, с которым не расстанется ни один долинец, да эльфийские камни в кожаном кошелье. Но Джайр не паниковал; только острое чувство тревожного ожидания поселилось в нем. Страх остался позади, там, в темной кухне, где Джайр стоял, вжавшись в тень камина, вдыхал воздух, пропитанный злом, и знал, что в соседней комнате его поджидает черный призрак. Там был настоящий страх. Но теперь он прошел, растворившись во тьме, оставшейся позади, и Джайр снова стал мыслить уверенно и спокойно.

Он решил, что первым делом ему нужно добраться до Лиха. Это займет три дня. Джайр не раз ходил туда прежде и хорошо знал дорогу. Значит, он не заблудится. И потом, в Лихе можно будет попросить о помощи, которую не получишь в Тенистом Доле. Ведь Дол всего лишь маленькая деревенька, и ее жителям — вовсе не воинам — ни за что не выстоять против черных

странников и их союзников, гномов. Лих же — город, там есть король и войско. А король — отец Рона Лиха и большой друг семьи Омсфорд. Джайр расскажет ему, что случилось, убедит послать вооруженные патрули на юг, чтобы найти родителей и предупредить их, что в Доле небезопасно. А потом они все вместе останутся в Лихе и будут ждать возвращения Алланона с Брин и Роном. Это самое лучшее, что смог придумать Джайр.

При этом долинец постарался предусмотреть любую случайность. Вот почему он забрал эльфийские камни. Мало ли в чьи руки могли попасть эльфиниты. Хотя теперь отец, конечно, поймет, что Джайр все это время знал о тайнике.

Джайр бежал по лесу к краю долины, пытаясь припомнить все, что старый следопыт говорил ему об искусстве путать следы. Они даже играли в такую игру: представляли воображаемую погоню и сбивали ее со следа, восхищая друг друга хитроумными уловками. Следопыт брал опытом, Джайр — безудержной фантазией и изобретательностью. И вот игра стала реальностью, и одной фантазии оказалось уже недостаточно. Здесь требовался весь опыт старика следопыта, и Джайр старался вспомнить как можно больше.

Прежде всего — время. Чем быстрее он доберется до плоскогорья, тем скорее солдаты Лиха выйдут на поиски его родителей. Что бы еще ни случилось, им нельзя возвращаться в Дол. Поэтому у Джайра не было лишнего времени на маскировку своих следов. К тому же он все равно почти ничего не умеет, да и погони может вообще не быть. Хотя нет, гномы и их черный предводитель наверняка постараются догнать его, особенно когда очухается тот гном в погребе и все им расскажет. Но сначала им придется выяснить, в каком именно направлении он скрылся, а это займет какое-то время. Надо воспользоваться уже имеющимся преимуществом.

Но если они все же выследят его и попытаются схватить, у Джайра еще остается заклятие.

К полуночи он добрался до восточного склона долины, вскарабкался по каменистому откосу и растворился в сумраке Дульна: ориентируясь по луне и звездам, он пробирался сквозь темные дебри леса, стараясь беречь силы. Джайр уже начал уставать, но твердо решил, что позволит себе передохнуть только после того, как переправится через Рапахалладран. А это значит, что ему придется идти до рассвета и переход будет не из

легких. Ночью Дульнские леса — и без того небезопасное место — превращались в настоящий лабиринт. Но Джайр был уверен, что не заблудится, ведь ходил же он здесь раньше. И ночью тоже. Пристально вглядываясь в густую чащу, юноша уверенно пробирался вперед.

Время, казалось, застыло. Но вот наконец ночное небо стало светлеть. Джайр едва держался на ногах, тело словно онемело, лицо и руки покрылись ссадинами и синяками. А реки все не было. В первый раз Джайр усомнился: может быть, он что-то рассчитал неправильно и отклонился слишком далеко на север? Солнце взошло прямо впереди. По крайней мере, он не сбился с общего направления — на восток. Тогда где же Раппахалладран? Стараясь не обращать внимания на усталость и растущее чувство тревоги, Джайр упрямо шел вперед.

Лишь через час долинец выбрался на берег реки. Стремительный и глубокий Раппахалладран нес свои воды на юг сквозь сумрачный покой леса. Не могло быть и речи о том, чтобы переправляться сейчас. Нужно как следует отдохнуть, иначе ему не справиться с течением, решил Джайр. Высокие сосны подступали почти к самой воде, долинец забрался в тенистую прохладу их тяжелых ветвей и через мгновение уже спал.

Проснулся он на закате, совершенно растерянный и слегка встревоженный. Он даже не сразу сообразил, где он и как здесь оказался. Потом, разобравшись, что уже вечер, принялся корить себя за то, что спал слишком долго. А ведь собирался поспать только до полудня. Потерян целый день; а если за ним гонятся... да, у них было достаточно времени, чтобы добраться до Джайра.

Он спустился к реке, плеснул в лицо холодной водой, чтобы окончательно проснуться, и отправился на поиски чего-нибудь съедобного. Внезапно Джайр понял, что ничего не ел уже сутки, и пожалел, что вылетел из дому так поспешно, не захватив хотя бы хлеба и сыра. Он попытался найти какие-нибудь ягоды или съедобные корешки и вскоре поймал себя на том, что не столько ищет, сколько думает о возможной погоне. Быть может, он вообще напрасно переживает. Может, за ним никто и не думает гнаться. В конце концов, он-то им зачем? Они ищут Алланона. Гном сам сказал. Может быть, никто и не обратил внимания на исчезновение юного Омсфорда, а морд и гно-

мы давно ушли из Дола искать друида в другом месте. Если так, получается, Джайр напрасно несся сломя голову по лесам.

Конечно, если все именно так...

Ягод уже не было, и Джайру пришлось удовольствоваться корешками и стеблями дикого ревеня. Обед получился довольно жалким, но долинец все равно почувствовал себя намного лучше. И положение не казалось уже таким мрачным. Сам Рон Лих не сделал бы лучше, решил про себя Джайр. Он избавился от того гнома, вытащил эльфийские камни из-под носа черного странника и целой шайки гномов, выбрался из Дола и теперь спокойно идет в Лих. Джайр не отказал себе в удовольствии на мгновение представить, какое лицо будет у Брин, когда он ей расскажет о своих приключениях.

И тут ему вдруг подумалось — Джайр даже задохнулся при одной только мысли: еще неизвестно, доведется ли им увидеться снова. Ведь Алланон увел сестру в самое логово того зла, что проникло в их дом и заставило Джайра бежать из Дола. Он вспомнил, что почувствовал тогда, когда темная тварь была совсем рядом: ужас, невыносимый, всепоглощающий. А там, куда идет Брин, не один черный странник, а много. Очень много. А что есть у нее? Магия друида и песнь желаний. Разве достаточно этого, чтобы одолеть мордов? А если они ее схватят раньше, чем она доберется до книги?..

Он отогнал от себя эту мысль. Они такие разные, Джайр и Брин, и все-таки они всегда были очень близки. Джайр любил сестру и не хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось. Долинец вновь пожалел, что ему не позволили идти с ней в Анар. Если бы он был рядом...

Джайр поглядел на запад, туда, где солнце уже опускалось за верхушки деревьев. Сумерки быстро ступались. Пора в путь. Сначала — на ту сторону реки. Долинец срезал несколько веток и связал их вместе лентами сосновой коры, получился маленький плотик, как раз такой, чтобы поместилась одежда. Джайру вовсе не хотелось идти по ночному лесу, да еще осенью, в мокрой одежде. Он переплывет реку нагишом, а на том берегу снова оденется в сухое.

С плотиком в руках Джайр спустился к воде и тут вспомнил один из уроков старого следопыта. Они как раз говорили о том, как сбить со следа погоню. «Вода скрывает все следы, — как обычно, немного таинственно объявил старик. — Никто

не может читать следы на воде, если, конечно, ты не совсем идиот и не вздумаешь топтать по глинистой отмели. Но глубокие воды — у-у, лучше и не придумаешь. Река всегда сносит тебя вниз по течению, и если тот, кто гонится за тобой, дойдет по следу до самой воды и поймет, что ты переправился, то ему не составит труда отыскать твой след на другой стороне. Вот почему хитроумный беглец — если, конечно, он хитроумный — по мелководью пройдет вверх по течению, потом спокойненько переплывет и выйдет на том берегу выше места, где он входил на этом. Охотник знает, что тебя снесет вниз по течению, так где, ты думаешь, он станет искать? Ему и в голову не придет подняться выше».

Джайру тогда очень понравилась эта уловка, и теперь он решил испробовать ее на практике. Быть может, за ним и нет никакой погони, но, с другой стороны, ни в чем нельзя быть уверенным. До Лиха еще два дня пути; если за ним все-таки гонятся, трюк старого следопыта может очень помочь.

Итак, Джайр скинул сапоги, подхватил их под мышку и зашагал по колено в воде вверх по течению. Несколько сотен ярдов. Вполне достаточно, решил долинец, к тому же в этом месте русло реки сужалось. Он быстро разделся, сложил одежду на плотик и бросился в студеную воду.

Тут же течение подхватило его и потащило с собой. Джайр не сопротивлялся потоку, плыл вместе с ним, потихоньку подгребая к противоположному берегу, и при этом еще удерживал плотик. Ветки и небольшие коряги, кружась, проносились мимо, очень холодные и шершавые на ощупь, и звуки леса утонули в шуме воды. Солнце скользнуло за горизонт, ночное небо темнело над головой. Дальний берег уже приближался.

И вот наконец ноги Джайра коснулись илистого дна, и он встал. Дрожа от холода, долинец собрал одежду и отпустил плотик; течение тут же умчало его прочь. Джайр вышел на берег и торопливо оделся. На том берегу лесные деревья стояли размытыми пятнами мрака в дымке сгущающейся ночи.

И вдруг среди этих пятен мелькнула какая-то тень.

Джайр замер, пристально глядя в то место, где ему почудилось движение. Ничего. Долинец глубоко вздохнул. Ему показалось — на какую-то долю секунды, — что это был человек.

Очень медленно и осторожно Джайр отступил под прикрытые деревья у себя за спиной, не сводя глаз с того берега, ожи-

дая, что движение повторится. Однако все было спокойно. Долинец быстро натянул сапоги, проверил, на месте ли эльфийские камни, потом повернулся и бесшумно скользнул в чашу леса. Скорее всего, это просто почудилось, сказал он себе.

Он шел всю ночь, сверяя направление по звездам и луне, мелькающим в просветах между ветвями. Там, где лес был пореже, Джайр почти бежал, уже не так уверенный, что за ним нет никакой погони. До этого он чувствовал себя почти в безопасности, даже воспоминания о мгновениях ужаса там, рядом с черной тварью, притаившейся в доме, перестали беспокоить долинца. Но теперь одна только мысль о том, что кто-то или что-то крадется по лесу у него за спиной, рождала настоящую панику. Джайр даже взмок, и это холодной осенней ночью!

Страх обострил все чувства. Юноша то и дело думал о Брин, и почему-то ему представлялось, что она сейчас так же одинока, как и он, — одинока, испугана и за ней кто-то гонится. Если бы только она была рядом, здесь, с ним...

Небо уже светлело, приближался рассвет, а Джайр еще даже не выбрался из Дульна, и чувство тревоги не покидало его. Он устал, но продолжал идти. И спать особенно не хотелось. В золотистой дымке впереди поднялось солнце, тонкие лучики просочились в серый лес, играя радужными переливами на сухих листьях и изумрудном мхе. Джайр не сразу сообразил, что постоянно оглядывается.

Прошло еще несколько часов, лес наконец-то расступился, и показались холмистые луга — преддверие плоскогорья, что размытой полосой виднелось на горизонте. Джайр немного расслабился: здесь было гораздо теплее, да и сама земля казалась такой приветливой по сравнению с замкнутым пространством дремучего леса. Долинец начал уже узнавать места. Всего лишь год назад он шел в Лих именно этой дорогой. Тогда они с Роном поселились в его охотничьем домике у самого подножия плоскогорья и дни напролет удили рыбу в туманных озерах. Отсюда до домика часа два ходьбы, но зато там мягкая постель... Все равно нужно где-то переждать до ночи. Мысль о постели оказалась решающей.

Джайр боролся с усталостью и по-прежнему шел на восток через луга. Очертания гор вырисовывались все яснее. Пару раз юноша оглянулся, но луга оставались пустынными.

К полудню он добрался до охотничьего домика, сложенного из камней и бревен среди высоких сосен на самой опушке горного леса. Дом стоял на склоне, окнами на луга, но деревья скрывали его.

Джайр устало поднялся по каменным ступеням, отыскал ключ, который Рон всегда оставлял в трещине между камнями у двери, и только тогда заметил, что замок сломан. Осторожно долинец заглянул внутрь. В домике никого не было.

Ну конечно же никого, обругал себя Джайр. Глаза слипались. Кому бы тут быть?

Он закрыл за собой дверь и быстро огляделся. Все по-прежнему: неказистая мебель, полки с припасами и кухонной утварью, бочка с элем, каменный очаг. Джайр прошел по коротенькому коридорчику, ведущему в спальню, остановился у первой же двери, отодвинул защелку, ввалился внутрь и рухнул на широкую, покрытую шкурами кровать.

Через мгновение он уже спал.

Когда Джайр проснулся, уже темнело. Сквозь щель в занавесках виднелось густо-синее осеннее небо, все в серебристых прожилках закатного света. И разбудил его какой-то шум, легкое поскрипывание сапог по деревянному полу.

Еще полусонный, Джайр вскочил с постели, подкрался к двери и осторожно выглянул. В комнате с очагом не было никого, там лишь скопился вечерний полумрак. Джайр моргнул и поглядел повнимательнее. И тут он увидел.

Входная дверь была открыта.

Не веря своим глазам, долинец вышел в коридорчик, сонно шурясь.

— Снова решил прогуляться, мальчик? — раздался за спиной знакомый голос.

Джайр резко повернулся, но не успел защититься. Что-то тяжелое обрушилось на голову, свет взорвался перед глазами. Он упал на пол и провалился во тьму.

Глава 5

В Каллахорне, там, где Мермидон впадал в Радужное озеро, еще продолжалось лето. Все было свежо и зелено: луга и леса, холмы и горы. Воды реки и ее многочисленных притоков питали землю и сохраняли влагу. И всегда на рассвете туман

поднимался над озером и плыл на север, рассеиваясь, оседая на землю, продлевая лето. Сладкие влажные запахи витали в воздухе, и осень была здесь чужой.

Брин Омсфорд сидела на пригорке и наблюдала, как воды реки вливаются в озеро. Сейчас ей было спокойно и хорошо. Уже близился вечер, солнце, как медный сияющий шар, низко висело над западным горизонтом, бросая алые отблески на серебристые воды. Даже легкий ветерок не нарушал вечернего покоя, и озеро было как зеркало — прозрачное и неподвижное. Там, на востоке, в небе уже разлилась чернота, но над озером яркие разноцветные пятна еще боролись с серым оттенком подступающей ночи, — удивительная радуга, давшая имя озеру, вздымалась сверкающей аркой от берега до берега. Дикае гуси и журавли величаво скользили сквозь бледнеющий свет, и глухое безмолвие вздрагивало от их криков.

Мысли Брин разбредались. Уже четыре дня, как она едет на восток, куда-то в глубь Анарских лесов. Странно, но она до сих пор почти ничего не знает об этом своем путешествии. Уже четыре дня... Брин чувствовала себя маленькой девочкой, которую мать ведет за руку неизвестно куда, а она лишь слепо доверяет этой ведущей руке. Они поехали сразу на север от Тенистого Дола, через Дульн, потом — на восток по берегу Раппахалладрана, снова на север, затем на восток, огибая Радужное озеро, до этого самого места, где в озеро впадает Мермидон. Но Алланон так ничего и не объяснил.

Конечно, они с Роном требовали объяснений. Снова и снова они задавали вопросы, но друид оставлял их без внимания. «Потом, — только и сказал он. — Все ответы — потом. А пока идите за мной». И они шли, настороженные и недоверчивые, — все-таки шли, говоря себе, что добьются ответов и объяснений прежде, чем вступят в Восточные земли.

Впрочем, Брин уже и не надеялась, что им удастся вызвать друида на откровенность. Замкнутый и таинственный, он держался особняком. Днем он всегда скакал впереди, и было ясно, что он предпочитает одиночество. А по ночам, когда они разбивали лагерь, Алланон удалялся куда-то во мрак. Они ни разу не видели, чтобы он ел или спал. Казалось, он специально подчеркивает разницу между ними и отдаляется все больше. Но он наблюдал за ними, как ястреб за своей добычей, не давая ни побыть одним, ни сбиться с пути.

До сих пор, поправила себя Брин. Сегодня вечером Алланон неожиданно их оставил. Они разбили лагерь на этом пригорке, а потом друид отправился в лес, подступающий к реке, и пропал. Без единого слова. Не веря своим глазам, Брин и Рон смотрели, как он уходил. В конце концов, когда стало ясно, что он действительно ушел и оставил их здесь, Брин и Рон рассудили, что им нечего за него волноваться, и занялись приготовлением ужина. Уже три дня они питались исключительно рыбой, сначала — выловленной в Рапахалладране, потом — в Радужном озере. Вполне достаточно, чтобы рыба надоела обоим. Поэтому, захватив лук и стрелы (любимое оружие Мениона Лиха), Рон отправился на поиски чего-нибудь новенького.

Брин за пару минут собрала хворост для костра, а потом усеялась здесь, на пригорке, и окунулась в вечерний покой.

Алланон! Неразрешимая тайна. Вопрос без ответа. Хранитель земли, друг и защитник народов, борец со злом. И все-таки разве настоящий друг может использовать тебя так, как это делает Алланон? И отчего вдруг такая скрытность, ведь он ничего не рассказывает об истинных причинах своих поступков? Иногда он казался таким же врагом, злодеем и разрушителем, как и те, против кого он сражается.

Друид сам поведал отцу историю древнего мира, откуда и пришло колдовство вместе с теми, кто им владел. Сила черной или белой магии зависела от могущества, мудрости и намерений тех существ, которые обращались к ней. Вот, например, в чем была истинная разница между Алланоном и Повелителем чародеев в их борьбе за обладание мечом Шаннары? В том, что одного из них сила сломила, а другой устоял?

Быть может. А может, и нет. Папа бы не согласился. Брин знала, что он бы сказал: «Сила разрушила не одного лишь Властелина Тьмы, но и друида тоже, только по-иному. Ведь и Алланон не свободен: сила, которой он владеет, определяет его действия, образ его жизни. Пусть у него есть чувство долга и цели его менее эгоистичны, он все равно такая же жертва». И действительно, что-то в Алланоне было такое странно печальное, несмотря на его суровый, почти зловещий облик. Друид будто бы излучал печаль, и даже Брин иногда поддавалась ей. Отец, она знала, этого никогда не чувствовал. Почему же она сама так остро воспринимает это?

— А вот и я!

Вздрогнув, Брин повернулась. Но это был всего лишь Рон. Он уже вернулся в лагерь, разбитый в сосновой роще у подножия пригорка. Брин встала и направилась вниз.

— Вижу, друид еще не вернулся,— сказал горец, когда она подошла к нему. Он снял с плеча пару куропаток, связанных ножками вместе, и бросил их на землю.— Возможно, нам повезет, и он вообще не вернется.

Брин пристально посмотрела на него.

— Повезет? А если как раз наоборот?

Рон пожал плечами.

— Как посмотреть.

— А как смотришь ты, Рон?

Он нахмурился.

— Ну ладно. Я ему не доверяю.

— А почему?

— А потому. Ведь он претендует на что? Он у нас кто? Защитник от Повелителя чародеев и посланников Черепа; защитник от демонов, что вырвались из древнего волшебного мира; и теперь еще — защитник от мордов. Но каждый раз, заметь, не без помощи Омсфордов и их друзей. Я тоже знаю все эти истории, Брин. Каждый раз одно и то же. Неожиданно он появляется, чтобы поведать: мол, народам Четырех земель опять грозит опасность и спасти их может лишь кто-то из Омсфордов. Наследники рода Шаннары, владеющие магией эльфов,— Омсфорды. Сначала меч Шаннары, потом эльфийские камни, и вот теперь заклиятие. И каждый раз все оказывается не таким, каким оно представлялось.

Брин медленно покачала головой.

— Не понимаю, о чем ты, Рон?

— О том, что друид каждый раз возникает ниоткуда и каждый раз с какой-то историей. И при этом ему нужна помощь: Ши или Вила Омсфордов, теперь вот твоя,— и все повторяется. Он раскрывает лишь малую часть истины. Говорит только то, что сам считает нужным сказать. И утаивает остальное. Никогда не скажет всей правды. Нет, я ему не доверяю. Он просто играет жизнями других!

— И нашими тоже?

Рон глубоко вздохнул.

— А ты сама-то что думаешь?

Прежде чем ответить, Брин долго молчала.

— Я не знаю.

— Значит, и ты ему не доверяешь?

— Я этого не говорила.

Горец внимательно посмотрел на нее, потом медленно опустился на землю и вытянул ноги перед собой.

— И все-таки, Брин, ты ему доверяешь или нет?

Она тоже села.

— Я пока не решила.

— Тогда какого же дьявола ты тут делаешь?

Брин улыбнулась его вспышке.

— Я пошла, потому что нужна ему, — в это я точно верю. Что касается остального — не знаю. Конечно, он что-то скрывает. И я выясню что. Сама.

— Если сможешь.

— Придумаю что-нибудь.

— Это слишком опасно, — сухо сказал Рон.

Брин улыбнулась, встала и перебралась поближе к горцу. Она легонько чмокнула его в лоб.

— Вот поэтому ты мне и нужен, Рон Лих. Ты меня защитишь. Ведь ты для этого и пошел, правда?

Он покраснел и пробурчал что-то нечленораздельное.

Брин невольно рассмеялась.

— Давай мы попозже поговорим, ладно? А пока разберемся с этими куропатками. Я умираю от голода.

Пока Рон ощипывал куропаток, Брин развела костер. У них еще был сыр и эль, так что ужин удался на славу. Они поднялись на пригорок и ели там в полном молчании, любуясь черным небом, луной и звездами, что мерцали над головой и дрожали серебряным светом в водах озера.

Ночь опустилась на землю, ужин был съеден, но Алланон так и не появился.

— Брин, ты вот сказала, что я пошел, чтобы тебя защищать, — сказал Рон, когда они вернулись к костру. Она кивнула. — Да, именно так: я пошел, чтобы тебя защищать. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Ты ведь знаешь.

Он смутился, а Брин в темноте улыбнулась.

— Да, я знаю.

— Вот. — Он нервно заерзал, теребя пальцами потертые ножны. — Но есть еще одна причина. Думаю, ты поймешь. Я пошел еще, чтобы кое-что себе доказать. — Он снова смутился и

замолчал, подбирая слова. — Я принц Лиха, но это всего лишь титул. Я родился принцем, как и все мои братья. Но я — самый младший. И этот меч, Брин. — Он прижал к себе ножны. — На самом деле ведь он не мой. Это меч моего прадеда, Мениона Лиха. Он брал его с собой на поиски меча Шаннары... А я ношу этот меч и лук тоже, потому что это оружие Мениона Лиха, и хочу быть как он. Но я не он. Я не такой.

— Откуда ты знаешь? — быстро встала Брин.

— В этом-то все и дело, — продолжал горец. — Я не сделал еще ничего... ну чтобы узнать, кто я. И это — одна из причин, почему я пошел. Я хочу знать. Именно так Менион Лих узнал, какой он, — пошел на поиски как защитник Ши Омсфорда. Вдруг у меня тоже получится?

Брин улыбнулась.

— А почему бы и нет? И я рада, что ты мне сказал. — Она помолчала. — Я тоже открою тебе секрет. И я пошла потому же. Я тоже хочу кое-что себе доказать. Не знаю, смогу ли я сделать то, что хочет от меня Алланон, не знаю, хватит ли у меня сил. Я родилась с песнью желаний, но никогда не знала для чего. Я всегда верила: должна быть какая-то причина, ведь просто так магическая сила не дается. Быть может, теперь я узнаю причину. — Она положила руку ему на запястье. — Видишь, мы очень с тобой похожи, Рон Лих.

Они еще поговорили, но усталость брала свое, и ночные тени навевали сон. Под конец разговор сам собой оборвался, и они стали готовиться ко сну. Свежая и прохладная осенняя ночь укрыла их покоем и тишиной. Рон и Брин улеглись у догорающего костра, поплотнее завернувшись в одеяла.

Через пару мгновений они уже спали.

И не видели, что за пределами света костра, под высокими соснами, застыла высокая фигура, закутанная в черный плащ.

Когда на следующее утро они проснулись, Алланон был уже здесь. Он сидел на бревне в нескольких ярдах от них, тихий и неподвижный, как призрак в серой дымке рассвета. Он молча смотрел, как они встали, умылись и торопливо позавтракали. Ни слова не сказал он о том, где был. Не раз Брин и Рон недвусмысленно поглядывали в его сторону, но друид, казалось, не замечал их испытующих взглядов. И только когда они собрались и привели коней, чтобы седлать их, Алланон наконец поднялся и подошел к своим спутникам.

— Планы меняются, — объявил друид. Брин и Рон только молча смотрели на него. — Мы не идем на восток. Мы идем на север, к Драконьим Зубам.

— К Драконьим Зубам? — напряженно спросил Рон. — Но зачем?

— Затем, что так нужно.

— Нужно кому? — огрызнулся горец.

— Это займет один день, может, чуть больше. — Теперь Алланон говорил с Брин, не обращая никакого внимания на разгневанного Рона. — Мне нужно зайти в одно место. Когда я все сделаю, мы опять повернем на восток и продолжим поход.

— Алланон, — попросила Брин очень тихо, — скажи нам, почему мы должны идти на север.

Он колебался, лицо его стало суровым. Потом Алланон кивнул.

— Хорошо. Вчера ночью я получил весть от отца. Он велит мне прийти к нему, и я не могу отказать. Я связан клятвой. При жизни он был друидом Бременом. А теперь он лишь дух, что пребывает на границе миров и выходит сюда через воды Преисподней. Это озеро в Сланцевой долине. Послезавтра перед рассветом он будет говорить со мной там.

Бремен — друид, избежавший кровавой бойни в Параноре, когда Повелитель чародеев покинул свое северное королевство и начал Вторую войну рас. Тот самый Бремен, который выковал меч Шаннары. Но все это было так давно, думала Брин, вспоминая старинную легенду. А потом, семьдесят лет назад, Ши Омсфорд был с Алланоном в Сланцевой долине и видел, как дух Бремена восстал из вод озера, чтобы говорить со своим сыном, чтобы поведать о будущем, предсказать...

— Ведь он видит будущее? — внезапно спросила Брин, вспомнив, что Бремен тогда знал о судьбе Ши. — Он об этом будет с тобой говорить?

Алланон с сомнением покачал головой.

— Возможно. Но если и так, он откроет лишь часть, ибо будущее не сложилось еще во всей полноте и не может быть определено. Узнать можно только общую линию судьбы, но и она не всегда доступна нашему пониманию. — Друид пожал плечами. — Как бы там ни было, он зовет меня. Он бы не стал этого делать, если бы не крайняя необходимость.

— Не нравится мне все это, — заявил Рон. — Мы потеряем три дня, если не больше. А ведь их можно использовать с большей пользой: дойти до Анара, например. Ты же сам говорил, что призраки уже ищут тебя. И мы сами даем им такую прекрасную возможность: три лишних дня, чтобы тебя отыскать. Тебя... и Брин.

Друид взглянул на него угрюмо и холодно.

— Понапрасну я не рискую безопасностью девушки, принц Лиха. И твоей тоже.

Рон вспыхнул от негодования, но Брин шагнула к нему, схватив за руку.

— Рон, подожди. Может, это не такая уж плохая идея. А если там, в Сланцевой долине, мы узнаем о будущем что-нибудь очень важное и это поможет нам?

Горец не сводил глаз с Алланона.

— Что нам действительно сейчас поможет, так это немного правды, — выдохнул он.

— Ну что ж, — прошептал друид. Казалось, он вдруг стал выше ростом. — Что за правда тебе нужна, принц Лиха? О чем ты хочешь услышать?

— Обо всем, друид, — не сдавался Рон. — Ты сказал Брин, что она нужна тебе в Восточных землях, потому что у тебя самого нет силы преодолеть барьер, охраняющий книгу черной магии. У тебя — хранителя тайн друидов. У того, кто смог победить посланников Черепа и древних демонов, — нет силы?! И тебе нужна Брин. А что есть у нее, чего нет у тебя? Заклятие. Песнь желаний — и ничего больше. У нее даже нет мощи эльфийских камней! Просто магическая забава, что изменяет цвет листьев и заставляет цветы расцветать быстрее! Разве она защитит от такого зла?

Алланон молча смотрел на него, потом улыбнулся бледной, печальной улыбкой.

— Действительно, что в ней за сила? — пробормотал он себе под нос и внезапно повернулся к Брин: — А ты? Ты тоже сомневаешься? Ты хочешь лучше узнать закливание? Показать тебе кое-что, чтобы ты поняла?

Он сказал это очень холодно, почти зло, но Брин кивнула.

— Да.

Друид подхватил поводья и взлетел в седло.

— Тогда поехали, я покажу тебе, — бросил он.

В полном молчании они поехали на север вдоль каменистого берега Мермидона. Слева сквозь стену деревьев сочился свет восходящего солнца, справа сумрачной тенью громоздились горы Рунн. Прошел час, а они все скакали безмолвной утрюмой кавалькадой. И вот наконец друид остановился, и все спешились.

— Коней оставим здесь, — распорядился Алланон.

Они углубились в лес. Через каменистое возвышение друид провел Брин и Рона вниз, в густо заросшую деревьями лощину. Они с трудом пробирались сквозь подлесок; неожиданно Алланон остановился и повернулся к девушке.

— Ну давай, Брин. — Он указал вперед на непроходимый кустарник. — Представь, что это барьер, созданный темной магией, и тебе нужно пройти сквозь него. Как ты воспользуешься заклятием, чтобы освободить проход?

Брин неуверенно огляделась.

— Я точно не знаю...

— Не знаешь? — Друид покачал головой. — Подумай, а что ты раньше делала заклятием? Как там говорил принц Лиха? Изменяла цвет листьев? Заставляла цветы цвести, ветки — пускать побеги, траву — расти? — (Брин кивнула.) — Значит, ты могла изменять цвет, форму и поведение. И теперь сделай то же. Пусть кустарник расступится перед тобой.

Брин еще мгновение смотрела на Алланона, потом кивнула. Такого она еще не делала. Никогда и не думала, что у нее есть на то силы. Потому и не пробовала. К тому же Брин давно не пользовалась своим даром. И все равно попытаться стоит. Она запела, поначалу совсем тихо, песнь почти растворялась в шорохах леса. Брин начала с низких нот, но постепенно голос ее становился выше, и вот все остальные звуки, казалось, замерли. Неожиданно пришли слова, ниоткуда. И, повинувшись неясному импульсу, Брин шагнула к кустам, преграждающим ей путь. Словно вялая рябь пошла по зарослям, листья и ветви подобрались, раздвинулись, свернувшись зеленым серпантинном.

Через мгновение открылся широкий проход до самого дна лощины.

— Ничего сложного, правда? — Друид не спрашивал, скорее утверждал. — Посмотрим, куда приведет нас этот проход.

Запахнув черный плащ, он зашагал вперед. Брин взглянула на Рона, но тот лишь с недоумением пожал плечами. Они поспешили вслед за друидом.

Вскоре он снова остановился, на этот раз рядом со старым вязом. Его ствол скрючился в тени громадного дуба. В тщетных попытках добраться до солнца вяз тянул свои ветви вверх, и они путались в ветвях дуба, переплетаясь, вырастая в них.

— Теперь задание чуть потруднее, — резко заговорил Алланон. — Этот вяз хочет к солнцу. Что ж, Брин, помоги ему: выпрями ствол — пусть поднимется вверх — и распутай ветки.

Брин с сомнением поглядела на сросшиеся деревья.

— Вряд ли у меня получится, — тихо сказала она.

— А ты попробуй.

— В заклятии нет такой силы...

— И все равно попробуй, — оборвал ее друид.

И Брин снова запела. Постепенно песнь поглотила лесные звуки, пока не осталось ничего, кроме мелодии, уносящейся куда-то ввысь. Вяз задрожал, подергивая ветвями в ответ. Брин ощутила сопротивление дерева, и голос ее поднялся выше, слова стали жестче. Искореженный ствол вяза слегка отодвинулся от дуба, ветви его со скрипом ломались, стараясь вырваться, листья дождем посыпались вниз.

И вдруг, с какой-то пугающей внезапностью, дерево как будто рванулось вверх и взорвалось россыпью обломанных веток и оборванных листьев, разлетевшихся, казалось, по всей ложине. Брин ошеломленно отпрянула, закрыла лицо руками, и песнь оборвалась. Наверное, девушка упала бы, но Алланон был рядом и успел подхватить ее. Переждав, он развернул Брин к себе лицом.

— Что это было? — начала она, но друид приложил палец к ее губам.

— Сила, девочка, — прошептал он. — Сила твоей песни. Ты даже не можешь представить себе всю ее мощь. Этот вяз не мог оторваться от дуба. Слишком жесткими стали его ветки, слишком тесно переплелись с ветвями другого дерева. Но и не мог он противиться твоей песне. Ему ничего другого не оставалось, как только освободиться, пусть даже при этом разрушив себя!

— Алланон! — Она мотнула головой, не в силах поверить.

— В тебе есть эта сила, Брин Омсфорд. И, как у любой магии, у нее две стороны: темная и светлая. — Лицо друида придвинулось совсем близко. — Ты забавлялась, изменяя цвет листьев у дерева. Подумай теперь, что было бы, если бы ты довела изменения — а ведь это не что иное, как обычная смена времен года, — до их полного завершения. Дерево бы переживало осень, потом зиму, потом весну, лето и снова осень — и так сезон за сезоном. В конце концов завершился бы его жизненный цикл. И оно бы погибло.

— Друид... — нахмурился Рон, но один только взгляд суровых глаз заставил его прикусить язык.

— Нет уж, принц Лиха. Ей надо знать правду. — Алланон снова смотрел прямо в глаза Брин. — Ты забавлялась с песнью желаний как с любопытной игрушкой, потому что не знала, что еще можно с ней делать. Но на самом деле ты знала, Брин, где-то в глубине души ты знала всегда, что эльфийская магия больше чем просто игрушка. Магическая сила эльфийских камней через кровь твоего отца перешла к тебе, приняв новую форму — форму заклятия, песни. И сила, таящаяся в тебе, превосходит все, что было раньше. Может быть, она дремлет пока, но она есть, вот что главное. Задумайся на мгновение о природе этого дара. При помощи песни желаний ты можешь управлять любым живым существом! Ты разве не понимаешь, что это значит? Кусты расступаются перед тобой и дают тебе пройти. Сросшиеся деревья отрываются друг от друга, хотя усилие их калечит. Если ты можешь дать листьям цвет, ты можешь и отобрать его. И лист высохнет. Если ты можешь заставить цветок цвести, значит, можешь заставить и вянуть. Если можешь дать жизнь, значит, можешь и забрать ее.

Брин с ужасом смотрела на него.

— Что ты такое говоришь? — хрипло прошептала она. — Что песнью желаний можно убить? Что я могу убивать? Неужели ты думаешь?..

— Ты просила, чтобы я показал тебе, что можно делать заклятием, — перебил ее Алланон. — И я выполнил твое желание. Зато теперь ты, надеюсь, не сомневаешься в том, что магия не просто забава?

Брин покраснела от гнева.

— Да, больше не сомневаюсь, Алланон. Только и ты уж не сомневайся: я никогда не воспользуюсь песнью желаний, чтобы убить! Никогда!

Друид посмотрел ей прямо в глаза, и его суровые черты немного смягчились.

— Даже затем, чтобы спасти свою жизнь? Или, быть может, жизнь горца? Даже тогда?

Но она выдержала его взгляд.

— Никогда.

Еще мгновение Алланон смотрел на девушку, как будто взвешивая ее слова. Потом резко повернулся и направился вверх по склону долины.

— Ты сегодня немало увидела, Брин. Нам пора ехать. Подумай обо всем, чему научилась.

Черная фигура растворилась в зарослях кустарника. Брин стояла на месте. Внезапно она поняла, что у нее дрожат руки. Это дерево! Как оно содрогнулось, разрываемое на части...

— Брин! — Рон крепко обнял ее за плечи. Она поморщилась от этого прикосновения. — Нам нельзя идти с ним. Дальше мы не пойдем. Хватит с нас. Он просто играет нами, как и всеми до этого. Пусть себе отправляется на свои дурацкие поиски, а мы вернемся в Дол.

Мгновение Брин смотрела ему в глаза, потом покачала головой.

— Нет. Было нужно, чтобы я увидела.

— Никому это не нужно! — Рон судорожно вцепился в рукоять меча. — Еще раз он сделает что-нибудь подобное, и я за себя не отвечаю...

— Нет, Рон. — Брин обхватила его руки. Она вдруг успокоилась. — Он все это делал не для того, чтобы меня напугать. А чтобы научить. У нас просто было так мало времени. Ты вспомни его глаза. Неужели ты ничего не понял?

Он покачал головой.

— Нет, не понял. И при чем здесь «мало времени»?

Брин смотрела туда, куда ушел друид.

— Что-то не так. Что-то.

И тут она опять подумала о дереве, о том, что сделала ему больно, об уроке друида и о своей клятве. Никогда! Она быстро взглянула на Рона.

— Как ты думаешь, я смогу воспользоваться заклятием, чтобы убить? — спросила Брин очень тихо.

Лишь мгновение он колебался.

— Нет.

«Даже затем, чтобы спасти твою жизнь? — подумала она. — А если не дерево будет тебе угрожать, а кто-то живой? Смогу ли я уничтожить его, чтобы спасти тебя? О, Рон, что, если это будет кто-нибудь живой?»

— Ты пойдешь со мной дальше? — спросила вдруг Брин. Он залихватски усмехнулся:

— Пока мы не выудим эту книгу и не раскроем ее.

Потом наклонился и поцеловал ее в губы. Брин обняла его и прижала к себе.

— Все будет хорошо, — услышала она его шепот.

И ответила:

— Да, я знаю.

Но на самом деле она не была в этом уверена.

Глава 6

Когда Джайр Омсфорд пришел в себя, он обнаружил, что привязан к стволу дерева. Он находился на поляне, окруженной со всех сторон высоченными елями, что молчаливо застыли над ним, как стражники. Впереди, в дюжине футов, трещал маленький костерок и отбрасывал смутные отблески в сумрак молчаливых деревьев. Ночь окутала землю.

— Очухался, мальчик?

Знакомый ворчливый голос донесся откуда-то слева, из темноты; Джайр медленно повернул голову. На самой границе света, сидя на корточках, застыла темная фигура. Долинец хотел было ответить и только тут понял, что во рту у него кляп.

— Ты уж прости, — снова раздался голос. — Пришлось заткнуть тебе рот. Второй раз я уж не попадусь на твои магические штучки. Знаешь, сколько я выбирался из этого погребца?

Джайр привалился затылком к стволу. Ну конечно же, гном у постоянного двора. Он его выслеживал до самого охотничьего домика Рона, а там ударил по голове чем-то тяжелым...

Долинец поморщился: голова еще болела.

— Неплохо придумано, этот фокус со змеями. — Гном хохотнул, поднялся и перебрался поближе к костру. Скрестив

ноги, он уселся на землю напротив своего пленника. Узкие зеленые глаза пристально изучали Джайра. — А я-то думал, ты безобидный мальчик, а не какое-нибудь друидское отродье. Да, просчитался я, ничего не скажешь. А ведь был уверен, что ты с испугу выложишь все, что мне нужно. Чтоб поскорее от меня отвязаться. Но я ошибся. Эти змеюки... и четырехфутовой корягой по голове — вот что я получил. Хорошо еще, жив остался! — Желтое личико слегка сморщилось. — Но ты совершил одну крупную ошибку. — Гном поднял крючковатый палец. — Тебе надо было меня добить. Но ты не стал. И очень любезно дал мне возможность с тобой по квитаться. Думаешь, если сбежал из Дола, так все в порядке? Э, нет: как только я выбрался из подвала, я пошел за тобою, как лис за зайцем. Сам посуди: после того, что ты сделал, не мог же я отпустить тебя просто так. Дело чести, не кот чихнул! От тех остальных идиотов скрыться нетрудно. Но от меня — нет. Три дня я шел за тобой. Едва не схватил тебя у реки, но ты уже переправился. А ночью, сам понимаешь, следов не отыщешь. Пришлось подождать. Но там, в хибаре, я уж застал тебя врасплох. Неплохо?

Он весело расхохотался, а Джайр вспыхнул от ярости.

— Ну не сердись. Я просто делал свою работу. К тому же затронута моя гордость. За двадцать лет меня никто еще не обошел. А тут какой-то мальчишка. Разве такое потерпишь? Да, огрел тебя как следует. Вынужденная мера. Как я уже сказал: два раза на одну удочку не попадаюсь. А эти твои магические штучки... — Он подвинулся поближе к Джайру, желтое личико сморщилось от любопытства. — Это ведь магия, правда? Где ты этому научился? Все дело в голосе? Змеи пришли на твой голос. Какой-то трюк. Едва не помер со страху, хотя меня трудно напугать. — Он помолчал. — Вот разве что странники...

При упоминании о мордах в глазах Джайра мелькнул страх. Заметив это, гном кивнул:

— Да, действительно, жуткие твари. Все такие черные. Темные, будто полночь. Не хотелось бы мне стать их жертвой. Не понимаю, как тебе удалось ускользнуть от того, в доме... — Внезапно он замолчал и резко подался вперед. — Есть хочешь, мальчик?

Джайр кивнул.

Гном пристально посмотрел на него и поднялся.

— Значит, так. Обещай, что не займешься своей магией, тогда я выну кляп и покормлю тебя. Все равно она тебе не поможет, пока ты привязан к дереву, если только эти твои змеи не перекусят веревки. Я тебя покормлю, и мы поговорим. Остальные придут только утром. Ну так как?

Джайр мгновение подумал, потом согласно кивнул. Он просто умирал от голода.

— Ну что ж, по рукам.— Гном вытащил кляп, потом крепко сжал подбородок Джайра.— А теперь говори: никакой магии.

— Никакой магии,— морщась, повторил Джайр.

— Вот и славно.— Гном отпустил Джайра.— Надеюсь, ты из тех, кто держит слово. Я так о людях сужу: кто держит слово, тот молодец.— Он снял с пояса тяжелую кожаную флягу, вытащил пробку и поднес флягу к губам долинца.— На вот, выпей. Давай-давай, глотни.

У Джайра давно пересохло в горле, и он сделал большой глоток. Эль, крепкий и горький, обжег гортань. Долинец закашлялся, а гном невозмутимо засунул пробку обратно и подвесил флягу на пояс. Потом, улыбнувшись, снова уселся на корточки.

— Слантер меня зовут.

— Джайр Омсфорд.— Джайр все еще покашливал.— Но ты, наверное, и сам знаешь.

Слантер кивнул.

— Угу. Но, как оказалось, надо было узнать о тебе побольше. Ну и погоню пришлось затеять.

Джайр насупился.

— Но как тебе удалось меня поймать? Я думал, уже никто не сможет меня найти.

— А-а, это.— Гном фыркнул.— Ну, «никто» бы тебя и не нашел. Но я-то не «никто».

— Что ты имеешь в виду?

Гном рассмеялся.

— Я имею в виду, что я — следопыт. Так-то, мальчик. И еще, заметь, лучший следопыт из всех ныне здравствующих. Вот почему они и позвали меня, те, остальные. Вот почему я здесь. Я шел по следу.

— По моему? — вырвалось у Джайра.

— Да нет, конечно. Какого-то друида. Они называют его Алланон. Это его я выслеживал. А ты просто не вовремя перебежал мне дорогу.

Долинец даже не пытался скрыть свое изумление. Этот гном — следопыт?! Неудивительно, что ему не удалось скрыться от Слантера. Еще бы! Но выслеживать Алланона?..

Гном покачал головой и поднялся на ноги.

— Ладно, я тебе все расскажу, но сначала нужно поесть. Ташил тебя на себе почти две мили. Это ты с виду хрупкий, а на вес — ничего себе. Нагулял я с тобой аппетит. Сиди тихо. Пойду пока что-нибудь приготовлю.

Слантер притащил вещевой мешок, выудил оттуда котелок, и уже через пару минут над огнем забулькало мясо, тушившееся в овощах. В ночном воздухе поплыл божественный запах; Джайр вдыхал его, глотая слюну. Он не ел уже — сколько? Как ушел из гостиницы. К тому же надо поддерживать силы. Долинец не собирался долго задерживаться в компании гнома. Как только представится случай, он убежит. Обязательно убежит.

Когда мясо дотушилось, Слантер вернулся к своему пленнику и накормил его: кусок себе, кусок — ему, из одного котелка. Замечательный вышел ужин; они съели все мясо, а заодно прикончили остатки хлеба с сыром. Слантер запил это все своим элем, а Джайр попросил простой воды.

— Я бы сказал, неплохое мяско, — подвел гном итог трапезе и направился к костру вычистить котелок. — За эти годы чего только я не узнал! В том числе много полезного.

— А ты давно стал следопытом? — с искренним интересом спросил его Джайр.

— Да я почти всю жизнь следопыт. Когда я начал учиться, мне было... да вот как тебе сейчас. — Он уже вычистил котелок и вновь подошел поближе к долиnce. — А ты что-нибудь знаешь о следопытах?

Джайр коротко поведал ему о старике, который останавливался у них на постоялом дворе, об их разговорах и играх, когда нога у старого следопыта зажала. Слантер слушал не перебивая. Было видно, что ему это интересно. Он даже немного подался вперед.

Когда Джайр закончил, гном уселся на землю, задумчиво глядя перед собой.

— Когда-то давно я был точно как ты. Ни о чем другом не мог думать, только как стать следопытом. И однажды сбежал из дома с одним из них. Со старым следопытом из пограничных земель. Я был тогда даже моложе тебя. Сбежал из дома и ушел в Каллахорн, потом на север подался. Пятнадцать лет не был дома, в Восточных землях. Все бродил и бродил. Обошел все края; если хочешь знать, где только не был! А ведь у меня есть дом. Но странно, я сам стал ощущать себя бездомным бродягой. Гномы мне по-настоящему не доверяют. Из-за того, что меня долго не было, что я много видел. Я стал другим, не таким, как они. Гном, который не гном. Я ведь научился многому, о чем они и слыхом не слыхивали в своих лесах. И они это понимают. И едва переносят меня за это. Хотя, ничего не скажу, уважают, потому что я, как ни верти, лучший из следопытов. — Он быстро взглянул на Джайра: — Вот потому-то я здесь. Потому что я лучший. Друид Алланон — тот, которого ты не знаешь, — приходил тут на Вороний срез, к самой Грани мрака, пытался пробраться в Мельморд. Но никому не пройти в эту яму, ни друиду, ни даже дьяволу. Морды узнали, что он был там, и бросились в погоню. Один странник, патруль гномов и я, чтоб выследить. Добрались до самой твоей деревушки и стали ждать, не покажется ли кто подозрительный. Друид, понятное дело, успел уже смыться, но кое-кто все-таки появился. И кто, ты думаешь? Ты.

Джайр лихорадочно соображал. Что ему известно? Знает ли гном, зачем Алланон приходил в Тенистый Дол? Внезапно долинец вспомнил об эльфийских камнях. Они все еще у него или Слантер их уже нашел?

Не отрывая взгляда от гнома, Джайр принялся ерзать под туго стянутыми веревками, пытаясь определить: за пазухой ли кошель с камнями? Да нет, безнадежно. Он чувствовал только веревки и узлы, впившиеся в тело. Разве так разберешь? Джайр не отваживался опустить взгляд ни на мгновение.

— Веребочки-то кусаются? — неожиданно спросил Слантер.

Джайр мотнул головой.

— Хотел устроиться поудобнее. — Он заставил себя сидеть спокойно. И вернулся к прерванному разговору. — Тогда зачем ты пошел за мной? Ты ведь выслеживаешь Алланона.

Слантер вскинул голову.

— Я выслеживал Аллана, чтобы узнать, куда он пошел. И я узнал: в вашу деревню, прямо к вам. А теперь он идет обратно, в Восточные земли. Можешь не отвечать. Мне-то все равно. Но вот утром, когда придут остальные, тебе придется ответить. Что-то они еле тащатся. Но придут, не сомневайся. Мне пришлось рвануть вперед, чтоб уж точно поймать тебя. Им, видишь ли, нужно знать, что Алланон делал в Тенистом Доле. Зачем он к вам приходил, И, к несчастью для тебя, их еще кое-что заинтересовало.

Он многозначительно замолчал, сверля Джайра глазами. У долинца перехватило дыхание.

— Магия? — прошептал он.

— Смышленный мальчик, — мрачно улыбнулся гном.

— А если я им не скажу?

— Это было бы глупо, — спокойно ответил Слантер.

Они молча глядели друг на друга.

— Призрак заставит меня говорить? — наконец выдавил Джайр.

— Из-за призрака можешь не переживать, — фыркнул Слантер. — Призрак на север пошел, за друидом. Если кого и стоит бояться, так это седта.

Долинец потряс головой.

— Седта? Кто такой седт?

— У гномов седт — командир. В данном случае это Спилк. Начальник ихнего патруля. Редкий злодей. Не такой, как я. Настоящий гном из Восточных земель. Ему глотку тебе перерезать — что водички хлебнуть. Вот кого опасайся. Если он спрашивает, лучше всего — отвечать, не кобениться. — Слантер пожал плечами. — Ну и если ты ему обо всем расскажешь, я постараюсь, чтобы тебя отпустили. Ведь мы не воюем с людьми из Дола. Мы воюем с карликами. Не хотел бы тебя разочаровать, но только на самом деле не такая уж ты важная птица. Вот твоя магия — это действительно интересно. Ответишь на все вопросы и уйдешь себе подобру-поздорову...

Джайр подозрительно поглядел на гнома.

— Что-то мне не верится.

Слантер пожал плечами.

— Да? Что ж, даю тебе слово. — Густые брови приподнялись. — А я всегда держу свое слово. Запомни.

Джайр молчал. Странно, но он почему-то поверил, что гном говорит правду. Если он обещает, что постарается сделать так, чтобы Джайра отпустили, значит, так и будет. Быть может, его действительно освободят, когда он ответит на все вопросы. Джайр поморщился. С другой стороны, почему он должен доверять этому гному?

— Даже не знаю, — пробормотал долинец.

— Чего ты не знаешь? — Слантер безнадежно потряс головой. — Думаешь, мальчик, у тебя есть какой-то выбор? Будешь молчать, Спилк из тебя котлету сделает. Будешь и дальше молчать — отправишься к странникам. И что тогда, как ты думаешь?

Джайр похолодел. Он не отважился бы и подумать об этом.

— Ты ведь неглупый мальчик, — продолжал гном, его желтое личико сморщилось в какую-то невероятную гримасу. — Еще бы! Как ты их всех облапошил — даже странника. Вот и давай. Ну скажешь ты седту, зачем приходил друид, ну и что? Друида и так уже след простыл — теперь его вряд ли догонят, на этой половине Восточных земель — уж точно. И ведь он не сказал тебе ничего важного. А магия... им интересно лишь, где ты этому научился. Может, друид научил? Или кто-то другой? — Он подождал мгновение, но Джайр упорно молчал. — Ладно. Скажешь только, где ты этому научился и как ею пользоваться. Проще простого. И не выкручивайся, скажи правду. И все — свободен.

Он снова подождал, но Джайр так и не заговорил. Слантер пожал плечами.

— Еще время есть, подумай. — Он встал, потянулся и, приблизившись к Джайру, снова засунул ему в рот кляп. При этом гном ободряюще улыбался. — Прощения просим. Неудобно тебе, но сам виноват. Я не могу рисковать.

Не переставая улыбаться, он принес одеяло и укрыл Джайра, заправив кончики под веревку, чтобы не упало. Потом вернулся к костру и затоптал огонь. Джайр наблюдал за ним при тусклом мерцании оставшихся угольков. Гном отступил в сумрак.

— И это меня — на такую жалкую работенку, — ворчал он. — Тьфу, стыдно сказать: выслеживать долинца. Даже не карлика! Могли бы найти мне какого-нибудь карлика. Или снова друи-

да. Ха! Друид сейчас идет на помощь карликам, а я сижу здесь и караулю мальчишку...

Он еще поворчал, большей частью неразборчиво, но вскоре голос его затих.

Джайр Омсфорд сидел один в темноте и пытался представить, что будет завтра утром. И что ему делать.

Этой ночью он спал очень плохо: веревки врезались в тело, но больше всего донимали мысли о будущем. Как ни взгляни, ничего хорошего ему не светит. Помощи ждать неоткуда: никто даже не знает, где он. Родители, Брин, Рон, Алланон — все они уверены, что Джайр сейчас в Тенистом Доле. И гномы вряд ли станут с ним церемониться. Несмотря на все обещания Слантера, Джайр не верил, что его отпустят. Не важно, на сколько вопросов он им ответит. И потом, что он скажет о магии? Слантер, похоже, уверен, что Джайра этому научили. Если гномы узнают, что это не так, что Джайр уже родился с магической силой, им захочется узнать побольше. И его отведут в Восточные земли, к мордам...

Вот так и прошла ночь. Временами усталость брала свое, и Джайр впадал в забытье, но ненадолго. Все тело болело, стянутое веревками, да и тревожные мысли никак не давали покоя. Только под утро долинец забылся тяжелым сном.

Солнце еще не встало, а Слантер уже грубо тряс его за плечо. — Подъем, — объявил гном. — Они пришли.

Джайр с трудом разлепил глаза и сонно оглядел предрассветную серость осеннего леса. Было сыро и холодно — не спасало даже теплое одеяло, — и липкий туман окутывал стволы елей. Кругом стояла мертвая тишина, лес еще не проснулся. Слантер склонился над ним и распутал веревки, которыми Джайр был привязан к стволу. Однако долинец не увидел никого, кроме следопыта.

— Где они? — спросил он, как только Слантер вытащил кляп.

— Близко. Ярдах в ста ниже по склону. — Слантер сгреб его за грудки и рывком поднял на ноги. — Теперь никаких выкрутасов. Держи свою магию при себе. Я тебя отвязал, чтобы ты хоть выглядел по-человечески. Но если что, привяжу обратно. Ясно тебе?

Джайр торопливо кивнул. Руки и ноги так и остались связанными. Все тело болело, особенно ноги, долинец едва держался, чтобы не упасть. Пришлось прислониться спиной к ели. Даже если каким-то чудом удастся освободиться, далеко ему не убежать. Сознание затуманилось от усталости и безотчетного страха. Джайр ждал, когда же вернутся силы. «Отвечай на все вопросы, — советовал Слантер, — не глупи». Но как ему отвечать? Какие ответы им подойдут?

И вдруг из полумрака возникли какие-то темные фигуры, глухой грохот сапог расколочил тишину. Две, три, полдюжины, восемь — Джайр смотрел, как они выныривали из тумана, коренастые фигуры в широких охотничьих плащах. Гномы. В тени низко надвинутых капюшонов виднелись морщинистые желтые лица. Толстые пальцы сжимали копыя и боевые дубинки. Безмолвно они вышли на поляну; никто не сказал ни слова, но пронзительные взгляды не отрывались от пленного долинца, и взгляды эти были явно недружелюбны.

— Это он и есть?

Приземистый гном с широкой грудью и мускулистыми руками выступил вперед. Уперев в землю широкий конец дубинки, он слегка покачивался на каблуках. Джайр как замороженный глядел на грубые руки в шрамах, сжимающие дубину.

— Ну, так это он?

Гном нетерпеливо взглянул на Слантера. Слантер кивнул. Гном вновь уставился на Джайра. Медленно он опустил капюшон своего плаща, открывая грубое, злое лицо. Узкие глаза бесстрастно изучали долинца, как бы прощупывая.

— Как звать? — тихо спросил он.

— Джайр Омсфорд, — поспешно ответил Джайр.

— Что друиду понадобилось в твоём доме?

Джайр колебался, пытаясь решить, как бы получше ответить. Что-то очень недоброе мелькнуло в глазах гнома. Он резко вскинул дубину и со всего маху ударил долинца по ногам. Джайр рухнул на землю. Ему вдруг стало нечем дышать. Гном молча постоял над ним, потом схватил юношу за грудки и, резко встряхнув, поставил на ноги.

— Что друиду понадобилось в твоём доме?

Джайр тяжело слотнул, пытаясь скрыть свой страх.

— Он приходил к моему отцу, — солгал он.

— Зачем?

— У отца есть эльфийские камни. Они нужны Алланону как оружие против мордов.

Молчание тянулось невыносимо долго. Джайр затаил дыхание. Если Слантер уже нашел эльфиниты у него за пазухой, ложь сейчас обнаружится и Джайру — конец. Он ждал, не отрывая взгляда от гнома.

— А где они теперь, друид и твой отец? — наконец заговорил тот.

Джайр выдохнул.

— Ушли на восток.— Он поколебался, затем добавил: — А мама с сестрой гостят у знакомых на юге. Мне было велено ждать их на постоялом дворе.

Гном уклончиво хмыкнул. Во что бы то ни стало, думал Джайр, я должен их защитить. Спилк внимательно изучал его. Долинец старался не опускать глаза. Ну поверь же мне, повторял Джайр про себя. Давай же, поверь.

И тут гном поднял корявый палец.

— Владеешь магией?

— Я...— Джайр обвел взглядом суровые лица вокруг.

Дубина взметнулась в воздух. Удар пришелся прямо по коленям. Долинец опять упал. Гном улыбнулся, но взгляд его оставался колючим. И как в прошлый раз, он поднял Джайра на ноги.

— Отвечай: владеешь магией?

Джайр только кивнул. Было так больно, что он даже не мог говорить. Он и стоял-то с трудом.

— Покажи,— приказал гном.

— Спилк! — Голос Слантера прорвался сквозь внезапную тишину. — Подумай, тебе это надо?

Спилк угрюмо взглянул на него и вновь повернулся к Джайру.

— Покажи.

Джайр колебался. Снова взметнулась дубина. На этот раз юноша был готов, но все равно не успел увернуться от удара. Теперь по лицу. Голова словно взорвалась от боли, слезы брызнули из глаз. Джайр упал на колени, но сильная рука Спилка уже подхватила его и поставила на ноги.

— Покажи,— настойчиво повторил гном.

И тут долинца захлестнул гнев. Джайр уже не раздумывал — он просто действовал. С его губ сорвался приглушенный крик,

обратившийся тут же в пугающее шипение. Громадные серые пауки облепили Спилка. Седт с отвращением завопил и принялся срывать с себя мохнатых гигантов. Остальные гномы отпрянули назад, размахивая копьями и дубинами, отбиваясь от разлетающихся пауков. Но больше всех досталось седту! Он катался по земле в надежде раздавить упорно цепляющихся за него ужасных тварей. От воплей Спилка дрожал самый воздух.

Еще мгновение Джайр пел, потом перестал. Если бы только он не был связан, если бы голова не гудела от боли... можно было бы воспользоваться суматохой и потихоньку удрать. Но Слантер уж позаботился, чтобы этого не случилось. Гнев поугих, и песнь оборвалась.

Еще пару секунд Спилк катался по земле, яростно царапая себя. Потом вдруг сообразил, что пауков больше нет. Медленно он поднялся на колени, тяжело дыша и морщась. И тут он поймал взгляд долинца. С каким-то утробным рычанием гном вскочил на ноги и бросился на Джайра. Тот отпрянул, но связанные ноги стесняли движения. Спилк молотил его кулаками по голове и лицу. Джайр уже перестал различать удары. Боль накрыла его тошнотворной волной.

А потом все стало черным.

Вскоре долинец пришел в себя. Рядом сидел Слантер и прикладывал к его лицу тряпку, смоченную холодной водой. От воды было больно, и Джайр невольно дернулся.

— Ты храбрый, но безмозглый, — шепнул гном, склонившись поближе. — Ну как, получше?

Джайр кивнул и хотел было притронуться к своему лицу, но Слантер перехватил его руку:

— Оставь. — Он еще пару раз приложил мокрую тряпку, потом неожиданно ухмыльнулся: — Ну надо же, старина Спилк до смерти перетрусил. До смерти!

Джайр посмотрел в дальний конец поляны, где гномы сбились в кучу и временами бросали на него напряженные взгляды. Спилк стоял в стороне, его лицо почернело от гнева.

— Пришлось его от тебя отдирать, — говорил Слантер. — Иначе тебе бы не жить. Он бы тебя забил до смерти.

— Он просил показать ему магию, — пробурчал Джайр, тяжело сглатывая слюну. — Я и показал.

Эта мысль, похоже, несказанно удивила Слантера, и он еще раз позволил себе улыбнуться, отвернувшись при этом от седта. Потом он взял Джайра за плечи, помог ему сесть и, сняв с пояса флягу, предложил ему выпить. Долинец набрал полный рот крепкого эля, не без труда проглотил и снова закашлялся: его прожгло до самого желудка.

— Лучше?

— Лучше, — согласился Джайр.

— А теперь слушай. — Улыбка Слантера мгновенно стерлась. — Мне придется вновь сунуть тебе кляп. Ты теперь на моем попечении, больше никто с тобой связываться не желает. Так что придется тебе побыть с кляпом. Выну, когда будешь есть. И будь паинькой. Дорога долгая.

— Дорога долгая — куда? — Джайр даже не попытался скрыть своего волнения.

— На восток. В Анар. Тебя доставят к мордам. Так решил Спилк. Чтобы они поглядели на твою магию. — Гном утриюмо покачал головой: — Прости, но теперь я уже ничего не могу сделать. После всего, что ты тут натворил.

Прежде чем Джайр успел ответить, Слантер сунул ему в рот кляп. Потом, распутав веревки на ногах долинца, помог ему встать и привязал недлинную веревку к поясу Джайра. А другой конец примотал к своему поясу.

— Спилк! — окликнул гном.

Седт молча развернулся и направился в лесную чащу. Все остальные так же безмолвно последовали за ним.

— Прости, мальчик, — повторил Слантер.

И вдвоем они шагнули с поляны в утренний туман.

Глава 7

Весь день они шли на север по холмистому краю, что граничил с западной оконечностью Лиха. Гномы старались держаться под прикрытием леса, избегая оживленных дорог. Для долинца это был долгий и утомительный переход. С каждым шагом веревки, которыми он был связан, все глубже врезались в тело. Гномы, конечно, видели, что Джайру трудно, но не делали ничего, чтобы хоть как-то облегчить ему путь. Они шли быстрым шагом: закаленные в войнах, гномы Восточных зе-

мель были привычны к форсированным переходам и по более непроходимой местности — к переходам, временами занимающим не один день. Джайр, хоть и не считал себя слабаком, не мог бы состязаться с ними и при более благоприятных условиях.

Уже на закате они вышли к Радужному озеру и спустились по крутому склону к берегу укромного залива, где и разбили лагерь. К этому времени Джайр едва держался на ногах. Его вновь привязали к дереву, дали поесть и глотнуть эля. Не прошло и минуты, как он заснул.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Гномы поднялись чуть свет и зашагали вдоль озера на восток, огибая северную окраину плоскогорья. Они явно направлялись к Черным дубам. В тот день они трижды останавливались передохнуть: утром, в полдень и потом еще — ближе к вечеру. У Джайра ломило все тело, ноги покрылись волдырями и страшно кровоточили. Он шел уже из последних сил, но не споткнулся, не дрогнул ни разу, чтобы не доставлять удовольствия гномам. Только решимость придавала ему силы, не позволяя сбиться с шага.

И все время долинец только и думал о том, как бы сбежать. Джайр даже не сомневался: он сбежит обязательно, вопрос лишь в том — когда. Он уже знал, как все это произойдет. Это несложно: он станет для них невидимым. Гномы пока еще думают, что его магическая сила ограничивается созданием воображаемых пауков и змей. Они и не подозревают, что он умеет много чего другого. Рано или поздно удобный случай представится. Должны же его в конце концов развязать — пусть на минутку. Вполне достаточно, чтобы воспользоваться магией еще раз. Да что минута, хватит и мига. И он на свободе. Да, именно так все и будет, повторял себе Джайр.

И еще его подхлестывала одна мысль: Слантер проговорился, что черный странник отправился на восток искать Аллано-на. Но откуда друиду знать, что за ним по пятам идет морд? Его нужно предупредить, и он, Джайр, это сделает.

Почти на закате они достигли Черных дубов. Гигантские стволы высились вокруг темной стеной, будто стирающей солнечный свет. Не прошло и минуты, как солнце скрылось за плотным сплетением ветвей. Гномы все углублялись в чашу,

двигаясь по тропе, которая бежала почти параллельно линии берега, точно на восток, в лесной сумрак. Здесь было прохладно и странно тихо. Как пещера, ведущая в недра земли, лес поглотил их.

Когда солнце село, плоскогорье осталось далеко позади. Гномы разбили лагерь на небольшой полянке — с трех сторон дубы, а с четвертой каменистый кряж, обрывающийся на северной стороне над самой водой. Долинца вновь привязали к заросшему мхом стволу толщиной, наверное, в дюжину обхватов. Кляп, конечно, не вынули. Рук и ног тоже не развязали. Долинцу ничего не оставалось, как только сидеть и смотреть, как Слантер выуживает мясо из котелка над костром. Постепенно Джайр осознал, что, несмотря на усталость и неудобства, он то и дело думает о гноме, особенно о странных противоречиях в характере следопыта. Уже два дня он наблюдал за ним, но гном так и остался для Джайра загадкой, как в ту первую ночь, когда они беседовали на поляне в горном лесу. Так каков же он на самом деле? Ну да, Слантер — гном, но в то же время на гнома совсем не похож. Он не такой, как эти восточные гномы, с которыми Слантер сейчас заодно. И они это тоже чувствуют. Джайр видел, как они держат себя с ним: вроде бы принимают, но и сторонятся тоже. Об этом же говорил ему и сам Слантер. На свой лад он — такой же чужак среди них, как и долинец. Но это еще не все. Что-то в Слантере было такое, что тут же выделяло его, — независимость, быть может, или ум. Да, он явно умнее их всех. Вот поэтому он и лучший в своем деле. Опытный следопыт, исходивший все Четыре земли, гном, который вопреки обычаю ушел из родного края. Он видел то, чего не видали другие гномы, и понимает то, чего им вообще не дано понять. Он учился и научился многому.

И все-таки он был сейчас с ними. Почему?

Слантер подошел к Джайру с тарелкой мяса, присел на корточки, вытащил кляп изо рта пленника и принялся кормить его.

— Неплохо состряпано? — Он пристально смотрел на долинца.

— Угу, вкусно.

— Если захочешь, получишь добавки. — Слантер рассеянно ковырял вилкой в тарелке. — Как самочувствие?

Джайр поглядел ему прямо в глаза.

— Все болит.

— А ноги?

— Ноги — особенно.

Гном отставил тарелку.

— Дай-ка я погляжу.

Он стянул с долинца сапоги и осмотрел его сбитые в кровь ноги, покачивая головой. Потом залез в свою сумку и вытащил какую-то маленькую жестянку. Внутри была вязкая красноватая мазь. Слантер осторожно втер ее в открытые раны. Мазь приятно холодила и притупляла боль.

— Будет немного легче. И кожа станет пожестче. — Он втер еще немного мази. Лишь на мгновение гном поднял голову, но Джайр успел заметить печальную улыбку на морщинистом желтом лице. — А ты крепкий орешек.

Долинец промолчал. Он смотрел, как гном закрывает жестянку, убирает ее и поднимает с земли тарелку. Джайр не на шутку проголодался и съел две порции.

— А теперь выпей. — Слантер снял с пояса флягу. Джайр сделал пару глотков и скривился. — Тебе станет лучше, — убеждал его гном.

— Но не от этой дряни. — Джайр продолжал морщиться. Гном отстал.

— Я тут кое о чем узнал. Думаю, тебе будет интересно. Плохие новости. — Слантер замолчал и осторожно оглянулся. — На той стороне леса нас ждет странник. Так сказал Спилк.

Джайр похолодел.

— А откуда он знает?

Слантер пожал плечами.

— Наверное, заранее договорились о встрече. Ну я и подумал, что тебе надо знать. Завтра мы выйдем из Черных дубов.

Завтра? Джайр просто физически ощутил, как надежды его рассыпаются в прах. До завтра ему не успеть! Он-то думал: еще по крайней мере неделя. Что до Анара и крепости мордов еще далеко. Что впереди масса времени. Что ему удастся сбежать. Ведь как хорошо он все придумал, и вдруг... завтра? Что же делать?

Слантер смотрел на долинца так, будто читал его мысли.

— Мальчик, мне очень жаль. Это все не моих рук дело.

Джайр поймал его взгляд и проговорил, стараясь сдержать отчаяние в голосе:

— Тогда почему ты меня непустишь?

— Мне отпустить тебя? — Слантер хохотнул, но как-то невыразительно. — Ты забыл, кто на чьей стороне?

Гном приложился к фляге с элем и глубоко вздохнул. Джайр подался вперед.

— Но почему ты на их стороне, Слантер? Ты ведь совсем не такой, как они. Ты им чужой. Ты...

— Мальчик! — резко оборвал его гном. — Ты ничего обо мне не знаешь! Ничего! И он еще смеет мне говорить, какой я и с кем! Лучше бы о себе подумал!

Наступила долгая тишина. В центре поляны гномы сгрудились у костра, здоровенный бурдюк с элем пошел по кругу. Джайр видел, как вспыхивают их глаза, когда они поглядывают в его сторону. И в этих глазах он читал подозрение и страх.

— Ты не такой, как они, — тихо повторил долинец.

— Может быть, — внезапно согласился Слантер, глядя куда-то в темноту. — Но я уже научен и не стану гладить kota против шерсти. Ветер переменялся: он теперь дует с востока и сметает все на своем пути. Все! Ты еще не понимаешь. У мордов сила; я не мог себе даже представить, что такое возможно. И все Восточные земли уже в их власти. Но это только сегодня. А завтра... — Он медленно покачал головой. — Время теперь такое: гному лучше быть гномом.

Он отхлебнул еще эля и протянул флягу Джайру. Долинец только мотнул головой. Он лихорадочно соображал.

— Слантер, ты мне не сделаешь маленькое одолжение? — спросил он.

— Смотря какое.

— На пару минут не развяжешь мне руки и ноги? — (Гном прищурился.) — Только чтоб мне их растереть, а то совсем онемели. Два дня на мне эти веревки. Я уже не чувствую пальцев. Пожалуйста. Даю тебе слово: я не стану пытаться бежать. И никакой магии.

Слантер пристально поглядел на него.

— В прошлый раз ты сдержал свое слово.

— И теперь сдержу. Даже ноги можешь и не развязывать, только руки. На минуточку.

Наверное, еще минуту Слантер смотрел на него, потом кивнул. Он опустился на колени и распутал узлы на веревках, стягивающих руки долинца. Джайр осторожно принялся их растирать: сначала кисти, затем запястья, предплечья, а потом и

все тело. Он видел, как в темноте поблескивает нож в руках Слантера. Чтобы не выдать себя, Джайр опустил глаза. Очень медленно он ощупывал себя, мысленно повторяя: только бы он не увидел, только бы не догадался...

— Ну хватит, — почему-то сердито пробормотал Слантер и торопливо связал руки долинца.

Джайр сидел тихо, не сопротивляясь. Гном затянул узлы и склонился над пленником.

— Лучше?

— Лучше, — тихо ответил Джайр.

Гном кивнул.

— Самое время поспать. — Он хлебнул еще эля из своей фляги и снова проверил крепость узлов на веревках. — Мне жаль, что так получилось, мальчик. Поверь, мне все это тоже не нравится.

— Тогда помоги мне бежать, — умоляюще прошептал Джайр.

Слантер лишь молча глядел на него — лицо гнома ничего не выражало. Осторожно, почти ласково, он водворил кляп на место.

— Лучше бы нам никогда не встречаться, — пробормотал гном, резко отвернулся и направился прочь.

Джайр обмяк. Завтра. Еще один день, и он попадет в лапы морду. Долинец вздрогнул. Надо бежать. Надо что-то придумать, ведь должен же быть какой-то способ.

Он глубоко вдыхал прохладный воздух ночи. По крайней мере, теперь он знал одну вещь — очень важную вещь. Слантер ничего не заподозрил. На минуту гном развязал его и дал ему время растереть затекшие руки — время маленького облегчения.

Время выяснить, что эльфийские камни все еще у него.

Утро настало на удивление быстро, серый угрюмый рассвет едва рассеял сумрак Черных дубов. Третий день гномы вели Джайра на восток. С севера пришли грозные тучи, и солнце не могло пробиться сквозь их пелену. Студеный ветер носился среди стволов как предвестник холодной зимы. Гномы лишь поплотнее запахнули свои плащи и, склонив головы, чтобы пыль и листья не летели в лицо, шли вперед.

Как же убежать?

Как?

Только одна эта мысль владела долинецем. Каждый шаг вперед означал, что времени оставалось все меньше и меньше: часов, минут, секунд. С каждым шагом он приближался к призраку-морду. Сегодняшний день — вот все, что у него есть. Нужно что-то придумать, чтобы освободиться от пут. Хотя бы на миг. А дальше — заклятие поможет ему.

Но этот миг может и не настать. Раньше Джайр ни на секунду не сомневался, что ему удастся спастись, но сейчас... Времени почти не осталось! Они идут уже не один час. Скоро полдень. Теперь Джайр ругал себя, что не воспользовался возможностью побега вчера, когда Слантер согласился его развязать. Времени было достаточно, он успел бы скрыться. Он бы спел гномам что-нибудь такое, что они вмиг покрылись бы какими-нибудь мерзкими штуками и забыли не только о пленнике, но и обо всем на свете. За это время (минута — не больше) Джайр распутал бы веревки на ногах. Потом — еще пара секунд: поднять голос до высоты комариного писка и стать невидимым. Вот и все. Опасно, конечно, но Джайр сделал бы это, не дай он слова. Хотя нарушить слово, данное гному, все равно как и не нарушить вовсе...

Джайр вздохнул. Нет, почему-то не все равно. Даже слово, данное гному, есть слово. Не зря ведь оно называется «честное». Сдержанность — дело чести. Нельзя им бросаться впустую: хочу — даю, хочу — забираю назад. Это тебе не плащ: дождик — надел, солнце — спрятал в шкаф. Стоит всего только раз не сдержать слово, и пошло-поехало. И всегда отыщутся оправдания.

К тому же Джайр, наверное, не смог бы обмануть Слантера, пусть тот и гном. Странно, но юноша успел привязаться к нему. Он и сам точно не знал, как назвать эту привязанность. Уважение — может быть, самое верное. И еще Джайр чувствовал, что они чем-то схожи, есть у них что-то общее. И то, что оба они чужие здесь... Нет, даже для своего спасения Джайр не стал бы обманывать Слантера. По крайней мере, долинец так думал.

Он пинал на ходу опавшие листья. Будь на его месте Рон Лих, он бы уже давно придумал план побега. И наверное, хороший план. А вот Джайр не имел ни малейшего представления о том, что будет дальше.

Вот и полдень. Ветер стих, но холод, им принесенный, задержался в лесу. Пейзаж постепенно менялся: впереди показались каменистые кряжи, тянущиеся к югу, глубокие овраги пересекали тропу. Но деревья не стали реже; неподвластные времени, дубы теснились черной стеной. Джайр поднял голову к сплетению ветвей.

«Я такой маленький,— подумал он,— им нет до меня никакого дела. Что я им? Человечек, заблудившийся в чаще. И бежать некуда».

Тропинка свернула вниз по крутому склону. Среди дубов появились сосны и ели; они стояли окруженные грозными черными стволами, испуганно сбившись в кучку, словно пленники под стражей. Гномы углубились в самую чашу хвойного подлеска, ворча на ходу: их то и дело кололи острые иглы. Джайр шел, пригнув голову, но иголки, как маленькие жала, все равно впивались в лицо и руки.

Очень скоро они вышли на широкую поляну, скорее даже в неглубокий овраг. Откуда-то из камней тек ручеек и собирался на дне оврага маленьким озерцом.

Над озерцом склонился человек.

Гномы резко остановились. Человек пил воду из жестяной кружки. Лица его не было видно. Мужчина, одетый во все черное: и рубаха, и штаны, и плащ, и сапоги — все. На земле валялась черная кожаная котомка. Рядом с ней — деревянный посох. Даже посох был черным, из отполированного ореха. Мужчина поднял голову и быстро взглянул на них. Южанин с загорелым лицом, обожженным ветром и солнцем, с выгоревшими — почти серебристого оттенка — волосами. Серые глаза-буравчики сверкнули раз, и незнакомец вновь отвернулся. Ежедневно сотни таких путешественников проходят по этому краю. И все-таки Джайр почему-то знал, хотя видел мужчину лишь мельком, что он не обычный путник.

Спилк тоже заподозрил неладное. Седт быстро оглядел свой отряд, будто бы желая убедиться, что их действительно девять (девять на одного — неплохой расклад), потом почему-то уставился на Джайра. Ему явно не нравилось, что незнакомец видел их пленника. Спилк еще мгновение колебался, потом шагнул вперед. Гномы с Джайром направились следом.

Гномы молча прошептали к дальнему краю озерца; все это время они не сводили испытующих взглядов с незнаком-

ца. Тот вроде бы их и не замечал. Спилк наполнил из ручейка свою флягу и принялся жадно пить. Один за другим гномы последовали его примеру — все, кроме Слантера, который остался стоять рядом с Джайром. Долинец взглянул на него и увидел, что гном, не отрываясь, смотрит на незнакомца. И во взгляде его мелькнуло что-то непонятное, что-то похожее на...

Узнавание?

Незнакомец резко вскинул голову и внезапно встретился взглядом с Джайром. На этот раз глаза мужчины были спокойны и словно пусты. Лишь мгновение он смотрел на долинца, потом повернулся к Спилку.

— Далеко направляетесь? — спросил он.

Спилк выплюнул воду.

— Не суй нос не в свои дела.

Незнакомец пожал плечами. Он, не торопясь, допил, потом наклонился и убрал кружку в котомку. Когда он снова поднялся, в его руках уже был черный посох.

— А этот долинец действительно так опасен?

Гномы утрюмо усталились на него. Спилк отшвырнул свою флягу и, схватившись за палицу, медленно обошел озерцо, пока не встал лицом к лицу с незнакомцем.

— Ты кто такой? — прорычал он.

И снова мужчина в черном пожал плечами.

— Тебе это незачем знать.

Спилк холодно улыбнулся.

— Тогда ступай-ка своей дорогой, пока еще можешь. Не твое это дело.

Незнакомец не двигался с места. Он как будто обдумывал сказанное.

Спилк сделал еще один шаг вперед.

— Я сказал: не твое это дело.

— Девять гномов-охотников идут через Южные земли и ведут с собой связанного долинца... будто свинью на бойню? Да еще с кляпом? — Незнакомец усмехнулся. — Может быть, ты и прав. Не мое это дело.

Он поднял свою котомку, закинул ее за плечо и зашагал прочь от озерца, мимо утрюмо глядящих гномов. Все надежды Джайра рассыпались в прах. А ведь ему показалось, что незнакомец хочет ему помочь. Долинец, мучимый жаждой, шагнул к озерцу, но Слантер преградил ему путь. Не отрывая взгляда

от незнакомца, гном сжал плечо Джайра и отвел его на пару шагов в сторону от остальных.

И тут незнакомец остановился.

— Но с другой стороны, может быть, ты ошибаешься. — Он стоял всего лишь в полудюжине футов от Спилка. — А вдруг это как раз мое дело?

Он не сводил с седта спокойных серых глаз. Котомка соскользнула с плеча и упала на землю. Спилк уставился на него с недоумением и гневом. За его спиной остальные гномы тревожно поглядывали друг на друга.

— Держись за мной, — прошипел Слантер в самое ухо долинца и встал впереди него.

Незнакомец подошел поближе к Спилку.

— А почему бы тебе не отпустить долинца? — без всякого выражения произнес он.

Спилк замахнулся палицей, метя в голову противника. Но незнакомец был настороже и отбил страшный удар своим посохом. Черной тенью метнулся он вперед. Действительно, словно тень — бесшумно и плавно. Черный посох взметнулся вверх. Раз и тут же — второй. Первый удар пришелся седту прямо в живот. Гном согнулся пополам. И тут же получил посохом по голове. Двух ударов хватило: Спилк рухнул как подкошенный.

На мгновение все застыли. Потом, размахивая мечами, копьями и боевыми топорами, гномы с воплями бросились в атаку. Семеро на одного. Джайр отчаянно грыз свой кляп. Но тут случилось что-то невероятное. Раскрутив посох в руке, незнакомец отбил все удары одновременно. Два гнома свалились с проломленными черепами. Остальные сбились в кучу и молотили куда попало, только не по врагу. Незнакомец отпрянул в сторону. Он не дрался, нет. Он словно исполнял причудливый боевой танец. Взмах плаща — и в руке его сверкнул меч. Через мгновение еще три гнома лежали на земле, истекая кровью.

Из семерых осталось лишь двое. Незнакомец вклинился между ними, поигрывая мечом. Те растерянно переглянулись и попятились назад. И тут взгляд одного из них упал на долинца, наполовину скрытого за спиной Слантера. Гном рванулся к Джайру, но, к несказанному изумлению юноши, Слантер преградил ему путь, замахнувшись ножом. Нападающий взвыл от ярости (еще бы — такое предательство) и занес меч. А там, в

двадцати ярдах от них, незнакомец сделал неуволвимое движение. Он повернулся с внезапностью атакующей змеи и выбросил руку вперед. Гном, набросившийся на Слантера, мгновенно застыл — из горла торчал длинный нож. Он упал, не успев даже вскрикнуть.

Последний гном тут же решил, что с него достаточно. Как полоумный, он рванулся с поляны и скрылся в чаще леса.

В овраге остались лишь Джайр, Слантер и незнакомец в черном. Сжимая оружие, незнакомец и гном настороженно глядели друг на друга. Лес вокруг погрузился в безмолвие.

— И ты тоже? — тихо спросил незнакомец.

Слантер покачал головой.

— Нет уж. — Рука, сжимавшая нож, опустилась. — Я знаю, кто ты.

Незнакомец, похоже, не удивился. Он коротко кивнул и кончиком меча указал на бездыханные тела гномов:

— А твои друзья?

Слантера покорило.

— Друзья? Только не это. Превратности войны свели нас, и пути наши пересеклись. Сборище идиотов, по-другому не скажешь. — Он поглядел прямо в глаза незнакомца. — Все, мое путешествие подошло к концу. Пора выбирать другой путь.

Он перерезал ножом веревки долинца. Потом убрал нож и вытащил кляп у Джайра изо рта.

— Похоже, мальчик, тебе повезло, — пробурчал гном. — Тебя спас сам Гарет Джакс!

Глава 8

Про Гарета Джакса слышали даже в таком захолустье, как Тенистый Дол.

Его называли еще Мастером боя, потому что в рукопашной схватке ему не было равных. Так говорили. Любым оружием и без оружия вовсе — только руками, ногами и даже телом — он дрался лучше любого из ныне здравствующих бойцов. А некоторые утверждали, что он вообще непревзойденный воин всех времен и народов.

Рассказы о нем уже стали легендой. Где бы люди ни собирались: выпить в таверне после трудового дня, на постоялых

дворах — поболтать с чужеземцами, в лесу у костра или в гостеприимном доме у пылающего камина, ночью, когда темнота и беседа так сближают, кто-нибудь неизменно заводил разговор о Гарете Джаксе. Никто не знал, откуда он родом, какие-то странные слухи и недомолвки окружали его юные годы. Но, наверное, каждый в Южных землях знал что-нибудь из его биографии, хотя бы один только случай, и с удовольствием делился своим знанием. Многие из этих историй были правдивы, хотя каждый «свидетель» событий вносил в свой рассказ что-то новое. А некоторые истории считалось и вовсе постыдным не знать. Подобно сказкам и песням, они ходили по всем Южным землям, а иногда и за их пределами.

И конечно же, Джайр Омсфорд знал их все наизусть.

Вот, например: шайка гномов разоряла дальние, на самой восточной границе, поселения Каллахорна. Пограничному легиону удалось разогнать налетчиков, но небольшие отряды остались — по дюжине гномов в каждом — и продолжали терроризировать маленькие беззащитные деревеньки. Патрули легиона регулярно прочесывали край, но гномы были неуловимы. И вот как-то раз небольшая шайка — а точнее, ровно десять гномов — напала на дом одного фермера. Ну того, что живет у южного берега Мермидона, совсем рядом с равниной Рабб. В доме были только жена фермера, маленькие детишки и чужестранец (сам почти мальчик), что попросился к ним на ночлег. Он спрятал семью в подвале, а сам встретил налетчиков. Он убил восьмерых, остальные двое удрали. И говорят, после этого разбойники попритихли. А в Южных землях заговорили о чужестранце по имени Гарет Джакс.

Остальные истории тоже известны. В Арборлоне он специально тренировал особое подразделение личной гвардии — телохранителей короля эльфов Андера Элесседила, в Тирсисе — части Пограничного легиона. Потом — в Керне и Варфлите. Пограничные войны карликов и гномов тоже не обошлись без его участия. Гарет Джакс учил карликов управляться с новым для них оружием. Временами он уходил на дальний юг, где постоянно вспыхивали конфликты между государствами Федерации. Говорят, там он поубивал слишком многих и нажил себе массу врагов. И теперь на дальний юг дорога ему закрыта...

Джайр оборвал свои размышления, внезапно осознав, что Гарет Джакс пристально смотрит на него, будто читает мысли. Долинец вспыхнул.

— Спасибо тебе, — выдавил он.

Гарет Джакс ничего не ответил. Взгляд спокойных серых глаз задержался на Джайре еще лишь мгновение, потом воин в черном отвернулся. Короткий меч скрылся под складками плаща, а его хозяин принялся обыскивать тела гномов. Джайр подождал секунду, потом украдкой взглянул на Слантера.

— Это действительно Гарет Джакс? — прошептал он.

— Я же сказал, разве нет? Такого не забудешь, хоть и прошло пять лет уже. Он обучал тогда солдат легиона в Варфлите. И я был там. В то время я был у них следопытом, в легионе. Я, Слантер, крепкий как железо, но по сравнению с ним... — Гном пожал плечами. — Вот, помню, было там несколько голворезов. Просто повернутые. Им, видишь ли, не по вкусу пришлось, что есть кто-то лучше их. В смысле — дерется лучше. Вот они и кинулись на него с копьями, а Джакс, замечу, стоял спиной. И вообще безоружный. Их было четверо, и все — выше его. — Гном покачал головой, глядя куда-то в пространство. — Двоих он уложил на месте, двоих — покалечил. Я был там. Моргнуть не успел, как все закончилось.

Джайр вновь уставился на человека в черном. Живая легенда — так его называют. Но называют и по-другому: убийцей, наемником без чести и совести, верным лишь тому, кто платит. У него нет напарников — Гарет Джакс всегда ходит один. Нет и друзей. Для этого он слишком опасен, слишком суров.

Тогда почему, спрашивается, он помог Джайру?

— А этот еще живой, надо же. — Мастер боя склонился над Спилком. Слантер и Джайр переглянулись и подошли поближе. — Крепкая черепушка, — пробормотал Гарет Джакс, быстро взглянув на них. — Помогите-ка мне.

Вместе они оттащили Спилка, пребывающего в бессознательном состоянии, на дальний конец оврага и там привязали к стволу сосны. Подобрал веревки, которыми раньше был связан долинец, Мастер боя крепко стянул руки и ноги седта. Закончив с этим, он еще раз полюбовался на свою работу и только тогда повернулся к двоим, молча наблюдавшим за ним.

— Как тебя звать, долинец? — спросил он Джайра.

— Джайр Омсфорд. — Юноша чувствовал себя как-то неловко под пристальным взглядом странных серых глаз.

— А тебя?

— Мое имя — Слантер, — ответил следопыт.

Вдруг суровое лицо Джакса посуровело еще больше.

— Могу я узнать, что этим гномам понадобилось от долинца?

Слантер состроил гримасу, но все-таки рассказал Мастеру боя обо всем, что случилось с того самого момента, когда он впервые столкнулся с Джайром в Тенистом Доле. К изумлению долинца, гном не скрыл даже того, что Джайр ловко расправился с ним там, у гостиницы. Гарет Джакс слушал не перебивая и, лишь когда Слантер закончил, обратился к долинцу:

— Он правду говорит?

Джайр мгновение поколебался, потом кивнул. Не то чтобы правду, конечно. Часть сочинил сам Джайр, когда отвечал на вопросы Спилка. Впрочем, и сейчас он откровенничать не собирался. Лучше уж пусть эти двое думают, что его отец забрал эльфийские камни и ушел с Алланом, — по крайней мере, пока Джайр не решит, можно ли им доверять.

Потом наступило молчание — Мастер боя обдумывал услышанное.

— Да, думаю, мне не стоит бросать тебя в этом краю одного, Джайр Омсфорд. И в компании этого гнома, думаю, тоже не стоит. — (Слантер вспыхнул, но придержал язык.) — Самое лучшее для тебя — это пойти со мной. Тогда уж я буду уверен, что с тобой ничего не случится.

Джайр растерянно поглядел на него.

— Пойти с тобой — куда?

— В Кулхейвен. У меня есть там дела. И у тебя вроде тоже. Если друид и твой отец ушли в Восточные земли, то вполне возможно, там-то мы их и найдем. А если не их, то уж кого-нибудь, кто отведет тебя к ним.

— Но я... — начал было долинца и тут же замолчал. Ни слова о Брин. Нужно следить за собой. Но на восток ему тоже никак нельзя! — Не могу пойти, — закончил Джайр. — Мама с сестрой гостят у друзей и еще ничего не знают. Я должен вернуться и предупредить их.

Гарет Джакс покачал головой.

— Слишком далеко. У меня нет времени. Мы идем на восток и, как только представится случай, пошлем им весточку. К тому же, если все, что вы мне рассказали, — правда, возвращаться еще опаснее, чем идти вперед. Теперь гномы и призраки про тебя знают. Знают, где ты живешь. Как только станет известно, что ты сбежал, тебя будут искать. И дома — прежде всего. Я спас тебя не для того, чтобы ты вновь попался, едва я уйду.

— Но...

Взгляд серых глаз буквально заморозил долинца.

— Я уже все решил. Ты идешь на восток. — Гарет Джакс быстро взглянул на Слантера: — А ты — куда хочешь.

Он направился к другому краю поляны — подобрать котомку и посох. В полной растерянности Джайр смотрел ему вслед. Долинец не знал, что делать: сказать ему правду или все-таки пойти на восток? Впрочем, скажи он всю правду, что изменится? От Мастера боя, похоже, не так-то легко отвязаться.

— Ну, мальчик, удачи тебе. — Слантер стоял перед ним с каким-то убитым видом. — Надеюсь, никаких обид.

Джайр посмотрел ему прямо в глаза.

— И куда ты теперь?

— А-а, какая разница? — Гном бросил хмурый взгляд на Гарета Джакса. Потом пожал плечами. — Да, с ним тебе будет спокойнее. Я свое уже отходил.

— Я не забыл, что ты помогал мне, Слантер, — тихо произнес Джайр. — И я уверен, если мне будет опять нужна помощь, ты не откажешь...

— Вот уж дудки! — сердито оборвал его гном. — Да, я тебя пожалел, но не надо из этого... Так и знай: ничем я не лучше Спилка, я бы тоже отдал тебя призракам, да! Потому что мне дорога жизнь! А ты со своим Мастером боя... вы даже не знаете, против кого идете!

— Но я сам видел, как ты с ножом защищал меня от того гнома! — не сдавался Джайр. — Ну, что скажешь?

Слантер сердито фыркнул и отвернулся.

— Скажу, что, были бы у меня мозги, я бы и пальцем не шевельнул. Знаешь, чего я добился? Теперь мне и близко не подойти к Восточным землям! Этот, который сбежал, он все им расскажет! Или вот Спилк, как только освободится! Насту-

чит как пить дать. — Он махнул рукой. — Впрочем, разве не все равно? Это давно уже не моя страна. И я там чужой. Уже столько лет. Морды не станут преследовать одного жалкого гнома. Пока что пойду на север или на юг, в города, и гори оно все синим пламенем.

— Слантер...

Гном резко повернулся и едва ли не прошипел:

— Но этот — ничем он не лучше меня! — Он сердито махнул в сторону Гарета Джакса, который снова невозмутимо пил воду из озерца. — Так со мной еще разговаривает, будто все это я придумал. Будто я виноват! Да я даже не знал о твоём существовании! Я друида выслеживал! А гнаться за тобой, отдавать тебя призракам... думаешь, мне это нравилось?

— Слантер, ты успокойся, пожалуйста. — При упоминании о призраках долинец вдруг вспомнил: — А как же этот странник, ну который на той стороне дубов?

Слантер был явно недоволен, что его пламенную речь так грубо прервали.

— А что с ним?

— Ведь он будет ждать нас, правда? — Джайр почему-то понизил голос.

Гном поколебался, потом кивнул.

— Понимаю, к чему ты клонишь. Да, он будет там. — Слантер насунился. — Просто пойдите другой дорогой, чего проще? В обход.

Джайр подошел поближе.

— А если он, — долинец украдкой показал рукой на Гарета Джакса, — решит идти напрямик?

Слантер пожал плечами.

— Одним Мастером боя меньше.

— И мной.

Они молча глядели друг на друга.

— Мальчик, чего ты от меня-то хочешь? — наконец спросил гном.

— Пойдем с нами.

— Что?!

— Ты — следопыт, Слантер. С тобой мы пройдем мимо странника. Пожалуйста, пойдем с нами.

Слантер выразительно потряс головой.

— Нет. Это Восточные земли. Теперь мне туда нельзя. И вообще, ты что, хочешь, чтоб я повел тебя в Кулхейвен? Я? Вряд ли карликам такое придется по вкусу!

— Хотя бы до границы, Слантер, — упрашивал Джайр. — А потом иди куда хочешь. Больше я ни о чем тебя не попрошу!

— Премного благодарен! — фыркнул гном. Гарет Джакс уже направлялся к ним. — И вообще, к чему весь сыр-бор? Этот ведь все равно не захочет, чтобы я шел с вами.

— Ну откуда ты знаешь? — настаивал Джайр. Он повернулся к Мастеру боя: — Ты же сказал, Слантер может идти куда хочет. И значит, с нами тоже. Скажи ему.

Гарет Джакс пристально поглядел на гнома, потом — снова на Джайра.

— Он следопыт, — поспешно продолжал долинец. — С его помощью мы избежим встреч со странниками. И еще он отыщет безопасный путь на восток.

Мастер боя пожал плечами.

— Это ему решать.

Настала долгая томительная тишина.

— Слантер, если ты пойдешь с нами, я тебе покажу свою магию, — наконец произнес Джайр.

В темных глазах гнома блеснул неожиданный интерес.

— Ну, если так... — И вдруг он осекся. — Нет! Ты что пытаешься сделать? Думаешь, можешь меня подкупить? Да, ты так думаешь?

— Нет, — поспешно пролепетал Джайр. — Я просто...

— Все равно у тебя ничего бы не вышло! — оборвал его гном. — Меня не купишь! Я не какой-нибудь!.. — Он замолчал, не в силах подобрать достаточно яркого определения. Потом внезапно напрягся. — Если тебе действительно это так важно, то хорошо, я иду. Если ты хочешь, чтоб я пошел, я иду. Но не за взятку! Я иду, потому что хочу пойти. Я так решил, тебе понятно? И только до границы — ни шагу дальше! Я ничего не забыл там, у карликов!

Пару мгновений Джайр изумленно смотрел на него, потом протянул свою руку. Очень серьезно, почти торжественно, Слантер пожал ее.

Спилка решили оставить здесь. Конечно, он выберется, но сначала ему придется здорово повозиться. Если станет совсем уж плохо, угрюмо заметил Слантер, Спилк всегда сможет перегрызть веревки. Или вопить погромче, авось кто-нибудь и услышит. Впрочем, с последним надо бы поосторожнее. В Черных дубах на удивление свирепые волки. И любопытные — особенно если кто-то орет во весь голос. Впрочем, они так и так придут: животным ведь надо пить...

Спилк как раз пришел в себя и услышал последнее замечание. Джайр и его спутники уже собрались уходить. И тут седт разразился им вслед гневной тирадой. Когда они встретятся в следующий раз, пригрозил он, им не жить, всем троим. А уж они встретятся, обязательно. Никто не обращал внимания на эти угрозы, хотя Слантер, похоже, чувствовал себя несколько неуютно. А через пару минут голос гнома затих вдалеке.

Да, странная получилась компания, размышлял про себя Джайр: гном, который выследил его, взял в плен и сторожил три дня, и легендарный искатель приключений, прикончивший на своем веку не одну дюжину людей. И вот они вместе. Непонятно, что эти двое так возьмется с ним? Гарет Джакс спокойно мог бы пойти своей дорогой, так нет — он зачем-то спасает долинца. Между прочим, при этом рискует жизнью, а потом еще чуть ли не навязывается в телохранители. Зачем такому, как Гарет Джакс, связываться с пареньком из захолустного Дола? И почему вдруг Слантер соглашается идти с ними в Анар, хотя прекрасно знает, что это может ему выйти боком, и понимает, что Гарет Джакс не доверяет ему и непременно будет следить за каждым его шагом.

Однако собственное поведение удивило Джайра еще больше. Странно, что они пошли с ним, да. Но вдвойне странно, что он пошел с ними! Ведь еще пару минут назад он был пленником Слантера. А своего спасителя, Гарета Джакса, изрядно побаивался. Снова и снова Джайр вспоминал, как Мастер боя сражался с гномами — быстрый, несущий гибель, пугающий. Черный, как сама смерть, с которой он уже давно связал себя.

На мгновение эта картина ожила в воображении долинца, но он тут же постарался прогнать ее.

Как бы там ни было, дороги их пересеклись, и незнакомцы стали попутчиками. Потому что вместе идти безопаснее.

Надо только быть благоразумным. В конце концов, он снова свободен и никакая опасность ему пока не угрожает. Если понадобится, всегда можно скрыться. Один звук песни желаний, в унисон шелесту ветра, — и ищи-свищи его. Эта мысль немного успокоила Джайра. Если бы только они не зашли так далеко в Черные дубы, если бы морды его не искали, если бы он мог обойтись без помощи этих двоих...

Долинец сжал зубы. Нечего теперь переживать. Какой в этом толк? И так есть о чем подумать. Вот, например, проследить за собой, чтобы случайно не проговориться о Брин и об эльфийских камнях.

Еще час они шли по лесу и набрали на поляну, откуда в разные стороны разбегалось с полдюжины тропок. Слантер, который шел первым, остановился и указал на тропу, ведущую на юг.

— Сюда, — коротко бросил он.

Гарет Джакс с любопытством взглянул на него.

— На юг?

Брови Слантера сошлись на переносице.

— На юг. Странник придет из страны Серебристой реки, через Туманную топь. Это самый короткий и легкий путь. Для этих дьяволов — уж точно. Они не боятся болотных жителей. У нас не так много шансов, и самый верный — обойти топь с юга, а затем повернуть на север.

— Долгий путь, гном, — пробормотал Мастер боя.

— Зато дойдешь, куда тебе надо! — огрызнулся Слантер.

— А может, мы как-нибудь проскользнем.

Слантер упер руки в бока.

— Или по воздуху перелетим! Ха! Ты сам не знаешь, о чем говоришь!

Гарет Джакс молчал и только смотрел на гнома. Внезапно Слантер почувствовал, что, кажется, зашел слишком далеко. Быстро взглянув на Джайра, он нервно закашлялся и пожал плечами.

— Ну, я ведь знаю их лучше, мордов этих. Ты ведь не жил среди них. И не видел, на что они способны. — Он судорожно вздохнул. — Они словно вылупились из мрака. Словно обломки ночи. Когда они проходят, ты их не видишь и не слышишь, а только чувствуешь. Чувствуешь, что они идут.

Джайр поежился, вспомнив, как там, дома, он почувствовал морда. Прямо за стеной.

— И еще они не оставляют следов,— продолжал Слантер.— Они появляются и исчезают, не зря их прозвали черными странниками.

Он замолчал, качая головой. Теперь Гарет Джакс смотрел на Джайра. Долинец же не замечал ничего: он думал о той страшной ночи, когда он вошел в свой дом. И там, во тьме, притаился один из них. Морд.

— Не хотел бы я встретиться с ним,— пробормотал он себе под нос.

Мастер боя поправил котомку за плечами.

— Значит, идем на юг.

Весь день они шли через Черные дубы, тропа змеилась между стволами. В лесу сумерки быстро сгущались, ночная тьма растворяла в себе серый свет дня. Среди деревьев скопился бледный туман, сырой и липкий. И с каждой минутой сгущался. То и дело тропа пропадала в мутной пелене, идти становилось все труднее. Из мрака доносились звуки ночи, которые не предвещали ничего хорошего.

Наконец Слантер объявил привал. Он собирается здесь ночевать? — почему-то с тревогой подумал Джайр. Оба его спутника вопросительно посмотрели на долинца. Тот настороженно огляделся. Громадные дубы окружали их, словно черная исполинская крепость. Дубы, туман и тени — и больше ничего. Нет, еще черный странник. Он где-то здесь, в ночи.

Джайр Омсфорд сжал зубы — он изо всех сил боролся с усталостью и болью — и решительно покачал головой. Маленький отряд направился дальше.

Ночь спустилась и на поляну, где, привязанный к дереву, сидел Спилк. Весь день он трудился, пытаясь ослабить узлы на веревках. Никто так и не пришел в овраг к воде: ни путники, ни волки. Тела его товарищей так и лежали на земле. Теперь, в сумерках, они казались бесформенной грудой тряпья.

С искаженным лицом седт ерзал под своими путами. Еще час, ну, быть может, два — и он наконец вырвется и устремится в погоню за теми, кто так его оскорбил. И пойдет за ними уже до конца.

Темная тень упала на Спилка, и он невольно вздрогнул. Прямо перед ним стояла черная фигура в широком плаще с капюшоном — творение смерти, выступившее из ночи. Гнома до костей пробрал холод.

— Господин! — хрипло прошептал он.

Но темная фигура не ответила, не шевельнулась. Она просто стояла и смотрела. Седт заговорил, захлебываясь словами, — так спешил он все объяснить. Он рассказал обо всем: о незнакомце в черном, о предательстве Слантера и о побеге долинца с магическим голосом. Его мускулистое тело ужом извивалось под веревками, и слова не могли скрыть страх, подступающий к самому горлу.

— Я старался, хозяин! Я старался! Освободи меня! Пожалуйста, освободи меня!

Голос его оборвался, и всхлип растворился в безмолвии. Голова упала на грудь, тело тряслось от беззвучных рыданий. Еще мгновение черная тень стояла над ним неподвижно. Потом рука в черной перчатке медленно опустилась на голову гнома, и вспыхнул красный огонь. Спилк вскрикнул. Только раз.

Фигура в черном убрала руку, повернулась и растворилась в ночи. Ни единый звук не отметил ее ухода.

На пустой поляне то, что секунду назад было Спилком, безвольно обмякло под путами. И только отражение звезд мерцало в широко раскрытых, но не видящих больше глазах.

Глава 9

Близился рассвет. Небо над гигантским хребтом Драконьих Зубов из чернильно-синего стало серым; луна и звезды уже бледнели, восточный горизонт мерцал.

Алланон не сводил потемневших глаз с возвышающейся стены гор: обрывающиеся в пропасть утесы, вершины, уткнувшиеся в небо, — голый камень, подточенный ветром и временем. Наткнувшись на глубокую расщелину в скалах, взгляд друида стал тревожным. Там внизу Сланцевая долина — преддверие запретного Зала королей, убежища душ умерших. Он плотнее запахнул черный плащ. Какая-то неизбывная тоска тенью легла на лицо Алланона. Россыпь черных камней, сверкающих как темное зеркало, тянулась вниз, к самому дну долины, подобно широкой дороге. Дороге к озеру. Его воды, тусклые,

зеленовато-черные, колыхались неспешной рябью в пустынной, первозданной тишине, будто кто-то лениво помешивал колдовское варево в гигантском котле.

«Отец», — беззвучно прошептал друид.

Внезапный скрип сапог по камням отвлек его, и Алланон вспомнил, что он не один. Его спутники выступили из тени между валунами и встали рядом. Молча они смотрели вниз, на бесплодную каменистую долину.

— Это она? — коротко спросил Рон Лих.

Алланон кивнул. Подозрительность звучала в голосе горца и отражалась в его глазах. Слишком явная. Он даже не попытался скрыть ее.

— Сланцевая долина, — тихо сказал друид и направился вниз по усыпанному камнями склону. — Нам надо торопиться.

В глазах Брин читались те же подозрительность и недоверие, хотя она и старалась этого не показывать. Кто бы ни шел с Алланоном, настороженность оставалась. И подозрения. Так было всегда. С Ши Омсфордом и Фликом, когда друид вел их на поиски меча Шаннары. С Вилом Омсфордом и Амбель, когда он отправил их к Источнику Огненной крови. Что ж, возможно, он сам виноват. Доверие надо заслужить, а для этого прежде всего самому надлежит вести себя честно и быть искренним. А он никогда таким не был — просто не мог быть. Он хранитель тайн, и эти тайны нельзя разделить ни с кем. Он должен всегда скрывать правду, потому что правду поведать нельзя: тот, кому это нужно, должен все выяснить сам. Истина, доверенная друиду, должна быть сокрыта до поры, иначе она потеряет свое могущество. Могущество истинной правды, добытой как награда за долгий путь. Сам он прошел этот путь...

Алланон на мгновение обернулся — удостовериться, идут ли за ним его спутники, — и вновь обратил все внимание на россыпь блестящих камней под ногами. Он мог бы сложить с себя миссию хранителя, открыть этим детям все, что он знает об их судьбе, выдать им все секреты, и пусть все идет по-другому.

Мог бы... Но друид знал, что никогда этого не сделает. Он отвечал перед высшим законом существования. В этом была его жизнь и его долг. И если тем самым он заслужил их недоверие, что ж, пусть так. Горько, но ничего не поделаешь. Это неизбежная плата.

«Но я так устал,— вдруг подумал он.— Отец, я так устал».

Спустившись на дно долины, Алланон остановился. Горец и девушка встали чуть позади, и ему пришлось обернуться к ним. Друид торжественно поднял руку и указал на темные воды озера.

— Присподняя,— почти шепотом произнес он.— Отец ждет меня там, и я должен идти к нему. Вы останетесь здесь. Пока я не позову, не сходите с этого места. Что бы ни случилось, ни шагу вперед. Кроме нас троих, здесь только мертвые.

Его спутники промолчали. Они только кивнули и с тревогой уставились на беззвучно бурлящие воды. Еще мгновение друид смотрел на их лица, потом повернулся и направился к озеру.

Странное чувство ожидания или, может быть, предвкушения охватило его, чувство, которое возникает обычно в конце долгого пути. И так было всегда. Каждый раз, когда Алланон приходил сюда, у него возникало это странное ощущение. Как будто он вернулся домой. Когда-то домом друидов был Паранор. Но друиды давно исчезли. Алланон остался последним. И здесь, в долине, он себя чувствовал дома. Не в Башне — здесь. Здесь все начиналось и заканчивалось. И каждый раз он возвращался сюда после странствий по Четырем землям. Возвращался, чтобы погрузиться в волшебный сон, обновляющий жизнь, когда смертное тело балансирует на границе двух миров — мира земного и мира потустороннего. Здесь эти миры соприкасались. Перекресток в вечности, откуда ему, Алланону, иногда удавалось приблизиться ко всему, что было и что еще только будет. Но самое главное: здесь отец.

Изгнанник, запертый в пустоте, будто в ловушке, в ожидании избавления! Его отец!

Алланон заставил себя не думать об этом. На мгновение он поднял глаза к бледному небу — на востоке едва теплился рассвет — и вновь обратил взор к озеру. Когда-то, много лет назад, он приходил сюда с Ши Омсфордом, Фликом — его сводным братом — и с остальными, кто пошел с долинцем на поиски меча. Тогда им было предсказано, что одного они потеряют. Так и случилось — возле Морщины Дракона Ши смыло горной рекой. Друид помнил недоверие, с которым все относились к нему. И все-таки он любил Ши. И Флика. И Вида Омсфорда. Ши был ему почти как сын — мог бы быть его сыном, если бы друид мог иметь детей. Вил Омсфорд же был ско-

рее соратником и товарищем, разделившим с друидом ответственность за возрождение Элькрис и спасение эльфов.

Лицо Алланона посуровело. И вот теперь Брин, девушка, чья сила в несколько раз превосходит все то, чем обладали ее отец и прадед. Кем она станет для него?

Он подошел к самому краю воды и там остановился, глядя в бездонную глубину. Потом очень медленно поднял руки к небу, и его напряженное тело стало излучать магическую силу — воды озера беспокойно задрожали. И завертелись черным вихрем, все быстрее, быстрее. И, словно вскипев, с шипением и брызгами пены устремились ввысь. Долина вздрогнула и затряслась, будто пробудившись от долгого сна — глубокого, без сновидений. Из темных глубин Преисподней вырвался крик. Хриплый и ужасный.

«Иди ко мне, — беззвучно зывал друид, — освободись и иди ко мне».

Жуткий крик стал настолько пронзительным, что, казалось, уже дрожал на границе слуха: души, приговоренные к миру забвения, рвались из своих оков, зывали об избавлении. Вопли заполнили собой всю долину. В ней словно стало темнее. Но тусклые воды, распыленные брызгами, шипели теперь с облегчением.

«Иди же!»

Из клубящихся темных вод поднялся дух Бремена, прозрачно-серый на фоне ночного неба, в облике старика, изможденного и согбенного. Поднялся и застыл лицом к Алланону. Друид медленно опустил руки и закутался в плащ. Холодно. Он поднял голову и встретился взглядом с пустыми, невидящими глазами отца.

«Я пришел».

И тогда дух поднял костлявые руки. Хотя эти руки к нему даже не притронулись, Алланон всем своим существом ощутил леденящее объятие. Будто прикосновение смерти. Исполненный боли, голос отца прорвался к нему:

— ВЕК КОНЧАЕТСЯ. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ.

Холод добрался до самого сердца, и оно заледенело. Поток слов захлестнул Алланона. Слов, сплетенных между собой и затянутых как узлы на веревках. И все-таки он разобрал их все, каждое — четко, до боли. В безмолвном отчаянии он слушал,

испытывая невыразимый ужас, потому что теперь до конца осознал: случится то, чему суждено случиться.

И в черных суровых глазах стояли слезы.

В пугающе странном молчании Брин Омсфорд и Рон Лих стояли там, где оставил их друид, и наблюдали, как из вод Преисподней поднимается дух Бремена. Не какой-то блуждающий ветер принес этот холод. Нет, ветра не было. Но все застыло с приходом призрака. Они видели, как дух встал перед Алланоном и раскинул руки, словно хотел обнять его и унести с собой в черные воды. Они не слышали слов — вопли, рвущиеся из озера, заглушали все. Под ногами дрожали камни. Если бы было возможно, Брин и Рон бежали бы отсюда без оглядки. Им обоим казалось, что сама смерть выбралась на поверхность земли и подступает к ним.

Но внезапно все кончилось. Дух Бремена медленно опустился обратно — в темные воды. В последнем отчаянном всплеске рванулись крики и рассеялись в тишине. Озеро вспенилось в последний раз, и все стало тихо, как прежде, — только мелкая рябь бежала по воде.

На востоке краешек солнца уже показался над острым краем Драконьих Зубов; серебристо-серый свет просочился сквозь бледнеющую тень ночи.

Брин и Рон резко выдохнули; рука девушки нашла руку горца и крепко сжала. У самой кромки воды Алланон упал на колени и склонил голову.

— Рон! — хрипло шепнула Брин и рванулась вперед. Но горец удержал ее, ведь друид велел им оставаться на месте. Брин раздраженно вырвала руку. Рону ничего не оставалось, как бежать вслед за ней.

Вдвоем они склонились над Алланоном. Глаза его были закрыты, лицо пугало мертвенной бледностью. Брин коснулась его руки — рука была холодна как лед. Казалось, друид пребывает в глубоком оцепенении. Девушка неуверенно поглядела на Рона. Тот только пожал плечами. Но, не обращая на него внимания, Брин уже обхватила руками плечи друида и легонько трясла его.

— Алланон.

Он открыл потемневшие глаза. Взгляды их встретились. Неизбывная боль стояла в его глазах, ужасная, всепоглощающая.

А еще там был страх. Испугавшись, девушка резко отпрянула. И тут же все это пропало, как и не было. Теперь глаза Аллано-на горели гневом.

— Я же сказал вам: не двигайтесь с места.— Он рывком поднялся на ноги.

Но его ярость не испугала Брин.

— Что произошло, Алланон? Что ты увидел?

Мгновение он молчал, рассеянно глядя на тускло-зеленую воду. Потом медленно покачал головой и прошептал:

— Отец.

Брин взглянула на Рона. Тот нахмурился.

Девушка робко потянула друида за рукав.

— Что он тебе сказал?

Бездонные черные глаза встретили ее взгляд.

— Что у нас мало времени, девочка. Что за нами уже идет охота, и так будет до самого конца. Что конец предрешен. Но отец не открыл мне, каким он будет. Он только сказал, что конец настанет и что ты его увидишь. А еще он сказал, что ты — та, кто спасает и разрушает.

Брин удивленно взглянула на него.

— А как это понимать, Алланон?

Он покачал головой.

— Я не знаю.

— Хороша помощь.— Рон насутился и, отвернувшись, устоялся на вершины гор.

Брин не сводила с друида глаз. Это не все.

— А что он еще говорил, Алланон?

И снова друид покачал головой.

— Ничего. Это все.

Но он солгал! Брин поняла это сразу. Она чувствовала, что между ними, Алланоном и Бременом, произошло что-то такое темное и ужасное, о чем друид никогда не расскажет. Эта мысль испугала ее. Значит, и она тоже, как папа и прадедушка, должна стать слепым орудием в достижении цели, ей неизвестной и непонятной.

И вдруг вернулась еще одна мысль: «Та, кто спасает и разрушает». Она. Брин. Так сказал дух. Но как такое может быть?

— Он сказал мне еще одно,— внезапно заговорил друид, но Брин знала: это не то. То, что друид хочет скрыть, будет скрыто.— Паранор в руках мордов. Они сломали запоры и прорва-

лись сквозь магическую защиту, которая охраняла проходы. Две ночи назад Паранор пал. И теперь морды рыщут по залам Башни, разыскивая летописи друидов, хранящие тайны древних. У мордов уже есть немалая сила, но, если они найдут наши книги... их могущество возрастет. — Он пристально всмотрелся в лица притихших Рона и Брин. — А они найдут, если сейчас их не остановить. Этого не должно случиться.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что остановим их мы? — вдруг спросил Рон.

Глаза Алланона превратились в щелки.

— Больше никому.

— И сколько их там? — разъярился горец.

— Дюжина мордов и отряд гномов.

— И мы должны им помешать? — Рон подумал, что он услышался. — Ты, я и Брин? Втроем? И как, ты думаешь, мы это осуществим?

В глазах Алланона вспыхнул внезапный гнев. Рон Лих почувствовал, что зашел слишком далеко. Но теперь уже ничего не поделаешь, придется держаться. Друид почти вплотную подступил к горщу.

— Принц Лиха, ты с самого начала сомневался во мне, — произнес Алланон. — Я старался не обращать внимания, потому что ты пошел с Брин как ее защитник. Но теперь довольно. Хватит! Мне надоели твое постоянное недовольство и сомнения по поводу моих целей и средств. Да что говорить. Ты ведь заранее настроен против, что бы я ни сказал!

Рон старался произносить слова как можно тверже:

— Я не настроен против тебя. Но я — за Брин. И если что, я всегда на ее стороне, друид.

— Да будет так! — едва ли не прорычал Алланон и вдруг выхватил меч Лиха из потертых ножен, которые горец по традиции носил за спиной.

Рон побелел, уверенный, что сейчас его убьют; Брин с криком рванулась вперед, но друид удержал ее свободной рукой.

— Отойди, девочка. Это наше с ним дело. — Тяжелый, пронзительный взгляд впился в лицо принца Лиха. — Защитишь ли ты ее, горец, как мог бы я сам? Принял бы ты в себя силу, будь это возможно, равную моей?

Лицо Рона горело решимостью, которая стерла страх.

— Да.

Алланон кивнул.

— Тогда я дам тебе эту силу.

Он положил ладонь на плечо горца и подвел его к самому краю озера. Там друид отдал ему меч и указал на зеленые мутные воды.

— Опустит клинок в воду, принц Лиха, — повелел друид. — Но смотри, чтобы ни капли не попало на руку и рукоять. Вода не должна коснуться тебя. Для живой плоти это смерть.

Рон Лих неуверенно смотрел на него.

— Делай, как я сказал! — выдохнул Алланон.

Рон сжал зубы. Медленно он опустил клинок в дрожащие воды озера. Меч вошел так легко, словно здесь, у самого берега, не было дна. Слово прямо отсюда обрывалась пропасть. Когда клинок коснулся воды, она забурлила и зашипела, как кислота, разъедающая металл. Рон не на шутку перепугался, но рука его не дрогнула. Он твердо держал свой меч.

— Хватит, — сказал наконец друид. — Вынимай.

Рон медленно поднял меч. Клинок, когда-то отполированный до блеска, теперь стал черным; вода Преисподней струилась по всей его длине, обвивая клинок словно живая.

— Рон! — в ужасе прошептала Брин.

Горец держал меч перед собой, отведя его подальше, и не сводил глаз с воды, закрывшей собою металл.

— А теперь держи крепче. — Алланон вскинул руку. — Держи крепче, принц Лиха!

Синий огонь рванулся из пальцев друида ослепительным тонким лучом. Он пробежал по клинку, раскаляя его и сплавляя металл и воду воедино. Синий огонь стал уже белым, но странно: жар не шел дальше клинка — рукоять оставалась прохладной. Рон Лих отвел глаза, но меч держал крепко.

Через мгновение все закончилось, огонь иссяк, друид опустил руку. Рон Лих взглянул на свой меч, черный и сверкающий, как зеркальная гладь. Острый как бритва, даже на вид.

— Смотри внимательнее, принц Лиха, — проговорил Алланон.

Теперь подошла и Брин. Они оба уставились в черное зеркало — поверхность клинка. В глубинах металла медленно переливались пятна зеленоватого света.

Алланон подступил ближе.

— Это магия жизни и смерти, слитых воедино. И эта сила теперь твоя, горец. Ты теперь за нее отвечаешь, ты, защитник Брин Омсфорд. У тебя есть сила, равная моей. Меч даст ее тебе.

— Как? — тихо спросил Рон.

— Как всякий меч — он разрушает, и он отражает удары. Но разрушает не плоть и отражает не удары камня и железа, а магическую силу. Черную силу мордов. Отраженная или разрушенная, она не сможет причинить тебе вред. Ты на себя очень многое принял, принц Лиха. Ты станешь щитом этой девушки. До конца. Ты хотел быть хранителем, и я сделал тебя им.

— Но почему... почему ты мне дал?.. — Рон заикался.

Но друид повернулся и направился прочь. Рон ошалело глядел ему вслед.

— Это нечестно, Алланон! — прокричала Брин. Что он сделал с Роном?! Не помня себя, она рванулась за друидом. — Какое право?..

Она не успела закончить. Все вокруг будто взорвалось, и девушка, покачнувшись, упала на землю. Клубящийся алый огонь охватил Алланона, и он скрылся в пламени.

Все тело болело и ныло. Из последних сил Джайр Омсфорд сделал еще один шаг и вышел из сумрака ночи в рассвет — угрюмый туман и полумрак. Чернота и деревья разом отступили, как будто невидимый гигант сорвал занавес тьмы и настал новый день. Он был пустым и безбрежным, мир утонул в бездонных глубинах тумана. Ярдах в пятидесяти от того места, где стоял теперь Джайр, начинался туман и кончалось все остальное. Долинец сонно глядел на унылый сухостой и зеленоватые лужи, что простирались на этих пятидесяти ярдах между ним и туманом, и никак не мог сообразить, что же это такое.

— Где мы? — пробормотал он.

— Туманная топь, — ответил Слантер.

Долинец невидящим взглядом уставился на гнома. Тот смотрел на него так же устало.

— Слишком близко мы вышли — к самой трясине. Придется теперь обходить.

Джайр кивнул, пытаясь сосредоточиться. Черный и бесшумный, у него за спиной возник Гарет Джакс. Равнодушным взглядом он скользнул по лицу долинца и посмотрел на болота. Потом Мастер боя молча кивнул Слантеру, и гном повернул

обратно. Джайр поплелся следом; странно, в глазах Гарета Джакса не было и тени усталости.

Всю ночь они шли сквозь лабиринт Черных дубов. Долинец почти ничего не помнил. Так, какие-то обрывки: тьма, безмолвие и усталость. Только решимость помогала ему держаться на ногах. Силы давно иссякли. Даже страх отступил. И мысль о возможной погоне. Похоже, долинец спал прямо на ходу. Впрочем, какое там спал? Они только шли... шли...

Сильная рука оттащила Джайра от края трясины.

— Смотри, куда идешь, долинец.— Это был Гарет Джакс.

Джайр пробормотал что-то бессвязное и тут же споткнулся.

— Да ты погляди, он едва жив,— услышал он голос Слантера.

Юноша протер кулаками глаза. Слантер прав. Уже нет никаких сил. Больше не сделать ни шагу.

Но все-таки сделал. Он пробирался на ощупь сквозь туман и серый сумрак. Впереди маячила смутная фигура Слантера. Где-то рядом был Гарет Джакс. Джайр давно потерял ощущение времени. Казалось, уже много часов бредут они вдоль болота. Долинец сознавал только, что еще каким-то чудом держится на ногах и идет вперед. И каждый новый шаг дается все труднее. И все-таки он шел.

И вдруг...

— Проклятье! — пробормотал Слантер, и в тот же миг все болото, казалось, взорвалось изнутри.

Вода и склизкая тина рванулись вверх, обдав долинца зловонными брызгами. Рев вспорол утреннюю тишину, хриплый и пронзительный одновременно, и нечто громадное нависло над Джайром.

— Туманный призрак! — завопил Слантер.

Невольно Джайр отшатнулся и только потом увидел: огромный зверь, настоящее чудовище. Тело монстра под слоем тины и болотной слизи было покрыто чешуей. Казалось, его морда — это одна зубастая ощеренная пасть. Когтистые лапы тянулись прямо к долинцу. Джайр рванулся было бежать, но ноги будто вросли в землю и отказывались повиноваться. Тень чудовища уже закрыла собою серую мглу. Оно было совсем близко. Джайр чувствовал зловоние его пасти.

И тут что-то швырнуло долинца на землю; лапа чудовища пронеслась над ним в какой-нибудь паре дюймов. Словно сквозь

пелену, Джайр видел, как Слантер взмахнул мечом. Теперь гном стоял там, где еще секунду назад был долинец, и на него надвигался Туманный призрак. Да, меч, конечно, не самое подходящее оружие на этот случай. Один взмах лапы, и чудище выбило клинок из рук гнома. И в тот же миг вторая лапа впиалась когтями в тело Слантера.

— Слантер! — закричал Джайр, пытаясь подняться на ноги.

Но Гарет Джакс опередил его. Неуловимой тенью он рванулся вперед и, всадив черный посох в разверстную пасть чудища, пропихнул его поглубже в глотку. Обитатель трясин взревел от боли. Челюсти его сомкнулись, перекусывая дерево пополам. Чудище бросило гнома на землю и обеими лапами принялось выдергивать из горла обломки палки.

И снова Мастер боя бросился на него, теперь с мечом. Не успел Джайр и глазом моргнуть, Гарет Джакс уже всадил меч под нижнюю челюсть чудовища. Хлынула черная кровь. Джакс отпрянул. На этот раз рана была серьезной. Чудовище скорчилось от боли, потом пошатнулось и через секунду пропало во тьме и тумане.

Слантер пытался встать. Его трясло. Но Гарет Джакс почему-то решил поднять Джайра. Долинец восхищенно смотрел на него. С каким-то даже благоговением.

— Я никогда не видел... чтобы так быстро... двигались! — выдохнул он в три приема.

Гарет Джакс будто не слышал. Он сгреб юношу за воротник и потащил под деревья. Слантер поднялся и поспешил следом. Через мгновение у болота уже никого не было.

Алое пламя обьяло друида россыпью искр и языками огня — алое на сером свечении восхода. Слепленная вспышкой, Брин поднялась на колени и прикрыла рукой глаза. Друид упал на черные камни, окруженный огнем, бледное голубое сияние дрожало вокруг его тела, сдерживая пурпурное пламя. Магический щит, догадалась Брин, — защита Алланона против кого-то, кто напал так коварно.

Но кто? Брин огляделась и тут же увидела. В какой-нибудь дюжине ярдов. Черная тень, неподвижно застывшая в золотистых отблесках солнца, которое уже показалось над горизонтом. И красный огонь бьет из поднятых рук. Морд! Брин поняла это сразу. Он подкрался к ним беззвучно, застал врастлох

и напал на друида. Алланон не успел отразить удар и въжил лишь благодаря магической защите.

Брин поднялась на ноги. Она отчаянно закричала, чтобы хоть на мгновение отвлечь черную тварь. Но морд даже не шелохнулся, огонь не дрогнул. Непрерывным потоком он изливался из протянутых рук туда, где скорчился на камнях друид. Голубой щит пока еще сдерживал алую смерть. Черные камни, как осколки зеркал, отражали красное пламя. Казалось, вся земля обагрена кровью.

И вдруг Рон рванулся вперед и встал рядом с Брин, как зверь, готовый к прыжку.

— Дьявол! — в ярости ревел он.

Горец выхватил из ножен черный меч Лиха. Он больше не раздумывал, кого защищать и ради кого рисковать своей жизнью. В этот миг он стал истинным правнуком Мениона Лиха, горячим и бесстрашным. Инстинкт настоящего воина проснулся в нем. Выкрикивая боевой клич своих предков, Рон ринулся в атаку:

— За Лих! За Лих!

Он ворвался прямо в огонь и ударом меча разрубил алую сферу, в которую был заключен друид. Пламя осыпалось, как осколки стекла, с тела Алланона. Руки морда все посылали огонь, но, как железо к магниту, он тянулся теперь к черному мечу, которым размахивал рыжеволосый горец. Огонь ударялся об острие и стекал вниз по клинку. Но ни единая искра не коснулась рук Рона. Меч, казалось, впитывал пламя. Тогда принц Лиха просто встал между друидом и мордом, держа меч прямо перед собой. Вертикально, острием вверх. И по клинку плясал огонь.

Алланон поднялся с камней, такой же зловещий и черный, как его враг-призрак. Друид поднял руки, и из них метнулся синий огонь. Пламя ударило в морда и отшвырнуло его назад. Черный плащ призрака широко распахнулся, и беззвучный ужасный крик потряс сознание Брин. Еще раз вспыхнул огонь друида, и черная тварь рассыпалась пеплом. Пламя иссякло, разлетевшись золой и дымом. Тишина опустилась на Сланцевую долину. Меч Лиха сам собой опустился, лягнув о камни. Рон склонил голову. Брин подошла к нему и крепко-крепко обняла.

— Брин, — прошептал горец. — Этот меч... эта сила...

Он не мог закончить. Рука Алланона тихо легла ему на плечо.

— Тебе нечего бояться, принц Лиха. — Голос друида звучал устало, но все же уверенно. — Сила действительно принадлежит тебе. Ты сейчас доказал это. Ты — настоящий защитник Брин Омсфорд. И на этот раз — мой тоже.

Рука задержалась еще на мгновение, потом Алланон отвернулся и направился прочь.

— Морд был один, — проговорил он уже на ходу. — Иначе другие бы уже показались. Нам здесь нечего больше делать.

— Алланон... — начала было Брин.

— Идем, девочка. У нас мало времени. Паранору нужна наша помощь. Мы должны торопиться.

И, не оглядываясь назад, он зашагал вверх по склону. Брин и Рон послушно пошли за ним.

Глава 10

Только поздним утром Джайр со своими спутниками выбрался наконец из Черных дубов.

Перед ними простиралась пустынная страна: холмы — на севере, низины — на юге. Но не было ни времени, ни желания любоваться красотами края.

Изможденные путники буквально валились с ног. Правда, они все-таки нашли себе подходящее укрытие под сенью раскидистого старого клена, уже по-осеннему багряного. Заснули они в считанные секунды.

Джайр не имел ни малейшего понятия о том, стоял ли кто-нибудь в карауле, пока сам он спал, но разбудил его Гарет Джакс. Уже в сумерках. Мастер боя был сильно обеспокоен близостью Туманной топи и дубов и предложил подыскать для ночлега место побезопаснее. Низины Кургана битвы пользовались дурной славой, поэтому путешественники свернули на север, к холмам. Дневной сон подкрепил их; они прошагали несколько часов и только в полночь остановились в роще диких яблонь, заросшей густым кустарником. На этот раз Джайр настоял, чтобы все трое дежурили по очереди.

Весь следующий день они шли на север и к вечеру добрались до Серебристой реки. Ее чистые воды искрились в бледном свете солнца, медленно протекая мимо заросших дере-

вьями берегов, перекатываясь через каменистые отмели. Путешественники еще пару часов шли вдоль берега на восток по направлению к Анару. Туманная топь и Черные дубы остались далеко позади. По пути им встречались редкие прохожие, но ни гномов, ни черных странников не было видно.

Наступила ночь. Путешественники отыскивали небольшую поляну, окруженную кленами и орешником. Здесь, на холмике над рекой, они и решили остановиться на ночлег. Они даже рискнули разжечь костер, совсем маленький, отужинали наскоро сваренной похлебкой и разлеглись на земле, глядя на тлеющие угольки. Ночь выдалась ясной и теплой; над головой мирно мерцали звезды, складываясь в сияющие узоры на бархатно-черном небе. Выводили свои песни ночные птицы, попискивали насекомые, а внизу плескалась река. Сладковатый запах прелых листьев витал в прохладной тьме.

— Пойду соберу хвороста, — внезапно объявил Слантер, нарушая долгую тишину. Он тяжело поднялся на ноги.

— Я помогу, — вызвался Джайр.

Гном раздраженно сверкнул на него глазами.

— Я разве просил помочь? Управлюсь и сам. — И, нахмурившись, шагнул куда-то во тьму.

Джайр снова улегся. Удивительно: идут они вроде бы вместе, но друг с другом почти не разговаривают, а если и разговаривают, то как-то сухо и неприветливо. Ладно еще Гарет Джакс. Он молчун по натуре. Но замкнутость словоохотливого прежде гнома почему-то тревожила Джайра. Ему больше нравился другой Слантер: нагловатый, общительный, даже слегка болтливый — типичный грубоватый дядюшка. Но гном очень изменился. Непонятно с чего, он вдруг ушел в себя, замкнулся, как будто общество Джайра стало его тяготить.

Что ж, подумал долинец, отчасти и так. Ведь сначала Слантер не хотел идти. И именно он, Джайр, настаивал, чтобы гном пошел с ними. И что получилось? Гном оказался в компании своего бывшего пленника и человека, который ему ни на грош не доверяет, и тащился с ними с единственной целью, чтобы они благополучно добрались до карликов, с которыми гномы сейчас воюют. Помогая Джайру, Слантер стал предателем, перебежчиком. Приятного мало.

Да еще этот случай возле Туманной топи. Как гном отважно бросился на вырубку Джайру! Долинец до сих пор не мог

понять, что это на него нашло. Слантер ведь не из тех, кто себя забудет ради других. И опять же, что получилось? Долинца-то гном спас, но сам попался в лапы Туманному призраку, и Гарету Джаксу пришлось выручать его. Тоже приятного мало. Слантер ведь следопыт, а следопыты — гордое племя. Это они должны защищать людей, которых берутся вести, а не наоборот.

Вдруг над костром взвился сноп искр, и Джайр отвлекся. В дюжине футов от него зашевелился Гарет Джакс, приподнялся и огляделся. Долинец поймал взгляд его странных глаз и вновь про себя подумал: что он за человек, Мастер боя?

— Еще раз благодарю тебя, — сказал Джайр и уселся, подтянув колени к подбородку. — Ты меня снова спас. От той дряни в топи.

Гарет Джакс отвернулся и уставился на огонь. Джайр смотрел на него, раздумывая, надо ли еще что-нибудь добавить.

— Можно, я тебя кое о чем спрошу? — наконец произнес он.

Мастер боя пожал плечами: мол, ему все равно.

— Почему ты помог мне? Не у топи, а там, в дубах. Почему ты меня спас от гномов? — Долинец почувствовал на себе тяжелый взгляд и поспешил продолжить, не успев даже подумать как следует: — Я правда не понимаю, тебе-то зачем все это? Ведь ты меня тогда в первый раз видел. Мог бы спокойно пойти своей дорогой.

Гарет Джакс снова пожал плечами.

— Я и пошел своей дорогой.

— Не понимаю...

— Так получилось: наши дороги совпали.

Джайр нахмурился.

— Но ты ведь не знал, куда меня ведут.

— Почему же не знал? На восток. Куда еще может идти патруль гномов с пленником?

Джайр покачал головой. С этим, конечно же, не поспоришь. Но все равно непонятно: почему Джакс помог ему?

— Но меня-то тебе зачем было спасать? — настаивал он.

Мастер боя вдруг едва заметно улыбнулся.

— Ты что же, считаешь, что я — бесчувственный тип, которому чужды благородные порывы?

— Я этого не говорил.

— И говорить не надо. Но ты все равно прав: я действительно такой.

Джайр смущенно уставился на него.

— Я сказал: я действительно такой,— повторил Гарет Джакс.— Будь я другим, мне бы долго не протянуть. А уж я-то научился, как выживать в этом мире.

Настала долгая тишина. Джайр не знал, что еще сказать. Мастер боя подался вперед, к теплу костра.

— Просто меня все это заинтересовало. И ты тоже,— медленно произнес он, глядя долиnce прямо в глаза.— Наверное, поэтому я и спас тебя. Теперь меня мало что может заинтересовать...

Он замолчал, и взгляд его стал каким-то отрешенным. Но уже через мгновение Гарет Джакс снова пристально смотрел на Джайра.

— Значит, ты связан и с кляпом во рту. И девять вооруженных до зубов гномов. Очень странно. Они боялись тебя. Это меня и заинтриговало. Мне захотелось узнать, чего они так испугались.— Он пожал плечами.— И я подумал, что это стоит того, чтобы тебе помочь.

Джайр во все глаза уставился на него. Обыкновенное любопытство? Гарет Джакс его спас оттого, что ему стало вдруг любопытно? Нет, тут же понял долинец, было что-то еще.

— Они испугались магии,— вдруг сказал он.— Хочешь, я покажу тебе ее?

Гарет Джакс снова смотрел в огонь.

— Может, потом как-нибудь. Наш поход не скоро еще закончится.— Он не выказал ни малейшего интереса.

— И вот поэтому ты потащил меня с собой в Кулхейвен? — возобновил долинец свои расспросы.

— Отчасти.

Недосказанность словно нависла над ними. Джайр беспокойно заерзал.

— А тогда что еще?

Мастер боя ничего не ответил. Он даже не глядел на долинца. Поплотнее запахнув черный плащ, Гарет Джакс привалился спиной к огромной коряге и смотрел на огонь.

— Ну а Слантер? — Джайр попробовал подобраться с другого боку.— Почему ты спас его, а не оставил этому обитателю трясин?

Гарет Джакс вздохнул.

— Ну оставил бы. И что, ты стал бы от этого чуть счастливее?

— Нет, конечно. Что ты хочешь сказать?

— Похоже, у тебя уже сложилось обо мне твердое представление, что я никогда ничего не делаю просто так. Не верь всему, что болтают. Ты молод, но вовсе не глуп.

Джайр вспыхнул.

— Но все равно ты ведь его недолюбливаешь?

— Ну как я могу его недолюбливать — я его совсем не знаю. Да, согласен: я не люблю гномов. Но этот уже дважды рисковал собой, чтобы спасти тебя. Это чего-то да стоит. Вот я и спас его. — Он резко отвел взгляд в сторону. — И потом, ты вроде как привязан к нему и вовсе не хочешь, чтобы с ним что-то случилось. Я не прав? Прав. Вот видишь, это само по себе любопытно. Я уже говорил, ты меня заинтересовал.

Джайр задумчиво кивнул.

— И ты меня тоже.

— Ладно. По пути в Кулхейвен у нас обоих будет о чем подумать.

Разговор сам собой оборвался. Джайр был доволен, что удалось кое-что узнать о причинах, побудивших Мастера боя помочь ему и Слантеру, но сегодня ему — это ясно — больше уже ничего не добиться от Гарета Джакса. Человек этот так и остался загадкой, разгадать которую совсем непросто.

Костер уже почти догорел; Джайр вспомнил, что Слантер ушел за хворостом и до сих пор не вернулся. Еще минуту долинец подумал и вновь обратился к Гарету Джаксу:

— Как бы чего не случилось со Слантером. Что-то его долго нет.

Мастер боя покачал головой.

— Гном в состоянии сам о себе позаботиться. — Он встал и втоптал в землю умирающее пламя. — Нам все равно костер больше не нужен.

Вернувшись на свое место у коряги, Гарет Джакс завернулся в плащ и через пару секунд уже спал. Джайр лежал тихо, прислушиваясь к его дыханию и вглядываясь в темноту. Потом это ему надоело. Долинец встал, плотнее запахнул плащ и снова улегся. Все-таки он немного переживал за Слантера,

но Джакс был прав: гном в состоянии сам о себе позаботиться. К тому же Джайру вдруг так захотелось спать. Он поглубже вдохнул теплый воздух ночи и закрыл глаза. Через пару мгновений долинец поймал себя на том, что думает о Брин, Роне и Алланоне. Где-то они теперь?

Потом мысли его разбрелись. Джайр заснул.

А на холме, возвышающемся над рекой, под старой ивой в одиночестве сидел Слантер и тоже о многом думал. Он думал о том, что пора бросать это дело и уходить. А все долинец, этот мальчишка. Подумать только, втравил его, Слантера, в столь безумное предприятие! Да еще предложил ему взятку, как будто гном может унизиться до того, чтобы принять взятку от какого-то мальчишки! Но, с другой стороны, Джайр, похоже, хотел как лучше. Достаточно уже того, что мальчик хотел, чтобы гном пошел с ним. Да и сам долинец нравится гному. В этом долинце есть какая-то сила, да.

Гном подтянул колени к подбородку и задумчиво обхватил их руками. Но все равно это дурацкая затея. С самого начала. Он теперь топает напрямик во вражий стан. Не то чтобы Слантер питал личную неприязнь к карликам и всех поголовно считал своими врагами. Нет, конечно. Ему вообще наплевать на карликов, если уж на то пошло. Но сейчас карлики воюют с гномами и вряд ли станут разбираться в его, Слантера, чувствах по отношению к ним. Достаточно одного того, что он — гном. Гном, и этим все сказано.

Он покачал головой. Слишком большой риск. И все ради этого мальчишки, который, похоже, и сам не знает, чего хочет. К тому же Слантер пообещал довести его только до границы Анара. А они уже почти пришли. К концу завтрашнего дня они должны добраться до леса.

Вот так-то. Гном глубоко вздохнул и встал. Пора уходить. И так вот всю жизнь: приходиться, уходить — жизнь следопыта. Мальчик, наверное, сначала расстроится, ну да ладно, переживет. К тому же с долинцем останется Гарет Джакс, так что с ним ничего не случится. Быть может, так даже будет и лучше.

Гном с раздражением потряс головой. И нечего называть Джайра мальчиком. Он сам, когда в первый раз уходил из дома, был еще моложе, чем долинец. И если нужно, Джайр сумеет

сам за себя постоять. По правде говоря, никто ему не нужен: ни Слантер, ни Гарет Джакс. Пока он владеет этой магией — никто.

Слантер еще мгновение колебался, в который раз обдумывая все заново. Он так ничего и не разузнал о магии — это плохо. Магия интересовала его: как это мальчик голосом может?.. Нет, он ведь решил. Это — Восточные земли. Когда рядом карлики, гному там нечего делать. Лучше всего ему держаться своих. Но «своих» у него уже нет. Итак, обратно в лагерь, тихонько забрать свои вещи — и на север, к границе.

Он нахмурился. Может быть, это все потому, что долинец еще такой юный...

Слантер, хватит об этом!

Без дальнейших колебаний он повернулся и растворился в ночи.

А Джайр Омсфорд тем временем спал и видел сны. Он скакал на коне по холмам, по лугам, сквозь дремучие сумрачные леса, и ветер свистел у него в ушах. Брин ехала рядом; во сне ее волосы были необыкновенной длины и развевались у нее за спиной, как черный плащ. Они оба молчали, но каждый знал мысли другого. В бешеной скачке они пролетали незнакомые земли — наяву Джайр там никогда не был, — дикие, бескрайние просторы. Опасности подстерегали повсюду: Туманный призрак, смердящая тварь из болот; гномы со злобными желтыми лицами; морды, призрачные фигуры, жуткие и безликие, что тенями выныривали из тьмы. Были еще и другие — ужасные твари без формы и облика, невидимые, но ощущаемые где-то рядом; и ощущение их незримой близости пугало больше, чем любое, пусть даже самое отвратительное, обличье. И эти злобные твари пытались схватить Джайра и Брин — когти и зубы кромсали воздух, глаза мерцали, как алые угли, из черноты ночи, — схватить, стащить на землю и разорвать на куски. Но каждый раз им не хватало буквально одной секунды, и их жертвы ускользали. Быстрые кони уносили брата с сестрой от погони.

Но погоня не прекращалась. Ведь это был сон. Сон о бесконечной скачке по незнакомому краю, простирающемуся до самого горизонта. И пусть этим злобным тварям не удавалось схватить их — впереди всегда поджидали другие. Поначалу Джайра

и Брин наполняло радостное возбуждение. Они были свободны и неуловимы, и ничто не могло причинить им вреда. Но потом что-то изменилось. Что-то коварное, непостижимое тихонько закралось в их души и вдруг разрослось и захлестнуло их. У него не было имени. Вкрадчивым голосом шептало оно, что им не уйти от погони, ибо темные твари, поджидающие их на дороге, — это всего лишь часть их самих, Брин и Джайра. Нет на свете таких коней, что унесут тебя от себя самого.

«Загляните в себя, — уговаривал голос, — и там вам откроется правда».

«Ну же!» — в ярости проревел Джайр, подгоняя коня.

Но голос не умолкал, а небо над головой с каждой секундой темнело, краски земли поблекли, и все вокруг стало серым и мертвым.

«Ну же!» — покрикивал Джайр.

Но тут он почувал неладное — что-то с Брин — и повернулся к сестре. Ужас затмил глаза: Брин не было рядом. Темные твари все-таки добрались до нее, закружили в черном вихре и, поглотив, продолжали тянуться... тянуться...

Джайр вздрогнул и открыл глаза. Он весь взмок. Над головой бледным светом мерцали звезды. Спокойная, мирная ночь. Но этот сон... Он не стерся, не растворился при пробуждении. Такой яркий, живой. Джайр помнил все, каждую деталь.

И тут он сообразил, что костер снова ярко пылает, пламя дрожит и трещит, облизывая темноту. Кто-то принес дрова и разжег огонь.

Слантер?..

Джайр поспешно сел и принялся оглядываться по сторонам. Слантера что-то не видно. В дюжине футов преспокойно спит Гарет Джакс. Все по-прежнему. Все, кроме костра.

И вдруг кто-то выступил из ночи — худой и высокий старик в белых одеждах. Не дряхлый, но древний. Седой как лунь. И седина будто присыпана серебром. Доброе лицо, обожженное солнцем, ветром и неумолимым временем. Посох в руке. Тепло улыбаясь, старик шагнул в круг света и остановился там.

— Здравствуй, Джайр.

Долинец ошарашенно уставился на него.

— Здравствуй.

— Знаешь, в снах иногда открывается будущее. И бывает еще, сны говорят, чего надо поостеречься.

Джайр будто язык проглотил. Старик обошел костер и встал рядом с долиномцем. Потом осторожно опустился на землю. Кажалось, поднимись сильный ветер, и старика просто сдует с земли.

— Ты меня не узнал, Джайр? — Голос как шепот самой тишины. — Вспомни.

— Я не... — начал было долинец, но внезапно остановился. Там, глубоко внутри, будто что-то раскрылось; Джайр знал, кто сидит сейчас рядом с ним.

— Ну же, произнеси мое имя. — Старик улыбнулся.

Джайр сглотнул.

— Ты — король Серебристой реки.

Тот кивнул.

— Да. И еще я твой друг. А когда-то был другом твоему отцу и еще раньше — прадеду. Тем, чья жизнь сплетена с жизнью земли и отдана служению ей.

Джайр молча глядел на него и вдруг вспомнил, что совсем рядом спит Гарет Джакс. А что, если Мастер боя проснется?..

— Он будет спать, пока мы говорим, — получил он ответ на невысказанный вопрос. — Этой ночью никто нас не потревожит, дитя жизни.

Дитя? Джайр фыркнул. Но уже в следующее мгновение его досада прошла, растворившись в тепле, нежности и любви, которыми лучилось доброе лицо короля. На него просто нельзя сердиться и обижаться. Можно лишь благоговеть перед ним.

— А теперь слушай, — шептал древний голос. — Ты мне очень нужен, Джайр. Пусть душа твоя слышит, и видит, и понимает.

И вдруг реальный мир будто бы отступил куда-то, и в сознании долинца возникли видения и образы. А голос старика, тихий и странно печальный, оживлял их.

Перед Джайром простерлись леса Анара, а над ними — Вороний срез, горный кряж, застывший черными кругами в лучах алого солнца. Между вершинами гор змеилась Серебристая река — яркая лента света на темных камнях. А сам Джайр словно бы поднимался вверх по реке, все дальше в горы, пока не добрался до истоков. Высоко, у самого неба, на одинокой вершине был колодец, питаемый подземными водами, что пробивались сквозь камень, чтобы, поднявшись на поверхность земли, начать свой долгий путь на запад.

Но это еще не все. Под одинокой вершиной, теряясь во тьме и тумане, зияла черная яма. Шероховатые стены скал подступали к ней со всех сторон. Из ямы до самой вершины горы тянулась узенькая спираль — лестница в камне. И по ней поднимались морды. Вот они уже сгрудились у колодца и смотрят на воду. А потом все разом склонились и руками коснулись воды. В мгновение ока она напиталась ядом и из кристально-прозрачной стала мертвенно-черной. И черные воды потекли вниз, сквозь великие леса Анара, где жили карлики, к землям короля реки, к Джайру... Черные отравленные воды.

Отравленные! Слово пронзило сознание долинца. Серебристая река несет яд, и земля умирает...

Образы разом пропали. Джайр моргнул. Старик снова был рядом и улыбался печально.

— Из недр Мельморда поднялись морды по тропе, что зовут они Крух, к Колодцу небес, источнику жизни Серебристой реки, — шептал он. — С каждым днем яда все больше и больше. Еще немного, и уже ничего нельзя будет сделать. Река захлебнется отравой. Когда это случится, Джайр Омсфорд, все живое, что питают ее воды, от Западного Анара до Радужного озера, умрет.

— Но ты разве не можешь все это остановить? — почему-то сердито пробормотал долинец, морщась от боли при одном только воспоминании о своих видениях. — Разве не можешь ты пойти туда и помешать им, пока не поздно? Ведь ты сильнее, чем эти призраки!

Король Серебристой реки тяжело вздохнул.

— В своей стране я — закон и жизнь. Но только здесь. За пределами этой земли моя сила не действует. Я делаю все, что могу, чтобы очистить воды в стране Серебристой реки, но для других краев не могу ничего. И моей силы не хватит, чтобы вечно удерживать яд. Когда-нибудь он просочится сюда. Рано или поздно мне придется сдаться.

В дрожащем свете пламени Джайр и король Серебристой реки смотрели в лицо друг другу. Оба молчали. Долинец лихорадочно соображал.

— А Брин? — внезапно воскликнул он. — Ведь они с Аллаоном пошли уничтожить сам источник силы мордов! Когда они это сделают, разве яд не исчезнет?

Старик заглянул ему в глаза.

— В своих снах я видел твою сестру и друида, дитя. У них ничего не получится. Ибо они как листья, гонимые ветром. И оба сгинут.

Джайр похолодел. В оглушительной тишине он смотрел на старика. Сгинут! Брин навсегда исчезнет...

— Нет,— хрипло выдохнул он.— Нет, ты просто не знаешь.

— Ее еще можно спасти,— донесся ласковый голос.— Ты можешь ее спасти.

— Как? — прошептал Джайр.

— Ты должен пойти к ней.

— Но я даже не знаю, где она!

— Ты должен пойти туда, куда она тоже придет. Ты — мой избранник, ты пойдешь вместо меня как спаситель земли и жизни. Все мы связаны невидимыми нитями, и теперь эти нити запутались. Но та нить, которую ты держишь в руках, расплетет все остальные.

Джайр не понял, о чем говорит старик, да и вникать не стал. Что ему до каких-то там нитей! Главное — помочь Брин.

— Скажи, что я должен делать.

Старик кивнул.

— Сначала дай мне эльфийские камни.

Эльфийские камни! Джайр совершенно забыл о них. Вот что ему сейчас нужно: их мощь вдребезги разнесет магическую силу мордов и всех остальных злобных тварей, которых призраки могут призвать, чтобы остановить его!

— Ты не можешь заставить их действовать для меня? — возбужденно заговорил долинец, извлекая из-за пазухи кошель с эльфинитами.— Показать мне, как вызвать силу?

Но король покачал головой.

— Нет, я не могу. Сила их — не твоя. Она подчиняется лишь тому, кому камни были даны по доброй воле. А тебе их никто не давал.

Джайр сник.

— Тогда что же мне делать? Что мне за польза от камней, если...

— Польза есть. И немалая, Джайр,— прервал его осторожно старик.— Но сначала ты должен отдать их мне. Отдать совсем.

Джайр растерянно смотрел на него. В первый раз он колебался, не желая верить старику. Рискуя жизнью, он забрал эль-

финиты из дома и все это время хранил, надеясь в конце концов разобраться, как они действуют. Эльфийские камни — его единственное оружие, и теперь он должен его отдать?

— Дай их мне,— повторил тихий голос.

Еще мгновение Джайр колебался, не в силах решиться на что-либо. А потом медленно протянул камни королю Серебристой реки.

— Ты правильно поступил,— одобрил его старик.— Ты достойный наследник своих предков, сильный духом и благоразумный. Вот потому я и выбрал тебя. Эти качества очень помогут тебе.

Он спрятал эльфийские камни под плащом и достал из кармана другой кошелек.

— Здесь — Серебряная пыль, она вернет жизнь водам Серебристой реки. Ты должен дойти до Колотца небес и высыпать ее в отравленную воду. Тогда река снова станет чистой. А ты узнаешь, как вернуть сестру самой себе.

Вернуть Брин самой себе? Джайр растерянно покачал головой. Что старик этим хотел сказать?

— Она потеряет себя.— Король Серебристой реки словно снова прочел его мысли.— Твой голос поможет ей найти дорогу назад.

Джайр все равно ничего не понял. Он хотел было расспросить старика, но тот медленно покачал головой:

— Слушай, что я скажу.— Он протянул руку, и кошелек с Серебряной пылью оказался в ладони долинца.— Теперь мы с тобой связаны друг с другом. Мы обменялись доверием. А теперь обменяемся магической силой. Твоя сила для тебя бесполезна, как и моя для меня. Потому я забираю твою и взамен отдаю свою.— Он снова вытащил что-то из-под плаща.— Есть три эльфинита: для тела, для разума и для сердца. Магические силы трех сплетаются и слагаются в одну. Значит, я тебе должен три магических дара. Сначала — вот это.

В его руке сверкнул кристалл на тонкой серебряной цепочке. Старик передал его Джайру.

— Кристалл видения — для разума. Спой ему свое заклятие, и он покажет тебе лицо сестры, где бы она ни была. Обращайся к нему, когда нужно будет узнать, что с ней происходит. А тебе нужно будет это знать, потому что ты должен добраться до Ко-

лодца небес прежде, чем она попадет в Мельморд. — Легкая рука легла на плечо долинца. — Для тела — сила, что проведет тебя на восток и поможет одолеть все препятствия на пути. Эту силу найдешь ты в тех, кто пойдет с тобой, ибо ты пойдешь не один. И значит, каждого осенит мое могущество. Оно начинается и кончается здесь. — Он указал рукой на спящего Гарета Джакса. — Когда будет нужно, он всегда будет рядом. Вот твой защитник, и он будет с тобою, пока ты не выйдешь к Колодцу небес. — И снова король повернулся к Джайру: — И последний дар, дитя. Для сердца. Самый главный. Один только раз сможешь ты обратиться к заклятию и получить не иллюзию, но реальность. И это спасет твою сестру. Там, у Колодца небес, ты пропоешь эту песнь желаний. Только там.

Джайр покачал головой.

— Но как? Что я должен для этого сделать?

— Я не могу рассказать тебе то, что ты должен решать сам, — ответил король Серебристой реки. — Когда ты высыплешь Серебряную пыль в Колодец небес и воды его вновь обретут чистоту, брось туда же кристалл. И тогда узнаешь ответ. — Он подался вперед и предупреждающе поднял руку: — Но помни: ты должен добраться до колодца раньше, чем твоя сестра вступит в Мельморд. Ей предназначено войти туда. И ты должен быть уже у колодца, когда это случится.

— Я буду, — прошептал Джайр и крепко сжал в ладони кристалл.

Старик кивнул.

— Я верю в тебя. Теперь жизнь земли и народов зависит лишь от тебя, ты не должен их подвести. У тебя есть мужество, а это самое главное. У тебя все получится. Повтори, Джайр.

— У меня все получится.

Король Серебристой реки осторожно поднялся с земли. Белый и легкий, как призрак в ночи. Внезапно на Джайра навалилась неодолимая усталость, он упал на свой расстеленный плащ. Покой и тепло разлились по всему телу.

— Ты стал мне ближе, чем кто бы то ни было. Ты стал частью меня. — Голос пробился к долидцу будто издалека. — Дитя жизни, магия сделала это. Все изменяется в мире, но прошедшее мчится вперед и становится тем, чем должно было стать. Так было с твоим прадедом и отцом. И так будет с тобой.

Образ короля бледнел, растворялся в свете костра, словно дым. Джайр смотрел на него, но сон уже застилал глаза, и все вокруг расплывалось.

— Когда ты проснешься, все будет как прежде, за одним исключением: я приходил. А теперь спи, дитя жизни. Мир тебе. Глаза Джайра послушно закрылись. Он спал.

Глава 11

Когда Джайр проснулся, уже рассвело. Солнечный свет лился теплым потоком на еще влажную от росы землю. Долинец лежал, глядя в безоблачное голубое небо, и вдыхал запах хлеба и вареного мяса. Склонившись над костром, спиной к Джайру, Гарет Джакс готовил завтрак.

Юноша огляделся. Слантера так и не было.

Все будет как прежде...

Внезапно он вспомнил все, что случилось ночью, и резко сел. Король Серебристой реки, или это был только сон? Джайр поднес ладони к лицу. Кристалла не было. Вчера, засыпая, долинец сжимал кристалл — если, конечно, он существовал — в руке. Джайр искал на земле и в складках расстеленного плаща. Никакого кристалла. Значит, все-таки это был сон. Юноша обшарил карманы рубашки. Так, кошель на месте. Эльфийские камни с ним. Или это кошелек с Серебряной пылью?

— Ищешь что-нибудь?

Джайр вскинул голову — Гарет Джакс смотрел прямо на него.

— Да нет, я просто... — пролепетал долинец, мотнув головой.

И тут краем глаза заметил какой-то блеск у себя на груди под растянутой сверху рубашкой. Джайр опустил глаза: серебряная цепочка.

— Завтракать будешь? — спросил Гарет Джакс.

Но Джайр не слышал. Так, значит, не сон. Все это было на самом деле. Рука сама потянулась к цепочке, пальцы скользнули по серебряной ниточке вниз и прикоснулись к кристальному оку.

— Будешь завтракать или нет? — уже раздраженно повторил Гарет Джакс.

— Да, я... да, буду. — Джайр подошел к костру и уселся рядом с Мастером боя.

Получив тарелку, он низко склонился над ней, чтобы скрыть свое возбуждение, и принялся за еду.

— А где Слантер? — спросил он чуть позже. Странно, что гнома нет до сих пор.

Гарет Джакс пожал плечами.

— Он не возвращался. Я, как встал, поискал его. Следы ведут вниз, к реке, а оттуда — на запад.

— На запад?! — Джайр даже есть перестал. — Но ведь Анар совсем в другой стороне.

Мастер боя кивнул:

— Боюсь, твой приятель решил удрать. С гномами всегда так — ненадежный народ.

Что-то шевельнулось в душе Джайра. Разочарование — да. И еще — обида. Значит, Слантер их бросил и отправился своей дорогой? Но почему вот так, украдкой? Даже не попрощавшись... Неужели трудно хотя бы сказать «до свидания»? Джайр снова принялся за еду. Ладно, не стоит забивать себе этим голову. Ему и кроме гнома есть о чем подумать.

О короле Серебристой реки, например. Этой ночью король говорил с ним и поручил важное дело. Теперь Джайр должен идти в Анар, в Вороний срез, в самое логово мордов. К одинокой горе, что зовется Колодец небес. Даже для опытного охотника задача не из простых. А какой уж из Джайра охотник, ему и до обычного-то воина далеко. Решимость и смелость — еще не все. Но он пойдет. Он все равно пойдет. Вот только ему нужна помощь. А где ее взять?

Джайр с любопытством взглянул на Гарета Джакса.

«Вот твой защитник, — так сказал король Серебристой реки. — Я дам ему силу выстоять против опасностей, поджидающих вас на пути. Когда нужно, этот человек всегда будет рядом с тобой».

Джайр нахмурился. Ну а сам-то Гарет Джакс знает об этом? Похоже, что нет. Если б ему этой ночью тоже явился старик, Мастер боя, наверное, уже рассказал бы об этом Джайру. Или хотя бы обмолвился вскользь. Значит, долинец придется все объяснять самому. Но как ему убедить Гарета Джакса пойти с ним в Анар? Да что там! Как убедить, что все это вообще не привиделось Джайру во сне? Долинец обдумывал, как это луч-

ше сделать, и вдруг, к его несказанному изумлению, из-за ближайших деревьев вышел Слантер.

— Там еще что-нибудь есть, в котелке? — спросил гном, сердито поглядывая то на Джайра, то на Гарета Джакса.

Мастер боя молча протянул ему тарелку. Гном сбросил на землю свой дорожный мешок, уселся у костра и положил себе двойную порцию мяса, отхватив притом изрядный ломоть хлеба. Джайр во все глаза таращился на него. Измотанный и раздраженный, гном явно не спал всю ночь.

Почувствовав на себе пристальный взгляд долинца, Слантер резко вскинул голову.

— Тебя что-то беспокоит? — фыркнул он.

— Да нет, ничего. — Джайр поспешно опустил глаза. — Интересно просто, где ты был.

Слантер уставился в свою тарелку.

— Решил спать у реки. Там прохладнее. У костра слишком жарко.

Джайр невольно скосил глаза на дорожный мешок гнома. Слантер заметил это и дернулся.

— Ну захватил мешок и поднялся немного вверх по реке. Так, на всякий случай. Чтобы убедиться, что ничего... — Он внезапно оборвал себя. — Я не обязан перед тобой отчитываться, мальчик! Какая разница, где я был? Теперь-то я тут. Вот и отстань от меня! — И он жадно набросился на еду.

Джайр украдкой взглянул на Гарета Джакса, но того, похоже, все это вообще не интересовало. Долинец снова испытующе уставился на Слантера. Конечно, он лжет: следы ведь вели на запад, вниз по реке. Так сказал Гарет Джакс. Но тогда почему гном вернулся?

Если только...

Стоп, сказал себе Джайр. Идея казалась настолько безумной, что он не мог даже в мыслях облечь ее в слова. И все-таки... все-таки... Ведь могло так случиться, что король Серебристой реки своей магией привел гнома обратно. А Слантер и сам не понял, что такое с ним случилось. Старик мог предвидеть, что Джайру понадобится следопыт — гном, хорошо знающий Восточные земли.

И тут долинцу пришло на ум, что, быть может, и Гарета Джакса свел с ним король Серебристой реки. Ведь почему-то

Мастер боя спас его там, в Черных дубах. Помог и сам толком не понял, с чего это вдруг. Возможно такое?

Джайр давно перестал есть. Он сидел словно в каком-то оцепенении и все думал и думал. Да, это многое объясняет. Например, почему и Слантер, и Гарет Джакс с такой неохотой говорят о причинах своего нынешнего поведения. Потому что и сами их толком не понимают. Но если это так, тогда получается, что и он, Джайр, оказался здесь потому, что так задумал король Серебристой реки. Быть может, вообще все, что случилось с долинцем, случилось по воле старика?

Гарет Джакс уже покончил с завтраком и теперь тщательно затапывал костер. Слантер тоже поднялся и молча подобрал с земли свой мешок. Джайр продолжал сидеть. Он думал, что ему делать. Нельзя же просто так промолчать.

— Пора в путь, — обратился к нему Гарет Джакс и махнул рукой: вставай, мол, что сидишь. Слантер уже шагнул под деревья.

— Подождите... одну минуту. — Долинец медленно поднялся на ноги. — Сначала я вам кое-что расскажу...

И он рассказал им все. Конечно, он вовсе не собирался этого делать, но, говоря об одном, нельзя было не упомянуть о другом, — слово за слово, и Джайр сам не заметил, как выложил все. Как Алланон пришел к ним в Тенистый Дол и рассказал об Идальч; как Брин и Рон Лих ушли с друидом на восток, к Мельморду; как прошлой ночью ему явился король Серебристой реки и послал к Колодцу небес.

Когда Джайр закончил, настала долгая тишина. Гарет Джакс снова уселся на свою корягу и не сводил с долинца пронизывающих серых глаз.

— Так я — твой защитник? — тихо спросил он.

Джайр кивнул.

— Он так сказал.

— А если я не соглашусь?

Джайр покачал головой.

— Я не знаю.

— Чего только мне в жизни не приходилось слышать, но такой чуши — никогда! — внезапно взорвался Слантер. — Ты сам-то понимаешь, что несешь? Какого черта тебе это надо? Нет, ты как хочешь, но в такой бред я ни за что не поверю, и не надейся!

— Пожалуйста, можешь не верить. Но это все правда.

— Правда? Сейчас я тебе покажу, какая такая правда! — Гном буквально взбесился. — Король Серебристой реки говорил с тобой? И подарил тебе магию? И поэтому мы все должны теперь тащиться в Анар? И не просто в Анар, а прямо в лапы к черным странникам! В Мельморд! Да ты сбрендил, мальчик! Вот где правда: головой повредился!

Джайр достал из кармана кошелек с Серебряной пылью:

— Вот что он дал мне, Слантер. И еще это. — Он снял с шеи цепочку с кристаллом видения. — Видишь? Они тут, у меня. На, посмотри.

Слантер отмахнулся обеими руками.

— И смотреть не стану! Даже слушать не желаю! И вообще я не знаю, что я тут до сих пор еще делаю. — Он даже отвернулся. — И вот что: я в Анар не пойду, будь у тебя хоть тысяча волшебных кристаллов и целая гора Серебряной пыли! Поищи кого-нибудь другого, кому жизнь надоела, а от меня отстань!

Пока гном бушевал, Гарет Джакс подошел к Джайру, взял у него кошелек и заглянул внутрь.

— По мне, так обычный песок, — сказал он, невозмутимо глядя на долинца.

Джайр склонился над раскрытым кошельком. Действительно, похоже на простой песок. В Серебряной пыли не было и крупички серебра.

— Быть может, она специально меняет цвет. Чтобы не украли, — задумчиво пробормотал Мастер боя, и взгляд его стал отсутствующим.

Слантер опешил.

— Ты что, действительно веришь...

— Я ни во что не верю, гном, — оборвал его Гарет Джакс. В его глазах вновь появился стальной блеск. — А ну-ка попробуем испытать этот дар. — Он уже обращался к Джайру. — Возьми кристалл и спой ему.

Джайр смутился.

— Но я не знаю как.

— Не знаешь как? — хмыкнул Слантер. — Вот черт!

— Вот заодно и узнаешь. — Гарет Джакс оставался невозмутимым. — По-моему, самое время.

Джайр вспыхнул и опустил глаза на кристалл, лежащий у него в руке. Они оба не верят ни единому его слову. Впрочем, их нельзя в этом винить. Джайр и сам никогда не поверил бы,

не случись это с ним самим. Но ведь случилось! И слишком уж ярко и убедительно, чтобы быть просто сном. Он глубоко вздохнул.

— Я попробую.

И долинец запел, совсем тихо. Он держал кристалл перед собой в ладонях; серебряная цепочка проскользнула между пальцами и слегка покачивалась в такт мелодии. Джайр не знал, что нужно делать, чтобы оживить кристалл. Он просто взывал к нему песнью и просил показать Брин.

И камень откликнулся почти мгновенно. В ладонях долинца вспыхнул белый свет. Джайр вздрогнул от испуга и едва не выронил кристалл. Шарик света, будто живой, дрожал и разбухал, пока не стал размером с детский мячик. Гарет Джакс наклонился поближе и весь напрягся. Даже Слантер медленно подошел с дальнего края поляны.

И вдруг в белом сиянии возникло лицо Брин, печальное и прекрасное, а за ним — крутые склоны гор на фоне зловеще-серого рассвета.

— Брин! — прошептал Джайр.

На мгновение ему показалось, что сейчас она ответит, настолько реальным было ее лицо в сияющем ореоле. Но взгляд Брин блуждал где-то далеко, и голос брата никак не мог долететь до нее. И тут видение пропало. От волнения Джайр замолчал. Песнь оборвалась — и магическая сила кристалла рассеялась. В ту же секунду исчезло и сияние. Руки долинца снова сжимали прохладный кристалл.

— Это где? — выдохнул он.

Гарет Джакс покачал головой.

— Я не уверен. Возможно...— Но он не закончил.

Джайр повернулся к Слантеру, но тот тоже потряс головой.

— Не знаю. Все произошло так быстро. Как ты это делаешь, мальчик? Это все песнь? Твоя магия?

— И магия короля Серебристой реки,— быстро добавил Джайр.— Ну, теперь ты мне веришь?

Слантер угрюмо покачал головой.

— В Анар я не пойду,— пробурчал он.

— Но ты нужен мне, Слантер!

— Нет, не нужен. С такой магией тебе никто не нужен.—

Гном отвернулся.— Просто спой свою песнь, и Мельморд расступится перед тобой, как и перед твоей сестрой.

Джайр едва справился с внезапно вспыхнувшим гневом и медленно положил кристалл и кошелек с Серебряной пылью обратно в карман.

— Тогда я пойду один! — с жаром выпалил он.

— Ну, пока еще не один.— Забросив за плечо котомку, Гарет Джакс направился прочь с поляны.— Сначала мы с гномом доставим тебя в Кулхейвен. В целости и сохранности. Там ты расскажешь все карликам. Друид и твоя сестра наверняка тоже шли через Кулхейвен. Если же нет... все равно карлики что-нибудь знают о них. Должны знать. А заодно и попробуем выяснить, что ты такое нам тут понарасказывал.

Джайр бросился следом за Мастером боя.

— Так ты, значит, думаешь, что я все это выдумал? Нет, ты послушай меня. Ну зачем бы я стал это делать? Какая мне от этого польза? Давай, скажи мне!

Гарет Джакс на ходу подхватил с земли плед и плащ Джайра и сунул их в руки долинца.

— И не трать понапрасну время, гадая, о чем я думаю,— спокойно ответил он.— Я тебе сам все скажу, когда будет нужно.

Они шагнули под деревья и пошли по тропе, что бежала на восток вдоль берега Серебристой реки. Слантер с какой-то досадой смотрел им вслед, пока они не пропали из виду. И только тогда подхватил свой мешок и поспешил вдогонку.

Глава 12

Почти три дня Брин Омсфорд, Рон Лих и Алланон добрались до башни Паранора. Путь их лежал на север: друид выбрал самую длинную дорогу — по угрюмому краю отвесных скал, узких ущелий и дремучих лесов. Но зато там не было гномов, призраков-мордов и других злобных тварей, которые поджидали незадачливых путников на легких тропах. А Алланон не хотел лишний раз подвергать опасности девушку, и только это соображение определило выбор пути.

Он не повел их через Зал королей, подземную гробницу древних правителей. Когда-то они прошли там с Ши Омсфордом, по темным пещерам, где проходы охраняли чудовища и каждый шаг мог завести в ловушку, из которой уже не выбраться никогда. Теперь друид не мог так рисковать. Да и лошади не

пошли бы в пещеры. Через Рабб, к перевалу Джанниссон — тоже нельзя. Слишком долго пришлось бы ехать по открытой степи, просматривающейся на несколько миль, в опасной близости от лесов Восточных земель. Самое лучшее было проехать немного на запад вдоль Мермидона, по дремучим лесам у подножия Драконьих Зубов, прямо до горных лесов Тирсиса. Так они и сделали. И, перебравшись через Драконьи Зубы по перевалу Кеннон, оказались в приграничных лесах Паранора.

Это случилось на рассвете третьего дня пути от Сланцевой долины. Свинцовое небо, казалось, вот-вот обрушится под собственной тяжестью. Трое всадников ехали молча по узкой тропе между голых скал, застывших на фоне пасмурной сырости неба. Все словно умерло. И только ветер бился о голые камни, об эту затвердевшую пустоту. Тропа убегала вниз, в долину, где среди черных лесов стояла древняя Башня друидов. Сейчас ее гордый шпиль был скрыт туманом.

Какое-то странное, тягостное чувство не покидало Брин всю дорогу. Оно появилось еще там, в Сланцевой долине, — предчувствие чего-то страшного, непонятного. Словно коварная тень, мрачная и холодная, как эта земля вокруг, оно обрело неуловимый облик и таилось в сумраке между камнями и скалами, перетекало из одного укромного места в другое и наблюдало со злобной настойчивостью. Наблюдало за Брин. Вот и теперь ей казалось, что следом крадется... крадется что?

Брин плотнее запахнула плащ и задумалась, предоставив коню возможность самому выбирать путь на узкой тропе. Это все из-за морда. Из-за него появилось это предчувствие. Не из-за усталости и недосыпа, не из-за утрюмой решимости Алланона и даже не из-за страха, который появился у Брин — теперь, когда она узнала, что еще может песнь желаний. Нет. Призрак-морд породил эту темную тень. Друид уверял, что морд был один. Но и одного вполне достаточно. Брин поежилась. Подкрался бесшумно, быстро атаковал и канул в небытие, рассыпавшись пеплом. Как будто из смерти ворвался в жизнь и вернулся обратно, бесплотный, безликий, — черное ничто, ужасное именно своей пустотой.

И таких еще много. Брин даже не знала сколько, да и не хотела знать. Сколько бы ни было, все равно слишком много. И все они ищут ее. Брин это чувствовала: где бы ни были черные странники, какие бы темные дела сейчас ни вершили, они

ищут ее. Он был один, сказал друид. Но этот один их нашел, а значит, найдут и другие. Как ему удалось нас разыскать? — спросила она Алланона. Но тот отмахнулся: случайность. Где-то пути наши пересеклись, и морд пошел следом, выжидая удобного случая, чтобы напасть. Вот и все. Но Брин это не успокоило. Ведь кто может ручаться, что этот морд не следил за Алланоном с того самого момента, как друид бежал из Восточных земель? А если так... получается, черный странник сначала успел побывать в Тенистом Доле...

А там Джайр!..

Странно, но сегодня, чуть раньше, ей вдруг показалось: сквозь серую мглу рассвета, сквозь мрачные мысли, сквозь одиночество и холод ветра — брат словно прикоснулся к ней. Будто бы он смотрел на нее, преодолев расстояние, отделяющее Тенистый Дол от великих утесов Драконьих Зубов. Это длилось всего лишь мгновение, а потом ощущение пропало, и Джайр снова стал таким же далеким, как и дом в Доле... и все остальное.

Брин не на шутку разволновалась. Ведь если морд пришел в Дол и нашел Джайра... И пусть Алланон уверял ее, что это полностью исключено! Друид — хранитель темных тайн, и Брин не стала бы безоглядно доверяться ему. Он всегда что-нибудь недоговаривал Омсфордам. Так было и с Ши, и с Вилом... Всегда.

И тут она снова подумала — в который раз — о явлении духа Бремена в Сланцевой долине. Что-то произошло между ними, что-то ужасное, о чем Алланон предпочел умолчать. Он узнал что-то такое, что тревожит его. Да что там тревожит! Пугает! А вдруг это связано с Джайром?

Эта мысль не давала Брин покоя. Она знала: случись что-нибудь с братом и узнай об этом друид, он ей этого не скажет. Ничто не должно помешать ей дойти до Мельморда. В своей неслышимой решимости Алланон был таким же суровым и жестоким, как и его враги — черные странники, и этого в нем Брин боялась. Да, боялась. Особенно после того, что он сделал с Роном.

Рон Лих любил ее; они никогда не говорили об этом, но Брин знала. И пошел он с ней потому, что любил. Чтобы рядом с ней был человек, на которого Брин всегда могла бы положиться. А на Алланона, считал горец, полагаться нельзя. Кто знает,

что на уме у друида? Но друид разрушил тайные замыслы Рона и в то же время рассеял все подозрения. Он открыто оспорил роль Рона как защитника Брин, а когда вызов был принят, сделал горца своим «магическим двойником», вложив волшебную силу в меч Лиха.

Этот старый, побывавший во многих битвах клинок был для Рона символом мужества и силы духа наследников королевского дома Лиха. Конечно, принц, как и всякий мальчишка, с детства мечтал о подвигах. И вот теперь, когда друид вдохнул новую силу в древний меч, Рон мог осуществить свою давнюю мечту. Еще бы — с таким-то клинком! И все же... магическая сила — это не то, что дарят так просто. Не показал ли тем самым друид, что роль защитника, принятая на себя принцем Лиха, гораздо серьезнее и опаснее, чем и Брин, и сам Рон представляют себе? Алланон одарил горца нечеловеческой силой, и эта сила в конце концов может его уничтожить.

«Я никогда даже представить себе не мог, что такое бывает,— сказал ей Рон, как только им удалось остаться наедине в первую же ночь после выхода из Сланцевой долины. Он неуверенно подбирал слова, но в голосе чувствовалось возбуждение. Горец очень долго готовился, прежде чем заговорить об этом.— Сила будто бы взорвалась внутри меня. Брин, я даже не знаю, почему вдруг я стал это делать. Я просто действовал. Я увидел, что Алланон окружен огнем... И в следующую секунду я уже рядом с ним. А когда меч коснулся пламени, я ощутил в себе его силу. Я сам стал ею. В тот момент мне казалось, что для меня нет ничего невозможного — ничего! — Его лицо пылало.— Брин, знаешь, я больше не боюсь друида!»

Брин глядела на темную яму внизу — густой лес в туманном сумраке пасмурного осеннего дня. Ее предчувствие темной тенью перебиралось от камня к камню, вдоль извилистой тропы,— невидимое и неотвязное. Оно не покажется, пока не подступит совсем близко, думала девушка. И тогда — все пропало. Нас всех уничтожат. Да, почему-то я знаю, что все так и будет. Чей-то голос в моем сознании... Он шепчет о Джайре, о Роне, об Алланоне... и о мордах. Настойчиво так — о мордах. В каждой тайне, от меня сокрытой, он шепчет; в серой подавленности этого утра он шепчет; в туманной мгле будущего — он, этот голос. Нас всех уничтожат. Нас всех.

В полдень они уже были в лесу. В чаще, окутанной сумраком и туманом, ошестинившейся иглами сосен и елей. Ехать стало гораздо труднее: временами тропа терялась в густом кустарнике. Это был угрюмый, опустошенный лес, безжизненный и уже по-осеннему серый; побуревшие листья испуганно жались к холодным ветвям. Когда-то тут рыскали стаи огромных волков — серых стражей владений друидов. Но волки давно ушли отсюда, и теперь в лесах Паранора остались только безмолвие и пустота. И ощущение смерти.

Уже в сумерках Алланон объявил наконец привал. Но отдохнуть не удалось. Они лишь привязали коней среди гигантских дубов, напоили и накормили их — совсем чуть-чуть, чтобы животные не пали от голода, — и дальше пошли пешком. Сумерки все сгущались, а глухое безмолвие сменилось каким-то странным рокочущим звуком, который, казалось, завис в неподвижном воздухе. Друид уверенно вел своих спутников вперед — этот лес был ему хорошо знаком — и без малейших сомнений шел по узкой, едва заметной тропе. Словно ночные тени, бесшумные и ускользящие, трое путников пробирались между деревьями и кустами, сливаясь с сумрачным безмолвием.

Куда мы идем, для чего? Эта мысль мучила Брин. К какой темной цели приведет нас друид этой ночью?

И вот деревья расступились: из серой мглы выступил Паранор — нагромождение отвесных утесов, и на вершине, у самого неба, — древняя крепость друидов, Башня. В темноте Башня казалась прикованным к скале угрюмым гигантом из железа и камня. Теперь странный рокот стал громче. Он доносился из недр скалы — нескончаемый шум скрытого механизма, сотрясающий тишину леса. В узких, забранных решетками окнами-бойницах, словно дьявольские глаза, полыхали факелы, алые и зловещие, и дым их сливался с ночным туманом. Когда-то друиды работали в этих стенах, и это было время просвещения и великих надежд рода людей. Но время это давно прошло. И теперь только гномы и морды бродили по Паранору.

— Слушайте меня, — внезапно прошептал Алланон. Брин и Рон подошли совсем близко, чтобы не пропустить ни единого слова. — Только слушайте и не задавайте вопросов. Паранор — в руках мордов. Они ищут летописи друидов, потому что в этих записях — сила. Так было и раньше: враги проникали

в Башню, но недолго она пребывала в их черной власти. Дух Бремена предупредил меня, что это вторжение предвещает конец. Век кончается, круг замкнулся, и Паранор должен исчезнуть с лица земли.

Брин и Рон изумленно посмотрели на друида.

— О чем ты говоришь, Алланон? — горячо зашептала Брин.

Глаза друида странно сверкнули во тьме.

— О том, что после этой ночи больше ни один человек не вступит в Башню друидов. Ни один, пока живы мы и пока будут жить ваши дети и, может быть, дети ваших детей. Мы будем последними. Мы войдем в Башню через нижние туннели. Ни гномы, ни морды о них не знают. Мы пройдем туда, где веками хранилась сила друидов, и освободим эту силу, чтобы разрушить Паранор. Мы должны действовать очень быстро, ибо погибнут все, кто нынче ночью останется в Башне, — даже мы, если замешкаемся. Когда магическая сила разольется по Башне, у нас будет совсем мало времени, чтобы избежать ее потока.

Брин покачала головой.

— Я ничего не понимаю. Зачем это нужно? И почему больше никто не войдет в Паранор? А твоя работа там, в Башне?

Друид легко коснулся ее щеки.

— Здесь я все уже сделал, Брин Омсфорд.

— Но Мельморд... Идальч...

— Мы пришли сюда не потому. — (Брин едва разобрала слова — так тихо звучал голос Алланона.) — То, что мы сделаем здесь, послужит совсем другим целям.

— А если они нас заметят? — вдруг спросил Рон.

— Тогда мы будем сражаться. И мы пройдем, — быстро ответил друид. — Должны пройти. И помни: ты защищаешь Брин. Что бы ни случилось, не останавливайтесь. Когда магический поток хлынет, не оглядывайтесь и не мешкайте. — Он наклонился вперед и оказался лицом к лицу с горцем. — И помни: в твоём мече сила друидов. Ничто не может остановить тебя, принц Лиха. Ничто.

Рон Лих серьезно кивнул и больше не задавал никаких вопросов. Брин тряхнула головой: предчувствие мрачной тенью вновь замаячило перед ней.

— Девочка! — Теперь друид обращался к ней. Брин подняла голову и встретилась глазами с Алланоном. — Держись ря-

дом с нами, со мною и горцем. Мы защитим тебя от любой опасности. Но сама не рискуй. Береги себя, ибо только ты можешь уничтожить Идальч. С тобой ничего не должно случиться. Ты поняла? Твой путь долог, и тебе нужно пройти его до конца. — Он обеими руками сжал ее плечи. — И пойми меня правильно. Если б я мог, я бы не повел тебя с нами в Башню. Но так будет лучше. Сегодня ночью в этих лесах бродит смерть. Тебе нельзя оставаться здесь одной.

Он замолчал и стал ждать ответа. Очень медленно Брин кивнула.

— Я совсем не боюсь, — солгала она.

Алланон отступил.

— Ну что ж, вперед. И теперь — тихо. Ни слова, пока все не закончится.

И, словно тени, они растворились в ночи.

Глава 13

Алланон, Брин и Рон Лих крались по черному лабиринту леса среди застывших деревьев, что торчали, как острые колья в какой-то огромной волчьей яме. Ночь притихла и словно затаилась. В просветах между ветвями наверху виднелись кусочки затянутого тучами неба, низкого и угрожающего. А в башнионах Башни алым светом гневно вспыхивало пламя факелов.

Брин Омсфорд боялась. Зловещее предчувствие угнетало ее, и Брин беззвучно кричала в неизбывном отчаянии. Мимо размытыми черными пятнами проплывали стволы деревьев, низко нависшие ветви, кусты. Бежать отсюда, думала Брин. Подальше от этой загадочной силы! Но нет, не теперь... ведь еще ничего не сделано, ведь еще... Дыхание обратилось в какие-то конвульсивные вздохи, жар напряжения обернулся леденящим холодом, растекающимся по всей коже. И пустота внутри. И одиночество.

Наконец они вышли к подножию утесов, на которых стояла Башня. Алланон наклонился вперед и, сосредоточившись, провел руками по камню, потом отошел чуть правее и вновь прикоснулся к скале. Переглянувшись, Брин и Рон пошли за ним. Через секунду друид выпрямился и опустил руки. Внутри скалы сработал какой-то скрытый механизм, и каменная плита по-

вернулась внутрь, открывая черный проход. Знаками Алланон пригласил своих спутников следовать за ним и шагнул внутрь, во тьму. Брин и Рон поспешили следом. Когда все вошли, каменная плита беззвучно встала на место.

Пару мгновений им пришлось подождать в крошечной тьме, а потом внезапно вспыхнул свет, и пламя весело заплясало на просмоленной головке факела. Алланон передал факел Брин, зажег второй — для Рона и еще один — для себя. Они стояли в маленькой пещере без выхода, лишь одна-единственная лестница каменной спиралью убегала ввысь, в скалу. Алланон взглянул на своих спутников и начал подъем.

Вверх, шаг за шагом — в самое сердце скалы. Сотни ступенек складывались в тысячи. Казалось, лестница никогда не кончится. Туннели пересекали проход, иногда путь разветвлялся надвое, но трое людей не сошли со ступенек лестницы, уводящей в черноту. Здесь, внутри горы, было тепло и сухо, а откуда-то спереди, издалека, доносился приглушенный рев отопительного механизма, ритмичным гулом пульсируя в тишине. Брин изо всех сил боролась с подступающей паникой. Гора была словно живая, и это пугало больше всего.

Но вот лестница наконец закончилась у массивной, обитой железом двери, врезанной в камень скалы. Здесь они остановились, тяжело дыша, — звук их дыхания резким шипением отдавался в тишине. Алланон слегка прикоснулся к гвоздям на железной обшивке, и дверь открылась. Звук волной хлынул в проем — лязг и бульканье рычагов и насосов — и пронесся по лестничному пролету, будто рев разъяренного великана, вырвавшегося из долгого заточения. Жар опалил лица, сухой и жесткий, и тут же втянул в себя прохладный воздух туннеля. Алланон лишь мгновение помедлил у дверного проема и решительно шагнул через порог. Закрывая руками лица, Брин и Рон поспешили за ним.

Они оказались в отопительной шахте; в самом центре, занимая почти все пространство, огромная черная яма обрывалась куда-то вниз, в самые недра земли. А там скрытые механизмы отбивали свой четкий ритм, выкачивая из земли огонь и разнося тепло по залам Башни. Со времен Повелителя чародеев черная яма спала, но враг, что ждет их сейчас наверху, вновь запустил механизмы; ощущение вторжения чего-то чу-

жого давило даже на камни и дрожало, казалось, в самом воздухе. Алланон быстро провел Брин и Рона вдоль стены, по узенькой галерее, огибавшей яму, к одной из дверей, ведущих прочь из отопительной шахты. Снова — одно только прикосновение к обшивке, и дверь распахнулась в темноту. Высоко держа факелы перед собой, люди вышли из нестерпимого жара и захлопнули дверь.

Теперь впереди был туннель. Они дошли по нему до следующей лестницы. Снова долгий подъем. На этот раз они двигались очень медленно, ибо враги были уже совсем рядом. Осторожно пробираясь наверх по ступенькам, все трое напряженно прислушивались к каждому шороху, явственно ощущая присутствие невидимого зла.

Где-то внизу, позади, с лязгом захлопнулась дверь. Они застыли как вкопанные. Эхо удара разнеслось в тишине. И замерло. Они вновь зашагали вверх.

Лестница закончилась у двери. Алланон открыл ее, отперев потайной замок, а там — коридор с еще одной дверью в конце. Потом — опять коридор, лестница, дверь. Вновь коридор. Потайные проходы буквально изрешетили скалу. Тьма. Пустота. Пыль, паутина и запах древности. Во мраке металась крыса — маленькие стражи, уловившие приближение людей. Больше ни звука. Пока их заметили только крысы.

И тут откуда-то донеслись голоса, низкие и глухие. Звук, подобно приливу, то подступал, то совсем пропадал. И все-таки был где-то рядом. Слишком близко. У Брин пересохло в горле, от дыма факелов шипало глаза; даже стены, казалось, подступили ближе — скала давила своей каменной тяжестью. Брин буквально физически ощущала давление. И еще — чувствовала себя в ловушке. А рядом, скрываясь во мглистом полумраке, смешиваясь с тенями, плясало предчувствие.

Наконец и этот коридор остался позади. Свет факелов уткнулся в стену камня, преграждающую проход. Никаких дверей, никаких туннелей, ведущих в сторону. Но Алланон не колебался. На мгновение он прислонился к стене, словно прислушиваясь, потом, обернувшись к Рону и Брин, приложил палец к губам и слегка склонил голову. Брин вздохнула поглубже, чтобы успокоиться. Она поняла, что это значит: сейчас они войдут в Башню.

Алланон вновь повернулся к стене и прикоснулся к какому-то камню. Потайная дверь тихо открылась внутрь. Друг за другом они протиснулись в узкий проем. И оказались в маленьком кабинете без окон, где пахло пылью и прошедшими веками. Беспорядок там царил ужасный. Книги с полок, занимающих все четыре стены, валялись на полу с растерзанными переплетами и выданными страницами. Судя по содранной с кресел обивке и перевернутым стульям, здесь что-то дотошно искали. Кто-то не поленился расковырять даже паркет.

Сквозь дымный свет факелов Алланон глядел на картину разгрома. Его лицо потемнело от гнева. Потом он молча подошел к дальней стене, пошарил по пустым полкам и на что-то там нажал. Книжный шкаф беззвучно отодвинулся назад, открыв темную нишу. Друид дал Брину и Рону знак оставаться на месте, а сам шагнул в потайную комнату, укрепил свой факел на железной подставке у входа и направился к правой стене, сложенной из гранитных блоков. Плиты были отполированы до блеска и плотно подогнаны друг к другу, чтобы не пропускать пыль и воздух. Друид вытянул руки вперед и принялся легко перебирать пальцами по камню.

Брин и Рон наблюдали за Алланоном через проем, но почти тут же их отвлек какой-то звук. Тоненький контур света очертил дверь, которая вела из темного кабинета в коридор Башни, и из-за двери послышались голоса.

А в темной нише Алланон продолжал водить пальцами по стене. Только теперь в том месте, где он касался камня, гранит светился. Потом синее сияние сменилось холодным огнем, который прорвался сквозь камень, ослепительно вспыхнул и исчез. Вместе с ним исчезла и стена, а на ее месте возникли полки с толстыми книгами в кожаных переплетах — летописями друидов.

В коридоре за дверью голоса стали ближе.

Алланон быстро достал один из томов и отнес его к деревянному столику в центре таинственной ниши. Даже не присев, друид поспешно перелистал страницы; почти сразу же отыскав то, что нужно, он склонился над книгой и погрузился в чтение.

К звуку приглушенных голосов прибавился топот ног, обутой в тяжелые сапоги. К двери кабинета приближались гномы. С полдюжины, не меньше.

Брин беззвучно прошептала имя Рона и испуганно поглядела на горца. Лишь мгновение он колебался, потом протянул девушке свой факел и вытащил из ножен меч. В два шага Рон добрался до двери и задвинул защелку.

Топот и голоса пронеслись мимо, но один гном все-таки остановился у двери. Настойчивая рука подергала за ручку. Брин отступила подальше в тень кабинета, молясь про себя, чтобы тот, кто остановился сейчас у двери, не заметил света ее факела, не почувал запаха дыма... И еще — чтобы дверь не открылась. Задвижка легонько дернулась, а потом дверь потянули сильнее.

Неожиданно Рон Лих откинул защелку, резко распахнул дверь и втащил в кабинет ошарашенного гнома. Тот только раз успел вскрикнуть от изумления, а потом ему на голову обрушилась рукоять меча. Гном свалился на пол.

Рон поспешно притворил дверь, вновь запер ее на защелку и отступил. Брин бросилась к нему. Алланон уже закончил читать и теперь ставил книгу на место. Одно движение рукой — и там, где только что были полки, вновь встала стена из гранита. Друид подхватил свой факел и, выйдя из ниши, вернул на место шкаф, скрывающий проход к тайнам друидов. Пора уходить. Они проскользнули обратно в тот коридор, по которому пришли сюда. Через мгновение в кабинете не было никого. Только оглушенный гном лежал на полу.

Все трое зашагали назад по лабиринту туннелей. Теперь, от страха и напряжения, тела их покрылись испариной. Все было как раньше: тьма, пустота. Обрывки приглушенных разговоров то возникали, то исчезали вдали. Откуда-то снизу раскатами грома доносился глухой рев гигантского очага.

В конце концов Алланон остановился у двери, затянутой пылью и паутиной, и молча велел Брин и Рону загасить факелы в густой пыли на полу. Сейчас они снова войдут в Башню.

Из темного туннеля они попали в тускло освещенный коридор. Свет догорающих факелов отражался от темной бронзы и отполированных деревянных панелей. И хотя на всем в древней Башне лежала пыль, сквозь ее серый слой можно было разглядеть старинные гобелены и картины древних мастеров — кусочки цвета среди пятен сумрака. Высокие ниши, какие-то старинные вещи — атрибуты иного века. Длинный коридор ухо-

дил во тьму. Прижавшись к стене у двери, Брин и Рон огляделись. Коридор был пуст.

Алланон повел их налево по коридору, перебираясь от одного пятна тени к другому, быстро минуя мутные лужицы света факелов и отблески лунного сияния, струящегося сквозь высокие решетчатые окна. Странная тишина окутала древнюю крепость; казалось, кроме них троих, в Башне нет никого. И только непрерывный гул механизма внизу нарушал глухое безмолвие. Брин тревожно оглядывала сумрачный коридор. Странно, где же морды и гномы? Как-то все слишком гладко идет. Чья-то рука опустилась ей на плечо. Брин вздрогнула от испуга. Но это был Алланон. Он молча втянул девушку в темную нишу, скрывающую высокую железную дверь.

И тут же, как бы в ответ на невысказанный вопрос Брин, раздался крик тревоги, хриплый и пронзительный одновременно. Девушка вздрогнула. Очевидно, гном, которого оглушил Рон, пришел в себя.

Топот ног несея уже отовсюду, гремя по каменному полу, сотрясая тишину. Топот и крики. Рон шагнул, закрыв Брин собою; черный меч Лиха тускло сверкнул в полумраке. Но Алланон все же успел открыть дверь и рывком втянул Рона и Брин за собою. Дверь мгновенно захлопнулась.

Они стояли на узкой площадке. Головешки факелов больше дымили, чем давали свет, но все же можно было разглядеть лестницу, спиралью уходящую вверх. Винтовая лестница, как змея, льнула к внутренним стенам исполинской Башни. Черная крепость вздымалась на неведомую высоту, а под ногами узкая площадка обрывалась в бездонную пропасть. И больше не было ничего — только лестница, камень стены и непроглядный, пугающий мрак. Казалось, у страшной Башни нет ни конца, ни начала.

Брин прижалась спиной к железной двери. Она поняла: это — шпиль Башни друидов, страж древнего святилища магии. Когда-то те, кто пришел в Паранор с Ши Омсфордом, считали, что именно здесь хранится меч Шаннары. Здесь, в мрачной Башне, больше похожей на гигантский колодец, пронзающий землю насквозь.

Рон Лих шагнул было на каменную ступеньку, но Алланон тут же оттащил его назад.

— Не лезь туда, горец! — мрачно прошептал он.

Крики гномов стали громче, шаги гремели, казалось, у самой двери. Прижимаясь спиной к стене, Алланон осторожно направился вверх по лестнице.

— Не подходите ко мне! — шепотом приказал он.

Поднявшись на дюжину шагов, друид осторожно придвинулся к внешнему краю ступенек. Там он поднял руки — длинные пальцы согнулись, будто их свело судорогой. С губ сорвались слова, непонятные ни горцу, ни девушке; голос друида звучал глухо, будто издалека, и в нем пульсировал сдерживаемый пока гнев.

Откуда-то снизу из черной ямы в ответ донеслось шипение, пронзительное, словно вопль боли.

Друид медленно опустил руки ладонями вниз, его пальцы казались когтями хищника. Из уголков напряженного рта повалил пар. Потом — из глаз, ушей и даже из камня, на котором стоял Алланон. Брин и Рон с нескрываемым ужасом смотрели на него. Яма вновь зашипела.

И вдруг в руках Алланона вспыхнул синий огонь — пламя обрушилось вниз, в черноту. Разбросав в воздухе синие искры, оно взорвалось далеко внизу; на мгновение лазурная вспышка стала ядовито-зеленой, затем все погасло.

В Башне наступила невыносимая тишина. Там, за железной дверью, бились крики тревоги и грохот сапог, но в самой Башне все звуки умерли. Алланон отступил к стене и склонил голову, будто от боли. Пар исчез вместе со звуком, но камни, на которых стоял друид и к которым теперь прислонялся, казались обуглившимися.

А потом в яме вновь зашипело, и вместе с вернувшимся звуком содрогнулась вся Башня.

— Смотрите! В самое жерло! — раздался жесткий шепот друида.

Осторожно приблизившись к краю площадки, горец и девушка заглянули в черную яму. Далеко внизу на стены Башни накатывал зеленоватый туман, похожий на жидкий огонь. И шипение его походило на жуткий, исполненный ненависти голос. Туман цеплялся за стены, вздрагивал, будто вода под ветром, и разбегался волнами. А потом очень медленно стал подниматься.

— Он выходит! — прошептал Рон.

Словно живой, туман взбирался по стенам. Все выше и выше. Все ближе к площадке, на которой они стояли.

Алланон скользнул вниз, к своим спутникам, оттащил их от края площадки и развернул лицом к себе. Глаза друида мерцали, будто отблески черного пламени.

— Теперь бежим! — приказал он. — Не оглядывайтесь. Никуда не сворачивайте. Прочь из Башни! Быстро!

Мощным рывком друид распахнул дверь и выступил в коридор. Там уже ждали гномы. Они все как один повернулись к нему — желтые лица застыли от изумления. Синий огонь метнулся из рук Алланона и раскидал гномов, как ветер — сухие листья. Те заорали и бросились прочь. Прочь от черного мстителя. Но в то же мгновение в коридоре возник призрак-морд — существо без лица и без тела под темным плащом. Со страшной силой огонь друида вонзился в него, и от морда осталась лишь горстка пепла.

— Бежим! — прокричал Алланон Рону и Брин, которые замерли в дверном проеме.

Переступая через обожженные тела гномов, они бросились следом за друидом по тускло освещенным коридорам — обратно. Лишь мгновение коридоры оставались пустыми: новый отряд гномов преградил путь беглецам — плотный клин воинов в тяжелых кольчугах, с мечами и пиками наперевес. От их яростных криков, казалось, дрожали стены. Одна только вспышка огня — и Алланон очистил дорогу. Но тут же из бокового туннеля вышел новый отряд. Рон развернулся и поднял меч Лиха. С боевым кличем горец вломился в самую гущу врагов.

За спиной беглецов появился морд, и еще один — впереди. Из черных рук призраков рвался алый огонь, направленный на Алланона. Но синее пламя друида каждый раз отбивало атаку. Огонь метался свирепым ливнем, поджигая дубовые стены и гобелены. Закрыв руками глаза, Брин прижалась к стене и медленно сползла на пол. Алланон и Рон Лих встали по обе стороны от нее. Гномы отчаянно насакивали на них. Из ниоткуда бесшумно возникали морды — черные порождения самой тьмы — и так же бесшумно атаквали. Рон Лих отпихнул гномов и рванулся к ближайшему призраку. Черный меч опустился, и морд рассыпался пеплом. Тут же его собратья метнули в

горца алый огонь, но черный клинок впитал пламя в себя и отвел удар от Рона. Взревев, принц Лиха бросился к Брин. Лицо его пылало каким-то ликующим возбуждением; зеленоватые разводы кружились в неистовой пляске на черном металле меча. Рон рывком поднял девушку на ноги и подтолкнул вперед. Тем временем Алланон пробивался к двери, ведущей к лабиринту туннелей; его зловещая черная фигура возвышалась над дымом и огнем, над корчащимися телами. Словно тень смерти, вдруг обретшая форму.

— В эту дверь, горец! — проревел друид, стряхивая с себя гномов, пытавшихся повалить его на пол.

И вдруг, оглушая своей силой, взрыв алого пламени поглотил всех троих. Но Алланон все же успел воздвигнуть защитную стену из синего света. Каким-то чудом им удалось вырваться из огня мордов, ну а потом раскидать пару-другую гномов уже не составило никакого труда. Башня вздрогнула от яростных воплей, когда беглецы добрались до вожделенной двери. Через мгновение они были уже в безопасности.

Тьма окутала их как саван. Как только захлопнулась дверь, завывания гномов оборвались. Алланон подхватил с пола факелы и быстро зажег их. А теперь — обратно. Вниз по лестницам и коридорам. Сзади снова раздались крики погони, но впереди путь был свободен. Беглецы ворвались в отопительную шахту, миновали огненную яму и под грохот машин добрались до лестницы, что спускалась сквозь недра горы к ее подножию. И никто их не остановил. Никто не преградил путь.

А потом вдруг раздался какой-то совсем новый звук, еще отдаленный, но исполненный леденящего ужаса. Бесконечный монотонный вой, несущий с собою страх.

— Началось! — выдохнул друид. — А теперь — еще быстрее!

Они побежали изо всех сил. Сзади дрожал этот бешеный вой. Казалось, с каждым мгновением он набирает силу. Что-то жуткое происходило сейчас с теми, кто остался в Башне.

— Это все тот туман! — беззвучно кричала Брин. — Туман!

Беглецы неслись вниз по лестнице, а вдогонку летели крики запертых в Башне. Постоянно, не умолкая ни на секунду. Резкие повороты, ступеньки, ступеньки... Эта лестница, наверное, никогда не кончится.

Но вот и последний поворот. Выход, скрытый в скале. Одним прыжком преодолев оставшиеся ступеньки, они вырвались в прохладную лесную темноту.

А крики сзади не умолкали.

Ночь близилась к концу. Только к рассвету беглецы выбрались из долины Паранора. Почти без сил, они остановились на пустынном плоскогорье к востоку от Башни друидов. Зеленоватый туман зловеще клубился над древней крепостью, скрывая ее из виду. Небо светлело: туман начал рассеиваться.

А когда запылал рассвет, туман растворился совсем.

— Кончено! — прошептал Алланон, нарушая гнетущую тишину.

Там внизу, в долине, черный в лучах восходящего солнца, возвышался утес. Пустой, лишь кое-где виднелись обломки обрушившихся стен. Крепость друидов пропала. Ее больше не было на скале.

— Так было предсказано, — тихо продолжал Алланон. — Дух Бремена знал об этом. Сила, что стерла Башню с лица земли... древнее, чем все знания друидов. Теперь Башни больше нет. Камень скалы вновь поглотил ее, а вместе с ней и всех, кто остался внутри. — Ужасающая печаль легла на суровое лицо друида. — Это — конец. Теперь Паранора нет.

Но они-то есть! Они живы! Брин почувствовала, как вернувшаяся решимость буквально пронзила ее, отменяя прочь печаль Алланона. Страшное предчувствие обмануло ее. Они живы!

— Это — конец, — едва слышно повторил Алланон.

Он взглянул в глаза Брин так, будто только они вдвоем знали какую-то тайну, о которой не говорят, которую даже нельзя осознать до конца. Потом Алланон медленно развернул коня. Теперь они ехали на восток. К лесам Анара.

Глава 14

Уже далеко за полдень Джайр Омсфорд и его спутники добрались наконец до Кулхейвена. По мнению долинца, путешествие было не из приятных. Весь путь по стране Серебристой реки им сопутствовали свинцовые небеса и холодный ветер,

а леса Восточных земель были серыми и угрюмыми. По унылому небу летели гуси — на юг, а река, вдоль которой шли путешественники, просто приводила в отчаяние.

Первые признаки отравления уже появились в водах Серебристой реки. В кристально чистом когда-то потоке возникла странная черная слизь, серебряный оттенок воды потускнел. Течение несло дохлую рыбу, мелких зверьков-грызунов и мертвых птичек, коряги и прутья. Даже запах воды стал скверным — порывы ветра доносили до путешественников гнилостное злование. Отец много рассказывал Джайру о Серебристой реке, и то, что юноша видел теперь, больно ранило его сердце.

Его спутники, Гарет Джакс и Слантер, тоже не прибавляли долины хорошего настроения. Да и сам Джайр не пытался развлечь их: трудно было сохранять улыбку на лице и бодрость в голосе, даже если бы день не казался таким унылым, а река не напоминала бы постоянно о своем умирании. Замкнутые и неразговорчивые, гном и Мастер боя шагали рядом с энтузиазмом плакальщиков на похоронах. С утра они не обменялись, наверное, и дожиной слов. Никто ни разу не улыбнулся. Не сводя глаз с тропы впереди, они шли и шли с отчаянной решимостью, граничащей с фанатизмом. Пару раз долинец попытался было завести разговор, но в ответ слышал лишь приглушенное ворчание. В полдень они пообедали без всякого аппетита, и трапеза эта прошла в таком напряжении и унылом молчании, что даже угрюмый поход по сравнению с ней казался вполне сносным.

Только надежда в скором времени поговорить с нормальными собеседниками — карликами — слегка скрашивала отвратительное настроение Джайра. Впрочем, и в этом он сомневался. Карлики заметили их, конечно, на самой границе Анара. Время от времени им встречались вооруженные патрули — суровые карлики в кожаных одеждах и длинных плащах. Но никто ни разу не остановился поприветствовать путешественников или хотя бы спросить, кто они такие и куда идут. Молчаливые стражи проходили мимо, не задавая никаких вопросов, бросая лишь быстрые взгляды на чужаков — и взгляды эти были далеко не дружелюбны.

А уже на подходе к Кулхейвену каждый встречный карлик откровенно изучал путешественников с нескрываемым подо-

зрением. Гарет Джакс, шагавший впереди, казалось, не обращал никакого внимания на эти враждебные взгляды, но Слантер с каждой минутой чувствовал себя все неудобнее, да и Джайр смущался не меньше гнома. Гарет Джакс решительно сворачивал на перекрестках: он явно не впервые был в Кулхейвене и прекрасно знал, куда идет. Путешественники миновали аккуратные домики и торговые лавки — ладные приземистые здания в окружении чистых лужаек, ярких клумб и ухоженных садов. И каждый карлик, занятый своим повседневным делом, прерывал на мгновение работу и внимательно глядел на путников, проходящих мимо его дома. Даже здесь, в мирной деревне, то и дело встречались вооруженные карлики-охотники с суровыми глазами и мечами на поясах. Теперь и Кулхейвен чем-то напоминал военный лагерь.

Только в самом центре деревни путников наконец остановил пеший патруль. Гарет Джакс быстро переговорил с одним из стражников, и тот бегом куда-то умчался. Мастер боя вновь присоединился к Джайру и Слантеру. Они ждали, в напряженном молчании изучая лица оставшихся солдат. Детишки-карлики обступили их со всех сторон и с любопытством глядели на Слантера. Сначала гном просто не обращал на них внимания, но потом ему это надоело. Внезапно он зарычал, и дети бросились врассыпную. Гном сердито проводил их глазами, раздраженно взглянул на Джайра и окончательно замкнулся в себе.

Через пару минут вернулся отосланный Джаксом стражник. И с ним пришел урюмый карлик, с длинной черной курчавой бородой, такими же черными пышными усами и совершенно лысый. Радушно протягивая руку, чернобородый направился прямо к Мастеру боя.

— Рады видеть тебя у нас, — гулким басом прогрехотал он.

Гарет Джакс пожал его мозолистую ладонь. Карлик выглядел суровым и свирепым, особенно его глаза — пронзительно-карие под лохматыми бровями. На нем был просторный охотничий костюм, сапоги из мягкой кожи, на широком поясе висел целый арсенал ножей разной величины, в одном ухе — массивная золотая серьга.

— Эльб Форкер. — Гарет Джакс представил карлика Джайру и Слантеру.

Мгновение Форкер молча глядел на них, потом вновь обратился к Мастеру боя:

— Странная у тебя компания, Гарет.

— Странные времена, — пожал тот плечами. — Как насчет того, чтобы немного отдохнуть и перекусить?

Форкер кивнул.

— Пожалуй.

Он повел их по улице направо к огромному зданию общей трапезной и пригласил внутрь — в зал, уставленный длинными столами. Несколько столов уже были заняты карликами-воинами. Кое-кто поднял голову и кивнул Форкеру, не проявляя, однако, никакого интереса к его спутникам. Большая разница, с кем ты идешь, подумал Джайр. Форкер выбрал им столик у дальней стены и знаками приказал поварам принести ужин.

— Ну и что мне с этими двумя делать? — спросил карлик у Джакса, когда все расселись.

Мастер боя повернулся к своим спутникам.

— Малый не промах, ничего не скажешь. Мы познакомились лет десять назад. Я тогда натаскивал карликов для приграничных схваток у Вольфсктаага. Потом мы еще раз встречались. Здесь, в Кулхейвене. Вот почему я тут. Он попросил меня прийти, и я не мог ему отказать. — Теперь он обращался к Форкеру: — Этот долинец — Джайр Омсфорд. Он ищет свою сестру и друида.

Форкер нахмурился.

— Друида? Какого еще друида? Больше нет никаких друидов. Никого, кроме...

— Знаю: кроме Алланона, — перебил Джайр, не в силах больше молчать. — Его-то я и ищу. Этого самого друида.

Форкер уставился на него.

— Да ну? А с чего ты решил, что найдешь его здесь?

— Он сам говорил, что пойдет в Восточные земли. И взял с собой мою сестру.

— Твою сестру? — Карлик еще больше нахмурился. — Алланон и твоя сестра? И они должны быть где-то здесь?

Джайр медленно кивнул, сердце его оборвалось. Форкер смотрел на него так, как смотрят обычно на сумасшедших. Потом он вновь повернулся к Гарету Джаксу:

— Где ты откопал этого долинца?

— Да так, по пути, — неопределенно ответил тот. — Ты что-нибудь знаешь про друида?

Форкер пожал плечами.

— Знаю только, что Алланона не было в Восточных землях, наверное, уже лет двадцать — ни с чьей-то сестрой, ни без сестры.

— Тогда ты вообще ничего не знаешь, — внезапно заговорил Слантер с легким презрением в голосе. — Друид был здесь и ушел у тебя из-под носа!

Карлик резко повернулся к нему.

— На твоём месте я бы придержал язык, гном.

— Этот гном шел по следу друида, — проговорил Гарет Джакс, быстро оглядев длинный зал. — Отсюда, из Восточных земель. Он следил за ним от Мельморда до самого порога долины.

Форкер угрюмо глядел на Мастера боя.

— Я еще раз тебя спрашиваю: что мне делать с этими двумя, конкретно?

— Я уже думал об этом, — спокойно сказал Гарет Джакс. — Сегодня вечером будет Совет?

— В такое время — каждый вечер.

— Тогда позволь долиnce говорить на Совете.

Форкер насупился.

— С чего бы это?

— Потому что у него есть что сказать. И я думаю, вам это будет интересно. И не только про друида.

Карлик и Мастер боя молча смотрели друг на друга.

— Мы должны это обсудить, — произнес наконец Форкер без энтузиазма.

— Самое время этим заняться. — Гарет Джакс поднялся из-за стола.

Форкер вздохнул и тоже встал, глядя при этом на Джайра и Слантера.

— Вы двое можете есть, но оставайтесь здесь. И не вздумайте никуда уходить. — Он колебался. — Я не знаю ничего про друида, проходил он здесь или нет, но я попытаюсь выяснить это для тебя, Омсфорд. — Карлик мотнул головой. — Идем, Гарет.

И они покинули трапезную. Джайр и Слантер остались сидеть за столом, задумавшись каждый о своем. Долинец низко склонил голову и изучающе смотрел на свои сцепленные ру-

ки. Где же Алланон? — думал он в тихом отчаянии. Друид же сказал, что пойдет в Восточные земли. Разве он шел не через Кулхейвен? А если нет, то где? И куда он повел Брин?

Карлик в белом переднике принес им ужин и по кружке эля. Они молча принялись за еду. Время шло, с каждой секундой у Джайра оставалось все меньше надежды. Долинец отодвинул свою тарелку и принялся нервно постукивать ногой по полу, пытаясь решить, что ему делать, если Эльб Форкер окажется прав и выяснится, что Алланона и Брин действительно здесь не было.

— Прекрати! — внезапно прорычал Слантер.

— Что прекратить? — Джайр поднял глаза.

— Прекрати стучать ногами по полу. Это меня раздражает.

— Прости, пожалуйста.

— И прекрати сидеть с таким видом, словно у тебя умер лучший друг. Найдется твоя сестра.

Джайр расстроено покачал головой.

— Будем надеяться.

— У-у-у,— раздраженно протянул гном.— Вот кому действительно стоит побеспокоиться, так это мне. До сих пор не понимаю, как тебе удалось втянуть меня в эту затею!

Джайр уперся локтями в стол и положил подбородок на руки. Теперь в его голосе вновь появилась решимость.

— Даже если Брин не было в Кулхейвене, если Алланон пошел другой дорогой, нам все равно надо идти в Анар, Слантер. И мы должны убедить карликов помочь нам.

Слантер изумленно уставился на него.

— Мы? Нам? Лучше подумай как следует, и сам увидишь: это же бред какой-то — «мы», «нам»! Лично я иду обратно. Туда, где я был до того, как вляпался во все это!

— Но ты следопыт, Слантер,— совсем тихо проговорил Джайр.— Ты мне очень нужен.

— Чушь! — фыркнул гном, его сумрачное лицо внезапно посуровело.— Смеею заметить, если ты еще этого не разглядел, что я все-таки гном! Ты что, не видел, как они на меня пялятся? Как эти детишки меня разглядывали, будто я дикий зверь из дремучего леса? Хоть немного пошевели мозгами! Гномы и карлики сейчас воюют, и вряд ли они станут тебя слушать, сколько бы ты ни доказывал, что я твой союзник! А я тебе все равно не союзник, так и знай!

Джайр подался вперед.

— Но, Слантер, я должен добраться до Колодца небес раньше, чем Брин войдет в Мельморд. Я не смогу этого сделать без провожатого!

— Успокойся, прекрасно сможешь.— Гном закрыл эту тему и заговорил о своем: — Да и обратной дороги мне тоже нет. Спилк все им расскажет о моих «подвигах». А если не он, так тот гном, что сбежал. Меня будут искать как пить дать. Если я заявлюсь обратно, меня кто-нибудь да узнает. А когда меня схватят, странники... — Он резко замолчал и замахал руками.— Я никуда не иду, и хватит об этом!

Слантер вновь принялся за еду, уткнувшись в тарелку. Джайр молча смотрел на него и думал, что, быть может, он сделал большую ошибку, рассчитывая на помощь Слантера. Быть может, король Серебристой реки вовсе не имел в виду, что и гном станет его союзником в этом походе. Действительно, если подумать, Слантер мало похож на чьего бы то ни было союзника. Он слишком хитер, слишком беспринципен. Он всегда стремится приспособиться, и верность его изменчива, словно ветер. Вряд ли на него можно положиться. Ведь так?

И все-таки что-то такое было в этом гноме, что нравилось Джайру. Возможно, его стойкость, упорство? Как и Гарет Джакс, Слантер мог выжить в любых обстоятельствах. А именно такие спутники и нужны долиincu, если он хочет добраться до сердца Анара.

Он смотрел, как гном шумными глотками допивает свой эль, а потом тихо сказал:

— А я думал, ты хочешь узнать кое-что о магии.

Слантер тряхнул головой.

— Больше уже не хочу. Я узнал про тебя все, что хотел, мальчик.

Джайр нахмурился.

— Наверное, ты просто боишься.

— Думай что хочешь. Я никуда не иду.

— А как же твой народ? Разве тебя не волнует, что с ним делают морды?

— Благодаря тебе у меня нет больше «моего народа», — прищурился гном, но тут же пожал плечами: — А-а, наплевать. По-настоящему я давно уже не с ними. С тех пор, как в про-

шлый раз ушел из Восточных земель. Мой народ — это я сам. Сам себе свой народ.

— Но ведь это не так. Ты же гном, и гномы — вот твой народ. Разве ты не вернулся, чтобы помочь им?

— Времена меняются. Тогда самое мудрое было вернуться. Теперь самое мудрое — не возвращаться! — Слантер, похоже, не на шутку рассердился. — Почему ты никак не оставишь меня в покое, мальчик? Я и так для тебя уже сделал немало. И я, ей-богу, не чувствую себя обязанным делать что-то еще. В конце концов, не мне же король Серебристой реки всучил эту волшебную пыль, чтобы очистить воду!

— И ты очень рад, что не тебе! — вспыхнул Джайр, тоже постепенно начиная сердиться. — Хорош, ничего не скажешь: мечешься из стороны в сторону каждые пять минут — то к одним, то к другим, — как только возникнут какие-то трудности! А я-то думал, что ты помог мне там, в Черных дубах, потому что сделал выбор! Я думал, тебе не наплевать, что будет со мной! Ну, наверное, я ошибался. А вообще, на что тебе не наплевать, Слантер?

Гном пришел в замешательство.

— На то, выживу я или нет. И будь у тебя мозги, ты бы тоже об этом побеспокоился.

Джайр опешил от возмущения. Он даже приподнялся со стула, опершись обеими руками о стол.

— Выживет он или нет! Ну и как же ты думаешь выжить, если яд мордов распространяется по всем Восточным землям? А потом дальше, на запад. А ведь так и будет! И куда ты тогда побежишь? Или хочешь опять переметнуться — вновь стать гномом и дурачить странников?

Слантер привстал и пихнул долинца обратно на стул.

— Для того, кто ни черта не смыслит в жизни, ты слишком много болтаешь. Вероятно, если бы ты учился сам заботиться о себе, вместо того чтоб искать кого-нибудь, кто будет вечно вытирать тебе нос, ты бы не стал тыкать пальцем в других. А теперь, сделай милость, заткнись!

И Джайр заткнулся. Все равно бесполезно спорить и убеждать: Слантер уже все решил — от него теперь помощи не добьешься. И пора с этим покончить. Может, без гнома ему будет даже и лучше.

Они сердито сверлили друг друга глазами, пока не вернулся Гарет Джакс. Он был один. Даже если Мастер боя и ощутил напряженную атмосферу за столом, он никак этого не показал.

— Сегодня ты пойдешь на Совет старейшин, — тихо проговорил он, усаживаясь рядом с Джайром.

Долинец медленно покачал головой.

— Не знаю... Не знаю, стоит ли это делать.

Мастер боя пронзил его взглядом.

— Выбора у тебя нет.

— А Брин? Алланон?

— О них ничего не известно. Форкер проверил: в Кулхейвене их не было. Никто ничего не знает. — Гарет Джакс пристально смотрел на долинца. — Похоже, в этом деле никто тебе не поможет. Придется тебе самому их искать.

Джайр быстро взглянул на Слантера, но тот избегал встречаться с ним глазами.

— Когда мне идти на Совет? — Он повернулся к Джаксу.

Мастер боя поднялся:

— Сейчас.

Совет старейшин, как всегда, собрался в Ассамблее — необъятном, похожем на пещеру зале в большом квадратном здании, где располагались все правительственные службы Кулхейвена. Двенадцать старейшин расселись вдоль длинного стола на небольшом возвышении перед рядами скамей, разделенных проходами. Возвышение это помещалось как раз напротив широких двустворчатых дверей в противоположном конце зала. Именно через эти двери Гарет Джакс провел Джайра и Слантера. В Ассамблее было сумрачно, только на столе у старейшин горели масляные лампы. Все трое дошли до границы желтого света и там остановились. Карлики, сидящие на скамьях в темном зале, провожали их любопытными взглядами. В воздухе висел дым от курительных трубок, едко пахло табаком.

— Подойдите ближе, — раздался чей-то голос.

Они встали у первого ряда скамей. Джайр спокойно глядел по сторонам. Здесь были не только карлики. Справа долинец заметил эльфов, где-то с полдюжины, и далеко слева — примерно столько же людей с границы, из Каллахорна. Присло-

нившись к дальней стене, сидел Форкер. Его строгое лицо было бесстрастно.

— Добро пожаловать в Кулхейвен,— снова прозвучал тот же голос.

Сказавший это поднялся из-за стола старейшин — седобородый карлик с грубоватым обветренным лицом. Глубокие морщины были заметны даже при тусклом свете ламп. Он стоял в самом центре собрания старейшин Совета.

— Я — Бровок, старейшина и гражданин Кулхейвена, первый на этом Совете,— представился карлик и поманил рукой Джайра.— Подойди ближе, долинец.

Джайр сделал два шага и снова остановился, обводя глазами лица старейшин, глядящих на него сверху. Все они были уже пожилыми, но глаза их не походили на глаза стариков: живо и внимательно они изучали долинца.

— Как твое имя? — спросил Бровок.

— Джайр Омсфорд. Из Тенистого Дола.

Карлик кивнул.

— Что ты хочешь сказать нам, Джайр Омсфорд?

Джайр огляделся. Лица собравшихся застыли во внимательном ожидании — лица тех, кого он не знал. Стоит ли открывать им все, что ему известно? Долинец неуверенно поглядел на старейшину.

— Говори свободно,— уверил его Бровок, почувствовав замешательство юноши.— Можешь спокойно довериться тем, кто собрался здесь: все они сражаются против мордов.

Бровок медленно сел на место и выжидательно посмотрел на Джайра. Долинец еще раз огляделся, поглубже вздохнул и принялся говорить. Он рассказал им все по порядку, начав с того, как Алланон пришел к ним в Тенистый Дол, предупредил о мордах и, забрав Брин, ушел на восток. Джайр описал свой собственный побег из Дола, свои приключения на плоскогорье и в Черных дубах; рассказал о встрече с королем Серебристой реки и обо всем, что тот поведал ему. Весь рассказ занял немало времени. Его слушали очень внимательно, в полной тишине. Джайр никак не мог заставить себя поднять глаза на собравшихся: он боялся того, что может увидеть на их лицах. С самого начала он сосредоточил взгляд на морщинистом лице

Бровока и все время, пока говорил, смотрел в его пронзительно-голубые глаза. И карлик тоже пристально глядел на него.

Когда долинец закончил, старейшина медленно подался вперед, опираясь руками о стол. Он так и не отвел взгляда от глаз Джайра.

— Двадцать лет назад мы с Алланом вместе сражались против полчищ демонов у эльфийского города Арборлона. Это была ужасная битва. Юный Эдайн Элесседил... — он указал рукой на белокурого эльфа, примерно одних лет с Брин, ну, может быть, чуть постарше, — тогда еще и не родился на свет. Его дед, великий Эвентин, был тогда королем эльфов. И тогда же Алланон в последний раз проходил по Четырем землям. С того времени никто не видел друида, долинец. Он не приходил в Кулхейвен. Он не был в Восточных землях. Что ты на это скажешь?

Джайр покачал головой.

— Я не знаю, почему он не пошел этой дорогой. Я не знаю, каким путем он идет. Но я знаю куда. И с ним — моя сестра. И еще я знаю, что он действительно был здесь, в Восточных землях. — Он повернулся к Слантеру: — Этот охотник шел за ним от Мельморда до моего дома.

Джайр ждал подтверждения, но Слантер молчал.

— Вот уже двадцать лет никто не видел Алланона, — тихо повторил другой старейшина.

— И никто никогда не говорил с королем Серебристой реки, — вставил третий.

— Я говорил с ним, — сказал Джайр. — И мой отец говорил с ним. Он помог папе и эльфийской девушке бежать от демонов в Арборлон.

Бровок продолжал внимательно глядеть на долинца.

— Я знал твоего отца, юноша. Он был в Арборлоне и помогал эльфам в их войне против демонов. Ходили слухи, что он — хранитель эльфийских камней, точно как ты говоришь. Но ты сказал, что забрал эльфиниты из дома, а потом отдал их королю Серебристой реки?

— В обмен на магическую силу, которая может помочь мне, — быстро заверил Джайр. — За кристалл видения, чтобы найти Брин.

Бровок взглянул на Гарета Джакса. Мастер боя кивнул:

— Я видел кристалл, о котором он говорит. Это действительно магический дар. Камень показал нам лицо девушки.

Эльф Эдайн Элесседил внезапно поднялся с места — высокий белокожий юноша со светлыми волосами, свободно рассыпанными по плечам.

— Отец рассказывал мне о Виле Омсфорде. Он говорил, что это честный и искренний человек. Я уверен, сын такого человека не может говорить ничего, кроме правды.

— Если только он не принял вымысел за правду, — высказался один из старейшин. — Такое непросто осознать.

— Но река действительно отравлена, — заметил другой. — И все мы знаем, что это сделали морды. Чтобы уничтожить нас.

— Ты сам и сказал, что все знают, — возразил первый. — Это едва ли может служить доказательством.

И тут заговорили все разом. У каждого нашлось какое-то возражение или наоборот. В конце концов Бровок резко вскинул руки.

— Тише, старейшины! Поразмыслим-ка лучше о том, что нам делать! — Он обратился к Джайру: — Если все это правда, то тебе наверняка понадобится помощь. Без нашей помощи ничего у тебя не выйдет, долинец. Между Кулхейвенем и тем местом, куда тебе нужно, — ты говоришь, Колодец небес? — целые полчища гномов. И пойми еще то, что никто из нас никогда не был там и не видел истока Серебристой реки. — Он огляделся, ища поддержки. Собравшиеся закивали. Никто не возразил карлику. — Поэтому, прежде чем помогать тебе, мы должны быть уверены в том, что делаем. Мы должны поверить. А как нам поверить в то, чего мы совсем не знаем? Как ты убедишь нас, что все это правда?

— Но я не стал бы вам лгать! — вспыхнул Джайр.

— Умышленно не стал бы, — пробормотал карлик. — Но очень часто ложь бывает непреднамеренной. Иногда мы сами верим: вот — правда, но на самом деле это оказывается обманом. Возможно, сейчас именно тот случай. Быть может.

— Быть может, если мы будем продолжать здесь болтать, уже не останется времени, чтобы помочь Брин! — Джайр окончательно потерял терпение. — Никакой это не обман! Как я сказал, так все и было!

Вокруг раздались недовольные голоса, но Бровок тут же призвал всех к молчанию.

— Покажи нам Серебряную пыль, — обратился он к Джайру. — Тогда мы убедимся...

— Это не поможет. — Долинец беспомощно взглянул на него. — Она похожа на обычный песок.

— Песок? — Один из старейшин рассерженно мотнул головой. — Мы просто теряем время, Бровок.

Бровок вздохнул.

— Тогда покажи нам кристалл.

— Или еще как-нибудь докажи, что все это — правда, — добавил другой карлик.

Джайр чувствовал, что его шансы убедить карликов практически равны нулю. Очень немногие из Совета — если вообще хоть кто-нибудь — поверили его рассказу. Они ничего не знают об Алланоне и Брин; никто из них даже не слышал о ком-нибудь, кто говорил бы с королем Серебристой реки; скорее всего они даже не верят, что такой король вообще существует. А он, Джайр, еще говорит им, что отдал эльфийские камни в обмен на магическую силу, которую нельзя даже увидеть.

— Мы теряем время, Бровок, — повторил первый старейшина.

— Но все же пусть кто хочет расспросит долинца, а мы пока все обсудим, — высказался другой.

Снова со всех сторон раздались голоса, и на этот раз Бровоку не удалось успокоить собрание. И члены Совета, и карлики, сидящие в зале, повскакивали со своих мест, требуя безотлагательно закрыть это дело.

— Я так и думал, что этим все закончится, — внезапно шепнул Слантер Джайру.

Долинец вспыхнул от гнева. Чего ему только не пришлось пережить! Неужели лишь для того, чтобы теперь от него отмахнулись?! Докажи нам, говорят они, иначе мы не поверим!

Что же, он знает, как сделать, чтобы они поверили!

Долинец внезапно шагнул вперед и поднял руки, указывая на сумрак в боковом проходе. Жест получился настолько выразительным, что голоса резко стихли и все повернули головы посмотреть, что там такое. Но там не было ничего, лишь темнота...

А затем Джайр запел песнь желаний, резко и пронзительно, и в воздухе возникла высокая сумрачная фигура, закутанная в черный плащ с капюшоном.

Алланон.

Наступившую тишину всколыхнул гулкий вздох, как будто у всех собравшихся разом перехватило дыхание. Выхватив из ножен мечи и кинжалы, сидящие в зале сорвались со своих мест — защититься от тени, выступившей из тьмы. Голова в капюшоне медленно поднялась — свет упал на худое лицо призрака. Его суровый взгляд уперся в старейшин Совета. Потом Джайр замолчал, и друид пропал.

Долинец вновь повернулся к Бровоку. Глаза карлика были как два блюда.

— А теперь ты мне веришь? — тихо спросил его Джайр. — Ты говорил, что знаешь его, что вы вместе сражались в Арборлоне. Это был друид?

Бровок медленно кивнул.

— Да, это был Алланон.

— Значит, ты понял, что я его видел, — спокойно продолжал Джайр.

Все собрание вновь глядело на долинца. Теперь, после всего, что произошло на их глазах, уже с некоторой тревогой и беспокойством. За спиной долинца нервно хохотнул Слантер. Краем глаза Джайр заметил Гарета Джакса. Мастер боя смотрел на него с любопытством и даже, можно сказать, с изумлением.

— Я сказал вам правду. — Джайр обращался к Бровоку. — Мне нужно попасть в глубь Анара, к Колодцу небес. Алланон и моя сестра тоже придут туда. А теперь скажите: могу я рассчитывать на вашу помощь?

Бровок обратился к Совету:

— Что скажете?

— Я ему верю, — тихо сказал один из старейшин.

— А вдруг это ловушка! — возразил другой. — Что, если все это работа мордов?!

Джайр быстро огляделся. Кое-кто в зале согласно кивнул. В дымном свете масляных ламп подозрения и страх читались на многих лицах.

— Да, риск большой, — задумчиво проговорил кто-то из членов Совета.

Бровок поднялся.

— Мы поклялись помогать всем, кто пытается уничтожить черных призраков.— Взгляд его голубых глаз был тяжелым. Но в нем появилась решимость.— Долинец сказал нам, что он против мордов. Я ему верю. И я верю, что мы сделаем все возможное, чтобы помочь ему в его поисках. Я требую голосования, старейшины. Те, кто согласен со мной, пусть поднимут руки.

И он сам высоко поднял руку. Еще полдюжины старейшин присоединились к нему. Но противники так просто не успокоились.

— Но это безумие! — прокричал кто-то.— Кто пойдет с ним? Мы что, должны послать карликов из деревни, Бровок? Кто из наших воинов захочет отправиться в этот поход, который ты так поспешно благословил? Но если все выйдет по-твоему, придется искать добровольцев!

Тут же раздались голоса в поддержку этого предложения. Бровок кивнул.

— Да будет так.— Он молча оглядел зал, испытующе глядя в лица собравшихся, ожидая, что кто-то примет вызов.

— Я пойду.

Джайр медленно оглянулся. Гарет Джакс сделал шаг вперед. Его серые глаза холодно и бесстрастно смотрели на старейшин Совета.

— Король Серебристой реки пообещал долиnce, что я буду его защитником,— тихо проговорил он.— Ну что ж, обещания должны быть выполнены.

Бровок кивнул и опять оглядел зал.

— Кто еще? — требовательно спросил он.

Эльб Форкер оторвался от стены, о которую опирался все время, прошел вперед и встал рядом со своим другом. В третий раз Бровок оглядел собрание. Тут же возникло какое-то оживление среди людей Каллахорна. Гигант южанин поднялся с места — черноволосый мужчина с коротко подстриженной бородой и на удивление кротким лицом.

— Я.— Он присоединился к Джаксу и Форкеру.

Джайр невольно попятился. Этот человек был почти одного роста с Алланом.

— Хельт,— сказал ему Бровок,— людям Каллахорна не за чем идти в этот поход.

Гигант пожал плечами.

— У нас один враг, старейшина. Это дело по мне. И я пойду.

Эдайн Элесседил вскочил на ноги.

— Я тоже пойду, старейшина.

Бровок нахмурился.

— Ты — принц эльфов, Эдайн. Ты пришел сюда с Эльфийскими охотниками, потому что твой отец послал вас. Он считает, что эльфы в долгу перед карликами за то, что мы помогли вам тогда, в битве за Арборлон. Что ж, это правильно. Но то, что ты хочешь сделать, это уж слишком. Твой отец не одобрил бы этого. Подумай как следует.

Эльфийский принц улыбнулся.

— Мне нечего думать, Бровок. Не только перед карликами мы в долгу, но и перед долищем, и перед его отцом. Двадцать лет назад Вил Омсфорд пошел с эльфийкой-избранником на поиски талисмана, который потом уничтожил демонов, вырвавшихся из-за стены Запрета. Он рисковал своей жизнью ради моего отца и моего народа. А теперь я могу сделать то же для Вила Омсфорда — пойти с его сыном и помочь ему отыскать то, что он ищет. Я могу сам говорить за себя. И я иду.

Бровок продолжал хмуриться. Гарет Джакс взглянул на Форкера, но тот лишь пожал плечами. Мастер боя пристально смотрел на юного эльфа, как бы взвешивая про себя серьезность его заявления или, может, просто шансы юноши выжить в этом походе, потом медленно кивнул.

— Хорошо, — уступил Бровок, — значит, пять.

— Шесть, — тихо сказал Гарет Джакс. — Полдюжины для удачи.

Бровок озадаченно поглядел на него.

— А кто шестой?

Гарет Джакс медленно повернулся и указал на Слантера.

— Гном.

— Что?! — У Слантера отвисла челюсть. — Ты не можешь решать за меня!

— И все-таки решил, — ответил Мастер боя. — Ты единственный, кто был там, куда мы идем. Ты знаешь дорогу, гном, и ты нам ее покажешь.

— Ничего я вам не покажу! — Лицо Слантера исказилось от ярости. Он был вне себя. — Этот мальчишка... дьяволенок...

тебя он втянул во все это! И ладно, коль ты ничего не можешь поделывать! Но только попробуй заставить меня пойти — уж я вас так заведу! Костей не соберете! Всех вас волки сожрут!

Гарет Джакс почти вплотную подошел к нему. Страшные серые глаза Мастера боя были холодны, как зимняя стужа.

— Тебе же хуже, гном, потому что тебя сожрут первым. Ну-ка давай остынь и подумай как следует.

В Ассамблее повисла гнетущая тишина. Мастер боя и гном застыли на месте, глядя в глаза друг другу. В глазах человека была смерть, в глазах Слантера — неуверенность. Но гном не отвел взгляда. Он стоял, охваченный гневом, запертый в ловушке, которую сам же себе выстроил. Потом он взглянул на Джайра, и в это мгновение долинку стало по-настоящему жалко гнома.

Слантер едва заметно кивнул.

— Похоже, у меня нет выбора, — пробормотал он. — Я согласен.

Гарет Джакс повернулся к Бровоку.

— Шесть.

Старейшина поколебался, потом покорно кивнул.

— Итак, шесть, — тихо проговорил он. — Удачи вам всем.

Глава 15

Уже на следующее утро небольшой отряд вышел из Кулхейвена: Джайр, Слантер, Гарет Джакс, Эльб Форкер, Эдайн Элеседил и Хельт. Никем не замеченные, они тихонько выскользнули из деревни. Только Бровок вышел их проводить. На морщинистом лице карлика отражалось сложное чувство убежденности и тревоги. Прощаясь, он заверил Джайра, что обязательно пошлет кого-нибудь предупредить его родителей о мордах. С остальными он попрощался за руку и для каждого нашел теплые слова. Один только Слантер не выказал никакой признательности за добрые пожелания. Так они и ушли; ни остальные карлики, ни чужеземцы, бывшие сейчас в Кулхейвене, даже не стали провожать смельчаков, решившихся на это отчаянное путешествие. Почти все считали поход обреченным с самого начала.

Но решение было принято, и поход начался. Отряд отказался от всякого эскорта, несмотря на энергичные протесты Эль-

фийских охотников, которые пришли сюда вместе с Эдайном Элесседилом и чувствовали себя ответственными за безопасность принца. Это было чисто символическое подразделение, наспех собранное Андером Элесседилом и отправленное в Кулхейвен, как только эльфийский король узнал о просьбе Бровка о помощи. Пока армия готовилась к походу, Андер послал вперед небольшой отряд, чтобы заверить карликов, что эльфы помнят о своем долге и помощь придет обязательно, как только все будет готово. Вместе с отрядом Эльфийских охотников король отправил в Кулхейвен своего сына Эдайна Элесседила, не ожидая, впрочем, что тот сломя голову бросится в битву с гномами. Решение принца отправиться в самое сердце вражьей страны явилось для всех полной неожиданностью. Но Эльфийские охотники ничего не могли с этим поделать, ибо принц был уже взрослым и имел право сам принимать решения. Однако они настаивали, чтобы их тоже взяли в поход. Среди карликов и людей из Каллахорна тоже нашлись добровольцы, но им всем отказали. Гарет Джакс уже все решил, и все пятеро из небольшого отряда его поддержали, даже Слантер. Чем меньше людей, тем больше их мобильность и больше вероятность пробраться незамеченными через леса Анара. За исключением Джайра — хотя юноша и твердил непрестанно, что у него есть магическая сила, чтобы защитить себя, — все они были опытными воинами, в совершенстве владевшими наукой боя и выживания. Даже Эдайна Элесседила с детства обучали боевым искусствам офицеры личной гвардии короля. Итак, все согласилось, что маленький отряд как нельзя лучше подходит для такого путешествия.

Поэтому, как и было решено вначале, отправились лишь шестеро — пешком, так как лошади все равно не прошли бы по дебрям Анарских лесов, — прямо на восток от Кулхейвена, в самую чашу, держась русла Серебристой реки. Бровок упрямо смотрел им вслед, пока путешественники не скрылись за деревьями, потом с неохотой вернулся в деревню, где его ждали дела.

День выдался ясным: было тихо и прохладно — все-таки осень, — и солнечный свет омывал небеса. Легкий ветерок перебирал листья деревьев — бурые, алые, золотые, — и они опали, устилая землю мягким ковром, приятно шуршащим под

ногами. Время шло очень быстро. Как-то незаметно настал полдень, а потом и вечер окутал Анар в фиолетово-серый сумрак. Солнце медленно опустилось за горизонт.

Отряд расположился лагерем в ясеновой роще на берегу реки. С востока рощу огибал невысокий скалистый кряж. После ужина Гарет Джакс собрал своих спутников в тесный кружок.

— Маршрут наш будет таким...— Эльб Форкер разгреб опавшие листья и принялся чертить прутиком на мягкой земле.— Вот это — Серебристая река. Она течет туда.— Он махнул рукой.— Мы сейчас здесь. На востоке, в четырех днях пути,— Капааль, крепость карликов, которая охраняет запруды и шлюзы на Циллиделлане. За мною — Острые вершины и Дан-Фи-Аран, тюрьма гномов. Это к северу от Капааля. А еще дальше на север — Вороний срез и Грань мрака.— Он оглядел лица слушателей.— Если все будет хорошо, мы пройдем вдоль реки до самой Грани мрака. Если же нам придется уйти от реки, тогда путь один — напрямик через Анар. Это уже хуже: края там дикие.— Он помолчал.— Все земли к северу и востоку от Капааля заняты гномами. Там нам следует быть осторожнее.

— Вопросы? — бросил Гарет Джакс.

Смешок Слантера разорвал тишину.

— По-моему, ты все упрощаешь,— пробормотал он.

— Вот поэтому ты и идешь с нами,— пожал плечами Мастер боя.— Ты нам покажешь дорогу за Капаалем.

Слантер с презрением плюнул на чертеж.

— Если только мы доберемся туда.

После этого все разошлись устраиваться на ночлег. Джайр поколебался, потом направился на дальний конец поляны, к Слантеру.

— Слантер,— позвал он.

Гном вскинул голову — посмотреть, кто там, и тут же отвернулся.

Джайр встал перед гномом, стараясь заглянуть ему в лицо.

— Слантер, я только хотел сказать, что это не я придумал, чтобы ты шел с нами.

Слантер угрюмо взглянул на него.

— Именно ты, чего уж там.

Джайр покачал головой.

— Я никого не заставил бы идти против воли — даже тебя. Но я все-таки рад, что ты с нами. Я хотел, чтобы ты знал об этом.

— Как любезно с твоей стороны, — фыркнул гном. — Только не забудь напомнить об этом странникам, когда мы все угодим в темницу!

— Слантер, ну не надо, пожалуйста. Не надо...

Гном резко отвернулся.

— Отстань от меня. Я не хочу иметь ничего общего с тобой. Я не хочу иметь ничего общего ни с кем из вашей компании. — Когда Слантер снова взглянул на долинца, в глазах гнома была утрюмая решимость. — Я смываюсь при первой возможности, мальчик! Помни об этом — при первой же возможности! Ну что, ты все еще рад, что я с вами?

Он повернулся и зашагал прочь. Джайр беспомощно глядел ему вслед.

— Он не так уж сердится на тебя, как старается показать, — пробормотал кто-то над ухом долинца. Джайр поднял голову: рядом с ним стоял Хельт. — Он больше сердится на себя.

Джайр с сомнением покачал головой.

— Что-то не похоже.

Гигант каллахорнец уселся на высокой коряге, вытянув перед собой длинные ноги.

— Может, и не похоже, но это так. Я встречал этого гнома в Варфлите. Он следопыт, а следопыты не такие, как все. Они одиночки, а уж Слантер-то и подавно! Он чувствует себя в ловушке и ищет, кого бы во всем обвинить. Проще всего обвинить тебя.

— И наверное, у него есть для этого основания. — Долинец провожал взглядом гнома, который уже отошел далеко.

— Но все же не больше, чем для упреков себе самому, — спокойно проговорил Хельт. — Его ведь никто не тянул в Анар?

Джайр кивнул.

— Но я просил его пойти со мной.

— Нас всегда кто-то просит пойти. Просит, а не принуждает, и мы сами выбираем, что делать. Так же и с гномом. Он сделал свой выбор и пошел с тобой в Кулхейвен. Возможно, он даже хотел пойти. Возможно, он и сейчас хочет идти с тобой, но не желает признаться себе в этом. Вероятно, даже сама эта мысль его пугает.

Джайр нахмурился.

— А чего здесь пугаться?

— Потому что это значит, что ему на тебя не наплевать. Что он волнуется за тебя. Иначе я просто не понимаю, что он здесь делает.

— Я как-то об этом не думал. Мне казалось, что все как раз наоборот, и ему наплевать на все.

Хельт покачал головой.

— Нет, далеко не на все. Именно это его и пугает. Следопыты не могут позволить себе переживать за кого-то другого — иначе они просто не выживут.

Джайр пристально поглядел на человека с границы.

— Ты как будто уверен в том, что говоришь.

Гигант поднялся.

— Да, уверен. Видишь ли, я и сам когда-то был следопытом.

Он повернулся и ушел в темноту. Джайр смотрел ему вслед. Он так и не понял, что побудило Хельта заговорить с ним, но все равно долинец был благодарен ему за это.

Затеплился утрюмый рассвет; в сером небе грозовые тучи уныло плыли на восток. Студеный и резкий северный ветер свистел в полуголых ветвях деревьев, хлестал по лицам людей. Опавшие листья и пыль носились в воздухе. Пахло дождем.

Этот день Джайр Омсфорд провел в компании Эдайна Элесседила. Как только они двинулись в путь, эльфийский принц присоединился к долинцу и завел с ним разговор, поведав все, что его отец, король, рассказал ему об Омсфордах. Эльфы в великом долгу перед Вилом Омсфордом, заметил принц. Если бы не он, эльфы могли бы проиграть войну против демонов, ведь именно Вил отвел эльфийского избранника Амбель к Источнику Огненной крови, где она опустила в волшебное пламя семя Элькрис, чтобы дерево возродилось.

Джайр, наверное, тысячу раз слышал эту историю, но совсем иное — услышать ее от эльфийского принца, и долинец с искренним интересом внимал рассказу юного Элесседила. А сам в свою очередь поведал Эдаину о своих — правда, весьма скудных — познаниях о Западных землях, о том, как отец всегда восхищался Андером Элесседилом, и о своих собственных добрых чувствах к эльфийскому народу.

Так, за разговорами, завязалась их дружба, и даже возникло чувство какого-то внутреннего родства. И непонятно, что здесь сыграло главную роль: эльфийская кровь обоих или то, что они

ровесники. К тому же и по характеру Джайр и Элайн были очень похожи: то серьезные, то беспечные, всегда готовые высказать свои сокровенные чувства и мысли. И не только высказать, но и внимательно выслушать друг друга. Поэтому неудивительно, что за этот день они стали настоящими друзьями.

На ночлег отряд остановился под скалистым выступом невысокой горной гряды, что тянулась вдоль берега Серебристой реки. Путешественники молча поели, глядя, как река вяло перекатывается через каменистые пороги. К вечеру начался дождь, небеса почернели, и сумерки быстро сгустились в непроглядную ночь. Джайр утрюмо смотрел в темноту; от реки шел гнилостный запах. Здесь река была намного грязнее, чем у Кулхейвена, воды ее, совсем черные, несли коряги и дохлую рыбу. Яд проник и в прибрежные растения — они уже начали сохнуть. Даже этот ледяной дождь казался долину спасением, хотя, конечно, он не мог вымыть яд из вод реки.

В конце концов сон одолел путешественников. Как обычно, кто-то стоял в карауле. Сегодня была очередь Хельта. Он расположился у края выступа. На сером фоне дождя гигант каллахорнец казался застывшей исполинской тенью. Элайн Элесседил рассказал Джайру, что Хельт долгое время был следопытом — более двадцати лет. Никто не знал, почему он в конце концов бросил это занятие. Ходили слухи, что когда-то у него была семья, но что с ней случилось, никто толком не знал. Сам Хельт — очень добрый, мягкий человек с тихим голосом, но в то же время и очень опасный. Опытный воин. Неимоверно сильный. И еще он мог видеть в темноте так же, как днем. Был у него такой дар. Об этой способности Хельта ходили легенды. Никто не мог незаметно подкрасться к нему или проскользнуть мимо.

Холодало. Джайр плотнее закутался в одеяло. В центре лагеря горел костер, но его тепло не могло разогнать стылую сырость. Долинец то и дело поглядывал на Хельта. После того разговора южанин и словом с ним не обмолвился. А Джайру так хотелось еще поговорить с Хельтом, и пару раз он едва не решился обратиться к нему. Но что-то удержало его. Быть может, сам облик этого человека: ведь Хельт такой огромный, такой молчаливый. Как Алланон, только... немного другой. Джайр покачал головой, не в силах определить, в чем же именно заключается эта разница.

— Тебе надо поспать.

Внезапно раздавшийся голос так испугал долинца, что он даже полскочил. Бесшумной черной тенью перед ним возник Гарет Джакс и уселся рядом, кутаясь в плащ.

— Мне что-то не спится, — пробормотал Джайр, еще не пришедший в себя от испуга.

Мастер боя кивнул, глядя в темноту. Они долго сидели молча, вслушиваясь в шелест дождя, плеск реки и мягкий шорох листвы. Потом Гарет Джакс зашевелился, и Джайр почувствовал на себе его взгляд.

— Помнишь, ты спрашивал, почему я помог тебе в Черных дубах? — тихо спросил Мастер боя. Джайр кивнул. — И я сказал: потому что ты меня заинтересовал. Все это так. Но была еще одна причина.

Он замолчал, и Джайр повернулся к нему. Суровые и холодные глаза Джакса казались такими далекими.

— В своем деле я — лучший. — Голос Мастера боя был едва слышен. — Всегда был лучшим. Другого такого, как я, просто нет. Я обошел все края, но так и не встретился с равным себе. Однако я продолжаю искать.

Джайр изумленно уставился на него.

— Но зачем?

— А что мне еще остается делать? Какой смысл быть Мастером боя и не подвергать испытанию свое мастерство? Ведь тогда мое имя ничего не значит... Каждый день своей жизни я пытался испытывать свое умение, чтобы убедиться, что я по-прежнему лучший. И конечно, я лучший. Но я продолжаю искать. — Он снова вперил взгляд в дождливую мглу. — Когда я впервые увидел тебя там, в Дубах, связанного по рукам и ногам, с кляпом во рту, под охраной целого патруля гномов, я подумал: здесь что-то особенное. Я не знал, что именно, но понял: что-то такое есть. Я это почувствовал. Ты — тот, кого я искал всю жизнь.

Джайр покачал головой.

— Ничего не понимаю.

— Да, конечно. Я тоже сначала не понимал. Только почувствовал, что наша встреча очень важна для меня. Вот поэтому я тебя освободил и пошел с тобой. А уже по пути я начал понимать... хотя нет, я твердо знал, что близок к цели своих дол-

гих поисков. Но тогда я еще не знал, каким образом ты поможешь мне. Я лишь чувствовал, что поможешь, и пошел с тобой. — Он напрягся. — А потом... — Джакс заглянул Джайру в глаза. — В то утро у Серебристой реки... Ты проснулся и рассказал мне свой сон. Не сон даже, но что-то похожее на сон. Ты сказал, что теперь у тебя появилось дело. Настоящее дело. И что я буду твоим защитником. Что ты должен идти черт знает куда, в самое логово мордов, и искать там что-то известное тебе одному, и я буду твоим защитником. — Гарет Джакс медленно покачал головой. — Но понимаешь, той ночью я тоже видел сон. Я тебе не говорил... Сон был таким реальным... скорее видение, чем сон. Вместе с тобой мы стояли в каком-то незнакомом месте, и я был твоим защитником. Передо мной было какое-то огненное существо. Оно обжигало своим прикосновением. А голос шептал в моем сознании. Он сказал мне, что я должен сразиться с огнем и это будет смертельная битва, самая страшная битва в моей жизни. Голос сказал мне, что для этой битвы я и тренировал себя всю жизнь и все битвы, которые были раньше, являлись лишь подготовкой к этой, самой главной. — Его серые глаза сверкали от возбуждения. — А когда ты рассказал мне о своем сне, я подумал, что и мой сон тоже послан королем Серебристой реки. Но как бы там ни было, я знаю: голос сказал мне правду. И еще я знаю: это именно то, что я искал. Наконец-то я смогу испытать свое мастерство в битве с самым сильным противником из всех, с кем мне приходилось сражаться раньше. Только так я проверю, действительно ли я лучший.

Он замолчал, и они долго смотрели друг на друга. И Джайр испугался того, что увидел в глазах Мастера боя: решительность, одержимость и... что-то еще. Безумие. Едва сдерживаемое неистовство, тяжелое, словно железо.

— Я хочу, чтобы ты понял, долинец, — прошептал Гарет Джакс. — Я иду с тобой, потому что я должен увидеть свой сон наяву. Я дал тебе слово, и я буду твоим защитником. Какие бы опасности тебе ни угрожали, я сделаю так, чтобы ты дошел. Я буду защищать тебя даже перед лицом смерти. Но в конце пути я испытаю свое искусство, сразившись с той тварью из сна!

Он замолчал и слегка отодвинулся от долинца.

— Я хочу, чтобы ты это понял, — тихо повторил Мастер боя.

Он вновь замолчал и ждал.

Джайр с серьезным видом кивнул.

— Мне кажется, я понимаю.

Гарет Джакс уставился во мрак и задумался. Он сидел молча и глядел в пелену дождя, словно был один. Потом поднялся и бесшумно скользнул в темноту.

Джайр еще долго не мог заснуть. Действительно ли он понял Гарета Джакса?

Проснувшись на следующее утро, Джайр достал волшебный кристалл, чтобы посмотреть, что стало с Брин.

Дождь и туман серой пеленой окутали лес. Все его спутники сгрудились вокруг долинца. Он держал кристалл перед собою так, чтобы все могли видеть, и пел. Тихая и протяжно-торжественная, песнь желаний наполнила собой рассветную тишину и воспарила над землей, смешавшись с дождем. А потом внутри кристалла вспыхнул пронзительный свет и возникло лицо Брин. Она смотрела куда-то вдаль, пристально изучая что-то, чего не могли видеть они, глядящие в волшебный кристалл. За спиной девушки громоздились горы, голые и унылые на фоне пасмурного рассвета. Джайр продолжал петь. Брин повернула голову, и кристалл показал Алланона и Рона Лиха. И дальше — черный дремучий лес. Джайр замолчал — видение пропало. Долинец тревожно оглядел своих спутников.

— Где она?

— Горы — это Драконьи Зубы, — ответил Хельт. — Точно.

Гарет Джакс кивнул и обратился к Форкеру:

— А лес?

— Анар. — Карлик перебирал пальцами бороду. — Она и ее спутники идут туда же, куда и мы. Только чуть севернее, через Рабб.

Мастер боя сжал плечо Джайра.

— В прошлый раз, когда ты смотрел в кристалл, там были те же самые горы, Драконьи Зубы. Тогда твоя сестра и друид еще были в горах, а теперь они выбрались на равнину. Но что им делать на равнинах Рабб?

Все молча переглянулись.

— Паранор, — внезапно сказал Эдайн Элесседил.

— Башня друидов, — тут же подхватил Джайр. — Алланон повел Брин в Башню друидов. — Он покачал головой. — Но зачем?

На этот раз никто ему не ответил. Гарет Джакс потянулся.
— Все равно мы пока ничего не узнаем. Ответы на все эти вопросы там, на востоке.

Джайр спрятал кристалл под рубашку. Все поднялись. Поход в Анар продолжался.

Глава 16

На четвертый день после выхода из Кулхейвена они подошли к Клину.

Уже близился вечер, серое небо тяжело нависло над землей. Дождь шел три дня, лес промерз и промок насквозь. На деревьях почти не осталось листьев; в сгущающихся сумерках белесым призраком стелился туман, обтекая черные застывшие стволы. В пустом, будто оцепеневшем лесу царила тишина.

Еще утром путешественники заметили, что местность изменилась. Начался постепенный подъем, потом впереди показались скалы и горные края. Разбухшая от дождя Серебристая река врезалась в утесы, протекая по дну глубокого извилистого ущелья. На его отвесных стенах не росло ни деревца, ни куста. Скрытая сумерками и туманом, река вскоре пропала из виду далеко внизу.

Клин — так называли карлики это ущелье.

Низко склонив головы, чтобы защитить лица от ветра, шестеро путешественников зашагали вверх по южному склону ущелья. Горы застыли в безмолвии, и, кроме свиста ветра, не было слышно ни единого звука. Чувство полного одиночества поселилось в душе каждого, неизбывное и пронзительное. Они почти физически ощущали, как небо опускается ниже к земле и ночь, поглощая остатки света, подкрадывается к горам. Тут, наверху, было немного получше. По крайней мере, здесь росли сосны и чахлые кусты. Идти приходилось медленно, но все-таки не по голым камням. Форкер шел впереди, выбирая дорогу: ведь это была его страна, и он знал, какие тут могут встретиться неожиданности. Следом за карликом шагал Гарет Джакс, такой же угрюмый и черный, как эти зловещные сосны; затем — друг за другом — Слантер, Джайр и Эдайн Элесседил. Гигант Хельт замыкал строй. Все шли в полной тишине. Никто не произнес ни слова.

Перевалив через вершину, они спустились к роще, где росли голубые ели — такие неожиданно яркие и живые после суровых сосен. Тут Форкер резко остановился, прислушиваясь, и знаками велел своим спутникам отойти под деревья. Потом карлик что-то быстро сказал Гарету Джаксу, шагнул в сторону и растворился в дожде и тумане.

Они молча ждали его возвращения. Карлика не было очень долго. В конце концов он появился с противоположной стороны и поманил всех за собою в глубь рощи. Там они сгрудились вокруг карлика.

— Гномы,— тихо проговорил Форкер. С его лысой головы стекала вода и скапливалась в завитках бороды.— Наверное, около сотни. Они заняли мост.

Все молчали. Мост находился на территории карликов — целая армия их размещалась в Капаале. Если гномы зашли так далеко на запад, так близко к Кулхейвену... что же стало с защитниками крепости?

— А нельзя обойти? — спросил Гарет Джакс.

Форкер покачал головой.

— Нет, если только не хочешь впустую потратить три дня. Единственный проход через Клин — по мосту. Если нам не удастся пройти здесь, придется возвращаться и огибать горы с юга. А там Дикие дебри.

Снова все замолчали.

— Мы не можем терять три дня,— наконец заговорил Мастер боя.— Удастся нам проскользнуть мимо гномов?

Форкер пожал плечами.

— Возможно, когда стемнеет...

Гарет Джакс кивнул.

— Пойдем посмотрим.

Вновь в тумане и вечерней мгле они поднялись на вершину скалы — сквозь кустарник и ели, мимо каменных валунов, мокрых и скользких от дождя. Бесшумными тенями скользили они вслед за Форкером, который опять выбирал путь во тьме.

И вдруг сквозь серую дымку из пролома меж скалами пробился свет костра, словно размытый дождем. Все шестеро как один пригнулись и так, скорчившись, добрались до вершины ближайшего возвышения, где залегли, глядя вниз.

Перед ними черной пропастью зиял Клин — гигантская трещина в скалах, дышащая сыростью и туманом. И над трещи-

ной в пустоте висел мост, добротное сооружение из железа и бревен. Карлики издавна славились своим искусством строителей. Ближний конец моста соединялся с плоским каменным выступом, достаточно широким и поросшим редким леском. Теперь среди деревьев стояли палатки гномов и пылали сторожевые костры. И гномы были везде: вокруг костров, в палатках — смутные силуэты, выхваченные из тьмы желтым светом. А на дальней стороне ущелья, почти невидимой во мраке, около дюжины гномов следили за узкой тропой, ведущей от пропасти к пологому склону, за которым уже начинался лес.

По обе стороны моста патрулировали гномы-охотники.

Шестеро путников на вершине хребта очень долго глядели вниз, изучая каждую деталь, потом Гарет Джакс знаками приказал отойти под тень гигантских валунов.

Там Мастер боя сразу же обратился к Хельту:

— Когда стемнеет, сможем мы проскользнуть?

Каллахорнец, похоже, сомневался:

— Только если до моста, но дальше...

Гарет Джакс мотнул головой.

— Так не пойдет. Нам надо на ту сторону. Как бы пробраться мимо стражи...

— Одному еще можно попробовать, — задумчиво проговорил Форкер. — Если переползти по скобам под мостом. Кто-то мог бы перебраться, убить стражу на той стороне и удерживать мост, пока не пройдут остальные.

— Но это безумие! — внезапно воскликнул Слантер. — Даже если вам и удастся добраться туда и перебить стражу, — дюжину вооруженных солдат! — через минуту там будут новые. И что вы тогда станете делать?!

— Карлики очень находчивые, — пробурчал Форкер. — И еще мы умеем строить, гном. Этот мост очень прочный, но и обрушить его — проще простого. Надо лишь выбить штыри, и вся конструкция полетит в пропасть.

— А сколько времени нужно, чтобы их выбить? — спросил Гарет Джакс.

— Минута, может, две. Мы ведь предвидели, что когда-нибудь гномы попробуют обойти Капааль. — Он покачал головой. — Но меня тревожит, что они сделали это сейчас и никто их не остановил. Они осмелились открыто захватить мост. И спокойствие в их лагере говорит о том, что гномы вовсе не опасаются

ются атаки с той стороны. — Форкер снова покачал головой. — Я беспокоюсь о нашей армии там, в Капаале.

Гарет Джакс протер глаза, смахивая дождевки.

— Успеешь еще побеспокоиться. Потом. — Он быстро оглядел своих спутников. — Слушайте внимательно. Когда стемнеет, Хельт проведет нас до моста. Я переберусь под мостом на ту сторону. Когда я расправлюсь со стражниками, Эльб и гном проведут долинца. Ты, Хельт, и эльф, оставайтесь на месте и стреляйте из луков, чтобы гномы не добрались до моста. А мы пока выйдем штыри. Как только услышите, что мы вас зовем, немедленно бегите на ту сторону, и мы обрушим мост.

Эльб Форкер, Эдайн Элесседил и Хельт молча кивнули.

— Гномов там больше сотни! — горячо зашептал Слантер. — Одна ошибка — и нам конец!

Форкер холодно посмотрел на него.

— Тебе-то чего бояться? Ты всегда можешь сказать, что ты с ними!

Джайр быстро взглянул на Слантера, но тот отвернулся и ничего не ответил.

Гарет Джакс встал с земли.

— А теперь ни звука. Каждый знает, что ему делать.

Они вновь поднялись на вершину кряжа и стали терпеливо ждать наступления ночи. Прошел час. Потом еще один. Но Мастер боя не двинулся с места. Тьма затянула ущелье, смешавшись с дождем и туманом. Стало холодно, путешественники совсем продрогли. А там, внизу, пламя костров в лагере гномов стало как будто ярче на черном фоне ночи.

Наконец Гарет Джакс поднял руку. Его спутники тут же вскочили. Как ночные тени, скользнули они вниз по каменистому склону. Друг за другом. Хельт — впереди. Огни костров приближались, и сквозь порывы ветра и шум дождя донеслись приглушенные голоса — хриплые и раздраженные. Стараясь держаться в тени деревьев и скал, друзья обогнули лагерь по самому краю пропасти. И только редкое умение Хельта видеть в темноте убергло их от падения.

Минуты казались часами. Иногда ветер доносил дразнящий запах горячей еды или звук голосов, смех и ворчание. Джайр то и дело поглядывал в сторону лагеря и в бледном свете костров ясно видел фигуры гномов. Долинец старался даже дышать пореже, отчаянно желая раствориться в ночи, стать с ней од-

ним существом. И тут ему вдруг пришло в голову, что он-то действительно может слиться с ночной темнотой. Песнь желаний сделает его невидимым.

А потом Джайр сообразил, что знает гораздо лучший способ провести всех через мост.

Вот только как им об этом сказать?

Деревья и скалы закончились. Теперь абсолютно пустое пространство отделяло их от моста. Едва ли не ползком путешественники двинулись вперед. Здесь уже не было костров; туман и дождь скрывали маленький отряд. И вот из тьмы показался гигантский навесной мост, деревянные балки блестяли от влаги. Сверху донеслись раздраженные голоса гномов-стражников. Конечно, мало приятно торчать тут на промозглом холоде и глядеть на сухой и теплый лагерь. Хельт бесшумно провел своих спутников вниз, под мост, к скрепляющим балкам. Прямо у них под ногами обрывался крутой склон ущелья; ветер свирепо свистел в пустоте между скалами.

Путешественники сбились в тесную кучу, и Джайр подергал Гарета Джакса за рукав. Тот повернулся к нему. Джайр указал пальцем на Мастера боя, потом на себя и вверх, на стражников на мосту. Гарет Джакс нахмурился. Джайр указал на свои губы, беззвучно произнес «гном» и вновь ткнул пальцем в себя и Джакса. Песнь желаний сделает так, что мы будем выглядеть как гномы, и стражники нас не остановят, пытался объяснить он. Быть может, попробоваться все-таки прошептать? Совсем-совсем тихо. Но нет, Мастер боя велел не разговаривать. Слишком опасно — ветер далеко разносит звук голоса. Джайр повторил свои жесты. Его спутники с недоумением переглядывались, пока Джайр продолжал что-то показывать Гарету Джаксу.

Наконец Мастер боя, похоже, понял его. Мгновение он колебался, потом взял долинца за руку и, притянув к себе, указал пальцем на остальных и на мост наверху. Сможет долинец замаскировать их всех? Джайр смутился: он даже не думал об этом. Хватит ли его сил на шестерых? Впрочем, сейчас темно, дождь, они все в плащах с капюшонами. Да и займет это пару минут, не больше. Он кивнул: сможет.

Гарет Джакс крепко обнял его, пристально глядя в глаза долинцу, потом сделал знак всем остальным идти за ним. Они

тут же поняли: Джайр использует свою волшебную песнь желаний, чтобы провести их по мосту. Они не знали, как именно он сделает это, но уже были свидетелями проявления его силы. К тому же все они — ну, может быть, за исключением Слантера, но при данных обстоятельствах его никто и не спрашивал — безоговорочно доверяли Гарету Джаксу.

Что ж, пора. Не таясь, друзья вышли из своего укрытия и направились прямо к мосту. Стражники лениво переговаривались между собой, но, заметив их, тут же насторожились. Патрульных было всего трое. Джайр уже пел; растворяясь в дожде, хриплая песнь шептала о гномах. О гномах... Мгновение стражники колебались и даже схватились за мечи. Джайр повысил голос. Песнь желаний стала жестче, настойчивее. Долинец пытался придать им всем облик Слантера.

«Да, гном-следопыт, наверное, решил бы, что я головой повредился», — мимоходом подумал Джайр.

И продолжал петь.

А потом, опустив оружие, стражники расступились. Смена караула? А, черт, наверное, этих меняют, на той стороне? Так и оставив стражников в недоумении, шесть угрюмых фигур прошагали мимо, глядя под ноги и зябко кутаясь в плащи. Их сапоги гулко стучали по деревянному настилу моста. И все это время Джайр пел, охраняя своих друзей волшебным звуком.

И вдруг голос его сорвался, не выдержав напряжения. Но теперь они были почти на середине моста, стража осталась позади. Если кто-то и глядел им вслед, дождь и туман должны были сбить его с толку. Вокруг завывал ветер. Гарет Джакс знаками приказал Хельту и Эдаину Элесседилу прикрыть отряд сзади. Краем глаза долинец заметил, что Слантер с изумлением смотрит на него. Но это длилось лишь мгновение, потом Гарет Джакс отодвинул их с гномом себе за спину и, плечом к плечу с Эльбом Форкером, направился вперед.

Черными тенями они вышли из мрака и дождя прямо перед стражниками на другой стороне моста. Что-то будто тисками сжало горло Джайра. Мало того что он сорвал голос — гномов было слишком много, чтобы песнь желаний могла обмануть их всех. Недобрые желтые лица повернулись в сторону путешественников. Пару мгновений гномы просто смотрели, озадаченные странным обликом приближающихся к ним фигур,

уверенные, однако, что только гномы могли так запросто пройти по мосту, появившись из лагеря на той стороне. Но еще до того, как изумление переросло в тревогу, Гарет Джакс и Форкер бросились в атаку. Меч и кинжал сверкнули в ночи. Полдюжины гномов упали замертво еще до того, как остальные успели сообразить, что происходит. Только потом раздались крики тревоги.

И почти тут же с другой стороны донеслись ответные вопли. Съездившись на краю моста, Джайр и Слантер напряженно вглядывались в темноту, почти ничего не видя, но зато хорошо слыша крики сражающихся. Пронзительный звон тетивы знаменитых эльфийских луков перекрыл даже вой ветра и шелест дождя, и тут же раздались предсмертные хрипы гномов.

Неожиданно прямо на них из темноты вылетел гном, окровавленный и всклокоченный, его глаза горели бешеным огнем. Размахивая боевым топором, гном выскочил на мост и с изумлением остановился при виде Слантера. Но потом он увидел Джайра и рванулся к нему. Долинец отшатнулся, защищаясь голыми руками. Он так испугался, что на мгновение забыл о своем длинном кинжале. Яростно рыча, гном занес топор.

— Нет, только не мальчишку, ты... — завопил Слантер.

Гном резко повернулся к нему, обрушивая топор. Но Слантер оказался проворнее: один взмах меча — и гном тяжело рухнул на доски моста. Слантер отпрянул. Казалось, он сам был потрясен. Потом он схватил Джайра за руку, рывком поднял его на ноги и потащил за собой прочь с моста.

Из темноты возник Эльб Форкер. Не сказав им ни слова, он нырнул под мост, опустил на колени и нащупал руками скрытые штыри, которые держали крепления. Помогая себе кинжалом, он принялся освобождать их.

С центра моста донесся новый шквал криков, потом — топот ног по деревянному настилу. Из тьмы и тумана вырвались Хельт и Эдайн Элесседил, но, не сходя с моста, остановились, повернулись навстречу погоне и натянули тетиву своих длинных луков. Где-то во тьме позади гномы взвыли от боли. Снова звон тетивы — и снова безумные крики. А потом топот ног растворился в ночи на той стороне. Гномы пока отступили, но вряд ли надолго.

— Поторопись со своими штырями! — прокричал Хельт.

Теперь к Форкеру присоединился Гарет Джакс. Вместе они быстро вытянули все штыри — остались лишь два последних. На мосту вновь раздался топот.

— Хельт! — крикнул Мастер боя, выбираясь на скалистый выступ. Форкер карабкался следом. — Уходите с моста!

Каллахорнец и эльф бросились во мрак. Вслед им летели копья и стрелы. Эдайн, как более проворный и легкий, первым вылетел на площадку, едва не наткнувшись на Джайра и Слантера.

— Пора! — крикнул Форкер Гарету Джаксу.

Они стояли напротив друг друга. Разом они вытащили крепления из пазов. В то же мгновение Хельт спрыгнул с моста на каменную площадку.

Деревянные балки жалобно скрипнули, и мост — сначала очень медленно — стал оседать. Гномы на мосту пронзительно завопили, но было уже поздно. На мгновение будто зависнув в воздухе, вся конструкция обрушилась в дождь и туман. Потом и на другой стороне сорвались крепления. Мост исчез в черной бездне.

А на северном склоне Клина шесть теней скользнули во тьму и растворились в ночи.

Глава 17

Они ночевали в пещере в полудюжине миль к востоку от Клина. А наутро, когда проснулись, дождя уже не было. Никто не знал, когда именно прекратился ливень, — даже Эдайн Элесседил, который стоял в карауле последним. Измученный ночной битвой у Клина, юный эльф тоже уснул.

В этот день погода вдруг изменилась к лучшему. Далеко на севере, почти растворяясь в сиреновой дымке рассвета, чернели горы — Вороний срез. Осенние ветры стылым потоком текли с их вершин, предвещая суровую зиму. Эти ветры отогнали тучи, дождь и туман к югу от Серебристой реки, и небо вновь стало бездонно-синим. Промозглая сырость тоже исчезла. Пейзаж, будто размытый дождем, снова обрел четкие контуры и засиял под золотыми лучами солнца. Земля быстро подсохла, впитав в себя излишнюю влагу.

Поплотнее закутавшись в еще не просохшие плащи, чтобы хоть как-то спастись от ледяного ветра, путники зашагали даль-

ше вдоль реки, на восток. Здесь опять начался лес, но теперь невысокие горные кряжи тянулись по обеим сторонам потока. На востоке маячили черные пики Капааля — цель сегодняшнего перехода, — словно гигантские копья, рвущие полог небес. Еще утром они казались такими далекими, но к концу дня друзья добрались до их подножия и начали подъем.

Они поднялись достаточно высоко, как вдруг Эдвин Элесседил резко остановился.

— Послушайте! — хрипло прошептал он. — Слышите?

Остальные застыли на месте, глядя на восток, куда указывал эльф. В скалах свирепо выл ветер, и, кроме его зловещего рева, — ни звука.

— Я ничего не слышу, — пробормотал Форкер. Однако никто не сдвинулся с места. Все знали, какой у эльфов острый слух.

Но тут на мгновение ветер стих, и какой-то непонятный гул донесся издалека — глухой, словно бы затерявшийся в нагромождении скал.

Лицо Форкера потемнело.

— Барабаны гномов!

Они прошли еще немного вперед, теперь — осторожнее, оглядывая каждый выступ, каждую расщелину. Бой барабанов становился все четче, ему вторил ветер, и земля отвечала зловещей дрожью.

Наступил вечер, и, когда тень горных вершин протянулась до места, где теперь стояли шестеро путешественников, до них донесся еще один звук. Очень странный, похожий на пронзительный вой. Поначалу казалось, что это просто ветер, но потом звук отделился, дрожащий, яростный. Он как будто стекал по вершинам вниз и обволакивал их. Все тревожно переглянулись, и, когда Гарет Джакс наконец заговорил, в его голосе слышалось изумление.

— Да там настоящая битва!

Форкер кивнул и вновь устремил взгляд вперед.

— Они осаждают Капааль!

Отряд поднялся еще выше, пробравшись по лабиринту беспорядочно громоздившихся валунов, выступов, трещин и впадин. Сумерки все быстрее поглощали солнечный свет, тени сгущались на южном склоне. Ветер стих, словно бы растворив-

шись в вечернем мраке, и тишина опустилась на землю. Только скалы дрожали от гулкого эха барабанной дробы и криков битвы. Теперь в проломах между утесами стало видно, как в небе лениво кружатся хищные птицы. Паря над полем битвы, они наблюдали и ждали.

Наконец путешественники добрались до вершины, и отсюда открылся вид на глубокую сумрачную расщелину. Скалы обступали ущелье со всех сторон. Шестеро путников остановились, глядя в полумрак, не покажется ли что-нибудь подозрительное. Но путь был свободен: ни единого движения, ни звука. Вся жизнь в этих скалах, казалось, ушла туда, к Капаалу, где кипела битва.

Выбравшись из ущелья, путники остановились. Склон резко уходил вниз, и все было видно как на ладони.

— Проклятье! — выдохнул Форкер.

Прямо напротив, за тесниной, растянулись запруды и шлюзы Капаала. Гигантские и неожиданно светлые — почти белые на фоне темнеющих скал, — они, казалось, бережно поддерживают Циллиделлан в чаше огромных ладоней. А на плоских широких вершинах шлюзов, поднимаясь на целых три уровня, стояла сторожевая крепость — нагромождение стен, бастионов и башен. Цитадель помещалась ближе к северной стороне системы шлюзов и выходила на пологий склон, почти равнину, которая в конце концов спускалась к новому горному краю. Еще одна крепость, поменьше, стояла у берега искусственного водоема, на крутом склоне утеса, и туда можно было подняться лишь по узеньким горным тропам.

Теперь здесь шла битва. Армия гномов заняла уже весь дальний выступ скалы и склоны за нею и сейчас темной волной накатывала на Капаал в тщетных пока попытках пробить брешь в укреплениях. Катапульты метали громадные камни — с сокрушительной силой они врезались в ряды защитников на стенах крепости. Вопли и стоны заглушали лязг железа; наверное, уже никто не считал потери. И карлики, и гномы гибли в кровавой бойне — маленькие, безликие отсюда, сверху, фигурки.

— Так вот что у гномов на уме! — прокричал Форкер. — Они осаждают Капаал! Неудивительно, что они с такой наглостью расположились у Клина!

Джайр подался вперед, чтобы лучше видеть.

— А карлики? — тревожно проговорил он. — Они могут спастись? Ну, как-нибудь уйти из крепости?

— Запросто могут... только не станут. — Суровый взгляд Форкера обратился к долиincu. — В горах есть туннели, потайные ходы, чтобы спастись, если крепость падет. Но никакая армия не пройдет за стены Капаала, Омсфорд. Карлики останутся там и будут сражаться.

— Но почему?

— Запруды и шлюзы. Видишь, какая вода в Циллиделлане? Яд мордов проник и сюда. Вода отравлена. А шлюзы сдерживают ее, защищая земли на западе. Если уйти из крепости, гномы захватят шлюзы и обязательно их откроют. Циллиделлан разольется, и что тогда? Смерть. — Он решительно мотнул головой. — Карлики никогда этого не допустят.

Как зачарованный, Джайр глядел вниз, напуганный яростью битвы. Гномов было слишком много — смогут ли карлики выстоять против такого натиска?

— Ну а нам как пробраться через эту бойню? — вдруг спросил Гарет Джакс.

Карлик, похоже, крепко задумался.

— Когда стемнеет, можно будет пройти по восточным вершинам. Как раз над лагерем гномов. А потом, обогнув Циллиделлан, спуститься к реке и переправиться на тот берег. А от туда уже — на север. Так будет вполне безопасно. — Форкер напрягся и протянул ему руку. — Удачи тебе, Гарет.

Мастер боя резко выпрямился.

— Удачи? Уж не думаешь ли ты здесь остаться?

Карлик небрежно пожал плечами.

— А что тут думать? Я уже решил.

— Но здесь ты ничем не поможешь, Эльб.

Форкер медленно покачал головой.

— Кто-то должен предупредить гарнизон, что моста через Клин больше нет. Ведь если случится самое худшее и Капааль падет, им придется уходить через горы, а там будет ждаться ловушка. — Он снова пожал плечами. — К тому же в темноте Хельт вас проведет лучше, чем я. Да я и не знаю страну за Капаалем. Дальше вас поведет гном.

— Но мы же решили, что нас будет шестеро. — В голосе Мастера боя послышались ледяные нотки. — Никто не может уйти. И потом, ты нам нужен.

Карлик сжал губы.

— Но им я тоже нужен.

Настала неуютная тишина. Джакс и Форкер сверлили друг друга глазами. Никто не собирался уступить.

— Пусть идет, — тихо проговорил Хельт. — Ему решать.

— Все было решено еще в Кулхейвене. — Гарет Джакс бросил на южанина колючий взгляд.

У Джайра пересохло в горле. Он так хотел что-то сказать — что угодно, лишь бы снять напряжение, возникшее сейчас между карликом и Мастером боя, но не мог найти нужных слов. Долинец взглянул на Слантера, но гнома, похоже, все это вообще не интересовало.

— Есть у меня одна мысль, — неожиданно произнес Эдайн Элесседил. Все как один повернулись к нему. — Может быть, ничего и не выйдет, но, по-моему, попробовать стоит. Мне бы только подобраться поближе к крепости... Я мог бы послать им стрелу с запиской. Чтобы защитники знали про Клин.

Гарет Джакс повернулся к Форкеру:

— Что скажешь?

Карлик нахмурился.

— Это опасно. Подобраться-то можно, но как бы он не подошел слишком близко. Ближе, чем нужно.

— Тогда пойду я, — вызвался Хельт.

— Но это моя идея, — настаивал Эдайн. — Значит, мне и идти.

Гарет Джакс поднял руки.

— Уж если идти, то пойдут все. Нам нельзя разделяться: в этих горах нам потом ни за что не найти друг друга. — Он посмотрел на Джайра. — Согласен?

Долинец тут же кивнул.

— Конечно.

— А ты, Эльб?

Карлик тоже кивнул, правда с неохотой:

— Согласен.

Гарет Джакс в последний раз взглянул на битву внизу, а потом повел отряд обратно в скалы.

— Посидим там и подождем темноты.

Джайр направился было следом, но кто-то схватил его за локоть и удержал. Это был Слантер.

— Заметил? Меня он спросит не удосужился,— пробурчал гном и раздраженно прошествовал вперед.

Путешественники забрались в самую середину нагромождения валунов и остались там ждать темноты. Они наскоро перекусили и сидели в угрюмом молчании. Потом Форкер и Гарет Джакс так же молча поднялись и направились вниз по склону — проверить восточный проход. Эдайн Элесседил встал на страже, а Хельт растянулся на усыпанной камнями земле и почти мгновенно заснул. Пару минут Джайр посидел один, но в конце концов встал и подошел к Слантеру, который все время сидел неподвижно и глядел в пустоту перед собой.

— Я тебе очень признателен,— тихо сказал долинец,— за то, что ты для меня сделал. Там, в Клине.

Гном даже не повернулся.

— Забудь об этом.

— Но я не могу. Ты уже третий раз спас мне жизнь.

Слантер хрипло хохотнул:

— Что, уже третий?

— Ну да.

— Брр! А вот в следующий раз меня может рядом не оказаться, мальчик. Что тогда будешь делать?

— Даже не знаю,— покачал головой Джайр.

После этого разговор оборвался. Так они и сидели в неудобной тишине — Слантер вызывающе не обращал внимания на долинца. Джайр уже хотел было уйти и оставить гнома в покое, но почему-то остался. Он даже нарочно подсел поближе.

— Он все-таки должен был у тебя спросить.

— Кто? — фыркнул гном.— О чем спросить?

— Гарет Джакс. Спросить у тебя, хочешь ли ты идти с нами к крепости.

И тут Слантер повернулся к Джайру.

— Он и раньше меня не очень-то спрашивал. С чего бы теперь?

— Ну, может быть, если бы у тебя...

— Если бы у меня были крылья, я бы уже смотался отсюда! Как птичка! — Гном покраснел от ярости.— И вообще, тебе-то какое дело?

— Мне есть дело.

— До чего? Что я тут, с вами? До этого тебе есть дело? Тогда скажи мне: что я здесь делаю?

Джайр отвел взгляд, но Слантер схватил его за руку и развернул к себе.

— Нет, ты уж смотри на меня! И говори: что я тут делаю? На кой черт мне все это случилось? Знаешь, где я все это видал?.. И теперь я торчу здесь лишь потому, что свалил дурака и согласился вести тебя в Кулхейвен. Только поэтому! Что ты там плел? «Помоги нам пройти мимо черного странника!», «Помоги добраться до Восточных земель! Ты ведь можешь, ты — следопыт!» Ха! — Он подался вперед. — А этот твой дурацкий сон! Да, мальчик, сон, и не больше! Нет никакого короля Серебристой реки, и весь этот поход на восток — пустая трата времени! Да, и все равно я здесь! Причем мне нет до этого никакого дела, но, черт возьми, я здесь! — Гном с горечью покачал головой. — И все, между прочим, из-за тебя!

Джайр резко вырвал руку. Он тоже начал сердиться.

— Возможно, и так. Наверное, я виноват, что ты здесь. Только то видение не было сном, Слантер. И не надо говорить, что тебе нет до этого никакого дела. Откуда ты знаешь, а вдруг есть? Вот ты называешь меня мальчиком, а сам ведешь себя как дите малое!

Слантер опешил.

— Волчонок ты, а не мальчик!

— Называй, как тебе нравится! — вспыхнул Джайр. — Только подумай еще, кто ты сам.

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что нельзя постоянно твердить себе, что тебе наплевать на других. Потому что на самом-то деле — не наплевать, Слантер!

Они молча уставились друг на друга. Тьма уже окутала землю, и наступила странная тишина: ветра не было давно, а теперь вдруг замолкли и крики сражения, и барабанная дробь.

— Я что, так тебе не нравлюсь? — наконец спросил Слантер.

Джайр устало вздохнул.

— Да нет. Если хочешь знать, даже наоборот.

Гном еще мгновение пристально смотрел на него, потом опустил глаза.

— Ты вот тоже мне нравишься. Я уже говорил как-то: в тебе есть мужество. Иногда ты мне напоминаешь меня самого. В луч-

шие минуты моей жизни. — Слантер невесело рассмеялся и снова взглянул на долинца. — А теперь слушай, дважды я повторять не стану. Все это не мое. Не моя это битва, понятно? Нравишься ты мне, не нравишься, но, как только представится случай, я сматываюсь. — Пару мгновений он молчал, словно хотел удостовериться, что его слова прозвучали достаточно убедительно, и испытующе поглядел на Джайра. Потом отвернулся. — И уйди сейчас от меня.

Джайр поколебался, не зная, стоит ли продолжать разговор, но в конце концов с неохотой поднялся и пошел прочь. Проходя мимо спящего Хельта, долинец услышал, как тот сонно пробормотал:

— Я говорил, ему не наплевать.

Джайр Омсфорд с изумлением уставился на южанина из Каллахорна, потом улыбнулся и пошел дальше.

— Я знаю, — шепнул он уже на ходу.

Ближе к полуночи Гарет Джакс вывел отряд из укрытия. Они поднялись на ту же вершину: внизу, по обеим сторонам осажденных шлюзов, на утесах горели костры гномов — сотни сторожевых огней.

Теперь — вниз. Эльб Форкер пошел впереди. На середине спуска карлик свернул на узенькую тропу, петляющую по теснинам и выступам скал. Словно ночные тени, путешественники пробирались сквозь мрак.

Через час они вышли к внешнему ряду костров вражеского лагеря. Гномов здесь было немного — основные силы скопились у крепости. И костры тут располагались не так близко друг к другу. С этой, южной, стороны Капааля, сразу за рубежами осады, громоздились высоченные скалы, похожие на скрюченные, переломанные пальцы. Они закрывали собой горизонт, но шестеро путников знали, что там, за утесами, начинается край пологих холмов, обрамляющих южные берега Циллиделлана, а дальше к востоку — дремучие леса. Если только удастся добраться туда, можно будет спокойно свернуть на север.

Но сначала им нужно подойти достаточно близко к Капаалу, чтобы Хельт мог послать в крепость стрелу с запиской Форкера. Уже решили, что стрелять будет Хельт, потому что, хотя все придумал Эдайн Элесседил, человек с границы был куда сильнее эльфа. Стрелу нужно было пустить с расстояния не ближе чем двести ярдов. Только Хельту такое по силам.

Итак, они продолжали спускаться по склону, пока что благополучно минуя кордоны гномов. Те следили лишь за широкими спусками к лагерю и почти не обращали внимания на узкие тропы, оплетающие поверхность скалы. Вот почему Форкер повел отряд именно так, по уступам и узким тропинкам, хотя это тоже было опасно: в любое мгновение нога могла не найти опоры. Да и случись что, укрытия не отыскать. Путешественники заранее подвязали подошвы кусочками мягкой кожи и зачернили лица углем. Никто не произнес ни слова. Они почти на ощупь пробирались вперед, следя, чтобы ни единый камешек не упал с уступа и не привлек внимания гномов-стражников.

Однако, когда до крепости уже оставалось две сотни ярдов, необходимых Хельту, чтобы стрела с посланием долетела до карликов, вдруг выяснилось, что тут проходит передний рубеж осады. Повсюду пылали сторожевые костры — все пространство за спиной у шестерых друзей освещалось почти как днем. Отряд затаился в зарослях невысокого кустарника. Хельт вытащил из колчана стрелу с уже привязанной к ней запиской Форкера, натянул тетиву и, держа лук наготове, шагнул в темноту. У самого края зарослей — еще на несколько дюжин ярдов вперед — он остановился, встал на одно колено, и через мгновение стрела унеслась в ночь.

Тоненький звон тетивы показался им оглушительным грохотом, но там, в лагере гномов, его, конечно же, не могли услышать. Тем не менее все сжались в своем укрытии и, затаив дыхание, ждали, не послышится ли что-то подозрительное. Но нет. Обошлось. Их не заметили. Вернулся Хельт и коротко кивнул Форкеру: послание доставлено.

Маленький отряд повернул обратно. Через ночь, караулы гномов и отблески света костров. Теперь Эльб Форкер повел их на восток, в обход нагромождения вершин-пальцев, к Циллиделлану, вода которого блестела в мягком свете луны. А на другом берегу озера, где плотина соединялась с северным склоном гор, на утесах полыхали костры. Гномы заняли скалы над шлюзами и почти весь северный берег. При виде такого скопления огней Джайр Омсфорд похолодел. Да сколько же их там, гномов? — в отчаянии думал долинец. Сколько тысяч на одну, пусть хорошо укрепленную, крепость? Много. Пожалуй, даже

слишком много. Пламя костров отражалось в воде — красноватая рябь растекалась по зеркальной поверхности, словно кровь.

Время шло. В небе мерцали бледные звезды, такие маленькие и затерянные в безбрежных просторах ночи. Отряд опять обошел сторожевые костры, поднявшись по южному склону. Отсюда, с вершины, прекрасно просматривалась холмистая низина, подступающая к Циллиделлану с юга. Надо пройти еще чуть южнее — и можно спускаться к лесу. При одной мысли об этом Джайр почувствовал облегчение. Уж скорей бы! А то как-то тут беспокойно — на голых камнях. Но ничего: очень скоро они укроются в чаше леса.

Еще поворот — и отряд начал спускаться. Тропинка змеилась между гигантскими валунами, сразу закрывшими весь обзор. Но этот каменный лабиринт быстро закончился, и путешественники резко остановились: дальше, до самого Циллиделлана, тропа проходила по открытому, довольно пологому склону. И по всему склону горели костры. Джайр задохнулся от страха. Путь вперед был закрыт целым войском гномов.

Гарет Джакс быстро взглянул на Форкера, карлик молча прошел вперед и растворился в ночи. Остальные отступили под тень валунов.

Ждать пришлось долго. Форкер вернулся лишь через полчаса, внезапно появившись из мрака, так же бесшумно, как и ушел. Отряд сбился в тесную кучку.

— Гномы заняли весь утес! — прошептал карлик. — Здесь нам не пройти!

Не успел он закончить, как сверху раздался топот. Теперь и отступать было некуда.

Глава 18

На мгновение они застыли на месте, еще не веря в реальность происходящего. Но голоса вверху на тропе были реальны. И хриплый смех. И проблески света факелов между камнями.

— Прячься! — выдохнул Гарет Джакс и оттащил Джайра в тень.

Шестеро друзей быстро укрылись среди валунов. Долинец немного замешкался, и Мастер боя грубо повалил его на зем-

лю рядом с собой. Джайр приподнял голову и взгляделся во тьму. На черных камнях плясали желтые отблески света. Голоса зазвучали отчетливей. Гномы. Полдюжины, не меньше. Уже было слышно, как поскрипывают их кожаные охотничьи костюмы. Джайр распластался на земле, стараясь даже дышать пореже.

Громко смеясь и перебрасываясь шутками, гномы приближались к россыпи валунов, где, затаив дыхание, застыли шестеро путешественников. Их было восемь — восемь вооруженных гномов-охотников. Свет факелов разогнал сумрак ночи среди камней. Джайр похолодел. Даже с того места, где лежал он сам, долинец без труда различал вжавшуюся в скалу фигуру Хельта. Все пропало: сейчас их обнаружат.

Но гномы даже не приостановились. Явно не заметив ничего подозрительного, они прошествовали мимо скорчившихся меж валунов фигур. Гномы, что шли впереди, уже миновали скопление камней. Джайр перевел дух. Быть может...

И вдруг гном, замыкавший шествие, остановился и резко обернулся. Пронзительно вскрикнув, он вдруг схватился за меч. Смех тут же стих. Гномы насторожились.

Но Гарет Джакс не стал дожидаться, что будет дальше. Держа в руках по кинжалу, он вылетел из своего укрытия. Одним едва уловимым движением Мастер боя уложил двух ближайших к нему гномов. Остальные опешили. Еще бы! Никто ведь не ждал ничего подобного. Не давая гномам опомниться, Хельт и Форкер расправились еще с тремя. Те не успели даже вскрикнуть. Трое оставшихся с воплями ринулись вниз по склону. Эдайн Элесседил поднял лук. Дважды он натянул тетиву, и двое гномов свалились замертво. Но последний что было силы рванулся вперед и скрылся из виду.

Друзья собрались у крайнего валуна. А внизу, во вражеском лагере, уже гремели крики тревоги.

— Ну вот теперь-то мы влипли! — сердито проворчал Форкер. — Через пару минут все эти гномы начнут охоту. Причем с двух сторон!

Гарет Джакс спокойно спрятал кинжалы под черным плащом и лишь потом повернулся к карлику.

— Значит, как мы пойдем?

Форкер поколебался.

— Обратно по верху утеса. Если, конечно, успеем туда пробраться. Если же нет, тогда — в Капааль, по туннелям в горе.

— Ты поведешь. — Гарет Джакс повернулся к остальным. — Главное — держимся вместе. Если мы вдруг разделимся, следите, чтобы никто не остался один. Ну, вперед!

Сзади уже гремели крики, разносясь теперь по всему склону. Не обращая внимания на шум погони, шестеро друзей устремились вверх по пустынной тропе. Вот они уже обогнули вершину, и огни вражеского лагеря скрылись из виду.

Но впереди тоже был лагерь гномов. Свет костров вновь показался во тьме, далеко внизу. Похоже, там еще ничего не знали. Впрочем, и в главном лагере гномов наблюдалось какое-то шевеление: пятнышки света желтыми точками расплзались во мраке — стражники с факелами поднимались по склонам утеса. Но если даже это и облава, охотники были еще далеко. Форкер быстро вел отряд по опасным уступам, темным впадинам, узким ущельям и трещинам в скалах. Если поторопиться, еще может, удастся спастись: вернуться обратно по горной тропе, которая шла по вершинам над Капаалем. Если же гномы сообразят, что надо подняться выше, тогда беглецам конец. Они окажутся запертыми между двумя отрядами врагов.

И вдруг откуда-то спереди, из темноты, донеслись крики тревоги. Форкер тихо выругался, но не остановился. От испуга Джайр запнулся и грохнулся прямо на камни, ободрав ладони. Хельт, идущий следом, за шиворот поднял его на ноги и подтолкнул вперед.

Они вышли из узкой теснины на открытую тропу. Целый отряд гномов перекрывал дорогу. Видимо, их ждали, потому что охотники тут же ринулись в атаку, мечи и копья зловеще блестя в пляшущем свете костров. Гарет Джакс не терял ни секунды: он влетел в самую гушу врагов, мечом и кинжалом прорубая путь остальным. Гора трупов росла вокруг Мастера боя с каждой секундой; гномы — целый патруль! — на мгновение отступили перед яростью воина в черном. Бойцы маленького отряда попытались воспользоваться замешательством и прорваться сквозь кордон. Но гномов было слишком много. Они быстро оправились и с воплями бросились в контратаку. Форкер и Эдайн Элесседил совершенно пропали из виду, накрытые волной атакующих. Хельт сдерживал натиск чуть дольше, стряхивая с себя гномов, пытающихся повалить его на камни. Но против такого количества врагов не смог устоять даже он.

Джайр в отчаянии отступил назад. Теперь он остался один. Даже Слантер куда-то пропал. Но вдруг рядом возникла черная тень — Гарет Джакс! Прикрывая долинца от взбешенных гномов, Мастер боя впихнул юношу обратно в ущелье.

Они понеслись, не чувствуя под собой ног, назад — в темноту. Следом летели крики погони, отблески света факелов плясали на стенах ущелья. На дальнем конце теснины Мастер боя на мгновение приостановился, быстро взглянул наверх, на отвесную стену утеса, и потащил Джайра вниз по заросшему кустами обрыву, прямо к свету осадных костров. Долинец не сопротивлялся: слишком он был потрясен. Слантер, Форкер, Хельт, Эдайн Элесседил — неужели они потеряли всех? Вот так, сразу? Юноша просто не мог поверить, что это не страшный сон.

Где-то на середине спуска они наткнулись на узенькую тропинку. Слишком узкую даже для одного человека. Пока тропинка была пуста. Притаившись в кустах, Гарет Джакс внимательно оглядел местность. Джайр немного пришел в себя и тоже осмотрелся. Выхода не было. Повсюду — гномы. И наверху, и внизу полыхали факелы. Пот ручьями стекал по спине долинца, даже собственное дыхание отдавалось в ушах надрывным хрипом.

— Что же нам?.. — прошептал было он, но Гарет Джакс тут же зажал ему рот.

Оставался единственный путь — по узкой тропе. Если все обойдется, они пройдут прямо над рубежами осады и выберутся в относительно безопасное место. Низко пригнувшись, долинец и Мастер боя скользнули на тропу. Рискую в любой момент оступиться или удариться об острый край скальных выступов, они побежали. Джайр отважился оглянуться назад. На том месте, где они только что прятались с Джаксом в кустах, теперь полыхали факелы. А через мгновение гномы были уже на тропе.

Мастер боя скользнул в расщелину между камнями. Спотыкаясь, долинец рванулся за ним... Они оказались почти на самом краю крутого обрыва, а впереди, врезаясь в ночное небо, неприступной стеной высился отвесный утес. Все, тупик. Отсюда не выбраться.

И все-таки Гарет Джакс продолжал пробираться вперед, то спускаясь ниже, то карабкаясь вверх на скалу. Сзади дрожал желтый свет факелов, а внизу, у Капааля, ночь звенела от воплей гномов.

А потом Мастеру боя все же пришлось остановиться. Тропа уперлась в утес. Далеко внизу маслянисто поблескивал Циллиделлан, отражая в черной воде свет костров. Джайр в отчаянии огляделся.

Гарет Джакс положил руку ему на плечо и подвел к самому краю обрыва.

— Придется прыгать,— задумчиво прошептал он, сжимая плечо долинца.— Просто сожми поплотнее ноги и не раскидывай руки. Давай, ты первый. Я за тобой.

Джайр взглянул вниз, туда, где сверкала вода Циллиделлана. Далеко. Очень далеко. Долинец невольно попятился.

— У нас нет выбора,— торопил Гарет Джакс.— Давай!

Сзади на них надвигался свет. И теперь уже слышались хриплые голоса.

— Давай, Джайр.

Джайр поглубже вздохнул и закрыл глаза. А потом открыл и прыгнул.

Гномы рванулись в атаку с такой слепой яростью, что просто промчались мимо Форкера и Эдайна. Отброшенные к скале, эльфийский принц и карлик тут же вскарабкались вверх, к чахлым зарослям кустарника. И все же несколько гномов ринулись следом. Остановившись на узком уступе, Эльб Форкер и Эдайн Элесседил приняли бой. Под градом эльфийских стрел и неистовством меча Форкера гномам пришлось отступить. Двое друзей перевели дух и посмотрели вниз. Склон буквально кишел разъяренными гномами. Но остальных что-то не было видно: ни Гарета Джакса, ни Хельта, ни Джайра, ни Слантера — никого.

— Туда! — крикнул Форкер и поташил за собой принца.

Не разбирая дороги, они бросились вверх по склону. Вдольгонку им неслись крики, а вслед за криками — стрелы. Со злобным свистом они пронеслись мимо. Повсюду во тьме пылали факелы, словно выискивающие беглецов глаза, но пока друзья находились за пределами света. Откуда-то снизу донес-

ся приглушенный рев; с недобрým предчувствием Эдайн и Форкер оглянулись. Пятна света сливались друг с другом — по всему склону вниз полихали костры. И еще дальше — на вершинах, подступающих к Циллиделлану с юга. Сотни факелов. Горы будто горели, охваченные желтым пламенем.

— Эльб, да они везде! — выдохнул эльф, пораженный несметным количеством врагов.

— Пока поднимаемся! — бросил Форкер.

Но вдруг справа, словно из-под земли, вынырнули еще факелы, и гномы, заметившие беглецов, пронзительно завопили. Копья и стрелы полетели вслед двум друзьям, но они продолжали карабкаться вверх, каким-то чудом уклоняясь от ударов. Форкер отчаянно шарил глазами по темной поверхности утеса: ну где же?..

— Эльб! — Эдайн Элесседил пошатнулся: дротик глубоко вонзился в его плечо.

Карлик подлетел к нему.

— Еще только дюжину футов вперед! К тем кустам! Быстрее!

Он подхватил раненого эльфа и потащил его на себе к густым зарослям кустарника, показавшимся впереди во мраке ночи. Теперь факелы полихали и наверху: гномы спускались с вершины, где у них был сторожевой пост. Эдайн Элесседил крепко сжал зубы, преодолевая боль, и из последних сил рванулся вверх по склону. Но Форкер все-таки продолжал подерживать его.

Наконец они добрались до кустов и в изнеможении повалились на землю в самой гуще зарослей.

— Здесь... они нас найдут. — Эдайн заставил себя встать на колени. Кровь и пот ручьями текли у него по спине.

Форкер рывком уложил эльфа на землю.

— Лежи и не двигайся! — А сам приподнялся и осторожно прокрался сквозь кустарник туда, где заросли упирались в скалу. — Ага, вот она! Дверь в туннель! Значит, я верно тогда запомнил... вот только... никак не найду... этот хитрый замок...

Эдайн Элесседил с изумлением наблюдал, как карлик, словно безумный, шарит руками по поверхности камня, то приседая к земле, то вскакивая в полный рост. А звуки погони все приближались, и сквозь просветы меж ветвями кустарника уже

показались желтые пятна света факелов — дрожащие точки во тьме.

— Эльб, они совсем рядом! — хрипло прошептал эльф и здоровой рукой вытащил меч из ножен.

— Есть! — победно воскликнул карлик.

Под его руками квадратный кусок скалы провалился внутрь. Не теряя ни секунды, Эдайн и Форкер бросились в черный пролом, и карлик поставил плиту на место. Камень гулко ударился о камень, и с резким лязгом замки закрылись.

Они долго лежали в крошечной тьме, переводя дух и прислушиваясь к звукам снаружи. Гномы уже добрались до кустов, где только что прятались эльф и карлик, а потом прошли мимо. Наступила тишина. Через мгновение Форкер завозился во тьме — из-под кремня вырвалась искра, упала на просмоленный факел, и желтый свет разлился в пустоте, наполняя ее собою. Оказалось, что они находятся в маленькой пещере, из которой вниз, в самые недра горы, уводила лестница, вырубленная в скале.

Форкер укрепил факел на железной подставке, вбитой в стену у двери, и занялся раной эльфа. Через пару минут все было готово: он плотно замотал плечо Эдайна и даже соорудил что-то вроде перевязи для руки.

— Ну вот, пока что сойдет, — пробормотал карлик. — Сможешь идти?

Эльф кивнул.

— А дверь? Что, если гномы ее найдут?

— Ну, тогда уж я им не завидую, — фыркнул Форкер. — Замки здесь надежные; гномы не знают секрета и станут ломиться силой, а если замки просто выломать, то получится маленький горный обвал. Прямо тебе на башку. Так все хитро устроено. Ну, вставай. Пошли.

— А куда ведет лестница?

— Вниз. В Капааль. — Карлик покачал головой. — Будем надеяться, что остальные тоже туда доберутся.

Он закинул здоровую руку эльфа себе на плечо и помог ему встать, потом взял факел.

— Держись за меня крепче.

И долгий спуск начался.

Под тяжестью наседающих гномов Хельт сорвался с каменного уступа. В голове все смешалось: свет факелов, вопли, лязг оружия... Каким-то чудом ему удалось вырваться из этого бесшешеного кружения. Кажется, он бежал, а потом все резко остановилось, и Хельт вдруг обнаружил, что лежит в колючих кустах у подножия крутого спуска, раскинув руки и ноги. Голова гудела, стало трудно дышать. Еще бы! Упасть с такой высоты! Хельт попытался подняться и только тут сообразил, что рук и ног слишком много. Уж половина-то точно не его.

— А ну полегче! — прошипел в самое ухо чей-то голос. — Мне и так уже изрядно досталось! Чуть меня не раздавил!

Южанин вздрогнул.

— Слантер?

— Лежи — не ерзай, — прохрипел тот. — Они тут везде!

Хельт осторожно приподнял голову и огляделся: повсюду мерцали факелы, возбужденные голоса перекликались друг с другом во тьме. Голова шла кругом. Хельт вдруг осознал, что лежит прямо на Слантере, придавив маленького гнома к земле. Очень осторожно гигант южанин сполз со своего товарища и, пошатываясь, поднялся на колени. Колючие заросли давали достаточное укрытие.

— Ты, когда шлепнулся, прихватил и меня с собой! — раздраженно пробурчал Слантер. Гном с удовольствием потянулся, потом встал и уставился сквозь кусты в темноту. Отблески света далеких костров отразились в его зрачках. — О, проклятье! — простонал он.

Пригнувшись, Хельт подобрался к нему и тоже внимательно осмотрелся. Сзади черной стеной на фоне ночи возвышался крутой склон, с которого они свалились. А впереди, растянувшись на сотни ярдов по всем направлениям, полыхали костры — целая армия гномов расположилась там, окружив Капаль. Южанин с минуту молча глядел на костры, потом отвернулся и сел на землю. Слантер опустился рядом.

— Значит, мы в самом центре осадных рубежей, — тихо проговорил он.

И тут вверху, на каменном выступе, заплясали желтые точки. Пока факелы были далеко. Но не оставалось никаких сомнений, что гномы спускались вниз.

— Здесь больше нельзя оставаться. — Не сводя глаз со склона, Хельт поднялся.

— Ну и куда мы пойдем, южанин? — мрачно спросил Слантер.

Хельт медленно покачал головой.

— Наверное, вдоль склона...

— Вдоль склона? — Слантер мотнул головой. Гномы на выступе громко вопили, стараясь докричаться до нижнего лагеря. — Тут не пройти, — с горечью пробормотал он и, подумав, добавил: — Если только ты не гном.

Кажется, у него появилась идея. Слантер внимательно поглядывал на Хельта. Тот молча ждал, что будет дальше.

— Или странник.

Хельт с недоумением мотнул головой.

— Ты о чем вообще говоришь?

Слантер придвинулся ближе.

— Мысль, конечно, безумная, но, в сравнении со всем, чего мы тут насмотрелись, не самая бредовая. Представь — мы с тобой. Черный странник и гном-прислужник. Поплотнее запахни свой плащ, натяни капюшон — и готово! Вот и рост у тебя подходящий. Никому и в голову не придет... Мы спокойно пройдем по лагерю — до самых крепостных ворот. Будем надеяться, нам не придется долго упрашивать карликов впустить нас.

Откуда-то слева донесся шквал криков. Хельт тревожно огляделся.

— Но тебе одному было бы проще, Слантер. Намного проще, чем со мной.

— Не искушай меня! — выдавил гном.

Но южанин смотрел ему прямо в глаза.

— Ведь это — твой народ. Ты даже можешь вернуться к ним в любой момент.

Слантер как будто задумался, но потом резко потрянул головой.

— Забудь об этом. Мастер боя, этот черный дьявол, из-под земли меня вытащит. Нет уж, спасибо, что-то не хочется. — Угрюмое лицо гнома помрачнело еще больше. — Да и мальчишка... — Он решительно поднял глаза. — Ну что, воин с границы, попробуем или как?

Хельт запахнул черный плащ.

— Давай попробуем.

Не таясь, они вышли из зарослей: Слантер в плаще нараспашку, чтобы все видели, что идет гном, Хельт, закутанный с головы до ног, с низко надвинутым капюшоном, — неприступный, суровый гигант. Они не спеша прошествовали сквозь кордоны на рубежах осады вниз по склону, уверенно направляясь к крепости и стараясь держаться подальше от света костров. И никто их не остановил — первые пятьдесят ярдов они прошли благополучно.

Но тут впереди показалась перекрестная линия костров. И никуда не деться — придется пройти по освещенному месту. Слантер ни секунды не колебался. Он решительно направился вперед, а следом скользила сумрачная фигура в черном плаще. Гномы-стражники с изумлением обернулись к ним и на всякий случай вытащили мечи.

— Разойдись! — сердито воскликнул Слантер. — Дорогу хозяину!

Гномы вытаращили глаза, откровенный страх отразился на желтых лицах. Они поспешно попрятали мечи в ножны и расступились; Хельт и Слантер — странник и гном — прошли полосу света и вновь вступили в полумрак между линиями костров. Теперь гномы были повсюду. Они на мгновение застывали на месте и с любопытством глядели на проходящего мимо морда. Но никто ничего не заподозрил — суматоха, вызванная поисками чужаков на склоне утеса, поглотила все внимание гномов.

Опять впереди запылали костры — еще одна перекрестная линия осады. Слантер в драматичном жесте вскинул руки, обращаясь к гномам-охотникам:

— Дорогу хозяину, гномы!

И снова стражники расступились. Пот ручьями стекал по лицу Слантера. Он украдкой взглянул через плечо на темную фигуру, шагавшую следом. Сотни глаз провожали их напряженным взглядом, но теперь в рядах гномов появилось какое-то волнение. Кое-кто уже начал задумываться, что же такое тут происходит.

Наконец они подошли к последнему рубежу осады. Прямо за линией света костров возвышались темные стены крепости карликов, одинокими пятнами тусклого света на чернеющих бастионах мерцали редкие факелы. Гномы-стражники предупредительно подняли копья и что-то сердито пробормотали.

— Прочь с дороги! — взревел Слантер, вновь выразительно вскинув руки.— В эту ночь черная магия льется волною, и под ее сокрушающей мощью падет вражья крепость! Прочь с дороги! Все расступитесь пред нашим господином!

И тут черная фигура медленно подняла руку и указала прямо на стражников.

Этого оказалось достаточно: гномы попятились, некоторые даже сорвались с места и побежали в глубь лагеря, тревожно оглядываясь на ходу. Но кое-кто и нахмурился, пропуская двух пришельцев. Однако никто не решился их остановить.

Хельт и Слантер беспрепятственно прошли во тьму. Теперь крепость карликов была совсем близко. Слантер высоко поднял обе руки над головой, отчаянно надеясь, что такого нехитрого жеста хватит, чтобы остановить стрелы и копья, несомненно уже нацеленные на них.

Только две дюжины ярдов отделяло их от стены Капаала, как вдруг сверху раздался голос:

— Ни шагу дальше, гном!

Слантер тут же остановился и опустил руки.

— Впустите нас! — воскликнул он, стараясь не повышать голос больше, чем нужно.— Мы друзья!

Наверху послышалось неясное бормотание, и оттуда позвали кого-то снизу. Но ворота оставались закрытыми. Слантер в отчаянии огляделся. За его спиной, в лагере гномов, уже началась подозрительная суета.

— Кто вы? — вновь обратился к ним голос со стены.

— Открывайте ворота, вы, идиоты! — Слантер уже потерял терпение.

Вперед вышел Хельт.

— Каллахорн! — произнес он хриплым шепотом.

Из лагеря гномов донесся взбешенный вой. Все, игра кончена. Хельт и Слантер бросились к крепостным воротам, теперь уже в полный голос взывая к карликам. Однако те вовсе не торопились впускать их. Двое друзей отчаянно колотили по железной обшивке ворот, то и дело бросая уже безнадежные взгляды назад: гномы мчались прямо на них, горящие факелы бешено подскакивали во тьме, ночь дрожала от возмущенных криков. И если бы только от криков! Копья и стрелы с устрашающим свистом летели из мрака.

— Черт побери, открывайте же, вы!..— ревел Слантер.

Внезапно железные створы ворот распахнулись, и чьи-то руки втянули беглецов внутрь. Через мгновение ворота захлопнулись, и новые крики ярости разорвали ночь. Хельта и Слантера придавили к земле и приставили к горлу отточенные копыя.

Гном с отвращением потряс головой и поглядел на Хельта.

— Давай объясняй им все, южанин. Если б я даже хотел, я бы, наверное, не смог...

Очень долго Джайр летел вниз — крошечной точечкой черноты на серо-синем фоне ночного неба. Сердце замерло. В ушах пронзительно свистел ветер. А там, далеко внизу, красной рябью мерцала вода Циллиделлана — мутное зеркало, отразившее отблески пламени. Скалы вокруг Капааля слились для долинца в размытое, сумрачное пятно. Время словно остановилось. Казалось, оно никогда уже больше не сдвинется.

А потом что-то больно ударило по ногам, вода будто бы раскололась, и Джайр погрузился в ледяную тьму. Воздух резким толчком вырвался из легких, тело свело судорогой. Сквозь смыкающуюся над ним черноту Джайр неистово рванулся вверх, сознавая только одно: скорее на поверхность, где снова можно будет дышать. Окоченевшее тело не слушалось; что-то давило на него с сокрушительной силой, угрожая разорвать пополам. Джайр боролся из последних сил. Перед глазами плясали разноцветные круги; руки и ноги словно налились свинцом. Долинец рванулся... Но поздно: он уже заблудился в лабиринте черных потоков.

Через мгновение вода смыла все.

Он видел сон — такой долгий, такой бесконечный сон, — какие-то обрывки, смутные ощущения, странные места... Он их, кажется, помнил. И в то же время все они были совсем не такими... Волны движения и звука захлестывали и несли его по краям полуночных кошмаров, по знакомым лесам у Тенистого Дола, сквозь леденящие черные воды, где неуловимые формы и лица сплетались друг с другом, распались в мгновение ока и уносились прочь, одинокие, свободные и не ведающие покоя... Была там и Брин, то совсем рядом, то далеко-далеко. Смутный образ, искаженное отражение, что вмещало в себя

и обман, и реальность — и взывало, молило о понимании... Какие-то безжизненные твари без тел и лиц окликали Джайра, по голос был голосом Брин, и слова пробивались к нему, зовя, зовя...

А потом в это черное страшное место проник шепот жизни — Гарет Джакс что-то говорил ему. И руки Мастера боя держали Джайра, и вода тоже держала, а не давила уже. Долинец лежал на поверхности мутных вод и глядел вверх, на ночное небо, затянутое грозowymi тучами. Он хотел было заговорить, но задохнулся и не смог произнести ни слова. И все-таки он пробудился, вернулся из темных глубин, вот только как он туда попал и что там делал? Сознание еще не вернулось полностью. Джайр блуждал на грани мрака. Он то погружался во тьму пустоты, то выныривал вновь, к звуку, цвету и чувству, означавшим жизнь.

Вдруг чьи-то руки подхватили его, вытащили из воды и тьмы и положили на твердую землю. Снова — на твердую землю! Джайр разобрал человеческие голоса, но слова закружились в его сознании, словно сухие листья, уносимые ветром. Все дрожало перед глазами, но наконец юноше удалось сосредоточить взгляд: Гарет Джакс низко склонился над ним. На лице Мастера боя блестела влага, мокрые волосы слиплись.

— Ты меня слышишь, долинец? Все обошлось. Теперь все хорошо.

Рядом с Мастером боя возникли другие лица — грубоватые лица карликов, решительные и серьезные. Джайр тяжело сглотнул, откашлялся и что-то неразборчиво пробормотал.

— Ничего сейчас не говори, — хрипло сказал один карлик. — Просто лежи.

Долинец кивнул. Потом его заботливо завернули в одеяла, подняли и понесли куда-то.

— Вот уж точно: ночь заблудившихся путников, — хохотнул кто-то рядом.

Джайр хотел было поглядеть, кто это говорит, но никак не мог сообразить, откуда именно доносился голос. В конце концов он расслабился на руках, несущих его, убаюканный легким качанием. Так хорошо, тепло...

И Джайр заснул.

Глава 19

Проснулся долинец лишь в полдень. Он бы, наверное, спал и дольше, но кто-то довольно бесцеремонно потряс его за плечо, и хриплый голос гаркнул над самым ухом:

— Мальчик, подъем! Хватит дрыхнуть! Ну, давай просыпайся!

Джайр нехотя зашевелился, перевернулся на спину и сонно протер глаза. Из окна рядом с кроватью в комнату лился сероватый свет — долинец прищурился.

— Давай-давай, день уже на исходе! И весь день я сижу тут как цепной пес. По твоей, между прочим, милости!

Только теперь Джайр посмотрел на говорящего. На постели в ногах долинца сидел...

— Слантер? — прошептал он, не веря глазам.

— Ну а кто же еще? — фыркнул тот.

Джайр моргнул:

— Слантер?

И тут на долинца нахлынули воспоминания: как бежали сквозь тьму по горам, спасаясь от гномов; как отряд разделился в битве; как потом они с Гаретом Джаксом прыгали в Циллиделлан; как он сам чуть не утонул и карлики спасли его. «Теперь все в порядке», — сказал Мастер боя. Ну да... Юноша снова моргнул. Ну а Слантер, а остальные...

— Слантер! — воскликнул долинец, окончательно просыпаясь. Он даже вскочил на постели. — Слантер, ты жив!

— Жив, как видишь. А что, не похоже?

— Но как же?... — Джайр не договорил. Он подался вперед и схватил гнома за руку. — А остальные? Что с ними?

— Да успокойся ты. — Гном с раздражением вырвал руку. — Все тут и прекрасно себя чувствуют, так что не переживай. Эльф ранен в плечо, но рана пустяковая — жить будет. Единственный, кто в опасности, — это я. Еще немного, и я бы тут умер со скуки. Конечно, все утро сижу здесь с тобой! Может быть, все-таки вылезешь из кровати и мы пойдем отсюда?

Но Джайр уже не слушал его. Значит, все хорошо, повторял он себе снова и снова. Все живы. Все выбрались благополучно. Если честно, он даже и не надеялся на такой исход. Долинец облегченно вздохнул. И тут вдруг в его памяти всплыли слова короля Серебристой реки: «Каждого, кто пойдет с тобой,

осенит мое могущество. И даст силу телам их». Может, та самая сила — магический дар — и помогла им всем пережить эту ночь и собрала теперь вместе.

— Вставай! Вставай! Вставай! — Слантер нетерпеливо заерзал. — Ты что, собрался сидеть тут вечно? Эй?

Джайр спустил ноги с кровати и огляделся: интересно, куда это он попал? В маленькой комнатке, выложенной каменными плитами, было лишь самое необходимое — кровать, стол, пара стульев. Никаких украшений на стенах, только один гобелен с вытканым на нем гербом. Два узких окна, одно — в изголовье кровати, другое — напротив. Единственная деревянная дверь. И в углу небольшой камин с железной решеткой.

Долинец взглянул на Слантера.

— Где мы?

Гном смотрел на него как на законченного идиота.

— Ну надо же, «где мы»! Мы в крепости карликов.

«Ну конечно, где же еще?» — уныло подумал долинец.

Он осторожно поднялся на ноги, еще не уверенный в своих силах, встал с постели и выглянул в окно. Сквозь узкую прорезь было видно лишь низко нависшее небо, а внизу, в пелене тумана, — мутно-серая вода Циллиделлана.

А потом Джайр заметил, что снаружи на удивление тихо. А ведь он — в Капаале, крепости карликов... Еще вчера целая армия гномов пыталась взять ее приступом. Почему же теперь они не атакуют? Долинец почувствовал неладное.

— Слантер, а почему так тихо? — возбужденно спросил он. — Что там с осалой?

— Откуда я знаю? — пробурчал гном. — Мне не докладывают.

— Но что там все-таки происходит? Ты что-нибудь знаешь? Слантер резко поднялся.

— Ты вообще слышишь, что я говорю? Ты бы уши прочистил, что ли. Сколько я должен повторять: я все время сидел здесь, в этой комнате, запертый, словно базарный вор! А потом они выгудили тебя и притащили сюда, и я сидел тут уже с тобой. Какого черта! Вот и спасай после этого всяких там южан-головорезов! И что я с этого поймел? Сижу под замком и гляжу на дрыхнувшего долинца!

— Ну, я...

— Гном и есть гном, так они рассуждают! Мол, если ты гном, то тебе и доверять нельзя! А я-то, как добрая нянюшка, умиляюсь над спящим мальчиком. Ждал целый день, пока ты соизволишь продрать глаза! Да ты бы, наверное, дрых и дальше, если б терпение мое не кончилось.

— Ну разбудил бы меня пораньше...

— Как, интересно, пораньше? — взорвался гном. — Откуда мне было знать, что с тобой? Все, что угодно, могло бы быть! Тебя принесли полудохлого, как тебя было тревожить? Лучше уж подождать и убедиться, что все нормально! Да если бы что-то не так, этот черт, Мастер боя, с меня бы кожу с живого содрал!

Джайр невольно улыбнулся.

— Ты успокойся, ладно?

Гном сжал зубы.

— Я успокоюсь, когда ты вылезешь из кровати и соизволишь одеться! Там, между прочим, за дверью стражники. Это чтоб я не вышел! Но быть может, с тобой меня выпустят. Так что давай одевайся — пойдем. А потом уже делай что хочешь! Одевайся, кому говорю!

Пожав плечами, долинец стянул через голову ночную рубашку и потянулся за своей одеждой. Джайра обрадовало, правда, и слегка удивило, что Слантер снова разговорился, хотя пока он не услышал от гнома ничего, кроме ругани. Теперь Слантер, по крайней мере, вновь стал похож на того многословного, шумного, грубоватого гнома, каким был в ту ночь, когда оглушил долинца дубиной и взял в плен. Там, недалеко от Лиха... На того самого Слантера, который, несмотря ни на что, так понравился Джайру. Долинец действительно переживал, когда потом гном замкнулся в себе и стал сам на себя не похож. И вот теперь перед ним был прежний Слантер и ругал его на чем свет стоит.

— Мне так неловко, что тебе пришлось тут со мной сидеть, — робко выдавил Джайр.

— Еще бы тебе было ловко! — пробурчал гном. — Притащили тебя ко мне. Решили, наверное, что из меня выйдет заботливая сиделка...

Джайр улыбнулся.

— И вроде как не ошиблись.

Лицо гнома окаменело, и Джайр поспешил отвернуться. Он уже натягивал сапоги, как вдруг вспомнил: кристалл видения! Серебряная пыль! Так, карманы пусты. Улыбка мгновенно сошла с лица долиниа. Он быстро обшарил одежду. Ничего! Джайр, как безумный, перевернул постель, потряс ночную рубашку и даже заглянул под кровать. Ни кристалла, ни пыли. Неужели он потерял их? Джайр представил: прыжок со скалы, бесконечный полет, черная вода Циллиделлана...

— Потерял что-то?

Долинец сжался. Ему показалось, что беспокойство в голосе Слантера прозвучало как-то фальшиво. Он резко вскинул голову.

— Слантер, что ты сделал?..

— Я? — состроив невинную мину, перебил его гном. — Твоя добрая нянюшка?

Джайра охватила злость.

— Где они, Слантер? Куда ты их дел?

Теперь уже гном улыбался.

— Знаешь, хоть мне и было приятно с тобой посидеть, я бы все-таки охотно занялся чем-нибудь поинтереснее. А если ты ищешь кристалл с кошельком, то их взял Мастер боя. Вчера, когда тебя раздевали. Мне он их, конечно, не доверил. — С довольным видом он скрестил руки на груди. — Ну и долго ты будешь возиться? Или я еще должен помочь тебе одеться?

Джайр вспыхнул, быстро натянул сапоги, потом молча направился к двери и постучал. Когда дверь открылась, долинец сказал карлику-стражнику, что им со Слантером хотелось бы выйти. Карлик нахмурился, пробурчал что-то в том смысле, что всем оставаться на месте, и, с подозрением взглянув на Слантера, захлопнул дверь.

Ничего не поделаешь: несмотря на растущее раздражение и тревогу по поводу странного затишья (гномы и не думали идти на приступ), им пришлось прождать еще, наверное, час. Наконец дверь открылась, и стражник сделал знак выходить. Карлик провел Джайра и Слантера по длинному коридору без окон, мимо закрытых дверей, вверх по лестницам — на зубчатую вершину крепостной стены, выходящей прямо на мутные воды Циллиделлана. Ветер бросал в лицо колючие брызги; было холодно и пасмурно. И еще — очень тихо. Чувство какого-то напряженного ожидания повисло в воздухе. Даже туман

не дрожал под ветром, и низкие тучи неподвижно застыли между черными пиками, что кольцом окружали плотины и шлюзы Капаала. Повсюду на стенах крепости стояли карлики-стражники и не сводили глаз с серой дымки вниз. Но кроме далеких огней — пятен красного света в туманной мгле, ничто не указывало на то, что под стенами Капаала расположились войска гномов.

Угрюмый карлик повел Джайра и Слантера дальше по широкой площадке — внутреннему двору — в самом центре плотины. С южной и северной сторон на фоне свинцового неба возвышались грозные башни и бастионы крепости, окутанные туманом. В серой дымке и пасмурной мгле крепость казалась текучей и призрачной, словно картинка из смутного сна, который забывается при пробуждении. Здесь, на верху плотины, было пустынно, Джайр заметил лишь нескольких карликов. Расположенные на равном расстоянии друг от друга черные колодцы вели вниз, в недра плотины. Наверное, спуски к механизмам шлюзов, решил долинец.

И вдруг послышался радостный возглас: к ним со всех ног бежал Эдайн Элесседил. Широко улыбаясь, он протянул Джайру здоровую руку. Вторая рука висела на перевязи, плечо было туго перебинтовано.

— Джайр Омсфорд, жив-здоров! — Эльф приобнял долинца за плечи, и все трое направились дальше за молчаливым проводником. — Ты как себя чувствуешь? Надеюсь, лучше?

— Да, уже хорошо, — улыбнулся Джайр. — Как рука?

— А-а, царапина. Так, немного подергивает, ну ничего, пройдет. Вот это ночка! Как нам всем повезло, что мы выбрались. А этот вообще! — Эльф кивнул на Слантера, который шел сзади. — Он такое придумал! Он тебе не рассказывал?

Джайр покачал головой, и Эдайн Элесседил тут же в красках ему описал, как Хельт и Слантер пробрались через лагерь гномов. Джайр с изумлением слушал, то и дело поглядывая через плечо на Слантера. Под маской полного равнодушия гном все же выглядел немного смущенным.

— Ну и чего тут особенного? — сердито буркнул Слантер, когда эльф закончил свой восторженный рассказ. Джайру хватило ума не спрашивать гнома и вообще замять этот разговор.

Так незаметно они пересекли плотину и поднялись вслед за карликом-проводником на северную стену. Тот все так же молча провел их через крытую галерею в роскошный зимний сад. Джайр огляделся с искренним восхищением: даже сюда, в мрачную крепость в горах, карлики принесли с собой частичку уютного, цветущего дома.

А за садом была еще маленькая терраска со столиками и скамьями.

— Ждите здесь! — приказал карлик и, повернувшись, направился прочь.

Джайр подождал, пока тот не уйдет, а потом обратился к Эдаину:

— А почему нет сражения, принц эльфов? Почему гномы не атакуют?

Эдайн Элесседил покачал головой.

— Никто не знает, что происходит. Они осаждают плотину уже неделю. Каждый день гномы пытались взять крепость приступом с обеих сторон. А сегодня — вообще ничего: они только собрались на рубежах осады и наблюдают за нами. Похоже, гномы чего-то ждут.

— Мне это не нравится, — пробормотал Слантер.

— Вот и карликам не нравится, — продолжал Эдайн. — Уже отправлены гонцы в Кулхейвен, а по туннелям в тыл вражеской армии ушли разведчики. — Он поколебался, глядя на Джайра. — Гарет Джакс тоже куда-то ушел.

Джайр вздрогнул.

— Ушел? Но почему? Куда?

— Не знаю. — Эльф покачал головой. — Мне он ничего не сказал. Но я не думаю, что он нас бросил. Просто, наверное, пошел поглядеть что да как. И с ним еще Хельт.

— Значит, он самолично отправился на разведку, — нахмурился Слантер. — Да, на него похоже.

— Кто знает? — Эльф попытался улыбнуться. — Мастер боя, он сам по себе, Слантер. И ходит, куда ему вздумается.

— Темными путями к темным целям, — пробормотал гном себе под нос.

А потом они молча стояли, не глядя друг на друга, и думали, каждый — свое, об этом непредсказуемом воине Гарете Джаксе. Джайр вспомнил, что сказал ему Слантер: Мастер боя забрал и кристалл видения, и Серебряную пыль. И теперь если

с Гаретом Джаксом что-нибудь случится, магические дары короля Серебристой реки будут потеряны. А вместе с ними — единственная возможность помочь Брин.

За спиной у них хлопнула дверь, и на террасу вышел Форкер. Карлик направился прямо к ним и поздоровался с каждым за руку.

— Оклемался, долинец? — грубовато спросил он. — Хорошо. Я сказал, чтоб обед принесли сюда, так что давайте-ка выберем стол и сядем.

Правда, особенно выбирать он не стал и уселся за ближайший. Друзья присоединились к карлику. В саду было сумрачно — серый день близился к вечеру, и его рассеянному свету уже не хватало силы пробиться сквозь густую листву кустов и деревьев.

Форкер едва успел зажечь свечи, как внесли обед: хлеб с сыром, суп, мясо и большой кувшин эля. Только теперь Джайр понял, как он проголодался.

Когда с едой было покончено, Форкер отодвинулся от стола и принялся шарить у себя в карманах.

— У меня тут кое-что есть для тебя, — подмигнул он Джайру. — Ага, вот! — И карлик протянул долинку кристалл на цепочке и кошелек с Серебряной пылью. — Гарет Джакс попросил отдать тебе это. Наказал хранить как зеницу ока, пока ты не проснешься. И еще он просил передать, что вчера ночью ты показал настоящее мужество, да.

Джайр с изумлением взглянул на карлика и почувствовал, как краснеет от внезапного прилива гордости. Он смущенно посмотрел на Эдайну и Слантера, а потом вновь уставился на Форкера.

— А где он сам?

Карлик лишь пожал плечами.

— Они с Хельтом пошли осмотреть туннель, по которому мы уйдем из крепости, обогнув лагерь гномов с севера. Гарет лично хотел убедиться, что там все в порядке. Мы уйдем завтра, когда стемнеет. Ждать больше нельзя — эта осада грозит затянуться на несколько месяцев. Он считает, что мы и так уже задержались здесь дольше, чем нужно, запертые в горах.

— А один из нас точно был заперт так заперт, — многозначительно пробормотал Слантер.

Карлик нахмурился.

— Мы за тебя поручились, гном. Все, кто пришел из Кулхейвена. Радхомм, командир здешнего гарнизона, считает, что нашего слова достаточно. Но здесь есть и другие... те, кто уже потерял друзей и близких... Сам пойми, как они относятся к гномам! И вот им одного уверения может быть недостаточно. Да, держали тебя под охраной, но не как пленника, нет. Можешь, конечно, не верить, но все это сделали для твоей безопасности. О тебе же заботились. Вот и Омсфорд переживал...

— Я вполне в состоянии сам о себе позаботиться, — угрюмо пробормотал Слантер. — И мне вовсе не нужно ничьих переживаний, и уж особенно — этого мальчишка!

Форкер мгновенно посуровел и очень холодно произнес.

— Ему, наверное, очень приятно это слышать.

Слантер как-то сник и умолк. Он сейчас снова уйдет в себя, думал Джайр, снова отгородится от всего, что происходит вокруг. Лишь когда мы с ним вдвоем, один на один, он еще иногда может раскрыться. Только тогда он становится похож на того, прежнего Слантера, каким был при первой встрече... Ну а так он почему-то решил отгородиться от всех, словно он посторонний, чужой. Будто бы он и не с ними — молчаливый, угрюмый гном-одиночка...

— А наша записка? Она долетела? — спрашивал Эдайн Форкера. — Что мост через Клин разрушен?

— Да. — Карлик наконец оторвал от Слантера тяжелый взгляд. — Это был очень хороший план, принц эльфов. И знай мы получше расположение лагеря гномов и осадных рубежей, мы бы еще тогда ушли отсюда.

— А что, тут опасно?

— Да нет, крепость надежна. Провизии столько, что хватит на несколько месяцев. И потом, здесь, в горах, никакому войску не развернуться в полную силу. Пока мы в Капаале, нам ничто не грозит, но вот когда выйдем отсюда... тогда уже — да, будет опасно.

Слантер что-то пробормотал и одним глотком осушил кружку эля. Форкер взглянул на гнома и вновь посуровел.

— Ну а пока у нас здесь есть дело. У нас с тобой, гном.

Слантер настороженно поднял глаза.

— И что же у нас тут с тобой за дело, карлик?

Форкер еще больше насупился, но голос его остался спокойным.

— Здесь в крепости кое-кто утверждает, что знает замок мордов как свои пять пальцев. Если это действительно так, то знания его могут здорово нам пригодиться.

— Если так, получается, я вам больше не нужен! — фыркнул Слантер. — Так чего ж ты еще-то от меня хочешь?

— Знания полезны, лишь когда они истинны, — невозмутимо продолжал Форкер. — Ну а это определить можешь только ты.

— Я? — Гном невесело рассмеялся. — И вы хотите довериться мне, чтоб я разобрался, что ложь, а что правда? С чего это вдруг? Или вы просто меня проверяете? Да, пожалуй. Сверите то, что скажу вам я, с тем, что говорил тот, другой! Вы никогда мне не доверяли! Всегда меня в чем-то подозреваете!

— Слантер! — с досадой воскликнул Джайр.

— Это ты как раз всех подозреваешь! — сурово добавил Эдайн Элесседил.

Слантер хотел было что-то сказать, но, подумав как следует, промолчал.

А потом снова заговорил Форкер:

— Если б я даже и вздумал тебя проверять, то уж никак не со слов того...

— А кто он вообще? — спросил Слантер после долгого молчания.

Карлик сдвинул брови.

— Мвеллрет.

Слантер опешил.

— Мвеллрет? — выдавил он. — Ящер?

Он произнес это с таким отвращением, что Джайр и Эдайн Элесседил изумленно переглянулись. Они оба никогда не видели ни одного мвеллрета. Да и слышали-то о нем впервые. Однако при виде реакции гнома и эльфа, и долинец одновременно подумали, что лучше бы им так и остаться в неведении.

— Дня за два до начала осады патруль Радхомма выудил его из Циллиделлана. Плавал, словно коряга, у самого берега, — не своя глаз со Слантера, говорил Форкер. — Когда его вытащили, он был скорее мертв, чем жив. Но ничего, отошел. Что-то там бормотал: будто бы странники прогнали его с Вороньего среза. Говорил, что знает, как их всех уничтожить. В общем, его привели сюда. Но разобраться с ним не успели, как раз на-

чалась осада. — Он помедлил. — Да и как они могли проверить, правду он говорит или нет. Но вот теперь мы узнаем...

— Как же, правду! — воскликнул Слантер. — Жди от ящера правды!

— Но он жаждет мщения и, наверное, не станет обманывать нас. Быть может, заключим с ним сделку: он нам все расскажет, а мы вроде как за него отомстим. Сам посуди. Ведь он знает секреты Вороньего среза и Грани мрака. Должен знать. Ведь это были их горы, мвеллретов. И их крепость.

— Их горы?! Еще не хватало! — Слантер так разозлился, что даже выскочил из-за стола. — Они все захватили, эти гнусные ящеры! Эта их крепость, она построена на костях моего народа! Они превратили гномов в рабов! Своей проклятой темной магией! Да, они, как и странники, знают магию, эти черные склизкие дьяволы! Да я лучше сразу себе перережу глотку, чем доверюсь мвеллрету!

— Слантер, ты что?.. — попытался его успокоить Джайр.

— Подожди, Омсфорд, сядь! — оборвал Форкер вскочившего было долинца и повернулся к Слантеру: — Гном, я, так же как и ты, не доверяю ему. Но нам пригодится любая помощь. Любая! А если выяснится, что мвеллрет лжет... что же, мы знаем, что тогда делать.

Слантер еще мгновение постоял, молча глядя на стол перед собой, потом медленно сел на место.

— Только зря время тратить... Иди один, Форкер. И сам с ним разбирайся.

Карлик пожал плечами.

— Я просто подумал: это все-таки лучше, чем сидеть под замком. Я подумал, что ты уже устал от безделья и хочешь чем-нибудь заняться. — Он замолчал и поглядел на Слантера, который не отрываясь смотрел ему в глаза — Да и как, интересно, я разберусь, говорит ли мвеллрет правду? Тут только ты можешь помочь.

Все долго молчали. Слантер все так же внимательно глядел на Форкера.

— Ну и где этот мвеллрет сейчас? — наконец спросил он.

— В каморке, в подвалах. Вроде как в камере. Он никогда не выходит, даже прогуляться. Не любит он воздух и свет.

— Черный дьявол! — пробормотал Слантер и вздохнул. — Чего уж, ладно, идем. Значит, ты и я.

— И они двое, если хотят,— указал Форкер на Джайра и Эдайна.

— Я пойду,— тут же вскочил Джайр.

— Я тоже,— согласился эльф.

Форкер кивнул и поднялся.

— Тогда пошли прямо сейчас.

Глава 20

Они вышли из сада, прошли по каким-то туннелям и спустились в самые недра плотины Капаала — по крутым узким лестницам, что, словно черные норы, вгрызались в камень постройки. Пятна света мутными лужами переливались под лампами с горящим маслом. Закопченные плафоны слегка покачивались на железных подвесках. И от этого словно промасленного света окружающий сумрак казался лишь гуще. Здесь, в переходах нижнего уровня крепости, воздух был спертым и влажным. Сквозь тишину прорывался глухой рев воды и отдаленный скрежет гигантских колес. Друзья прошли вдоль ряда закрытых дверей. Джайр невольно поежился. У него появилось вдруг странное чувство: будто бы за стеной притаился огромный зверь. Притаился, слушает гул механизмов, шевелится в ответ и урчит. И только ждет удобного случая, чтобы вырваться из своей темной норы.

Здесь, внизу, было пустынно. Карлики — вольный лесной народ и не выносят каменные подземелья и темные замкнутые пространства. Когда-то, чтобы выжить в Великих войнах, им пришлось поселиться в подземных пещерах. А когда страшные битвы закончились и карлики вновь вышли наверх, к свету солнца, они поклялись никогда больше не возвращаться во тьму. И вот прошло уже столько лет, но до сих пор ни один карлик без крайней нужды не полезет под землю: в горную пещеру или в подвал каменной крепости. Вот и тут, в Капаале, хотя волей-неволей им приходилось спускаться к шлюзам и проверять механизмы, карлики делали это не чаще, чем нужно, и, поскорее управившись с необходимой работой, спешили наверх, к свету солнца и свежему воздуху.

Вот почему так мало карликов встретилось здесь четверым друзьям. И никто из них даже не удивился выражению на ли-

цах воинов: маски стоического терпения плохо скрывали явное огвращение карликов к этой пренеприятнейшей из обязанностей.

Форкер тоже чувствовал себя неуютно, однако держался. Развернув плечи и решительно глядя вперед, он вел своих спутников по лабиринту туннелей и лестниц, сквозь пятна мутного света и пелену тьмы в самый низ, в подвалы крепости. А по пути, чтобы не тратить зря времени, а может быть, чтобы подбодрить себя, карлик рассказывал Джайру и Эдайну Элесседилу о мвеллретах.

Вообще-то мвеллреты — это тролли, так начал он свой рассказ. Во времена Великих войн племена троллей укрылись в горах, но эти остались в лесах и попали под излучения энергий и сил, под воздействием которых оказалась тогда земля. Однако мвеллреты не погибли и даже сумели приспособиться к новым условиям жизни: их кожа и сами тела изменились. И изменились существенно. Конечно, тогда всем пришлось приспособливаться — кто как мог. Например, горные тролли на севере стали сильнее и выше ростом, кожа их потемнела и огрубела и похожа теперь на кору старого дерева. Но они все равно остались троллями. А вот мвеллреты стали похожи на каких-то гигантских рептилий. Леса, где селились они, превратились в болота и топи, листва там увяла и загнила. И мвеллреты приняли облик исконных обитателей трясин. Слантер не зря ведь называет их ящерами: вместо кожи у них чешуя, руки и ноги совсем короткие, а пальцы заканчиваются когтями. И тела у них длинные, гибкие, как у змей.

Но мвеллреты отличаются от других троллей не только внешне. Главная разница в том, что у мвеллретов развилось одно необычайное свойство: они научились менять форму тела. Конечно, не так, как это делают оборотни из сказок. Мвеллрет всегда остается мвеллретом, но может по желанию укоротить или удлинить любую часть тела и преобразить себя так, чтобы наилучшим образом вписаться в то окружение, в котором в данный момент находится. Никто не знает, как они это делают. Впрочем, достаточно знать то, что мвеллреты умеют изменять свое тело, словно это не тело вовсе, а мягкая глина, и что, кроме мвеллретов, больше на это никто не способен.

Знают о них действительно мало. За пределами Восточных земель многие вообще не слышали о мвеллретах. Жили они

как отшельники, предпочитая держаться в своих темных прогнивших лесах, склизких болотах и неприступных горах — подалее от всех. Во времена первого Совета друидов в Параноре ни один мвеллрет не вышел из дебрей дальнего Анара. Ни один мвеллрет не принял участия в Войнах рас. В общем, держались они особняком.

Но потом, уже после великого Совета в Параноре — примерно тысячу лет назад, — мвеллреты почему-то решили оставить свои низины, зловонные топи и гнилые леса и перебраться поближе к Вороньему срезу, в лесную страну на холмах. Ну а там испокон веков обитали гномы. Разрозненные племена, диковатые и суеверные. И понятно, что гномы испугались, столкнувшись с такими диковинными существами. Еще бы! Ведь мвеллреты могли менять свою форму и вроде бы повелевали стихиями с помощью темной магии, которая с приходом друидов вновь появилась в мире. А мвеллреты, разумеется, не преминули воспользоваться страхом гномов и подчинили себе племена Вороньего среза. Вот так — постепенно — гномы и обратились в рабов.

Нет, поначалу, естественно, гномы сопротивлялись нашествию «этих ящеров» — так они называли мвеллретов, — только длилось все это очень недолго. Не было у гномов ни силы, ни дисциплины, чтобы сражаться организованно; да и пара наглядных примеров того, что будет с теми, кто отказывается подчиниться, произвела, надо сказать, неизгладимое впечатление на тех, кто это видел. Уже потом по приказу мвеллретов гномы построили крепость, Грань мрака, где «эти ящеры» и засели, чтобы управлять оттуда племенами, живущими на ближайших вершинах. Шли годы, и уже весь Вороний срез попал под власть мвеллретов. Карлики, которые жили на юге, и племена гномов с севера и запада Восточных земель никогда не претендовали на эти горы и, в общем-то, мало ими интересовались; ну а мвеллреты, как выяснилось, не собирались спускаться оттуда и нападать на кого-то еще. И только потом уже, во времена Второй войны рас, поговаривали, будто мвеллреты заключили какую-то сделку с Повелителем чародеев и послали своих рабов-гномов служить Властелину Тьмы. Впрочем, никто бы не смог подтвердить достоверность тех слухов или хотя бы сказать, что получили мвеллреты от черного колдуна.

Ну а дальше — сразу же после того, как Ши Омсфорд нашел меч Шаннары и уничтожил Повелителя чародеев, — среди мвеллретов неожиданно начался мор. Словно мухи, они умирали от старости и каких-то странных болезней, а детенышей появлялось на свет очень мало. Численность мвеллретов катастрофически сократилась, и — как следствие этого — они потеряли власть над племенами гномов. И вот постепенно империя ящеров в Вороньем срезе сузилась до пределов Грани мрака.

— А теперь, похоже, и этих последних мвеллретов прогна-ли обратно в болота, которые их породили, — закончил Форкер свой рассказ. — Не знаю, какая уж там у них была сила, но странники оказались сильнее. Да, пришла очередь мвеллретов стать рабами. Если, конечно, они не уйдут с гор.

— Лучше бы все они передохли! — жестко вставил Слантер.

— А они правда владеют секретами темной магии? — спросил Джайр.

Форкер пожал плечами.

— Сам не видел. Думаю, вся их магия — в способности менять форму. А вообще разное про них болтают: мвеллреты, мол, повелевают стихиями — ветром и воздухом, огнем, водой и земной твердью. Быть может, какая-то доля истины в этом есть, да и то потому, что мвеллреты сумели, наверное, разобраться, как определенные вещи воздействуют на природные силы. А все эти сказки о колдовстве — обыкновенные суеверия.

Слантер что-то пробормотал себе под нос и хмуро взглянул на Джайра, словно хотел показать, что он далеко не во всем согласен с карликом.

— Да все с тобой будет в порядке, Омсфорд. Не волнуйся. — Форкер улыбнулся зловеще и многозначительно поднял бровь. — Если ему вдруг приспичит продемонстрировать тут свою магическую силу... ты и моргнуть не успеешь, как глупый мвеллрет обратится в труп мвеллрета.

И тут впереди показался свет — на этот раз очень яркий. Или он просто показался таким после сумрачных коридоров. Друзья прибавили шагу и свернули в боковой коридор, откуда и лился свет: ряд железных дверей тянулся по правой стене, и

у первой же двери стояли два стражника. Хмурые карлики встретили путешественников настороженными взглядами. Форкер коротко их приветствовал и попросил открыть дверь. Стражники переглянулись и пожали плечами.

— Возьмите свет, — проговорил один из них и протянул Форкеру лампу. — А то он все время сидит в темноте, этот ящер.

Форкер зажег лампу от фитилька той, что висела у двери, и поглядел на своих друзей.

— Открывайте, — сказал он стражникам.

Тяжелая задвижка отъехала в сторону, с протяжным похоронным стоном железная дверь распахнулась в крошечную тьму. Форкер молча шагнул туда, остальные неуверенно протолкались следом. Рассеянный луч света масляной лампы вошел в мрак и пробежал по наваленным друг на друга корзинам, ящикам и мешкам. Карлик остановился, его спутники тоже замерли.

А за спиной с глухим скрежетом захлопнулась дверь.

Джайр с опаской огляделся. Воняло ужасно, словно здесь уже пару недель разлагался труп. В камерке царил глубокий сумрак, и только там, куда падал свет лампы, было чуть-чуть светлее.

— Ститхис? — тихо позвал Форкер.

Но в ответ — тишина. И только потом — наверное, через минуту — кто-то зашевелился в левом углу, среди мешков и корзин.

— Кто пришел? — прошипело из тьмы.

— Форкер, — ответил карлик. — Я пришел поговорить с тобой. Радхонм должен был сообщить тебе.

— Ттшт! — Голос скрипел, словно железная цепь, которую тянут по камню. — Что жж, тогда говори, карлик.

Что-то заерзало там, во мраке, — что-то огромное и окутанное тьмой, как сама смерть. А потом над корзинами поднялась тень. Джайр задохнулся от отвращения.

«Оставайся на месте, — предостерег его внутренний голос, — не шевелись. И молчи!»

— А-а, людишки, — холодно пробормотала тень. — Карлик, и эльфы, и гном в прилачу. Перепугались, людишки? Ну, подойдите поближе.

— Сам вот и подойди, — огрызнулся Форкер.

— Ш-ш-ш! Не люблю свет. Нужен сумрак!

Форкер пожал плечами.

— Значит, будем стоять, где стоим.

— Сстойте, — согласился тот.

Джайр поглядел на Слантера. Лицо гнома — маска ненависти и отвращения — покрылось испариной. Он весь напрягся; казалось, еще немного — и Слантер стрелой умчится отсюда. Эдайн Элесседил тоже заметил это и встал рядом с гномом, едва ли не закрывая его собой.

— Да я в порядке! — едва слышно пробормотал Слантер, отмахнувшись рукой от темноты перед ним.

И вдруг мвеллрет шагнул вперед и остановился у самой границы света — высокая сумрачная фигура, закутанная в темный плащ, словно бы материализовалась из тьмы. Держался мвеллрет очень прямо и стоял, как все люди, на двух ногах, кривоватых и крепких. Сейчас — в полумраке и под плащом — его можно было принять за обычного человека. Но тут он протянул руки вперед, будто ощупывая воздух, и стало видно, что вместо кожи у мвеллрета — жесткая серая чешуя, а вместо ногтей — страшные когти, словно у хищного зверя. Под капюшоном — мвеллрет как раз повернулся к свету — ухмылялась змеиная морда, тоже покрытая чешуей. Он широко распахнул свою пасть, будто специально, чтобы продемонстрировать ряд острых зубов и раздвоенный узкий язычок. На тупой морде с легким шипением раздувались громадные ноздри, а выше, почти теряясь в тени капюшона, мерцали зеленые глаза-шелки.

— Сститхисс знает, что привело вас, людишки, — очень медленно прошипело чудовище. — Хорошшо знает.

Все долго молчали.

— Грань мрака, — наконец сказал Форкер.

— Морды, — прошептал мвеллрет. — Сститхисс знает. Сстранники, что несут смерть. Они вышли из черных провалов, из ямы Мельморда. Из самой смерти! Поднялись к Колодцу небес и бросили в воду яд, в воду Ссеребрисстой реки. Отравили реку, отравили землю. Уничтожили все! Пришли в Грань мрака и сотворили зло. Много зла. Пришли прогнать нас из дому. Ссделать из нас рабов.

— И ты все это видел своими глазами? — спросил Форкер.

— Я видел, все видел! Морды пришли из мрака, и выгнали нас, и забрали все наше. Забрали. У них сила, у странников. Пришлось бежать! И многие наши погибли там!

Слантер внезапно плюнул во тьму, отступил на пару шагов и с силой топнул по каменному полу.

— Сстой на месте! — прошипел мвеллрет. Он не просто шипел, он приказывал. Слантер резко вскинул голову. — Гномам не надо бояться нас. Мы не морды. Морды все разрушают. Все, что есть жизнь. Потому что они творения смерти. Они сами — смерть! И они владеют магией. Сильной магией. Скоро все земли им покорятся.

— Но ведь ты говорил, что знаешь, как их уничтожить! — теряя терпение, воскликнул Форкер.

— Ш-ш-ш! Грань мрака принадлежала нам! А теперь морды хозяйничают в нашем доме! Думают, раз мы ушли, то они в безопасности там. Но они ошибаются, да. Мы-то знаем пути, как проникнуть в крепость! А вот морды не знают!

— Потайные ходы! — вдруг воскликнул Джайр, совсем забыв о том, что решил молчать. И о том странном внутреннем предупреждении.

Змеиная морда подалась вперед, будто бы мвеллрет приюхивался. Джайр похолодел. Ему показалось, что к нему подбирается что-то злобное, обволакивающее... и тянет, тянет куда-то...

Между зубами мвеллрета мелькнул раздвоенный язычок.

— Магия, да, дружочек? Владеешь магией?

Никто не произнес ни слова. Джайр покрылся испариной. Форкер внимательно поглядел на долинца. Карлик, похоже, еще не понял, что сейчас произошло.

— В твоем голосе магическая сила, — шептал мвеллрет. — Я ее чувствую в твоем голосе. Чувствую в тебе. Сила, как моя собственная. Ты ведь сделаешь для меня эту малость? Я жду, говори!

И тут что-то словно свернулось кольцом вокруг Джайра и выдавило из него дыхание. А потом он запел. И ничего нельзя было сделать. Песнь желаний рвалась сквозь стиснутые зубы, и звук растекался волной, и волна обретала форму и бесфор-

менным сгустком дрожала во мраке, и тени плясали в круге света лампы.

А через мгновение сжимающее кольцо распалось, и долинец освободился. Песнь желаний замерла в тишине. Джайр задохнулся и в потрясении опустился на колени. Слантер был уже рядом: он подхватил долинца и оттолкнул его к двери, подальше от мвеллрета. При этом гном еще умудрился выхватить длинный кинжал из ножен на поясе Эдайна Элесседила. Форкер понял намерение Слантера и поспешно встал между ним и мвеллретом, лицом к Ститхису, с мечом наготове. Мвеллрет как-то сжался, уменьшился в размерах и отступил назад, во мрак.

— Что ты с ним сделал? — угрожающе прогрохотал карлик. Ститхис еще отступил и словно бы растворился в тени под плащом. Только змеиные глазки мерцали из темноты. Форкер резко повернулся. — Все, уже хватит. Мы уходим.

— Сстойте! — внезапно запричитал мвеллрет. — Вы пришли говорить со Сститхиссом! Я могу рассказать вам о мордах. Много могу рассказать!

— Все, нам уже неинтересно. — Форкер что есть силы ударил рукоятью меча по железной двери.

— Ш-ш-ш! Вы должжны говорить со Сститхиссом, если вы вправду хотите расправиться с мордами! Только я знаю как! Знаю ссекреты! — Теперь его голос был резок и холоден. — Людешшки вернутся — должжны вернуться! Они пожалеют ещще, что ушли!

— Уже жалеем. Только о том, что пришли! — бросил Эдайн Элесседил. — Мы в твоей помощи не нуждаемся!

Дверь открылась. Эдайн и Слантер подхватили долинца под руки и помогли ему выйти из этого мрачного места. Джайр слегка потряс головой, чтобы в ней прояснилось, и уже на пороге оглянулся во тьму. Там, во мраке, безликой, бесформенной тенью скорчился мвеллрет.

— Нет, вы нужждаетесь в помощи Сститхисса! — прошипел он. — Ещще придете, людешшки! Вернетесь ко мне!

Карлики-стражники заперли дверь и проверили, надежно ли встала задвижка. Джайр глубоко вздохнул и выпрямился, освободившись от поддерживающих его рук. Форкер внимательно посмотрел на долинца, проворчал что-то себе под нос и, повернувшись, направился прочь.

— Надеюсь, все хорошо себя чувствуют. И ты, Омсфорд, тоже, — проговорил карлик уже на ходу. — Пойдемте скорее на свежий воздух.

— Что там случилось, Джайр? — Эдайн Элесседил хотел знать прямо сейчас. — Как у него получилось заставить тебя это сделать?

Джайр покачал головой.

— Сам не знаю. — Он направился вслед за Форкером. На всякий случай эльф и гном держались поближе к долиnce. — Нет, правда не знаю.

— Черный дьявол! — с чувством выдохнул Слантер свое любимое ругательство. — Он же вертит тобою как хочет!

Джайр только кивнул. Да и что было сказать? Вот если б он знал, как у мвеллрета это вышло... Если бы только знал!

Глава 21

Черная безмолвная ночь опустилась на Капааль. Луна и звезды, наверное, заблудились в тумане, и только мерцание масляных ламп в бойницах крепостных стен да дрожащее пламя костров чуть рассеивали сгустившийся сумрак. На камнях и кустах в эту ночь появилась изморозь — влага застыла белесой коркой. Было тихо, но как-то тревожно. Джайр и Эльб Форкер стояли на крепостной стене и глядели вниз, на плотину, что, словно мост, соединяла два горных хребта, перекрывая путь вольным водам Серебристой реки.

— Уже больше пяти сотен лет, — объяснял карлик долиnce, — как построили эту плотину. При короле Рейбуре, да. Тогда у нас еще были короли. Плотину и крепость. После Второй войны рас.

Джайр молча смотрел в темноту — на гигантское сооружение, будто размытое в мутном мареве красноватого света костров. Три запруды, одна над другой, — каменные барьеры против мощи воды. Система шлюзов удерживала натиск течения Серебристой реки, разбивая поток перед тем, как река водопадом срывалась в пропасть. Капааль, крепость карликов, стоял на самой верхней плотине, растянувшись по всей длине колоссальной преграды. Фасад мрачной крепости выходил на запруды. Крутые горы подступали вплотную к нижним плотинам.

И никаких троп и подходов, только узкие выступы на отвесных утесах да туннели, известные лишь карликам. А с другой стороны верхней плотины широко разлился Циллиделлан — такой тусклый и темный сейчас, этой туманной безлунной ночью, — черное озеро в обрамлении красных огней. Огней костров вражеской армии.

— Да, гномы, они спят и видят, как бы заполучить все это. — Форкер провел рукой в воздухе над плотиной. — Капааль контролирует водоснабжение всех земель западнее Радужного озера. Раньше, когда еще здесь ничего этого не было — ни плотины, ни крепости, ничего, — в сезоны дождей река так разливалась... И теперь, если гномы... — Он покачал головой, обрывая себя. — Бывало, если, к примеру, плохая весна, то и в Кулхейвене наводнение, да.

После этого карлик замолчал надолго. Джайр тоже молчал, потрясенный размерами сооружений.

«Это какого же труда стоило все это построить!» — с благоговением думал долинец.

Форкер уже показал ему внутреннее устройство шлюзов, объяснил, как все это работает. Надо сказать, что долинцу было действительно интересно, и он не жалел, что пошел с Форкером.

Слантер засел разбирать карты карликов, карты Северного Анара и Вороньего среза.

«И между прочим, весьма неаккуратные!» — не преминул пробурчать гном при первом же взгляде на них.

Но из двух зол выбирают меньшее: все-таки лучше дурацкие карты, чем еще один разговор с мвеллретом. Он, Слантер, и сам разберется, без всяких вонючих ящеров. В общем, гном согласился сверить маршрут отряда с картами карликов и даже кое-что там исправил. А Эдайн Элесседил извинился и тоже куда-то ушел. Так вот и получилось, что долинец остался вроде как не у дел и с благодарностью принял приглашение Форкера. И еще Джайр надеялся, что прогулка с карликом отвлечет его от постоянных раздумий о Гарете Джаксе — тот еще не вернулся, а уж пора бы... давно пора. Но все, ладно! Лучше не думать об этом.

— Гномы не смогут пройти по горам к нижним запрудам, — говорил Форкер, глядя на далекие сторожевые костры. — С той

стороны все проходы защищены. Наши предки, когда строили Капааль, предусмотрели и эту возможность. И пока стоит крепость, плотинам ничто не грозит. А значит, ничто не грозит Серебристой реке.

— Не считая того, что ее уже отравили, — грустно заметил Джайр.

Карлик кивнул.

— Это да. Но если вода Циллиделлана хлынет в ущелье, станет много хуже. Тогда яд растечется быстрее. По всем землям на западе.

— А люди там знают, что им угрожает?

— Они знают, да.

— Тогда они должны были прийти сюда и помочь вам, мне так кажется.

Форкер грустно улыбнулся.

— Это тебе так кажется. А вот кому-то другому гораздо удобнее не верить, что все происходит так, как оно происходит. Мол, такого не может быть...

— И что, неужели ни один из народов вам не поможет?

Карлик пожал плечами.

— Ну нет, почему же? Андер Элесседил лично ведет сюда армию эльфов. Правда, они пока еще в двух неделях пути отсюда. И Каллахорн обещал помочь; Хельт и еще кое-кто уже здесь и сражаются вместе с нами. От троллей пока ничего — их племена рассеяны по просторам Северных земель. Быть может, в конце концов тролли поддержат нас на северных границах.

Он замолчал. Джайр мгновение подождал, а потом спросил:

— А Южные земли?

— Южные земли-то? — Форкер покачал головой. — У них там Федерация и Коалиционный совет. Сборище глупцов. Мелкие внутренние потасовки и борьба за власть отнимают всю их энергию. Новым Южным землям нет дела до других народов. Похоже, южане возвратились теперь к тому, что было во времена Первой войны. И будь Повелитель чародеев сейчас жив, боюсь, Федерация охотно присоединилась бы к нему.

— Но зато Каллахорн с вами, — быстро проговорил Джайр. — Люди с границы — это особое племя.

— Да, но одних каллахорнцев недостаточно — вздохнул Форкер.— Даже всего легиона. Ты и сам видел вражеское войско объединенных племен. Теперь гномы сильнее нас. И с ними те черные твари...— Карлик печально покачал головой.

Джайр нахмурился.

— Зато у нас есть очень сильный союзник. Даже морды его боятся... У нас есть Алланон.

— Да, Алланон,— пробормотал Форкер и снова пожал плечами.

— И еще Брин,— добавил Джайр.— Как только они доберутся до Идальч...

Внезапно он замолчал, вспомнив предсказание короля Серебристой реки. Словно бы печальный шепот пронесся в сознании: «...У них не получится, ибо они как листья, гонимые ветром... Твоя сестра и друид. И оба сгинут...»

Джайр прогнал мрачные мысли. Он поклялся себе еще тогда, что этого не будет. И вновь повторил: «Я доберусь до них. Я их найду. Я поднимусь к Колодцу небес, брошу в воду Серебряную пыль, и вода станет чистой, и в чистую воду я опущу кристалл, и тогда...»

Джайр загнулся. Тогда что? Он не знал. Знал только, что-то будет. И он сделает что-то такое, чтобы пророчество старика не сбылось.

Но сначала нужно еще дойти, угрюмо напомнил себе долинец. Впереди — долгий путь. А Гарета Джакса все нет и нет...

Форкер засунул руки в карманы плаща и, низко опустив голову, направился дальше по крепостной стене. Джайр догнал карлика уже на лестнице, которая широкой лентой спускалась к нижней плотине.

— Расскажи мне о Гарете Джаксе,— внезапно попросил долинец.

Карлик продолжал глядеть себе под ноги.

— А что ты хочешь, чтоб я рассказал?

Джайр помотал головой.

— Ну, не знаю. Что-нибудь расскажи.

— Что-нибудь? — пробурчал Форкер.— По-моему, немного неопределенно, нет? О чем именно?

Джайр мгновение подумал.

— О том, чего больше никто не знает. Что-нибудь о нем.

Форкер облокотился о каменный парапет и молча уставился в ночь, на черное зеркало Циллиделлана. Джайр встал рядом с карликом и тоже молчал. Он ждал.

— Тебе бы хотелось понять его? — наконец заговорил Форкер.

Долинец медленно кивнул.

— Хотя бы чуть-чуть.

— Мне кажется, это вообще невозможно, Омсфорд. Все равно что пытаться понять... ястреба, парящего в небе. Ты его видишь. Видишь, какой он и что он делает. Ты восхищаешься им. Ты, вероятно, немного завидуешь его вольной жизни. Но понять его ты не можешь. По-настоящему — никогда. Чтобы понять его, нужно быть им.

— А ты вот вроде бы его понимаешь, — задумчиво проговорил Джайр.

Форкер резко повернулся и взглянул прямо в глаза долинцу:

— Ты так думаешь, Омсфорд? Что я понимаю его? — Карлик покачал головой. — Не больше, чем я понимаю ястреба. Если не меньше. Я его знаю немного, потому что мы вместе сражались и вместе учили солдат. Я знаю, какой он боец. И какой человек. Но когда дело касается понимания, все, что я знаю, оно словно пыль... словно я ничего и не знаю. Вот так. — Он поколебался. — Гарет Джакс, он совсем другой. Не такой, как ты, или я, или кто бы то ни было. Он — единственный и неповторимый. Потому что другого такого нет. — Карлик поднял бровь. — Он — особая форма жизни. Своего рода магия, да. То, что он делает, — это невероятно. Из любой переделки — там, где другой бы непременно погиб, — Гарет выходит целым и невредимым. Он водит смерть за нос. Это образ жизни, как у ястреба: он парит высоко, и никому до него не добраться. Он словно бы в стороне, вне всего. Понять его? Нет. Мне его не понять. Это мне не по силам.

— Но ведь это ради тебя он пришел в Восточные земли, — в конце концов произнес Джайр. — Он сам так сказал. Значит, какое-то дружеское чувство у него к тебе есть. А дружба, она просто так не рождается. У друзей всегда должно быть что-то общее...

— Что ж, возможно. — Карлик пожал плечами. — Но это не значит, что я понимаю его. И потом, когда он что-то делает,

у него всегда есть на это свои соображения, и вовсе не обязательно те, о которых он говорит. Вот это я знаю точно. Он здесь не только из-за меня, Омсфорд. Есть, наверное, еще причины. — Форкер потрепал юношу по плечу. — Я думаю, что он здесь не только из-за меня, но и из-за тебя тоже, да. Но почему, я не знаю. Может быть, ты знаешь?

Долинец задумался.

— Он сказал, что пойдет со мной как мой защитник, потому что так распорядился король Серебристой реки.

— Ну что ж, — кивнул Форкер. — Ладно. Но вот, зная это, ты стал лучше его понимать? Я не стал. — Он замолчал и вновь уставился на черные воды озера. — Его причины — это его причины. И мне он о них ничего не рассказывал. И не расскажет.

Джайр уже не слушал его. Внезапно долинец кое-что вспомнил. И поспешил отвернуться, чтобы карлик не видел его лица. Джайр застыл в потрясении, и одна только мысль билась в сознании: Гарет Джакс не открыл Форкеру всех причин, но ему-то, Джайру, он кое-что рассказал... Тогда, в горах, под дождем. На вторую ночь после выхода из Кулхейвена. Да, Джайр теперь вспомнил. «Я хочу, чтобы ты понял... — так сказал тогда Мастер боя. — Этот сон обещал мне великое испытание. Испытание мастерства. Это мой шанс узнать, действительно ли я лучший. Вот что я всю жизнь искал. И чего же мне еще?..»

Джайр поглубже вдохнул прохладу ночного воздуха. Быть может, он понимал Гарета Джакса лучше, чем ему самому казалось. Или хотя бы приблизился к пониманию...

— И еще одна вещь, о которой знают немногие. — Форкер опять повернулся к долинцу. Джайр очнулся от размышлений. — Ты говоришь, что вы встретились в Черных дубах. А ты никогда не задумывался, как он там оказался? Ведь он шел на восток из Каллахорна.

— Я как-то не думал об этом. А ведь верно: если идти от пограничных земель в Анар... Дубы немного не по пути. — Долинец поколебался. — И что он там делал?

Форкер неуверенно улыбнулся.

— Пойми только, что это всего лишь мои догадки. Сам он мне ничего не рассказывал. Но там был его дом — в озерной стране, между Лихом и низинами Клета. Там он родился и вырос. И когда-то давно у него там была семья. Я не знаю, но, может быть, кто-то остался... Или просто воспоминания...

— Семья, — тихо повторил долинец и покачал головой. — Ты что-нибудь знаешь о них? Он тебе говорил?

Карлик оторвался от парапета.

— Нет. Упомянул как-то раз, вот и все. Ну, теперь ты кое-что знаешь о Гарете Джаксе, чего больше не знает никто. За исключением меня, конечно. И что, помогло тебе это лучше понять его?

Джайр улыбнулся.

— Пожалуй, нет.

Форкер повернулся, и вместе они зашагали обратно по крепостной стене.

— Я так и думал, — пробормотал карлик уже на ходу. Было ветрено, и Форкер поуютнее запахнул плащ. — Пойдем, Омсфорд, я угощу тебя горячим элем. Посидим, подождем возвращения нашего ястреба. — Карлик хлопнул долинца по плечу.

Ночь словно застыла, пустая, тягучая, полная темных предчувствий. Туман крадучись спустился с вершин и завис над водой. Липкая, влажная пелена обволокла Капааль, скрыв костры гномов. Дожидаясь Гарета Джакса, Джайр Омсфорд не спал. Они все собрались в тесном караульном помещении одной из башен: Джайр, Форкер, Слантер и Эдайн Элесседил. На столе горела единственная свеча, едва разгоняя сумрак; в кружках дымился горячий эль. Сначала долинец чувствовал себя довольно бодро, а потом все куда-то поплыло — голоса друзей доносились сквозь плотную пелену. Джайр слушал будто бы издалека. А потом он прикрыл глаза, чтобы пляшущий свет свечи не раздражал их. Через мгновение он уже спал.

И только на рассвете эльфийский принц легонько потряс его за плечо.

— Джайр, он вернулся.

Долинец сонно моргнул и выпрямился на стуле. В мутном сумраке уходящей ночи мерцали красные тлеющие угольки — огонь в камине почти догорел. А снаружи слышался шум дождя, стучащего о камень.

Джайр еще раз моргнул. Гарет Джакс. Он вернулся.

— Он пришел полчаса назад. — Эльф шептал ему в самое ухо, словно боясь разбудить кого-то еще в комнате. — Ну и Хельт с ним, понятно. Они осмотрели туннели и отыскиали дорогу

на север.— Он помедлил.— Но случилось еще кое-что, Джайр.— Эльф опять замолчал, и долинец выжидающе поглядел на него.— Где-то после полуночи начался дождь и туман стал рассеиваться. А когда рассвело, гномы уже были здесь — все как один. Выстроились вдоль линии берега Циллиделлана, от одного конца верхней плотины до другого. В боевом порядке. Просто стоят и ждут.

— И чего ж они ждут?

Эдайн Элесседил покачал головой.

— Я не знаю. По-моему, никто не знает. Они стоят так уже не один час. Карлики все поднялись по тревоге. Пойдем, сам посмотришь.

Они пробежали по сумрачным коридорам и оказались во внутреннем дворе в центре верхней плотины. Студеный ветер носился над Циллиделланом, дождь больно хлестал по лицам. Еще было довольно темно, лишь на востоке над черными пиками по небу разлилось мутно-серое свечение. Воины карлики уже стояли на своих местах — сумрачные фигуры, закутанные в плащи, с оружием в руках. Тишина, словно саван, окутала Капааль.

Эдайн Элесседил отвел Джайра на северный край плотины к высоченной сторожевой башне. Казалось, и ветер здесь был сильнее, и пелена дождя плотнее. У двери в башню друзья приостановились, пропуская отряд карликов. Воины прошагали мимо, даже не взглянув на долинца и эльфа, и направились вниз по соседней лестнице. Впереди отряда решительным шагом выступал мрачный карлик со свирепым лицом, пламенно-рыжими волосами и такой же огненной бородой. Выглядел он, прямо сказать, очень грозно. Особенно в этой кольчуге из стальных колец и плотной кожи.

— Радхомм, командующий гарнизоном,— прошептал Эдайн Джайру.

Они вошли в башню. Здесь было тихо: вой ветра и шелест дождя остались за дверью, снаружи. Бледный свет масляных ламп едва пробивался сквозь сумрак, такой густой, что долинец и не заметил, как их обступили несколько темных фигур. Они возникли словно ниоткуда.

— Ха! Дай ему только волю, он бы всю жизнь продрых!

Первое, что услышал Джайр, было, конечно, ворчание Слангера.

— Рад тебя снова видеть, Джайр Омсфорд. — Рука Хельга крепко сжала ладонь долинца.

Был здесь и Гарет Джакс, черный как ночь, непреклонный как скала. Он ничего не сказал, лишь внимательно поглядел на Джайра. А потом почти ласково положил руку ему на плечо, и в суровых глазах Мастера боя промелькнула какая-то странная, непривычная теплота. Лишь на мгновение. И снова взгляд стал ледяным, Гарет Джакс убрал руку и отступил обратно во мрак.

За спиной у долинца с шумом распахнулась дверь — карлик, промокший насквозь, влетел внутрь и подскочил к маленькому столу в глубине комнаты, где, склонившись над грудой карт, сидел Эльб Форкер. Они быстро о чем-то переговорили, и гонец так же стремительно умчался прочь.

Форкер встал и подошел к Джайру.

— Омсфорд, — сказал он вместо приветствия, — только что мне доложили, что мвеллрет сбежал.

Никто не нашелся что ответить на это.

— Как же такое могло случиться? — сердито выдохнул Слантер, нарушая затянувшееся молчание.

— Он же может изменять свое тело. — Форкер не сводил глаз с долинца. — Ну, в общем, он выбрался через трубу вентиляции. Это случилось ночью. И где он теперь — никому не известно.

Джайр похолодел. Неудивительно, что Форкер так глядит на него. Даже там, в заключении, мвеллрет почуял магическую силу эльфов и смог заставить долинца раскрыть ее ему. Ну а теперь, когда мвеллрет на свободе...

— Получается, он всегда мог это сделать, — задумчиво проговорил Эдайн Элесседил. — То есть должна быть причина — почему именно сейчас?

«И этой причиной могу быть я, — отметил про себя долинец, — и скорее всего, именно я. Вот и Форкер тоже сообразил. Он все понял. Не зря ведь карлик обратился прежде всего ко мне».

И тут из мрака выступил Гарет Джакс, решительный и непреклонный.

— Мы уходим немедленно, — сказал он. — Мы и так уже тут задержались. У нас есть дело на севере, и нам нужно спешить.

Что бы здесь ни случилось, нам сейчас не до этого. Все гномы собрались у Циллиделлана, надо воспользоваться моментом...

ООООООООМММММММММММММММММММ!

Друзья испуганно переглянулись. Жуткий вой разорвал пред-
рассветную тишину — глухой, злоедающий. Он все нарастал, ты-
сячи голосов слились в один сверхъестественный, нечеловече-
ский голос — зов, пронзающий дождь и ветер. Даже горы во-
круг Капааля, казалось, застыли в испуге, накрытые волной
звука.

— Проклятье! — воскликнул Слантер, сморщившись от от-
вращения, он узнал этот вой.

Шестеро друзей бросились к двери и через несколько секунд
уже стояли на крепостной стене, глядя сквозь ветер и дождь на
север, за дрожащие воды Циллиделлана.

ООООООООМММММММММММММММММММ!

Вой пронесся по горным вершинам, и теперь уже горы от-
ветили гулким эхом. Это гномы, собравшиеся на берегу, пели
мрачную песню над мутным озером. И вода Циллиделлана дро-
жала от силы звука, и пространство, казалось, уже не может
вместить в себя этот траурный плач.

На нижней стене показался Радхомм. Он кричал во всю глот-
ку, отдавая приказы гонцам, и те поспешно удалялись — пере-
дать его распоряжения по гарнизону. Что бы сейчас ни случи-
лось, карлики были готовы встретить это достойно. Как и поло-
жено воинам, то есть сражаться. Рука Джайра сама скользнула
под рубашку. Он нашел кошелек с Серебряной пылью и кри-
сталл видения. И странно, это его слегка успокоило.

Гарет Джакс схватил Слантера за полу плаща и подтащил по-
ближе к себе.

— Что здесь вообще происходит?

В глазах гнома застыл откровенный страх.

— Это призыв! Так вызывают силы темной магии! Я однаж-
ды уже это видел — в Грани мрака! — Слантер поморщился,
пытаясь вырвать у Гарета свой плащ. — Но для этого нужно при-
сутствие странников, Мастер боя! Чтобы магические силы ото-
звались!

— Гарет! — Форкер с силой повернул его и указал пальцем
вниз, на берег Циллиделлана. Больше карлик не произнес ни
слова, но Мастер боя тут же отпустил Слантера, и все как один
повернулись туда.

В сотне ярдов от края верхней плотины среди скопища гномов возникли три темных пятна. Три черные тени — высокие, мрачные, закутанные в плащи.

— Морды! — хрипло прошептал Слантер. — Они пришли, черные странники!

Глава 22

Морды спустились к Циллиделлану. Как бесплотные тени, они скользнули по берегу к темной воде, словно под плащами и не было ничего, лишь безликая сущность зла, текучая и призрачная. И только пальцы с черными когтями высовывались из-под покрова: каждый из призраков сжимал по серому посоху из какого-то колдовского дерева. Даже свист ветра уже не был слышен за воем гномов; и тем, кто смотрел сейчас с Капааля, казалось, что именно этот пугающий звук породил черных призраков-мордов.

А потом вой оборвался, внезапно и резко. И наверное, стало бы очень тихо, если бы ветер с пронзительным плачем не носился над водами Циллиделлана и не плескались бы волны, растревоженные неистовыми порывами.

Первый из мордов высоко поднял посох — рукав плаща сполз к плечу, и показалась рука. Не рука даже — иссохшая черная кость. И вдруг тишина опустилась на горы. Странная пульсирующая тишина. Даже ветер на мгновение замер, словно в ожидании. А потом посох медленно опустился и коснулся черной воды. И тут же два других морда погрузили концы своих посохов в озеро.

И не успели защитники крепости даже вздохнуть, как струи огня — алого, словно кровь, — пробежали по колдовскому дереву, и пламя вонзилось в воду, прожигая прохладную черноту. Вода вздрогнула, словно от боли, вздыбилась темной волной и как будто закипела. Гномы ликующе завопили и подались назад.

— Вот он, призыв! — прокричал Слантер.

Красный огонь разогнал мутную черноту воды, прожигая озеро до самых глубин, куда никогда еще не пробивался ни единый луч солнца — только этот зловещий свет колдовского пламени. Как будто кровь растеклась по воде. Струи пара рванулись к небу, и все озеро взбурлило грязной пеной.

А наверху, на крепостных стенах, карлики замерли в нерешительности. Что-то должно было произойти. Что-то ужасное. И никто не знал, как это остановить.

— Мы собирались смыться отсюда! — Слантер нервно потянул Гарета Джакса за рукав. В глазах гнома был страх, но и решимость тоже.— Быстрее, Мастер боя!

Внезапно ток огня оборвался. Морды подняли посохи из воды, черные руки-кости скрылись под темным покровом. Но Циллиделлан продолжал пениться и бурлить; струи огня превратились в алый сгусток сияния — казалось, там, в глубине, воспаленное красное око пробудилось от сна.

OOOOOOOOOMMMMMMMMMMMMMM!

Снова поднялся чудовищный вой. Морды вскинули посохи вверх — пар пеленою поднимался над озером, и вода вздыбилась, выгнувшись черной аркой.

Из глубин поднималось что-то огромное, темное...

— Мастер боя! — отчаянно прокричал Слантер.

Но Гарет Джакс покачал головой.

— Мы остаемся. Хельт, неси луки.

Тот уже со всех ног летел в башню. Лишь мгновение Джайр смотрел ему вслед, а потом опять повернулся к Циллиделлану — к оглушительному вою гномов и черной тени, встающей из вод.

Теперь уже она быстро приближалась к поверхности озера, увеличиваясь в размерах. Зло, призванное мордами. Вот только что это? У долинца перехватило дыхание. Что бы это ни было, ему уже стало страшно. По-настоящему страшно. Казалось, черная тень заполнила собою все озеро. И тень обретала форму: кошмарная тварь колоссальных размеров простирала вверх мощные... руки? лапы? — тянулась, нащупывала...

А потом, взлетев над водой как грохочущая волна, чудовище вырвалось из глубин и на мгновение будто зависло в серой дымке рассвета. Тина и слизь покрывали огромное, как разбухшая бочка, тело, покрытое наростами мертвых ракушек и тусклых кораллов. Тварь бешено колотила гигантскими плавниками — их было четыре — с грозными шипами. А там, где должна была быть голова, извивались мерзкие щупальца, каждое размером с руку взрослого мужчины. Чешуя и шипы покрывали их сверху, а снизу на щупальцах были присоски. И среди это-

го копошашегося сплетения холодным огнем блестяли два алых глаза; широкая пасть, чем-то похожая на гигантский клюв, щерилась, открывая ряд острых как иглы зубов. Чудище выпрямилось в полный рост — более сотни футов. И в ширину оно было футов сорок.

На стенах Капааля воины-карлики не смогли сдержать криков ужаса и отвращения.

— Кракен! — выдохнул Форкер. — Все, мы пропали!

Глухой вой гномов поднялся до истошного визга, и визг перешел в боевой клич. Волной сокрушительной силы звук прокатился по Капаалю. А внизу, над водами Циллиделлана, взревел кракен: черное тело его содрогнулось и развернулось по направлению к стене плотины и крепости, охраняющей ее.

— Она движется к нам! — в изумлении прошептал Гарет Джакс. — Тварь, неспособная жить в пресных водах... Тварь из глубин океана — здесь! Призванная черной магией, она пришла уничтожить нас! — Серые глаза сверкнули холодным огнем. — Только мне почему-то кажется, что ничего у нее не выйдет! Хельт!

Каллахорнец уже вернулся из башни с тремя длинными луками. Один Гарет Джакс взял себе, второй оставил у Хельта, а третий лук протянул Эдайну Элесседилу.

Слантер рванулся к Мастеру боя.

— Послушай сначала меня! Против кракена не выстоять даже тебе! Нам всем не выстоять! Это чудовище, зло, призванное злом! Тебе с ним не справиться, Гарет Джакс!

Но Мастер боя, похоже, не слышал его.

— Оставайся с долинцем, гном. Головой за него отвечаешь. Смотри, чтобы с ним ничего не случилось.

Он повернулся и бросился по лестнице вниз. Хельт и Эдайн Элесседил умчались следом. Форкер мгновение постоял в нерешительности, подозрительно поглядывая на Слантера, но в конце концов тоже ринулся на нижнюю стену.

А там уже шла битва. Кракен со всего маху налетел на крепостную стену, громадное тело с сокрушительной силой ударилось в камень. Гигантские щупальца добрались до карликов, столпившихся на стене. Одним ударом чудище сбilo не одну дюжину воинов прямо в темную воду. Кому-то еще повезло — они просто упали в озеро, но кое-кто напоролся на острые ши-

пы кракена или попался на ужасные присоски. Воздух дрожал от криков и стонов умирающих карликов. Удары мечей и копий градом сыпались на кракена, но на толстой чешуйчатой шкуре не появилось ни единой царапины. Чудище бешено размахивало щупальцами, сбивая защитников крепости с ног, разнося в щепки защитные укрепления, за которыми карлики пытались укрыться от смертоносных живых хлыстов.

Гномы тоже не медлили. Как только кракен атаковал, они пошли с обеих сторон мощной плотины на штурм ворот. Карлики отчаянно отбивались, перерубая веревки с крюками и опрокидывая приставные лестницы, по которым враги карабкались на крепостную стену. Но гномы словно обезумели. Не считая потерь, они ломались в ворота, кидались на стены и гибли. И снова кидались и гибли.

Но все-таки, как оказалось, погибали не зря. И у этого кажущегося безумия была своя цель. Пока карлики были заняты отражением атаки гномов, кракен пробрался севернее вдоль крепостной стены к тому месту, где она закруглялась и подступала к воротам. А потом чудище одним мощным рывком поднялось над водой, оперлось громадными плавниками о край плотины и внезапно выбросило щупальца вперед — присоски с отвратительным хлюпаньем прилепились к воротам. И тут кракен отпрянул назад — дерево разлетелось в щепки, железные запоры со скрежетом вылетели из своих гнезд. Ворота сорвались с петель, и гномы с победным ревом хлынули на плотину.

А наверху, у сторожевой башни, Слантер и Джайр, наблюдавшие за сражением, застыли от ужаса. Теперь, когда ворот больше не было, карлики уже не могли сдерживать натиск врага. Еще немного, и Капааль падет. Карлики сейчас уже отступали по стенам крепости, но все-таки не бежали в панике, а мужественно пытались если не оттеснить, то хотя бы сдержать атакующих. Однако и Джайру, и Слантеру было ясно, что битва проиграна.

— Надо смываться, мальчик, пока не поздно! — Слантер настойчиво потянул Джайра за руку.

Но долинец стоял как вкопанный и только оглядывался по сторонам, ища глазами друзей. Может быть, он и послушался бы гнома, но просто не мог сдвинуться с места. Ужас букваль-

но сковал его. Как замороженный, юноша смотрел вниз. Кракен вновь опустился под воду и теперь плыл к центру плотины. А у разбитых ворот чернели зловещие фигуры: призраки-морды словно застыли, вскинув серые посохи вверх. И, покоряясь их безмолвному приказанию, гномы ломились вперед. И в этом натиске было стремление. И неумолимая воля. И несгибаемая решимость. Гномы ворвались в крепость карликов.

— Слантер! — не своим голосом закричал Джайр, указывая в самый центр сражения.

На краю крепостной стены над клубами пыли и дыма вышпалась фигура могучего воина. Хельт. А рядом с ним — Эльб Форкер. Держа перед собой длинный лук, каллахорнец перегнулся через каменный парапет и прицелился в черных странников. Очень медленно Хельт натянул тетиву. Мучительно медленно. А потом стрела вдрут сорвалась и, пронесаясь черным размытым пятном, глубоко вонзилась в грудь того морда, который стоял впереди. Странник вздрогнул, резко выпрямился и отшатнулся, отброшенный силой удара. За первой стрелой тут же последовала вторая — и снова морд лишь пошатнулся. Крики ужаса раздались сначала поблизости от пораженного черными стрелами странника, а потом разнеслись волной, и на мгновение натиск гномов как будто поколебался.

Но с мордом ничего не сделалось. Он просто сжал когтистой рукой стрелы, пронзившие его почти насквозь, без всяких усилий вытащил их из себя и, держа высоко над головой, чтобы видели все, переломил пополам. Одной рукой. А вторая рука уже поднимала посох, и красный огонь рвался из заостренного наконечника. Огонь пронесся по всей крепостной стене, прожигая и камень, и живые тела защитников Капааля. Когда колдовское пламя почти добралось до них, Хельт и Форкер рванулись в сторону и пропали из виду, накрытые лавиной пыли и каменных обломков.

Джайр бросился было туда, но Слантер удержал его.

— Ты им ничем не поможешь, мальчик! — И, не дожидаясь ответа, гном потащил долинца за собой вдоль крепостной стены к лестнице, ведущей вниз. — Самое время позаботиться о себе! Может, если поторопиться...

А над водами озера вновь поднялся кракен, как раз у того места, где внутренний двор на вершине плотины подступал

вплотную к башням Капаала. Сейчас там кипела битва: карлики пытались выбраться из северного крыла крепости, уже захваченного гномами. С глухим вскриком чудовищные щупальца хлестнули о камень, распростершись по верху плотины. Копыщающаяся масса шипов, чешуи и присосок перекрыла защитникам путь к отступлению.

— Слантер! — предостерегающе завопил Джайр, падая на ступеньки. Гигантское щупальце пронеслось всего в нескольких дюймах от его головы.

Друзьям пришлось отступить вверх по лестнице. Брызги, поднятые неистово бьющим по воде хвостом чудовища, пыль и каменные обломки летели на них, словно град. Джайр и Слантер съжились под прикрытием балюстрады. А там, внизу, кракен молотил щупальцами по стенам крепости, сокрушая все, что ему попадалось.

Казалось, все потеряно. Через внутренний двор не пройти. Но карлики, оставшиеся с другой стороны, в отчаянном броске рванулись в атаку, полные решимости освободить путь товарищам, запертым в обреченной крепости. И впереди атакующих словно полыхало безумное пламя — командир гарнизона, рыжий Радхомм, лично повел в наступление своих солдат. Боевой топор Радхомма первым вонзился в сплетение щупалец. Склизкое мясо полетело во все стороны, и красноватая жижа растекалась по мокрым плитам. Но чудищу все было нипочем. Словно от докучливых комаров, отмахнулся кракен от карликов, кромсающих его тело. Взмах чудовищных щупалец — и не одна дюжина воинов упала замертво. Однако карлики снова и снова бросались в атаку и погибали под ударами щупалец.

А потом кракен схватил Радхомма и поднял его высоко в воздух. Даже в таком, безнадежном уже положении командир гарнизона продолжал рубить врага тяжелым боевым топором. Разъяренное чудище со всего маху швырнуло карлика на каменные плиты. И Радхомм уже не поднялся.

Слантер отчаянно тормозил Джайра.

— Бежим!

Мошное щупальце пронеслось прямо над ними и ударилось в стену. Каменные обломки посыпались вниз. На мгновение Джайра оглушило, но он собрался с силами, выбрался из-под обломков и, пригнувшись, снова заполз под прикрытия балюстр-

рады. Карлики внизу отступили, укрывшись в еще не занятом врагом южном крыле крепости. Да, потеря доблестного командира подорвала боевой дух воинов Капааля. Кракен продолжал бесноваться на опустевшей теперь площадке, подбираясь все ближе к стене, за которой укрылись Джайр со Слантером. Долинец хотел уже было бежать, но вдруг застыл в потрясении: у его ног лежал Слантер, из глубокого пореза на голове гнома сочилась кровь.

А потом далеко внизу, словно бы ниоткуда, возник Гарет Джакс. Черной тенью мелькнул он на фоне серой дымки рассвета — стремительный воин с коротким копьём в руках. Джайр отчаянно закричал, но зов его потонул в вое ветра и шуме битвы. Мастер боя несся по скользким от пролитой крови плитам. Не уклоняясь от щупалец кракена, но прямо на них. Словно черная бесплотная тень, Гарет Джакс проскользнул сквозь копошащееся сплетение к зияющей пасти чудовища. Кракен молотил щупальцами по тому месту, где только что стоял Гарет Джакс, но каждый раз — мимо, каждый раз — чуть запаздывая. Гарет Джакс превратился в стук движения, черный вихрь. Как замороженный, долинец следил за ним. Одна ошибка, один просчет... или нога соскользнет по мокрому камню...

Чудовищный клюв уже навис над Мастером боя, пасть ощерилась. А потом вдруг — Джайр не сумел даже уловить, как именно это случилось, — копьё глубоко вонзилось в разверстую пасть. Щупальца вздрогнули и безвольно обмякли, гигантское тело чудовища пошатнулось. Но опять Гарет Джакс оказался быстрее. Одним прыжком он выбрался на безопасное место, избежав многотонной тяжести, грозящей раздавить его. Когда Мастер боя выпрямился, в его руках снова было оружие — на этот раз длинная пика с крюком на конце, вырванная из сведенных в агонии пальцев теперь уже мертвого владельца: весь внутренний двор был усеян трупами. Кракен слишком поздно заметил, что враг нападает опять. Пика вонзилась прямо в глаз чудовища и — сквозь кожу, плоть и кость — достала до мозга.

Кракен отшатнулся, неистово забил в воздухе плавниками, пытаясь спуститься с плотины обратно, в воду Циллиделлана. Камни и щебень летели во все стороны, но Гарет Джакс и не думал отпускать пику, а наоборот — налегал на нее всем телом, пропихивая поглубже в мозг чудовища. Однако кракен оказал-

ся неимоверно живуч и силен. Мощным рывком он взлетел вверх, на мгновение будто завис над плотиной, а потом с грохотом рухнул в воду и скрылся из виду. Крик застыл в горле Джайра. Мастер боя так и не выпустил пику, и чудище утащило его с собой.

Долинец невольно попятился от раскрошенной балюстрады, еще не веря в происшедшее. Теперь путь к отступлению был свободен, и воины-карлики, запертые в северном крыле, бросились со всех ног к пока еще безопасным южным башням. А тут и Слантер поднялся на ноги. Небрежно стерев с лица кровь, гном молча схватил долинца и потащил за собой вниз по лестнице. Спотыкаясь буквально на каждом шагу, друзья вылетели на площадку и что есть мочи понеслись вслед за карликами к южному крылу Капаала.

Но было уже поздно. За спиной беглецов раздались яростные вопли. С обеих сторон крепостной стены во внутренний двор ворвались гномы: волна воя захлестнула площадку, перевалила через укрепления и обрушилась на плотину. Слантер лишь раз оглянулся, а потом резко развернул Джайра и увлек за собой в черную яму колодца. На лестницу, ведущую вниз, к механизмам шлюзов. На одном дыхании они пронеслись сквозь мрак, едва рассеиваемый светом масляных ламп. Один марш. Второй. Третий... Теперь крики погони вверху стали тише.

Лестница кончилась. Друзья оказались в длинном сумрачном коридоре, который терялся во тьме в обоих направлениях. Видимо, он тянулся по всей длине плотины. Слантер поколебался и свернул на север.

— Слантер! — взвыл Джайр, безуспешно пытаясь остановить тянущего его гнома. — Нам же в другую сторону! Карлики пошли туда! — Он мотнул головой назад, по направлению к югу.

— Гномы тоже пойдут туда! — раздраженно воскликнул Слантер. — И вряд ли станут теперь искать карликов с северной стороны! Ни карликов, ни кого-либо еще, дошло до тебя?! Бежим, говорю!

Они понеслись вперед по пустынному коридору. Теперь звуки битвы гремели уже далеко вверху, заглушаемые лязгом работающих механизмов и ревом воды, протекающей через шлюзы. Джайр бежал со всех ног, но двигался он чисто автоматически,

разум словно оцепенел от потрясения. Отряда, вышедшего из Кулхейвена, больше нет: огонь черных странников поразил Хельта и Форкера, умирающий кракен утащил за собой Гарета Джакса. И Эдайн Элесседил пропал неизвестно куда. Остались только они со Слантером. И бежали теперь, спасаясь от гномов, даже не зная, чем закончится это бегство по темным недрам плотины. Капааль пал, захваченный полчищами гномов. Плотины и шлюзы, которые удерживают поток Серебристой реки и охраняют земли карликов, оказались в руках их заклятых врагов. Теперь все потеряно. Все.

От долгого бега Джайр задыхался. Слезы стояли в глазах, в горле пересохло от гнева и горечи. Что же теперь делать? Как добраться до Брин? Ему уже не удастся найти сестру раньше, чем она вступит в Мельморд и сгинет навеки. И миссия, возложенная на него королем Серебристой реки... Как теперь ее выполнить?..

Джайр обо что-то споткнулся и растянулся на каменных плитах. Слантер бежал впереди и ничего не заметил. Смутной тенью во тьме туннеля он удалялся, сливаясь с сумраком. Джайр поспешно вскочил на ноги. Гном был далеко впереди.

И вдруг чья-то рука выскользнула из темноты и зажала долинцу рот. Грубая, жесткая рука, словно покрытая чешуей. Джайр не мог даже вздохнуть. Вторая рука обхватила его железным обручем, и долинец вдруг понял, что его тянут через дверной проем куда-то в кромешную тьму.

— Подожди, человечешко! — прошипело из мрака.— Мы друзья, мы, владеющие колдовством. Друзья.

Джайр не мог кричать, но крик пронесся в его сознании.

Слантер выбрался из туннеля, продрался сквозь колючие заросли, закрывающие вход, и оказался почти на вершине утеса, обдуваемого всеми ветрами. Гном осмотрелся: ага, горный кряж к северу от Капааля. Серый, словно размытый дождем, свет просачивался сквозь мрачные тучи, и холод ночи еще держался среди голых камней. Слантер осторожно подполз к краю утеса и заглянул в пропасть.

Далеко внизу на плотинах Капааля шевелилась какая-то темная масса. Крепость буквально кишела гномами. Они были везде — на широких каменных перекрытиях, на бастионах и кре-

постных стенах, — суетливо носились туда-сюда: кто нырял вниз к механизмам шлюзов, кто поднимался на башни... Словно черные муравьи, возводящие свой муравейник.

Да, думал Слантер и хмурился, глядя вниз, вот так все и кончилось. Он покачал головой будто в безмолвном предостережении. Никто не может выстоять против странников. Капаль теперь в их руках. Слантер встал в полный рост. Здесь, на вершине, вряд ли его заметят. Гномы заняты в крепости, ну а остатки армии карликов ушли на юг, к Кулхейвену. Больше делать тут нечего. Пора отправляться своей дорогой.

Он ведь всегда ждал подобного случая.

И все-таки Слантер медлил. Он так и не выяснил, что стало с Джайром Омсфордом. Долинец все время бежал за ним следом, а потом вдруг куда-то пропал. В одно мгновение. Словно растаял в воздухе. Слантер, понятное дело, попытался его отыскать, но не нашел никаких следов. То есть вообще никаких. И в конце концов гном оставил бесплодные поиски. Ну а что, спрашивается, еще было делать? Не оставаться же там навечно.

— Все равно с этим мальчишкой одно беспокойство, — раздраженно пробурчал Слантер себе под нос. Но как-то уж очень неубедительно.

Гном вздохнул, поднял глаза к серому небу и медленно повернулся. Долинец пропал. Все остальные или погибли, или разбежались кто куда. Значит, поход к Колодцу небес может считаться законченным. Что же, к этому все и шло. С самого начала затея казалась Слантеру безумной и глупой. Он повторял это снова и снова — им всем. Они ведь даже не представляли себе, против чего выступают, не представляли себе, какова на самом деле мощь мордов. И не его вина, что они не послушались мудрых советов и потерпели крах, да.

Гном нахмурился еще больше. Как бы там ни было, ему все же хотелось бы знать, что стало с мальчишкой.

Слантер вскарабкался выше, на выступ скалы, нависающий над входом в потайной туннель. Отсюда открывался широкий обзор — западные просторы Восточных земель. Ну уж ему-то, по крайней мере, хватило ума спастись самому, не без самодовольства подумал гном. А все потому, что он знает, как выжить. В любой ситуации. Вот первое правило: обязательно выбери

время и продумай как следует путь к отступлению. А потом действуй уже по готовому плану, а не наудачу, как этот повернутый Гарет Джакс. Слантер даже улыбнулся. Он-то давно научился не рисковать понапрасну. Он хорошо усвоил: если ты уж ввязался во что-то, то следи, чтобы путь к отступлению всегда был открыт. Вот почему, когда карлики так любезно снабдили его всеми картами и планами горных туннелей, Слантер не поленился внимательно их изучить. Поэтому-то он и выкарабкался из всей заварухи живым и здоровым. Ну а коль все остальные такие лопухи...

Ветер хлестал в лицо, студеной и колющей. Внизу влажно поблескивали леса Анара, размокшие от дождя и пропитанные туманом. Леса простирались на север и запад до самого горизонта — размытые блеклые серо-бурые пятна.

«Вот он, мой путь, — утрировано раздумывал Слантер. — Назад, в пограничные земли, где еще существует подобие мира и здравомыслия, где можно снова зажить как прежде и забыть обо всем этом безумии».

Теперь он свободен и волен идти куда вздумается. Неделя, ну, быть может, дней десять, и Восточные земли и эта война — все останется позади.

Гном скреб носком сапога по камню скалы.

— А ведь мужественный был парнишка, — рассеянно произнес он. И уставился в дождь, так ни на что и не решившись.

Глава 23

В тот день, когда перестал существовать Паранор, небо словно разверзлось и дождь обрушился на Каллахорн — по всему пространству от Стрелехейма до Радужного озера. Грозы гремели над пограничными землями, стегая ударами молний леса и дуга, а потом добрались и до Драконьих Зубов и гор Рунн и низверглись на безграничные просторы равнин Рабб. Именно здесь буря и застала троих всадников, скачущих на восток к Анару: Брин, Алланона и Рона Лиха.

Путешественники укрылись от бури под сенью древнего дуба-исполина. Конечно, не самое лучшее укрытие от проливного дождя, но ничего более подходящего они не нашли: до самого горизонта простирались голые равнины Рабб. Раскаты

грома сотрясали замершую, словно от страха, степь. Вспышки молний кромсали небо. И бесновался ветер, вольно носясь по широким просторам. Равнина будто вымерла, только трое людей съжились под искореженным временем и непогодой деревом. Сначала предполагалось, что эту ночь они проведут в пути и к рассвету уже доберутся до Анара, где остановятся отдохнуть и поспать. Однако друид, видя, как измучены его спутники, не стал настаивать и согласился заночевать здесь, на равнине, и на рассвете продолжить путь.

Хмурый неприветливый рассвет с трудом пробился сквозь сумрак ночи. Тучи низко висели над размокшей землей; солнца не было видно. Только серый тусклый свет, с трудом пробившийся сквозь пелену дождя, говорил о том, что день все-таки наступил. Путешественники добрались до реки Рабб и свернули на юг. Очень скоро река разошлась на два рукава; три всадника переправились вброд через узкий поток, бегущий на запад. Впереди показалась черная стена — леса Анара. Остаток дня путешественники продвигались на юг. Они ехали без остановок, пока на землю не опустились промозглые, мглистые сумерки.

Но теперь было негде даже укрыться. Они провели эту ночь в открытой степи, на бескрайних равнинах Рабб. Не удалось даже толком поспать, плащи не спасали от сырости и стывлого ветра. На друида, казалось, никак не действовали ни холод, ни напряжение пути, ни недостаток сна. А вот силы горца и девушки были уже на пределе. Особенно страдала Брин. Ей даже стало казаться, что, если так пойдет и дальше, ей не выдержать.

И все же на следующий день она чувствовала себя вполне готовой продолжить путь. Ее решимость, закаленная в безмолвных битвах с собственным страхом в эти пустые ночные часы, была тверда как железо. Дождь, преследовавший путешественников всю дорогу от Драконьих Зубов, наконец прекратился, обернувшись туманной моросью. Тучи исчезли, и на востоке, над черной стеной леса, сквозь белесые облака струился солнечный свет. Золотое сияние разлилось по небу. И солнце вернуло Брин силы, подточенные промозглой сыростью и пасмурным сумраком предыдущих дней. Только усталость осталась, но девушка боролась с нею, радостно глядя на тусклый еще свет солнца, растекающийся над восточным горизонтом.

Однако усталость не отступала. Хотя день обещал быть ясным и настроение тоже изменилось к лучшему, где-то внутри все равно оставалась слабость, подступающая волнами сомнений и страха, которые никак не могли рассеяться, как рассеялась ночь в солнечном свете. Вихрь клубящейся тьмы вился в сознании Брин, и безликие демоны кружились вместе с ним; дразня, насмехаясь, они словно вырвались из темных глубин утомленного разума и извивающимися тенями крались вперед, к сумраку леса, который теперь был совсем рядом. И еще — Брин поежилась, — словно кто-то глядел на нее, выжидая. В первый раз она испытала это неуютное чувство в Драконьих Зубах: будто бы за ней наблюдали. То откуда-то издалека, то почти в упор. И вот снова — то же коварное предчувствие, что дразнило безжалостно и неотступно кралось по пятам, и шептало... шептало... Она, Брин, и те двое, идущие с нею, играют со смертью и проиграют в конце концов... потому что всегда побеждает смерть. Тогда, в Параноре, Брин действительно думала, что всем им конец, но ведь они спаслись, выбрались из Башни целыми и невредимыми. И вот теперь предчувствие вновь вернулось, возродившись из серой мглы двух предыдущих дней. Словно коварный демон прокрался в сознание, и дразнил, и преследовал, и грозил. Брин гнала его прочь, но ни решимость ее, ни гнев не могли одолеть его.

И решимость начала отступать, растворяясь в щемящем чувстве неизбежного одиночества. Осаждаемая этим странном, неотвязным предчувствием, Брин стала погружаться в себя, чтобы защититься, укрыться от темной силы — силы, стремящейся захватить ее и погубить. Брин пыталась выстроить в сознании крепкие стены, захлопнуть все окна и двери, задвинуть замки, чтобы злобная тварь, захватившая разум, не просочилась наружу.

Но эта мысленная стена отгородила от девушки и Алланона, и Рона. И Брин не могла найти способ вернуть их обратно к себе. Она была одна — пленница внутри себя, опутанная цепями, которые сама же сковала. Что-то едва уловимо изменилось в ней. Одиночество подступало медленно, неотвратно, и в конце концов Брин сама поверила в него. В то, что она совсем одна. Алланон и раньше не был близок ей, неприступный, далекий. Суровый, таинственный незнакомец... Какую-то странную жалость временами испытывала к нему Брин, и иногда у

нее возникало чувство их глубокого духовного родства и близости. И все-таки он оставался чужим, непостижимым. С Ронном Лихом все было совсем иначе, но в последнее время горец так изменился. Раньше он был ей другом — просто другом, — а теперь стал защитником, таким же грозным и непостижимым, как сам друид. И все это из-за меча Лиха, который дал Рону волшебную силу. И эта магическая сила, рожденная темными водами Преисподней и колдовством Алланона (колдовством черным, как эти воды), разрушила прежнего Рона. Чувство глубокой близости, связывающее их когда-то, теперь исчезло. Теперь Рон привязан к друиду. Привязан узами силы. А от нее, Брин, словно бы отдалился.

Потом к ощущению неизбежного одиночества прибавилось еще одно странное чувство. Брин стало казаться, что каким-то непостижимым образом цель ее поисков уже утрачена. Не то чтобы она пропала совсем, нет. Но Брин словно бы сбилась с пути. Раньше цель была ясной: дойти до далекого края Восточных земель, сквозь дебри Анара и Вороний срез, до черной ямы, зовущейся Мельморд, спуститься в ее живую утробу и уничтожить Идальч, книгу черной магии. Но прошло время, и, словно рассеявшись в сумраке, холоде и усталости от долгого путешествия, цель эта утратила свою важность и казалась теперь такой далекой, такой незначительной. Рон с Алланоном, они сильные и уверенные... Зачем им она, Брин? Что им в ней? Разве не могут они обойтись без нее, что бы там ни говорил друид? Конечно же могут — Брин почему-то была уверена. А раз так, что же такое она? Просто обуза, ненужная, бесполезная... Нет, ну конечно нет, продолжала твердить себе Брин. Это неправда. Она тоже нужна. И все-таки странное ощущение не покидало ее: то, что она сейчас здесь, — это ошибка. Просто ошибка. И от этого девушка чувствовала себя покинутой и одинокой.

Рассветный туман быстро рассеялся, и к полудню солнце сияло ярко, проливая на землю золотистый свет. Равнина уже не казалась унылой. Словно вместе с солнечным светом в мир вернулись краски жизни. И даже гнетущее чувство одиночества отступило от Брин.

Ближе к ночи всадники прибыли в Сторлок, деревню гномов-целителей. Знаменитое на все Четыре земли поселение ока-

залось просто скоплением каменных и деревянных домиков — весьма скромных, но чистых и аккуратных — на опушке дремучего леса. Именно здесь Вил Омсфорд учился искусству целителя. И сюда, в Сторлок, пришел за ним Алланон и убедил юношу отправиться в долгий поход вместе с эльфийкой-избранником Амбель к источнику жизни волшебного дерева Элькрис. Как раз в этом походе Вил и испытал на себе воздействие магической силы эльфинитов, чудесных эльфийских камней. Это было двадцать лет назад, с какой-то странной горечью думала Брин. Тогда и началось это безумие, которое всегда начиналось с приходом Алланона.

Всадники тихо проехали через сонную мирную деревеньку к длинному каменному строению — больнице, центру Сторлока. На крыльцо тут же вышли сторы в своих неизменно белых плащах. Они словно ждали прибытия путешественников. Гномы-помощники молча увели лошадей. Так же, в полном молчании сторы сопроводили Брин, Алланона и Рона в отведенные для них комнаты. Там уже были приготовлены горячая вода, смена одежды, нехитрый ужин и чистые постели. Будто безмолвные призраки в своих белых одеждах, хозяева с невозмутимыми лицами провели гостей по сумрачным коридорам, показали каждому его комнату и удалились, не произнеся ни единого слова.

Оставшись одна, Брин умылась, переоделась и без всякого аппетита поела. Усталость брала свое. В лесу уже сгустились сумерки, и в маленькой комнате с плотно занавешенными окнами стало совсем темно. Вот и еще один день растворился в ночи. С каким-то вялым безразличием Брин сонно глядела, как ночные тени вползают в комнату. Девушка ни о чем не думала. Она просто лежала одетая на покрывале и наслаждалась комфортом и безмятежным покоем, о которых уже успела забыть. На мгновение ей даже вдруг представилось, что она снова дома, в тихом уютном Доле.

А потом кто-то тихонько постучался в дверь; стор в белом плаще вошел, не дожидаясь ответа, и знаками пригласил Брин идти за ним. Девушка не стала спорить. Она поняла сразу: ее зовет Алланон.

Он ждал ее в комнате в самом дальнем конце коридора. Рон Лих уже был там. Они с друидом сидели за маленьким сто-

ликом, на котором горела, разгоняя сумрак, масляная лампа. Алланон молча указал девушке на третий стул, и Брин послушно уселась. Стор подождал мгновение, потом повернулся и бесшумно выскользнул из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Очень долго они сидели в полном молчании и разглядывали друг друга. Вернее, Брин и Рон выжидающе глядели на Алланона, а тот смотрел в пространство перед собой, словно изучая что-то не видимое ни горцу, ни девушке. Лицо его было суровым и сосредоточенным, и он выглядел очень старым. Брин даже немного растерялась. Наверное, все, кто хотя бы слышал об Алланоне, знали, что время словно бы не касалось друида: он оставался всегда неизменным. Он не старел. Вот только папа рассказывал, что, когда Алланон прощался с ним, прежде чем надолго — на двадцать лет — исчезнуть из Четырех земель, друид показался ему усталым и старым... И вот теперь она тоже увидела: будто лет пятнадцать прошло с того дня, когда Алланон пришел за нею в Тенистый Дол, — так изменился друид. Вдруг, в одну ночь. В его черных волосах прибавилось седых прядей, морщины на сумрачном лице стали глубже, и весь он как будто согнулся, придавленный грузом лет. Неумолимое время добралось и до друида.

И тут вдруг Брин заметила, что Алланон смотрит ей прямо в глаза.

— А теперь я расскажу вам о Бремене, — тихо проговорил он. — Брона, который потом стал Повелителем чародеев, первым из всех друидов познал темные глубины колдовства и сам пал жертвой его силы. И стал рабом того, чем стремился повелевать. После Первой войны рас Совет друидов посчитал его уничтоженным, и только Бремен не разделял всеобщей уверенности и оказался прав. Брона жил, охраняемый темной магической силой, ведомый ею к тайным целям. В Великих войнах погибли все науки, все знания древнего мира. И место их заняла возрожденная магия еще более древних времен, когда мир населяли волшебные существа. Бремен понял, что эта магия может не только сохранить мир, но и разрушить его.

И, так же как Брона, Бремен бросил вызов Совету и сам принялся за изучение секретов магической силы, которую выпустил в мир Брона, мятежный друид. Но Бремен-то уже знал, чем это может обернуться, и подошел к своим занятиям очень

осторожно. Он был уверен, что Брона еще вернется, и действительно Повелитель чародеев потом захватил Паранор и уничтожил друидов. А Бремен предвидел это и спасся. Он решил во что бы то ни стало обуздать темную силу, освобожденную Броной, и упрятать ее подальше, чтобы никто уже не смог поддаться искушению овладеть ею. Непростая задача, да. И он полностью посвятил себя ей. Друиды возродили магию, и Бремен, последний из них, считал своим долгом очистить мир от темного колдовства.— Алланон помедлил.— И тогда Бремен с помощью древней эльфийской магии создал меч Шаннары — оружие, способное уничтожить Повелителя чародеев и его черных слуг, посланников Черепа.

Бремен выковал легендарный меч в смутное время Второй войны рас, когда полчища зла угрожали Четырем землям. Выковал, обратившись к магии эльфов и своему колдовскому искусству. Он отдал этот меч королю эльфов, Джерлу Шаннаре. С волшебным мечом король должен был выйти на битву с мятежным друидом и уничтожить его.

Но вы знаете, что у Джерла Шаннары ничего не вышло. Он не смог до конца подчинить себе силу меча, и Повелителю чародеев удалось бежать. Хотя эльфы выиграли ту битву и армия зла была вынуждена отступить, Брона остался жив. Прежде чем он вернется, должно пройти еще много лет, но в конце концов он обязательно вернется. Это было очевидно. И Бремен хорошо понимал, что, когда этот день настанет, его самого уже не будет в живых. Однако он поклялся остановить Брону... а Бремен всегда исполнял свои клятвы.— Голос друида понизился вдруг до едва различимого шепота, в непроницаемых-черных глазах застыла боль.— И вот тогда он сделал три вещи. Он избрал меня своим сыном, чтобы живой потомок друидов был в мире, когда вернется Властелин Тьмы. Он продлил свою жизнь, а потом и мою с помощью волшебного сна, для того чтобы я мог встретить Повелителя чародеев и защитить от него народы. И еще одно: когда время его уже подходило к концу, Бремен в последний раз обратился к магии и привязал свою душу к этому миру, в котором тело его не могло остаться. Чтобы даже оттуда, из-за пределов жизни, он смог увидеть, как исполнится его клятва.— Друид сжал кулаки.— Он привязал себя, душу без плоти, ко мне! Сильнейшая магия скрепила эту

связь, связь отца с сыном. И душа Бремена ушла в темный мир, где прошедшее с будущим слиты воедино, где нет ничего, лишь пустота, но откуда, если вдруг будет нужно, ее можно вызвать сюда. Вот какую судьбу избрал себе Бремен: существование без надежды, без утешения. И пока все не кончится, освобождения не будет. Пока оба мы не уйдем...

Алланон резко оборвал себя, словно невольно слова его выдали то, о чем он хотел умолчать. И для Брин будто приоткрылась завеса над тайной, окутанной до этой поры мраком, — мелькнул неуловимый, ускользающий проблеск понимания того, что так упорно скрывал друид после своего разговора с духом Бремена в Сланцевой долине, когда дух восстал из вод Преисподней и открыл друиду, что ждет их всех в будущем. И тогда Алланон утаил от них с Роном самое главное. Да, Брин поняла это сразу, и именно скрытность друида и породила, наверное, то навязчивое предчувствие. И какую-то обреченность.

— Однажды я думал, что все уже кончилось, — продолжал Алланон после внезапной паузы. — Когда Ши Омсфорд разгадал тайну меча Шаннары, подчинил себе его силу и уничтожил Повелителя чародеев, я действительно думал, что клятва Бремена исполнилась. Но я ошибся. Хотя Повелителя чародеев больше нет, темная магия не исчезла из мира. Она не была уничтожена или хотя бы заключена в недостижимых пределах. Она сохранилась на страницах Идальч, укрытая в недрах Мельморда, и ждала тех, кто придет за ее темной силой. И они пришли.

— И стали призраками-мордами, — закончил за него Рон Лих.

— Рабами силы, как раньше — Повелитель чародеев и посланники Черепа. Думая стать хозяевами, они превратились всего лишь в рабов.

«Но какую тайну хранишь ты, друид?» — беззвучно шептала Брин и ждала. Ждала, что сейчас он скажет...

— Значит, Бремен не сможет освободиться, пока Идальч существует, пока книга не уничтожена? — Рон был слишком захвачен историей Бремена, чтобы разглядеть то, что увидела Брин.

— Он поклялся уничтожить ее, принц Лиха, — прошептал Алланон.

«И ты. И ты тоже», — мелькнуло в сознании Брин.

— И вся-вся черная магия исчезнет с земли? — Рон с сомнением покачал головой. — Но разве такое возможно? После стольких лет, стольких войн из-за нее, стольких отданных жизней...

Друид смотрел куда-то вдаль.

— Век кончается, горец. Этот век на исходе.

Потом настала долгая тишина, она словно излилась из мрака ночи и наполнила собою все пространство маленькой комнаты. Трое людей сидели в глубокой задумчивости, избегая встречаться друг с другом глазами, чтобы невольно не выдать своих мрачных мыслей и опасений. «Такие чужие друг другу — незнакомцы, которых свело общее дело, без искренности, без понимания, — думала Брин. — Мы идем вместе к единой цели, и все-таки связь так тонка... так невозможно тонка...»

— А у нас получится, Алланон? — Рон Лих первым нарушил затянувшееся молчание. — Хватит ли у нас сил уничтожить ту книгу?

Какое-то странное выражение промелькнуло в глазах друида, как будто он что-то знал, но не хотел выдавать своих знаний. А потом очень тихо он произнес:

— У Брин Омсфорд есть сила. Она — наша надежда.

Брин лишь с горечью улыбнулась и покачала головой.

— И надежда, и нет. Та, кто спасает и кто разрушает. Помнишь эти слова, Алланон? Так сказал обо мне твой отец.

Друид молчал. Он только сидел и смотрел девушке в глаза, взгляд его был сумрачным и отстраненным.

— А что он еще говорил тебе, Алланон? — наконец решилась Брин. — Что еще?

Настала мучительно долгая пауза...

— Что в этом мире я больше его не увижу.

Тишина словно сгустилась в непроницаемую пелену. Брин поняла, что подошла уже совсем близко к тайне, хранимой друидом. Рон Лих нервно заерзал на стуле, взгляд метнулся, отыскивая глаза девушки. И во взгляде горца была неуверенность. И даже испуг. Рон не хотел ничего больше знать. Ничего, больше этого. Брин отвела глаза. Что ж, она их надежда, и она должна знать. Все, до конца.

— И это все? — тихо, но очень настойчиво спросила она.

Алланон медленно выпрямился, на его изможденном лице промелькнула улыбка.

— Омсфорды словно одержимы стремлением всегда докопаться до правды. На меньшее вы не согласны — никто. Хоть бы кто-нибудь из вас для разнообразия удовольствовался тем, что есть.

— Что сказал Бремен? — не отступала Брин.

Улыбка мгновенно исчезла.

— Он сказал, Брин Омсфорд, что, когда я на этот раз покину Четыре земли, я уже не вернусь.

Не веря услышанному, и горец, и девушка, потрясенные, смотрели на друида. Когда народам Четырех земель грозила опасность от порождений темной магии, Алланон всегда возвращался сюда, в их маленький мир (всего-то Четыре земли), и всегда предлагал помощь. Это было так же надежно и верно, как то, например, что за весной приходит лето. И ни разу еще такого не было, чтобы, когда он нужен, друид не пришел.

— Я не верю тебе, друид! — возбужденно проговорил Рон, явно не в силах придумать ничего более подходящего. И в голосе горца послышались гневные, даже слегка истеричные нотки.

Алланон покачал головой.

— Век на исходе, принц Лиха. Он проходит, и я уйду вместе с ним.

Брин тяжело сглотнула. В горле так пересохло, что она едва смогла выдать.

— А когда... когда ты?..

— Когда будет нужно, Брин, — то ли прервал, то ли закончил за девушку Алланон. — Когда придет время.

Он поднялся — черный как ночь и неумолимый, как ее приход, — и протянул над столом руки. Не отдавая себе отчета, Брин и Рон крепко сжали эти огромные ладони в своих, и на какую-то долю секунды все трое стали как будто одним существом.

А потом друид коротко кивнул, словно бы завершая тем самым разговор:

— Завтра мы едем в Анар. Теперь на восток — до конца. Идите спать. Спокойной ночи. — Он высвободил руки. — Идите.

Неуверенно переглянувшись, Брин и Рон поднялись и направились к двери. И пока не вышли из комнаты, они ощущали на себе тяжелый, сумрачный взгляд.

В полном молчании шли они по коридору. Откуда-то издалека доносились обрывки приглушенного разговора, но звук голосов словно таял в пустынном полумраке. В воздухе висел пряный запах бальзамов и трав. Дойдя до дверей своих комнат, Брин и Рон рассеянно остановились. Они долго стояли так вместе, не касаясь друг друга и друг на друга не глядя, потрясенные тем, что услышали от друида.

«Это неправда. Не может быть правдой», — твердила себе Брин как заклинание.

Рон наконец повернулся к ней и взял за руку. В первый раз после того, как они покинули Сланцевую долину, Брин почувствовала, что она снова не одна.

— То, что он нам сказал сейчас, Брин... ну, что он уже не вернется... — Рон потряс головой. — Вот почему мы пошли в Паранор и он сделал так, чтобы Башня исчезла. Потому что он знал, что не вернется туда...

— Рон, — тихо проговорила Брин и закрыла ему рот рукой.

— Я понимаю. Но я не могу верить...

— Да.

Они долго смотрели в глаза друг другу.

— Я боюсь, Брин, — прошептал наконец Рон Лих.

Она молча кивнула, а потом вдруг обняла его и прижала к себе крепко-крепко. Но уже через пару мгновений отпрянула, быстро поцеловала его и скользнула к себе.

Когда дверь закрылась, Алланон медленно отвернулся и устало опустился на стул, глядя куда-то вдаль, в сумрак за бледным пятном неверного света лампы. Он сидел неподвижно, погруженный в раздумья. Никогда раньше он никому не открывался вот так, не чувствовал в этом необходимости. Да что там необходимости! Разве ему — хранителю истины, последнему из друидов, наследнику их магического могущества — подобает делить с кем бы то ни было свои тайны? Доверяться кому-то? Конечно же нет.

Так было с Ши Омсфордом. Алланон тогда очень многого не сказал ему, и юному долинцу пришлось самому открывать для себя правду. И с Вилом, отцом Брин, друид поступил точно так же, отправив на поиски чудесного Источника Огненной крови и утаив самое главное. Но годы шли, и решимость Алланона не открывать никому (даже им, самым близким) всей

истины постепенно слабела. Наверное, друид действительно постарел. Ведь время неумолимо, и если даже оно не в силах разрушить, то все равно оставляет свой неизгладимый след. А может быть, после стольких лет одиночества ему, Алланону, стало вдруг необходимо поделиться с какой-то живой душой тем, что до этого нес он в себе — и только в себе.

Может быть.

Алланон вновь поднялся и шагнул во мрак — ночной тенью в тень ночи. Один только вздох — и лампа погасла.

Он сказал очень многое горцу и девушке из Дола. Таким откровенным друид еще никогда не был.

И все-таки он не сказал им всего.

Глава 24

Как только забрезжил рассвет, три всадника отправились в путь, из гостеприимной деревни в дебри Анарских лесов. Сторы вышли их проводить: горстка целителей в белых плащах собралась у конюшни, — безмолвные и печальные, они лишь подняли руки в жесте прощания, когда путешественники вывели лошадей. А через пару минут всадники уже скрылись за огромными деревьями, исчезнув так же тихо и загадочно, как и появились тут вчера вечером.

Осеннее утро выдалось теплым и солнечным, как часто бывает перед долгим сезоном снегов, — последний всплеск уходящего лета. Краски леса стали как будто ярче, напоенные мягким сиянием солнца и свежими запахами пробуждающегося леса. Кончилось время осенних гроз, пасмурный сумрак и холод ушли вместе с бурями, сменившись светом солнца и ослепительной синевой неба.

Однако ни Брин Омсфорд, ни Рон Лих, похоже, не замечали этого. Им никак не давало покоя вчерашнее мрачное откровение Алланона. И еще чувство тревожного ожидания: что-то ждало их всех впереди, что-то страшное, непонятное. Погруженные в свои мрачные мысли, горец и девушка в гнетущем молчании скакали сквозь пятнистые тени громадных деревьев, чувствуя только пронзительный холод внутри.

— Теперь начинается самый опасный отрезок пути, — так сказал им Алланон сегодня утром, когда они вышли к конюш-

не забрать лошадей, и голос друида был глух и странно, потечески ласков. — По всем Восточным землям и Анарским лесам морды станут искать нас. Они знают, что мы придем теперь, после Паранора у них не осталось и капли сомнений. Они также знают, что должны остановить нас прежде, чем мы доберемся до Мельморда. Гномы, наверное, уже ищут нас. И кроме гномов есть еще существа, покорные воле черных странников. Так что опасностей нас поджидает немало.

С этими словами друид положил руки на плечи своих юных спутников и притянул их к себе.

— Но нас только трое, и нас не так-то легко отыскать. К тому же морды и гномы ждут, что мы пойдем по одной из двух дорог: северной — вдоль реки Рабб, — или южной — из Кулхейвена. Ведь эти дороги сами по себе безопасны и свободны от всяких природных препятствий. И мудрые люди, конечно, избрали бы один из этих путей. Но мы с вами поедем другой дорогой. Там, где опаснее всего — и не только для нас, но и для наших врагов. Мы поедем прямо на восток, по Центральному Анару: через Вольфсктааг, Темный предел и Старую пустошь. В этих краях обитают силы древнейшей магии — сами морды остерегутся бросить им вызов. А гномы и вовсе не сунутся в Вольфсктааг, даже по приказу черных странников. Это запретные для них земли. Там обитают странные существа, и гномы даже под страхом смерти не решатся их потревожить. Но силы те дремлют в волшебном сне, и если мы будем проворны и осторожны, то без особых сложностей пройдем там. В Темном пределе и на мрачных просторах пустоши тоже можно встретить порождения древних магических сил, но есть надежда, что к нам они будут более благосклонны, чем к нашим врагам.

Из дремучего леса всадники выехали на возвышенность, тоже густо заросшую вековыми деревьями, за которой тянулись неровные хребты — предгорье Вольфсктаага. Тревога и даже страх охватили Брин и Рона: здесь было солнце, и тепло дня, и яркие краски осеннего леса, а там, впереди, в сумраке горных теснин и ущелий, таились темные существа... К полудню путешественники добрались до ущелья Ведьм и начали долгий подъем по его южному склону, где тень и сумрак густых кустов и деревьев-исполинов скрывали их от любопытных глаз, если бы таковые имелись. А к середине дня всадники были уже далеко к востоку от ущелья со зловещим названием. Они продолжали

подъем к острым вершинам Вольфсктаага. Сумерки постепенно сгущались, солнечный свет растворялся в тени молчаливых деревьев и валунов. Когда ночь опустилась на Вольфсктааг, путешественники забрались уже глубоко в горы. Тени ползли от деревьев и тянулись к всадникам, словно живые. Правда, как путешественники ни обшаривали тревожными взглядами сумрак, они не заметили ничего. Они были одни.

Очень странно и даже, пожалуй, немного страшновато, думала Брин, глядя, как сгущаются в горах ночные тени. — горы и лес словно вымерли. Ни крика птицы в ветвях, ни писка ночных насекомых, ни шороха в кустах — ничего. Они действительно были одни в этой глухой, всепоглощающей тишине. И тишина словно ожила, чтобы заполнить собой пустоту без звука и жизни.

В роще корявых и полуссохших ореховых деревьев Алланон объявил наконец привал. Когда путешественники расседлали коней и приготовили лагерь к ночлегу, друид коротко распорядился не зажигать огня и удалился куда-то во тьму. Лес поглотил его. Горец и девушка молча глядели вслед Алланону, пока тот не пропал в ночи, а потом так же молча уселись и принялись за холодный ужин. Сторы собрали им в дорогу провизию: хлеб, сыр и сушеные фрукты. Брин и Рон сидели во тьме, то и дело оглядываясь по сторонам, не покажется ли хоть что-то живое. Но нет, жизнь, казалось, покинула Вольфсктааг. Только в вышине на бархатно-черном небе мерцали тихие звезды.

— Интересно, куда это он пошел? — Рон Лих первым нарушил молчание. Он скорее раздумывал вслух, и поэтому Брин промолчала, лишь покачав головой. Горец уставился куда-то во мрак леса. — Словно тень, правда? Перемещается вместе с луною и солнцем, то появляется, то вновь исчезает — по понятным только ему причинам. И что у него на уме, он нам, конечно, не скажет. Нам, простым смертным. — Он вздохнул и отодвинул тарелку. — Вот только, я думаю, мы ведь уже не простые смертные?

Брин нервно крошила пальцами хлеб.

— Нет, — очень тихо проговорила она.

— Ну, не важно. Мы те, кем были всегда. Все равно. — Рон помедлил, словно неуверенный в своих словах, а потом резко подался вперед. — Знаешь, так странно. Но теперь я совсем по-другому отношусь к нему. Не так, как раньше. Я думал об этом

весь день. Я все еще не доверяю ему до конца. Просто не могу. Он знает так много, чего я не знаю. И все же... Теперь я не смог бы сказать, что вовсе не доверяю ему. Он ведь пытается помочь. Нам и всем. И делает это как может.

Он ждал, что Брин согласится с ним. Но девушка молчала, глядя куда-то в сторону.

— Брин, что тебя беспокоит?

Она наконец взглянула на Рона и покачала головой.

— Я не знаю.

— Быть может, его вчерашние слова о том, что мы больше его не увидим, когда все закончится?

— И это тоже. Но есть еще что-то такое...

Горец поколебался.

— А может, ты просто...

— Что-то не так,— перебила Брин и обреченно взглянула ему в глаза.

— Что?

— Что-то не так,— медленно повторила девушка.— С ним, с тобой, со всем этим походом. Но особенно — со мной.

Рон удивленно уставился на нее.

— Я тебя не понимаю.

— Я тоже не понимаю на самом деле. Я просто чувствую что-то неладное.— Она закуталась в плащ, словно желая спрятаться в его складках.— Я это чувствую уже не один день. С того самого времени, как дух Бремена вышел из Преисподней и мы уничтожили морда. Я чувствую, грядет что-то страшное... что-то ужасное. Вот только не знаю что. И еще я чувствую, за мной наблюдают; все это время за мной наблюдают, но поблизости нет никого. Никогда никого нет. И хуже всего, я чувствую, меня что-то тянет... тянет прочь от самой себя, от тебя, от Алланона. Все изменилось с тех пор, как мы вышли из Тенистого Дола. Теперь все другое, все.

Пару мгновений горец молчал.

— Просто слишком много всего произошло, Брин. Сланцевая долина, Паранор, а потом Алланон передал нам слова Бремена. Это должно было что-то изменить в нас. И потом, сколько мы уже не были дома! Сколько уже бродим вдали от Дола и Лиха, от всего знакомого и родного. Это тоже, наверное, причина...

— Вдали от Джайра,— печально добавила Брин.

— И от твоих родителей.

— От Джайра,— настойчиво повторила девушка и задумалась, словно сама не могла понять, почему вдруг это так важно.— Нет, не то,— мотнула она головой.— Это что-то другое, совсем не связанное с Алланом. И с тем, что я скучаю по дому и по семье... Это было бы слишком просто, Рон. Нет, я чувствую, что-то такое во мне. В самых глубинах души. Что-то...— Она замолчала, неуверенно глядя на Рона, а потом отвернулась.— Жаль, что Джайр сейчас так далеко. Если бы он был со мной... Пусть на пару мгновений. Мне почему-то кажется, он бы понял, что со мной творится. Что именно не так. Он всегда понимал...— Брин резко оборвала себя и невесело рассмеялась.— Ну разве не глупо? Жалеть о том, что, возможно, вообще ничего не значит? И никак не поможет?

— И я по нему тоже скучаю.— Гордец выдавил из себя улыбку.— И потом, он бы точно отвлек нас от мрачных мыслей. Пошел бы выслеживать морда или что-нибудь в этом роде.

Он и сам сообразил, что сказал не то, и замолчал, пытаясь загладить неловкость.

— И знаешь,— пожал он плечами,— быть может, ничего такого и нет. На самом деле, если бы что-то было неладно, Алланон бы тоже почувствовал это. Он же все чувствует. Всегда.

Брин долго молчала, прежде чем ответить.

— Я не совсем уверена, так ли это,— произнесла она наконец.— Так ли это теперь. До сих пор ли он может...

Наступила гнетущая тишина. Брин и Рон угрюмо устались во тьму, избегая глядеть друг на друга. И мысли их были мрачны. Горы вокруг погрузились в безмолвие, и безмолвие это давило на притихших людей, окружая их кольцом пустоты. Время шло, и казалось, вот-вот в застывший мир ворвется далекий крик ночного зверя, или хлопанье крыльев, или шелест листвы под ветром, скрип ветки, стук упавшего камня, писк насекомых... Но нет — ни единый звук не разрушил чары тишины. Ни единый.

— У меня такое ощущение, словно мы заблудились,— обронила Брин в пустоту.— И бродим бесцельно, вслепую...

Рон Лих тряхнул головой.

— Да брось ты, Брин. Мы ведь знаем, куда идем. И пока что не сбились с дороги.

— Мне надо было послушать тебя и никуда не ходить.

Горец даже опешил от такого признания. Он неуверенно посмотрел на Брин и встретился с ее настойчивым взглядом. В глазах ее было сомнение и неизбывная усталость. И еще — страх. Горец поежился. На какую-то долю секунды ему показалось, что эта девушка рядом не Брин Омсфорд.

— Я всегда буду рядом, Брин,— горячо прошептал он.— Все будет хорошо, обещаю тебе.

Она улыбнулась, но как-то бледно, печально, потянулась к нему и взяла его руки в свои:

— Я тебе верю.

Но в глубине ее души шевельнулось сомнение: так ли это на самом деле?

Только к полуночи Алланон вернулся в лагерь, вынырнув из мрака, — еще одна темная тень из тех, что крались ночами по Вольфсктагу. Сквозь просветы между ветвями струился серебристый лунный свет, разливаясь во тьме таинственным сиянием. Брин и Рон давно спали, завернувшись в свои одеяла. И будто огромное мягкое одеяло, тишина накрыла спящие горы. Друид был один, словно безмолвный часовой ночи, бодрствующий страж.

Он уходил во тьму леса, чтобы побыть наедине с самим собой, чтобы еще раз подумать над тем, что должно случиться. Неизбежно. И уже очень скоро. Слова духа Бремена прозвучали так неожиданно — так пугающе неожиданно. И тем не менее друид был готов их услышать. С самого начала он знал, что когда-нибудь все так и будет. Но оставалась надежда, что можно еще что-то сделать, что-нибудь изменить. Ведь он был друидом и мог очень многое, почти все.

Алланон рассеянно обвел взглядом вершины гор. Теперь и битвы, закалившие его, и дороги, которые он прошел, только чтобы добраться сюда, остались позади. Это было вчера, а завтра... завтра казалось таким далеким. Но Алланон хорошо понимал: это самообман. Его завтра вот-вот наступит. Его дороги сошлись в одном месте и времени. Осталось сделать лишь пару шагов...

И сколько всего уже произошло, думал друид. Сколько сделано на этом пути. И все-таки сделано недостаточно. Алланон оторвал взгляд от гор и посмотрел на спящую девушку. Брин

Омсфорд. Вот от кого теперь зависит все. Конечно, она никогда не поверит в это. И не поверит, открой он ей правду о песни желаний, эльфийском заклятии. Не поверит, потому что подходит к магической силе как человек и дитя человека, а к магии неприменимы человеческие мерки. Он, Алланон, один только раз показал ей возможности силы — лишь приподнял завесу тайны, ибо большего, понял друид, девушке не вынести. Она, Брин, в своем понимании магии была еще ребенком. И взросление дастся ей трудно. Очень трудно, печально подумал друид, потому что его не будет рядом, чтобы помочь, чтобы облегчить эту ношу.

Алланон сжал руки под темным плащом. Но разве не может он ей помочь? Прямо сейчас? Ну вот опять... Друид мрачно улыбнулся. Еще тогда, с Ши Омсфордом, он решил, что откроет юноше лишь часть всей правды. Ибо те, кому правда поможет в их битве, должны сами дойти до нее, чтобы правда дала им силы. Но уж ей-то он мог бы сказать. Или хотя бы попытаться... Ее отец, Вил Омсфорд, наверняка настоял бы на этом, будь у долинца такая возможность. Но решать здесь не Вилу. А только ему, Алланону.

Как всегда, только ему.

Странное горькое чувство вдруг охватило его. Теперь уже нет Паранора. И Совета друидов давно уже нет. Остался лишь он, Алланон, последний друид на земле. И только ему выбирать свои пути. Одному. Без помощи мудрых советчиков. Без древних книг. Ибо теперь, когда Паранор исчез, у него совсем ничего не осталось: ни дома, ни мечты, ни надежды.

И только все беды и проблемы народов Четырех земель так и лежали на его плечах, ведь никто не снимал с него этот груз. Так было всегда. И так будет, пока он жив. Он выбрал себе это сам. Он принял решение, когда Бремен избрал его своим сыном. Раз и навсегда. Но он, Алланон, был последним. Когда он уйдет, кто займет его место?

Погруженный в раздумья, друид стоял в темном безмолвии леса и смотрел — не отрываясь, смотрел на Брин Омсфорд.

Солнце еще не успело подняться над вершинами гор, а всадники уже ехали дальше. На восток. Утро вновь было ясным и теплым, наполненным светом солнца и мечтами о лучшем. Ночь отступала на запад от Вольфсктаага, гонимая солнечны-

ми лучами. Над восточным горизонтом разлилось золотое сияние и проникло даже в сумрачные дебри леса, и мрак словно съехался, испугавшись яркого света. Даже в суровых горах стало как будто светлее.

Как хорошо, как красиво в Тенистом Доле в такой ясный, погожий денек, думала Брин, подставляя лицо золотистым лучам. Ведь даже здесь деревья по-осеннему пестрели, и зеленел мягкий мох, и трава еще не пожухла. В утреннем воздухе витали пьянящие запахи — запахи вольной жизни природы. Сейчас в Доле все уже встало, над трубами закурился дымок, и через раскрытые настежь окна струятся ароматы горячей еды. Скоро жители Дола закончат свой завтрак и возьмутся за повседневные дела, а позже, когда все будет сделано, семьи или друзья соберутся вместе... не в домах, а на улице, чтобы насладиться последним теплом уходящего лета...

«Как я хочу туда, к ним, — с горечью думала Брин, — как я хочу домой!»

Ясное утро сменилось таким же ясным днем. Впереди, сквозь расщелины в скалах, уже показалась черная стена леса. Ближе к полудню всадники миновали последний хребет Вольфсктаага и начали спуск в долину.

И очень скоро добрались до Гремящего потока.

Его еще не было видно, но от глухого рева откуда-то из-за заросшего лесом каменистого кряжа, казалось, вздрагивает само небо. Словно невидимая волна накрыла троих путешественников, сотрясая землю под ними. Подхваченный внезапным порывом ветра, рев разносился по лесу оглушительными раскатами грома. Лес поредел, и уже стало видно, что над вершиной хребта впереди клубится туман, словно подернутый моросью мелких сверкающих брызг, и сквозь влажную дымку проступают размытыми пятнами покрытые мхом стволы, сплетенные ветви деревьев и блестящие мокрые листья. Дорога петляла между громадными валунами, и камни казались расплывчатыми, будто призрачными, в этой влажной текучей дымке. Словно застывшие великаны, изваянные из тумана и брызг. И над всем этим — оглушительный рев.

Но ветер, срывающийся с вершин Вольфсктаага, постепенно рассеял туман, и чаша низины раскрылась перед изумленными взорами путешественников: горы, окутанные золотистым сиянием солнца, бросали глубокие синие тени на черные дебри

дремучего леса, сумрачного и неприступного, словно заколдованного. Но самое главное — это источник таинственного грозного рева. Водопад. Бурный поток вспененной белой воды, потрясающий своей необузданной мощью, вырывался из трещины в скалах и ревущей колонной обрушивался сквозь туман и кисею брызг в полноводную неукротимую реку, что неслась меж скал и исчезала в дремучем лесу.

Всадники, не сговариваясь, придержали коней.

— Гремящий поток, — произнес Алланон, указав на рокошущий водопад.

Брин, как зачарованная, молча глядела вниз. Это было так, словно она стояла сейчас на самом краю мира. Брин не могла даже определить, что она чувствовала в этот момент. Она могла только смотреть, как колонна бурлящей воды в сотни футов высотой, и всего в сотне ярдов от ее ног, срывается вниз и разбивается о камни утеса... Дух захватывало от подобного зрелища необузданной мощи. А еще дальше внизу, протянувшись до самого горизонта, лежали леса Восточных земель и как будто подрагивали в сверкающем от брызг, затуманенном воздухе. Влага, казалось, размывла их осенние яркие краски, и пейзаж утратил четкость. Брызги Гремящего потока, как капли дождя, летели в лицо Брин, запутывались в волосах... Девушка зажмурилась и глубоко вдохнула прохладный, тяжелый от сырости воздух. Странно, у нее вдруг возникло такое чувство... словно она сейчас заново родилась.

А потом Алланон указал им вперед, и всадники осторожно поехали вниз, по крутому склону долины, прямо к расщелине, откуда срывался Гремящий поток. Друг за другом — через низкий кустарник и корявые сосны, упорно лепящиеся к голому камню на вершине склона, — по узкой тропе, вьющейся меж камней вдоль гигантского водопада. Туман льнул к путешественникам, влажный и словно тягучий. Ветер стих, растворившись в реве воды. Даже свет солнца рассеялся в липком тумане; лес окутали обманчивые сумерки и подступали как волны прилива, а то вдруг неожиданно прояснилось, но потом полумрак вновь накатывал — плотнее, гуще.

Наконец всадники добрались до подножия водопада и, проехав еще немного, вырвались из тумана и полумрака к теплomu свету солнца. Здесь, на берегу лесной реки, трава была еще полетнему свежей и зеленой, но листья деревьев уже пожелтели.

Путешественники ехали прямо на восток, вдоль реки. И постепенно рев Гремящего потока умолк вдаль. Воздух стал теплее. Яркими пятнами в листве деревьев мелькали птицы.

В этом лесу вновь была жизнь. Брин облегченно вздохнула. Все-таки как хорошо, что они наконец выбрались из Вольфсктаага!

Алланон вдруг натянул поводья.

И, словно по приказу друида, лес замер. Безмолвие покрывалом окутало землю в несколько слоев, так стало тихо. Брин и Рон тоже остановили коней. Они неуверенно переглянулись и с тревогой повернулись к друиду. Но Алланон даже не шелохнулся. Неподвижно застыл он в седле, напряженно вглядываясь в сумрак между деревьями, и слушал.

— Алланон, что там?.. — начала было Брин, но друид резко вскинул руку, призывая к молчанию.

А потом повернулся к ним, и суровое лицо его было хмурым и напряженным, а во взгляде появилось какое-то странное выражение, которого раньше ни горец, ни девушка не видели. Они даже не знали, что глаза Алланона могут быть такими. И Брин испугалась. По-настоящему испугалась, хотя никак не могла понять почему.

Алланон ничего не сказал им. Он лишь печально улыбнулся и вновь отвернулся, указав рукой вперед. Они проехали чуть дальше сквозь иссохший кустарник; и вскоре перед всадниками открылась маленькая узкая долина или, скорее, овражек с пологими склонами. Здесь Алланон вновь остановил коня и на этот раз спешил. Рон и Брин тут же последовали его примеру. Все трое молча стояли и вглядывались в дремучий лес на той стороне оврага.

— Что случилось, Алланон? Что-то не так? — тревожно спросила Брин.

Друид даже не повернулся к ней.

— Кто-то идет сюда. Слушайте.

Они ждали, неподвижно застыв на месте. Было так тихо, что даже звук собственного дыхания хрипом отдавался в ушах. И в сознании Брин вновь зашептало предчувствие — выбравшись из дождя и пасмурной дымки Драконьих Зубов, оно все-таки нашло ее. Холодной волной нахлынул страх, и Брин невольно поежилась.

А потом слабый звук разорвал тишину: шуршание сухих листьев. Кто-то крался по лесу.

— Вон там! — не сдержавшись, вскрикнул Рон.

Что-то двигалось среди деревьев на дальнем краю оврага. Еще скрытое в сумраке леса, непонятное нечто замерло на месте, заметив трех путников, наблюдающих за ним. Оно стояло так долго, очень долго, словно бы ждало чего-то и изучало их, — бесшумная тень во мраке. И вдруг решительно выступило вперед из-под прикрытия деревьев — на свет. Озноб, пробежавший по спине Брин за мгновение до этого, обратился в пронизывающий холод, охвативший всю ее. Она никогда раньше не видела подобной твари. Существо стояло на двух ногах, как человек, в позе готового к прыжку зверя, длинные руки свисали почти до земли. Крупное, сильное существо, немного худое, но худоба с лихвой компенсировалась горой мощных мускулов под туго натянутой кожей странного красноватого оттенка. Если это был все-таки зверь, то зверь безволосый, лишь вокруг чресл пучками торчала густая шерсть. Пальцы рук и ног заканчивались длинными загнутыми когтями. И лицо... нет, все же морда кошмарного зверя, каких вообще-то и не бывает, — тупая, словно бы срезанная морда, покрытая шрамами. Сверкающие желтые глаза недобро глядели на путешественников; широкая пасть приоткрылась в зловещей усмешке, и показались кривые зубы.

— Что это? — в ужасе прошептал Рон Лих.

— То, что было предсказано, — произнес Алланон как-то странно спокойно.

Краснокожая тварь вновь шагнула вперед и остановилась на самом краю оврага. Остановилась ждать.

Алланон повернулся к горцу и девушке.

— Это — Джахир, существо из другого века, порождение великого зла. Его когда-то изгнали из мира. Изгнали волшебные существа, владеющие белой магией. Очень давно, человек тогда только появился на земле, и эльфы еще не создали Запрет... И лишь магия равной силы могла вновь вызвать его сюда. — Он выпрямился в полный рост и запахнул черный плащ. — Получается, я ошибся: морды предугадали, что мы пойдем этой дорогой. Только здесь, в этих запретных горах, где живет еще древняя магия, можно было освободить существо, подобное

Джахиру. Да, морды выставили против нас врага, который намного сильнее и опаснее, чем они сами.

— Сейчас посмотрим, какой он опасный, — храбро проговорил Рон Лих и решительно вынул из ножен свой черный меч.

— Нет. — Алланон перехватил его руку. — Эта битва — моя.

Горец в отчаянии поглядел на Брин, ища поддержки.

— Но мне кажется, все битвы на этом пути — наши. И мы будем сражаться вместе.

Но друид покачал головой.

— На этот раз — нет, принц Лиха. Ты уже доказал свое мужество и свою преданность девушке. Ни в том ни в другом я не сомневаюсь. Но ты — ничто против силы этой твари. Я должен биться один.

— Алланон, не надо! — вскричала вдруг Брин и вцепилась в руку друида.

Он лишь посмотрел на нее. Взгляд черных глаз пронзил Брин, добираясь до самых глубин души. На лице Алланона застыло выражение суровой решимости и неизбыточной печали. Они долго смотрели друг другу в глаза, а потом, не понимая как следует почему, Брин отпустила его.

— Не надо, — тихо повторила она.

Алланон ласково коснулся рукой ее щеки. И в это мгновение с той стороны оврага донесся разорвавший тишину крик. И крик Джахира походил на зловещий смех.

— Позволь мне пойти с тобой! — выдавил Рон и шагнул вперед.

Друид преградил ему путь.

— Ты останешься здесь, принц Лиха. И будешь ждать, пока тебя не позовут. — Алланон глядел горцу прямо в глаза. — И не вмешивайся во все это. Что бы там ни случилось, стой здесь. Пообещай мне.

Рон колебался.

— Но я не могу, Алланон...

— Пообещай!

Горец напрягся, но потом неохотно кивнул.

— Я обещаю.

Друид вновь повернулся к Брин и в последний раз взглянул ей в глаза, как-то отрешенно, словно издалека.

— Береги себя, Брин Омсфорд, — прошептал он. И, резко повернувшись, направился вниз. В овраг.

В ярком свете солнца его сумрачная фигура в черном плаще на фоне мягких красок осеннего леса казалась высеченной из камня. Запах прелых листьев витал в воздухе, словно поддразнивая друида, и ветерок шелестел между стволами деревьев и играл полами длинного плаща. На речном берегу зеленела трава, а сам Гремящий поток мерцал всеми оттенками серебра и лазури, и холодные отблески отражались в ледяных глазах Алланона.

Но друид ничего этого не замечал. Хмурый взгляд его был сосредоточен на краснокожей твари, которая тоже спускалась в овражек по дальнему склону — бесшумно и плавно, словно громадная лысая кошка. Глаза сузились в желтые щелки, пасть оскалилась.

«Вернись! Ну пожалуйста, вернись!» — беззвучно кричала Брин, потому что голос куда-то пропал, скованный ужасом.

То знакомое уже предчувствие вдруг нахлынуло с сокрушительной силой и закружилось в бешеном ликовании... Брин даже стало казаться, что она видит это неистовое кружение.

Так вот о чем говорило ей предчувствие!

Внезапно Джахир упал на четвереньки, бугры мускулов напряглись под тугой кожей, изо рта потекла слюна. На спине угрожающе поднялись шипы и подрагивали в такт движениям мощного тела. И вот Джахир уже стоит на дне залитого солнцем оврага. Морда его выжидающе повернулась в сторону приближающейся черной фигуры, и чудовище вскрикнуло во второй раз. Тот же злорадный вой, похожий на смех безумца, прокатился по низине.

В дюжине ярдов от своего врага Алланон остановился. Он просто стоял неподвижно и, прищурившись, глядел на готовое к атаке чудовище. На спокойном лице друида читалась такая суровая, даже пугающая решимость, что и к Рону, и к Брин возвратилась уверенность: ни одна тварь, пусть даже самая злобная, не устоит против такой негибаемой силы. Но Джахир лишь шире разинул в усмешке пасть, обнажая неровные острые зубы. И в желтых глазах заплясало безумие.

Очень долго противники изучали друг друга. Этот ужасный момент выжидания растянулся, казалось, на много часов. Мир

вокруг словно замер и отступил. Но вот Джахир вновь зловеще рассмеялся (или завыл?) и отпрянул в сторону — странным скольльзящим движением. А потом внезапно кинулся на Алланона. Никогда еще Брин и Рон не видели, чтобы что-то могло так стремительно двигаться: словно красная вспышка ярости метнулась с земли к горлу друида.

И все-таки Джахир промахнулся. Алланон оказался быстрее. Будто тень отступающей ночи, скользнул он в сторону, избегая удара. Джахир пролетел мимо и с размаху ударился о землю, прорывая когтями глубокие борозды. Но уже через мгновение зверь снова бросился на врага. И напоролся на сгусток синего огня, что вырвался из протянутых рук Алланона. Огонь впился в Джахира, тот даже не смог завершить прыжок. Застигнутый в воздухе пламенем, он бесформенной кучей грохнулся на землю и завертелся, сбивая огонь, терзающий его тело. А потом зверь резко замер у огромного дуба, распластавшись на обугленной земле.

И все же через мгновение поднялся на ноги.

— Проклятье! — прошипел Рон Лих.

Уворачиваясь от потоков волшебного огня, Джахир рванул к друиду. Со смертоносной быстротой атакующей змеи бросился он на врага. Вспышка огня отшвырнула чудовище прочь, но Джахир все же задел Алланона когтями — словно лезвия бритвы, они вспороли и черный плащ, и плоть под ним. Друид отшатнулся, отброшенный силой удара, синий огонь рассеялся дымом. А в дюжине футов от него Джахир уже поднимался из высокой травы.

Враги закружились, испепеляя взглядами друг друга, выжидая только удобного момента, чтобы напасть. Друид, защищаясь, вытянул руки перед собой, лицо его превратилось в застывшую маску ярости. Но там, где ступал Алланон, на зеленой траве оставались алые пятна — кровь.

Снова Джахир растянул мерзкую пасть в злорадной, безумной усмешке. Красная кожа дымилась, опаленная синим огнем друида, но, похоже, чудовищу все было нипочем. Железные мускулы перекачивались под кожей, пока Джахир плясал свой скольльзящий и уверенный танец смерти, вовлекая в него предназначенную ему жертву.

А потом он вдруг прыгнул вперед, на друида. Тот не успел даже вызвать волшебный огонь. И все же Алланону удалось

остановить врага. Руки друида железным объятием сомкнулись на запястьях Джахира, не давая чудовищу добраться до него. Чудище в ярости лязгало кривыми зубами, пытаясь дотянуться до горла человека. Но Алланон держал крепко. Так, сцепившись, противники метались по дну оврага, извиваясь и корчась в попытке нанести друг другу удар.

И тут Алланон сделал отчаянный рывок — он оказался за спиной Джахира, — приподнял его в воздух и с размаху швырнул на землю. В то же мгновение руки друида взметнулись, и синий огонь обрушился на чудовище. От крика Джахира задрожал воздух, и лес словно застыл в испуге. В этом крике была боль, но странно: боль, смешанная с ликованием. Вырвавшись из потока огня, Джохир покотился по высокой траве, мощное красное тело дымилось, переливалось подтеками синего пламени и в ярости билось о землю, снедаемое изнутри еще более жгучим огнем. Огнем дикой ярости и упоения боем. Но вскоре Джохир поднялся, острые зубы угрожающе сверкнули в разверстой пасти, глаза горели мутным светом.

Он любит боль, с ужасом поняла Брин. Он питается ею.

За спиной девушки всхрапнули кони и попятились от запаха возбужденного зверя — Джахира, едва не вырвав поводья из рук Рона Лиха. Горец с трудом удержал коней, но успокоить их так и не смог.

А Джохир уже ринулся напролом, сквозь стену огня. Однако друид вновь успел отступить, увернувшись от острых когтей; синее пламя вспыхнуло с новой силой и отшвырнуло чудовище мощным ударом.

У Брин к горлу подкатила тошнота, но она не могла отвести взгляда от битвы внизу. Как зачарованная, смотрела она туда, и одна только мысль билась в сознании: Джохир слишком силен. Даже для Алланона. Да, друид пережил уже столько смертельных битв, сколько раз выходил он один против злых тварей, порожденных темной магией, и побеждал... Но Джохир — это что-то совсем другое. Существо вне жизни и смерти, не подвластное законам природы, — существо, охваченное неистовым безумием и жадной бессмысленного разрушения.

С пронзительным криком чудовище снова бросилось на друида. Лошади резко отпрянули, и на этот раз Рон их не удержал. Он попытался было подхватить вырванные из рук пово-

дья, но кони, словно взбесившись, рванулись прочь. Назад, к водопаду. В считанные секунды они пропали из виду.

Брин и Рон вновь смотрели на битву внизу. Теперь Алланон воздвиг между собой и Джахиром защитную стену огня, чудовище тщетно пыталось пробиться, натываясь на пламя, словно на острия ножей. Друид поднял руки, сосредоточившись, и стена стала выше. А потом руки опустились, описав широкий круг и увлекая огонь за собой. Как будто горящая сеть накрыла зверя и поглотила его. На мгновение Джахир полностью скрылся в бешеных всплесках синего пламени. Извиваясь и корчась, пытался он вырваться, но сеть огня только сжималась, удерживаемая магической силой друида. Как ни рвался Джахир, выхода не было.

Брин сжала руку Рона. Может быть...

Но тут Джахир бросился с открытой лужайки под сень деревьев, охваченный пламенем. Однако огонь уже начал рассеиваться. Теперь врагов разделяло довольно большое расстояние, и Алланону уже стало трудно поддерживать силу колдовского огня. С воем Джахир влетел в заросли сосен, ломая сухие ветви, наскакывая на стволы, сея пламя вокруг себя. Во все стороны полетели сосновые иглы и щепки, во мраке деревьев закрубился дым.

Алланон остался один на дне оврага. Он устало уронил руки. А наверху Брин и Рон застыли в гнетущем безмолвии, глядя в клубящийся сумрак, подсвеченный пляшущими языками огня. Джахира не было видно. Лес снова притих.

— Он ушел, — наконец прошептал Рон.

Брин промолчала. Она ждала.

Неожиданно среди обожженных сосен что-то скользнуло. Пронзительный холод сковал Брин. Из мрака выступил Джахир. Он ощерился в зловещей усмешке, глаза полыхали желтым безумным огнем. И был он цел и невредим.

— Что же это за дьявол? — прошептал Рон Лих.

А Джахир уже приближался к Алланону. Из его глотки вырвался яростный вой, звериная морда приподнялась, словно лова запах друида. В высокой траве перед ним атели пятна — кровь человека. Врага. Джахир остановился. Медленно, будто напоказ, опустился он на четвереньки и принялся слизывать кровь с земли. Вой обернулся ликующим воплем. Воплем наслаждения.

В следующее мгновение Джахир атаковал. Неуловимым движением подтянул он задние лапы, на мгновение напрягся и прыгнул на Алланона. Руки друида взметнулись, но... слишком поздно. Огонь не успел еще вырваться из сведенных пальцев, а Джахир уже налетел на него. Брин закричала, предостерегая, но чудовище оказалось быстрее крика. Враги упали на землю и покатались по мягкой траве, сцепившись друг с другом. Синий огонь лился из пальцев друида, растекаясь по мощным рукам-лапам Джахира, однако не причиняя никакого вреда. Когти чудовища вонзились в тело Алланона, разрывая и плащ, и живую плоть, добираясь до самых костей. Голова Алланона откинулась назад, по суровому лицу прошла волна боли — боли, превосходящей мучения обычных ран. Друид делал отчаянные попытки оттолкнуть от себя разъяренного зверя, но Джахир навалился на него всей своей тяжестью, и Алланон не мог высвободиться. Поджарое, но необычайно сильное тело чудовища вдавило друида в землю, зубы и когти терзали его.

— Нет! — вдруг воскликнул Рон Лих.

Брин поняла, что сейчас будет, и попыталась было удержать его, но горец нетерпеливо вырвался и ринулся вниз, в овраг, сжимая в обеих руках черный меч.

— За Лих! За Лих! — закричал он в ярости.

Принц забыл о своем обещании, данном друиду. Нет, он не может стоять в стороне и смотреть, как Алланон умирает. Однажды он спас его и теперь спасет.

— Рон, вернись! — тщетно взывала Брин.

Через мгновение Рон Лих уже стоял над сцепившимися врагами. Сверкающей молнией взметнулся меч Лиха — меч, движимый колдовской силой, — и с сокрушительной мощью обрушился прямо на шею и плечи Джахира, разрубая мышцы и кости. Джахир отпрянул от черной стали, из глотки вырвался исполненный ужаса вой, красное тело содрогнулось и резко выпрямилось, словно разрываемое изнутри.

— Так умри же, чудовище! — в ярости прокричал Рон при виде искромсанного, залитого кровью тела Алланона.

Но Джахир и не думал умирать. Не так просто. Рука его взметнулась, полоснув когтями по лицу горца. Тот отшатнулся, руки бессильно разжались, отпуская меч. А Джахир уже набросился на Рона с воем безумного ликования, словно новая боль придала ему силы и доставила непостижимое мерзкое на-

слаждение. Длинные когти вцепились в горца; чудище подняло юношу высоко в воздух и с размаху швырнуло о землю. И Рон не поднялся.

Но черный меч Лиха, глубоко вонзившийся в тело Джахира, так и остался там. Против такого удара не устоял бы никто, однако Джахир просто вытащил меч, словно это была лишь пустяковая заноза. Мгновение он колебался, глядя на черный клинок, а потом отшвырнул его прочь от себя. Черной молнией меч промелькнул в воздухе и упал в бурлящие воды Гремящего потока. Течение тут же подхватило его и унесло с собой, будто сухую корягу.

А Джахир уже рванулся туда, где лежал Алланон. Но друид все же смог подняться, чтобы встретить врага. Его черный плащ был изодран в клочья и, казалось, почернел еще больше, пропитавшись кровью. Джахир увидел, что враг встает, и буквально взбесился. С яростным воем он атаковал.

На этот раз друид даже и не пытался остановить его. Застигнув Джахира в прыжке, Алланон сомкнул руки на шее чудовища и стал сжимать ее, словно клещами. Не обращая внимания на терзающие его когти, друид повалил врага на землю, не ослабляя захвата. Из стиснутой глотки чудовища вырвался хриплый крик; красное тело забилося, корчась и извиваясь, как змея, пронзенная острым копьем. А руки друида сжимались, сильнее, сильнее... Джахир отчаянно лязгал зубами, но острые зубы хватали лишь воздух.

А потом Алланон вдруг отпустил шею чудовища и быстро просунул руки в разверстую пасть, глубоко, до самой глотки. Из напряженных пальцев вырвался синий огонь. Огонь друида прожег Джахира, добираясь до самых глубин его злобного существа. Джахир попытался было освободиться, но борьба длилась всего лишь мгновение: огонь вырвался наружу, и чудовище словно взорвалось ослепительной вспышкой синего света.

Брин отвернулась, закрыв рукой глаза, — таким нестерпимым было сияние. А когда открыла их вновь, Алланон был один. На коленях — перед кучкой пепла.

Девушка со всех ног бросилась к Рону. Сначала — к Рону, который лежал без сознания на черном краю оврага. Дыхание его было медленным и неглубоким. Брин осторожно перевернула горца на спину и проверила, нет ли тяжелых ран или пе-

реломов. К счастью, все было цело, только из глубоких порезов на лице сочилась кровь. Брин стерла алые подтеки и поспешила к друиду.

А тот так и стоял на коленях перед горсткой пепла, что еще пару мгновений назад была Джахиром. Стоял, обхватив руками истерзанное тело и низко склонив голову. Его разодранный в клочья плащ отяжелел от крови.

Брин тихо опустилась на колени рядом с ним, потрясенная тем, что увидела. И действительно, раны друида были ужасны. Алланон устало приподнял голову и заглянул в глаза девушке.

— Я умираю, Брин Омсфорд, — произнес он спокойно. Брин потрясла головой, но друид поднял руку, остановив ее горестный жест. — Слушай меня, девочка. Так было предсказано. Там, в Сланцевой долине, дух Бремена сказал... отец мой сказал, что так все и будет. Он сказал, что я должен уйти с земли, чтобы уже никогда не вернуться. И что это случится до того, как закончится наш поход. — Он поморщился от внезапного приступа боли. — Я думал, что смогу что-то сделать, чтобы все было иначе. Но морды... Морды нашли способ вызвать Джахира, может быть, зная... или просто надеясь, что мы с ним столкнемся на этом пути. Это — создание безумия. Он питается своей болью и болью других. И в своей ярости ранит не только тело, но и душу. От него нет защиты. Он разорвал бы себя на куски... лишь бы только меня уничтожить. Это — яд...

Друид заложнулся. Брин подвинулась ближе, отгоняя страх.

— Надо перевязать твои раны, Алланон. Нам нужно...

— Нет, Брин, все кончено, — оборвал он ее. — Мне уже ничто не поможет. Все будет так, как предсказано. — Друид обвел взглядом овраг. — Как предначертано. Лучше иди помоги принцу Лиха. В него тоже проник этот яд. Теперь только он твой защитник... в чем он и клялся. — Взгляд Алланона вернулся к Брин. — И знай, его меч не потерял. Магическая сила не даст ему затеряться. Она найдет... путь в руки смертных... река вынесет меч в эти руки...

Он вновь замолчал, захлебнувшись словами, и скривился от нового приступа боли. Внезапно Брин подалась вперед и обняла друида, крепко прижав к себе.

— Ничего больше не говори, — прошептала она со слезами на глазах.

Друид медленно выпрямился и отодвинулся от нее. Руки девушки были красны от крови Алланона. И вдруг он усмехнулся.

— Морды боятся меня. Они думают, я смогу их уничтожить. Но они ошибаются, да. Ты эта сила, Брин. Против тебя им не выстоять. Никому не выстоять.— Рука друида легла на запястье девушки.— Слушай меня. Твой отец не доверяет магии эльфов; он боится того, что она может сделать. И теперь я скажу тебе, девочка: у него есть причины не доверять ей. Для того, кто владеет ею, магия может быть порождением света или же порождением тьмы. В равной мере. Может быть, иногда она кажется просто забавой, игрушкой, но это не так. Остерегайся ее силы, ибо могущественнее ее я не видел ничего. Используй силу как должно, и она охранит тебя и доведет до конца твоего похода. Используй ее как должно, и она сама уничтожит Идальч!

— Алланон, но без тебя я ничего не смогу! Ничего! — вскричала в отчаянии Брин.

— Сможешь и сделаешь. Ты обязана это сделать... Никого другого нет, только ты. Так было с Ши. Так было с твоим отцом.

Брин молча кивнула, едва ли, впрочем, расслышав его. В ее смятенной душе бурлили самые разные чувства, пока девушка пыталась отгородиться от неизбежности происходящего.

— Век проходит, — прошептал Алланон, и глаза его зажглись черным огнем. — И друиды должны уйти вместе с ним. — Его рука осторожно легла на руку Брин. — Но истина, которую нес в себе я, последний из них, не должна исчезнуть из мира. Она должна остаться с теми, кто живет. И истину эту я передам тебе. Наклонись ко мне ближе.

Брин Омсфорд подалась вперед, их лица почти соприкоснулись. Очень медленно, преодолевая боль, друид поднес руку к своей груди и просунул ее под изодранный плащ. И когда вытащил через мгновение, пальцы его были в крови. А потом Алланон ласково прикоснулся ко лбу Брин пальцами, теплыми от живой крови, его крови, и заговорил. На непонятном, таинственном языке. И от этих загадочных слов и от прикосновения друида что-то проникло в сознание Брин, накатило волной странного возбуждения. Как будто ослепительный поток пронесся перед глазами. А потом все пропало.

— Что... что ты сделал со мной? — запинаясь, прошептала девушка. Но друид не ответил.

— Помоги мне подняться, — только и сказал он.

Брин с изумлением смотрела на него.

— Тебе нельзя ходить, Алланон! Ты тяжело ранен!

Странная непривычная нежность смягчила суровый взгляд.

— Помоги мне подняться, Брин. Идти мне недалеко.

Она обхватила его обеими руками и помогла встать на ноги. Там, где он сидел, кровь пропитала траву и смешалась с золой и пеплом.

— О Алланон! — Теперь Брин заплакала.

— Отведи меня к реке, — прошептал он.

Они медленно пошли по оврагу — туда, где, уносясь на восток, бурлил Гремящий поток. Солнце сияло в безоблачном небе, посылая свои золотые лучи и тепло на благодатную землю, расцветенную яркими красками осеннего дня. Это день жизни, не смерти. В такой день нельзя умирать, как заклинание твердила Брин про себя. Понимаешь, нельзя, Алланон.

Они вышли на берег реки. Брин помогла Алланону вновь опуститься на колени. Он склонил голову, чтобы яркий свет солнца не слепил его.

— Когда все закончится, Брин, ты найдешь меня здесь. — Он поднял глаза и поймал ее взгляд. — А теперь отойди.

Девушка, потрясенная, отступила. Слезы текли по ее щекам, она умоляюще протянула руки. Еще мгновение (а казалось — так долго) Алланон смотрел на Брин, а потом отвернулся. Обгоревшая кровью рука поднялась, и друид провел ею в воздухе над водами Гремящего потока. И течение вдруг замерло, река застыла, спокойная и безмятежная, словно и не река вовсе, а застоялый пруд. Глухая странная тишина опустилась на землю.

И вдруг вода вспенилась, и из глубин донеслись жуткие крики — как тогда в Преисподней, — пронзительные и исполненные невыносимой боли. Лишь мгновение звучали они, разносясь над рекой, а потом вновь стало тихо.

Рука Алланона бессильно упала, голова склонилась на грудь.

И тут из притихшего Гремящего потока поднялась призрачная фигура. Дух Бремена. Мутно-серая и почти прозрачная в блистающем свете солнца, тень сгорбленного старика встала над неподвижной водой.

— Отец, — прошептал Алланон едва различимо, но Брин услышала.

Дух шагнул вперед. Нет, не шагнул — скользнул по замершим водам реки туда, где стоял на коленях друид. Призрак Бремена медленно наклонился, обнял сына и поднял его на руки, прижимая к себе. А потом, даже не повернувшись, тень скользнула назад, над водой, на середину реки. Вода словно вскипела, шипя и окутываясь паром. Дух Бремена медленно опустился под воду, унося с собой в глубину последнего из друидов. Еще мгновение Гремящий поток был неподвижен, а затем магия освободила его, и река забурлила, вновь устремившись к востоку.

— Алланон! — закричала Брин.

Но тщетно глядела девушка на быстрые воды реки в ожидании ответа. Ответа, которого не будет.

Глава 26

Захватив Джайра в плен, Ститхис повел его куда-то на север через дебри Анара. Вдоль берега Серебристой реки, что видалась запутанной нитью по зарослям леса, меж скалами, через овраги, — в самую чашу сумрачного леса. С самого начала мвеллрет засунул долинцу в рот кляп и вел его всю дорогу на привязи, как собаку. Ститхис развязывал Джайра лишь иногда, чтобы тот смог поесть, но и в эти редкие минуты не сводил с него холодных змеиных глаз. Время тянулось мучительно медленно, и все, что было хорошего в жизни долинца — его друзья и товарищи по походу, его надежды и ожидания, — словно бы отступило куда-то, растворившись в унылых, бесконечных часах серого сумрака и дождя. Было хмуро и сыро, зловоние отравленных вод Серебристой реки пропитало воздух: лес словно заживо разлагался. Да еще деревья росли так густо, что за сплетением ветвей не было видно ни кусочка неба. Пусть черного от туч, но все-таки неба. Только река не давала путникам совершенно утратить чувство направления; вяло текла она мимо, черная, словно полная гноя.

Но не только мвеллрет с долинцем пробирались в те дни на север, в дальний Анар. По широкой дороге, параллельной руслу Серебристой реки (каковой дороги сам мвеллрет тща-

тельно избегал), тянулись длинные караваны: воины-гномы, их пленники, повозки награбленного добра, — колонны следовали одна за другой, увязая в жидкой грязи. Пленники, подгоняемые как скотина, были закованы в цепи — карлики, эльфы и люди с границы, изможденные, израненные и утратившие надежду. Иногда Джайру удавалось увидеть в просветах между стволами, как идут они, побежденные защитники Капаала, и слезы стояли в глазах долинца.

А им навстречу нестройным маршем тянулись колонны гномов. Войска из Грани мрака. Впрочем, они больше походили на дикие орды головорезов, спешащих на юг — присоединиться к тем племенам, что уже вторглись во владения карликов. Тысячи и тысячи воинов, утрюмых, пугающих своей численностью. Желтые лица кривились в злорадной усмешке, когда гномы проходили мимо беспомощных пленников и с гиканьем окликали их, осыпая ругательствами и оскорблениями. Были там и морды, но очень мало. Сумрачные черные странники шествовали в одиночку или в компании таких же призраков, ибо даже гномы старались избегать их.

Да еще погода была премерзкой. И становилась все хуже и хуже. Зловещие черные тучи затянули все небо, дождь лил не переставая. Вспышки молний пронзали угрюмую черноту. Земля содрогалась от мощных раскатов грома. Деревья отяжелели от влаги, их ветви клонились к земле, а листья летели в размокшую грязь — почва под ногами стала скользкой и зыбкой, словно трясина. Лес приобрел омерзительный серый оттенок. И небо, казалось, давило на землю, стремясь задушить жизнь на ней.

Джайр уже начал испытывать гнетущее опасение, что так будет всегда. Помимо всего прочего он еще спотыкался на каждом шагу: мвеллрет — фигура в черном плаще во мраке впереди — тянул за кожаный ремень, вынуждая долинца продирааться сквозь густой кустарник. Холод и сырость пробирали до самых костей. И кошмотворной волной накатывала усталость. Похоже, у Джайра началась лихорадка: мысли его путались, сознание затуманилось. Краткие вспышки воспоминаний о недавних событиях смешались с картинками беззаботного детства. Обрывки ярких и живых образов проносились в оцепеневшем сознании долинца и исчезали, сменяясь пугающими видениями, странными и неясными, что тайком завладевали его мыслями, словно

полуночные воры. Но даже тогда, когда разуму его удавалось вырваться из лихорадочной круговерти, неизбывное отчаяние одолевало Джайра. Оно как будто шептало ему: «У тебя уже нет надежды. Капааль, его доблестные защитники, твои товарищи и друзья — все потеряно». Словно черная молния сверкнула в воспаленном мозгу, так живо долинец представил себе, как все они сгнули: Гарет Джакс — кракен утащил его с собой в Циллиделлан; Форкер и Хельт — каменная стена, разрушенная темной магией странников, погребла их под собой; Слантер умчался вперед по туннелю в недрах Капааля, не оглянувшись, не заметив исчезновения Джайра. Брин, Алланон и Рон теперь слишком далеко. Быть может, они тоже пропали, потерялись где-то в дебрях Анара...

Но иногда приходили и мысли о короле Серебристой реки — ясные и пронзительные, исполненные волшебства и тайны.

«Помни, — настойчиво и мягко шептали они. — Ты еще должен многое сделать. Не забудь».

Но Джайр, казалось, уже забыл. Спрятанные под рубашкой, подальше от всевидящих глаз мвеллрета, с долинцем остались дары короля, дары его светлой магии: кристалл видения и кошелек с Серебряной пылью. Они еще у него. И он, Джайр, обязательно их сохранит. Но для чего? Цель была абсолютно неясной, она затерялась в бешеном вихре лихорадки, спряталась где-то в глубинах сознания.

Только вечером, когда они остановились на ночлег, мвеллрет заметил, что творится с долинцем, и дал ему выпить какое-то лекарство, смешав его с горьким крепким элем. Джайр ни за что не хотел принимать это снадобье — в бреду лихорадки или же просто не доверяя мвеллрету, — но Ститхис разжал ему зубы и насильно влил в рот лекарство. А вскоре долинец заснул и проспал всю ночь. Утром мвеллрет влил в него еще изрядную порцию горького зелья, а к вечеру второго дня их совместного пути лихорадка начала отступать.

Вторую ночь они провели в пещере, которая выходила прямо на темные воды реки. Теперь вдоль берега тянулся высокий скалистый кряж, и путники без труда нашли подходящее укрытие, сухое и достаточно теплое по сравнению с промозглой прохладой леса. В эту ночь Джайру удалось поговорить с мвеллретом. Они как раз закончили свой нехитрый ужин из кореньев, вяленого мяса и кружки крепкого эля и сидели во тьме, насто-

роженно глядя друг на друга. Снаружи лил дождь, хлеща по деревьям, камням и размокшей земле. На этот раз Ститхис почему-то не спешил заталкивать кляп в рот долинца, как всегда делал сразу же по окончании трапезы. Мвеллрет просто сидел и смотрел на Джайра; глаза его мерцали холодным огнем, тень капюшона скрывала змеиную морду. Или все же лицо? Время шло, а мвеллрет все сидел неподвижно и молча смотрел, и в конце концов Джайру стало совсем уж неудобно. Он набрался духу и осторожно спросил:

— Куда ты меня ведешь?

И без того узкие глаза мвеллрета превратились в щелки, и долинец вдруг понял: Ститхис ждал, когда он заговорит.

— Идем сс тобой к Острым вершинам.

Джайр рассеянно покачал головой.

— К Острым вершинам?

— Горы перед Вороньим ссреззом, эльфин,— прошипел мвеллрет.— Немного побудеешь в этих горах, ззадержжишьсь там. В Дан-Фи-Аране, темнице гномов.

У долинца пересохло во рту.

— В темнице? Ты собираешься бросить меня в тюрьму?

— Сславное место для дорогих госстей,— проскрежетал Ститхис и рассмеялся.

Джайр невольно поежился при звуках этого зловещего смеха и попытался прогнать внезапно охвативший его страх.

— Но почему? — выдавил он.— Что тебе от меня нужно?

— Ш-ш-ш! — Мвеллрет многозначительно поднял палец.— Неужжели жже эльфин не знает? Неужжели ееще не догадался? — Он подался вперед.— Тогда сслушшай меня, человекишшко. Сслушшай! Нашш народ — великое племя, и раньшше мы были хозяевами гор. Вссей жжиззни в горах. А потом пришшел Власстелин Тьмы — много, много лет наззад,— но мы ззаклучили сс ним ссделку. Чтобы он насс оставил в покое, мы отдали ему на сслужжение гномов. И осстались хозяевами в горах. Всскоре ссам Власстелин Тьмы ссгинул. Но мы-то жживем. Мы жживем! — Ститхис повертел в воздухе когтистым пальцем.— А после пришшли сстранники, поднялись из черной ямы — Мельморда, поднялись на нашши горы. Они говорили, что сслужжат магии Власстелина Тьмы. И говорят: и вы сслужжите. Дайте нам дом, где жжить. Дайте

людишшек нам в услужение. Отдайте все. А взамен — ничего. Мы отказали странникам-мордам. Мы тоже были сильны. Но что-то с нами случилось. Мы стали слабеть и умирать. А молодых не рождалось. Словно мор сгубил наше племя. Годы шли — нас осталась лишь горстка. Но все равно странники гнали нас с гор. Нас было мало — пришлось уйти. — Он замолчал. Исполненный гнева и горечи взгляд зеленых змеиных глаз прожег долину насквозь. — Бросили меня умирать, странники-морды. Черные злобные твари. Но я выжил!

Джайр уставился на ящера. Ститхис подтвердил, что во времена Ши Омсфорда мвеллреты отдавали Повелителю чародеев племена горных гномов, чтобы тот повел их на битву с людьми Южных земель в Третьей войне рас, которая, к счастью, не состоялась. И мвеллреты пошли на это, чтобы сохранить свое царство в Вороньем срезе. Карлики об этом подозревали, Форкер сам говорил Джайру. Ну а потом пришли призраки-морды, наследники магии Повелителя чародеев, и отобрали у мвеллретов Вороний срез. Да, ведь черные странники стремились установить господство над всеми Восточными землями. Но ящеры стали сопротивляться, и морды наслали на мвеллретов мор и так уничтожили их. Значит, Ститхиса действительно прогнали из дому... и там, в Капаале, он не соврал...

— Ну а я здесь при чем? — с дурным предчувствием спросил долинец.

— Магия! — быстро ответил мвеллрет. — Магия, дружок! Мне нужна твоя сила. Песнь, что ты поешь, должна стать моей! Ты владеешь магией, и ты должен отдать ее мне!

— Нет! — выдохнул Джайр.

Чешуйчатая морда скривилась.

— Нет, дружок? Сила магии должна вернуться к моему народу — не к мордам. И ты отдашь свою магию, эльфин. Там, в темнице, отдашь. Вот увидишь.

Джайр отвернулся. Ну вот пожалуйста, та же история, что и с седом Спилком: обоим нужна его магия. Именно то, чего он не может отдать. Он с ней родился, с песнью желаний, и только он, Джайр, может вызывать ее силу. Как и для седта, для мвеллрета она бесполезна.

А потом внезапная мысль пронзила сознание. Долинец похолодел: а что, если Ститхис знает об этом? Вдруг мвеллрет понимает, что сам он не сможет подчинить себе эту силу, и намерен использовать ее через Джайра? Долинец не забыл, что сделал с ним мвеллрет в подвале Капаала: каким-то таинственным образом он заставил его вызвать заклятие...

У Джайра перехватило дыхание. О черт! А вдруг мвеллрет знает — ну или хотя бы подозревает, — что у него есть не только песнь? А вдруг он может почувствовать присутствие кристалла видения и Серебряной пыли?

— Нет, ты не сможешь их получить, — прошептал долинец, не успев даже осознать, что он говорит. В его голосе звенело тихое отчаяние.

— Там, в темнице, ты передумаешь, человечешко, — прошипел в ответ мвеллрет. — Посмотришь.

А потом Ститхис вновь связал Джайра и засунул ему в рот кляп. Долинец еще долго не мог заснуть. Он лежал в темноте, слушая шелест дождя, дыхание спящего мвеллрета и вой ветра, гонящего грозовые тучи над промокшим лесом. И мысли долинца были темнее непроглядного мрака пещеры. Что же делать? Как быть? Его поиск Колодца небес и планы спасения Брин остались теперь позади. А впереди... впереди — Дан-Фи-Аран, темница гномов, которая вполне может стать могилой ему, ибо мвеллрет будет держать Джайра там, пока тот не раскроет ему всех секретов эльфийской магии. В этом долинец не сомневался. Но и еще в одном он был уверен: никогда не откроет он мвеллрету этих секретов. Они — только его; и свою магическую силу Джайр посвятил служению королю Серебристой реки. Потому что взамен тот обещал ему жизнь сестры. Джайр сохранит тайны. И все же... почему-то долинец чувствовал, что, как бы он ни сопротивлялся, какую бы силу ни противопоставил Ститхису, рано или поздно мвеллрет обязательно отыщет способ вытянуть из Джайра все его тайны. Где-то вдали прогремел гром — звук волной прокатился по лесу, глухой и зловещий, наводящий ужас. Но ужаснее в сто крат было отчаяние Джайра. Еще долго не мог он заснуть, но в конце концов усталость все-таки одолела долинца.

На рассвете Ститхис разбудил его, и они вновь зашагали на север. Снова этот тоскливый марш сквозь дождь, туман и пропитанный влагой лес. Уже в полдень мвеллрет с долинецем добрались до Острых вершин — мрачного хребта, беспорядочно нагромождения острых пиков и как будто изломанных скал, нависающих над руслом Серебристой реки. Густой туман, липнувший к скалам, словно поглотил путников, когда они поднялись по крутому склону наверх. Весь день они шли по горам и лишь ближе к вечеру вышли на мрачный утес.

Перед ними, словно материализовавшись из дождя и тумана, стояла внушительная серая крепость, мрачная и грозная. Дан-Фи-Аран. Мвеллрет, ускорив шаг, потащил за собой прихрамывающего долинца. Они пробрались сквозь чахлый кустарник, лепящийся к камню утеса, и вышли в унылый, промокший лагерь. Хмурые гномы сновали туда-сюда по жидкой грязи, закутавшись в широкие плащи с капюшонами, натянутыми до самого носа. У них явно хватало своих забот. Никто не окликнул путников, никто их не остановил. Если кто-то раз и взглянул на них, то больше не обращал никакого внимания. Мвеллрет с долинецем прошли по каменному перекрытию, вдоль крепостной стены, потом — вниз по лестнице и дальше — по ходам крытой галереи. Сумрак ночи сгущался над крепостью, день отступал. Странное чувство возникло у Джайра: словно мир смыкался вокруг, отрезая их от всего, и давил. Долинец ощущал особый запах этого места: запах затхлых подвалов и человеческих тел. Да, здесь жизнь загубят не задумываясь — Джайр не подумал об этом, а просто почувствовал. Жизнь заперли в этих стенах и забыли на веки вечные.

И вдруг над путниками нависло громадное мрачное сооружение. Башня не башня, а так, что-то квадратное и массивное. Вместо окон только узкие щели в камне, тяжелые двери обиты железом. Мвеллрет втащил Джайра внутрь. И тишина сомкнулась вокруг.

— Темницы, эльфин, — многозначительно прошептал Ститхис.

Они шли по лабиринту сумрачных коридоров. Замки и петли дверей, вбитых в камень стен по обеим сторонам проходов, были покрыты толстым слоем ржавчины и паутины. Двери тянулись бесконечными рядами, и от этого зрелища Джайр по-

чувствовал холод и пустоту внутри. В тишине звучало лишь гулкое эхо шагов — их шагов, — но иногда откуда-то издалека доносился лязг железа и удары, словно долбят камень. Джайр в отчаянии оглядывал стены.

«Как же я выберусь отсюда, если вообще выберусь? — уныло раздумывал он. — Как найду дорогу обратно?»

А потом впереди во тьме коридора вспыхнул свет факела, и навстречу мвеллрету и Джайру выступила маленькая фигурка, закутанная в широченный плащ. Это был гном, уже старый и изрядно потрепанный, с какой-то чудовищной язвой на желтом лице. Джайр невольно попятился от омерзения, натянув свой кожаный поводок. Но мвеллрет, наоборот, ускорил шаги, склонился над уродливым старичком гномом и сделал пальцами какие-то странные знаки. Гном ответил такой же загадочной жестикуляцией, а потом просто махнул заскорузлой рукой: мол, идите за мной.

И они пошли дальше, теперь уже втроем. Свет внешнего мира давно затерялся в бесчисленных поворотах, и только горящий факел указывал путь, дрожа и дымя в темноте.

Наконец они остановились перед железной дверью, ничем не отличающейся от сотни других. Под рукой гнома протяжно заскрежетал засов. Словно вторя ему, гном закричал и распахнул тяжелую дверь. Ститхис обернулся, злорадно взглянул на Джайра, а потом резко рванул поводок и впихнул юношу внутрь. В тесной, маленькой клетушке не было ничего, только куча соломы в углу да деревянная бадя у двери. Тоненький лучик серого света едва просачивался сквозь щель в дальней стене.

Мвеллрет перерезал веревки на руках долинца и вытащил кляп у него изо рта, после чего грубо швырнул юношу на солому.

— Вот твое место, эльфин, — прошипел он. — Домик для маленького человечешки, пока ты немного не поумнееешь и не расскажешь о магии. — Когтистый палец поднялся и указал на сторбленную фигуру гнома. — Вот твой тюремщик, эльфин. Он мой сс потрохами, из тех, кто еще повинуется мне. Он глухонемой, не говорит и не слышит. Ему нипочем твоя песнь. Будет кормить тебя и прислуживать если что. — Он помолчал. — Ну и побьет, если станешь дурить.

Гном повернул к долинцу свое уродливое лицо, однако оно было непроницаемым. Джайр так и не смог понять, что

скрывается под этой безобразной маской полнейшего равнодушия, и уныло обвел взглядом свое новое пристанище.

— Ты мне все скажешь, эльфин. Все, что мне нужно знать,— вдруг прошептал мвеллрет.— Скажешь, иначе не выйдешь отсюда!

Холодный голос оборвался зловещим шипением, взгляд зеленых змеиных глаз прожег Джайра насквозь. Но уже через мгновение Ститхис повернулся и направился прочь из камеры. Тюремщик-гном поспешил за ним. Дверь захлопнулась, и долинец услышал, как засов с той стороны со скрежетом встал на место.

Съжившись в темноте, Джайр слушал. Слушал, пока звук шагов не растворился в глухой тишине.

Минуты складывались в томительные часы, а юноша все сидел неподвижно, вслушиваясь в тишину и раздумывая о том, насколько же безнадежно его положение. Похоже, он здорово влип. Отчаяние, безысходное и безжалостное, охватило долинца. Да еще этот мерзкий запах гнили и разложения... брр... Да, теперь Джайр был напуган по-настоящему. Так напуган, что в первый раз за все это время, с тех самых пор как бежал из Тенистого Дола, спасаясь от гномов, у него возникла страшная мысль: ничего у меня не выйдет.

Он бы заплакал, если бы мог, но слезы куда-то делись. Очевидно, даже для этого он был слишком напуган.

«Давай думай, как отсюда сбежать,— понукал себя Джайр.— Нет безвыходных ситуаций. Всегда найдется какой-нибудь способ...»

Долинец поглубже вздохнул, чтобы прийти в себя. А что на его месте стал бы делать Гарет Джакс?

Или вот Слантер? Слантер всегда найдет выход, на то он и мастер выживания в любой критической ситуации. Даже Рон Лих наверняка смог бы что-то придумать.

Мысли юноши разбрелись, он погрузился в воспоминания, то и дело возвращаясь к раздумьям о том, что еще будет. Но это были всего лишь фантазии. А ему сейчас нужен план. Ясный и четкий.

В конце концов долинец заставил себя подняться и принялся изучать маленькую камеру. Просто так, без всякой конкретной цели, он шарил руками по влажным холодным камням,

мерил шагами замкнутое пространство, минутами неотрывно глядел на лучик тусклого света. И ждал, пока успокоятся расстроенные чувства и вернется способность рассуждать более или менее здраво.

А потом Джайру пришло в голову посмотреть в волшебный кристалл. Надо ведь выяснить, что стало с Брин, чтобы знать, сколько времени у него еще осталось.

Торопливо, словно боясь опоздать, Джайр вынул из-за пазухи серебряную цепочку с кристаллом и аккуратно поместил камень в чашечку сложенных ладоней. Будто наяву слышал он шепот короля Серебристой реки: «Тебе будет нужно следить за передвижением Брин... А для этого надо лишь спеть кристаллу...»

И Джайр запел. Очень тихо. Сначала голос не звучал, задушенный вихрем эмоций, — долинец так и не смог успокоиться. И все-таки он подавил свою тревогу, и мелодия песни желаний разлилась во мраке. В то же мгновение кристалл в руках Джайра вспыхнул, и белый свет разогнал подступившие тени.

А потом в белом свете зажегся желтый огонек — костер — и возникло лицо Брин. Она рассеянно смотрела в дрожащее пламя, подперев подбородок руками. И вдруг Брин резко вскинула голову и огляделась, словно почувствовала на себе чей-то взгляд. Каким усталым было ее лицо, почти изможденным! Брин опустила голову и вздохнула. А потом она вздрогнула, словно подавляя рыдания. Похоже, девушка была в отчаянии — все говорило об этом: и взгляд, и поза... Что бы там с ней ни случилось, это было что-то очень нехорошее...

Беспокойство за сестру охватило Джайра, и голос его сорвался. В то же мгновение образ нахмуренного лица Брин помутился и пропал. Потрясенный, долинец глядел на прозрачный камень у себя в руках.

А где, интересно, был Алланон? Джайр не видел его в кристалле.

«Словно листья, гонимые ветром», — прошелестел в сознании голос короля Серебристой реки.

И оба сгинут. Он и она.

Джайр сжал кристалл в кулаке и невидящим взглядом уставился во тьму.

Ночь уже опустилась на леса Анара, и только тогда Брин заметила вдальеке огни. Они мерцали сквозь тени леса и шплетенные деревьев и подмигивали ей, словно маленькие светлячки, неуловимые, призрачные и далекие.

Девушка резко остановилась и подхватила обеими руками готового упасть Рона Лиха. Брин с трудом удержала горца, бесильно навалившегося на нее. Голова Рона упала ей на плечо, лицо горело от лихорадки.

— ...И уже не найти... потерялся, уже не найти... — бессвязно пробормотал принц Лиха, его пальцы впились в руку Брин. Ей стало больно.

Девушка зашептала ему на ухо что-то незначашее, лишь бы он слышал ее голос и знал, что она здесь, с ним. Пальцы медленно разжались, лихорадочный бред стих.

Брин смотрела вперед, на огни. Мерцающие звездочки весело плясали в ветвях деревьев. Огонь! Она настойчиво шплетала заветное слово: «Огонь!» — и слово, как свет самого пламени, пронзило тьму отчаяния и безнадежности, сгустившуюся вокруг Брин после событий у Гремящего потока. Казалось, все это было уже так давно: Алланон погиб, Рон тяжело ранен, и она осталась одна. Совсем одна. Девушка закрыла глаза, отгораживаясь от воспоминаний. Весь день она шла на восток, по берегу Гремящего потока, надеясь, моля, чтобы эта дорога привела ее хоть куда-нибудь, где есть люди, которые ей помогут. Брин даже не знала, сколько времени шла и где она теперь. Девушка давно утратила ощущение времени и направления. Она знала лишь то, что идет вперед. Только вот непонятно, откуда берутся силы.

Брин развернула плечи, заставив Рона встать прямо. А впереди подмигивали огоньки, словно маня к себе.

«Ну пожалуйста! — беззвучно кричала девушка. — Пожалуйста, пусть это будет помощь, которая так мне нужна сейчас!»

Она закинула руку Рона себе на плечи и неверным шагом направилась туда, где плясали пятнышки света. Тело горца обмякло — ей пришлось почти тащить его на себе. Ветви деревьев хлестали Брин по лицу, но она не могла даже поднять руку, чтобы отвести их в сторону, и просто ниже склоняла голову.

В каком-то оцепенении упорно переставляла она непослушные ноги. Один шаг, еще один и еще... Силы были уже на исходе. Если ей там не помогут...

Но тут стена теней и деревьев расступилась перед ней, открывая источник света: темное, даже мрачное здание — лишь два тонких лучика приветливого желтого света просачивались в темноту. Изнутри доносились приглушенные голоса, но слов было не разобрать.

Прижав Рона к себе, Брин из последних сил устремилась вперед. Постепенно темное здание обрело форму: одноэтажный приземистый дом с мансардой и остроконечной крышей — бревенчатый сруб на каменном фундаменте. Резное крылечко. На задах дома пристройка: хлев или конюшня. Две лошади и мул, привязанные к столбу, лениво шипали увядающую траву. Окна дома на ночь были закрыты ставнями, но свет масляных ламп проникал через щели между створками и в темном лесу был далеко виден.

— Еще капельку, Рон, — прошептала Брин, уже зная, что он не поймет ее слов, но звук ее голоса все же дойдет до него.

Только в дюжине футов от крыльца заметила девушка потертую вывеску, свисающую с карниза крыши: «ТОРГОВЫЙ ДВОР НА ГРАЧИНОМ ПРЕДЕЛЕ».

Вывеска слегка покачивалась под ночным ветерком, покореженная и побитая непогодой, краска вылиняла так, что едва можно было разобрать, что там написано. Брин прочитала и отвернулась. Какая разница, главное — там внутри люди.

Они вскарабкались на крыльцо, каким-то чудом не споткнувшись на расшатанных ступеньках. Брин нащупала ручку двери, и внезапно голоса в доме стихли. Девушка решительно потянула за ручку, и тяжелая дверь распахнулась.

Около дюжины лиц — наимерзейших на самом деле рож — повернулись к Брин и уставились на нее с изумлением и даже какой-то тревогой. Сквозь пелену дыма девушка разглядела: охотники-звероловы, бородатые и косматые, в одеждах из грубо выделанной кожи и звериных шкур. Неотесанные мужланы. Все они сгрудились у стойки, которая представляла собой пару досок, уложенных на перевернутые пивные бочки. Под стойкой кучей лежали невыделанные шкуры и мешки — по всей видимости, с провизией, — а перед ней стояло несколько столи-

ков с табуретами. С потолка на железных цепях низко свисали масляные лампы, их мутный свет едва разгонял темноту.

Обхватив обеими руками Рона, Брин стояла в дверном проеме и ждала.

— Да это же призраки! — пробормотал кто-то у стойки, и послышалось торопливое шарканье ног.

Из-за стойки вышел высокий худой мужчина без камзола, в одной рубаше и замызганном переднике. Он медленно покачал головой.

— Были б они мертвецами, они бы не стали входить через дверь, правильно? Они бы спокойно прошли сквозь стену!

Он пересек зал и остановился рядом с Брин.

— Что такое с тобой приключилось, девонька?

Только сейчас, сквозь зыбкую дымку усталости и боли, Брин сообразила, как же они с Роном, наверное, выглядят. Точно как блуждающие мертвецы, выбравшиеся из могилы: два валящихся с ног существа, висящих друг на друге, словно соломенные чучела, с лицами белыми от измождения, в мокрой, заляпанной грязью одежде. Голова Рона обмотана окровавленной тряпкой, и из-под повязки видны глубокие раны. А за спиной горца болтаются пустые потертые ножны. Да и сама она выглядит ничуть не лучше: лицо перепачкано, глаза затуманены. Будто призрачные видения, остановились они в дверном проеме, на пороге света, выступив из ночи...

Брин попыталась было заговорить, но слова не приходили.

— Эй, вы там, помогите! — рявкнул высокий мужчина собравшимся у стойки, а сам шагнул вперед, чтобы поддержать Рона. — Помогите, кому говорю!

Мускулистый егерь тут же присоединился к нему, и вместе они помогли Брин и Рону добраться до ближайшего столика и усадили их на низкие табуреты. Горец со стоном подался вперед, лег грудью на стол, и его голова бессильно поникла.

— Что с вами случилось? — повторил высокий мужчина, поддерживая Рона, чтобы тот не свалился на пол. — Да парень просто горит в лихорадке!

Брин тяжело слотнула.

— Мы шли через горы и потеряли коней там, у водопада, — солгала она. — Он был уже болен, но потом стало хуже. Пришлось идти пешком вдоль берега, пока мы не наткнулись на этот дом.

— Мой дом,— заметил мужчина.— Я тут торгую. Джефт, двойной эль этим ребятам.

Егерь скользнул за стойку к громадной дубовой бочке и нацедил по хорошей порции эля в две высокие кружки.

— А как насчет того, чтобы угостить всех за счет заведения, Стэбб? — окликнул хозяина суровый на вид детина с дальнего конца стойки.

Торговец только метнул на него свирепый взгляд, откинул со лба прядь изрядно поредевших волос и вновь обратился к Брин:

— В первый раз в этих горах, девонька? У нас тут есть штуки похуже самой злой лихорадки.

Брин молча кивнула, глотая слюну, чтобы смочить пересохшее горло. Но тут вернулся егерь с кружками эля. Он передал одну кружку Брин, а вторую поднес ко рту горца и поддерживал юношу, пока тот не сделал глоток. Рон поперхнулся, пытается и пить, и держать кружку. Егерь твердой рукой отвел кружку от губ горца.

— Эй, пусть пьет! — вновь подал голос детина за стойкой. А кто-то другой хохотнул:

— А, бесполезно! И так понятно, что он помирает!

Брин рассерженно взглянула на насмешника. Тот поймал ее взгляд и ленивой походкой направился прямо к девушке; лицо зверолова расплылось в наглой усмешке. Остальные последовали за ним, многозначительно перемигиваясь и похлохотывая.

— Есть проблемы, красotka? — Говорящий усмехнулся.

Брин вскочила. Не сознавая, что делает, девушка выхватила из-за пояса длинный кинжал и взмахнула им перед лицом наглеца.

— Ладно, ладно тебе.— Егерь Джефт был уже рядом. Он мягко оттащил Брин назад.— Это вовсе не обязательно.

Джефт повернулся лицом к нагловатому зверолову. Егерь был крупным высоким мужчиной, по сравнению с ним тот охотник казался просто коротышкой. Его дружки неуверенно переглянулись.

— Да брось ты, Джефт, ничего я такого не думал,— пробормотал присмиривший охотник и поглядел на Рона.— Просто вот интересно, что это за ножны. Эмблема уж больно похожа

на королевский герб или что-нибудь в этом роде. — Его сумрачный взгляд уперся в Брин. — А вы вообще откуда?

Он мгновение подождал, но Брин молчала.

— А-а, в общем, какая разница, — пожал он плечами и в сопровождении своих дружков направился обратно к стойке. И там они принялись шептаться, повернувшись спиной к залу.

Егерь мгновение смотрел на них, а потом подсел к Брин.

— Шайка бездельников, — вполголоса пробормотал он. — У них вроде как охотничий лагерь на западе Длинной гряды. Выдают себя за звероловов. А живут чем придется, больше — своей удачей. У них это так называется.

— С утра тут болтаются и выпивают. — покачал головой торговец. — Впрочем, ничего не скажу, монету платят исправно. — Он взглянул на Брин. — Ну как, получше тебе?

Девушка улыбнулась.

— Спасибо, намного лучше. — Она рассеянно поглядела на кинжал, который так и сжимала в руке. — Даже не знаю, что со мной такое. Что это вдруг на меня нашло...

— Ладно, забыли. — Егерь слегка похлопал ее по руке. — Ты просто устала.

Рон Лих глухо застонал и на мгновение поднял голову. Широко раскрытыми глазами горец невидяще уставился куда-то в пространство. А потом он снова обмяк, голова упала.

— Надо с ним что-то делать, — с тревогой проговорила Брин. — Как-нибудь вылечить лихорадку. Есть тут у вас что-нибудь, что может помочь?

Торговец озабоченно посмотрел на егеря и покачал головой.

— Честно скажу, не часто я видел, чтоб так лихорадило. Парень едва живой. Есть у меня одно лекарство. Попробуй, может, чего и получится. — Он опять покачал головой. — А лучше всего ему отоспаться как следует.

Брин молча кивнула. Ей даже думалось с трудом, сознание затуманилось — усталость одолела ее. Еще какое-то время Брин тупо глядела на кинжал у себя в руке, потом медленно засунула его обратно в ножны на поясе. Что, интересно, она собиралась с ним делать? За всю свою жизнь Брин не причинила вреда ни единому живому существу. Да, конечно, этот охотник с

Длинной гряды вел себя нагло, но представлял ли он для нее реальную угрозу? Выпитый эль растекся по телу приятным теплом. Да она просто устала и от этого стала такой взвинченной. А где-то глубоко внутри поселилось странное чувство потери, словно бы что-то ускользало, уносилось прочь...

— У меня тут особенно негде вас положить, — говорил торговец Стэбб. — В конюшне есть небольшой чуланчик. В сезон охоты надо всегда иметь каморку про запас, на всякий случай. Можете расположиться там. Там есть печка, кровать для твоего дружка, ну а тебе уж — солома, не обессудь.

— Да, конечно, большое спасибо, — пробормотала Брин и вдруг поняла, что плачет.

— Ну-ну. — Егерь приобнял ее за плечи, загораживая от тех, шепчущихся за стойкой. — Не нужно, чтоб они это видели, девочка. Сейчас тебе надо быть сильной.

Брин молча кивнула, вытерла слезы и поднялась.

— Все нормально.

— Одежда — в сарае, — проговорил торговец, поднимаясь вместе с нею. — Пойдем, мы вас проводим.

Торговец и егерь помогли Рону встать, и все четверо направились в заднюю часть дома через короткий темный коридор, куда выходили двери кладовых. Брин мимоходом взглянула на звероловов, склонившихся над кружками за стойкой, и поспешила за своими провожатыми, не обращая внимания на странные взгляды, которыми молодцы с Длинной гряды проводили ее.

Через низенькую деревянную дверь торговец, егерь, Рон Лих и Брин вышли на задний двор и направились к конюшне. Стэбб проскользнул вперед, быстро зажег масляную лампу, висевшую у входа на гвозде, и широко распахнул дверь чулана. Комнатка оказалась на удивление чистой, только воздух был чуть-чуть затхлым; по стенам висела конская упряжь. В углу, в каменной нише, стояла маленькая железная печка и рядом с ней — кровать. Два окна были закрыты крепкими ставнями.

Торговец и егерь бережно уложили горца на кровать и укрыли его одеялом. Потом зажгли в печке огонь, подождали, пока он как следует разгорится, и сходили за охапкой свежей соломы для Брин. А когда они уже собрались уходить, Стэбб по-

ставил лампу на каменную полочку рядом с печкой и обратился к девушке:

— Вот тебе средство от лихорадки.— Он протянул ей янтарного цвета бутылочку.— Два глотка, не больше. И еще два — утром.— Торговец с сомнением покачал головой.— Будем надеяться, это поможет, девонька.

И они с егерем направились к двери. Уже на пороге Стэбб оглянулся.

— Тут на двери защелка. Закройся как следует.

Торговец тихо прикрыл за собой дверь. Брин подошла и задвинула защелку. Ей было слышно, как снаружи переговариваются торговец и егерь.

— Дурная компания эти ребята с Длинной гряды,— проворкотал Джефт.

— Куда уж хуже,— согласился торговец.

Они мгновение помолчали.

— Пора мне идти,— произнес егерь.— Путь неблизкий — на пару часов.

— Удачной дороги,— ответил торговец.

— Да и сам ты поберегись этой шайки, Стэбб. Будь поосторожнее, ладно?

После этого голоса смолкли.

Брин вернулась к постели Рона. Она помогла горцу приподняться и заставила его проглотить лекарство, данное Стэббом. Как он и сказал: два глотка. Уложив Рона, Брин уселась у печки. И долго сидела в мертвой тишине, зябко кутаясь в одеяло. А на стене в неверном свете масляной лампы тень Брин подрагивала темным пятном, встав над девушкой, словно призрачный великан.

Догорающее полено громко затрещало в печи и осело в раздавшуюся под ним золу — Брин, вздрогнув, проснулась. Сидя на полу, она задремала, но даже не знала, сколько времени она спала. Девушка сонно протерла глаза и огляделась. В комнате было темно и тихо, фитилек едва теплился в масляной лампе — одинокий огонек в сгустившемся сумраке.

Почему-то это слабое пятнышко света напомнило ей об Алланоне. Брин до сих пор не могла смириться с тем, что друида больше нет. Вот и сейчас она ждала, что послышится настой-

чивый стук в дверь и знакомый низкий голос окликнет ее. Конечно, нелепо, но все-таки Брин ждала, что Алланон придет. Словно тень, которая появляется и исчезает, следуя движению света... Так сказал о нем Рон в ту последнюю ночь перед смертью друида...

Брин резко оборвала себя, почему-то вдруг устыдившись того, что она могла — пусть даже мысленно — произнести это слово. И все-таки Алланон умер, ушел из мира смертных, как должны уходить все, покинул Четыре земли. Отец забрал его в темную глубину. Быть может, туда, где Бремен несет свою вечную стражу. Брин на мгновение задумалась. Да, такое возможно. Алланон мог действительно уйти туда, чтобы быть вместе с отцом. Ведь он ей сказал: «Когда все закончится, Брин, ты найдешь меня здесь». Не значит ли это, что и Алланон определил себе существование в пустоте забвения, между мирами жизни и смерти?

На глаза навернулись слезы, но девушка быстро смахнула их. Нельзя позволить себе плакать. Теперь, когда Алланона больше нет, она осталась одна. Она должна быть сильной.

Рон Лих беспокойно заметался под одеялом, дыхание его стало неровным и хриплым. Девушка медленно поднялась и подошла к нему. Его лицо было сухим и горячим, черты заострились от лихорадки, терзающей ослабевшее тело. Рон дрожал, словно ему было холодно, а потом вдруг напрягся. Бесвязные слова слетели с побелевших губ.

«Что же мне делать, как помочь ему? — беспомощно спрашивала у себя Брин. — Ведь я совсем ничего не умею. Папа у меня — целитель, а я вообще ничего не знаю. Я дала ему это лекарство, торговец сказал, оно может помочь... Я укрыла его теплее... Но кажется, все это бесполезно. Что же еще я могу сделать?»

Она знала, что в тело горца проник яд Джахира. Алланон говорил, что этот яд разрушает не только тело, но и душу. Друид сам умер от этого яда. И хотя его раны были несравнимо страшнее ран Рона, Алланон все же друид. И силы в нем было больше, чем в горце. Даже простая царапина могла оказаться для Рона смертельной.

Брин опустила на пол рядом с кроватью и нежно взяла руки горца в свои. Ее защитник. Девушка улыбнулась печально — а кто теперь защитит его?

Словно быстрые шарики ртути, торопливо потекли воспоминания, беспорядочные и запутанные. Сколько они испытали, Брин с Роном... Для чего? Чтобы добраться до этой ночи отчаяния. И какой страшной ценой. Паранора больше нет. Алланон погиб. Даже меч Лиха — последнее реальное воплощение магии, которое еще оставалось у них, — безвозвратно утерян. Осталась лишь песнь желаний.

Но Алланон говорил, что песни желаний будет достаточно. Снаружи донесся какой-то звук: приглушенное шарканье ног по земляному полу конюшни. Только благодаря своим обостренным чувствам, доставшимся ей от эльфийских предков, могла Брин расслышать его. Она отпустила руки горца и вскочила, мгновенно забыв об усталости.

Кто-то подкрадывался к двери — тот, кто не хотел, чтобы его слышали.

Брин потянулась было к кинжалу за поясом, но опустила руку. Все равно она не сможет это сделать. И не станет.

Защелка звякнула и чуть сдвинулась.

— Кто там? — воскликнула Брин.

Снаружи раздалось приглушенное ругательство, и вдруг несколько тяжелых тел разом навалились на дверь. Брин невольно отпрянула, лихорадочно оглядываясь по сторонам в поисках какого-нибудь другого выхода. Его не было. Снова сильный удар в дверь. Защелка слетела с оглушительным скрежетом, и пять темных фигур ввалились в комнату; бледный свет масляной лампы тусклыми бликами заиграл на лезвиях длинных ножей. Пятеро ворвавшихся сгрудились на самой границе света и глядели на девушку, бормоча что-то и пьяно похохатывая.

— Пошли вон отсюда! — вскричала Брин, гнев и страх смешались в ее дрожащем голосе.

Слова эти были встречены взрывом смеха, и один из незваных гостей, тот, что стоял впереди, шагнул на свет. Брин тут же узнала его: один из этих ребят с запада Длинной гряды, которых торговец Стэбб назвал разбойниками и ворами.

— Красотка, — пробурчал он, — ну давай... иди к нам.

Все пятеро медленно двинулись вперед, растянувшись в цепочку поперек маленькой полутемной каморки. Можно, конечно, попробовать прорваться к двери, но это значит оставить

Рона одного, а Брин вовсе не собиралась этого делать. Снова рука легла на рукоять кинжала.

— Ух ты, а вот этого нам не нужно... — прошипел первый разбойник, подбираясь поближе. И внезапно рванулся вперед — Брин даже не думала, что после стольких кружек крепкого эля он сможет двигаться так быстро, — и схватил девушку за запястье, давя и выкручивая ей руку.

Брин пришлось отпустить кинжал. В то же мгновение и остальные обступили ее. Грубые руки схватили Брин за одежду и потянули вниз, на пол. Она отчаянно отбивалась, но их было пятеро, и они были намного сильнее ее и к тому же не особенно церемонились: Брин досталась пара увесистых тумачков. И вдруг что-то сорвалось в ней, соскочило, как та защелка вышибленной двери. Все вокруг будто рассыпалось и пропало в ослепительной вспышке гнева. И то, что случилось потом, было проявлением инстинкта, быстрого, грубого и безжалостного. Брин запела, и песнь желаний звучала по-новому, совсем не так, как раньше. Трепещущей яростью песнь разлилась в сумраке комнаты, и ярость эта шептала о смерти и о бессмысленном разрушении. Разбойники отпрянули от девушки, широко раскрыв рты, вытарашив глаза и зажимая руками уши. Тела их корчились в судорогах, пока песнь желаний терзала их чувства и сокрушала разум. И в зове заклęcia звенело безумие — бешеное, несущее боль.

Звук, словно клещи, сжимал пятерых молодцов с Длинной гряды. Отпихивая друг друга, пятились они обратно, к двери, в которую две минуты назад так браво вломились. Вопли их вторили гневной песни Брин. И все же девушка не остановилась — она продолжала петь. Так силен был ее гнев, что уже ничто не могло сдержать его. За дверью испуганно заржали кони и неистово забились в своих стойлах, крича от боли, пронзающей их голосом Брин.

Наконец пятеро наглецов отыскали открытую дверь и с оглушительными стонами вывалились из комнаты. Кровь текла у них изо рта, из ушей, из ноздрей. Дрожа как в лихорадке, они закрывали руками лица; их пальцы, словно когти, вонзались в кожу. Слепление гнева внезапно покинуло Брин, и она снова увидела тех пятерых. И еще она увидела торговца Стэбба. Он шагнул было к ней из темноты, но вдруг замер и попятил-

ся, отчаянно замахав руками. На его лице отразился ужас. Вместе с чувством вины к Брин возвратился разум, и песнь желаний оборвалась.

— О, проклятье!..— воскликнула девушка и без чувств упала на пол.

Настала полночь. Торговец оставил Брин и ушел к себе, пряча испуганный взгляд. На темной поляне дремучего леса, который окружал торговый двор на Грачином пределе, было тихо.

Брин съезжилась на полу рядом с железной печкой. Стэбб принес еще дров, и пламя вновь заплясало в печурке, рассыпая искры и потрескивая в тишине. Брин сидела словно испуганный ребенок, подтянув к подбородку колени и крепко обхватив их руками. Мысли ее были темны и исполнены тихой злобы. Будто черные демоны, проносились в сознании слова Алланона. Те слова, которым она не хотела верить и которые не желала даже слышать. «Песнь желаний — могучая сила, и нет равных этой силе. Она защитит тебя. И доведет до конца твои поиски. И уничтожит Идальч».

«Или же уничтожит меня,— ответила Брин своим мыслям.— Или тех, кто окажется рядом. Она может убить. И может заставить меня убивать».

Тело девушки онемело, и она переменяла позу, чтобы облегчить боль в сведенных мышцах. В черных глазах застыл страх. Не отрываясь, глядела Брин сквозь решетчатую заслонку на пламя, пляшущее в печи. Она могла бы убить тех пятерых с Длинной гряды, с каким-то безысходным отчаянием думала Брин. Она бы убила их, если бы они не убралась из комнаты, если бы вовремя не отыскали дверь.

В горле у Брин пересохло. Как сделать так, чтобы подобного больше не случилось? А если в следующий раз ее опять вынудят обратиться для защиты к заклятию?

За спиной у нее глухо застонал Рон и вновь заметался под одеялом. Девушка медленно повернулась к нему и, склонившись, провела ладонью по горячему лбу. Горец побледнел еще больше, теперь его кожа приобрела мертвенно-серый оттенок. Лицо осунулось и пылало. Дыхание стало неглубоким и хриплым, как скрежет рашпиля, словно каждый вдох требовал напряженных усилий. И с каждым вдохом сил оставалось все меньше.

Брин в отчаянии замотала головой, опускаясь на колени. Укрепляющее лекарство не помогло. Рону стало лишь хуже — он слабел с каждой секундой, яд все глубже и глубже проникал в его организм, иссушая жизненные силы. Если это не остановить сейчас, Рон умрет...

Как Алланон.

— Нет,— горячо прошептала Брин и стиснула руки горца, словно этим нехитрым жестом могла остановить жизнь, заходящую из его тела.

И в это мгновение она поняла, что надо делать. «Та, кто спасает и разрушает» — так называл ее дух Бремена. Что ж, хорошо. Для разбойников с Длинной гряды она была той, кто разрушает. Быть может, теперь она станет той, кто спасает?

Не выпуская его вялых рук, Брин наклонилась ниже, к самому уху горца, и запела. Тихая нежная песнь желаний лилась с ее воспаленных губ и растекалась незримым дымком в воздухе между ней и принцем Лиха. Очень бережно голос девушки проникал в горца, исследуя каждую клеточку тела в поисках источника боли, в поисках яда, убивающего его сейчас.

«Я должна попытаться,— твердила Брин про себя.— Должна! Иначе к утру он умрет, отравленный страшным ядом — ядом, который разрушает и тело, и душу. Так сказал Алланон. Но быть может, сила эльфийской магии уничтожит этот яд. Быть может, она исцелит Рона».

Она продолжала петь; нежная мелодия волшебной песни окутала горца мягким покровом и словно унесла с собой, возвращая к ней, к Брин. И постепенно Рон перестал дрожать и метаться, успокоенный тихой песнью. Напряжение тоже спало — тело горца расслабилось, дыхание стало ровнее и глубже.

Время тянулось мучительно медленно, девушка не прекращала петь и ждать перемены, которая — она чувствовала — должна наступить. А когда наконец это случилось, все произошло так внезапно, что Брин едва совладала с собой. Из распростертого на постели тела яд Джахира поднялся алым туманом и завис над горцем, зловеще клубясь в мутном свете масляной лампы. Но голос Брин не дрогнул, песнь желаний заполнила собою пространство между алым туманом и телом Рона, ограждая юношу от прикосновения отравленных испарений. А потом туман рассеялся, пропал.

Лицо Рона покрылось испариной, оно больше не было напряженным, дыхание выровнялось. Брин смотрела на горца сквозь пелену слез. Песнь желаний умолкла.

«У меня получилось, — вновь и вновь повторяла девушка. — Я это сделала. Использовала магию для добра. На этот раз я спасла — не разрушила».

Не вставая с колен, Брин уткнулась лицом в грудь Рона и крепко обняла его. Через мгновение она заснула.

Глава 28

Они задержались в торговом дворе еще на два дня, чтобы Рон набрался сил для дальнейшего путешествия на восток. К утру лихорадка прошла; горец чувствовал себя отдохнувшим, но все-таки был еще слаб для пешего перехода. Брин попросила торговца Стэбба позволить им остаться у него еще на денек, и тот согласился. Мало того, он снабдил их всем необходимым: едой, элем, лекарствами и теплыми одеялами. И при этом ни за что не хотел брать с Брин плату. Он счастлив просто помочь им, уверил Стэбб девушку. Но Брин чувствовала, что их присутствие беспокоит торговца. Ни разу после той ночи Стэбб не решился взглянуть в глаза девушке. И она хорошо понимала, что происходит. Торговец был добрым и порядочным человеком, но теперь он боялся ее и того, что она может с ним сделать, скажи он хоть слово против. Скорее всего, он бы и без того им помог, но страх прибавлял ему рвения. А может, он инстинктивно чувствовал, что это лучший способ поскорее избавиться от Брин.

Большую часть времени девушка проводила в чуланчике на задах конюшни, ухаживая за Роном. Она рассказала ему обо всем, что случилось с ними после гибели Алланона. И странно, ей вдруг стало легче. Хотя оба — и Рон, и Брин — еще не оправались от потрясения после всего, что произошло, теперь, когда они поделились друг с другом своими чувствами, к ним вновь вернулась решимость: они пойдут дальше и во что бы то ни стало закончат поиск, который начинали вместе с друидом. Теперь горец и девушка еще больше сблизились. После гибели Алланона они могли положиться лишь друг на друга, больше у них никого не было. И Брин с Роном по-новому оце-

нили то, что они сейчас вместе, вдвоем. Они проговорили весь день. О своем выборе, который был сделан и привел их к нынешнему положению. И о выборе, который, возможно, их еще ожидает.

Но кое о чем Брин все же умолчала. Было то, что она не смогла бы открыть даже Рону — самому близкому теперь человеку. О том, как Алланон отметил ее кровью, сочившейся из его растерзанного тела. И кровь эта каким-то непостижимым образом связала их, даже через смерть. А еще Брин никак не могла сказать горцу, для чего она вызвала песнь желаний: в первый раз — в ярости, чтобы погубить человеческую жизнь, а во второй раз — в отчаянии, чтобы спасти ее. Нет, никак не могла. Отчасти потому, что и сама толком не знала, как это вышло, отчасти же потому, что все это пугало ее настолько, что Брин просто хотелось все забыть. А не забыть, так хотя бы больше не думать. Кровавый ритуал был загадочен и непонятен, а цель его — темна, чтобы сейчас говорить об этом; а песнь желаний была вызвана чувствами, которым — Брин поклялась себе — она никогда больше не даст выхода.

И была еще одна причина, почему Брин не хотела открыться Рону. Горец слишком сильно переживал потерю меча Лиха — так убивался, что, похоже, уже ни о чем другом не мог думать. Он должен вернуть этот клинок, твердил Рон снова и снова. Он будет искать и отыщет его, чего бы это ему ни стоило. Настойчивость Рона пугала Брин: меч стал так важен для горца, словно был частью его существа. Рон уже не верил, вдруг догадалась Брин, что переживет этот поход, если только не отыщется меч. Отчего-то Рон вбил себе в голову, что без меча он погибнет. И Брин было страшно.

Слушая Рона и изумляясь тому, как сильно стал он зависеть от магической силы меча Лиха, девушка тоже стала задумываться о своей связи с песнью желаний. Раньше она говорила себе: «Это просто забава!» Но оказалось, что это не так. Магия эльфов совсем не забава, она столь же опасна, как и то колдовское могущество, которое несет в себе пропавший меч Лиха. Она способна убивать. Она действительно оказалась тем, о чем всегда говорил отец: опасным и странным наследством. И лучше бы его вообще не было. Да и Алланон предупреждал: «Нет силы, равной силе заклятия». Брин слушала Рона, но в

мыслях ее темным вихрем кружились лишь эти слова. Сила, которой нет равных. Сила исцеляющая и сила уничтожающая — она испытала обе. Быть может, она, как и Рон, тоже попала под власть магии? Кто из них кем владеет: Брин магической силой или наоборот?

Девушка знала, в свое время отец тоже искал ответ на этот вопрос. И его битва была не из легких. Именно битва. Вил Омсфорд боролся с собой, чтобы утвердить свое господство над магической силой, заключающейся в эльфийских камнях. И он выдержал эту битву, испытал ошеломляющую мощь магии эльфов, а потом отказался от нее навсегда. И все-таки даже за краткий миг могущества ему пришлось расплатиться — магическая сила эльфинитов проникла в кровь и плоть Вила и передалась его детям. И теперь, может быть, грядет новая битва. Но что будет, если на этот раз сила вырвется из-под контроля?

Незаметно приблизился вечер. Брин и Рон съели принесенный торговцем ужин и молча смотрели, как за окном сгущается сумрак. Вскоре Рону захотелось спать. Девушка оставила его в комнате, а сама тихо выскользнула во двор, в прохладу осенней ночи, чтобы подышать свежим воздухом, пропитанным запахом прелых листьев, и посмотреть, как в темном небе загораются яркие звезды и встает белый серп луны. Проходя мимо торгового двора, Брин увидела Стэбба. Торговец сидел на пустой веранде, удобно устроившись на стуле с высокой спинкой, и лениво попыхивал трубкой. Он был один — в этот вечер никто не зашел к нему выпить или просто поболтать.

Девушка подошла к нему.

— Вечер добрый, — как-то поспешно проговорил Стэбб и резко выпрямился на стуле, словно собирался рвануться прочь.

Брин кивнула.

— Утром мы уйдем. — Ей показалось, что в темных глазах торговца промелькнуло облегчение. — Но прежде я хотела поблагодарить за помощь.

Он покачал головой.

— Да ладно, чего уж. — Стэбб помедлил и нервным жестом откинул со лба прядь волос. — Я вот подумал, не собрать ли чего вам в дорогу. Наверняка что-то нужно. Хотя бы на первые несколько дней.

Брин не стала спорить. Все равно возражать бессмысленно — надо принять, что дают.

— Есть у тебя какой-нибудь лук? — спросила она, вдруг подумав о Роне. — Ну, чтобы мы смогли поохотиться по пути...

— Охотничий лук? Сказать по правде, как раз один есть. — Торговец уже вскочил на ноги. Он умчался в дом и через несколько мгновений вернулся с луком и целым колчаном стрел. — Вот, возьми. И давай так: ты мне ничего не должна, — решительно сказал Стэбб. — Крепкий, хороший лук. Он все равно теперь твой. Эти парни, которых ты разогнала, так спешили, что все тут позабывали. — Он внезапно замолчал и неловко покашлялся. — Ну, в общем, бери, и все.

Стэбб положил лук и стрелы перед Брин, плюхнулся обратно на стул и принялся нервно постукивать пальцами по деревянным подлокотникам.

Брин подняла оружие с пола.

— На самом деле, конечно, он не мой, — тихо сказала она. — И особенно после того... что случилось.

Торговец внимательно изучал носки своих ботинок.

— Ну так и не мой тоже. Бери, бери, девонька.

Наступила долгая тишина. Торговец глядел мимо Брин в темноту, упорно избегая встречаться с девушкой взглядом. Брин покачала головой.

— Ты что-нибудь знаешь о землях к востоку отсюда? — спросила она наконец.

Стэбб продолжал глядеть в сторону.

— Да почти ничего. Нехорошие там места.

— А есть кто-нибудь, кто знает?

Торговец не ответил.

— А егерь, который был здесь той ночью?

— Джефт? — Торговец помедлил. — Наверное. Он во многих местах побывал.

— И как мне его найти? — не отступалась Брин, испытывая какое-то странное беспокойство из-за скрытности Стэбба.

Торговец нахмурился. Он явно обдумывал, как лучше ответить. И наконец, в первый раз за все время, взглянул прямо в глаза Брин:

— Ты ведь не причинишь ему никакого вреда, да, девонька?

Брин печально посмотрела на него и покачала головой.

— Нет, никакого вреда.

Еще мгновение торговец пристально глядел на нее, а потом вновь отвернулся.

— Он, знаешь ли, мой большой друг. — Стэбб указал рукой в сторону Гремящего потока. — Его дом в нескольких милях вниз по реке. На южном берегу.

Брин кивнула. Она собралась уже идти к себе, но внезапно остановилась.

— Я точно такая же, какой была той ночью, когда ты помог мне, — тихо сказала девушка.

Торговец нервно зашаркал ногами по деревянному полу.

— Может, просто мне так больше не кажется.

У Брин что-то сжалось в горле.

— Знаешь, тебе не нужно меня бояться. На самом деле не нужно.

Стэбб прекратил шаркать ногами и снова уставился на носки ботинок.

— Я и не боюсь, — очень тихо произнес он.

Брин ждала, что он скажет что-то еще, но торговец молчал. Девушка повернулась и ушла во тьму.

На следующее утро, едва рассвело, Брин и Рон покинули торговый двор на Грачином пределе и отправились дальше, на восток. Стэбб дал им с собой немного провизии и одеяла. Горец и девушка коротко попрощались с торговцем и ушли своей дорогой. Оглянувшись, Брин заметила, что тот с беспокойством смотрит им вслед.

День выдался теплый и ясный. Брин и Рон шли по южному берегу Гремящего потока, вниз по течению реки. Запах прелых листьев и шорохи лесной жизни окружали их. С далекого теперь Вольфсктаага прилетел западный ветер; опадающие с ветвей листья лениво кружились, подхваченные его ласковым дуновением, и разноцветным ковром устилали землю. Тропинка, бегущая среди деревьев, то поднималась по пологим склонам, то спускалась в лощины. Потревоженные звуком шагов, пушистые белки и бурундуки разбегались в разные стороны. Зверюшки уже готовились к долгой зиме, которая в этот погожий день казалась такой далекой.

Ближе к полудню девушка с горцем остановились передохнуть, усевшись на поваленный ствол, полый и изъеденный червями. В дюжине ярдов от них блестела вода Гремящего потока; коряги и ветки, подхваченные течением, неслись на восток, кружась и сплетаясь замысловатым узором.

— Но мне все-таки трудно поверить, что его больше нет, — тихо сказал Рон, глядя на реку.

Брин не надо было спрашивать, кого он имеет в виду.

— И мне тоже, — так же тихо произнесла она. — Мне иногда даже кажется, что на самом деле он не умер... что я просто ошиблась и поняла все неправильно. Что надо только набраться терпения — и он вернется. Как возвращался всегда. Это так странно...

— Разве? — пробормотал Рон. — Знаешь, если бы он вернулся сейчас, я бы даже, наверное, не удивился...

Брин очень долго смотрела на горца.

— Он умер, Рон.

Не сводя взгляда с реки, горец кивнул.

— Да, я знаю. — Он помолчал, прежде чем продолжить. — Как ты думаешь, Брин, можно было тогда что-то сделать, чтобы спасти его?

Рон наконец повернулся и поймал взгляд девушки. Брин с горечью улыбнулась. Она поняла, о чем он спросил ее. Мог ли он что-то сделать, чтобы спасти Алланона.

— Нет, Рон. Он знал, что умирает. Ему было предсказано, что он не дойдет до конца нашего похода. И знаешь, мне кажется, он принял это. Покорился неизбежному.

Рон покачал головой.

— Но я бы ни за что не смирился...

— Я бы тоже, наверное, — согласилась Брин. — Быть может, поэтому он ничего нам и не сказал. Эта его покорность... нам ее никогда не понять. Как никогда не понять и его самого.

Горец подался вперед и обхватил руками колени.

— Значит, последний друид ушел из мира, и теперь остались лишь мы с тобою, чтобы противостоять черным странникам. — Он безнадежно потряс головой. — Мне нас жалко.

Брин в растерянности опустила глаза и уставилась на свои руки, сложенные на коленях. Она почему-то вдруг вспомнила, как Алланон, уже умирая, прикоснулся рукой к ее лбу. И на пальцах его была кровь. Девушка невольно поежилась от воспоминаний.

— И мне нас жалко, — тихим эхом отозвалась она.

Они посидели еще немного в полном молчании, а потом пошли дальше, на восток. Через час путники вышли к долине и перебрались через мелкую речку, которая ответвлялась от

главного русла стремительного Гремящего потока и лениво текла по каменистому дну оврага. И тут девушка с горцем увидели маленький бревенчатый домик — наверное, в одну только комнату, — приютившийся среди деревьев на вершине невысокого бугра. За домиком был небольшой загон, а в загоне — маленькое стадо коз, овец и одна корова. Заслышав шаги Брин и Рона, с крыльца приподнялся старенький охотничий пес и, вместо того чтобы залаять, довольно потянулся.

На дальнем конце поляны голый по пояс егерь рубил дрова. Уверенными, умелыми ударами топора с необычно длинным топорщиком расщеплял он огромную колоду, установленную на широком пне. Прежде чем повернуться к гостям, Джефт закончил с поленом, а потом вогнал топор в пень и, сложив огромные руки на топорнице, просто ждал, когда Брин с Роном приблизятся к нему.

— Доброе утро, — поздоровалась Брин.

— Утро доброе, — кивнув, ответил егерь. Похоже, он вовсе не удивился, что они пришли сюда. — Ну что, я смотрю, тебе лучше? — обратился он к Рону.

— Намного лучше, — улыбнулся горец.

Джефт махнул рукой в сторону дома.

— Там на крыльце — ведро с водой. Каждый день приношу с холмов свежую.

Егерь провел Брин и Рона к крыльцу, и все трое вдоволь напились, а потом уселись здесь же, прямо на крыльце. Егерь достал свою трубку и кисет с табаком. Он предложил кисет гостям, но те вежливо отказались. Джефт набил трубку и с удовольствием закурил.

— Ну что, в торговом дворе все нормально? — небрежно спросил он. Ответом была тишина. — До меня дошли слухи о том, что случилось с шайкой с Длинной гряды. — Он внимательно посмотрел на Брин. — Здесь молва разносится быстро. Быстрее, чем ты даже можешь представить.

Девушка твердо выдержала его взгляд.

— Торговец сказал нам, где тебя найти, — сообщила она. — Он думает, что ты, наверное, сможешь помочь.

Егерь невозмутимо попыхивал трубкой.

— В чем это?

— Он сказал, что ты хорошо знаешь эти края. Лучше, чем кто бы то ни было.

— Да, я давно тут живу,— согласился Джефт.

Брин подалась вперед.

— Мы и так уже в долгу перед тобой за то, что ты помог нам тогда в торговом дворе. Но нам снова нужна твоя помощь. Нам нужно узнать дорогу через страну, которая лежит к востоку отсюда.

Егерь быстро взглянул на нее и вновь поднес трубку к губам.

— К востоку отсюда? Вы говорите о Темном пределе?

Горец и девушка разом кивнули. Егерь с сомнением покачал головой.

— Очень опасные это места. Никто не станет соваться в Темный предел, если можно его обойти.— Он опять поглядел на Брин.— Ну и как далеко тебе нужно забраться туда?

— В общем-то, далеко,— тихо сказала Брин.— То есть пройти весь. А потом — через Старую пустошь и Вороний срез.

— Ты полоумная, как стая соек,— объявил егерь, затем выбил из трубки пепел и каблуком сапога втоптал его в землю.— Это страна гномов и странников. А еще там есть твари пострашнее, ты уж мне поверь. Живыми вам оттуда не выйти.

Брин и Рон ничего не ответили на это. Пошипывая короткую бороду, Джефт еще мгновение изучал лица гостей и наконец пожал плечами.

— Впрочем, у вас, наверное, есть на то причины, иначе бы вы туда не рвались. Все это — ваше дело, и я в него лезть не буду, но скажу: вы сейчас совершаете большую ошибку — может быть, даже самую большую ошибку за всю вашу жизнь. Звероловы и те держатся подальше от этих мест. Люди там пропадают, как дым. Растворяются без следа.

Он замолчал и ждал ответа. Брин быстро взглянула на Рона и вновь повернулась к егерю.

— Мы должны идти. Ты сможешь нам помочь?

— Я? — Джефт криво усмехнулся и покачал головой.— Только не я, девонька. Если бы даже я с вами пошел — только уж я не пойду, потому что мне жизнь дорога,— то все равно заблудился бы в первый же день.— Он помолчал, обводя их пронизательным взглядом.— Но ваше намерение, кажется, твердо?

Брин только молча кивнула. Она ждала, что еще скажет Джефт.

Егерь вздохнул.

— Ну, раз вы уверены, что хотите именно этого, тогда я скажу вам, кто может помочь.— Он с силой дунул в трубку, чтобы прочистить ее, и скрестил огромные руки на широкой груди.— Есть тут один старик, Коглин его зовут. Ему уж за девяносто, если он еще жив, конечно. Два года мы с ним не виделись, так что я даже точно не знаю, здесь он сейчас или нет. Но два года назад он жил себе преспокойно в самом центре Темного предела у скалы, похожей на громадную трубу, что зовется Каменным очагом. Вот он бы, наверное, смог вам помочь.— Джефт с сомнением покачал головой.— Я, конечно, укажу вам, куда идти, вот только дорог-то там почти нет. Это дикая страна. Так далеко на востоке живут только гномы.

— И ты думаешь, он нам поможет? — с беспокойством переспросила Брин.

Егерь пожал плечами.

— Он знает страну. Всю жизнь там прожил. Выползает оттуда не чаще чем раз в году. А за последние два года и вообще не показывался. Я уж не знаю, каким чудом ему удастся выжить в этих дебрях.— Джефт приподнял брови.— Он стреляный воробей, старый Коглин. Сумасшедший, как рыба, плывущая по траве. Да от него больше забот, чем помощи.

— У нас все будет в порядке,— уверила Брин.

— Может быть.— Егерь оглядел девушку с головы до ног.— Ты слишком красивая девочка для того, чтобы шастать по этой стране, даже с твоей волшебной песнью. Здесь ведь не только вору и разбойнику. На твоём месте я бы еще раз подумал, прежде чем соваться туда.

— Мы уже думали.— Брин поднялась.— И все решили.

Егерь кивнул.

— Можете взять с собой столько воды, сколько унесете. Уж по крайней мере от жажды не умрете.

Джефт специально сходил к ручью, протекающему между холмами за домом, и помог им наполнить фляги. А потом вновь уселся и начертил на земле перед крыльцом грубую карту, объясняя Рону и Брин, как добраться до Каменного очага.

— Поберегите себя,— сказал он на прощание и крепко пожал им руки.

Горец и девушка закинули дорожные мешки за плечи и тронулись в путь. Егерь не отрываясь смотрел им вслед. И такой у него был взгляд, словно Джефт и не надеялся, что им удастся вернуться.

Глава 29

Два дня они шли по дремучим лесам, следуя всем изгибам и поворотам русла Гремящего потока, и ближе к вечеру второго дня вступили в Темный предел. Идти пришлось медленно — силы постепенно возвращались к Рону, но горец еще до конца не оправился. После двух дней пути он чувствовал себя совершенно измотанным и после недолгой вечерней трапезы сразу уснул.

А Брин еще долго сидела, глядя на пламя костра. Мрачные мысли и воспоминания не оставляли ее. Девушка стала уже засыпать, как вдруг ей показалось, что Джайр где-то здесь, совсем рядом. Она неуверенно огляделась, ища его. Но нет, конечно, его тут не было, да и здравый смысл подсказывал Брин, что брат сейчас далеко, очень далеко. Девушка печально вздохнула, потом засыпала землей костер и улеглась, завернувшись в теплое одеяло.

Только к вечеру третьего дня пути впереди показалась одинокая скала, вырисовываясь вдалеке мутно-черным пятном. Брин и Рон тут же узнали ее по описаниям егеря Джефта. Они добрались наконец до Каменного очага.

На фоне пожухлых уже красок осени скала возвышалась темным силуэтом над неглубокой, густо заросшей лесом долиной, — суровый каменный шпиль застыл, словно воин на страже. Действительно, силуэт Каменного очага походил на печную трубу, сложенную из неровных камней, грубо обтесанных непогодой и временем. Тишина, будто застывший туман, висела над тенью скалы. И скала эта, терпеливая и одинокая, неодолимо манила к себе из безбрежных лесов Темного предела.

Путники остановились на вершине высокой гряды и как зачарованные смотрели на этот маяк. В сознании Брин зазвучал чей-то шепот, зовя сквозь усталость и неуверенность, и внезапно чувство покоя и мира овладело ею. Вот и еще один от-

резок долгого пути на восток остался позади. Воспоминания о прошлых бедах и горестях, зловещие предостережения — все казалось теперь поразительно далеким. Брин улыбнулась Рону, и эта радостная улыбка несказанно поразила горца. Девушка нежно прикоснулась к его руке и направилась вниз по пологому склону долины.

Едва различимая тропинка змеилась сквозь плотную стену громадных деревьев. Солнце клонилось к западу, и лес вновь сомкнулся темным кольцом вокруг путешественников. Они осторожно спускались, переступая через поваленные стволы и огибая острые скалистые выступы. На дне долины тропинка стала шире, но потом пропала в высокой траве. Густой подлесок и завалы упавших стволов здесь, внизу, стали реже. Сквозь сплетенные ветви струился мягкий свет солнца, разгоняя лесной полумрак. Теперь в лесной чаше то и дело встречались полянки. Земля стала мягче, каменное крошево сменялось ковром из тонких веточек и опавших листьев, тихо шуршащих под ногами Рона и Брин.

Дремучие леса окружали долину. Но здесь, внизу, было светло, спокойно и все как будто знакомо. Девушка вдруг поймала себя на том, что уже давно думает о Тенистом Доле. Звуки жизни: писк насекомых, тихий топот лесных зверюшек, всплески движения среди деревьев, даже тепло и свежий запах осеннего леса — все было точно таким же, как и в маленькой деревеньке Южных земель. Только там еще есть большая река, Раппахалладран, но зато здесь, в долине, множество чистых ручьев лениво журчали, пересекая дорогу путникам. Брин глубоко вдыхала теплый осенний воздух. Неудивительно, что старик Коглин избрал своим домом эту мирную долину.

Время шло — путешественники углубились в лес. То и дело в просветах между сплетенными, как паутина, ветвями мелькала темная глыба Каменного очага, возвышаясь черной тенью на фоне синего неба. Брин с Роном шли молча, утомленные долгим дневным переходом. Но осталось уже совсем немного — цель их похода была рядом. Наконец Рон Лих резко остановился, глядя куда-то вперед, и предостерегающе положил ладонь на плечо Брин.

— Ты слышишь? — прошептал он.

Брин кивнула. Она тоже слышала голос — тонкий, едва различимый, но, без сомнения, человеческий. Горец с девушкой

подождали еще мгновение и, определив направление, откуда доносился голос, зашагали прямо туда. На какое-то время стало тихо, но потом голос зазвучал снова, уже громче и как будто сердито.

— Лучше тебе вылезать, и немедленно! — ясно раздался высокий и резкий, немного скрипучий голос. — Мне недосуг тут с тобою играть!

Затем последовало неразборчивое бормотание и приглушенные проклятия. Брин и Рон с недоумением переглянулись.

— Выходи, выходи, я кому говорю! — взвился голос и вновь перешел в сердитое ворчание. — Нет, надо было оставить тебя там, в болоте... это все мое доброе сердце.

Потом — очередная порция ругательств и громкий хруст, словно кто-то ломился через иссохший подлесок.

— У меня тоже есть кое-что, так и знай! Всякие разные штуки! Такой вот порошок: бац — и земля разрывается прямо под тобой! И одно зелье, что завяжет тебя узлом! Думаешь, ты у нас самый умный... Вот посидишь у меня на привязи, тогда узнаешь! Посмотрим, как ты тогда поскачешь! Никудышная тварь, одни от тебя неприятности! Вот брошу тебя тут, и все! Поглядим, как тебе это понравится! Держу пари, вся твоя прыть улетучится! А ну вылезай! Сейчас же!..

Брин и Рон вышли из зарослей, загораживающих обзор, и оказались на краю поляны с широким спокойным озерцом в самом центре. По высокой траве на четвереньках ползал старик, беспорядочно тычась в разные стороны. Заслышав шаги путешественников, он тут же вскочил на ноги.

— Ага! Все-таки ты соизволил!.. — Увидев девушку с горцем, старик резко замолчал. — А вы еще кто такие? Нет, все равно. Мне это неинтересно. Убирайтесь отсюда. Обратное, откуда пришли!

Он отмахнулся от них обеими руками, вновь опустился на четвереньки и принялся ползать по краю поляны, шаря руками в траве. Его тонкие руки походили на иссохшие кости скелета, а тощее сгорбленное тело — на обломок сухой коряги. Густые седые волосы торчали в разные стороны, как будто их давно не касался гребень, равно как и длинной лохматой бороды. Старик был одет в зеленый охотничий костюм и короткий плащ, вылинявший и потрепанный. Брин и Рон с недоумением смотрели на него, а потом озадаченно переглянулись.

— Это просто смешно! — бушевал старик, обращая свое возмущение к безмолвным деревьям на опушке леса. Он оглянулся и увидел, что путешественники еще здесь. — Так, ну а вы чего ждете? Убирайтесь отсюда! Это мой дом, и я вас не приглашал! Кыш, кыш отсюда!

— Ты тут живешь? — спросил Рон, не без сомнения оглядевшись по сторонам.

Старик посмотрел на него как на законченного идиота.

— Ты что, не слышал, что я сказал? А что я, по-твоему, здесь делаю в такой час?

— Ну не знаю, — примирительно пробормотал горец.

— В такой час человек должен быть дома! — ворчливо продолжал старик. — А собственно говоря, что вы тут делаете? У вас что, нет дома?

— Мы пришли издалека, из Тенистого Дола, что в Южных землях, — попыталась было объяснить Брин, но старик лишь тупо глядел на нее. — Это в краях за Радужным озером, в нескольких днях конного перехода. — (Выражение лица старика не изменилось.) — А сюда мы пришли, чтобы найти одного человека, который...

— Кроме меня, никого тут нет. — Старик покачал головой. — Ну и еще Шепоточек, только я что-то его не найду. Где, как вы думаете...

Он рассеянно замолчал и, отвернувшись от путешественников, возобновил свои поиски кого-то, кого он потерял и никак не мог отыскать. Брин с сомнением поглядела на Рона.

— Подожди! — окликнула она старика, который резко обернулся на зов. — Нам егерь рассказал про этого человека, он живет здесь, и зовут его Коглин.

Старик лишь пожал плечами.

— Никогда о таком не слышал.

— Ну, может быть, он живет где-нибудь на другом конце долины. Ты не скажешь нам, где...

— Ты меня совсем не слушаешь, — раздраженно перебил старик. — Я уж не знаю, откуда вы там пришли, да мне, в общем-то, и безразлично, но готов поклясться, что вокруг вашего дома не шастают всякие странные чужаки, верно ведь? А еще я готов поклясться, что вы знаете всех, кто живет там или заходит время от времени! С чего это вы вдруг взяли, что со мной должно быть по-другому?

— Ты хочешь сказать, что вся эта долина — твой дом? — недоверчиво переспросил Рон Лих.

— Ну конечно, это мой дом! Я вам твержу уже полчаса, сколько можно?! А теперь убирайтесь и оставьте меня в покое!

Он нетерпеливо постукивал по земле подошвой стоптанной сандали и ждал, что чужаки наконец уйдут. Но девушка с горцем стояли на месте.

— Это — Каменный очаг? — давил Рон, уже начиная сердиться на сварливого старикашку.

Тот решительно поджал губы.

— А если так, то что?

— Ну если так, то здесь должен жить человек по имени Коглин. По крайней мере, два года назад он тут жил. Нам сказали, что он поселился здесь очень давно. И если ты тоже живешь здесь хотя бы пару лет, ты обязательно должен о нем знать!

Старик мгновение помолчал, задумчиво хмуря мохнатые брови. А потом уверенно покачал головой.

— Я ведь сказал уже: я о нем даже не слышал. Никого с таким именем здесь нет. Нет и не было никогда. Никогда.

Но Брин показалось, что в глазах старика промелькнуло какое-то хитрое выражение. Она шагнула вперед.

— Но это имя тебе знакомо, правда? Коглин — ты знаешь его.

Но старик не отступался.

— Может, знаю, а может, и нет. Но вам все равно не скажу!

Брин ткнула в него пальцем.

— Это ты Коглин?

Старик скорчился от смеха.

— Я? Коглин? Ха-ха-ха, вот это был бы номер! Ох, вот уж был бы подарочек на самом деле! Ха-ха-ха, умру от смеха!

Горец и девушка с изумлением глядели, как старик повалился на землю, заходясь в истерическом хохоте. Рон взял Брин за руку и подтянул поближе к себе.

— Черт возьми, Брин, ясно же: старик сумасшедший! — прошептал он.

— Что ты сказал? Я — сумасшедший? — Старикашка вмиг вскочил на ноги, его обветренное лицо вспыхнуло от гнева. — Надо было бы тебе показать, до какой степени сумасшедший! Убирайтесь-ка из моего дома подобру-поздорову! Я не хочу,

чтоб вы были здесь, — это во-первых. А во-вторых, я не хочу, чтоб вы были здесь сейчас! Убирайтесь!

— Но мы не хотим тебе зла, — попытался было объяснить Рон.

— Кыш, кыш отсюда! А не то я вас развею как дым! Я нашла на вас пламя и буду смотреть, как вы горите. Я... я...

Он в ярости заметался по поляне, тонкие руки сжались в кулаки, седая грива развевалась. Рон шагнул вперед, чтобы успокоить разбушевавшегося старика.

— Отойди от меня! — пронзительно завопил тот, махая руками, словно в них был меч. Горец тут же остановился. — Отойди! Где этот безмозглый!.. Шепоточек!

Рон выжидающе огляделся, но никто не появился. Старик, похоже, совсем взбесился: он резко повернулся и принялся орать во тьму леса, размахивая руками, словно ветряная мельница:

— Шепоточек! Шепоточек! Выйди и защити меня от этих возмутителей спокойствия! Шепоточек, провалиться тебе! Тебе все равно, пусть меня убивают?! Я что, должен просто отдаться им в руки, так, по-твоему?! Хорош, ничего не скажешь, ты, безмозглый!.. Стоило столько с тобою возиться! Выходи! Сейчас же!

С тревогой и изумлением горец и девушка наблюдали за ужимками старика. Кто бы ни был этот Шепоточек, он, похоже, еще раньше решил ни во что не ввязываться. И все же старик не отступался. Как безумный он продолжал скакать по поляне и вопить в пустоту. Наконец Рон повернулся к Брин.

— Здесь нам нечего делать. Все равно от него ничего не добьешься, — пробормотал он, понизив голос. — Пойдем сами поищем. Старик явно свихнулся.

Брин покачала головой, припомнив, что сказал о Коглине егеря Джефт: стреляный воробей, сумасшедший, как рыба, которая пытается плыть по траве.

— Дай я еще раз попробую, — тихо сказала она.

Девушка шагнула вперед, старик быстро повернулся к ней и завопил:

— Вы меня не послушались. Ладно, я предупреждал. Шепоточек! Ну где ты там? Выходи! Куси ее! Куси!

Брин невольно попятилась и огляделась. Но никто так и не появился. Нетерпеливо тряхнув головой, Рон прошел мимо Брин и направился прямо к старику.

— Ну все, старик, хватит. Это становится невыносимым. Никого тут нет, только ты, и почему бы тебе просто не прекратить всю эту...

— Ха! Никого нет, только я, говоришь?! — С ликующим криком старик высоко подпрыгнул. — Я тебе покажу сейчас, кто тут есть... ты... ты, разбойник! Вломился в мой дом, ты вообще что думаешь?! Сейчас я тебе покажу! Шепоточек! Шепоточек! Пропади ты пропадом!..

Рон безнадежно покачал головой и усмехнулся было, как вдруг здоровенный кот (горец за всю свою жизнь не видел такой огромной зверюги) возник, словно ниоткуда, прямо перед ним — в какой-нибудь полудюжине ярдов. Темно-серый с черными разводами по бокам и на выгнутой мощной спине, с черной мордой, хвостом и ушами и широченными мощными черными лапами. Ничего себе киса! Футов, наверное, десяти в длину, а массивная косматая голова размером почти с голову Рона. Зверь лениво встряхнулся — крепкие мускулы перекатились под гладкой шерстью — и устался на горца с девушкой сверкающими синими глазами, то моргая, то словно прищуриваясь. Мгновение кот изучал путешественников, а потом беззвучно зевнул, показав острые, словно бритва, зубы.

Рон Лих тяжело сглотнул и замер на месте, стараясь не шелохнуться.

— Ага! Готов поклясться, теперь вам уже не смешно! — злобно воскликнул старик и принялся весело похохатывать, скача по земле в каком-то бешеном танце. — Думали, я сумасшедший, ведь правда? Думали, я говорю сам с собой? Ну а теперь что вы скажете?!

— Но мы не хотели причинять тебе зла, — повторила Брин, заметив, с каким любопытством огромный кот оглядывает Рона Лиха.

Старик шагнул вперед; седые волосы упали на морщинистый лоб, но под ними живо сверкали глаза.

— Думаешь, ты ему нравишься? В смысле как ужин? Да, ты ведь об этом сейчас думаешь? Он, наверное, проголодался, старина Шепоточек. Вас двоих ему как раз хватит закусить перед сном! Вот уж радость зверюшке! Ха! Что это с вами? Как вы вдруг побледнели. Вы что, нездоровы? Вот беда-то. Быть может, вам следует... — Усмешка внезапно стерлась с лица ста-

рика. — Шепоточек, нет! Нет, подожди, Шепоточек, не делай этого!..

Но громадный кот уже пропал, просто исчез, словно растворившись в воздухе. Мгновение все трое — Брин, Рон и старик — с изумлением смотрели на то самое место, где только что стоял зверь. А потом старик сердито топнул ногой и пнул воздух перед собой:

— Провалиться тебе! Ты за это еще заплатишься, слышишь меня?! А ну покажись, глупое ты животное, а не то я... — Он замолчал, раздраженно глядя на Рона и Брин. — А вы убирайтесь из моего дома! Убирайтесь!

И тут Рон Лих окончательно потерял терпение. Полоумный старикашка и исчезающий кот — этого более чем достаточно на один вечер. Горец молча повернулся и направился обратно к деревьям, пробурчав на ходу девушке, чтобы она шла за ним. Брин колебалась, не желая отступаться так просто.

— Но ты не понимаешь, как это важно! — горячо воскликнула она. Старик только фыркнул. — Ты не можешь нас так вот прогнать. Нам нужна твоя помощь. Скажи нам, пожалуйста, где найти человека по имени Коглин.

Старик молча глядел на девушку; он как-то сгорбился, лохматые брови обиженно сошлись на переносице. А потом он вдруг вскинул руки и замотал головой.

— Что ж, хорошо. Все, что угодно, лишь бы от вас отвязаться! — Он глубоко вздохнул, стараясь выглядеть как можно несчастнее. — Только это вам не поможет — понимаете? — совсем не поможет!

Девушка молча ждала. У нее за спиной Рон вновь повернулся, чтобы уйти. В ответ на движение горца старик вскинул голову. Тонкая рука нервно затеребила спутанные волосы.

— Старый Коглин там, чуть повыше, у подножия большой скалы. — Он небрежно махнул рукой в сторону Каменного очага. — Именно там я схоронил его год назад.

Глава 30

Брин Омсфорд пристально посмотрела на старика; внутри словно что-то оборвалось, разочарование комком подкатило к горлу и задушило готовый вырваться крик. Девушка бессознательно поднесла руку к губам.

— Ты хочешь сказать, Коглин умер?

— Умер и похоронен! — фыркнул грубый старик. — А теперь идите своей дорогой и оставьте меня наконец в покое!

Он ждал с явным нетерпением, что девушка с горцем уйдут восвояси, но Брин не могла заставить себя двинуться с места. Коглин умер? Она почему-то не верила, не могла примириться с этим. Разве известие о его смерти не дошло бы до егеря Джефта или до кого-нибудь еще, кто живет в лесах вокруг торгового двора на Грачином пределе? Известие о смерти Коглина, человека, который так давно поселился здесь и которого должны были знать очень многие, если не все?.. Девушка оборвала себя. А может, и нет. Ведь звероловы и егеря живут очень уединенно, иногда месяцами ни с кем не общаясь. Но кто тогда этот старик? Егерь даже не упоминал о нем. Что-то тут не так.

— Пойдем, Брин, — тихо позвал Рон.

Но девушка покачала головой.

— Нет. Пока я окончательно не уверюсь, пока я не...

— Пошли прочь из моего дома! — вновь завопил старик, раздраженно топнув ногой. — Вы мне и так уже надоели до смерти. Коглин умер! И если вы не уйдете сейчас же, я просто...

— Деда!

Голос раздался откуда-то слева, из лесной темноты. Как раз с той стороны, где среди молчаливых деревьев темным пятном вырисовывалась глыба Каменного очага. Все трое резко повернули головы, и лес внезапно притих. А потом на поляне появился и Шепоточек, его синие глаза светились, мохнатая голова поднялась, шея вытянулась. Старик пробурчал что-то себе под нос и снова топнул ногой.

Тут же раздался мягкий шорох листьев, и на поляну вышел загадочный обладатель голоса. Брин и Рон с изумлением переглянулись. Им, то есть ею, оказалась молоденькая девушка, едва ли старше Брин, гибкая и невысокая. Поверх облегающих штанов и рубашки на ней был зеленый охотничий плащ со шнуровкой. Длинные темные локоны свободно рассыпались по плечам. Загорелое лицо в бледных веснушках привлекало прелестным выражением наивной чистоты — лицо лесной феи. Скорее хорошенькое, чем красивое — особенно по сравнению с лицом Брин, — оно все равно очаровывало своей юной свежестью и живостью. Девушка с любопытством уставилась на Брин и Ро-

на, и в ее темных умных глазах светились искренность и доброжелательность.

— Вы кто? — спросила она таким тоном, словно имела право знать это.

Брин взглянула на Рона, а потом вновь повернулась к девушке.

— Я Брин Омсфорд из Тенистого Дола, а это — Рон Лих. Мы пришли из Южных земель, что за Радужным озером.

— Вы прошли долгий путь, — заметила девушка. — И что привело вас сюда?

— Мы ищем одного человека по имени Коглин.

— А ты его знаешь, Брин Омсфорд?

— Нет.

— Тогда зачем ты его ищешь?

Девушка смотрела прямо в глаза Брин. Та мгновение колебалась, решая, можно ли довериться этой фее из леса. Что-то в ней было такое, что не позволяло солгать. И еще Брин не упустила из виду, что внезапное появление девушки тут же успокоило старика. И исчезающий кот вернулся, едва слышал ее голос. И все-таки Брин пока не хотелось открывать всех причин, почему они с Роном пришли сюда, к Каменному очагу. По крайней мере, пока она не разберется, что это за девушка.

— Нам сказали, что Коглин лучше всех знает леса к востоку от Темного предела, до самого Вороньего среза, — осторожно ответила Брин. — Мы надеялись, что он нам поможет в одном важном деле.

Девушка мгновение молчала, явно обдумывая слова Брин. Старик бочком подобрался к ней и взволнованно затоптался на месте.

— Они бродяги и возмутители спокойствия! — с жаром проворкотал он.

Но девушка даже не взглянула на старика. Она словно застыла и не отрываясь смотрела на Брин. Старик в раздражении вскинул руки.

— Тебе не стоит и разговаривать с ними! Просто прогони их прочь!

Девушка медленно покачала головой.

— Подожди, деда, — отмахнулась она. — Они не хотят нам зла. Иначе Шепоточек сразу почуял бы.

Брин быстро взглянула на громадного кота, который растянулся в высокой траве у озерца и лениво цапал лапой пролетающих мимо мошек. Два огромных глаза сверкали, словно огни маяка, когда зверь поглядывал в сторону людей.

— Это тупое животное не идет, даже когда я зову! — пробурчал старик. — Ну разве можно на него положиться?

Девушка посмотрела на кота с осуждением, и вдруг на юном лице промелькнуло озорное выражение.

— Шепоточек! — тихонько позвала она и указала на Брин. — След!

Громадный кот тут же вскочил и беззвучно подкрался к Брин. Когда черная морда зверя потянулась к ней, обнюхивая одежду, Брин напряглась и осторожно попятилась.

— Стой на месте, — тихо предупредила девушка.

Брин замерла. Стараясь казаться спокойной, она неподвижно стояла, пока здоровенный котяра лениво обнюхивал ее ногу. Брин поняла: девушка проверяет ее и кота позвала, чтобы посмотреть, как она себя поведет. По спине побежали мурашки, хотя зверь достаточно дружелюбно тыкался мордой в ее одежду. Ну и что теперь делать? Так и стоять тут? Или надо погладить животное, чтобы показать, что она совсем не боится? Но Брин боялась. Она буквально излучала страх. Зверь, без сомнения, его почует, и тогда...

Брин собралась. Она уже знала, что делать. Очень тихо она запела. Слова песни парили в тихом сумраке вечера, растекались по поляне, тянулись, касались как нежные пальцы. В мгновение песнь желаний сплела свои чары, и огромный кот уселся на задние лапы, спокойно глядя на Брин своими сверкающими глазами. А потом, сонно мигая в ритме волшебной песни, послушно улегся у ее ног.

Брин замолчала. И тишина длилась еще мгновение — никто не решался заговорить.

— Бесы! — в конце концов завопил старик, на морщинистом лице появилось выражение откровенной злобы.

Девушка молча шагнула вперед и встала напротив Брин. В глазах ее не было страха, лишь любопытство.

— Как ты это сделала? — озадаченно спросила она. — Вот уж не думала я, что кто-то на такое способен.

— Это просто такой дар, — ответила Брин.

Девушка поколебалась.

— Вы ведь правда не бесы? Не странники и не их порождения?

Брин улыбнулась.

— Нет. Конечно же нет. Просто у меня такой дар.

Девушка недоверчиво потрясла головой.

— Я и не думала никогда, что кто-то сможет сотворить с Шепоточком такое,— повторила она.

— Они бесы! — настойчиво произнес старик и топнул ногой.

А Шепоточек тем временем встал и направился к Рону. Горец беспомощно смотрел на него, а потом послал Брин умоляющий взгляд, когда зверь ткнулся в него черной мордой. Еще мгновение Шепоточек с любопытством обнюхивал одежду Рона и вдруг, разинув громадную пасть, прикусил сапог горца и начал тянуть. Если у Рона еще и оставалось какое-то самообладание, то теперь оно вмиг улетучилось. Он испуганно задергал ногой, пытаясь освободиться.

— Он просто хочет поиграть,— с улыбкой успокоила его девушка. А потом многозначительно поглядела на старика, но тот лишь недовольно хмыкнул и повернулся к ним спиной.

— Ну... да... а ты в этом уверена? — с нескрываемым раздражением пробормотал горец, изо всех сил пытаясь теперь хотя бы удержаться на ногах. Огромный кот продолжал энергично тянуть и трепать зубами его бедный сапог.

— Шепоточек! — прикрикнула девушка.

Кот тут же оставил в покое сапог и потрусил к ней. Девушка наклонилась и потрепала зверя по мохнатой голове, почти уткнувшись лбом в его морду. Она что-то тихонько шепнула ему на ухо, а потом вновь обернулась к Рону и Брин:

— Вы, кажется, знаете, как обходиться с животными. Вот и Шепоточку вы очень понравились.

Брин быстро взглянула на Рона, но тот был занят: водворял на место наполовину стащенный сапог.

— Да, Рон бы, наверное, не расстроился, понравься он Шепоточку чуть меньше,— заметила она.

Девушка широко улыбнулась, и в темных глазах промелькнул озорной огонек.

— Ты мне нравишься, Брин Омсфорд. Добро пожаловать к нам, вы оба, ты и Рон.— Она радушно протянула тонкую загорелую руку.— Меня зовут Кимбер Бо.

Брин удивилась: в пожатии девушки чувствовались и сила, и мягкость. И удивилась не меньше, заметив на поясе Кимбер грозный с виду длинный кинжал.

— Ну уж нет, по мне, так и вовсе им не «добро пожаловать»! — сердито фыркнул притихший было старик и замахал тощей рукой, словно прогоняя их всех с глаз подальше.

— Но, деда! — принялась увещевать его Кимбер Бо, с неодобрением взглянув в его сторону. А потом вновь обратилась к Брин: — Вы на него не сердитесь, пожалуйста. Просто он беспокоится обо мне. Я одна у него, вот ему иногда и кажется...

— И не спеши им рассказывать все о нас! — перебил старик, недовольно трясая головой. — Что мы знаем о них? Что мы знаем о том, что в действительности привело их сюда? У этой девчонки дьявольский голос. Ты ведь видела, как она успокоила Шепоточка! Только бес на такое способен, вот так! Нет, ты слишком доверчива, девочка!

— Ну а ты слишком уж подозрителен, — спокойно ответила Кимбер Бо. На ее милом личике феи появилось решительное выражение. — А теперь скажи им, кто ты.

Старик поджал губы.

— Ничего я им не скажу!

— Скажи им, деда.

Тот обиженно толкнул ногой.

— Вот сама и скажи. Ты у нас тут больше всех знаешь!

Рон Лих шагнул вперед и встал рядом с Брин. Они растерянно переглянулись. Шепоточек взглянул на горца, сладко зевнул и вновь уронил массивную голову на сложенные лапы. Кот закрыл глаза и тихонечко заурчал.

Кимбер Бо повернулась к Брин и Рону.

— Дедушка иногда забывает, что все его любимые игры — они не взаправду. Не на самом деле. Он часто играет сам с собой, представляя, что он вроде как вовсе и не он. Ну, время от времени он вдруг решает похоронить свое старое «я» и начать новую жизнь. В последний раз это случилось год назад. — Она многозначительно поглядела на старика. — Но он тот самый, кем был всегда. В сущности, он и есть тот человек, которого вы ищете.

— Значит, он действительно Коглин. — Брин утверждала, не спрашивала.

— Я не Коглин,— настойчиво проговорил старик.— Коглин умер и похоронен, как я вам и сказал! И не слушайте, она вам еще и не такое расскажет!

— Деда! — нетерпеливо воскликнула Кимбер Бо.— Ты тот, кто ты есть, и не можешь быть никем другим. Всякие притворюшки — это для малых деток. Ты родился Коглином и всегда им будешь. А теперь, ну пожалуйста, попытайся быть добрым хозяином для наших гостей. Попробуй с ними подружиться.

— Ха! Я-то их не приглашал, с чего бы мне быть добрым хозяином! — упрямо пробурчал Коглин. Он явно решил не иметь никаких дел с Брин и горцем.— А что касается дружбы... вот сама и дружись, если хочешь! Ты ведь это придумала?!

Брин и Рон с сомнением переглянулись. Похоже, от Коглина им никакой помощи не дожидаться. Он и слышать-то о них не хочет, не говоря уж о том, чтобы показать дорогу через Темный предел...

— Что ж, деда, прекрасно, я буду и другом, и хорошим хозяином за нас двоих.— Кимбер Бо вздохнула, а потом обратилась к гостям, больше не обращая внимания на старика: — Уже поздно, скоро ночь. Вы прошли долгий путь, вам надо поесть и как следует отдохнуть. Дом совсем рядом. Если хотите, то оставайтесь у нас ночевать как мои гости и дедушкины тоже.— Она помедлила, словно раздумывая о чем-то.— В самом деле, я буду очень рада, если вы решите остаться у нас. Путники редко заходят так далеко на восток, но даже тогда мне почти не удается с ними поговорить. Как я сказала, деда излишне меня опекает. Быть может, вы все же надумаете остаться и поговорить со мной... Расскажите что-нибудь о своем доме в Южных землях. Хорошо?

Брин тепло улыбнулась.

— Ну, это самое меньшее, чем мы можем отблагодарить за ночлег и ужин.

Рон кивнул, соглашаясь, но при этом бросил подозрительный взгляд в сторону Шепоточка.

— Тогда решено,— искренне обрадовалась Кимбер Бо. Она позвала кота, тот встал, сонно потянулся и послушно пошел к хозяйке.— Идемте, я покажу дорогу. Через несколько минут мы будем дома.

И они с Шепоточком пропали в сумраке между деревьями. Брин и Рон подхватили свои мешки и поспешили вдогонку.

Когда они проходили мимо Коглина, старик отвернулся — мол, глаза бы мои вас не видели — и, нахмурившись, упрямо уставился себе под ноги.

— Пропадите вы пропадом, бродяги! — пробормотал он себе под нос.

Но потом, с подозрением оглядевшись, направился следом за ними. Через мгновение на тихой поляне уже никого не было.

Глава 31

Совершенно обычный с виду, выстроенный из камня и обтесанных бревен, дом старика, девушки и исчезающего кота был очень милым и уютным. Дом стоял на широкой поляне, окруженной вековыми дубами и вязами, уже по-осеннему алыми. Вдоль фасада тянулась резная веранда и еще одна — на задках дома; стены густо заросли вечнозеленым плющом. Вымощенные камнем дорожки от крыльца разбегались по аккуратному саду, между цветочными клумбами и грядками с овощами, ухоженными и недавно прополотыми. С первого взгляда было видно, что за садом заботливо следят. По периметру поляны росли пушистые ели и сосны, а вдоль границы сада тянулась живая изгородь из тщательно подстриженных кустов. Чтобы содержать все это в таком идеальном порядке, требовался, ясное дело, колоссальный труд.

Внутри дома чувствовалась та же заботливая хозяйская рука. Чистые, без единого пятнышка, стены, сложенные из плотно подогнанных бревен, и деревянный пол, посыпанный мелким песком, буквально блестели в мягком свете масляных ламп. Все было тщательно отполировано и натерто воском.

На стенах висели коврики ручной работы, такие же яркие занавески украшали окна, а вышитые крестиком салфетки — массивную деревянную мебель. В одной из стен было вырезано углубление в виде ниши, и там, на широких полках, поблескивали кусочки серебра и прозрачные камешки. Длинный стол в главной комнате был уставлен глиняными блюдами и всякой искусно выделанной кухонной утварью. И еще всюду были цветы: живые — в глиняных горшках, а в вазах — срезанные и составленные в изумительные букеты. Даже сейчас, поздним вечером, все в этом доме казалось ярким и светлым. Брин неволь-

но вздохнула — слишком многое напоминало о родном доме в далеком Тенистом Доле. И то же ощущение тепла и покоя...

— Ужин почти готов, — как только они вошли, объявила Кимбер Бо, бросив на Коглина укоризненный взгляд. — Вы садитесь, а я накрою на стол.

Бормоча что-то себе под нос, Коглин плюхнулся на скамью у стола, на самом дальнем его конце; Брин с Роном уселись напротив. Шепоточек прошествовал мимо, направляясь напрямиком к плетеному коврику у широкого камина, где с веселым треском плясало пламя. Сладко зевнув, кот устроился на коврике у огня и, свернувшись клубком, заснул.

Кимбер Бо быстро собрала на стол. Угощение состояло из жареной дичи, овощей, свежепеченного хлеба и козьего молока. Гости жадно накинулись на еду. За ужином Кимбер расспрашивала их о Южных землях и ее людях, ловя каждое слово о незнакомом ей мире за пределами родной долины. Она никогда еще не выходила за границы Темного предела, объяснила Кимбер, но когда-нибудь — наверное, уже скоро — она обязательно отправится в путешествие. Коглин неодобрительно насупился, но ничего не сказал, лишь еще ниже склонился над своей тарелкой в какой-то упрямой сосредоточенности. Быстро покончив с ужином, старик поднялся и, утрюмо хмыкнув, объявил, что пойдет на улицу — покурить. Ни на кого не глядя, он пробрался к двери и вышел прочь.

— Вы уж, пожалуйста, на него не сердитесь, — извиняющимся тоном произнесла Кимбер Бо, поднимаясь, чтобы убрать со стола посуду. — Он очень добрый и славный, просто он столько лет жил один, что теперь ему трудно ладить с другими людьми.

Улыбаясь, она унесла тарелки и тут же вернулась с кувшином густо-красного вина. Пока они потягивали вино и болтали о том о сем, Брин вновь про себя удивилась (как и тогда на поляне, когда впервые увидела Кимбер Бо), как же девушке и старику удастся выжить совсем одним в этом диком краю. Да, у них есть здоровенный кот, но тем не менее...

— Каждый вечер перед ужином леда ходит гулять, — говорила Кимбер Бо. — Ему очень нравится гулять по долине в сумерках. И особенно теперь, когда все работы по дому и саду окончены до весны. Ведь зимой он не часто выходит на улицу. Бывает, у него ломит кости от холода, и поэтому он сидит до

у очага, в котором потрескивают дрова. Но сейчас, когда вечера еще теплые, он очень любит пройтись.

— Кимбер, а где твои папа с мамой? — не удержавшись, спросила Брин. — Почему они не живут здесь, с тобой?

— Их убили, — коротко ответила девушка — Я была совсем маленькой, когда Коглин нашел меня на северном краю долины, в лагере большого каравана. Под кучей тряпья в одной из палаток. Он принес меня к себе домой и вырастил как свою внучку. — Девушка подалась вперед. — Знаете, у него ведь не было никакой семьи. Я — это все, что у него есть.

— А кто убил твоих родителей? — поинтересовался Рон, видя, что Кимбер Бо вовсе не прочь поговорить об этом.

— Разбойники гномы. Они напали на караван. Там было несколько семей, и разбойники перебили их всех — всех, кроме меня. Коглин сказал, они меня просто не заметили. — Девушка улыбнулась. — Но это было уже так давно.

Рон пригубил вино.

— Тут ведь опасно для тебя, ты не находишь?

Девушка выглядела озадаченной.

— Опасно?

— Ну да. Кругом лес дремучий, дикие звери, разбойники — да все, что угодно. Разве тебе никогда не бывает страшно жить здесь одной?

Девушка вскинула голову.

— Ты считаешь, мне надо чего-то бояться?

Горец посмотрел на Брин.

— Ну... я не знаю.

Кимбер Бо встала из-за стола:

— Тогда смотри.

Едва ли не быстрее, чем Рон успел проследить взглядом, в руках девушки появился длинный кинжал. Он просвистел над головой горца и с глухим стуком вонзился в маленький черный кружочек, нарисованный на стене в дальнем углу.

Кимбер Бо усмехнулась.

— Я всегда тренируюсь. Я научилась бросать ножи, когда мне было десять лет. Коглин меня научил. И так же здорово я обхожусь почти что с любым оружием, какое ни назови. И бегаю я быстрее всех в Темном пределе — кроме, конечно же, Шепоточка. Я могу идти по лесу целый день и потом еще ночь без сна. — Она снова села. — Ну и естественно, случись вдруг

что, Шепоточек меня защитит. Поэтому не стоит беспокоиться. — Кимбер Бо улыбнулась. — К тому же здесь, у Каменного очага, ничего по-настоящему опасного никогда и не было. Коглин прожил здесь всю жизнь — это его долина. Все это знают, и никто не станет соваться сюда. Даже гномы-пауки предпочитают держаться подальше. — Она помедлила. — А вы вообще знаете о гномах-пауках?

Брин и Рон молча покачали головами. Девушка подалась вперед.

— Они не ходят, а словно ползают по земле. И по деревьям. Такие сгорбленные и волосатые, ну точно как пауки. Три года назад они попытались было сунуться в долину. Пришло несколько дюжин: все черные, вымазанные золой, и настроенные на большую охоту. Знаете, они не похожи на всех других гномов, потому что живут в норах и всяких ямах, опять же как пауки. Ну, в общем, пришли они к Каменному очагу. Я так думаю, они сами хотели здесь поселиться. А деда уже знал об этом. Он всегда знает, когда что-то опасное должно произойти. Деда взял с собой Шепоточка, и они устроили гномам-паукам засаду на северном конце долины, как раз под скалой. И вот с тех пор гномы-пауки сюда ни ногой.

Кимбер Бо широко улыбнулась — ей явно нравилась эта история. Брин и Рон обменялись растерянными взглядами, в которых читалось искреннее недоумение: что же все-таки представляет собой эта хрупкая маленькая девушка?

— А откуда у вас этот кот? — Рон поглядел на Шепоточка, который спал себе преспокойно, свернувшись клубком у огня. — Как ему удастся так вот исчезать, ведь он такой здоровенный?

— Шепоточек — болотный кот, — с удовольствием принялась объяснять Кимбер Бо. — В болотах дальнего Анара много таких котов, но это далеко к востоку от Темного предела и от Вороньего среза. А Шепоточек как-то забрел в Старую пустошь. Он тогда был совсем еще крошкой. Коглин нашел его и принес сюда, к нам. Он был весь изранен, — наверное, с кем-то подрался. Но мы его вывели, и Шепоточек остался с нами. Я даже выучилась с ним говорить. — Она посмотрела на Брин. — Только не так, как ты, не песней. Ты не можешь меня научить, как это делать, Брин?

Брин покачала головой.

— Наверное, нет, Кимбер. Песнь желаний — это то, с чем я родилась.

— Песнь желаний...— повторила девушка.— Звучит очень мило.

— Но все-таки как он исчезает? — снова задал вопрос Рон.

— О, он вовсе не исчезает,— рассмеялась Кимбер Бо.— Это просто так кажется. То, что ты временами не видишь его, еще не значит, что его нет. Никуда он не пропадает, это шерсть у него такая. Шепоточек меняет окраску и просто сливается с лесом — с деревьями, скалами или землей. И так у него здорово получается, что ты никогда не увидишь его, если только не знаешь, как надо смотреть. Но если бы ты прожил с ним так же долго, как я, ты бы, конечно, давно научился.— Она помедлила.— Но если он сам не хочет, чтобы его нашли, тогда уж ты ни за что его не увидишь. Это такая защита. Ну а с дедой он просто играет. Шепоточек «исчезает» и не появляется до тех пор, пока дедушка не охрипнет, зовя его. Конечно, это не делает ему чести, ведь зрение у дедушки уже не такое острое, как раньше.

— Но к тебе он сразу выходит.

— Всегда. Он думает, я — его мама. Я ведь нянчилась с ним с тех самых пор, как деда принес его. Кормила, выхаживала... Мы теперь словно две части одного существа. Очень часто бывает, что каждый из нас просто чувствует, о чем думает другой.

— А мне так он кажется грозным зверем,— небрежно обронил Рон.

— Ну да, такой он и есть,— согласилась девушка.— Очень грозный и очень опасный. Дикий, он был бы неуправляем. Но Шепоточек уже не дикий. Может, лишь где-то внутри, в самых глубинах осталась память или инстинкт... Но теперь Шепоточек совсем ручной.

Она поднялась и подлила гостям еще вина.

— Вам у нас нравится? — спросила Кимбер, помолчав.

— Очень нравится,— ответила Брин.

Девушка обрадованно улыбнулась.

— Я почти все тут сделала сама, кроме, конечно, серебряных и стеклянных вещей. Их деда принес из своих путешествий. Это было еще до того, как я тут поселилась. Но все остальное — моя работа. И сад тоже — это я его посадила. Все цветы,

и овощи, и живую изгородь — каждый кустик, даже плющ. Мне нравятся яркие краски и свежие запахи.

Брин тоже улыбнулась. В Кимбер Бо было что-то и от ребенка, и от взрослой женщины: она в чем-то неопытна, почти наивна, в чем-то мудра не по годам. Странно, но это напомнило Брин о Джайре. Внезапно она отчаянно заскучала по брату.

Кимбер Бо заметила печаль на лице Брин и истолковала ее по-своему.

— Нет, тут действительно не опасно, у Каменного очага, — поспешила уверить она свою гостью. — Вам так может казаться, потому что вы не знакомы с этой страной. Но я все тут знаю, это — мой дом. Я тут выросла. Еще когда я была совсем маленькой, деда научил меня всему, что надо знать, чтобы себя защитить. Если возникнет опасность, я знаю, как поступить. И как избежать ее. И у меня есть дедушка и Шепоточек. Вам не надо обо мне беспокоиться. В самом деле не надо.

Брин улыбнулась.

— Я вижу, Кимбер. Вижу, что ты способна на многое.

К ее удивлению, Кимбер Бо зарделась, тут же вскочила из-за стола и подошла к деревянному креслу-качалке, на ручку которого Коглин бросил свой плащ, когда входил в дом.

— Пойду отнесу дедушке плащ, — поспешно объявила она. — А то уже холодно. Хотите со мной?

Брин и Рон тут же встали и поспешили следом за Кимбер. Как только скрипнула дверь, Шепоточек поднялся с коврика и тоже беззвучно скользнул через порог на улицу.

И хозяйка, и гости невольно помедлили на пороге, выйдя из уютного дома в тихий осенний вечер, немного таинственный и завораживающий своим безмятежным покоем. Было прохладно и сыровато, в воздухе витали пряные ароматы ночного леса. Лунный свет заливал поляну ослепительно белым сиянием. Каждая травинка, каждый лепесток, каждый листик переливались блестящими капельками ночной росы — маленькие искорки на изумрудно-зеленом. А в черноте, кольцом окружающей поляну, лесные деревья возвышались на фоне звездного неба, точно притихшие великаны, — огромные и вечные, замершие в чарующем безмолвии ночи. Ветерок совсем стих, а привычные звуки леса словно смягчились и отодвинулись дальше, в самую чашу, обратившись в приглушенный шепот, который убаюкивал и успокаивал.

— Деда у ивы,— тихо проговорила Кимбер Бо, разрушая чары осенней ночи.

Все вместе они сошли с крыльца и направились по дорожке, ведущей на задний двор. Больше никто не произнес ни слова. Только шуршание подошв по истертому камню дорожки нарушало тишину чудесной ночи. Во тьме леса что-то стремительно пронеслось по ковру сухих листьев. Пронзительно вскрикнула птица, и крик разнесся дрожащим эхом в безмолвном лесу.

Кимбер Бо, Брин и Рон обогнули дом и прошли через редкие заросли сосен и елей, мимо рядов живой изгороди. А потом впереди, на самой опушке леса, показалась развесистая ива. Ветки ее ниспадали до земли, словно плотно сотканный занавес, отгораживающий от ночи. Окутанное мраком, древнее искривленное дерево, казалось, съежилось, чтобы тьма не коснулась его. А внизу, у подножия ствола, среди сплетенных ветвей вспыхивал алый огонек зажатой трубки, и кольца дыма поднимались вверх, постепенно тая.

Подойдя ближе, Брин и Рон разглядели, что прямо под ивой в землю врыты две скамейки и на одной из них сидит Коглин, повернувшись лицом к темному лесу. Кимбер Бо направилась к нему и набросила плащ старику на плечи.

— Ты ведь простудишься, деда,— ласково пожурела она. Старик скривился.

— Ну вот, даже покурить спокойно нельзя, ты уже тут как тут, словно наседка над цыпленком! — Но он тем не менее плотнее запахнулся в плащ, а потом неприязненно покосился на Брин и Рона.— А вот в их обществе я совсем не нуждаюсь. Как и в обществе этого нукудьшного кота. Уверен, его ты тоже сюда притащила!

Брин огляделась в поисках Шепоточка и с удивлением обнаружила, что тот снова исчез. Но буквально через мгновение кот возник прямо у них за спиной.

Кимбер Бо уселась на скамью рядом с дедушкой.

— Но почему ты не хочешь подружиться с Брин и Роном? — тихо спросила она.

— А зачем? — фыркнул старик.— Мне не нужны никакие друзья! От друзей всегда только одни беспокойства — им ведь вечно чего-нибудь надо. Сделай для них то или это! Были у

меня уже друзья, в прежние дни. Хватит, спасибо! Вся беда в том, моя девочка, что ты ничего не смыслишь в жизни!

Кимбер Бо с извиняющимся видом поглядела на Рона и Брин и указала глазами на пустую скамью. Те молча уселись напротив девушки и старика.

Кимбер Бо вновь повернулась к Коглину.

— Дедуля, нельзя быть таким. Нельзя быть таким эгоистом.

— Я старик. И могу быть таким, каким мне хочется! — раздраженно пробормотал Коглин.

— Вот когда я говорю что-то подобное, ты называешь меня избалованной и отсылаешь в мою комнату. Разве не так?

— Это совсем другое дело.

— Может, и мне отослать тебя в твою комнату? — словно мать, жураящая непослушного ребенка, спросила Кимбер старика, беря его руки в свои. — Или ты что же, хочешь, чтобы мы с Шепоточком тоже ушли от тебя?.. Мы ведь твои друзья, а ты говоришь, что друзья тебе не нужны.

Коглин сжал зубами мундштук своей трубки, словно бы собираясь перекусить его пополам, и сердито заерзал, отказываясь отвечать. Брин быстро взглянула на Рона, который многозначительно приподнял бровь. Обоим им было ясно, что, несмотря на свой юный возраст, примиряющей силой в этой странной маленькой семье является именно Кимбер Бо.

Девушка вдруг подалась вперед и легонько чмокнула старика в щеку.

— Я ведь знаю, что ты на самом деле не веришь в то, что сказал сейчас. Я ведь знаю, что ты хороший, добрый и ласковый. И я очень тебя люблю. — Она обняла его обеими руками и крепко прижала к себе. И к изумлению Брин, старик тоже робко приподнял руки и нежно обнял внучку.

— Но прежде чем вламываться сюда, они должны были спросить разрешения, — пробормотал он, указывая на Брин и Рона. — Ты ведь знаешь, я мог их поранить.

— Да, деда, я знаю, — ответила девушка. — Но теперь они здесь. И раз уж они прошли такой долгий путь лишь для того, чтобы найти тебя, мне кажется, ты должен выслушать, что их сюда привело, и посмотреть, сможешь ли ты им чем-то помочь.

Брин и Рон снова переглянулись. Коглин выскользнул из объятий Кимбер Бо, бормоча что-то себе под нос и тряся го-

ловой. Его взлохмаченные седые волосы переливались в лунном сиянии, словно блестящие нити шелка.

— Провалиться этому коту, ну куда он опять подевался?! Шепоточек! Выходи, ты, бесполезное животное! Я тут не просто так прохлаждаюсь...

— Деда! — Девушка решительно перебила его. Старик тут же замолчал. Кимбер Бо кивнула в сторону Брин и Рона. — Они наши друзья, деда, разве ты их не расспросишь?

Старик нахмурился, и морщины на его лице стали глубже.

— Ладно уж, — раздраженно пробурчал он. — Ну и что вас сюда привело?

— Нам очень нужен кто-то, кто мог бы провести нас по этой стране, — быстро ответила Брин, не решаясь даже надеяться на то, что столь необходимая помощь в конце концов будет получена. — И нам сказали, что Коглин как раз все тут знает и может помочь нам найти дорогу.

— Не считая того, что Коглина больше нет! — фыркнул старик, но тут же затих, заметив предупреждающий взгляд Кимбер Бо. — Ну а что за страна, которую вам надо пройти?

— Центральный Анар, — ответила Брин. — Темный предел, пустошь за ним. В общем, мы идем на восток, до Вороньего среза. — Она помолчала. — В Мельморд.

— Но там же странники! — воскликнула Кимбер Бо.

— А зачем вам, спрашивается, соваться в эту черную яму? — нахмурился старик.

Брин поколебалась, понимая, о чем мог подумать Коглин.

— Чтoб уничтожить странников.

— Уничтожить странников! — опешил тот. — Каким образом, девочка?

— Песнью желаний. Той магической силой, что...

— Песнью желаний? Это вот тем твоим пением? Ты собираешься спеть черным странникам? — Коглин вскочил на ноги и принялся скакать вдоль скамьи, бешено размахивая руками. — И вы еще назвали сумасшедшим меня?! А ну уходите отсюда! Уходите из моего дома! Кыш, кыш!

Кимбер Бо поднялась и усадила старика обратно на скамью, но тот не на шутку разбушевался. Девушка что-то горячо зашептала ему, успокаивая. Лишь через минуту, наверное, старик затих. Девушка плотнее запахнула его разлетевшийся плащ и вновь повернулась к Брин и Рону.

— Брин Омсфорд, — серьезно проговорила она, и лицо ее посуровело, — Мельморд — это не для тебя. Даже я не решаюсь ходить туда.

Брин едва сдержала улыбку, услышав эту последнюю фразу.

— Но у меня просто нет выбора, Кимбер, — тихо сказала она. — Мне нужно идти. Я должна...

— Ну а я должен идти с ней, — нехотя добавил Рон. — То есть как только мы отыщем мой меч. Сначала я должен вернуть меч.

Кимбер Бо обвела их непонимающим взглядом и в смущении потрясла головой.

— Не понимаю я что-то... Какой еще меч? И почему вы должны идти в Мельморд? Почему именно вы должны уничтожить странников?

И снова Брин заколебалась, на этот раз из осторожности. Как много может она рассказать этим людям? До какой степени может раскрыть им правду? Но когда Брин взглядела в глаза Кимбер, ее осторожность, заставляющая хранить в тайне истинную цель похода, вдруг утратила всякое значение. Алланон умер, ушел навсегда из Четырех земель. И магическая сила, которую друид дал Рону для защиты, теперь потеряна безвозвратно. Несмотря на решимость во что бы то ни стало идти вперед, Брин чувствовала себя такой беспомощной, напуганной и усталой. Если она хочет выжить в этом походе, ей пригодится любая помощь, какую только удастся найти. Утаивание правды и хитроумный обман — это путь Алланона. Но она, Брин, пойдет по другому пути.

И она рассказала Кимбер и Коглину все, что знала сама об Идальч. И обо всем, что случилось с ней с того самого дня, как Алланон впервые появился в Тенистом Доле. Она ничего не утаила от них, кроме тех своих тайн, о которых Брин не поведала даже Рону: тех пугающих подозрений и ужасных проявлений силы, темной и непостижимой, — силы песни желаний. Рассказ занял немалое время, но старик в первый раз сидел тихо и, как и Кимбер, слушал с нескрываемым интересом.

Когда Брин закончила, она повернулась к Рону, как бы спрашивая, не упустила ли она что-нибудь, но горец лишь молча покачал головой.

— Теперь вам понятно, почему я должна идти в Мельморд? — спросила она, выжидающе глядя то на старика, то на девушку.

— Говоришь, что в тебе есть эльфийская сила? — пробормотал Коглин, прищурился. — Печать друидов на всем, что ты делаешь, да. Но ты знаешь, и во мне есть кое-что от друидов — немного их темного знания. Да-да. Именно так.

Кимбер нежно прикоснулась к его руке.

— Мы им поможем, деда? Покажем дорогу на восток?

— На восток? Да, страна на востоке мне знакома вдоль и поперек. Каменный очаг, Темный предел, Старая пустошь — до самого Вороньего среза, до самого Мельморда. — Он задумчиво покачал головой. — Только я уж старался держаться подальше от этих мрачных мест. Странники не беспокоят меня: они не заходят в долину. Ну и я их не задеваю. Лишь бы сюда не совались. А так пусть себе ходят где вздумается. Это их страна.

— Деда, послушай меня, — слегка пихнула его Кимбер Бо. — Мы должны помочь нашим друзьям: ты, Шепоточек и я.

Мгновение Коглин молча глядел на нее, а потом вскинул руки.

— Только время зря тратить! — объявил он. — Совершенно впустую! — Он выставил тощий палец и ткнул им девушке в нос. — Ты вот подумай как следует, девочка. Я ведь учил тебя, что всегда надо думать как следует! Ну, допустим, мы им поможем — проведем их через Темный предел, через Старую пустошь, прямо к Вороньему срезу, к самой этой черной яме. Допустим! И что потом? Ну скажи мне, давай! Что потом?

— Нам бы только добраться туда, ну а дальше мы сами... — попыталась было вставить Брин.

— Сами? — воскликнул Коглин, обрывая ее. — Не все так просто, девочка! Утесы стоят перед тобой, как стена высотой в сотни футов. На многие мили — один голый камень. И повсюду гномы. Ну и что ты тогда станешь делать? — Палец метнулся, словно кинжал, и остановился в каком-нибудь дюйме от лица Брин. — Там не пройти, девочка! Никак не пройти! Что же, тащиться в такую даль, чтобы потом повернуть обратно?! Там хода нет, если ты только не знаешь секретных троп!

— Мы отыщем дорогу, — твердо сказала Брин.

— Уф! — Старик скривился и плюнул на землю. — Прямиком в лапы странников! Да они вас заметят на середине подъема! Если вообще вам удастся найти, где вскарабкаться, да! А может быть, магия сделает вас невидимками? Как, сможет?

Брин сжала губы.

— Мы отыщем дорогу, — повторила она.

— Может быть. А быть может, и нет, — заговорил вдруг Рон Лих. — Мне все это очень не нравится, Брин. Старик знает страну, и, если он говорит, что там один только голый камень и негде укрыться, нам, наверное, стоит принять это в расчет, прежде чем нестись вперед сломя голову. — Он взглянул на Коглина, словно бы для того, чтобы убедиться, что старик действительно знает, о чем говорит. — Ну и к тому же у нас есть еще одно дело. Сначала нужно отыскать меч, а потом уже отправляться в поход. Меч — наша единственная защита от странников.

— От странников нет защиты, — фыркнул Коглин.

Брин мгновение глядела на горца, а потом глубоко вздохнула.

— Рон, о мече надо забыть, — как можно мягче сказала она. — Мы его потеряли и не знаем, что с ним стало. Алланон сказал, что меч сам найдет путь в руки смертных, но ничего не сказал о том, чьи это будут руки и как скоро все это случится. Мы не можем...

— Мы и шагу не сделаем без меча! — Горец не дал ей даже договорить. Он сердито поджал губы и уставился в пространство перед собой.

Настала долгая тишина.

— У нас нет выбора, — в конце концов проговорила Брин. — Во всяком случае, у меня.

— Вот и идите себе, — махнул рукой Коглин. — Идите с миром и оставьте нас наконец в покое — вы оба, со своими дурацкими планами влезть в эту яму и уничтожить странников! Да, совершенно дурацкими планами! Давайте идите из нашего дома, провалиться вам... Шепоточек, ну куда ты опять подевался, никудышный... Вылезай, а не то я тебя... Ой!

Старик изумленно вскрикнул, когда голова громадного кота возникла из темноты как раз над его плечом: глаза зверя сверкнули в прищуре, холодный нос ткнулся в ладонь Коглина. Старик шлепнул кота, разозлившись, что тот так его напугал, и с сердитым ворчанием направился прочь от скамьи — под навес

ветвей старой ивы. Шепоточек мгновение смотрел ему вслед, а потом растянулся у ног Кимбер Бо.

— Мне кажется, дедушку можно уговорить показать вам дорогу на восток, по крайней мере до Вороньего среза, — задумчиво проговорила Кимбер. — Но вот дальше...

— Подожди... сейчас мы тут подумаем... — Рон умоляюще вскинул руки и повернулся к Брин. — Я знаю, что ты уже твердо решила довести до конца этот поиск, который Алланон поручил тебе. Я понимаю, ты должна это сделать. И я пойду с тобой и буду рядом, пока это все не закончится. Но нам нужен меч, Брин. Разве ты не понимаешь? Он нам необходим! У нас нет никакого другого оружия против мордов! — Горец с досадой поморщился. — Черт побери, как я смогу защитить тебя без меча?

Брин смутилась, внезапно подумав о грозной силе песни желаний и о том, что сила эта сотворила с теми парнями с Длинной гряды в торговом дворе на Грачином пределе. Рон об этом, конечно, не знал — да ей и не хотелось, чтобы он узнал, — но сила эта могла стать мощным оружием. Настолько мощным, что Брин не решалась даже представить себе. Сама мысль о том, что в ней таится подобная сила, была ей ненавистна. А Рон так настойчиво твердит о возвращении меча Лиха...

Брин поглядела на Рона: странное выражение было в его серых глазах. Любовь и забота о ней смешались во взгляде горца с непоколебимой уверенностью, что ему ни за что не помочь Брин без меча, наделенного Алланом магической силой. И еще в его взгляде сквозило такое отчаяние...

— Нам никак не найти твой меч, Рон, — очень тихо сказала Брин.

Они долго молча смотрели друг на друга, сидя так близко на деревянной скамье под сенью раскидистой ивы.

«И больше не надо об этом, — твердила Брин про себя. — Пожалуйста, больше не надо».

Коглин снова присоединился к ним. Бормоча всякие неслестные замечания по адресу Шепоточка, он устало опустил на краешек скамейки и принялся рассеянно вертеть в руках свою трубку.

— Должен быть способ, — внезапно проговорила Кимбер, нарушая молчание. Все как один повернулись к ней. — Можно спросить Угрюма-из-Озера.

— Ха! — фыркнул Коглин. — Лучше тогда уж спросить у какой-нибудь ямы в земле.

Но Рон встрепенулся.

— Что за Угрюм-из-Озера?

— Аватар, дух Угрюмого озера, — спокойно ответила Кимбер. — Он живет в озерце к северу от Каменного очага. Как раз где трещина раскалывает хребет. Он жил там всегда, еще до того, как древний мир волшебства был разрушен, так он сам мне сказал. Он владеет секретами магии древнего мира и умеет разгадывать тайны, скрытые от простых смертных.

— И он может сказать мне, где найти меч Лиха? — горячо прошептал горец, не обращая внимания на то, что Брин положила ладонь на его руку, сдерживая его нетерпение.

— Ха-ха-ха! Нет, вы только на него посмотрите! — расхохотался вдруг Коглин. — Да он, кажется, думает, что уже получил ответ! Думает, он нашел чудненький способ! Угрюм-из-Озера уже увязал все секреты в такой симпатичный тюк и ждет не дождется, как бы скорее отдать ему! Одна только маленькая проблема: как отличить ложь от правды? Но это ведь так, пустячок! Ха-ха-ха!

— Он о чем вообще говорит? — сердито воскликнул Рон. — Что это значит: отличить ложь от правды?

Кимбер строго поглядела на дедушку и повернулась обратно к горцу.

— Это значит, что аватар не всегда говорит правду. Ну, в общем, он больше выдумывает, или обманывает, или говорит загадками, которые никто не может потом разгадать. Это он так играет: сплетает ложь с правдой, ну а тот, кто его слушает, так запутывается, что уже просто не может понять, чему верить.

— Но зачем ему это? — Брин была явно сбита с толку.

Кимбер пожала плечами.

— Все они, духи, такие. Мечутся между тем миром, что был, и тем, что еще только будет, но по-настоящему в обоих мирах им нет места.

Она сказала это с такой уверенностью и с таким знанием дела, что Брин удовлетворилась ответом и не стала расспрашивать дальше. Ведь так же все было и с духом Бремена. Или, по крайней мере, очень похоже. Только у духа Бремена был долг, определенные обязательства перед миром смертных, каковые у Угрюма-из-Озера явно отсутствовали; однако дух друи-

да тоже не открывал всего, что знал, или же говорил как-то путано и неясно. Он всегда что-то утаивал. И может быть, даже не из стремления к таинственности: ведь будущее складывается из настоящего, которое никогда не бывает ясным, определенным и неизменным, — вот почему все предсказания так туманны. Потому что в момент предсказания то, что будет, еще пребывает в развитии.

— Деда сердится, потому что я хожу разговаривать с Угрюмом-из-Озера, — объясняла Рону Кимбер Бо. — Ему не нравится, что аватар всегда обманывает. Но все-таки, знаешь, разговоры с ним очень забавны. Для меня это стало интересной игрой. — Она напустила на себя суровый вид. — Но конечно, это уже не забавно, когда тебе нужно узнать от него что-то действительно важное. Это совсем другая игра. Я никогда не спрашиваю его о будущем и даже не слушаю, если он вдруг сам пожелает мне что-нибудь рассказать. Временами он бывает таким жестоким.

На мгновение Рон опустил глаза, но потом вновь посмотрел на девушку.

— Думаешь, можно его заставить открыть мне, что стало с мечом?

— Не заставить, — приподняла брови Кимбер. — Может быть, убедить. Или как-нибудь хитростью выведать. — Она поглядела на Брин. — Но если честно, я думала вовсе не о мече. Я подумала, может быть, он подскажет, как отыскать дорогу через Вороний срез в Мельморд. Если там есть такой путь, где странники тебя не заметят, Угрюм-из-Озера наверняка о нем знает.

Наступила долгая напряженная тишина. Брин лихорадочно соображала. Ведь это именно то, что им нужно: дорога в Мельморд, скрытая от глаз черных странников, — ключ к завершению похода за Идальч. Это намного важнее меча Лиха со всей его магической силой. И если уж быть до конца честной, Брин совсем не хотелось, чтобы меч нашелся.

Какая в принципе разница, найдется меч или нет, если может и не представиться случая им воспользоваться? Она взглянула на Рона и увидела в его глазах несгибаемую решимость. Да, он теперь ни за что не отступится.

— Надо попробовать, Брин, — едва слышно произнес горец.

Лицо Коглина расплылось в хитроулыбке.

— Давай, южанин, попробуй! — Смех старика разнесся эхом в ночной тишине.

Брин колебалась. Шепоточек, свернувшийся клубком у ног хозяйки, приподнял голову и с любопытством моргнул. Брин как зачарованная устала в синие глаза зверя. В каком же она оказалась отчаянном положении, если приходится прибегать к помощи юной девушки из леса, полоумного старика и постоянно исчезающего кота.

Но теперь рядом нет Алланона...

— Ты расспросишь о нас Угрюма-из-Озера? — спросила она у Кимбер.

Та улыбнулась.

— О, я думаю, Брин, тебе лучше самой расспросить его. И после этого Коглин неудержимо расхохотался.

Глава 32

На следующее утро, всю дорогу до Угрюмого озера, Коглин продолжал хихикать. Что-то радостно бормоча себе под нос, он с необычной для старого человека легкостью несся по лесу, устланному шуршащим ковром из листьев. Казалось, в своей ребяческой беспечности он не замечает ничего вокруг, заблудившись в туманном, полубезумном мире своих грез. Однако Коглин то и дело хитро поглядывал на Брин, и глаза его были остры и проницательны, а в голосе старика слышалась лукавая скрытая радость:

— Попробуй, южанка, конечно, чего не попробовать?! Ха-ха-ха! Поговори с Угрюмом-из-Озера и расспроси его обо всех секретах! Чего только не пожелаешь: о том, что есть, и о том, что еще будет! Да, за тысячи лет Угрюм-из-Озера насмотрелся всякого. Все, что творил с собой человек, видел он, а взгляд у него остер! Спроси его, девочка, вызови духа и все узнаешь!

И старик со смехом уносился в лесную чащу. Кимбер Бо то и дело выражала свое неодобрение дурашливым поведением Коглина — то быстрым словом, то суровым укоризненным взглядом. Но ни слова ее, ни взгляды не возымели должного действия, и старик продолжал поддразнивать и насмеяться.

День выдался туманным и серым. Тяжелые облака затянули небо с запада — от темнеющего хребта Вольфсктаагских

гор — до востока, где расплывались в тумане верхушки исполинских деревьев. Дул холодный северный ветер, вздымая тучи пыли и ворохи опавших листьев. Листья летели в лицо, от пыли щипало глаза. В рассеянном утреннем свете краски осеннего леса поблекли; на всем лежал какой-то уныло-серый отсвет, словно зима напоминала земле о своем скором приходе.

Маленькая процессия продвигалась на север от Каменного очага: впереди — Кимбер Бо, решительная и серьезная; следом за ней — Брин и Рон; старый Коглин носился кругами, то забегая вперед, то отставая; Шепоточек маячил где-то вдалеке между темными стволами деревьев. Они миновали огромную скалу, давшую долине ее название, прошли по широкой ложбине, каменистой и голой, и вновь углубились в лесную чашу. Здесь тропа потерялась в зарослях густого кустарника и сплетенного сухостоя, приходилось с трудом продираться сквозь стену подлеска. Коглин уже не порхал, как лесная птичка, — дебри леса сомкнулись вокруг, оставляя проход лишь для одного человека. Только Шепоточек свободно скользил сквозь сплетение темных стволов — бесшумно и легко, словно тень.

Близился полдень. С каждым шагом идти становилось труднее, но впереди уже показался темный кряж, его зубчатые вершины возвышались над деревьями. Местность постепенно менялась: теперь вокруг громоздились валуны, а трещины в почве переходили в овраги, так что путники больше карабкались вверх, чем продвигались вперед. Здесь, у скалистой гряды, ветра не было, и в лесу пахло гнилью и сыростью.

Наконец путешественники выбрались из глубокого оврага и оказались на краю узкой долины, ее крутой склон был зажат между двумя хребтами, что тянулись на север и терялись в туманной мгле.

— Здесь. — Кимбер Бо указала на долину. Высокие сосны окружали маленькое озеро, его тусклые воды едва мерцали сквозь пелену тумана, который клубился и подрагивал под порывами ветра.

— Угрюм-из-Озера! — хихикнул Коглин и легонько потянул Брин за рукав.

По извилистой тропе, петляющей по лабиринту сосняка, путники спустились вниз, туда, где туман лениво шевелился над маленьким озером. Ветер не добирался в долину; воздух

застыли неподвижно, лес точно замер, погрузившись в безмолвие. Шепоточек куда-то пропал. Обломки камней и сосновые иглы, устилающие дорогу, скрипели и похрустывали под ногами. Хотя был день, туман и тучи сгустились так плотно, что свет солнца уже не мог пробиться сквозь эту серую пелену, и казалось, на землю спустились сумерки. Брин поняла вдруг, что напряженно прислушивается к лесному безмолвию и вглядывается в полумрак в смутной надежде уловить хоть какой-нибудь шорох жизни. В душе росла тревога. Да, действительно, здесь что-то было. Что-то скверное, притаившееся в тумане. Брин чувствовала, как оно, это «что-то», ждет, укрывшись в сумраке.

Туман уже поглотил путников, но они продолжали идти вперед. И когда стало казаться, что еще немного и они окончательно потеряются в этой сырой мгле, сосны вдруг расступились и люди вышли на небольшую полянку. В самом центре ее чернел круг кострища — обгорелые бревна и кучки золы лоснились от влаги. Старые каменные скамьи кольцом окружали его.

Тропинка бежала через поляну и на дальнем ее конце вновь исчезала в тумане.

Кимбер Бо повернулась к Брин.

— Дальше ты пойдешь одна. Эта тропа приведет прямо к воде. И там к тебе выйдет Угрюм-из-Озера.

— И прошепчет все тайны прямо тебе в ухо! — хихикнул Коглин, подбираясь поближе к Брин.

— Деда! — укоризненно воскликнула Кимбер.

— Ложь и правда, но что есть что? — с вызовом пробормотал Коглин и поскакал к краю поляны под сень тихих сосен.

— Ты не пугайся дедулиной болтовни, — проговорила Кимбер, поймав встревоженный взгляд Брин. Ее милое личико феи выражало искреннее участие. — Угрюм-из-Озера не причинит тебе никакого вреда. Он ведь просто дух, тень.

— Может, все же кому-то пойти с тобой? — предложил было Рон, но Кимбер тут же покачала головой.

— Угрюм-из-Озера станет говорить только с одним человеком. Он даже не выйдет, если их будет хотя бы двое. — Девушка ободряюще улыбнулась. — Брин должна пойти одна.

Брин кивнула.

— Кажется, я понимаю почему.

— И помни, о чем я тебе говорила,— предупредила Кимбер.— Держи ухо востро. Он тебе много понарасскажет. Но большей частью это будет обман или абсолютная неразбериха.

— Но как я узнаю, что правда, а что ложь? — спросила Брин. Кимбер вновь покачала головой.

— Тут уж тебе решать. Угрюм-из-Озера будет с тобой играть. Он может предстать в каком угодно обличье и говорить всякую ерунду. Даже станет дразнить тебя. Такой уж он, Угрюм-из-Озера. Любит сыграть какую-нибудь шутку. Но быть может, тебе удастся его провести. — Она прикоснулась к руке Брин. — Вот почему я подумала, что лучше тебе поговорить с ним самой. Ты ведь владеешь магией. И если получится, ты ею воспользуешься. Может быть, песнь желаний поможет тебе.

Из-под сосен послышался смех Коглина. Не обращая внимания на старика, Брин плотнее запахнула свой плащ и серьезно кивнула.

— Хорошо, я попробую.

Кимбер улыбнулась, сморщив веснушчатый носик, а потом вдруг порывисто обняла Брин.

— Удачи тебе.

Рон как-то неуклюже шагнул вперед и склонился поцеловать Брин.

— Будь осторожна.

Она улыбнулась, словно обещая, что постарается, а потом отвернулась и молча шагнула с поляны в сумрак леса.

Туман и тени тут же сомкнулись вокруг. Это случилось так быстро, что Брин даже не сразу сообразила: ведь она совсем ничего не видит. Она нерешительно приостановилась, беспомощно глядя во тьму, дожидаясь, пока глаза привыкнут к мраку. Здесь было сыро и зябко: озерный туман льнул к одежде, холодный и липкий. Прошло, наверно, полминуты, и наконец Брин начала смутно различать силуэты ближайших сосен — размытые и проступающие, словно безмолвные призраки, сквозь клубящийся туман. Похоже, лучше уже не станет, решила она и, отмахнувшись от сомнений и нерешительности, осторожно пошла вперед, пробираясь почти на ощупь, больше чувствуя, чем различая тропу, что петляла среди деревьев и спускалась вниз, к берегу озера.

И вскоре сквозь глухое безмолвие леса пробился один мягкий звук — тихий плеск воды о берег. Брин замедлила шаг и настороженно уставилась в туман, высматривая то непонятное существо, которое — она знала — ждет ее здесь. Но не увидела ничего, кроме все той же клубящейся серой дымки. Очень осторожно Брин пошла дальше.

А потом и туман, и деревья вдруг расступились, и она оказалась на узком, усыпанном галькой берегу. Туман, как живой, шевелился над тусклыми водами озера, подбираясь все ближе и ближе... словно клубящаяся стена окружила Брин, отрезав ее от леса, замкнув в...

Ледяной холод пронзил девушку до самых глубин ее существования, стремясь завладеть ее телом, оставить лишь замороженную оболочку. Брин испуганно огляделась. Что это с ней? И тут же волною нахлынул гнев, беспощадный, дикий, неумолимый, — жар в ответ на холод. Внутри словно вспыхнул огонь и растопил коварную стужу, прогнав страх, уже угрожавший завладеть девушкой полностью. Брин стояла на берегу — совсем одна в сером царстве тумана, — и странная сила кипела в ней, точно горячий ключ, и еще ей казалось, что сейчас она сможет справиться с чем угодно. Одолеть любую враждебную силу.

И вдруг что-то зашевелилось в тумане. В то же мгновение это странное ощущение непобедимой мощи пропало, съежилось в комок и кануло в самую глубину души. Брин так и не поняла, что с ней случилось, и сейчас было не время думать об этом: что-то двигалось там, в тумане. В серой дымке возникла черная тень, сгустилась, словно выталкиваемая из тумана, и обрела пока еще смутную форму. Встав над водами озера, тень двинулась к берегу.

Брин не отрываясь следила за ее приближением. Призрачное существо, окутанное темнотой, бесшумно и плавно скользило по поверхности озера, словно подхваченное воздушным течением, к тому месту на берегу, где стояла она. Теперь Брин могла разглядеть: сотканный из тумана дух, такой же текучий и изменчивый, как и породившая его стихия, воплотился в облике человека. Не было только лица. Покров темноты превратился в широкий плащ с капюшоном.

В дюжине футов от девушки тень остановилась, зависнув над водой. Дух небрежно сложил руки на груди; под черным плащом клубился серый туман.

Очень медленно аватар поднял голову, обратясь безликим лицом к девушке на берегу, и во мраке под капюшоном сверкнули две алые искры.

— Посмотри на меня, ты, пришедшая из далекого Дола. — Голос прозвучал словно рокот потока, прорвавшегося сквозь плотину. — Посмотри на Угрюма-из-Озера!

Голова поднялась еще выше, и тень, скрывавшая лицо существа, рассеялась. Брин изумленно смотрела на него, не веря своим глазам.

Лицо, что явил ей Угрюм-из-Озера, было ее лицом.

Джайр проснулся в сырой пустой темноте своей тесной камеры в Дан-Фи-Аране. Тонкий лучик серого света, точно лезвие ножа, пробивался сквозь узкую прорезь в камне стены.

«Значит, теперь опять день», — сказал себе юноша, безуспешно пытаясь определить, сколько времени прошло с тех пор, как его бросили в темницу.

Казалось, уже не одна неделя, ну а на самом деле — не без изумления сообразил долинец — пошел лишь второй день заключения. За эти два дня Джайр не виделся и не говорил ни с одним живым существом, кроме мвеллрета и глухонемого гнома-тюремщика.

Юноша потянулся и сел на своей подстилке из прелой соломы. При этом противно лязгнули цепи.

Да, теперь он был скован — тяжелые цепи тянулись от колец, вбитых в стену, к тяжелым «браслетам» на его запястьях и щиколотках. Так повелел Ститхис, и гном-тюремщик пришел рано утром и заковал долинца. В глухой тишине лязг разнесся дребезжащим эхом. Джайр слушал, как оно замирает, потерявшись в изгибах извилистых коридоров, и ждал, что хоть какой-нибудь звук донесется в ответ. Но нет, все было тихо. Тут некому услышать его, некому прийти на помощь.

Несмотря на то что он так долго спал, долинец чувствовал себя усталым и совершенно разбитым. На глаза навернулись слезы и потекли по щекам. Джайр даже не стал вытирать их. Что, интересно, он вообразил? Что кто-то придет сюда и вытащит его из этой черной дыры? Джайр покачал головой, превозмогая душевную боль. Нет, помощи ждать ему неоткуда. Никого из отряда, вышедшего из Кулхейвена, больше нет — кто

погиб, кто пропал. Даже Слантер. Джайр наконец сердито смахнул слезы, борясь с нахлынувшим отчаянием.

«Ну и что, пусть никто не придет», — твердил он себе.

Он все равно никогда не откроет мвеллрету своих секретов. И обязательно что-нибудь придумает, чтобы выбраться отсюда.

Джайр в который раз (когда не спал, он только этим и занимался) принялся изучать крепления и звенья цепей, безуспешно пытаясь найти слабое место или же расшатать их. Он вертел их и так и сяк, тянул, тербил, с тайной надеждой оглядывал каждый дюйм. Но в конце концов бросил это занятие, как бросал уже не один раз. Бесплезно! Что могут слабые пальцы против закаленного в горне железа?! Только ключ, спрятанный у гнома-пюремшика, может помочь ему вырваться на свободу.

«На свободу», — Джайр повторил про себя это слово.

Он найдет способ вырваться на свободу. Должен найти.

А потом Джайр вдруг подумал о Брин; и эта мысль повлекла за собой другую: каким странным и печальным было видение, возникшее в прошлый раз в волшебном зеркале кристалла. Сестра сидит у костра, совсем одна, взгляд ее устремлен куда-то в пространство, взгляд, исполненный боли, а на лице — отчаяние, такое глубокое, безысходное. Что же случилось с ней?

Рука Джайра сама потянулась к кристаллу видения, спрятанному под рубашкой. Ститхис пока еще не нашел его — ни его, ни кошель с Серебряной пылью. Джайр тщательно прятал их за пазухой и старался даже не вынимать лишний раз, чтобы мвеллрет не застал его врасплох. А ящер часто навещал Джайра, бесшумно подкрадываясь во тьме, когда долинец меньше всего ожидал его, и появлялся, словно дух, сотканный из теней, то лъстя, обхаживая и суля золотые горы, то угрожая: «Дай то, что мне нужно, и будешь свободен... Только скажи мне, скажи!»

Лицо Джайра вспыхнуло от гнева. Помогать этому чудищу?! Да ни за что на свете!

Джайр быстро вынул из-за пазухи цепочку с кристаллом и бережно положил камень в ладонь. Теперь это было единственное связующее звено между миром и темной вонючей камерой, единственная возможность узнать, что стало с Брин. Долинец смотрел на кристалл. Он твердо решил еще раз вызвать магическое видение. Один только раз. Юноша и сам

понимал, что должен быть очень осторожным. Но ведь и нужно всего-то мгновение, не больше: он только взглянет и сразу же спрячет кристалл. Мвеллрету не удастся его подловить.

Он должен знать, где теперь Брин и что с ней.

И Джайр запел. Мягкий голос тихо взывал к спящей силе камня, проникая в его затуманенную глубину. В кристалле забрезжил свет, а потом вдруг прорвался наружу — белое сияние озарило угрюмый сумрак, и Джайр невольно улыбнулся.

— Брин! — тихо позвал он.

Образ тут же ожил — в обрамлении белого света появилось лицо сестры. Тихо, но уверенно Джайр пел, и образ в кристалле становился все четче. Теперь Брин стояла у озера. Ее лицо больше не было печальным. Оно, казалось, застыло от потрясения. Как зачарованная, Брин глядела сквозь серый туман на зависшего в воздухе над водой призрака в темном плаще. Тот медленно повернулся, словно притянутый песнью Джайра, так, что долинец смог увидеть его лицо.

Лицо приблизилось, и голос Джайра сорвался — песнь желаний разбилась о глухое безмолвие темницы, словно о берег волна.

Лицо это было лицом Брин!

А потом вдруг из тьмы раздался скрежещущий звук. Долинец похолодел. Джайр обеими руками сжал кристалл, стараясь запихнуть его обратно за пазуху. Но он понимал, что уже слишком поздно.

— Вижду, дружок, ты как будто нашшел ужже спспособ, как мне помочь,— прошилел холодный змеиный голос.

И Ститхис шагнул из дверного проема в мрачную камеру Джайра.

Тишина опустилась на берег озера — бесконечная странная тишина,— и только вода с тихим плеском билась о камни. Аватар и девушка глядели друг на друга сквозь мглу тумана и серые тени, как два фантома, вызванные из других миров из других времен.

— Смотри на меня! — повелел призрак.

И Брин смотрела, страстно желая и в то же время не находя в себе сил отвести взгляд. Словно живую маску, надел на себя Угрюм-из-Озера ее лицо: бледное, усталое и опустошенное горем, только на месте темных глаз Брин, точно тлеющие уголь-

ки, мерцали узкие прорези алого света. Губы духа сложились в улыбку — ее улыбку! — дразня, насмехаясь, и смех его был глухим и злорадным.

— Ты узнаешь меня? — раздался коварный шепот. — Назови мое имя.

Брин тяжело сглотнула.

— Ты — Угрюм-из-Озера.

Гулко прокатился смех.

— Я — это ты, Брин из народа долины, Брин из рода Омсфордов и рода Шаннары. Я — это ты! Я — история всей твоей жизни, и в словах моих ты отыщешь свою судьбу. Только ищи — и найдешь.

Шипение Угрюма-из-Озера растворилось в булькающем всплеске — вода под ногами духа внезапно взбурлила, брызги фонтаном рванулись в туманный воздух и окатили девушку с головы до ног. И были они холодны, как прикосновение смерти.

Угрюм-из-Озера прищурил алые глаза.

— Хочешь знать, дитя света и тьмы, что есть Идальч?

Брин только молча кивнула. Дух рассмеялся печально и скользнул ближе.

— Все, что есть и что было в магии тьмы, — все восходит к этой книге тайн по нервушимся нитям, что связуют тебя и подобных тебе и не дают разойтись. Войны народов, войны демонов и людей — все есть одно. Как звуки голоса — все есть одно. Человечество стремится владеть темной магией, желая господства над силой, которая никогда им не подчинится. Но они все-таки ищут, находя смерть. Они тянутся к волшебной книге, влекомые соблазном, подгоняемые нуждой. То к лику смерти, то в бездну ночи. И обретают, что ищут, и теряются в этом, и, утратив себя, обращаются в черный дух. Посланники Черепа и странники-призраки — все есть одно. И все они — одно со злом.

Голос затих. Брин лихорадочно соображала, пытаясь найти скрытый смысл этих слов. Посланники Черепа и призраки-морды — вот что Угрюм-из-Озера имеет в виду. Они — порождения одного зла. И каким-то образом все это связано вместе и исходит из единого источника.

— Их всех сотворила черная магия, — быстро проговорила она. — Повелителя чародеев и посланников Черепа во времена

моего прадеда, призраков-мордов теперь. Ты ведь об этом сейчас говорил?

— Разве? — словно поддразнивая, прошипел тихий голос. — Только лишь? Где он, Повелитель чародеев? Кто теперь пробудил голос магии и рассылает по миру черных странников?

Брин непонимающе уставилась на аватара. Он хочет сказать, что Повелитель чародеев вернулся? Но ведь это невозможно...

— Темен и скрытен тот голос, когда говорит с человеком, — продолжал нараспев Угрюм-из-Озера. — Голос, рожденный магией; голос, рожденный тайным знанием. И проявления его разнообразны, и отыскать его можно во многих вещах... Голос, запечатленный в знаках на бумаге... голос, звучащий в песне!

Брин вдруг похолодела.

— Я не из их числа! — сердито воскликнула она. — Я не пользуюсь черной магией!

Угрюм-из-Озера рассмеялся.

— Никто ею не пользуется, дитя. Это магия пользуется ими. Вот ключ ко всему, что ты ищешь. Вот все, что тебе надо знать.

Брин пыталась понять.

— Говори еще, — настойчиво попросила она.

— Еще? О чем? — Серая дымка вдруг замерцала под черным плащом, тускло, неясно. — Может быть, рассказать о тех скрытых глазах, что следят за тобой неотступно, где бы ты ни была? — Девушка невольно поежилась. — Этими глазами за тобой наблюдает любовь, когда взгляд повелевает кристаллом. Но и темное намерение за тобой наблюдает, когда взгляд этот пуст и рожден тайным зовом древней крови, что досталась тебе по праву рождения. Разве ты не понимаешь? Разве не видишь? Да открыты ли твои собственные глаза? Вот друид, он бродил вслепую — темная тень темных времен. Глаза его были закрыты для истины, такой очевидной, такой прозрачной... стоило только подумать об этом. Но нет, он так и не разглядел ее, бедный Алланон. Он видел лишь, что вернулся Повелитель чародеев; то, что есть, друид принял за то, что было, и проглядел то, что может быть. Как же он обманулся, бедный Алланон. Даже в смерти шагнул он туда, куда вела темная магия, и перед самым концом жестоко просчитался.

Мысли Брин закружились вихрем.

— Странники — они знали, что он идет. Они знали, что он может пойти через Вольфсктаг. Вот почему там был Джахир.

Смех задрожал гулким эхом в сером безмолвии тумана.

— Истина одолеет все! Но может быть, лишь раз — не больше. Не доверяйся словам Угрюма-из-Озера. Надо ли мне говорить еще? Может, стоит тебе рассказать о твоём походе к Мельморду с этим шутком, принцем Лиха, и его потерянной магической силой? Как же он, бедненький, убивается: все, что угодно, лишь бы только вернуть эту силу, лишь бы вернуть себе то, что его же и уничтожит. Ты ведь уже догадалась, дитя, что она уничтожит его? Что ж, пусть получит что хочет. Пусть обретет предмет своих исканий и сольется с легионом таких же, что уже искали, и обрели, и спустились в глубины смерти. Это его рука ведет тебя к той же судьбе. А-а, или мне стоит тебе рассказать, как ты сама придешь к своей смерти?

Лицо Брин посуровело.

— Говори все, что хочешь, дух. Но я услышу лишь правду.

— Значит, так? Ну а когда речь коснется того, что еще только будет, кто станет судить, где там правда, где ложь? — Голос Угрюма-из-Озера был глух и насмешлив. — Книга твоей судьбы лежит раскрытая передо мной, хотя есть там еще страницы, которые лишь предстоит вписать. То, что должно быть написано, должно быть написано только тобой, а не словами, которые я могу сейчас произнести. Ты — последняя из троих. Каждому — жить под тенью других, каждому — стремление вырваться из тени, каждому — отойти, вступив на свой путь, а потом снова соединиться с теми, кто ушел раньше. Но все равно твой удел темнее всех на земле.

Брин уже совсем запуталась. Первый, наверное, Ши Омсфорд, отец — второй, ну а она, значит, третья. Каждый когда-то стремился освободиться от наследия эльфийского рода Шаннары, с которого, в общем-то, все всегда и начиналось. Это скорее всего — «вырваться из тени». А вот дальше Брин ничего не понимала. Что это может значить?

— Смерть твоя поджидает тебя в краю странников, — тихо прошипел Угрюм-из-Озера. — В яме мрака, в самом сердце магической силы, которую ищешь ты, чтобы уничтожить, встретишь ты свою смерть. Это предопределено, дитя, ибо в себе самой несешь ты семя своей гибели.

Девушка в нетерпении вскинула руки.

— Тогда просто скажи, как мне добраться до нее, Угрюм-из-Озера. Укажи мне путь в Мельморд, на котором я буду укры-

та от глаз черных странников. Если ты видишь, что смерть моя уже ждет, так позволь мне быстрее дойти до нее.

Аватар утрюмо рассмеялся.

— Умная девочка, только и ищешь способ заставить меня откровенно поведать тебе то, за чем ты пришла сюда. Я ведь знаю, что тебе нужно, дитя эльфов. От меня ничего не скроешь, ибо живу в этом мире с начала времен и буду жить, пока не закончится время. Я сам решил остаться в этом древнем, полном жизни мире и не искать покоя в других. Я превратил все это в большую игру: теперь у меня уже нет никого, кроме смертных из плоти и крови,— это фишки в игре, и еще никому не случилось пробиться сквозь мою защиту. Хочешь знать правду, дитя? Что ж, умоляй меня, может, мольба твоя и будет услышана.

При этих хвастливых словах Угрюма-из-Озера Брин охватил гнев, и она невольно шагнула вперед, к самому краю серой воды. Брызги предостерегающе зашипели в тумане, но девушка не обратила на них никакого внимания.

— Меня предупредили, что ты станешь играть со мной,— проговорила она, и теперь голос ее был зловещим.— Я прошла долгий путь и испытала немало горя. И я не желаю, чтобы ты меня тут дразнил. Не гневи меня, дух. Говори только правду. Как добраться до Мельморда, чтобы странники меня не увидели?

Угрюм-из-Озера прищурился, и глаза его вспыхнули алым огнем.

— Ищи сама свой путь, Брин из народа долины,— прошипел он.

Гнев словно взорвался внутри, и Брин едва сдержалась. Она молча кивнула, будто соглашаясь, а потом отступила от края воды и уселась на каменистом берегу, закутавшись в свой плащ.

— Тебе нечего ждать от меня,— усмехнулся аватар.

Но Брин не двинулась с места. Пытаясь успокоиться, она глубоко вдыхала влажный воздух, и мрачные мысли ее собирались как тучи. Не сводя с девушки алых глаз, Угрюм-из-Озера неподвижно застыл над водой. Глаза его словно притягивали, и Брин не стала сопротивляться. Ее лицо обратилось в маску спокойствия. Девушка вскинула голову и отвела с лица волосы.

«Он еще не понимает, что я сейчас буду делать!»

Брин про себя улыбнулась, и мысль тут же пропала, не успев оформиться до конца.

А потом Брин запела. Сначала очень тихо. Ласковый шепот песни желаний сорвался с губ девушки, сидящей на берегу унылого озера, и заполнил собою пространство, сливаясь с туманом. А вскоре собрался и единой волной накатил на Угрюма-из-Озера. Дух действительно испугался — он не решился даже пошевелиться, чтобы вырваться из магической паутины, что сплеталась вокруг и обволакивала его, с каждой секундой сжимаясь, становясь все плотнее. Только через какое-то время аватар, кажется, осознал, что происходит. Вода под ним вспенилась и зашипела. Но песнь желаний тут же размела все вокруг плененной фигуры, обернула ее плотной пеленой чар, словно куколку громадного насекомого.

Теперь голос Брин звучал громче и увереннее. Шепоты первой мелодии — нежные покрывала звука, спеленавшие Угрюма-из-Озера, — уже сплели свои чары. Точно муха, попавшая в паутину, аватар был теперь пленником, отданным во власть той, что поймала его в свою невидимую сеть. Но Брин не стала его принуждать ни силой рук, ни волей разума, потому что поняла еще раньше: это будет бесполезно. Воспоминания — вот то оружие, которое нужно сейчас, воспоминания о том, что давно прошло, что было утрачено и уже никогда не вернется. И теперь это все зазвучало в мелодии песни желаний. Прикосновение человеческих рук, теплых и ласковых. Запах и вкус. Нежность и свет. Ощущение радости и любви, жизни и смерти. И еще много-много другого, того, что уже недоступно Угрюму-из-Озера в его нынешнем обличье: смутные воспоминания о жизни, которую не вернуть.

Аватар задрожал, и призрачное тело его замерцало в клубах тумана. Он рванулся с мучительным криком, пытаясь избежать потока забытых за давностью лет ощущений, но не смог вырваться из сети, сотканной магической силой песни. Чувства нахлынули на него, пробуждая уснувшую память. Брин и сама ощущала, как ожили чувства духа и вслед за потоком воспоминаний хлынули слезы. Да, Угрюм-из-Озера плакал. Но Брин продолжала петь. И когда аватар был уже полностью в ее власти, девушка превозмогла свою боль и забрала назад все, что дала ему.

— Нет! — в отчаянии взвыл аватар. — Верни их! Верни их мне!

— Скажи все, что мне нужно узнать! — пела Брин, вплетая вопросы в мелодию песни. — Скажи мне!

С какой-то пугающей внезапностью полились слова аватара, словно выгалькиваемые болью, терзающей его потерянную и вновь обретенную душу:

— Грань мрака соединяется с Мельмордом на Вороньем срезе — Грань мрака, цитадель призраков. Там тот путь, который ты ищешь, по лабиринту труб и отдушин, что ведут из залов глубоко под скалу, чтобы сойтись у подземного озера. Иди по стоку нечистот, и странники тебя не увидят!

— Меч Лиха, — жестко давила Брин. — Где нам найти его? Говори!

Боль скрутила Угрюма-из-Озера; девушка, словно дразня, прикоснулась к нему своим голосом, в котором вновь зазвучали давно утраченные чувства — смутно, неуловимо.

— Гномы-пауки! — в отчаянии вскричал дух. — Меч в их становище: клинок, выуженный из вод Гремящего потока, — знатный улов для сетей, что укрепляют они на берегах!

Внезапно Брин замолчала, оборвав песнь желаний, песнь, исполненную воспоминаний и чувств прежней жизни — давней, забытой. Чары рассеялись — безболезненно и мгновенно, — освобождая плененного духа из своих невидимых тисков. Один только миг эхо мелодии вздрагивало в тишине, нависшей над серым озером, растворяясь в единой блуждающей ноте. Ноте забвения. Призрачном, сладостном плаче, возвращающем Угрюму-из-Озера былой покой. Без памяти, без боли.

А потом наступила долгая жуткая тишина. Медленно Брин поднялась на ноги, открыто глядя в лицо, которое было зеркалом ее лица. Что-то внутри словно застонало в отчаянии, едва Брин увидела выражение на том, другом, лице. Будто она сотворила все это с собой!

Теперь Угрюм-из-Озера тоже понял, что с ним только что сделали.

— Ты все же выманила у меня правду, дитя тьмы! — горестно взвыл аватар. — Чувствую, ты это сделала. О, ты — черная дева! Черная!

Голос духа сорвался; серые воды под ним закипели, пар поднимался, смешиваясь с туманом. Брин неподвижно стояла на

берегу, боясь отвернуться, боясь заговорить. И внутри были лишь пустота и холод.

А потом вдруг Угрюм-из-Озера вскинул руку в черном рукаве.

— И еще одна маленькая игра, напоследок. Кое-что взамен, дева из Дола, от меня — тебе! Пусть это будет мой дар! Смотри в туман, сюда, рядом со мной! Смотри внимательно! Вот, погляди на это!

Брин понимала, что нужно бежать отсюда, но почему-то не могла. Ноги словно приросли к земле. Туман перед ней сгустился непроницаемой пеленой, которая сверкала и подрагивала, зачаровывая. По серым клубам пробежала дрожь, точно рябь по воде, и выступил образ: фигура, скорчившаяся во тьме каменной кельи, что-то прячет укладкой...

Джайр засунул кристалл видения обратно за пазуху, моля про себя, чтобы сумрак скрыл от мвеллрета его движение. Быть может, тот ничего не заметит. Быть может...

— Видел магию, эльфин. — Скрипучий голос развеял последнюю надежду. — Все время я чувствовал: ты владеешь магией. Есть у тебя волшебные штучки. Поделись ими со мной, дружок. Покажи, что это там у тебя.

Джайр медленно покачал головой, но в его голубых глазах, словно в прозрачном зеркале, отразился страх.

— Не подходи ко мне, Ститхис. Лучше не подходи!

Мвеллрет рассмеялся — глухо, гортанно, эхо зловещего смеха задрожало в темной пустоте камеры, разнеслось по коридорам. И вдруг ящер надул под черным плащом, поднявшись в полумраке чудовишной тенью.

— Ты что же, мне угрожаешь, малыш? Только попробуй использовать свою магию против меня, я раздавлю тебя, как червяка. А теперь тихо, дружок. Смотри мне в глаза. Смотри на свет.

Глаза под чешуйчатыми веками блеснули — холодные, безжалостные. Джайр заставил себя отвести взгляд, понимая, что не должен смотреть, иначе он вновь попадет под власть этого ужасного существа. Но это было так трудно — не смотреть. Ему так хотелось заглянуть в эти таинственные глаза, погрузиться в них, в манящую тишину и покой...

— Смотри, эльфин,— прошипел мвеллрет.

Рука долинца сама сжала кристалл видения, спрятанный под рубашкой,— край ограненного камня больно врезался в ладонь. Сосредоточившись только на этой боли, Джайр твердил себе, как заклинание: не смотри! Не смотри!

Мвеллрет рассерженно зашипел и вскинул руку.

— Отдай мне магические штучки! Отдай все, что ты прячешь!

Джайр Омсфорд молча попятился...

Угрюм-из-Озера резко опустил руку — сцена в тумане подернулась дымкой и растворилась. В каком-то слепом отчаянии Брин шагнула вперед — с каменистого берега в серую воду. Джайр! Это был Джайр! Но что, что с ним такое случилось?

— Ну как, тебе понравилась моя игра, Брин из народа долины? — хрипло прошептал аватар, и вода под ним вновь вскипела.— Видела, что приключилось с твоим возлюбленным братом, который, ты думала, сидит себе в безопасном Доле? Ты ведь видела?

Брин с трудом подавила гнев.

— Это ложь, Угрюм-из-Озера. В этот раз — только ложь.

Дух рассмеялся.

— Ложь? Думай как хочешь, дитя. В конце концов, игра — это только игра. Отвлечение от правды. Или все-таки открытие правды? — Он сжал руки под черным плащом. И туман все клубился.— Тьма в тебе, Брин из рода Шаннары, Брин из рода Омсфордов. Порождение Тьмы, ты темна, как та магия, с которой играешь. Уходи от меня. И бери с собой знание о магическом мече своего шута-принца и о дороге к собственной смерти. Забирай! Обрети то, что ищешь, и будь такой, какой ты станешь! Уходи!

И Угрюм-из-Озера стал растворяться в сером тумане, вихрящемся над мрачными водами. Брин застыла как вкопанная на берегу, направляя всю свою волю, чтобы удержать аватара. Но она уже поняла: теперь у нее ничего не получится.

Внезапно дух замер, наполовину исчезнув; под покровом тумана глаза аватара сузились в шелки алого света. Лицо Брин обратилось к ней — искаженная злобой маска.

— Посмотри еще раз на себя, Брин из народа долины. На такую, какая ты есть: та, кто спасает и кто разрушает,— зерка-

до жизни и смерти. Магия подчиняет себе всякого, дитя Тьмы. Даже тебя!

И Угрюм-из-Озера исчез за стеной тумана, только смех продолжал злобно звучать в глубоком безмолвии. Но вскоре серые клубы тумана беззвучно сомкнулись, поглощая и смех.

Еще мгновение глядела Брин в мрачную мглу, одолеваемая сомнениями, страхами и странными назойливыми предчувствиями. А потом медленно повернулась и побрела к темным деревьям.

Глава 33

Суровый и неумолимый, мвеллрет наступал на него в сумраке тесной клетушки, а Джайр только медленно пятился.

— Отдай мне волшебные штучки! — шипело чудовище, тыча в долинца когтистым пальцем. — Отдай их, эльфин!

Джайр отступил еще, и цепи, которыми он был скован, лязгнули об пол. Еще шаг — и долинец прижался спиной к стене. Отступать дальше некуда.

«И никуда мне от него не деться!» — в отчаянии думал долинец.

У двери раздался тихий скрип кожаных сапог, и гном-тюремщик шагнул в камеру из коридора. Шагнул бесшумно, как тень, низко склонив голову, пряча лицо в тени капюшона. Ститхис резко повернулся к нему, холодные глаза недовольно сверкнули.

— Я не звал всяких коротышшек, — угрюмо пробормотал мвеллрет и взмахнул чешуйчатой рукой, отсылая гнома.

Но тюремщик не обратил на него никакого внимания. Немой и безучастный, прошаркал он мимо ящера, словно и не видя его, и направился напрямик к Джайру. Держа голову низко склоненной, пряча руки иод изношенным плащом, — будто призрак, скользил гном по каменным плитам. С изумлением и тревогой следил Джайр за его приближением. Когда гном был уже совсем рядом, долинец с отвращением подался назад, еще плотнее вжимаясь спиной в стену, и, защищаясь, вскинул обе руки. Цепи жалобно лязгнули.

— Уйди, гном! — проскрежетал Ститхис, рассердившись, и угрожающе выпрямился.

Но гном-тюремщик уже добрался до Джайра. Скорчившийся и безмолвный, стоял он напротив долинца; голова, скрытая под капюшоном, медленно поднялась.

Джайр изумленно вытаращил глаза. Гном в оборванном плаще не был тюремщиком!

— Нужна помощь, мальчик? — прошептал Слантер.

И в это мгновение фигура в черном влетела в камеру из коридора — клинок меча сверкнул во мраке у самого горла опешившего Ститхиса. Мвеллрету пришлось отступить к стене.

— И ни звука,— предупредил Гарет Джакс.— Чтобы даже не дергался. А не то не успеешь вякнуть, как станешь трупом!

— Гарет, ты жив! — воскликнул Джайр, не веря своим глазам.

— Жив и здоров,— ответил тот, не сводя тяжелого взгляда с мвеллрета.— Не копайся там, гном.

— Только секундочку потерпи! — Слантер вытащил из-под плаща связку огромных железных ключей и принялся подбирать подходящий.— Вот чертовы штуки, никак не подходят... а-а-а... вот он где!

Замки на железных «браслетах» резко щелкнули, и цепи упали.

— Слантер! — Джайр сжал руку гнома. Слантер скинул рваный плащ и с отвращением отшвырнул его от себя.— Как же вам удалось отыскать меня?

— Ну, на это большого ума и не надо! — фыркнул гном, растирая посиневшие запястья долинца.— Я же тебе говорил: лучше меня следопыта на свете нету! Правда, погода вот подкачала — не лес, а болото, половина следов размыта дождем. Но там, у туннеля, мы нашли следы ящера и догадались, что он потащит тебя сюда. Камеры Дан-Фи-Арана распродают за дешево — тут и вопросов-то быть не может. Ну а жизнь пленников здесь и того дешевле. Будешь сидеть тут, пока не истлеешь, пока...

— Об этом расскажешь позже, гном,— оборвал его Гарет Джакс.— Ты,— он ткнул мвеллрета мечом,— пойдешь вперед, и чтобы никто к нам не приставал. Нас не должны останавливать, не должны ни о чем спрашивать. Если вдруг что...

— Оставьте меня, людишки! — прошипел ящер.— Оставьте здесь!

— Да, оставь его здесь,— кивнул Слантер, сморщившись от омерзения.— Нельзя доверяться ящеру.

Но Гарет Джакс покачал головой.

— Он идет с нами. Форкер считает, что он может нам пригодиться.

Джайр встрепенулся.

— И Форкер тоже здесь!

Но Слантер уже тащил его к двери. Проходя мимо мвеллрета, гном с презрением плюнул на пол.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Мастер боя. Он способен только на гадости,— настойчиво проговорил он.— Помни, я тебя предупредил.

Они вышли в коридор. Слантер поддерживал Джайра за локоть, Гарет Джакс подталкивал мвеллрета, держа меч наготове. Мастер боя помедлил мгновение во тьме и тиши коридора, напряженно прислушиваясь, а потом подтолкнул Ститхиса вперед, и все четверо зашагали по сумрачному проходу. Впереди на стене горел факел; проходя мимо, Слантер выхватил его из железной подставки и встал во главе маленькой процессии.

— Проклятое место, черная яма! — бормотал гном, выбирая дорогу во мраке.

— Слантер! — горячо зашептал Джайр.— Эльб Форкер тоже здесь?

Гном быстро взглянул на него и кивнул.

— И карлик, и эльф, и каллахорнец — все здесь. Говорят, раз уж мы вместе начали этот поход, то вместе его и закончим.— Он уныло покачал головой.— По-моему, мы все просто спятили.

Они скользили по лабиринту коридоров: впереди — гном с долинцем, следом — Мастер боя. Острие меча Гарета Джакса упиралось в спину мвеллрета. Они поспешно шагали сквозь черноту и безмолвие, сквозь зловоние смерти и гнили, мимо закрытых и проржавевших дверей тесных камер — обратно к свету дня. Наконец впереди показались тонкие ниточки света, серого и унылого. Шелест дождя долетал снаружи; струйки чистого воздуха просочились в вонючие коридоры.

А вот и выход: тяжелая, обитая железом дверь, запертая на засов. Ветер и дождь бились снаружи, барабанил по дереву. Слантер отбросил факел, рванулся вперед и выглянул через смотро-

вую щель, чтобы убедиться, что там, за дверью, все спокойно. Джайр тут же присоединился к нему, с несказанным удовольствием вдыхая свежий воздух, просачивающийся через прорезь.

— А я уже думал, что больше вас не увижу, — шепнул он гному. — Никого.

Слантер продолжал глядеть в смотровую щель.

— Ну вот, считай, что тебе повезло.

— Я думал, уже никто не придет за мной. Думал, вы все погибли.

— Ну, это вряд ли, — буркнул гном. — После того как я тебя потерял там, в туннелях, и так и не смог отыскать, я пошел по хребту над Капаалем на север. Туда, где заканчивается туннель. Я знал: если кто-то и выжил, то все они выберутся в конце концов точно так же, как выбрался я. Ведь таков был план Мастера боя. Вот я и ждал. Ну и конечно, они отыскивали друг друга, а потом нашли меня. И все мы пошли за тобой.

Джайр пристально посмотрел на гнома.

— Слантер, ведь ты мог бросить меня, бросить всех. Никто бы и не узнал. Ты был свободен.

Гном лишь пожал плечами, на его грубом лице отразилось какое-то неловкое смущение.

— Разве? — Он мотнул головой. — Я как-то об этом не подумал.

К ним подошел Гарет Джакс, подталкивая упирающегося мвеллрета.

— Там все еще дождь? — спросил он Слантера.

Гном кивнул.

— Все еще дождь.

Неуловимым движением Мастер боя убрал меч в ножны, и в его руках появился длинный кинжал. Тут же Гарет Джакс отшвырнул мвеллрета к стене. Там, в камере Джайра, Ститхис был на голову выше южанина, но теперь ящер вновь съезжился под плащом, словно свернувшаяся в кольцо змея. Зеленые глаза злобно глядели на Гарета Джакса — немигающие, холодные.

— Оставьте меня, людишки! — провыл он опять.

Лицо Гарета помрачнело. Он покачал головой.

— Когда выйдем наружу, не отходи от меня, мвеллрет. Ни шагу в сторону. И никаких фокусов. Сейчас дождь, мы в плащах с капюшонами, так что нас не должны заметить. Но если кто-

то вдруг сунется к нам, ты их отошлешь. И запомни: чтобы я снес тебе башку, меня долго упрашивать не придется.

Он сказал это тихо, почти ласково, а потом была долгая злобная тишина. Глаза мвеллрета сузились в щелки.

— У вас есть магия! — гневно прошипел он. — Я вам не нужен! Оставьте меня!

Гарет Джакс приставил острие кинжала к горлу, покрытому чешуей.

— Ты идешь с нами.

Закутавшись в плащи и натянув капюшоны до самого носа, друзья распахнули тяжелую деревянную дверь и вышли из мрачной темницы на свет. Впереди была сплошная пелена дождя, в сером небе клубились тучи, подгоняемые свирепым ветром. Все четверо низко склонили головы под его ледяными порывами и зашагали по жидкой грязи к северной крепостной стене. Мимо шныряли солдаты-гномы, но никто даже не приостановился — все спешили поскорее убраться со двора и спрятаться под крышей. Караульные на сторожевых башнях забились в ниши и углубления в камне стен, проклиная на чем свет стоит этот промозглый холод. Никому не было дела до маленькой компании, шлепающей по грязи внизу. Никто на них и не взглянул дважды. Ну идут себе и идут.

Слантер шел впереди, выбирая дорогу между мутными ручьями и лужами грязи — к обитым железом дверям в стене. За дверьми оказался маленький внутренний дворик, а на той стороне — квадратная сторожевая башня, сложенная из камня и бревен. Они быстро прошли по мощеному дворику прямо к башне. Слантер молча отодвинул задвижку.

Небольшая передняя была ярко освещена: на подставках, вбитых в стену по обеим сторонам двери, горели смоляные факелы. Пока остальные приостановились у входа, стряхивая воду с плащей, Слантер скользнул туда, где начинался темный коридор, уводящий налево под крепостную стену. Вглядевшись во мрак, гном махнул своим спутникам, чтобы они шли за ним. Гарет Джакс снял со стены один факел, протянул его Джайру и кивком отправил долинца вперед.

Длинный узкий коридор терялся во тьме. По обеим его сторонам тянулись бесконечные ряды дверей.

— Кладовые, — подмигнул Слантер Джайру. У третьей двери гном остановился и тихонько постучал.

— Это мы,— прошептал он в замочную скважину.

Звякнул замок, дверь широко распахнулась. Эльб Форкер, Хельт и Эдайн Элесседил сгрудились в дверном проеме. Улыбаясь, они окружили Джайра и по очереди крепко пожали ему руку.

— Ну как ты, Джайр? — с беспокойством спросил Эдайн.

Лицо самого эльфа было в синяках и таких страшных порезах, что долинец не на шутку испугался. Поймав его встревоженный взгляд, эльф небрежно махнул рукой.

— Да ерунда — просто пара царапин! Спасаясь, я отыскал один выход, но туннель привел меня прямо в терновый куст. Ничего, заживет. Ты-то как?

— Теперь уже все хорошо, Эдайн! — Долинец порывисто обнял эльфа.

Лица и руки Хельта и Форкера тоже были в царапинах и кровоподтеках. Что было неудивительно после того, как на них обрушилась целая каменная стена. Удивительно то, что они после этого остались живы.

— Просто не верится, что вы все здесь! — Комок подкатил к горлу Джайра, и он с трудом сглотнул.

— Но как мы могли тебя бросить, Джайр? — Гигант калла-хорнец тепло пожал руку долинца своей громадной ручищей.

Лицо Джайра расплылось в счастливой улыбке. Форкер быстро шагнул вперед, в упор глядя на мвеллрета.

— Вижу, вам удалось-таки притащить его.

Гарет Джакс молча кивнул. Пока остальные продолжали тормошить и расспрашивать Джайра, Мастер боя стоял рядом со Ститхисом, держа кинжал у горла мвеллрета.

— Людишки еще пожалеют, что так со мной обошлись! — злобно прошипел ящер.— Уж я сделаю так, что они пожалеют!

Слантер с омерзением плюнул. Подняв палец вверх, Эльб Форкер подступил вплотную к мвеллрету.

— Ты сам во всем виноват, Ститхис. Нехвати ты долинца, никто бы тебя не тронул. Но ты затащил его в темницу и теперь за это ответишь. Придется тебе вывести нас отсюда, из этого мрачного места, и провести по лесам до Вороньего среза. И постарайся, мвеллрет, чтобы все мы дошли в целости и сохранности. Постарайся как следует. Иначе один твой неверный шаг — и я больше не стану удерживать Слантера. Мало того,

я сам попрошу, чтобы он сделал с тобой то, что давно уже рвется сделать. — Он поглядел на гнома. — И учти, Ститхис: он тоже знает дорогу, так что, если захочешь сыграть с нами шутку, прежде подумай.

— Давайте уйдем отсюда! — пробормотал уже начавший тревожиться Слантер.

Под предводительством гнома они зашагали по узкому коридору, потом свернули, прошли по каким-то тесным проходам и оказались у подножия винтовой каменной лестницы. Слантер предостерегающе поднес палец к губам. Друг за другом друзья стали медленно подниматься. Откуда-то сверху доносилась гортанная речь гномов — еще неразборчивая и далекая. Лестница закончилась у маленькой деревянной двери. Слантер помедлил, прислушиваясь, а потом осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Не заметив ничего подозрительного, гном знаками дал понять своим спутникам, что можно заходить.

Они оказались в огромном зале. Судя по наваленным на полу грудам всевозможного оружия и кольчуг, это был арсенал крепости. Сквозь высокие зарешеченные окна пробивался пасмурный серый свет. Зал был пуст, и Слантер поспешно повел своих спутников к двери в дальней стене.

Они были уже на пороге, как вдруг дверь распахнулась и друзья оказались нос к носу с целым отрядом гномов-охотников.

Гномы нерешительно сгрудились у порога, увидев сначала Слантера, а потом странную компанию у него за спиной. Но когда они разглядели Форкера, руки их тут же потянулись к оружию.

— В этот раз не повезло, мальчик! — пробормотал Слантер, закрывая собою Джайра.

Гномы-охотники разом ринулись в атаку, но Гарет Джакс уже метнулся вперед черной тенью, меч сверкнул, точно стальная молния. Первые из атакующих замертво упали на пол. Теперь рядом с Мастером боя стоял и Форкер, его боевой топор с двумя лезвиями заставил попятиться остальных. У них за спиной Ститхис, воспользовавшись замешательством, рванулся к двери, которая вела к лестнице. Но Хельт прыгнул следом, как кот на охоте, и повалил мвеллрета на пол. Сцепившись,

они покатались к груде сложенных копий — с громовым лязгом копья рухнули прямо на них.

Гномы вновь сгрудились у дверного проема, отчаянно отбиваясь от теснящих их Гарета Джакса и Форкера. Но битва длилась всего лишь минуту: с гневными завываниями гномы отступили и побежали прочь с поля сражения. Мастер боя и карлик рванулись было в погоню, но, видя, что это бесполезно, остановились в дверях и поспешили на помощь Хельту. Все вместе они подняли Ститхиса на ноги. Мвеллрет злобно шипел, его чешуйчатое тело пульсировало, разбухая, пока ящер не стал одного роста с каллахорнцем. Трое друзей не без труда подтащили отбивающегося мвеллрета к двери, на пороге которой стояли Джайр со Слантером и безнадежно глядели во мрак коридора.

С обоих концов коридора уже доносились крики тревоги, заглушаемые безумными воплями бегущих в панике гномов-охотников.

— Ну и куда нам? — выдохнул Гарет Джакс, обращаясь к Слантеру.

Без лишних слов гном рванулся направо, в направлении, противоположном тому, куда побежали гномы-охотники. Остальные поспешили за ним. Даже Ститхис мчался довольно резво, подгоняемый острым кинжалом Гарета Джакса, который упирался ему под ребра.

— Глупые людишки! — в ярости скрежетал зубами мвеллрет. — Все здесь умрете! Все до единого!

Впереди коридор разветвлялся надвое. Слантер хотел было свернуть налево, но там было полным-полно гномов. Заметив беглецов, они рванулись вперед, размахивая мечами и копьями. Слантер на бегу повернул и понесся к правому проходу. Одна из дверей впереди вдруг распахнулась, и в проход выступил гном, но Форкер с силой отпихнул его, даже не приостановившись. Воин был в шлеме, с громким лязгом врезался он головой в каменную стену. Теперь крики погони неслись ото всюду.

— Слантер! — предостерегающе вскрикнул Джайр.

Слишком поздно. Гном влетел в самую гущу отряда вооруженных солдат, неожиданно появившихся из примыкающего коридора. Гарет Джакс тут же подтолкнул мвеллрета к Хельту, а сам бросился на помощь Слантеру, который уже пропал

в беспорядочном сплетении рук и ног. Если Форкер и Эдайн Элесседил и отстали от Мастера боя, то только на шаг. Клинки сверкали в сером полумраке, крики боли и гнева заполнили пространство узкого коридора. Сметая все на своем пути, друзья ринулись в самый центр свалки, отшвыривая взбесившихся гномов от упавшего Слантера. Гарет Джакс ловко и стремительно отбивал удары врагов, а вот его меча никто не мог избежать. Гномам пришлось расступиться. Эдайн Элесседил помог Слантеру подняться на ноги.

— Слантер! Выводи нас отсюда! — проревел Эльб Форкер, не переставая размахивать боевым топором.

— Туда! — хрипло выдавил Слантер и, пошатываясь, устремился вперед.

Пробившись сквозь изрядно поредевший строй гномов, которые пытались еще загородить им дорогу, беглецы рванулись по коридору вслед за Слантером, а Хельт умудрялся при этом тащить упирающегося мвеллрета. Гномы-охотники наскakивали на них со всех сторон, но с какой-то неистовой решимостью друзья отбивали каждую атаку. Слантер снова упал, споткнувшись о древко копья, которое кто-то из гномов сунул ему под ноги. Но Форкер был уже рядом: одной рукой обрушил он на атаковавшего свой страшный топор, а второй — поднял Слантера на ноги. Позади крики погони превратились в единый рев; словно стальная волна катила по коридору — не одна сотня гномов в кольчугах и шлемах преследовала шестерых беглецов.

Но друзьям все-таки удалось прорваться к винтовой лестнице, уводящей куда-то вниз. Беглецы одним махом слетели по истертым ступеням и оказались в большом круглом зале со сводчатым потолком и множеством дверей и окон, закрытых ставнями от непогоды. Ни секунды не медля, Слантер рывком распахнул ближайшую дверь, и отряд вырвался наружу — в дождь.

Они оказались во внутреннем дворе, окруженном зубчатой стеной с железными воротами. Дождь больно хлестал в лицо, свирепо выл ветер, над Острыми вершинами перекачивались громовые раскаты. Низко пригнувшись, Слантер провел отряд через двор прямо к воротам, распахнул одну створку и шагнул в открывшийся проем. Сразу же за воротами начиналась каменная лестница, уводящая вниз, к очередному нагромождению крепостных стен и сторожевых башен. А еще дальше —

словно волновалось черное море теней — лес подступал к самым стенам крепости.

Гномы-охотники собрались на сторожевых башнях, крики тревоги из крепости долетели и сюда. Не обращая на них никакого внимания, Слантер совершенно спокойно повел отряд вниз по лестнице. Низко склонив голову и натянув капюшон до самого носа, он знаками пригласил своих спутников пройти в крытую галерею под крепостной стеной. Там он собрал их всех в тесный кружок.

— Мы пройдем прямо через ворота, — сообщил гном, тяжело дыша. — Всем молчать — говорить буду только я. Не поднимайте головы и следите, чтобы не съехали капюшоны. Что бы ни случилось, не останавливайтесь. А теперь — очень быстро!

Никто не спорил, даже Гарет Джакс. Запахнув поплотнее плащи и опустив капюшоны, друзья выскользнули из сумрачной галереи. Под предводительством Слантера они прошли вдоль крепостной стены под сторожевой башней к открытым воротам. Караульные стояли у ворот и угрюмо переговаривались, передавая по кругу флягу с элем. При приближении маленького отряда один или двое стражников подняли головы. Слантер махнул им рукой и сказал что-то на языке гномов, которого Джайр не понимал. Один из караульных оставил своих товарищей и шагнул вперед, навстречу отряду.

— Не останавливайтесь, — шепнул Слантер через плечо.

А сзади уже неслись крики погони. Насторожившись, стражники у ворот все как один повернулись к крепости, пытаясь понять, что же там происходит.

Отряд быстрым шагом прошествовал мимо. Джайр инстинктивно сжался, стараясь утонуть в складках плаща. Напряжение было так велико, что долинец даже споткнулся и упал бы, не подхвати его сзади Эльб Форкер. Когда они проходили ворота, Слантер шагнул чуть в сторону, загоразивая своих спутников от стражника, который, видимо, намеревался их задержать. Они о чем-то заспорили, в основном звучал сердитый голос Слантера, и Джайр уловил в разговоре слово «мвеллрет». Но вот стражники остались уже позади — друзья миновали ворота. Все, кроме Слантера. Никто их не остановил. Когда они вышли из Дан-Фи-Арана и поспешили укрыться в сумраке дремучего леса, Джайр приостановился и с тревогой оглянулся назад. Слантер все еще стоял у ворот, препираясь с упрямым караульным.

— Не поднимай голову! — пробурчал Форкер, подталкивая долинца вперед.

Неохотно последовав за карликом, Джайр вошел в промокший лес — стены и башни крепости гномов тут же пропали из виду за стеной деревьев. Еще пару минут беглецы шли не останавливаясь, напролом сквозь заросли кустарника. Теперь их вел Эльб Форкер. Остановились они под громадным дубом, его листья уже опали и покрывали мокрую землю грязно-бурым ковром. Гарет Джакс крепко-накрепко привязал мвеллрета к корявому стволу. Друзья молча ждали.

Прошло уже несколько минут, а Слантера все не было. Скорчившись на краю поляны, на которой рос огромный дуб, Джайр беспомощно смотрел в дождь. За спиной долинца его спутники завели приглушенный разговор. Дождь лил не переставая, рассыпаясь шумной дробью по земле и деревьям. Слантер не появлялся. Джайр решительно сжал губы. Если он не придет через пять минут, долинец возвращается за ним. Он ни за что не бросит Слантера, после всего что гном для него сделал.

Назначенные пять минут прошли — Слантера не было. Джайр поднялся и вопросительно поглядел на остальных — группу закутанных в плащи фигур в дождливой тьме.

— Я возвращаюсь, — объявил им долинец.

И вдруг сзади раздался шорох, и из лесной чащи появился Слантер.

— Переговоры сторон несколько затянулись. Вообще-то на это я не рассчитывал, — проворчал гном. — Нам надо поторопиться, очень скоро они будут здесь. — И тут Слантер заметил выражение облегчения на лице Джайра и резко остановился: — Ты куда-то собрался идти, мальчик?

— Ну... я... нет, теперь уже нет... — выдавил юноша.

Гном искренне изумился.

— Нет? А как же — ты ведь хотел отыскать свою сестренку, разве нет? — (Джайр кивнул.) — Вот. Значит, куда-то тебе все-таки нужно. А если точнее: на север с нами. Вот и пошли.

Сделав знак остальным, Слантер снова направился в чашу.

— В шести милях вверх по течению мы перейдем вброд реку, чтобы уж точно избавиться от погони. Река там глубокая, но я так думаю, что мокрее, чем сейчас, мы уже не станем.

Джайр невольно улыбнулся и поспешил за товарищами, которые уже направлялись в чашу вслед за Слантером. Впереди

громоздились угрюмые пики Острых вершин, серые и туманные. А за ними — еще далеко к северу и пока скрытые из виду — ждали горы Вороньего среза. До Грани мрака еще долгий путь, думал Джайр про себя, вдыхая холодный осенний воздух и запах дождя, но в первый раз после событий в Капаале он был уверен: они доберутся туда.

Глава 34

Брин молчала почти всю дорогу от озера до Каменного очага. Нужно было еще раз как следует все обдумать и понять смысл всего, что сказал ей аватар. Прямо сейчас. Иначе — Брин хорошо понимала — со временем сделать это будет еще труднее. На настойчивые расспросы друзей она ответила только, что пропавший меч Лиха попал в руки гномов-пауков и что в Мельморд можно пройти незамеченными через сточные каналы Грани мрака. Поведав это, Брин попросила отложить все дальнейшие расспросы до возвращения в долину и вновь углубилась в упорные раздумья о таинственных речах Угрюма-из-Озера.

Да, загадал аватар ей загадку! Но больше всего Брин не давал покоя тот странный образ в тумане: какая-то темная комната, Джайр, и закутанная фигура приближается к брату так угрожающе, так зловеще. В гневе и злобе вызвал Угрюм-из-Озера этот образ, и девушка не могла поверить, что в темном видении была хоть какая-то доля правды. Закутанная фигура не была ни гномом, ни призраком-мордом — нынешними врагами Омсфордов. Брин сердилась на себя, что не ушла тогда сразу, что смотрела на это видение, которым Угрюм-из-Озера дразнил ее. Нельзя было позволять духу так насмеяться над ней. Джайр в безопасности, в Доле, вместе с родителями и друзьями. А образ озерного духа — это ложь, рожденная ненавистью.

И все-таки Брин не могла быть уверенной до конца.

Так ни до чего и не додумавшись, она решила отложить этот вопрос на потом, а пока заняться другими загадками аватара. Их было немало. Черная магия как-то соединяет прошлое и настоящее, намекнул ей Угрюм-из-Озера. Той силой, которой владел народ и Властелин Тьмы во времена Ши Омсфорда, теперь владеют призраки-морды. Но это было еще не все. Ава-

тар упомянул о связи между Войнами рас и недавней войной эльфов из Западных земель с демонами из волшебного древнего мира. Войной, в которой участвовал и Вил Омсфорд, ее отец. В словах Угрюма-из-Озера проскальзывало коварное предположение, что, хотя магическая сила меча Шаннары и уничтожила Повелителя чародеев, окончательно тот не исчез из мира. «Кто теперь пробудил голос магии и рассылает по миру черных странников?» — спросил ее дух озера. Но хуже всего — его настойчивое утверждение, что Алланон, который все эти годы служения народам Четырех земель всегда мог предвидеть любую случайность, на этот раз обманулся. Думал, что видит правду, но глаза его были закрыты. Как там сказал Угрюм-из-Озера? Алланон видел лишь то, что вернулся Повелитель чародеев. Он видел лишь прошлое.

«А что видишь ты? — шептал аватар. — Да открыты ли твои собственные глаза?»

Ощущение полного бессилия вдруг захлестнуло Брин, но девушке удалось подавить его. Отчаяние лишь ослепит ее еще больше и помешает разобраться в словах аватара. Ну допустим, рассуждала Брин, Алланон действительно обманулся. Ей было трудно принять это — пусть даже как предположение, но только так могла она понять смысл странных речей Угрюма-из-Озера. Итак, если друид заблуждался, то в чем? Вполне очевидно, он ошибся в своей твердой вере, что морды не смогут предугадать их маршрут через Вольфсктаг и не смогут их выследить после Тенистого Дола. Только вот не было ли это его заблуждение частью другого, еще большего?

«Да открыты ли твои собственные глаза? Да видишь ли ты?»

Слова звучали в сознании снова и снова — предупреждение, смысл которого Брин никак не могла уловить. Не было ли заблуждение Алланона каким-то образом и ее собственным заблуждением? Брин мотнула головой, как бы стряхивая замешательство.

«Давай рассуждать здраво, — сказала она себе. — Нужно согласиться с мыслью, что Алланон чего-то не учел, когда делал выводы об опасности, поджидающей в Мельморде. Возможно, сила призраков-мордов гораздо больше, чем он предполагал. Быть может, какая-то часть существа Повелителя чародеев избежала уничтожения. Или, может, друид просто недооценил мощь врагов. Или, наоборот, переоценил свои силы».

Думала Брин и о том, что Угрюм-из-Озера сказал о ней.

«Дитя Тьмы,— так назвал он ее,— обреченная умереть в Мельморде, несущая в себе семя собственной гибели».

Безусловно, это может быть вызвано только магической силой песни желаний — ненадежной защитой от черной силы странников. Призраки-морды стали жертвой собственной магической мощи. Но и она, Брин, тоже, сказал Угрюм-из-Озера. А когда она с жаром ответила, что она не такая, как странники, что она никогда и не пользовалась темной магией, дух рассмеялся: никто и не пользуется ею — это магия использует всех.

«Вот ключ ко всему, что ты ищешь» — так он сказал.

Еще одна загадка. Да, это правда: бывало, магическая сила заклятия полностью подчиняла ее себе.

Брин вспомнила тех молодчиков с Длинной гряды в торговом дворе. И еще — когда Алланон показал ей, что может сделать ее могущество со сплетенными, казалось, уже навечно деревьями. Она станет той, кто спасает и кто разрушает, предостерегал дух Бремена. И об этом же предупреждал Угрюм-из-Озера.

Коглин что-то пробормотал у нее над ухом, но тут же умчался прочь, после того как Кимбер Бо нахмурилась и попросила его вести себя прилично. На мгновение Брин очнулась от задумчивости и рассеянно наблюдала, как старик скачет по лесу, смеясь и дурачась, словно полоумный. Первые вечерние тени уже поползли по земле. Брин глубоко вдохнула прохладный воздух. Она вдруг поняла, что скучает по Алланону. Это было очень странно — ведь раньше, когда он был рядом, Брин чувствовала себя неуютно в присутствии сурового и грозного друида. И все-таки было в них странное сходство, ощущение глубокого понимания и смутные догадки, что чем-то они так похожи, так близки...

Было ли это из-за того, что оба они обладали магической силой: Брин — песней желаний, Алланон — силой друидов?

Перед мысленным взором Брин встала картина: залитый солнечным светом овраг и скорчившийся на земле Алланон, израненный, весь в крови. Брин так живо представила себе это, что на глаза ее навернулись слезы. Как страшны были глаза друида, когда он смотрел на нее сквозь пелену подступающей

смерти... и прикосновение руки, обогренив теплой кровью... Таким одиноким, таким изможденным предстал он в сознании Брин: Алланон, последний друид, несущий в себе не столько даже силу друидов, сколько вину их, связавший себя страшной клятвой отца — избавить друидов от тяжелой ответственности за то, что они позволили черной магии вернуться в мир людей.

И теперь этот груз лег на плечи Брин.

Уже смеркалось; маленькая компания наконец вышла из лебрей Анара к долине Каменного очага. Брин перестала раздумывать над загадками Угрюма-из-Озера. Пора было решать, что сказать друзьям и что делать с крупицами знаний, вытянутых у аватара. Ее собственный жребий был уже определен, другое дело — судьба остальных, даже Рона. Если сказать ему то, что поведал Угрюм-из-Озера, быть может, удастся уговорить горца отпустить ее одну. Раз уж предназначено, что эта дорога приведет Брин к смерти, то, возможно, хотя бы Рону удастся ее избежать.

Через час все они собрались у камина в гостиной: Брин, старик, Кимбер Бо и Рон Лих. Безмолвная холодная ночь опустилась на землю, но здесь, в лесном домике, было тепло и уютно, и пламя весело потрескивало в очаге. Шепоточек спокойно спал на своем коврикe, блаженно вытянувшись у огня. Весь день его не было видно, но по возвращении домой огромный кот появился откуда ни возьмись и устроился клубочком на своем излюбленном месте.

— Угрюм-из-Озера предстал предо мной в моем собственном облике,— начала Брин свой рассказ.— У него было мое лицо, и еще он дразнил меня. Говорил, он — это я.

— Да, он любит такие игры,— сочувственно проговорила Кимбер.— И не стоит из-за этого переживать. Все ложь и обман!

— Хитрое, темное существо этот Угрюм-из-Озера,— подавшись вперед, пробормотал Коглин.— Засел в этом озере еще со времен крушения древнего мира и вешает загадками, в которых ни одному человеку не разобраться. Ни мужчине, ни женщине.

— Деда! — укоризненно шепнула Кимбер.

— Ну а что он сказал, Угрюм-из-Озера? — не терпелось горцу.

— Я же говорила,— ответила Брин.— Что гномы-пауки выудили меч Лиха из вод Гремящего потока и теперь он у них. И что есть скрытый путь в Мельморд — через сточные каналы Грани мрака.

— Думаешь, он тебя не обманул? — продолжал настаивать Рон.

Брин медленно покачала головой, думая о том темном пути, по которому направила она магическую силу песни желаний.

— В этом — нет.

Коглин фыркнул.

— Готов поклясться: все остальное — откровенная ложь!

Брин повернулась к нему.

— Угрюм-из-Озера сказал еще, что в Мельморде я встречу смерть. И это уже неизбежно.

Нависла долгая неуютная тишина.

— Все ложь, старик правильно говорит, — в конце концов пробормотал Рон.

— Угрюм-из-Озера сказал, что и твоя, Рон, смерть ждет тебя там же. Он сказал, что мы оба несем в себе семя собственной гибели. В нашей магической силе: твоей — в мече Лиха, моей — в песне желаний.

— И ты поверила в эту ерунду? — покачал головой горец. — Что ж, я позабочусь о нас обоих.

Брин печально улыбнулась.

— А что, если это не ложь? Что, если и это тоже — правда? Пусть твоя смерть будет на моей совести, Рон? И ты будешь настаивать на том, чтоб умереть вместе со мной?

При этом уворе Рон вспыхнул.

— Если так нужно, то да. Я хотел быть твоим защитником, настоящим защитником, и Алланон сделал меня им. Какой же я защитник, если брошу тебя и позволю уйти одной? Если уж нам суждено умереть, пусть это не тяготит твою совесть, Брин. Я все возьму на себя.

Слезы вновь навернулись на глаза девушки. Брин проглотила комок в горле, пытаясь справиться с чувствами, вдруг нахлынувшими на нее.

— Девочка, девочка, только не плачь, ты только не плачь! — Неожиданно Коглин вскочил на ноги и бросился к Брин. К ее

полному изумлению, старик ласково вытер ее слезы шершавой ладонью. — Это ведь все только игры, все ложь и обман. Дух всегда всем предсказывает скорую смерть, воображает, наверное, что наделен великим даром прорицателя. Ну, успокойся. Что может дух знать о смерти?

Он потрепал Брин по плечу, а потом вдруг сердито покосил на Рона, словно горец был во всем виноват, и пробормотал что-то о проклятых бродягах.

— Деда, мы должны им помочь, — внезапно проговорила Кимбер.

Коглин свирепо взглянул на внучку.

— Помочь им? А чем мы, по-твоему, сейчас занимаемся? Дрова колем?

— Нет, деда, конечно, но...

— Никаких «но»! — Старик вскинул руки. — Само собой, мы им поможем!

Брин и Рон в изумлении уставились на старика. Коглин пронзительно расхохотался, а потом легко поддел ногой спящего Шепоточка и рывком приподнял усатую морду зверя.

— Я и это бесполезное животное — мы все сделаем, чтобы помочь! Не терплю, когда девочки плачут! Не терплю, когда по округе шныряют всякие гости и некому даже показать им дорогу!

— Деда... — попыталась было вставить Кимбер, но старик отмахнулся от нее обеими руками.

— Что-то давно мы не совершали налетов на гномов-пауков. А что? Неплохая идея. Покажем, что мы еще здесь, а то вдруг они думают, нас уже нет. Они у нас где? На вершинах Взбитого хребта... Нет, сейчас не сезон. А-а, скоро зима, значит, они перебрались на пустошь, к болотам. Говорите, меч они выгудили из реки? Ну точно — они теперь там. Шепоточек нас приведет. А потом мы пойдем на восток, обогнем пустошь и переберемся через Вороний срез. Делов-то — на день или два. — Коглин резко повернулся к Кимбер: — Но ты не пойдешь, Кимбер. Нечего тебе бродить по этим местам. Странники и прочая нечисть — это слишком опасно. Ты останешься здесь и последишь за домом.

Девушка снисходительно посмотрела в его сторону.

— Он все еще считает меня ребенком. А это я должна о нем беспокоиться.

— Ха! И вовсе не надо тебе обо мне беспокоиться! — фыркнул Коглин.

Кимбер улыбнулась, ее личико феи было совершенно спокойно.

— Конечно, я буду всегда беспокоиться о тебе. Я ведь тебя люблю. — Она повернулась к Брин: — Брин, ты должна кое-что понять. Без меня деда теперь не покидает долины. Он уже старый, и, бывает, ему нужны мои глаза или моя память. Деда, ты только на меня не сердись, ты ведь и сам знаешь: иногда ты такой невнимательный. К тому же и Шепоточек не всегда тебя слушается. Вот пойдешь с ним один, а он возьми и испарись в самый неподходящий момент.

Коглин насупился.

— Да, безмозглый кот на это способен. — Он поглядел сверху вниз на Шепоточка, который сонно моргнул в ответ. — Учил я его, учил — только время зря тратил. Ладно, идем все вместе. Но если вдруг что, ты, девочка, держись подальше. Все опасности уж оставь мне.

Брин и Рон быстро переглянулись. Кимбер Бо повернулась к ним.

— Итак, решено. На рассвете выходим.

Горец и девушка смотрели друг на друга, не веря своим ушам. Что происходит? Только что здесь решили — словно это была самая что ни на есть естественная в мире вещь, — что юное создание (едва ли старше Брин), полоумный старик и время от времени исчезающий кот вернут им пропавший меч Лиха, отобрав его у каких-то жутких созданий, именуемых гномами-пауками, а потом еще проводят их к Вороньему срезу и Грани мрака! По стране, кишашей гномами, черными странниками и другими опасными тварями чудовищной силы, одна из которых, между прочим, убила самого Алланона. Ну а старик с девушкой ведут себя так, будто их это вовсе не пугает.

— Кимбер, нет, — в конце концов проговорила Брин, не зная, что еще можно сказать. — Тебе нельзя с нами.

— Да, Брин права, — согласился Рон. — Ты даже не понимаешь, против чего мы идем.

Кимбер Бо обвела их спокойным взглядом.

— Я понимаю. И даже лучше, чем ты думаешь. Я вам уже говорила: эта земля — мой дом. И дедушкин. Мы знаем здесь все, все опасности, и понимаем их.

— Но в странниках ты ничего не смыслишь! — взорвался Рон. — Что вы вдвоем сможете против мордов?

Но Кимбер не отступалась.

— Я пока не знаю. Думаю, то же, что и вы. Постараемся избежать встречи с ними.

— Ну а если тебе не удастся этого избежать? — настаивал Рон. — Что тогда?

Коглин снял с пояса небольшой кожаный мешочек и протянул его горцу.

— Дадим им отведать моей магии, чужестранец! Дадим им отведать огня, о котором они и не слышали!

Горец с сомнением нахмурился и поглядел на Брин, ища поддержки.

— Но это безумие! — фыркнул он.

— Не спешите отмахиваться от дедушкиной магии, — серьезно проговорила Кимбер, ободряюще кивнув старику. — Всю жизнь он прожил в этой дикой стране, и не раз и не два доводилось ему встречаться с опасностями. Но вот он тут, жив и здоров. Деда такое способен сотворить, вы и представить себе не можете. Его помощь вам здорово пригодится. И наша с Шепоточком тоже.

Но Брин опять покачала головой.

— Мне кажется, это не очень хорошая мысль, Кимбер.

Девушка с пониманием кивнула.

— Ты еще передумашь, Брин, вот увидишь. Ну да ладно, в любом случае у тебя нет выбора. Шепоточек вам нужен, чтобы находить следы. Дедушка — чтобы провести вас по этой стране. И я вам нужна — чтобы им в этом помочь.

Брин хотела было вновь возразить, но внезапно одумалась. О чем она размышляет? Они ведь для этого и пришли к Каменному очагу — чтобы найти человека, который провел бы их с Роном через Темный предел. Только один человек здесь мог это сделать — Коглин. Без Коглина им пришлось бы плутать по дебрям Анара, наверное, не одну неделю. А времени у них нет. И вот теперь, когда они отыскивали Коглина и он сам предлагает помощь, которая так им необходима, она, Брин, тем не менее пытается отказаться!

Но все-таки Брин колебалась. И на это были причины. Кимбер — добрая и смелая девушка, вот только по силам ли ей этот поход? Брин казалось, что нет. Но факт оставался фактом: без

нее Коглин, похоже, вряд ли сможет пойти. Так есть ли право у Брин ставить заботу о девушке выше той ответственности, которую возложил на нее Алланон?

Она так не думала.

— По-моему, все уже решено,— тихо сказала Кимбер.

Брин еще раз взглядела на Рона. Горец беспомощно покачал головой, устывая.

Брин повернулась к Кимбер и устало улыбнулась.

— Решено,— согласилась она, надеясь вопреки здравому смыслу, что решено было правильно.

Глава 35

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, они отправились в путь из долины Каменного очага на север, к темным пикам Взбитого хребта. Шли не спеша, как и тогда — к Угрюмому озеру. Лес за долиной, по всему пространству между Вороньим срезом и равнинами Рабб, представлял собой настоящий лабиринт глубоких оврагов и впадин в земле, где неосторожные путники могли покалечиться. Вот почему приходилось идти очень медленно, тщательно выбирая дорогу. День выдался теплым и ясным, наполненным светом, звуком и пряным запахом осени. Иногда впереди меж стволов тихой тенью мелькал Шепоточек. Путешественники чувствовали себя бодрыми и отдохнувшими, хотя вчера засиделись почти до утра, обсуждая предстоящий поход. Конечно, со временем недостаток сна еще даст о себе знать, но пока что все четверо — Брин, Рон, Кимбер Бо и Коглин — ощущали лишь прилив энергии и возбуждение, как бывает всегда в начале какого-нибудь опасного предприятия, и без труда прогоняли подкрадывающуюся усталость.

Но не так-то легко было отделаться от свербящего чувства неуверенности: Брин так и не смогла решить для себя, правильно ли она поступила, взяв с собой Кимбер Бо и Коглина. Решение было принято, обещания — даны, и поход начался; но все же сомнения, донимавшие Брин с самого начала, не пропали. Безусловно, так или иначе они все равно одолевали бы ее: и сомнения, и страхи — особенно после мрачных предсказаний Угрюма-из-Озера. Но сомнения и страхи лишь за себя и за Рона. За Рона, чья решимость идти с нею до конца была на-

столько несокрушимой, что Брин ничего не оставалось, как только смириться с тем, что ей уже не удастся уговорить горца отпустить ее одну. И вот теперь к этим переживаниям прибавилась еще и тревога за девушку со стариком. Несмотря на все их заверения, Брин сомневалась, что им хватит силы пережить столкновение с порождениями Тьмы. Да и как могла она думать иначе? Ну да, они столько лет прожили в этом диком краю, в самых дебрях Анара. Но это совсем ничего не значит. Потому что теперь им придется встретиться с силой нечеловеческой. И что бы там Коглин ни говорил о своей хитрой магии, какое такое страшное колдовство сможет выставить он против призраков-мордов?

Брин даже думать боялась, что будет с девушкой и стариком, встань они на пути мордов. Но больше всего Брин пугала мысль о том, что тогда станет с нею самой. Что, если поход этот действительно кончится смертью Коглина и Кимбер Бо? Как она сможет идти дальше, зная, что это она их не удержала, позволила им идти с ней?

Однако Кимбер, похоже, была уверена и в себе, и в своем деде. Она не терзалась ни страхами, ни сомнениями. Только эта уверенность, и решимость, и еще непостижимое чувство какого-то странного долга перед Роном и Брин вели ее вперед. А ведь Кимбер все это делала не для себя, а для них.

— Мы ведь друзья с тобой, Брин, ну а друзья помогают друг другу в беде, — объяснила она прошлой ночью, когда разговор обратился уже в усталый и сонный шепот. — Дружба, она провозглашается открыто и в то же время ощущается где-то глубоко внутри. Ты как будто привязываешься к другому. Ну вот как мы с Шепоточком. Он — мой самый верный друг. Он меня очень любит, и я его тоже люблю, и знаешь, каждый из нас это чувствует. И к тебе я вот чувствую то же самое. Мы друзья, все мы, ну а раз мы друзья, то должны делить и радости, и горести. Твои заботы теперь и мои тоже.

— Это прекрасное чувство, Кимбер, и я очень ценю его, — ответила тогда Брин. — А что, если мои заботы слишком уж велики, вот как сейчас? Что, если они слишком опасны, чтобы делить их с кем бы то ни было?

— Тем больше причин разделить их, — серьезно сказала Кимбер и улыбнулась. — Разделить с друзьями. Мы должны

помогать друг другу, если дружба хоть что-нибудь значит для нас.

После этого уже было нечего сказать. Брин могла бы, конечно, возразить, что Кимбер едва знает ее, что у девушки нет перед ней никаких обязательств, что этот поиск поручен был только ей и девушка со стариком не должны подвергать себя опасности ради почти незнакомого человека. Но все эти доводы ничего не значили бы для Кимбер, которая понимала возникшие между ними отношения как отношения равных и честных друг перед другом людей и чье чувство долга не допускало никаких компромиссов.

А путешествие продолжалось. Путь лежал по первобытно-диким лесам, сквозь густое сплетение черных дубов, высоченных вязов и почти непроходимый орешник. Искривленные ветки деревьев простирались над головой, точно руки каких-то древних исполинов, от которых остались лишь черные кости. Листья уже облетели, и в просветах между ветвями синело чистое небо; в лесной полумрак золотыми лучами вонзался солнечный свет — редкий гость в этих дремучих дебрях. Здесь было царство мрака. Всепоглощающего, непроницаемого, исполненного едва уловимых намеков на скрытую в чаше угрозу, нашептывающего о тварях невидимых и бесшумных, о призрачной жизни, что пробуждается только с полным угасанием света, когда ночь опускает на лес свое черное покрывало. Сейчас эта жизнь пока ждет, укрываясь безмолвно в темном сердце лесного края. Коварная, злобная сила теперь негодует, наверное, — ведь люди, какие-то жалкие создания, вторглись в ее тайный мир; но с наступлением ночи она развернется и сметет их, словно ветер, задувающий робкое пламя свечи. Брин всем существом ощущала присутствие этой затаившейся силы. Она мягко и вкрадчиво шептала в сознании девушки и, точно червяк, подтачивала уверенность Брин и предостерегала... предостерегала: будь осторожна, как только снова настанет ночь.

Солнце уже клонилось к западу, над землей сгущались сумерки. Впереди изломанной, неровной тенью возвышалась темная громада Взбитого хребта. Коглин повел своих спутников по извилистому ущелью, прорезающему стену камня. Путники шли теперь в полном молчании — усталость постепенно одолевала их. Из тьмы доносилось жужжание насекомых, а высоко наверху, где-то в сплетении громадных деревьев, пронзи-

тельно вскрикивали ночные птицы. Скалы, заросшие диким лесом, сомкнулись вокруг, заперев путников в сумраке теснины. К ночи стало жарко и душно, воздух в ущелье казался спертым. И пахло как-то неприятно. Та скрытая жизнь, что ждала в сумраке леса, уже пробудилась...

Внезапно лес перед путниками расступился, они вышли на крутой скалистый склон; внизу простиралась безбрежная безликая низина, окутанная туманом и залитая бледным светом звезд и странной оранжевой луны. Ее почти полный диск завис на самом краю восточного горизонта. Унылая и печальная, низина казалась всего лишь черным сгустком сумрачной тишины — точно бездонная пропасть у изгиба Взбитого хребта, ускользающего в туман.

— Старая пустошь, — прошептала Кимбер.

В гнетущем молчании Брин смотрела на равнину внизу. И чувствовала, как та глядит на нее впадинами тьмы.

Подкралась и миновала полночь; время тянулось так медленно, что казалось, остановилось совсем. Какой-то намек на ветер проскользнул по лицу Брин и тут же растаял. Брин выжидающе огляделась, но нет: ветер умер — была лишь жара, жесткая и давящая. Девушка чувствовала себя заключенной в каком-то громадном пылающем очаге, его невидимое пламя выжигало из легких последний воздух. Каждый вдох давался ей с болью. Казалось бы, осенняя ночь должна быть прохладной, но только не в этой утробной низине. Пот ручьями стекал по спине Брин, лицо покрылось испариной и серебристо-серо поблескивало в тумане. Она то и дело пыталась как-то размять затекшие руки, но облегчения не наступало. Комары так и липли к влажному телу, и бесполезно было от них отмахиваться. В воздухе пахло гниющим деревом и стоячей водой.

Наконец путешественники остановились. Скорчившись в сумраке между громадными валунами вместе с Роном, Кимбер и Коглином, Брин смотрела вниз, где у подножия гор, на самом краю Старой пустоши, гномы-пауки разбили свой лагерь. Беспорядочное скопление убогих хижин и черных нор, лагерь их растянулся прямо на границе Взбитого хребта и мрака низины. Кое-где горели костры, их тусклый дрожащий свет едва пробивался сквозь мрак. В мутном сиянии скользили скрю-

ченные тени — обитатели лагеря. Гномы-пауки передвигались на четвереньках; на странных уродливых телах, покрытых густой серой шерстью, не было никакой одежды. Так и ползали они по высокой иссохшей траве — нагие, жуткие, безликие. У самого края пустоши, там, где пламя костров рассеивало туман, множество гномов-пауков сбились в тесную кучу. Их монотонная песня летела в ночь.

— Это они взывают к силам Тьмы, — пояснил Коглин, когда пару часов назад привел своих спутников в укромное место над лагерем. — Гномы живут племенами. Суеверный народ, а пауки уж особенно. Они верят в духов и темных тварей, которые являются из других миров, когда сменяются времена года. Призывают их и просят о силе для себя, в то же время надеясь, что сила эта не обернется против них же. Ха! Вот первобытное суеверие! Однако, — продолжал Коглин, — темные твари отнюдь не вымысел, иногда они очень даже реальны. Здесь, в Старой пустоши, обитают странные существа, такие же темные и ужасные, как и те, что населяют запретные леса Вольфсктаага, — порождения иных миров и утраченного колдовства. Именуют их оборотнями. Живут они в гуще тумана, имеют чудовищное обличье и охотятся за телом и разумом смертных, заманивая их к себе и высасывая жизнь. Нет, оборотни не вымысел, — упрямо повторил Коглин. — Именно от них гномы-пауки ищут защиты у сил Тьмы, потому что гномы-пауки — любимое лакомство оборотней. И вот теперь, когда осень клонится к зиме, гномы спустились в низину, чтобы вызвать силы Тьмы и молить защитить их от тумана. — Голос старика обратился в хриплый шепот. — Гномы считают: если они не придут сюда, то зима не настанет и туман выберется из низин. Суеверный народ! Каждый год ровно на месяц спускаются они с гор всем племенем. День и ночь взывают к силам Тьмы, чтобы зима оберегла их и прогнала злых тварей. — Коглин поморщился и усмехнулся. — И знаете, это помогает. Целый месяц оборотни пируют с глупыми гномами. Наедаются до отвала — с запасом на зиму.

Путешественники укрылись в сумраке между скалами, и Кимбер Бо разъяснила, как им действовать дальше:

— Твой меч точно у них, Рон. Такой меч, да еще принесенный Гремящим потоком, обязательно будет считаться у них талисманом, посланным силами Тьмы. Они будут все время

таскать его с собой, веря, что он защитит их от оборотней. Нам нужно лишь выяснить, где они его держат, а потом выкрасть.

— А как? — быстро спросил Рон. Всю дорогу сюда он не мог говорить ни о чем другом.

— Шепоточек найдет его, — ответила Кимбер. — По твоему запаху он отыщет меч, как бы он ни был запрятан. А потом вернется и приведет нас прямо к нему.

Шепоточек обнюхал горца и скользнул в ночь. Он ушел бесшумно, в мгновение ока растворившись во тьме. А люди остались ждать в своем каменном укрытии — во влажной тьме и вонючей сырости, поднимающейся из низины, — ждать, напряженно прислушиваясь и вглядываясь в сумрак ночи. Шепоточка не было очень долго.

Усталость одолевала Брин. Она закрыла глаза и попыталась отвлечься от монотонного пения гномов. Но глухие, словно бы полые, звуки, казалось, сами заползли в уши. Иногда из тумана доносились какие-то крики — пронзительные и ужасные. И в то же мгновение затихали. Только пение гномов все лилось и лилось...

Огромная тень выступила из тьмы прямо перед ней — Брин вскрикнула и вскочила на ноги.

— Тихо, девочка! — Коглин рывком притянул ее вниз, шершавая ладонь крепко зажала ей рот. — Это всего лишь наш кот!

Словно материализовавшись из мрака, возникла усатая морда Шепоточка, синие глазищи лениво блеснули, и кот примостился у ног Кимбер. Та склонилась к нему, обняла мохнатую голову зверя, легонько почесывая за ухом и что-то шепча. Пару минут говорила она с котом, а тот тыкался носом ей в ладонь и терся о руки девушки. Когда Кимбер наконец повернулась к своим товарищам, ее глаза горели от возбуждения.

— Он нашел меч, Рон!

Горец был уже рядом с ней.

— Скорее отведи меня туда, Кимбер! — проговорил он умоляющим тоном. — И тогда у нас будет достойное оружие против странников и их темных прислужников!

Брин с трудом поборола отчаяние, внезапно охватившее ее. Рон успел уже забыть, как бросился защищать тогда Аллана и меч оказался бесполезным, подумала она про себя. Волшебная сила меча поглотила его безраздельно.

Пока Кимбер что-то быстро говорила Шепоточку, Коглин подозвал Брин и Рона поближе к себе. Стараясь держаться в тени скал, путники начали осторожный спуск к лагерю гномов. Впрочем, пока что им нечего было опасаться: свет далеких костров не добирался сюда. В сознании Брин пронеслись шепоты странных предостережений, твердя, что она должна повернуть обратно, что на этом пути ей не будет удачи. Слишком поздно. Безмолвно шептала она в ответ. Слишком поздно.

Лагерь был уже близко. Свет костров становился все ярче, и теперь скорченные фигуры гномов-пауков проступали более четко. Они ползали вокруг хижин и нор, словно мохнатые членистоногие, от которых и получили свое название. Отвратительные на вид, волосатые твари с острыми глазами — порождения кошмарного сна, о котором лучше скорее забыть. Дюжины и дюжины мерзких созданий, они то выползали из мрака на свет, то вновь растворялись во тьме, перекликаясь друг с другом на каком-то корявом, невообразимом языке. Все больше и больше гномов-пауков собиралось у клубящейся стены тумана, и новые голоса вплетались в глухую, невыразительную песнь.

Болотный кот и четверо людей бесшумно крались вдоль границы лагеря, пробираясь к дальнему его краю. Мимо них проплывали клочья тумана — мягкие обломки серой клубящейся стены, неподвижно застывшей над краем пустоши. Влажный туман льнул к людям, и прикосновение его было каким-то омерзительно теплым. Брин с отвращением морщилась, отмахиваясь от навязчивой липкой дымки.

Шепоточек внезапно остановился и повернул к ним лохматую морду, ища глазами хозяйку. Брин воспользовалась этой мгновенной заминкой, безуспешно пытаясь отдышаться. Она вся взмокла — так было жарко. Во тьме шевелились какие-то тени. Может быть, их породили удушающий жар осенней ночи и причитания гномов-пауков перед безмолвной пустошью.

— Нужно спускаться в лагерь, — едва слышно прошептала Кимбер.

— Ну теперь они у меня поскачут! — радостно захихикал Коглин. — Только вы уж постарайтесь не попадаться им под руку в этот момент!

Шепоточек направился вниз, прямо к становищу гномов. Точно бесшумная тень, скользил он сквозь туман к ближайше-

му скоплению хижин и нор. Низко пригнувшись, Кимбер, Коглин и Рон поспешили следом за зверем. Брин плелась сзади, тревожно вглядываясь в ночь.

Слева тускло мерцали костры. На самой границе света копошились неясные темные тени, пробираясь сквозь нагромождения скал и теряясь в высокой траве. Справа тоже возникло движение: те же темные тени скользили на звук монотонного пения, к стене тумана. Дым костров начал шипать Брин глаза, едкий и жгучий.

Дым смешался с туманом, и Брин вдруг поняла, что не видит уже ничего. Гнев и страх всколыхнулись в душе. На глаза навернулись слезы — Брин сердито смахнула их...

Внезапный пронзительный крик вырвался из темноты, поднявшись над заунывным плачем песни. Казалось, сама ночь застыла, испугавшись этого жуткого воля. Из мрака впереди вылетел гном-паук, пытаясь спастись от гигантского болотного кота, который, словно призрак, возник у него на пути. С утробным урчанием Шепоточек бросился на гнома и отшвырнул его, будто сухую корягу, раскидав попутно еще с полдюжины пауков, пытающихся преградить ему дорогу. Кимбер рванулась вслед за котом — легкая, стремительная фигурка во тьме. За ней — Коглин с Роном, завывая на бегу, точно оба вдруг обезумели. Брин отчаянно устремилась вперед, чтобы не отстать от своих товарищей.

Ведомая Шепоточком, маленькая компания ворвалась в становище гномов. Те словно взбесились; волосатые сторбленные фигуры в полном смятении носились вокруг, воя, вопя и ища укрытия. У первого же костра Коглин приостановился и запустил руку в кожаный мешочек у себя на поясе. Вытащив горсть черного порошка, старик швырнул его прямо в огонь. Взрыв потряс землю, пламя рванулось вверх чудовищным фонтаном ослепительных искр и горящих щепок. Вопли гномов в лагере достигли, казалось, невысказанной высоты, и пение перед стеной тумана оборвалось. Четверо людей и огромный кот неслись вперед. Пробегая мимо следующего костра, Коглин вновь бросил в пламя свой черный порошок. Снова земля взорвалась, вспышка огня озарила ночь, раскидав гномов-пауков.

А далеко впереди Шепоточек мелькнул, словно призрак, в дрожащем свете костров и запрыгнул на вершину сложенной из необтесанных камней пирамиды, которая высилась у самой

стены тумана. Сооружение покачнулось и обрушилось под тяжестью зверя: на землю посыпались драгоценные камни, вырезанные из дерева фигурки, сверкающие клинки.

— Меч! — Вопль Рона перекрыл оглушительные крики гномов.

Раскидав жилистых пауков, попытавшихся было встать у него на пути, горец рванулся вперед. Через мгновение он был уже рядом с Шепоточком и выхватил из кучи рассыпавшихся сокровищ черный клинок.

— За Лих! За Лих! — кричал принц, победно размахивая над головой мечом и тесня горстку гномов-пауков, бросившихся к нему.

Ночь буквально изверглась огнем — Коглин продолжал расшвыривать черный порошок в костры гномов. Вся низина полыхала желтым пламенем, рвущимся к небу из чернеющей, обожженной земли. Сухая трава загорелась в мгновение ока. Дым и туман сгустились и заволокли лагерь — все кругом начало растворяться в этом клубящемся мареве. Брин из последних сил бежала за своими товарищами, забытая в пылу битвы. Но она безнадежно отстала. Остальные неслись уже от рухнувшей пирамиды обратно к горному хребту. Брин едва различала их — смутные фигуры в дыму и тумане.

— Рон, подожди! — в отчаянии закричала она.

С безумными воплями мимо нее мчались гномы-пауки. Кое-кто тянул к Брин волосатые руки, когти вцеплялись в одежду и рвали ее на ходу. Девушка кое-как отбилась от них и вновь устремилась вслед за своими друзьями. Но теперь гномы-пауки были повсюду. Тянулись к ней, хватали... Теперь не вырваться. Их слишком много. В полном отчаянии Брин вспомнила о песни желаний: с жалобным воем гномы отпрянули от жуткого, леденящего крика.

А потом она упала лицом в сухую траву; грязь забила глаза и рот. Что-то тяжелое придавило Брин к земле — клубок шерсти и мускулов обвил ее. В это мгновение Брин утратила контроль над собой, страх и ненависть поглотили рассудок. Собрав все силы, девушка рванулась, поднимаясь на четвереньки, но невидимая тварь не отпускала. Песнь желаний прорвалась со всей яростью, на которую только была способна Брин. Голос буквально взорвался в горле, и того, кто схватил Брин, просто разнесло на куски неистовой силой магического заклятия.

Не удержавшись, Брин оглянулась и увидела, что она только что сотворила. Бездыханный гном-паук лежал на камнях. Брин смотрела на изуродованное тело... и вдруг на какую-то долю мгновения она ощутила в себе непонятное пугающее ликование.

Брин прогнала от себя это ужасное чувство. Отвернувшись, она устремилась в клубящийся дым, утратив уже всякое ощущение направления.

— Рон! — кричала она. А потом вступила в серую стену тумана, и все растворилось.

Глава 36

Мир вокруг словно бы исчез.

Остался только туман. Пропали звезды, луна и небо. Пропал лес, вершины гор, ущелья, скалы и даже звуки. И сама земля, по которой бежала Брин, стала едва различимой и какой-то бесформенной, а трава обратилась в текучую серую дымку. Брин осталась одна в этой безбрежной изменчивой пустоте.

Она споткнулась и устало остановилась, обхватив руками плечи. Звук ее дыхания раздавался надрывным хрипом в глухом безмолвии. Очень долго стояла она неподвижно среди тумана, не осознавая пока, что в безумии бегства она избрала неверное направление и забрела в Старую пустошь. Мысли ее неслись, словно листья, гонимые ветром, и, как ни пыталась Брин их удержать и собрать воедино, они не давались и ускользали. Только один ясный образ стоял перед ее мысленным взором: гном-паук, искалеченный, мертвый.

Брин закрыла глаза — в бессильной ярости руки сами сжались в кулаки. Она все-таки сделала то, чего поклялась себе никогда не делать. Она убила живое существо; в безумии гнева и страха она использовала песнь желаний, чтобы оборвать чужую жизнь. Когда-то Алланон предупреждал ее, что подобное может случиться. Как наяву Брин слышала теперь его слова: «Я еще не встречал силы, равной силе заклятия. Магия может дать жизнь, и магия может забрать ее».

«Но я никогда не воспользуюсь ею, чтобы...»

«Магия подчиняет себе всякого, дитя Тьмы. Даже тебя!»

Это уже слова Угрюма-из-Озера, не Алланона. И какой горькой насмешкой звучали они... Брин потрясла головой, изгоняя их из своих мыслей.

Девушка задумалась. Не то чтобы она полностью исключала такую возможность. Нет, глубоко в душе она всегда знала: может настать момент, когда ей придется вызвать темную силу песни желаний, как и предупреждал Алланон. Еще тогда поняла она это, в горах Рунн, когда друид показал ей, на что способна эльфийская магия, когда Брин спела сплетенным деревьям и они покорились, не в силах противиться велению магической песни. Смерть гнома-паука не явилась поэтому для нее неожиданным и пугающим откровением.

Страшно было другое: то, что какая-то часть ее существа радовалась при этом, что какая-то часть ее, Брин, по-настоящему наслаждалась убийством.

У Брин пересохло в горле. Она хорошо помнила внезапное чувство тайного ликования при виде мертвого гнома, при осознании того, что это свершила песнь желаний. И в то мгновение Брин действительно упивалась своей магической силой...

Каким же чудовищем она позволила себе стать?

Брин покачала головой. Нет, она ничего себе не позволила. Угрюм-из-Озера был прав: не ты используешь магию — это магия использует тебя. И творит из тебя то, что нужно ей. И никогда тебе не подчинится. Да, теперь Брин это знала. Обнаружив это еще в торговом дворе на Грачином пределе — когда она выгнала тех парней, — Брин поклялась, что никогда больше не позволит себе утратить контроль над силой песни и не станет призывать ее для разрушения. И что же? Стоило только гному-пауку встать у Брин на пути, как страх и гнев ослепили ее и все клятвы тут же забылись. Не задумавшись ни на мгновение, Брин призвала свою силу — повинувшись лишь инстинкту, ударила она своим единственным оружием (ну как тут не вспомнить Рона с его мечом?), разрушительным и страшным.

И при этом еще наслаждалась своей властью. Ведь наслаждалась же!

Брин едва не расплакалась — слезы уже дрожали в глазах. Она могла бы, конечно, возразить себе, что все это длилось лишь долю мгновения, что к ликованию тогда примешалось и чувство вины и что ужас ее перед тем ощущением больше

не даст ему повториться. Но себя не обманешь. Теперь Брин знала: магия тем и опасна, что она непредсказуема. Ведь не раз уже ее сила заставляла девушку делать то, что она всегда считала для себя невозможным. А значит, угроза нависла не только над Брин, но и над всеми, кто находится рядом — над самыми близкими для нее людьми, — и только она сама может спасти их от этой угрозы.

Она знала, что пути назад уже нет, — она должна дойти до Мельморда. Алланон возложил на нее обязательство, и Брин хорошо понимала: несмотря на все, что случилось, и на все доводы против (а их было немало), она должна оправдать доверие друида. Даже теперь она верила: у нее все получится. Она будет тщательно обдумывать свои действия. Это пока в ее власти. Алланон всегда настаивал на том, что песнью желаний нужно воспользоваться лишь в одном случае — чтобы пройти через черную яму Мельморда. Значит, она должна сохранить всю свою силу в себе и вызвать ее, лишь когда придет время, не раньше. Еще только раз применит она магию. Один раз — и все. Брин решительно вытерла слезы. Она поклялась себе и сдержит клятву. Магическая сила больше не подчинит себе Брин — никогда.

Постепенно она успокоилась. Теперь нужно найти остальных. Не зная, куда идти, Брин неуверенно шагнула вперед, в серую мглу. Мимо плыли клочья тумана; вдруг краем глаза девушка уловила движение. Какие-то смутные тени клубились вместе с туманом, подступали все ближе, прикасались к сознанию Брин и вновь отступали во влажную дымку. А потом тени начали обретать облик, воскрешая образы раннего детства. Брин видела родителей — такими, какими видела их тогда, когда была совсем маленькой: большими и добрыми великанами, такими надежными мамой и папой, которые любят тебя, всегда защитят и согреют своим теплом. Брин видела Джайра. Тени скользили сквозь странный пустой полумрак — неверные призраки прошлого. Алланон должен быть где-то здесь, вернувшись из небытия в эту призрачную жизнь. Брин огляделась, пытаясь найти его, почти что ожидая...

И что поразительно, он появился. Внезапно шагнул из тумана в дюжине ярдов от Брин, словно безмолвный дух, которым и был он теперь. И мутная мгла дрожала вокруг, как разбуженные воды Преисподней.

— Алланон? — прошептала Брин.

И загнулась. Тень приняла облик друида, но то был туман — лишь один туман.

Тень, что была Алланоном, скользнула обратно во тьму — исчезла, словно и не появлялась. Исчезла...

И все-таки там что-то было, в тумане. Не Алланон, нет: что-то другое.

Брин встревоженно огляделась, ища глазами это странное существо, которое таилось в тумане и наблюдало за ней. Образы вновь заплясали перед глазами, клочья теней — отражения ее собственных воспоминаний. Туман давал им иллюзорную жизнь; видения пугали, и вызывали восторг, и завлекали, маня к себе. Брин застыла как вкопанная в самом центре их кружения, и на мгновение ей показалось, что она сходит с ума. Да, только безумец мог видеть воочию подобные перевоплощения бесплотных теней, и все-таки в голове Брин было на удивление ясно, и она вовсе не чувствовала себя смущенной и неуверенной. Это всего лишь туман. Он пытается обольстить ее, дразня иллюзорными образами, играя с воспоминаниями Брин, словно это была его — не ее — память. Всего лишь туман... или что-то в тумане!

Оборотни! Слово всплыло из глубин сознания. Когда они ждали в скалах над лагерем гномов-пауков, Коглин рассказывал им об изменчивых тварях, живущих в тумане Старой пустоши. Они, эти твари, питаются телом и разумом смертных — незаметно подкрадываются к существу, которое слабее их, заманивают в западню и высасывают жизнь.

Еще мгновение Брин колебалась, а потом вздохнула поглубже и медленно, пока очень медленно, пошла вперед. Что-то двинулось вместе с ней в тумане: смутная тень, не оформившаяся еще, — черное пятно ночи. Оборотень. Брин ускорила шаг. Скорее куда-нибудь, куда только вынесут ноги. Лишь бы идти. Лишь бы не останавливаться. Она думала о своих друзьях, от которых так неосторожно отбилась. Может, они уже ищут ее? Вот только найдут ли в этой безбрежной пелене тумана? Брин с сомнением покачала головой. На это надеяться нечего. Надо рассчитывать лишь на себя и выбираться самой. Где-нибудь там, впереди, пустошь кончится и туман рассеется. Надо лишь идти, пока не выйдешь из этой чарующей мглы.

Но если оборотень не отпустит ее?

И словно в ответ на эти мрачные мысли, ключья тумана вновь ожили образами воспоминаний, дразня, завлекая. Теперь Брин почти бежала, пытаясь не обращать на них внимания. И сознавала все время: где-то за этим дразнящим видением скрывается тень — не подступает пока, но и не отстает. Брин вдруг стало холодно; от одного только присутствия тени кровь стыла в жилах.

Брин попыталась представить себе, что за тварь крадется за ней по пятам. Какие они, эти оборотни? Один явился ей в облике Алланона — или это был просто обман, порождение воспаленного воображения и колышущегося тумана? Девушка потрясла головой в безмолвном смятении.

Что-то маленькое и мокрое бросилось из-под ног, ускользая во тьму. Брин отшатнулась в испуге и едва не упала: по полному скользкому склону съехала она в широкую заболоченную впадину. Тина и грязь налипли на сапоги; холодная жесткая трава хлестнула по ногам, словно пытаясь вцепиться. Брин остановилась, чувствуя, как почва опасно прогибается под ногами, и бросилась назад, наверх. Она поняла, что случайно забрела в трясину. Или это туман подтолкнул ее к зыбучей топи, чтобы та затянула ее, поглотила? Скорее отсюда. На твердую сухую землю. Туман как будто стал гуще, Брин даже не видела, куда идет. Ужасная мысль вдруг пронзила ее: а не ходит ли она по кругу?

Почти на ощупь девушка пробиралась вперед. Туман Старой пустоши сгустился уже в непроглядный мрак, и в его сырой мгле копошились тени. Оборотни. Уже не один крался за ней — теперь их было много. Иногда Брин удавалось уловить краем глаза движение в тумане, словно безмолвные черные рыбы плыли в сумеречной воде. Она сжала зубы и решительно ускорила шаг — по болотной траве, вверх, на твердую землю. Тени не отставали.

«Они не получают меня, — твердила как заклинание Брин. — Меня ожидает иная судьба».

Она уже бежала; кровь глухо стучала в висках, сердце бешено колотилось. Ярость, страх и решимость слились воедино и подгоняли ее вперед. Пустошь возникла перед ней пологим уклоном. Брин вскарабкалась на какой-то бугор, густо заросший травой и кустарником. Там она встала, огляделась и не поверила своим глазам.

Тени были везде.

А потом из тумана возникла высокая стройная фигура в плаще, как у горца, с мечом в ножнах за спиной. Брин с изумлением встрепенулась.

«Рон, это Рон!»

Фигура в тумане вскинула руки и устремилась к Брин. Девушка с готовностью шагнула вперед, потянувшись навстречу знакомым рукам... Скорее прикоснуться к ним...

Но что-то остановило ее.

Брин прищурилась.

«Рон? Нет!»

Как только она распознала обман, гнев захлестнул ее, перед глазами встала красная пелена. Это был вовсе не Рон. Это снова оборотень, что следит за нею.

Теперь он был совсем рядом — мерцающий, изменчивый призрак. Плащ и меч растворились в тумане. Уже ничто не напоминало горца. Была только тень, громадная и бесформенная. А потом тень сгустилась, и возникло массивное неуклюжее тело: чудовишный зверь, стоящий на задних — массивных, когтистых — лапах, передние лапы, тоже с когтями и покрытые жесткой шерстью, тянулись вперед: в огромной ощеренной пасти белели кривые клыки.

Зверь поднялся из тумана, окутанный серой клубящейся дымкой. Он был раза в два выше Брин. Совершенно беззвучно подался он вперед и оскалится. Брин так и не смогла толком разглядеть его: какое-то невообразимое смещение шерсти и чешуи, тугих мускулов и грозных шипов. Острые зубы, глазашелки — тварь из ночного кошмара. Быть может, Брин сама создала его в беспокойных снах, полных отчаяния и боли.

Да есть ли он на самом деле? Или это опять порождение тумана и ее воспаленного воображения?

Какая разница! Позабыв о клятве, которую она дала себе всего пару минут назад, Брин запела. Ожесточившись, почти обезумев от этих коварных видений, она собрала свою волю, и песнь желаний пронзила туман. Она вовсе не собирается умирать в Старой пустоши от рук (или лап?) какого-то зверя из мглы. Ладно, коль уж так все сложилось, Брин еще раз, предпоследний, воспользуется своей магической силой и уничтожит чудовище, чья гибель не может иметь значения.

Она пела, и вдруг песнь желаний замерла в горле.

Перед ней стоял отец. Папа.

Оборотень подобрался ближе, перетекая ключьями тумана из образа в образ, но звериная пасть проглядывала, казалось, сквозь любую личину. Из пасти текла слюна: чудовище уже предвкушало, как высосет жизнь из Брин и насытит свою утробу. Брин невольно попятилась — теперь перед ней возникло серьезное и такое доброе лицо мамы. В отчаянии девушка закричала. Дикий, мучительный крик словно затерялся в застывшем сознании и никак не мог вырваться наружу.

Но откуда-то из тумана раздался ответный крик. Кто-то звал ее: «Брин!» Она была в полном смятении. Крик казался реальным, но кто?..

— Брин!

Чудовище темной глыбой надвинулось на нее, девушка уже ощущала энергию зла, исходящую от него. Но она вдруг предстала, как сила ее — сила эльфийской магии — рвет на куски тело мамы, калечит его, убивает... и песнь желаний, замершая в горле, так и не вырвалась, чтобы разрушить. Брин словно онемела.

— Брин!

А потом жуткий рев всколыхнул тишину ночи. Из тумана вылетела стремительная тень, и разъяренный болотный кот всем своим весом (как-никак пять сотен фунтов) бросился на оборотня и отшвырнул его от Брин. Когтями и зубами сцепился кот в чудовищного призрака, увлекая его на землю; оба они покатались, сцепившись, по высокой траве.

— Брин! Ты где?

Голос едва пробился к ней сквозь шум схватки. Брин что есть мочи закричала в ответ. Почти тут же, буквально через мгновение, из серой дымки выступила Кимбер Бо — длинные волосы девушки развевались за спиной. А потом появился и Коглин. Старик вопил как безумный и при этом умудрялся еще не сбиться с шага и не отстать от внучки.

Шепоточек и оборотень вновь возникли в тумане. Они продолжали сражаться, то бросаясь друг на друга, то отскакивая назад. Болотный кот был намного сильнее врага и гораздо проворнее: оборотень то и дело пытался ускользнуть от него, но каждый раз Шепоточек преграждал ему путь к отступлению. Однако во тьме собирались уже и другие тени. Громадные и

бесформенные, они окружили противников плотным кольцом и подступали все ближе. Слишком много теней!

— За Лих! За Лих!

Это подоспел Рон. Размахивая мечом, продирался он сквозь скопление теней. Магическое зеленое сияние разлилось по черному клинку. Оборотень, теснимый Шепоточком, резко повернулся, почуввав угрозу — магический меч. Увернувшись от кота, чудовище прыгнуло прямо на Рона. Но принц Лиха был готов к атаке. Меч обрушился, разрезая туман, и вонзился в призрачную плоть. Зеленый огонь ярко вспыхнул в ночи — пламя объело оборотня и поглотило его.

А потом свет рассеялся, туман и ночь вновь вернулись. Тени, что подступали во тьме, теперь исчезли, растворившись в пустоте.

Горещ повернулся к Брин и, выронив меч, бросился к ней.

— Я так виноват перед тобой, так виноват, — шептал он с убитым видом. — Это магия... — Рон беспомощно потряс головой. — Когда я нашел этот меч, когда я к нему прикоснулся... я больше не мог ни о чем думать. Я просто схватил его и побежал. Я забыл обо всем. Даже о тебе. Это из-за него, Брин...

Он запнулся. Брин уткнулась лицом ему в грудь и обняла, крепко прижав к себе.

— Да, я знаю.

— Я никогда больше тебя не оставлю, — горячо прошептал горещ. — Никогда.

— Я знаю, — тихо ответила Брин.

Но она ничего не сказала ему о другом. Брин решила уже: это она оставит его.

Глава 37

На третий день после вызволения Джайра из темницы Дан-Фи-Арана отряд из Кулхейвена добрался до величественной горной гряды, называемой Вороний срез. Путь был нелегким: боясь быть замеченными, путешественники не отважились идти по открытой дороге вдоль берега Серебристой реки, им пришлось пробираться поверху, через дебри дремучего леса. На второй день дождь наконец перестал, обратившись к утру в мелкую морось, а к полудню — в густой туман. Небо слегка прояснилось, тучи отнесло на восток, и стало заметно теплее. Когда

ночь опустилась на землю, сквозь сплетение ветвей можно было увидеть луну и звезды. Но земля, пропитавшаяся водой, высыхала медленно, так что путники все равно не могли идти быстрее. По скользкой жидкой грязи не особенно-то разбежишься. Чтобы хоть как-то компенсировать вынужденную задержку, друзья старались останавливаться пореже — только чтобы поесть и немного отдохнуть — и упорно продвигались вперед.

А на третий день показалось солнце; сияющие золотые лучи просочились в лесной полумрак, возвращая тепло и краски размокшей поблекшей земле. Впереди уже показалась темная гряда скал, Вороний срез — стена голого камня над вершинами деревьев. Путники шли все утро, весь день и только ближе к вечеру добрались до подножия гор и собирались уже подниматься.

Но тут Слантер остановил отряд.

— Есть одна загвоздка, — как бы между прочим заметил он. — Если идти через горы, это займет у нас дни или даже недели. Есть еще один путь: вверх по течению Серебристой реки до самых ее истоков, до Колодца небес. Но будь мы сто раз осторожны, рано или поздно придется пройти прямо под Гранью мрака. Странники наверняка нас заметят.

Форкер нахмурился.

— Но должна же быть какая-то обходная дорога.

— Ее нет, — буркнул Слантер. — Иначе я знал бы.

— А если пройти вдоль реки до Грани мрака, а дальше — через горы? — спросил Хельт, присаживаясь на камень. — Можно пройти с другой стороны?

Гном покачал головой.

— Только не отсюда. Грань мрака стоит на выступе утеса. Из крепости прекрасно просматривается вся округа: Вороний срез, Серебристая река — все. Скала — сплошной голый камень, никакого укрытия. — Он покосился на Ститхиса, который угрюмо сидел на каменном обломке. — Вот почему ящерам тут так понравилось. Здесь никто не пройдет незамеченным.

— Тогда пойдем ночью, — спокойно сказал Гарет Джакс.

И снова Слантер покачал головой.

— Попробуй — и непременно свернешь себе шею. Там только отвесные скалы. Есть пара узких тропинок, но они хорошо охраняются. Нет, ничего не получится.

Нависла долгая тишина.

— Ну а что ты предлагаешь? — наконец спросил Форкер. Слантер пожал плечами.

— Ничего я не предлагаю. Я привел вас сюда, ну а дальше уж ваше дело. Может быть, мальчик снова вас укроет своей магией. — Он взглянул на Джайра: — Что скажешь? Сможешь петь полдня?

Джайр вспыхнул.

— Но ведь можно же как-то пробраться мимо их стражи. Слантер!

— О, для меня это пара пустяков, — фыркнул гном. — А вот у вас всех — да, действительно могут быть неприятности...

— Хельт может видеть ночью... — задумчиво начал Форкер. Но Гарет Джакс оборвал его, указывая на Ститхиса.

— Ну а ты что бы сделал, мвеллрет? Ведь это твой дом. Как бы ты поступил?

Ститхис прищурил глаза.

— Ссами ищите дорогу, людишшки. Ищите другого помощника, поглупее. И оставьте меня!

Мгновение Гарет Джакс пристально смотрел на мвеллрета, а потом молча направился к нему. Взгляд Мастера боя был так страшен, что Джайр невольно попятился. Гарет Джакс медленно поднял руку и ткнул пальцем в Ститхиса.

— Ты, кажется, хочешь сказать, что от тебя нам не будет уже никакого проку? — спокойно проговорил он.

Мвеллрет как будто стал меньше — он весь сжался под темным плащом, и только глаза-шелки горели дикой ненавистью. Мастер боя стоял и ждал.

И вдруг ящер приглушенно зашипел, облизнув свою змеиную пасть раздвоенным языком.

— Что жж, помогу вам, если пообещаете отпустить меня, — выдал он. — Проведу вас там, где никто не увидит.

Все молчали, подозрительно переглядываясь.

— Не доверяйте ему, — первым нарушил молчание Слантер.

— Глупый гном вам теперь не поможет, — усмехнулся Ститхис. — А вот я мог бы помочь. Знаю дорогу, людишшки, по которой больше никто не пройдет.

— Ну и что за дорогу ты знаешь? — Голос Гарета Джакса оставался спокойным.

Но мвеллрет упрямо покачал головой.

— Пообещайте сначала меня отпустить. Пообещайте, людишки.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Мастера боя.

— Если ты проведешь нас в Грань мрака, мы отпустим тебя.

Слантер неодобрительно сморщился и сплюнул. Джайр с нетерпением ждал, что же скажет Ститхис. Но мвеллрет, похоже, раздумывал.

— Мы тебе пообещали, — раздраженно проговорил Форкер, потеряв уже всяческое терпение. — А теперь говори, что за дорога.

Ститхис усмехнулся, неприятная злобная улыбка походила больше на гримасу.

— Проведу людишек по Ночным пещерам!

— Ах ты, черная!.. — Слантер в ярости бросился на мвеллрета.

Хельт успел ухватить его за руку и оттащил назад. Гном вопил и брыкался, словно взбесившись. Всем пятерым пришлось обступить Слантера, чтобы удержать его. Смех Ститхиса разнесся приглушенным шипением.

— Что такое, гном? — спросил Гарет Джакс, крепко сжимая плечо Слантера. — Ты что-нибудь знаешь об этих пещерах?

Слантер вырвался от Мастера боя, но Хельт все еще держал его.

— Ночные пещеры, Гарет Джакс! — прорычал гном. — Со времен воцарения ящеров это ямы смерти для моего народа! Тысячи! Тысячи горных гномов погибли там, брошенные в пещеры. Никто не вышел оттуда! А теперь этот... это чудовище хочет и нас погубить!

Гарет Джакс повернулся к Ститхису. Словно по волшебству, в руке Мастера боя появился кинжал.

— А теперь, прежде чем говорить, подумай как следует, мвеллрет. — На этот раз в спокойном тоне Гарета Джакса звучала угроза.

Но Ститхис оставался невозмутимым.

— Коротышка все врет. По пещерам есть путь в Грань мрака. Проведу вас под горами, странники не увидят. Никто не увидит.

— Там действительно можно пройти? — спросил Форкер у Слантера.

Гном внезапно утомился (Хельт, впрочем, не спешил отпускать его) и весь как-то напрягся.

— Да если и можно — какая разница. В пещерах не место живым. Это — мили и мили черных туннелей под Вороньим срезом. И там полно проков! Знаете, что это такое — проки? Творения магии более древней, чем наша земля. Магии древнего мира, как говорят. Живые жерла скалы — по всем пещерам. Куда бы ты там ни ступил, под ногами всегда будут проки. Один лишь неверный шаг — прок открывается, заглатывает тебя, а потом камень смыкается и расплющивает тебя... — Слантер затрясся от ярости. — Так вот ящеры разделались с горными гномами — загнали их в пещеры!

— Но по пещерам действительно можно пройти. — Гарет Джакс обратил вопрос Форкера в утверждение.

— Только не нам! — снова взорвался Слантер. — В этой крошечной тьме мы вообще ничего не увидим! Не пройдем и дюжины шагов, как проки сожрут нас!..

— Шшш, меня не сожрут! — зашипев, перебил его Ститхис. — Я уж знаю ссекреты Ночных пещер! Людишки не могут пройти, но моему народу дорога известна. Проки нам не помеха!

Все опять замолчали. Гарет Джакс подступил почти вплотную к мвеллрету.

— Значит, по Ночным пещерам под Вороньим срезом можно добраться до Грани мрака и странники ничего не заметят? А ты проведешь нас?

— Да, мои маленькие друзья, — проскрежетал Ститхис. — Я проведу вас.

Гарет Джакс повернулся к своим спутникам. Никто не сказал ни слова. Наконец Хельт кивнул.

— Нас только шестеро. И если есть хоть какая-нибудь возможность добраться до крепости незамеченными, надо ее использовать.

Форкер и Эдайн Элесседил тоже кивнули. Джайр поглядел на Слантера.

— Да вы просто безмозглые идиоты! — с горечью воскликнул гном. — Слепцы и безмозглые идиоты! Ящерам нельзя доверять!

Снова настала неловкая тишина.

— Ты, Слантер, если не хочешь идти с нами дальше, можешь остаться здесь, — едва слышно проговорил Джайр.

Гном напрягся.

— Уж я-то, мальчик, могу за себя постоять!

— Да, я знаю. Я просто подумал...

— Ну вот и держи свои мысли при себе! — резко оборвал его Слантер. — А что до того, чтоб не ходить дальше, это ты лучше себе посоветуй. Только это, я вижу, уже бесполезно. Что ж, будем тогда идиотами вместе! — Он угрюмо покосился на Ститхиса. — А за этим идиотом нужен особый надзор; и если вдруг что-то пойдет не так, я буду рядом и уж прослежу, чтобы ящер не увидел, чем все это кончится!

Гарет Джакс вновь повернулся к Ститхису.

— Ты проведешь нас по пещерам, мвеллрет. Но запомни: все будет именно так, как сказал гном. Если с нами что-нибудь случится, и тебе этого не избежать. И чтобы никаких шуточек. Если ты попытаешься...

Едва заметная улыбка Ститхиса была мрачной.

— Никаких шуточек, мои маленькие друзья.

Путешественники дождались ночи и только тогда вступили в горы, продвигаясь на север вдоль Серебристой реки. Свет почти полной луны и ярких звезд озарял темные пики Вороного среза, неровной стеной черноты возвышающегося на фоне густо-синего неба. Узкая тропа, параллельная руслу реки, вилась среди деревьев и жидкого кустарника, уводя все дальше в горы. В конце концов лес остался далеко на юге и пропал из виду.

Путники шли всю ночь в полном молчании. Хельт и Слантер вели отряд. Темные скалы все плотнее подступали к руслу Серебристой реки. В горах было странно тихо — все звуки замерли, слышался лишь плеск бегущей воды, — словно сама мать-природа окутала скалы мягким покровом безмолвия, храня покой своего спящего детища. Джайра все больше и больше тревожила эта непроницаемая тишина. Юноша то и дело оглядывался по сторонам, пристально всматриваясь в нагромождение камней, в пятна сумрака между ними. Ему почему-то казалось: что-то невидимое притаилось в ночной тиши, наблюдает за ними и ждет. Впрочем, путникам не встретилось ни единого живого существа — только какие-то огромные птицы бесшумно парили меж пиками, — и все же долинец не переставал ощущать, что они не одни в этой безмолвной ночи.

Джайр понимал, что частично это неуютное чувство вызвано присутствием Ститхиса. Долинец шел следом за мвеллретом,

и его черная фигура постоянно маячила перед глазами юноши. Иногда мвеллрет украдкой оборачивался к нему; Джайр скорее ощущал, чем действительно видел взгляд зеленых змеиных глаз — пристальный, выжидающий. Как и Слантер, долинец не доверял Ститхису. Что бы там ящер ни обещал им, Джайр был уверен: за всем этим стоит лишь безжалостная решимость овладеть тайнами эльфийской магии. Чего бы это ему ни стоило, мвеллрет намерен заполучить силу долинца. И Джайр боялся. Воспоминания о днях, проведенных в черной темнице Дан-Фи-Арана, неотвязно преследовали его, и ничто не могло отогнать этот ужасный призрак. Призрак страха, вызванный соседством Ститхиса. Джайр знал: весь этот кошмар вновь может стать реальностью. Казалось бы, теперь долинец свободен, но нет, странное чувство не покидало его. Чувство, что мвеллрету каким-то непостижимым образом удалось сохранить свою темную власть над ним...

Близился рассвет, усталость притупила сомнения и страхи, и Джайр вдруг понял, что думает уже не о мвеллрете, а о Брин. Перед мысленным взором как живое стояло лицо сестры, вернее, будто бы два лица одновременно: одно — опустошенное неизбывным, неизвестным Джайру горем, другое — застывшее в страхе при виде призрака над серой водой, призрака, принявшего ее собственный облик. По мимолетным образам никак нельзя было понять, что же случилось с Брин. Джайр мог только догадываться: что-то действительно плохое, даже ужасное. Какая-то пустота вдруг возникла в душе. Как давно это было: Брин ушла из Тенистого Дола в долгий опасный поход, чтобы — так ведь сказал король Серебристой реки — все потерять и в конце концов сгинуть. Странно, но Джайру казалось, что он уже потерял ее. Время и расстояние, разделяющие их с сестрой, казалось, неизмеримо выросли.

Сколько всего случилось с тех пор. как они с Брин расстались! Теперь сам он, Джайр, стал совсем другим. И наверное, другой стала Брин.

Пустота заполнилась вдруг болью. А если король Серебристой реки все-таки переоценил его силы? А если Джайр не справится? Или просто не успеет? И тогда потеряет Брин? Долинец до крови кусал губы, стараясь прогнать эти темные мысли, и неистово клялся себе, что такого не будет. Он не допустит, чтобы это случилось.

Уже забрезжил рассвет, а путешественники продолжали идти. Как только сквозь сумрак пробились первые лучи восходящего солнца, Ститхис свернул с тропы и повел отряд прочь от Серебристой реки, вяло несущей свои воды по тесному ущелью в глубь нагромождения скал. Там уже не было ни кустов, ни деревьев. Куда ни глянь — один голый камень. Небо порозовело на востоке, над вершинами гор показался край солнца; золотые лучи, словно огненные нити, пробивались сквозь трещины и проломы в скалах. Путешественники поднимались навстречу солнечному сиянию, как вдруг огромное пятно черноты словно поглотило свет, и друзья оказались у входа в чудовищную по своим размерам пещеру.

— Ночные пещеры! — объявил Ститхис.

Пещера зияла, точно разверстая пасть, ощерившись клыками острых выступов. Ветер метался по горным вершинам, но казалось, утробный вой его доносится откуда-то из глубин пещер. Какие-то белесые иссохшие деревяшки грудой валялись у входа. Джайр пригляделся получше и похолодел. «Дервяшки» оказались костями, переломанными, расщепленными, выбеленными временем и непогодой.

Гарет Джакс подступил вплотную к Ститхису.

— Ну и как мы пойдем, мвеллрет? Там же темно. У тебя, может быть, есть факелы?

Ститхис рассмеялся, глухо и злобно.

— Факелы не зажгутся в пещерах, мои маленькие друзья. Тут нужна магия!

Мастер боя бросил взгляд на черный вход.

— И у тебя она есть, эта магия?

— ЕСТЬ, конечно, — прошептал мвеллрет, и змеиное тело под темным плащом чуть увеличилось в размерах. — ЕСТЬ чары, пробуждающие огонь! Там, внутри!

— Ну а сколько мы там пробудем, в пещерах? — не без тревоги спросил Форкер. Карлики не любят темные замкнутые пространства, и он чувствовал себя более чем неуютно при одной мысли, что придется войти туда.

— Быстро пройдем, мои маленькие друзья, — как-то уж слишком горячо уверил Ститхис. — Проведу вас за три часа. Считайте, что вы уже в Грани мрака.

Друзья неуверенно переглянулись и все разом посмотрели на черный вход в пещеру.

— Говорю вам, нельзя ему доверять! — вновь пробурчал Слантер.

Гарет Джакс достал веревку, обмотал один конец вокруг своего пояса, а другой — вокруг пояса Ститхиса. Затянув как следует узлы и еще раз проверив их крепость, Мастер боя вынул из ножен длинный кинжал.

— Я буду рядом, мвеллрет, ближе, чем твоя тень. Помни об этом. А теперь веди нас и покажи свою магию.

Ститхис направился было к пещере, но Гарет Джакс рывком развернул его.

— Не так быстро. Посмотрим сначала, что ты умеешь.

Мвеллрет скривился.

— Покажу моим маленьким друзьям. Идемте.

И он скользнул к входу в чудовищную пещеру; Гарет Джакс — лишь на шаг позади. Слантер тоже не отставал. Остальные еще мгновение колебались, а затем поспешили влогонку. Как только они вошли в пещеру, тьма тут же сгустилась, поглощая свет солнца. Только у самого входа бледные лучи рассвета едва рассеивали крошечный мрак, путники смутно различали пол и стены, зазубренные сталактиты, груды каменных обломков, острые выступы и трещины в скале. Но уже через дюжину шагов свет окончательно растворился во тьме. Осталась лишь непроглядная чернота.

Путники неуверенно остановились. Скрип сапог по камням отдался скрежещущим эхом в утробном безмолвии пещеры. Друзья сбились в кучу и молча слушали, как замирает скрипящее эхо. Откуда-то из черноты впереди донесся глухой стук капель. А вслед за ним — совсем уже издали — злоевищий скрежет камня, трущегося о камень.

— Ссмотрите, мои маленькие друзья, — внезапно прошипел Ститхис. — Все черно здесь, в пещерах!

Джайр встревоженно огляделся, не видя почти ничего, кроме смутной сероватой тени рядом — лица Эдайна Элесседила. Влажный воздух пещеры казался густым и липким, тягучая сырость слегка подрагивала, хотя ветра не было и в помине. Это колебание воздуха вызывало какое-то неприятное чувство, словно что-то льнуло к тебе. Да еще этот гнилостный запах. Долинец с отвращением сморщил нос и вдруг понял, что там, в темнице, куда засадил его Ститхис, был тот же самый отвратительный запах.

— Ссейчас вызову чары, пробуждающие огоны! — рявкнул мвеллрет, да так внезапно, что Джайр даже вздрогнул. — Сслушайте! Я призываю свет!

И он закричал. Крик его походил больше на глухое царапанье кости о кость; невыносимый, зловещий, вонзился он в черноту, добираясь до самых глубин пещеры. Эхо разбилось о камни тягучим плачем, и мвеллрет повторил свой ужасный вопль. Джайр невольно поежился. Эта затея с пещерами нравилась ему все меньше и меньше.

А потом в черноте вдруг зажегся Пробужденный огонь. Он плыл к ним сквозь мрак, подобный скоплению сверкающей пыли; мелкие искорки переливались и подрагивали на ветру, которого не было. Сияющее облако зависло над вытянутой рукой мвеллрета. Вихрь пылинок свернулся в плотный шар света, и желтое сияние озарило тьму. Друзья с изумлением наблюдали, как Пробужденный огонь собирается над ладонью Ститхиса. На лицах плясали отблески странного колдовского света.

— Вот она, моя магия, мои маленькие друзья! — победно воскликнул мвеллрет и повернул змеиную морду в сторону Джайра. В мерцающем свете блеснули зеленые глаза. — Видишь, как мне повинуется Пробужденный огонь?

Гарет Джакс быстро встал между мвеллретом и долиномцем.

— Веди нас, мвеллрет. У нас мало времени.

— Мало, ссовссем мало, — тихо прошипел тот.

И путники направились в темноту. Стены Ночных пещер поднимались все выше и выше и наконец потерялись во мраке, сквозь который не мог пробиться даже волшебный свет Пробужденного огня. Друзья шли вперед, звук их шагов летел вдогонку из тьмы странным зловещим эхом. Чем дальше они забирались в пещеры, тем невыносимее становился запах; путники старались даже дышать пореже, чтобы не задохнуться в этом гнилостном зловонии. Проход разветвлялся на многочисленные коридоры, сплетенные в настоящий каменный лабиринт. Но Ститхис уверенно шел вперед, без колебаний выбирая дорогу. Сверкающие пылинки Пробужденного огня желтым сиянием вихрились над рукой мвеллрета.

Прошло уже немало времени, но все те же бесконечно ветвящиеся туннели прорезьями черноты разбегались в скале. Запах гнили стал еще сильнее, но хуже всего — теперь скрежет

трущихся друг о друга камней звучал уже не в отдалении, а совсем близко. Ститхис внезапно остановился у входа в громадную пещеру; Пробужденный огонь, пляшущий над его рукой, взметнулся вверх.

— Проки! — прошептал мвеллрет.

Он дернул рукой, словно подталкивая шар Пробужденного огня, и тот поплыл вперед, в пещеру, озаряя непроглядный мрак. В безмолвном ужасе путники взирали на открывшуюся перед ними картину. Трещины прорезали пол пещеры: сотни неровных проломов то расползались в стороны, то вновь смыкались, точно чудовищные пасти, медленно пережевывающие добычу. Камень со зловещим скрежетом терся о камень. Но был и еще один звук: какое-то утробное бульканье, треск, глухая отрывка дробящейся скалы.

— Проклятье! — испуганно прошептал Хельт. — Эта пещера, она живая!

— Нужно пройти, — с утрюмой усмешкой отозвался Ститхис. — Держитесь поближе, людишки.

Не отрывая глаз от пола пещеры, путники сбились в кучу; в пляшущем свете Пробужденного огня их бледные лица блестели от пота. Ститхис снова пошел впереди, за ним — Гарет Джакс, дальше друг за другом: Слантер, Джайр, Эдайн Элесседил и Хельт. Эльб Форкер замыкал цепочку. Очень медленно пробирались они между живыми трещинами — проками, ведомые Пробужденным огнем. Скрежет чудовищных каменных челюстей оглушал и, казалось, перемальвал разум. Проки оживились, словно голодные звери, почуявшие близкую добычу. Пасти скалы широко разевались в предвкушении добычи и снова смыкались, иногда так тесно, что казались просто прожилками в камне. Но в любое мгновение прок готов был открыться и поглотить свою жертву. Однако волшебный Пробужденный огонь всегда распознавал такую скрытую щель и указывал путникам безопасный проход.

Друзья благополучно миновали первую пещеру, потом — еще одну и еще. И везде были проки, даже в туннелях между пещерами. Теперь путники шли очень медленно; минуты тянулись словно часы. Время как будто остановилось. Уже сказывалась усталость от постоянного напряжения: первый же неверный шаг мог стать последним. Невыносимо скрежетали каменные челюсти проков.

— Это никогда не кончится! — в отчаянии прошептал Эдайн Элесседил на ухо Джайру.

Долинец только кивнул, выражая свое беспомощное согласие. Сзади нервно пыхтел Форкер. Лицо карлика покрылось испариной, в глазах появился лихорадочный блеск. Он едва держался на ногах. Опасаясь, как бы Форкер не отстал, Хельт проприхнул его на свое место, а сам встал в конце отряда.

Притаившийся прок внезапно раскрылся почти под ногами долинца. Джайр резко дернулся прочь от разверстой черной пасти и едва не сбил с ног Слантера. Ничего себе, прок был совсем рядом, а он его даже не заметил! Не без труда справился Джайр с отвращением и страхом, тошнотворной волной подступившими к горлу, и решительно закусил губу. Осталось уже немного. Скоро все это закончится. Скоро.

Путники вступили в очередную пещеру, в новый живой лабиринт черных трещин, и вот тут-то и случилось то, о чем с самого начала так настойчиво предупреждал Слантер. Даже Гарет Джакс ничего не смог сделать — так быстро все произошло. Они все шли, пробираясь между скрежещущими проками; вдруг мвеллрет дернул рукой — и Пробужденный огонь полетел прямо в лицо путникам, рассыпаясь ослепительной вспышкой света. Друзья инстинктивно отвернулись от невыносимого сияния, зажмуриив глаза. Только на миг. Но Ститхису хватило и мига. Он метнулся мимо Гарета Джакса и Слантера и одним прыжком подлетел к Джайру. Обхватив долинца сильной рукой за пояс, мвеллрет неуловимым движением выхватил кинжал, спрятанный в складках плаща, и приставил его к горлу пленника.

— Ни сс месста, мои маленькие друзья! — прошипел он. Рядом со Ститхисом Пробужденный огонь снова собрался в плотный шар света.

Все застыли как вкопанные. В какой-нибудь паре ярдов от мвеллрета черной тенью сжался Гарет Джакс, готовый в любое мгновение рвануться в атаку. Прочная веревка еще связывала его с ящером. Ститхис подвинулся так, чтобы долинец оказался между ним и Мастером боя. Лезвие кинжала зловеще блеснуло в полумраке.

— Глупенькие людишшки! — фыркнул мвеллрет. — Думали, можно меня принудить! Ззасставить меня помогать вам! Теперь ясно, что васс ожидает?

— Я говорил вам: нельзя ему доверять! — в ярости воскликнул Слантер.

Он шагнул было вперед, но предостерегающее шипение мвеллрета заставило его остановиться. За спиной гнома замерли Хельт, Форкер и Эдайн Элесседил. А кругом скрежетали проки, камень перемалывал камень.

Гарет Джакс резко выпрямился. Так холодны были его серые глаза, что Ститхис непроизвольно прижал Джайра теснее к себе.

— Отпусти долинца, мвеллрет, — очень спокойно сказал Мастер боя.

Но тот еще ближе поднес кинжал к горлу Джайра. Юноша тяжело сглотнул и попытался отодвинуться от грозного лезвия. А потом вдруг встретился взглядом с Гаретом Джаксом. Долинец помнил, как поразил его Мастер боя главностью и стремительной быстротой своих движений тогда, в Черных дубах, когда в мгновение ока разделался с целым отрядом гномов. И какое было у него лицо: невозмутимо спокойное, непроницаемое, и только в холодных глазах — тень смерти. Точно такое лицо, как теперь.

Джайр глубоко вздохнул. Гарет Джакс очень близко. Но нож мвеллрета у горла все-таки ближе.

— Нам принадлежит вся магия, нам, не людишшкам! — горячо зашептал Ститхис. — Магия, чтоб выстоять против странников! Людишки не могут распоряжаться ею и нами не могут распоряжаться! Глупые людишки! Васс раздавят, как букашшек!

— Отпусти долинца! — повторил Гарет Джакс.

Пробужденный огонь плясал и подрагивал перед мвеллретом взвихренным облаком сияющей пыли. Зеленые змеиные глазки сощурились в неизбывной ненависти, и ящер глухо рассмеялся.

— Отпущу тебя вместо него, черный человечешко! — огрызнулся он и поглядел на Слантера. — Ты, гном! А ну перережь-ка веревку!

Слантер быстро взглянул на Гарета Джакса, а потом — на мгновение — прямо в глаза Джайру. Долинец понял, чего от него ожидают. Да, если уж он собирается выйти живым из этой переделки, для этого нужно кое-что сделать. Что ж, попробовать стоит.

Слантер медленно пошел вперед, на ходу вынимая кинжал из ножен. Все остальные стояли на месте. Джайр приготовился, собираясь с духом, гоня прочь сомнения и страх, вновь нахлынувшие в самый ответственный момент. Слантер сделал еще один шаг. Теперь он уже взялся за веревку, которой Гарет Джакс связал себя и мвеллрета. Долинец замер. У него есть только один шанс. Другого не будет. Слантер натянул веревку и поднял кинжал.

В то же мгновение Джайр запел — Слантер сразу узнал этот резкий, пронзительный крик. По руке Ститхиса, держащей кинжал у горла долинца, поползли серые мохнатые пауки. Мвеллрет взвыл и замахал рукой, стараясь стряхнуть мерзких тварей. Пробужденный огонь разлетелся широким кругом, и тьма поглотила искорки света.

Слантер не медлил. Он рванулся вперед и со всей силы воцпил кинжал в ту руку мвеллрета, которая сжимала долинца за пояс. Рука резко дернулась. Так резко, что Джайр не устоял на ногах и упал на каменный пол пещеры. Все остальные разом устремились к нему, кто-то помог долинцу подняться и оттащил его подальше от мвеллрета. Слантер повис на Ститхисе и свалил его с ног, а тут подоспел и Гарет Джакс. Мастер боя взмахнул кинжалом, но веревка, связывающая его с мвеллретом, вдруг натянулась. Гарет Джакс потерял равновесие и упал на колени.

— Слантер! — завопил Джайр.

Сцепившись друг с другом, гном и мвеллрет катались по полу пещеры между зияющими трещинами проков. Без поддержки Ститхиса Пробужденный огонь быстро таял, растворяясь во тьме. Еще пара секунд — и ничего уже будет не разглядеть.

— Гном! — предостерегающе воскликнул Форкер и бросился на помощь Слантеру.

Но Гарет Джакс его опередил. Черной тенью выскользнул он из мрака. Кинжал взметнулся и опустился, перерубая веревку. Проки булькали и скрежетали, вторя шуму схватки, — черные челюсти камня пережевывали пустоту. Слантер и Ститхис были уже в самом центре предательских трещин, скользили по полу пещеры все ближе и ближе...

Гарет Джакс прыгнул вперед и успел схватить гнома за ногу. Мощным рывком вырвал он Слантера из цепких объятий

Ститхиса. Раздался треск разрываемой ткани, а потом — яростное шипение мвеллрета. Яшер пошатнулся и отступил. Прямо под ним разверзлась черная пасть прока. На какую-то долю мгновения мвеллрет, казалось, завис над проломом, царапая когтями воздух. А потом исчез. Прок сомкнулся — скрежет жующего камня заглушил крик Ститхиса. Жуткий хруст заполнил собой пространство пещеры.

В то же мгновение Пробужденный огонь растворился во мраке. Чары рассеялись, тьма поглотила остатки света. Ночные пещеры вновь погрузились в непроглядную темноту.

Не сразу отважились путники пошевелиться. Каждый замер на месте — там, где застала его вернувшаяся тьма, — и ждал, пока глаза привыкнут к мраку. Вокруг скрежетали невидимые теперь проки. Но очень скоро стало ясно, что бесполезно надеяться разглядеть хоть что-нибудь в этой крошечной тьме без единого проблеска света. Эльб Форкер позвал остальных. Они отозвались ему, один за другим, — бесплотные голоса в непроглядном мраке. Все были тут.

Но каждый понимал, что долго им здесь не продержаться. Пробужденный огонь пропал — исчез свет, необходимый им для продвижения вперед. А без него путники были словно слепые. Ведомые только интуицией, они никогда не пройдут лабиринт живых трещин — проков.

— Безнадежно, — упавшим голосом объявил Форкер. — Без света нам тут не пройти. Прок может открыться прямо у нас под ногами, а мы этого даже не заметим. Но если даже нам очень повезет и мы уцелеем, то будем вечно бродить в этих пещерах. Безнадежно.

В первый раз Джайр уловил нотки страха в голосе карлика.

— Мы что-нибудь придумаем, обязательно, — пробормотал он — скорее себе, чем остальным.

— А твое ночное видение, Хельт? — с надеждой спросил Эдайн Элесседил. — Ты ведь можешь видеть в темноте? Можешь отыскать дорогу?

Но каллахорнец не мог. Даже для ночного видения нужен хоть какой-то свет, тихо объяснил он. Иначе ничего не получится. При полном отсутствии света ночное видение бесполезно.

Все опять замолчали. Похоже, надежды не осталось. Джайр слышал, как рядом во мраке бурчит Слантер, выговаривая Га-

реть Джаксу за то, что он не послушал его и доверился этому ящеру. А ведь гном предупреждал, и не раз... Джайр слушал, и ему вдруг показалось, что из тьмы доносится голос Брин и шепчет ему, укоряя: и ты тоже, ты тоже его не послушал. Долинец отмахнулся от этого назойливого шепота и подумал при этом: все-таки жалко, что его песнь желаний совсем не такая, как у сестры. Будь у него сила Брин, он бы сейчас вернул Пробужденный огонь. Но его песнь может вызывать лишь иллюзии — призрачные подобия реальности.

И тут он вдруг подумал о кристалле.

Долинец взволнованно воскликнул, зовя остальных, и быстро достал из-за пазухи волшебный камень. Им нужен свет — и кристалл даст этот свет! С помощью кристалла и ночного видения Хельта они выберутся из пещер!

Едва слерживая дрожь возбуждения, Джайр запел, обращаясь к дару короля Серебристой реки, призывая его магическую силу. Белый свет вспыхнул в камне, заливая пещеру бледным сиянием. В обрамлении света возникло лицо Брин Омсфорд — красивое, усталое и печальное, — точно призрак из иного, нездешнего мира смутно проступил во мраке Ночных пещер. Вокруг девушки клубилась какая-то серая дымка; все было размыто и словно притушено. Где бы Брин ни находилась сейчас, место это казалось не менее зловещим и мрачным, чем сами пещеры.

Стараясь продвигаться как можно осторожнее, друзья вновь собрались все вместе вокруг пятна льющегося из кристалла света. Взявшись за руки, как делают дети, когда нужно пройти по какому-то темному месту, они направились вперед по лабиринту проков. Теперь Джайр вел отряд; свет кристалла, поддерживаемый голосом долинца, немного рассеивал мрак перед ним. Сразу за Джайром шел Хельт, пристально изучая каждый дюйм пола пещеры в поисках притаившихся проков. Выстроившись в цепочку, все остальные шагали следом.

Путники миновали необъятную пещеру и вступили в следующую — поменьше. Здесь выбирать дорогу стало намного легче. Песнь Джайра лилась теперь очень уверенно, ясная, сильная. Долинец знал уже: они выберутся из этих пещер. Благодаря Брин выберутся. Юноше хотелось прокричать слова благодарности ей, плывущей перед ним в лучах белого света. Так

странно все получилось: Брин пришла к ним призрачным видением и спасла их всех!

Не слушая мерзкого скрежета проков — голодного трения камня о камень, — отгородившись от всего, кроме волшебного света и лица сестры, Джайр без остатка отдался магической силе песни желаний. И шел вперед сквозь тьму.

Глава 38

Всю ночь Брин и ее спасители выбирались из Старой пустоши. Они бы блуждали в тумане гораздо дольше, если б не Шепоточек. В этой серой низине болотный кот был как дома, и ни туман, ни зыбкая топкая почва не могли сбить его с дороги. Пустошь, морочащая людей, не могла обмануть инстинкт зверя. Шепоточек уверенно вел путников на юг, к темной стене Вороньего среза.

— Без Шепоточка мы бы и тебя не нашли, — по пути объясняла Брин Кимбер Бо. — Именно он отыскал тебя в этом тумане. Его нельзя сбить с толку какими-то призраками — ничто в этой пустоши его не обманет. И все-таки это просто счастье, что мы подоспели вовремя, Брин. Теперь ты, уж пожалуйста, не отставай от нас!

Брин молча выслушала Кимбер. Да и что могла она сказать?! Брин уже все решила: до того, как они доберутся до Мельморда, она оставит их всех и пойдет одна. Осталось только дожидаться удобного случая. Причины этого были просты. Алланон поручил ей пройти сквозь барьер колдовского леса, охраняющего Идальч, а потом уничтожить книгу черной магии. И сражаться с магической мощью Мельморда Брин будет силой песни желаний. Когда-то она сомневалась, что такое вообще возможно. Но теперь эти сомнения сменились другими, еще более мрачными: а не вызовет ли эта борьба грандиозную катастрофу? Сила, которая выплеснется при столкновении двух магий, будет ужасной. Это будет не противостояние магий белой и черной, как Брин полагала сначала; нет — это будет противостояние двух магий, темных и страшных в равной мере. Мельморд был создан для разрушения. Но и песнь желаний тоже способна разрушать; и теперь Брин уже знала, что сила уничтожения, таящаяся в эльфийском заклятии, может вырваться из-под конт-

роля в любой момент. Она, Брин, должна поклясться себе, что такого больше не будет. Поклясться самой страшной клятвой. И все-таки как могла она быть уверенной, что ей удастся сдержать эту клятву, что ей не придется вновь воспользоваться песнью желаний, чтобы разрушить?! Брин согласна была рисковать собой — она согласилась на это еще тогда, когда решила отправиться в этот поход. Но рисковать жизнью тех, кто пошел с ней? Нет!

Она должна их оставить. Что бы ни ждало ее там, в Мельморде, это ее судьба, и спутникам Брин вовсе не нужно делить ее с ней. «Ты идешь к своей смерти, Брин из рода Шаннары, — предостерег Угрюм-из-Озера. — Ты несешь в себе семя собственной гибели». Что ж, быть может, и так. Может быть, магическая сила песни желаний и есть это самое семя. Может быть. Но одно несомненно: ее друзья уже достаточно рисковали собой ради нее. И больше такого не будет. Она этого не допустит.

Всю дорогу Брин думала об этом, тщательно перебирая все доводы и вспоминая о том, что она чувствовала, когда вызывала магическую силу песни желаний. Время шло — оборотни больше не донимали путников в эту ночь. Но сознанием Брин овладели иные демоны.

Только к рассвету путники выбрались из Старой пустоши и оказались в холмистой стране, граничащей на юге с Вороньим срезом. Они вымотались до предела после долгой дороги и событий прошлой ночи. К тому же при свете дня идти было опасно — их могли увидеть. Поэтому, отыскав подходящее укрытие — маленькую лужайку в сосновом бору между двумя хребтами, — путешественники расположились там и проспали весь день.

А как только стемнело, они вновь отправились в путь, продвигаясь теперь на восток, вдоль горного хребта, подступающего к самой пустоши. Из чаши леса на нижние склоны выползли клочья тумана, нависая над тропой мягкой серой паутиной. Вершины Вороньего среза, точно исполинские черные башни, вонзались в небо. Ночь была тихой и какой-то пустынной. Густые тени лежали на молчаливых утесах, лесах, туманной мгле пустоши. Не ощущалось ни малейшего движения в этом застывшем омуте тьмы.

Около полуночи путники остановились передохнуть. Они молча сидели, растирая сведенные мышцы и тревожно прислу-

шиваясь к странному безмолвию ночи. А потом Коглин вдруг стал рассказывать Брин и Рону о своей магии.

— Это ведь тоже магия, да,— едва слышно шептал он, словно опасаясь, что кто-то может подслушать его.— Правда, совсем не такая, какой владеют странники. Это магия иного рода. Появилась она в стародавние времена. В века между рождением магии странников и угасанием силы эльфов и волшебного народа.

Старик подался вперед, и в его пронизательных глазах появилось какое-то обвиняющее выражение.

— А ты, девочка, думала, старик, мол, и знать ничего не знает о древнем мире? — почему-то спросил он у Брин.— Ан нет, я тоже кое-что смыслю в знаниях древнего мира, доставшихся мне от предков. Не друидов, нет. Но учителей, девочка, учителей! Было такое учение о всем сущем в мире, пока Великие войны не уничтожили все!

— Деда,— осторожно вставила Кимбер Бо,— объясни им.

— У-у-у,— раздраженно пробурчал Коглин.— Объясни им, она говорит! Ну а чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь? — Он наморщил лоб.— Сила земли! Вот она, моя магия! Не заклинания или какое-нибудь там колдовство — нет, совсем-совсем другая! Сила, рожденная из элементов, что содержит в себе земля, по которой мы ходим. Сила земли. Всякие руды и камни, смеси и порошки. То, что можно увидеть глазами и потрогать руками. Раньше это называлось «химия». Мастерство совершенно иного рода, чем те простейшие действия, которыми теперь обходятся в Четырех землях. Да, вместе с гибелью древнего мира почти все знания были утрачены. Но кое-что все же осталось. Самая малость. Вот это и есть моя магия.

— То, что лежит у тебя в этих сумках? — спросил Рон.— Тот порошок, что взрывает огонь?

— Ха-ха-ха! — искренне рассмеялся Коглин.— И это, и еще много чего другого, южанин. Огонь можно взорвать, твердую землю обратить в болото, воздух — в душающую пыль, плоть — в камень! У меня все для этого есть. И не только для этого, да. Какие хочешь смеси: кусочек того, капля сего! — Старик вновь рассмеялся.— Уж я могу показать этим странникам то, чего они и не видели!

Рон с сомнением покачал головой.

— Гномы-пауки — это одно, а странники — совсем другое. Стоит морду лишь пальцем шевельнуть, и ты обратишься в пепел. Мой меч, принявший в себя магическую силу друидов, — вот единственная защита от этих черных тварей.

— Тьфу! — в сердцах плюнул Коглин. — Что до защиты, то лучше бы ты обратился за этим ко мне. Я и тебя защищу, и девочку!

Резкие слова уже были готовы слететь с языка, но горец сдержался и просто пожал плечами.

— Если уж нам придется столкнуться со странниками, мы будем оба ее защищать. Каждый — как может.

Он поглядел на Брин, ища поддержки, и девушка улыбнулась, соглашаясь. Ей ничего не стоило согласиться с Роном. Она ведь решила уже: ни того ни другого не будет рядом. Если уж ей придется столкнуться со странниками, она будет одна.

После рассказа Коглина Брин серьезно задумалась. Ее не на шутку обеспокоило, что какая-то часть древнего знания все-таки сохранилась в том глобальном катаклизме, вызванном Великими войнами. Брин пугала одна только мысль о возможности возвращения в мир этой странной силы, ужасной в своей сокрушающей мощи. Хватит уже и того, что неосмотрительные изыскания горстки мятежных друидов вновь извлекли из забвения магию волшебного мира. А если еще возродятся знания о силах стихий и энергий... Нет, даже думать об этом не стоит. С крушением прежнего мира были утрачены почти все древние учения, а то немногое, что оставалось еще, собрали друиды. И хранили в глубокой тайне. Но вот вдруг появляется этот старик — полубезумный, сумасбродный и дикий, как сам дикий край, в котором он поселился, — и заявляет, что владеет какими-то древними знаниями, особым родом магии. Магии, которую он называет теперь своей.

Брин потрясла головой. Быть может, просто неизбежно, что все знания, порожденные как добрыми замыслами, так и злыми, сотворенные для того, чтобы давать жизнь или же чтобы забирать ее, в какой-то определенный момент должны вновь вернуться в мир. И учения, созданные людьми, и магия древнего мира. Быть может, и то и другое в назначенный срок должно всплывать на поверхность потока времени, потом исчезать, потом вновь появляться. И так без конца.

Но возвращение знаний о силе стихий и энергий теперь, когда последний из друидов покинул мир?..

Но с другой стороны, Коглин — старик и знания его ограничены. Быть может, когда он умрет, знание умрет вместе с ним и будет утрачено снова. По крайней мере, на какое-то время.

И возможно, то же самое станет с ее, Брин, магическим даром.

Весь остаток ночи путешественники шли на восток, пробираясь по редющему лесу предгорья. Впереди хребет Вороньего среза изгибался дугой, протянувшись на север, к дремучим лесам дальнего Анара. Казалось, горы вставали из мрака ночи черной глыбой застывших теней. Старая пустошь осталась внизу, позади, и теперь только тонкая линия зеленых холмов отделяла путешественников от Вороньего среза. Глухое безмолвие окутало землю. Брин не отрываясь смотрела на черные скалы. Она знала: где-то там, в этом изгибе хребта, таится Грань мрака и Мельморд.

«И там я должна буду что-то придумать, чтобы оторваться от остальных, — думала Брин. — Оттуда я пойду одна».

Первые проблески восходящего солнца бледным сиянием разлились по небу над стеной гор. Небо постепенно светлело: из темно-синего оно стало серым, потом — серебристым, потом — розовым с золотым. Тени съжились, убегая вдгонку за отступающей ночью, и очертания местности уже проступали в туманном полумраке рассвета. Сначала — деревья, их изогнутые ветви, листья, шероховатые стволы, а потом скалы, заросли кустарника и затвердевшая, бесплодная земля обрели цвет и форму, выхваченные из тьмы первыми лучами солнца. Только в горах еще таились тени — стена камня как будто встала на пути у рассвета, охраняя непроглядную тьму. Но вскоре свет солнца одолел и этот последний барьер, и золотое сияние пролилось с вершин, разгоняя завесу мрака над устрашающим ликом Вороньего среза.

Да, действительно устрашающим. Застывший, опустошенный лик камня, раскрошенного временем и буйством стихий, весь пропитался, казалось, ядом темной магии, воцарившейся здесь, в этих горах. Там, где хребет изгибался к северу, скалы были какого-то странно белесого цвета; жизнь, казалось, сошла отсюда, точно мертвая плоть с костей. Это были не горы, это был остов, неживое подобие гор. Оно возвышалось на ты-

сячи футов, пронзая вершинами небо, — стена угрюмых утесов и изломанных теснин, обремененных грузом прошедших веков и непреходящего ужаса.

Брин подставила лицо внезапному порыву ветра и тут же сморщилась в отвращении. Ветер принес с собой невыносимый смрад.

— Сточные каналы Грани мрака, — сплюнул Коглин, и его глаза нервно забегали. — Мы уже близко.

Кимбер скользнула вперед, к Шепоточку, который застыл на месте и внимательно принюхивался к запахам в утреннем воздухе. Склонившись к коту, девушка что-то шепнула ему на ухо — одно только слово, — и зверь ласково ткнулся носом ей в лицо.

Кимбер повернулась к своим спутникам.

— Нужно торопиться, пока еще не совсем рассвело. Шепоточек покажет дорогу.

Они поспешили вперед, сквозь набирающий силу свет и отступающий сумрак, — громадный кот вел путешественников вдоль холмов прямо к изгибу Вороньего среза. Здесь уже не было ни кустов, ни деревьев, трава иссохла и поредела, земля сменилась россыпью раскошенных камней и плоскими скалистыми выступами. Запах стал еще невыносимее, гнилостное зловоние задушило свежесть раннего утра. Вскоре Брин почувствовала, что ей трудно дышать. А что же будет потом, когда они вступят в пещеры, где проходят сточные каналы?

Местность резко пошла под уклон, холмы словно стекали в глубокую долину, окутанную тенью громоздящихся гор. Там, внизу, чернело озеро. Мутный поток струился из темной дыры в скале, вяло вливаясь в застывшее озеро.

Шепоточек остановился, рядом с ним замерла Кимбер Бо.

— Вон там, — показала она, — сточные каналы.

Брин обвела взглядом угрюмые горы, тысячи футов голого камня; острые пики, точно черные когти, вонзались в золотистое рассветное небо. Где-то впереди, пока еще скрытая от глаз, ждала Грань мрака. И Мельморд. И Идальч.

Брин тяжело вздохнула, пытаясь не обращать внимания на мерзкий запах, идущий от сточных каналов. Там, в этой зловонной дыре, ее ждет судьба. Ее судьба. Брин печально улыбнулась. Что ж, нужно идти и встретить ее.

У самого входа в сточный туннель Коглин показал еще кое-что из своей странной магии. Из сумки на поясе он вытащил небольшую коробочку с мазью, которая, если втереть ее в ноздри, отбивала тошнотворный запах. «Небольшая такая магия», — небрежно заметил старик. Хотя мазь не могла, конечно, совсем уничтожить запах, теперь его можно будет хотя бы переносить спокойно. Потом Коглин нашел несколько деревяшек, обстрогал, придавая им форму факелов с короткой ручкой, и опустил их одним концом в кожаный мешочек, который достал из сумки у себя на поясе. Какое-то серебристое вещество облепило головки факелов. Вещество это светилось в темноте бледным светом, похожим на свет масляной лампы, хотя Коглин не зажигал никакого огня.

— Да так, просто еще кое-что из моей магии, чужестранцы, — довольно захихикал старик, заметив, с каким изумлением уставились Брин и Рон на факелы, горящие без огня. — Химия, помните, я говорил? То, о чем странники и слыхом не слыхивали. И у меня есть в запасе еще пара сюрпризов. Вот увидите.

Рон с сомнением нахмурился и покачал головой. Брин тоже ничего не сказала, но подумала про себя: уж лучше б у них никогда не возникло необходимости узнать, что там за сюрпризы припас Коглин для черных странников.

Коглин вручил каждому по факелу, и путешественники шагнули в черную дыру сточного туннеля. Мутная вода, вобравшая нечистоты из Грани мрака и яд Мельморда, лениво текла по каналу, прорезавшему пол туннеля. По обеим сторонам зловонного стока вдоль стен туннеля тянулись каменные выступы, достаточно широкие, чтобы там можно было пройти. Шепоточек указывал путь. Сонно шуря глаза на свет факелов, зверь неслышно ступал по камням. Коглин и Кимбер шли следом за ним. Брин с Роном замыкали шествие.

Они шли очень долго. Брин утратила всякое ощущение времени. Казалось, она полностью сосредоточилась на едва различимой в полумраке туннеля дороге, но мысли ее были заняты совсем другим. Пора было что-то придумать, чтобы ускользнуть от остальных и уйти в Мельморд одной. Туннель постепенно забирал вверх сквозь скалу, изгибаясь, словно свернувшаяся кольцами змея. Даже зелье Коглина уже не спасало от невыносимого зловония, пропитавшего самый камень пещеры. Ино-

гда откуда-то сверху стекали потоки холодного воздуха, слегка разгоняя омерзительный запах из сточной канавы. Это был свежий ветер с вершин. Но и эти потоки прохлады не приносили путникам облегчения. Слишком уж быстро зловоние поглощало их, и запах из сточной канавы становился еще невыносимее.

Туннель поднимался вверх бесконечной спиралью. Вдруг массивная железная решетка преградила путникам дорогу. Рон потянулся было за мечом, но Коглин остановил его. Старик ликующе хохотнул и, сделав своим спутникам знак отойти подальше, достал из сумки на поясе очередной кожаный кошель. В этом кошельке у него был черный порошок, похожий на сажу. Рассыпав его по прутьям решетки в тех местах, где она сое-единялась со скалой, Коглин быстро поднес туда факел, горящий без пламени, и порошок вспыхнул белым сиянием. Когда свечение иссякло, стало видно, что порошок разъел железо. Один сильный толчок — и решетка с грохотом рухнула на ка-менный пол пещеры. Путешественники пошли дальше.

За все время подъема никто не произнес ни слова. Все на-пряженно прислушивались: ведь там, наверху, ждали враги — странники и ужасные твари, прислужники мордов. Сверху нес-лись странные звуки, отдаленные и неразборчивые, отдаваясь эхом в пустом туннеле: какие-то звоны и глухой стук, будто от падения тяжелых тел; царапанье, и скрежет, и заунывный вой, точно ветер гудел по туннелю, срываясь с вершин; и еще — зловещее шипение, словно где-то из узкой трещины в камне рвался наружу пар. Глухое эхо этих звуков лишь подчеркивало абсолютную тишину туннеля. Брин вдруг поймала себя на том, что ищет хоть какой-то порядок в чередовании звуков. Но его не было. Разве что только шипение раздавалось через опреде-ленные промежутки времени. Брин невольно поежилась: это напомнило ей, как Угрюм-из-Озера явился из серых вод и ту-мана.

«Нужно что-то придумать, — напомнила себе она, — чтобы скрыться от них и уйти одной. И побыстрее».

А туннель все поднимался. Стало гораздо теплее, а потом просто жарко. Путешественники буквально обливались потом. Теперь по туннелю растекался туман, унылый и липкий, пропи-танный вонью сточной канавы. Люди с отвращением отмахивались от его сероватых клочьев, но туман не рассеивался. На-

оборот, он становился все гуще. В конце концов влажная пелена сомкнулась вокруг и дальше дюжины футов уже ничего нельзя было разглядеть.

А потом мрак и туман внезапно отступили, и люди вышли на выступ скалы, нависающий над бездонной пропастью. Путники тревожно переглянулись. Справа каменная тропа уходила вверх, следуя изгибу канавы, по которой из крепости мордов текли нечистоты. Слева дорога спускалась к узкому каменному мосту — едва ли в ярд шириной, — он выгнутой аркой нависал над мрачной пропастью и вел в черный туннель на той стороне.

— Ну и куда теперь? — задумчиво пробормотал Рон Лих себе под нос.

«Налево, — мысленно отозвалась Брин. — Налево, через пропасть».

Она не смогла бы объяснить почему. Она просто знала: именно эту дорогу ей надо выбрать.

— Вдоль сточной канавы. — Коглин повернулся к ней: — Так ведь сказал тебе Угрюм-из-Озера, девочка?

Брин вдруг поняла, что не может произнести ни слова.

— Брин? — тихонько окликнула ее Кимбер.

— Да, — выдавила она. — Да, вдоль канавы.

Они повернули направо. Мысли Брин кружились безумным вихрем.

«Это не та дорога, — думала она, — совсем не та. Почему я сказала, что нам нужно сюда?»

Брин вздохнула поглубже, пытаясь немного успокоиться. Ей ведь нужно в другую сторону, туда, через мост. Мельморд там. Брин это чувствовала. Он — там. Почему же она тогда?..

Ответ пришел раньше, чем успел сформироваться вопрос. Потому что только здесь она сможет оставить их. Только здесь ей удастся ускользнуть незаметно. С самой Старой пустоши Брин ждала этого случая. Да, здесь все это и произойдет. Песнь желаний поможет ей — маленькая хитрость, небольшой обман. Брин поперхнулась, словно запнувшись о саму мысль. Пусть это выглядит предательством, она все равно это сделает. Все равно.

Брин начала тихо напевать, возводя по камешку магическую стену, которая превратит ее в невидимку, создавая на ее месте и в сознании спутников живой образ ее самой. Когда

все было готово, она отпрянула в сторону от своего фантома и, вжавшись в стену туннеля, смотрела, как маленькая компания уходит все дальше, теряясь во мраке.

Брин знала: лишь несколько минут продлится иллюзия. Пора. Она оторвалась от стены и помчалась обратно по извилистой тропе вдоль сточной канавы. Звук собственного дыхания хрипом отдавался в ушах. Брин добралась до скалистого выступа и шагнула на каменный мост. Под ногами зияла черная пропасть. Очень медленно Брин пошла по мосту. В туманном мраке все было тихо, однако девушка чувствовала, что она здесь не одна, в этой клубящейся мгле. Брин подавила внезапный порыв ледящего страха и замкнулась в себе, неприступная и холодная. Ничто не коснется ее. Ничто.

Наконец мост кончился. Брин на мгновение замешкалась у входа в черный туннель и позволила чувствам вернуться. Мысль о Роне и обо всех остальных яркой вспышкой мелькнула в сознании и тут же пропала. Вот и против друзей применила она магическую силу песни желаний, с горечью подумала Брин. Пусть это было необходимо, но все равно при одной только мысли о своем поступке ей делалось больно.

Брин повернулась лицом к черной пропасти — песнь желаний пронзительным криком вонзилась в пустоту. Звук промчался неистовым эхом по каменному мосту. Мост вздрогнул, как живой, и, разлетевшись каменной крошкой, обрушился в пропасть.

Все. Назад дороги нет.

Брин шагнула в туннель и растворилась во мраке.

Пронзительный крик пронесся по туннелю, где маленькая компания пробиралась сквозь сумрак вдоль сточной канавы.

— Проклятье! Что это было? — воскликнул Рон. Никто не ответил ему, пока не замерло эхо.

— Брин, это была Брин, — наконец прошептала Кимбер Бо.

Рон удивленно уставился на нее. Да нет же, вот она, Брин, совсем рядом...

И в это мгновение образ, созданный Брин в сознании спутников, растворился во мраке, обратившись в ничто. Коглин тихо выругался и топнул ногой.

— Что она сделала?.. — начал было горец, но он так растерялся, что не смог даже закончить мысль.

Лицо Кимбер помрачнело. Она шагнула вперед и встала рядом с Роном.

— Наверное, то, что собиралась сделать с самого начала. Бросила нас и ушла одна. Она ведь как-то сказала, что не хочет, чтобы мы все подвергали себя опасности из-за нее, чтобы мы тоже пошли с ней к Мельморду. Ну и сделала так, чтоб мы уж точно туда не пошли.

— Черт побери! — взорвался Рон. — Она что же, не понимает, как это опасно?..

— Все она понимает, — резко оборвала его девушка, уже направляясь обратно по темному туннелю. — Я должна была догадаться, что у нее на уме. Ладно, раньше надо было думать. Нужно спешить, иначе мы ее уже не догоним. Шепоточек, след!

Шепоточек бесшумной тенью помчался обратно сквозь сумрак туннеля. Спотыкаясь и скользя по влажному камню, все трое поспешили влогонку. Рона буквально трясло от злости и какого-то непонятного страха. Почему Брин так поступила с ними? Почему? Он не мог понять.

Они вылетели на скалистый выступ, нависающий над черной пропастью. Мост, перекинутый через бездонную пустоту, был разрушен в самой середине.

— Ну вот, посмотрите, она использовала свою магическую силу! — фыркнул Коглин.

Рон молча шагнул на разрушенный мост. Пролом футов в двадцать, а дальше мост снова целый. Перепрыгнуть? — внезапно подумал горец. Расстояние, конечно, приличное, но он, наверное, смог бы преодолеть его. По крайней мере, попробовать стоит...

— Нет, Рон Лих. — Тут же распознав его намерение, Кимбер рванулась к горцу и оттащила его от края пролома. Рука девушки, сжимающая его руку, была на удивление сильной. — Пожалуйста, не сходи с ума. Тебе ни за что не перепрыгнуть.

— Я не могу снова оставить ее, — упрямо пробормотал он. — Не могу.

Девушка понимающе кивнула.

— Я ведь тоже за нее переживаю. — Она повернулась. — Шепоточек!

Громадный кот тут же подлетел к хозяйке и потерял усатой мордой о ее лицо. Кимбер что-то зашептала ему, нежно почесывая зверя за ухом. А потом резко отступила в сторону.

— След, Шепоточек!

Болотный кот уже мчался по мосту. Даже не остановившись, он весь сжался на бегу и прыгнул. Без труда преодолев черный пролом, Шепоточек мягко приземлился на другом конце моста и через пару мгновений скрылся во тьме туннеля.

С нескрываемым беспокойством Кимбер глядела вслед своему любимцу. Ей так не хотелось отпускать Шепоточка одного, но он теперь нужен Брин больше, чем ей самой. А Брин была ее другом.

— Только будь осторожен,— прошептала Кимбер. А потом вновь повернулась к Рону: — Ну а теперь давай думать, как нам добраться до Брин Омсфорд.

Глава 39

К полудню того же дня Джайр и его спутники выбрались наконец из Ночных пещер на широкую каменную площадку, образованную плоским выступом скалы и выходящую в глубокое ущелье между двумя хребтами Вороньего среза. Хребты подступали так близко друг к другу, что их острые вершины заслонили собою все небо, только в вышине узенькая голубая полоска пробивалась сквозь густую тень скал. Каменный выступ, на котором стояли путешественники, загибался влево, вдоль горы, и через несколько сотен ярдов вновь скрывался в широкой трещине на поверхности утеса.

Джайр рассеянно скользнул взглядом по сумрачным скалам, поднимая глаза к тонкой полоске светлого неба. Сил уже не осталось, он был измотан до предела. Долинец так и сжимал кристалл видения в бессильно упавшей руке. Они ведь вошли в эти пещеры, когда еще не рассвело. А теперь уже, наверное, за полдень. И почти все это время Джайру пришлось петь, чтобы песнь желаний поддерживала свет в кристалле. Свет, без которого они никогда бы не вышли из Ночных пещер. Это отняло все его силы. В усталом сознании долинца до сих пор раздавался мерзкий скрежет проков, скрежет камня о камень, хотя весь этот ужас остался позади, во мраке пещер. И еще в созна-

нии Джайра вновь и вновь выплывал хруст ломающихся костей Ститхиса. Это было невыносимо.

— Надо убираться отсюда. Здесь все прекрасно просматривается, — тихо сказал Гарет Джакс и указал рукой налево. Слантер с сомнением огляделся.

— Я не уверен, что это правильный путь, Мастер боя.

Гарет Джакс даже не повернулся к нему.

— А тут, по-твоему, целая куча других дорог?

Друзья молча направились по скалистому выступу к трещине в скале. Трещина оказалась узким ущельем, которое прорезало утес и терялось во мраке. Выстроившись в цепочку, путешественники зашагали по извилистой теснине. Внезапный порыв ветра принес с вершин струю стылого воздуха.

Джайр невольно поежился. Но после ледящего ужаса Ночных пещер даже это холодное прикосновение было приятно долиincu. Он ощущал всем своим существом: Грань мрака теперь уже близко. Грань мрака, и Мельморд, и Колодец небес. Путешествие подходит к концу, поиск почти завершен. Юноше вдруг захотелось смеяться и плакать, но усталость и боль во всем теле не позволили ему даже этого.

Ущелье петляло, уходя все глубже в скалу. Мысли Джайра разбрелись. Где теперь Брин? Кристалл показывал им ее лицо, но было никак не понять: где сестра, что с ней? Она в каком-то страшном пустынном месте, где только тьма и туман. Быть может, это туннель под скалой? Или ущелье? Не в этих ли самых горах?

«Ты должен добраться до Колодца небес раньше, чем она вступит в Мельморд, — предупредил его король Серебристой реки. — Ради ее спасения должен».

Задумавшись, долинец споткнулся и едва не упал. Он резко выпрямился, мотнув головой, и спрятал кристалл под рубашку: оказывается, он так и держал камень в руке.

— Смотри под ноги, — прошептал ему на ухо Эдайн Элседил.

Джайр только молча кивнул.

Долинец пытался представить себе, что будет дальше. В голову лезли одни только мрачные мысли. Целая армия гномов охраняет Грань мрака. По залам крепости бродят призраки-морды. И если бы только морды! Наверняка там скрываются какие-то темные твари — злобные, неумолимые стражи, обере-

гающие крепость от незваных гостей. От них. Ну а их всего-то шестеро. Что они могут против такого количества и такой мощи? Да почти ничего! И все же, хотя эти мысли и не прибавили долинку уверенности, положение не казалось ему совсем уж безнадежным. Может быть, из-за короля Серебристой реки. Ведь не случайно же он для своего поручения выбрал именно Джайра. Значит, старик верил в него, верил, что долинец справится и выполнит эту ответственную миссию. Или, может быть, его собственная решимость и сила воли не давали ему окончательно пасть духом.

Джайр покачал головой. Возможно. Но было еще одно, наверное, самое главное: люди, что пошли с ним в этот опасный поход, и так помогли ему, и помогут еще. Пятеро: Гарет Джакс, Слантер, Форкер, Эдайн Элесседил и Хельт. Представители разных земель, все они собрались вместе, объединив свои силы и могущество для последнего страшного противостояния. Два следопыта — каллахорнец и гном, воин карлик, Мастер боя и эльфийский принц, — такие разные, они все теперь здесь, с долинцем. Их дороги (тоже такие разные) слились в одну, и может так случиться, что никто из них не дойдет до конца. Но пока они вместе. И Джайр был уверен: если будет нужно, каждый отдаст свою жизнь ради того, чтобы долинец выполнил то, зачем пришел сюда. Каждый, даже Слантер. Гном сделал свой выбор там, в Капаале, когда не воспользовался единственной, может быть, возможностью бросить их всех и бежать на север, в пограничные земли, обратно к той жизни, от которой когда-то отказался. Они все теперь связаны друг с другом — все шестеро, — и эта связь уже неразрывна. Джайр почти ничего не знал о своих товарищах. Он твердо знал лишь одно, и этого было достаточно: что бы с ним еще ни случилось, все пятеро будут рядом.

Быть может, поэтому Джайр совсем не боялся.

Ушелье внезапно расширилось, солнечный свет пролился золотистым потоком с открывшегося над головой неба. Гарет Джакс приостановился, потом пригнулся и очень осторожно двинулся вперед. На ходу он сделал знак своим спутникам идти за ним. Прижимаясь к скале, они подобрались поближе к Мастеру боя.

— Вон, — прошептал он, указав пальцем.

Грань мрака. Джайр это понял сразу, без всяких объяснений. Крепость на высокой скале — на широком уступе утеса, далеко выдающемся в залитое солнечным светом небо. Грозная и утрюмая цитадель. Бастионы и башни поднимались на сотни футов, вонзаясь в безоблачную синеву точно каменные копыта и топоры, притупленные в битвах. Ни единого знамени не развевалось на флагштоках крепости, ни единого вымпела на башнях или в бойницах. Даже сейчас, при ярком свете солнца, крепость казалась унылой и мрачной, серые камни были словно припорошены пеплом. Окна представляли собой узкие прорезы в каменных стенах, закрытые решетками или деревянными ставнями. К высоким, обитым железом воротам вела единственная дорога — просто узкий скалистый выступ, петляющий вверх по крутому склону. Ворота были наглухо закрыты.

Путники молча глядели на цитадель. Крепость словно вымерла.

Джайр внимательно разглядывал Крух. Правда, он мог видеть лишь небольшую часть громадной каменной спирали, что выгибалась за Гранью мрака и казалась отсюда продолжением крепостных сооружений. Словно лестница, висящая в воздухе, Крух поднимался от цитадели до самой вершины одинокой горы, возвышающейся над всеми ближайшими пиками.

Джайр схватил Слантера за руку и молча указал пальцем на одинокий утес и узкую каменную ленту, вьющуюся вокруг скалы.

— Да, мальчик: Крух и Колодец небес, — кивнул гном. — Куда и отправил тебя король Серебристой реки.

— А Мельморг? — спросил Джайр.

Слантер покачал головой:

— С той стороны крепости. Внизу, в скалах. Там начинается Крух, огибает Грань мрака, ну а дальше ты видишь.

Они замолчали, глядя на серую крепость.

— Такое впечатление, что там вообще никого нет, — пробормотал Хельт.

— Ну так им и нужно, чтоб у тебя сложилось подобное впечатление, — сухо заметил Слантер, небрежно покачиваясь на каблуках. — К тому же странники предпочитают темноту. Обычно днем они сидят в крепости, а выходят только ночью. Даже гномы, которые служат им здесь, стали жить по такому же распорядку и днем, когда светло, не вылезают. Но не дай им себя

обмануть. Они там, внутри, каллахорнец, и гномы, и странники. И еще кое-какие чудовища.

Гарет Джакс пристально изучал выступ скалы, единственный путь к воротам.

— Наверняка они думают, что мы пойдем именно так, — проговорил он, обращаясь скорее к себе, чем к своим спутникам. — Либо прямо по выступу... либо станем карабкаться по скале. — Он посмотрел влево. Площадка, на которой стояли путешественники, огибала утес и вела в ущелье, расположенное чуть ниже. — А вот что мы выберем эту дорогу — вряд ли им придет в голову.

Слантер прикоснулся к его руке.

— Это туннель. Он ведет вверх, во внутренние коридоры крепости. К хранилищам.

— Туннель охраняется?

Слантер пожал плечами.

— Я бы все-таки предпочел добраться до Круха поверху, — пробормотал вдруг Форкер. — Я уже сыт по горло и пещерами, и туннелями.

Гном покачал головой.

— Никак невозможно. Единственный путь поверху — через Грань мрака. Через странников и их темных прислужников.

Форкер глухо хмыкнул.

— Ну а ты как считаешь, Гарет?

Лицо Мастера боя оставалось бесстрастным. Он продолжал пристально изучать крепость и скалы вокруг нее.

— Хорошо ли ты знаешь дорогу, гном? Сможешь провести нас там живыми и невредимыми? — резким тоном спросил он Слантера.

— Ты требуешь слишком много, — угрюмо покосился тот. — Да, дорогу я знаю, но не могу сказать, что хорошо. Когда меня в первый раз привели сюда, мы проходили как раз там. Еще до того, как все это началось...

Он замолчал, не закончив фразы, и Джайр догадался: гном сейчас вспомнил, как вернулся домой, чтобы быть вместе со своим народом, и странники тут же послали его выслеживать Алланона. Он сейчас вспомнил и, возможно, даже пожалел о том, как все обернулось.

— Честно хотя бы, — спокойно подвел итог Гарет Джакс и двинулся к входу в туннель.

Остальные молча ползлись следом. На площадке перед туннелем, скрытой от возможных наблюдателей из Грани мрака нагромождением валунов, Мастер боя собрал своих спутников в тесный кружок.

— Обычно странники днем не выходят? — спросил он Слантера. Здесь, в самой гуще каменной россыпи, было жарко и душно, и на лбу Гарета Джакса блестели капельки пота.

Гном нахмурился.

— Если ты спрашиваешь о том, стоит ли ждать темноты или следует идти прямо сейчас, я отвечаю: сейчас.

— Вот только успеем ли мы? — вставил Форкер. — День почти на исходе, а в горах быстро темнеет. Может быть, подождем до завтра, и тогда у нас будет целый день. И подождать надо всего каких-то двенадцать часов. Они ничего не меняют.

Все на мгновение замолчали. Джайр посмотрел на светлое пока небо, рассеянно скользнул взглядом по сумрачным вершинам. Каких-то двенадцать часов? Его охватило гнетущее беспокойство. А где сейчас Брин? Как наяву, прозвучали в сознании юноши слова короля Серебристой реки: «Ты должен добраться до Колодца небес раньше, чем она вступит в Мельморд».

Долинец резко повернулся к Гарету Джаксу.

— Я не уверен, что у нас есть в запасе двенадцать часов. Мне нужно выяснить, где теперь Брин, чтобы уж точно знать. Мне нужно опять посмотреть в кристалл. Наверное, прямо сейчас.

Мастер боя поколебался, потом кивнул.

— Но только не здесь. Зайдем в пещеру.

Без лишних слов путешественники вошли в темный туннель и сгрудились вокруг долинца. Тот так разволновался, что не сразу отыскал под рубашкой волшебный камень. Но вот рука нащупала цепочку, и Джайр вытащил из-за пазухи кристалл. Бережно опустив его на ладонь, юноша облизнул пересохшие губы. Вдруг накатила усталость — долинец прикрыл глаза, гоня ее от себя прочь.

— Пой же, Джайр, — ободряюще прошептал Эдайн Элесседил.

И долинец запел. Голос его звучал тихо и как-то хрипло. Да, слишком велико было напряжение там, в Ночных пещерах. Но песнь желаний плыла во мраке, и кристалл уже начал светиться, и сияние разлилось...

Брин внезапно остановилась посреди темного туннеля. Она вдруг почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд. Как тогда, на подходе к Драконьим Зубам, и потом еще, когда они вышли из горной страны. Словно кто-то за ней наблюдает, но откуда-то издалека.

Брин колебалась, не зная, что и думать. Сознание будто оцепенело, а потом она вдруг поняла: Джайр! Это Джайр! Брин глубоко вздохнула, чтобы слегка успокоиться. Этому не было никакого разумного объяснения — она просто знала. Вот только как же такое возможно? Как может брат?..

Что-то двигалось у нее за спиной во тьме туннеля.

Брин отошла уже далеко от моста. Правда, идти приходилось медленно и осторожно — свет от странного факела Коглина с трудом рассеивал непроглядный мрак. За все это время Брин не увидела ни единого живого существа, не услышала ни звука. Она даже начала сомневаться: быть может, она ошиблась и избрала неверный путь?

И вот теперь там, во мгле, что-то (или кто-то?) двигалось. Не впереди, как она ожидала, а сзади.

Брин настороженно оглянулась, тут же забыв о своем странном чувстве. Она протянула факел вперед и... вздрогнула от изумления. Два огромных синих глаза мерцали во тьме. А потом в круге света возникла мохнатая усатая морда.

— Шепоточек! — с облегчением прошептала Брин и опустилась на колени. Зверь подошел к ней и дружелюбно потерся о плечо девушки своей громадной головой. — Шепоточек, ты что тут делаешь? — пробормотала Брин.

Кот уселся рядом и серьезно глядел на нее.

Брин, конечно, уже догадалась. Обнаружив, что ее нет рядом, друзья поспешили вдогонку и дошли до разрушенного моста. Самим им там было никак не пройти, вот они и послали к Брин Шепоточка. Вернее, Кимбер послала его, потому что Шепоточек слушается только свою хозяйку. Брин наклонилась и почесала кота за ухом. Да, Кимбер, наверное, было не просто отпустить его одного. Брин ведь знала, как любит Кимбер своего зверя и никогда с ним не расстанется. Но все же она отправила его к своей подруге, потому что теперь Шепоточек ей, Брин, нужен больше. Это все, что Кимбер могла сделать для нее сейчас. В глазах у девушки зашипало, и она порывисто обняла громадного кота.

— Спасибо, Кимбер,— прошептала Брин. А потом поднялась на ноги, еще раз провела рукой по мохнатой морде зверя и покачала головой: — Но я не могу взять тебя с собой. Я никого не могу взять с собой. Это слишком опасно — даже для тебя. Что бы ни ждало меня впереди, я обещала себе: это не должно коснуться моих друзей. И к тебе это тоже относится, киса. Тебе надо вернуться.

Болотный кот сощурил глаза и остался сидеть на месте.

— Ну иди, пожалуйста. Тебе надо вернуться к Кимбер. Иди, Шепоточек.

Шепоточек даже не шелохнулся.

— Значит, так? — Брин опять покачала головой.— Такой же упрямый, как и хозяйка?

У нее не было выбора — Брин запела. Песнь желаний паутиной слов и мелодии оплела кота: «Возвращайся. Ты должен вернуться назад!» Брин пела несколько минут, ласково убеждая зверя. Не прогоняя, нет, просто объясняя, что нужно делать. Когда она замолчала, Шепоточек вскочил и бесшумно умчался обратно по туннелю, растворяясь во тьме.

Брин смотрела вслед зверю, пока тот не пропал из виду, а потом отвернулась и направилась своей дорогой — вперед.

И вскоре тьма стала рассеиваться, туманная мгла проясняться. Туннель, еще пару мгновений назад тесный и узкий, вдруг раздался и ввысь, и вширь. Теперь бледный свет факела не добирался до стен и потолка. Но зато впереди возник другой свет, и мутно-серое сияние разгоняло мрак. Свет солнца! Там впереди, уже совсем близко, был наконец выход.

Выронив факел, Брин поспешила к свету. Туннель резко пошел вверх — в камне скалы были вырублены ступени. Забыв об усталости, Брин взлетела по ним. Она чувствовала: долгий путь подходит к концу. Сверху лился солнечный свет; пылинки, словно крошечные живые существа, плясали в его серебряных лучах.

Брин вышла на выступ скалы и застыла. У самых ног зияла еще одна пропасть, в тысячи футов глубиной. Даже свет солнца, струящийся через широкие трещины в потолке, не мог добраться до ее черного дна. Здесь тоже был мост — пошире, чем первый, но и гораздо длиннее. Брин осторожно приблизилась к краю скалистого выступа, заглянула вниз и тут же отпряну-

ла. Даже с мазью Коглина, притупляющей чувствительность к запахам, девушку едва не стошнило. Голова закружилась. Что бы это ни было там, на дне пропасти, пахло оно ужасно. В сто раз хуже, чем сточная канава Грани мрака.

Брин пыталась теперь рассмотреть, что находится на другой стороне моста. Пещера глубиной в пару сотен футов, а дальше — короткий туннель. Нет, скорее проход, вырубленный в скале: слишком правильной формы для естественного туннеля, и камни отшлифованы почти до блеска. А в дальнем конце прохода — свет и кусочек неба. Странного, мутно-зеленого неба.

Брин пригляделась. Нет, это вовсе не небо. Это склон какой-то долины, окутанной густым туманом.

Мельморд.

Брин твердо знала: это — Мельморд. Словно когда-то видела его в смутном сне, а теперь вспомнила. Как наяву, она чувствовала прикосновение, слышала шепоты колдовского леса.

Пора. Брин вступила на каменный мост, выгибающийся над пропастью широкой аркой. Здесь были даже перила — цепи между деревянными столбами. Брин шла быстро. Вот она миновала уже середину моста. Еще дюжина шагов — и пропасть останется позади.

И вдруг ей навстречу из глубокой трещины в полу поднялась какая-то черная тварь.

Коглин что-то сердито пробормотал и резко остановился — Рон и Кимбер едва не налетели на него. Впереди сточная канава разветвлялась. Два темных туннеля ничем не отличались друг от друга, разве только тем, что уводили в разные стороны. Один из них мог привести туда, куда теперь пошла Брин. А мог и не привести. Так какой же путь выбрать?

— Ну и куда мы пойдём? — спросил вдруг Коглин у Рона. Тот удивленно уставился на старика.

— А ты что, не знаешь?

— Ни малейшего представления, — покачал головой Коглин. — Давай выбирай.

Рон колебался, переводя взгляд с одного туннеля на другой.

— Нет, не могу. Послушай, а не все ли нам равно, куда идти. Может быть, оба туннеля приведут в одно и то же место.

— Сточные канавы стекают в одно и то же место, но вытекают из разных! Любой идиот это знает! — фыркнул старик.

— Деда! — укоризненно воскликнула Кимбер.

Она протолкнулась между ними, тщательно осмотрела каждый туннель, даже мутную воду в сточных канавах. Но в конце концов вернулась к своим спутникам, качая головой.

— Нет, тут я ничем не могу помочь, — как-то виновато произнесла Кимбер, словно действительно могла что-то сделать, но вот не сделала. — Даже представить себе не могу, куда они ведут. Они совершенно одинаковые. — Она серьезно поглядела на Рона. — Придется тебе выбирать.

На мгновение оба застыли, словно каменные изваяния, и просто смотрели друг другу в глаза. Наконец горец кивнул.

— Что ж, ладно. Идем налево. — Рон шагнул туда. — Этот, по крайней мере, ведет в направлении пропасти. — Держа перед собой факел, горящий без огня, горец решительно вступил в левый туннель. Коглин и Кимбер быстро переглянулись и поспешили следом.

Черная тварь поднялась из трещины в полу пещеры, точно ожившая тень из призрачного мира ночных кошмаров, и припала к камням перед самым мостом. Тварь, с виду похожая на человека, только тело ее — гладкое, без единого волоска — было словно вылеплено из темной глины. Даже стоя на четвереньках, существо все равно было выше Брин. Теперь девушка разглядела, какое оно странное: вроде бы все на месте — и руки, и ноги, и туловище с головой, — но в целом складывалось впечатление бесформенной массы, точно под черной кожей не было ни мускулов, ни костей — одна только видимость, искаженное подобие живой плоти. Мертвые, невидящие глаза уставились в лицо Брин, с черных губ слетело шипение.

Девушка похолодела. Теперь никак невозможно было избежать столкновения с этой тварью. Ее явно поставили охранять мост через пропасть, чтобы никто не прошел. Быть может, морды сами создали ее своей черной магией — создали или же вызвали из иного мира и времени, как Джахира.

Медленно, но уверенно тварь сделала шаг вперед, не сводя мертвых глаз с лица девушки на мосту. Брин заставила себя

стоять на месте. Она не знала еще, насколько опасно это существо. Однако чувствовала его грозную силу, и какое-то внутреннее чутье подсказало ей: если она повернет назад или хотя бы просто попятится, черная тварь тут же бросится на нее.

Черная пасть ощерилась, и глухое шипение всколыхнуло тишину. Брин замерла. Она уже поняла, что будет дальше. И поняла еще: ей ничего другого не остается, как только вновь прибегнуть к песни желаний. Что-то вдруг сжалось в горле. Брин не хотелось использовать эльфийскую магию, правда совсем не хотелось, но ведь нельзя же и допустить, чтобы это чудовище остановило ее сейчас, даже если ей придется...

Внезапно черная тварь рванулась в атаку. Стремительный бросок застал Брин врасплох. Да, скорость существа была поразительной. Девушка растерялась — песнь желаний замерла в горле. Все вдруг застыло, словно маленький узелок на нити времени зацепился за настоящее и на какую-то долю мгновения неумолимый ход времени прекратился, — внутренне сжавшись, Брин ждала удара.

Но удара не последовало. Что-то мелькнуло в воздухе, вылетев из-за спины Брин размытым пятном, в прыжке перехватило черную тварь и отшвырнуло ее назад. Девушка пошатнулась и упала на колени. Шепоточек! Сила волшебной песни не смогла противостоять приказу хозяйки; Шепоточек стряхнул с себя магический дурман и снова пошел за Брин!

Болотный кот и черное существо сцепились, терзая друг друга когтями и зубами, и рухнули оба на каменный мост. Тварь, охраняющая проход, видела только слабую девушку и уж никак не ожидала ничего подобного. Нападение Шепоточка застало черного стража врасплох. Шипя от ярости, он корчился на камнях, пытаясь стряхнуть со своей спины громадного зверя, который вцепился в него мертвой хваткой. Так и катались они по мосту: чудовище извивалось, отбиваясь от разъяренного кота, но Шепоточек лишь глубже вонзал когти в черное тело и рвал зубами шею и плечи врага.

Брин в нерешительности застыла на месте. Надо что-то делать, твердила она себе. И немедленно. Это ее битва, а не Шепоточка. Но битва кипела, и она, Брин, пока была в стороне. В пылу схватки противники не заметили, как оказались у самого края пропасти. Девушка вздрогнула. Цепь закачалась. Брин невольно вскрикнула. Надо помочь Шепоточку! Но как?

«У меня нет никакого оружия. Разве что песнь желаний, но я не могу прибегнуть к магии. Я не могу!»

Брин и сама удивилась тому пылу, с которым мысленно произнесла эти слова. Она не может воспользоваться песнью желаний, потому что... потому что... Ярость и страх охватили ее, Брин окончательно растерялась. Но почему? Словно крик боли, вопрос прозвучал в сознании. Что с ней такое случилось?

Уже не помня себя, Брин рванулась вперед по мосту. Она поняла: нужно просто бежать. Ведь именно ее — не Шепоточка — пыталась остановить черная тварь. Увидев, что Брин убегает, страж моста должен броситься в погоню. И если ей повезет, она доберется до Мельморда раньше...

Брин резко остановилась. Там впереди что-то поднялось из трещины в полу пещеры.

Еще одно черное существо.

Брин словно окаменела. До прохода, выводящего в долину, еще далеко, и прямо на пути стояла тварь. И если б стояла! Уже продвигалась вперед, к мосту. Брин попятилась. Теперь ей придется самой защищаться. Страх и неуверенность нахлынули на нее. Придется все-таки применить силу песни желаний. Теперь придется!

Тварь зашипела и бросилась на нее. Снова что-то сжалось в горле, не давая песни желаний прорваться наружу.

И вновь девушку спас Шепоточек. Оторвавшись от первой твари, кот метнулся вперед и отшвырнул второе чудовище от Брин. Мягко приземлившись на все четыре лапы, зверь подобрался, готовый к новой схватке. С каким-то скрежещущим воем черная тварь высоко подпрыгнула и устремилась в атаку. Но Шепоточек легко увернулся и, мягким скольльзящим движением поднырнув под врага, со всего маху полоснул когтями по его незащищенному животу. Куски черной плоти полетели во все стороны, однако чудовище словно и не заметило страшной раны. Отпрыгнув, оно вырвалось из цепких когтей кота. В мертвых неподвижных глазах ничего не отразилось.

Теперь их было двое. Первое чудовище уже встало рядом со своим сородичем. Медленно подступали они к коту. Тот настороженно пятился, стараясь все время держаться впереди Брин. Густая шерсть встала дыбом, и теперь Шепоточек казался в два раза больше, чем был на самом деле. С поразительной для таких массивных созданий легкостью черные твари метались

из стороны в сторону, делая ложные выпады, пытаясь нащупать слабое место в обороне громадного зверя. Но Шепоточек держался, не поддаваясь на отвлекающие маневры врагов. А потом вдруг обе твари разом набросились на него и вцепились зубами и когтями в шкуру кота. Стремительный натиск увлек Шепоточка к краю моста, едва не прижав его к перилам-цепям. Брин замерла. Но кот рванулся с грозным рыком и, раскидав противников, отпрыгнул от края пропасти.

И все началось снова: опять черные твари закружились вокруг Шепоточка, пытаясь сбить его с толку ложными выпадами. Тяжело дыша, кот припал к камню моста и осторожно пятился назад, на серой шерсти зверя адели кровавые подтеки. Черные твари теснили его к краю моста. О Брин, кажется, вообще забыли. Безжизненные, неподвижные взгляды чудовищ застыли на отступающем звере. Девушка тут же разгадала их намерение. Сейчас они бросятся в атаку, и на этот раз цепь не сможет уже сдерживать силу их стремительного напора. Кот просто свалится в пропасть.

Похоже, и Шепоточек понял, что происходит. Теперь он тоже заметался из стороны в сторону, пытаясь обманным маневром отвлечь врагов и пробраться к центру моста. Но чудовища каждый раз успевали перекрыть ему дорогу и медленно, но верно теснили все ближе к шатким перилам.

Сердце Брин сжалось от страха: Шепоточку не выиграть эту битву. С двумя черными тварями ему не справиться. Что за ужасные существа! Такие раны, которые нанес им болотный кот, искалечили бы любого, а им, похоже, все нипочем. Их черная плоть разодрана в клочья, но раны даже не кровоточат. Они сильны и проворны; в целом мире не найдется, наверное, тварей сильнее и проворнее, потому что — теперь Брин уже не сомневалась — они не из этого мира. Они — страшные порождения черной магии.

— Шепоточек, — хрипло выдохнула она.

Нужно спасти его. Здесь больше нет никого, кто бы мог это сделать, — только она, Брин. У нее есть сила эльфийской магии — песнь желаний. Она может с ее помощью уничтожить этих темных тварей... Как сросшиеся деревья в горах Рунн... Как разум разбойников с Длинной гряды... Как гнома... разорванного на куски. Слезы текли по щекам. Нет, нельзя! Словно стена встала между волей Брин и исполнением этого разру-

шительного намерения. Что-то странное творилось с ней. Нужно спасти Шепоточка, но она не может! Не может сломать эту стену, о которую разбилась вся ее решимость.

— Шепоточек! — в отчаянии закричала Брин.

Черные твари на мгновение замерли, инстинктивно обернувшись на крик. Шепоточек тут же воспользовался замешательством: он рванулся было вперед — черные стражи моста приняли защитную позу, готовясь отбить атаку, но кот внезапно подался в сторону и с ходу перепрыгнул через головы врагов. Это был потрясающий прыжок! Приземлившись, Шепоточек бросился к центру моста — туда, где стояла Брин. С яростным шипением черные твари устремились за ним.

В дюжине футов от Брин они настигли зверя и набросились на него с двух сторон. Истошно воющим клубком зубов и когтей все трое рухнули на камни. Пару секунд Шепоточек сдерживал обоих врагов, но потом одно черное существо навалилось на него сзади, а второе в это время освободилось. Оставив кота своему собрату, чудовище бросилось на Брин. Девушка отшатнулась и, потеряв равновесие, упала. Шепоточек пронзительно взвыл. Из последних сил рванулся он на помощь Брин. Черная тварь вцепилась в спину кота, словно чудовищный паук, намертво присосавшийся к своей жертве. Сила броска увлекла всех троих к краю моста. Цепи-перила затрещали, точно сухое дерево; черные твари ликующе зашипели — Шепоточек уже скользил с моста в пропасть.

Брин поднялась на колени — крик отчаянной ярости вырвался из пересохшего горла. Стена, сдерживающая ее волю, рассыпалась вдруг в пыль вместе со всеми сомнениями, несимая мощным приливом несгибаемой уже решимости. Брин запела. Угрюмая злоба звенела в мелодии песни желаний, заполняя все пространство пещеры темной, страшной дрожью неукротимого гнева. Брин даже не подозревала, что может вместить в себя столько ненависти. Словно железный таран, звук ударил по темным тварям и подбросил их в воздух. Мертвые глаза непонимающе заморгали, черные рты разрывал беззвучный крик; сила песни гнала чудовищ с моста в пустоту. Содрогаясь точно сухие листья, уносимые яростным ветром, черные твари сорвались в бездонную пропасть.

В секунду все было кончено. Брин замолчала, ее сотрясала мелкая дрожь, лицо горело от возбуждения. Снова она испы-

тала то внезапное, странное чувство ликования, какого-то извращенного наслаждения. Но в этот раз чувство было сильнее, гораздо сильнее. Оно прожгло Брин, как огонь. Девушка едва поборола волнение. Почти без усилий она уничтожила этих чудовищ! И получила при этом истинное наслаждение!

И тут Брин поняла, что это была за стена между волей и ее исполнением. Она сама возвела эту стену специально, чтобы защитить себя от того, что случилось сейчас. Но ведь случилось! Теперь сдерживающий барьер разрушен, и вряд ли его можно будет воздвигнуть вновь. Брин чувствовала: магическая сила выходит из-под ее контроля. Она не понимала даже почему, но зато хорошо понимала, что именно это и происходит. И уже ничего нельзя сделать. С каждым новым обращением к магической силе она, Брин, словно бы отступает куда-то во тьму, еще на шаг от себя самой. Похоже на бред, но только так и могла она это определить. Как бы Брин ни клялась себе, что подобного больше не повторится, какие бы запреты себе ни ставила — ничего у нее не получится. Как будто капризная и жестокая судьба нарочно подстраивает все так, чтобы ей, Брин, ничего другого не оставалось, как только использовать свой дар. Как будто она должна это делать. Постоянно, раз за разом. И вот в этот последний раз магическая сила хлынула неукротимым потоком. Теперь Брин знала, как это бывает, и сомневалась, что ей удастся справиться с подобной мощью. Она станет тем, чем должна стать.

Очень медленно и как-то робко Шепоточек приблизился к Брин и ткнулся носом ей в лицо. Девушка крепко обняла кота и расплакалась.

Голос Джайра сорвался придушенным хрипом — свет в кристалле погас. Вместе со светом исчезло лицо сестры. В вернувшейся тьме нависло тягостное молчание. Долинец обвел неуверенным взглядом лица друзей — бледные искаженные лица.

— Это были Безголосые, — произнес наконец Слантер.

— Кто? — испуганно выдохнул Элайн Элесседил.

— Те черные твари, их называют Безголосыми. Порождения темной магии. Они охраняют туннели под Гранью мрака, где проходят сточные каналы... — Гном вдруг замолчал и быстро взглянул на Джайра.

— Значит, она уже здесь,— выдавил долинец, крепко сжимаемая кристалл обеими руками.

Слантер кивнул.

— Да, мальчик, она здесь. И гораздо ближе к той яме, чем мы.

Гарет Джакс стремительно вскочил на ноги. Все остальные тоже поднялись.

— Похоже, у нас нет ни времени, ни выбора. Нужно идти здесь. И идти сейчас.— Даже в полумраке туннеля глаза Мастера боя горели холодным огнем. Он протянул друзьям руки ладонями вверх: — Дайте мне ваши руки.

Один за другим путешественники соединили руки.

— Мы все поклянемся,— серьезно проговорил Гарет Джакс, и голос его зазвенел.— Долинец дойдет до Колодца небес. Он дал обет, и он его исполнит. И мы будем рядом. Все как один, что бы ни случилось. Все как один — до конца. Клянитесь.

Тишина длилась только мгновение.

— Все как один,— повторил Хельт своим низким хрипловатым голосом.

— Все как один,— отозвались остальные.

Опустив руки, Гарет Джакс повернулся к Слантеру:

— Веди нас, гном.

Глава 40

Словно призраки, которых они остерегались, путешественники скользили по темному туннелю, ведущему к подвалам Грани мрака. Им повезло: в нише у входа в туннель они нашли целую грудку факелов, так что друзьям не пришлось пробираться на ощупь в крошечной тьме. Слантер уверенно вел отряд, выбирая дорогу по сумрачным коридорам; суровое лицо его оставалось бесстрастным, и только глаза лихорадочно поблескивали в пляшущем свете факела, выдавая тщательно скрываемый страх. Но Джайр сразу его заметил, потому что тот же страх прокрался и в его душу.

Он тоже боялся. Когда Джайр представлял себе раньше, как все это будет, уверенность в благополучном исходе не покидала его, придавая силы. Но теперь она вдруг сменилась каким-то безумным, едва сдерживаемым страхом. Таким сильным, что кровь стыла в жилах. Странные обрывочные мысли вих-

рем неслись в сознании, пока он шагал по сумрачному туннелю, вдыхая запах плесени и собственного пота, — мысли о доме в Тенистом Доле, о родителях (а он даже не знал, что с ними теперь), о друзьях и знакомых, о привычных вещах, что остались далеко-далеко и, быть может, утрачены навсегда. Мысли о темных тварях, которые преследовали его, об Алланоне и Брин и о миссии, приведшей их в это мрачное место. Все смешалось, словно краски в воде, в бессмысленный круговорот беспорядочных образов, сменяющих друг друга с неуловимой быстротой. Нет, так нельзя. Юноша собрал, будто пальцы в кулак, все свое мужество, всю решимость, отгоняя страх.

Ветвась и петляя, туннель забирал вверх. Уже стало казаться, что этому каменистому лабиринту не будет конца. Но Слантер уверенно сворачивал по перекрещивающимся коридорам и в конце концов вывел отряд к широкой, обитой железом двери. Там путешественники остановились. Кругом было тихо, так тихо, что Джайр даже слышал, как стучит кровь у него в висках. Слантер приложил ухо к двери, прислушиваясь. Остальные молча ждали.

Наконец гном кивнул. Взявшись обеими руками за тяжелую задвижку, он осторожно открыл запор и потянул за дверную ручку. Глухо скрипнув, дверь поддалась. За ней оказалась крутая лестница, уводящая вверх и пропадающая во тьме, которую не мог разогнать бледный свет факелов. Вокруг царило безмолвие. Друзья начали подъем — медленно и осторожно вверх по истертым ступеням. Лестница вывела их через пролом в каменных плитах пола в какое-то темное помещение. Скрип сапог по ступеням отдался во мраке скрежещущим эхом. Эхо замерло где-то вдали. Джайр с трудом проглотил застрявший в горле ком. У него вдруг возникло неприятное ощущение, словно там, наверху, нет ничего, кроме тьмы.

Выбравшись из черного колодца лестницы, друзья столпились у пролома, выведшего их сюда, и, подняв факелы повыше, принялись разглядывать странное помещение, окутанное мраком. Бледный свет не добирался ни до стен, ни до потолка, и у путешественников сложилось впечатление, что они находятся в громадном зале. Таком необъятном, что они ощущали себя крошечными. На границе света факелов вырисовывались какие-то темные силуэты — корзины и бочки. Постепенно глаза путешественников привыкли к полумраку. Теперь друзья

разглядели, что деревянные бочки либо ссохлись, либо подгнили, а их железные обручи проржавели. Все было затянуто паутиной; слой пыли толщиной, наверное, с палец покрывал пол.

Казалось, уже много лет никто не заходил сюда, и все же в пыли на полу ясно отпечатались следы. Непонятные, нечеловеческие следы. Джайра забил озноб: кто бы ни был тот, кто спускался в подвалы Грани мрака, он прошел здесь совсем недавно!

Слантер подал знак идти. Путешественники двинулись от лестничного колодца в темноту, пробираясь буквально на ощупь, — при каждом шаге из-под ног легкими облачками поднималась пыль и как будто примешивалась к свету факелов, обращая желтое свечение в сероватую мгlistую дымку. Друзья миновали груды всяких припасов.

А потом вдруг пол поднялся на новый уровень — лестницей во всю ширину зала на полдюжины ступенек. Пройдя еще ярдов двадцать, путешественники оказались в широком коридоре со сводчатым потолком. Ряды наглухо закрытых железных дверей тянулись по стенам с обеих сторон, в массивных подставках чернели обгорелые головешки факелов, тяжелые цепи лежали кучами вдоль стен. Какие-то скользкие насекомые метались по камням, отползая от света во мрак. Дышать стало трудно — мерзкая вонь исходила, казалось, от самого камня.

Но коридор вскоре закончился у еще одной лестницы, она извивалась точно каменная змея, уводя вверх. Лишь мгновение Слантер помедлил, а потом начал подъем. Остальные молча последовали за ним. Сделав два полных круга, лестница вывела путешественников в сумрачный коридор. Через несколько дюжин ярдов он разветвлялся на два прохода. Слантер без колебаний свернул направо. Этот новый коридор уперся в железную дверь. Тщетно гном дергал задвижку — она не поддавалась. В конце концов Слантер отступил, качая головой. На его желтом лице читалось тревожное недоумение. Он явно надеялся, что дверь будет открыта.

Гарет Джакс вопросительно посмотрел на гнома и указал рукой себе за плечо. Он ничего не сказал, но его однозначный жест выражал вопрос: нельзя ли вернуться и пойти по другому туннелю? Слантер лишь покачал головой, отвечая на безмолвный вопрос. Он не знал.

Еще мгновение они стояли, нерешительно глядя в глаза друг другу, а потом Слантер шагнул прочь от двери, подав знак остальным идти за ним. Путешественники вернулись к развилке и свернули в левый проход. Он оказался гораздо длиннее, чем первый. Друзья прошли мимо черных колодцев лестниц, уходящих куда-то вниз, мимо окутанных мраком глубоких ниш, мимо железных дверей — все они были заперты. Иногда гном неуверенно приостанавливался, словно колеблясь, но потом шел дальше. С каждой минутой Джайр чувствовал себя все более неуютно.

Но наконец и этот коридор закончился. Он привел путешественников к двустворчатым железным дверям, таким огромным, что Слантеру пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до ручки. Дверь поддалась с какой-то удивительной легкостью, и правая створка бесшумно открылась внутрь. Друзья осторожно выглянули в открывшийся проем. Там был еще один громадный зал, заставленный ящиками и мешками. Сквозь узкие прорезы в стенах — высоко, у самого потолка — пробивался сероватый свет, едва разгоняя угрюмый сумрак.

Слантер указал пальцем на прорезы в стенах, а потом — в дальний конец зала на еще одни закрытые железные двери. Все тут же поняли, что он хочет сказать. Они уже были внутри Грани мрака. Друзья вошли в зал. Тут уже не было пыли на полу и густой паутины на корзинах и бочках. Мерзкий гнилостный запах держался и здесь, но, похоже, теперь он шел из коридоров снаружи. Впрочем, какая разница? Джайр с отвращением поморщился. Он вполне серьезно подумал о том, что им, вероятно, и не придется столкнуться с темными тварями, охраняющими крепость, — эта вонь прикончит их раньше. Запах такой же противный, как... Сбоку в полумраке что-то заскреблось. Гарет Джек предостерегающе вскрикнул и резко повернулся, уже держа в обеих руках по кинжалу.

Слишком поздно. Что-то громадное, черное, крылатое метнулось из мрака, распластавшись в воздухе, точно летучая мышь исполинских размеров. В тусклом свете серых лучей черной вспышкой сверкнули острые зубы и когти, крылья, обтянутые морщинистой кожей, затрелетали, и пронзительный крик вырвался из глотки чудовища. Такой стремительной была эта неожиданная атака, что друзья не успели ничего предпринять, чтобы защититься. Тварь налетела на Хельта, бешено молотя

мощными крыльями. Крик чудовища обратился в устрашающее шипение. Каллахорнец отшатнулся и едва не упал, но все-таки устоял на ногах и, схватив бьющуюся тварь обеими руками, оторвал ее от себя. А потом со всей силы швырнул ее на груды ящиков и корзин.

Гарет Джакс прыгнул вперед — кинжал просвистел в воздухе и пригвоздил черную тварь к деревянному ящику.

Слантер был уже на другом конце зала.

— Уходим! — проревел он, распахивая железную створку массивной двери.

Друзья со всех ног бросились прочь из зала. Когда все выбрались, Слантер захлопнул дверь и задвинул засов. Гном тяжело привалился к двери, стараясь унять дрожь.

— Что это было? — выдохнул Форкер. Его побледневшее лицо блестело от пота.

Гном потряс головой.

— Не знаю. Какая-то злобная тварь, порождение магии странников. Наверное, какой-нибудь страж.

Закрывая руками лицо, Хельт упал на одно колено. Сквозь пальцы его сочились алые струйки — кровь.

— Хельт! — прошептал Джайр и шагнул к нему. — Хельт, ты ранен...

Каллахорнец медленно поднял голову, отводя руки от лица, исполосованного глубокими ранами. Одно веко раздулось — глаз уже заплывал. Хельт вытер кровь рукавом и небрежно махнул долиницу:

— Да так, пара царапин. Ничего страшного.

Но при этом лицо каллахорнца искажилось от боли. Не без усилий поднялся он на ноги, опираясь о стену. В глазах Хельта появился какой-то тревожный блеск.

Слантер наконец оторвался от двери и неуверенно огляделся. Путешественники стояли в узком коридоре. С одной стороны коридор упирался в железные двери, с другой — в лестницу, уводящую наверх, к свету дня.

— Туда! — Гном направился к лестнице. — Быстрее — пока никакой другой мерзости не появилось!

Все поспешили за гномом, только Хельт так и остался стоять, прислонившись к стене коридора. Джайр оглянулся и остановился.

— Хельт? — тревожно позвал он.

— Поторопись, Джайр, — проговорил каллахорнец, стирая кровь с лица. Он с трудом оторвался от стены и неверным шагом направился следом за остальными. — Иди, говорю. Не отставай от них.

Джайр послушался, зная, что Хельт пойдет следом, но зная и то, что ему это будет непросто. Что-то неладное творилось с каллахорнцем.

Друзья добрались до конца коридора и бросились вверх по лестнице. Если раньше в крепости было так тихо, что казалось, она вымерла, то теперь тишину всколыхнули беспорядочный топот ног и голоса. Хриплые голоса гномов — пока неясные и отдаленные. Вопль крылатой твари поднял тревогу: в башне незваные гости! Мысли Джайра путались.

Только ты не забудь, твердил он себе, у тебя есть защита — песнь желаний. Но нельзя терять голову, иначе никакое заклятие уже не поможет...

Что-то просвистело перед самым лицом — долинец споткнулся от неожиданности и упал на каменные ступени. Стрела! Хельт одним прыжком подскочил к нему и помог подняться. Стрелы полетели смертоносным градом со всех сторон: и снизу, из коридора, и сверху, с крепостных стен. Лестница вывела путешественников на крепостную стену, откуда открывался вид на широкую открытую площадку в окружении башен и укреплений. Горстка гномов с дикими воплями бросилась наперерез беглецам, но Гарет Джакс без труда расчистил дорогу. Друзья пронеслись по крепостной стене к ближайшей башне, откуда спускалась лестница во внутренний двор. На верхней ступеньке Слантер остановился.

— Вот там подъемная решетка! — Он указал через внутренний двор на широкий проем в каменной стене. Сейчас выход был открыт. — Оттуда самый короткий путь до Круха! — Гном скривился, пытаясь перевести дыхание. — Как только гномы разгадают наше намерение, они опустят решетку. И все — мы в ловушке. Но если мы доберемся туда раньше... тогда уж мы их запрем здесь и избавимся от погони!

Гарет Джакс кивнул. Даже в таком отчаянном положении Мастер боя оставался на изумление спокойным.

— Где лебедка?

— Там, под воротами, — указал Слантер. — Надо как-то заклинить колесо!

Крики неслись уже отовсюду; внизу, во внутреннем дворе, собирались гномы.

Гарет Джакс резко выпрямился.

— Тогда быстрее — пока их еще не так много.

Друзья бросились вниз по лестнице. В башне было темно и тихо. Слантер первым добрался до двери во двор и с ходу распахнул ее. Двор буквально кишел гномами.

— Проклятье! — выдохнул Слантер.

Отряд рванулся к воротам.

Глядя Шепоточка по голове, Брин Омсфорд медленно поднялась на ноги. В пещере вновь стало тихо. На мгновение Брин неподвижно застыла на мосту, глядя через черную пропасть туда, где в конце узкого сводчатого коридора сиял бледный свет дня. Девушка тихонько почесала Шепоточка за ухом, ощущая каждую рану и царапину на теле зверя, ощущая его боль.

— Больше никогда, — прошептала она и шагнула вперед.

Не оглядываясь, Брин прошла мост и направилась к коридору, выводящему из пещеры на свет. Неслышно ступая, Шепоточек двинулся следом, синие глаза зверя мерцали в полумраке. Брин ни разу не обернулась. Она и так знала, что кот идет за ней. Девушка настороженно вглядывалась в каждую трещину в полу пещеры, в каждый каменный выступ, опасаясь появления новых черных тварей или еще каких-нибудь кошмарных порождений темной магии. Но нет, больше тут никого не было. Остались только они с Шепоточком.

Уже через пару минут Брин оказалась в коридоре с гладкими стенами и странными символами, выбитыми в камне. Она даже не приостановилась, чтобы рассмотреть эти таинственные знаки. Теперь, когда цель была так близко, Брин не могла отвлекаться. Быстро прошла она коридор. И вышла на свет.

Наступал вечер, солнце клонилось к западу. Облака и туман, серой пеленой затянувшие небо и горы, приглушали его сияние. Все казалось каким-то зыбким и призрачным: и туман, и облака, и даже скалы, омываемые мутным светом. Брин огляделась. Она стояла на выступе скалы, нависающем над долиной. Голые унылые вершины окружали ее со всех сторон. Все имело мертвенный, свинцово-серый оттенок. Цвет как будто мерцал, переливаясь. И особенно внизу, в долине. Брин подняла глаза. Позади, высоко-высоко, словно балансируя на вер-

шине утеса, застыла мрачная одинокая крепость. Грань мрака. И оттуда, извиваясь узкой лентой, вела вниз каменная лестница. Вершина Круха терялась где-то в нагромождении скал над крепостью, куда не мог проникнуть взгляд девушки. Лестница спускалась с утеса, огибала выступ, на котором стояла Брин, и крутой спиралью сбегала в долину.

Теперь Брин смотрела туда. Долина представляла собой глубокую сумрачную впадину, дно которой пропадало в мглистой дымке, куда не могли проникнуть даже солнечные лучи. Склоны ее густо заросли кустарником и сплетенными деревьями. Настоящий дремучий лес, темный и неприступный. Этим непроходимым дебрям, казалось, не было ни начала ни конца, и только стена высоких утесов сдерживала бурный натиск растительной стихии. Если б не горы, этот мрачный лес поглотил бы, наверное, всю землю.

Брин смотрела как зачарованная. Вот откуда несло это странное злое шипение, которое она слышала еще в туннелях. Словно хриплое дыхание какого-то исполинского существа. Брин прищурилась. Ей показалось или действительно она только что видела?.. Лес в темной впадине шевелился.

— Ты живой! — прошептала она, пытаясь побороть отвращение, вызванное этим движением во мраке долины.

Брин шагнула вперед и встала на самом краю скалистого выступа, там, где Крух загибался, подходя к нему вплотную. Девушка скользнула взглядом по ступеням. Выбитые в скале, они сбегали вниз и исчезали при очередном изгибе лестницы. А еще дальше внизу колыхался сумрачный лес.

— Мельморд, я иду к тебе, — хрипло прошептала Брин.

И, повернувшись к Шепоточку, опустилась рядом с ним на колени. Она ласково почесала зверя за ухом, и улыбка ее была печальной и обреченной.

— Тебе дальше нельзя, Шепоточек. Хотя хозяйка и поручила тебе меня охранять, все равно дальше тебе нельзя. Ты должен остаться здесь и подождать, пока я не вернусь к тебе. Понимаешь?

Кот моргнул и потерял голову о ее плечо.

— Если ты должен меня защищать, то оставайся здесь и охраняй дорогу. Чтобы я смогла вернуться, — продолжала Брин, обращаясь к животному как к человеку. — Может, все будет совсем не так, как предсказал Угрюм-из-Озера, и мне не суж-

дено там погибнуть. Быть может, я еще вернусь. Так что смотри, Шепоточек, охраняй для меня эту дорогу. И проследи, чтобы с твоей хозяйкой и моими друзьями ничего не случилось. И не давай им идти за мной. Жди здесь! Я обещаю тебе, что вернусь.

И Брин запела. На этот раз она не обманывала своей песней и не убеждала — она просто объясняла. С помощью незатейливых образов, способных дойти до сознания кота, Брин сделала так, чтобы зверь понял, почему ей обязательно нужно идти, чтобы он сам прочувствовал, что это действительно необходимо. Наконец девушка замолчала и, крепко обняв громадного кота, на мгновение уткнулась лицом в мягкую шерсть. Брин почти физически ощущала, как тепло сильного тела зверя точно живительный ток перетекает к ней. И она благодарно вбирала в себя это тепло и вместе с ним — новую силу.

Она поднялась и отступила. Шепоточек медленно растянулся на камнях, подобрав передние лапы. Он внимательно смотрел в лицо девушки. Брин кивнула и улыбнулась. Кот будет ждать здесь и охранять для нее дорогу. Он все сделает так, как нужно.

— До свидания, Шепоточек, — проговорила Брин и ступила на Крух.

Тот же омерзительный смрад, что поднимался из черной пропасти в пещере, вновь накатил тошнотворной волной из мглистых глубин долины. Стараясь не обращать на него внимания, Брин взглянула туда, где над стеной утесов солнечный свет озарял горизонт. Она вдруг подумала об Алланоне. Возможно, он сейчас видит ее. Незримый, он теперь где-то рядом.

Брин глубоко вздохнула, собираясь с духом, и решительно направилась вниз.

Глава 41

Друзья бросились через внутренний двор к воротам. Гномы пронзительно закричали и налетели на них со всех сторон.

Оказавшись в самом центре битвы, Джайр с какой-то странной отрешенностью наблюдал за происходящим. Время словно распалось на тысячу мелких кусочков, и все отодвинулось куда-то в сторону, как будто он был сейчас далеко-далеко отсюда — невидимый призрак, безмолвный и бесплотный. Дру-

зья обступили долинка, не давая гномам добраться до него, но сам Джайр вряд ли теперь сознавал, что происходит вокруг. Земля и небо, весь мир за пределами этих стен — они просто исчезли. Исчезло все, что когда-то было и когда-нибудь будет. Осталось только «здесь» и «сейчас»: истошные вопли и лица врагов — тех, кто сражался и погибал на этом дворе.

Теперь отряд вел Гарет Джакс. Казалось, он без всяких усилий пробивал дорогу сквозь орду взбешенных гномов, пытающихся преградить ему путь, — стремительный и непредсказуемый, сеющий смерть. Он был точно одетый в черное танцор — весь грация, сила и неуловимый вихрь движения. Гномы-охотники, воины, закаленные в бесчисленных битвах, с угрюмой и яростной решимостью бросались на Гарета Джакса снова и снова. Пики кололи, мечи рубили отчаянно, неутомимо. Но с тем же успехом враги могли бы попытаться собрать растекшуюся ртуть. Ни единый клинок, ни один наконечник копья не коснулся Мастера боя, ну а те гномы, которые в пылу битвы подступали слишком близко, встречали даже не искусного воина, нет: черную тень самой смерти, пришедшей предьявить свои права.

Остальные сражались наравне с Гаретом Джаксом, — может, и не с таким отточенным мастерством, но с не меньшей решимостью и отвагой. Эльф Форкер прикрывал Мастера боя с одной стороны, лицо карлика пылало от ярости, атакующие отступали с разочарованным воем или падали под ударами его огромного боевого топора. Эдайн Элесседил встал с другой стороны, сражая врагов тонким мечом, что сверкал в воздухе, точно змея, выгнувшаяся в стремительном броске. Кинжалом в другой руке эльф парировал контрудары. Слантер держался чуть сзади, защищая друзей с тыла. В обеих руках он сжимал по кинжалу, черные глаза горели огнем боевого задора. Слантера живым щитом прикрывал гигант каллахорнец. Раны на лице Хельта вновь принялись кровоточить — на него было страшно смотреть, — но сам он этого даже не замечал. Грозная пика пронзала любого, кто пытался пробиться сквозь оборону гиганта с границы.

Волна странного возбуждения накатила на Джайра. Казалось, уже ничто не может остановить их.

Повсюду сверкали клинки, стоны раненых и умирающих заполнили пространство, дрожа в серой дымке хмурого дня.

Друзья добрались уже до середины двора, до крепостной стены оставалось совсем немного. И вдруг что-то ударило долинца в плечо. На мгновение он просто застыл на месте, оглушенный силой удара, а потом медленно опустил глаза: дротик глубоко вонзился в плечо и торчал, точно мясной крюк из туши. Только теперь пришла боль. Она скрутила Джайра, и его тело онемело. Хорошо еще, Слантер успел заметить, как долинец покачнулся и начал падать. Гном в мгновение ока подлетел к юноше, подхватил его и потащил следом за остальными. С яростным ревом Хельт одним взмахом копья оттеснил гномов, попытавшихся было воспользоваться замешательством. Морщась от нестерпимой боли, Джайр, пошатываясь, шел вперед. Слантер едва ли не тащил его на себе.

И вот подъемная решетка уже совсем рядом. Но теперь гномы тоже неслись туда. Дверь сторожевой башни со скрежетом захлопнулась; лязгнули, поворачиваясь, колеса лебедки. Решетка медленно поползла вниз.

Гарет Джакс так стремительно рванулся вперед, что остальные едва успевали за ним. Через пару мгновений он был уже у ворот и раскидал гномов, столпившихся там. Но в сторожевой башне продолжали крутиться колеса, разматывая железные цепи. Ворота опускались.

— Гарет! — предостерегающе воскликнул Форкер, сам сметаемый бешеным натиском гномов, навалившихся на него со всех сторон.

Но, орудуя своей страшной пикой, Хельт уже пробирался вперед. Гномы падали под мощными ударами каллахорнца, словно тряпичные куклы. Но и ему тоже доставалось. Однако Хельт, казалось, даже не чувствовал ран. Гномы-лучники пытались достать его стрелами с крепостной стены. Дважды их стрелы достигали цели, и во второй раз каллахорнец упал на колени. Но тут же поднялся и со всех ног бросился к сторожевой башне.

С размаху воин-гигант навалился всем своим весом на закрытую дверь. Деревянные створки дрогнули и разлетелись в щепки. Ворвавшись внутрь, Хельт расшвырял гномов, охранявших подъемный механизм, и мощным рывком вернул рычаги на место. Колеса лебедки со скрипом встали, лязгнули цепи, и решетка застыла в каких-нибудь десяти футах от земли.

Гарет Джакс как раз расправился с последним из гномов у проема в стене; Джайр со Слантером пролетели под темной аркой ворот и оказались в еще одном внутреннем дворике, тесном и сумрачном. Пока что этот двор был пуст. Джайр упал на колени — от резкого движения нестерпимая боль пронзила тело. Слантер склонился над юношей:

— Прости меня, мальчик, но так нужно.

Рука гнома крепко сжала плечо долинца, вторая рука легла на древко. Слантер резко выдернул дротик. Джайр закричал и едва не потерял сознание, но гном поддержал его, не давая упасть. Слантер оторвал большой лоскут от своей рубашки и, обмотав им рану долинца, закрепил повязку поясом, стянув потуже.

Встав под самой решеткой, Гарет Джакс, Форкер и Эдайн Элесседил отчаянно отбивались от взбешенных гномов. За дюжину шагов от них — все еще в сторожевой башне — Хельт сдвинул рычаги лебедки. Ворота вновь поползли вниз.

Джайр моргнул. Слезы, вызванные невыносимой болью, мешали ему разглядеть все как следует. Что-то было не так. Хельт оставался в башне. Он не пытался прорваться к воротам. Он просто стоял, привалившись к скрежещущему механизму, и смотрел, как опускается решетка. Все ниже и ниже.

— Хельт?.. — выдохнул потрясенный долинец.

Он уже понял намерение каллахорнца. Хельт будет ждать, пока решетка не опустится совсем, а потом заклинит колесо лебедки. Если он это сделает, то окажется в западне. И непременно погибнет.

— Хельт, нет! — в отчаянии крикнул Джайр и рывком поднялся на ноги.

В этот момент решетка упала, ее нижние кольца глубоко вонзились в землю. Гномы взвыли от ярости и все как один повернулись к человеку в башне. Собрав всю свою силу, гигант каллахорнец навалился на рычаги, вырывая их из пазов.

— Хельт! — вновь закричал Джайр, пытаясь вырваться из крепких объятий Слантера. Гному едва удалось удержать его.

Держа пику наперевес, Хельт шагнул к двери в башню. Гномы нахлынули ревушей волной. Каллахорнец пошатнулся и слегка отступил под сокрушительным натиском, но все-таки — пусть на одно только мгновение — он сдержал их всех. А потом ревушая волна поглотила его.

Джайр застыл на месте, не в силах отвести взгляд от этого ужасного зрелища. Гарет Джакс полетел к нему и, резко развернув, подтолкнул юношу вперед.

— Не стой! — проревел Мастер боя.— Быстрее, Джайр Омсфорд, беги!

Пошатываясь, в оцепенении долинец побрел прочь от ворот.

— Он уже умирал, — тихо проговорил Гарет Джакс. Джайр вскинул голову и встретился глазами с пристальным взглядом Мастера боя.— Та крылатая тварь в подвале, она отравила его. Смерть уже была в его глазах, долинец.

Джайр только молча кивнул, вспомнив тот странный тревожный взгляд каллахорнца.

— Но мы... — выдавил он.— Мы бы, наверное, могли...

— Мы бы много чего могли, будь мы не здесь, а где-нибудь еще, — оборвал его Гарет Джакс. Таким спокойным, таким холодным был его голос.— Яд был смертельным. Он знал, что умирает. И выбрал такую смерть. Не спи, долинец, беги!

Гигант Хельт! Джайр вспомнил, как добр был к нему каллахорнец. Вспомнил его ласковый взгляд, тихий голос. Хельт, о котором он, Джайр, так почти ничего и не узнал...

Склонив лицо, чтобы скрыть слезы, долинец помчался вперед.

У самого края Круха, там, где гигантская лестница соединялась с выступом на утесе под Гранью мрака, растянувшись на голых камнях, лежал Шепоточек и ждал, пока не вернется Брин или пока не придет сюда его хозяйка. Слух зверя был гораздо острее, чем слух человека, и кот уже давно услышал яростные крики битвы где-то наверху. Шепоточек настороженно приподнял голову, но пока эти звуки в далекой крепости ничем ему не угрожали, поэтому он продолжал лежать неподвижно, держась, впрочем, начеку.

Но потом вдруг возник еще один звук, но он шел не сверху, из Грани мрака. Приглушенный звук крадущихся шагов по каменным ступеням Круха. Шепоточек поднял голову. Кто-то спускался сюда. Когти царапали по камням. Болотный кот вновь уронил голову на лапы и словно растворился, слившись со скалой.

Через пару секунд на ступенях вверху мелькнула какая-то тень. Сначала Шепоточек уловил лишь движение и замер, вжавшись в камень. Кот прищурился, узнавая. Точно такая же черная тварь, как те из пещеры у моста, бесшумно скользила по Круху вниз. Мертвые глаза невидяще уставились в пространство. Тварь не видела Шепоточка. Кот ждал. И когда лишь с полдюжины шагов отделяло его от чудовища, Шепоточек прыгнул. Еще до того, как черная тварь успела сообразить, что происходит, кот налетел на нее ступком стремительного бесшумного движения. Тварь взмахнула руками и, сорвавшись с Круха, камнем полетела вниз, в серую мглу долины. Балансируя на самом краю каменных ступеней, Шепоточек смотрел, как она упала в заросли черного леса. Словно судорога прошла по деревьям, ветви затрепетали, закручиваясь и изгибаясь. Мерзкое зрелище. Это было похоже на то, как если б гигантская глотка что-то с жадностью проглотила. А потом все опять успокоилось. Лес замер.

Плотно прижав уши, Шепоточек попятился от края лестницы; глаза зверя горели ненавистью и страхом. Тошнотворный запах, поднимающийся из мглистых дебрей внизу, ударил в ноздри кота. Шепоточек закашлялся и зашипел от отвращения.

Кот улегся было на прежнее место на скалистом уступе, но новый звук почти тут же поднял его. Еще две черные твари спускались по Круху, а следом за ними — зловещая высокая фигура в темном плаще с капюшоном. Шепоточек глухо зарычал, синие глаза-блюдца превратились в узкие щелки. Прятаться было поздно. Его уже заметили.

Зверь зашипел, оскалившись, и приготовился встретить врагов.

Джайр Омсфорд и его спутники со всех ног неслись по сумрачным коридорам Грани мрака, мимо проржавевших железных дверей и крошавшихся каменных стен, по истертым, выщербленным лестницам, через огромные залы, дрожащие гулким эхом. Пахло плесенью и нечистотами. Древняя крепость, казалось, медленно умирает, разлагаясь и гнивая в вековом запустении. Ничто здесь, внутри этих мрачных стен, не стремилось к жизни, только в смерти находя покой и удовлетворение. Только смерти желало оно.

«И моей смерти тоже, — думал Джайр на бегу. В раненом плече пульсировала боль. — Эта ужасная крепость, она хочет меня поглотить, растворить в себе, чтобы добавить еще одну смерть к своему бесконечному умиранию».

Впереди черной тенью мчался Гарет Джакс, указывая дорогу. Во мраке было пусто и тихо; напряженное, какое-то выжидающее безмолвие поселилось в крепости. Гномы остались далеко позади, морды так и не появились. Долинец едва поборол внезапно охвативший его страх. Куда делись странники? Почему ни один из них до сих пор не показался? Ведь они где-то здесь, внутри этих мрачных стен, затаились и ждут — страшные существа, разрушающие тело и разум. Они где-то здесь, и они еще появятся.

Но вот когда?

Джайр оступился и едва не упал, навалившись на Слантера. Гном подхватил его.

— Смотри под ноги! — прокричал Слантер.

Плечо словно взорвалось от боли. Долинец сжал зубы.

— Мне так больно, Слантер, — выдавил он. — Каждый шаг...

Гном быстро отвернулся.

— Если болит, значит, ты еще жив, мальчик. Ну, бегом!

И Джайр Омсфорд вновь побежал. Теперь друзья мчались по длинному извилистому коридору, и откуда-то спереди доносились топот ног и перекликающиеся голоса. Гномы пошли по другому пути и сейчас искали беглецов.

— Мастер боя! — внезапно окликнул Слантер.

Гарет Джакс резко остановился. Гном указал рукой на темную нишу в стене, где была небольшая дверь, а за ней — узкая лестница, уводящая вверх, в черноту.

— Попробуем там проскользнуть, — тяжело дыша, пропыхтел Слантер и в изнеможении привалился к камню стены. — Но сначала — мальчуган. Ему надо передохнуть.

Он быстро снял с пояса флягу с элем и поднес ее к губам долинца. Джайр благодарно припал к фляге и сделал несколько жадных глотков. Горький и крепкий эль, казалось, прожег юношу изнутри, и боль вроде бы отпустила, почти тут же. Джайр прислонился к стене рядом с гномом и наблюдал, как Гарет Джакс скользнул вперед, настороженно вглядываясь в темноту сверху. Скорчившись в сумраке ниши, Форкер и Эдайн Элеседил встали на страже у самого выхода на лестницу.

— Ну как, лучше? — небрежно бросил Слантер.

— Лучше.

— Как в тот раз, в Черных дубах? Ну, после того как Сплик тебя отдубасил?

— Как в тот раз, — улыбнулся Джайр. — Он все исцеляет, этот ваш гномовский эль.

Гном с горечью рассмеялся.

— Все, говоришь? Нет, мальчик. Только не то, что сотворят с нами странники, попадись мы им в руки. Только не это. Знаешь, они ведь идут за нами. Как тогда, в Черных дубах. Уже идут из своего мрака, беззвучно крадутся, — черная мерзость. Я их чувствую! Нюхом чую!

— Это просто здесь так воняет, Слантер.

Гном опустил голову. Он, казалось, не слышал долинца.

— Одного уже нет. Это надо же — Хельт! Вот уж правда не думал, что мы потеряем гиганта так скоро. Люди с границы — крепкое племя, а следопыты — крепче вдвойне. Нет, никак я не думал, что с ним это случится так быстро. Именно с ним.

Джайр судорожно сглотнул.

— Да, я знаю. Но с нами все будет совсем по-другому, Слантер. Мы ускользнули от гномов. И мы обязательно выберемся, вот увидишь. Мы ведь всегда выбирались.

Слантер медленно покачал головой.

— Нет, на этот раз нам не выбраться, мальчик. На этот раз — нет. — Гном оторвался от стены. Джайр едва слышал его хриплый шепот. — Мы все тут погибнем, все.

Он рывком оттащил Джайра от стены, подтолкнул его к лестнице и сам, сделав знак Форкеру и Эдаину, направился вверх по ступенькам. Карлик и эльф тут же последовали за ним. Они нагнали Гарета Джакса и теперь уже впятером поднимались во тьму. Бледный свет едва пробивался откуда-то сверху. Эта мрачная крепость, Грань мрака, словно огромный склеп, подумал вдруг Джайр, осознавая так ясно, с каким-то безнадежным отчаянием, что когда-нибудь и он тоже умрет. Может быть, совсем скоро. Когда-то долинец твердо верил, что и он, и его друзья — они все доживут до конца этого похода. Но Хельта больше нет с ними. И сам он, Джайр, может умереть, так и не увидев, чем все это закончится.

Неимоверным усилием воли юноша прогнал страшную мысль. Если он погибнет сейчас, некому будет помочь Брин.

Все будет кончено для них обоих, потому что без Джайра у нее не останется никакой надежды. Значит, он должен жить. Он просто обязан жить.

Лестница привела друзей к маленькой дверце с зарешеченным окошком — вот откуда лился тот бледный свет, едва рассеивавший кромешный мрак. Прижавшись лицом к прутьям решетки, Слантер выглянул в окошко. Крики погони гремели уже совсем рядом.

— Так, снова придется бежать, — бросил гном через плечо. — Вперед по коридору в большой зал. Только не отставать!

Он рывком распахнул дверь, и друзья ворвались в коридор. Из непроглядного мрака — в свет дня. Массивные балки поддерживали высокий потолок, в камне стен были прорезаны узкие окна-бойницы. Слантер не задумываясь свернул налево. Друзья мчались по длинному коридору мимо ниш и дверей, окутанных сумраком, мимо пустых проржавевших лат на каменных пьедесталах, мимо развешанного по стенам оружия. Теперь крики погони стали громче, и казалось, преследователи несутся прямо на них. А потом звук словно взорвался, и крики раздались уже отовсюду. За спиной беглецов, буквально в нескольких ярдах от них, широко распахнулась дверь, и гномы-охотники ворвались в коридор. С дикими воплями они устремились в погоню.

— Быстрее! — прокричал Слантер.

Друзья были уже на пороге высоких деревянных дверей, украшенных причудливой резьбой. Стрелы гномов свистящим градом летели вдогонку. Слантер и Гарет Джакс с разбегу навалились на дверь — затрещали железные петли, створки прогнулись, и дверь распахнулась. Друзья вломились в открывшийся проем и не мешкая бросились вниз по длинной лестнице, в спешке едва не сбивая друг друга с ног. Но вот лестница наконец закончилась, и беглецы оказались в том самом огромном зале, куда и стремился Слантер. Солнечный свет, свободно льющийся сквозь высокие зарешеченные окна, хорошо освещал зал: резной потолок, перекрестные балки — древние и облупившиеся, — ряды длинных, беспорядочно расставленных столов и скамей. Друзья лишь на мгновение приостановились, чтобы перевести дух, и со всех ног помчались через зал, опрокидывая на бегу скамьи. Сзади гремели крики — преследователи были у порога.

Джайр старался не отставать от Слантера. Какая-то пелена застилала глаза: долинец не видел, а скорее сознавал, что впереди, чуть слева, бежит Гарет Джакс, а сзади — Форкер с Эдайном. Джайр задышался, каждый вдох отдавался болью в легких. Боль терзала раненое плечо. Стрелы и дротики со зловещим свистом пролетали мимо, вонзаясь в деревянные столы и скамьи. Гномы-охотники были повсюду.

— Лестница! — крикнул Слантер.

Длинная винтовая лестница вела вверх на балкон, беглецы бросились туда. Но несколько гномов успели раньше и заняли нижние ступеньки, отрезая друзьям путь к спасению. Гарет Джакс бросился на гномов. Вспрыгнув на длинную скамью, Мастер боя скользнул по ней и, оттолкнувшись, перелетел на лестницу, в самую гущу врагов. Словно черная кошка, приземлился он на ступени, даже не пошатнувшись. В обеих руках Гарет Джакс уже держал по кинжалу. Прорвавшись сквозь заслон грозных пик и мечей, он сразил гномов одного за другим, точно перед ним были не тренированные воины, а беспомощные мишени. К тому времени как остальные добрались до лестницы, Гарет Джакс уложил почти всех гномов-охотников, а оставшиеся в живых с криками разбежались.

Мастер боя повернулся к Слантеру — лицо его было в крови.

— Где Крух, гном?

— На балкон и по коридору! — не останавливаясь, прохрипел Слантер. — Быстрее!

Друзья бросились наверх. Гномы уже неслись следом, и на середине лестницы они нагнали беглецов. Мастер боя, карлик и эльф повернулись встретить врага. Слантер оттащил Джайра на несколько ступеней вверх, прикрывая его собой. Мечи и тяжелые палицы гномов взметнулись, раздался зловещий лязг металла. Стремительный натиск нападавших оттеснил Гарета Джакса от Эдайна с Форкером. Мастеру боя пришлось попятиться. И в то же мгновение Эльб Форкер упал со страшной раной на голове. Карлик попытался было подняться, кровь ручьями текла по лицу. Враги с воплями бросились к нему, но Эдайн Элесседил подскочил к другу раньше. Пару секунд юный эльф удерживал разъяренных гномов, но потом пика пронзила руку Эдайна, сжимавшую меч. Как только защита его ослабла, кто-то из гно-

мов со всего маху ударил палицей по ноге эльфа. Вскрикнув от боли, Эдайн Элесседил упал. Враги навалились на него.

Казалось, все кончено. Но Гарет Джакс уже расправился с теснившими его гномами и снова был рядом с друзьями. Черной стремительной тенью бросился он на врагов. Гномы гибли под ударами быстрых кинжалов, не успев даже сообразить, что принесло им смерть. Вот и последний из атакующих пал, сраженный, и друзья вновь остались одни.

Форкер, пошатываясь, подошел к Эдайну, скорчившемуся на ступеньках от нестерпимой боли, и осторожно ощупал раненую ногу.

— Перелом, — едва слышно выдохнул карлик, и они с Гаретом Джаксом обменялись понимающими взглядами.

Эльб Форкер разорвал свой плащ и крепко перевязал ногу эльфа, укрепляя ее в фиксированном положении стрелами, подобранными со ступеней. Джайр и Слантер спустились вниз, гном склонился над эльфом и поднес к его губам флягу с элем. Лицо Эдайна побледнело и исказилось от боли. Джайр понял, что рана его безнадежна.

— Кто-нибудь, помогите поднять его, — попросил Форкер.

Они со Слантером подняли эльфа и понесли вверх по лестнице на балкон. Там они осторожно усадили его на пол, так чтобы спиной он опирался о балюстраду, и опустились на колени рядом с ним.

— Оставьте меня, — прошептал Эдайн, кривясь от боли. — Так будет лучше. Ведите Джайра на Крух. Быстрее. Идите. Вы должны это сделать.

Долинец обвел взглядом суровые, застывшие лица друзей.

— Нет! — с негодованием воскликнул он.

— Джайр, — эльф крепко сжал его руку, — мы так решили, Джайр. Мы поклялись. Что бы ни случилось со всеми нами, ты должен добраться до Колодца небес. Я больше ничем не смогу помочь тебе, ты должен оставить меня и идти дальше.

— Это правда, Омсфорд: дальше идти он не может. — Голос Эльба Форкера был как-то странно спокоен. Карлик положил руку на плечо долинца, потом медленно встал и пристально поглядел в лица Слантера и Гарета Джакса. — И я тоже, по-моему, уже пришел. Эта рана... у меня слишком кружится голова для долгого подъема. Вы трое — идите. А я, наверное, останусь.

— Нет, Эльб, не надо...— попытался было возразить Эдайн.

— Решать мне, Эдайн Элесседил, — оборвал его карлик. — Выбор за мной, как тогда он был за тобой, когда ты бросился мне на помощь. Мы с тобой связаны, ты и я, — между эльфами и карликами эта связь существует давно. С незапамятных времен. Мы всегда стоим друг за друга. Это наш долг. И теперь пришло время его выполнить. — Он повернулся к Гарету Джаксу: — И мы, Гарет, сейчас не будем спорить, оставаться мне или нет.

Через двери на дальнем конце в зал опять ворвались гномы. Они настороженно остановились у порога, подзывая остальных.

— Вам пора, — прошептал Форкер. — Быстрее, берите Омсфорда и бегите.

Гарет Джакс лишь мгновение колебался, потом кивнул. Он шагнул вперед и крепко пожал руку карлика.

— Удачи тебе, Форкер.

— И тебе, — ответил тот.

На мгновение взгляд темных глаз Эльба задержался на лице гнома. А потом Форкер молча нагнулся и положил лук со стрелами и тонкий эльфийский меч рядом с Эдайном, а сам взялся за тяжелый боевой топор.

— Бегите! — бросил он, не поворачиваясь. Его бородатое лицо, залитое кровью, выражало только свирепую решимость.

Но Джайр не двинулся с места, вызывающе глядя то на Мастера боя, то на Слантера.

— Пойдем, мальчуган, — тихо проговорил гном.

Не дожидаясь ответа, он крепко схватил долинца за здоровую руку и потянул за собой по балкону. Гарет Джакс поспешил за ними. Его холодные серые глаза, казалось, застыли. Джайру хотелось протестовать, кричать во весь голос, что он не может оставить друзей так, но он и сам понимал — это ни к чему не приведет. Решение принято. Выбор сделан. Долинец оглянулся: ни Форкер, ни эльфийский принц даже не смотрели в их сторону — расположившись у самого края лестницы, они наблюдали, как к ним приближаются гномы-охотники.

Слантер отыскал нужную дверь и поспешно повел друзей по еще одному длинному коридору. Сзади гремели крики погони, но теперь беглецы удалялись от них. Заставляя себя не оглядываться, Джайр бежал рядом со Слантером. Бежал словно в каком-то тумане.

Коридор вскоре закончился у изогнутого высокой аркой проема в стене. Друзья вышли на широкий внутренний двор, обнесенный низкими перилами и залитый мутно-серым светом — на улице было хмуро и пасмурно. Стены крепости остались за спиной; а впереди, сразу же за перилами, огораживающими каменную площадку, там, где утес круто обрывался в долину, узкая каменная лестница змеилась вверх по скале. Все выше и выше, а потом, казалось, у самого неба оборачивалась кольцом вокруг одинокого горного пика.

Крух. И Колодец небес у самой его вершины.

Друзья — теперь их осталось только трое — поспешили туда, где гигантская лестница соединялась с площадкой; через пару мгновений они уже поднимались.

Глава 42

Уже не одну сотню ступенек прошла Брин, спускаясь по Круху к яме Мельморда. Узкая каменная лестница уводила крутой спиралью от свинцово-серых башен Грани мрака в туман и удушающий жар дебрей черного леса внизу. Тело словно онемело, ноги не слушались, но девушка собрала всю свою волю и заставила себя идти. Измученное неотвязными сомнениями сознание тоже как будто оцепенело от неизбывной усталости и страха. Одной рукой Брин держалась за каменные перила, и это давало ей хоть какое-то чувство опоры. На западе солнце, окутанное облаками, неторопливо садилось за горы.

Пока Брин спускалась, она смотрела только вниз, на черную яму у себя под ногами. С каждым шагом Мельморд — сначала мглистое смутное пятно — обретал все более четкую форму и облик, все яснее проступал сквозь туманную дымку. Древние деревья-исполины этого мрачного леса были как-то странно изогнуты, словно нарочно скрючены и изломаны. И от этого складывалось впечатление жуткой, пугающей неестественности — как могла природа создать такие искаженные формы? Густой кустарник среди деревьев и трава разрослись до неимоверных, гигантских размеров, и их обвивали побеги каких-то ползучих растений, точно сплетенные в клубок змеи. Сам цвет этих дебрей был не зеленым и даже не по-осеннему жел-

то-коричневым, а тускло-серым, словно поблекшим от зимних морозов.

Но при этом жара стояла невыносимая. Если бы Брин нужно было описать ощущение, которое вызывал у нее Мельморд, она бы определила его так: будто жаркий день в самом разгаре лета, когда земля растрескалась, трава побурела, а ручейки и маленькие озерца пересохли, обратившись в сухую пыль. Ужасный смрад шел из долины, тошнотворными волнами поднимаясь от земли и от леса, и зависал в тихом воздухе, сгушаясь, точно вонючее варево, медленно кипящее в каменной чаше гор. Сначала Брин чуть не стало плохо, даже мазь Коглина не могла отбить этот мерзостный запах. Да что там отбить — хотя бы немного заглушить его. Но со временем чувства девушки притупились, и зловоние Мельморда уже не казалось невыносимым. Тело тоже постепенно привыкло к жару, и лишь от застывшего мрачного вида проклятой ямы никуда было не деться.

Со странным шипением сплетенные дебри то вздымались, то опадали, как будто дышало чудовище. Теперь у Брин не осталось уже сомнений в том, что долина — живая, единое существо, состоящее из тысяч частей, способное действовать, думать и чувствовать. И хотя у него не было глаз, Брин все равно ощущала на себе его пристальный взгляд, пока наблюдающий, выжидающий.

И она шла туда, навстречу ему. Не могло быть и речи о том, чтобы повернуть назад. Долгий и трудный путь прошла Брин, чтобы прийти в это мрачное место, — многим пришлось пожертвовать, многое потерять. Для того только, чтобы она, Брин, дошла до Мельморда, кто-то расстался с жизнью, а те, кто выжил, навсегда изменились. И сама она — уже не та девочка, какой была раньше, магическая сила превратила ее во что-то совсем иное, ужасное. Да, теперь Брин могла признаться себе в этом, и от одной только мысли девушку передернуло. Она изменилась. Изменилась сильно, необратимо, и причиной тому — ее дар. Брин покачала головой. Вдруг то, что она переживала сейчас — не изменение, а всего лишь понимание, проникновение в глубины своего существа. Быть может, познание пугающей мощи песни желаний — это просто раскрытие того, что всегда было в ней, и Брин вовсе не изменилась, а стала со-

бой, осознанно и до конца. И лишь теперь поняла то, что не хотела или не могла понять раньше.

Крух изогнулся последним витком — Мельморд был уже совсем рядом. Брин невольно замедлила шаг, как зачарованная глядела она в серую гущу дремучих дебрей под ногами, в непроходимые заросли сплетенных ветвей, стволов и выющихся стеблей, на ключья тумана, на равномерное кольхание леса — шипящее дыхание живой долины. Но в живом лесу не было жизни.

И где-то в этих дебрях скрыта Идальч.

Как ее отыскать?

Брин в смятении остановилась. Теперь только две дюжины ступенек отделяли ее от Мельморда. Вокруг пульсировали серые заросли, то словно разбухая, то вновь сжимаясь. Девушка в полном смятении смотрела на эту живую массу, стараясь побороть отвращение и страх, вдруг нахлынувшие на нее, и безнадежно пыталась взять себя в руки. Она знала, что сейчас пришло время использовать песнь желаний. Алланон ведь сказал, что у нее все получится, должно получиться. Эти деревья, кусты и ползучие стебли, чем они отличаются от тех сросшихся деревьев в лесу над Радужным озером? И ее песнь желаний сможет заставить их расступиться, освободить проход.

Вот только куда он приведет?

Брин колебалась. Что-то скребло в душе, предостерегая: в этот раз нужно действовать иначе — здесь одной только силы песни будет недостаточно. Огромный, могущественный Мельморд не подчинится ее желанию. Тут нужна какая-то хитрость. Этот лес — порождение той же магии, какой владеет она, Брин. Сила их обоих восходит к древнему миру колдовства, когда только магия управляла всем...

Брин подняла глаза к небу, не дав себе даже закончить мысль. Свет солнца коснулся ее лица нежным теплом, таким непохожим на жар темной ямы. В этом тепле была жизнь. И она, эта жизнь, звала к себе Брин с такой настойчивой силой, что девушке вдруг захотелось бежать отсюда. Назад, куда угодно, лишь бы только подальше от мрачного леса.

Не без труда Брин заставила себя вновь обратить взгляд к туманным глубинам мглистых дебрей. И все-таки она никак не решалась сделать последние двадцать шагов. Брин не знала еще, что делать дальше. Путь пока был неясен, неопределен.

Нельзя же вслепую бросаться в эту живую темную утробу. Нужно сначала как-то выяснить, куда идти и где спрятана Идальч. Лицо Брин помрачнело. Ей нужно понять этот лес. Как бы заглянуть внутрь...

Из укромных уголков ее памяти всплыли слова Угрюма-из-Озера и закружились в сознании, дразня, насмехаясь: «Загляни внутрь, Брин Омсфорд. Загляни в себя. Неужели ты не видишь?»

Казалось, что-то распахнулось в душе — внезапно, пугающе, — и Брин увидела все. Ей же сказали об этом еще тогда, в Сланцевой долине, но она не поняла. «Та, кто спасает и разрушает» — так назвал ее Бремен, восстав из вод Преисподней по призыву Алланона. «Та, кто спасает и разрушает».

Брин тяжело оперлась о перила, приходя в себя от внезапно открывшейся ей истины. Она найдет ответы не в Мельморде, не в черной яме долины.

Все они — в ней самой!

Наконец Брин взяла себя в руки. Лицо девушки стало суровым и решительным — теперь она твердо знала все, что ей нужно было знать. Оказывается, это так просто: пройти через Мельморд и отыскать Идальч! Ей вовсе не нужно силой пробивать дорогу сквозь заколдованный лес. Ей даже не нужно искать Идальч. Здесь не будет борьбы. Не будет никакого противостояния магических сил.

Наоборот: будет их единение!

Брин решительно прошла вперед и встала на нижней ступеньке Круха. Дебри Мельморда сомкнулись вокруг, закрывая свет солнца, закрывая весь мир, — остались лишь тьма, жар да невыносимое зловоние. Но теперь все это уже не беспокоило Брин. Теперь она знала, что ей нужно делать, а все остальное не имело значения.

Девушка тихо запела. Мелодия песни растеклась — глухая, настойчивая, исполненная страстного желания — и просочилась в сплетение ветвей, вьющихся стеблей, безудержно разросшегося кустарника. Поначалу волшебная песнь лишь легко касалась, ласково гладила искривленные стволы, но потом развернулась, окутав каждую ветку, каждый стебель теплом уверения, просьбы.

«Прими меня, Мельморд, — шептала она. — Прими, ведь я точно такая же, как и ты. Между нами не может быть разницы.

Мы с тобой — одно, и наши силы слились уже. Мы с тобой — одно!»

Смысл этих слов, вкрадчиво шепчущих в мелодии песни, должен был бы ужаснуть Брин, но странно: ей было так хорошо. Раньше она считала песнь желаний всего лишь чудесной игрушкой, дающей возможность позабавиться с цветом, формой или звуком, — не больше. Но теперь перед Брин словно открылись безбрежные владения магии. Магическая сила может помочь ей стать всем, чем угодно. Даже здесь, в самом средоточии зла, Брин могла сделать так, чтобы полностью принадлежать этому к темному миру. Мельморд был создан таким, что никто не мог бы проникнуть сюда, не пребывая в согласии с ним. Даже сила эльфийской магии, заключенная в песни желаний, не смогла бы одолеть и подчинить себе этот страшный лес. Но столь многоликой была песнь, что вполне могла позволить себе отказаться от силы и, заменив ее хитростью, представить Брин Омсфорд сходной по своей сути со всем, чему она готовилась теперь противостоять. Брин поняла, что может пребывать в полном согласии с пугающей, странной жизнью этой сумрачной ямы. Столько, сколько нужно. Пока не отыщет то, за чем пришла сюда.

Непонятное возбуждение охватило девушку, пока она пела Мельморду и ощущала, что он откликается ей. По лицу Брин текли слезы — так сильно было чувство, которое вызвала в ней песнь. Лес тихо покачивался в такт чарующей музыке, ветви клонились к земле, кусты и ползучие стебли извивались, как змеи. Шепоты тихой песни говорили о смерти и ужасе, дающих жизнь этой долине. Брин вела мелодию, точно игру, окунаясь все глубже в создаваемый ею же самой образ. Понятия «быть» и «казаться» сплелись неразрывно.

Как будто подхваченная течением мелодии, Брин погружалась в себя. Глубоко-глубоко. А все остальное постепенно стиралось в памяти. Алланон, долгий путь, который привел ее сюда, Рон, Кимбер, Коглин и Шепоточек — все забылось. Только об одном Брин еще помнила, да и то как-то смутно, едва-едва, — о том, зачем она пришла сюда: отыскать и уничтожить Идальч, книгу темного колдовства. Девушка продолжала петь, и освобожденная магическая сила вновь принесла с собой это странное, пугающее чувство ликования. Брин ощущала, что сила уже выходит из-под контроля, как тогда, когда она заклятием убила

гнома-паука на Взбитом хребте и потом — черных тварей в пещере. И еще одно непонятное чувство не покидало ее: словно бы нити, из которых сплеталось ее существо, начали вдруг распускаться. Брин понимала, что это очень опасно. Но так было нужно: рискнуть сейчас, может быть, всем. Это было необходимо.

Дыхание Мельморда участилось; теперь он вздымался и опалдал намного быстрее, шипение стало более напряженным. Он хотел, чтобы Брин вошла в него. Он изнывал и жаждал. Потому что она нужна ему. Потому что в ней он почуял трепещущую, живую часть себя — сердце своего гигантского, выросшего в землю тела. Сердце, которого не было почему-то так долго, но теперь оно будет.

«Иди ко мне, — шипел серый лес. — Иди ко мне!»

С пылающим от возбуждения лицом Брин шагнула с Круха в живые дебри.

— Черт побери, должны же они где-то кончиться, эти канавы! — пробормотал Рон, выйдя из туннеля в большую пещеру.

Они с Кимбер и Коглином уже столько времени бродили здесь, что горец начал отчаиваться. Ему стало казаться, что они будут вечно скитаться по этим вонючим туннелям под Гранью мрака.

— Вообще-то должны, только вот вряд ли это произойдет здесь! — фыркнул Коглин, больше из присущего ему духа противоречия.

Но горец едва ли расслышал его. Рон внимательно разглядывал пещеру, где они теперь оказались. Сквозь трещины в потолке пробивался тонкими лучами подернутый дымкой свет солнца, а по центру пол пещеры раскалывала широкая пропасть. Рон молча прошел вперед и встал на самом краю черной пропасти, обводя взглядом каменный мост, протянувшийся к противоположной стороне чудовищной впадины. За мостом пещера сужалась к прорубленному в камне скалы коридору в виде высокой арки. Стены его были отшлифованы до блеска и испещрены какими-то древними символами. Но главное — коридор этот выходил на свет, в зеленую долину, словно затянутую туманом.

«Мельморд, — сразу же догадался горец. — И там — Брин».

Рон быстро перешел по мосту на другую сторону. Старик и девушка поспешили за ним. Юноша решительно направился к коридору, но резкий крик Кимбер заставил его остановиться.

— Горец, иди посмотри!

Он с неохотой повернулся и пошел обратно. Кимбер ждала его на середине моста и, когда Рон подошел, молча указала рукой: деревянные столбики, поддерживающие цепи-перила, были выворочены, цепи оборваны. На камнях под ногами Кимбер подсыхали пятна крови.

Девушка опустила на колени и провела пальцами по буроватой лужице.

— Почти свежее, — проговорила она. — Не больше часа назад.

В потрясенном молчании горец уставился на нее, одна и та же невысказанная мысль мелькнула в их глазах. Рон вскинул руку, словно отмахиваясь от страшного предположения:

— Нет, быть не может. Это кровь не ее...

И в то же мгновение раздался страшный пронзительный крик — крик зверя, охваченного яростью и страхом. Он разметал тишину и мысли людей на мосту. На миг Кимбер с Роном застыли на месте, словно парализованные ужасным звуком. Крик доносился с той стороны прохода.

— Шепоточек! — воскликнула Кимбер.

А Рон уже сорвался с места.

— Брин!

Стрелой промчался он по мосту и бросился к коридору, выходящему в долину.

На бегу горец вытащил из ножен, закрепленных на спине, меч — обеими руками, через плечо. Но как Рон ни летел, Кимбер Бо оказалась быстрее. Точно испуганный зверек, пронеслась она мимо горца и первой добралась до прохода. Ее черный силуэт, обрисованный светом, стремительно удаляясь, приближался к выходу из туннеля. Коглин по мере сил бежал следом, пытаясь сердитыми воплями заставить их обоих немного сбавить темп; голос его срывался на отчаянный визг, но за Кимбер с Роном старику было не угнаться.

Наконец они вырвались из прохода на свет (Кимбер — в дюжине ярдов впереди Рона) и оказались на скалистом уступе. Почти на самом его краю Шепоточек яростно сражался с двумя безлихими черными тварями. Чуть дальше за выступом, на узкой каменной лестнице, спиралью спускающейся с вершины утеса в сумрачную долину, — Рон сразу узнал эту лестницу,

Крух,— стоял призрак-морд. Пока только стоял и следил за сражением.

Но при приближении девушки с горцем странник медленно повернулся.

— Кимбер, берегись! — предостерегающе вскрикнул Рон.

Однако, сжимая в руках по кинжалу, девушка уже кинулась на помощь Шепоточку. Призрак-морд протянул черную руку, и красный огонь метнулся из пальцев в сторону Кимбер. Каким-то чудом ступок колдовского пламени не задел ее и, промелькнув ослепительной вспышкой, ударился в камень — острые осколки полетели во все стороны. Рон закричал и рванулся вперед, выставив перед собой черный клинок Лиха. В то же мгновение морд повернулся к нему — снова взметнулся красный огонь. Черная сталь меча поглотила пламя, и все вокруг горца озарилось сиянием. Правда, удар оказался таким сильным, что Рона буквально приподняло над землей и отшвырнуло назад.

Но тут подоспел и Коглин. Он бросился прямо на черного странника. Задыхаясь от бега, старый сгорбленный человек — такой слабый и хрупкий по сравнению с могучей фигурой в черном плаще — свирепым криком вызвал призрака-морда на бой. Тот повернулся, посылая огонь. Но Коглин был готов к атаке: что-то темное полетело навстречу алому пламени. Ужасный взрыв сотряс скалу до основания. Огонь и дым мощным фонтаном рванулись к небу от Круха, осколки камня разбросало по всему уступу.

На мгновение дым и каменный дождь скрыли все вокруг, и Рон успел подняться на ноги.

— Отведай теперь моей магии, ты, закуска для червей! — ликующе прорывал Коглин. — Посмотрим, что ты против этого можешь!

Старик проскользнул мимо Рона, так что горец даже не успел задержать его, и, пританцовывая в безумстве восторга, скрылся в густых клубах дыма. Где-то впереди раздалось взбешенное шипение Шепоточка, а потом — пронзительный крик Кимбер. Рон громко выругался и со всех ног устремился туда. Вот полоумный старик!

Прямо перед горцем, разрезая мутную дымку, вспыхнул алый огонь. Рон увидел, как сухощавая фигурка Коглина отлетела в сторону, словно кукла, отброшенная рассерженным ребенком.

Горец сжал зубы и бросился к источнику пламени. В мгновение ока добрался он до морда. Тот стоял уже не так гордо: теперь странник как-то скорчился и согнулся, черный плащ обвис лохмотьями. Меч Лиха пронзил алую вспышку и разбил пламя на части, вспоров огонь, точно твердое тело. Морд вдруг пропал. И тут же что-то зашевелилось за спиной у Рона. Горец повернулся, готовый к бою. Но это был Шепоточек. Он несся сквозь клубы дыма, крепко зажав в зубах одну из черных тварей. Вторая вцепилась в спину кота, пытаясь остановить его. Рон взмахнул мечом — клинок пронзил черную тварь, висящую на спине Шепоточка, и отбросил ее прочь от зверя.

— Кимбер! — прокричал горец.

Красный огонь взорвался совсем рядом, но Рон успел выставить меч, и черный клинок вновь поглотил пламя. На мгновение в клубах дыма возникла фигура в черном плаще — горец рванулся туда. И в этот раз морд не успел увернуться. Чуть попятившись к каменной лестнице, странник попытался было обойти Рона слева; красный огонь бил из пальцев непрерывно. Но горец был уже рядом. Меч Лиха взметнулся и обрушился вниз — морда будто разорвало. Призрак рассыпался пеплом.

А потом вдруг стало тихо, лишь Шепоточек глухо покашливал, пробираясь к Рону сквозь клубы дыма. Но постепенно дым рассеялся, пыль осела, вновь можно было разглядеть и скалистый уступ, и Крух. Каменные обломки густо усеивали весь выступ, а на спиральной лестнице, там где Крух соединялся с площадкой, — именно на этом месте и стоял призрак-морд, когда Коглин вызвал его на бой, — недоставало целого витка. Он обвалился от взрыва, устроенного стариком.

Рон быстро огляделся. Ни морда, ни черных тварей. Горец так и не понял, что же случилось с ними: то ли они пали в битве, эти странные черные существа — прислужники странников, то ли просто отступили. Но как бы там ни было, их вроде нигде не видно.

— Рон...

Он повернулся на звук голоса Кимбер. Девушка шла к нему с дальнего края уступа, немного прихрамывая. Лицо ее было измазано сажей. И вообще она казалась теперь такой маленькой, такой беззащитной. Рон вздохнул с облегчением и тут же воскликнул с искренним гневом:

— Кимбер, ради всего святого, ну зачем тебе надо было?..

— Потому что Шепоточек сделал бы то же самое для меня. А где деда?

Рон собирался как следует отчитать Кимбер, но после такого обезоруживающего заявления сразу замолк. Вместе они обыскали заваленный камнями уступ. И наконец нашли Коглина. Он лежал у самой стены утеса, наполовину погребенный под кучей щебня, весь черный, точно зола, которая осталась после их битвы с мордом, сеющим огонь. Кимбер с Роном быстро раскидали каменные обломки и вытащили старика. Лицо и руки его были обожжены, волосы опалены, а сам он с ног до головы покрыт сажей. Кимбер склонилась над ним и принялась ласково гладить по голове. Казалось, он не дышит.

— Деда? — чуть не плача прошептала девушка и легонько похлопала его по щеке.

— Кто еще там? — внезапно вскричал Коглин, испугав и Кимбер, и Рона. И вдруг отчаянно замахал руками: — Пошли прочь, бродяги! Прочь из моего дома!

А потом старик моргнул и открыл глаза.

— Девочка? — устало пробормотал он. — А где эти черные дряни?

— Их уже нет, деда, — улыбнулась Кимбер, и в темных глазах ее промелькнуло облегчение. — С тобой все в порядке?

— В порядке? — Выглядел Коглин, конечно, неважно, но кивнул он довольно бодро, и голос его напрягся от возмущения. — Ну конечно, со мной все в порядке! Просто я слегка не в себе, а так все прекрасно! Помогите мне встать!

Рон вздохнул.

«Счастье еще, что ты жив остался, старик, ты и девушка», — мрачно подумал он.

С помощью Кимбер горец поднял Коглина на ноги и отошел, предоставив ему самому отряхиваться и ощупывать себя. Выглядел старик так, словно его только что вытащили из ямы, набитой золой, но ранен он вроде бы не был. Кимбер крепко обняла дедушку и принялась приводить его в порядок.

— Ты, деда, должен быть поосторожнее, — ласково выговаривала ему она. — Ты ведь уже не такой ловкий, как раньше. Если ты снова так ринешься прямо на странника, тебе уже несдобровать.

Рон покачал головой, не веря своим ушам. Кто кого еще должен бранить: юная девушка своего взбалмошного дедулю

или все-таки старик свою внучку? Куда, интересно, они с Брин смотрели, когда...

Горец резко оборвал себя. Брин. Он же совсем позабыл о ней. Рон поглядел на Крух. Если Брин была здесь, то теперь она наверняка уже спустилась в Мельморд. Значит, ему тоже нужно туда — за ней.

И он поспешно направился через уступ к тому месту, где ступени Круха соединялись с площадкой. Горец так и сжимал в руках меч Лиха. Сколько же времени он потерял здесь? Он должен догнать Брин раньше, чем она встретится с тем, что ждет ее в этой туманной долине, — что бы там ни было...

Горец резко остановился. Прямо у него на пути стоял Шепоточек, загораживая дорогу вниз. Болотный кот мгновение внимательно смотрел на Рона, потом моргнул и уселся, поджав задние лапы.

— Уйди с дороги! — рявкнул горец.

Но кот даже не шелохнулся. Рон переступил с ноги на ногу и нетерпеливо шагнул вперед. Шепоточек слегка сморщил нос, приоткрывая зубы, и глухо зарычал.

Рон остановился и сердито обернулся к Кимбер:

— Убери своего кота с дороги, Кимбер. Я иду вниз.

Девушка тихонько позвала кота, но тот остался сидеть на месте. Слегка озадаченная, девушка подошла к нему и склонилась над зверем. Почесывая Шепоточка за ухом, она что-то долго ему говорила. Кот потыкался носом в ладонь хозяйки и заурчал, однако не сдвинулся с места. Наконец девушка отступила.

— С Брин все в порядке, — улыбнувшись, сообщила она. — Она пошла вниз, в эту яму.

Рон с облегчением кивнул.

— Ну тогда я иду за ней.

Но Кимбер покачала головой.

— Ты должен остаться здесь, горец.

Рон удивленно уставился на нее.

— Остаться здесь? Но я не могу! Брин там совсем одна! Я должен идти к ней!

И снова Кимбер покачала головой.

— Она не хочет, чтобы ты это делал. Она даже воспользовалась песней желаний, чтобы это предотвратить. Она убедил-

ла Шепоточка, и теперь он ее страж. Никто не пройдет туда — даже я.

— Но это же твой кот! Вот и заставь его подвинуться! Скажи ему, что он должен меня пропустить! Быть не может, чтобы магия была так сильна.

Феино личико Кимбер оставалось спокойным.

— Это больше чем магия, Рон. Инстинкт Шепоточка подсказывает ему, что Брин поступила правильно. Не магия держит его, а его собственное разумение. Он понимает, что там, в долине, для нас слишком опасно. Он тебя не пропустит.

Горец смотрел на девушку с гневом и недоверием. Потом перевел взгляд на кота и снова на Кимбер.

Ну и что ему теперь делать?

Тепло разлилось по всему телу Брин. Она чувствовала, как пьянящий восторг уносит ее, точно она хрупкий листок, подхваченный водами великой реки. Брин открылась навстречу потоку и погружалась в себя. Видения, запахи и звуки — все сплелось и завертелось в головокружительном вихре странных фантазий, возникающих то в прекрасных светлых образах, то в бесформенном облике темных кошмаров. Словно бескрайнее море разлилось перед внутренним взором — волнующееся, изменчивое, — то вздымаясь приливом, то вновь отступая. Все стало совсем не таким, каким было раньше, но новым, непривычным и чарующим. Это был путь к себе, к своему «я», превосходящий по силе и новизне любую мысль и любое чувство. Станный, захватывающий путь, для которого не нужны никакие причины, потому что он сам — причина и смысл.

Брин пела, и песнь желаний была точно хлеб и вода, что питали ее, и поддерживали, и давали жизнь.

Брин вошла в самую чашу Мельморда. Крух — да что Крух! — весь привычный мир остался где-то там, далеко-далеко. А здесь был совсем другой мир. И пока Брин пыталась слиться с ним, он тоже тянулся к ней, вбирая в себя. Зловоние, жар и гниющие заживо дебри странного леса словно обнимали девушку, обретая в ней свое дитя. Искривленные ветви, вьющиеся стебли, травы тянулись к Брин, легко касались, ласково гладили ее тело, вбирая трепет волшебной мелодии, которая была эликсиром, возвращающим жизнь. С какой-то странной отрешенно-

стью — будто бы издалека — Брин ощущала эти мимолетные ласки и улыбалась в ответ.

Она, Брин, казалось, перестала существовать. Какая-то часть ее еще сознавала, что все это просто ужасно: эти объятия колдовского леса, эти нежные, почти любовные, прикосновения. Но Брин уже отдалась безраздельно мелодии песни желаний. И сама она была теперь не той, что раньше. Все мысли и чувства, которые принадлежали только ей, которые и делали Брин тем, что она есть и была всегда, смыла волна темной магической силы; девушка стала чем-то иным — существом, подобным этому мрачному лесу, по которому шла теперь. Точно родственная душа, которая долго бродила где-то далеко-далеко, но сейчас возвращалась домой. И зло, что несла в себе Брин, было не меньшим, чем зло, ждущее ее здесь. Она стала такой же темной, как Мельморд. Брин слилась с ним в одно целое. И теперь принадлежала ему.

Где-то в самых глубинах души она еще понимала, что Брин Омсфорд больше нет. Что Брин Омсфорд растворилась в волнующей музыке песни желаний. И понимала еще, что это сама она, может быть не желая того, позволила себе стать этим мерзким, темным существом, которым теперь ощущала себя, и не вернется обратно к себе, пока не пройдет через самое сердце зла, захватившего теперь ее. Пьянящая эйфория, восторг и возбуждение, порожденные пугающей мощью песни желаний, грозили поглотить Брин безвозвратно и навсегда обратить в то ужасное существо, которым она хотела казаться теперь. Все эти странные, захватывающие видения — они всего лишь ловушки безумия. Еще немного — и оно уничтожит ее. То, что осталось от прежней Брин — лишь осколочек ее «я», — сжалось и спряталось глубоко в душе, хранимое пока от прикосновения черной силы. А все остальное уже обратилось в иную сущность. В дитя Мельморда.

Брин шла вперед, но ничто не менялось: все те же сплетенные дебри вокруг, сумрак, мягкий как черный бархат, и тишина, словно безмолвие смерти. Неба не было видно, и только сумерки подступающей ночи проникали сквозь полог сплетенных ветвей. И пока Брин шла по этому лабиринту тьмы и удушающего жара, Мельморд шипел, учащенно дыша; ветви деревьев, стволы, заросли кустарника и ползучие стебли раска-

чивались и извивались. Но, не считая шипения, в лесу царила тишина — напряженная, выжидающая. И ничего живого: ни странников, ни темных тварей, что служат мордам, ни Идальч — книги секретов магии, которая дала жизнь им всем.

Брин шла, ведомая искоркой памяти, которую укрывала она глубоко внутри. Тихий невыразительный голос иногда пробивался в сознании: «Надо найти Идальч. Найти книгу черной магии». Время словно распалось на тысячу мелких кусочков и больше уже не имело значения. Сколько времени прошло с тех пор, как Брин вступила в Мельморд? Час? Или больше? У девушки возникло странное ощущение, будто она бродит здесь очень долго. Словно она всегда была здесь.

Далеко-далеко что-то сорвалось с утесов и полетело в темную яму долины. Брин почти физически ощущала это падение и слышала крик падающего существа — Мельморд сомкнулся вокруг него, сжимая, круша, поглощая... И Брин смаковала эту ужасную смерть, чувствовала даже вкус крови пожираемой твари. Чужой им твари. А когда все было кончено, Брин захотелось еще. Ей было мало.

А потом сквозь пьянящий восторг пробился предостерегающий шепот. Брин вдруг увидела Алланона — смутный образ из почти забытого прошлого. Друид не казался уже таким высоким и неприступным: он весь как-то согнулся, некогда черные волосы стали седыми, лицо избороздили глубокие морщины; и он тянулся к ней через черную пропасть, которую Брин не могла преодолеть, и слова его были как капли дождя на оконном стекле. Совсем рядом, но все же на той стороне.

«Берегись. Я еще не встречал ничего, что могло бы сравниться по силе с заклятием. Используй его осторожно».

Брин слышала слова, смотрела, как они растекаются, словно капли по стеклу, и вдруг поняла, что смеется над их бесполезным падением. Друид отступил и исчез.

«Он же мертвый, — с изумлением напомнила себе Брин. — Его больше нет. Он ушел из Четырех земель навсегда».

Она звала его обратно, как будто его возвращение должно было напомнить ей о чем-то очень важном, но почему-то забытом. Он вернулся, выступив из тумана, и шагнул через пропасть, разделяющую их. Сильная рука друида легла на плечо Брин. Решимость и мудрость светились в спокойном взгляде

де Алланона. Словно он и не уходил никуда. Словно он всегда был рядом.

«Это совсем не игра,— прошептал он.— Это — всерьез! Берись!»

Брин покачала головой.

«Я — та, кто спасает и разрушает,— прошептала она в ответ.— Но кто же я? Хотя бы теперь скажи мне! Скажи мне...»

А потом — точно рябь прошла по воде — сознание Брин всколыхнулось, и образ друида распался, а она вдруг вновь оказалась в Мельморде. Лес дрожал как-то тревожно, и в шипении его появились недовольные нотки. Он почувствовал мгновенную перемену в Брин и тут же насторожился. Она поспешила вернуться к тому существу, которое изобразила своей песнью. С новой силой мелодия заклятия разлилась по дебрям Мельморда, убаюкивая его, успокаивая. Тревога и недовольство исчезли.

Она вновь пошла вперед, в пустоту, позволяя Мельморду себя поглотить. Свет бледнел, тени сгушались вокруг. Дыхание леса будто бы участилось. Ощущение их глубокого родства, созданное песнью желаний, стало еще сильнее. Брин затаила дыхание, предчувствуя, что цель уже близка. То, что она искала,— здесь, совсем рядом. Словно жаркий ток крови, это чувство разлилось по всему телу, и голос Брин, выводивший мелодию песни желаний, зазвучал напряженно и радостно. Магическая сила песни пронзила сумрачную мглу, и Мельморд задрожал, отзываясь.

А потом дремучая чаща вдруг расступилась — Брин вышла на широкую поляну, со всех сторон окруженную сплетением зарослей темного леса. Почти теряясь во мраке, в самом центре поляны стояла каменная башня — древняя, наполовину разрушенная. Словно несколько круглых башенок громоздились одна над другой — голый, крошащийся камень их стен походил на иссохший скелет. Ни единого растения — ни вьюнка, ни травинки — не лепилось к угрюмой башне. Лес обходил ее стороной, словно прикосновение к ней означало смерть. Брин остановилась, глядя на башню. Песнь желаний обратилась в выжидающий шепот.

«Здесь! Сердце зла — оно здесь! Идальч!»

Завернувшись, точно в плащ, в свою магическую силу, Брин шагнула вперед.

Дверные створки, растрескавшиеся и покореженные от древности, провисли на проржавевших петлях и были слегка приоткрыты. Брин решительно шагнула внутрь. В древней башне царил полумрак: мутный сумеречный свет пробивался тонкими лучиками через многочисленные проломы и трещины в стенах. Пыль покрывала пол башни мягким серым ковром и поднималась рассеянными облачками, потревоженная шагами девушки. Зловоние и жар Мельморда остались снаружи, здесь было даже прохладно.

Брин замедлила шаги. Извилистый коридор уводил во тьму. Девушка настороженно оглянулась. Какая-то странная тревога побудила ее еще раз посмотреть на застывшую чашу леса, окружавшего башню.

Отмахнувшись от предчувствия близкой беды, Брин шагнула вперед. Все вокруг словно поплыло, магическая сила всколыхнулась внутри внезапным приливом жара. Брин прошла коридор, не обращая внимания на мгlistую дымку поднявшейся пыли. И даже не то чтобы не обращая внимания — она просто не воспринимала уже ничего, что происходит вокруг.

«Как странно, — вскользь подумала Брин, — вообще никаких следов, а ведь призраки-морды должны были пройти здесь хотя бы раз».

Но мысль эта тут же рассеялась в оцепеневшем сознании.

Коридор привел девушку к лестнице, и она пошла вверх — мучительно медленный, бесконечный подъем к центру башни. Какие-то шепоты раздавались во тьме — голоса, рожденные из самого воздуха, который вдыхала Брин. Они окликали ее, звали за собой. Тени смешались с мутным сумеречным светом, и все словно подернулось дымкой. Точно потерянный призрак, Брин скользила по выщербленным ступеням. Ей вдруг стало казаться, что ее всасывает в древний камень и она сливается с башней, как тогда — с Мельмордом. Да, она это чувствовала: медленно, постепенно тело ее растворялось, притягиваемое непонятной силой. Магическая мощь песни желаний творила это единение, тянулась к источнику зла, спрятанному где-то здесь, совсем рядом, и Брин беспрепятственно пробиралась туда, словно они действительно были одним существом...

Но вот лестница закончилась, и Брин встала на пороге похожего на пещеру круглого зала со сводчатым потолком — серого, сумрачного и пустого. Почти неподвластная уже воле девушки, песнь желаний сама собой обратилась в едва слышимый шепот — голоса в воздухе стихли.

Брин шагнула через порог, не сознавая уже, что делает ее тело. Ее как будто несло по течению. Тени отодвинулись от девушки, и Брин прищурилась, привыкая к свету. Зал вовсе не был пустым, как ей показалось сначала. Вот там, во мраке, какое-то каменное возвышение. И на возвышении — алтарь. Брин шагнула вперед и вновь остановилась. Что-то лежало на алтаре — большое, почти квадратное, обернутое во тьму, которая как будто исходила от самого странного предмета. Брин сделала еще шаг вперед. И тут же волна неистового возбуждения захлестнула ее.

Это была Идальч!

Брин еще не могла разглядеть книгу как следует, но знала уже, что это она. Идальч — сердце зла. Сила песни желаний сломала преграды и разлилась по телу раскаленными токами властной энергии.

Брин внутренне сжалась, точно змея, свернувшаяся в кольцо. Прорвавшись сквозь вихрь, разбушевавшийся в ее сознании, девушка решительно прошла через зал. Мелодия песни желаний обратилась вдруг в ядовитое шипение. Комната словно раздвинулась, стены расступились, утонув во мраке, а потом не осталось уже ничего — только книга. Брин поднялась по ступеням каменного возвышения и шагнула к алтарю, где лежала закрытой Идальч. Древней и истрепанной была волшебная книга, кожаный переплет сохся и потрескался, его медная обшивка окислилась и стала теперь зеленовато-черной — огромный толстый фолиант, который существовал в мире с самого его начала, молчаливый свидетель веков, что сменяли друг друга. А он оставался...

Брин склонилась над книгой, обводя взглядом кожаный переплет в необъяснимом предвкушении, смакуя свое ликование. Наконец-то она добралась до Идальч.

Брин склонилась еще ниже и положила ладони на книгу. «Дитя Тьмы».

Шепот пронесся в сознании девушки, и пальцы ее будто прилипли к тусклой медной обивке.

«Дитя Тьмы».

Песнь желаний сорвалась на шепот и замерла. Что-то сжалось в горле, не давая мелодии прорваться наружу. Брин даже не сразу поняла, что она сейчас сделала. Молча стояла она пред алтарем, прижимая ладони к волшебной книге. Голос метался в сознании судорожным эхом, и цеплялся, и стягивал, и обволакивал, так что девушка не могла даже пошевелиться.

«Я так долго ждала тебя, дитя Тьмы. Ты еще только родилась на свет, только вошла в этот мир, а я уже ждала тебя, наследница эльфийской магии. Мы всегда были связаны, ты и я. И узы эти крепче, чем узы крови и плоти. Сколько раз мы касались друг друга. Дух прикасался к духу. И хотя я не знала тебя и не ведала, кто ты и каков будет твой путь, зато я знала всегда: наступит день, когда ты придешь».

Голос был ровным и каким-то невыразительным, не мужским и не женским, а словно бесполом, принадлежащим им обоим одновременно или же никому из них. В том голосе не звучало ни единого чувства, ни единой ноты волнения — лишь пустота, шепот, лишенный жизни. Брин слушала этот мертвенный голос, и леденящий холод пробирал ее до самых костей. Где-то внутри ее прежнее «я», тщательно укрываемое и хранимое пока, в ужасе сжалось и отодвинулось еще глубже.

«Дитя Тьмы».

Брин обвела быстрым взглядом сумрак вокруг. Где он, хозяин зовущего голоса? Кто говорит с ней? Кто держит ее в невидимых тисках, так что нельзя даже пошевелиться? Взгляд девушки в ужасе застыл на древнем фолианте, который она сжимала в руках. Костяшки пальцев побелели от напряжения, и странное жжение передавалось ладоням от кожного переплета.

«Это я, дитя Тьмы. Я такая же, как и ты. Я тоже живая. Так было всегда. Всегда находился кто-то, кто давал мне жизнь. Кто-то всегда находился, кто отлавливал мне свою».

Брин открыла было рот, но не смогла произнести ни слова. Жар и жжение уже поднялись до локтей и растекались дальше.

«Так знай же: я — Идальч, книга черной магии, сотворенная в эпоху колдовства и чародейства. Я старше эльфов. Я и король Серебристой реки — древнее нас уже никого не осталось в мире. Нас, столь же древних, как само Слово. Тех, что создали меня, давно уже нет, они исчезли с земли. Без следа, вместе с волшебным миром. Когда-то я была лишь частью Сло-

ва, сокрытого от взоров и произносимого только во тьме. Я была лишь собранием тайн, хранителем темных секретов. И постепенно написанное обрело форму. Я стала такой, какая я есть: они разгадали секреты и вписали свои страницы — те, кому ведомы пути силы. Всегда находился кто-нибудь, кто знал цену силе. Моей силе. Их было много, дитя Тьмы, очень много. На протяжении веков я раскрывала свои тайны тем, кто хотел разделить их со мною. Я творила из них могущественных колдунов. Я давала им власть и силу. Но никогда еще не приходил ко мне никто, подобный тебе».

Слова отдавались шелчущим эхом, исполненным предчувствий и обещаний, и кружились в сознании девушки, словно шуршащие листья. Жжение разлилось теперь по всему телу, точно жар от громадной печи, заслонка которой распахнута настежь.

«Многие, многие приходили ко мне до тебя. Из друидов — Повелитель чародеев и еще другие, носящие знак Черепа. Во мне нашли они ключ к тем тайнам, к которым стремились давно, и стали такими, какими стали. Но сила, она принадлежала мне и только мне. Сила и власть. А потом проросли посеянные семена, и появились призраки-морды — эти изгой человечества. Но опять сила была у меня. Сила всегда у меня. Каждый раз оно здесь, во мне: высшее предвидение судеб мира и его созданий. И сила вершить эти судьбы. Каждый раз предвидение это обретало форму, творимую разумом тех, кто обращался к магической мощи, заключенной в моих страницах. Но каждый раз все шло не так, как предрекало предвидение, и творцы его — те, кто считал себя повелителем судеб, — проигрывали и теряли силу. Смотри, дитя Тьмы, я покажу тебе самую малую часть того, что могу. Что, только лишь пожелай, станет твоим безраздельно».

Руки Брин, уже не подвластные ее воле, сами открыли Идальч. Зашелестели пергаментные страницы, словно кто-то невидимый стоял за спиной у девушки и перелистывал их. Странные буквы, слова на чужом древнем языке — древнее, чем человечество, — загадочные письмена обратились в шелчущий голос, вкрадчивый, мягкий, и смысл таинственного текста вдруг стал понятен. Приподнялся занавес, где были спрятаны секреты великой силы, темной и страшной.

А потом голос пропал; девушка снова глядела на непонятные знаки, и только смутные воспоминания об изведенных ею тайнах еще дразнили, будоражили сознание. Страницы сложились, Идальч захлопнулась. Руки Брин (она так и не отпустила книгу) дрожали.

«Теперь ты видела. Но это лишь намек на то, что есть во мне. Сила, дитя Тьмы. Сила, по сравнению с которой жалкие потуги друида Броны и его приспешников просто ничто. По сравнению с которой мощь призраков-мордов теряет всякий смысл. Почувствуй, как эта сила течет в тебе. Почувствуй ее прикосновение».

Волна жара прошла по телу Брин. Девушке казалось (так иногда бывает во сне), что она разрастается до невероятных размеров и может объять и вместить в себя целый мир.

«Тысячи лет мною пользовались маги и колдуны. Еще тогда, очень давно, я все устроила так, чтобы это предопределило твою судьбу. Твою и твоих близких. Тысячи лет враги рода твоего призывали мою силу, стремясь уничтожить то, чего еще не было. Что должно было возникнуть в тебе. Вот почему ты сегодня пришла сюда: из-за меня. Это я сотворила из тебя то, что ты есть; я создала тебя. Вот причина всего. И во всем, что сейчас происходит, есть смысл, дитя Тьмы, и великий смысл. Разве ты еще не поняла? Загляни в себя».

Внезапно предостерегающий шепот пронзил сознание Брин, и она смутно припомнила ту высокую фигуру в черном плаще, седовласую, с пронзительными глазами. Кто-то ей уже говорил об этом. Об обмане и разрушении. Брин попыталась было ухватиться за ускользящее воспоминание, но никакого имени не пришло, и видение исчезло, замутненное обжигающим жаром, разлившимся по телу, и вкрадчивым эхом слов Идальч:

«Разве ты еще не поняла? Не поняла, кто ты? Неужели ты не видишь? Загляни в себя».

Голос оставался таким же холодным, бесчувственным и спокойным, но теперь в нем была настойчивость, которая разрывала на части мысли Брин. Зрение вдруг затуманилось, и девушка словно увидела со стороны то незнакомое, такое чужое существо, каким стала она, призвав магическую силу песни желаний.

«Теперь мы с тобой одно целое, дитя Тьмы. Ты ведь этого хотела. Тебе не нужна даже эльфийская магия, потому что ты —

та, кто ты есть и кем была всегда. Вот почему мы соединились. Эта связь рождена только магической силой, той, что делает нас такими, какие мы есть, ибо мы есть не что иное, как сила, заключенная в нас: твоя — в теле из плоти и крови, моя — в пергаментных страницах. Жизни наши сплетены друг с другом. И все, что было раньше, было лишь для того, чтобы теперь мы могли слиться уже нерасторжимо. Вот чего я ждала все эти годы».

«Ложь!» Слово вспыхнуло в сознании Брин, но тут же пропало. Девушка не знала, что делать, — она пребывала в полном смятении. Руки ее продолжали сжимать Идальч, словно отпустить сейчас книгу было для Брин равнозначно смерти. А потом девушка вдруг поймала себя на том, что находит слова этого призрачного голоса — голоса Идальч — в самом деле убедительными. Действительно, между ними была какая-то связь и было единение. Она — такая же, как Идальч. Может быть, даже часть ее или что-то очень близкое.

Друид. Брин звала его, пыталась вспомнить его имя, но воспоминания все время ускользали куда-то. Жгучий жар накатил яростной волной, сметая все, и вновь раздался этот голос:

«Все эти годы ждала я тебя, дитя Тьмы. С незапамятных времен. Но вот ты пришла ко мне, и теперь я твоя. И ты знаешь, что со мной надо сделать. Только шепни мне».

Словно алая пелена встала перед глазами Брин, и слова Идальч как бы сплелись воедино — в сгусток тьмы на красном фоне. Девушке хотелось кричать, но крик застрял в пересохшем горле.

«Только шепни, что со мной надо сделать».

Нет! Нет!

«Шепни мне, что надо сделать».

Слезы брызнули из глаз и потекли по щекам.

«Нужно использовать твою силу», — безмолвно ответила Брин.

Рон в ярости отвернулся и зашагал прочь от Круха. Он по-прежнему сжимал в руках черный меч Лиха с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Ладно, хватит. Мне это надоело, убери кога с дороги. Кимбер! — Рон вновь направился к лестнице, но Шелоточек только приподнял голову, и горец остановился.

Девушка опять беспомощно покачала головой.

— Я не могу, Рон. Пойми, у него есть на этот счет свое собственное разумение.

— Меня не волнует его «собственное разумение»! — взорвался Рон. — Он всего лишь животное, он не способен принимать такие решения! Все, я иду вниз. Нравится ему это — не нравится, я иду! Я не оставляю Брин одну в этой яме!

Приподняв меч, он двинулся прямо на Шепоточка. Неизвестно еще, чем бы все это кончилось, но вдруг скала содрогнулась. Дрожь шла снизу, из темных дебрей Мельморда. Толчок был столь сильным, что Рон с Кимбер едва устояли на ногах и поспешили отступить от края уступа.

— Что это? — обеспокоенно прошептал Рон. — Что происходит, Кимбер?

— Странники, я так считаю! — рявкнул Коглин за спиной у горца. — Вызывают свою черную магию, и, возможно, против девочки.

— Деда! — сердито воскликнула Кимбер.

Рон тоже в ярости повернулся.

— Знаешь что, старик, если с Брин что-то случится лишь потому, что этот кот держит меня здесь...

И горец вдруг замолчал. Какие-то тени скользили по Круху вниз, от серых стен Грани мрака, — ссутулившиеся, закутанные в плащи черные фигуры в бледном свете вечерних сумерек. В одну линию — друг за другом — неторопливо спускались они к уступу, где стоял Рон со своими друзьями.

— Морды! — выдохнул горец.

Шепоточек уже повернулся и припал к земле, приготовившись защищаться. Резкий вздох Коглина раздался громким хрипом в тишине.

Рон молча глядел вверх: бесконечной вереницей черные тени спускались по каменной лестнице. Их было много. Слишком много.

— Держись за мной, Кимбер, — тихо проговорил Рон. И поднял меч.

«Нужно использовать твою силу... использовать твою силу... использовать силу...»

Снова и снова слова повторялись в сознании Брин, сплетаясь в литанию убеждения, грозящую подчинить себе здравый

смысл. Лишь какое-то подобие благоразумия еще оставалось и взывало сквозь чарующие слова.

«Это черная магия, темная! Это зло — ты пришла сюда уничтожить его!»

Но книга словно прилипла к ладоням, и жжение, горячей волной разлившееся по телу, уже связало Брин с Идальч — и ничто теперь не могло разорвать эту связь. Голос вновь зазвучал, оплетая девушку паутиной слов:

«Что есть я? Лишь собрание мудрых учений, сохраненных в веках для того, чтобы смертные могли обратиться к ним и использовать в своих целях. Я не зло, не добро. Я лишь то, что я есть. Древняя мудрость, собранная и записанная на моих страницах, — вот она, здесь, для любого, кто жаждет знания. А я просто беру то, что дают мне те, кто приходит познать мои тайны. Я всего лишь их отражение. Подумай, дитя Тьмы. Подумай сама. Кто они, обращавшиеся к моим тайнам? Каковы были их цели? Чему служили они? Ведь ты же совсем не такая, как они».

Брин тяжело оперлась на алтарь, сжимая Идальч. «Не слушай! Не слушай!»

«Более тысячи лет мной владели твои враги. А теперь ты стоишь на их месте, и у тебя есть возможность воспользоваться мною так, как никто до тебя даже не пытался. Ты держишь в руках мою силу. Теперь ты владеешь секретами силы, которой столь многие пользовались неверно. Совсем неверно. Подумай, дитя Тьмы, что даст тебе эта сила. Что сможешь ты, обладая ею. Тем, что заключено во мне, ты можешь заново сотворить жизнь и смерть. Изменить что угодно. Подумай, как это будет чудесно, когда песнь желаний сольется с написанным словом — магическое с магическим. Только попробуй, и ты узнаешь, как это чудесно».

Но даже пробовать было не нужно. Брин и без того знала об этом. Ей довелось почувствовать это всем своим существом в песни желаний. Сила! Сила захлестнула ее волной сладостного восторга, и Брин упивалась им. Когда сила захватывала ее, Брин словно поднималась над миром и над всеми созданиями в нем. Если бы только она захотела, она могла бы собрать все воедино или наоборот — разметать, разрушить до основания. А теперь, если впитать в себя еще силу Идальч... Даже пред-

ставить себе невозможно, что она, Брин, сможет сделать... сможет почувствовать...

«И все это будет твоим. Все. Стань собой, дитя Тьмы, и сотвори этот мир заново. Таким, каким, ты знаешь, он должен быть. Ты сможешь многое сделать, и с тобой все будет как должно. Не так, как было с теми, кто приходил до тебя. У них не было силы, которая есть у тебя. Ты рождена эльфийской магией. Воспользуйся мной, дитя Тьмы. Узнай предел своей силы. И моей. Ты увидишь: им нет пределов. Соединись со мной. Только этого я ждала. И для этого ты пришла сюда. Так было нам предназначено. Изначально».

Брин медленно повела головой из стороны в сторону: «Я пришла сюда для того, чтобы уничтожить все это. Пришла, чтобы положить конец...» Что-то внутри как будто разбилось, разлетелось на тысячу мелких осколков, точно стекло, упавшее на камни. Наплыв яростного жара обжег Брин, и она вдруг почувствовала себя совершенно иным существом, заключенным, как в тюрьме, в этом чужом брэнном теле.

«Я дам тебе знание. Дам понимание всего. Смертным даже не снились такие глубины. С этим знанием ты можешь стать кем угодно, кем только пожелаешь. Вся жизнь в мире подчинится тебе, и ты переделаешь ее по-своему. По справедливости. Так, как должно быть. Уничтожь меня — и все, что есть во мне, пропадет впустую. Уничтожь меня — и уже ничто, что, быть может, появится после, не сравнится с утраченной силой. Моей силой. Сохрани все, что есть доброго, дитя Тьмы, и возьми себе».

«Алланон. Алланон...»

Но голос оборвал беззвучный крик Брин.

«Смотри, дитя Тьмы. То, что действительно нужно тебе уничтожить, — оно у тебя за спиной. Обернись и увидишь. Обернись».

Брин повернулась. Словно безмолвные призраки, какими, впрочем, и были они, странники выступили из теней — высокие, грозные, черные. Войдя в круглый зал, они нерешительно остановились при виде Брин, держащей в руках книгу черной магии. Шепот Идальч вновь зазвучал в сознании девушки:

«Твое заклятие, дитя Тьмы. Призови свою силу. Уничтожь их. Уничтожь».

Брин не раздумывала — она просто действовала. Прижав к себе Идальч — словно ограждаясь от мордов громадным томом, — девушка вызвала силу своей магической песни. Она хлынула, напоминая мощный поток, прорвавший плотину. Брин закричала. Песнь желаний разорвала сумрачную тишину башни; будто твердый, осязаемый предмет, звук пронесся во мраке зала и с сокрушительной силой обрушился на странников. Их просто не стало. Не осталось и горстки пепла — ничего.

Брин прислонилась к каменному алтарю. Внутри ее магическая сила песни желаний смешалась с силой книги.

«Почувствуй ее, дитя Тьмы. Почувствуй силу, что принадлежит тебе. Она наполняет тебя. И я — часть этой силы. Как легко покорить врагов, когда сила с тобой. Можешь ли ты теперь сомневаться в том, что будет? Нет, даже не думай. Все будет так, как должно быть. Теперь мы с тобой — одно. Возьми меня и пользуйся мной. Уничтожь черных призраков и других темных тварей, которые выйдут против тебя. Сделай так, чтобы я стала твоей. Вдохни в меня жизнь».

И все-таки что-то внутри, в самых глубинах души, пыталось еще противиться колдовскому голосу, однако тело Брин уже не принадлежало ей. Оно полностью отдалось силе магии, и Брин оказалась запертой в этой чужой оболочке. Она поднялась над собой, сквозь себя — новое, могучее существо, — и тот крохотный осколочек прежнего «я», который еще видел правду, остался где-то далеко-далеко и канул в черноту. Брин ощущала, что она разрастается, увеличиваясь в размерах. И вот уже стало казаться, что ей тесно в этом каменном зале. Как тут мало места! Но там, снаружи, — безбрежное пространство. Нужно выйти туда и заполнить его собою!

Долгий мучительный стон сорвался с губ Брин, и она протянула руки, высоко подняв Идальч над головой.

«Воспользуйся мной. Воспользуйся мной».

И внутри ее уже собиралась сила.

Глава 44

Поднимаясь вверх по выщербленным ступеням Круха, Джайр едва попевал за Слантером и Гаретом Джаксом. При этом долинца не покидало тягостное чувство, что каждый следующий шаг может стать последним. Тело ныло от напряже-

ния, боль в раненом плече стала невыносимой — силы были уже на исходе. Джайр задышался, каждый вдох отдавался пронзительной болью в легких, лицо покрылось испариной.

И все-таки долинец двигался вперед. Так было нужно.

Пока Джайр бежал, он смотрел только вверх, на ступени перед собой, сосредоточив все внимание на изгибах каменной лестницы. Долинец не видел, но сознавал, что кряжи Вороньего среза и угрюмая крепость Грань мрака остались теперь далеко внизу — серым размытым пятном в полумраке. Джайр сознавал, но не видел, как под утесом в долине сгущаются сумерки и туман. Краем глаза он ухватывал нечеткие силуэты выступов, трещин и валунов, с головокружительной быстротой проносящихся мимо, и тут же забывал о них. Теперь уже ничто не имело значения. Ничто, кроме подъема по бесконечной лестнице и того, что ждало его там, наверху.

Колодец небес.

И Брин. В водах колодца он увидит ее. Там он узнает, что стало с сестрой, и поймет, что ему нужно сделать, чтобы помочь ей. Король Серебристой реки обещал Джайру, что там он узнает способ, как вернуть Брин самой себе.

Задумавшись, юноша не заметил, как ступил на раскрошенную ступеньку. Он поскользнулся и упал, ободрав ладони о камень. Не обращая внимания на кровоточащие ссадины, Джайр быстро поднялся и поспешил вдогонку за Слантером и Гаретом Джаксом.

А те бежали, казалось, совсем без усилий — последние из их небольшого отряда, вышедшего несколько дней назад из Кулхейвена. Гнев и горечь нахлынули вдруг на долинца. Перед глазами заплясали разноцветные круги; на мгновение юноша остановился, чтобы перевести дух, и едва не упал от изнеможения. Но конец их пути был уже близко. Осталось совсем немного.

Резким изгибом Крух ушел вправо, и стена камня — вершина, куда поднимались путники, — встала вдруг перед ними, мрачная, застывшая на фоне серого неба. Лестница вела к черному входу в пещеру. Дюжины две ступенек — не больше.

Гарет Джакс вскинул руку, дав товарищам знак остановиться и ждать здесь, а сам быстро поднялся к вершине Круха и сошел с лестницы на скалистый уступ перед входом в пещеру.

Мгновение Мастер боя неподвижно стоял там, вырисовываясь тонкой черной тенью на фоне сумеречного неба.

«Словно и не человек вовсе, — внезапно подумал Джайр, — а что-то потустороннее, нереальное».

Наконец Гарет Джакс повернулся, его холодный взгляд уперся в лицо долинца. Мастер боя махнул рукой.

— Быстрее, мальчик, — пробормотал Слантер.

Они поспешно вскарабкались наверх и встали рядом с Гаретом Джаксом на выступе перед входом в пещеру. В пещере было мрачно, но не темно: сквозь многочисленные трещины в скале внутрь пробивался мутноватый, будто подернутый дымкой свет вечерних сумерек. Но там, куда не проникали лучи, тени казались гуще. Все замерло во мраке.

— Отсюда мы ничего не увидим, — пробурчал Слантер и шагнул было вперед, но Гарет Джакс остановил его.

— Подожди, гном, — проговорил он. — Там что-то есть... что-то там затаилось...

Голос его оборвался, и тишина окутала друзей — глухая, давящая. Даже ветер, волнующий туман в долине, внезапно замер. Джайр невольно затаил дыхание. Да, в пещере действительно что-то было. И ждало пока, не проявляя себя. Юноша чувствовал чье-то безмолвное присутствие.

— Гарет... — начал было он.

И вдруг от камней у самого входа отделилась какая-то тень — долинец похолодел. Тень бесшумно скользила во мраке. Такого они еще не видели. Это был не гном и даже не призрак-морд: крепкое существо, с виду похожее на человека, но голое и абсолютно безволосое, лишь вокруг чресл росла густая шерсть. Пальцы на руках и ногах заканчивались длинными, загнутыми когтями. Злобные желтые глазки смотрели прямо на путешественников, лицо, вернее, звериная морда, покрытая шрамами, расплылась в грозной усмешке; чудовище ощерило пасть, обнажив кривые зубы.

Выйдя на свет, существо остановилось. Оно было не черным, как морды, а рыже-красным.

— Что это? — прошептал Джайр, пытаясь побороть чувство невыносимого отвращения.

Джахир издал резкий крик — вой его прозвенел в тишине, словно зловещий смех.

— Долинец, это тот сон! — воскликнул вдруг Гарет Джакс, и какое-то дикое, странное выражение промелькнуло на его суровом лице. Мастер боя медленно опустил свой меч, пока острие его не коснулось камня уступа, а потом вновь повернулся к Джайру. — Поход закончен, — прошептал он.

Долинец непонимающе помотал головой.

— Гарет, что?..

— Сон! Ну помнишь, как-то ночью мы говорили с тобой о короле Серебристой реки? Еще был дождь. Я рассказал тебе о моем видении! Сон, из-за которого я и пошел с тобой на восток, долинец, — это он!

— Но в том сне было огненное существо... — Джайр запнулся. — Там был огонь...

— Огонь, да, оно так предстало — в образе огня! — перебил его Гарет Джакс и медленно выдохнул. — До нынешнего момента я еще иногда думал: вероятно, я просто чего-то не понял в том, что видел. Может, ошибся и все неверно истолковал. Но в том сне, когда я стоял перед огнем и голос, открывший мне, что нужно делать, затих, огонь вдруг закричал, словно он был живым. Крик, похожий на смех. Оно кричало сейчас — точно так же! — Его серые глаза горели. — Это та самая битва, долинец, которую мне обещали!

Джахир опустился на четвереньки и подбирался уже к выходу из пещеры. Гарет Джакс поднял меч.

— Ты хочешь сразиться с этим чудищем? — недоверчиво спросил Слантер.

Мастер боя даже не взглянул на гнома.

— Отойди.

— Идея, прямо скажу, не из лучших. Прямо-таки, извини, идиотская. — Слантер выглядел не на шутку испуганным. — Ты же совсем ничего не знаешь об этой твари. А если она ядовитая, как та, что напала на каллахорнца...

— Я не каллахорнец, гном, — процедил Гарет Джакс, не сводя напряженного взгляда с приближающегося Джахира. — Я — Мастер боя. И я никогда еще не проигрывал битву. Не забывай об этом!

Он холодно посмотрел на гнома и вновь обратил взгляд к Джахиру. Джайр шагнул было к Гарету Джаксу, но Слантер схватил юношу за плечо и почти грубо оттащил его назад.

— Нет уж, ты стой, — сердито проговорил гном. — Он хочет сражаться, вот пусть себе и сражается! Он никогда не проигрывал! Не забывайте, видите ли, об этом. Только вот разум свой он где-то забыл! Уж забыл так забыл!

Мастер боя скользнул навстречу Джахиру.

— Бери долинца, гном, — бросил он через плечо. — Идите в пещеру и ищите колодец. Как только оно бросится на меня, сразу бегите. Давай, гном, пошевеливайся. Вспомни клятву.

Джайр словно обезумел. Хельт, Форкер, Эдайн Элесседил — все они уже пожертвовали собой, чтобы он смог добраться до Колодца небес. И вот теперь — Гарет Джакс?

Но было уже слишком поздно. Джахир опять закричал и кинулся на Гарета Джакса, пытаясь поддеть его когтями. Но Мастер боя метнулся в сторону, точно и вправду был неуязвимой тенью, на которую так походил. Меч взметнулся и вонзился в Джахира — раз, второй — так стремительно, что взгляд едва успевал за движением клинка. Джахир взвыл и отпрянул назад, собираясь для нового броска.

Гарет Джакс повернулся к друзьям — лицо его пылало, глаза горели возбуждением.

— Беги, Джайр Омсфорд! — прокричал он. — Когда оно снова набросится на меня, ты беги!

Слантер уже тащил юношу за собой. Гнев и досада разрывали долинца. Он никуда не пойдет!

— Мальчик, мне, знаешь ли, налоело с тобой препираться! — в ярости завопил гном.

Снова Джахир рванулся в атаку, и снова Гарет Джакс увернулся от, казалось бы, неминуемого удара — поднятый меч тускло сверкнул. Но все-таки в этот раз Мастеру боя не хватило буквально какой-то доли секунды. Когти Джахира полоснули его по руке, пропоров и рукав, и кожу. Джайр закричал, вырываясь от Слантера.

И тут гном резко повернул юношу и ударил. Удар пришелся прямо по подбородку. Ослепительный свет вспыхнул перед глазами долинца, а потом все вдруг стало черным.

Последнее, что запомнил Джайр, — это то, как он упал.

Когда Джайр снова пришел в себя, он лежал на камнях, а Слантер стоял рядом с ним на коленях. Гном тут же попытался усадить долинца и принялся трясти его.

— Поднимайся, мальчик! Вставай!

Голос гнома звучал сердито и даже гневно. Джайр быстро поднялся на ноги. Теперь они были уже глубоко в пещере. Полулучается, Слантер притащил его сюда. Долинец недоверчиво огляделся. Слабый свет пробивался из трещин сверху, едва рассеивая кромешный мрак.

Гном раздраженно повернул юношу лицом к себе.

— Ну и что ты пытался там показать?

Голова шла кругом — долинец еще не пришел в себя.

— Не мог же я так вот позволить ему...

— Тоже мне, спаситель нашелся, — оборвал его Слантер. — Наверняка собирался опять показать свои штучки? Да ты вообще, что ли, ничего не соображаешь? Нет, ты точно не соображаешь. Совсем ничего! Что, ты думаешь, мы тут делаем? В игрушки играем? — Гном уже не на шутку рассердился. — Мы все давно уже сделали выбор, мальчик! Как нам жить и как умирать! И не тебе это менять! Нет у тебя такого права! Все остальные погибли, потому что так было нужно! Они сами пошли на это. И ты думаешь почему?

Долинец покачал головой.

— Я...

— Ради тебя! Потому что все они верили в то, для чего ты шел сюда, — все как один! Даже я... — Слантер запнулся и порывисто вздохнул. — Ну и что бы получилось, кинься ты спасать его? Ты бы погиб на месте, и все. Вышло бы здорово, ничего не скажешь! А главное — умно! — Гном рывком повернул долинца и подтолкнул его вперед, во тьму пещеры. — Все, нам надо спешить! Что я учу тут тебя прописным истинам, которые ты и так должен знать, — только время теряю. Я единственный, кто еще остался, и, напорись мы сейчас на странников, от меня тебе помощи, сам понимаешь, немного. Вот остальные — те действительно были защитники и за мной присматривали так же, как за тобой!

Долинец шагнул было вперед, но вдруг резко остановился.

— Что стало с Гаретом, Слантер?

Гном мрачно покачал головой.

— Он сражается в обещанной ему битве, как и хотел. — Слантер опять подтолкнул Джайра, не давая ему останавливаться. — Быстрее ищи свой колодец, мальчик. Найди его и делай, что должен делать. Чтобы все это безумие было не напрасно!

Вспыхнув от стыда, Джайр побежал вперед. Он понял теперь, почему Слантер так рассердился. И гном был прав. Он, Джайр, действовал не подумав. Ведь друзья ради него отдали все, только чтобы он добрался сюда. Да, намерения долинца были благими, а вот рассудительности ему явно не доставало.

Вдруг мрак впереди расступился — свет заходящего солнца бледным потоком лился сквозь широкую трещину в скале. И прямо под трещиной, в мягком полумраке, пузырились черные воды, собираясь в широком резервуаре, — подземные воды, каким-то непостижимым образом поднявшиеся сквозь тысячи футов камня сюда, в пещеру на самой вершине утеса. Бурля и пенясь, вода стекала сквозь щель на одной стороне резервуара в узкий желоб, а потом изливалась через пролом в скале вниз, в ущелье. И там поток начинал свой долгий путь на запад, чтобы стать Серебристой рекой.

Гном и долинец настороженно приостановились, вглядываясь сквозь полумрак и дымку водяных брызг в темные уголки пещеры. Все было тихо, только вода бурлила, поднимаясь из каменного колодца, — черный поток, пропитанный ядом. Мерзкий запах Мельморда удушающей пеленой висел в воздухе.

Джайр медленно направился вперед, не сводя глаз с темного водоема — Колодца небес. Таким неправильным казалось ему теперь название, таким неподходящим для этих вонючих отравленных вод.

«Теперь уже нет ни Колодца небес, ни Серебристой реки», — подавленно думал долинец.

И вдруг испугался: а сможет ли магия короля уничтожить страшный яд и вернуть этим водам их первозданную чистоту? Джайр достал из-за пазухи кошелек с Серебряной пылью, медленно развязал его и заглянул внутрь. Обыкновенный песок.

А если это и есть песок?..

— Не теряй времени! — рявкнул Слантер.

Джайр встал на самом краю водоема: слизь забила колодец, вонь от воды поднималась ужасная. Нет, это не может быть просто песком! Не может быть! Юноша собрал всю свою волю, пытаясь побороть страх, и подумал о Брин...

— Бросай! — сердито проорал Слантер.

Джайр вскинул руку, широко рассыпая Серебряную пыль над мутной поверхностью отравленных вод. Крупинки песка разлетелись в воздухе и вдруг вспыхнули, точно искорки, и за-

мерцали в бледном свете. Когда пыль коснулась воды, весь темный колодец, казалось, взорвался холодным серебряным огнем. Джайр и Слантер невольно отпрянули, закрывая руками глаза, — мерцающее сияние почти ослепило их.

— Магия! — воскликнул долинец.

Воды Колодца небес зашипели, заволновались и мощным фонтаном вдруг устремились вверх, обдав друзей дождем искрящихся брызг. А потом из этого ливня бурлящей воды родился поток чистого, свежего воздуха. Гном и долинец застыли в благоговейном страхе. Снова чистые и прозрачные, воды Колодца небес пузырились в каменной чаше резервуара. Ядовито-черный оттенок и мерзостное зловоние исчезли без следа. Серебристая река стала вновь чистой и свежей.

Джайр быстро снял с шеи цепочку с кристаллом видения. Он больше не сомневался. Долинец шагнул вперед и встал на краю каменного уступа, нависающего над колодцем. Король Серебристой реки сказал ему, что нужно делать, чтобы спасти Брин. Четко и ясно слова его вновь прозвучали в сознании Джайра.

Сжимая кристалл, юноша как зачарованный глядел вниз, на прозрачную воду. Точно смытые чистым потоком, боль и усталость исчезли.

Джайр размахнулся и бросил кристалл в середину колодца. Как только камень коснулся воды, ослепительная вспышка озарила пещеру и самый воздух, казалось, взорвался белым огнем. Джайр в испуге упал на колени, у него за спиной раздался хриплый крик Слантера, и на какое-то мгновение юноше показалось, что все получилось неправильно, не так, как должно было быть. Но потом воды колодца впитали свет и вновь стали спокойными и прозрачными, словно стекло.

Образ возник на зеркальной поверхности вод; сначала — искрящийся и неуловимый, точно ускользающее видение, он как будто сгустился, обретя четкость. Комната в каменной башне, погруженная в мутный полумрак. И во всем в этой комнате, похожей на сумрачную пещеру, ощущалась какая-то подавленность — почти осязаемый гнет. Джайр невольно отпрянул: комната, казалось, разбухала, расширялась, втягивая юношу в себя.

А потом появилось лицо сестры...

Брин Омсфорд вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Взгляд, в одно мгновение охвативший все, чем была она и чем еще только станет. Внимательный, ищущий взгляд — он, казалось, тянул ее к себе. Сила Идальч уже наполнила ее, окутав плотными слоями, но Брин все же почувствовала этот взгляд и подняла глаза.

— Отойди от меня! — прорычала она. — Я — дитя Тьмы!

Но та часть прежней Брин, которой еще не коснулась разрушительная магическая сила, — она узнала этот взгляд и тянулась навстречу ему, взывая о помощи. Мысли, запертые в самых глубинах сознания, вырвались вдруг из оков и заметались, точно беспомощные овечки, ищущие спасения от голодных волков. Брин задрожала от ярости. Она удержала эти кричащие, беспокойные мысли, не давая им разбежаться и спрятаться где-то, чтобы потом донимать ее своим визгом, — удержала и раздавила одну за другой. Ее детство, дом, родные, друзья — жалкие крохи того существа, кем была она до того, как узнала, кем может быть, — она раздавила все это в себе. Спокойно. Безжалостно.

А потом закричала — голос прорвался стоном мучительной боли. Даже древние стены темной башни вздрогнули от этой пронзительной силы страданий. Что она сделала? Теперь внутри была только боль, порожденная этим ужасным деянием. Восприятие мира вернулось на долю секунды, и Брин как наяву услышала эхо пророчества Угрюма-из-Озера. Да, это правда: она пришла в Мельморг найти свою смерть — и уже нашла ее! Только это совсем не та смерть, к какой готовилась Брин. Смерть не тела, но духа, пойманного в ловушку магии! Смерть своего «я», которое она сама теперь уничтожает! Она, Брин, уничтожает себя!

И все же, даже после такого ужасного откровения, девушка не смогла разжать руки и отпустить Идальч. Брин уже полностью погрузилась в поток чарующей силы, который все прибывал и разливался внутри ее существа, словно воды великой реки перед мощной плотиной. Пальцы сами сжимали книгу — казалось, они намертво приросли к ней, — и холодный, бесстрастный голос шептал, маня, обещая. Боль забылась, ушла. Ищущий взгляд исчез, заблудившись во тьме. Остался лишь голос. И Брин слушала, слушала его шепот — просто уже не могла не слушать, — и мир постепенно раскрывался перед ней...

На уступе над Колодцем небес Джайр невольно попятился от образа на воде. Действительно ли это была Брин? Отгоняя охвативший его страх, долинец заставил себя смотреть на видение, появившееся перед ним на поверхности источника. Да, это была сестра. Но во что обратилась она? В едва узнаваемое, искаженное подобие того человеческого существа, которым была когда-то. Вот о чем говорил король Серебристой реки: она потеряла себя.

И Алланон! Где Алланон? И где сейчас Рон? Неужели они не смогли спасти ее? Неужели у них ничего не вышло, как не вышло и у него — слишком поздно добрался Джайр до Колодца небес.

Долинец и сам не заметил, что плачет. Да, вот оно и случилось. Именно так, как предрекал старик. Неизбывное отчаяние переполнило юношу. Он — единственный, кто еще остался. Алланон, Брин, Рон, его друзья, отряд из Кулхейвена, — больше нет никого.

— Мальчик, что ты там возишься? — услышал долинец нервный голос Слантера. — Давай-ка слезай оттуда. Пора уже соображать...

А дальше Джайр уже не слышал. Он сосредоточил все внимание на видении в водах Колодца небес. Это все-таки Брин. Каким бы искаженным ни был сейчас ее образ, это — Брин. Брин, спустившаяся в Мельморд, притянутая Идалъч, колдовской книгой, Брин, попавшая под власть черной магической силы, которую пришла уничтожить.

И он должен идти к ней. Даже если уже слишком поздно, он должен попытаться спасти ее.

Джайр поднялся на ноги, вспомнив о последнем даре короля Серебристой реки: «Один только раз сила твоей песни создаст не иллюзию, но реальность».

И, отбросив нерешительность, отчаяние, отвращение и страх, долинец запел. Мелодия песни желаний разлилась в безмолвии пещеры, растекаясь в тишине, захлестнув протестующий крик Слантера.

Боль и усталость долинца растворились в страстном призыве, сметенные силой желаний. Снова вода замерзала, пещера озарилась ослепительно белым светом, и Колодец небес взорвался фонтаном сияющих брызг.

Ослепленный и оглушенный, Слантер отпрянул. А когда зрение наконец вернулось и гном вновь поглядел на каменный выступ, Джайр Омсфорд исчез в блистающем свете.

Глава 45

Было мгновение, когда Джайру вдруг показалось, что он как бы вышел за пределы себя самого. Он находился внутри этого белого света и в то же время — где-то вовне. Точно бесплотный дух, прошел он сквозь пространство и камень, и мир бешено завертелся вокруг. Образы — мимолетные, едва уловимые — возникали из этого взвихренного кружения. Вот Слантер застыл, потрясенно глядя на пустой выступ, где только что стоял он, Джайр. Вот Гарет Джакс сошелся в смертельной схватке с красным чудовищем, лицо Мастера боя горит свирепой решимостью, а сам он изранен, весь в крови. Гномы-охотники в полном смятении мечутся по коридорам Грани мрака, разыскивая беглецов, которые все-таки ускользнули от них. В сторожевой башне у опускных ворот Хельт лежит бездыханный, тело его пронзено копьями и мечами. Форкер и Эдайн Элесседил, окруженные со всех сторон...

«Хватит!»

Джайр прокричал это слово, словно вырвал застрявшую ноту из мелодии песни желаний, и образы тут же исчезли. Юноша падал, скользя по гладкой поверхности крика. Он должен добраться до Брин!

Откуда-то снизу поднялись сплетенные дебри Мельморда. Джайр видел, как вздымалась и опадала черная масса леса, точно живое — громадное, страшное — существо, слышал звук его дыхания, это зловещее шипение. Долинец падал, мимо размытым пятном проносились серые стены скал, и лес из долины тянул свои руки-ветви, чтобы поймать и поглотить его. Панический страх вдруг охватил юношу. А потом Джайр погрузился в Мельморд; зияющая утроба леса сомкнулась вокруг — туман и зловоние окутали юношу, и все исчезло.

Долинец медленно приходил в себя. Голова раскалывалась, темнота пеленой застилала глаза. Джайр моргнул, и вернулся свет. Юноша уже не падал сквозь вихрь мелодии песни желаний и не погружался в сумрачные дебри Мельморда. Он при-

шел. Теперь его окружали каменные стены башни, которую он увидел в водах Колодца небес, — древние, крошащиеся стены. Теперь он, Джайр, сам стал частью видения, частью призрачной картины.

— Брин! — хрипло прошептал он.

На зов повернулась фигура, окруженная тенями и мутно-серым свечением, — тонкие руки крепко сжимали огромную книгу.

Брин — искаженное отражение той девушки, которой когда-то была она. Черты ее перекошены почти до неузнаваемости. Ее изысканная красота, нежная, трепетная фигура словно затвердели, огрубели, обратив девушку в подобие каменного изваяния. Брин была точно призрак во тьме: мертвенно-бледный, сгорбленный и иссохший. Отчаянный ужас охватил Джайра. Что с ней сделали?

— Брин? — снова позвал он, и голос долинца дрогнул.

Брин, захваченная потоком ужасающей силы Идальч, которая текла сквозь нее и сплеталась с магической силой песни желаний, едва сознавала, что там, в дальнем конце зала, кто-то стоит, какая-то одинокая фигура во мраке. И он, кажется, звал ее — такой тихий, такой знакомый зов. Брин потянулась сквозь пелену темной силы, волнующейся вокруг, потянулась к глубинам, где еще оставался рассудок, — и память внезапно вернулась.

«Джайр! О проклятье, ведь это — Джайр!»

Но темный поток вновь стужился, сомкнулся вокруг, отрезая ее от мира. Сила хлынула сквозь нее, смывая память и способность узнавать, неся Брин обратно к тому существу, которое сотворила она из себя. Подозрения и сомнения скрутили сознание, пустой, мертвый голос Идальч предостерегающе зашептал:

«Он есть зло, дитя Тьмы. Обман, вызванный призраками. Не подпускай его. Уничтожь его».

«Нет, это Джайр... он пришел... непонятно как, но пришел... Джайр...»

«Он отберет у нас силу. Нашу силу. Он нас погубит».

«Нет, Джайр... он пришел...»

«Уничтожь его, дитя Тьмы. Уничтожь».

Брин не могла больше сопротивляться. Она слалась, и голос ее разнесся пугающим воплем. Но Джайр успел заметить,

как в глазах сестры вдруг вспыхнула ненависть, и метнулся в сторону. Словно щит, выставил он свою песнь и как будто выскользнул из себя, оставляя на месте, где только что был, свой образ. Но даже при помощи магии ему еле удалось избежать удара. Взрыв звука, вырвавшегося из горла Брин, разметал оставленный Джайром образ, даже стена за ним треснула — пыль и обломки камней разлетелись в полумраке, древняя башня содрогнулась от силы удара. Волна разрушительного крика швырнула Джайра на каменный пол. Кажется, на какую-то долю секунды он потерял сознание.

Долинец медленно поднялся на колени и настороженно припал к полу, скрытый завесой пыли, носящейся в воздухе. До настоящего момента он был уверен, что использует третий дар короля так, как нужно. Но сейчас эта уверенность поколебалась. Когда он видел Брин в водах Колодца небес, все было ясно. Джайр знал, что должен идти к ней. Но вот он здесь, и что делать теперь? Как и предсказывал король Серебристой реки, Брин потеряла себя. Поглощенная темной магической силой Идальч, сестра превратилась в нечто... чужое, ужасное, неузнаваемое. Но и это еще не все: ибо не только Брин изменилась так страшно, но изменилась и сила ее песни. Она наполнилась теперь сокрушительной мощью, обратилась в чудовищное оружие, которым Брин ударила по нему, брату, не узнавая его, уже не помня, кто он. И как же помочь ей, если сестра явно намерена уничтожить его?

Однако у Джайра не было времени на раздумья. Он быстро поднялся на ноги. У Алланона, наверное, достало бы силы, чтобы выстоять против подобной мощи. Рону хватило бы ловкости уклониться. Отряд из Кулхейвена, вероятно, смог бы одолеть ее численным превосходством. Но никого из них больше нет. Никого, кто мог бы встать рядом с ним. Надеяться не на что — лишь на себя.

Джайр осторожно пробирался сквозь завесу пыли и каменной крошки. Он уже понял: чтобы спасти Брин, надо что-то придумать и заставить ее отпустить Идальч.

Пыль осела, темной тенью из мрака всего в дюжине ярдов от Джайра возникла фигура Брин. Долинец запел. Звук запульсировал, точно кровь в висках, дрожа в тишине мелодией тихой мольбы.

«Брин, — звала песнь. — Книга такая тяжелая. Отпусти ее, Брин, тебе станет легче. Брось ее!»

На мгновение Брин опустила руки, склонив голову, будто в сомнении. Джайр замер. Казалось, мольба подействовала и Брин вот-вот отпустит Идальч. Но вдруг на исхудавшем мрачном лице сестры вспыхнула дикая ярость, ее крик разорвал самый воздух на тысячу мелких осколков звука и сокрушил песнь Джайра.

Долинец опшатнулся. Он попробовал снова, на этот раз вызвав иллюзию огня, — шипение его песни растеклось языками пламени по переплету древней книги. Словно раненый зверь, закричала Брин и еще крепче прижала книгу к себе, как будто хотела собственным телом потушить огонь, испепеляющий Идальч. Она повернула голову, и глаза ее сверкнули во тьме. Теперь Брин искала взглядом его, Джайра. Юноша похолодел: сейчас она увидит его, призовет свою новую силу и уничтожит. На этот раз — уже уничтожит.

Долинец снова изменил мелодию. Теперь густой дым закружился по залу, но Джайр понимал: эта иллюзия обманет сестру лишь на пару мгновений. Он осторожно скользил вдоль стены круглого зала, пытаясь подступить к сестре с другой стороны. Джайр снова пел, вызывая у Брин ощущение тьмы — абсолютной, непроницаемой. Он должен действовать быстрее, чем она. Должен выбить ее из равновесия.

Словно призрак, метался долинец во мраке башни, пытаясь добраться до Брин с помощью всего, что он только знал: жара и холода, тьмы и света, боли и гнева. Дважды хлестала она вслепую своим заклятием — ожесточенными порывами силы, которые оглушали Джайра, сбивая с ног, но пока не причиняя вреда. Казалось, Брин была в смятении. Почему-то она колебалась, как будто никак не могла решить, стоит ли применить всю свою новую силу в полной мере. Но все-таки, несмотря ни на что, она прижимала к себе Идальч, что-то беззвучно шепча ей, с таким отчаянием цепляясь за древний том, словно бы в нем и только в нем был источник ее собственной жизни. Как Джайр ни старался, что бы ни делал, но заставить сестру бросить книгу он не мог.

Юноша начал уставать. И неудивительно: ведь сначала ему пришлось с боем прорываться к Колодцу небес — и он был ранен, — а потом петь, ни на миг не умолкая. Напряжение ска-

зывалось: силы быстро покидали его. К тому же у Джайра не было такого могучего союзника, как у Брин, — силы черной магии Идальч. У Джайра была лишь его решимость. И он боялся, что одного этого недостаточно. Но пока он еще держался: скользил в полумраке, скрываясь в тенях, пробуя все известные ему уловки, чтобы пробить оборону сестры. Дыхание его было прерывистым и хриплым: силы были уже на исходе.

Джайр не знал, что делать. В полном отчаянии создал он образ Алланона, как тогда, в Кулхейвене, перед Советом карликов-старейшин. Из мглистой дымки и черных теней сплел он фигуру друида — суровую, властную. Одна рука протянута вперед в повелительном жесте. «Отпусти книгу, Брин Омсфорд! — прозвучал убеждающий голос. — Брось ее!»

Девушка слегка отступила, прислонившись спиной к алтарю, по лицу промелькнула тень узнавания. Губы ее задрожали, что-то горячо шепча Идальч, словно Брин предостерегала о чем-то. А потом выражение узнавания исчезло. Девушка высоко подняла книгу над головой, и песнь ее зазвенела воплем неукротимого гнева. Образ Алланона рассеялся.

Джайр отпрянул, отгородившись чарами, делающими его невидимым. Он начинал отчаиваться. Неужели Брин теперь ничем не поможешь? Неужели ничто не вернет ее? Что ему делать? Юноша лихорадочно соображал, пытаясь вспомнить слово в слово то, что сказал ему старик: «Брось кристалл видения следом, и тебе будет дан ответ». Но какой ответ? Что он видел? Он испробовал уже все, что можно. Исчерпал все известные иллюзии — и ничто не помогло. Что же теперь остается?

Он вдруг словно запылся о слово. Иллюзии! Не иллюзия — но реальность!

Теперь Джайр знал ответ.

Это было ужасно: призраки-морды атаковали — красный огонь взорвался вокруг Рона, отлетев от черного клинка меча Лиха. Странники замерли на мгновение на каменных ступенях — сплошная линия черных фигур на изгибах Круха. Утесы и крепость вверху, окутанные туманом и дымом, выступали на сером фоне бледнеющего вечернего неба размытыми пятнами тени. И пятнами тени казались морды. С полдюжины черных рук поднялось, как по команде, и алое пламя метнулось к гор-

цу, отбросив его назад силой удара. Кимбер припала к камням, закрывая лицо от жара и разлетевшихся обломков. Шепоточек, съжившийся у лестницы, пронзительно зашипел в дикой ненависти и вдруг сделал выпад в сторону черных фигур, спустившихся уже почти к самому выступу.

— Коглин! — в отчаянии проревел Рон, пытаясь разглядеть старика сквозь стену огня и дыма.

Морды медленно приближались. Их было слишком много; сила их темной магии — слишком велика. Одному Рону не выстоять против них.

— Коглин! Черт тебя побери!

Прямо перед горцем из мрака возникла фигура в черном плаще, струи огня били из обеих рук. Рон взмахнул мечом, клинок вонзился в пламя и отразил его. Но странник был совсем рядом, его голос разнесся зловещим скрежетом, перекрывая грохот взрыва. Казалось бы, все потеряно. Но тут Шепоточек стремительно вырвался из своего укрытия, набросился на темную тварь и отшвырнул ее от горца. И кот, и морд кувырком полетели в фонтан огня и дыма и пропали из виду.

— Коглин! — в последний раз прокричал горец.

Внезапно старик появился рядом, выступил, пошатнувшись, из клубов дыма, — его всклокоченные седые космы разметались во все стороны.

— Держись, чужеземец! Сейчас эта черная мерзость увидит настоящий огонь. Который уж жжется так жжется!

С безумным воем старик швырнул пригоршню каких-то кристаллов в самую гушу мордов. Камни сверкнули, точно кусочки вулканического стекла, рассыпаясь среди черных фигур и сгустков алого пламени. Тут же они взорвались, и поток ослепительного белого огня взметнулся к небу. Грохот, подобный раскатам грома, прокатился по скалам — целый виток Круха рассыпался в пыль и обрушился вниз, увлекая с собой призраков-мордов.

— Горите теперь, черные твари! — ликующе завопил Коглин.

Но разделаться с черными странниками было не так-то просто. Словно темные тени, восстали они в клубах дыма и каменном крошewe, из скрюченных пальцев лился алтый огонь. Пламя охватило Коглина, он закричал и пропал в ревушем огне. Плотным кольцом пламя мордов окружило Рона и Кимбер,

черные странники бросились на них. Выкрикивая боевой клич своих предков, горец вонзил черный меч наугад — в самую гущу врагов. В то же мгновение два морда рассыпались пеплом, но остальные наступали. И вот когтистые пальцы сомкнулись на черном клинке и потянули его к себе... А потом морды были уже повсюду.

Измученная постоянным напряжением мощного потока магической силы, переполняющей ее тело, сбита с толку противоречивыми чувствами, что терзали ее, буквально разрывая на части, Брин застыла у каменного алтаря, прижимая к себе Идальч. Зал погрузился в полумрак, пыльная дымка заволокла все кругом. И эта тварь была еще здесь, насмеялась над ней, дразнила — тварь, принявшая облик Джайра, ее брата. Брин горела теперь только одним желанием: скорее найти ее и уничтожить, но, похоже, она не могла этого сделать. Сила, что бурлила внутри, была незавершенной, будто два потока текли совсем рядом, но никак не хотели слиться в один — неукротимый, великий поток. Брин ведь уже понимала: она с Идальч — одно. Вот и голос шептал об этом — о силе, принадлежащей им обоим. Почему же тогда ей, Брин, так трудно нести в себе эту силу?

«Ты борешься с ней, дитя Тьмы. Ты еще сопротивляешься. Откройся, отдайся ей».

Воздух как будто взорвался вокруг, магическая сила этой зловредной неуловимой твари пронзила и мрак, и завесу пыли, и дюжины образов брата переполнили зал. Везде, куда ни глянь, возникали эти обманные образы, скользили сквозь мгlistую дымку к возвышению и звали. Звали ее по имени. Брин невольно попятилась.

«Джайр! Ты действительно здесь? Джайр?..»

«Все они — зло, дитя Тьмы. Уничтожь их. Уничтожь».

И, покорная голосу Идальч, — хотя что-то в глубине души шевельнулось, предостерегая: «Это неправильно, совершенно неправильно!» — Брин, точно кнутом, хлестнула по образам своей силой. Песнь желаний разлилась по залу. Один за другим таяли призрачные образы. И это было так, словно она каждый раз убивала Джайра. Призрак за призраком, смерть за смертью. Но образы все-таки подступали, еще не разрушенные, — смыкались, закрывая бреши, тянулись к ней, прикасались...

А потом она закричала. Ее обнимали руки, живые и теплые руки из плоти и крови. Джайр был рядом. Касался ее, прижимал к себе. Настоящий, не призрачный, Джайр. Живой человек. И он говорил с ней сквозь музыку песни желаний. Вихрь видений промчался в сознании Брин: вот они, брат с сестрой, совсем еще маленькие дети... А вот они уже повзрослели... Все, что было в их жизни, пронеслось теперь перед мысленным взором Брин чередой ярких образов. Тенистый Дол — маленькая деревенька среди лесов. Деревянные домики, каменные, просто хижины, крытые золотистой соломой... Вечер. Люди собрались вместе за ужином. Семьи, друзья... Тихие радости дружеского общения, когда все так спокойно, хорошо. Мягкий свет свечей и масляных ламп на постоялом дворе Омсфордов — зал наполнен смехом и приглушенным гулом беседы... Их дом, темный сад. Осенние краски приглушены бледным светом вечерних сумерек... Строгое лицо отца, его добрая улыбка. Мама гладит Брин по щеке. Рон Лих. Все ее друзья. И еще... Все, что было отнято у Брин и так безжалостно раздавлено ею самой, теперь возвращалось. Образы, исполненные доброты и любви, живым потоком текли сквозь нее, очищая душу. Плача, упала девушка в объятия брата.

Голос Идальч словно ударил наотмашь:

«Уничтожь его! Уничтожь! Ты — дитя Тьмы».

Но теперь Брин уже не подчинилась этому мертвому голосу. Захваченная потоком образов, хлынувших вдруг из тайных закоулков памяти — памяти, казалось, утраченной уже навсегда, — Брин обрела себя, возвращалась к себе. Теперь она снова была собою. Оковы магии, державшие ее, упали — девушка освободилась.

Голос Идальч неистово, точно в агонии, зашептал:

«Нет! Не отпускай меня! Держи меня крепче! Ты — дитя Тьмы».

«Дитя Тьмы? Никогда!» Теперь Брин почувствовала это всем своим существом, словно паутина лжи вдруг разлетелась, сметенная сильным ветром — свежим, живительным ветром. Она не дитя Тьмы!

Лицо Джайра поднялось будто из густого тумана. Его черты на мгновение расплылись, а потом вновь обрели четкость. Он тихо говорил ей:

— Я люблю тебя, Брин. Очень люблю.

— Джайр,— прошептала она.

— Пора сделать то, зачем ты пришла сюда, Брин, то, что тебе поручил Алланон. Делай это быстрее.

В последний раз подняла девушка над головой волшебную книгу — Идальч. Она, Брин, не дитя Тьмы, и книга вовсе не тот слуга и союзник, которым хотела представиться ей. Брин будет теперь повелевать ее силой? Нет, книга лгала! Ни единому смертному никогда не стать повелителем темной магической силы — только ее рабом. Живая плоть и человеческий разум не могут на равных соединиться с ней: какими бы чистыми ни были замыслы, колдовская сила обернет все по-своему. И в конце концов уничтожит того, кто возомнит себя ее господином. Теперь Брин поняла это и вдруг почувствовала, как страх, точно невидимое излучение, исходит от книги. Идальч — живая, она может думать и ощущать; ну и пусть! Ведь Идальч чуть не погубила ее. Она могла бы разрушить ее существо, иссушить ее жизнь — как было уже не раз, ведь сколько жизней за тысячи лет погубила эта черная сила! — она могла бы обратиться к Брин, в такую же темную, мерзкую тварь, как странники, как слуги Черепа, как сам Повелитель чародеев. Она подчинила бы Брин себе, и зло снова двинулось бы на Четыре земли, неся с собой Тьму, убивая Свет...

Тошнота подступила к горлу, и Брин с силой отшвырнула книгу. С грохотом Идальч упала на каменный пол. Переплет порвался — дрожь прошла по страницам, и они разлетелись по залу.

А потом Брин Омсфорд запела. Сила песни желаний безжалостно, резко ударила в книгу, круша ее черную мощь, обращая Идальч в бессильную пыль.

У края Круха, на утесе под Гранью мрака, Рон застыл в ужасе, а потом вдруг почувствовал — не увидел даже, а почувствовал,— как черные руки мордов отдернулись от меча Лиха, точно обжегшись о невидимый огонь, который был им неподвластен. Фигуры в черных плащах попятились, корчась и извиваясь, словно сгустки теней в сером свете подступающих сумерек. На мгновение стало невыносимо тихо, а затем голоса призрачных странников слились в один — пронзительный рев

боли и ужаса. По всей длине Круха морды вдруг забились в судорогах. Горец даже опешил: будто бы кто-то их тряс, как беспомощных кукол, набитых соломой.

— Рон! — закричала Кимбер, оттаскивая горца подальше от ближайшего странника, который вслепую метался по каменному уступу.

А потом вдруг из пальцев мордов и из густой тени капюшонов, где должны были быть их лица, сам собой вырвался алый огонь. Один за другим странники начали распадаться на части, словно разбитые глиняные изваяния, рассыпаясь по камням уступа и крошась в мелкую пыль. Через пару мгновений призраков-мордов не стало.

— Рон, что с ними случилось? — хрипло прошептала Кимбер. Ее потрясенный голос как будто завис в тишине.

Все еще крепко сжимая обими руками рукоять меча, горец поднялся на ноги. Он слегка потряс головой, приходя в себя. Густой дым клубился вокруг, смешиваясь с пылью, каменная крошка дождем сыпалась на землю. Точно призрак, из этой завесы возник Шепоточек, немного ободранный, но живой.

— Брин, — прошептал Рон, отвечая на вопрос Кимбер, быть может слегка невпопад. Сам себе не веря, он покачал головой. — Это Брин.

А потом он почувствовал, как скалы затряслись.

В полном изнеможении Брин смотрела на почерневшие камни пола: от былой силы Идальч осталась лишь серая пыль.

— Вот тебе, дитя Тьмы! — жестко прошептала она и поняла вдруг, что плачет.

Башня содрогнулась. Дрожь поднялась от земли и прошла по древним стенам. Эти мощные колебания словно скрутили башню — камень и дерево уже оседали, крошась. По стенам зала разбежались трещины. Брин резко вскинула голову, пыль и каменные осколки посыпались прямо в лицо.

— Джайр!.. — попыталась позвать она.

Но брат ускользал от нее, живая плоть растворялась во мгlistой дымке, вновь обращаясь в неосязаемый призрак. На лице Джайра застыло недоуменное выражение: он как будто пытался что-то сказать ей, но уже не мог. Еще на мгновение, не больше, задержался он в сумраке башни бледнеющей тенью, а потом пропал.

Потрясенная, Брин глядела ему вслед. Вокруг нее уже падали камни рушащейся башни — здесь больше нельзя было оставаться. Темной силе Идальч пришел конец, и все, что было создано ею, теперь умирало.

— Но я буду жить! — горячо прошептала Брин. И, поплотнее запахнув плащ, устремилась прочь из пустого зала.

Глава 46

Серебряный свет вспыхнул над водами Колодца небес — Слантер снова попятился. Мерцающее сияние разлилось во мраке пещеры струями белого огня — словно ослепительные лучи солнца, встающего на рассвете из бледнеющей ночи, — взорвалось снопом искр и пропало.

Когда Слантер, щурясь, вновь поглядел на каменную чашу колодца, у самого края воды стоял Джайр Омсфорд. Казалось, юноша сейчас упадет без сил.

— Мальчик! — воскликнул гном, бросаясь навстречу долинцу. В хриплом голосе гнома звучала тревога и облегчение.

Джайр, пошатнувшись, шагнул вперед, и гном подхватил его, не давая упасть.

— Я не смог ее вытащить, Слантер, — запинаясь на каждом слове, прошептал долинец. — Я пытался, но моей силы не хватило. Мне пришлось оставить ее там.

— Ты подожди, ладно, дух хотя бы переведи, — пробормотал Слантер. — Вот, сядь тут, у колодца.

Он усадил долинца так, чтобы тот опирался спиной о стену, а сам опустился на колени рядом с ним. Джайр поднял глаза.

— Я спустился в Мельморд, Слантер... ну или какая-то часть меня. В общем, я был там. Я использовал третий дар... короля Серебристой реки, чтобы помочь Брин. Эта сила... она окутала меня светом, а потом я словно бы вышел из себя. Как будто я был не один Джайр Омсфорд, как будто нас было двое: я и я. Кристалл показал мне, где Брин, и я спустился в черную яму и пришел туда, к ней. Она была в башне и держала в руках Идальч. Но эта книга ее изменила, Слантер. Она стала... чем-то... ужасным...

— Подожди, мальчик. Не торопись. — Слантер пристально поглядел на долинца. — Ну как, ты нашел способ помочь ей?

Джайр кивнул, тяжело сглотнув.

— Она изменилась, но я почему-то знал: если я смогу до нее добраться и прикоснуться к ней, а она ко мне, тогда все снова будет хорошо. Тогда она спасена. И я спел ей, показал, как много значит она для меня... как я люблю ее! — Юноша изо всех сил сдерживался, чтобы не заплакать. — И она уничтожила Идальч — обратила ее в пыль! А потом башня вдруг начала рушиться и что-то случилось с моей силой. Я не смог с ней остаться — с Брин. Я не смог забрать ее с собой. Я пытался, но все получилось так быстро. Я даже не смог ей сказать, что происходит! Она просто... пропала, а я снова оказался здесь...

Джайр уронил голову, подавляя рыдание. Слантер крепко сжал руками плечи юноши.

— Ты сделал все, что мог, мальчик. Все, что было в твоих силах. И не вини себя за то, что ты не смог сделать большего. — Гном покачал головой. — Черт, мне до сих пор непонятно, как ты сам-то остался жив после этого! Я уже думал, что эта магия сгубила тебя! Даже и не надеялся снова тебя увидеть! — А потом он вдруг порывисто прижал Джайра к себе и прошептал: — У тебя больше мужества, чем я думал, мальчик, гораздо больше!

Гном отодвинулся, сам немного смущенный своим порывом, бормоча что-то о том, что во всей этой неразберихе никто толком не знает, что делать. Он хотел что-то добавить, но вдруг скала содрогнулась — ужасный грохот сотряс гору до основания.

— А это еще что такое? — воскликнул гном, тревожно оглядываясь на темный проход, который привел их в эту пещеру.

— Это Мельморг, — тут же отозвался Джайр и поспешно вскочил на ноги. Боль запульсировала в раненом плече и пронзила все тело. Юноша привалился к стене и схватился за руку Слантера. — Слантер, нам нужно добраться до Брин. Она ведь совсем одна, там, внизу. Мы должны ей помочь.

Гном улыбнулся в ответ.

— Ну конечно же мы ей поможем, мальчик. Ты и я — мы ее вытащим. Сейчас мы пойдем в эту черную яму и найдем ее. Найдем обязательно! Давай положи свою руку мне на плечи и держись крепче.

Поддерживая долинца, гном направился через пещеру к лестнице, по которой они поднялись сюда. Уже смеркалось,

солнце опустилось за край горных хребтов. Теперь сумрак пещеры почти полностью поглощал лучи тусклого света, пробивающиеся сквозь трещины в камне. Друзья решительно шли вперед. Времени оставалось мало: скала тряслась от слабых, но непрекращающихся толчков, повсюду сыпались обломки камня, и пыльный туман завис в тихом воздухе пещеры. Глухой грохот слышался вдалеке, точно гром приближающейся грозы.

Наконец друзья выбрались из пещеры на выступ скалы, у которого начинался Крух. На востоке бледная луна и звезды уже виднелись на бархатном небе. Замысловато сплетенные тени лежали на серых камнях уступа, смыкаясь вокруг последних пятен тусклого света, точно чернильные кляксы, растекающиеся по чистой бумаге.

И посредине сплетения тени и света лежал Гарет Джакс.

Джайр и Слантер на мгновение замерли, потрясенные, а потом шагнули к нему. Мастер боя — израненный, весь в крови — лежал на камнях, так и сжимая в руке свой меч. Глаза его были закрыты, как будто он просто спал. Слантер нерешительно опустился на колени рядом с ним.

— Он... мертв? — прошептал Джайр, с трудом выдавив из себя это страшное слово.

Гном наклонился поближе к Мастеру боя, а потом медленно выпрямился и кивнул.

— Да, мальчик, он мертв. В конце концов он нашел то, что способно было убить его, с чем он сражался на равных. Или — с кем? А-а, не важно. — Голос гнома звучал как-то растерянно. — Ведь он хотел этого, он искал это так долго и так упорно, разве нет?

Джайр не ответил. Он теперь думал о том, сколько раз Мастер боя спасал ему жизнь, — там, где любой другой не смог бы ничего сделать, он спасал его. Гарет Джакс, его защитник.

Если бы юноша мог, он бы заплакал сейчас, только вот слез уже не осталось.

Слантер стоял точно в каком-то оцепенении, глядя на бездыханного Мастера боя.

— Я вот думал всегда: интересно, кто сможет одолеть его, — пробормотал гном. — Именно так я и предполагал: дрянь какая-нибудь, порождение черной магии. Ничто другое не могло

бы сразить его. Ничто из этого мира. — Он огляделся тревожно: — Интересно, а что стало с той красной гадостью?

По скале прошла дрожь, из долины поднялся грохот. Только Джайр, кажется, ничего не заметил.

— Он убил ее, Слантер, ту тварь. Гарет Джакс убил ее. А когда Идальч не стало, черная сила забрала ее тело.

— Да, возможно, так оно и было.

— Именно так и было. Эта битва... Всю свою жизнь он стремился к ней. Для него это значило все. Он просто не мог проиграть эту битву.

Гном пристально поглядел на долинца.

— Ты, мальчик, не можешь знать наверняка. Ты ведь даже не знаешь, что это была за тварь. Быть может, намного сильнее его.

Джайр посмотрел гному в глаза.

— Нет, Слантер, я знаю. Знаю. Нет никого сильнее его. Он был лучшим.

Нависла долгая тишина. Наконец Слантер кивнул.

— Да, он был лучшим.

Снова гора содрогнулась, теперь колебания шли изнутри, из самого сердца скалы. Слантер схватил Джайра за руку и потащил его за собой.

— Нам больше нельзя оставаться тут, мальчик. Нам еще надо найти твою сестру.

В последний раз Джайр оглянулся на недвижимого Мастера боя.

— Прощай, Гарет Джакс, — прошептал он.

Они с гномом рванулись к Круху и со всех ног понеслись по каменной лестнице вниз.

Брин бежала сквозь дебри Мельморда, сквозь сплетение ветвей и клубы тумана. Долина сотрясалась. Крупная дрожь, точно рябь по воде, поднималась по скалам до самых вершин. Черной силы больше нет, а без нее нет и Мельморда, ее темного детища. Колдовской лес должен погибнуть. Теперь уже он не колыхался в мерном ритме дыхания, шипение стихло — чудовищная, неестественная жизнь замерла, словно предчувствуя близкий конец.

«Где я? — Брин тревожно оглядывала сгустки теней и туман. — Где я? И где Крух?»

Она уже поняла, что безнадежно заблудилась. Она поняла это сразу, как только вышла из башни. Ночь уже опустилась в долину, дебри леса сплошной стеной окружали поляну. Брин пошла наугад, надеясь, что выбрала все-таки правильное направление. Сквозь паутину ветвей и выющихся стеблей она различала вершины гор, окружающих яму долины, но изгиб Круха скрывался во тьме — тоненькая полоска на темных камнях. Мельморд вдруг обратился в не имеющий выхода лабиринт, и она оказалась в ловушке.

Силы были уже на исходе: напряжение от долгого пения, мощные токи магической силы, дорога в эту яму измотали Брин. А теперь она еще заблудилась, и песнь больше не вела ее, указывая дорогу. Вокруг, точно корчась в агонии, содрогалась долина — предвестие близящегося конца Мельморда и всего, что окажется в нем. И в этом отчаянном положении только нестигаемая воля Брин не давала ей остановиться, заставляя идти вперед и искать путь к спасению.

Земля затряслась и раздалась под ногами с пугающей внезапностью. Брин споткнулась и едва не упала. Буквально на глазах Мельморд распадался на части. Трещины разбежались по дну долины — все рушилось и крошилось. Брин хорошо понимала: очень скоро эта волна уничтожения захватит и ее.

Девушка резко остановилась, пытаясь отдышаться. Уже бесполезно куда-то бежать. Что толку вслепую метаться по темному лесу? Теперь даже сила песни желаний — решишь Брин призвать ее — не спасет. Почему Джайр ушел? Почему бросил ее? Безысходное отчаяние вдруг охватило Брин. И неудержимый гнев. И еще то жуткое ощущение, когда тебя предают, — резкое, точно удар. Но девушка тут же подавила в себе эти мрачные чувства, ведь она понимала, что они бессмысленны и несправедливы. Джайр ни за что бы не бросил ее, будь у него хоть какой-то выбор. Какая бы сила ни привела его к ней, она забрала его назад. И брат ничего не мог с этим поделать.

Или, быть может — вдруг пришло ей в голову, — Джайра и не было вовсе. А то, что сама она видела и ощущала, было всего лишь бредовым видением, ожившей фантазией, отголоском ее, Брин, безумия...

— Джайр! — закричала она.

Эхо ее отчаянного крика разбилось о грохот, идущий из-под земли, и замерло. Почва под ногами просела.словно в

каком-то оцепенении, Брин шагнула вперед. Она уже не бежала: не было сил бежать. Решимость зажглась огнем в воспаленных глазах. Брин больше не думала ни о чем — лишь о том, что нужно идти вперед: еще один шаг, еще, еще... Нет, она не уступит. Она будет идти вперед. А когда уже не сможет идти, она поползет. Но не остановится. Никогда.

И вдруг что-то метнулось навстречу Брин — размытой призрачной тенью из мрака сплетенного леса. Девушка закричала в испуге. Громадная усатая морда потерлась о бок Брин, синие глазищи сверкнули, безмолвно приветствуя ее. Шепоточек! Брин вдруг разрыдалась и, упав на колени, обняла обеими руками мохнатую шею кота. Шепоточек пришел за ней!

Болотный кот повернулся и тут же направился обратно, увлекая Брин за собой. Девушка крепко вцепилась одной рукой в шерсть на шее зверя и, спотыкаясь, пошла рядом с ним. Они скользили по лабиринту умирающего леса; все вокруг дрожало и громыхало, земля тряслась под ногами, гнилые ветви с треском ломались и падали вниз. Влажный вонючий пар поднимался из трещин в земле. Камни и целые валуны срывались с утесов, обступающих долину, и с жутким грохотом обрушивались в темноту.

А потом, словно материализовавшись из мрака, прямо перед глазами возник Крух — крутые изгибы каменной лестницы, поднимающейся из долины в ночь. Кот вспрыгнул на вышербленные ступени, Брин — следом за ним. Почти на ощупь девушка поднималась вверх, с трудом удерживая равновесие. Крупная дрожь сотрясала Крух, толчки следовали один за другим, и сила их все нарастала. Брин пошатнулась и упала на колени. Прямо под ней ступени растрескались, целый виток каменной лестницы — пока еще медленно — сползал вниз, в черную яму, разваливаясь на части.

«Не теперь! — беззвучно закричала Брин. — Не теперь! Я сейчас поднимусь, и тогда падай! Но, пожалуйста, не теперь!»

Тревожный рев Шепоточка перекрыл даже грохот и скрежет камней. Из последних сил Брин рванулась вперед, вслед за котом. В долине валились деревья, крошась в труху. Солнце скользнуло за горизонт — тьма опустилась на землю, поглощая последний свет серых сумерек.

Брин и сама не помнила, как добралась до скалистого выступа. Какие-то темные фигуры обступили ее, подхватили, от-

тащили прочь от рушащейся лестницы и черной пропасти под нею. Брин закричала, а потом вдруг поняла, что это Кимбер обнимает ее и целует, милое личико девушки светится искренним счастьем, а в глазах дрожат слезы. Коглин что-то бормочет себе под нос, вытирая ей щеки перепачканной тряпкой. Был тут и Рон: изможденное, осунувшееся лицо горца все в синяках и ссадинах, но серые глаза лучатся любовью и радостью. Шепча ее имя, Рон прижал к себе Брин и долго держал ее так. Только тогда Брин наконец поняла, что она спасена.

Через несколько мгновений на выступ вылетели Джайр со Слантером, запыхавшиеся от стремительного бега вниз по Круху. После того как затихли возгласы изумления и радости, Брин и Джайр обнялись. Крепко-крепко, как тогда, в башне Идальч.

— Это ты приходил за мной в Мельморд. Это был ты, — шептала Брин, глядя брата по голове и улыбаясь сквозь слезы. — Ты спас меня, Джайр.

Джайр еще крепче прижал к себе Брин, пряча лицо, чтобы скрыть смущение. Рон подошел и обнял их обоих.

— Черт тебя побери, Тигра, ты сейчас должен быть в Доле! Ты когда-нибудь будешь слушаться старших? Хоть бы раз сделал то, что тебе говорят.

Слантер осторожно попятился, обводя подозрительным взглядом их всех: тех троих, что обнимали и целовали друг друга, не замечая ничего вокруг; длинного тощего старика; девушку в костюме охотника и здоровенного болотного кота, растянувшегося на камнях рядом с ними.

— Занятое сборище, — пробормотал он себе под нос.

Оглушительный грохот поднялся из долины, прокатился по скалам, подобно зловещему грому, Крух содрогнулся и, разлетевшись на части, обрушился в черную яму. Все, кто был сейчас на уступе, бросились к краю площадки и устали вниз, во мрак. Лишь сияние луны и звезд чуть рассеивало тьму. А внизу, в яме Мельморда, колыхались тени — лес как будто подернулся рябью и погружался под землю, точно под воду или вzybучий песок. Все крошилось, рассыпаясь в пыль: и твердая почва, и камень, и умирающие деревья. Тени стужались, как бы стягиваясь в плотный ступок тьмы, вбирая в себя лунный свет. И вот не осталось уже ничего — только яма черной пустоты.

Мельморд исчез. Навсегда.

Яркий свет солнца лился теплым потоком с чистого неба, оживляя осенние краски земли. В лесном краю у подножия Вольфсктаага выдался ясный погожий денек. Было свежо и прохладно. Утром слегка подморозило, иней еще не растаял и лежал разводами белых мерцающих искорок на высокой траве и на заросших пушистым мхом скалах, что тянулись вдоль берегов Гремящего потока.

Брин остановилась у самого края пенящейся воды, пытаясь собраться с мыслями.

С той поры, как они покинули Вороний срез, прошла уже неделя. Как только не стало Идальч и темная сила снова канула в небытие, а вместе с ней и все ее жуткие порождения, гномы-охотники тут же поспешили уйти из Грани мрака к своим племенам на холмах и в лесах дальнего Анара, откуда морды забрали их. Брин, Джайр и их друзья остались одни в опустевшей, разрушающейся крепости. Они разыскали тела каллахорнца Хельта, карлика Эльба Форкера и эльфийского принца Эдайна Элесседила и с подобающими почестями похоронили их. Лишь Гарет Джакс так и остался непогребенным — Крух обвалился, до Колодца небес было уже не добраться. Но может быть, это и правильно, серьезно заметил Джайр, пусть Мастер боя покоится там, куда не поднимется больше ни один смертный. В жизни никто не смог подняться до Гарета Джакса, пусть же так будет и в смерти.

В ту ночь они разбили лагерь в лесу к югу от Грани мрака. Тогда-то Брин и рассказала своим друзьям о том обещании, которое она дала Алланону: когда все закончится и Идальч будет уничтожена, она, Брин, вернется к друиду. Теперь пришло время найти его. В последний раз. Были еще вопросы, требующие ответа, и не разгаданные пока тайны. Брин должна все узнать до конца.

Все они пошли с ней: Джайр, Рон, Кимбер, Коглин, Шепочек. Даже Слантер. Они спустились с Вороньего среза, потом обогнули горы с юга, вдоль серого края Старой пустоши, вновь перешли Взбитый хребет, миновали дремучие леса Темного предела и долину Каменного очага, а дальше уже шли на запад, следуя изгибам Гремящего потока, до того самого овра-

га, где Алланон сражался с Джахиром в своей последней битве. Все путешествие заняло ровно неделю, и вечером седьмого дня пути они разбили лагерь на краю оврага.

И вот теперь Брин стояла здесь, у самой воды, и растерянно глядела на бурлящую реку. Она пошла одна, друзья остались ждать в овраге. Брин с самого начала решила, что пойдет одна, она чувствовала: так будет правильно. И никто не стал спорить.

«Вот только как мне позвать его? — Брин не знала. — Может быть, нужно спеть? Обратиться к песни желаний, чтобы дать ему знать, что я здесь? Или он сам придет? Даже без зова почувствует, что я жду...»

Словно в ответ на невысказанные вопросы, Гремящий поток вдруг застыл, течение остановилось и поверхность воды стала гладкой, будто стекло. Лес тоже замер. Даже рев водопада вдали растворился в глухой тишине. А потом по воде прошла рябь — река вспенилась и забурлила, и чистый, мелодичный крик разлился в прохладном воздухе. Крик, похожий на плач. Но не горестный, нет.

Из вспененных вод Гремящего потока поднялась фигура в черном плаще. Алланон. Он пошел к Брин, скользя над поверхностью вновь застывшей воды. Лицо в тени капюшона было суровым и властным, взгляд — строгим и пронизательным, как всегда. Он ничем не походил на дух Бремена: тело его было совсем не призрачным — оно казалось обычным человеческим телом. И ни клубящегося тумана, ни серого савана смерти, что окутывали дух угрюмого старика. Нет, Алланон — он как будто живой, вдруг подумала Брин, как будто он и не умирал.

Друид подступил совсем близко и остановился, зависнув в воздухе над водой.

— Алланон, — прошептала она.

— Я ждал тебя, Брин Омсфорд.

Брин пригляделась: теперь она увидела, как сквозь темный плащ просвечивают мерцающие воды реки, и только тогда осознала, что он все-таки мертвый — действительно мертвый, — а перед ней стоит лишь его тень.

— Я все сделала, Алланон. — Брин поняла вдруг, что ей почему-то трудно говорить. — Идальч больше нет. Она уничтожена.

Друид склонил голову.

— Уничтожена силой эльфийской магии, воплощенной в песни-заклятии. Но и еще одной силой, девочка, — силой, превосходящей магическую: любовью, Брин. Любовью твоего брата. Он так сильно любит тебя, что не мог потерпеть неудачу, хотя и пришел слишком поздно.

— Да, Алланон, и любовью.

— Та, кто спасает и разрушает. — Черные глаза сощурились. — Теперь ты знаешь, как это бывает: ты испытала и то и другое — сила магии дала тебе эту власть, и ты сама убедилась, как развращает обладание подобной силой. Так велик соблазн, и так трудно устоять. Вот от чего я предостерегал тебя, но одного предостережения оказалось недостаточно. Я должен был больше тебе доверять. Я сильно подвел тебя.

Брин замотала головой.

— Нет, это вовсе не ты подвел меня. Это я сама себя подвела.

Друид поднял руку (до этого он прятал руки в складках плаща), и Брин увидела, что рука почти прозрачная.

— У меня мало времени, так что слушай внимательно, Брин Омсфорд. Я действительно многого не понимал в черной магии. Угрюм-из-Озера сказал тебе правду: я заблуждался и ошибался. Я знал, и отец предупредил меня, что сила заклęcia — это и проклятие, и благословение, а тот, кто несет в себе эту силу, может стать и спасителем, и разрушителем — как выйдет. Но ты, Брин, ты всегда была доброй и благоразумной. Я думал, этого достаточно. Я думал, пока ты такая, особой опасности нет.

Я так и не смог постичь истину об Идальч. Я не смог вовремя понять, что опасность, исходящая от магии, выходит далеко за пределы собственной силы тех, кто владеет темным колдовством. Потому что главной и настоящей опасностью всегда была книга — книга, разрушающая всех, кто приходил за ее волшебством. Всегда. Со времен Повелителя чародеев и до этих дней, когда Идальч опять породила чудовищ — мордов, черных странников. Все они были рабами Идальч, ибо Идальч отнюдь не простое собрание записей темных секретов, неодушевленный предмет, пергаментные листы и обложка из кожи. Она была живой — живым злом. И всех, желающих овладеть ее силой,

завлекала она соблазном могущества и подчиняла себе. — Алланон подался вперед, его черный плащ пронзали лучики солнечного света, словно плащ прохудился. — Она ждала, что ты придешь к ней. Но сначала ей надо было тебя испытать. И вот, каждый раз, когда ты призывала силу заклятия, ты все больше и больше поддавалась соблазну силы.

Да, ты понимала: что-то не так, дальше так продолжаться не может, — но сила сама вынуждала тебя призывать ее снова и снова. И меня не было рядом, чтобы сказать тебе, что происходит. И к тому времени, как ты вошла в Мельморд, ты стала уже другой — темным существом, подобным тем, кто служил Идальч, — и ты верила: так и должно быть. Книга заставила тебя поверить. Ей нужно было тебя покорить и использовать в своих черных целях. Даже призраки-морды не могли бы сравниться по силе с тобой, ибо ты родилась уже с магическим даром, а они — нет. В тебе Идальч обрела бы оружие более мощное, чем то, которым она владела раньше. Служили ей многие, но даже Повелитель чародеев не обладал такой силой, какая есть у тебя.

Да, Брин уже поняла, но и теперь не могла поверить до конца.

— Значит, она говорила правду, когда сказала, что ждала меня, что между нами существует связь...

— Искажение правды — двойной обман, — предостерег Алланон. — Ты приблизилась тогда к самому порогу: еще шаг — и ты стала бы тем, во что хотела обратить тебя Идальч. Вот тогда вашу связь было б уже не разорвать. Ты и так ведь едва не слилась с ней — она почти убедила тебя, что ты дитя Тьмы. Тьмы своих страхов.

— Но ведь и песнь желаний могла бы меня обратить именно в это...

— Песнь желаний могла бы тебя обратить во что угодно. Брин поколебалась.

— И теперь еще может?

— И теперь. Всегда.

Алланон подступил совсем близко, и на мгновение Брин показалось, что вот сейчас он обнимет ее и заберет с собой. Но он только поднял глаза и смотрел куда-то вдаль, мимо нее.

— Моя смерть была предсказана в Сланцевой долине. Пришел и мой срок уйти с земли. И теперь, когда не стало Идальч,

черная магия должна покинуть мир. Все проходит. Колесо времени совершило полный круг — век кончается. Отец мой свободен. Теперь он обрел покой, в котором ему так долго было отказано. Он больше не связан своей клятвой народам Четырех земель. — Друид снова смотрел на Брин. — Вот и я тоже сейчас уйду. И после меня уже не будет друидов. Но истина, сохраненная ими, принадлежит тебе, Брин Омсфорд. И останется с тобой.

— Алланон... — прошептала она, качая головой.

— Слушай меня, девочка. Все уже сделано: кровь моя обогрела твое чело, и слова были произнесены. Я передал тебе истину, что когда-то была моей, а еще раньше — моего отца, и теперь ты хранишь ее. Но не бойся. С тобой ничего плохого не случится. Последняя магическая сила, оставшаяся еще в этом мире, — она в тебе и в твоём брате, в крови вашего рода. Там она и пребудет, хранимая и защищенная. Грядет новый век, в нем не будет места для волшебства. Иное учение поведет народы. И так будет правильно. Справедливо.

Но знай: придет время — не скоро еще, очень не скоро, не одно поколение успеет смениться, — но время придет, и вновь возникнет нужда в магии. Колесо времени вновь совершит полный круг. И вот тогда истина, которую я доверил тебе, станет опять нужна миру; и наследников рода Шаннары вновь призовут, чтобы открыть ее и передать потомкам. Для мира, который еще только будет, ты, Брин Омсфорд, сохранишь эту истину.

— Но, Алланон, я не хочу...

Друид вскинул руку, призывая к молчанию.

— Все уже свершилось, Брин Омсфорд. Так же, как мой отец выбрал меня, я выбрал тебя — мою наследницу.

Она смотрела на него в молчаливом отчаянии.

— Только не бойся, — прошептал друид.

Брин беспомощно кивнула.

— Я попробую.

А Алланон уже отступал прочь. Его темная фигура, казалось, растворялась в свете солнца, который теперь свободно лился сквозь его призракное тело.

— Не призывай больше свою магическую силу, Брин. Теперь это не нужно. Прощай, девочка. Мир тебе.

— Алланон!

Он скользил над поверхностью вод, и вода пенилась и бурлила под ним.

— Вспоминай меня, — донесся тихий шепот друида.

А потом он опустил ся сквозь серебристую воду в темную глубину и исчез. Гремящий поток вновь катил свои бурные воды.

Брин застыла на берегу, глядя на вспененную реку. Слезы дрожали в ее глазах.

— Я тебя никогда не забуду, — прошептала она. И, резко отвернувшись, пошла прочь.

Глава 48

Магия исчезла из Четырех земель, а рассказы о друидах и Параноре стали легендой. Эта легенда будет жить в веках: сначала многие будут верить, что друиды были такие же смертные, из плоти и крови, — мудрые люди, хранители знания, защитники народов. Но кое-кто начнет сомневаться, а было ли это на самом деле? Магия, страшные битвы сил Тьмы и Света, добрых и злых колдунов? Или это всего лишь волшебная сказка? Их будет все меньше и меньше — тех, кто верит. Пройдут годы, века, и в конце концов не останется никого. Но все это еще впереди...

В то утро, когда Алланон уже навсегда ушел из мира смертных, друзья распрощались друг с другом. Действительно, пришло время сказать «до свидания» и разойтись по домам.

— Я буду скучать по тебе, Брин Омсфорд, — серьезно проговорила Кимбер, обнимая Брин. Лицо девушки было печальным. — И деда тоже будет скучать, правда, деда?

Коглин смущенно зашаркал ногой и кивнул, не глядя на Брин.

— Так, иногда, — грубовато пробормотал он. — Ну и смотря по чему. Были и страх, и боль — вот по ним-то я точно не стану скучать. Но у нас все же вышло замечательное приключение, девочка. Благодаря тебе. Так что, конечно, я буду скучать. Гномы-пауки, черные странники, ну и вообще. Почти как в прежние времена...

Внезапно он замолчал, и Брин улыбнулась.

— Я тоже буду без вас скучать. Без вас обоих. И без Шепоточка. Я всем вам обязана жизнью, и коту — тоже. Не приходи он тогда за мной в Мельморд...

— Шепоточек всегда чувствует, когда он нужен, — уверенно сказала Кимбер. — Он бы никогда не ослушался твоего наказа, не почувствуй он, что так нужно. Мне кажется, между вами возникла какая-то связь — и не только из-за твоей волшебной песни.

— Но все равно вы больше так не заваливайтесь, не спросив у меня разрешения, — внезапно встрял Коглин. — Либо спросите сначала, либо дождитесь, пока я сам вас приглашу. Нельзя так просто врывать к людям в дом, когда не зовут!

— Деда! — вздохнула Кимбер.

— Ты придешь навестить меня? — спросила ее Брин.

Девушка улыбнулась и поглядела на дедушку.

— Попозже, наверное. Я пока хочу побыть с дедой и Шепоточком у Каменного очага. Я так долго не была дома. Я соскучилась.

Брин подошла к Кимбер и крепко обняла ее.

— Я тоже соскучилась, Кимбер, и я очень хочу домой. Но когда-нибудь мы обязательно встретимся. Обязательно.

— Ты всегда будешь моей лучшей подругой, Брин. — Кимбер уткнулась лицом ей в плечо, чтобы скрыть слезы.

— А ты — моей, — прошептала Брин. — До свидания, Кимбер. И спасибо тебе.

Рон тоже сердечно попрощался с Кимбер и подошел к Шепоточку. Громадный кот сидел неподвижно и с любопытством смотрел на горца, лениво моргая синими глазищами.

— Я был не прав, когда ругал тебя, кот, — нехотя пробормотал Рон и смутился. — Тебе, наверное, все равно, но для меня это кое-что значит. Ты спас Брин жизнь. И мне тоже. — Он постоял, глядя на кота, а потом смущенно повернулся к остальным. — Я обещал себе сказать ему это, если он вытащит Брин из Мельморда, но я все равно себя чувствую полным идиотом. Стою тут дурак дураком, говорю с ним, как... черт возьми...

Он так и не договорил. Шепоточек сонно зевнул, показав все свои зубы.

Джайр тоже чувствовал себя полным идиотом. Он молча глядел на Слантера, безуспешно пытаясь подобрать подходящие слова, способные выразить чувства, которые вдруг нахлынули на него.

— Да ладно, мальчик, — почти сердито пробормотал гном. — Особенно-то не тужься. Просто скажи «до свидания». И все. Чего проще?

Джайр упрямо покачал головой.

— Я так не могу, Слантер. Этого недостаточно. Ты и я — так или иначе, мы ведь с самого начала были вместе, с того самого времени, как я поймал тебя на трюке со змеями и запер в том погребе.

— Не напоминай, пожалуйста! — прорычал гном.

— Только мы с тобой и остались, Слантер.— Долинец прижал руки к груди, словно бы умоляя выслушать его до конца. Он все-таки хотел объяснить, что творилось у него в душе.— Мы ведь прошли весь этот путь, ты, и я, и остальные... Но они все погибли, остались лишь мы с тобой.— Юноша покачал головой.— Столько всего случилось... я не могу отделаться простым «до свидания».

Слантер вздохнул.

— Такое впечатление, мальчик, что мы уже никогда не увидимся. Или ты думаешь, что я тоже отдам концы? Нет, ну ты подумай хорошенько! Я в состоянии за себя постоять — ты ведь сам так однажды сказал, помнишь? Ничего со мной не случится. И клянусь месяцем темных ночей в черной яме, с тобой тоже ничего не случится! Слишком уж ловкий!

Джайр невольно улыбнулся.

— Ну, в твоих устах, Слантер, это звучит как самая лучшая похвала.— Он глубоко вздохнул.— Слантер, пойдем со мной. В Кулхейвен. И ты расскажешь им обо всем, что случилось. Это должен сделать ты.

— Нет, мальчик.— Гном медленно покачал головой.— Больше я туда не вернусь. Гномы не самые желанные гости в Нижнем Анаре, по каким бы причинам они ни пришли. И так будет еще много лет. Нет, я теперь — в пограничные земли. Пока что туда.

Джайр кивнул. Нависла неловкая тишина.

— Ну, тогда, до свидания, Слантер. До следующего раза. Он шагнул вперед и обнял гнома. Тот мгновение колебался, потом грубовато хлопнул юношу по плечам:

— Ну вот, мальчик, видишь — это не так уж и сложно.

Но они еще долго стояли так, обнявшись.

Через неделю, а может, чуть позже, Брин, Джайр и Рон Лих добрались наконец до Тенистого Дола. День уже близился к вечеру, солнце опустилось за холмы, вечерние тени и полу-

мрак окутали лес. В высокой траве шуршали опавшие листья; звуки голосов далеко разносились в тихом воздухе. Брин, Джайр и Рон направились прямо к дому Омсфордов.

В окнах уже горел свет.

— Брин, ну и как мы все это объясним родителям? — наверное, в сотый раз спросил Джайр.

Они прошли через сливовый сад — деревья стояли уже почти голые, — как вдруг дверь широко распахнулась и на крыльцо выбежала Эретрия.

— Вил, они вернулись! — позвала она мужа, бросаясь вперед, чтобы обнять детей и Рона Лиха.

Через мгновение появился и Вил Омсфорд. Он поцеловал дочь и сына и сердечно пожал Рону руку.

— Ты выглядишь усталой, Брин, — заметил Вил. — Вы что там, в Лихе, вообще не спали?

Брин и Джайр быстро переглянулись. Рон едва заметно улыбнулся и усталился себе под ноги.

— Как ваша поездка на юг, папа? — Джайр поспешил сменить тему.

— Мы помогли многим людям, так что поездка оказалась удачной. — Вил Омсфорд испытующе посмотрел на сына. — Было много работы, и мы задержались чуть дольше, чем предполагали. А то пришли бы за вами в Лих. Мы сами вернулись только вчера вечером.

Брин и Джайр снова переглянулись, и на этот раз Вил заметил их смущение.

— Может, кто-нибудь все-таки скажет, что это был за старик, которого вы к нам послали?

Брин непонимающе уставилась на отца.

— Какой старик?

— Тот старик, который принес нам послание, Брин.

Джайр нахмурился.

— Что за послание?

В глазах Эретрии промелькнуло недовольное выражение.

— Этот старик нашел нас в деревне к югу от Кайпры. Он был из Лиха. Принес послание от вас: что вы все отправились погостить на плоскогорье, что пару недель вас не будет и чтобы мы с папой не волновались. Мы еще удивились, что такой старый человек служит гонцом у отца Рона, но...

— Брин! — прошептал Джайр, широко раскрывая глаза.

— Что-то в нем было такое знакомое, — пробормотал вдруг Вил. — Мне почему-то кажется, я его должен знать.

— Брин, но я не посылал никакого... — начал было Джайр и резко замолчал, почувствовав, что все смотрят на него. — Подождите... я сейчас... только никуда не уходите... — запинаясь, зачистил Джайр и, взлетев на крыльцо, скрылся в доме.

Стремительно вбежав в кухню, он бросился прямо к камину. В углу, образованном выступом камина и стеной, камень был выложен узкими полочками. Вот она, третья полка. Джайр отодвинул незакрепленный камень и запустил руку внутрь.

Пальцы коснулись кожаного кошель. Эльфийские камни были на месте!

Джайр на мгновение пораженно застыл, а потом схватил кошель с камнями и побежал обратно на улицу. Улыбаясь, он показал кошель и его содержимое изумленным Брин и Рону.

Все пятеро долго молчали, глядя друг на друга. Наконец Брин взяла родителей за руки:

— Мама. Папа. Пойдемте-ка в дом, усядемся поудобнее. — Она улыбнулась. — Нам с Джайром надо вам кое-что рассказать.

Содержание

ЭЛЬФИЙСКИЕ КАМНИ ШАННАРЫ <i>(Перевод Т. Покидаевой)</i>	7
ПЕСНЬ ШАННАРЫ <i>(Перевод Т. Покидаевой)</i>	465

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Терри Брукс

ЭЛЬФИЙСКИЕ КАМНИ ШАННАРЫ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Редактор *О. Радько*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *Н. Князева, Н. Тюрина*
Иллюстрация на переплете *Luis Royo*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 02.06.2010. Формат 84x108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,4.

Тираж 3 500 экз. Заказ № 8488

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-44772-5

9 785699 447725 >

БРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф

Терри
БРУКС

Terry Brooks

ISBN 978-5-699-44772-5

9 785699 447725 >

БРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф